ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ПРАВДА РУССКАЯ

II

КОММЕНТАРИИ

СОСТАВИЛИ
Б. В. АЛЕКСАНДРОВ, В. Г. ГЕЙМАН, Г. Е. КОЧИН,
Н. Ф. ЛАВРОВ и Б. А. РОМАНОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1947 · ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИИ

КРАТКАЯ ПРАВДА

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА

УКАЗАТЕЛИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список принятых сокращений

[А] — Академическое издание Правды Русской (т. I наст. изд.)
А II — Археографический II список
Ак. сп. — Академический список
Арх. сп. — Археографический список
Арх. — Археографический список
АЭ — Акты Археографической экспедиции
АЮ — Акты юридические
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
Др. Пр. — Древнейшая Правда
Ж. М. Н. Пр. — Журнал министерства народного просвещения
Ж. М. Ю. — Журнал Министерства юстиции
Ипат. — Ипатьевская летопись
К. — Карамзинский список
Кар. сп. — Карамзинский список
Кр. Пр. — Краткая Правда
К. У. И. — Киевские университетские известия
Лавр. — Лаврентьевская летопись
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
М — Мясниковский список
Mon. Germ. — Monumenta Germaniae
МП — Пушкинский список
Новг. I — Новгородская I летопись
НС — Новгородско-софийский список
Пр. — Правда
Пр. Пр. — Пространная Правда
Пс. — Псалмы
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РЛ — Рогожский I список
РМ — Розенкампфовский список
С — Синодальный список
С. Г. Гр. и Д. — Собрание государственных грамот и договоров
СМ III — Соловецкий III список
Соф. врем. — Софийский временник
Т — Троицкий I список
Тр. сп. — Троицкий I список
Уч. пос. — Правда Русская. Учебное пособие. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.
Чтения — Чтения общества истории и древностей российских при Московском университете.

ОТ РЕДАКЦИИ

С тех пор как появилась в научном обиходе Правда Русская, и до настоящего времени не прекращаются попытки понять этот замечательный памятник. Уходили поколения ученых, их сменяли новые; каждое из них по-своему подходило к изучению и разъяснению текста этого древнейшего законодательного памятника Руси.

Сейчас Академия Наук СССР делает первый опыт выявления того, что в течение 200 с лишком лет создано мыслью ученых о Правде Русской. Итоги этого опыта дают — по необходимости в сжатой форме — ясное представление о значительном развитии русской исторической науки в этой области.

Перед читателем этой книги последовательно проходят как давно уже устаревшие мнения ученых, так и мысли классиков марксизма и, наконец, соображения современных нам советских историков. Тут можно проследить все главнейшие направления русской историографии: о Правде Русской высказывались и старые норманисты (Карамзин, Погодин и др.) и антинорманисты (Иванишев, Лешков и др.), сторонники скептической школы (Каченовский), славянофилы (Аксаков, Хомяков, Беляев и др.) и западники (Кавелин, Соловьев), представители историко-юридической школы (Эверс, Калачев, Чичерин, Сергеевич, Владимирский-Буданов, Дьяконов, Максимейко, Мрочек-Дроздовский, Павлов-Сильванский и др.), экономического материализма (Ключевский, Рожков, Покровский) и, наконец, историки-марксисты (Греков, Кочин, Пичета, Романов, Рубинштейн, Струмилин, Тихомиров, Юшков). Высказывались не только историки, но и палеографы (Любимов) и лингвисты (Карский, Обнорский, Соболевский, Шахматов и др.).

Цель этого опыта — помочь современному исследователю ориентироваться по возможности полно во всей обширной и трудно доступной литературе, связанной с изучением Правды.

Предлагаемые постатейные историографические комментарии к Правде Русской составлены авторским коллективом сотрудников Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР в составе В. Г. Геймана, Г. Е. Кочина, Б. А. Романова и (скончавшихся во время блокады

Ленинграда 1941/42 г.) Б. В. Александрова и Н. Ф. Лаврова — под редакцией Б. Д. Грекова.

Б. В. Александров комментировал статьи: Кр. Пр. 14—16, 18; Пр. Пр. 18, 20—22, 32—39, 47—55, 77, 85—87.

В. Г. Гейман: Кр. Пр. 12—13, 28, 31—32, 34—37, 39—40; Пр. Пр. 41—45, 69—73, 75—76, 79—84.

Г. Е. Кочин: Кр. Пр. 29, 38, 41—43; Пр. Пр. 9—10, 19, 40, 46, 74, 90—109.

Б. А. Романов: Кр. Пр. 1—11, 17, Заголовок Правды Ярославичей, 19—27, 30, 33; Пр. Пр. 1—8, 11—17, 23—31, 56—68, 78, 88—89, 110—121.

Ближайшее участие в настоящей работе принимал Н. Ф. Лавров, которому принадлежит первичная редакция настоящего тома. Б. А. Романов сменил Н. Ф. Лаврова на этом посту и довел работу до конца.

В предлагаемом труде использована русская литература. Исключение сделано для Гетца, автора большого специального труда о Правде Русской, для Мацейовского, посвятившего свою 6-томную работу обзору истории славянского права, и для Раковецкого, известного комментатора и переводчика Правды на польский язык. Извлечения для настоящих комментариев из работ названных двух польских ученых сделаны Л. В. Разумовской.

Как правило, составители комментариев приводят (в хронологической последовательности) толкования авторов XVIII—XX вв. к Правде Русской, опубликованные типографским путем. Лишь в виде исключения составители приводят и свои поправки, цитаты из источников, не имевшиеся до сих пор в виду в литературе предмета, и свои объяснения, по случайным причинам еще не опубликованные к моменту выхода в свет настоящего тома. В таких случаях авторство составителей отмечено сокращенно — инициалами, взятыми в квадратные скобки: Б. В. Александров [*Б. А.*], В. Г. Гейман [*В. Г.*], Г. Е. Кочин — [*Г. К.*], Н. Ф. Лавров [*Н. Л.*], Б. А. Романов [*Б. Р.*].

В квадратные скобки в тексте комментариев заключены вставки составителя в цитату данного автора; в квадратные же скобки заключены (в кавычках) вставки слов того же автора, взятых не из цитируемой фразы.

Комментариям предпосылаются переводы соответствующей статьи: для Краткой Правды — немецкий перевод Ewers'а (Das älteste Recht der Russen...1826), русский — Ив. Платонова (в русском переводе того же труда Эверса, СПб., 1835), немецкий — Goetz'а (Das russische Recht, B. I, 1910; B. II, 1911), русский — Б. Б. Кафенгауза (М. Н. Тихомиров. Книга для чтения по истории СССР, ч. I. М., 1941, стр. 48 сл.); для Пространной Правды — русский перевод из издания Ив. Болтина (Правда Русская или законы великих князей Ярослава... СПб., 1792), польский перевод Rakowieckiego (Prawda Ruska, I—II, 1820—1822), немецкий — Ewers'а (см. выше), русский — Ив. Платонова (см. выше), русский — из сборника статей под редакцией В. Н. Сторожева „Киевская Русь“, (М.,

1910), и немецкий — Goetz'а (см. выше, В. III, 1912). Перевод, приводимый у М. П. Погодина в „Древней русской истории", т. II, взят им дословно у Ив. Платонова, за редчайшими исключениями, каждый раз отмечаемыми в настоящем издании в примечаниях под строкой. Сокращенные обозначения перечисленных выше переводов: (Б.), (Ew.), (G.), (К.), (Пл.), (R.), (Ст.).[1]

Перед переводами всюду приводится (курсивом) текст комментируемой статьи: Краткая Правда печатается по списку Академическому (с необходимыми вариантами из списка Археографического); Пространная — по списку Троицкому I (с необходимыми вариантами из других списков, обозначаемых шифрами, принятыми в I томе настоящего издания — в „Перечне списков Правды Русской", с. 55—59).

Составители комментариев придерживались нумерации статей Правды Русской, принятой в т. I настоящего академического издания.[2] Иные нумерации, встречающиеся у цитируемых авторов, бо́льшей частью переведены на нумерацию настоящего издания. Исключение в необходимых случаях сделано для тех авторов, которые придерживались нумерации В. И. Сергеевича (Пресняков, Гетц). Во всех случаях сохранения в цитатах прежней нумерации тут же, в квадратных скобках, дается номер статьи по настоящему изданию, условно обозначаемому прописною буквой А (т. е. Академическое издание), например: [А, 17].

Для облегчения пользования комментариями прилагаются указатели: 1) библиографический; 2) предметно-терминологический; 3) именной и 4) географический.

При ссылках на сочинения того или иного автора, у которого в настоящих комментариях использовано только одно сочинение, в тексте комментариев дается только фамилия автора и отмечаются страницы этого сочинения, использованные для данного текста. Для многотомных сочинений приводится только порядковый номер тома и страницы.

Если цитируемый автор имеет несколько использованных в комментариях трудов, то в ссылке приводится, кроме страниц, сокращенное название цитируемого труда. Когда же название одного из этих трудов при цитировании опускается, в библиографическом указателе оно отмечается звездочкой.

Библиографический указатель составлен Р. Б. Мюллер. Предметно-терминологический, именной и географический указатели составлены Б. А. Романовым, при участии А. И. Копанева.

---

[1] Последнее обозначение принято условно: в сборнике „Киевская Русь" нет указания, что опубликованный там перевод принадлежит В. Н. Сторожеву.

[2] Правда Русская. I. Тексты. Подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин под редакцией академика Б. Д. Грекова. Издательство АН СССР, М. — Л., 1940. — Далее цитируется: т. I наст. изд.

Б. Д. Романову принадлежит и большой труд по наблюдению за печатанием сложного текста книги — труд, в котором исключительно ценную помощь оказала А. А. Воробьева.

В Приложениях к настоящему тому помещаются (как было предусмотрено еще в т. I настоящего издания):

1) три списка Краткой Правды, непосредственно связанные с работой над ней В. Н. Татищева (они приготовлены к печати Р. Б. Мюллер);

2) статьи В. П. Любимова: а) О Лаптевском списке Правды Русской, и б) Новые списки Правды Русской.

Б. Греков

КОММЕНТАРИИ

КРАТКАЯ ПРАВДА

Статья 1

Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду,[1] любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина,[2] любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь.

Переводы

Erschlägt der Mann einen Mann, so räche der Bruder den Bruder, oder der Sohn den Vater, oder der Vater den Sohn, oder der Brudersssohn, oder der Schwestersohn. Wenn niemand da ist, welcher räche, dann 40 Grivnen für den Kopf, wenn es ein Russe, entweder ein Gridin, oder ein Kaufmann, oder ein Jabetnik, oder ein Schwertträger; wenn es ein Isgoi wäre, oder ein Slawe, so setze man 40 Grivnen für ihn (Ew.).

Если муж убьет мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будет мстителей, то с убийцы взыскать 40 гривен, будет ли убитый Русс, или гридин, или купец, или ябетник, или меченосец. Если то будет и изгой или славянин, также полагается 40 гривен (Гл.).

Wenn ein Mann einen Mann erschlägt, so rächt der Bruder den Bruder, oder der Sohn den Vater, oder der Vater den Sohn, oder der Brudersssohn, oder der Schwestersohn. Wenn niemand da ist, der rächt, dann 40 Grivna für den Kopf. Wenn es ein Russe ist: sei es ein Gridin, oder Kaufmann, oder Schwertträger, wenn es ein Isgoi ist oder ein Slave, so zahlt man 40 Grivna für ihn (G.).

Если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца, или племянник со стороны брата, или племянники [sic] со стороны сестры; если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого. Если убитый — русин, гридин, купец, ябедник, мечник, или же изгой, или словенин, то уплатить на него 40 гривен (К.).

---

[1] *Арх.* братучада.
[2] *Арх.* купце.

Комментарии

„Мужь“

Болтин: „Для понимания слова *муж*... необходимо знать, что народ русский, в самой древности, разделялся токмо на 2 сословия, на бояр и людей... выключая рабов... Под названием муж разумелися первые, сиречь люди знатные по роду и по богатству, а под названием людин все вообще свободные, разделяющиеся на многие степени, по различию званий и служений... и для того и цена за голову мужа, т. е. боярина положена вдвое против людина...“

Карамзин: „Слова «оже убиет муж мужа» надобно разуметь «ежели человек убьет человека»“ (II, прим. 67).

Погодин: „За умерщвление княжа мужа платилось вдвое, чем за другого человека: бояре там не упоминаются, следовательно ясно, что они разумелись под мужами. Княж муж есть чисто норманское звание“ (Исслед., с. 403).

Максимейко „раскрытие понятия мужа“ видел в „примерном перечне русин... словенин“, который дан для того, чтобы „этими частными примерами“ „вновь подтвердить равенство уголовной защиты для всех безразлично“. Наоборот в Правде Ярославичей и в Пр. Пр. „нет общего понятия о муже“, „жизнь“ оценивается различно (Опыт, с. 17).

Мейчик видел сходство Кр. Пр. со ст. 4 Олегова договора с греками в том, что она „игнорирует совсем общественные классы“ и „знает только мужа“, как договор — „только русина и грека“ (Ж.М.Н.Пр., XI, с. 155).

Романов предполагает, что формула „убьеть муж мужа... сынови“ „с самого начала имела в виду не всеобщее ограничение кровавой мести, а точно названную во 2-й части статьи [т. е. „аще не будеть кто мстя... мечник“, ср. ниже комментарий к этой части] группу, которую в первую очередь князь брал под защиту своего суда“ (Уч. пос., с. 37).

Греков полагает, что Кр. Пр. „говорит главным образом о «мужах», под которыми не трудно вскрыть дружинную, рыцарскую среду в обычном понимании термина. Тут мы имеем рыцаря-мужа с его неразлучным спутником — боевым конем и оружием, с которым рыцарь тоже не расстается; наконец, с его одеянием. Что эти мужи существуют не со вчерашнего дня, видно из того, что в их среде успел вырасти и окрепнуть условный кодекс рыцарской чести, обычный в этой среде для всей Европы“ (Киевск. Русь, с. 43; ср. также с. 70).

„Мьстить“

Болтин: „в обществе свободном или паче своевольном мщение признавалося всегда честным и необходимым. Каждый людин наказывал своею рукою причинившего ему обиду делом или словом... Земские

начальники не имели ни силы, ни власти наказать, но могли только примирить или взыскать с убийцы пеню в пользу наследников убиенного. Право мщения... в употреблении было и у древних германцев, коих законы, обычаи и права удивительную имеют сообразность с российскими... что и служит доказательством долговременного их и тесного сожития".

Карамзин: „Когда не будет мстителей, то с убийцы взыскать деньгами в казну..." (II, с. 25).

Полевой: „Кровь требует крови, и убийца подвергается мщению ближних убитого, которые могут убить его, наблюдая след. порядок: первый мститель — брат, второй — отец, третий — сын, четвертый — сын брата (племянник по брату), пятый — сын сестры (племянник по сестре), без различия званий и чина".[1] Полевой дал такой пересказ: „Кто бы ни был убитый: русс, изгой, славянин, если только он купец, людин, гридин, боярский тиун, мечник, княжеский отрок, повар, взносится полная вира..."[2] (II, с. 154—155).

Эверс: „Всякий закон другого содержания, напр., воспрещение мести, в сие время [Ярослава] и в таком государстве, какова была тогда Россия, этим одним уже подавал бы повод к большому подозрению на счет своей подлинности... В самом первом законе вместе с утверждением права мести постановляются и пределы действию сего права. Оно предоставляется только родителям и детям, братьям и племянникам... Если мщение ограничивалось известными токмо степенями родства, то для всех прочих случаев надлежало постановить другое возмездие... На место возмездия кровью теперь долженствовало явиться вознаграждение деньгами. Из смысла всего законоположения видно, что вознаграждение платилось тому, кто терпел ущерб... следственно семейству или господину убитого. Еще нет ни малейшего намека, чтобы в сие время получал и князь вознаграждение... Уже сим одним молчанием закона

[1] „Вероятно, это был древнейший обычай славян, ибо мщение... существовало у евреев, арабов, персов, кавказских народов, также абиссинцев, греков... Варяги обратили сей обычай в свою пользу, определив виру сначала с условием: «аже не будет кто мстя», также как их собратья и германцы установили в Англии и Франции, где Wehrgeld мог оплатить смерть епископа, барона, даже короля... Если Владимир и в самом деле отменил виры, введя смертную казнь, то вскоре увидел... что виры необходимы [Лавр. лет., под 996 г.], а дети Ярослава решительно запретили мщение за кровь и уставили виры..."

[2] „Карамзин, думая, что за всех *свободных людей* платили полную виру, читал без порядка поставленные слова: «аще ли будет русин и т. д.». Но здесь разумеется, что за гридина, купца, тиуна боярского и мечника — будут ли они руссы, чухны, славяне, платить 40 гр., а не то, чтобы за всякого свободного платить полную виру". — Полевой ссылался на ст. 78 и 89 Пр. Пр. и ст. 33 Кр. Пр.: „следственно, не было равенства гражданских прав между свободными званиями, хотя смерды были и не рабы".

о вире усиливается то подозрение, что вышеизложенное сказание Летописи [Лавр., под 996 г.] о сделанной Владимиром отмене виры есть, быть может, вымысел позднейшего времени или, если не вымысел, то, по крайней мере, обезображенное за недостатком точности сказание о каком-либо истинном, впрочем, происшествии“ (с. 318—320).

Рейц: „Вероятно, свободный воин князя, служивший в дружине воеводы или наместника, и купец (купчина) отличались только занятиями... Закон ни об ком более не упоминает... ибо в законе, писанном для Новгорода, люди, служившие князю, и люди торговые были преимущественно вольны. Если бы... существовало большее различие между классами... то без сомнения это перешло бы и в законы... Для всех классов... определена одна общая вира в 40 гривен... Отличие высшего сословия от прочих... принадлежит позднейшему времени“. „Ярославова Правда... не содержит никаких следов пени в пользу князя“. „Новое законодательство... ввело вознаграждение за обиду на случай оставления мести. Может быть и прежде пеня за обиду существовала, но была произвольна [ссылка на договоры Олега и Игоря с Византией]“. „Первоначально родственники получали вознаграждение; но когда откупление от мести сделалось законным, когда произошла вира на случай оставления мести, тогда княжеская власть должна была вмешиваться и естественно иметь от этого выгоду... Трудно определить, поступали ли в пользу князя означенные 40 гривен или только часть их или кроме сих 40 гривен что-нибудь платилось князю? [Летописные известия, например: Лавр., под 996 г.] ничего не решают, ибо летописец мог отнести к прошедшему то, что было в употреблении в его время... Может быть, этот случай [с вирами при Владимире, Лавр., под 996 г.] относился к выкупу при убийстве княжеских слуг, за коих мстил и виру вносил сам князь...“ (с. 35, 36, 54, 55, 57).

Диев: „Внуки не имели права мстить за убийство деда... Когда сродники отказывались от сего мщения, то в таком случае казна с убийцы взыскивала виру... Весьма сомнительно, чтобы все тогдашние россияне, какого бы то ни было звания, пользовались сим правом [мщения]... Кажется, это право было предоставлено только чиновникам первостепенным и второстепенным“ (Русск. ист. сб., т. I, кн. 2, с. 55—56).

Иванишев: „Месть в договорах Олега и Игоря представляет в себе чистый славянизм, без всякой примеси права чужеземного“. „Родственники убитого не получают виры, определенной законом... но берут все имущество убитого“. „Это начало совершенно противоположно понятиям о германской вире“. В Р. Пр. „германский характер“ обнаруживается „в таксе, в которой находится подробная оценка жизни для лиц разных классов“. До Ярослава „каждый управлялся собственным законом“, Р. Пр. ввела „jus territorii“. „Если нет родственников [„которые

имели бы право мстить"], то государь является истцом и следовательно имеет право назначить цену за убийство". Ярослав и „воспользовался развитою в его время... германскою вирой", „превратив" „право мести в финансовую меру". Р. Пр. при этом „оставляет без всякого внимания количество платы за голову, которое должны были получать родственники убитого". „Один только ближайший родственник убитого имеет право мести, а не весь род убитого, как в германских законодательствах". Что касается головничества, то Иванишев подчеркнул: „Hlawa в богемском и моравском праве, крвавина у сербов, głowszczyzna в законодательствах польском и литовско-русском, наконец головничество или головщина в древнем русском законодательстве суть одно и то же понятие, противоположное по своим началам германской вире" (с. 84, 91, 94, 97, 102, 103, 112).

Попов: „Единство рода... переходит в единство семейства; потому месть, основанная на мысли о безусловном единстве и самостоятельности рода, переходит в семейную месть... Недостаток семейной мести и дополняет новый род наказаний — денежная пеня" (Р. Пр., с. 38).

Владимирский-Буданов: „Но сын сестры есть член рода, а не семьи, по отношению к дяде" (Хр., I, прим. 2).

Дубенский, ссылаясь 1) на выписку из книг Моисеевых (Русск. дост., II, с. 234): „аще у подкопания застанеться тать, а узвен умреть, несть ему си реченье: мститься кровь ему убоя", 2) на передачу этого места в исправленной библии словами: „несть ему убийство" — видел здесь „закон мести". Право мести предоставлено „брату, отцу, сыну, *братучадам*", т. е. „дяде, 2-му и 3-му коленам или двоюродным и внучатным братьям и племянникам" (как в законах Юстиниановых, изд. Башиловым, с. 29, и в правилах церковных, Русск. дост., I, с. 97 и 98, „где так распределяются поколения: брата чаде первии — родные сестры, брата чаде вторей — двоюродные, брата чаде третии — внучатные"). — „Ожели не будет кто мстя" = „ежели некому будет за него мстить" (с. 18).

Калачов видел здесь „древний обычай, записанный даже, очевидно, в той общей форме, какую он мог иметь в устах народа" (с. 47, прим.).

Депп полагал, что „начало частной мести стало исчезать в России уже во времена Олега. Удержавшись как следствие одного... убийства, частная месть уже в самом начале государственной жизни наших предков даже как следствие этого преступления подверглась различным ограничениям, а через 2 века после призвания варягов окончательно исчезла в системе выкупов". „Доказательства ограничения частной мести в самом начале русского государства" Депп видел, кроме ст. 1 Кр. Пр., в Олеговом и Игоревом договорах с греками, причем все эти три „следа частной мести" считал „одновременными по содержанию" (в договорах ссылка на „русский закон", т. е. „обычай", а относительно Ярославовой Правды

2*

выражение летописи „списав“, которое Депп понимал „буквально в нашем смысле“): „частная месть, существовавшая до этих времен, как следствие убийства, была ограничена тем: а) что за убийство [по Олегову договору] мог мстить только один (из ближних убитого)... в) было обозначено [в Кр. Пр.], кто именно мог мстить... [и] этими родственниками ограничивалось право мести... [„аще не будет кто мстя“]... с) было определено возмездие на случай скрытия убийцы [в договорах]... [и] неимения законных мстителей [в Правде]...“ (с. 16—19).

✓ Богдановский: „Р. Правда Ярослава признает также [как и договоры с греками] по крайней мере кровную месть в первоначальной ее безграничности, предоставляя каждому родственнику мстить за убитого родича, и, в случае только если некому мстить, определяет законную плату за голову“. „Законодатель очевидно не имел здесь цели ограничить кровную месть... Что здесь не исчислены все степени родства, призванные к мести, и лица, за которые можно мстить, что исчисленные степени поименованы только для примера, в этом, кажется, нельзя сомневаться... [ссылка на Белозерский эпизод с Яном Вышатичем и на месть Варяжка[1]]... Видно, впрочем, что закон признавал это право за одним только родственником, но разумеется вследствие обычая народного, по которому целый род одновременно едва ли уже участвовал в мести... В период Р. Пр. род, как видно по всему, находился уже в разложении“. „Сравнивая месть с средствами замены ее по отношению ко времени происхождения, можно сказать, что оба учреждения исторически первоначальны, потому что оба восходят до глубокой древности, являются вместе еще в самых первых памятниках права и только в мысли могут быть отделены друг от друга, как предыдущее и последующее .. Но одно обычное право не в состоянии было бы поддержать и определить новую форму возмездия — для этого необходима видимая общественная власть... власть верховная... Являясь сначала только как посредница... между обиженным и обидчиком, она... установляет однажды навсегда *таксу* за преступления... При дальнейшем развитии этой системы [композиций] пеня, денежный окуп становится наказанием, возмездием виновнику. Плата начинает двоиться: одна часть идет попрежнему в удовлетворение истцу за его обиду, а другая поступает в пользу общества или его представителя“. „Задолго до появления своего в Р. Правде Ярослава уже существовала определенная более или менее система выкупов, по крайней мере в обидах неважных. Правда Ярослава только обозначила существовавшие по обычаю положения и определила более точным образом количества пеней... Пени, которые мы находим в ней, исключительно принадлежат к одному роду: это вознаграждения, которые уплачи-

[1] Лавр. лет. под 980 и 1071 гг.

вает обидчик обиженному, в случае если этот откажется от принадлежащего ему еще по закону права мщения. Платы князю... еще совсем не видно... что несомненно служит доказательством ее [Пр. Ярослава] глубокой древности“ (с. 10, 13, 19, 22, 24).

Ланге, возражая Калачову, считал ст. 1 „законом, изложенным в форме предписания, хотя и основанным на обычае“. „В Правде исчислены мстители только примерно... иначе... надлежало бы, в противность здравому смыслу, утверждать, что дядя не имел права мстить за племянника, тогда как последний пользовался этим правом по отношению к дяде... Кроме того, следовало бы, опираясь на выражение «муж мужа»... заключить, что Правда дозволяла месть одним мужчинам, а не женщинам и единственно за убийство мужчин... и что внуку не давалось никакой власти над убийцей не только его бабки, но и деда, о котором даже не упоминается в Правде... Закон... не имел надобности в подробном их [мстителей] исчислении, ибо право мести жило еще в обычаях народа“. „Она [месть] имела в старину место не только в случае лишения кого-либо жизни, но и при совершении других преступлений [ст. 2 Кр. Пр.]... Это приводит к заключению, что слово «мстить»... означало только право самосуда. Т. обр. мести как самосуду следует придавать обширное значение, а не понимать ее исключительно... как кровавое возмездие... Не видим твердых оснований в догадках о господстве в древней Руси кровавой мести, как священного непременного долга родственников убитого... В предании о поступке Ольги с древлянами... вовсе не выражен народный, повсеместно будто бы у славян укоренившийся, обычай непременно проливать кровь за кровь, иначе бы древляне наперед знали, что за умерщвление ими Игоря Ольга необходимо должна будет им мстить тоже убийством... Итак, под частной местью, служившей у нас в старину одним из выражений общественного правосудия, по самому преданию об Ольге... следует разуметь обычай полного, неограниченного самосуда, который... не исключал примирения... Впрочем... существование... постановления [об умерщвлении холопа за удар, ст. 16 Кр. Пр.]... указывает на то, что оно было исключением из общего правила... Итак, при Ярославе обычай мести обнаруживался уже не в том объеме, в каком существовал, вероятно, в отдаленной древности“ (с. 21, 95—98).

Чебышев-Дмитриев ставил вопрос: „у кого отнято было право мести?“ — и, не находя в Р. Пр. „ни малейших следов родового быта“ (головничество „выплачивал один виновный, а не весь род его“) и считая князей „бессильными“ уничтожить „учреждения родового быта“, отвечал указанием на вервь, „которой по Р. Пр. запрещено было мстить за своих членов“, и на „ближайших родственников убитого, за которыми право мести было оставлено“: „для князей было выгодно отнять право

мести у общины, потому что при неимении кровных мстителей вира шла в их пользу“ (с. 14 сл.).

И. Беляев усматривал в ст. 1 „влияние христианства и сильное развитие общественной жизни“, выразившееся не только в том, что „месть ограничивалась степенями родства“, тогда как „при Олеге и Игоре она была предоставлена всем родственникам убитого“, но и в том, что „не все имение достается родственникам убитого [как при Олеге], а лишь определенная пеня, смотря по общественному состоянию убитого“: „здесь является предварительно оценка преступления на место прежней безотчетной мести“. Но „Р. Пр. не уничтожает частного, личного характера наказания“, и „вознаграждение за убийство есть дело частное“ (Лекции, с. 230).

Мрочек-Дроздовский привел ряд примеров для иллюстрации того, что „не только в до-Ярославово время, но и впоследствии... право мести прилагалось именно в тех (хотя и не всех) степенях родства, которые перечислены в законе Ярослава“, для иллюстрации „соответствия... Правды тем условиям жизни, при которых... прилагались ее постановления, как действующее право“. 1) Ольга „мстила не как жена... а как мать малолетнего сына, вместо сына. Это видно из того, что в походе под Искоростень участвовал и Святослав“, тогда как вообще „малолетние князья не участвовали в воинских походах“: „это месть сына за отца“ (Святослав „сунув по-детски копьем в неприятельские войска, как бы начал бой“). 2) В XV в. (ПСРЛ, VI, с. 235) „врач некий, немчин Онтон... врачева князя Каракучю... да умори его смертным зелием... князь же великы выда его сыну Каракучеву, он же, мучив его, хоте дати на окупе; князь же велики не повеле, но веле его убити... зарезаша его ножем, как овцу“ — „убийца выдан головой местнику... для казни“, „мститель должен непременно убить убийцу“, „имеем дело с кровавой местью и с заменой ее головничеством“. 3) Свенальд „мстит Олегу за смерть сына своего Люта, убитого Олегом“ („хотя отмьстити сыну своему“, Лавр., с. 73). 4) „Чаще всего попадаются свидетельства о братней мести“: а) „Ярополк был преднамеренно убит Владимиром [Лавр., с. 74—76] за то, что сам убил Олега“; б) Ярослав „иде мстити братью [Бориса и Глеба]... не яз, почах избивати братью, но мстити иду“ [Святополку, Лет. Переяславля Сузд., с. 40]; в) Давыд в 1097 г. говорит Святополку: „кто есть убил брата твоего Ярополка?“, и Святополк „сжалися по брате своем“ (Лавр., с. 248); г) в 1284 г. Олег Рыльский убивает Святослава Липецкого и „Святославль брат, Олександр, уби Ольга и два сына его мала“. 5) Есть и примеры мести „в среде народа“: а) в 971 г. Святослав „имашеть [денежное вознаграждение с греков] и за убъеные, глаголя, яко род его возмет“ (Лавр., с. 70) = „плата за голову“; б) Лавр. под 1071 г., предложение Яна Вышатича родне убитых волхвами: „мстите своих“;

в) в 1208 г. галичане повесили князей Святослава, Романа и Ростислава „мьсти ради“ [за убийство галицких бояр, Ипат., с. 484—486]; г) в 1282 г. Лев Данилович говорил: „сыну мой Юрьи не ходи сам с Литвою — убил я князя их Войшелка, любо всхотять месть сотворити“ (Ипат., с. 587) (Прилож., с. 1 сл.).

Сергеевич видел здесь лишь „примерное перечисление мстителей, а не ограничение случаев мести“. „Месть есть право пострадавшего или его родственников воздать виновному или его родственникам столько, сколько, под влиянием раздраженного чувства, он находит нужным... Все дело зависит от темперамента пострадавшего, один может быть разгневан ничтожным преступлением гораздо больше, чем другой важным. Месть есть наказание крайне неравномерное или безмерное... Мстить значит нападать на противника, наносить ему удары и убивать. Так по германскому взгляду и по древнему русскому“. В случае с Яном Вышатичем (Лавр., под 1071 г.) „мы встречаемся с чрезвычайно жестоким видом мести: виновных сперва подвергают всяким истязаниям, а потом вешают“. Толкование ст. 1, как ограничения круга мстителей, „трудно принять. Под 1071 г. находим в летописи известие о мести за матерей и сестер. Это известие относится ко времени сыновей Ярослава, приведенная же статья [ст. 1] старее их... Возникнув ранее всяких судов, месть существует значительное время и после того, как явились суды... При этом надо различать месть досудебную и послесудебную... По германскому праву мститель по совершении убийства даже должен был требовать суда, который признал бы его ненаказуемым за акт мщения. В противном случае он сам мог быть привлечен к ответу и должен был доказать, что убил по праву (Wilda, с. 162)“. Для Р. Пр. Сергеевич указывает ст. 25 Пр. Пр. (см.) и ст. 3 Кр. Пр. (см.). Случай с Яном Вышатичем — „случай судебной мести, но из него нельзя делать заключения к Р. Правде. По Р. Пр. месть есть исполнение, предшествующее приговору, а не следующее за ним... Послесудебная месть... известна, напр., вестготскому праву (Wilda, с. 167), могла, конечно, встречаться... и у нас, как в... случае с волхвами, но Р. Пр. сохранила указания только на досудебную месть“ (Лекции, с. 372—378).

Владимирский-Буданов: „Месть не только признана [в ст. 1], но и предписана законом... Обязательный характер мести ясен в особенности в договорах с греками, причем договаривающиеся стороны заботятся, чтобы преступник не остался без наказания («да умреть», «да убьють и»)“. В ст. 1 „закон определяет, кто имеет право (и обязанность) мстить, а именно: за убийство мстят члены рода (отец и сын, брат, дядя и племянник)“; „в первой статье Р. Пр., однако, содержится неполное определение круга мстителей: не указано право мести за мать, за сестру, жену и дочь, несомненно существовавшее, как видно“ из Лавр.

лет. под 1071 г. „Но это есть результат обыкновенного недостатка обобщений в древних памятниках, которые, вместо того, стараются перечислить частичные подробности, но всегда неудачно. Право мести за лиц женского пола подразумевалось под соответствующими степенями родства мужского пола. За увечье полагалась месть членов семьи [ст. 6 Кр. Пр.]". „В чем состояла месть? В каждом ли случае преступник отдавался на полный произвол мстителя? Думать так не позволяет соединение мести с судом, и ясное различение в Р. Пр. относительной тяжести преступных деяний. За убийство должна следовать смерть, но не за увечье («смирять» не значит лишать жизни) и не за личные оскорбления" (ср. ст. 65 Пр. Пр., где „месть состояла в лишении свободы и телесном наказании"). „С заменою родовых союзов общинными и земскими месть вымирала постепенно, ибо в мщении участвует уже земская (государственная) власть; несомненно, что и христианство имело сильное влияние на ослабление мести; случаи замены мести выкупом по закону (при бегстве преступника) и по условию с мстителем делались чаще. Последнее не служит отрицанием уголовного характера мести, ибо прощенье преступнику (с условием имущественных взысканий) совершалось при участии общества, на что указывает обряд покоры, известный не только у западных славян, но и у русских (галичан, см. Acta grodzkie и ziemskie, т. VI, № 40)". Переживание обряда покоры Владимирский-Буданов указал в Литовско-Русском государстве XVI в. (Акты Виленск. ком., XVII, № 727, 1541 г., акт Гродн. земск. суда): „когда тот Мат. Кунцевич [убийца] из тюрьмы («с казни») приведен был в суд, то, не чиня никаких возражений противной стороне и не желая вступать в судебное разбирательство, как человек виновный, и упавши крестом (крыжем) перед п. Яном и братом его Остафьем Воловичами (братьями убитого) и пред другими родственниками их, с плачем, признавая себя виновным, просил ради бога милосердия от п. Яна и п. Остафия и от других родственников их, соглашаясь всякую кару, заключение и покору снести за убитого, к чему п. Иван с братьею и с другими родственниками своими приговорят его, и какую милость согласятся дать". „Судьи... выдали его в руки п. Яну и брату его Остафию; волен будет п. Иван с братом своим делать с ним, что хочет, согласно с снисхождением и милосердием их". „Уже при Владимире Св. осуществление мести было редким явлением; тогда при решении вопроса о наказании за разбой, речь шла о выборе между казнию и вирой, без упоминания о мести... Практическое ослабление мести дало возможность Ярославичам отменить ее законом" (Обзор, с. 335—336).

Рожков переводил „оже ли не будет кто мстя" — „если же никто не мстит", т. е. „что вообще можно отказываться от права мести" (Очерки, с. 139).

Максимейко обратил внимание на месть в литовско-русском праве (Лит. Статут 1529 г., разд. VII, арт. 30; разд. XIII, арт. 6 и 25): „преступник, осужденный на смерть, выдавался потерпевшим или их родственникам. Последние приводили судебный приговор в исполнение, но могли и пощадить преступника, взяв с него выкуп". В Р. Пр. месть тоже „есть исполнение судебного приговора" (Р. Пр., с. 387). „Трудно допустить", что „перечень убитых в нашей статье — только примерный, не исключающий других лиц от права пользоваться такой же уголовной охраной". „Категоричность редакции говорит о законченности перечня... Здесь нет прибавки: «или ин кто», как, например, в ст. 18 Пр. Пр.". „Перечень мстителей в ст. 1 обозначает круг лиц, которые имели право на судебное преследование убийцы и вместе с тем на получение платы за голову". „Если считать месть самоуправством, то обязательная [для преступника] замена ее штрафом... возможна лишь по взаимному согласию сторон; выкуп не может быть потребован в силу одностороннего желания потерпевшего. Но так как Р. Пр. ставит платеж штрафа в зависимость от усмотрения истца, то, очевидно, месть была таким действием, при котором устранялась возможность сопротивления со стороны преступника... Месть предварительно освящалась авторитетом судебного решения, а во-вторых... при осуществлении ее потерпевший мог обращаться к помощи органов государственной власти. Если месть — акт самоуправства, то было бы естественно предоставить право мстить за убитого всем его родственникам соединенными силами... в интересах общественного мира... Против совокупных действий всего рода преступник едва ли мог бы оказать сопротивление, и, следовательно, месть не вызвала бы дальнейшего нарушения общественного порядка... Между тем Р. Пр. говорит иное: за отца мстит сын, за брата брат, за дядю племянник и т. д. Очевидно, месть была судебным преследованием, которое соединялось с правом на частное вознаграждение. Для осуществления этого права необходим был известный порядок, который и определялся последовательностью степеней родства... Упоминаемые здесь 40 гр. составляют виру в пользу князя, а не плату родственникам убитого. Итак, месть могла быть заменена не головничеством, а штрафом, имевшим публично-уголовный характер. Такая альтернатива допустима лишь при том предположении, что и она выполняла общественное назначение" Мним. архаизмы, с. 127, 148—149).

Пресняков, отмечая разногласия по вопросу о характере мести Р. Пр. между Сергеевичем, Владимирским-Будановым и Максимейко, объяснял их тем, что в „сложном содержании древнейших памятников права" „отражаются моменты кризиса правового быта, переходные эпохи его истории, когда старое отмирает или изменяется, новое возникает. Явление мести и смысл самого термина имеет свою историю... Месть —

прежде всего бытовой факт. Правовой характер акты мести получают, когда она регулирована не только обычаем, а обычным правом, т. е. допустима «правая месть» под контролем обычного суда. Едва ли при этом для древнего правосознания была такая принципиальная разница между «досудебной» местью и местью по приговору суда, как для современных ученых. И то, и другое — акты правомерные. Р. Пр. допускает убиение татя на месте кражи, признает, что нет вины, если кто на удар батогом ответит ударом меча, заменяет месть за обиду платой, только если не застигнут обидчика. По рассказу летописи (Лавр., под 1071 г.)... Вышатич спрашивает белозерцев-повозников про волхвов: «ци кому вас кто родин убьен от сею. Они же реша: мне мати, другому сестра, иному роженье. Он же рече им: мстите своих. Они же поимше убиша я и повесиша я на дубе». «Отместье, — добавляет летописец — приимше от бога по правде». Что тут: месть или смертная казнь? Одно переходит в другое... Белозерцы не обращались бы к княжому мужу, если бы дело не шло о княжих смердах и если бы они не боялись волхвования. От этого их расправа с волхвами не потеряла бы характера правомерного акта. Месть древнейшей Р. Пр. есть форма смертной казни — «убиения за голову». Так понял ее первый ее комментатор — составитель Пр. Пр., усмотревший в постановлении Ярославичей о вирах за княжих мужей реформу, которую выразил в словах: «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати» [т. е. „отложиша“ „статьи о мести и взыскании платы при отсутствии мстителя“, то, что он считал судом Ярославлим]“ (Лекции, I, с. 213 сл.).

Барац сопоставлял первую часть ст. 1 с кодексом Маймонида: „Узаконения о душегубстве (буквально: об убийстве души)“, гл. 1, §§ 1 и 2. „На крово-искупителе лежит обязанность умертвить убийцу, как сказано: кровоискупитель (или мститель за кровь) сам может умертвить убийцу“. „И всякий, кто правоспособен к наследованию, признается искупителем крови. Если же искупитель (мститель) не хочет или не может умертвить, или если у убитого нет искупителя (мстителя), то суд подвергает убийцу смертной казни посредством меча... И мужчины и женщины одинаковы относительно кровоискупления“. Барац отсюда заключал о посудебной мести и в ст. 1 Р. Пр. (с. 199).

Гетц, приведя выдержки из Loi de Vestrogothie, livre II (Beauchet. Revue Nouvelle, 1887): „de l'homicide VI (1), si quelqu'un commet un meurtre et est ensuite tué aux pieds (de la victime) il peut être tué impuné ment au milieu de son crime. On ne payera d'amende ni au roi, ni au haerap“; „le jeune homme doit, pour une blessure accidentelle payer la même amende, que le vieillard. On paie autant pour la blessure d'une femme, que pour celle d'un homme. La femme doit payer une amende égale à celle qu'elle reçoit“, — сослался на такую краткость формулировки в ст. 1 Р. Пр., что встает вопрос, „мыслилась ли древнейшая редакция

вообще, в собственном смысле слова, как судебник". Первая часть ст. 1 в целом означает: „признание правового обычая кровавой мести, круга имеющих право ее осуществлять, альтернативы — мстить или принять выкуп, суммы этого выкупа, которая выработана практикой обычая и должна уплачиваться мстителям". И Гетц ставит вопрос: „когда вообще нет имеющего право мстить? — тогда месть и не имеет места, «ту тому конец», как гласит ст. 2 в подобном случае при увечьи. О преследовании со стороны государства... древнейшая редакция не говорит ни слова. Почему древнейшая редакция не упоминает этого случая особо? Потому что от относительно простого сборника правовых обычаев, каким является древнейшая редакция... мы не можем ждать, чтобы он входил во все частности" (I, с. 150—157 и 239 прим.).

Максимейко „аще не будет кто мстя" считал новгородским признаком Древнейшей Правды: „усмотрению обиженного предоставлено подвергнуть виновного тому или другому наказанию". „Месть 1-й Правды обнимала всевозможные виды личных наказаний, определяемых судом. Своеобразная особенность их заключалась в том, что они применялись к преступнику по требованию заинтересованной стороны. Если такого требования предъявлено не было, «аще не будет кто мстя», «оже ли себе не может мстити», то присуждалась денежная плата... Приговор суда приводился в исполнение не органами государственной власти, а личными силами потерпевшего или его родственников: осужденный преступник выдавался им на месть". Что касается „круга родственников, допускаемых к мести или к получению штрафа за убийство", то он здесь очерчен так, как в римском праве степени родства, „которые служили препятствием к браку": „законодательство Юстиниана запрещало заключение брака между восходящими и нисходящими, напр., между отцом и дочерью, матерью и сыном, между братом и сестрой и, наконец, между дядей и племянницей, а также племянником и теткой (§§ 1—3 Inst., I, 10)". Максимейко был „склонен" видеть тут не совпадение, а „заимствование", „сомневаясь в том, чтобы древне-русская практика самостоятельно могла выработать такой точный, определенный и законченный перечень лиц, имевших право преследовать убийцу" (Опыт, с. 7, 95, 169).

„Аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову"

Карамзин переводил по Пр.Пр.: „с убийцы взыскать деньгами в казну:... 80 гривен или двойную виру .... 40 гривен или виру" (II, с. 25).

Рейц: „Ярославова Правда... не содержит никаких следов пени в пользу князя" (с. 54).

Иванишев отметил, что 40 гривен увеличиваются и уменьшаются „по всем правилам германских законодательств“. „Для лиц, состоящих в некоторых должностях, присваивается вира свободного человека — как в законах Салических и в законах Рипуариев (L. Sal. em., Tit. 56; L. Rip., Tit. 53), где pueri regis aut homines regis, из какого бы звания они ни были, имеют виру свободного“. „Вира, назначенная законом за убийство, относится в Р. Правде только к тому случаю, когда после убитого не останется родственников, которые имели бы право мстить“; только „если нет родственников, то государь является истцом и след. имеет право назначить цену за убийство“. Ярослав и „воспользовался развитою в его время ... германскою вирою“ (с. 92 и 94).

Попов: „Эта плата называлась также головничеством — название, которое мы находим в Полной Правде, но оно, очевидно, принадлежит к древнейшей эпохе“ (Р. Пр., с. 40).

Богдановский: „Денежные пени первоначально не имеют карательного характера: это простые сделки между частными лицами о вознаграждении за обиды. Русская Правда, первый письменный закон, утверждает только величину вознаграждения в каждом случае ... Князь получает только известную долю из частного вознаграждения за помощь, которую он или его чиновники оказывают истцу при взимании пени с ответчика или с той общины, к которой тот принадлежал ... Как частная обида ... является преступление в Русской Правде“. „Все пени здесь [в Правде Ярослава] распадаются на 2 вида, различающиеся друг от друга основным количеством, с которого делается и повышение и понижение. К первому относится плата за голову, за убийство свободного человека, в Правде детей Ярослава называемая вирным, вирою, верою“ (второй вид см. ст. 2 Кр. Пр.) (с. 3, 5, 24).

Ланге рассуждал: „не представлялось ... основания налагать еще особую пеню, если мститель прощал убийцу; если же он не прощал его, то сам имел право, когда хотел, назначить за голову выкуп по своему усмотрению ... Выражение: «аще не будет кто его мстя», нельзя понимать как добровольный отказ от мести ... оно необходимо должно относиться только к тем случаям, когда самосуд делался физически невозможным [отсутствие родственников или убийцы] ... когда самосуд по необходимости переходил к князю, а им была установлена за такие ненаказанные ... убийства ... взыскивавшаяся в его пользу пеня, именно 40 гривен“. При этом Ланге ссылался на: Лавр. лет. под 996 г. (о вирах при Владимире Св.), статьи о вирнике (Кр. Пр., 42; Пр. Пр., 9), статью 30 Пр. Пр., где вира заменяет продажу, в случае смертного исхода, а продажа шла князю, статью 27 Пр. Пр., различающую полувирье и „за век“ (с. 98—101).

Владимирский-Буданов: „По Правде Ярослава вира взимается в том случае, если нет мстителя" (Обзор, с. 337).

Рожков считал, что „«положити за голову» отличается от выкупа: Ярослав постановил, что при убийстве применяется месть, но, «оже ли не будет кто его мстя», надо «положити за голову» такую-то сумму: это не выкуп, а плата князю; о выкупе говорится только при Ярославичах, которые «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати»" (Очерки, с. 121).

По мнению Сергеевича, выражение „аще не будет кто мстя, то 40 гривен за голову"—„нельзя понимать в том смысле, что выкуп берут, когда некому мстить. Если некому мстить, то и выкуп платить некому. Это выражение значит: выкуп платится в том случае, когда нет желающих мстить". Ср. статью договора смоленского князя с немцами: „оже имуть русина вольнаго у вольное жены в Ризе или на Готьском березе, оже убьют, и тот убить; пакы же не убьют, платити ему 10 гривен серебра". „Убить или взять плату и у нас было делом доброй воли обиженного", и „прежде чем законодатель мог подумать об отмене мести, выкуп имел уже весьма широкое применение" (Лекции, с. 382—383).

Максимейко, имея в виду Кр. Пр., так объяснял происхождение текста ст. 1: „первая ее половина... относится ко всему населению", „в таком же общем смысле определена была сначала и 40-гривенная плата за голову в случае отсутствия мстителей. Но... далее, очевидно, для того, чтобы не дать повода к недоразумению, составитель Р. Пр. спешит поправиться: он оговаривается, что упомянутые 40 гривен взыскиваются только тогда, если убиты такие-то лица. Эта оговорка косвенно наталкивает на тот вывод, что в других случаях платился иной штраф". „Если бы составитель Р. Пр. хотел очертить приблизительно состав современного ему населения, то, конечно, он назвал бы его основные классы — бояр, горожан и смердов, а не случайные и дробные деления... Если бы... он имел в виду всех свободных людей, то он мог бы ограничиться наименованием словен и русинов, не перечисляя их отдельных разрядов. Итак, уже при Ярославе Мудром не все свободные одинаково охранялись уголовным законом". 1 ст. Пр. Пр. „устанавливает 2 штрафа за убийство в зависимости от общественного положения убитого... Она несомненно воспроизводит относительно убийства более раннюю практику, действовавшую во время Ярослава Мудрого: заглавие статьи прямо указывает на суд этого князя... Древнейшая редакция Р. Пр., как первый опыт кодификации... не воспроизводила всего судебного материала... Новые постановления, появившиеся в Пр. Пр... часто были следствием более тщательной и обстоятельной обработки прежнего материала, восполнившей дефекты первого издания... Несказанное было договорено впоследствии при составлении новой редакции [напр. „постановление

об убийстве княжа мужа и тиуна, применявшееся и раньше при Ярославе", правило, действовавшее при сыновьях Ярослава, о том, как поступать с холопом, ударившим свободного мужа и т. д.]". „Легко могло случиться, что в судебных делах об убийстве, оставшихся после Ярослава, больше встречались имена княжих мужей, гридинов, изгоев и т. д. и почти не попадались имена огнищан, смердов, ремесленников и др. Напротив, в судебных приговорах сыновей Ярослава фигурировали лица чаще последней категории, чем первой" (Мним. архаизмы, с. 126 — 130).

Пресняков уточнил то обстоятельство, что „древнейшая редакция Р. Пр. [Кр. Пр., ст. 1—18]... устанавливает или, точнее, записывает цифры платы «за голову» или «за обиду» [„еще не знает казни вирами и продажами"], а кому шла плата, видно из ст. 2" („взяти ему за обиду"). „Повидимому, из уплат, в ней упоминаемых, князю шла только 40-гривенная плата, какая полагалась по ст. 3 [изд. Сергеевича, „аще будет Русин и т. д.", А, 1] за лиц, состоявших под княжой защитой". „Картина меняется, как только мы от древнейшей Пр. Русской перейдем к той, которая «уставлена Русской земли и т. д.»" (см. „Заголовок Правды Ярославичей") (Лекции, I, с. 203). — „Древнейшая Правда Русская знает лишь 40 гривен, уплачиваемых за убийство, если нет мстителя, а также статью: «аще ли будет Русин... то 40 гривен положити зань». Эти постановления (ст. 2 и 3 Древнейшей Правды [А, 1]) не связаны друг с другом, так как третью статью нельзя подвести под оговорку «аще не будет кто мстя»". Во втором случае „весь склад понятий и отношений, связанный с представлением о дружине, как княжом дворе — огнище, заставляет признать, что 40 гривен тут вира, шедшая князю в случае убийства его мужа". „То же надо сказать об изгое" — „под княжой властью и защитой, внутри союза княжого мира" (Княжое право, с. 255 и 261).

Гетц видел в 40 гривнах Кр. Пр. „за него" и „за голову" частное вознаграждение, „выкуп" (Sühneersatz) „семье убитого, кругу лиц, которые призваны к кровавой мести, но не применили ее", и выводил это из анализа вознаграждений за увечье в ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 10 Кр. Пр. „как само собою разумеющееся следствие". Именно выражение „за голову" делает „ясным" частный характер этого вознаграждения (головничество Пр. Пр.) Однако при сохранении тех же терминов „за голову", „за него", в Пр. Пр. Гетц видел не частное вознаграждение, а виру, старое же частное вознаграждение — в головничестве ст. 5 Пр. Пр., причем не разъяснял признаков такого превращения (I, с. 81 — 82, 111).

Владимирский-Буданов спрашивал: „Когда произошла такая перемена?" (разумея 80 гр. за голову Пр. Пр.) — и отвечал, вопреки Гетцу: „В Правде, уставленной Ярославичами... высшей вирой отли-

чены огнищанин и тиун княж. Значит, в Пр. Пр. постановления 1-й Пр. дополнены из 2-й. Такое изменение сделано, вероятно, не составителем Пр. Пр., а раньше... Если бы он сам занялся переработкой всех постановлений 2-х Правд об убийстве, он не включил бы в эту статью анахронизма мести... Имеем органическую спайку постановлений 2-х древних Правд, произведенную еще до отмены мести... Плата 80 гривен... следовала князю... штраф в 40 гривен... идет несомненно... также князю... В 1 ст. Кр. Пр. речь идет о вире в пользу общественной власти". „В 1 ст. Кр. Пр. отчетливо говорится: «аще не будет кто мстя, 40 гривен за голову и т. д.», т. е. часть штрафа (собственно вира) шла в казну (на содержание войска), другая (головничество) в пользу потерпевшего" (К.У.И., 1911, № 3, с. 23 и 13).

Щепкин, сопоставляя со ст. 4 Олегова и ст. 13 Игорева договоров с Византией, понимал мщение в ст. 1 Кр. Пр., как „убить на месте... или схватить убийцу, чтобы убить его с освящения суда. Это убиение за голову... и заменено было при Ярославичах [Пр. Пр., ст. 2] денежным выкупом или головничеством. Каждый раз, когда никто не мстит убийце убиением, за убийство должна быть уплачена вира. Поэтому, когда головничество в пользу ближних вытеснило их мщение, рядом с головничеством обязательно стала вира. Слова... «аще не будет кто мстя»... (убийца налицо, но никто его не убивает и не ищет по суду права убить его)... неопределенны... только по отношению к причинам такого факта: м. б. у убитого нет родичей или... ближние вступили в мировую сделку с убийцей и получили выкуп: ведь Кр. Пр. не вникает в такие отношения... которые создаются за пределами княжьего права. Вира в 40 гривен определяется 1-й статьей Кр. Пр., если убитый не огнищанин и не тиун, убийство которых оплачивается 80-ю гривнами". „Где же эти виры [историю которых „начальная летопись ведет" с Владимира Св.] в Кр. Пр., если 40 гр. 1 ст. Ак. сп. истолковать, как головничество? Вознаграждение вирнику за сбор вир определено уроком по законам Ярослава в 8 гривен именно от нормы виры в 40 гр., потому что от виры в 80 гр. ему идет 16". Щепкин отводит возможные возражения против толкования 40 гривен как виры. „Почему же в таком случае в ст. 4 Пр. Пр. [А, 5] о дикой вире в 40 гр. размер головничества резко противополагается этому числу, как не 40, и все-таки не установлено, если его норма была бы дана уже в 1 ст. Кр. Пр.?.. Можно гадательно определить головничество в 1/2 виры по аналогии с 21 ст. Пр. Пр. [А, 27]", хотя „можно поставить вопрос о том, вносится ли этот урок в 10 гр. сверх продажи [„полувирья"] в 20 гр. или же отчисляется от них?". „Статьи о выкупах за обиды [в ст. 2 сл. Кр. Пр.] ни в коем случае не должны и не могут связать исследователя при толковании уплаты за убийство, как вир.

Никто не оспаривает того, что 80 гр. за убийство огнищанина в обиду платилось убийцей князю, а между тем в ст. 18 Кр. Пр. [А, 19] сказано только «платити за нь», как и о 40 гривнах в 1 ст. Кр. Пр. «положити за нь». Что же касается названия «вира» или «вирное» [А, 20], то оно „присоединяется лишь там, где платит вервь“ (с. 100, 93, 94).

Стратонов затруднялся допустить, что здесь имелись в виду только штрафы в пользу князя: „какие же остались бы стимулы для того, чтобы сторона потерпевшая... родственники... могли отказаться от мести?“ Это не исключает возможности того, что и князь в свою пользу взимал известное вознаграждение. В ст. 4 Двинской Уставной грамоты „штраф в пользу власти взыскивается в размере вознаграждения потерпевшему“ — „это и есть остаток седой старины“, „что впоследствии стало формулироваться [„а вина противу того“], то первоначально предполагалось само собою“ (с. 396).

Романов в этой связи указывает на более древний текст ст. 7 Новгородского договора с немцами 1195 г.: „оже пошибають мужеску жену, любо дчьрь, то князю 40 гривен ветхими кунами, а жене или мужьское дчери 40 гривен ветхими кунами“ (Уч. пос., с. 36).

„Русин... словенин“

Карамзин: „за всякого людина, т. е. свободного человека русского (варяжского племени) или славянина, 40 гривен или виру“ (II, с.25).

Розенкампф: „Здесь уроженцы трех народов, соединившись при составлении Новгородского союза, русской, чухонской (изгой) и словянский подвергаются той же вире, ежели они по достоинству имели равные чины“ (с. 228).

Каченовский: „Чтобы найти смысл сколько-нибудь удовлетворительный, ставлю знаки препинания по-своему“: „Аще ли будет русин а): ли гридин b), ли купец с), любо тиун боярский d), любо ябетник е), ли мечник f); любо изгой g), ли словенин h): 40 гривен положити за нь“ (Уч. зап., 1835, сент., № III, с. 351).

Иванишев подкреплял мысль Карамзина аналогией: „В германских законодательствах вместо «liber homo» употребляется название народа; например, Franco в законах Салических, Burgundo в законах Бургундских и т. д. Точно так и в Р. Пр. под названием русин и словенин разумеются все свободные лица“ (с. 88 сл.). — Ср. ниже, с. 33, И. Беляев и с. 261, Иванишев.

Дубенский: „Словенин, можно думать, житель Словенского конца в Новгороде; это наводит на мысль, не вычислены ли здесь законодателем тогдашние народные сословия этого города: горожанин, гридь, купечь, тиун бояреск, изгой, словенин?“ (с. 20).

Калачов полагал, что ст. 1 „очевидно составлена из нескольких практических решений, выраженных в одной общей форме, причем различные названия лиц (по должностям или сословиям), коих убийство служило к тому основанием, были естественно удержаны; вот почему эта номенклатура далеко не полная и расположенная в порядке... совершенно случайном“ (с. 48, прим.).

Богдановский, принимая новое толкование изгоя, данное Калачовым и Соловьевым, расставил логические ударения в ст. 1 иначе, чем Каченовский: „За убийство, кто бы из свободных людей ни был убит — принадлежащий к варяжской дружине — гридин, купец, ябетник, мечник, если за них некому мстить, если они будут изгои, или же принадлежащий к туземному населению славянин, если, подразумевается, он будет тоже изгой — убийца платит 40 гривен“ (с. 24).

Ланге указал, что в „XII и XIII в. Русь отличали не только от Новгорода, но и от Владимира и Суздаля... под нею разумели Киевское княжество“ [ПСРЛ, III, 1149 г.: „иде архиепископ Новгородский Нифонт в Русь“, в 1150 г. „прииде архиепископ Нифонт из Киева“; там же, 1180 г.: „иде кн. Святослав Всеволодович из Руси на Суздаль“; ПСРЛ т. I, 1181 г. Святослав возвратился опять в Русь, а Всеволод во Владимир]. И полагал, что „порядок исчисления здесь лиц, за убийство которых взыскивалась вира... основан, гл. обр., на разделении их по месту жительства, именно сперва говорится о жителях Южной Руси... и... в конце статьи об изгоях и словенах, т. е. новгородцах“, причем под русином „разуметь следует простого людина“, а под остальными тоже людинов, которые „несколько возвышались над простыми из них или по своему состоянию, как купцы, или по занятию кое-каких низших должностей“. Значит, — „Правда была дана не только Новгороду, но вместе с тем и Киеву или вообще южной Руси“ (с. 58, 102).

И. Беляев: „Потомки варяго-руссов, приведенных Рюриком, в продолжение каких-нибудь 150 лет... еще резко отличались от славян... и, как одноплеменники князей, конечно, считались последними выше, дороже славян; но в последующее время... русины... совершенно должны были затеряться, ибо и славяне на Руси все стали называться Русью“: „в 1-й ред. Р. Пр. русин отнесен к первому разряду, во 2-й — ко второму, а в 3-й [сокращенной] русин как класс исчезает и вместо него стоит горожанин. Следовательно, 1-ю редакцию, т. е. Акад. сп., должно признать старшею, т. е. современною Ярославу“ (Лекции, с. 226).

Чебышев-Дмитриев: „Вира, заменившая собою, главным образом, междусоюзную месть, платилась в случае убийства, совершенного над членом какой бы то ни было верви или племени, лишь бы эта вервь, это племя признавали над собой власть князя... Но идея единства была в то время еще так нова... что Правда не могла в 1-й же

статье об убийстве не упомянуть 3-х главнейших составных элементов тогдашнего общества, киевлянина, новгородца и варяга" (с. 55)

Погодин: „За русина и словенина совершенно одна пеня. Они следовательно имели одинакие права. Как разительно этот закон Русск. Правды... противоположен с Салическим... В основание государства у нас была положена приязнь, а на Западе ненависть!" [„Если свободный человек убьет франка или варвара или человека, живущего под законом Салическим, то повинен заплатить пеню в 200 су (3000 фр.). Если римлянин владелец, т. е. имеющий поземельную собственность в области, где живет, будет убит, то уличенный должен заплатить 100 су (1500 фр.)"] (Др. русск. ист., I, с. 149—150).

Мрочек-Дроздовский полагал (вопреки Ланге), что в „Начальной летописи имя Руси, Русской земли упоминается исключительно в общем смысле, а не как название какой-либо одной области. Ясно что в Ярославово время понимали это название скорее в общем, нежели частном смысле" (Лавр., под 862 г.: „и от тех варяг прозвася Русская земля, новгородьци ти суть людье новогородьци от рода варяжска, преже бо беша словене"=„от призванных варягов Руси и страна... получила наименование Русской земли, Новгород назван Русской землей, а новгородцы, прежде известные под именем славян, получили наименование от рода варяжска, т. е. название руссов"; Лавр., под 898 г.: „а славянский язык и русский одно есть: от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще поляне звахуся, но словенская речь бе,"— откуда „ясно, что летописец и полян также считает получившими имя руссов, как и новгородцев"). „В этих объяснениях... слышится различие, которое чувствовалось и во время преп. Нестора между находниками — руссами и туземцами — славянами и которое мы видим также в первых строках Р. Правды". „Начальная летопись в первых своих записях [907, 944, 980, 1018 гг.] под именем славян действительно разумеет славян ильменских, т. е. новгородцев... Но... это имя дается новгородцам, как славянам, прозвавшимся своим именем, причем название Русь принадлежит исключительно дружине княжеской", так что „на основании этих известий можно противополагать славян ильменских, полян, кривичей и т. д. — руссам-варягам, а не новгородцев-славян руссам-поднепровцам и вообще южанам, можно отличать славянина от полянина, но... и полянина от русса". (Лавр., под 907 г.: „иде Олег на Грекы... поя же множество варяг и словен, и Чюдь и Кривичи и Мерю и Деревляни и Радимичи и Поляны и Северо и Вятичи и Хорваты и Дулебы и Тиверцы", затем Олег приказывает: „исшите парусы паволочиты Руси, а Словеном кропинные", т. е. „Олег пожаловал бумажные паруса всем остальным, считая их вообще славянами, а одним варягам— паволочные"; Лавр., под 944 г.: „Игорь же совокупив вои многи, варяги, Русь

и Поляны, Словени — и Кривичи и Тиверьце и Печенеги ная... поиде на Грекы" — „здесь наемные варяги отличаются от дружины княжеской Руси, а затем от варягов и варягов-руси... отличаютя славянские племена", а „от Руси отличаются в числе других славянских племен и поляне:. прямое опровержение того, что будто русин был непременно киевлянином, южанином, как полагает Ланге. Равномерно... русин — очевидно варяг... и... не смешивается ни с новгородцем, ни с полянином"). „Во времена Начальной летописи и во времена Ярослава название словенин имело два смысла, один общий — все славянские племена, другой — видовой: славянское племя, прозвавшееся своим именем, новгородцы в отличие от славян, сидевших в поли, в лесех и т. д.". Название Русь также имело два смысла: „в общем смысле Русью называлась вся Русская земля... руссами назывались все жители Русской земли" [„что видно из договоров Олега и Игоря с греками"]. „В видовом смысле Русь (русин) означала варягов — руссов, дружину княжескую в отличие от словен, полян и т. д.". „Различие русина от словенина [русин = гридин, ябетник, мечник], соблюденное Р. Правдой... является одним из существенных доводов в пользу тесной связи Правды с жизнью", „когда пришлое племя не могло еще объединиться с туземным населением" (Прилож., с. 176 — 180).

Максимейко отрицал понимание русина как варяга: „эта статья устанавливает одну и ту же плату за гридина, купца, ябетника, мечника и изгоя, все равно были ли они словены или русины, другими словами, новгородцы или киевляне" [„варяг в Р. Пр. так и называется варягом"]. „Очевидно, составитель Р. Пр. захватил судебную практику Ярослава Мудрого не только в Киевский период его деятельности, но и в то время, когда он княжил в Новгороде. Дела, которыми он пользовался, касались и киевлян, и новгородцев. Вот почему он считал нужным отметить то обстоятельство, что излагаемая норма относится одинаково к тем и другим" (Мним. архаизмы, с. 127).

Пресняков русина и словенина тоже переводил (хотя и не решался „настаивать на таком понимании") — киевлянин, новгородец, однако „разумея их тут убитыми на чужбине", и вообще видел во всем перечислении „русин... словенин" „лишь применение общей нормы к специальным разрядам лиц", той общей нормы, которая выражена в ст. 3 Пр. Пр. в словах „паки ли людин, то 40 гривен". Здесь „князь берет на себя защиту людей, у которых нет обычно-правовых защитников, и требует за них той же платы, какая требовалась «за голову» каждого «людина». Древнейшая редакция Р. Пр. [ст. 1—18 Кр. Пр.] ставит рядом общую норму мести (т. е. убиения за голову), ограничивая круг мстителей членами ближайшего кровного союза: «аще ли не будет кто мстя, то 40 гр.

за голову». Отсутствие мстителя, указанное здесь, и ставит на очередь вопрос, на который отвечает перечнем или сводом отдельных примеров третья статья [по изд. Сергеевича; А, 1]: 40 гривен за изгоя, за купца-гостя, за княжих чиновников и дружинников—гридя, ябетника, мечника". Все это — „не члены народной общины, неоседлые в данной местности", будь то изгои, „обездоленные судьбой", будь то „пришлые люди", „откуда бы они ни пришли, из далекой чужбины или из другой земли русской". „Новгородец в Киеве, или киевлянин в Черниговщине или на Волыни" — „пришлый, одинокий человек, каково бы ни было его положение дома. Обычное народное право, рассчитанное... на определенную оседлость и союзность, на местный суд и местную расправу, их не охраняло" (ср. ст. 39). „В таком же положении, как изгои или пришлые люди, были по отношению к народному праву и княжие дружинники. Не говоря о том, что они по своей роли помощников и слуг княжих легко могли попадать в чужие земли... они часто бывали людьми со стороны, то иноплеменники, то иноземцы русские" (Лекции, I, с. 183—185). — В „Княжом праве" (с. 261) относительно русина Пресняков заметил, что „договоры с греками под Русью разумели, прежде всего, княжую дружину; объединение в понятии дружины княжого двора и городской старшины... могло привести к тому значению слова русин, какое всего лучше подходит к смыслу данной статьи" [„вариант «горожанин» — «селянин» отражает весьма древнюю традицию, выражение которой находим в терминологии договоров с греками или Константина Багрянородного, и имеющую свой корень в представлении о городе, как княжом и дружинном центре"]. Купца „можно истолковать двояко": 1) иногородний или иноземный купец „под особой опекой князя — обычная черта средневекового права"; 2) „если это купец местный, городской, то его можно сопоставить с словенином", и связать обоих „с новгородской традицией о расширении прав и вольностей новгородских при Ярославе". Позднее (в 1915 г., Лекции I, с. 132—133) Пресняков подчеркивал здесь „распространение ее [древнейшей Ярославовой грамоты] гарантий на русина и словенина" и усматривал в этом „важное приобретение времен Ярослава", „дело явно новгородское". „Повидимому, оно обусловлено сближением новгородского боярства (огнищан) с городскими общинами Новгорода против засилья заморских варягов", и „новгородцы добились признания той же княжеской защиты, как средства ограничить самоуправство дружины в ее столкновениях с местным населением": „впервые при Ярославе сперва на новгородской почве" „княжая власть" получает характер правительственной власти, и князь из „начальника дружины" становится „земской властью". „Момент этот соответствует и внешнему факту — выходу княжеской власти из городища на Ярославов двор в Славенском конце, близ Торга".

Барац обратил внимание на то, что „кого бы ни разуметь под русином и словенином, упоминание о них в Р. Пр. в перечне лиц, отличающихся друг от друга по своему служебному и сословному положению", представляется „загадочным", — и передвигал слово „русин" „вниз в ст. 2" Пр. Пр. „рядом с именем *Никифора,* как вариант к тексту надписания над ст. 19 Кр. Пр.: Микифор-кыянин" (русин = кыянин, митр. Илларион в Лавр. под 1051 г.; „русин" „в смысле, конечно, не варяго-русса, а уроженца Киева или Приднепровья"). Словенин же — это „селянин", и „служит только пояснением первого [изгоя]: изгой и есть селянин" (с. 204 сл.).

Гетц считал позднейшим добавлением слова „Аще ли будет русин... то 40 гр. положити за нь": „первый составитель древнейшей редакции сообщает сначала об убийстве, в двух случаях, когда применяется кровная месть, или когда она заменяется уплатой вознаграждения, и затем переходит непосредственно к простому увечью ст. 4 и след." (А, 2 сл.). „Толкование Пресняковым этой части статьи, как свидетельства об особой защите, которую хочет предоставить князь своей дружине и самому себе, как раз может нас привести к тому, что она является позднейшим добавлением к первоначальному тексту древнейшей редакции". На то же указывает в перечислении „русин... словенин" и отсутствие варяга и колбяга. Добавление это было сделано уже после призвания варягов, так как „русин" — это варяго-русс, явившийся позднее. При этом купца Гетц считает туземным купцом в противоположность гостям, а словенина — иноземцем из инославянских стран, ссылаясь на „Вопросы Кирика", где словенин — иноверец (I, с. 130 сл.).

Пресняков противопоставил пунктуации Гетца: 1) русин и т. д., и 2) изгой или словенин [ср. выше еще Каченовский] — пунктуацию, размеченную Павловым-Сильванским на его (Преснякова) экземпляре Правды: 1) русин и т. д., 2) изгой и 3) словенин, и указал на затруднительность видеть в словенине выходца из западных или южных славян „для столь древнего времени", и притом в Новгороде, с которым связывает эту часть ст. 1 и „слово гридь, заимствованное у варягов" и бывшее „туземным на севере" [„южно-русское летописание пользуется им только в рассказах о Владимире, опиравшемся преимущественно на северные силы, а в литературной, и, „по всей вероятности, народной речи Киевского юга оно не привилось"]. „То или иное понимание этой статьи весьма существенно для вопроса о времени, к какому отнесем древнейшую Правду": но „Гетц считает ее позднейшей вставкой в старый текст", точно действительно существовал „более древний текст", в который было возможно нечто „вставлять", — не различая „вопроса о датировке правовых норм" „от вопросов истории правовых текстов". Между тем „древнейшие записи права возникали в периоды кризисов правового

быта" — „ввиду противоречий между устарелым укладом обычного права и новыми явлениями усложненной жизни". Реальный „памятник" поэтому мог возникнуть в виде „записи норм, не вполне согласованных, действовавших, однако, рядом". Поэтому метод Гетца — „устранив" противоречия, получить „первоначальный остов памятника" — несостоятелен. В данном случае налицо как раз „указание на тот момент эволюции древнерусского уголовного права, когда 40-гривенная пеня за убийство, охранявшая сперва жизнь княжих мужей, распространилась на граждан, стоявших вне дружинных связей, т. е. когда сделан был шаг к ее превращению в виру за убийство каждого свободного мужа («пакиль людин, то 40 гривен» в Пр. Пр.)". — Итак, если согласиться с Гетцем, что „вставка" (русин — словенин) „моложе остального состава Древнейшей Правды, то все-таки ее никак нельзя не признать старшей, чем статьи об огнищанине «второй редакции»": это удвоение виры „объясняется" именно тем, что прежняя 40-гривенная пеня потеряла свое первоначальное значение орудия специальной княжой охраны", а эту потерю „всего ближе связать со временами княжения в Новгороде Ярослава Владимировича, когда происходит ряд бурных столкновений княжой дружины с новгородцами (Сага о св. Олафе, наша летопись) и к которому упорная новгородская традиция относит расширение прав новгородских". При этом Пресняков подчеркивал: „иное дело — запись: она может быть и отражением судебной практики и отражением какой-либо черты «Ярославовой грамоты»". Самое же „признание основной группой лиц, первоначально защищенных этой пеней [40 гр.], — княжих мужей, затем изгоев" — неправильно считать „новообразованием, т. к. само явление вытекает из тех отношений княжого двора-огнища, которые в эпоху наших источников разлагаются, а не нарастают". А „суммой пени" эта „вставка" (по терминологии Гетца) связана с предшествующим: „аще не будет кто мстя", — и „отделять" эти две фразы (т. е. ст. 2 и 3 по Сергеевичу), „как разновременные. едва ли не произвольно": „в составе древнейшей Правды они стоят или отпадают вместе, по тождеству санкции, а в истории ее текста 2 статью едва ли допустимо отрывать от 1-й, наиболее «архаичной»" (Рец., с. 159 сл.).

Максимейко в 40 гривнах пени видел признак новгородского происхождения Древнейшей Правды: „идея равноправия граждан, окрашивающая содержание 1-й Правды, составляла особенность Новгорода" (ср. дог. 1195 г. с немцами, дог. 1471 г. с Казимиром, Новг. Судную грамоту). Перечень „русин... словенин" — только „примерный" и дан для того, чтобы „этими частными примерами... вновь подтвердить равенство уголовной защиты для всех безразлично". На примере мечника Максимейко показывал расстояние, отделяющее в этом отношении Древнейшую Правду от Правды Ярославичей: здесь „убийство мечника приравнено к убийству изгоя, несмотря на то, что... изгои нередко находились в положении

смердов“ (гр. смол. кн. Ростислава 1150 г.). Между тем „в Пр. Ярославичей за муку мечника назначается штраф, в 4 раза превышающий плату за муку смерда“. Русин — не варяг: „варяги упоминаются в тексте 1-й Пр. дважды ... под собственным именем“. Русин—и не русский вообще, в противоположность иностранцу (как в византийских, новгородских и смоленских договорах): русина 1-я Правда „противополагает“ „словенину т. е. новгородцу“. Русин — житель Киевской Руси, „упоминание о русине в Новгородской Правде“ естественно при том общении, которое существовало между Новгородом и Киевом в X — XII вв. „Купчина“ — эта грамматическая форма „часто попадается“ именно в новгородских памятниках (дог. 1195 г. и другие договоры). Изгои — тоже связываются с Новгородом: „более обстоятельные сведения об изгоях мы находим только в новгородском законодательстве“ (устав кн. Всеволода, устав о мостовой повинности). Ябетники „в качестве княжих чиновников, повидимому, упоминаются только Новгородской летописью“. С другой стороны, это перечисление в Кр. Пр. совсем „случайно, отрывочно и беспорядочно“; но „если эту загадочную номенклатуру... поставить в связь с теми классами общества, которые имеет в виду 2-я Правда, то... в ней можно открыть некоторый смысл и рациональную подкладку“: „автор 1-й Правды называл лишь те имена, которые отсутствуют во второй, и, наоборот, систематически и тщательно замалчивал тех лиц, которые там встречаются“. Огнищане „пропущены“, „с тем чтобы во 2-й Правде посвятить им несколько особых постановлений“. „Автор 1-й Пр. мог пропустить смердов, так как ему было известно, что они найдут себе место в Правде Киевской Руси с ее по преимуществу земледельческим бытом“. Он „не называет тиунов“, „в том расчете, что этот пробел будет восполнен во 2-й части кодекса“. Между тем, дополнение „общей нормы“ (убьет муж мужа) „поименным перечнем“ „представлялось... необходимым при объединении 1-й Пр. со 2-й в один неразрывный памятник“: „далеко не за всех мужей уплачивалось 40 гривен“ (по 2-й Пр. 80, 12, 5 гривен). „Составитель Р. Пр. обратил внимание на это противоречие и... прибавил к тексту собственное пояснительное примечание“, причем „состав этих лиц был определен применительно к постановлениям 2-й Правды посредством арифметического действия вычитания“. Оставшиеся не расцененными в Правде Ярославичей лица и „попали в категорию тех, жизнь которых оценивалась в 40 гр.“. Таким образом, перечень „русин ... словенин“ оказывается „не случайным соединением отдельных судебных решений“, а „искусственным агрегатом, сознательно сочиненным для примирения 1-й Правды со второй“ (Опыт, с. 18 и сл., 61 — 64).

Мейчик возражал: „Если законодатель — или пусть даже частный составитель сборника — хотел доказать равенство между всеми племе-

нами славяно-русскими в отношении ограждения их жизни, то рядом с русином должен был фигурировать новгородец (словенин), причем если бы первоначальным местом опубликования кодекса был Новгород, то словенин не мог попасть на последнее место, а должен был занять первое". Между тем слова: „аще изгой будет, любо словенин" — „явная приписка к готовой статье, где об этих представителях населения ничего не говорилось". „Таким образом, мы находим в расположении последнего предложения 1 статьи Кр. Пр. доказательство, что до нас дошла «Русская (Киевская) Правда» в том виде, какой она получила после распространения ее на Новгород". Сопоставление в ст. 1 гридина с русином „получает некоторый разумный смысл, если мы примем русин вместо гражданина вообще или среднего типа свободного человека, без особых отличий вверх или вниз общественной лестницы: русин знаменует собой человека из общества или земли в отличие от княжеского рядового дружинника: это представители двух основных элементов, правящего и управляемого". „Высшие классы как дружины, так и общества, опущены здесь по той же причине, что и князья: преступления против них предполагались столь необычными, что о них незачем было упоминать" (Юр. вестн., 1915, XII, с. 80).

Стратонов обратил внимание на то, что окончание „Аще будет Русин... зань" в ст. 1 Кр. Пр. „не имеет никакого смысла. Общее правило изложено впереди настолько ясно, что не требует перечисления всех этих лиц". „Это перечисление имеет значение" в ст. 1 Пр. Пр.: „40-гривенному штрафу противополагается 80-гривенный за преступления против привилегированных лиц, которые тож перечислены". Значит в Кр. Пр. этот перечень занес „позднейший компилятор, знакомый с Пр. Пр.", притом „не весь, а только ту часть его, которая соответствовала смыслу 1 ст. Кр. Пр." (с. 393).

Максимейко объяснял, что русин как „этнографическое название", не обозначавшее особого „разряда населения", мог „удивить переписчиков" — отчего списки Пушкинский, Погодинский и Авраамки „опустили русина и заменили его горожанином". Горожанином — потому, что он „являл собою заметный разряд древнерусского населения" (Интерполяции, с. 3 сл.).

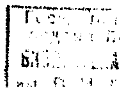
Романов сличает ст. 1 Кр. Пр. со ст. 1 Пр. Пр.: „ст. 1 Пр. Пр. скомпанована составителем из ст. 1 Кр. Пр., которая принята за основу, и ст. 19—20 Кр. Пр., где за огнищанина (княжа мужа) и тиуна княжа назначена 80-гривенная вира. При этом 1-я часть («убьет... сынови») осталась структурно неизмененной; во 2-й части («аще не будеть... за голову») оказалась 80-гривенная вира на месте 40-гривенной Кр. Пр. и обусловлена она одновременно отсутствием мстителей («аще ли не будеть кто мстя») и убийством дружинника и тиуна («аще будеть

княжь мужь или тиуна княжа»); 3-я часть («аще будеть русин ... за нь») осталась структурно почти в прежнем виде". Исходя из этого наблюдения, Романов предлагает следующее деление ст. 1 Кр. Пр. на 3 части: 1) „убьеть ... сынови"; 2) „аще не будеть кто мстя, то 40 гривен за голову, аще будет русин ... мечник" [„двустороннее обусловливание «40 гривен за голову» посредством двух «аще» — „по образцу Пр. Пр."]; 3) „аще изгой ... за нь". „Это значило бы, что первоначальная (до событий 1015—16 г.) основа текста ст. 1 Кр. Пр. была в первых двух ее частях и предусматривала тот случай, когда у «русина ... мечника» не будет мстителя, и князь возьмет с убийцы 40 гривен за убитого; а к этой основе было сделано в 1015—16 г. новое добавление о новгородцах — изгое и словенине" (Уч. пос., с. 37).

Тихомиров принял это деление ст. 1 (Исслед., с. 49).

Греков обращает внимание на то, что „русин любо гридин, либо купце ..." Русской Правды „очень напоминает успевшую застыть формулу Новгородской летописи: «огнищане, гридь, купце ...» (под 1166, 1195, 1234 гг.). В Лаврентьевской летописи: «бояре, гридь ...» (под 1177 г.). В Пр. Правде — не новгородской — термин «огнищанин» заменен термином «княж муж» ... в содержании этих терминов есть несомненное родство. Русин = огнищанин = боярин = княж муж". „Очень возможно, что в Новгороде так близко и непосредственно соприкасавшемся со Скандинавией, термин «русь» имел иное происхождение, чем на юге нашей страны ... На севере, в Новгородской земле весьма возможно, что это тоже некогда этническое, м. б. скандинавское имя, очень рано стало обозначать высший слой общества, аналогии чему приводит Шафарик" „у эстонцев сакс, т. е. саксонец, значит господин ... а у чухонцев — купец, у итальянцев и французов «francus = ingenuus», а у древних французов прилагательное «norois», образовавшееся от слова «норманн», значило «superbe»". „У древан полабских прежде их истребления, слово nemtjenka (т. е. немка) означало госпожу высокого рода, а nemes (т. е. немец) молодого господина"; см. Шафарик. Слав. древн., II, кн. 3, с. 239. Прибавления, т. I, кн. I, с.: 93]. Греков, однако, на таком понимании термина „Русь" не настаивает и считает вполне вероятным, что этот термин на север проник с юга вместе с продвижением к северу славян. „Что касается словенина, то ... кроме национального признака, ему присущи и социальные черты. Иначе трудно понять вообще весь перечень, и в частности сопоставление словенина с изгоем" (см. Лавр. лет., пог 907 г.: „вспяша русь парусы паволочиты, а словене кропинны"). „Мы можем, однако, предполагать, что под словенином разумеется представитель массы, населяющей деревню, т. е. в конечном счете смерд" (Киевск. Русь, с. 68—70).

Юшков считает не случайной замену в поздних списках Р. Пр. слова „русин" словом „горожанин" (как слова „словенин" — словом „се-



лянин"). Слово „Русь" обозначало социальные группы, возникшие на территории восточного славянства в результате разложения первобытнообщинного строя. Русские летописи, византийские и арабские писатели, противопоставляя Русь славянам, имеют в виду купцов, которые скупают товары у славян; руссы — это население города, которому подвластно окрестное славянство, они собирают дань с этого славянства, они и организаторы и участники походов на Византию, на хазар, на Черноморское и Каспийское побережья. Это — профессональные воины, служившие у византийских императоров и хазарских каганов. После того как руссы организовали ряд своих государств (Куяба, Славия, Аретания), которые затем были объединены в Киевском государстве, слово „Русь" стало употребляться в качестве политического термина и затем термина для обозначения всего восточного славянства (Уч. зап. М.Ю.Н., с. 54—57).

„Гридин"

Татищев: „Гридня именовалась покой господский или княжеский, как ниже судебную избу или канцелярию гридня именовал, и оттого дворянин или шляхтич гридин именован".

Болтин: „Под именем гридней разумели в тогдашнее время тех, кои после под названием дворовых людей, служащих при домех княжеских и боярских, были известны. Они были из сословия свободных людей и токмо различием служения отличалися от тех, кои дружины княжеские и боярские составляли... но проходили должности и служения придворные... Итак, название гридень не означало всякого шляхтича или свободного, как Татищев мнит..."

Карамзин производил гридь от шведского gred — меч (I, прим. 476).

Эверс: „Я не могу согласиться с теми, кои объясняют слово гридин через меченосец... от норманского gred, меч: ибо мечник во втором законе Р. Пр. особо поименован.... Гридин.... Haushofmeister... таковых чиновников могло быть много, и они были то же что при норвежском дворе гарды [„Hirdmänner"], коих должность, согласно Speculum regale, состояла в охранении особы короля и всего принадлежащего к королевскому достоинству и которые потому всегда находились близ него" (с. 246; нем. изд., с. 209).

Рейц: „Еще более приличным кажется скандин. Grith, мир, союз, Grith breece нарушение мира. О сем говорит Ян Ласси Расмуссен: hi milites mercenarii a Graecis foederati vocabulantur, se ipsi vocabant Greuthingos (vocem a Grid, pace, foedere, derivandam). Dissertatio de Arabum Persarumque commercio cum Russia et Scandia, p. 19" (с. 33).

Каченовский производил „гридина“ от „гридни“ (Herd = очаг) „жилого дома с огнищем“, указывая, что в Белоруссии, Литве, Ливонии, „грыднями“ назывались курные, жарко натопленные избы, в которых сушат хлеб, перевезенный с поля. Гридина, поэтому, Каченовский „почитал за одно с огнищанином: то и другое значит хозяина в собственном доме, главу семейства, обывателя — звание, с которым соединялись преимущества, немаловажные для Новгорода“: „если... в Правде наймит и закупень, послух и видок, холоп и челядин, муж и боярин повторяются без разбора одно за другое; то неуместно требовать уже, чтобы подобной однознаменательности не было предоставлено гридину с огнищанином.... Если огнищанин и гридин значит не одно и то же, то почему жизнь первого не обеспечена пенею в законе?“ (Каченовский имеет в виду Болт. изд. Пр. Пр., а не „безобразный текст, который был объясняем Татищевым“, т. е. Кр. Пр.) (Уч. зап., 1835, сент., № III, с. 359—361).

Принимая толкование Каченовского, Морошкин (в примеч.: Рейц, Опыт, с. 403) выходил из затруднения, полагая, что „огнищанин был старожил — славянин, а гридень — находник, русс“.

Диев: „Слово гридь, кажется, происходит от греч. ῥήδιη, способный, проворный, ловкий“ (Русск. ист. сб., с. 46).

Сенковский производил "гридина“ от норманского глагола: greidha — жаловать, платить жалованье, гридин = получающий жалование от казны (с. 49).

Дубенский считает гридина просто „отроком или детским княжеским“ (с. 19).

Соловьев принял указание Срезневского (Мысли об истории русского языка, с. 139), что „гридь“ „слово славянское, хорутанское, грида значит громада, сборище, толпа, след. дружина“ (I, прим. 346).

Мрочек-Дроздовский пришел к заключению, что „значение гридина... в самом деле [как и у Эверса] походит на значение норвежского гирдманна“; это подтверждается летописными текстами: Владимир „по вся неделя устави на дворе в гриднице пир творити и приходити боляром и гридем и соцкым и десяцкым и нарочитым мужем при князи и без князя“ (Лавр., с. 123); Василько приехал на княж двор „и вылезе противу ему Святополк и идоша в *гридницу*“ („в истобку“, „в комор“, Лавр. и Ипат., под 1097 г.); Ярослав Всеволодович „изнима новгородцы и смолняне... повеле их в погребы метати и что есть новгородцев, а иных в гридницю, и ту ся издхоша во множестве“ (Лавр., под 1216 г.); он же „изима пльсковицы и посади я на Городищи в гридницы“ (Новг. I, под 1232 г.). „Такое название избы несомненно произошло оттого, что в ней всегда находились гриди как лица, необходимые князю в его домашней жизни“. Что „гриди были не холопы княжеские“, видно из известия Лавр. лет., с. 123: „в числе пировавших у Владимира упомянуты и гриди“, следовательно

к ним относится и понятие дружины, которой Владимир „повеле исковати лжицы серебряные". „Но будучи дружинниками, гриди должны были по самому своему званию находиться безотлучно при князе в его тереме... очевидно для услуг; следственно, они были младшие дружинники" [„слово гридница.... напоминает лакейские, девичьи в барских домах или молодцовские в купеческих"]. Известие Лавр. лет. под 1014 г. показывает, что „в Новгород при посаднике, не-князе, посылались гриди великокняжеские", „получавшие... определенное содержание" (1000 гривен). „Собирательное «гридьба» употребляется для обозначения княжеских гридей [„Мстислав приеха к Ростову и совокупи Ростовци и боляры и гридьбу... и поеха к Володимерю", Лавр., под 1177 г.] или же под гридьбою разумеют гридей земских [„прииде Ростислав... на Луки и позва новгородцы на поряд, огнищаны и гридьбу", Новг. I, под 1166 г.; „позва Всеволод новгородце на Чернигов... и новгородци не отпрешася ему, идоша с кн. Ярославом огнищане и гридьба и купци", Новг. I, под 1195 г.: „изгониша Литва Русу оли до торгу и сташа Рушане и засада огнищане и гридьба и кто купець и гости и выгнаша я из посада", Новг. I, под 1234 г.]... Они составили впоследствии особый класс новгородской земщины, состояли на службе у господина В. Новгорода и за эту службу вместо жалования получали от веча земли прежде в поместья, а потом и в собственность" (Прилож., с. 26 сл.).

Сергеевич указывал, что „дворовые воины", находившиеся у князя „постоянно под рукой" „назывались по возрасту — отроками, по оружию — гридями и мечниками". Гриди и мечники — „это два разные наименования того же рода лиц, воинов, живших во дворе князя и на его содержании". Наиболее удачным Сергеевич считал производство слова „гридь" от gred — меч: „гридин будет то же, что мечник, т. е. воин по ремеслу" (Др., I, с. 390, прим.).

„Ябетник"

Татищев: „Ябетник мню описка вместо обетник или по договору служащий, т. е. холоп".

Болтин: „слово *обетник* в сказанном смысле никогда не употреблялось; во-вторых... нимало не прилично положить здесь холопа между людей свободных... тем паче, что за голову холопа ниже... положена цена только 5 гривен. Итак, вероятнее кажется принять звание ябетника вместо отправляющего земскую или приказную службу, и в сем смысле прилично будет оно предшествовать званию мечника, военную службу проходящего, в различие их состояний. Почему мним, что и слово *ябеда*, в первобытности своей, не тот смысл имело, который ныне оно представляет, но означало знание законов и порядка судо-

производного. Злоупотребления ябетников, сиречь законоведцев, кои по чужим делам ходатайство имели, заставили иметь о них худую мысль, а под словом ябеда подразумевать крючкотворство..."

Карамзин считал „любо ябетник" — опиской, возникшей из „любо тиун" (II, прим. 67).

Эверс возразил, что тиун в Древнейшей Правде не встречается и, связав ябетника с польским gabać, „настоятельно требовать, стужать кому-нибудь" (Словарь Линде, II, 669), „что имеет значительное сходство с русским: ябедник, криводушник, сутяга", — предположительно видел в нем „сборщика, взыскателя [«eintreiben»] податей". Для изменения первоначального смысла ябетника Эверс видел аналогию в судьбе римских fiscus, calumniae fiscales, давших „наше: фискал" (с. 315; нем. изд. с. 271).

Розенкампф высказал предположение о происхождении слова „ябетник" из „норманского или готского языка", где „Aembed значи- *должность* или *поручение*, на кого-либо возложенное". „Когда слово переходит из одного языка в другой, тогда не токмо гласные буквы оного переменяются, но и самые согласные... Так из Warängi сделались варяги, из Шлиссельбурга Шлюшин и проч.: таким образом из Aembed сделалось ябеда и ябедник, т. е. человек, которому дано было особенное поручение... И ныне в шведском и датском языках Aembetsmann значит особенного чиновника... В древнем норвежском Уложении — Leges Gula-thingenses, Havniae, 1817, с. 134, Um-bod = mandatum, cura demandata; Um-bods = mand. procurator... По-немецки Amt, Ambt Amtmann — также в исландском языке, по словарю Раске, с. 29, Ambt officium; hodie prefectura regis. В том же значении слово сие употребляется во всех германских диалектах [ссылка на Цезаря, lib. VI, с. 14] о полководцах германских народов: «ut quisque est genere copiisque amplissimus, ita plurimos circa se habet Ambactus, clientesque», т. е. чем знатнее родом, богатством, тем более имеет служителей (Ambactut› и клиентов" (с. 314—315).

Каченовский искал объяснения слова „ябетник" на русской почве и находил „верные признаки, что, быв прежде служителями правосудия они впоследствии сделались ненавистными бесстыдством своим, привяз, чивостью, кознями, грабительством": Новг. I, под1218 г. упоминание „би рича ябеднича", там же, под 1447 г. дело о литье рублей для частных лиц „бе весь град в сетовании, а голодники и ябедники радовахуся, только бы на кого выговорил [допрашиваемый мастер]". „Без сомнения ябедники радовались благоприятному для них случаю делать розыски и забирать виновных или обвиняемых... Грамотою в. кн. Василия Ив. 1530 г. пожаловано лопарям право состоять в ведении не наместников и тиунов новгородских, а собственных дьяков вел. князя. Лопаи... жаловались

на то, что с приставами наместничьими ездят к ним «ябедники новгородские человек по 30 и больше, а от поруки деи на них емлют рублев по 10 и больши» [С. Г. Гр. и Д., I, с. 436]. Здесь в „ябетниках" видим опять каких-то людей должностных..." В „ябетнике" Каченовский усматривал „и того *сока*, о котором упоминается в Литовском Судебнике короля Казимира", отмечая, что „слово sok известно в чешском законодательстве с XIII в.", и что „в словаре Палковича находим sok уже со значением оклеветателя, a sočiti (сочити) есть то же, что доносить на кого ложно": „итак с богемским соком сделалось то же, что с нашим ябедником". „Значительность" ябетника Каченовский усматривал в „появлении его в Летописи" с „подчиненным ему биричем", т. е. „приставом, недельщиком". „Когда Псков в XIV в. возведен был на степень брата молодшего Новгороду, с того времени псковитян уже более не позывали в Новгород «ни дворяны, ни подвойскими, ни софияны, ни изветники (ябедниками?), ни биричи» (Уч. зап., 1835, сент., № III, с. 382—387).

Морошкин: „На шведском языке... ja-binda = принятие присяги, а ябетник — присяжный... Весьма вероятно, что люди присяжные, впадая в клятвопреступление, скоро навлекли на себя ненависть" (в примеч.: Рейц, Опыт, с. 403).

Буслаев указал на готское andbahts — в переводе Ульфилой греч. πάντων διάκονος выражением allaim andbahts (О влиянии христ., с. 177)

Мацейовский считал, что ябетник (норманск.), тиун — то же, что сербск. пристав, польск. и чешск. procurator, поручник, речник, — т. е. ходатай по делам, защитник в суде (III, § 189, с. 215).

Мрочек-Дроздовский, имея в виду те же новгородские тексты, которые цитировал Каченовский, считал ябетника „младшим дружинником или же холопом княжеским", „княжеским прикащиком" (Чтения, 1884, кн. I).

Владимирский-Буданов, приняв словопроизводство Розенкампфа, пояснил: „нынешнее бранное значение этого слова указывает на древнее действительное значение ябедника, как публичного обвинителя" (Хр., I, прим. 4).

Пресняков считал ябетника тожественным тиуну: „слово это германское, ср. сев.-нем. ambaht, сканд. ambatt, где этимологическое его значение «преданный», слуга из челяди... — слуга, челядин, слово, равносильное слову тиун готов (готск. tius, сев.-герм. diu, соврем. dienen). Правда Ярославичей вместо ябетника называет [ст. 22 Кр. Пр.] тиуна княжа, выделяя его в ряд княжих мужей" (Лекции, I, с. 224).

Барац противопоставил прочим „гаданиям" свою „догадку": в протографе читалось вместо ябетник „обидьник", обидчик, насильник, „презрительная кличка варяга... иностранца, иноверца". В Талмуде

pharang чередуется с еврейскими словами „гой“ или „нохри“ (чужестранец, иноплеменник, варвар), объясняемое Соломоном Ицхаки, жившим в XI ст. во Франции, как „притеснитель, мучитель, изветчик, ябедник“ (Букcторфом передано: hostis et angustator, id est mezic [евр. слово], vi, dolo, ac machinationibus alios opprimens, Вестн. права, 1903, апр., с. 55); так и Начальная летопись называет варягов „находниками“, т. е. „самоуправцами, насильниками“ (с. 206).

„Мечник“

Диев: „Название сие, кажется, не происходит от слова меч и не означает военного чиновника... Мечник был чиновник более полицейский, чем военный [см. ст. 86 Пр. Пр.]... Метельник не один и тот же ли был чиновник, что и мечник? [см. ст. 9 Пр. Пр.]... Слова метельник и мечник не от греческого ли слова происходят μετέρχομαι, persequor, преследовать, выполнять, исполнять или μετέχω, particeps sum, имеющий участие в чем-либо, участник“ (Русск. ист. сб., с. 47).

Соловьев предположительно („кажется“) считал, что мечник метельник „одно и то же“ (I, с. 239).

Мрочек-Дроздовский обратил внимание на то, что мечник в ст. 1 Кр. Пр. „поименован в числе других княжих слуг, рядом с ябетником, гридем, откуда видно, что он занимает какое-либо особое положение в княжеской службе“ и потому „общее значение воина не приложимо к мечнику“. „Воином в собственном смысле слова“ был меченоша, который и „входил в состав боевой свиты князя“: „потому, вероятно, имя его и не встречается в росписи тех лиц, которые могли войти в столкновение с земскими людьми“, „дружина жила отдельно от земщины в своих кремлях или детинцах... и не нуждалась в охране общего земского уложения“. И летописи, и Р. Пр. „дают нам понятие о мечничестве, как должности судебной, о мечнике, как о помощнике судии“ (Ипат. под 1146 г.: киевляне „устремишася на Ратшин [тиунский] двор грабить и на мечникы“; в 1175 г. восстание в Суздальской земле обратилось против тиунов и мечников; тиун вместе с мечником выступают и в ст. 33 Кр. Пр. о муке). „Мечники, находившиеся при князе, исполняли по его приказу и иные службы“: „Михна, мечник Андрея Боголюбского был дважды в послах“. „Мечник был не меченосец, а *мечедержатель* князя, как судьи“ („меч, карающий неправду“). В народных сказаниях иногда слово „мечник“ употребляется в смысле „главного судьи, местного правителя“ (ср. Повесть о благочестивом рабе, в позднейшем варианте которой слово „мечник“ заменено словом „епарх“, Пам. стар. русск. литерат., I, с. 83) (Прилож., с. 86 сл.).

Сергеевич возражал: „Конечно, князь был и судья, и воин, и хозяин своего собственного имущества. Но чтобы разные стороны его деятельности олицетворялись в особых органах, этого у нас не было не только в XI, но даже в XVII в. Мечник, как воин, вооруженный мечом, легко переходит в палача: «ускори послати виновного к мечнику» (Прhлог, апр. 30. Академ. словарь)“ (Др., I, с. 391, прим.).

„Изгой“

Болтин: „Житель волости, называемыя Изгои... на границе Псковской с Лифляндией... [Псковск. летопись: „Островичи и псковичи встретились с немцы на княжи селе, на Изгоях“]. Изгои, т. е. жители из показанные волости, целую улицу в Новгороде населяли [см. Карамз. группа „о городских мостех осменникы поплата“, т. I наст. изд., с. 340]“.

„Вероятно, что они были латыши или чудского племени“, — добавлял Карамзин, принимая толкование Болтина (II, прим. 67).

Эверс: „Не опровергая сего значения, кажется, можно положить, что здесь употреблена часть вместо целого и что под изгоем можно разуметь вообще иностранца в противоположность с славянином...“ (с. 316).

Морошкин: „Изгоя можно произвести от uss-gauja (готск.), изгнанника из волости, выходца... Изгой... тож значит, что Wargus в западных кодексах“ (в примеч.: Рейц, Опыт, стр. 412).

Иванишев, указывая на hajati=ходить, izhajati=выходить (в иллир. яз.), hoja=путешествие (в словенск. яз.), заключал: „изгой значит пришлец, иностранец“ (с. 89).

Дубенский, принимая толкование Болтина, полагал, однако: „как Правда Русская первоначально дана новгородцам, то речь здесь могла более относиться к изгоям, которыми населена была особая улица в Новгороде“ (с. 20).

Погодин цитировал церковный Устав кн. Всеволода („хранящийся в моей библиотеке“): „изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп ис холопства выкупится, купец одолжает, а се четвертое изгойство и сего приложим, аще князь осиротеет“ (Исслед., III, с. 408).

Калачов: „Название изгой, только в самое недавнее время (именно с открытия устава о церковных судах новг. князя Всеволода Гавриила) получившее право гражданства в числе других терминов, обозначающих наши древние туземные сословия или знания“ послужило Калачову предметом особого исследования. „В самое отдаленное время, при полном господстве родовых отношений, могли быть лица, не принадлежащие ни к какому роду, следов. поставленные вне всяких общественных связей. Такие лица бесприютные, собственною виною

или случаем отторгнутые от своих семейных общин, в самом деле бывали и у наших славян, и они-то первоначально назывались у них... именем изгоев". „По всей вероятности... термин [„сироты"] имел первоначально буквальный смысл, относясь к изгоям-сиротам, оставшимся от низших родовых общин". „Термин «изгой»... состоит из двух половин: из существительного «гой» и находящегося перед ним предлога «из»". „В разных славянских наречиях известен глагол гоить... действительный залог от среднего жить, и поэтому означает собственно «давать жить, заставлять жить». Отсюда нижнелужицк. gojs, чешск. hojiti (sanare), сербск. гоити (alere), русское гоить, угоить, употребляющееся в Сибири в смысле: устроить, напоить, накормить (напр. изба угоена, кони угоены)... [древняя форма глагола] гой (в слове изгой)... означает известное состояние, бытие, самую жизнь, и, как существительное, относится к глаголу жить точно так же как, напр., «кой» (в «покой») к «чить» (в слове «почить»), или существит. «пой» (в «водопой») к глаголу пить. Другая половина термина изгой, предлог из, — означает, как известно, выход, исключение из какого-либо состояния. В отношении к глаголу «гоить» и форме его «гой» он должен поэтому означать выход, исключение из жизни, оставление жизненного бытия. Следовательно изгой... есть существо отрешенное, отпадшее или отделенное от жизни... Употребительное доселе (по свидетельству И. Д. Беляева) в некоторых наших губерниях название: изгойные поля, которым означаются особенные или отдельные поля, не входящие в состав общих полей... Совершенно тождественное значение с нашим изгой, в отношении к быту германских народов, имеет термин ussgauja, которым на готском и латышск. языках обозначается выходец, изгнанник... Наконец и самая Русская Правда... в одном из ее кратких списков вместо названия изгой встречается весьма замечательный вариант его изгон (т. е. изгнанник)". „Отрешенный от своего рода и поэтому поставленный вне всяких общественных отношений, изгой... должен был считаться, по родовым понятиям, и грешником и преступником... и на самом деле изгой был в большей части случаев, с точки зрения не только того времени, но и даже настоящего, более или менее значительным преступником... не имел другого средства к поддержанию своего существования, как пуститься на грабеж, сделаться разбойником [ссылка на древне-герм wargus, „expulsus de eodem pago, означ. также разбойника и волка жителя лесов"]". Подтверждение такому взгляду на изгойство, как на „состояние страшного преступника и неумолимого грешника" Калачов находил в толкованиях на молитву „отче наш", где, „вслед за исчислением разных грехов сказано об изгойстве: «всего же есть горее изгойство взимати, и же взимающеи, тии не отдадут опять тем же»", что Калачов переводил: „нет более тяжкого греха, как самовольно

делаться изгоем, кто берет на себя (принимает на свою душу) изгойство, тот не тем поплатится", и далее упоминается, „что из грехов всего горее изгойство". С „изгоями-разбойниками", которые „прежде всего" „должны были подвергнуться карательной власти великих князей", Калачов связывает совет епископов Владимиру (Лавр., под 996 г.) „казнити разбойников, но со испытом", видя здесь „содействие" церкви „благим начинаниям князей и в отношении к изгоям", ибо „в числе их могли находиться изгои-сироты". Церковь и принимала „под свою защиту" изгоев, „чтобы они не сделались разбойниками": таковы „изгои трои" Всеволодова устава, таковы и изгои устава о мостовой повинности в Новгороде, „поселенные близ епископского дома" и изгои Устава смол. кн. Ростислава в селах Ясенском и Дросенском (ДАИ, I, № 4). Но судя по тому, что Всеволодов устав перечисляет далеко не все источники изгойства (например, сироты из боярских родов, „простолюдины, отрешенные от своих родов"), Калачов полагал, что „при новом порядке вещей, установившемся со времени призвания князей", не все изгои нуждались в защите церкви, находя ее, например, в дружинном строе и „общинах гражданских", не родовых. На этом новом пути общественного развития вышло из употребления „мало- помалу" и самое название изгоев (с. 109; О знач. изгоев, с. 57—72).

Соловьев никак не откликнулся на рассуждение Калачова и, ограничившись ссылкой на Погодина, определил изгоя, как „вообще человека, почему-либо не могущего оставаться в прежнем состоянии и не примкнувшего еще ни к какому новому" (I, с. 230).

Богдановский принял новое толкование изгоя и по-новому перевел вторую часть ст. 1 Кр. Пр. (см. выше „Русин... словенин") (с. 24).

Буслаев сообщил текст дополнений к Вопрошанию Кирикову (Сб. И. Н. Царского, № 414, XVII в.), опрокинувший данное Калачовым толкование термина „изгойство" в толкованиях на „отче наш": „аще ж кто челядь продает, да елико дано есть, толко ж опять взяти на нем. Аще ли кто лише емлет, то не наклады, но прасолит живыми душами, с ними ж пред Богом стати есть. Аще ли кто искупается на свободу, да вдаст цену, южь дали на нем, и потому свободен дети приживет, и те аще имут имати на нем изгойство, то обретается продая кровь неповинную и взыщется милостыни. Милостивии бо помилованы будут. Аще кто, хотя спасения, кается, да опять дасть тем, их же обидел, а не тако — не быти прощену" (Арх. ист.-юрид. свед., с. 42).

В развитие филологического объяснения термина „изгой", Микутский привел справку о латышском слове izgois = „вышедший" (тот кто вышел). „Слово это происходит от глагола it' (идти), который в первом лице наст. врем. имеет: itu (иду), в прош.: goju (я шел), причастие же его прош. врем. действ. залога: gois (шедший). Предложенное значение

слова: izgois подтверждается след. местом, встречающимся в книге на латышском яз. под заглавием «Wyssa Mocieyba Katoliszka», Полоцк, 1805, с. 32: «un izgois ir na zynodamus kur goja» (и вышел, не зная куда шел)" (Арх. ист.-юрид. свед., с. 42).

Хомяков предложил, основываясь на санскритском „го"=хвала и русском „гой еси"=будь хвален, перевод „изгоя": „лишенный чести сословной или общинной" (с. 385).

Энгельман, отвергая филологические объяснения Микутского и Хомякова, ставил вопрос: „Не вероятнее ли связь слова изгой с санскритск. корнем gâ? Тогда псковское село «Изгои» могло бы иметь значение новоселок". Впрочем Энгельман прибавлял, что „эта связь должна быть доказана ясно и положительно". Отвергая и калачовское понимание „состояния изгойства", как „греха", „потому что употребление этого слова впоследствии в смысле переносном для означения греха... относилось не к самому состоянию изгойства и ограничивалось случаем совершенно частным" (применительно к холопам), Энгельман высказал недоумение: „чем же объясняется постановление Р. Пр., по которому за убиение изгоя... полагается точно такая же вира, как и за убиение всякого другого", если изгой „величайший грешник" (с. 39 сл.).

Ланге указал на то, что статьей 1 Р. Пр. „не исключается возможность существования у изгоя родственников, могших пользоваться, в случае его убийства, правом мести. Т. обр., под изгоями никак нельзя разуметь ни сирот, ни изгнанных из рода", и, основываясь на том, что „существительное жизнь... в наших летописях именно принимается в смысле средств к жизни" (ПСРЛ, II, с. 26, 32, 37 и 38), а „слово жить значило иметь материальные средства для поддержания жизни", заключал, что под изгоями „разумели лишенного этих средств... нуждавшихся и нищенствовавших, искони существовавших под особым покровительством церкви". „Таким-то бедным людям или изгоям оставалось: или снискивать себе пропитание испрошением подаяния и быть людьми церковными, богадельными, или, что без сомнения случалось чаще, пользоваться, как средством к жизни, возможностью поселения по вызову на пустопорожних владельческих землях, т. к. владельцам именно иногда давалась поземельная собственность со изгои, т. е. с правом поселения на ней таких людей". Из „изгоев по уничтожении права перехода и образовались помещичьи крестьяне". Однако в изгоях ст. 1 Р. Пр. Ланге предпочитал видеть „жителей левого берега Волхова" в древнем Новгороде в противоположность „обитателям правого берега", „словенам": „изгоям в Пр. не следует приписывать никакого особого юридического значения, а просто понимать под ними жителей Софийской стороны" („людины... делились... по месту жительства на русинов, изгоев и словен") (с. 59, 60, 69, 70).

Мстиславский пытался разрешить недоумение Энгельмана тем, что „изгои, люди церковные, богадельные были поставлены Р. Правдой относительно виры наравне с полноправными гражданами... не иначе, как вследствие особого попечения о них церкви..." (Чтения, 1860, кн. I, с. 29).

К. Аксаков: „Здесь перечисляются те, которые могут остаться без родовых мстителей... следовательно и у него [изгоя], как и у других, мог быть и не быть родовой мститель. В таком случае значение слова изгой, как исключенного из рода, решительно невозможно. Изгой не был явлением родовым, но явлением общественным, гражданским, это был человек, исключенный или сам себя исключивший из общины или сословия" (I, с. 37, 38).

Мрочек-Дроздовский считал слово „изгой" „окончательно приведенным в ясность, истолкованным" и „решение вопроса об изгое" видел в приведенных выше словах Соловьева. „Филологические данные доказывают, что изгойство есть не что иное, как выход... из какой бы то ни было среды, а потому оно было настолько же явлением родового, насколько и гражданского быта. Изгой был выходцем из рода, когда иных союзов не... было, но он также... является выходцем из земской общины, верви, когда эта община сменила доисторический родовой быт". Мрочек принимает у Морошкина готск. uss-gauja = изгнанник из волости = wargus Вестготской Правды, у Иванишева — иллир. izhajati = выходить, у Микутского — латыш. izgois = вышедший, но считает „естественнее" словопроизводство изгоя из „отечественного языка" (гой от жити, как пой от пити) и принимает у Буслаева (Арх. ист.-юрид. свед., I, с. 101) гой = жизнь = спокойствие = мир = міp (общество), мирное житие людей, а изгой = человек, стоящий вне мира, общества, а потому вне мира, „закона общежительного". Изгой = „всякий гулящий человек, бездомник, шатун". „Первою причиною изгойства было... изгнание из рода за преступление. При разложении родового быта и при смене его общинным изгойство развивается... ибо увеличивается число общественных состояний, из которых возможен выход... Изгой уже является не в прежнем безвыходном бесправии: он находится под охраной того высшего общественного союза, который, став на место патриархальной общины, включил в себя и родовые союзы... Даже изгои-преступники или изверги в собственном смысле находились под покровительством закона: это эпоха Ярославовой Правды. Весьма возможно... что первоначально и при земско-общинном быте изгой — нарушитель мира... считался по старому вне закона... и всякий встречный мог его убить... Появление князей вообще изменило положение таких изгоев, но сначала общество, как видно, не могло сразу отвыкнуть от убийства изгоя... ввиду этого Правда Ярослава и не могла оставить без внимания изгоев. Потом...

под влиянием веры христовой... в особой защите для изгоев уже не представлялось надобности... в остальной Правде... более изгой не встречается". В XII в. изгой — выходец, „пока он не примкнет к другому состоянию, снова... приобретает те или другие права... и перестает быть изгоем. Но некоторые изгои... не могли никогда избавиться от изгойства... Этот разряд людей требовал особой охраны. Органом такой охраны... являлась церковь". Всеволодов устав и отдает ей три вида изгоев: безграмотного священнического сына, выкупившегося на свободу холопа и купца-банкрота. Церкви „подчинены изгои трои, а не изгои вообще". „Отрицательное определение пространства церковной юрисдикции" дано в словах: „а се четвертое изгойство и к себе приложим, аще князь осиротеет", т. е. „а четвертый вид изгоев мы, князья, берем на свое попечение". „Глагол прилагати, прикладывати... имел... значение отдачи кого-либо в чью-либо власть... напр., человек, находившийся под эпитимьею... назывался прикладнем... Князь изгой не был причислен к разряду церковных, богадельных людей". Понятие „изгойства" Мрочек-Дроздовский выясняет на уже известных текстах. „И се пакы горее всего емлющим изгойство на искупающихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавше равно себе созданного рукою божиею человека, ниже насытившеся ценою уреченною" (Павлов. Пам. др.-русск. кан. права, ч. I, № 122, с. 835, „Предсловие покаянного, правило св. отец соборных всея вселенныя") — „из этих слов видно, что... от цены уреченной [договорной], по которой холоп и был приобретен рабовладельцем, отличается взимание изгойства... Изгойство есть не что иное, как прибавка, наклад на уреченную цену раба... особая плата рабовладельцу за... согласие рабовладельца на то, чтобы холоп за известную плату вышел из холопства" [„изгойство же толкуется бесконечная беда, непрестающая слезы, немолчно воздыхание и т. д." „взимание такой платы есть бесконечная беда и т. д."; ср.: „такоже иже кто продает челядина, да елико на нем давши, толико и взяти: аще ли лише, то обретается наклады емля и прасоля живыми душами... Такоже иже кто выкупается на свободу, то толико же дасть на собе, колико же дано на нем"]. „Взимание изгойства... есть именно наклад, процент, на уреченную цену... Были и случаи взимания изгойства не на холопе, а на детях, рожденных уже после выхода отца из холопства...: «потом же, будя свободен та добудеть детей, то начнуть имати изгойство на них, то обрящутся продающе кровь неповинную и взъищется перед богом на страшном судищи от рук их кровь та...»". Вопреки Калачову, „свидетельство «Предсловия»... никоим образом не указывает на то, что изгойство в смысле изгнания или выхода из родовой общины, считалось тяжким грехом". „Уже в XII в. под именем изгоя разумели вовсе не бес-

правное существо, а просто гулящего, затяглого человека и... устав, данный Смоленскому собору кн. Ростиславом Мстиславичем в 1150 г., называет изгоями тех гулящих людей, которыми заселялись пустопорожние земли на льготных условиях: пока термин льготы не истек... поселенцы находились еще как бы в переходном состоянии от гульбы к земле... и по старой памяти назывались изгоями... Иногда целые местности, население которых составилось из таких осевших на земле гулящих людей... носили наименование Изгоев, на Изгоях и т. д.... случайность, подавшая повод некоторым предполагать, что изгои — народ". Таковы же изгои и в уставе о мостовой повинности (Прилож., с. 40 сл.).

Сергеевич выдвигал на первое место изгоя таким, каким он является в ст. 1 Р. Пр.: „изгоями называется некоторый класс людей, который с точки зрения уголовного права ничем не отличается от остального населения и приравнен даже к служилым людям, каковы гриди и мечники". Все четыре вида изгоев Всеволодова устава — „это бедные жалкие люди, лишившиеся обыкновенных в их положении способов существования, а потому нуждающиеся в особом покровительстве", „находящиеся в бедственном положении". „Отдельных видов таких людей может быть очень много. Всеволодов устав, перечислив три вида, прибавляет к ним еще четвертый, новый. Но слово изгой может быть применено и вообще для обозначения низшего разряда людей, смердов, крестьян". Передача монастырям сел „со изгои" — „значит, что князь, одаряя монастырь своей землей, передает ему и те участки, которые сданы были крестьянам. С момента пожалования... становятся... в обязательные отношения к монастырю. В московских грамотах XIV века крестьяне называются не изгоями, а сиротами (АЭ, I, № 5, 7; ДАИ, I, № 9). Этот новый термин очень близко передает смысл более старинного термина, «изгой»". Тексты XV в. об „изгойстве" приводили Сергеевича к предположению, что „первоначально, м. б., изгоями только и называли вышедших на волю холопов". Во всяком случае, „по историческим памятникам изгой не имеет никакого отношения ни к роду, ни к общине, он не преступник и в правах не умален: наоборот, он поставлен под особое покровительство церкви, как человек бедный, жалкий" (Др., I, с. 272—275).

Грушевский считал изгоев людьми без общественного положения, „неприкаяннi", вследствие чего они и отданы под опеку церкви. Они считались свободными; вира за них шла полная, как за свободных. „Не имея собственного хозяйства, они сидели на чужой земле" (III, 319).

Дьяконов считал невозможным, вопреки Сергеевичу, заключать, „что поселенные на земле изгои были те же смерды или крестьяне. Князь [Ростислав Смол., 1150 г.] жертвует села не только с землею,

т. е. и с участками, на которых поселены изгои, но и с самими изгоями и с бортником. Это явно указывает на зависимое положение изгоев". Принимая этимологию слова „изгой" от слов „гоить — жить", предложенную Буслаевым (Арх. ист.-юрид. свед., I, с. 101), Дьяконов указывает на сохранение слова „гоить" „и в современном народном языке в смысле жить, устроить, убирать, ладить, работать, в частности в сложных глаголах — загоиться и угоить; напр., рана загоилась (зажила), изба угоена (устроена, убрана), кони угоены (накормлены). Частица из, соответствующая латинскому предлогу «ех», напр., в слове «egens», обозначает изъятие, исключение и даже противоположение (напр., избрать, излюбить, износить)... «Жизнь» и «живот» обозначают имущество... То же значение термина «жить» сохранилось и в современных сложных: прожиток, зажиточный, нажить. Наоборот, изгой обозначает человека, лишенного средств к существованию" (Очерки, с. 121—123).

Против отожествления изгоев с сиротами Сергеевичу возражал Пресняков: „Слово сироты шире, чем изгои, но не до значения вообще крестьяне [Жалованная грамота Микуле с детьми: „ненадобе им потянути Новоторжьци ни в которую дань, ни в Ординьское серебро, ни его сиротам"]. Ср... противоположение сирот крестьянам в духовной Антония Римлянина: «ни себе покоя не дах и братии, и сиротам, и зде крестьянам досаждая»". „Слова Климента Смолятича [осуждающие тех, кто „прилагает дом к дому, и села к селом, изгои же и сябры и борти и т. д."] показывают, что не все изгои, что сидят на церковной земле; от них отличены сябры". Аналогию изгоям Пресняков указывает в западноевропейском либертинате: „большинство их [вышедших из неволи холопов] попадало в положение людей полусвободных, оставаясь в известной зависимости от прежнего господина или поступая под властную опеку короля и церкви... Оба разряда либертов, королевские и церковные, имели ту общую черту, что их имущество при бездетной смерти шло в казну или в церковь [по Рипуарской Правде]... Причина этого зависимого положения пущенника та, что он изгой... стоящий вне общественной организации. При огромном значении, какое в древнем быту имела порука — семьи, соседей, сотни, верви, господина, это более или менее значило оказаться вне закона. Лишь опека князя или церкви вводила изгоя снова в правовой союз... Что касается имущественного положения изгоев, то единственное указание, какое имеем в т. наз. «Уставе Ярослава о церковных судах», дает черту, схожую с тем, что мы видели на Западе: «безатщина их епископу идет», причем это уступка епископу княжого права" (Княжое право, с. 276 сл.).

Греков указывает, что „обычно наши исследователи не обращают внимания на то, что наши источники говорят об изгоях двух категорий — городских и деревенских... А между тем совершенно очевидно, что

между изгоем, имеющим право на 40-гривенную виру... и между теми изгоями, которых князь Ростислав в 1150 г. передавал вместе с селом Дросенским смоленскому епископу, или, которых, по сообщению митр. Климента, ловят в свои сети ненасытные богачи, наконец, теми изгоями, которых церковный Устав Всеволода нач. XII в. зачисляет в состав людей церковных, богадельных — разница очень заметная". Принимая, как „рабочую гипотезу" филологическое толкование термина — „изгой", Греков подчеркивает, что „термин этот жил вместе с изгоем и заполнялся новым содержанием" и „в конце концов он перестал обозначать то, что обозначал раньше". В Р. Пр. „изгой, повидимому, упомянут в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще считается полноправным членом нового, повидимому, городского общества, стоит в одном ряду с дружинником, купцом и даже русином, несомненно представителем правящей варяго-славяно-финской верхушки общества". „Это есть вынужденная компромиссная мера в целях успокоения общественного движения" в Новгороде 1015 г. „Равноправие изгоев в нач. XI в. было уже для них потеряно, но не совсем забыто и, м. б., служило неписанным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г." Греков считает вероятным, что городские изгои Кр. Пр. были свободны и этим отличались от деревенских, которых он сравнивает с „выходцами из соседской общины", migrant'ами Салической Правды: „если кто захочет вселиться в виллу к другому, и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится вселению, он не будет иметь права там поселиться" (§ 1), „если же вселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи" (§ 3, Tit. XLV). „Однако в XI—XII вв. изгой уже ничего общего с migrans не имеет... В деревне начало XII в. уже застает их в совершенно ином общественном положении... в числе людей церковных, богадельных". „Гораздо чаще встречаем изгоев в княжеских имениях", но „главная масса изгоев" — из холопства; это — „вольноотпущенники", „посаженные на господскую землю, крепостные". Это уже „момент изживания рабства", и Климент Смолятич (1147—1154), осуждая „славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры и т. д.", подчеркивает экономическое значение изгоев в развитии крупного землевладения. Изгоев же можно видеть в „домовных" людях церковного Устава Ярослава: безатщина их „епископу идет" так же, как „задница" смерда князю. В новом своем положении в вотчине крупного землевладельца изгой „начал смешиваться с массой других зависимых от феодалов элементов и потерял вместе со своим общественным лицом и свое особое наименование". И зависимые сироты, и зависимые смерды, и изгои XII в. — это всё

люди, „находящиеся в достаточно крепкой зависимости от своего землевладельца“, „лично зависимые“ (Феод. отн., с. 146 сл.).

Юшков полагает, что изгои Р. Пр. — это „бывшие люди“, „социальные эксы“, выходцы из территориальных общин, потерявшие инвентарь и имущество. Они же и „стали пользоваться специальной княжеской защитой потому, что каждый из них представлял рабочую силу для княжеских сел. Князь сажал этих изгоев на своих землях, снабжая их жильем и инвентарем“. Но изгойство возможно было и „в результате выхода из сотен, из погостов; наконец, возможен был выход из дружины, которая была тесным союзом, самодовлеющей общественной единицей“. Во всяком случае, изгои Р. Пр. — это не изгои Устава Всеволода, известная цитата из которого означает вовсе не определение изгойства вообще, но разъяснение, какие именно изгои причисляются Уставом к людям церковным. Изгои под защитой князя и „изгои трои“ Устава Всеволода — две различные общественные группы (Очерки, с. 120—121).

Тихомиров относительно изгоев считает „достоверным“ только одно — „это несомненную связь изгойства и церкви“ (Устав Всеволода, Устав Ярослава о мостех). „Близость изгоев к новгородскому архиепископу объясняет появление вставки об изгоях в Краткой Правде“ — „лицо, сделавшее вставку“, „повидимому, принадлежало к новгородским церковным кругам“ (Исслед., с. 74—75).

Статья 2

Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго[1] же, то ли приидеть видок; аще ли не можеть, ту тому конець;[2] оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда.

Переводы

Oder wird er seyn blutig, oder blau geschlagen, so ist ihm nicht zu suchen ein Augenzeuge, diesem Menschen. Aber wenn nicht seyn wird auf ihm irgend ein Merkmal, so komme ein Augenzeuge herbei; wenn er etwa nicht kann, so sey dem ein Ende. Wenn er sich nicht kann rächen, so empfange er für das Unrecht 3 Grivnen, aber dem Arzte der Lohn (Ew.).

Или, если кто будет избит до крови, или до синих пятен; то такому человеку не искать очевидцев. Если же на нем не будет никаких знаков; то он обязан представить свидетелей: а буде не может этого сделать, то и конец тому делу. Если кто не в состоянии мстить за себя: то взять ему 3 гривны, да лекарю плата (Пл.).

Ist er blutig, oder blau geschlagen, so braucht dieser Mann keinen Zeugen zu suchen. Wenn an ihm kein Zeichen [der Misshandlung zu sehen] ist,[3] so soll ein Zeuge beikommen; kann er aber nicht, so hat diese Sache ein Ende. Wenn er sich (selbst) nicht rächen kann, so erhält er für das Unrecht 3 Grivna und den Lohn für den Arzt (G.).

Если придет на суд человек, избитый до крови или в синяках, то не надо искать свидетеля, но если не будет на нем никаких следов побоев, то он должен привести свидетеля. Если он не может привести его, то делу конец. Если потерпевший не может мстить за себя, то пусть возьмет с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю (К.).

---

[1] *Арх.* никоего.

[2] *Арх. вместо:* то ли приидеть... тому конець — аще ли приведеть видок, а он не можеть, ино ту тому конець.

[3] Вариант к Археографическому списку:... zu sehen ist, und er will einen Zeugen beibringen, kann aber nicht...

Комментарии

Эверс: „первоначально все — обида, и речи только об обидах". „В рассуждении личных обид остается в силе частная месть, как в естественном состоянии. Законодатель старается только сократить ее посредством постепенного ограничения и прелестью корысти" (с. 350).

Попов: „Смысл статьи: если кто обидит другого, то обиженный мстит; если же не может мстить, то взять ему денежное вознаграждение. За этим следует исчисление частных случаев [в ст. 3—18]". „Во всех других [статьях], где говорится просто «за обиду» столько-то гривен, подразумеваются слова: «взяти ему»". „Денежное вознаграждение в Ярославовой Правде платится истцу, в Правде его сыновей и князю и истцу вместе... Денежная плата в Яр. Пр. называется за обиду, а плата князю в Пр. его сыновей продажа" (Р. Пр., с. 21, 42, 23).

Калачов видел здесь „древний обычай, записанный даже очевидно в той общей форме, какую он мог иметь в устах народа" (с. 47, прим.).

Тобин: „Один свидетель [видок] был достаточен для полного доказательства" (с. 175).

Соловьев: „Обидою считалось действие, в котором обнаруживалось намерение нанести побои или увечье" (I, с. 233).

Богдановский: „При всяком нарушении прав личности и собственности все законы этого древнего памятника [автор принимает теорию 3-х Правд: Ярослава, Ярославичей и позднейшей XIII в.] основываются на мести и только тогда, когда месть почему-либо не состоится, назначается самим законом известная денежная пеня. Так во 2 ст... само собою предполагается, что [пострадавший] на месте же мог отомстить своему обидчику тем же. То же самое положение развивается в следующих статьях [3—8], служащих как бы развитием 2-й". В ст. 2 и следующих статьях Богдановский указывал, в отличие от ст. 1, второй вид „пеней за остальные правонарушения" — „за обиду", в основу которых положено простое число 3 гривны, которое то увеличивается в известное число раз (в 4 раза), то уменьшается (до 1 гривны) (с. 14, 24—25).

Ланге полагал, что „за нанесение побоев и увечий претерпевший их тогда только, по закону Ярослава, получал по суду удовлетворение за обиду, оже себя не может мстити". Но „частное вознаграждение" Ланге видел в словах „летцю мзда", а чтение „взяти ему за обиду" считал „искаженным" и принимал чтение Татищевско-Погодинского списка „взяти 3 гривны", понимая под этим продажу князю, как и в ст. 29 Пр. Пр. Количество мзды „зависело от произвола обиженного и лечца" (с. 96, 147, 159).

И. Беляев требование „видоков" считал „прямо взятым из Закона Судного, ибо по древним русским обычаям, засвидетельствованным

договорами Олега и Игоря, свидетели не требовались на суде". Но статья в целом вскрывает „факт борьбы нашего законодательства с византийским", является „переделкой подобной статьи Судного Закона (в 25 главе)" и „подводится под русское начало мести" (Лекции, с. 228, 230, 231).

Владимирский-Буданов конец статьи переводил: „в случае, если оскорбление будет доказано или знаками побоев или свидетелем, то, если оскорбленный не может мстить за себя, взять 3 гривны и сверх того плату за излечение". „Здесь, очевидно, месть соединяется с судебным разбирательством; именно суд предваряет месть; месть является последствием суда, исполнением приговора... Относительно такого характера мести по делам об убийстве... [см.]: Лавр. под 1071 г. (воевода Ян, осудив Ярославских волхвов, предлагает родственникам убитых ими женщин: «мстите своих». Но в большинстве случаев месть, конечно, предваряла суд, который лишь потом санкционировал ее, если она совершена законно). В ст. 2 предполагается возможною альтернатива наказаний личных и денежных за нанесение побоев (т. е. оправданный мог или побить обвиненного или взять 4 [3?—*Б. Р.*] гривны)... Родственная месть при делах о побоях и ранах не допускалась. ..Слов: «ему за обиду» в некот. списках нет и, повидимому, не должно быть" (Хр., I, прим. 7). — „За личное оскорбление и побои — месть личная" (Обзор, с. 335).

Рожков подчеркивал, что здесь в противоположность ст. 29 Пр. Пр. „за всякие побои платилось 3 гривны или полагалась месть, и нет ни малейшего намека на внимание закона к тому, кто начал драку: «если кто-нибудь избит до синяков или крови, то тому человеку не искать свидетеля; если же на нем нет никакого знака, то или придет свидетель, или, если этого быть не может (т. е. свидетеля нет), то тем дело и кончается (т. е. факт преступления остается недоказанным); если избитый за себя не может мстить, то взять ему за обиду 3 гривны (б. мож., слова «взять ему» лишние), а лекарю плата». Подчеркнутые слова, как показывает место, занимаемое ими в статье, и отсутствие упоминания о 60 кунах при побоях без следов, относятся к обоим только что указанным в той же статье случаям побоев" (Очерки, с. 150).

П. Беляев сопоставлял ст. 2 со ст. 1 Двинской уставной грамоты: „а за кровавую рану 30 бел, а за синюю рану 15 бел, а вина противу того"; здесь „помимо общих Русской Правде и уставным грамотам речений: синь, кровав, 30 бел Двинской грамоты соответствуют 3 гривнам Правды" (Ж.М.Ю., 1899, № 10, с. 82).

Максимейко: лишь „доказав свое обвинение, потерпевший мог мстить обидчику или же взять с него денежный выкуп". Месть здесь „была исполнением судебного приговора" (Мним. архаизмы, с. 150).

Ключевский готов был видеть здесь „намек“ на судебный поединок, поле. Слова о взыскании 3 гривен „за обиду“ да „лечцу мзда“ в случае, если побитый не в состоянии мстить за себя, — „дают понять, что статья разумеет случай, когда побитый являлся в суд с признаками, очевидно, указывающими на необходимость лечения, т. е. когда жалоба его удовлетворялась судом, — и удовлетворение состояло в судебном разрешении обиженному мстить за себя обидчику. Но что такое месть, т. е. личная расправа по приговору суда? Если она соединялась с лишением обвиненного возможности защищаться, это было телесное наказание, исполнителем которого являлся обиженный; если же у обидчика оставалась возможность дать отпор мстителю, выходила драка сторон по приговору суда, т. е. нечто вроде судебного поединка“ (I, с. 284).

Пресняков на примере этой статьи обращал внимание на то, как „архаические черты первоначального вида древнейшей Р. Пр. подверглись некоторому влиянию — их исказившему — последующих редакций“. При сопоставлении ст. 2 Кр. Пр. со ст. 30 Пр. Пр. — „именно двойственность вознаграждения, понятная в Пр. Пр., вызывает в Кр. Пр. недоумение“ (Лекции, I, с. 214).

Гетц из ст. 2 делал опорный пункт теории частного вознаграждения в цифрах Кр. Пр. и отсутствия в ней государственных штрафов: „взяти ему за обиду 3 гривне“. Это то же, что „Busse“ в германском праве (как определяет ее Wilda, с. 314): „büssen (bôtjan), встречающееся во всех германских Правдах, значит улучшать, emendare. Busse это emenda, удовлетворение (Wiedergutmachen) за причиненную обиду посредством уплаты денег, имело ли оно место в форме полюбовного соглашения или судебного решения“. Гетц замечает при этом, что „параллельного существования Busse и возмещения вреда (capitale), как в германском праве, в Древнейшей Правде мы еще не встречаем“. Все статьи об увечьи, допуская месть, заняты, как „главной темой“, „композицией, заменой мести денежными платежами“ (I, с. 71 и 168—169).

Владимирский-Буданов возражал Гетцу, „для пробы“, предлагая „изъяснить ст. 2—6, 8, 14 и 15 договора новгородцев с немцами 1195 г.: убийство посла, за голову 20 грив. сер. (2), убийство купца, за голову 10 гр. сер. (3), свяжут человека — 12 гр. за сором (4), ударят оружием или колом — 6 гр. за рану (5), «пхнет» — «то 3 гривны» (6), сорвет покрывало с головы женщины — 6 гр. за сором (8), «повалит рабыню» — «за обиду гривна» (14), убьют заложника или попа — 20 грив. сер. за голову (15)... Повидимому... все штрафы в пользу потерпевшего... Но... ст. 7... гласит так: «если побьют мужнину жену или дочь, то князю 10 гривен старыми кунами, а жене или дочери 10 гр. ст.

кунами»... Не следует ли подумать о всех приведенных выше статьях — правильно ли мы их поняли?... Неужели побои женщине были государству гораздо важнее, чем убийство посла и проч.?...“ Между тем „главнейшей опорой мысли о безучастии государства в деле преследования преступлений [у Гетца] служит то, что в 1-й Правде нигде не говорится, что вира и продажа идет князю, тогда как во 2 и 3 Правде об этом говорится ясно“ (К. У. И., 1911, № 3, с. 21).

Максимейко видел „своеобразную особенность“ „личных наказаний“ в 1-й Правде в том, что „они применялись к преступнику по требованию заинтересованной стороны. Если такого требования не было предъявлено, «аще не будет, кто мстя», «оже ли себе не может мстити», то присуждалась денежная плата“. При этом „приговор суда приводился в исполнение не органами государственной власти, а личными силами потерпевшего или его родственников: осужденный преступник выдавался им на месть“ (Опыт, с. 95).

Щепкин возражал Гетцу: 1) в сп. Погодинско-Татищевском слов „ему за обиду“ недостает; 2) если даже „составитель сознательно занес возможность получения пострадавшим урока за обиду в 3 гривны, то это еще не исключает права понимать во всех остальных статьях Кр. Пр. об обидах выкупы в 3 и 12 гривен, как уголовные пени князю. Ведь, если продажи и виры не делились между князем и истцом, то нормы продажи за обиды фактически могли превращаться в предельные размеры частного вознаграждения по мировым сделкам без суда: ответчику всегда выгоднее было бы по бесспорному обвинению дать пострадавшему за обиду выкуп, доходящий до нормы продажи, нежели возиться с судом и в конце концов уплатить ту же продажу, а может быть, сверх того и урок“; 3) „наконец, слова «взяти ему за обиду» можно, согласно с Пр. Пр. и противополагая «себе» и «ему», просто понимать как «взять за обиду ему», т. е. в смысле права власти взять с виновного за обиду, нанесенную пострадавшему“ („ему“) (с. 94).

Черноусов отметил, что заключительные слова „то взяти ему за обиду 3 гривны, а летцю мзда“ „напоминают несколько“ ст. 35 восемнадцатого титула Eclogae ad Prochiron mutatae, где за повреждение руки виновный „τάς ἰατρείας παρεχέτω καὶ δωσάτω νομίσματα τρία“ „Возможно, что и упоминание и там и здесь о врачебной помощи и совпадение цифры штрафа — явление не случайное“ (с. 315).

Соболевский доказывал, что Кр. Пр. является сокращением Пр. Пр., где в аналогичной ст. 29 говорится о приходе избитого „на двор“. Так как Кр. Пр. „не знает княжеского двора“, то „естественной является догадка: первые статьи Кр. Пр. — сокращение статей Пр. Пр., сделанное в таком городе или пригороде, где не было ни княжих мужей [см. ст. 1], ни княжого двора“. При этом „Кр. Пр. ни разу не говорит

о городе; она называет место узаконений миром" (Две редакции, с. 19).

На Мейчика ст. 2 Кр. Пр. производила „впечатление чего-то хаотического": „между первою и второю частями разбираемой статьи нет естественной и ясной логической связи". „Аще ли не может" — „значит здесь не невозможность для свидетеля явиться в суд", ибо „естественным последствием такой невозможности могла бы быть или отсрочка допроса, пока свидетель сможет явиться в суд, или допрос его на дому (если он болен)". Обычное мнение, что здесь разумеется „невозможность для обиженного представить свидетеля, не соответствует прямому грамматическому строю речи", и неприемлемо потому, что его невозможно „примирить" с дальнейшим: „оже ли себе не может мстити". Последние слова указывают, что „потерпевший при известных условиях мог мстить за себя, чего мы, однако, в наличном тексте не находим" — следовательно „впереди какая-то порча текста", „пропуск каких-нибудь слов" или „извращение подлинных". Отмечая, что в Кр. Пр. „недостает казуса, когда обидчик пускает в ход меч, вынутый из ножен" (предусмотренного в Пр. Пр.), Мейчик заключал, что во второй половине ст. 2 Кр. Пр. „первоначально говорилось приблизительно «оже ли ударить мечем»", и этим начиналась отдельная статья „материального уголовного права, которая должна быть отделена от начала". Указание же на мщение со стороны потерпевшего Мейчик находил, исправляя „не может" в „поможет" (ссылаясь на значение ἀμύνειν — помогать, защищать, мстить), и реконструировал текст так: „оже кто тнеть мечем, а той поможеть". „Тут вполне уместно «то ту конец»: обида покрыта обидою". Относительно количества видоков Мейчик держится мнения, что „вместо придет видок надо читать приведет видок, что есть множественное число". В словах же „не искати видока" Мейчик видит либо винит. пад. двойственного числа, либо род. пад. ед. (в последнем случае — указание, что „не нужно ни одного") (Ж. М. Н. Пр., 1916, март, с. 92 сл.).

Романов называет попытку Рожкова, Владимирского-Буданова и Щепкина — считать слова „ему за обиду" лишними — „несостоятельной, так как она основана на их отсутствии в Татищевских списках XVIII в.". Возражает Романов и против мнения Щепкина (см. выше), что в ст. 3—10 имеются в виду выкупы в 3 и 12 гривен как уголовные пени князю: „если Древнейшая Правда действительно отражает Уставную грамоту, данную Ярославом Новгороду по случаю политических событий 1015—1016 г., то выдвижение в ней на первый план таксы частных выкупов, а не таксы княжих штрафов, отвечало бы именно требованиям политического момента", тем более, что „поскольку всюду, как и в ст. 2, подразумевается присуждение платы за обиду княжим судом, обидчик должен был уплатить и судебные пошлины (ср. ст. 41

Кр. Пр., где эти пошлины приблизительно равны сумме частного вознаграждения; ср. также ст. 7 Новгородского договора с немцами 1195 г.)" (Уч. пос., с. 39—40).

Приселков, сопоставляя ст. 2 со ст. 30, высказал догадку, что ст. 2 в протографе начиналась точно так, как и ст. 30, но экземпляр Кр. Пр., с которого переписывал летописец (М. Кусов) в XV в. был дефектен, и начало ст. 2 Кусов воспроизвел „по догадке" и вставил для пояснения слова „человеку тому", полагая, что речь тут шла о мужчине, „тогда как вся ст. 2, как и все статьи Правды Русской Ярослава говорят о «муже», т. е... о дружиннике князя" (с. 246).

Статья 3

Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.

Переводы

Wenn etwa einer den anderen schlägt mit dem Stocke, oder mit dem Pfahl, oder mit der Faust, oder mit der Schaale, oder mit dem Horn, oder mit dem Klingen-Rücken, so 12 Grivnen. Wenn sie ihn nicht ereilen, so gebührt ihm zu bezahlen; so dem ein Ende (Ew.).

Если кто кого ударит палкою, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом, или тупой стороной меча: тот платит 12 гривен. Если бы его и не настигли; то всё он должен заплатить битому, чем и кончится дело (Пл.).

Wenn jemand einen schlägt mit einer Peitsche oder Stange oder mit der Faust oder mit einer Schale oder mit einem [Trink-] Horn oder mit der flachen Klinge, dann 12 Grivna. Wenn man aber diesen [Schuldigen] nicht ergreift, so muss er zahlen, dann hat diese Sache ein Ende (G.).

Если кто ударит кого-либо палкой, жердью, рукой, чашей, рогом или мечом, то он платит 12 гривен; если потерпевший не настигнет его и не отомстит, то виновный платит штраф, и этим дело кончается (К.).

Комментарии

Эверс видел здесь „ограничение действия частной мести, т. е., если кто, обидев другого т. обр., убежит «и не будет настигнут в учиненной за ним погоне, то таковой должен платить (т. е. определенную в вознаграждение сумму денег), и дело должно тем кончиться»“. Эта, как и последующие статьи „о личных обидах“ (по 10-ю включительно) „основываются еще на понятии о законности частной мести. Обиженный мог во всяком случае мстить оскорбителю на самом месте, только в том случае, если месть не могла совершиться на месте, старались

ограничить ее действие...“ „Первоначально все — обида, и речи только об обидах“ (с. 322, 323, 350).

Богдановский: „Право отомщения предполагается и в ст. 10... Вознаграждение делается только тогда, когда обиженный не хочет или не может отомстить [см. выше ст. 2]. Такое толкование оправдывается одною из статей позднейшей Правды, где прямо сказано, что «не терпя ли противу тому ударит мечем, то вины ему в том нетуть» [ст. 26]... Мстить за обиду дозволяется, но только на месте ее причинения или по крайней мере непосредственно за ее совершением“ (с. 15).

Ланге как бы противополагал статью 3 статье 2: здесь говорится о взыскании 12 гривен с нанесшего удар „только тогда... когда не возникло взаимной драки“, побои же в драке предусмотрены ст. 2: также и „при убийствах строго различали... «в сваде» и... «без всякие свады на разбое»“. „Этого самого начала... не могли обойти и при назначении пеней за увечья, раны и побои“ — в противном случае „ряд одних несообразностей. Чем, напр., объяснить, что... ударивший кого-либо пястью и т. д., хотя бы и не наносил ему раны, подлежал 12-гривенной продаже, а за отсечение... перста платил только 3 гривны? Или на каком основании с избившего кого-нибудь до крови или синяков взыскивалось 3 гривны, тогда как за толчки определялась такая же плата, а за клок вырванной бороды назначалось 12 гривен?.. Означенные несообразности легко устраняются, если принять, что все различия плат за побои, раны и увечья зависели от того, нанесены ли они в раздражении, в сваде... или без всякой свады... а с каким-либо злым умыслом, на разбое. При нанесении побоев с намерением без всякой свады обращали внимание на то, произвели ли они раны или вообще остались ли после них следы или нет“. В первом случае (ст. 3, 4, 8) — 12 гривен продажи. Во втором случае, „если бы кто кого толкнул или вообще нанес побои безвредные (ст. 10), подлежал 3-х грив. продаже“. На „ненужное перечисление орудий“ Ланге смотрел, „как на обыкновенный способ Правды в частном выражать общее“ (с. 150—151).

И. Беляев ст. 3 и 4 считал „повторением Олегова и Игорева договоров о побоях“, „только греческие литры переменены на русские гривны“, и понял слова „аще сего не постигнуть и т. д.“ по аналогии с „Олеговым законом“: „если кто не мог заплатить 5 литр серебра, то платил обиженному сколько мог, а в остальном клялся, что ему негде взять. Тот же порядок сохранен и в Ярославовой Правде“. (Лекции, с. 231).

Владимирский-Буданов полагал, что здесь „дозволяется месть до суда (на известном расстоянии), но зато после суда не допу-

скается уже выбора между денежными наказаниями и личными". „Почему... такая разница в способе наказания за побои [ст. 2] и за оскорбление чести?.. Наказание здесь, при личной оценке чести, никогда не может быть точно соразмерено с преступлением... законодателю предстояло или вовсе не ограничивать личной расправы или определить точно цифру имущественного взыскания, не допуская уже взамен его никакого иного". „Смысл статьи: если кто кого ударит... то 12 гривен платит оскорбитель в том случае, если он не будет настигнут (успеет скрыться); тогда (за уплатою 12 гривен) дело кончается... Итак... месть (конечно, личная)... ограничивалась местом совершения преступления" (Хр., I, прим. 7 и 8).

Ведров: „В то время как Lex Salica возвышает или понижает величину взыскания, смотря по большей или меньшей опасности удара для жизни (палкой 3 солида, рана мечом $62^1/_2$ солида), Р. Пр., наоборот, назначает 3 гривны за всякую не смертельную рану и 12 гривен за простой удар палкой. Это объясняется именно тем своеобразным взглядом Правды на значение удара палкою и т. д., как на выражение крайнего презрения к потерпевшему". Слова „аще сего не постигнуть" объясняются в ст. 26 Пр. Пр.: „не терпя ли противу тому". Ст. 3 Кр. Пр. „считает нормальным... немедленное преследование оскорбителя и только в случае безуспешности подобной попытки отомстить... налагает на обидчика денежный штраф" (с. 110, 111).

Рожков отказывался видеть здесь проявление мести: „смысл 3 ст. Кр. Пр. заключается в том, что за удар тупым орудием назначается 12 гривен продажи, но платится эта продажа лишь в том случае, если обиженный не ответил ударом же: следовательно, если обидчик получил ответный удар, который со стороны обиженного есть в данном случае простое применение права законной самообороны, то он освобождается от уплаты продажи" (Очерки, с. 142).

Максимейко указал, что и в судебной практике великого княжества Литовского в XV и начале XVI в. подобные удары характеризуются как бесчестие: „боярин М. Янович напал на Андрея Чеха «и почал его бити кордом — тыльем», т. е. тупой стороной меча. Суд... постановил... «за бой бесчестье шляхетское водлуг обычая 12 рублев грошей». То же и в отношении права мстить лишь на месте происшествия в Литовск. Статуте: «естли бы хто мял кого гдеж кольвек збити, а оный сбитый, хоч бы мало погодивши, не зыскуючи правом на том, хто его збил, а на другом местцы мял бы оному, хто его збил, мстити бою своего, а бити его, тогды тот, который бы мял то вчинати, бой свой первый тратить и того, кому ся мстил бою своего, ма навя-

зати водлуг стану его» [цит. у Демченко: Наказание по Лит. Статуту, с. 211]“ (Р. Пр., с. 385, 387).

Гетц дополнял краткую формулу „то 12 гривне“ — по ст. 2, 4 и 7, не меняя подлежащего: „платит виновный“ „за обиду“, и видел здесь частное вознаграждение. „Логически“ и ст. 3 и 4 примыкают к ст. 2, где оно несомненно: „это только особо тяжкие и потому обложенные 12-гривенным вознаграждением специальные случаи, развитые здесь из общего постановления об изувечении и вознаграждении за него“. Переход здесь на государственный штраф был бы „грубейшим нарушением естественного хода мысли“ (I, с. 80).

Максимейко, разделяя мысль, что „уголовные штрафы [Др. Пр.] поступают в пользу обиженного“, в ст. 3 усматривал „заботливое отношение к праву личной неприкосновенности“. „Позорящему моменту“ Новгородская Правда уделяет „гораздо больше значения, чем моменту физического вреда“; то же и в новгородском договоре с немцами 1195 г.: „Оже мужа свяжут без вины, то 12 гривен за сором старых кун; оже ударят мужа оружием любо колом, то 6 гривен за рану, старые“. Здесь налицо „заимствование“ из римского права: „не в ударе, как таковом, заключается оскорбление, а в презрении, которым сопровождается удар... Люди, не привыкшие к такому презрительному обращению, теряют способность владеть собою“ (цит. из Демосфена, Fr. 16 pr., §§ 1, 6. Dig. 48, 49). Это „рассуждение“ и „дало повод к составлению 3 и 4 ст. ст.“: „судебная практика“ „конечно, не была так богата, чтобы исчерпать все... удары батогом, жердью, рогом, чашею и т. д.“, автор Р. Пр. „сочинял, руководствуясь общим принципом, заимствованным у римских юристов“ (Опыт, с. 27, 29, 161—162).

Мейчик возражал: „Детальные и довольно тонкие различения обид по их пренебрежению к личности не могут быть приписываемы особенностям новгородского общественного строя: это повышенное чувство чести есть следствие воинского духа, вырабатывавшегося в беспрестанных походах первых князей на разные страны; этот факт может находиться в зависимости от того, что в дружинах княжеских было много варягов, а влияние последних при княжеском дворе было, конечно, в Киеве так же сильно, как и в Новгороде. Мирная грамота Новгорода с немцами 1195 г. не делает различия между обидами, наносимыми посредством меча или кола, и эта черта Правды едва ли народно-обычная“ (Юр. вестн., 1915, XII, с. 82).

Соболевский приводил эту статью как пример статьи, „не имеющей смысла“, искаженной при сокращении из Пр. Пр. в каком-то мелком городе или пригороде („то платити ему, то ту конец“) (Две редакции, с. 20).

„Тылеснию"

Эверс: „На польском tylec, на богемском teludje и в русском обветшалое [veraltete] слово тылье означает тупую сторону режущего орудия. Словарь Линде, V, 700" (с. 316).

Тобин поправлял: плашмя, mit der flachen Klinge (Die Prawda, с. 20 и прим. 4).

Соболевский: „Из сопоставления данного места с предыдущим и последующим местами Правды видно, что под тылеснью нельзя разуметь никакого оружия или части оружия. Этимология слова тылеснь не ясна и не говорит ничего о его значении, которое поэтому должно быть признано неизвестным" (Ж.М.Н. Пр., 1886, апр., с. 379),

Максимейко цитировал из Литовской Метрики: „и почал его бити кордом-тыльем", т. е. „тупой стороной меча" (Р. Пр., с. 385).

Статья 4

Аще утнеть мечем, а не вынем[1] *его, любо рукоятью, то 12 гривне за обиду.*

Переводы

Wenn er trifft mit dem Schwerte, ohne es herausgezogen zu haben oder mit dem Griffe, so 12 Grivnen für das Unrecht (Ew.).

Если кто кого ударит необнаженным мечом или его рукояткою; с того взыскать 12 гривен за обиду (Пл.).

Wenn er mit dem Schwert schlägt, ohne es [aus der Scheide] herausgezogen zu haben, oder mit dem Griff, dann 12 Grivna für das Unrecht (G.).

Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то платит 12 гривен штрафа (К.).

Комментарии

И. Беляев — см. выше ст. 3.

Владимирский-Буданов считал эту статью „добавлением к предыдущей: удары мечом в ножнах или рукоятью показывают в оскорбителе презрение к оскорбляемому" (Хр., I, прим. 9).

Гетц формулу „12 гривне за обиду" рассматривал, в связи со ст. 2 и 11, как сокращение полной формулы ст. 2 „взяти ему за обиду", и поэтому видел здесь частное вознаграждение (I, с. 72).

---

[1] *Арх.* не вынез.

Статья 5

Оже ли утнеть руку и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривен.

Переводы

Wenn aber jemand die Hand trifft, und die Hand fällt ab, oder vertrocknet, so 40 Grivnen (Ew.).

Но если кто кого ударит по руке, и рука отвалится или отсохнет; то платить 40 гривен (Пл.).

Wenn er aber die Hand schlägt und die Hand fällt ab oder vertrocknet, dann 40 Grivna (G.).[1]

Комментарии

Рейц: „Из других списков видно, что это должно быть 20 гривен" [см. ст. 27 Пр. Пр.], „когда один из главных членов был поврежден... или нога — тогда должно было откупаться от мести" (с. 58).

И. Беляев относил эту статью вместе со ст. 6 одинаково к руке и ноге: „если кто кого ударит обнаженным мечом по ноге или по руке, так что нога или рука отпадут, то платит за это 40 гр." (Лекции, с. 231).

Владимирский-Буданов отмечал, что „увечье" здесь „относится вполне к преступлениям против жизни, именно за него полагается вира". „Увечьем называлось отнятие руки или ноги, и тогда было понятно, почему оно равнялось убийству: увечный (лишенный средств защищать себя) умалялся в правоспособности (в христианскую эпоху поступал под опеку церкви), т. е. выходил из ряда лиц: для него наступала т. наз. гражданская смерть" (Обзор, с. 327 и 328).

Пресняков видел в 40 гривнах „вознаграждение за увечье, заимствованное из цены мужа по вире: подобно тому, как Литовский Статут определяет плату за раны и увечье, в некоторых случаях, как за головщину или как за целого человека" (Княжое право, с. 264, прим.).

---

[1] Кафенгауз ст. 5. переводит совместно со ст. 6.

Гетц трактовал ст. 5 „в рамках всего ряда постановлений Древнейшей Правды об увечьях" и 40 гривен считал частным вознаграждением. Ряд аналогичных постановлений в германском праве, где за потерю руки, ноги и глаза и отчасти носа и уха назначается полвиры (как в ст. 27 Пр. Пр.), укрепляют Гетца в оценке древнейшей редакции Кр. Пр. (ст. 1—18) как памятника до-Владимирова русского права (таковы: Lex Salica, XXIX, Lex Ripuaria, VII) (I, с. 81 и 262 сл.).

Черноусов сопоставлял, как „напоминающую", ст. 35 тит. XVII Eclogae ad Prochiron mutatae, по которой должен заплатить 12 номисм: „ὁ τὰ ἄρθρα ἤ τό σκέλος παραλύσας ὡς αὐτόν ἀπολέσας" (с. 316).

Статья 6

Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада смирять.

Переводы

Wenn der Fuss ganz seyn wird, oder beginnt lahm zu seyn, dann erniedrigen ihn die Söhne (Ew.).

Если нога останется цела, или он только начнет хромать: то детям раненого смирять дерзкого (Пл.).

Wenn [aber] der Fuss ganz ist, aber lahm wird, dann züchtigen die Söhne [den Schuldigen][1] (G.).

Если же ударит мечом по руке или по ноге и отсечет руку или она станет сохнуть, или нога останется цела, но начнет хромать, тогда пусть мстят его дети или с виновного взыскивается 40 гривен. (К.).

Комментарии

Татищев: „Сие окончание [„чада смирять"] темно, разве детем должен заплатить, чтоб отцова увечья не мстили".

Эверс: [смирять] „т. е. мщением"; „если после удара по ноге ударенный не лишится вовсе ноги, но только охромеет, то обидчик должен удовлетворить детей его (во избежание последствий частной мести)" (с. 316 и 322).

Богдановский дал такой пересказ ст. 5 и 6: „Если кто отсечет у другого руку или лишит его ноги, то подвергается платежу 40 гривен,

[1] Пресняков указал, что „чадь" может означать не только детей, а вообще домочадцев, а „смирять" в древней речи едва ли имеет значение „züchtigen": вернее, „примирять", и смысл статьи, как указано проф. Люблинским (перевод Черри „Развитие карательной власти в древних общинах", с. 81), аналогичен статье законов Этельберта: „если сломят бедро, то bot в 12 шил., а если начнет хромать, то друзья решат" (Рец., с. 154).

как за убийство. Если же нога будет цела, но охромеет, то, вероятно, простому 3-гривенному вознаграждению. Но вознаграждение тогда только имеет место, когда дети пострадавшего таким образом (который сам очевидно не может отомстить за свою обиду) почему-либо откажутся от мести“ (с. 15).

Ланге считал ст. 5 и 6 за одну статью, как было принято и Калачовым, но давал ей иную пунктуацию: „аже ли утнеть руку и отпадет рука, любо усохнет: то 40 гривен, аще будет нога цела; или начнет храмати, тогда чада смирять“, — и толковал ее так: „кто ударил кого по руке, и рука отпадала или усыхала, то должен был, аще нога была цела, т. е. оставалась невредимою при изувечении руки, заплатить 40-гривенную виру, без сомнения в том только случае, если по каким-либо причинам обиженный не мог за себя мстить; но когда не только рука, а вместе с нею повреждена была и нога, так что потерявший руку начинал еще и хромать, т. е. делался решительно неспособным к самостоятельной мести... именно по этому поводу, тогда чада смиряли, т. е. смиряли виновного, иначе мстили за изувеченного [а не другие какие-нибудь родственники]“. „Месть переходила к чадам не только при изувечении руки и ноги, но вопреки здравому смыслу не могли иначе поступать и тогда, напр., если выкалывали кому оба глаза или лишали обеих рук или обеих ног, словом, когда обиженный, очевидно не в состоянии был прибегнуть лично к самосуду“ (с. 144, 145).

Калачов видел в словах „чада смирять“ „указание не на право частной мести, которое принадлежало бы детям обиженного, а на право защиты, предоставляемой изувеченному против самих детей его, которые в настоящую эпоху преобладания физической силы, могли легко выходить из повиновения отцу, как скоро он лишался возможности проявлять на деле свою естественную власть: тогда надлежало их смирять“ (Дополнение, с. 20).

Мрочек-Дроздовский собрал тексты со словом „смирити“ = примирить, помирить (Лавр., с. 229, 291, 305, 145, 303, 320; Ипат., 1093 г.; ПСРЛ, VII, с. 95; ПСРЛ, XV, с. 266; Новг. I, с. 32, 39; ПСРЛ, IV, с. 242; V, с. 43—44; VII, с. 138; XV, с. 362). Слово „смирять“ в нашем смысле: Лавр., с. 338— „смиряя грешникы до земля“; с. 343 — „смири я до зела“ (Исслед., вып. 2, с. 264 сл.).

Владимирский-Буданов принял перевод Ив. Платонова: „т. обр., при искалечении допускается семейная месть... Это потому, что искалечение считается здесь равным убийству (вира — 40 гр.)“ (Хр., I, прим. 10). Ср., однако, Обзор, с. 334 и 335: „если отсечет руку, то дети искалеченного должны смирять“ — „месть не только признана, но и предписана законом“. Однако „смирять не значит лишать жизни“.

Рожков подчеркнул, что сравнение ст. 5 Кр. Пр. со ст. 65 Пр. Пр. говорит за большую древность Кр. Пр.: „способность человека к труду в более древнее время всегда ценится дороже, чем в позднейшие времена", а слова „чада смирят" „указывают на какой-то способ личной мести" и отсутствуют в Пр. Пр. (Очерки, с. 85).

Максимейко указал, что смирить = укротить, а „укрощение преступника... важно для третьих лиц [не детей], интересы которых могли бы страдать, если бы по отношению к нему не были приняты меры обуздания. Но раз месть за увечье преследовала общественные цели, она не могла быть предоставлена бесконтрольному усмотрению потерпевших" (Мним. архаизмы, с. 150).

Гетц возражал Владимирскому-Буданову: 1) „если замена кровавой мести была дозволена при убийстве, то она, конечно, была также дозволена и при изувечении"; 2) „если сумма вознаграждения, принятая вместо физического наказания, равнялась 40 гривнам, как при убийстве, надо думать, что детям было предоставлено доводить «смирение» до полного масштаба физической мести... именно до убийства". Гетц обратил внимание на то, что в ст. 5 нет речи о мести, а в ст. 6 нет речи о денежном вознаграждении, и объяснил, что они „построены не строго параллельно: в ст. 5 подразумевается возможной месть, наоборот, в ст. 6 подразумевается возможным и денежное вознаграждение" (I, с. 89, 167, 168).

Максимейко видел здесь проявление новгородского характера Древнейшей Правды — в предоставлении „самодеятельности потерпевшему". В ст. 6 предусмотрены не два разных случая — „первый, когда нога будет цела, и второй, когда она будет охромлена" — а „только один случай увечья, когда нога останется цела, но начнет хромать": слово „или" употреблено здесь в значении „и если" (ср. ст. 2, 10, 17). Та же „филологическая особенность" „удерживается и во 2-й части Кр. Пр." (в ст. 20, см.). Это — один из признаков „взаимной зависимости" „обеих частей Кр. Пр.". В противоположность обычному толкованию статьи, Максимейко не думает, чтобы здесь „право мести переходило к детям, если искалеченный отец сам физически не в состоянии был преследовать обидчика": „статья говорит о сравнительно незначительном повреждении ноги, когда она останется целой, и потерпевший будет только хромать". „Очевидно автор хотел выразить мысль, что увечье представляло обиду не только для лица, непосредственно пострадавшего, но и для его детей поэтому последние не лишались возможности преследовать обидчика даже... если отец игнорировал свое право и отказывался от возбуждения иска" (Опыт, с. 26, 69, 168).

Соболевский приводил эту статью, как пример статьи, „не имеющей смысла", искаженной при сокращении ст. 27 Пр. Пр.: „даже

если вместо непонятного «чада смирять», читать: «ся да смирять» — пусть примирятся, и тут недостает в статье нескольких слов, определяющих с одной стороны наказание виновного, с другой — условия, при которых должно произойти примирение" (Две редакции, с. 20).

Подобно Преснякову, и Мейчик предпочитал вариант „чадь", понимая под этим термином „людей вообще, сторонних лиц, соседей", „принимающих меры к замирению и прекращению вражды". Аналогия — в Законе Судном, где виновному в повреждении оружия предписывается заплатить „пред чадью", которой известно, сколько потерпевший дал за испорченное (Ж.М.Н. Пр., 1916, март, с. 96).

Романов обращает внимание на „такое же исчезновение ст. 6 из ст. 27 Пр. Пр., вышедшей из ст. 5, какое имеет место с альтернативой мести в ст. 2 Кр. Пр. при переходе ее в статью 29 Пр. Пр." — и видит в этом „косвенное подтверждение того, что слова «чада смирять» означают месть" (Уч. пос., с. 41).

Тихомиров в подтверждение этого же понимания приводит из пророчества Исайи о последних днях: „зане князи не смирять властителей" (взято: Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, стр. 265) (Исслед., с. 57).

Приселков относил статьи 5 и 6 к законодательству не Ярослава, а Ярославичей, „введших полную виру (40 гривен) за отсеченную руку и полувирье за другие значительные повреждения от удара мечом". На эту мысль наводит ст. 30 Пр. Пр., „архаика основной мысли" которой „и норма штрафа должны вести нас не только к Краткой редакции, но даже, точнее, к законодательству Ярослава Мудрого". Отсутствие архаической нормы ст. 30 Пр. Пр. в составе Кр. Пр. „надо объяснить тем, что М. Кусов [составитель Новгородской летописи XV в.] имел весьма трудно читаемый и дефектный текст" (с. 247—248).

Статья 7

Аще ли перст утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.

Переводы

Wenn etwa einer den Finger trifft, welcher es sey, 3 Grivnen für bas Unrecht (Ew.).

Если кто отсечет у кого какой-нибудь палец, тот платит за обиду 3 гривны (Пл.).

Wenn er aber irgend einen Finger schlägt, 3 Grivna für das Unrecht (G.).

Если кто отсечет какой-нибудь палец, то платит 3 гривны штрафа (К.).

Комментарии

Пресняков, сопоставляя со ст. 28 Пр. Пр., предполагает, что и здесь „подразумевается" „самому гривна кун", „подобно «личьцю мзда» ст. 2" (Княжое право, с. 264, прим. I).

Гетц и здесь, как в ст. 4 и 2 (см.), видел частное вознаграждение. „Если бы в определение вознаграждения подставить глагол, то надо было бы, чтобы не допустить перемены подлежащего, сказать: «платит виновный 3 гривны за обиду»". „Ср. Lex Frisionum, тит. XXII, где в №№ 28—44 таксированы различно каждый палец в отдельности и каждый притом по роду ранения" (I, с. 79 и 229).

Статья 8

А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.

Переводы

Aber an den Knebelbart, 12 Grivnen; und an den Bart, 12 Grivnen (Ew.).

За выдернутый ус 12 гривен; за клок бороды то же (Пл.).

Aber beim [Schnur — oder Knebel] Bart 12 Grivna, aber beim Vollbart 12 Grivna (G.).

А кто вырвет усы или бороду, платит 12 гривен (К.).

Комментарии

И. Беляев считал „замечательным, что борода или ус ценились дороже, чем палец. Это свидетельствует о сильном развитии на Руси личности, так как заметное обезображение ценилось дороже, чем незаметное увечье" (Лекции, с. 231).

Владимирский-Буданов пояснял: „повреждение усов и бороды считается преступлением вчетверо более тяжким, чем отсечение пальца опять потому, что в первом случае нападение на здоровье осложняется еще психическим оскорблением: усы и борода, принадлежность физического мужества, были высшим символом чести" (ср: Калайдович. О почтении русских к бороде и волосам своим. Вестн. Евр., 1810, № 7) (Хр., I, прим. 12).

Сергеевич сравнивал: „по германскому праву борода ценится, иногда, в половину против волос на голове. Один из смоленских договоров с немцами (Русск.-Лив. акты, Anhang № 11) различает бороду обыкновенного человека от боярина и куноемца. Первая оплачивается 3 гривнами (=12 гр. Р. Пр.), вторая пятью" (Лекции, с. 417).

Гетц, объединяющий ст. 8 и 7 в одну (по Сергеевичу), считал здесь подразумевающимся пропущенное „за обиду". Привел аналогии: 1) Lex Alamannorum, LVII, 29, 30: „si quis alium contra legem

tunderit caput liberum non volentem, cum 12 solidis componat"; 2) Lex Saxonum, I, 7: „si per capillos alium comprehenderit, 120 solidos componat, vel undecima manu iuret"; 3) Lex Frisionum, XXII, 65: „si quis alium iratus per capillos comprehenderit, duobus solidis componat, et pro freda 4 solidis ad partem regis"; 4) Lex Burgundionum, lib. const., V, 4: „si quis ingenuum hominem per capillos corripuerit, si una manu, II solidos inferat, si utraque solidos IIII, multae autem nomine solidos VI". Гетц отрицал какое-либо влияние или заимствование (I, с. 79, 257).

Черноусов указал на „некоторое совпадение" ст. 8 со ст. 38 тит. XVII Eclogae ad Prochiron mutatae: „ὁ τόν πώγωνα διαφτείρας, ὡς αὐτόν ἀποσφαλτιώσας δωσάτω αὐτῷ νομίσματα γ" (с. 316).

Приселков считал вероятным, что словом „ус" редактор XV в. заменил здесь неразобранное им в протографе „зуб", так как мало вероятно, чтобы Пр. Пр. (ст. 68), перерабатывая Краткую Правду, переменила „тему", заменив „ус" „зубом" (с. 247).

Статья 9

Оже ли кто вынезъ мечь,[1] *а не тнеть, то тъи*[2] *гривну положить.*

Переводы

Wenn etwa einer das Schwert herausgezogen hat, aber nicht trifft, so erlegt derselbe eine Grivna (Ew.).

Если кто вынет меч, и однакож не ударит, тот платит гривну (Пл.).

Wenn jemand das Schwert herauszieht, aber nicht [damit] schlägt, so zahlt er eine Grivna (G.).

Если кто обнажит меч, но не ударит, платит гривну (К.).

Комментарии

И. Беляев считал „замечательным", что „здесь наказывается и самое покушение на убийство или насилие, что... свидетельствует о сильно развитом общественном устройстве" (Лекции, с. 231).

Владимирский-Буданов видел здесь выделение „покушений на преступление" (Хр., I, прим. 13).

Сергеевич возразил: „На какое же преступление обнажение меча будет покушением? Человек может обнажить меч без желания ранить или убить, а единственно с желанием устрашить, прогнать. Приведенную статью можно поэтому рассматривать не как покушение на неизвестное преступление, а как совершенно самостоятельную обиду, состоящую в угрозе". Это „оскорбление" известно и германцам (Лекции, с. 363, 416).

Пресняков видел здесь тоже угрозу и, сопоставляя ст. 9 со ст. 10, считал платы в 1 гривну и в 3 гривны за платы, „вызванные скорее против насильничанья буйных людей в среде городского населения, чем

[1] *Арх.* вынем.

[2] *Арх.* тъи *нет.*

в среде дружинной“: „и в этой черте можно видеть шаг княжой власти навстречу требованиям городского населения (ср. рассказ саги об Олафе, приведенный Ключевским во 2-м приложении к «Боярской Думе»)“ (Княжое право, с. 263, прим.).

Гетц делал два сопоставления: 1) со ст. 12, где термин „положити“ обозначает уплату частного вознаграждения по сопоставлению со ст. 13 „взяти ему… за обиду“, и 2) с Игоревым договором 945 г., ст. 5 которого устанавливает наказуемость покушения: „аще ли кто покусится от Руси взяти что от людей царства нашего, иже то створит, покажнен будет вельми; аще ли взял будет, то заплатит сугубо“. Гетц не разъяснил при этом, ни почему вторая аналогия не распространяется и на „покажнен“ Игорева договора, ни как понимает он этот последний термин — в смысле частного вознаграждения, или „казни“ = наказания (I, с. 84).

Максимейко обратил внимание на „сходство“ этой статьи с Fr., 15, § 1; Dig., 47, 10: „Si quis pulsatus quidem non est, verum manus adversus eum levatae et saepe territus quasi vapulaturus, non tamen percussit: utili iniuriarum actione tenetur“ (Опыт, с. 163).

Статья 10

Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варяг или колбяг, то на роту.

Переводы

Wenn etwa ein Mann den Mann stösst, entweder von sich, oder zu sich: 3 Grivnen; aber er führt die Augenzeugen vor, oder wird es ein Warjager oder Kolbjag seyn; so auf den Eid (Ew.).

Если муж толкнет мужа от себя или к себе, то платит 3 гривны; только обиженный должен представить двух свидетелей; если же это будет варяг или колбяг, то он дает только присягу (Пл.).

Wenn aber ein Mann einen Mann stösst, entweder von sich weg oder zu sich hin, 3 Grivna. Aber er muss zwei Zeugen beibringen. Wenn es ein Varjager ist oder Kolbjag, dann zum Eid (G.).

Если пихнет муж мужа от себя или к себе, то должен платить 3 гривны, если на суд приведет двух свидетелей. При этом варяг или колбяг не приводит свидетелей, но сам идет к присяге (К.).

Комментарии

Татищев: „Рота или присяга не без политики допущена, опасаясь, что подлость, не разумея пользы и вреда государства, оных [чужеземцев] ненавидят, и легко лжесвидетелей прибрать могут".

Рейц: „Эта привилегия давалась им [варягу и колбягу], как чужестранцам, не имевшим семейственных связей..." (с. 72).

Калачов: „[Здесь] говорится исключительно о варяге и колбяге", и это „объясняется обыкновенно так, что об них упоминается особенно, как об иностранцах, которым, следовательно, дается преимущество перед прочими жителями в исках, возникающих из драки; но если так, то почему же не сказано здесь и о других иностранцах и даже о самих варяго-руссах; притом еще не доказано, чтобы колбяги были действительно

иностранцы... Это... практические случаи, записанные для памяти..." (с. 48 прим.).

Владимирский-Буданов: „Для варяга и колбяга делается исключение; они могут доказывать личною присягою. Очевидно, что этими названиями обозначаются вообще иностранцы, которым не легко было найти послухов на чужой земле (ср. Пск. Судн. гр., ст. 105). Здесь иностранцы являются объектами преступления наравне с гражданами... Ср. дог. Новгорода с немцами 1195 г." (Хр., I, прим. 14).

И. Беляев: „По старым русским обычаям в делах по личным оскорблениям судебными доказательствами были знамение (знаки от побоев) и рота. Ярослав отменил роту и ввел новое судебное доказательство чисто византийского происхождения — свидетелей или видоков [ст. 2]... Ярослав оставил роту в одном только случае — если обиженный был варяг или колбяг... вероятно, потому, что ни в Скандинавии, ни в Померании не было введено христианство, и потому Ярослав не хотел подчинить варягов и колбягов христианским законам" (Лекции, с. 232).

Гетц по аналогии со ст. 2—5, 7—8 видел здесь частное вознаграждение. Статью 9 Гетц считал позднейшим наслоением, так как она не на месте и нарушает систему расположения статей об увечьи; ей надлежало бы итти следом за ст. 2, тоже трактующей простое увечье. Это „почувствовал" и автор Пр. Пр., который и связал ст. 3 Кр. Пр. и ст. 10 Кр. Пр. в одну статью 31 Пр. Пр., чем и восстановил правильную связь: „III, 36 [А, 31, Пр. Пр.] звучит так, как должна была звучать I, 7 [А, 3, Кр. Пр.] вместе с I, 13 [А, 10], если бы они принадлежали одному автору": „Wenn ein Mann einen Mann stösst, entweder zu sich hin, oder von sich weg, oder in das Gesicht schlägt, oder mit einer Stange schlägt und man bringt zwei Zeugen bei, dann 3 Grivna Strafe". И еще: „в ст. I, 13 [А, 10, Кр. Пр.] требуется 2 видока, между тем как в ст. I, 4 [А, 2, Кр. Пр.] речь идет об одном видоке". Параллельная статья Пр. Пр. (А, 29) говорит тоже об одном видоке в первых двух частях; последняя же ее часть, не имеющая параллели в Кр. Пр., говорит о послухах во множ. числе. Также и ст. 30 Кр. Пр. говорит об одном послухе. Ст. 2 Кр. Пр. „с своим одним видоком", таким образом, представляет „более древнюю и более простую форму доказательства, напротив I, 13 [А, 10], как позднейшая прибавка указывает на время, когда простое древне-русское судопроизводство подверглось уже иноземному влиянию", т. е. византийскому уже после Владимира Св. [ср.: Сергеевич. Лекции, с. 583: „Два свидетеля — это именно то число свидетелей, перед которыми по законам Моисея «да смолкнет всяк глагол»"]. Одновременно Гетц предполагал и „германское происхождение" ст. 10 — из Lex Salica, XXXI, de uia lacina: 1) „Si quis baronem ingenuum de uia sua ostauerit aut inpinxerit, mal. uia lacina, hoc est DC din. qui

fac. sol. XV culp. iud."; 2) „Si quis mulierem ingenuam de uia sua ostauerit aut inpinxerit, mal. machina, hoc est MDCCC din. qui fac. sol. XLV culp. iud." Все же это „заимствование" Гетц не считал „механическим" и указывал, что Р. Пр. подводит толчки (в отношении оценки) под отрубание пальца (3 гривны), тогда как Lex Salica за толчки мужчине и толчки женщине дифференцирует плату (15 и 45 солидов), как и за пальцы (от 50 до 30 солидов). Дополнение о варяге и колбяге в ст. 10 Гетц считал одновременным с общей частью статьи и усматривал в этом лишнее указание на возможность влияния Lex Salica (I, с. 81, 120—125).

Дьяконов считал „довод, извлеченный [Гетцем] из системы Р. Пр." „совершенно несостоятельным, т. к. какой-либо точной системы в распределении статей нельзя уловить, кроме общей группировки на правонарушения личные и имущественные. По тяжести, если судить о ней по размерам вознаграждения, эти правонарушения чередуются в довольно пестрой смене: 40, 3, 12, опять 40, снова 3, 12 и, наконец, 1 гривна. Присоединение статьи о толчках с 3-гривенным вознаграждением нисколько не нарушает гармонии предшествующей бессистемности". Точно также „нельзя категорично утверждать, что ст. 2 Кр. Пр. имеет в виду лишь одного видока; она говорит только, в каком случае побои необходимо удостоверить свидетельскими показаниями и отнюдь не выставляет центром тяжести число свидетелей. Если стать на точку зрения Гетца, что под влиянием христианства процесс осложнился... то как понять те статьи Пр. Пр., которые говорят об одном видоке" (ст. 29 Пр. Пр.) (Рец., с. 235).

Максимейко различение толчков и ударов сопоставил с римским правом: „римские юристы различали толчки от ударов в том смысле, что последние причиняют боль, а первые безболезненны: «inter pulsationem et verberationem hoc interest, ut Ofilius scribit: verberare est cum dolore caedere, pulsare sine dolore" (Fr., 5, § 1; Dig., 47, 10) (Опыт, с. 163).

Филиппов считал „видока" этой статьи „соприсяжником". Возражая Гетцу, Филиппов не находил никакого сходства ст. 10 Кр. Пр. с Lex Salica, XXXI, tit. de uia lacina. „Р. Пр. говорит о недопустимости личного оскорбления одним мужем другого, выразившегося в толчках", „говорит также, что преступление это доказывается посредством приведения двух видоков, причем делает исключение для иноземцев"; „Салическая же Правда имеет в виду специальный случай преграждения, посредством насилия, свободному мужу (baro) или благородной женщине, дороги всяким; она притом ничего не говорит о доказательстве преступления. Чтобы додуматься до мысли о недопустимости оскорбления свободного свободным, русским славянам вовсе не нужно было иметь знакомство с Салической Правдой. Славянам и антам, которые издревле

живут, по словам Прокопия, «в демократии»... могло быть присуще чувство личного достоинства не меньше, чем древним германцам" (Юр. вестн., 1914, VI, с. 181).

Тихомиров видит в этой статье „льготу варягам и колбягам", связанную с „привилегированным положением варягов в Новгороде" в первой половине XI в. (Исслед., с. 55—56).

„Колбяг"

Татищев: „Колбяг не единою между иностранными упоминает, а понеже немало в Руси вендов, т. е. голштинцев и померанян было... то мню, что сии от града Колберг померанского колбяги названы".

Карамзин переводил: „чужестранец" (II, с. 58 и 364, прим. 98).

Эверс: „Но почему жители Кольберга были гораздо важнее в глазах нашего законодателя, нежели другие чужестранцы, которых, конечно, гораздо более находилось в Новгороде?" (с. 316).

Диев указал на „Колбежицы" близ Пскова при р. Великой и погост Обонежской пятины (Ж.М.Н. Пр., 1839, май, с. 58).

Дубенский: колбяги — „жители берегов Колпи, текущей посредством Суды в Шексну (сообщено А. Д. Чертковым). Замечательна драгоценная приписка... в Кормчей XIII в. (Розенкампф. Обозр. Кормч. книги, с. 228): «а оже будет варяг или колобяг крещения не имея, а будет има роте по своей вере...». Следовательно, колбяг значит здесь — идолопоклонник, язычник, неправославный, по просторечию — некресть" (с. 68).

Калачов: „Но этим же именем называется один из погостов Новгородской области в разных актах, начиная от древнейших времен до XVII века включительно, и вообще корень существительного колбяг встречается в именах многих урочищ северной России, из коих одни упоминаются в некоторых древних памятниках, а другие еще сохранились до нашего времени" (с. V; ср. также с. 23, прим.).

А. Дювернуа, имея в виду „постоянное формулообразное сочетание имен варяга и колбяга", видел в них „соседних язычников-иноверцев, с севера — норманнов, с запада литву". „Колобяг" в литовском языке, „откуда оно и заимствовано, означает словоохотливого человека, говоруна. Kalbingas — redselig, beredtsam... от kalba — речь, говор, язык... Литвин, будь он истцом, ответчиком или свидетелем... был лишен необходимого условия правоспособности — он говорил невразумительно". Дювернуа видел „аналогию, вполне покрывающую наименование литвы колобягами, т. е. наименование, заимствуемое из языка именуемого народа", — в языке чешском, „употребляющем немецк. слово

der Sprecher в ироническом смысле веселого говоруна... šprochýž (Чтения, 1884, I, с. 20 сл.).

Соболевский возражал: „но литовцы, сколько известно, никогда не называли и не называют себя колобягами, а русские не могли их назвать (в насмешку, как думает Дювернуа) литовским словом. Поэтому нельзя принять колбяг=kalbingas, и в колбягах Р. Пр... и Начальной Летописи надо видеть какой-нибудь родственный варягам народец кальбингов...“ (Ж.М.Н.Пр., 1885, апр., с. 304).

Мрочек-Дроздовский развил мнение Ланге (Архив Калачова, с. 79—80) о колбягах—черных клобуках: клобук, искаженное турецкое слово кулбег—конный воин, перешедшее в польск. kulbaka—седло okulbaczyc—оседлать. Колбяги—все выходцы из южнорусских степей (Исслед., вып. II, с. 177).

Шахматов поддерживал гипотезу о скандинавском происхождении колбягов, предложенную Миклошичем (в 1860 г. в его издании „Chronica Nestoris“; ср. также его „Ueber die altrunischen Kolbjagen“ в „a Archiv für slav. Philologie“, X). Часть скандинавов, „селившаяся среди восточнославянских племен, а отсюда переходившая и в Византию, называла себя, как кажется, Kylfingar... Из скандинавских источников видно, что Kylfingland называлась скандинавами Россия“ (исландский аббат Николай, XII в.: „Kylfingland, that kollum ver Gardariki“; по Эгилс-саге 30 Kylfinger прибыли как-то с востока к финнам, т. е. лапландцам северной Норвегии). Kylfingar—это Κούλπιγγοι источников византийских „в числе народов, входивших в состав императорских наемных войск“, „при этом Κούλπιγγοι упоминаются всегда рядом с Βάρραγγοι“ (и с Ῥῶς); а „в Русской Правде колбяг встречается рядом с варягом, как название иностранца“. „Различие между колбягами и варягами в том, что варяги—это пришельцы, родина которых Скандинавия, а колбяги—это скандинавы поселившиеся в той или иной области совр. России; возможно различие их по происхождению: варяги были шведами, а колбяги могли быть датчанами“ (топонимические указания—в районе „от Тихвина в юго-западном направлении к Пскову“) (Др. судьбы, с. 48—49).

Статья 11

Аще ли челядин съкрыется любо у варяга любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають[1] *и в третии день, то изымати*[2] *ему свои челядин, а 3 гривне за обиду.*

Переводы

Wenn etwa ein Sklave sich versteckt, entweder bei einem Warjager oder bei einem Kolbjag, sie werden ihn aber nach drei Tagen nicht herausführen, und man erkennt ihn am dritten Tage; so nehme er seinen Sklaven, und 3 Grivnen für das Unrecht (Ew.).

Если раб укроется или у варяга или у колбяга и если они после трех дней не выведут его, а господин между тем опознает его в третий день; то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду (Пл.).

Wenn aber ein Knecht sich verbirgt entweder bei einem Varjager oder Kolbjag, und man [der Varjager oder Kolbjag] bringt ihn während drei Tagen nicht bei, aber es erkennt ihn (sein Herr) am dritten Tag, so ergreift er seinen Knecht, aber 3 Grivna für das Unrecht (G.).

Если челядин бежал и скроется у варяга или у колбяга и тот не вернет его в течение трех дней, то господин, опознав его на третий день, может отобрать челядина, а с укрывателя взыскивается 3 гривны штрафа (К.).

Комментарии

Эверс: „Господин брал своего раба и доправлял 3 гривны за обиду“ (с. 324).

Калачов: „Почему... говорится, что если челядин скроется у варяга или колбяга... истец может его взять и получает 3 гривны за обиду? Разве челядин не мог бы точно так же скрыться у русина или у словенина и проч.? Конечно... это практические случаи, записанные для памяти...“ (с. 48, прим.).

---

[1] *Арх.* познаеть.

[2] *Арх.* имати.

Богдановский видел здесь проявление „частного произвола, частного самосуда“: „во всяком случае владелец, имея право всегда защищать свою собственность, в случае присвоения ее другим, в силу своего права может возвратить ее себе... и тот, у кого он найдет ее, должен сделать вознаграждение за обиду“ (с. 16 и 17).

Ланге „за обиду“ переводил „за преступление“ и видел здесь не частное вознаграждение, а пеню, поступающую князю, названную в ст. 32 Пр. Пр. „продажею“ (с. 175).

Бестужев-Рюмин видел здесь вознаграждение обворованному (I, с. 223).

Владимирский-Буданов пересказывал: „Если варяг или колбяг укроют бежавшего раба и по прошествии трех дней (после объявления на торгу о побеге) не возвратят его хозяину, то, кроме возвращения раба, уплачивают три гривны (уголовного штрафа)“ (Хр., I, прим. 15).

Гетц и здесь, как в ст. 4, предполагал сокращение формулы ст. 2 „взяти ему за обиду“, причем „взяти“ компенсируется предшествующим „изымати ему свой челядин“: „изымати“ относится и к 3 гривнам. Следовательно, и здесь 3 гривны — частного вознаграждения. „Обида“ здесь состоит в том, что потерпевший не мог некоторое время пользоваться своей собственностью. Параллели: „si quis ingenuus fugitivum celatum habuerit, alium paris meriti cum eodem servum domino dare cogatur“ (Lex Wisigothorum, Mon. Germ., Sectio I, t. I, с. 352 сл., XI, I, 1); „si cuiuslibet servus ad aliquem latens advenerit, statim eum presentare iudici non differat. Quod si eum non presentaverit, et usque ad octavam noctem aput eum moratus fuerit, aut si ad longinquiora loca transierit, duos eidem meriti servos domino cogatur exsolvere. Nam si aput eum mancipium, quod susceperat, subcelatum invenitur, alterum cum eo dare domino non moretur, quia intra diem legibus constitutum noluit contestari“ (там же, IX, I, 3) — „уплачиваемое господину бежавшего раба вознаграждение за укрывательство раба равно цене укрытого предмета“; то же в византийском Прохироне, тит. XXXIX, 24: ὁ τὸν φυγάδα δοῦλον ὑποδεξάμενος δίδωσιν αὐτὸν μετὰ ἑτέρου ὁμοίου ἤτοι κ′ νομισμάτων, ὁσάκις δὲ αὐτὸν ὑποδέξηται, τοσαυτάκις αὔξεται ἡ ποινή“. Появление здесь варяга и колбяга Гетц считает ошибкой переписчика, повторившего их здесь из предшествующей, 10 статьи: если бы варяг или колбяг не были бы здесь позднейшей ошибкой, они попали бы и в ст. 16, которая является дополнением к ст. 11 (I, с. 72, 76—78, 126—127).

Максимейко не соглашался видеть ошибку переписчика в появлении здесь варяга и колбяга. Наличие их — признак новгородского происхождения статьи. Недаром здесь говорится: „не выведут“, „изымати ему свои челядин“, тогда как в других случаях: „аще кто

челядин пояти хочет“ (ст. 16): „если укрывшегося раба надо было выводить и изымать, то значит он находился в месте огражденном и замкнутом. Такая изолированность варягов обнаруживается и в другой статье 1-й Правды“ (ст. 13): „а познает в своем миру“. „В этом выражении можно видеть и указание на... земляков, туземцев, в противоположность иностранцам, о которых говорит“ ст. 11. „Варяги жили среди русского населения отдельной колонией“, и это-то и составляло „благоприятные условия для укрывательства... беглых холопов... Поэтому не может быть ничего удивительного в том, что Р. Пр., говоря об укрывателях беглых холопов, называет только варягов и колбягов“ (аналогичное положение создавалось и в Византии, ст. 3 Игорева договора). Не соглашался Максимейко и с Владимирским-Будановым, который понимал ст. 11 как процессуальную и для избежания противоречия со ст. 16 Кр. Пр. вводил в ст. 11 понятие объявления на торгу о побеге и уголовного штрафа. Ст. 11 „ничего не говорит о судебной процедуре“, но это „еще не значит, что можно было обойтись без нее“ и прибегнуть к самоуправству: правила процесса изложены в ст. 16, и обе статьи „взаимно дополняют друг друга“. Ст. 11 „прямо говорит об укрывательстве раба в чужом мире“, „нет в ней указаний и на закличь“, истечение срока „по точному смыслу статьи“ исчисляется „с того часа, как холопу дано убежище“. „Этот срок не имел никакого отношения к процессу, а оказывал влияние лишь на материальные последствия укрывательства, т. е. истечение 3-х дней отнюдь не давало потерпевшему права на внесудебное осуществление своего иска; оно только служило основанием уголовной ответственности укрывателя“. Ст. 11 Р. Пр. имеет тот же смысл, что и арт. 24 разд. XIV Литовского Статута 1566 г. о приблудных домашних животных: „а шляхта... блудные клячи и быдло мают водити и давати до дворов наших, а через 3 дни в себе мают ховати; а кто бы через 3 дни в себе блудягу ховал, а ку двору нашому не дал, а то будет на него переведено, и лицо в дому его вынято; тогды мает в том винен быти яко злодей“. Процесс происхождения ст. 11 Максимейко представлял как „применение“ автора Кр. Пр. „к римскому образцу“, именно к правилу Дигестов (Fr., 1, § 1; Dig., 11, 4): „укрыватель беглых рабов считается вором; землевладельцам запрещается давать им убежище в своих лесах; за нарушение этого запрещения они уплачивают штраф; впрочем, кто в пределах 20 дней после того, как он обнаружит беглого раба в своем имении, выдаст его хозяину или представит властям, тот освобождается от наказания“. В Р. Пр. — „такое же денежное взыскание, как за кражу, т. е. 3 гривны“; то же укрывательство, „особо благоприятное для беглых“: там в лесах, здесь „у иностранцев, живущих в своем миру“; „момент, с которого начиналось исчисление сроков“,

определяется одинаково: „после того, как кто-либо узнавал, что у него укрылся раб"; а различие в сроках (20 и 3 дня) „зависело от того, что римское право имело в виду землевладельцев... а Р. Правда предполагала городской быт" (Опыт, с. 14 сл., 181—182).

Тихомиров противополагает привилегии в пользу варягов статьи 10 „ответственность" их за сокрытие челядина, устанавливаемую статьей 11-й (Исслед., с. 56).

„Челядин" — „Челядь"

Эверс спрашивал: „Чем различается челядин от нижеупоминаемого холопа?" (с. 316).

Рейц: „Не видно, было ли различие между холопом и челядином, кроме того только, что первое было видовым названием раба-мужчины, а последнее общим названием рабов обоего пола" (с. 65).

Дубенский: Челядин—„собирательное слово: чадь (от чадо), может быть, есть сокращенное челядь — дворовые люди" (с. 68).

Чичерин: „Плод от челяди так же, как плод от скота, составляет собственность хозяина" (с. 146).

Но уже Ланге мимоходом заметил: „Сказанное о передержательстве холопов [ст. 112 и 115 Пр. Пр.] относится также и к передержательству закупов, потому что в выражении «а скрыется челядин» [ст. 32 Пр. Пр.] под словом челядин могли разуметь тех и других" (с. 173).

Аристов: „В селах князей народонаселение состояло из челяди и рабов, число которых доходило до 700, напр., в селе Святослава" (с. 53).

Владимирский-Буданов: „Факты языка указывают, что древнейший первоисточник рабства находится в связи с семейным правом. Слово: «семия» (по словарю Востокова) означает рабы, домочадцы. Вместо термина «холоп» с древнейших времен употреблялось слово «сирота»; так, еп. Лука (ок. 1036 г.) учил: «и своим сиротам милостиви будете». В Московском государстве служилые люди в отношении к государю именовались холопами, а тяглые — сиротами. Термины: челядь (чадь, чадо), раб (робя, робенец, ребенок), холоп (в малор. хлопец = мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам. Вследствие такой связи института рабства с семейным правом и самый характер его обусловливается характером последнего" (Обзор, с. 400 сл.).

Мрочек-Дроздовский не различал челядина и холопа: „Челядин — раб. Слово раб в старину обыкновенно заменялось словами: челядин и холоп... Употребление слова челядин в летописях встречается, напр., в договорах Олега и Игоря с греками" (там же „челя-

динная цена"). „Челядь наравне со скотом составляла главное богатство и князей и частных лиц" („ополониться челядью", Лавр., с. 239). „Челядь и скотина [грамота Варлаама Хутынского] — принадлежность жертвуемой земли". Или: „что же будет Игорева в той волости, челядь ли, товар ли, — то мое, а что будет Святославле челяди и товара, то разделим на части" (Исслед., вып. II, с. 285).

Сергеевич: „Несвободные встречаются в наших древних памятниках под разными именами. Их называют: челядью, холопами, слугами, позднее просто «людьми»... Челядь одного корня с чадью и чадом и означает домочадцев". „Слово «роба» в древности употреблялось только для обозначения несвободных женщин (Р. Пр.). Оно одного корня с теперь употребляемым «робить» — в значении работать". Эти термины „обозначают, т. обр., людей кому-либо служащих или, что то же, на кого-либо работающих". „Но Р. Пр. не просто говорит о холопах, она различает еще обельное холопство [III, 142, А, 110], а иногда вместо того, чтобы сказать холоп, она говорит: «обель» [III, 71 и 80, А, 56 и 61]". Обельный холоп — „круглый холоп" или „полный", т. е. „совершенный". „Что же такое несовершенный холоп?". „Слугой или работницей могли быть и вольные люди. Вольная работница, следов., может быть также названа рабой, а вольный слуга — холопом" [см. указ 1597 г., АИ, I, № 221, с. 420; Улож., XX, 17]. „Вольный холоп служит кому-либо добровольно, не выдавая на себя акта укрепления. В этом смысле в Р. Пр. обелю противополагается закуп, тоже слуга, но вольный...". Итак, „только обельные холопы или «полные» суть несвободные люди или рабы в настоящем смысле этого слова". „Из того, что термины холоп и роба приурочились к несвободным слугам, надо, кажется, заключить, что служба и работа домашняя, обыкновенно, отправлялись несвободными людьми" и „различие несвободных и свободных совпадает, следовательно, с различием людей, работающих на других, и людей, работающих на себя или и вовсе не работающих" (Др., I, с. 98).

Линниченко относительно Галицкой Руси указывал, что „название «челядь», «чадь» [Ипат., с. 505, 582, 587, 590, 599] употребляются в галицко-волынской летописи для обозначения низшего класса населения вообще. Что названием челяди обозначалось не только несвободное население, а крестьянское сословие вообще, видно из договоров русских князей с польскими..." (с. 72—73).

Самоквасов к числу челяди или чади относил также и „смердов в узком смысле слова", как „земледельцев рабского состояния" (будущих „дворцовых крестьян") (с. 282 и 286).

Пресняков мимоходом отметил различие, какое делала Пр. Пр. между терминами „холоп" и „челядин": ее статьи 63, 65, 66 и 110—

121 „объединены термином «холоп» в отличие от более архаического «челядина» статей 32 и 38“ [взятых из Кр. Пр.]. В рецензии на Гетца, (с. 154, прим.) Пресняков отмечал, что „чадь“ может означать „не только детей, но вообще домочадцев“ (Лекции, I, 222).

Яковкин, выясняя древние понятия „семьи“ и „дома“, указывает, что они „обнимали в то время не только группу лиц, связанных между собою узами родства, но также и тех, кто отдавал этой группе на том или другом основании свою личность или только свою рабочую силу“. В Германии „из челяди, принадлежавшей поместью и состоявшей из несвободных и независимых людей, одни слуги жили в самом дворе помещика“ и „bildeten die innere Familie des Hofherrn“ (Maurer. Geschichte der Fronhöfe etc., I, с. 255); другие же были поселены вокруг этого двора, занимались обработкой земли и составляли „äussere Familie der Grundherrschaft (familia foris)“: „нечто подобное мы найдем и в памятниках славянских вообще и русских в частности“. „Болгарский и сербский языки и до сих пор употребляют для выражения понятия семьи термины čelêd (болг.), čeljad (серб.). Это ясно показывает нам, что челядь в нашем смысле слова и у славян некогда сливалась с семьей“. В „Златоструе“ XII в. греческое „ἀνδραπόδων πλῆθος“ и латинское „mancipiorum greges“ переведено „семия множество“; в Патерике Печерском (изд. 1911 г., с. 5) говорится о Симоне, перешедшем в православие „со всем домом своим, яко до 3000 душ“. И там и тут в понятиях „семья“ и „дом“ объединялась „совокупность лиц, далеких друг от друга по своему юридическому и социальному положению“, над которыми „властвовал“ „домовладыка“, „а они все подчинялись ему“. „Тот, кто вступал в эту его сферу, должен был неминуемо подчиниться его власти и претерпеть соответственно умаление своих личных и общественных прав“. При этом „раб погружался, т. сказ., в недра семьи, свободный же работник плавал где-то у поверхности ее“: „раз человек служил в чужой семье, он eo ipso подчинялся власти его домовладыки“ (Ж.М.Н.Пр., 1913, апр., с. 245 сл.).

Юшков, публикуя „Правосудие митрополичье“, мимоходом отметил (ст. 27 и 28), что „нельзя отождествлять челядинов с холопами“, „существовали челядины полные и челядины наймиты“ (ЛЗАК, XXXV, с. 119).

Греков посвятил понятию „челяди“ специальное исследование, примкнув к тому направлению, которое понимало этот термин „в более широком значении“, объемлющем „и рабов и не рабов“. Он прежде всего обратил внимание на устойчивость терминологии обеих, Кр. и Пр., Правд, четко различающих челядина и холопа, даже в случае, как ст. 16 и 17 Кр. Пр., когда они встречаются в непосредственном соседстве: челядинные ст. 11 и 16 Кр. Пр. перешли в ст. 32 и 38 Пр. Пр., холопьи ст. 17 и 26 — в ст. 65 и 16 Пр. Пр. Все прочие новые статьи

Пр. Пр. о холопах „строго выдерживают употребление слов холоп или роба“, „никогда не сбиваясь с точной терминологии“; только ст. 99 употребляет термин „челядь“ (в привычном сочетании) в противопоставлении скоту: „от челяди плод и от скота“. С другой стороны Правосудие Митрополичье (ЛЗАК, вып. XXXV) „различает два вида челяди: челядин-наймит [закупный] и челядин-полный“ (см. цитату ниже, ст. 56, Аргунов). Наблюдения над словоупотреблением других письменных памятников приводят Грекова к заключению, что „челядь“ там „обозначает не одно какое-либо вполне определенное понятие“, а в нем „отражена история общественных отношений с очень отдаленной поры“: „челядь, человек, колено (в смысле поколения), литовское keltis, латышское cilts — это все слова одного корня — ведут нас к глубокой старине, когда keltis и cilts значило genus, Geschlecht, т. е. род. Этот же термин на новой ступени общественного развития у болгар, русских, чехов и др. стал обозначать семью, детей, у арабов — женщину в семье и зависимых людей вообще, у поляков и чехов — домашнюю прислугу, дворню, зависимых людей, детей. Соответствуя понятию familia, этот термин менял свое содержание вместе с историей familiae, в состав которой как мы знаем, все чаще и чаще стали входить и рабы“. Евангельский текст начала XII в. (Юрьевск. Еванг. 1119 г. от Луки, гл. 12, ст. 42: „Кто убо есть верный строитель и мудрый, его же поставит господь над челядью своею даяти во время урок житный“, где челядь соответствует греч. θεράπεια, лат. familia, и русск. „над слугами своими“) „исключает рабов“; библейские тексты (Бытия, XXXV, ст. 6, челядь = populus = λαός = евр. „ом“, народ; Исх., XII, 37, 600 000 пеших, разве челяди, где челядь = греч. πλὴν τῆς ἀποσκευῆς, лат. apparatum, евр. „тов“, дети, русск. „домочадство“) рабов мыслят „только в некоторой доле“; в некоторых летописных текстах (Ипат., изд. 1871 г., с. 581: „Володимер же умирися... и челядь ему вороти, што была рать повоевала“; ib., с. 181: „а холопы наши и смерды выдайта“; ib., с. 586 обращение одного воевавшего князя к другому воевавшему князю: „абы ему воротил челядь, он же не вороти ему челяди его“; ib., с. 582: „закон же бяше в ляхах таков: челяди не имати, ни бити, но лупяхуть. Городу же взяту, и поимаша в нем товара много и люди полупиша“ и др.) челядь — это „пленники, судьба которых может быть самой разнообразной“; в частности Маврикий Стратег отмечает, что славяне пленных не держат в рабстве в течение неограниченного времени, „но, ограничивая им срок, предлагают на выбор, желают ли они за известный выкуп возвратиться во-свояси или оставаться там, где находятся, на положении свободных и друзей“. Греков считает „очень характерным“, что Пр. Пр. „среди источников рабства плена не называет“: „стало быть пленный, как пленный — еще не раб, но он уже челядин, который может стать рабом после продажи“. Однако из факта

„строгого различения челядина и обельного холопа“ нельзя сделать вывода, что „в составе челяди нет места“ „обельному холопу“, ибо в Митрополичьем Правосудье челядином назван и полный холоп, „челядин-полный“. Но „естественно“ прийти к выводу, что „если холоп даже и входит в понятие челяди, то он там не растворяется целиком, и в отдельных случаях Р. Пр. находит необходимым говорить о нем отдельно“. Термин „челядь“ в Р. Пр. „обнимает собою разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia“, и „в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая тенденцию к исчезновению“. Раскрытое его содержание Греков видит, например, в ст. 24—26 Кр. Пр., где автор „предпочел“ „указать на отдельные элементы, в него входящие“. Из этих элементов только смерд „едва ли входил в состав челяди так, как холопы и рядовичи“, поскольку он „не теряет своих специфических признаков непосредственного производителя, владеющего средствами производства... для ведения самостоятельного хозяйства“. И смерд „сделал в конечном счете челядь [„как основу барского хозяйства“] не нужной“ (Феод. отн., с. 84 сл.; Кивск. Русь, с. 93 сл.).

Романов, принимая широкое понимание термина „челядь“, отмечает бытовое его значение в древне-русской речи. „Ополонишася челядью и скотом“ — одно из самых распространенных языковых сращений, стандартная формула летописных записей. И у Мономаха в Поучении: „изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины“. Парное, соседственное бытование этих слов повело к тому, что женский род слова „скотина“ переходил и на челядина: „сыну, его же купи ценою, имей себе челядиною, а кого же еси не купил ценою, того челядиною не зови“ (из рукописи XVI в.; см.: Зарубин. Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Д. Заточника, с. 468; рукопись работы Зарубина хранится в Рукоп. отд. Библиотеки Акад. Наук СССР). *[Б. Р.]*

Статья 12

Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав его, то положити[1] *3 гривне.*

Переводы

Wenn jemand reitet auf einem fremden Pferde, es nicht erbeten habend; so sind 3 Grivnen zu erlegen (Ew.).

Кто без спросу поедет на чужой лошади, тот платит хозяину 3 гривны (Пл.).

Wenn jemand auf einem fremden Pferde reitet, ohne es erbeten zu haben, so zahlt er 3 Grivna (G.).

Если кто поедет на чужом коне без спросу, пусть уплатит 3 гривны (К.).

Комментарии

Струбе усмотрел в ст. 12 почти дословное сходство со статьей Ютландских законов: „Ritt jemand eines anders Mannes Perd ane des sinnen Willen ... de brickt davon dre Mark an den bonden" и решительно высказался в смысле прямого заимствования Русской Правдой этой статьи из Ютландских законов (с. 18).

Когда было выяснено, что Ютландский закон возник позднее, чем Р. Пр. (на что указал Эверс: Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga, 1805, с. 148), Погодиным была выдвинута теория, что и Ютландский закон и ст. 12 Кр. Пр. имели какой-то общий „скандинавский или немецкий" источник (Исслед., с. 111, 382).

Наоборот Тобин полагал, что „с большим правом можно утверждать, что это и другие касающиеся лошадей законодательные предписания, перешли от славян к германцам" (Die Prawda, с. 86, Theses, § 5).

---

[1] *В рукописи описка:* пожити.

Дубенский первый высказал предположение, что источником ст. 12 следует считать не германское, а византийское право, в частности „Закон Судный людям“ (или, что то же, „Судебник царя Константина“): „Аще кто бес повеления на чюжом коне ездит, да ся тепеть по три краты, и да тепеть, и продается яко тать“. Только „законодатель русский вместо троекратного телесного наказания... полагая денежное... взыскание, уровнял число гривен с количеством греческой пени: да ся тепеть по три краты“ (с. 210, прим. 66).

Ключевский принял мнение Дубенского: „Русь времен Правды не любила телесных наказаний, и византийские удары плетью переведены в Правде на обычный у нас денежный штраф, на гривны“ (I, с. 254).

Владимирский-Буданов указал на сходство ст. 12 со ст. 15 зач. 45-го, Эклоги византийских императоров Льва и Константина, в которой говорится, что если кто возьмет коня до определенного места, но поедет или пошлет его дальше, то должен вознаградить вполне за могущий произойти от того вред или смерть коня; „сходство в этой статье нашей Правды с законами германскими не служит доказательством прямого заимствования из этих последних“ (Хр., I, прим. 16).

По мнению Ланге, полемизировавшего с Погодиным, „статья о коне вовсе ни германского, ни византийского, а просто туземного происхождения, иначе, основываясь на сходстве некоторых законов, можно бы, пожалуй, доказывать, что Русская Правда заимствована из Китайского Уложения. Кто хочет сравнивать одно законодательство с другим, тот должен сличать их общие начала, их дух, а не выхватывать частные положения то из ютландских законов, то из датских или шлезгвигских, и все это примеривать к Правде, в желании искать не истины, а только подтверждения своей любимой мысли“ (с. 292).

Ведров, отмечая наличие многих аналогичных статей почти во всех варварских Правдах северных германцев, объяснял это не заимствованием, а как явление, вытекающее из общих военных условий жизни, когда лошади представляли особую ценность (с. 141).

Филиппов предполагал, „что сходство постановлений указанных двух памятников о езде на чужом коне без разрешения его собственника, объясняется как простотою самого случая, возможного всегда и везде, так и общим характером данных памятников, содержащих в себе вообще ряд карательных норм против нарушения права собственности, причем эти нормы являются там и здесь казуальными“ (Учебник, с. 91).

Гетц, исходя из представления о дохристианской основе первой части Кр. Пр., также отрицал заимствование рассматриваемой статьи как из германских источников (трудно предположимое до появления князей варягов), так и из греческих (невозможное до принятия христиан-

ства) и считает ст. 12 самостоятельной, туземной, славянской статьей: „запрещение езды на чужом коне без позволения хозяина находим мы в совершенно независимых друг от друга германских, греческих и славянских законах. Это был казус, который мог случаться везде... Соответствующее постановление имело интернациональный характер“ (I, с. 248, 258).

Что касается юридической сущности рассматриваемой статьи, то еще Татищев приравнивал изложенный в ней случай вообще к „обидам“: „по сему всякая обида, кроме заплаты убытка, наказывалась тремя гривнами“.

Тобин усматривал в факте пользования чужим конем „без позволения хозяина“ момент обиды, нарушение чести (с. 174).

Эверс сближал рассматриваемый случай с незаконным присвоением: „Можно ли подвести этот случай под общее начало неправости присвоения или нет. Ибо тот, кто ездил на чужой лошади, только пользовался, а не завладевал самым животным. Но в этом случае непозволенное действие могло служить предлогом для благовидного прикрытия собственно противозаконного присвоения. Почему закон и поставляет сие действие, по отношению к обязанности вознаграждения, наравне с несправедливым присвоением“ (с. 325).

Иначе понимал Владимирский-Буданов: „Незаконное пользование чужими вещами карается по Русской Правде наравне с татьбой“ (Обзор, с. 330).

Наиболее подробно останавливался на юридической сущности ст. 12 Максимейко, отстаивавший и в данном случае свою общую точку зрения о непосредственном влиянии на составителя Правды норм классического римского права. „Русская Правда уравнивает похищение коня и временное пользование им. С точки зрения уголовной ответственности это как бы одно и то же (ср. ст. 13). За то и другое деяния взыскивается одинаковый штраф в размере 3 гривен, несмотря на то, что с бытовой точки зрения разница между ними существенная. Очевидно, такое уравнение наказания в обоих случаях было вызвано какими-то отвлеченными юридическими соображениями, которые расходились с обыкновенным житейским пониманием. Эти юридические основания были сформулированы в римском праве, источники которого содержат в себе следующие рассуждения на эту тему. Кражей называется злоумышленное посягательство на вещь с целью извлечения выгоды или из самой вещи, или только из пользования и владения ею. Она (т. е. кража) имеет место не только тогда, когда кто-либо уносит вещь с целью похищения ее, но и вообще, когда кто трогает ее против воли собственника... Соответственно этому, кто отправит вьючный скот, данный ему в пользование, дальше, чем было условлено по договору, или восполь-

зуется чужой вещью против воли ее хозяина, тот совершит кражу... Следовательно, вот где корень и обоснование того юридического воззрения, которое отсюда было занесено в Русскую Правду и которое состояло в том, что временное пользование чужой собственностью приравнивалось к ее похищению, как деяние равнозначащее... Влияние римского права на ст. 12-ю Акад. сп. сказалось и в другом отношении. Римские юристы широко определяли понятие кражи... наиболее важным моментом, ее характеризующим, считалось прикосновение к чужой вещи или пользование ею против воли ее собственника: не интересуются способом действия и не касаются его, потому что он не имел юридического значения... Такое безразличное отношение к способам действия, характерное для римского права, отразилось и на 12-й ст. Акад. сп., которая, распространяя понятие кражи на незаконное пользование чужим конем, считает существенным признаком его и условием наказуемости отсутствие разрешения со стороны хозяина, но не придает значения тому, как оно совершено — тайно или явно, насильственно или обманно, обходя этот вопрос полным молчанием. За этой особенностью Русской Правды следует признать римское происхождение еще и потому, что она не повторяется в других памятниках русского права, не подвергавшихся римскому влиянию. Напротив, они обыкновенно определяют кражу как тайное похищение... Составитель Русской Правды в своих определениях о краже исходил из теоретического понятия о ней, выработанного римскими юристами. Отдельные статьи ее (в частности и ст. 12-я) представляли собой не что иное, как последовательное и сознательное уяснение и раскрытие этого понятия на основании соответствующих примеров, по всей вероятности, нарочно придуманных, а не заимствованных непосредственно из судебной практики. Я даже сомневаюсь, чтобы в действительности за кражу коня взыскивался такой же штраф, как и за самовольное пользование им... Очень может быть, что автор Русской Правды, подводя эти действия, в карательном отношении, под один знаменатель, хотел только таким способом оттенить их одинаковую уголовно-юридическую природу" (Опыт, с. 177—184).

По вопросу о характере наказания, полагавшегося по ст. 12, И. Беляев, стоявший на точке зрения заимствования этой статьи из Закона Судного людям, с заменой лишь телесного наказания пенею в 3 гривны, полагал, что наказание и здесь „являлось в форме частной мести, хотя произвол лица был устранен и его место заняло правительством определенное мщение" (Лекции, с. 232).

Гетц, доказывая, что в первой части Кр. Пр. княжеских „продаж" еще не существовало, считал упоминаемые в статье 3 гривны платой владельцу за обиду, т. е. частным вознаграждением (I, с. 77, 82, 171).

Статья 13

Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду.

Переводы

Wenn jemand ein fremdes Pferd nimmt, oder Waffe, oder Kleid, aber der erkennt es in seinem Friedensbezirke; so nehme er das Seinige, und für Unrecht 3 Grivnen (Ew.).

Если кто возьмет чужую лошадь, или оружие, или одежду и хозяин опознает их у кого-нибудь в своей округе, то он имеет право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны (Пл.).

Wenn jemand ein fremdes Pferd nimmt oder Waffe, oder Kleid, aber (der Eigentümer) erkennt es in seiner Gemeinde, so nimmt er das seine, aber 3 Grivna für das Unrecht (G.).

Если кто украдет чужого коня, оружие или одежду и хозяин опознает пропавшее в своем миру, то он берет свое, а вор платит 3 гривны штрафа (К.).

Комментарии

Эверс дал юридический анализ ст. 13: „Непозволенное действие могло служить предлогом для благовидного прикрытия собственного противозаконного присвоения. Почему закон и поставляет оба сии действия по отношению к обязанности вознаграждения наравне с несправедливым присвоением. Простота разделки составляет основание сего закона, подобно как и всех коренных положений древнего права. Всякой имеет право владеть своею собственностью и защищать ее; никто не в праве взять что-нибудь чужое. Посему, где нахожу свою собственность, там же на месте и беру ее без всяких дальнейших околичностей, и тот, у кого я нахожу ее, должен сделать мне вознаграждение за то, что присвоил себе мою собственность. Как он завладел ею, мне до того нет дела; довольно, что он нарушил самый первый закон, на коем

основывается безопасность всякой собственности, т. е. закон, воспрещающий брать что-нибудь чужое. Но так как у него найдено чужое, то он и обязан сделать вознаграждение“ (с. 326).

Неволин, указывая на попытки (Эверса, Рейца и Морошкина) объяснить связь между ст. 13 и 14, не думал, чтобы их объяснения были правильны. Следуя статье Правды Ярослава: „Аще ли челядин скрыется любо у варяга, любо у колбяга“, он полагал, что закон, дающий истцу право взять свою, найденную у другого вещь без дальнейших околичностей, имеет в виду тот случай, когда господин пропавшей вещи узнает, что она находится в пределах его общины у кого-либо в доме, и по произведенном обыске действительно там найдет ее. Может быть, при этом предполагалось, что о пропаже было сделано публичное объявление. По крайней мере только под этим условием Пр. Пр. дозволяет истцу брать свою пропавшую вещь, где он ее найдет. Узаконения последующих времен прямо требовали, чтобы о сделанной татьбе было объявлено местному начальству, или по крайней мере посторонним людям (Пск. Судн. гр., ст. 6; Уложение, гл. 21, ст. 51). (IV, с. 111).

Калачов в ст. 13 и 14 видел общие нормы уголовного процесса: „Когда хозяин пропадшей движимой вещи или скрывшегося челядина объявит немедленно об этой пропаже во всеобщее сведение на торгу, то, по отыскании ее в чужом владении, имеет право взять предмет иска, у кого нашел, без всяких судебных форм, потому, что последний предполагается вором без дальнейших доказательств и обязан заплатить хозяину за обиду, а князю продажу“ (с. 211).

Станиславский находил, что с Эверсом и Калачовым можно было бы согласиться только в том случае, „если бы в Правде не было еще других постановлений, касающихся этого же предмета... Но вслед за тем Правда определяет, каким именно образом хозяин может получить пропавшую вещь, устраняя мысль о самоуправстве, которое равно в быту общественном как и в так называемом естественном состоянии вело бы необходимо к продаже, драке или войне“ (с. 198).

Ланге не согласился с Калачовым, определявшим ход процесса по уголовным делам и форму процесса по ст. 13 и 14: „В первой из этих статей говорится не о краже, а о потере собственности одним лицом и находке ее другим... Во второй же статье ... заключается постановление не о краже, а о передержательстве беглого холопа... объявление на торгу требовалось не по делам о татьбе, а только по делам о потере движимой собственности и о побеге холопа и не имело большого значения“ (с. 229—230).

Соловьев соглашался с Калачовым: „Когда обокраденный объявил немедленно о своей пропаже во всеуслышание на торгу, то по отыскании своей вещи имел право взять ее, у кого нашел, без всяких судебных

форм, и тот, у кого найдена вещь, обязан заплатить хозяину за обиду, а князю продажу" (I, с. 235).

Греков обращает главное внимание на термин „свой мир", на территории которого протекает процедура поисков пропавшей вещи. Мир здесь — община, марка. В Пр. Пр. в соответствующей статье (34) стоит вместо „мир" „град". По мнению автора, тут разумеется городской округ. Там, где возникли такие округа, они заменили собою мирыобщины (Киевск. Русь, с. 59).

Приселков сличал со ст. 34 Пр. Пр., где слово „мир" заменено словом „город", и высказал предположение, что в протографе Кр. Пр. стояло „город", и лишь в XV в. составитель Новгородской летописи (М. Кусов) заменил его словом „мир"; аналогичный случай такой замены можно указать в числе „подновлений языка Новгородской летописи XIV в. (Синодальный список) редактором XV в." (с. 245).

Статья 14

Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, но рци ему тако: поиди на свод, где если взял; или не поидеть, то поручника за пять днии.

Переводы

Wenn es jemand erkennt, fasst es aber nicht, so sage ihm nicht: es ist Meines, sondern sage ihm also: gehe auf die Umfrage, wo du es genommen hast. Oder geht er nicht, dann zwei Bürgen auf fünf Tage (Ew.).

Но если хозяин опознает свою вещь, однакож не получит ее: то он не в праве сказать тому, в чьих руках та вещь остается: „это мое“, но должен сказать ему так: „пойдем со мной на свод: отыщем, у кого ты взял это“. Если тот не пойдет, то обязан представить двух порук на пять дней (Пл.).

Wenn jemand [bei einem anderen sein Eigentum] erkennt, ergreift es aber nicht, dann sage ihm [dem gegenwärtigen Besitzer] nicht: „Es ist mein“; sondern sage zu ihm so: „Gehe mit zur Ermittelung, wo du es genommen hast“. Wenn er aber nicht mitgeht, dann (stelle er) zwei Bürgen für 5 Tage (G.).

Если кто опознает у кого-либо свою пропавшую вещь, то нельзя отобрать ее, и не говори „это мое“, но скажи ему так: „пойди на свод, укажи где ты ее взял“. Если тот не пойдет, пусть представит поручителя в том, что явится на свод не позднее 5 дней (К.).

Комментарии

Эверс отмечал, что „в этом постановлении мы находим первое начало всех определений касательно срока и вместе объяснение касательно представления порук, предписываемого столь многими законодательствами, — объяснение, согласно коему обязанность сия падает на одного ответчика“ (с. 327, 329).

Рейц считал, что по ст. 13 „всякий мог самоуправством возвратить свою вещь“, но „если таковое возвращение вещи не возможно, то он

(истец) мог требовать, чтобы владетель вещи показал способ приобретения оной («поиди на свод, где еси взял»), чтобы он переходил с ним от одного к другому, пока найдется человек, неправо присвоивший вещь". „Все это было делом тяжущихся или их ближайших родственников и друзей". „И обеспечение исков было уже введено. Кто не хотел тотчас итти на суд, тот должен был представить порук на 5 дней. Может быть, нельзя было отложить суда на должайшее время" (с. 72—73).

Морошкин: „Если поручник, согласно с ответчиком, показывает, что вещь действительно от него приобретена, то должен был утвердить сие показание присягою, и заступить место ответчика; если же и он ссылается на своего поручника, то также должен поставить его на суд, и это продолжалось до тех пор, пока не отыскивался первый поручник, у которого вещь была или первоначальная собственность или краденая. В последнем случае поручник возвращал вещь и платил пеню. Сей то древний иск вещный и назывался свод, или, по позднейшему выражению, очищение вещи. Сей древний иск вчинался всегда на вора, следовательно чистый интердикт к защите владения отвлеченно от собственности места иметь не мог. Итак чистый интердикт к защите истца ограничивался только пределами его владения, и первоначальная форма его была самоуправство" (с. 88).

Неволин в поручительстве Р. Пр. видел только „средство для обеспечения явки ответчика на свод к назначенному сроку" (V, с. 25).

Ланге в ст. 14 предполагал „случай, когда задержанный с воровскою вещию отказывался итти на свод"; тогда он „должен был представить поручителя в том, что он исполнит требование истца через пять дней". „Посему непредставление поручителя, или упорный отказ объяснить способ приобретения поличного по истечении пятидневного срока, само собою разумеется вели за собою обвинение в татьбе ответчика, задержанного с краденою вещию на основании общего правила о неотведенном поличном. Этого закона о поручительстве не встречается ни в Изяславовом, ни в Мономаховом уставах Правды" (с. 236).

Загоровский считал, что здесь говорится о поручительстве, как мере, гарантирующей явку на суд (Очерк займа, с. 16, прим. 2).

Владимирский-Буданов дал перевод ст. 14: „Хозяин, опознавший свою вещь, не должен брать ее, сказав: «это мое»; он должен сказать так: «иди на свод, где ты взял ее». Если же (человек, у которого находится спорная вещь) не пойдет на свод (тотчас же), то пусть представит поручителя в том, что явится на свод не далее 5 дней". Свод — виндикация, — согласно юридическому анализу Владимирского-Буданова — есть процесс по искам вещным (о допросе свидетелей и присяге см. ст. 37 и 39). „По догадке Н. В. Калачова, свод применялся только тогда, когда хозяином вещи не сделано объявления о пропаже на торгу,

а по догадке Эверса, всегда, когда владелец вещи не обнаруживал притязаний на законное владение ею“ (Хр., I, прим. 18).

Филиппов устанавливал, что процесс свода Р. Пр. представляет более архаическую форму восстановления прав на похищенную или утраченную вещь, чем интерциация Салической и Рипуарской Правд (Нач. стадии, с. 4 и др.).

Гетц противопоставлял статью 13, санкционирующую самоуправство в чистом виде, статье 14, запрещающей его и предписывающей свод, и считал ее позднейшим добавлением. Правила о своде, по мнению Гетца, германского происхождения и являются „производством третьей руки“ („Dritthandverfahren“), как оно описано в Салической Правде (XXXVII) и Рипуарской (XXXIII). Древняя редакция Р. Пр. знала только самоуправное восстановление имущественных прав, и лишь позднее, когда чрез варягов Русь познакомилась с германским правом, в частности с Салической Правдой, из нее позаимствованы правила и о процессе интерциации и вставлены в Правду (I, с. 125, 131—138).

У Дьяконова все соображения Гетца вызывали ряд крупных недоумений. Едва ли правильно приведено сопоставление ст. 13 и 14. Автор не обратил внимания на одну существенную подробность: по ст. 13 „взяти свое“ разрешено тому, кто „опознает в своем миру“; в ст. 14 этого не сказано; значит, там опознание имеет место не в своем миру. Естественно предположить, по аналогии со ст. 34 Пр. Пр., что в ст. 13 предполагается заклич. Ссылаясь на работу Филиппова Дьяконов приходил к заключению, что редакторы Р. Пр. по вопросу о своде ничего не заимствовали из Салической или Рипуарской Правды. „Надо признать, что вся попытка проф. Гетца оживить старое учение Эверса не может быть признана удачной“ (Рец., с. 237, 239).

Статья 15

Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека;[1] *да аще будеть обидя не вдал будеть*[2] *достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне.*

Переводы

Aber wo man übrigens an einem Andern sucht, und dieser fängt an zu läugnen, so hat er auf die Ausführung vor 12 Menschen zu gehen. Und wenn unrecht gethan wäre, indem man es nicht gab, so gebührt ihm sein Vieh und für das Unrecht 3 Grivnen (Ew.).

Во всех других случаях, если кто станет искать чего-нибудь на другом, а сей начнет запираться: то истец должен итти с ним на извод перед 12 граждан. И если по исследованию окажется, что ответчик поступил неправо, не давая требуемой вещи; то истец в праве взыскать с него свой скот, да за обиду 3 гривны (Пл.).

Wenn jemand wo bei einem anderen eine Schuld einfordert, dieser aber leugnet, so soll er [der Schuldner] zum Nachweis gehen vor 12 Männern. Aber wenn er [der Schuldner] unrecht tut, indem er nicht, wie es sich gebührt, ihm (dem Gläubiger) sein Geld (zurück) gab, dann (zahlt der Schuldner) für das Unrecht 3 Grivna (G.).

Если где будет иск к кому-либо об уплате займа, то итти ему на судебное разбирательство при 12 свидетелях. И если окажется, что должник злонамеренно не отдавал его деньги, как следовало по условию, то с него взыскивается 3 гривны штрафа (К.).

Комментарии

Татищев: „Скот, разумеется деньги или серебро по достоинству: ибо в самой древности цену счисляли скотом, как ясно в библии видим, что Авраам купил землю, за сто овец платя серебром, и по сему довольно

---

[1] *Арх.* мужа.

[2] *Арх.* будеть *нет.*

видно, какой сей закон стар". „Что же суд пред 12 человеки, оное царь Иоанн в законе волостных положил, но над оными определены судии в Швеции також волостные: сей порядок хранится до днесь".

Эверс полагал, что, когда право собственности „не могло быть доказано" „очевидным образом посредством свода" „без всякого посредства судий", тогда „необходимо должно было привзойти третие лице, которое бы давало при сем случае решение, т. е. определяло, какой оказывался результат после произведенного каким бы то ни было образом свода". Избранные „всей округой" старейшины и есть „те 12 человек, о коих говорит наш закон; здесь скрывается начало происхождения присяжных" (с. 332—333).

Карамзин склонялся видеть в институте 12 мужей — „суд присяжных", которые „разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскать пеню". „Так было [по Карамзину] и в Скандинавии, откуда сей мудрый устав перешел в Великобританию. Англичане наблюдают его доныне в делах уголовных. Саксон Грамматик повествует, что в VIII веке Рагнар Ладброк, король Датский, первый учредил думу двенадцати присяжных" (II, с. 37).

Дубенский решительно возражал против признания особого суда 12 и сближения его с судом „присяжных". Исходя из представления, что подлинной Ярославовой грамотой является лишь Пр. Пр., Дубенский сопоставлял ст. 37 Пр. Пр. со ст. 15 Кр. Пр. и находил: „По подлинной Ярославовой грамоте [т. е. в ст. 37 Пр. Пр.] видим, что при запирательстве рота окончательно решала дело; следовательно, «ити на извод пред двенадцать человека» есть то же в Шлецеровой правде [Кр. Пр., ст. 15], что в подлинной «ити на роту»; если это так, то для чего писец Роськой Правды мудрился, стараясь простое и всем известное заменить спорным и неизвестным". С такой точки зрения для Дубенского „12 человек" в ст. 15 были „загадочные слова" „и только" (Чтения, 1846, II, с. 15—16).

Михайлов находил, что „суд двенадцати посредников составлял древнейший способ разбора в делах сомнительных у англо-саксов, датчан, шведов и норвежцев", где „для разрешения дела истец и ответчик, каждый с своей стороны, назначали по шести человек судей". „То же самое учреждение существовало и у племен славянских, как обычай": „маловажные дела и споры решались общим мнением семьи, более важные — целым родом, наиважнейшие — князем". Обычай суда 12 выборных, „первого судебного учреждения", Михайлов объясняет тем, что „по многочисленности членов рода, обсуждение каждого дела всеми или главными из них было затруднено, необходимо было предоставить разбор дела немногим членам рода, наиболее опытным" (с. 26, 45, 46).

Ланге, понимая „проче“ как „остаток“, переводил ст. 15 так: „Если кто станет взыскивать с другого остальных денег из должной суммы, а должник будет запираться, т. е. показывать, что он уже вполне удовлетворил кредитора, и если на очной ставке с 12 свидетелями окажется, что должник действительно не вдал заимодавцу достойно скот, т. е. не возвратил ему всех денег, то в таком случае платить за обиду 3 гривны“. 12 человек Ланге считал не судьями, а свидетелями, что подтверждал ссылкою на ст. 47 Пр. Пр. В ст. 15 Ланге видел „частный случай, именно неполное удовлетворение кредитора, и самое число свидетелей осталось в законе то, какое вероятно случайно было выставлено заимодавцем по частному делу, подавшему повод к самому представлению“. Этот частный случай обобщен в ст. 47 Пр. Пр., где говорится о долге вообще (с. 177—178).

Извод „перед 12 человек“ был, по мнению Грыцько, не что иное как повальный обыск в уголовном процессе о татьбе. Уголовный характер статьи „подтверждается самим контекстом, в котором помещена означенная статья и в котором до нее и после нее идет непрерывная речь о том: как посредством свода отыскивать похищенную вещь или похищенного раба“ (с. 107).

Сергеевич видел в ст. 15 норму гражданского процессуального права: „Если кто-нибудь учинит иск, а ответчик станет запираться, то нужно вести его на свод перед 12 человек. Отсюда выводим, что если он не станет запираться, то нет нужды вести его на свод, так как признанием оканчивается дело“. „Должник, неправильно отрицавший долг, должен был платить за обиду 3 гривны“. Неисполнение обязательств по древнему праву рассматривалось как преступление и вело к штрафу. Неплатеж долга „Академический список называет обидой и полагает за это наказание“ (Лекции, с. 577, 422, 342).

Загоровский отметил, что ст. 15 говорит только о „процессуальном порядке разрешения споров о займе, именно предписывает споры эти разбирать каким-то 12 человекам“. Загоровский указывает, что большинство считает их судьями (Карамзин, Погодин, Эверс, Рейц, Калачов, Хлебников), а Ланге и Владимирский-Буданов видят в них свидетелей. Загоровский согласен с первыми, что 12 были судьями сделки о займе, так как этого числа нет в соответствующей статье Пр. Пр., и так как вообще оно „составило бы только ненужные затруднения при заключении сделок“. В то же время институт 12 судей известен и у нас в Новгороде и в северном праве. 12 судей на основании показаний послухов решали „злонамеренно или без умысла должник не отдавал долга, суд назначал с виновного в первом случае 3 гривны штрафа“ (Очерк займа, с. 11—12).

Владимирский-Буданов, как большинство исследователей, видел в ст. 15 иск по долговому обязательству: „Если кто будет искать на другом долга («проче» в др. сп.: «кун» или «скота»), а должник начнет запираться, то итти ему на извод пред 12 человеками; если (по суду этих 12) окажется, что должник злонамеренно не отдавал должных ему денег, то взыскивается за обиду три гривны". „Комиссия 12 состоит из послухов, свидетелей заключенной сделки, которые в то же время были судьями относительно этой сделки. Не только в исках, возникающих из договоров, но и уголовных, «послухи должны рассудить», как выражается эклога Льва и Константина (зач. 16, ст. 7)" (Хр., I, прим. 19). — Владимирский-Буданов во втором издании Хрестоматии протестовал против причисления его к Ланге по вопросу о значении института 12-ти. В то же время Владимирский-Буданов отмечал, что „штраф в 3 гривны в исках денежных доказывает справедливость той мысли, что в Русской Правде уголовный элемент преобладает над гражданским, а не наоборот" (ср. Кар. ст. 47 и 54) (Хр., I, с. 32—33).

Удинцев привел параллельные статье 15 Р. Пр. тексты Вестготской Правды и Салической, находил значительное сходство этих статей и объяснял его „общностью происхождения народов и общностью праворазвития". Удинцев считал, что в ст. 15 „древнее право занято лишь вопросом о взыскании взятого: «Аще кто взыщет на друзе проче...» как говорится в Русск. Правде или — по выражению Салической Правды: Si aliquis alteri aliquid praestiterit de rebus suis et ei noluerit reddere". Роль мужей, которые приглашаются присутствовать при заявлении претензии к неисправному должнику, представлялась Удинцеву „недостаточно ясной" — „во всяком случае это не свидетели, так как перед ними присягают истец и ответчик". Из древне-русских памятников ближе всего к Кр. Пр., по мнению Удинцева, стоит мирная грамота новгородцев с немцами 1195 г. „Она совпадает по стилю и выразительности языка": „Оже емати скот варягу на русине, или русину на варязе, и ся его заприть; то 12 муж послухы идеть роте, возметь свое" (с. 10, 11, 17, 51, 62).

Мрочек-Дроздовский видел в ст. 15 „иск кем-либо своих денег на ком-либо: несомненно, иск по займу". „Обида — в невозвращении ответчиком истцу истцовых денег достойно — как следовало по сделке". „Верителю предписывается — при запирательстве должника итти на извод пред 12 человеками (мужами), которые, очевидно, и решают тяжбу: следовательно, это и есть — судьи, вероятно, земляки сторон или ответчика. Судьи судят по изводу, известися (ср. это слово у Срезневского, I, с. 1039, 2 знач.) истцу перед судьями значит отстоять свои требования, доказать им правду — как и чем бы то ни было, следовательно, извод есть общее понятие судебного доказания" (Чтения, 1917, кн. III, с. 94).

Гетц в 12 мужах ст. 15 видел общинный суд, отличный от княжеского суда, появляющегося во 2-й и 3-й редакциях. Задача суда — разрешение вопроса о правильности притязаний истца по долговому обязательству (I, с. 176).

Максимейко оспаривал господствующее мнение, что в ст. 15 идет речь о взыскании долга по договору займа. Окружающие ее статьи 14 и 16 „говорят об исках по поводу пропавших вещей“ и если принять, что они „определяют порядок виндикации опознанных вещей“, то ст. 15 будет естественно определять „способ взыскания «прочего», т. е. того, что пропало вместе с опознанной вещью, но чего нет налицо. Это убыток от преступления, который может быть возмещен денежной уплатой, но не возвращением вещи. В таком значении этот термин («проче») употреблен и в других аналогичных случаях: «то истцу лицем взяти, а прока ему желети, что с ним погибло» (Карамз., ст. 39). Неопределенность статьи относительно места взыскания и лица, против которого направлено взыскание «аже где взыщет на друзе проче», в то время как при займе — заранее известны и личность должника и его местожительство“, подтверждает, по мнению Максимейко, правильность его утверждения. В 12 человеках Максимейко видел не судей, а свидетелей, основываясь на ст. 14 и 16, которые тоже определяют „способ доказывания искового требования, а не тот компетентный суд, к которому надо обращаться за разрешением спора“ (Опыт, с. 30—32).

Струмилин противопоставляет ст. 15 статье 14. В ст. 14 он видит вещный иск, и тогда ст. 15 „говорит о взыскании прочего, т. е. уже очевидно, не того, что пропадет у хозяина без его ведома, а того, что им самим кому-либо одолжается“. А тогда — в ст. 15 иск обязательственный, и иная форма процесса, „пред 12 человек“. Струмилин считает возможными два толкования ст. 15: 1) ответчик злонамеренно не отдавал долга; 2) ответчик доказывает, что он не брал денег у истца. До сих пор все исследователи исходили из первого толкования, Струмилин находит более правильным второе. Текстуальное толкование статьи, разбор слов „запиратися“, „вдал“, а также выражения „не вдал ему свой скот“ позволяют Струмилину изложить смысл ст. 15 так: „Если кто взыщет на другом долга, а должник запрется в том, что истец давал ему взыскиваемое, то итти им на извод пред 12 человека; если же окажется, что истец действительно не давал ответчику тех денег, которых злонамеренно хочет, то за обиду с него 3 гривны“. Подтверждение такого толкования Струмилин находит в ст. 10 Мирной грамоты новгородцев с немцами 1195 г. (с. 24—26).

Статья 16

Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному вести,[1] *у кого то будеть купил, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце.*

Переводы

Wenn einer einen Sklaven nehmen will, ihn als seinen erkannt habend, so muss man zu jenem führen, bei welchem man ihn erkauft haben wird; aber dieser wendet sich zum Anderen, und es gehet fort zum Dritten; dann sage dem Dritten: gieb du mir deinen Sklaven; aber du suche dein Vieh mit dem Augenzeugen (Ew.).

Если кто, опознав своего раба, захочет взять его: то ответчик должен вести господина к тому, у кого он купил опознанного раба, а сей обращается ко второму, второй к третьему; здесь господин должен сказать третьему: „ты мне отдай твоего раба, а свой скот отыскивай при очевидце" (Пл.).

Wenn jemand einen Knecht ergreifen will, den er als den seinen erkannt hat, so führe man ihn zu demjenigen, bei welchem er [der derzeitige Besitzer] ihn gekauft hat, aber dieser wird zum zweiten geführt, und man geht weiter noch bis zum dritten [Verkäufer]. Dann sage [der derzeitige Besitzer] dem dritten: „Gib du mir deinen Knecht heraus, aber du suche dein Geld mit dem Zeugen" (G.).

Если господин узнает своего пропавшего челядина и захочет его отнять, то вести его к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведет к предыдущему продавцу, и когда дойдут до третьего, то скажи ему: „отдай мне своего челядина, а ты ищи своих денег при свидетеле" (К.).

Комментарии

Ланге полагал, что при Ярославе „как при краже челядина, так без сомнения и при всякой другой краже, истец имел право лично делать расследование до третьей очной ставки, а потом мог, если разумеется

[1] *Арх. доб.* и.

хотел, отказаться от дальнейшего розыскания и передать его «третьему». Нужно полагать, что такой закон Ярослава, будучи выгодным для истцов, как избавлявший их от лишнего труда, был крайне обременительным для людей, случайно попавших в чуждое для них дело и обязанных, в качестве третьих лиц, поневоле производить об нем расследование. Поэтому-то, как мы думаем, Изяслав и ограничил право истцов, вменив им в непременную обязанность итти до конца свода в своем месте жительства, и только за чертою его, что могло случаться реже, позволил им пользоваться законом Ярослава" (с. 234—235).

По мнению Владимирского-Буданова, „свод о пропавшем рабе отличается от других вещных исков тем, что свод продолжается только до третьего владельца". „Причина такой особенности свода о челядине в том, что нет нужды напрасно затруднять истца; челядин сам лучше всего может указать следы вора". Владимирский-Буданов полагает, что слова „при видоце" говорят о посторонних свидетелях, необходимых „для правильного производства свода" (Хр., I, прим. 20 и прим. 52 к Карамз. сп.).

Приселков, сличая ст. 16 со ст. 38 Пр. Пр., предположил, что в протографе Кр. Пр. читалось: „а ты своего скота ищи *при лице*", а не „*при видоце*". Эту замену произвел редактор XV в. (М. Кусов), „не понимая этого последнего термина" (т. е. „при лице"). Если бы челядин здесь выступал видоком, то „зачем производить свод от владельца к владельцу, когда раб мог прямо указать на то лицо, которое его украло"; „да раб в те времена свидетелем и не мог быть" (с. 246).

Статья 17

Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти,[1] *да платить*[2] *господин за нь*[3] *12 гривне; а за тым где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его.*

Переводы

Oder ein Knecht schlägt einen freien Mann, entfliehet aber in das Haus und der Herr unterfängt sich ihn nicht zu geben, so nehme man einen Knecht, und der Herr bezahle für ihn 12 Grivnen. Aber wenn nachher der geschlagene Mann ihn findet, so prügele man ihn (Ew.).

Если холоп ударит свободного человека и скроется в доме, а господин не захочет выдать его, то платит господин за него 12 гривен. После, ударенный им человек, если встретит его где-нибудь, имеет право бить его (Пл.).

Oder ein Sklave schlägt einen freien Mann und flieht in das Haus [seines Herren], aber der Herr gibt ihn nicht heraus, dann nehme man den Sklaven nicht, aber sein Herr zahlt für ihn 12 Grivna. Aber darnach, wo jener geschlagene Mann ihn [den Sklaven] trifft, schlägt er ihn (tot). (G.).

Если холоп ударит свободного мужа и убежит в хоромы своего господина и тот не выдаст его, то господин может удержать его у себя, но должен заплатить за него 12 гривен, а затем пусть потерпевший побьет холопа, где его застанет (К.).

Комментарии

Татищев: „Свободный муж не токмо шляхтичь, но всякий гражданин, кроме раба и крестьянина княжеского или шляхетского... В манускрипте... Ростовском не яти; т. е. когда господин явится защище-

[1] *РТ* не яти.

[2] *Арх. доб.* за него.

[3] *Арх. вместо:* за нь — его.

нием винен, то уже холоп не винен; ежели оный не уйдет, то битый имеет власть его наказать по своей воли".

Эверс: „Может быть, в нашем тексте вместо: бьют, надлежит читать убьют [ср. Пр. Пр., ст. 65]". Статью 17 Эверс считал „придаточной статьей в Ярославовом законодательстве". „По-настоящему, раба, который дерзнул ударить свободного человека, надлежало бы выдавать головою, или же господин должен был ответствовать за него сам своим лицом. Но Правда допускает уже некоторое изменение в сем правиле: именно господин обязывается заплатить за него 12 гривен — цену, которою он выкупал себя от частной мести... Но относительно самого раба право мести остается во всей силе... оскорбленный... мог ему отплатить за обиду такими же побоями и, поелику закон не полагает при сем никакой меры для побоев, то, м. б., в праве был и умертвить его [прим.: „Человек раздраженный легко мог прибить раба до смерти: так понимается закон сей и в поздн. Правде"]" (с. 317 и 334—336).

Ланге отметил, что „существование [этого] постановления... указывает на то, что оно было исключением из общего правила" (бити = убити), и, следовательно, „месть или самосуд" за увечья, побои и раны были „уже" ограничены и убивать обидчика „обычай, кажется, уже запрещал". Развивая положение этой статьи, Ланге приходил к заключению, что 12-гривенная продажа уплачивалась господином во всех случаях, где, „по общим законам", платилось 60 кун, 3 гривны и 12 гривен — но, „если был укрываем раб, нанесший увечье свободному лицу, то владелец преступника обязывался выплачивать не продажу, а виру". Обиженный „мог или убить холопа, или только побить": „последствия" битья по самосуду были безразличны. Статья эта „составляет отступление [и притом единственное: „только"] от принятой в уставе системы [сначала нарушение личных прав, потом — прав собственности]: ее следовало бы поместить в отделе о нарушении личных прав" (с. 98, 144, 165 и 6).

Владимирский-Буданов слова „да бьют его" переводил: „оскорбленный может убить его (см. Кар., 76 [А, 65]). Это постановление отменено сыновьями Ярослава; но в т. наз. Правде Ярославичей такой отмены нет; следовательно, в сборник под именем Русск. Правды вошли далеко не все постановления княжеской власти" (Хр., I, прим. 21).

И. Беляев впервые объяснил местоположение этой статьи: „определив пени и порядок суда в делах о нарушении собственности [ст. 11—16], закон определяет те случаи, в которых нарушение права собственности [ст. 17 и 18] не бывает преступно",— и основную мысль ст. 17 передал так: „когда раб ударил свободного человека, то обиженный мог

безнаказанно убить его". „Здесь обида, полученная от раба, оценивается в 12 гр., одинаково с обидою от свободного человека, очевидно потому, что здесь вину его принимает на себя господин, следовательно и обида перестает быть обидою от раба": „обиженный имел право убить раба даже и тогда, когда он получил от господина законное вознаграждение" (Лекции, с. 234).

Сергеевич: „По смыслу этой редакции, холопа берут и господин платит за него 12 гривен; а затем холоп оказывается на свободе, и ударенный вновь хватает его и убивает (бить — убить). Очевидно переписчик совершенно не понимал того, что писал" (Др., I, с. 114).

Барац, напротив, считал текст статьи „наредкость исправным и точным", за исключением слов „холопа пояти"; „ни в варварских кодексах, ни в славянских, ни в русских юридических памятниках не находим такого бесчеловечного закона, чтобы холопа за одно лишь ударение свободного человека последний мог убить без суда и расправы". Даже по Литовскому Статуту холоп подвергается смертной казни, и то — по судебному приговору, лишь за изувечение дворянина; нанесение же холопом простых побоев дворянину карается только лишением руки (Л. Ст. 1588 г., XI, 49, I)". Слова же „холопа пояти" попали сюда „несомненно из предыдущей ст. 16 Кр. Пр., где они, надо полагать, отмечены были на поле рукописи в качестве варианта к начальному выражению статьи: аще кто челядина пояти хощеть" (с. 201).

Гетц 12 гривен толковал, как всегда в Древнейшей Правде, как частное вознаграждение. Объясняя высокий размер вознаграждения особой оскорбительностью удара раба для свободного мужа, Гетц подкрепляет это ссылкой на ст. 65 Пр. Пр.: „его развязывают и бьют или берут деньги за причиненное безчестие" — опуская, однако, в этой цитате слова „гривну кун [за сором]", и создавая этим представление, что за сором идут 12 гривен, тогда как гривна кун тут явилась на месте убийства раба, а 12 гривен перешли в Пр. Пр. из Кр. Пр. дословно. Принадлежность этой статьи Ярославу Гетц отрицает (см. Пр. Пр., ст. 65) (I, с. 85).

Максимейко не считал достоверным указание ст. 65 Пр. Пр., что ст. 17 Кр. Пр. „возникла из уставной деятельности Ярослава Мудрого": ст. 17 „говорит о битье, а не убиении холопа". Распространенное толкование „бити" = „убити" „чрезвычайно затрудняет понимание 16 ст. [А, 17]. В самом деле, последняя предоставляет господину холопа... или выдачу холопа или уплату 12 гривен; такая альтернатива не имела бы никакого смысла, если бы хозяин, уплативши штраф, рисковал сверх того возможностью лишиться своего раба". Ст. 17 имела в виду „телесное наказание", „убиения" холопа она не допускала. Автор Пр. Пр.

и сам себе противоречит, говоря (в ст. 65), что Ярославичи „уставиша на куны“: из дальнейшего же текста ст. 65 „оказывается, что холоп подвергался или телесному наказанию или же уплате штрафа“. Сумма денежного вознаграждения (12 гривен) показывает, что Р. Пр. относит этот случай к „тяжким обидам“ — как и римское право: 1) „Et ait Pomponius etiam sine pulsatione posse dici atrocem injuriam, persona atrocitatem faciente“ (Fr. 9, pr. Dig, 47, 10); 2) „Quaedam injuriae a liberis hominibus factae leves (non nullius momenti) videntur, enimvero a servis graves sunt: crescit enim contumelia ex persona eius qui contumeliam fecit“ (Fr. 17, § 3. Dig. 47, 10). „За обиду отвечал как господин, так и холоп. Ответственность первого определяется в таком виде: «то холопа пояти, да платить господин зань 12 гривен»... Взятие холопа служило лишь мерой понуждения ответчика к денежному удовлетворению потерпевшего [ср. ниже, Сергеевич, ст. 65 Пр. Пр.], а также средством обеспечения его исковой претензии... Выданный раб переходил в собственность истца, если не выплачивалась указанная денежная сумма“. По римскому праву — это „т. наз. ноксальная ответственность“, падавшая на господина „за все частные деликты его рабов“. „Личная ответственность холопа по Р. Пр. состояла в том, что он мог быть подвергнут болезненному наказанию... От воли... господина зависело, выдать ли его для битья истцу или же отказать ему в этом“. Автор Кр. Пр. находился „под влиянием“ кн. 9 Дигест, „где определяется ответственность за убытки, причиненные четвероногими, а также за истребление и порчу чужого имущества“. Автор Кр. Пр. „отделил оскорбление свободного человека холопом от прочих личных обид [ст. 2 и след. Кр. Пр.] и поместил его среди имущественных посягательств, рядом со ст. 17 [А, 18]“ (Опыт, с. 84, 164, 171—173).

Р о м а н о в предлагает в пользу варианта „пояти“ следующие соображения: 1) если бы речь шла (в ст. 17) об окончательно удавшемся действии господина, то и в тексте ст. 17 сказано было бы решительно, как в ст. 65 Пр. Пр.: „не выдаст“, а не „начнет не дати“, т. е. сделает попытку не дать, и 2) Древн. Правда, данная Ярославом „новгородцам“ по случаю их участия в добывании ему Киевского стола и соответственно распространившая 40-гривенную плату за убийство дружинника и купца на всех новгородских „словен“ и „изгоев“, должна была и в ст. 17 отразить не защиту интересов холоповладельца, а защиту мелких городских „свободных мужей“ от самоуправства холоповладельцев, осуществлявшегося ими, конечно, через своих же холопов. „Н е я т и“ — было бы признанием неприкосновенности холоповладельческого двора; „п о я т и“ — было бы отменой этой неприкосновенности ради защиты мелких жертв холоповладельческой расправы и ради обеспечения им уплаты за оскорбление. Именно на этот последний пункт и падает логическое ударение в этой статье. [*Б. Р.*].

Греков, сопоставляя ст. 17 со ст. 13, где речь о мире, представляет себе дело так: „мужи-рыцари связаны с мирами-общинами, живут на их территории, где и стоят их крепко сложенные хоромы, способные защитить своего хозяина". Хоромы эти — „укрепленное место, принадлежащее определенному владельцу", „двор средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке" (Киевск. Русь, с. 45).

Статья 18

А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнеть хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнеть приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем.

Переводы

Wer aber einen Speer verdirbt, oder einen Schild, oder ein Kleid, und beginnt, es bei sich behalten zu wollen, so ist bei ihm das Vieh zu nehmen. Aber wenn es verdarb, indem er es zu verwerfen begann, so hat er mit Vieh zu bezahlen, so viel er für dasselbe gegeben haben würde (Ew.).

Если кто испортит у кого копье, или щит, или одежду и пожелает испорченное оставить за собою; то хозяину взять за то с него скота. Но если бы он испорченного не захотел удержать за собою; то платить ему скота столько, сколько бы он сам заплатил за те вещи (Пл.).

Aber wenn jemand einen [fremden] Speer verdirbt oder einen Schild oder ein Kleid und will das bei sich behalten, so nimmt man das Geld [dafür] von ihm. Aber wenn es jemand verdorben hat, und wenn er es (dann) zurück geben will, so muss er mit Geld so viel bezahlen, als er für es gegeben haben würde [in neuem Zustand] (G.).

А если кто сломает копье, щит или испортит одежду и хозяин захочет удержать у себя, то он получает доплату деньгами за порчу, но если собственник отказывается от сломанной вещи, то пусть ему будет заплачено, сколько он дал при ее покупке (К.).

Комментарии

Эверс, считая эту статью, как и ст. 16 и 17, „придаточными статьями в Ярославовом законодательстве“, полагал, что „этим прибавлением, которого смысл, очевидно, направлен ко взаимным сношениям в обществе, утверждается то основное правило, что никто не в праве, взяв у другого товары, возвратить их в испорченном виде, но должен непременно уплатить цену их“ (с. 336).

Неволин отмечал, что в Правде Ярослава „определяется один только случай повреждения чужих вещей, именно: когда бы кто изломал у другого копье или щит или испортил платье, и на этот случай установляется порядок вознаграждения хозяина“ (V, с. 237).

Станиславский склонялся к тому что в ст. 18 „речь идет, кажется, о предметах, данных в ссуду или на подержание“. „Тот, кто ими был ссужен, конечно, должен был возвратить их хозяину в том же виде, в каком он их получил; если же он их тем или другим образом испортил, то мог оставить их у себя или отдать назад хозяину, но в обоих случаях обязан был заплатить последнему цену испорченных предметов. Надобно впрочем сознаться, — добавлял Станиславский, — что различные варианты этой статьи могут подать повод к различному ее толкованию“. Впрочем, какие „варианты“ имел он в виду, Станиславский не уточнил (с. 209—211).

Ланге так толковал эту статью: „Если испорченную вещь обиженный желал удержать у себя, то мог требовать за нее только добавочной платы; но если он отдавал вещь тому, кто ее испортил, то имел право получить полное за нее вознаграждение“. Ланге полагал, что в ст. 18 „не разумелось умышленного действия, а только неосторожное или случайное, которое не считалось уголовным преступлением, и потому за такое действие и не назначена продажа. Но она без сомнения взыскивалась, если кто с умыслом, напр., из мести или ненависти, повреждал или истреблял чье-либо оружие или одежду“ (с. 189—190).

Загоровский не соглашался, что ст. 18 относится к ссуде. Он полагал, что „она имеет более общий характер — взыскание за порчу чужих вещей независимо от того, как они попали в руки испортившего; по крайней мере статья не дает и намека на договорные отношения между собственником и повредившим вещь“ (Очерк займа, с. 8, прим. 2).

Мрочек-Дроздовский считал эту статью припискою, сделанною „еще при жизни“ Ярослава, и находил ее источник в приписке к Судному закону об изломании чужих вещей: „О оружии. Иже изломить другу копие или щит, или топор, да аще у себе начнеть хотети держати, то прияти ино что у него, аще ли инем чем заплатит пред чадию, иже начнеть ведати, колко будеть дал на нем“ (Соф. врем., I, 148). Расчленяя статью, Мрочек толкует: „приметати — возвращать изломанную вещь хозяину, настаивая на ее принятии: случай спорный, тяжебный; при желании поломщика оставить за собою изломанную вещь спора нет: это — случай соглашения сторон, причем несомненным признаком состоявшегося соглашения признается принятие денег за вещь. Спор решается судом, который и определяет действительную цену изломанной вещи“ (Чтения, 1917, III, с. 109—111).

Гетц тоже считал ст. 18 позднейшей вставкой,—она заимствована из судебника царя Константина Пространной Правдой, откуда потом уже была включена в Краткую. Такое предположение Гетц обосновывает следующими соображениями: статья совершенно расходится и нисколько не согласована с прочими постановлениями „1-й редакции“. В то время как в „1-й редакции“ установлены точные цифры композиций, ст. 18 не указывает определенной суммы платежа, а говорит о деньгах вообще, употребляя при этом старинное название их „скот“. Вторым доказательством служит то, что многие списки Пр. Пр. не включают эту статью в свой текст и не имеют аналогичного и параллельного постановления (I, с. 200—202).

Максимейко оспаривал мнение Эверса, так как из него „вытекает, что собственник получал за порчу своей вещи более значительную плату, если он удерживал ее за собой, чем в том случае, когда он отдавал ее ответчику“. „Но это противоречит элементарному житейскому расчету“. Разбирая мнение Станиславского об одинаковой плате хозяину вещи и в случае возвращения испорченной вещи, и в случае ее удержания, Максимейко недоумевал, „почему автор Русской Правды о каждом случае говорит отдельно с оттенком отличия и противоположности между ними“. Не удовлетворял Максимейко и „темный и мало понятный текст“ перевода, сделанного Гетцем. Максимейко, со своей стороны, предлагал прежде всего изменить пунктуацию статьи, и поставить точку с запятой перед словами: „аще ли начнет приметати“, а слова: „аже есть изломил“,—отнести к первой половине статьи. Далее Максимейко толковал „приати“ — в смысле „взять что-либо сверх известного предмета или известной суммы денег“, а „приметати“, как „прикидывать, т. е. предоставлять кому-либо вещь даже помимо желания того, кому ее отдают, а не в значении возвращать, как толкует Эверс и переводит Гетц“. На вопрос, о ком идет речь, об истце или об ответчике, когда говорится: „начнет хотети его держати у себе“ и „аще ли начнет приметати“, Эверс, Станиславский и Гетц отвечали, что об ответчике; Максимейко же относил эти выражения к истцу и так устанавливал „истинный смысл“ этой статьи: „Кто испортит чужое копье, щит или одежду, и собственник пожелает оставить испорченную вещь у себя, то последний в праве взять денежную доплату с того, кто причинил ему означенный вред (насколько уменьшилась стоимость вещи или сколько нужно на ее починку); если же собственник откажется от поврежденной вещи и будет прикидывать ее ответчику, то последний должен заплатить ему столько, сколько он, т. е. хозяин дал за нее“. Касаясь источников ст. 18, Максимейко находил, что автор ст. 18 „писал ее, находясь под влиянием римских правовых воззрений, сложившихся на почве толкования Аквилиева закона“, и не принял мнения

Гетца о происхождении ее из Судебника царя Константина; прежде всего, эта статья имеется „во всех кратких списках" Р. Пр., а в ряде редакций Судебника Константина ее нет. Затем она занимает в Р. Пр. „правильное и надлежащее место, вполне соответствующее ее содержанию, она находится в логической связи с предшествующими постановлениями об имущественных правонарушениях", а в Судебнике Константина эта статья „изолирована и занимает случайное место". Кроме того, при признании именно Р. Пр. оригиналом, Максимейко находил „возможность по крайней мере приблизительно объяснить... изменения, которым подвергся текст 18-й статьи после того как она перешла в Судебник Константина". Так, по Максимейко, переписчику Судебника выражение „изломить порт" „показалось неправильным с точки зрения языка, и он изменил его на «изломить топор»". Слово „скот" он „принял буквально, а не в смысле денег". И „не понимая, почему за порчу вещей потерпевший мог получать возмещение только скотом, он и заменил слово скот выражением ино-что". „Переписчик Судебника" не понимал, в чем заключается разница двух комбинаций в статье, и он „упростил статью, исключив из нее указанную альтернативность и ограничив ее содержание одним только случаем, когда собственник поврежденной вещи собирается удержать ее за собой" (Опыт, с. 194—206).

Мейчик предложил свое понимание ст. 18: „Если кто изломит копье, щит или платье (может быть, вернее читать топор вместо порт), а (хозяин вещи) пожелает удержать ее за собой, то взять деньги (вознаграждение за ущерб) у того, кто изломал (нужно читать просто: «иже» есть изломил, а не «а иже»); если же (хозяин) станет прикидывать (испорченное), то заплатить ему деньгами, сколько он за таковое дал" (Юр. вестн., 1915, XII, с. 95).

Заголовок Правды Ярославичей

Правда уставлена руськои земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячько, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула.

Комментарии

Рейц: „История представляет только один пример общего законодательства в прибавлениях к Правде, сделанных Ярославичами...“ (с. 91).

Ланге, основываясь на словах „паки“ и „по Ярославе“ во 2 ст. Пр. Пр., заключил, что то был „вторичный“ съезд Ярославичей „по смерти“ Ярослава, и счел, что в заголовке Пр. Яр. упоминается о „первом съезде“ и притом „не говорится, чтобы Изяслав и его братья собрались по смерти их отца“, а в ст. 42 Кр. Пр., в отличие от Пр. Пр., где сказано „а се покони вирнии были при Ярославе“, стоит: „а се покон вирный“, „в конце же ее употреблено выражение «то ти урок Ярославль», которое... следует считать за современное этому князю“. „Первый съезд князей был еще при жизни Ярослава и состоялся по его распоряжению“. Ланге ссылался: 1) на известие у Татищева о том, что Ярослав в 1035 г. „велел детям своим Изяславу и Святославу призвать знатных людей в Киев из разных городов и сочинить законы“: „только год съезда... выставлен Татищевым, очевидно, неверно; съезд этот мог быть... разве в 1045 г., когда Изяславу было 20 лет, а Святославу 18 лет“; 2) на то, что в ст. 19—27 и 38 „нет никаких следов отмены или ограничения мести за убийство, следовательно, по-видимому, она существовала в прежнем виде“ — и представлял себе работу съезда так, что он „поочередно“ составил „4 частных устава“, „потом соединенных в один устав, без изменения в системе“. Именно эта „система“ и дала основание Ланге делить Правду Ярославичей на 4 части: система, по которой в ст. 1—18 нарушение личных прав предшествует нарушению прав собственности (с. 6, 103, 104, 8 и 9).

Н. Дювернуа заметил, что „необходимость сделать на юге так близко ко времени Ярослава перемены против Ярославовой Правды,— служит указанием, что она возникла именно не на юге“. Он же отметил, что здесь названо „пять мужей, бывших на съезде“ и „не прибавлено, что эти 5 мужей были их [князей] мужами“, и считал „весьма возможным, что если не все [5] дети Ярослава были на съезде лично, то за отсутствующих были присланы их мужи. Это предположение подкрепляется статьей 58 [А, 65 Пр. Пр.], где отмена убийства холопа за оскорбление свободного человека приписывается всем сыновьям Ярослава“ (с. 62 и 150).

Владимирский-Буданов отметил ст. 42 Кр. Пр. и ст. 2 и 65 Пр. Пр. как противоречащие тому, что статьи 19—43 Кр. Пр. являются законоположением, изданным Ярославичами (Хр., I, прим. 1).

И. Беляев: „Сознание несоответствия [Правды Ярослава „с новыми потребностями общества“] вызвало через 17 лет после смерти Ярослава пополнение Правды его сыновьями. С этой целью они собрались в Киеве в 1072 г. ... и составили новую Правду для всей Руси“ (Ярославову Правду Беляев считал чисто новгородской) (Лекции, с. 236).

Сергеевич считал „неясным“, „сколько статей принадлежит законодательству перечисленных здесь сыновей Ярослава“, и „несомненным“, что ст. 42 принадлежит Ярославу и ст. 23 одному Изяславу. Сопоставление этого заголовка со ст. 2 Пр. Пр. указывает на составление „окончательной редакции“ Кр. Пр. между 1054 г. и изгнанием Изяслава в 1073 г., „в первой половине этого срока“, „так как в это время было два съезда“ (Лекции, с. 55—56).

Ключевский приписывал все последующие статьи Ярославичам: „вторая [часть Кр. Пр.] излагает ряд постановлений, принятых на съезде старших Ярославичей, о пенях и вознаграждениях за те же преступления против жизни и имущества, а также о судебных пошлинах и расходах“ (I, с. 278).

Пресняков тоже указывал, что „вся эта Правда [Ярославичей] носит однородный характер в самом существенном: это — такса княжих доходов“. Но оговаривался: „ст. 10 [А, 29] остается для меня непонятной. Не могу объяснить, как она сюда попала. Назвать ее 12 гривен за обиду уголовным штрафом на основании ст. 47 III редакции [А, 38 Пр. Пр.], как делает Владимирский-Буданов,— не могу, не вижу оснований... она стоит в ряду статей II редакции [Правды Ярославичей] клином“ (Лекции, I, с. 215).

Голубовский посвятил этому заголовку специальное исследование. „Какой из переписчиков Правды первый приписал вторую половину ее текста сыновьям Ярослава?.. Можно ли считать несомненным, что и в XI в., когда явилась запись о законодательной деятельности трех

братьев, точно также считали эту вторую половину текста отдельным юридическим памятником?" В том виде, как она есть, или она „является бессмыслицей" или „придется доказать, а это невозможно, что следующие за записью статьи созданы или внесены в Р. Пр. впервые братьями, а раньше их в ней не было". Признав ее „автентичность", „мы должны признать, что кровавая месть являлась узаконенной и действующей во весь древнейший период русской истории, ибо у нас не будет ни малейшего указания на ее отмену законодательным путем. Все статьи не только Краткой, но и Пространной редакции, где говорится о штрафах и вознаграждении за убитого, должны в таком случае подразумевать «аще не будет кто мстяй». Мы знаем об отмене кровавой мести только из этой записи, которая должна была необходимо явиться, потому что устное постановление съехавшихся князей не имело бы ни малейшего значения. Эта запись сделана не для того, чтобы сказать, что князья съехались и создали новую Р. Пр., а для того, чтобы постановление новое получило с этого момента силу обязательного закона. Вся суть лежит во второй половине записи (которая в Акад. сп. отсутствует), а не в первой (которая в нем есть)". Голубовский сопоставлял „Заголовок" со статьей 2-й Пр. Пр.:

Акад. список	Троицк. список
(Правда уставлена Русской земли, егда) ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячько, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула.	По Ярославе же паки совокупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячько, Перенег, Никифор, *и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати.*

и не допускал, „что кто-нибудь даже в XIV—XV вв. сознательно выкинул вторую (курсивную) часть записи, ибо в ней суть, в ней закон. Это выпадение произошло случайно [при переписке]". Переписчик „сумел или мог разобрать только: «... совокупившеся ... Изяслав, Святослав, Всеволод, Коснячько, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула...» Курсивной части записи уже не было. Переписчик задумался и результатом его соображений явился домысел, что они составили новую Правду, как Ярослав составил Правду, которую переписчик уже только что переписал: съехались и составили Правду. Добравшись до такого умозаключения, переписчик приставил к записи свое начало: «Правда уставлена Р. земли, егда ся совокупил... и проч.». Т. обр., запись Ак. сп. есть исковерканная запись... и ни о какой новой редакции Р. Пр. не говорит. Не найдя полной записи братьев, придав ей неправильный смысл по своим соображениям, этот какой-то переписчик какого-то века или не нашел совсем, или принужден был выкинуть, чтобы не про-

тиворечить себе, след. замечание, существующее в др. списках, а именно: «... и ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Вся, целиком взятая, запись рисует ясно, что делали... [братья], собравшись в Вышгороде. Они пересмотрели Правду Ярослава, сделали новое постановление о кровавой мести, приказали внести его в текст Р. Пр., оставив все статьи Ярославовой Правды без изменения... Это можно назвать новой редакцией Правды, ибо она была пересмотрена, к ней добавлена важная статья, м. б., еще две-три статьи, но сказать, что эта новая редакция начиналась только с записи, нельзя, потому что в новую редакцию были внесены все статьи старой редакции, даже статья о кровавой мести, хотя последняя и была теперь отменена... В новом издании сохранено и все старое, и разобраться, где новое и где старое, кроме постановления об отмене кровавой мести, нет никакой возможности". Голубовский далее определял и место и время съезда князей. Место определяется именем Микулы Чудина, уже „забытого" ко времени составления Пр. Пр.: он „очевидно не был уже ближним княжеским боярином, а был приглашен на совещание по какому-либо особому обстоятельству". Чудин — это вышегородский посадник, упоминаемый летописью вместе с Лазарем, протоиереем Вышегородской церкви (Ипат., с. 128; Сказание Иакова Мниха, Успенский сборник, XII в., с. 36). „Этот Чудин, очевидно, уже ославянился, был христианин. Микула было его христ. имя, но должно было быть у него и имя славянское, языческое". Это — боярин, упоминаемый Иаковом Мнихом: „и бяше человек Вышегороде старейшина огородьником, зовом же бяше Жьдан по мирьскууму, а в крещении Никола и творяше празднество святому Николе" (Успенский сборник, с. 32). „Т. обр. Микула-Ждан Чудин был начальник городничих... инженер и комендант Вышгорода. На совещание он был приглашен потому, что князья собрались в Вышгороде, как человек, занимавший важную должность в городе". Время съезда — 1072 г., „когда братья съехались в Вышгород для перенесения мощей св. Бориса и Глеба в новую церковь" и „довершили торжество перенесения мощей своих дядей-мучеников отменой того языческого института, который, м. б., был причиной их мученической кончины". Голубовский готов думать, что утеря второй половины записи произошла случайно, а выпуск приписки: „а ино все и т. д." „сделан умышленно именно новгородцем" (с. 60 сл.).

Дьяконов счел замечания Голубовского „заслуживающими полного внимания", а этот заголовок, „если даже и не считать его испорченным", — имеющим отношение „не более как к 3-м следующим статьям, потому что в ст. 21 [А, 23] изложен устав одного Изяслава" (Очерки, с. 43 сл. и 53).

Романов считал только ст. 19—28 уставом, „1) вышедшим из среды княжеских интересов, рассматривающим преступления против близких

князю... людей, как оскорбление княжеской чести, нарушение княжеских интересов, 2) защищающим людей... нужных князю" (Изв., с. 30).

Пресняков с „особой защитой княжих мужей" связывал выделенную Сергеевичем из состава Кр. Пр. „вторую редакцию", но „строго говоря" считал ее „особым уставом, выработанным на съезде старших Ярославичей... и их мужей... «Правда уставлена Русской земли», как назван этот памятник в дошедших до нас списках, возникла во время совместного правления старших Ярославичей, т. е. между 1054 и 1068 гг.". Эта Правда Ярославичей раскрывает нам дальнейшие судьбы специальной княжой защиты. Не только первые ее четыре статьи, а „вся Правда носит однородный характер в самом существенном содержании: это Правда княжая". Только две ее статьи (А, 29 и 30) остаются „вне естественной связи", но они и не дают „полного текста". Устраняя их, можно сказать, что Пр. Яр. „вообще говорит о княжих доходах" (Княжое право, с. 255, 265, 291).

Барац считал заголовок „поставленным лишь по ошибке писцов". При этом слова „Правда уставлена Русской земли" — это „вариант" к „Правда Роськая", а слова „егда ся совокупил Изяслав и т. д." — „разночтение" слов ст. 2 Пр. Пр. „пакы совокупившеся сынове его и т. д.". „Другой такой же, изложенный только иными словами, вариант составляет предложение, вплетенное в ст. 65 Пр. Пр.: «и вел. кн. Ярослав Владимирович был уставил убити и пр»". Предложение это якобы стояло „на нижнем или боковом поле" „вблизи" ст. 17 Кр. Пр. „в качестве выноски, относящейся к статье о душегубстве" и было „прихвачено" редактором Пр. Пр. при переносе ст. 17 Кр. Пр. в ст. 65 Пр. Пр. (с. 200 сл.).

Павлов-Сильванский в ст. 19 и сл. видел цельное „небольшое уложение о наказаниях, касающееся специально княжеской дружины и княжеских доменов": князья говорят здесь „только о своих мужах, своих тиунах, своих конюхах, о своих старостах... о своих конях и бортях и не касаются людей и имущества частных собственников, напр., купцов или славян вообще, как древнейшая Правда Ярославова". Князья „ничего не говорят о вирах за этих разных мужей, за купца, изгоя или словенина". „Князья не могли ломать строя отношений обычного права, тогда еще всесильного, потому что их тогда во всяком случае никто бы не послушал... Напр., если бы они захотели указом отменить кровную месть; мы знаем даже по нашему времени, как правительство бессильно искоренить из жизни на Кавказе этот самый обычай кровной мести. Но устав этот... не касается обычных отношений между лицами, он резюмирует только отношение этих лиц к князьям. Этот устав только самооборона князей, только охрана их прав, их дружины и их имущества от покушений. Тут князья могли, опираясь на свою

силу, заявить населению, что впредь за нарушение своих прав они будут взыскивать с населения двойные и вообще повышенные виры, не только за огнищанина... но даже и за простого старого конюха у стада... И как трудно было пригрозить им [князьям] населению 80-гривенной вирой... об этом свидетельствует тот факт, что для этого устава понадобился съезд независимых князей Изяслава, Всеволода и Святослава, что они решились на эту меру, чтобы придать ей вес, только по взаимному соглашению, обеспечив ее так сказать княжеской круговой порукой" (с. 459).

Гетц считал ст. 2 Пр. Пр. „более древней" (ursprünglichere), чем заголовок в Кр. Пр., потому, что 1) там последовательность княжеских имен „приведена в порядок", как в летописях (Изяслав, Святослав, Всеволод); 2) там отсутствует Микула Чудин, и у каждого князя оказывается по одному „советнику", что „более вероятно". Первоначально заголовка перед ст. 19 Кр. Пр. и не было: „переписчик 1-й и 2-й редакций нашел еще в 1-й редакции право кровавой мести, наоборот во 2-й редакции он нашел денежный выкуп за убийство и отсутствие упоминания о мести", „поэтому ему показалось, что он нашел во 2 редакции отражение описанного во 2 ст. Пр. Пр. княжеского съезда, и он поставил поэтому с соответствующим изменением статью 2 Пр. Пр., как заголовок, перед 2-й редакцией", а „затем 2-я редакция была переписана с заголовком". Это устранение заголовка из первоначальной редакции Кр. Пр. открывало Гетцу возможность решать вопрос о ее хронологии независимо от съезда Ярославичей, опираясь только на ст. 42, которая и отодвигает 2-ю редакцию по меньшей мере ко времени Ярослава (II, с. 248 сл.).

Владимирский-Буданов возражал: „Составитель или переписчик Р. Пр. имел в виду перечислить членов съезда, вовсе незаинтересованный их родовыми счетами... Но пусть так, пусть составитель предисловия сделал непростительную ошибку,—что следует из нее для вопроса о времени составления и подлинности предисловия? Ровно ничего": „и тогда, когда сочинитель предисловия составлял его сам, и тогда, когда бы он его заимствовал [из Пр. Пр.], все равно он мог сделать ошибку". Зато „прибавка имени (или двух) в предисловии... идет не в подтверждение, а вразрез с догадкой Гетца о заимствовании предисловия из записи Пр. Пр.; переписчик мог пропустить имя (одно или два), но как он мог прибавить одно новое (или два); откуда взял он этого Чудина (и) Микулу?" (К.У.И., 1912, № 10, с. 7).

Пресняков находил „эти основания критики надписания «второй» редакции [у Гетца] весьма сомнительными". 1) Перестановка княжеских имен „могла быть делом переписчика или редактора-киевлянина, применительно к популярности Всеволода и вражде к князьям черниговским"; перестановка — „черта позднейшей истории текста, но сама по себе она

нисколько не говорит, чтобы этим источником был именно текст, сохраненный в Пр. Пр.". 2) „Имя Чудина в надписании 2-й редакции — черта древняя и подлинная", и „пояснение для его присутствия на съезде триумвирата Ярославичей" — в присутствии его сына Иванка Чудиновича на совещании Мономаха о резах (в Пр. Пр.): „присутствие Ольгова мужа (Ивана) на собрании «дружины» Мономаха объяснимо только особым положением Вышгорода, города земли Киевской, где, однако, Олег Черниговский и при Мономахе выступает хозяином-владельцем". Поэтому „осторожнее" объяснять отсутствие Чудина в Пр. Пр. пропуском имени, ради параллелизма числа князей и их мужей, чем непонятной прибавкой". Наоборот, как раз ст. 2 Пр. Пр. „вызывает большие сомнения": 1) она при конструкции Гетца „не на месте": „если бы она действительно сообщала о возникновении той общей нормы, которая лежит в основе статей о вире огнищанина [ст. 19—22], то и должна бы предшествовать им"; но если 2) она элемент „исторической реминисценции" (по выражению самого же Гетца), то она „вполне на месте", и замена в ней убиения за голову денежным выкупом — „вывод книжника из реального содержания статей о вире огнищанина". Гетцу во что бы то ни стало „необходимо отделить 2-ую ред. Р. Пр. от съезда Ярославичей, потому что он видит в ней право времен Владимира Св. и Ярослава Владимировича" (Рец., с. 157).

Максимейко под „Русской землей" разумел здесь Киевщину и противополагал Правду Ярославичей Древнейшей Правде, как Киевскую Новгородской. „Если в заголовке 2-й части автор Кр. Пр. нашел нужным оговориться, что далее следует Правда Русской земли, то... он хотел, повидимому, обозначить местность, отличную от Новгорода и известную под этим наименованием... Нельзя допустить понимания Русской земли в смысле совокупности всех волостей, ибо общая Правда для всей Руси в условиях того времени не могла появиться, как потому, что не было такой власти, которая вправе была бы «уставить» ее, так и потому, что в обычном праве вследствие его местного разнообразия тоже не существовало общерусских норм". „Логический центр тяжести этого надписания заключается в словах — Правда уставлена Русской земли — которые обозначают переход автора к изложению права Киевской области". „Разве нельзя допустить, что слова «егда ся съвокупил» и т. д. имеют в виду определить время составления 2-й Правды, оставляя вопрос о ее авторе совершенно открытым". Из того, что „съезд Ярославичей упоминается как событие одновременное с ее составлением", „не следует непременно, что она была выработана этим съездом". Словами „егда ся совъкупил Изяслав, Всеволод, Святослав и т. д." — „автор хотел сказать, что он излагает ее [Киевскую Правду] в том объеме, в каком она обнаружилась перед ним во время съезда назв.

князей... Как новгородец, он... не мог знать киевского права в полном его объеме". Заголовок Правды Ярославичей дает указание на время составления Кр. Пр.: „заглавие не может быть признано позднейшей припиской к тексту, потому что подробное и поименное перечисление участников съезда свидетельствует о таком близком и непосредственном знакомстве с описываемым событием, какое мог иметь только его современник". Как современник Ярославичей и „как новгородец по происхождению" составитель Кр. Пр., „недостаточно осведомленный в местнических счетах южно-русских князей, мог перечислять их, руководствуясь только критерием большей или меньшей близости их владений к Киеву" (почему Всеволод и попал на 2-е место). Напротив, Пр. Пр. была написана значительно позже, когда уже „всем было известно, что Святослав... занял Киевский стол раньше, чем Всеволод", и в Пр. Пр. запись Кр. Пр. „подверглась упрощению" еще и в том отношении, что „число советников было ограничено тремя, по одному на каждого князя", а Чудин Микула оказался исключенным „просто потому, что имя его стояло в конце перечня". Употребляя выражение „Правда уставлена и т. д.", автор заголовка „вовсе не имел в виду официальной кодификации, а очевидно хотел только сказать, что в сборник его вошли княжеские уставы... и судебные приговоры". „Подлинность" же заголовка, при таком понимании этого выражения, не опровергается, а подтверждается статьей 42 („то ти урок Ярославль"), которую обычно противопоставляют заголовку: „в случае отсутствия заголовка" в первоначальном же тексте Кр. Пр. эта „оговорка" ст. 42 „оказалась бы лишней" (Опыт, с. 33, сл., 38, 72, 77 прим. и 85).

Мейчик считал, что съезд Ярославичей отменил месть (которую „1-я часть Р. Пр. формулирует... на закате ее дней"): „факт, что если не все, то первые статьи 2-ой половины этой редакции [Кр. Пр.] были приняты на съезде нескольких князей, с участием общественных элементов, убеждает в том, что шаг [отмена мести] считался важным и имеющим не только местное, но и общее для 3-х княжеств значение. Одно назначение удвоенной платы за убийство княжеских слуг, заведующих различными частями сельского хозяйства, могло бы состояться в каждом отдельном княжестве без такой торжественности" (Юр. вестн., 1915, XII, с. 86).

Щепкин полагал, что „постановление съезда Ярославичей, упомянутого здесь в надписи перед ст. 19" надлежит „истолковать из содержания этой самой статьи в смысле упразднения мщения" — во избежание „малоправдоподобной перспективы, что будто бы одно время" при Ярославичах „допускалось еще мщение за просто свободного и низшего княжа мужа, тогда как за высших — огнищанина и тиуна — убиение было уже отменено": „старое право мщения 1 статьи, заимствованной из редакции

эпохи Ярослава, молчаливо предполагается в Кр. Пр. вообще отмененным, раз прибавлена вторая часть в редакции эпохи Ярославичей [ст. 19—42], не знающая более такого права“ (с. 97).

Стратонов высказывался в пользу двух съездов Ярославичей (см. ст. 2 Пр. Пр.), причем первый относил к 1035 г., основываясь на выписке из Летописи по академической рукописи „Истории российской“ Татищева: „просиша Новгородцы да дасть [Ярослав] им грамоту, како судити и дани давати, иже первая им неукромна; он же повеле сыновом своим Изяславу и Святославу созвати люди передниии от киевлян, новгородцов и иных городов, написав, даде им грамоты, како судити и дани давати, заповедав по всем градом тако судити и не преступати“ (Сенигов. Историко-критическое исследов. о новг. летописях и о Росс. истории Татищева. М., 1888, с. 395). Порядок перечисления князей в заголовке объясним тем, что „реальное значение названных князей“ на съезде 1035 г. „было одинаково ничтожным“: Изяславу было 11 лет, Святославу — 9, Всеволоду — 5—6 лет. С другой стороны, „из 4 советников князя 3 были киевлянами“ [Чудин Микула, Новг. I, с. 9, 101, 102; Никифор Кыянин, его двор в старом Киеве, Новг. I, с. 54; Коснячко, киевск. воевода 1068 г. и его двор в Киеве] и на съезд „каждый из них явился не как советник одного из князей, а как лицо, принадлежавшее к составу верхнего слоя дружины вел. кн. Киевского“, т. е. „это указывает на тот момент княжеского съезда, когда еще дружина, именно верхний слой ее не порвал своей связи с центром, а местных дружин Всеволода и Святослава не существовало“. В составленном на съезде „Кодексе Ярославичей“ нет речи „ни о какой отмене мести“. И не могло бы быть потому, что „установить принудительный выкуп только для огнищанина значило бы несправедливо лишить его родственников того права, которое принадлежало родственникам простого свободного мужа“ — „говорить же о праве мести не имело смысла, т. к. в этом отношении нельзя было создать привилегированного положения для его родственников“ (с. 400 сл.).

Романов, критикуя Ланге, отмечает, что слово „паки“ „в ст. 2 Пр. Пр., в смысле указания на повторный съезд, не имеет смысла, так как в тексте (2 ст.) о первом съезде нет и помину“, а „самый состав съезда в заголовке (Пр. Яр.) делает весьма сомнительным отнесение его к 1035 году: 1) он не соответствует приведенному летописному рассказу; 2) Коснячко и Чудин действуют в 1068—72 гг. при Ярославичах, и мало вероятно, чтобы они же при Ярославе, за 33—37 лет до того, занимали то же самое руководящее положение, какое приписано им в ст. 2 Пр. Пр. по смерти Ярослава; 3) сами Ярославичи в 1035 г., в возрасте 11—15 лет, могли быть лишь марионеточными фигурами на предполагаемом Ланге [и Стратоновым] съезде, а отсутствие в заголовке имени самого Ярослава,

только что объединившего в руках своих всю власть после смерти Мстислава и якобы и исполнявшего в данном случае просьбу новгородцев, было бы необъяснимо" (Уч. пос., с. 45).

Тихомиров, принимая датировку съезда Ярославичей (Вышгородский съезд 1072 г.), предложенную Голубовским, объясняет: Правда Ярославичей „должна была установить порядок, нарушенный событиями 1068 г. и последующих лет, в княжеских землях", „высокие виры должны были оградить княжеских людей от повторения разгромов 1068—71 гг.", „а рядом с этим пришлось пойти на уступки и хоть несколько ограничить произвол княжеских мужей", о чем говорят ст. 19 и 21. Сохранилась эта Правда, однако, в северной „переделке" („огнищанин", не встречающийся в киевских памятниках, счет на куны в ст. 28 за „третьяка"; а „третьяк" — термин северо-восточно-русский). „Совершенно ясно, что в памятнике, изданном от лица трех Ярославичей и при их жизни, имена князей были указаны по их действительному старшинству, так как Всеволод никогда не оспаривал старшинства у Святослава"; сказавшееся в „неправильном порядке старшинства князей" в Кр. Пр. „пристрастие к Мономаховичам" объясняется новгородским происхождением ее (до того, как в 1136 г. Мономашичь Всеволод Мстиславич был изгнан новгородцами и заменен Ольговичем Святославом) (Исслед., с. 65—67, 76—77).

Приселков предложил критерий, с помощью которого „можно было бы надежно расслоить" Кр. Правду, „т. е. определить, что в этой композиции относится ко времени Ярослава, а что ко времени Ярославичей". Ст. 41 (см. ниже) дает указание, что 3-гривенный штраф принадлежит времени Ярослава, а 12-гривенный — времени Ярославичей. Но ко времени Ярослава же надлежит относить и все статьи (2, 9, 14, 16, 30, 38), где говорится о „мужах" или „преступлениях, совершенных вооруженными людьми", хотя и умалчивается о 3-гривенном штрафе. С другой стороны, „ряд статей Ярославова законодательства подверглись дополнению или переделке при Ярославичах, так что не могут быть целиком отнесены к законодательству Ярослава (статьи 1, 17, 31, 32 и 33)". Ср. комментарии к ст. 30 и 38. На время „слияния" этих двух законодательных памятников Приселков находил два указания. Первое — „в заголовке", где „перемещение" имен князей „могло быть произведено в угоду Всеволоду и выражало известное неуважение к Святославу, что вероятнее всего отнести ко времени после смерти Святослава (в декабре 1076 г.), когда стало принято толковать вступление и пребывание Святослава на Киевском столе, после изгнания из Киева Изяслава, как преступление ...". Второе указание — „в том, что ряд статей законодательства Ярослава [ст. 2, 7, 11, 13, начало 33 и ст. 3], оказываются в оформлении статей времени Ярославичей", а „это пока-

зывает, что составитель текста Краткой редакции был современником действия законодательства Ярославичей", которое все преступления в княжеских „доменах" рассматривало „как обиду" Ярославичам, так что „термин «за обиду» есть характернейший признак всех статей, установленных ими на съезде". То обстоятельство, что указанные выше статьи „имеют ту же формулировку об обиде", показывает, что составитель текста Кр. Пр. был „современником действия законодательства Ярославичей". Но он и не знал еще термина „продажа", который является в Летописи впервые в форме „продаяти" после смерти Святополка Изяславича (1093 г.), почему и „композицию" Кр. Пр. Приселков относил ко времени „после 1076 г., но до 1090-х годов". Только при позднейшей переписке в ст. 35, 36 и 40 внесен был и термин „продажа" (60 резан) (с. 249—250).

Статья 19

Аще убьють огнищанина в обиду, то платити за нь[1] *80 гривен убиици, а людем не надобе; а в подъездном*[2] *княжи 80 гривен.*

Переводы

Wenn man einen Hausherrn erschlägt zum Unrecht, so zahlt für ihn 80 Grivnen der Todtschläger; aber den Leuten ist keine Nothwendigkeit. Aber bei einem fürstlichen Boten 80 Grivnen (Ew.).

Если будет несправедливо убит огнищанин, то убийце платить за него 80 гривен; а прочие не подлежат сей пене. За убийство княжеского гонца 80 гривен (Пл.).[3]

Wenn man einen Ogniščanin zum Unrecht erschlägt, so zahlt der Mörder. ür ihn 80 Grivna, aber die Leute haben es nicht nötig [mit zu bezhalen]. Aber für einen fürstlichen Boten[4] 80 Grivna (G.).

Если убьют огнищанина умышленно, но без корыстных намерений, то с убийцы взыскивается 80 гривен, а люди не обязаны помогать убийце в их уплате; за убийство княжеского подъездного также платить 80 гривен (К.).

Комментарии

Богдановский видел здесь различие двух видов убийства: „убийство за обиду, т. е. открыто в форме мести, теперь уже запрещенной, или [ст. 20] убийство в разбое, т. е. тайно... с какой-либо корыстной целью...“, причем „в первом случае преступник платит сам без всякой посторонней помощи вирное, как здесь называется плата за голову“; а в различении „количества виры по состоянию убитого“ — „шаг вперед в развитии понятия о наказании“. Отмечая, что „в Пр. Ярослава и детей его нет слова головщина, а есть вирное“, а в ст. 19 сказано „за обиду“, Богдановский считал „очевидным“, „что вознаграждение за потерю своего

---

[1] *Арх.* за него.

[2] *Арх.* в ездовом.

[3] Погодин после „гонца“ поставил: (?)

[4] Пресняков (Ж.М.Н. Пр., 1912, № 11, с. 154): „подъездной едва ли Bote удачнее его сопоставление с позднейшим окольничим“.

родственника получают тот или те, которые имели прежде право мести за него“ (с. 26 и 28).

Ланге отметил, что „слова «а людем не надобе» показывают как бы отмену прежнего порядка, по которому и при обнаружении виновного... отвечали перед князем, когда не было мстителей, люди, т. е. целая вервь... С самого первого появления у нас вир, они во всяком случае имели общинный характер; личная же вира... является только впоследствии, как исключение из общего правила“. Прежний порядок изменен был в том отношении, что теперь „князь получал виру не только уже за умерщвление простолюдинов, но и за убийство огнищан, т. е. княжих мужей“. Хотя первое изменение „последовало по частным делам об умерщвлении огнищан, но нет сомнения, что его применяли и к убийству простолюдинов“. В ст. 19 и 20 „говорится об одном виде убийства, а не о двух“: ст. 19 „представляет тот случай, когда убийца — разбойник находился налицо“, а ст. 20 — „когда его не отыскивали; при отыскании преступника он платил сам виру, а при неотыскании — ее взыскивали с верви, где находили труп убитого“. „Т. обр. вира делается с этих пор не только общинной, но и *личною*... Относительно убийств не [sic] в разбои... оставлен был прежний порядок вещей, т. е. что во всяком случае был ли налицо убийца или нет, вира была *общинной*“ (с. 99, 104, 106).

Хлебников отметил киевское происхождение ст. 19 и 20: „Закон Ярослава, данный для новгородцев, отличался демократизмом, уравнивающим всех членов общества, потому что этот же дух жил в новгородском обществе. Право сыновей создано было в Киеве, под влиянием другого общества, где землевладельцы-огнищане начали резко выдаваться из остального общества“ (с. 300).

Чебышев-Дмитриев под убийством „в обиду“ разумел „простое злоумышленное убийство“, почему Кр. Пр. и „лишает преступника общинной помощи в уплате виры“ (с. 73).

Владимирский-Буданов „в обиду“ переводил „умышленно“ (Хр., I, прим. 2), и отмечая, что лишь Правда Ярославичей впервые „в преступлениях личных различает общественное положение лиц потерпевших“ (ср. Кр. Пр., ст. 1), считал, что „в этом отношении русское право имеет наружное сходство с германскими законодательствами и противоположно славянским, не допускающим общественных различий в уголовном праве; но в германских законодательствах различаются родовые неравенства (по происхождению), в русском служебно-общественные“ (Обзор, с. 326).

И. Беляев полагал, что здесь „русский закон принял во внимание начало римского права [из Закона Судного]: «in maleficiis voluntas spectatur non exitus»“; между тем „в Ярославовой Правде закон обращал внимание на один внешний факт“. Ст. 19—21 Беляев рассматривал, как

ответ на вопрос, вытекавший из отмены „убиения за голову" и из „выкупа кунами": „кому когда платить виру или не платить", независимо от того, кто убит. В ст. 19 виру платит сам убивший „с намерением ограбить и вообще с дурным умыслом" (Лекции, с. 236).

Соболевский: „Значение слова обида здесь, конечно, то же... что и в современном языке; но что значит предлог «в» ?.. Здесь он, может быть, употреблен для означения следствия, вместо «за», и выражение в обиду значит: за обиду, вследствие обиды. Т. обр... [в ст. 19] можно видеть указание на вызванное обидой убийство, которому члены верви не имели возможности помешать и за которое, вследствие этого, они не были ответственны. Во всяком случае не представляется возможности понимать «в обиду» в обиде, во время обиды, ссоры, и приравнивать это выражение к выражению «в разбое»" (Юр. вестн., с. 620—621).

Сергеевич: „Об убийстве в обиду сказано то же, что о том, кто стал на разбои [ст. 7 Пр. Пр.], за него люди не платят. На этом основании думаем, что убийца «в обиду» есть убийца в разбое, убивший без всякой ссоры (свады), для наживы". Только Кр. Пр. не знает еще потока и разграбления (ст. 7 Пр. Пр.): „за убийство в обиду она назначает только 80 гр., но не допускает для таких убийц складчины... В случае несостоятельности, они, конечно, отдавались в распоряжение пострадавших, это будет выдача головой, термин Р. Правде неизвестный" (Лекции, с. 409, 410).

П. Беляев сопоставлял ст. 19 и 20 Кр. Пр. и ст. 3 Пр. Пр. со ст. 1 Двинской Уставной грамоты: „оже учинится вира, где кого утепут, и не душегубца изыщут; а не найдут душегубца, и не дадут наместником 10 рублев", и с другими аналогичными постановлениями уставных грамот, например: „а доищутся душегубца, и они его дадут наместником или их тиуном, а христианом в том продажи нет" (Загоскин. Уст. земск. грам. LIX, 2, 3 и др., LXI, LX). Здесь „повторение" „не только общего смысла", но и „оборотов речи": „а людем не надобе" — „а хрестианом в том продажи нет, а на опричных людех не емлют ничего", „а головника не ищут" — „и не душегубца изыщут" (Ж.М.Ю., 1899, № 10, с. 81).

Пресняков видел в „80 гривнах за княжих мужей" в Правде Ярославичей „не двойную виру, как мы это обычно называем, а 40+40 (Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, B. II, c. 614), т. е. виру + головщину", и считал, что „обе шли князю". Ст. 19 и следующие являют „примеры деятельности князей, создававшей наряду с обычно-правовыми особый «союз княжеской защиты, стоящий вне общегосударственного союза членов племени и построенный на совершенно иной основе» [Halban-Blumenstok. Königsschutz und Fehde]. Эта основа — не взаимная порука и защита членов общины, а властная опека князя над теми, кого он берет под свою защиту. Эта особая «княжая защита» — обще-

историческое явление у всех европейских народов. Удвоенная и утроенная вира за лиц, состоящих под особой опекой конунга, — общая черта права германских народов... Из общества древне-русского выделялась группа лиц, стоящая вне общей связи и вне общей обычно-правовой юрисдикции... Не знаю, можно ли это назвать их судебной привилегией, как и то, следует ли называть повышенную виру княжих мужей их привилегией. Ведь в обоих случаях суть дела не в увеличении прав данного лица, а лишь в экстраординарной их защите, причем повышенная кара, шедшая в княжую казну, была привилегией князя, а не его мужей. Лишь косвенно создавалось для них преимущество социального значения, которое легло в основу развития из этого слоя и материально и юридически выделенной из общей массы населения аристократии. А первоначально дело не в привилегированности, а в возникновении особого... социального организма, сплоченного княжеской силой вокруг себя". „Естественно задаться вопросом, помогало ли «княжое общество» своему члену в уплате, напр., головщины, если он совершил убийство? Ведь перед вервью стояла дилемма — либо выдать сочлена, либо платить за него. Такая же дилемма стояла перед господином холопа-преступника... Могу лишь привести рассказ саги об Олафе, как он в Новгороде убил некоего Клеркона и, когда народ сбежался, требуя его смерти, княгиня приняла Олафа под свое покровительство... Князь примирил обе стороны и присудил плату за убийство, которую княгиня и уплатила, выкупив, т. обр., Олафа от мести" (Лекции, I, с. 216, 185, 187—188).

Дьяконов называл ограждение жизни огнищанина 80-гривенной вирой — „личной привилегией" (Очерки, с. 93).

Барац спрашивал: „где и когда выражение «в обиду» означало: «умышленно»", и догадывался, что выражения: „а людем ненадобе" и „в обиду" занесены в ст. 19 из ст. 2. Именно, на поле у 2 ст. для слов „не искати ему видока" стояло „то людье ему не надобе", а „в обиду" это ошибочное повторение слов „за обиду", что „по небрежности писцов" и попало в ст. 19 (с. 216).

Павлов-Сильванский: „Постановление о ездовом изложено здесь, как пояснение, связанное или непосредственно вытекающее из постановления об огнищанине". По Салической Правде за убийство человека, состоящего in truste dominica, взималось 600 солидов, вместо 200, взимавшихся за свободного франка (ст. 41). Русские огнищане — это франкские „антрустионы" (с. 458 и 351).

Гетц склонялся, вслед за Павловым-Сильванским, к мысли, что в Правде Ярославичей термин „огнищанин" обнимает всю дружину и что ясно выступающее в Пр. Пр. различие между старшей и младшей дружинами едва ли можно переносить в эпоху „второй редакции" Правды, „когда князья впервые принимали постановления к особой охране своих дру-

жинников". „Вторая редакция", взятая „сама в себе", „без смешения с параллельными местами третьей редакции", не дает основания к разделению дружины на два слоя, и, в частности, не знает и 40-гривенной виры за „низшего княжа мужа" и за „простого мужа". „Специализирование дружины" и „деление ее на старшую и младшую" — „естественное дальнейшее развитие, результат которого является в постановлениях о штрафах... третьей редакции". Однако „недостаток ясных источников" оставляет возможность думать, что „князья на первых порах хотели предоставить эту усиленную охрану не всем своим дружинникам, а только высшему из них, огнищанину", которому приравнен в ст. 19 княжеский подъездной, а в ст. 22 тиун. Под убийством „в обиду" Гетц разумел „простое убийство" (Tötung) „без каких-либо дальнейших отягчающих обстоятельств"; под убийством „в разбое" — убийство „с тщательно обдуманным намерением", с признаками „разбойничьего нападения", в смысле позднейших источников (Mord, Meuchelmord), уясняя то и другое статьями германского уложения о наказаниях: § 211 „кто намеренно убивает человека, наказывается, если он совершил убийство с умыслом, смертью за умышленное убийство (Mord)", и § 212: „кто намеренно убивает человека, наказывается, если он совершил убийство без умысла, тюремным заключением не ниже 5 лет за непреднамеренное убийство (Totschlag)". К ст. 19 Р. Пр. не подходит § 222 германского уложения о наказаниях: „кто причинит смерть человеку по преступной неосторожности (Fahrlässigkeit), наказывается тюрьмой до 3-х лет" (II, с. 21 сл.).

Максимейко возражал Павлову-Сильванскому (см. ниже „огнищанин") и Гетцу, считая „произвольным" объяснять пропуск в Правде Ярославичей „гридина" „тождеством огнищанина и гридина": „естественнее допустить, что гридины сознательно исключены, ввиду того, что убийство их было предусмотрено 1-ой Правдой". Пропуск убийства мечника, хотя к нему Правда Ярославичей относится „с некоторым вниманием" [см. ст. 33 и 41 Кр. Пр.], объясняется „сознательным умолчанием", тоже ввиду того, что „об ограждении его жизни уже позаботилась 1-я Правда" (ст. 1). Именно при такой связи 1-й и 2-й частей Кр. Пр. становится показательным, по мнению Максимейко, что ст. 19—20 „определяют взыскание 80 гривен за убийство в качестве самостоятельного наказания, а не как замену мести". Максимейко затруднялся „допустить, чтобы судебный материал, бывший в распоряжении автора Кр. Пр., планомерно и последовательно исчерпывал и заключал в себе все указанные [в ст. 19—21] виды убийства огнищанина", и отвергал мысль о „законодательном происхождении" ст. 19—21 Кр. Пр.: 1) „почему законодательство стало на этот путь [„для престижа" „поднять положение лиц, принадлежавших ко двору князя"] именно при Ярославичах? Казалось бы

предшествовавшая эпоха Владимира Св. и Ярослава Мудрого представляла более благоприятные условия для такого направления княжеской политики... эти князья были более могущественными и энергичными государями, чем сыновья Ярослава"; 2) „если признать, что привилегии огнищан были актом законодательства, имевшего в виду не усиление княжеской власти, а удовлетворение сословных домогательств дружины... то... почему создателями этих привилегий оказались Ярославичи, а не предшествовавшие им князья?" (ср. „капризы" Владимировой дружины из-за ложек); 3) „Кр. Пр. не только говорит о привилегиях огнищанина, но и ставит его в положение лица, покушающегося на кражу", что „непоследовательно и не соответствует законодательному стилю". Поэтому „правильнее всего" смотреть на ст. 19—21 Кр.Пр., „как на создание самого автора Р. Пр.". „Он творил и сочинял, следуя определенной руководящей идее". При всем том, что „содержание названных статей взято из древне-русской жизни", — „юридическая конструкция местного материала была навеяна римскими источниками". Здесь нормы закона Аквилия об убийстве раба перенесены на огнищан: „римские источники проводили отчетливо границу между убийством раба, совершенным *injuria* [„под injuria надо разуметь не личное оскорбление, а действие, не согласное с правом, противозаконное"] и убийством его, невменяемым в вину". Автор Кр. Пр. применил это учение „к убийству огнищанина в условиях древне-русской жизни". Он „интересовался" огнищанином, „как поводом для иллюстрации общих уголовных понятий, почерпнутых из римского права", „безжалостно ставил его во всевозможные положения, мысленно убивал его в обиду, в разбое и даже у коровьей татьбы". „Убить в обиду", „очевидно, имеет тот же смысл, что и убить injuria по римскому праву". „В это широкое понятие входит и убийство в разбое, как одно из частных его проявлений. Значит, нельзя сказать, что Р. Пр. противопоставляет его убийству в обиду или отождествляла с ним, как обыкновенно утверждают... она лишь выделяла его... как важнейший случай неправомерного убийства вообще". „Убийство в обиду вообще, за исключением разбоя, определяется в Р. Пр. как delictum privatum. Преследование его... не считалось обязанностью общества" (Опыт, с. 52, 83, 139—150).

Мейчик указывал, что ст. 19—21 „становятся понятными, если связать их именно с отменою мести. При этой отмене необходимо было принять частью предупредительные меры, частью установить точнее, кто и при каких условиях уплачивает значительные денежные вознаграждения. Под предохранительными мерами мы разумеем охрану общественного мира устройством стражи по дорогам от разбойников, каковая, повидимому, была возложена на вервь... Если она не исполняла этой своей обязанности... то она уплачивала виру. Отсюда понятно, что

если разбойник известен или отыскан вервью, то люди не платят. Но не только за разбойника, но и за обыкновенного убийцу (в обиду) также ответственность падает только на самого виновного (в обиду соответствует лат. in injuriam или injuriae faciendae causa, греч. εἰς ὕβριν или ἐφ'ὕβρει — с целью обиды, по злобе)... Выражение это находит себе выразительный контраст в убийстве в сваде на пиру явлено, с другой — хорошо освещается словом «обидяй», т. е. злостно, умышленно, причем сюда могло быть включено и убийство ради мести" (Юр. вестн., 1915, XII, с. 86).

Щепкин, подчеркивая, что „новые течения в праве в смысле различения нескольких видов убийства для начала связаны с преступлениями против княжих мужей, т. е. возникают в дворовом праве (Hirdhloeg)", заключал из ст. 19, что „уже при сыновьях Ярослава убийство, совершенное не ради разбоя, не карается более талионом в смысле мщения-казни". В словах „а людям не надобе" Щепкин видел признак того, что „Кр. Пр. не интересовалась круговой порукой верви по уплате вир за убийство без разбоя, как учреждением необязательным, земским, а не княжьим, м. б. распространявшимся еще только на уплаты диких вир при невыдаче убийцы". С другой стороны, „может быть в Кр. Пр. признаком различия между обидой и разбоем принималось то данное практики, что тайное убийство, необнаружение... убийцы, его бегство — фактически встречалось только при разбое, а при убийстве в обиду из отмененного теперь мщения (за вину) по вражде, в схватке, в ссоре убийца всегда бывал известен и налицо" (с. 96—97 и 104).

Соболевский допускал, что „только" „первые" „статьи об убийстве" являются „дополнением к Ярославовой Правде" (каковою считал Пр. Пр.); огнищанина же толковал здесь как „служителя при княжеском дворе", о котором не упоминает Ярославова Правда (Пр. Пр.), знающая 80-гривенную виру только за огнищного тиуна, „старшего из служителей при княжеском дворе". „Простой служитель огнищанин, очевидно, приравнивался в ней к княжим отроку, повару, конюху. Ярославичи для всех служителей княжеского двора („дворян" по договорной грамоте Новгорода с тверскими князьями) повысили виру" (Две редакции, с. 21).

Тихомиров считает, что „устранение от платежа виры всех, кто не участвовал в убийстве" было направлено против „произвола княжеских мужей" (Исслед., с. 66).

„Огнищанин"

Татищев: „Огнищанин то же, что и при нас именовались огневщики или объездчики; ныне полицейские офицеры в городах. А подъездной иногда разумеется адъютант, иногда посланный в город от государя для какого дела".

Болтин: „Огнищаня... были люди свободные, имели собственные земли, и, руками рабов или наймитов оные обрабатывая, тем себя содержали", „проводили время свое в звериной и птичьей ловле, что было господствующей страстью всех свободных, в праздности и пьянстве; всякою работою гнушались, яко упражнением, рабам свойственным. Сии необязанные никакою службою известны в летописях под имянем огнищан..."

Карамзин: „Огнищанами именовались вообще люди нарочитые, граждане первостепенные... Имя огнищан... произошло в глубокой древности от слова огнище или очаг, знаменовало граждан домовитых и наконец обратилось в название житых людей" (II, прим. 67).

Эверс: „Огнище во многих славянских наречиях значит [der Herd] очаг, горн, следовательно огнищанин будет означать [der Herdbesitzer] владельца, хозяина очага... Это же слово употребляется и о боярах; вообще значит главу семейства". В ст. 1 Пр. Пр. „княж муж" поставлено „вместо огнищанин и, следовательно, означает независимого домохозяина [Hausvater], свободного главу племени [семьи; в нем. Familien-Häuptling], который стоял в непосредственном подчинении князю [der unmittelbar unter dem Fürsten stand]" (с. 365, 366, 417; нем. изд., с. 310 и 336).

Рейц: „Огнищанин... Вероятно, это означало сельского хозяина, живущего на своей земле. Владение землей везде является отличительным преимуществом" (с. 37). Ср. с. 69, по поводу „общего владения" землей: „под огнищанином не нужно разуметь отдельного владельца, особняка. Это слово означает, кажется, только селянина, хозяина дома".

Диев: „Название огнищан, кажется, одолжено языку греческому: γνήσιος, значит legitima genitus, genuinus, коренной, природный. Οἰγνύω значит aperio отворять, открыть, объявить... ωγνύντω aperiebantur, что еще ближе к слову огнищане" (Русск. ист. сб., с. 45).

Сабинин производил „огнищанина" от сканд. Eigingandin, Eigandin, posessor, владелец (с. 45).

Буслаев ссылался на чешск. ohniště и ohnisko, сербск. огниште, лужицк. ognisko, др.-болг. огнище, огниште, от слова „огнь" с суффиксом, означающим место, на готск. IV века auhns = печь; отмечал, что „по древнейшему понятию не хозяева были настоящими владетелями дома, а существо невидимое, домовой гений: жилец же в доме, равно как и хозяин, мог быть только одним из соучастников великого счастия быть под родной кровлей и при родном очаге" и „потому старинное собственное название домочадца было огнищанин, слово происшедшее от огнище с суффиксом *ин*, т. е. один (*ино* рог = *едино* рог)", — и все же высказался, что в Р. Пр. слово огнищанин употреблялось „в значении хозяина или же человека свободного, имеющего свой очаг" по типу чешского: „ohni-

scenin, libertus, cui post servicium accedit libertas" (Mater verborum, 1202 г.) (Дополнения, с. 43—44).

Соловьев: „У западных славян огнищанин означал отпущенника (libertus), след. в обширном смысле это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободного, какими именно были древние отпущенники, находившиеся в тесной связи с домом прежнего господина и однако переставшие быть рабами". „Единственным средством объяснить это название на русской почве" Соловьев считал — „посмотреть, как оно заменяется в др. списках Правды", где, оно „постоянно заменяется выражением: «княж муж» и в этом значении противополагается смерду". И в Летописях: „позвал [Ростислав] новгородцев на поряд, огнищан, гридь" (ПСРЛ, III, 14); „князь Мстислав, собрав ростовцев — боляр, гридьбу" (ПСРЛ, I, 161). „Следовательно, то что в Новгороде были огнищане, в других местах были бояре, т. е. старшие члены дружины, которых место прежде гридей; при этом... название огнищанин было обширнее, чем боярин: огнищанин некоторых списков Правды совмещает мужа княжа и тиуна княжа др. списков, а потому и в Новгороде существовало также название боярин... Если тиун конюший означает смотрителя за конюшней княжеской, то тиун огнищный должен означать смотрителя за огнищем или домом княжеским; огнищанин же должен означать человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека близкого князю, его думца, боярина, в переводе на наши понятия, придворного человека. Объяснением слова огнищанин служит также позднейшее дворянин, означающее человека, принадлежавшего ко двору, дому княжескому, а не имеющего свой двор или дом, следовательно и под огнищанином нет нужды разуметь человека, имеющего свое огнище... Под огнищанином разумелся только муж княж высшего разряда, боярин, думец княжеский, но не гридь, не простой член дружины, который собственно не принадлежал к огнищу или двору княжескому" (I, с. 11, прим., 219—220).

Ланге, оспаривая Карамзина, Болтина, Рейца, Буслаева, развил ту же концепцию, что Соловьев, и добавлял: „каждый смерд, не будучи огнищанином, не жил под открытом небом, а без сомнения имел свою избу". Ланге разошелся с Соловьевым в том, что „между огнищанами и боярами было то различие, что огнищане, как все в совокупности взятые дворцовые чиновники и служители разных наименований, так и возникшее от их потомков особое благородное сословие, имели значение единственно от службы, образовались из людей неродословных, т. е. составляли дворянство выслуженное... бояре же, напротив, были дворянством родословным и могли по произволу избирать службу у того или другого князя. Но как огнищане, так и бояре, называясь княжими мужами, равно принадлежали к высшему сословию" (с. 55—56).

Мстиславский считал „княжих мужей, огнищан“ „живыми памятниками“ той „значительной катастрофы“, которая предшествовала „призванию Руси“. „Это была древняя аристократия наша, мужи княжеского происхождения... то, что у сербов кнезы, у чехов владыки, techинники, у нас княжичи или княжанцы“. „Если у славян жили и владели свои князи... были целые... роды княжи [Олег Аскольду и Диру: „вы неста князя, ни рода княжа“], то... куда девалось потомство их?“ „Возможно ли, чтобы... Р. Пр. забыла упомянуть о них?..“, раз „в договорах... с греками упоминаются светлые и великие князи... послы... от всякого княжья, от всех князей земли Русской“, из которых „некоторые носили чисто славянские названия (напр. Володислав, Тудко, Воин)“. Они-то, „стояв некогда во главе народа и соступившись потом этого права своего в пользу князей варягов, должны были образовать... высшее... сословие... Таким-то сословием в Р. Правде являются княжие мужи, возвеличенные над всеми людинами“ (вирой в 80 гривен). „Между княжими или своими [для князя] мужами и собственно т. наз. княжими мужами Р. Пр. не было и не могло быть никакого соотношения“. „В памятниках“ — нет „ни малейшего следа существования княжих мужей в качестве лиц, отличенных от всех прочих этим титулом... полученным от князя“: „члены... большей или первой дружины княжеской... назывались то мужами, то боярами“. Здесь Мстиславский опирался: 1) на Кр. Пр., где „на месте выражения княжь муж стоит огнищанин“, но „о служебном значении их [княжих мужей] равно как и огнищан Р. Правда... решительно не имеет никакого понятия... Тиун княжь, подъездной княжь и конюший... вот это служебные лица...“; 2) на ст. 3 Пр. Пр., где „княжи мужи... составляли прямую противоположность людинам“. Из сопоставления же ст. 1 Кр. Пр. и ст. 1 Пр. Пр. „открывается, что вира в 40 гр. [„взимаемая по одной из них за убийство людина, и по другой за убийство мужа, к каковому разряду... принадлежали все полноправные граждане... без всякого различия в племенном происхождении... без всякого отношения к роду занятий или службы“] была установлена для ограждения этого полноправного сословия, к которому из неполноправных приурочены были, относительно виры, одни только тиуны боярские и изгои... по особенному, исключительному положению... этих лиц в государстве и обществе, подобно тому как впоследствии... подведены были под виру 40 гр. отрок княжь, повар и конюх княжь, очевидно по уважению к этим служительским должностям их при князе“. „Исключение же ремесленников, тиунов сельских и ратайных из постановлений о 40 гр... окончательно убеждает, что название людин... муж... как прямое противоположение имени *княжа мужа*, обнимало сословие, отличное от этих последних и всех *немужей*“. Лиц, „огражденных не вирою, а 12

гривнами“, Мстиславский считал „низшей ступенью в свободном народонаселении“: „и как... вира в 40 гр... была распространена... на тиунов боярских и изгоев... так точно вира 80 гр... распространена сначала на тиуна княжа, а впоследствии и на... подъездного княжа и конюшего; так... и самая плата 12 гривен... была распространена на воспитателей и воспитательниц, хотя бы они были даже рабского происхождения“. Первоначально же, княжие мужи, „стояв некогда во главе народа и соступившисъ потом этого права своего в пользу князей варягов, должны были образовать... высшее... сословие“ и были „возвеличены над всеми людинами“ (вирою в 80 гривен). „Потомков древних князей славянских“ Мстиславский находил и в XI—XIV вв. („княжата“, „приходившие в 1332 г. из Киева с благоплеменным воеводой киевским Родионом Нестеровичем служить Ивану Даниловичу“; „княжанцы“, жившие в XV в. на „Княжанском берегу в Новгороде“, ПСРЛ, III, с. 102, 240; „мудрые и смысленые“ поляне времен Нестора: „поляне Кыевы, т. е. принадлежащие к потомкам Кия“). К тем же результатам приходил Мстиславский с термином огнищанин. „Гиератическое значение“ он видел уже „в самом имени огнищанин“ (=богатый, богатырь, витязь), от огнища, „хранилища огня“, а „огонь был символом божества... которому поклонялись язычники славяне, именуя его... божичем (по-малороссийски богач)“. В Р. Пр. „огнищане относительно некоторых преимуществ стояли выше бояр“: „за убийство тиуна огнищного взималась вира 80 гр., как и за тиуна княжа, а за тиуна боярского — 40 гр.“, имя же боярин в ст. 1 Кр. Пр. „вполне заменяется названием муж“ и „упоминание о боярах здесь было бы пустым повторением“. Таким образом, „названия огнищанин и княжь муж скрывали за собою... касту“, касты же „известны в летописях под именем родов, живших и володевших в том или ином племени“. Следы этого „кастического быта“ „сохранились в таковом же быте огнищан в Новгороде“ (статья о городских мостах) и в Славенском конце, „где летописи показывают берег, известный под именем Княжанского“ (Чтения, 1860, I, с. 5—39).

Леонтович разумел под огнищанами людей, „живших на одном огнище, т. е. принадлежавших к одной задруге и противополагавшихся изгоям — худым людям западно-славянских памятников. По Иречеку, худой, равнозначительный с нашим изгоем, обозначал исключенного из семьи“ (Das Recht in Böhmen und Mähren, I, 47) (Ж.М.Н. Пр., 1867, апр., с. 13).

Мрочек-Дроздовский использовал указание Круга (Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, II, 335 сл.) на то, что „слово боярин есть слово германское, а точнее скандинавское, норманское, состоящее из... bol = жилище, огнище, и jarl = муж. Ярл — княжеский дружинник... имевший... одно огнище с князем... Дружинник, таким

образом, не имел своего огнища, отдельного от огнища предводителя... и... ярл... был именно boljarl, так сказать — ярл-сожитель князя". Это приводило Мрочека к соловьевскому пониманию огнищанина: „и в нашем огнищанине, и в норманском боярине началом начал понятия служит одно и то же: огнище... Норманскому «болярин» совершенно соответствует славянское «огнищанин»". И в Р. Пр. огнищанин „есть простой перевод на славянский язык чужого слова болярин, в смысле княжа мужа, а не земского вожака". „Впоследствии «болярин» вытесняет слав. «огнищанин»... обрусев до потери всякой памяти о своем заморском происхождении". Однако, разбор трех известий Новгородской летописи 1166 г., 1195 г. и 1234 г. приводил Мрочека к заключению, что огнищане — „земские бояре" (не только в Новгороде, но и всюду). „Огнищанин — хозяин, землевладелец и земледелец". „Имя огнищан, будучи первоначально общим достоянием всех землевладельцев-собственников, хозяев своих огнищ, с течением времени стало обозначать только крупных землевладельцев — огнищан по преимуществу, образовавших... высший, правящий класс в среде земского общества древней Руси... В земледельческом побыте они своим личным трудом достигли степени полного благосостояния и стали крупными землевладельцами, предоставляя другим маломощным обрабатывать свои земли" (Прилож., с. 117 сл.).

Владимирский-Буданов огнищанами считал „дружину старшую" в противоположность „младшей"; „к их положению приравнивались княжеские тиуны, подъездные и конюшие; впоследствии за ними утвердилось название княжих мужей" (Пр. Пр., ст. 3); „но в то же время они именовались и боярами (Лавр., 983, 996 и др.); это последнее название утвердилось окончательно после слияния земских бояр с дружинными". Младшая дружина состояла из лиц „или несвободных или полусвободных"; юридически права отроков росли, „пока они не становились «мужами» (боярами), разумеется, не все. Отсюда и наполнялась гл. обр. княжая старшая дружина; слово огнищанин в памятниках западно-славянских толкуется, как вольноотпущенный" (Обзор, с. 29).

Ключевский отметил, что статьи Правды Ярославичей „еще не знают класса княжих мужей: там, где окончательная редакция [Пр. Пр.] упоминает об этом классе, они говорят об огнищанах. Только в одной статье, заимствованной из постановлений съезда, окончательная редакция повторила этот термин, не заменив его званием княжа мужа [ст. 78]. Очевидно, во второй половине XII в. ... слово огнищанин было обветшалым термином, повторявшимся по привычке, но уже вытеснявшимся из ходячего юридического языка". Основываясь на переводе в одном из „слов" Григория Богослова термином „огнище" греч. ἀνδράποδα — рабы, челядь, Ключевский заключал: „значит огнищанин — рабовладелец". „Если Р. Пр. дает огнищанину привилегированное положение,

какое в ее время занимали княжие мужи, то в этом надобно видеть ее воспоминание о том времени, когда такое положение создавалось условием экономическим, а не политическим, не службой князю, а рабовладением, — точнее говоря, когда рабовладение служило самой характерной особенностью господствующего класса. Таким временем были IX и X века, когда киевский князь с своей дружиной завоевывал непокорные племена Руси, обращая пленных в рабство... Тогда огнищанами были преимущественно те же княжие мужи, обладатели военной добычи; но их ставило во главе общества еще не служба князю, а обладание этой добычей, т. е. не право, а сила" (Ист. сословий в России, с. 47—48). „Можно думать, что так [огнищанами] назывался до князей высший класс населения в больших торговых городах Руси, торговавший преимущественно рабами". К XII в. „привилегированный купец-огнищанин и витязь княж муж X в. превратился в боярина, как называется на языке Р. Пр. привилегированный землевладелец" (I, с. 196 и 337).

Дьяконов считал, что „огнищанином мог называться домохозяин и домочадец". Слова „огнище и огневщина обозначали домашнюю челядь, как необходимую принадлежность всякого крупного хозяйства. Такое перенесение названия главного предмета на существенную его принадлежность объясняет, почему исторические памятники XI—XIII вв. называют огнищанами только крупных домохозяев. Р. Пр. заменяет термин огнищанин термином княж муж и противополагает огнищанина смерду [Новг. I: „в одном и том же сочетании", „огнищане, гридь и купцы"; в других летописях „сопоставление бояр и гридней или гридьбы"]. Из этих сравнений надо заключить, что термины «огнищанин» и «боярин» очень близко соответствуют один другому". „В ту пору, от которой сохранилось достаточное число документальных данных, бояре и огнищане являются земледельцами [землевладельцами? — *Б. Р.*] и рабовладельцами" (Очерки, с. 80—81, 83).

Пресняков „древнейшей терминологией для обозначения личного состава дружины" считал термины: огнищане и гриди [ср. выше, гридин в ст. 1 Кр. Пр., Каченовский]. „Параллелизм в употреблении нашими источниками выражений: огнищанин княж муж, огнищане и гриди — бояре и гриди [кроме Р. Пр. и Новг. I, с. 170 и 244, см. Лавр., под 996 г.: „боляром и гридем" или под 1177 г. „боляре, гридьбу и пасынки и всю дружину"] достаточно освещает значение первого из этих слов, как члена дружины. Не должно бы быть и колебаний относительно этимологии слова: этимологический (и социальный) близнец северо-германского hird.nann'a, огнищанин — член огнища, дома своего вождя. Латинский перевод этого термина был бы: familiaris, domesticus. Он мог бы применяться ко всей дружине, но с ним стал рядом заимствованный и родственный по смыслу термин — гридь. Огнищане — слово, ставшее

специально означать высший, ближайший к князю слой дружинников старших. Но и это явление вторичное. В Р. Пр. видим значение огнищанина, как вообще княжого мужа. Едва ли будет ошибочным предположение, что оба термина, туземный и пришлый, первоначально чередовались и были равносильны". „Наглядное представление об исконном бытовом отношении бояр-огнищан к князю" — в рассказе о гибели кн. Василька Константиновича в 1237 г. (Лавр., с. 444): „никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел, и чашу его пил и дары имал, тот никакоже у иного князя можаше быти за любовь его: излише же слуги своя любляше". В Новгороде огнищане жили „в Славенском конце, княжом и боярском, составляя своего рода корпорацию" (Уст. Яр. о мостех). „Если вспомнить боярское положение огнищанина в позднейших новгородских текстах — конца XII и XIII вв. — каким архаизмом представится огнищанин устава старших Ярославичей! Видим его у клети, у конюшни, на скотном дворе, наряду с конюхом старым при стаде, с ездовым и тиунами. Попытка уловить различие терминов огнищанин и гридь — привела бы к признанию за гридем преобладания военного значения, а за огнищанином — принадлежности к княжому двору и хозяйству. На юге эти термины не привились. Повесть врем. лет огнищан вовсе не знает, гридей упоминает только раз, при Владимире [и в Ростово-суздальской земле, Лавр., с. 360], что можно связать с привлечением в ту пору на юг — северных военных сил. Находим их в княжом уставе. Но литературная и, вероятно, народная речь киевлян не усвоила этой терминологии" (на севере, при Андрее Боголюбском она вытесняется выражением „дворяне", Лавр., с. 351) (Княжое право, с. 230 сл. и 241).

Павлов-Сильванский оспаривал ссылку Ключевского на перевод греч. ἀνδράποδον-огнище в Слове Григ. Богослова [οἱ πλήθει γαυριῶντες ἀνδραπόδων καὶ τετραπόδων = „гордящиеся многы огнищи и стады"]. „Следует ли из этого, что слово огнище точно означает раб? Никак не следует, потому что для обозначения рабов мы имеем термины, хорошо известные из Р. Пр.: челядь, холоп, роба, а в этом переводе названа огнищем челядь, подобно тому, как придворные люди назывались и называются двором... слово огнище-очаг имело также более широкий смысл дома, двора, а отсюда иногда употреблялось и для обозначения лиц, принадлежащих к дому или двору, дворовой челяди или холопов". Притом, „слово огнище встречается в этом смысле только единственный раз, а обыкновенно употребляется в привычном коренном смысле — очаг". „При объяснении статей Р. Пр. об огнищанине надо исходить из Краткой Правды": статьями 19, 20, 21, 22, 33 устанавливается „тесная связь огнищанина с другими княжими мужами", и „огнищанин это княжеский дружинник". Возражал Павлов-Сильванский и против

толкования новгородских огнищан, как „бояр земских“: они „упоминаются [в Новг. I] в военных действиях рядом с гридями“ и „не в тех больших войнах, когда шел весь Новгород... а в небольших военных действиях. С ними идут некоторые из купцов и гостей. Они изображаются, как передовой военный отряд, более подвижной, чем полк-ополчение, совершенно так же, как княжеская дружина. С этими известиями об огнищанах надо сопоставить известие о военных действиях новгородских князей этого же времени с своим двором и с дружиной [Новг. I, с. 164]... Огнищане вместе с гридями составляли, повидимому, этот именно княжеский двор, княжескую дружину. Предположению о том, что в Новгороде огнищанами назывались, в противность югу, земские бояре, противоречит также то обособленное их положение в Новгороде по местожительству [устав о мостех]... Огнищане живут по этому уставу так же обособленно, как немцы и готы, у них как будто такая же обособленная слобода, как слобода немецкая или готская. Этого не могло бы быть, если бы огнищанами назывались земские бояре, которые конечно владели дворами в разных частях города“. Павлов-Сильванский принимает указание Мстиславского, как на место жительства огнищан, на „Княжанский берег в Славенском конце“ (Новг. I, с. 39 „а княжанский берег да Готьский двор на горе“), т. е. огнищане „и в Новгороде были дружинниками“. „Главное содержание устава Ярославичей именно и заключалось в том, что они для своих княжих мужей огнищан установили повышенную виру“. Но это — не старшая дружина, а „вообще княжеские дружинники“. Правда Ярославичей „называет только огнищан, тивунов и мечников, причем тивуны и мечники только приравниваются к огнищанам, как... и конюх старый у стада“, и умалчивает о гридях, чего нельзя объяснить „случайным пропуском“. „Огнищанами в Правде сыновей Ярослава называются вообще княжеские дружинники, княжи мужи как старшие, так и младшие“, основанием „общей для всех мужей“ 80-гривенной виры была „неприкосновенность княжеского огнища, очага, двора князя, а вместе с тем и всех лиц, принадлежавших к этому огнищу“. Это было „одною из ступеней постепенного возвышения княжеской власти и княжеского дома“, „впоследствии... царский двор сделался своего рода святилищем, и оскорбление величества сделалось своего рода смертным грехом, которое каралось сугубо-жестокими казнями“ (с. 453 сл.).

„Подъездной“

Грушевский считал подъездного начальником княжой охоты (III, с. 311).

Гетц предложил понимание подъездного, как „судебного“ должностного лица (Gerichtsperson), „хотя и не столь подчиненного“, как

ездок в Судебнике Ивана IV, и отличенного 80-гривенным штрафом, подобно тому как в Законнике Стефана Душана мы имеем специальное постановление в защиту судебного чиновника. В ст. 21 с огнищанином сопоставлен тиун, а тиун — княжеский судья (II, 34—35).

Пресняков — см. выше с. 132, примечание к переводу ст. 19.

Греков понимает так, что при „боярине — огнищанине", на ответственности которого „лежит все течение жизни вотчины" княжеской, „состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подъездной княж» (от слова «подъезд», что обозначало и в XV—XVI вв. право приезда епископа для получения причитающихся ему взносов, иногда — самый взнос в пользу епископа; подъездное — одна из торговых пошлин; подъездчик — сборщик «подъезда»)" (Киевск. Русь, с. 88).

Статья 20

А иже убьют огнищанина в разбои, или убиица не ищуть,[1] *то вирное платити в неи же вири*[2] *голова начнеть лежати.*

Переводы

Aber wenn man einen Hausherrn im Ueberfalle erschlägt, oder den Todtschläger nicht auffindet, so zahlt das Wehrgeld, in welchem Wehrbezirke der Kopf beginnt zu liegen (Ew.).

Если кто убьет огнищанина в разбое, или если убийца не будет отыскан: то платит виру тот округ, где совершилось убийство (Пл.).

Wenn man einen Ogniščanin im Ueberfall erschlägt, aber [die Gemeinde] den Mörder nicht ausfindig macht, so zahlt die Gemeinde das Wergeld, in der der Kopf [des Erschlagenen] liegt (G.).

А если убьют огнищанина по-разбойничьи умышленно и с целью грабежа, а убийцу люди не ищут, то виру платит та вервь, где найден убитый (К.).

Комментарии

Татищев: „Сие нечто темно, но мню так: когда кто объявит убийцу, тому дается 80 гривен, и если его на срок не сыщет, то должны обыватели столько заплатить, где убийство учинилось, как в законе Персидском и Калмыцком находится".

Богдановский под убийством в разбое разумел „тайное" убийство „с какой-либо корыстной целью" и считал, что в этом случае убийца „подвергался со стороны своей общины выдаче князю на поток и разграбление; если же члены общины этого не сделают (не сыщут убийцы или не захотят его выдать), то должны сами уплатить за него виру, которая в этом случае называется дикой" (с. 26).

Что в ст. 19 и 20 говорится об одном виде убийства, Ланге доказывал сличением ст. 20 Кр. Пр. и ст. 3 Пр. Пр.: „а иже убьют

[1] *Арх.* изыщуть.

[2] *Арх.* вернеи.

в разбое *или* убийцу не ищут" = „аще кто убьет в разбои, *а* головника не ищут", выводя отсюда, что „вместо" „союза или" „следует читать *а* или *и* ". „Выражения: «убьют в обиду, то платити убойци» и «убьют в разбоя или убийцу не ищут» указывают — первое на поимку преступника, а второе на неотыскание его; самые же слова «в обиду» и «в разбое» нельзя не признать однозначущими... [в противном случае] странно было бы видеть, что Ярослав для лишения кого-либо жизни в разбое определил только случай неотыскания преступника, а для убийства в обиду только случай его обнаружения. Притом, в дальнейшем развитии Правды мы видим, что закон об умерщвлении в обиду соответствовал закону Изяслава [ст. 7 Пр. Пр.]: «за разбойника люди не платят», и что другого вида убийства, который бы ближе подходил к лишению жизни в обиду, в Правде нет, предполагать же, что подмеченный в уставе Ярослава [т. е. Кр. Пр.] особый вид убийства в обиду совершенно исчез в уставах Изяслава и Мономаха [Пр. Пр.] — было бы неосновательно... В Правде не говорится: убьют за обиду, а в обиду, т. е. без всякого повода со стороны убитого; следовательно под разбоем разумели злонамеренное, насильственное нападение... к которому умерщвленный... не давал заранее никакого повода" (с. 106).

Чебышев-Дмитриев видел здесь доказательство такой силы и живучести „воспоминаний... прежней разрозненности союзов, прежней автократии и автономии общины," что „за вервью признано право поступать, как ей заблагорассудится". В случае невыдачи преступника: „убийца не ищут" — выражение это „имеет тот и другой смысл" [т. е., что вервь не найдет убийцу, или что вервь не станет, не захочет его искать]. Убийство „в разбое" здесь — не то, что убийство „в разбое без всякоя свады" ст. 7 Пр. Пр., т. е. не разбой в современном значении слова: „убийству без свады («без вины») и убийству «в обиду» противополагалось сперва убийство «в разбое», за которое... платилась только общинная вира, т. е. убийство вследствие вражды, мести... Убийство в разбое обыкновенно упоминается в Р. Пр. не прежде, как сыновья Ярослава отменили месть"; но „очень может быть, что в первое время по отмене мести все наказание ограничивалось взысканием общинной виры [„будет ли налицо убийца, или нет"]. Само общество сочувствовало местникам и не выдавало их общественной власти с целью избавить их от платежа головщины" (с. 47—48, 73—74).

Владимирский-Буданов „в разбои" переводил тоже „умышленно", как и „в обиду", и вместо „или" читал „и": „если же убьют огнищанина умышленно и убийцу не ищут (члены верви), то ..." — „потому что убийство в обиду и убийство в разбое обозначает одно и то же преступление" (Хр., I, прим. 4). Однако в Обзоре, с. 327: „различие непредумышленного и предумышленного убийства не указы-

вается в Древнейшей Правде [ст. 1—18], с некоторой неясностью говорит о том 2-я Правда [ст. 19 и 20]; вполне отчетливо различает упомянутые понятия 3-я Правда [ст. 6 и 7 Пр. Пр.], именно... «в сваде» — ссоре, на пиру открыто... и... «в разбое безо всякой свады»".

И. Беляев (см. ст. 19): „общество" платило „в трех случаях: 1) когда убийство было совершено в разбое, 2) когда убийцы не было налицо, 3) когда его не отыскалось". „Под именем разбоя разумелась драка, возникшая вследствие ссоры, нечто вроде западной дуэли. Чтобы отомстить за невыносимое оскорбление в то время существовал такой обычай: оскорбленный, набрав ватагу приятелей, приезжал в дом обидевшего, бил и колотил, что попадалось под руку, и, если в этом случае совершалось убийство, то оно называлось совершенным в разбое" (Лекции, с. 236—237).

Ведров поддержал мнение Беляева указанием: 1) на понятие „разбоя без всякоя свады" в ст. 7 Пр. Пр.: „говоря о разбое без свады, статья эта указывает на существование какого-то другого разбоя «по сваде», т. е. разбоя в виде мести за какое-нибудь оскорбление", и 2) на нападение (у салических франков) на чужой дом „collecto contubernio (собрав ватагу приятелей)", которое „из мести постепенно выродилось и сделалось просто нападением с целью грабежа" (с. 63—64).

Барац считал „нелепым" убить „в разбое, т. е. в убийстве" и переделывал ст. 20, выбрасывая огнищанина и ставя в начале статьи: „оже станет разбои", т. е., „если случится убийство" (с. 216).

Павлов-Сильванский, указывая, что „постановление съезда сыновей Ярослава говорит об уплате виры вервью за убийство одних только княжих мужей и этим существенно отличается от уставных грамот, которые возлагают ответственность на волость за всякое душегубство", подчеркивал, что Ярославичи при этом „опирались на установившийся обычный порядок. Они только повысили размер виры, которая и раньше платилась за убийство огнищан, как и других людей, и возложили уплату такой виры на вервь, в случае необнаружения убийцы, потому что и раньше с верви взыскивалась вира за убийство, совершенное неизвестным лицом на ее территории" (с. 100).

Гетц полагал (вопреки Ланге), что различная тяжесть преступления по ст. 19 и 20 выражается именно в том, что „не при простом убийстве, а при предумышленном ответственность несет община". Гетц отказывался решить вопрос, отвечает ли община, когда она не ищет, или когда она не найдет убийцу, — и приводил тексты в пользу того и другого понимания: 1) „hanc autem poenam alleviare volumus, qua quando quis interficiebatur in aliqua villa et interfector non capiebatur, quilibet rusticus in CC denariis condempnari solebat; nunc nos mitius agentes cum eis, volumus ut tota villa in CC denariis condempnetur" (привилегия Оттокара

чешского 1222 г. пражской церкви: Иречека. Svod Zákonův, s. 497) 2) „de homine occiso, invento in alicuius granicie. Si in alicuius granicie vel campo inventus fuerit homo occisus, et ignorabitur homicida, tunc iudex cum senioribus civitatis, cui ille locus magis adiacebit, debent revidere, ad cuius graniciem pertinet propinquius ille locus, et in cuius civitatis districtu fuerit. Si vere homicidam non invenerint, qui interfecit praedictum hominem, tunc pro capite illius hominis occisi nullus aliquid pati debet, sed illius interempti propinqui et consanguinei debebunt inquirere culpabilem homicidii, quem si invenerint, talis homo mortalis est, qui occidit" (Statuta juris Armenici von 1519: Balzer. Corpus juris polonici, Cracoviae, 1906, III, 145, № 58) (II, с. 27 сл.).

Максимейко понимал, как и Владимирский-Буданов, „или" как „и если", ссылаясь на аналогичный смысл „или" в ст. 2, 5, 10, 17 Кр. Пр.: это выражение „или убийца не ищут" указывает „не на второй возможный случай, когда вервь уплачивает виру, а лишь дополнительно разъясняет предыдущую фразу [„а иже убьют огнищанина в разбои"] в том смысле, что община отвечала, если налицо были оба условия вместе". „Убийство в разбое [и только оно, см. ст. 19] рассматривалось как преступление, имеющее важное общественное значение, как delictum publicum. Поэтому... жители верви, где найден был труп убитого, обязаны были искать преступника" (Опыт, с. 70 и 149).

Романов: „Смысл слова «разбой»... разъясняется тем, что [здесь] подразумевается неизбежное исчезновение и неизвестность убийцы; тогда убийство «в обиду» (ст. 19) отличалось бы от разбоя... известностью и наличностью убийцы, отчего и «людем не надобе»" (Уч. пос., с. 47).

„Вира", „вирное"

Эверс: „Какое бы производство мы ни дали сему слову, все остается несомненным, что оно значением своим вполне ответствует немецкому: Wehrgeld". „Вира употреблялась (во времена Ярослава) во всех случаях, где сам князь являлся мстителем беззащитных (не оставивших по себе мстителя) и своих собственных слуг" (с. 259, 366).

Соловьев: „Вира также [как и вервь] слово славянское: в хорутанском вира значит вольная оценка, вольный переход, завирити — обязать задатком; вировати — обвинять" (I, с. LIII, прим. 376).

Богдановский: „Вирное... называется здесь плата за голову" (с. 26).

Мрочек-Дроздовский: „Ти бо (древние) князи не сбираху много имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху на люди, но оже будяше правая вира: и ту возма даяше дружине на оружие" (Соф. врем. I, 10). „Первоначально вира... называлась платою за голову [„виры

за голову рубль новгородской": ДАИ, I, № 189 и др.]". „Плата за голову, как по однообразию, так даже и по количеству, была подобна шведской уголовной пене, носившей название oranbot и взимавшейся в размере 40 марок (Струбе де-Пирмонт. Discours sur l'origine et les changements des loix russiennes, с. 11—12). Впоследствии... наша уголовная пеня уподобилась немецкой Were или Wehrgeld, вместе с чем и получила название виры или вѣры. При невыдаче преступника общиной (вервью) платилась князю общинная, общая вира, называвшаяся дикою". „Оже учинится вира, где кого утепуть, и нѣ душегубца изыщут, а не найдут душегубца, и нѣ дадут наместником 10 рублев" (АЭ, I, № 13). „Иногда же правительство, в виде пожалования, освобождало некоторых общинников от дикой виры; так, в жалованной грамоте Старорусским тонникам 1504 г. сказано": „а в виру им с Рушаны не тянути" (С. Г. Гр. и Д., I, № 143). Ср. Новг. I, с. 148 („по купцем виру дикую"): „ответственность за преступление, совершенное купцом, возлагалась на купеческое общество Новгорода, а не на ту земскую общину, к которой принадлежал преступник по месту жительства" (Исслед., 2, с. 136 сл.).

Пресняков полагал, что „если при этой [двойной] вире платилась особо головщина, то она могла быть и различной для различных людей княжих, при одинаковой вире". Но платилась ли она? — „На это прямого ответа Правда не дает. Сравнительно-исторические данные говорят скорее, однако, в пользу утвердительного ответа, как и Пр. Пр.". Во всяком случае, 80-гривенная вира „не разложима на 40 гривен виры и 40 гривен головщины", так как покон вирный в Пр. Пр. указан „с 40 гривен — вирнику 8, с 80 — вирнику 16 гривен". „Нет оснований предполагать, что при уплате 80 гривен виры головник не платил головщины и что, стало быть, слияние их в одной сумме вызвано было тем, что обе суммы шли князю, да особым порядком взыскания: тут все платилось вервью, как вира". То „первичное" состояние дружины, при котором еще 40-гривенная вира, как „выкуп мести", платилась князю как мстителю и „пеня их [дружинников] вождю и была ценою мужа"—„уже не отразилось в дошедших до нас источниках" (Княжое право, с. 265 сл.).

Гетц считал термин „вирное" в ст. 20 „случайностью" вместо „виры" ст. 42. Сумма же 80 гривен, поскольку она идет князю за княжеского дружинника, является и вирой, и головничеством одновременно: они „совпадают" (II, с. 32, 183).

Филиппов по поводу не новой мысли Гетца о происхождении слова „вира" от герм. Wergeld указывал, что „этот термин имеет общеарийский корень", и цитировал Шрадера (Die Indogermanen, Leipzig, 1911, с. 125 сл.): „между всеми индогерманскими народностями была

возможность откупаться от угрожающей кровавой мести через уплату вергельда, и тем приводить дело к мирному концу... Что подобный выкуп мести посредством вергельда был уже употреблен в индогерманское пра-время (Urzeit), это доказывается... тем, что в пра-языке существовало особое слово для понятия вергельда. Это понятие сохранилось в нашем Wer (geld), др.-верхн.-нем. were, др.-индусск. vâira, с которым может быть связано, вероятно, как пра-родственное (als urverwandt), также старорусское вира, вергельд. Основной смысл всех их — «цена мужа» (Manngeld) — готск. wair, лат. vir — др.-индусск. vira, муж (Mann)". „Кажется, пра-родственное соотношение нашего термина вира с целым рядом индоевропейских слов" „совсем не то, что «германское происхождение» этого слова, утверждаемое Гетцом. Да и отчего бы русским славянам не сохранить из общего пра-языка слова для выражения того понятия — выкупа крови, — которое вполне соответствовало их древнейшим юридическим воззрениям, существовавшим среди них задолго до того, как они вошли в какие-либо сношения с теми или иными германскими племенами?" (Юр. вестн., 1914, VI, с. 207 сл.).

Максимейко: „Если ст. 20 называет плату за убийство вирой... то мы вправе признать это значение и за остальными штрафами [ст. 18 и 22—27], являющимися составными звеньями одной и той же цепи". Виру же Максимейко понимал сообразно с законом Аквилия. „В первой главе Аквилиева закона говорится, что убивший чужого раба или четвероногое должен уплатить господину высшую цену (за последний год)". „Если раб был убит вследствие выливания или выбрасывания вещей из дома в таком месте, где обыкновенно ходит публика... с виновного взыскивался причиненный ущерб в двойной сумме. За свободного же взыскивался штраф в размере 50 золотых... потому что тело свободного человека не подлежит оценке" (Inst. IV, 3 pr.; § 9; Inst. IV, 3; Fr. 1 pr.; Dig. 9, 3; Fr. I, § 5; Dig. 9, 3). Сходство с Кр. Пр. в том, что она „тоже ограничивает ответственность убийцы денежными платежами"; „и римское право, в случае неумышленного убийства свободного человека, требовало уплаты штрафа, определенного точной и неизменной цифрой. Этой системы таксированных взысканий держался и автор Кр. Пр., применив ее не только к свободным лицам, состоявшим на службе, но и к рабам и к животным". Так как „по закону Аквилия плата за убийство раба или домашнего животного шла в пользу их хозяина", то „тоже самое надо сказать и о соответствующих взысканиях Р. Пр.— они уплачивались князю или частному владельцу, смотря по тому, под чьей властью находился слуга, был ли он рабом или свободным человеком" (Опыт, с. 151 сл.).

Статья 21

Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в[1] *пса место; а то*[2] *же покон и тивуницу.*

Переводы

Wenn man einen Hausherrn erschlägt im Gemach, oder bei dem Pferde, oder bei dem Rinde, oder bei einem Kuhdiebstahle, so erschlägt man ihn an Hundes Statt. Und dasselbe Ende ist einem (schlechten) Schuldheiss (Ew.).

Если будет убит огнищанин за кражею в клети, или кражею лошади быка или коровы; то убиение его, как убиение пса. Такой же конец и тиуну (Пл.).

Aber wenn man einen Ogniščanin erschlägt im [fremden] Gemach oder bei einem Pferd oder Rind oder beim Kuhdiebstahl, so erschlägt man ihn wie einen Hund. Aber derselbe Gebrauch ist bei einem Tiun (G.).

Если убьют огнищанина у клети, у коня или у стада, или во время кражи коровы, то убьют огнищанина, как пса; тот же закон при убийстве тиуна (К.).

Комментарии

Богдановский видел здесь „убийство вора на месте преступления, хотя бы он принадлежал и к привилегированным (если будет он огнищанин)": оно „считается делом безнаказанным" (с. 26).

И. Беляев толковал ст. 21 неразрывно со ст. 38: „впрочем и здесь закон, желая ограничить произвол хозяина, считает убийство [вора] непреступным лишь в том случае, когда вор защищался" — не объясняя раздельного существования этих двух статей (Лекции, с. 237).

Владимирский-Буданов указывал, что „дозволение убивать огнищанина и тиуна, захваченного на месте преступления (татьбы),

[1] *Арх.* за.

[2] *Арх.* а тои.

распространено на всех и дополнено ограничительными условиями в ст. 38 Кр. Пр. Очевидно, что общие нормы права вырабатывались через частные юридические казусы. Эта статья, равно и след. (23-я) служат доказательством, что одним из главных источников Р. Пр. были судебные приговоры" (Хр., I, прим. 5).

Соболевский переводил „покон" — „установление", „очень близко к слову урок", и подчеркивал, что речь тут не о тиуне, а о „тивуниче" (ср. кормиличичь от кормилица), „сыне тивуна": „ни в одном из списков краткой редакции Р. Пр. вместо «тивуницу» не читается «тивунцу»" (Ж.М.Н. Пр., 1885, апр., с. 378).

Сергеевич: „Это убийство вора есть месть вору, а не оборона от вора, ибо при краже возможны случаи, когда убивать вора совершенно не нужно, напр., вор, увидав хозяина, оставляет украденную вещь и бежит. Статья дозволяет безусловное убийство вора, как собаки. Таково древнейшее русское право" (Лекции, с. 356).

Владимирский-Буданов в другом месте иначе снимал противоречие между ст. 21 и 38 Кр. Пр. (40 Пр. Пр.). Последние две статьи дозволяли убивать ночного вора, „но именно такого, который не сдается, и не такого, который бежит. Это совершенно согласно с тем, что было постановлено и русскими и греками в договоре Олега, и есть не что иное, как необходимая оборона (вор, который в состоянии сопротивляться аресту, может также унести и захваченные вещи)". Поэтому в ст. 21 нельзя видеть ни „усиленную строгость закона по отношению к лицам высшего состояния", ни „древнейший закон, соответствующий первоначальному безусловному праву убивать вора, а в последующих статьях — ограничения, обусловленные новыми успехами права и цивилизации". Оба закона „включены в одну и ту же Правду Ярославичей и потому могут быть разделены только весьма незначительным промежутком времени. Сверх того, гораздо раньше, в договоре Олега с греками, существовали уже указанные ограничения для произвола хозяина вещи, а, наоборот, гораздо позже, именно в договоре с немцами 1229 г. (ст. 32) встречаемся опять с полным произволом над вором, схваченным на месте преступления: «если русин и латинянин поймает татя, то над тем ему своя воля — куда его хочет, туда и денет». Остается предположить, что в ст. 20 [А, 21] (и в договоре 1229 г.) подразумевались те же ограничительные условия при убийстве вора, которые потом особо выражены в законе [ст. 38 Кр. Пр.]; можно думать, что случай татьбы, совершенной огнищанином, возбудил вопрос, может ли собственник также поступать с княжими дружинниками, как с простыми людьми; закон поспешил ответить в утвердительном смысле только на это, не имея в виду разрешения всего вопроса о праве обороны" (Обзор, с. 323).

Дьяконов, сопоставляя ст. 21 со ст. 38, не видел нужды снимать противоречие между ними: „ст. 21 разрешает убийство вора на месте преступления, но излагает это правило казуистично, применительно к вору-огнищанину; ст. 38 говорит вообще об убийстве татя, захваченного на месте преступления и ставит некоторые ограничения этого права. При наличности статьи 38 ст. 21 оказывается совершенно излишней, если рассматривать Р. Правду, как законодательный сборник; частный же составитель мог записать и частное судебное решение, и общее правило" (Очерки, с. 53).

Романов понял совсем иначе: „ст. 21 полагает даже смерть «во пса место» тому, кто убьет огнищанина в момент, когда последний вздумает защищать имущество князя от вора... В соответствии с предыдущими статьями естественнее толковать ее, как усиливающую наказание за убийство огнищанина на посту охраны княжеских интересов". Обратное обычное понимание дает статье такой смысл: „если кто убьет огнищанина на месте преступления, то убить огнищанина как собаку" — т. е. „убить убитого" (Изв., с. 30).

Пресняков поддержал это толкование: „Огнищанин у клети или у коня и т. п., то же, что конюх старый у стада статьи 5-й [А, 23]. Непонятно, как можно убить во пса место — уже убитого огнищанина. Мысль, которую вкладывает в эту статью Владимирский-Буданов была бы выражена иначе, как в ст. 17 [А, 38]: «то той убит и есть». Статья стоит в ряду статей, защищающих огнищанина" (Княжое право, с 241).

Павлов-Сильванский трактовал ст. 20 и 21 как связанные прибавкой „в виде пояснения к этим статьям": „а той же покон и тивуницю" — „тивуну, княжескому слуге". В ст. 21 — „убийство огнищанина у клети и т. д., т. е. при вооруженном грабеже" (с. 458).

Барацу просто казалось, что переписчик, „находясь все еще под влиянием ст. 19", вместо „аще убьют татя" написал: „аще убьют огнищанина", а слова ст. 23 „у стада" и ст. 38 „в своем дворе" „пропустил" и, „спохватившись", „поставил" их „неуместно в ст. 23" (с. 216).

Гетц считал, что ст. 38 „исходит" из ст. 21, добавляя некоторые „подробности", а ст. 40 Пр. Пр. является „комбинацией" из обеих, причем „у которое татьбы" ст. 40 Пр. Пр. и есть первоначальный текст ст. 21 Кр. Пр., куда „коровья" татьба попала по ошибке переписчика (корова при говяде — повторение). При этом Гетц считал тожественными выражения ст. 21 „то убити в пса место" и ст. 38 „то тои убит и есть", а это отожествление представлялось ему контр-аргументом против толкования (см. Романов, Пресняков, Павлов-Сильванский), усматривающего здесь кару за убийство огнищанина на княжом дворе: Пр. Пр. обобщила ст. 21, как она обобщила ст. 20 в своей ст. 3. Обычное толкование, по мнению Гетца, „лучше подходит"

„к постановлению ст. 1—3 [А, 19—21] в целом", „к прогрессу, который лежит в различных трактуемых ими случаях наказуемого и ненаказуемого убийства огнищанина". Это последнее и составляет объединяющее и выделяющее для ст. 19—21, а потому подъездной и тиун представлялись Гетцу позднейшими прибавками: „если бы, напр., заключение 3 ст. [А, 21] принадлежало тому же автору, что предшествующие постановления, то, само собою, он прибавил бы тиуна уже в конце первого постановления; а тиуна в конце 3 ст. [А, 21] не нужно было бы приводить отдельно, если бы ст. 1—3 [А, 19—21] и ст. 4 [А, 22] принадлежали одной руке". И все же, убивая огнищанина как пса, Гетц считал, что все три статьи, 19—21, „показывают... специальную защиту княжеской дружины от насилий, посредством возвышения, именно удвоения назначенного за убийство штрафа". Это „закон", а не только „приговор", это уже „систематизация правовых казусов". И в этом — общее отличие Правды Ярославичей от Древнейшей Правды. В частности, тиун ст. 21 не эпизод, а „покон" (II, с. 46—54).

Максимейко, видя и в этой статье „веяние" римского права, указывал, что ст. 21 „оттеняет" различие „инъюриозного убийства" от „ненаказуемого убийства вора". „Впрочем, в редакционном отношении ст. 21 указывает на влияние Судебника ц. Константина" [„аще сам муж застанет, да убьеть я обою, яко пса у мерзости", Соф. врем., ч. 1, с. 132]: „отсюда могла быть заимствована формула Р. Пр., уподоблявшая огнищанина... собаке". Но по закону Аквилия, в случае убийства вора, когда его можно было „поймать", оно „признавалось наказуемым самоуправством" — и это вынуждало Максимейко „распространить" действие ст. 38 Кр. Пр. „и на случай с огнищанином". Ввиду такого „умозрительного" происхождения статьи 21 — „весьма рискованно" на ее основании „делать какие-либо выводы", „напр., о социальном положении огнищанина, его нравственности и т. п. Изображение огнищанина в роли лица, покушающегося на кражу клети и т. д., не отражало повседневной практики... а представляло собою теоретическую и мыслимую возможность. Столь же мало вероятным с исторической и бытовой точки зрения представляется и роль конокрада по отношению к тиуну". Автор „хотел" только „ярче и резче выразить", „что убийство вора на месте преступления ненаказуемо, как бы убитый ни стоял высоко на общественной лестнице". Отсюда Максимейко делал заключение и к значению термина „покон": покон — „это не законодательная норма... и не обычай, извлеченный из судебной практики; это было правило, которое диктовалось логикой, не смущающейся крайними выводами из определенного теоретического положения, хотя бы они и расходились с фактическими отношениями окружающей действительности". Такое объяснение статьи и трактовка положения, в какое попадал в ней огнищанин, как нереаль-

ного и фантастического, не мирились у Максимейко с толкованием, видевшим здесь реальное вооруженное нападение на княжеский двор и любого огнищанина, встретившегося на пути грабителей (см. выше Романов, Пресняков, Павлов-Сильванский), и Максимейко возражал: 1) „убийство огнищанина при исполнении им своих обязанностей“ „являлось убийством в разбое, за которое Кр. Пр. назначает не смертную казнь, а уплату виры“; 2) „когда Кр. Пр. касается княжеской собственности, она обыкновенно прибавляет: «а за княжь конь 3 гривны», «а в княже борти 3 гривны»“; 3) „такая низкая общественная роль [„ночные сторожа“], конечно, не могла дать им [огнищанам] права на ту усиленную уголовную защиту, какой они пользовались“; 4) „то убити во пса место“ — это „сентенция“ „по поводу происшедшего“, „а не предписание убить убитого“, она означает: „так и следует, чтобы огнищанина, унизившегося до кражи, убили, как собаку“; 5) „если под убийством разуметь наказание, которому по суду подвергался убийца огнищанина, то выражение «во пса место» — было бы излишним и неуместным“ [о наказании „по суду“ никто из указанных авторов, впрочем, и не говорил, — *Б. Р.*] (Опыт, с. 143, 147—150).

Мейчик видел здесь след „совещания с духовенством“ „при отмене мести“: „предстояло согласить национальную традицию, по которой семья, если не община, отвечала за преступления отдельных членов... с устоями еврейско-христианской догмы. Отсюда идет, повидимому, формула ст. 21 разрешать убивать вора у клети «во пса место» (выражение, попадающееся в византийском источнике и в существе согласное с Моисеевым законом)“ (Юр. вестн., 1915, XII, с. 87).

Щепкину казалось, что „проще“ понимать ст. 21 „в истолковании ее статьей 40 Пр. Пр.“, и что „попытка вычитать из ст. 20 [А, 21] предписание лишать жизни каждого, кто убьет огнищанина, защищающего от воровства дом, коня, корову, ведет к признанию, что после Владимира Св. смертная казнь для свободных людей была восстановлена“ (с. 104, прим.).

Черноусов сопоставлял со ст. 12 тит. XVIII Eclogae ad Prochiron mutatae: „ἀνευθύνως ἕκαστος φονευέτω τόν νυκτερινόν κλέπτην, κἄν στρατιώτης ἐστίν“ (с. 321).

Романов, поддерживая свое прежнее толкование (см. выше), что здесь имеется в виду „вооруженный грабеж на территории княжой усадьбы, при котором жертвою пал огнищанин, а вооруженный грабитель убивается, без суда, на месте“, выясняет различие между ст. 21 и 38 Кр. Пр. Ст. 38 „имеет в виду иной случай: любой дворохозяин может безнаказанно убить на территории своего двора грабителя, еще никого не убившего, но способного оказать, очевидно, вооруженное сопротивление; как только он этой способности лишен («связан»), убийство его

наказуется, как самоуправство, княжой продажей. В обоих случаях [ст. 21 и ст. 38] подразумевается расправа без суда, но в первом случае — на княжом дворе — расправа с грабителем предписывается, а во втором случае — на частновладельческом дворе — немедленная расправа только допускается; в первом случае на первом месте — охрана княжого хозяйства, двора с его личным составом, во втором случае на первом месте — охрана княжой прерогативы посредством штрафа («платити»)“. Толкование грабитель-огнищанин „опирается на ст. 40 Пр. Пр., которая, однако, явственно сшита из ст. 21 Кр. Пр. («во пса место», «которая татьба» из «коровьей татьбы») и ст. 38 Кр. Пр. (со слов: «иже ли»... до конца) и механически отбрасывает огнищанина, ничего, т. обр., не разъясняя в ст. 21 Кр. Пр. Это толкование не разъясняет также ни указанного сейчас противоречия между ст. ст. 21 и 38, ни полного отказа от прерогативы княжого суда над огнищанином-вором и одновременно отстаивания этой прерогативы во всех прочих случаях (см.: Дьяконов. Очерки, с. 53); вместе с тем, оно пренебрегает явственным единством ст. 19—21, предметом которых неизменно является убийство огнищанина“ (Уч. пос., с. 48—49).

Тихомиров видит здесь „безнаказанное убийство огнищанина“ объясняет это, как „уступку“ и ограничение „произвола княжеских людей“ (Исслед., с. 66).

Приселков, опираясь на то, что в приписке ст. 21 речь идет не о тивуне, а о тивуниче, т. е. „отроке тивуна“, заподозрел в основном тексте статьи пропуск слова „отрок“ перед словом „огнищанина“ (родит. падеж): „смысл всей статьи будет тот, что князь будет беспощаден к своим мелким агентам по управлению имением (отрокам огнищанина или отрокам тивуна), если среди них будут установлены воры княжеского добра“ (с. 247).

Статья 22

А в княжи тивуне 80 гривен.

Переводы

Ist es aber ein fürstlicher Schuldheiss, 80 Grivnen (Ew.).

Но за княжеского старосту 80 гривен (Пл.).

Aber bei einem fürstlichen Tiun 80 Grivna (G.).

А за убийство княжеского тиуна взыскивается с убийцы 80 гривен (К.).

Комментарии

Ланге обратил внимание на то, что в ст. 22—23 „после общего постановления о плате за убийство огнищан 80 гр. являются в частности постановления о плате той же суммы за тиуна княжого и конюха старого, тогда как эти последние были тоже огнищане... Имея в виду выражение [ст. 21]: «а то же покон и тивуницу», показывающее, что предшествовавшие постановления об огнищанах относились и к тиуну...— представляется странным, отчего непосредственно за означенным выражением снова говорится: «а в княже тиуне 80 гривен», тогда как такое повторение... делалось ненужным". Эту „странность" Ланге снимал признанием „80 гривен за княжеских тиунов" „самостоятельными платами, независимыми от вир, т. е... головничеством в пользу родственников... людей свободного состояния и в пользу господ ... холопов" (с. 107 и 108).

Пресняков видел здесь в тиуне княжом ябетника ст. 1, поставленного „рядом" с княжими мужами, „как 80-гривенная голова" (Лекции, I, с. 224).

Гетц, начиная с этой статьи, отмечал „перемену всего тона" изложения: ст. 19—21 писал „систематик", начиная отсюда—„регистратор причитающихся денежных вознаграждений" (Busse). Здесь разные авторы (II, с. 56 сл.).

Статья 23

А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убиле Дорогобудьци.

Переводы

Und ein Ober-Stallmeister bei der Herde, 80 Grivnen, wie Isjaslav bestimmte wegen seines Stallmeisters, welcher von einem Dorogobuscher erschlagen ward (Ew.).

За старшего конюха, приставленного к стаду, 80 гривен, как то постановил Изяслав по делу своего конюшего, убитого дорогобужцами (Пл.).

Aber ein Oberstallmeister bei der Herde 80 Grivna, wie Isjaslav verordnet hat bei seinem Stallmeister, den die Dorogobužer erschlugen (G.).

А за старшего конюха при стаде также 80 гривен, как постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха (К.).

Комментарии

Карамзин: „Старый конюх (или тиун конюший, чиновник вольный)“ (II, прим. 67).

Попов: „Старый конюх — начальник конюхов, старшина“ (Р. Пр., с. 75).

Мрочек-Дроздовский: „И призва Олег старейшину конюхом“ (Лавр., с. 38) (Исслед., вып. II, с. 179).

Сергеевич: „Здесь мы имеем старого конюха, который пас стадо“, „это отдельный случай княжеского суда, который вовсе не имеет значения общей нормы. Старый пастух, конечно, был раб; князь взыскал за него 80 гривен потому, что был очень раздражен этим убийством, а не потому, чтобы такое взыскание обыкновенно налагалось за убийство людей этого рода“ (Лекции, с. 84—85).

П. Беляев на выражении „уставил“ основывал свою мысль о существовании „в такое раннее время“ „уставных грамот“, одна из которых, „вошедшая в Р. Правду“, „и была предшественницей и моделью уставных грамот, до нас дошедших“ (Ж.М.Ю., 1899, № 10, с. 107).

По мнению Преснякова, „запись“ этого „факта“ свидетельствует о том, что 80-гривенная вира — „нововведение времени Ярославичей“. „Конюх старый — огнищанин, подобно ездовому или княжому тиуну“ (Княжое право, с 265).

Барац видел здесь убитым не конюха, а самого Изяслава („его же убили Дорогобудьци“). А достигал этого, выбрасывая слова „в своем“ и „у стада“ (см. ст. 21) и ставя вместо 80 гривен, 40 гривен из ст. 11 Пр. Пр. Слова же „яко уставил Изяслав“ относил к ст. 19—23, приписывая ему одному замену смертной казни денежными выкупами. „Возможно“, что в каком-нибудь источнике было известие об убийстве „какого-то“ Изяслава дорогобужцами, и „переписчик применил это известие к Изяславу Ярославичу, убитому в бою на Нежатиной ниве“ (с. 217).

Гетц полагал, что автор Правды „приводит Изяслава с его приговором“ не как „единичный приговор“, а как „авторитет“ для обоснования положения о „старшем конюхе“. Эта статья — „добавление“ другого автора: ст. 19—21 начинаются с „аще“ и „иже“, ст. 22, 24 сл. — с „а в“. Отступление от этого „стереотипного начала“ в ст. 23 свидетельствует, что „здесь перед нами пометка на полях“ позднейшего переписчика (II, с. 58 и 63).

Максимейко отмечал, что „упоминание в тексте об Изяславе... не дает основания утверждать, что остальное содержание 2-й Правды взято из уставной практики других князей“. „Плата за убийство старого конюха... была настолько велика и необычна, что [составитель] не решился включить ее в свой сборник в качестве общего правила для всех аналогичных случаев... Это был исключительный случай, объясняемый особыми личными симпатиями князя к своему старому заслуженному конюху“. Если бы здесь имелся в виду „старший“ конюх, „тиун конюший“, то „не было бы никакой надобности придавать этому постановлению, в отличие от всех прочих, исключительно казуистический характер“, да и выразиться мог бы составитель известным ему термином „староста“ (ст. 24). Слово же „старый“ обозначает просто „долговременную службу или преклонный возраст [ср. старый изорник Пск. Судн. гр., ст. 75; старый тивун Литовск. Метрики, стр. 1285; старый машталерь (конюх), Акты Вил. арх. комиссии, т. 17, стр. 233]“. „Мысль о различии общих правил от личных привилегий“ „возникла и сложилась у него [автора Кр. Пр.], вероятно под влиянием знакомства с римской юриспруденцией“ [§ 6, Inst., I, 2: „sed et quod principi placuit, legis habet vigorem, cum lege regia, quae de imperio eius lata

est populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concessit, quodcumque igitur imperator per epistolam constituit vel cognoscens decrevit vel edicto praecepit, legem esse constat: haec sunt, quae constitutiones appellantur. Plane ex his quaedam sunt personales, quae nec ad exemplum trahuntur, quoniam non hoc princeps vult: nam quod alieni ob merita indulsit, vel si cui poenam irrogavit, vel si cui sine exemplo subvenit, personam non egreditur. Aliae autem, cum generales sunt, omnes procul dubio tenent"] (Опыт, с. 36 и 119—120).

Стратонов, считая „Свод 1036 г.", как он называл Правду Ярославичей (см. выше „Заголовок Правды Ярославичей"), „сводом действующего права", в ст. 23 видел „пополнение" его новым юридическим казусом. Ст. 23 „служила разъяснением" ст. 22: „случай с дорогобужцами мог быть подведен и под ту [22] и под другую [24] статью. Конюший староста стоял по своему положению гораздо выше сельского или полевого, но он все же не был тиуном" (с. 404).

Юшков видел в ст. 23 „указание", что двойная вира за огнищанина — „нововведение, а не запись старой нормы" (с. 72).

Греков: „старый конюх", т. е. „заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами". „У Изяслава Ярославича под Дорогобужем, повидимому, было имение... до середины XI в." (Киевск. Русь, с. 83, 88).

Романов предполагает, что „эпизод этот имел место до съезда Ярославичей и, следовательно, Изяслав в своем домене оперировал уже существовавшей вирой в 80 гривен", и не видит препятствии отнести нормы Правды Ярославичей „ко времени Ярслава, если относить слово «уставлена», в заголовке, не к нормам, а лишь к их записи (а ст. 23, в которой усматривают такое препятствие, скорее свидетельствует о том, что Изяслав еще до съезда Ярославичей, при назначении виры за своего конюха, исходил из готовой цифры в 80 гривен за всякого огнищанина)". Таково было мнение составителя Пр. Пр. („что 80-гривенная вира не есть нововведение Ярославичей"), так как он в ст. 1 Пр. Пр. „приписал ее Ярославу" (Уч. пос., с. 55, 46, 49).

Статья 24

А в сельском старосте княжи и в ратаинем 12 гривне.

Переводы

Und für einen fürstlichen Dorf-Aeltesten und einen bäuerlichen 12 Grivnen (Ew.).

За сельского, княжеского и крестьянского старосту 12 гривен (Пл.).

Aber bei einem fürstlichen Dorf-Starosta und bei einem Bauern-Starosta[1] 12 Grivna (G.).

За княжеского сельского старосту или смотрителя за полевыми работами платить 12 гривен (К.).

Комментарии

Рейц: „Сельский староста, простолюдин или раб... За него положена та же вира, что за раба пестуна" (с. 52).

Богдановский полагал, что „за убийство лиц несвободных... [в ст. 24—27] платится цена их, в позднейшей Правде называемая уроком... за сельского старосту и за ратайного должно платить учетверенную пеню, т. е. 12 гривен" (с. 27).

Владимирский-Буданов считал штрафы, обозначенные в ст. 24—27, не уголовными взысканиями за убийство, а „вознаграждением князю за истребление его собственности, в которое не включен, по всей вероятности, уголовный штраф за преступление последнего рода. Это можно видеть из сличения со ст. 89 Пр. Пр." (Хр., I, прим. 6).

Гетц, сопоставляя ст. 24 Кр. Пр. со ст. 13 Пр. Пр., где старосту заменил тиун, видел в старосте должностное лицо, назначенное князем. Исходя из параллелизма в ст. 25 и 26 Кр. Пр. (княжеский — смердий), Гетц и здесь видел княжеского старосту в селе и крестьянского старосту

[1] Пресняков: „ратайный староста — не Bauern-Starosta, т. к. слово указывает его функции, а не социальное положение" (Рец., с. 154).

в деревне „свободных людей". Тот же параллелизм и в ст. 28. Этот параллелизм, при толковании Гетцем сумм 12—5 гривен как „частного вознаграждения" „князю" (см. ст. 13 Пр. Пр.) — создавал ему затруднение: почему в ст. 24—26 не указан и штраф князю, если указано вознаграждение частному лицу, не князю? (II, с. 65 и 71).

Максимейко: „Бросается в глаза резкий скачок от 80 к 12 гривнам... Недостающий средний штраф за убийство в размере 40 гривен показан в 1-й Правде; поэтому не было надобности повторять сказанное" [но ср. объяснение к ст. 1 (Опыт, с. 27), где 40 гривен толкуются, как частное вознаграждение, — *Б. Р.*]. И сельский и ратайный старосты были „слугами князя". Составитель Пр. Пр. (ст. 13) „затруднился" объяснить разницу между ними и выразился: „а в сельском тивуне княжи или ратайнем", чем „отожествил функции обеих властей". „Различие между ними может быть выяснено при помощи аналогичных явлений из истории Литовско-Русского государства". Ратайный староста — „прототип последующего тивуна в имениях литовских князей", осуществлявшего надзор за полевыми работами „не только холопов, но и крестьян" на барщине. Ратаями в литовско-русских памятниках называются „не только самостоятельные пахари", но и „земледельческие рабочие", „служащие в чужом хозяйстве". Сельский староста „преобразовался здесь в атамана и старца", которые назначались для сбора дани и доставки ее в скарб. По Литовск. Статуту за тивунов и старцев платилась одинаковая головщина (Лит. Ст. 2-й ред., 12 разд., 2 арт.; 3-й ред., 12 разд., 4 арт.) (Опыт, с. 53 и 121—129).

Греков: „Сельский староста, повидимому, выполнял функции наблюдения за населением вотчины, являлся исполнителем распоряжений высшего административного ее аппарата... поскольку... ратайный— пашенный... На обязанности ратайного старосты лежит наблюдение за пашней; а так как речь идет о княжом старосте и княжеской вотчине, то естественно предположить здесь наличие княжеской пашни, т. е. княжеской барской запашки" (Киевск. Русь, с. 89).

Статья 25

А в рядовници княже 5 гривен.

Переводы

Und für einen fürstlichen Gemeinen 5 Grivnen (Ew.).

За рядового княжеского 5 гривен (Пл.).

Aber bei einem fürstlichen Diener 5 Grivna (G.).

А за княжеского рядовича 5 гривен (К.).

Комментарии

Рядович, по мнению Рейца, „очевидно происходит от «ряд»... соглашение: «ряд положить» — условиться... Рядович был свободен, как и смерд... Посредством отдачи на откуп князь мог получать доходы с пространных земель, ему принадлежавших... Для обрабатывания княжеских земель оставался только простолюдин, смерд...“ (с. 39).

Дубенский рядовича считал „челядином княжеским“ („страдные люди или простой хлебопашец“) (с. 27).

Соловьев объяснял: „Сельский тиун княжий или ратайный, если был холоп, то за него была положена вира в 12 гривен [Кр. Пр., ст. 24, Пр. Пр., ст. 13], если же был свободный человек, но рядович, то есть такой тиун, который, вступая в должность, не вошел в холопство, но порядился, вошел с рядом, то за такого вира была только 5 гривен, потому что для князя было гораздо важнее потерять своего холопа, чем вольного рядовича“ (I, с. 221).

Чичерин подчеркивал „низкое состояние, в котором находился простой народ“: „цена за убийство холопа... равняется цене, назначенной и за убийство свободного смерда и наемника (рядовича)“ (с. 151).

Ланге считал рядовичей „свободными людьми, добровольно поступившими к кому-либо в услуги, но по известному ряду или договору“.

„Рядович был наемником и отличался от закупа тем, что 1) не служил для отработки долгов, 2) ни в каком случае не обращался в холопа и 3) его могли иметь все свободные люди“ (с. 65).

Бестужев-Рюмин относил рядовичей к числу „полусвободных“: „рядом с закупами встречаем рядовичей, которые рядились служить князю или боярину“ (I, с. 215).

Ведров, „на основании некоторых других источников“, считал возможным „признать рядовичей за свободных крестьян, составляющих определенные общины, сидящих или на своих землях или на землях частных землевладельцев, по ряду с последними. Членами этих союзов, связанных круговой порукой, могли быть только люди, обладающие хоть кое-какими средствами; лица бескапитального не приняла бы община, особенно ввиду круговой поруки членов ее, и потому положение рядовича является для смерда идеалом, часто весьма трудно достижимым“ (с. 66).

Владимирский-Буданов рядовича считал „распорядителем, надсмотрщиком над работами“ (Хр., I, прим. 17 к Кар. сп.).

Мрочек-Дроздовский обратил внимание на то, что в Кр. Пр., вместо рядовича Пр. Пр., назван „рядовник“, и считал эту форму предпочтительной, ввиду „неправильности слова рядович“. „Слова с окончанием на вич... означают только принадлежность по происхождению: таковы все отчества, таковы слова царевич, судьичь, Настасьичь и др. Нечего и говорить... что подобное значение не может быть приложимо к нашему слову“. Рядовника же „не трудно изменить в рядника“, „низшего служителя князя или иного господина, приставника, приказщика“, „приняв в соображение преобладающее значение слова «ряд» в Р. Правде“, „в смысле приказа, а не договора“ [„аже кто умирая разделит дом... пакы ли без ряду умрет“; „подчинение вотчима-опекуна действию общего опекунского устава выражается словами «такоже есть ряд»“; „только один случай“ употребления Р. Правдой ряд = договор — это „договор, обеспечивающий свободу лица от порабощения“]. „Рядович или правильнее рядовник Р. Пр. есть помощник тиуна в деле господского домоводства — низший служитель хозяйского ключа... из холопов (судя по пене)... это несвободный подключник“. Однако цитаты Мрочек-Дроздовского дают не рядовника, а рядовича (Даниил Заточник, Пам. российск. слов. XII в., с. 235: „тиун бо его яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры“; договор Ивана III с Новгородом, АЭ, I, № 91: „а сотским и рядовичем без князей великих наместника и без посадника не судити нигде“). С другой стороны, слово „урядник“ указано Мрочеком „в смысле правителя“ (ПСРЛ, VIII, 280: Василий III „о братстве к нему [инд. правителю Бобур-паше] не приказал, неведомо, как он на Индейском государстве, государь или

урядник, и великому бы государю в том низости не было, будет он тоя земли урядник"), и в этом же смысле слово „рядник" (Пам. стар. русск. литературы, I, с. 114). Указывая грамоту кн. Михаила Андреевича белозерского (АЭ, I, № 48, II), где под „рядовыми людьми" разумеются „свободные люди", Мрочек-Дроздовский прибавлял: „из рядового по законам нашего языка не может выйти рядович, как правильная форма" (Прилож., с. 199 сл.).

Сергеевич иронически отнесся к „любопытному" „арифметическому приему" Мрочека-Дроздовского — подсчета „сколько раз и в каком смысле древние памятники употребляют слово ряд"; но и „арифметика" „не совершенно на стороне г. Дроздовского": ряд в смысле договора является еще и в „тивунстве без ряду" (ст. 110) и в ст. 50 (где про договор займа сказано: „рядил"), „в смысле же приказа слово ряд употребляется всего один раз [А, 92]; в смысле правила — то же раз [А, 100]". „Не придавая никакого значения" таким подсчетам, Сергеевич основывался на ст. 110, „которая еще раз говорит о ряде, хотя этого слова и не употребляет": „купля — продажа есть, конечно, ряд, договор", и „продавшие себя в рабство, но не отличающиеся никакими особыми качествами, и будут просто рядовичи, которых Правда противополагает старостам, ремесленникам, тивунам". Конечно, „рядович не непременно раб", „рядович — всякий по ряду (договору) у кого-либо живущий". Но статьи 25 Кр. Пр. и 14 Пр. Пр. „разумеют под рядовичем раба потому, что ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба". „С точки зрения хозяйственной пользы не все рабы равны", „последнее место занимают простые рабы, рядовые, за них взимается за холопа 5 гривен, за рабу 6" (Др., I, с. 105, прим.).

Грушевский тоже считал рядовича рядовым холопом, ссылаясь на уплачиваемые за него 5 гривен (III, с. 326).

Максимейко считал рядовичей „низшей степенью служилых людей князей", и отклонял поздний новгородский текст о рядовичах (АЭ, I, с. 69, договор Новгорода с Иваном III), недоцитированный во всей полноте Мрочеком-Дроздовским: словам „а сотским и рядовичем без князей великих наместника и без посадника не судити нигде" в договоре предшествует: „а кто почнет посул давати ... по концем и по рядом и по стам и по улицам ..." Здесь „в основе наименования рядовичей лежало не отвлеченное понятие приказа, а реальное представление о торговых рядах ... которыми они [рядовичи] заведывали. Должность их произошла от территориального деления Новгорода"; и „они не представляли ничего общего с рядовичами Р. Пр.". В тексте Даниила Заточника „разница между искрами и пламенем настолько велика, что едва ли можно усмотреть в них [искрах] метафорическое указание на помощников тиуна". Толкование Сергеевича — „было бы уместно, если бы рядовичи противо-

полагались в Р. Пр. другим лицам, служащим без договора". Но этого нет, и под рядовичами „надо разуметь обыкновенных служилых людей князя", название их „указывало на заурядность их положения [ср. *рядовые* в Уложении 1649 г., гл. X, ст. 81—82: „а рядовым старцем всех монастырей за бесчестье 5 рублев"; в гл. XXIV, ст. 2: „а рядовым самопальным кузнецом за бесчестье правити по 4 рубли"]". Рядовичи в Р. Пр. „противопоставляются старостам сельским и ратайным", с другой стороны за рядовичей „назначена такая же плата, как и за простых смердов и холопов". Нет никаких оснований относить этот термин „к одним холопам": рядовичи „были обыкновенными крестьянами, заурядными смердами (поскольку они противополагались сельским старостам)", представляли собой „простых земледельческих работников, каковыми могли быть и холопы и смерды (поскольку они противопоставлялись ратайным)". „Своеобразной чертой" Кр. Пр. Максимейко считал, что „за убийство княжеских рядовичей она назначает такую же плату, как и за убийство частновладельческих смердов и холопов". Это потому, что автор, „проникнутый идеями Аквилиева закона, обращал преимущественное внимание на убытки хозяина": поэтому ст. 19—27 „не придают никакого значения личной свободе", „ничего не говорят ни о праве родственников на вознаграждение, ни о возможности мести. Основные положения Аквилиева закона исключали как то, так и другое понятие". Наоборот, Древнейшая Правда „трактует убийство, как обиду ближайших родственников потерпевшего" и „штраф" служит в ней „компенсацией личной обиды" (Опыт, с. 130—133).

Греков „целиком" находит „приемлемой" характеристику Сергеевича: „рядович — всякий, по ряду у кого-либо живущий", но, опираясь „для объяснения социальной сущности рядовича" на ст. 110 Пр. Пр., заключает: „стало быть, это не холоп". Социальная же сущность рядовства выясняется ст. 65 Кар. сп. (А, 17*, с. 354 т. I наст. изд.) о сиротьем вырядке: „жонка с дочерью вырабатывает по гривне на год, и работают они в целях «вырядка», т. е. для того чтобы получить право ухода от своего хозяина, с которым муж этих оставшихся после его смерти «сирот» заключил ряд. Это — семья рядовича". Аналогия тому — в ст. 85 Псковской Судной грамоты: „а у которого человека, у государя, изорник помрет в записи в покрути, а жена у него останется и дети не в записи, а там им покрута платить по той записи". „Выряд — это аннулирование ряда" — „рядович, ни в коем случае не раб". Это один из видов серебреничества: в грамоте кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю (АЭ, I, № 48) перечислены поступающие на работу серебреники, половники, рядовые люди и юрьевские, которые могут уходить только при условии выплаты серебра, „стало быть, это все, строго говоря, серебреники", а рядовые люди — „повидимому, те же рядовичи". Зависимость этих последних „чисто

феодальная", „крепостнического характера", и рядович „становится принадлежностью зависимого населения вотчины рядом с рабом, т. е. входит в состав челяди" (см. выше с. 92). Это результат разложения патриархальной общины. И положение рядовичей „очень приниженное": 5 гривен — „возмещение убытка, причиненного хозяину-господину убийством челядина" (Феод. отн., с. 110 сл.).

Романов видит „преимущество" понимания рядовника, как свободного, порядившегося на работу по ряду, в том, что его можно поддержать документально указанием, кроме статьи о сиротьем вырядке, на „рядовичей, которые живут еще и в XV в. в Новгородской области на княжеских землях (Писцовые книги Деревской пятины, I, с. 408 сл.: «а на погосте... дворы... на великого князя жеребьевых: двор Исачко... двор Осташко... а позему дают великому князю 3 гривны 4 деньги. Да те же рядовичи пашут селищо на розьем, а дают с него оброку в волость гривну и 5 денег»)—они именно «порядились» на великокняжеские земли из оброка" (Уч. пос., с. 50).

Мнение Приселкова—см. комментарии к ст. 15 Пр. Пр., с. 318.

Статья 26

А в смерде и в холопе[1] *5 гривен.*

Переводы

Und für einen Bauer und für einen Knecht 5 Grivna (Ew.).
За земледельца и холопа 5 гривен (Пл.).
Und bei einem Bauernsklaven 5 Grivna (G.).[2]
А за убитого смерда или холопа 5 гривен (К.).

Комментарии

Болтин определял смерда: „Земледелец и всякий, упражняющийся в черной работе. Хотя земледельцы были свободны... но не могли пользоваться всеми правами и преимуществами людей свободных... поелику они добровольно низвели себя в состояние недостойное, низкое для свободного человека... Свободные... земледельцев, яко в презрительном, по их мнению, промысле или ремесле упражняющихся, назвали смердами, т. е. подлыми, низкими людьми".

Карамзин: „Имя смерд означало... крестьянина и чернь, т. е. простых людей, не военных, не чиновных, не купцов [К. разумеет Лавр. лет. под 1103 и 1096 гг., — *Б. Р.*]... Вероятно, что имя смерд произошло от глагола смердеть... Смерды были свободные люди и ни в каком случае не могли ровняться с холопами; здесь говорится не о смердах, а об их рабах" (II, прим. 67).

Полевой возражал и объяснял: „Неужели раб ценился наравне со смердом? Почему же нет? Людины, купцы, огнищане отличались,

[1] *В рукописи описка:* хопе; *Арх.* А в смердьи в холопе.
[2] Для Акад. сп. Гетц дает в примеч.: „und bei einem Bauern und bei einem Sklaven 5 Grivna".

а смерд мог считаться наряду с рабом... У франков полагалось 200 су за простого франка, 100 за туземца Галлии, владетеля земли, и 45 за туземца Галлии податного человека или пахаря чужой земли (не раба, однако ж, но un cultivateur ou cultivateur de la propriété d'un autre); в Англии за тана платили 1200 шиллингов, за керля или серля 200 шиллингов... Керли не были рабы, но так называвшиеся иначе, villani и bordarii. Вот наши смерды! (ceorls)" (II, с. 156, прим.).

Рейц, отмечая, что „не всякий мог быть владельцем земли", рассуждал: „Класс отпущенников, вероятно, значительно умножил число сих бездомовных. Презрительное название «смерд» было прилично сим людям. Впрочем простой смерд легко мог быть родственником боярина или воеводы, т. е. отличного мужа княжа... Смерд был свободен... мог следовать за князем в походы... Позднее находим смердов подданными". „Но верно началась и отдача земли на откуп. Откупщиками были простолюдины, «смерды», неоседлый народ, ибо оседлые люди сами владели землею. Таким образом, князь приобретал подданных, на коих налагал подати, и кои исправляли повинности, работы и делали поставки естественных произведений... Едва ли князь мог возделывать всю землю посредством этих рабов... Из потомков... пленных и поселенцев и откупщиков произошел многочисленный класс крестьян" (с. 38, 70).

Каченовский: „Понятие о смердах и самое их название пришло к нам из-за Балтийского моря, из земли вендов, покоренных немцами. К рабам в Германии причисляются у Гейнекция sclavi, smurdi (Elem. Jur. Germ., I, 25). У Дюканжа: smurdus, servus glebae, homo manus mortuae, a Slav. voce smart, mors. Ясно отчего и крепостные акты на смердов назывались во Пскове мертвыми грамотами". „Смерды, как рабы, не могли владеть холопами" (Вестн. Европы, 1829, VII—VIII, с. 276 и 285).

Диев название „смерды" производил „от греч. σμέρδω лишаю, т. е. лишенные земель; то же значит μέρδω", и полагал, что „собственной земли они не имели и селились на чужих, за что платили владельцам земель дань, установленную законом, имев право оставить землю и поселиться на другой" (Русск. ист. сб., с. 52).

Мацейовский вслед за Шафариком (Слав. древн., I, с. 47) производил „смерд" от азиатского „merd", муж, и считал, что „смерд" у русских, smard у поляков, smurd, zmurd над Лабой означает „рожденный от (с, из) мерда". По его мнению на Руси и в Польше смерды — княжеские, сидящие на княжеских землях, лично свободные люди, отличаемые в статутах и летописях от холопов (Русская Правда, Летопись Нестора, привилей Болеслава Храброго, в котором дается Тынецкому монастырю две деревни, одна с невольниками, другая cum smardonibus).

У славян „над Лабой, у псковитян и на Литве смерды составляли даже род рыцарства“ (Grimm. Deutsche Rechts-Altertümer. Göttingen, 1825, с. 323: tiurdi, ошибочно употребленные вместо smurdi, названы milites sclavonici; так же, Jaroszewiez. Obraz Litwy, I. Wilno, 1844—5, с. 120, 219: для Пскова и Литвы) (II, § 101, с. 129).

Соловьев считал невозможным точное определение смерда: „в противоположность князю все остальное народонаселение носило название смердов. В Русской Правде все княжеское, княжие люди, княжая собственность постоянно противополагается смердьему. Но как в названии мужа и дружины, так и в названии смерда мы не можем с самого начала искать точности, определенности; смерд означал простого человека, и следовательно это название могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; так смерд противополагается мужу княжому; так сельское народонаселение, под именем смердов, противополагается городскому“ (I, 239).

Богдановский считал 5 гривен „ценой“ „за убийство лиц несвободных“: „это количество нарушает, повидимому, то общее положение, что основное количество пеней, выкупов и продаж в Р. Пр. есть 3. Для объяснения этого числа (5) должно воспользоваться одним положением в позднейших списках Правды, где сказано, что за холопа платится 5, а за рабу 6 гр.“. „Смерд, т. е. принадлежащий к бедному классу земледельцев, в этом случае сравнивается с рабом, вероятно, потому, что фактически его состояние близко подходило к рабству. В то время зависимое положение человека делало его фактически как бы рабом того, от кого он зависел по своему занятию“. „Без всякого сомнения, как вира за убийство свободного человека... шла на вознаграждение законных мстителей... так и цена жизни рабов, урок уплачивался их господам...“ (с. 27 и прим.).

Ланге подкрепил это положение: „Если бы только 5 гривен пени назначалось за убийство смерда и холопа, то на каком основании за похищение последнего взыскивали 12 гривен [А, 29]? Не могла же кража считаться выше лишения кого-либо жизни?.. тот, кто давал холопу средства к побегу от своего господина, платил последнему 5 гр. [А, 112]... Из этого следует заключить, что 5 гр. за убитого холопа были не пеней за самое преступление, а вознаграждением владельцу за потерянного раба, и что эти 5 гривен показывают только цену последнего... В том и другом случае владелец равно лишался своей собственности... 5 гривен были частным вознаграждением в пользу родственников убитого смерда (головничеством) или в пользу владельца за умерщвленного холопа, тогда как 40 гривен составляли поступавшую в казну князя виру“. В ст. 11—17 Пр. Пр. Ланге видел поэтому тоже „количества головничества“ (с. 56—57).

Лешков, отрицая за холопом характер вещи, подчеркивал, что „в целом составе Р. Пр. мы не находим ни одного предмета владения, ни одной вещи, которые были бы оценены так высоко в 5 и 6 гривен. Жизнь раба дешевле жизни свободного, но дороже для общества всякой вещи". Сопоставляя ст. 26, 28, 33 Кр. Пр. и 90, 78, 45 Пр. Пр., Лешков заключал, что „смерды были люди князя, могли быть только у князя, подобно тому, как холопы и закупы принадлежали другим владельцам. Может быть, то были военнопленные, поселенные на землях князя или казны, как впоследствии в Новгородской земле" (Р. народ, с. 154—157).

Ведров называл 5 гривен вирой: „Иногда вира возвышалась до 80 гривен, в других же случаях при убийстве лиц менее значительных она понижалась до 5 гривен". „Меньшая пеня... следует за убийство рядовича и за убийство смерда. Эти лица принадлежали к разряду земледельцев, но... резко отличались друг от друга". Сопоставляя ст. 26 со ст. 33 Кр. Пр. и ст. 90 Пр. Пр., Ведров приходил к заключению о „безусловной зависимости смерда от князя": он „мог быть мучим и подвергаем телесному наказанию" „по княжому слову", „был лицом вполне бескапитальным, у которого ничего не было своего, так что и соха, борона и тому подобные земледельческие орудия... принадлежали князю. Сравнительно с этим вполне зависимым положением смерда, сидящего на княжеской земле и обрабатывающего ее княжескими орудиями, положение рядовича... было значительно выше и лучше" (с. 54, 65—66).

И. Беляев выходил из затруднения, связанного со ст. 26 и 29 иначе: „За увод раба платилось... более, чем вдвое" — „это показывает, что русское общество того времени смотрело на раба, как на вещь. Убийство раба не могло принести никому пользы, следовательно, не могло быть часто, — напротив увод раба приносил большую или меньшую тому, кто уводил, следовательно это преступление совершалось чаще, а следовательно должно быть наказываемо строже" (Лекции, с. 239).

Мрочек-Дроздовский полагал, что чтение „смердий" оправдывается большинством списков Пр. Пр., в частности Троицким и Синодальным. Но это не холоп, принадлежащий смерду: „все относящееся к земледелию, как обычному занятию смердов, называлось смердьим", „отсюда самым естественным названием пашенного холопа [в противоположность холопам-ремесленникам] является смердий холоп" (Исслед., вып. II, с. 281—282).

Ленин считал смерда крестьянином. Сравнивая отработки крестьянина XX в. с кабалой смердов Киевской Руси, Ленин писал: „И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — совершенно также, как в 11-м веке шли в кабалу

«смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!" (Ленинск. сб., IV, с. 237). О дальнейшей судьбе смердов В. И. Ленин высказывался несколько раз: „Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской Правды" (Соч., III, с. 242). Наличие крепостных смердов В. И. Ленин признавал уже в IX в. „И крепостничество и капитализм гнетет рабочего и стремится удержать его в темноте. Но крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий). А капитализм *не может* удержать рабочих в неподвижности, сонности, забитости, темноте" (Соч., XVII, с. 514).

Сергеевич не находил „ничего удивительного" в том, что „за смерть княжеского холопа взыскивали не менее того, что полагалось за смерть смерда": „по московским памятникам XVI в. честь лучших боярских холопов оценивалась в пять раз больше чести свободных крестьян". „При всем том чтение: «а в смерде и в хопе» возбуждает недоумение. В предшествующей статье... речь идет... о княжеских рядовых рабах (рядовници). О каком же холопе идет речь в ст. 26? Это неясно. Так же неясно, зачем было в ряду холопов упоминать о смерде, свободном человеке, а не холопе". По аналогии со ст. 28, где „речь идет о вознаграждении за княжеского коня и коня некняжеского, который назван там смердьим", — „надо думать, что и в ст. 7 [А, 25 и 26] речь идет о холопах княжих и не княжих, которые также могут быть названы смердьими". И ст. 26 Сергеевич предлагал читать: „а в смердьи хопе 5 гривен", ссылаясь на такое же чтение Тр. сп. (Др., I, с. 185).

Владимирский-Буданов видел здесь только „прикрепленных смердов", которые „были многочисленны уже в древнейшее время: Р. Правда древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда" (Обзор, с. 36).

Грушевский первоначально предпочитал чтение: „а за смерд и холоп" — и считал, что термин „смерд" употребляется в трех смыслах: 1) горожане, 2) в более тесном смысле — „все сельское свободное население, обладающее движимым и недвижимым имуществом", 3) в еще более тесном смысле — „люди несвободные, крепкие земле, близкие к положению холопов". Различие между двумя последними смыслами автор видел в указании Р. Пр.: одни смерды „платят князю продажу", другие не платят и „фигурируют рядом с рабами" (Очерк, с. 355). Позднее автор отказался от признания последней категории смердов, считая ее маловероятной (с. 318).

Максимейко апеллировал к вероятности: „было бы невероятно, чтобы составитель Р. Пр. пропустил смердов": „случаи убийства смердов... встречались в судебной практике гораздо чаще, чем исключи-

тельные случаи убийства ябедника, повара, мечника и др.", — а Владимирскому-Буданову возражал: „уравнение платы за голову смерда и холопа не служит доказательством, что те и другие лишены свободы. Р. Пр. за убийство боярского тиуна, должность которого часто исполнялась холопами, назначает такой же штраф, как и за убийство купца, но отсюда не следует, что купцы несвободны" (Мним. архаизмы, с. 135—136).

Романов, указывая, что статья эта стоит в ряду норм, специально имеющих в виду княжие интересы и княжих людей (смердов в узком смысле слова), возражал Сергеевичу, что „рядович и холоп, — понятия, только отчасти друг друга покрывающие"; напр., холоп, бывш. закуп бежавший, дети холопьи, тиун без ряду и т. п. — холопы заведомо без всякого ряда, заведомо не рядовичи: о них-то и идет речь в ст. 26. „Скорее возникло бы недоумение по поводу того, что за смердьего холопа положено столько же, сколько за княжеского" (Изв., с. 32).

Пресняков возражал Сергеевичу: тексты „знают слово рядовичь только в значении низшего агента хозяйственного или административного управления. Устранив холопа, как «смердьего», мы устраним из статьи [26] княжого холопа". Считая существенным „факт взыскания за смерда такого же вознаграждения князю, как за холопскую рабочую силу", Пресняков предостерегал против „поспешного" заключения, что „смерд — рабочая сила княжого хозяйства и, стало быть, сидит на княжой земле", как „упреждающего историческую эволюцию": „хозяйственную связь смердов с княжим двором осторожнее представлять себе основанной не на поземельных отношениях, а на системе повинностей, которыми они тянули к княжому хозяйству, и которая стала источником и исходным пунктом позднейшего окняжения их земли" (Княжое право, с. 292 сл.).

Самоквасов относил эту статью тоже к „смердам — в тесном смысле слова", но называл их „земледельцами рабского состояния княжеских сел" и противополагал „смердам-горожанам", за которых платилась вира 40 гривен, а не частное вознаграждение в 5 гривен (с. 286).

Павлов-Сильванский возражал Сергеевичу, что его чтение „недопустимо: 1) потому что, если бы слово «смердьи» имело значение прилагательного, тогда бы за ним не было предлога «в» (в смердьи в холопе; повторение предлога «в» указывает, что здесь соединены два имени существительных); 2) потому что странно допустить назначение особой виры за смердьего холопа, когда не указано виры за смерда, и когда холопы у смердов должны были быть во всяком случае редким явлением". „Сводная Р. Пр. не упоминает о смердьих холопах, говоря обстоятельно о холопах татях" (ст. 46). — 5 гривен — „одинаковая вира как и за холопа" (с. 224).

Гетц, разделяя толкование Сергеевича, опирался на ст. 16 Пр. Пр., где смердий холоп „отделен" от „княжих слуг" статьей (по Сергеевичу)

„тако же и за бояреск“ и новой статьей о ремесленнике: следовательно, „автор ст. 13 [А, 11—13] во всяком случае рассматривал смердьего холопа, не как княжеского“, следовательно, и „смерд означает крестьянина вообще, а не специально княжеского крестьянина“. Вопреки своему же требованию не переносить осмыслений Пр. Пр. на Кр. Пр., Гетц здесь считал „вероятным“, что и автор ст. 26 Кр. Пр. „смотрел на крестьянина, в частности смердьего холопа, так же, как автор Пр. Пр.“ (II, с. 239—240).

Максимейко видел здесь смерда и холопа и объяснял чтение Арх. сп. „небрежностью переписчика, случайно присоединившего союз «и» к предшествующему слову“. Соображение Павлова-Сильванского относительно предлога „в“ поддержано примерами: „а во княжи тивуне“, „а в сельском старосте“, „а в рядовнице княжи“. Однако здесь могло быть и „сознательное“ отступление „от подлинника“: „переписчика смущало назначение одинаковой платы за убийство холопа и смерда“, „он мог заметить, что Р. Пр. различает коней князя и смерда“, и решить, что „то же самое различие имело место и по отношению к рабам“: „предшествующая 22 ст. [А, 25] определяет ответственность за рядовича княжа, значит ст. 23 [А, 26] имеет в виду частновладельческого рядовича, т. е. холопа, принадлежащего смерду“. Максимейко и считал „очевидным“, что здесь „речь идет о смердах и холопах, стоявших вне княжеского хозяйства и подчиненных частным лицам [в противоположность княжеским — рядовичам]“. Вообще, „начиная со ст. 23 [А, 26] автор Кр.Пр. переходит в область частновладельческих зависимых отношений. В этой области дифференциация служилых людей проявляется в более слабой степени, чем в организации княжеского хозяйства... В отношении смердов не указывается никаких различий. Что же касается холопов, то различаются простые рабы и рабы-кормилицы, а также кормиличицы“ (ст. 27) (Опыт, с. 210—211 и 133—134).

Юшков поясняет „прямой смысл“ этой статьи: „за убийство смерда уплачивается столько, сколько за холопа, т. е. 5 гривен, и, следовательно, в 8 раз меньше, нежели за убийство всякого свободного человека, в том числе и изгоя, и в 16 раз меньше, чем за убийство наиболее близких к князю людей, напр., огнищанина и конюха“. 5 гривен — не урок: „предположение о существовании особых уроков, крайне увеличивающее и без того сложную и запутанную карательную систему Р. Пр., не подтверждается содержанием других ее статей: Р. Пр. знает виру, вознаграждение «за обиду», продажу, но о дополнительных к вире уроках не говорится ни в одной из ее статей“. „Если предположить, что 5 гривен есть особый урок, то следует признать уроком и то вознаграждение, о котором говорится в предшествующих статьях Пр. Ярославичей, принимая во внимание несомненное наличие определенной системы

в ее постановлениях. Следов., вознаграждение за убийство сельского старосты — тоже урок; урок — и вознаграждение за убийство княжеского тиуна, ездового, старого конюха и, наконец, огнищанина. Тогда, следов., дополнительный урок, взыскиваемый сверх виры в отношении некоторых лиц, будет превышать виру в 2 раза, а общее вознаграждение за убийство, напр., огнищан, будет достигать 120 гривен, т. е. равняться тройной вире". Считая последнее „невозможным", Юшков заключает о невозможности считать уроками и прочие денежные платы ст. 23—27, „внутренне между собою связанных". Но такое „ограничение в защите жизни смердов", „по сравнению с другими разрядами свободных людей", влечет за собою ряд выводов о „правовом положении" смердов: „к ним очевидно не применялись те статьи Р. Пр., которые трактуют о защите личности и здоровья и устанавливают штрафы более 5 гривен. В противном случае мы имели бы дело с явной несообразностью, именно за повреждение здоровья смердов или за их оскорбление платилось в несколько раз больше нежели за их убийство. Следовательно, к смердам не применялись ст. ст., устанавливающие штраф за удар мечом, рукоятью меча, батогом, т. к. этот штраф (12 гр.) превышает почти в два с половиною раза вознаграждение за убийство смерда. Не относится к смердам и статья, устанавливающая полувирье (20 гр.) за увечье, и даже статья о выбитии зуба (12 гр.) и ряд др. статей Р. Пр.". Все эти статьи заменяются для смердов одной статьей 33. Параллелизм „смерд и холоп" в ст. 26 Кр. Пр. ведет Юшкова к поискам данных об „ограничении личной свободы" смердов: 1) „а межи собою будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти ни мне, ни вам, а выдати по исправе" (перемирная грамота Казимира Литовского с Псковом); 2) „а межи собою нам, будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за разбойника не стояти ни мне, ни вам ни по чем" (докончание Казимира с Новгородом). Здесь — „совершенно определенные указания, что смерды должны были выдаваться не потому, что они обвинялись в совершении какого-либо преступления, или связаны какими-либо обязательственными отношениями, т. к. в статье особо упоминаются лица, требование на выдачу которых определяется наличием этих моментов: именно в ней говорится о разбойниках и татях, с одной стороны, и должниках и поручниках, с другой. Смерды выдавались только потому, что они смерды, подобно тому, как выдавались холопы, т. е. в силу несомненных ограничений в их личной свободе". Таковы же параллелизмы („обычное сопоставление") „смерды — холопы": 1) запрещение болгарам торговать „со смердиной и огневтиной", 2) требование выдачи „смердов и холопов" у Ростиславичей, 3) ростовцы о владимирцах: „несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш и наши

смерды в нем живут и холопи“, 4) запрещение по договору Новгорода с Казимиром „принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов“. Юшков указывает аналогии западноевропейские: 1) „si quis servum suum tributarium aut lidum fecerit si quis eum interfecerit 36 sol. culpabilis judicetur“ (Lex Rip., Tit. 62, § 1); 2) „si litum occiderit, sol. 27, uno denario minus componat domino suo, et propinquis occisi sol. 9, excepta parte unius denarii (Lex Fris., Tit. 1, § 1, 10); 3) „по ed. Rotaris (c. 129) альдий получал 50 солидов, т. е. только на 10 солидов больше, нежели servus ministerialis doctus, но на 15 солидов меньше половины вергельда за убийство minimae personae, т. е. лица, принадлежащего к последнему низшему разряду свободного сельского населения. С течением времени вергельд homines pertinentes был повышен, но при этом он все-таки никогда не превышал половины вергельда свободного человека и приблизительно $^1/_6$ вергельда знатного человека“: а) „по капитулярию (III) Карла В. (с. 2—5) за убийство франка платилось 600 солидов, за убийство свободного человека — 200 солидов, за убийство лита 100 сол., за убийство раба 50 сол., т. е. в 6 раз меньше, нежели за франка и в 2 раза больше раба“; б) „за убийство саксонского лита платилось в 12 раз меньше, нежели за убийство знатного человека (Lex Sax., 14, 16)“; в) „что же касается вознаграждения за раны и увечья, причиненные homines pertinentes, то его взыскивали в уменьшенном размере, по сравнению с вознаграждением за раны или увечья знатного или свободного человека. Так по лангобардским законам, при вознаграждении за раны и увечья, альдий приравнивается к servus ministerialis, а не к свободным людям (Ed. Rot., c. 76). По Lex Sax. (10) за раны и увечья лита уплачивается вознаграждение в 12 раз меньше, нежели за увечье знатного человека“. „Литы, альдионы и смерды“ были прикреплены к земле и „передавались вместе с имениями в случае их отчуждения“: „по грамоте короля Генриха одному из его служащих было дано decem regales mansos, cum zmurdis et illorum uxoribus filiisque suis ac filiabus uno Zcudici in villa Tuschini ex intergo sint“. Юшков особенно, однако, подчеркивал аналогию между Leges и Р. Пр. в отношении защиты homines pertinentes и смердов. И все же „невыясненность многих черт смердьего права не дает нам возможность поставить знак равенства между нашими смердами и homines pertinentes“. Только относительно ст. 26 Кр. Пр. можно с „большей обоснованностью“ не затрудняться „видеть особую несообразность в том, что за убийство смерда платилось в 8 раз меньше, нежели за убийство свободного человека, и... столько же, сколько и за раба“ (Уч. зап. Сарат. ун., 1923, с. 20 сл.).

Рубинштейн не соглашается с Юшковым, что за смерда „платится лишь этот уменьшенный штраф, а вира совсем не платится. Является бесспорным, что за смерда должна выплачиваться полная вира, какая

установлена 1 статьей Р. Пр. Это устанавливается ст. 41 [А, 45] Пр. Пр., приравнивающей смерда к свободному в отношении уплаты продажи". В 1-й же ст. к смерду „может быть отнесен термин «словенин», вызывающий мысль об аналогии с позднейшим названием «селян» — крестьянин". В данном случае отмеченный Романовым „княжеский интерес", охраняемый ст. 19—27 Кр. Пр., есть „интерес хозяйский" („господарчий"), для князя это „рабочая сила", „источник дохода", — и 5 гривен это вознаграждение за убыток, уплачиваемый „не вместо, а наряду" с публичным штрафом. Особливый характер этой заинтересованности князя связан с „особливым характером зависимости смерда от князя", устанавливающейся в процессе „окняжения земли" путем охвата территории системой „погостов" и установлением даней и оброков. „Наряду с панским типом хозяйства, основанного на рабском труде, дани и оброки становятся основною статьею княжеского хозяйства". „Погост — это casa dominicata, панский двор этого примитивного чиншового княжеского хозяйства", объединяющего отдельные смердьи хозяйства, „рала" и „дымы": „кто смерд, а тот потянет в свой погост". Убыток по такому смердьему хозяйству, в случае убийства смерда, и возмещается 5 гривнами, и „в этом смысле целиком объясняет уравнение этой платы за убийство смерда с платою за убийство холопа". Но зависимость смерда — это „зависимость его хозяйства, а не его личности". Поэтому эта зависимость не распространяется на личность его жены, ее убийство не разрушает хозяйства смерда, „как чиншовой единицы" — и потому в ст. 16 Пр. Пр. фигурирует только раба. Жизнь жены смерда охраняется только вирою в ст. 88 Пр. Пр. Итак, смердья зависимость — поземельная зависимость, при сохранении личной свободы. Поскольку речь тут об окняжении всей территории, и смерды — не „специальная категория сельского населения", а все сельское население (ср. выше, с. 175, Владимирский-Буданов) (с. 55 сл.).

Максимейко объяснял уравнение платы за убийство смерда и холопа тем, что „автор Кр. Пр. оценивал это преступление с точки зрения интересов хозяина", что „для него утрата смерда была равноценна утрате холопа". Хотя „смерды отбывали свои повинности лишь периодически", зато они „платили хозяину еще и оброки", — и ценность смердов и холопов „более или менее уравнивалась". Что „сельское население платило землевладельцу оброки", видно из грамоты Ростислава Смоленского 1150 г. („прощеники с медом и кунами"); косвенное указание на то — сельские и ратайные тиуны, которые „имели какое-то отношение к селянам" и наблюдали за исправным исполнением повинностей смердов. Вместе с княжой землей к новому владельцу переходили и повинности смердов. Не то в Пр. Пр. (см. ст. 16) (Про смердів, с. 4 сл.).

Греков, тоже видя в Правде Ярославичей феодализированных княжеских смердов, привел две редакции одного и того же места Печерского Патерика, где „терминами «раб» и «смерд» переписчики пользуются альтернативно“: „бесы, аки раби (вар. смерды) куплении, работають и древа носят на гору“ (Пат., 1911, с. 118 и Новг. I, с. 84) (Феод. отн., ч. 131).

Романов подытоживает аргументы против „смердьего холопа“ Арх. сп., какие можно найти „в пределах текста Кр. Пр.“: „1) выпадение оценки княжеского холопа (раз рядович — не холоп); 2) выпадение оценки жизни смерда, при наличии оценки княжеского коня наряду со смердьим в ст. 28; 3) невыдержанность параллелизма в цифрах оценки смердьих и княжих людей и имущества (уравнение холопов и различение коней — 3 и 2 гривны); 4) нарушение сплошного ряда оценок княжих людей и имущества в ст. 19—28, причиняемое вторжением в этот ряд ст. 26, тогда как ст. 27, несомненно, имеет в виду рабу-кормилицу княжую, а не смердью; 5) отмеченное уже необычное повторение предлога «в»“ (Уч. пос., с. 50—51).

Любимов посвятил статье 26 специальное исследование и принял чтение Ак. сп. „а в смерде и в хопе“ („или вернее — а в смерде и в холопе“), „как более древнее“, поскольку Ак. сп. „имеет более древние черты и ближе к оригиналу, чем Археографический“. Как и Павлов-Сильванский (см. выше), Любимов отмечает второе „в“ как лишнее, если бы здесь речь шла об одном предмете. Для одного предмета имеем в Кр. Пр. одно „в“: „а в ездовом княже“, „а в княжи тивуне“, „а в рядовници княжи“, второй же предлог „в“ встречаем только там, где речь идет о нескольких предметах: „а в сельском старосте княжи и в ратайнем“, „а в огнищанине и в тивунеце и в мечнице“, „а в голуби и в куряти“ и др. Таким образом чтение Арх. сп. „а в смердьи в холопе“ „получилось уже потом, в результате порчи текста“; „возможны были такие изменения“ в слитном тексте: „авъсмердѣивхолопѣ“ — „авъсмердеихолопѣ“ — „авъсмердьивхолопѣ“, или, принимая во внимание взаимную замену в новгородском говоре „ѣ“ и „и“ (очень заметную в Арх. сп.: клитѣ вм. клѣти, тиунѣцѣ вм. тиуницѣ): „авъсмердѣивхолопѣ“ — „авъсмердиивхолопѣ“ — „авъсмердьивхолопѣ“. Сомнение, возбуждаемое чтением Ак. сп. „в хопе“, Любимов снимает указанием на характерность подобных описок для Академической летописи в целом: „пожити“ вм. „положити“, „Водимир“ вм. „Володимир“; к тому же слово „хоп“ вм. „холоп“ встречается и в некоторых пространных списках (см. „Историк-марксист“, 1938, V, стр. 156—161). Попытка Дьяконова (Очерки, с. 101) читать в Ак. сп.: „а в смердѣи хопѣ“ (без „в“), представляя „явную натяжку“, вместе с тем не находит себе опоры в самом Ак. сп.: „слово смердѣи встречается в этом списке, но не в предложном, а в винительном падеже“

(см. ст. 28 Кр. Пр.: „а за княжь конь ... а за смердѣи 2 гривнѣ") (с. 66 сл.).

Греков полагает, что после статьи Любимова „спор может считаться законченным в пользу чтения „в смерде и в холопе" (Киевск. Русь, с. 132. прим.). „Насколько можно судить по очень скудным и неясным данным Правды, смерд едва ли входил в состав челяди так, как холопы и рядовичи. Смерд может работать на барском дворе и в барской усадьбе, в барском хозяйстве вообще, но он не теряет своих специфических признаков непосредственного производителя, владеющего средствами производства, хотя иногда и не всеми необходимыми для ведения самостоятельного хозяйства". Для времени Пр. Яр., „смерд существует в барском хозяйстве рядом со старой челядью, надо думать, в значительной степени, подчиняясь режиму, созданному здесь очень давно. При этих условиях и на смерда иногда распространялись черты, характерные для челядина, значительно роднившие его с положением патриархального раба" (Киевск. Русь, с. 103—104).

Тихомиров тоже толкует термин „смердии холоп" как возникший из текста Кр. Пр. „при нераздельном чтении" слов: „въ смердъи въ хо(ло)пѣ"; а обозначает этот термин „вовсе не холопа, принадлежавшего смерду, а холопа, работавшего на пашне, подобно смерду, в отличие от ремесленника, упомянутого в той же статье" (ср. выше, с. 174, Мрочек-Дроздовский) (Исслед., с. 201).

Романов считает новостью Правды Ярославичей самое включение смерда в круг лиц, защищаемых домениальным уложением (ст. 19—28); и связанное с этим отражение борьбы вокруг смердьего вопроса, как вопроса политического, находит в летописании (Лавр., под 1071, 1103 и 1111 гг.). См. ниже, с. 203. [*Б. Р.*].

Обнорский: „Чтение данной статьи, видимо, может быть признано первоначальным с трактовкой понятия о «смердьем холопе». Ср. большинство списков Пространной Правды, говорящих именно о «смердьем холопе». Статья в первичном тексте могла звучать: «а в смердии холопе 5 гривен». Это чтение собственно, с устранением повторенного предлога «в» перед существительным, и представляется обоими списками краткой редакции — Акад. списком с новгородской заменой «и» через ѣ (смердѣи), Археогр. списком — в форме более позднего типа с «ь» на месте суффиксального «и» (смердьи). Таким образом, с исправлением самого чтения интересующей статьи Акад. списка ... на чтение «а в смердьи в холопе 5 гривен», получался бы единый по содержанию текст интересующей статьи в свидетельстве и одного и другого списка краткой редакции Правды" (с. 9—10).

Статья 27

Аще роба кормилица любо кормиличиц, 12.[1]

Переводы

Ist es aber eine leibeigene Amme, oder ein Kinder-Pfleger, 12 Grivnen (Ew.).

За крепостную кормилицу и дядьку 12 гривен (Пл.).

Wenn eine leibeigene Amme oder Pfleger[2] ist, 12 Grivna (G.).

Если убита рабыня-кормилица или кормилиц, то платить 12 гривен (К.).

Комментарии

Павлов-Сильванский: за рабу кормилицу — „конечно, управительницу, а не кормилицу в нашем смысле слова“ (с. 465).

Гетц отметил отсутствие в этой статье деления на „княжеское“ и „некняжеское“, какое имеется в ст. 24—26, и считал ее позднейшим добавлением. Конечно, речь здесь не о „воспитателе княжеских детей“, который с возмужанием своих воспитанников занимал выдающееся положение в дружине, как их советник и оплачивался 80-гривенной вирой (ср.: Пресняков. Княжое право, 233 сл.); здесь воспитатели „не имеют никакого отношения к персоналу и имуществу князя“. Ст. 27 начинается с „аще“, тогда как ст. 22—28 — с „а в“ или „а за“, и это выдает разных авторов. Пр. Пр. унифицировала эту формальную черту соответствующих статей. Ст. 27 также нарушает и шкалу штрафов, последовательно спускающуюся к 5 гривнам ст. 26; если бы автор был один, он поставил бы ст. 27 впереди ст. 25 и 26 (II, с. 71).

---

[1] *Арх. доб.* гривне.

[2] Пресняков: „кормиличиць не Pfleger, а сын кормилицы (ср. кормиличичей летописи)“ (Рец., с. 154).

Максимейко относил эту статью к сфере не княжеского, а частновладельческого „хозяйства" (см. ст. 26 Кр. Пр.) и „кормиличица" (ср. выше, с. 183, Пресняков) считал „сыном кормилицы", „молочным братом господина". Пр. Пр. (ст. 17) переделала его в кормильца и „ввела в заблуждение современных исследователей" (Мрочек-Дроздовского, „Исслед.", вып. I, с. 185; Преснякова, „Княжое право", с. 233) [Пресняков на с. 233 сл. не ссылается на Р. Пр.; наоборот, ср. примечание к переводу Гетца, сделанное за 2 года до выхода „Опыта" Максимейко, — *Б. Р.*]. Перед автором Кр. Пр. опять было римское право, по которому „кормилицы и молочные братья" „также поставлены были в привилегированное положение": „Justae autem manumissionis causae sunt, veluti si quis patrem aut matrem aut filium filiamve aut fratrem sororemque naturales aut paedagogum nutricem educatorem aut alumnum alumnamque aut collactaneum manumittat, aut servum procuratoris habendi gratia aut ancillam matrimonii causa" (§ 5, Inst. I, 6) (Опыт, с. 134—135).

Статья 28

А за княжь конь, иже тои[1] *с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылу 60 резан, а за вол гривну, а за корову 40 резан, а третьякь 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата.*

Переводы

Aber für ein fürstliches Pferd, wenn man es niedergestossen, 3 Grivnen; und für ein bäuerliches 2 Grivnen; und für eine Stute 60 Rjesan; und für einen Stier eine Grivna; und für eine Kuh 40 Rjesan und für einen Dreijährling 15 Marder; und für einen Jährling eine halbe Grivna; und für ein Kalb 5 Rjesan; für ein Lamm eine Nogata; für ein Schaf eine Nogata (Ew.).

За княжеского коня, если он будет зарезан, 3 гривны; за земледельческого 2 гривны; за кобылу 60 резаней, за быка гривна, за корову 40 резаней, за трехгодовалого быка 15 кун, за годовика полгривны; за теленка 5 резаней, за ярку ногата, за барана тоже ногата (Пл.).

Aber für ein fürstliches Pferd, welches mit dem [Besitz-] Stempel versehen ist), 3 Grivna, aber für ein Bauernpferd 2 Grivna, für eine Stute 60 Rězana und für einen Stier 1 Grivna und für eine Kuh 40 Rězana und (für) ein dreijähriges 15 Kuna und für ein vorjähriges eine halbe Grivna und für ein Kalb 5 Rězana, für ein Lamm 1 Nogata, für einen Hammel 1 Nogata (G.).

А за княжеского коня с пятном взыскивается 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны; за кобылу платить 60 резан, за вола гривну, за корову 40 резан, за трехлетку 15 кун, за годовалую скотину полгривны, за теленка 5 резан, за ягненка и барана по ногате (К.).

Комментарии

Эверс видел здесь взыскания за умерщвление животных (с. 361). Погодин — за „крадомые вещи“ (с. 382).

[1] *Арх.* тои *нет.*

Богдановский: „В вещных правонарушениях обращено внимание на то, чье право нарушено. Поэтому за умерщвление княжеского коня взыскивается 3 гривны, а за коня смерда только 2“ (с. 29).

Грыцько объяснял оговорку „иже тои с пятном“, — тем, что с „пятном был конь, по случаю кражи которого состоялось постановление“ (с. 112).

Что здесь разумеется кража скота, Гетц аргументировал тем, что ст. 45 Пр. Пр., куда вошла ст. 28 Кр. Пр., трактует именно о краже. Злонамеренное же умерщвление животных впервые предусмотрено новой 84 статьей Пр. Пр. (II, с. 77).

Максимейко решительно возражал Гетцу, считая обязательным „в своих объяснениях опираться исключительно на аутентический текст памятника. Если исходить из этого основания, то придется признать, что в ст. 28-ой речь идет скорее об истреблении домашних животных, чем об их краже... Эта статья отделена от постановлений о краже соответствующих животных целым рядом других постановлений, посвященных иным вопросам, следовательно по мысли автора Краткой редакции она вряд ли имела какое-либо отношение к краже. Наоборот, ст. 28-я является заключительным звеном в последовательной цепи постановлений, предусматривающих различные случаи убийства. Ничего не значит, что она прямо не говорит об убийстве, ибо в предшествующих 26—27 ст. ст. также отсутствует обозначение преступного действия, тем не менее их относят к убийству ... Схема составителя Русской Правды такова: ст. 19—25 — убийство служилых людей князя, ст. 26—27 — убийство лиц, находящихся в частной зависимости; ст. 28 — убийство домашних животных. Эта система изложения объясняется влиянием римского права, именно законом Аквилия, внесенным в Дигесты и Институции, в первой главе которого определяется ответственность за убийство чужих рабов и тех домашних животных, которые принадлежат к породе скота... Согласно с законом Аквилия, он [автор Краткой Правды] исключает из перечня собаку, хотя и упоминает о ней в другом месте... Ст. 28 устанавливает различие между конем князя и смерда. В этом постановлении характерна вставка «иже тои с пятном». Она пропущена в распространенной редакции“. Максимейко не принимал толкования Грыцько: „по мысли автора Краткой Правды, принадлежность коня князю сама по себе не влекла за собою усиленной ответственности за его убийство. Необходимо еще, чтобы на нем было клеймо. Только такие кони охранялись повышенным взысканием, по всей вероятности, потому, что это были лучшие лошади, т. е. более породистые или служившие для военных надобностей. Убийство же обыкновенного коня князя, не отмеченного клеймом, надо полагать, осуждалось по общим нормам, точно так же, как и убийство рядового его смерда или холопа“. В Р. Пр.

нет „различия между княжеским и частным владением и по отношению к домашним животным. Исключение составляли только лошади. За коня князя платилось больше, чем за коня смерда. Но не все княжеские кони пользовались такой привилегией, а лишь те, на которых были клейма. Клеймились же, вероятно, лучшие и более ценные лошади. Следовательно, решающее значение имело качество лошади, а не ее принадлежность князю. Иные постановления по этому поводу находим мы в Литовском Статуте (ред. I, разд. 12, арт. I). Здесь ответственность увеличивается или уменьшается в зависимости от социального положения собственника лошадей: качества же их не играют роли. Оригинальность Русской Правды в этом отношении объясняется тем, что автор ее следовал руководящим началам Аквилиева закона“ (Опыт, с. 121—156).

Стратонов в пользу кражи выдвинул следующие соображения: „После дополнительных статей об убийстве, свод [Правда Ярославичей] переходил к вопросам охраны имущества. Здесь прежде всего шла речь об уводе холопа (статья 29-я читалась впереди, а затем шла ст. 28-я), затем говорилось о краже скота. Это ясно из сопоставления статей 28-й и 29-й. Статья 29-я формулирована полно и поэтому должна была читаться сначала, следующие за ней статьи формулированы уже более кратко, но если следуют за статьей 29-й, то смысл их вполне ясен“ (с. 25).

Владимирский-Буданов отметил, что „в ст. 28 обозначено одно частное вознаграждение; уголовный же штраф совсем пропущен, конечно, по вине составителя сборника, а не по вине древнего права“ (Хр., I, прим. 7).

Гетц к этому добавил, что разница в денежных взысканиях — 3 гривны за княжеского коня и 2 гривны за смердьего — относится только к частному вознаграждению, продажа же должна была взыскиваться, в обоих случаях, в одинаковом размере, что явствует из ст. 31 Кр. Пр. По поводу слов „а третьяк 15 кун“ Гетц заметил: „нормальной монетой второй редакции Правды [т. е. Пр. Яр.] является резана, которая затем, в пространной редакции, заменяется куной“. Только в ст. 28 „встречаем мы совершенно обособленно, среди разных взысканий, выраженных в резанах, одно, выраженное в кунах: может быть оно является здесь позднейшей вставкой“ (II, с. 78—79 и 120).

„Смердий конь“

Господствующее мнение почти всех исследователей Р. Пр. склоняется к тому, что под „смердьим“ конем в ст. 28 следует понимать коня, принадлежащего смерду в „широком“ смысле этого слова, т. е. коня, принадлежавшего всякому свободному человеку, противопоставляемому в данном контексте лишь князю и, может быть (например, оговаривался Дьяконов),

„самым высшим слоям населения“. В подкрепление этого мнения обычно ссылаются на ст. 45 Пр. Пр., в которой выражение „смердий конь“ заменено обобщением „а за инех“ (Сергеевич, Др., I, с. 178).

Максимейко под термином „смердий конь“ понимал специально коня крестьянского и, кроме того, полагал, что и всех последующих, перечисляемых в данной статье животных нужно считать животными, принадлежащими крестьянам (Мним. архаизмы, с. 132—135).

Романов полагал, что термин „смерд“ следует понимать в „тесном“ смысле: смерды — это особая категория населения, по занятию своему земледельцы, стоявшие в близкой зависимости от князя, работавшие на его землях и потому находившиеся под его специальной защитой. Кони, принадлежавшие смердам, служили кавалерийскими лошадьми при больших военных походах князя, почему смердий конь и попал в княжеский устав. „Ссылка проф. Сергеевича на ст. 45 Пр. Пр., где вместо «смердий» стоит «иные», не имеет подкрепляющего значения. Позднейшее обобщение смысла статьи о смердьем коне, само по себе, еще не свидетельствует о том, что и первоначальный редактор статьи хотел придать термину «смердий» широкий смысл. Оно может указывать лишь на то, что для позднейшего списателя случайно не были существенны побуждения предшественника упомянуть о княжом и только о смердьем коне. Между тем то, что обобщение смысла статьи достигается заменой «смердьего» «иным», не намекает ли на «тесный» смысл «смерда»?“ (Изв., с. 26—33).

Статья 29

А оже уведеть чюжь холоп любо робу, платити ему за обиду 12[1] *гривне.*

Переводы

Aber wenn jemand einen fremden Knecht, oder Sklaven entführt, der zahlt für das Unrecht 12 Grivnen (Ew.).

Если кто уведет чужого холопа или рабу, тот платит хозяину 12 гривен (Пл.).

Wenn einer einen fremden Sklaven oder Magd wegführt, zahlt er für das Unrecht 12 Grivna (G.).

А если уведут чужого раба или рабыню, то платить 12 гривен штрафа (К.).

Комментарии

Владимирский-Буданов, сравнивая эту статью с предшествующей, так пояснял ее содержание: „Здесь наоборот уголовный штраф («за обиду») указан, а частное вознаграждение нет... но само собой очевидно, что челядин возвращается лицем". В подкрепление своего толкования Владимирский-Буданов отсылал к заключительным словам ст. 38 Пр. Пр.: „а князю продажи в челядине 12 гривен, или украден или уведен есть" (Хр., I, прим. 85).

Калачов также сопоставлял ст. 29 Кр. Пр. с той же заключительной частью ст. 38 Пр. Пр. и пояснял: „За увод или кражу челядина платится 12 гривен". По толкованию Калачова (и Владимирского-Буданова), плата „за обиду" и „продажа" в этих случаях имеют одно значение (с. 196).

Пресняков считал ст. 29 стоящей вне естественной связи с другими статьями Правды Ярославичей и подобно ст. 30 „не дающей, пови-

[1] *Арх.* 2.

димому, полного текста". Подтверждение этому он видел в сопоставлении Калачовым этой статьи с последней частью ст. 38 Пр. Пр. (Княжое право, с. 291).

Тихомиров отмечает, что статья эта выделяется из других статей Правды Ярославичей и общим содержанием и терминологией. „Эта статья, не имеет ничего общего с предыдущим текстом, устанавливающим распорядки в княжеском имении. Для нас важно отметить, что в этом тексте мы опять находим термин Древнейшей Правды «за обиду». Сама же статья о краже холопа в Правде Ярославичей имеет только отдаленное сходство с подобной же статьей Древнейшей Правды, устанавливающей пеню за сокрытие холопа варягом или колбягом в «3 гривне за обиду»". „Как и текст Древнейшей Правды, статьи об уводе холопа и о кровавом муже в Правде Ярославичей являются безличными и не указывают никаких общественных групп. Поражает и то обстоятельство, что в этих статьях устанавливается штраф в 12 гривен за увод холопа, тогда как стоимость холопа в Правде Ярославичей ранее установлена в 5 гривен, а за убийство сельского старосты полагается также платить всего 12 гривен. Уже это обстоятельство показывает, что статья об уводе холопа не принадлежит законодательству Ярославичей, а взята из какого-то другого источника, близкого к Древнейшей Правде, так как сокрытие чужого холопа наказывается в ней в 2 $^1/_2$ раза дороже, чем стоимость холопа и даже смерда по Правде Ярославичей" (Исслед., с. 63, 67).

Статья 30

Аще же приидеть кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха·

Переводы

Wenn aber ein blutiger Mann kommt, oder ein blauer, so hat dieser keine Zeugen zu suchen (Ew.).

Если кто придет в крови или в синих пятнах: то такому жалобщику не искать свидетелей (Пл.).

Wenn aber ein blutiger oder blau (geschlagener) Mann kommt, so braucht er keinen Zeugen zu suchen (G.).

Если придет муж в крови или в синяках, то ему не надо искать свидетеля (К.).

Комментарии

Ланге: „Статья о кровавом муже составляет как бы начало статьи, находящейся в первоначальном уставе [ст. 2]; в дополнениях же она помещена с заменой слова «видок» словом «послух», вероятно, потому, что сначала, должно быть, мог свидетельствовать в подобных делах только видавший происшествие своими глазами, а потом стал допускаться к свидетельству еще и тот, кто, не быв очевидцем, сам слышал происходившее“ (с. 9—10).

Владимирский-Буданов в „этом кратком повторении ст. 2“ видел показатель того, что „Правда детей Ярослава есть отдельный сборник от Правды Ярослава“ (Хр., I, прим. 9).

Рожков: „Стоит только сравнить 2 и 28 [А, 30] ст. ст. Кр. Пр., чтобы убедиться, что между ними есть существенное различие: . . . в ст. 28 [А, 30] именно уничтожено право мести за удары до синяков и крови, существовавшее при Ярославе“. Это — „нововведение Ярославичей“ (Очерки, с. 91).

Дьяконов, напротив, считал эту статью „буквальным повторением начала ст. 2; очевидно, составитель, заметив, что это правило уже записано, не счел нужным дописывать его вторично"; это — „труд частного лица" (Очерки, с. 53).

Пресняков, отмечая „неполный текст" статьи, считал ее „сомнительной" (Княжое право, с. 291).

Гетц недоумевал, как попала эта статья во 2-ю Правду, где вообще об увечьях нет речи, и считал ее добавлением другого автора. „Это... единственное постановление, общее 1-й и 2-й редакциям, касающееся притом процессуального, а не уголовного вопроса, так что 2-я редакция выступает здесь, как работа, совершенно независимая от первой редакции (так думает Владимирский-Буданов)". Но „происходит оно из 1-й редакции, взято оно из 2 ст. с незначительными изменениями". И „при наличности ст. 11, II [A, 30] содержание ст. 2 стоит совершенно немотивированно" (II, с. 87).

Владимирский-Буданов ответил Гетцу: „Такое повторение доказывало бы, что 2-я Правда, хотя и есть сборник несамостоятельный, а дополнительный к 1-ой, но вместе с тем отдельный... Случай, который Гетц как раз наоборот признает исключением в сторону несамостоятельности 2-й Правды". Между тем — „можно допустить, что... 2-я Правда, в которой месть вообще отсутствует, могла намеренно изложить постановление о нанесении ран и побоев так, чтобы о мести не было помину, как действительно в ней и изложено" (К.У.И., 1912, № 10, с. 3).

Максимейко объяснял появление этой статьи в укороченном виде тем, что в Древнейшей Правде речь шла о видоке; здесь же вместо него введен послух. „Эти термины обозначали далеко не тождественные понятия... следовательно, составитель 2-й Правды не без основания мог думать, что он вносит в ее текст новое и дополнительное правило" (Опыт, с. 57—58).

Приселков предполагал, что „послух" появился здесь вместо первоначального „видок" в XV в. при переписке текста Правды в летопись (с. 246).

Статья 31

А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, да аще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будеть 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви.

Переводы

Wenn aber jemand ein Pferd entwendet, oder ein Rind, oder (aus dem) Gemach, und es hat einer gestohlen, der zahlt eine Grivna und 30 Rjesan. Oder es sind ihrer auch 10, dann zahlt männiglich zu drei Grivnen und zu 30 Rjesan (Ew.).

Если кто украдет лошадь, или быка, или окрадет клеть, и если он крал их один, то повинен платить гривну и 30 резаней. Если же воров будет и до 10, то каждый из них должен заплатить по 3 гривны и 30 резаней (Пл.).

Wenn einer ein Pferd stiehlt oder einen Stier oder (aus dem) Gemach, wofern es (nur) einer gestolen hat, so zahlt er 1 [3] Grivna und 30 Rězana; sind es ihrer dagegen achtzehn, so zahlt jeder Mann je 3 Grivna und 30 Rězana (G.).

А если украдут коня или вола или будет кража из клети, то вор платит гривну и 30 резан, если он был один; если воров было 10, то каждый из них платит 3 гривны и 30 резан (К.).

Комментарии

Эверс, сличая эту статью со ст. 40 Кр. Пр., где количество сообщников воровства определяется круглым числом 10, высказал предположение, что и в ст. 31 вместо числа 18 следует читать 10: точнее, „вместо числительного «иі» (18), надобно читать раздельно: «и і» (и 10)“ (с. 366, прим. 9).

В ст. 31 внимание исследователей привлек вопрос о соучастии в краже.

Попов писал: „Если многие совершили преступление вместе, то почитаются равно виновными и наказываются одинаково“ (Р. Пр., с. 71).

Богдановский указывал, что „древнее право наказывает всех участников в преступлении по мере того вреда, который они совершили, не обращая никакого внимания на то, как кто совершил этот вред и насколько он хотел этого. В этом духе рассматривает Русская Правда сообщество в преступлении“ (с. 128).

Власьев считал понятие о соучастии по Правде Русской (см. ст. 31 и 40 Кр. Пр. и 41 и 42 Пр. Пр.) мало развитым, не различающим главного виновничества; все сообщники наказывались одинаково (с. 187—188).

Владимирский-Буданов заметил: „Стечение многих преступников в одном преступлении не ослабляет ответственности каждого из них, но и не увеличивает этой ответственности“ (Хр., I, прим. 10).

Сухов полемизировал с Богдановским: „Если бы мера наказания действительно зависела от количества внешнего вреда, то Р. Пр. не могла бы назначать одинаковую продажу за татьбу, как непосредственному преступнику, совершившему ее, так и каждому из соучастников, если татьба совершалась совокупными силами нескольких лиц. Р. Пр. подробно бы определила количество продажи по количеству украденных предметов, по количеству внешнего вреда, совершенного каждым из преступников, а между тем в положениях Р. Пр. не встречается этого. Продажа за татьбу всегда была одинакова для каждого из соучастников, несмотря на то, что некоторые из них крали больше, другие меньше, преступными действиями одних причинялся больший материальный вред, чем преступными действиями других. Продажа, равная для всех, взыскивалась с участников преступления на том основании, что в глазах Р. Пр. соучастие с преступником поднимало их на одинаковую степень преступности с ним и имело своим последствием одинаковую наказуемость их. Участие в преступлении нескольких лиц выставляло их как людей, находящихся в известной субъективной связи с главным виновником: оттого-то Правда и назначала одну и ту же продажу каждому из 10 человек, укравших одну овцу. Разумеется, в этом случае не все же 10 человек были виновны в равной степени; может быть одному или нескольким принадлежал главный момент преступления, другие же потворствовали только действователям; потворствуя преступлению, они сознавали, что делают запрещенное, они хотели этого, следовательно, находились в субъективной связи с преступником. На этой-то субъективной связи всех соучастников и основывалась мера наказания их по Р. Правде. Все это показывает, что при стечении нескольких виновных лиц в одном и том же преступлении Правда устанавливает меру наказания для них, основываясь почти исключительно на субъективном соотношении всех лиц, принимавших известное участие в совершении преступления и чем-либо содействовавших ему. Руководясь этим только соотношением, она

смешивает все разнообразные случаи стечения нескольких виновных в одном и том же преступлении и установляет для них одинаковую меру наказания". Сухов объяснял этот превалирующий субъективный элемент в квалификации преступления влиянием византийско-канонического права (с. 27—31).

И. Беляев отмечал: „в делах по нарушению прав собственности сыновья Ярослава настолько опередили своего отца, что уже разграничили воровство единичное [sic] от воровства шайками. Это разграничение указывает на возникновение в русском обществе новых вопросов и на развившуюся в нем потребность яснее определить общественные отношения" (Лекции, с. 240).

Ряд исследователей видел в ст. 31, как и в ст. 40, запись судебного решения по конкретному случаю воровства данным числом участников.

Ланге возражал: „Но излагались ли когда-либо судебные решения в такой форме: «аже украдут овцу, или козу, или свинью, а их будет 10 одну овцу украли, да положат по 60 резан продажи». В этих словах видно предписание на будущее время, а не приговор суда об обнаруженных преступлениях. Употребление в статье Правды определенного числа воров есть только примерное, и прямо указывает на безыскусственную форму древнего закона" (с. 21—22).

Максимейко тоже: „В литературе установилось мнение, будто бы цитированные статьи [т. е. 31 и 40] представляют собою непосредственную запись судебных решений, на что указывает удержание цифр 18 и 10. Обыкновенно на эти статьи ссылаются, когда перечисляют постановления Русской Правды, заимствованные из судебной практики; их приводят в пример, чтобы показать, до какой степени робкими и неумелыми были первые шаги и опыты древне-русской кодификации; наконец, их упоминают, когда говорят о казуистическом характере Краткой Правды, сравнительно с распространенной редакцией, стремившейся, напротив, к обобщению частных случаев. Однако, это мнение об источниках 31 и 40 ст. Кратк. сп. не может быть принято. Обе статьи заключают в себе признаки искусственного их составления. Статья 31-я не могла быть непосредственно продиктована отдельным судебным приговором, потому что она предусматривает несколько различных краж — коня, вола и из клети, — едва ли все они могли соединиться в одном казусе... Если в перечислении предметов кражи замечается искусственная комбинация, то возможно, что и определение числа ее участников взято не из действительной жизни, а нарочито придумано составителем Русской Правды... Надо полагать, что довольно большие числа 18 и 10 показаны автором Краткой Правды совершенно произвольно, для примерного и наглядного выражения того правила, что сколько бы ни было участников кражи, все они несут полную ответственность за ее совершение.

Он не смущался тем обстоятельством, что в жизни такие случаи бывают очень редко, ибо его интересовала не столько жизнь, сколько теория. Ему важно было по возможности ярче, сильнее и рельефнее выразить свою мысль, чего он и достиг, воспользовавшись формой числовой гиперболы. Что касается самого правила, то, как мне кажется, оно было заимствовано из римских источников, которые отчетливо формулировали его..." (далее примеры из Дигест) (Опыт, с. 184—186).

По поводу денежных взысканий, налагаемых рассматриваемой статьей, Владимирский-Буданов заметил: „Уголовное значение этого штрафа в 3 гривны и 30 резан несомненно, потому что количество частного вознаграждения за те же предметы обозначено в ст. 28" (Хр., I, прим. 12).

Гетц считал не подлежащим сомнению, что в ст. 31 имеется в виду уголовный штраф, а не частное вознаграждение, как в ст. 28: „Увеличение частного вознаграждения владельцу украденного животного в 10 раз, если животное это украдено 10-ю ворами,—неправдоподобно; напротив уплата каждым из соучастников в общей краже одинакового уголовного штрафа — вполне естественна" (II, с. 89).

Статья 32

А в княже борти 3 гривне, любо пожгуть любо изудруть.[1]

Переводы

Und in einem fürstlichen Bienenstamm 3 Grivnen, wenn er entweder verbrannt wird, oder ausgerissen; aber für den eines Bauers 2 Grivnen (Ew.).

Если кто сожжет или выдерет княжескую борть, тот платит 3 гривны: за борть земледельца 2 гривны (Пл.).

Aber bei einem fürstlichen Waldbienenstock 3 Grivna, sei es, dass man (ihn) verbrennt oder ausreisst (G.).

Если сожгут княжескую борть или выкрадут пчел, то платить 3 гривны (К.).

Комментарии

Мрочек-Дроздовский объяснял: „Борть — улей в дупле или выдолбленном дереве стоячем или колоде" (Чтения, 1917, кн. III, с. 10).

Сравнивая ст. 32 со ст. 75 (по Карамзинскому виду), Владимирский-Буданов полагал, что „здесь обозначается уголовная продажа и подразумевается точно такое же количество частного вознаграждения" (Хр., I, прим. 13).

Есипов писал: „Русская Правда упоминает еще один менее важный [по сравнению с гумном, см. ст. 83 Пр. Пр.] объект повреждения имущества огнем, именно борть (пчельник), подвергая виновного в порче и истреблении ее лишь денежной ответственности. Рано развившееся среди славян пчеловодство, сделавшееся весьма ценным промыслом, заставило оградить его от преступных посягательств. В 12-ти таблицах Рима мы еще не встречаем подобного постановления, но уже по закону Аквилия можно было преследовать сожжение чужих пчел" (с. 16).

---

[1] *Арх.* издеруть.

Статья 33

Или смерд умучать, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине и в тивунице и в мечници 12 гривъне.

Переводы

Oder wenn man einen Bauer peinigt, aber ohne des Fürsten Wort, für das Unrecht 3 Grivnen. Aber an einem Hausherrn und an einem Schuldheiss und an einem Schwertträger 12 Grivnen (Ew.).

Если кто самовольно, без княжеского повеления, накажет земледельца, тот платит битому 3 гривны; за огнищанина, тиуна и меченосца, в сем случае, 12 гривен (Пл.).

Oder man peinigt einen Bauern, aber ohne des Fürsten Geheiss, für das Unrecht 3 Grivna. Aber bei einem Ogniščanin und einem Tiun und einem Schwertträger 12 Grivna (G.).

За самовольное истязание смерда, без княжеского повеления, платить 3 гривны штрафа. За истязание огнищанина, тиуна или мечника платить 12 гривен (К.).

Комментарии

Нейман считал плату „за обиду" — „вознаграждением потерпевшему" (Ewers. Vorzeit der Russen, с. 67).

Соловьев считал „муку" „телесным истязанием" и подчеркивал здесь, что „следовательно" „эти люди могли подвергаться телесному истязанию по приказу княжескому" (I, с. 239).

Ланге (см. Пр. Пр., ст. 78) не сомневался, что 12 и 3 гривны продажи при Ярославе „выплачивались только в том случае, если обиженный не мог сам мстить за себя". Частное вознаграждение, „вероятно, состояло только в плате мзды летцю" (с. 163).

И. Беляев: „Здесь закон опять говорит об одних княжих людях, а не о земцах, следовательно по отношению к земцам узаконения Правды Ярославичей остались в прежней силе" (Лекции, с. 238).

Владимирский-Буданов видел „здесь ясное указание на то, что уголовные наказания могут быть назначаемы только общественной властью (князем). Преступление, наказуемое по этой статье, есть самоуправное истязание или незаконная месть“ (Хр., I, прим. 14). Под смердами здесь Владимирский-Буданов разумел „все население, кроме духовенства и бояр“ (Обзор, с. 34).

Ведров видел здесь указание „на безусловную зависимость смерда от князя... «по княжу слову» смерд мог быть мучим и подвергаем телесному наказанию“(с. 66).

Сергеевич относил эту статью (= Пр. Пр. 78) — „только одну“ — к „преступлениям против государства“. Слово мука = казнь, наказание вообще. Статья эта „свидетельствует о созревшем уже сознании неудобств самоуправства“ (Лекции, с. 437—438). — „Смерда, как свободного человека, никто не может наказывать без приказа подлежащей власти“, „однако приниженное положение их в обществе отразилось и в древнейшем праве в разной цифре вознаграждения, полагаемого за муку, причиненную смерду и человеку высшего положения...“ (Др., I, с. 182 и 184).

Рожков: „Вернее рассматривать муку, как нарушение личных прав, оскорбление чести известных лиц; такова, повидимому, точка зрения Р. Пр., в которой вообще идея государства была очень смутной, выражалась лишь в конкретных формах и не возвышалась до общих понятий о законе и государственном порядке“ (Очерки, с. 153).

Максимейко заключал, что „Р. Пр. знает личные наказания с тою особенностью, что выполнение их было предоставлено самодеятельности потерпевших“; то же и в Литовском Статуте (см.: Демченко. Наказание по Лит. ст., с. 219, 220) (Р. Пр., с. 388).

Пресняков трактовал эту статью в связи с понятием „княжого права“ и „княжой защиты“: „князь тут защищает не столько их [смерда и огнищанина], сколько неприкосновенность своей юрисдикции над ними“ (in verbo regis), а „сами потерпевшие получали одинаково по гривне. Это установление, по сути дела, совершенно параллельное 80-гривенной вире за княжих мужей. Вот почему и волхвы в известном рассказе [Лавр., под 1071 г.] требуют «княжого слова»: «нама стати пред Святославом, а ты не можеши сотворити ничтоже», — говорят они Яну Вышатичу“ (Лекции, I, с. 191). — Позднее Пресняков отмечал эту статью, как „ценное пояснение к обязанности новгородского князя «блюсти смердов»“: „это особое княжое блюденье сказывается в ст. 33, где за муку смерда без княжого слова (по латыни бы сказали: in verbo regis) назначена пеня в 3 гривны“. Но это — и не „подданство“ смердов князю, понятие, „которое нелегко было бы установить для древней Руси“. Белозерцы в рассказе 1071 г. тоже „подданные“ князя Святослава: но „неужели

нельзя было умучить на Белозерье никого, без «княжого слова» кн. Святослава, сидевшего в Киеве?“ Подданство выражается термином: „людие мои“ (Ипат., с. 230 и 300) (Княжое право, с. 291 и 210).

Дьяконов видел здесь „признание за смердами личных прав“ в 3-гривенной продаже князю (Очерки, с. 102).

Павлов-Сильванский обращал здесь внимание на „тесное сопоставление... приравниванье огнищанина к княжеским чиновникам — тивуну и мечнику“ (с. 458).

Гетц: „Т. обр. здесь, в противоположность статьям 1-й редакции, провозглашающим кровавую месть, отброшен прежний принцип самопомощи; упорядоченная, регулируемая княжеской властью юрисдикция заступила место самочинной расправы“ (Sichselbst-Recht-Schaffens). Склоняясь к такому пониманию „муки“ (как наказания), Гетц привел аналогию: „si quis hominem Francum sine culpa ligaverit (var. plagaverit), solidos duodecim componat, et in fredo dominico solidos quattuor“ (Lex Francorum Chamavorum, Mon. Germ., t. V, s. 273) и ссылался на договор 1229 г. ст. 20 и рижский договор с витебским князем Михаилом 1300 г. Смерд здесь — всякий свободный человек, не принадлежащий к княжеской дружине. Местоположение статьи (между кражей и уничтожением имущества) и вообще ее одиночество в Пр. Яр., которая не говорит вообще об увечьях, указывает на то, что ст. 33 — позднейшее дополнение. Что касается начального „или“, то оно, как соединение со ст. 32, имеет в виду не содержание статей, а одинаковый штраф в 3 гривны: „автор или вставщик ст. 14 [А, 33] рассуждал так: в ст. 13 II [А, 32] говорится о 3 гривнах, а я знаю еще одно преступление, за которое тоже назначается 3 гривны“. Не заимствована ли эта статья из Пр. Пр.? Но и там она не на месте, и таким образом слово „или“ (отсутствующее в Пр. Пр.) выдает первоначальную принадлежность ее к Пр. Яр. Добавка же здесь мечника, которого не упоминают ст. 19 и сл., тоже свидетельствует о другом авторе: автор тех статей ограничился бы огнищанином и тиуном. Подтверждение последнему соображению Гетц находил в Пр. Пр., где в ст. 78 не произведено обобщения огнищанина, тиуна и мечника в „княжого мужа“, а сохранен один огнищанин: не стоял ли он в первоначальной редакции ст. 33 Кр. Пр. тоже в одиночестве, а тиун и мечник добавлены после? (II, с. 94, 98, 99, 101—103 и 243).

Максимейко и в этой статье находил признак киевского характера Правды Ярославичей, поскольку здесь „сословные неравенства уголовного права выражены в привилегированном положении огнищан сравнительно со смердами“. „Давно уже замечено, что земли Галицкая, Волынская и Киевская представляли особо благоприятные условия для развития боярского класса... Такой аристократический строй общества, составлявший характерную особенность Юго-Западного края в отличие

от Северо-Западной Руси, сохранился... и в последующий период Литовского государства [ср. уставные грамоты Киевскую и Волынскую с грамотами Смоленской, Полоцкой и Витебской: Ясинский. Уставн. грамоты Лит.-Русск. государства, с. 103—105: „в то время как последние имеют в виду все классы общества, первые адресованы к одним только боярам и шляхте"]". С другой стороны, „дополнительным характером Правды Ярославичей объясняется также отсутствие в ней отдела о преступлениях против телесной неприкосновенности, уже с достаточной полнотой изложенных в 1-й Правде"; в ст. 33 имеется в виду, под „мукой без княжа слова", „не столько посягательство на здоровье, сколько самоуправство, т. е. нарушение прав судебной власти". — Тексты к слову „мука": 1) „κεφαλικῶς κολάζεται (capitaliter punitur)" = „главы усечением мучится"; 2) „ξίφει τιμωρείστω (gladio feritur)" = „мечем мучится"; 3) „κεφαλικῇ τιμωρίᾳ ὑποκεῖται (capitali poenae subjacet)" = „главней муце повинни суть"; 4) „οἱ ἄγνοστοι τῶν μαρτύρων και βασανιζέσθωσαν (ignoti testes etiam torqueantur)" = „незнаеми свидетели мучени да будут"; 5) „χωρὶς Βασάνων οὐ πιστεύεται (sine tormentis fides non habetur)" = „без мук не веровати ему" (Prochiron, tit. 27, §§ 2 и 12; tit. 39, §§ 1, 20, 38 и др.; Закон Градский, грань 27, §§ 2 и 12 и др.). „Следовательно Р. Пр. определяет тот случай, когда кто-нибудь подвергнет другого наказанию или пытке без разрешения князя", т. е. говорит „о том же преступном действии, что и римские источники (Fr., 15, §§ 34, 40, 41 и 44; Dig., 47, 10)". Разница „в том, что постановления претора относятся к частновладельческим рабам, которых он... делит на несколько разрядов, смотря по их экономической роли и значению; между тем Р. Пр. имеет в виду лиц, находящихся под властью князя, и тоже устанавливает для них неодинаковые нормы". Наконец, и местонахождение статьи „в системе Р. Пр." определено римским правом: мука „не могла быть причислена к обидам в тесном смысле слова, потому что она имела в виду не оскорбление потерпевшего". Римская юриспруденция („не всякое наказание чужого раба, говорится в дигестах, должно быть рассматриваемо, как обида", Fr., 15, 38, Dig., 47, 10) „отвела бы место этому деликту в разряде правонарушений, которые обсуждались по принципу Аквилиева закона". Автор Р. Пр., „приняв к руководству ее указания", „нашел возможным дать определение о муке... в той части своего сборника, где речь идет о повреждении чужого имущества" (Опыт, с. 37, 57, 173—176).

Юшков считает, что это единственная статья, заменяющая в отношении к смердам все статьи Р. Пр., защищающие личность и здоровье „полноправных и свободных людей" и „к смердам не применявшиеся". „Но в содержании понятия «мука», если мы будем усваивать ему даже широкий смысл, нет тех элементов, которые определяют понятие оскорбления личности; следовательно, Р. Пр. совершенно не предусматри-

вает оскорбления личности смердов и дает нам совершенно определенные указания на ограниченный объем этой защиты по сравнению не только со свободными людьми, но и с княжеской челядью". Поддерживая Преснякова, Юшков добавлял: „ссылкой на то, что волхвы суть смерды князя, Ян Вышатичь хотел как будто обосновать свое требование о выдаче смердов или во всяком случае усилить. Из летописи не видно, чтобы Ян ведал белозерцев и судом. Его пребывание на Белоозере было случайно [„приключися прийти"]". „Действия его носили не судебный характер, а административный, и возможно, что требование, предъявленное Яном Вышатичем на выдачу волхвов для суда его над ними, могло быть оспорено, если бы он не указал, что волхвы смерды князя". „Выражение «без княжа слова» необходимо понимать в буквальном смысле. Этой статьей имеется в виду личное участие князя в суде и произнесение приговора самим князем. Ян Вышатичь... не мог... отвести на законной почве требование волхвов-смердов передать их на личный суд князя, согласно постановлению Р. Пр." (Уч. зап. Сарат. ун., 1923, с. 23 и 14; то же, 1924, с. 73).

Рубинштейн, отрицая за смердами характер специфической группы сельского населения и придавая термину широкий смысл, отрицает и связь между ст. 33 и рассказом о Яне Вышатиче. „Откидывая терминологическое отожествление смерда с подданным", Рубинштейн не принял толкования Преснякова и Юшкова, и по существу склоняется к точке зрения Сергеевича, отказываясь „в бытовом" эпизоде с волхвами отыскивать юридические следы. „Белозерская земля в целом тянула к Переяславской земле. Как видно, в княжение Святослава в Чернигове небольшая часть этой земли оказалась в подданстве князя Черниговского, которым и был послан Ян «дань емлюще». При таких условиях вопрос о том, «чья еста смерда», означал «на чьей земле сидите» (на земле, которая тянет к кн. Святославу, или на земле, подчиненной Переяславу), и отсюда: к какому князю тянете судом по земле и воде, т. е. здесь все же территориальный признак подсудности... В данном случае социальное значение термина совпадало с политическим и его покрывало". Во всяком случае, нельзя одновременно, как то, по мнению Рубинштейна, делает Юшков, допускать, что Ян требует к своему суду волхвов, как смердов своего князя, и что волхвы могли быть судимы только специально князем, и значит не подлежали суду Яна по тому самому, что были смердами князя. „Здесь простой конкретный факт" — „апелляции к вышестоящей власти". И ст. 33 Кр. Пр. тут не причем. Более того, можно в свою очередь спросить Юшкова: можно ли допустить, что на Белоозере нельзя никого умучить „без княжа слова" „и в том случае, если смерды являются только частью населения, до того далеко не такого привилегированного, как то видно из данных самого Юшкова". В выра-

жении „княже слово“ „Юшков ищет противопоставления особого суда князя суду лиц, князем на то уполномоченных“. И выходит, что „суд Яна не есть княже слово“ и что „Ян поступил незаконно“. Но для этого нет данных, а „вся концепция суда Р. Пр. говорит за то, что всякий суд княжого тиуна или другого лица, уполномоченного князем, есть княжой суд, а его приговор — «княже слово»“. В противном случае, надо заключить, „что сама ст. 33 направлена против незаконного суда тиунов“. Наоборот, политическое значение статьи в том, что в составе „княжого права“ Правды Ярославичей статья эта направлена против народного суда, и „устанавливает наказание за вершение дела народным судом без княжа слова, т. е. без участия законного представителя князя. Можно говорить об «окняжении суда» по аналогии с окняжением земли“. Тем самым отпадает и последний аргумент, выставляемый сторонниками теории, рассматривающей смердов как специальную категорию „княжеских близких“ (с. 59—60).

Максимейко полагал, что здесь идет речь не о „государственном“, а о „домениальном“ суде князя, о „вотчинной юрисдикции“ князя „как хозяина“ перечисленных в ст. 33 людей. „Безличное“ начало статьи: „или смерд умучать“ (кто?), показывает, что совершить это „преступление“ мог „всякий“, и „чаще всего“ бояре, купцы и др., а также „напр. посадники“, последние — „вторгаясь в компентенцию специальной княжой юрисдикции“. Пример такого вторжения Максимейко и видит в эпизоде с Яном Вышатичем: смерды-волхвы „отрицали его компентенцию, ибо подлежали *вотчинному* суду своего князя“ (Про смердів, с. 15).

Романов обращает внимание на то, что летописный рассказ о Яне Вышатиче и смердах 1071 г. слишком уж пригнан — и литературно и по существу — к ст. 33 Кр. Пр. и ст. 2 Пр. Пр. об отмене мести Ярославичами, и видит в этом рассказе, как и в некоторых других текстах Повести временных лет (напр. под 1103 и 1111 гг.), отражение борьбы течений внутри господствующего класса по вопросу о смердах. Ян (со слов которого записано повествование 1071 г.) был противником политики смердолюбия, отражение которой дает себя знать как в ст. 33 Кр. Пр., так и в рассказах Повести временных лет под 1103 и 1111 гг. Рассказ Яна имеет в виду показать, в какое безвыходное положение неизбежно должен попадать княжой слуга в своей административной деятельности, если в центре будут и впредь держаться политики смердолюбия. Этот полемический (в частности, против ст. 33) характер рассказа 1071 г. должен бы предостеречь пользоваться им, как чем-то вроде протокольной записи об эпизоде, происшедшем с Яном и волхвами, — как принято до сих пор в литературе [*Б. Р.*]. — Ср.: Уч. пос., с. 52.

Тихомиров рассматривает ст. 33 как одну из „дополнительных статей Правды Ярославичей“, выдающую свое новгородское происхожде-

ние „иным отношением к смерду, чем в Правде Ярославичей“: „смерд, приравненный Правдой Ярославичей к холопу, во второй части идет наравне с огнищанином, тиуном и мечником“, причем за муку огнищанина в ст. 33 назначается „только в 4 раза больше, чем за смерда“, тогда как Правда Ярославичей назначает за огнищанина „в 20 раз больше, чем за смерда“. Эту черту ст. 33 Тихомиров сопоставляет с обвинением, предъявленным новгородцами князю Всеволоду: „не блюдеть смерд“ (Новг. I, под 1136 г.) (Исслед., стр. 69). — Ср. выше, с. 199, Пресняков.

Статья 34

А иже межу переореть любо перетес,[1] *то за обиду 12 гривне.*

Переводы

Und wer einen Maalstein umpflügt, oder vertilgt, dieser für das Unrecht 12 Grivnen (Ew.).

Если кто запашет или истребит полевую межу, тот за обиду платит 12 гривен (Пл.).

Wenn jemand eine Grenze umackert, oder umhaut, dann (zahlt er) für das Unrecht 12 Grivna (G.).

А если распашут полевую межу или срубят межевой столб, то платить 12 гривен штрафа (К.).

Комментарии

Струбе: „Закон, касающийся до сохранения меж, согласен с узаконениями германскими, которые вообще полагали великие на тех штрафы, кои их разрушали. Шведские же повелевали за то платить 40 марок, а датские — 6" (с. 18—19).

И. Беляев выдвигал оригинальность ст. 34: „В Правде сыновей Ярослава особенно замечательна статья о порче межи. В Ярославовой Правде о ней нет и помину. Но, конечно, необходимо должно допустить, что меры против порчи межей существовали, как в Ярославово время, так и прежде него, потому что и в это время русский народ был земледельческим народом, а следовательно дорожил своими полями, тем более, что тогда было еще очень немного обработанных полей. Межевыми знаками служили ямы, зарубки на деревьях и разные естественные признаки. Отсутствие в Ярославовой Правде узаконений относительно порчи межей можно объяснить тем, что Ярослав, конечно, предоставлял раз-

[1] *Арх.* сопретесь.

бирательство дел этого рода или старому обычаю, или, что всего вероятнее, Судному Закону, в котором есть статья о порче межей. Но через 50 лет по смерти Ярослава русское общество уже настолько развилось, что не могло оставаться ни при обычном праве, ни при Судном Законе, полагавшем телесное наказание, несогласное с русским духом, и потребовало законов новых. Поэтому-то сыновья Ярослава и помещают в своей Правде статью относительно порчи межей. По Правде сыновей Ярослава, порча межей считалась очень важным преступлением — за нее назначалась пеня в 12 гривен" (Лекции, с. 239).

Мрочек-Дроздовский, рассматривая настоящую статью вместе со ст. 72. Пр. Пр., писал: „Значение межей весьма ясно выражается в Русской Правде. Межеопределение является одним из важнейших дел тогдашнего управления. Вместе с этим Русская Правда указывает отчасти и те способы, которыми определялись межи в то время: она указывает на межи, означаемые на земле (их можно перепахать, перегородить), и на межи судеревные (их можно перетесать); она указывает, кроме того, на природные межевые знаки (дуб межный). Из этих указаний, как они ни скудны и отрывочны, можно понять, что межевое дело во время Русской Правды знало все те способы межеопределения, какие известны нам из позднейших памятников (естественные и искусственные межевые знаки)" (Прилож., с. 169).

Греков подчеркивает: „Предполагается, что кто-то заинтересован в расширении своей пашни за счет соседа, под которым, в данном случае подразумевается князь. Кто же мог прежде всего покуситься на чужую межу, как не земледелец-смерд, нуждающийся в земле" (Феод. отн., с. 48).

„За обиду"

Сергеевич обратил внимание на то, что „в статье 34 мысль не договорена. По второй Правде [т. е. Пр. Яр.] преступления ведут за собой частное вознаграждение и штраф в пользу князя; 34-я же статья говорит только о частном вознаграждении («за обиду»). Если мы соединим ее с последующей, продажа будет относиться и к нарушению межи и мысль оригинала будет передана верно" (Р. Пр., с. XVI).

Голубовский поддержал Сергеевича и объяснял: „Законодатель не хотел только дважды рядом повторять одну и ту же продажу в 60 резан (по ст. 35), относя ее к обоим юридическим случаям. Следовательно, для ясности понимания, мы можем соединить эти обе статьи (34 и 35) в одну, вследствие чего читающий поймет, что продажа относится ко всем указанным в ней казусам" (с. 68).

Мрочек-Дроздовский возражал: „В обеих статьях речь идет о совершенно разных предметах: о порче межи (ст. 34) и о краже лодьи

(ст. 35); надобно еще доказать, что за порчу межи, по Краткой Правде, полагалась, кроме частного вознаграждения, и продажа; надобно также решить вопрос о соотношениях частных и казенных пеней в Кратких Правдах, и, пока на эти вопросы нет еще окончательного ответа, безопаснее было бы оставить старое деление статей, приведенных в этом примере. Мы вполне присоединяемся к мнению проф. Сергеевича, что менее опасно разделение одной мысли на две статьи, чем соединение разных мыслей в одну статью: при таком соединении получится или вредная ошибка, или подсказывание издателем своих толкований читателю, прежде чем эти толкования будут надлежащим образом обоснованы" (Новое издание, с. 6).

Владимирский-Буданов полагал, что термин „за обиду", — который обычно понимался как частное вознаграждение потерпевшему, — в так называемой Правде Ярославичей стал несомненно уже означать уголовный штраф, что в данной статье явствует уже из высокого размера штрафа (К.У.И., 1911, № 3).

„Перетес"

Мрочек-Дроздовский: „Перетес — уничтожение межевого знака, сделанного топором на дереве" (Исслед., вып. 2, с. 229).

Соболевский перед словом „перетес" предполагал пропуск хотя бы одной глагольной формы с значением „произведет" (Матер, с. 9).

Статья 35

А оже лодью украдеть, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан.

Переводы

Und wer ein Schiff entwendet, dieser zahlt für das Schiff 30 Rjesan, aber als Busse 60 Rjesan (Ew.).

Если кто украдет ладию, то платит за ладию 30 резаней, да пени 60 резаней же (Пл.).

Wenn er aber ein Boot stiehlt, so zahlt er für das Boot 30 Rězana und Strafe 60 Rězana (G.).

А кто украдет ладью, платит хозяину 30 резан за ладью и 60 резан штрафа князю (К.).

Комментарии

Богдановский отметил „в первый раз появляющуюся продажу (ст. 35 и 36). Здесь, очевидно, 30 резан платится за украденные вещи, как цена их, а 60 резан за самое незаконное действие, за обиду, причиненную хозяину. Но кому идет эта продажа — князю ли, как это имеет место в позднейшей Правде во всех случаях воровства, или истцу, хозяину украденного — этого определить с точностью нельзя. Первое, по нашему мнению, вероятнее: эта продажа, как кажется, есть та плата, которая сверх платы лицу обиженному поступает к князю и, судя по увеличенному вдвое против частного вознаграждения объему, есть не только вознаграждение за его содействие частному лицу, но и пеня в позднейшем смысле, как штраф, как наказание за совершенное противуправное действие“ (с. 30).

Стратонов полагал, что „продажа“ всегда предполагается равной частному вознаграждению: „Достаточно было знать одно, чтобы другое

само собою делалось ясным. Однако следует сказать несколько слов о тех случаях, когда «продажа» указана. Таковых случаев в нашем памятнике всего два: в статьях 35 и 36, причем «продажа» указана в двойном размере — 60 резан, против вознаграждения частного лица — 30. Очевидно последнее обстоятельство и послужило основанием для указания размера «продажи», т. к. по общему правилу полагалось бы «продажи» всего 30 резан" (с. 17).

Владимирский-Буданов: „Ясное различие между частным вознаграждением и продажею, как уголовным штрафом... Продажею называются все уголовные денежные взыскания, кроме штрафа за смертоубийство. Величина продажи постоянна: 12 гривен, 3 гривны, 60 кун (или резан), ср. ст. 79 и др. Продажа идет князю: см. ст. 41 Кр. Пр. и ст. 46 Пр. Пр." (Хр., I, прим. 15).

О системе денежных взысканий по Р. Пр. за нарушение прав по имуществу имеется целый ряд высказываний наших исследователей, начиная еще со Струбе.

Струбе: „Законы россов, касающиеся до кражи, во всем согласны с германскими, которые повелевали платить штрафы, сходные с ценою украденного" (с. 15).

Дубенский: „Продажа — пошлина (штраф) в казну с дел судных, не криминальных, за обиду, как бы воздаяние князю за нарушение гражданского порядка" (с. 67, прим. 2).

Полевой: „За все воровства, кроме кражи коня, взыскивается продажа... Но заплатив продажу и цену, или урок, должно ли было возвращать краденое? Кажется, что возвращение краденого избавляло от урока, ибо в одном месте именно говорится, что при возвращении неполном следовало за ущерб доплачивать" (ст. 18 Кр. Пр.) (II, с. 16).

Рейц: „Бóльшая часть преступлений против собственности, порча и уничтожение оной и т. д. подлежали касательно «обиды» обыкновенным пеням, к коим присоединялось еще частное вознаграждение... Пени часто были и больше, смотря по преступлению..." (с. 185).

Станиславский: „Степень материального вреда определяет степень наказания" (с. 185—186).

Самоквасов: „За воровство в Русской Правде была положена определенная продажа, причем не обращалось внимания на повторение преступления. В Двинской грамоте в первый раз встречаемся с понятием о рецидиве преступлений, смертной казнью за третье воровство и клеймением преступника" (с. 407).

Владимирский-Буданов: „В Русской Правде принята не рыночная цена вещи, а назначенная законною таксою и, сверх того, известная сумма в пользу общественной власти (продажа), иногда совершенно равная частному вознаграждению (уроку). Несомненно, что продажа

и урок явились в Русской Правде из первоначального двойного вознаграждения" (Обзор, с. 319).

Максимейко: „В римском праве уголовная ответственность вора по actio furti выражалась в уплате им двойной или четверной стоимости украденного. Русская Правда в этом отношении отступает от своего источника [см. выше ст. 28 Кр. Пр.]. При назначении денежных взысканий за кражу, она не следует правилу умножения, но трактует их применительно к каждому отдельному случаю, определяя величину их то более высокой, то более низкой цифрой, смотря по важности, значению и ценности украденных предметов. С этой точки зрения различается похищение холопа, лошадей и волов, овец, коз и свиней, собаки, ястреба и сокола, сена и дров и т. п." (Опыт, с. 190).

Стратонов: „В нашей науке твердо установилась точка зрения о двойственном характере денежных штрафов, которые мы встречаем в краткой редакции Русской Правды. Одни штрафы идут в пользу князя: «продажи» и «виры», другие в пользу потерпевшего: «головничество» и «за обиду». С этой точки зрения первые 17 статей содержат только частное вознаграждение.[1] В последующих статьях мы встречаемся уже с княжескими доходами: вирами и продажами. Такая точка зрения дала возможность проф. Гетцу определить характер первых 17 статей, как сборника, возникшего до утверждения княжеской юрисдикции на Руси, а последние статьи той же краткой редакции Русской Правды считать возникшими в связи с уголовно-штрафной реформой, которая имела место при Владимире Святом, и о которой мы имеем сведения из сообщения летописи о том, что Владимир отменил «казнь» и постановил «выкупаться» вирами. Эта точка зрения, естественно, вызвала возражение со стороны представителей нашей науки. Конечно, если бы проф. Гетц вел речь о происхождении не письменного памятника, заключающего в себе первые 17 статей, а о нормах вознаграждения за указанные преступления, то такая точка зрения не встретила бы такого количества возражений... Допуская возможность возникновения отдельных правовых норм краткой редакции Русской Правды в глубокой древности, все же приходится считаться и с тем, что эти нормы дошли до нас в письменном виде, пройдя уже через горнило княжеского суда и законодательства, т. к. в древнее время там, где был суд, было и законодательство. Поэтому следует думать, что нормы штрафов, хотя бы даже те, которые мы встречаем в первых 17 статьях, не могут не служить интересам князя и его чиновников. Следует здесь указать, что проф. Пресняков, возражая Гетцу, высказал мысль, необычную для нашей научной литературы, а именно, что штрафы, указанные в первых 17 статьях, взимались в пользу

[1] Стратонов имел в виду калачовское деление Древнейшей Правды на 17 статей.

не частных лиц, а князя. Таким образом в представлении о штрафах наши ученые держатся совершенно противоположных взглядов". Сам Стратонов высказывался далее за то, что на протяжении всей Краткой редакции Правды штрафы имеют в виду интересы обеих сторон, т. е. князя и потерпевшего, причем предполагаются равными, если в тексте нет специальной оговорки, определяющей величину штрафа в пользу князя и в пользу потерпевшего (с. 15—17).

Статья 36

А в голубе и в куряти 9 кун, а в утке, и в гуси, и в жераве, и в лебеди 30 резан; а продажи 60 резан.

Переводы

Aber für ein Paar Tauben und Küchlein 9 Marder; und für ein Paar Enten und Gänse, und für ein Paar Kraniche und für einen Schwan 30 Rjesan; und zur Busse 60 Rjesan (Ew.).

За пару голубей и цыплят 9 кун; за пару уток и гусей, за пару журавлей и за одного лебедя 30 резаней; да пени 60 резаней же (Пл.).

Aber bei einer Taube und bei einem Huhn 9 Kuna, aber bei einer Ente und Gans und einem Kranich und Schwan 30 Rězana, aber Strafe 60 Rězana (G.).

А за голубя и курицу 9 кун. А за утку, гуся, журавля или лебедя платить 30 резан хозяину и 60 резан штрафа князю (К.).

Комментарии

Татищев: „Здесь против другого скота надмерно положено, потому, что тогда утки, гуси, яко журавли и лебяди, все были дикие".

Большинство исследователей, вслед за Болтиным и Карамзиным (см. ниже ст. 81 Пр. Пр.), считали, что здесь речь идет именно о краже пойманных диких птиц и переводили „куря" как куропатку. По мнению Стратонова и Грекова, все перечисленные птицы — „домашняя птица". Ср. мнение Ланге (ниже, с. 214).

Сергеевич объединял эту статью со следующей, 37-й, в одну, по тем же соображениям, по которым он объединил в одну и ст. 34 с 35-й (см. выше ст. 34), именно он относил упоминаемую в ст. 36 „продажу" и к ст. 37, в которой говорится лишь о частном вознаграждении „за обиду" (Р. Пр., с. XVI).

Гетц считал эту статью составленной из разных источников; в частности первая ее фраза: „а в голубе и в куряти 9 кун" занесена сюда, по его мнению, позже из ст. 81 Пр. Пр., что явствует из того, что здесь упоминаются „куны", тогда как нормальным денежным счетом Правды Ярославичей являются „резаны", как это и указывается во второй части рассматриваемой статьи (II, с. 120).

Статья 37

А оже украдуть чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны.

Переводы

Und wer einen Hund entwendet, oder einen Habicht, oder Falken, der für das Unrecht 3 Grivnen (Ew.).

Если кто украдет собаку, или ястреба, или сокола, то платит за то 3 гривны (Пл.).

Wenn man einen fremden Hund stiehlt oder einen Habicht oder Falken, dann für das Unrecht 3 Grivna (G.).

А если украдут чужого пса, ястреба или сокола, то платить 3 гривны штрафа (К.).

Комментарии

Струбе объяснял: „Понеже народы, которых мы законы в сравнение приводим [германские и скандинавские] имели великую охоту к ловлению как птиц, так и зверей, то не должно удивляться, что собаки и соколы имели свои места в их узаконениях" (с. 15).

Станиславский отметил: „Так как охота была... прибыльною отраслью промышленности, то поэтому за похищение охотничьей собаки, ястреба и сокола, определяется столь же почти высокая пеня, как и за кражу домашнего скота" (с. 190).

Ланге объединил статьи 35, 36 и 37 Кр. Пр. в одну: „А оже лодью украдет, то за лодью платити 30 резан, а продажи 60 резан; а в голубе и в куряти 9 кун, а в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан, а продажи 60 резан; а оже украдут в чьем перевесе [так исправлял текст Ланге вместо слов подлинника „чюж пес"; аргументацию его см. ниже, ст. 81 Пр. Пр.] любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны". „При таком чтении... выходит, что за похищение какой бы то ни было из поименованных птиц определялись различные частные

вознаграждения; продаж же назначалось только две: 60 резан, если птица похищена не из перевеса, и 3 гривны, если она украдена из перевеса. Но нам, без сомнения, возразят, что в Правде говорится о татьбе из перевеса только ястреба и сокола, и что потому 3-гривенная продажа относится только к ним, а не к другим птицам. На это мы ответим, что Правда постоянно почти в частном выражает общее и что... о краже ястреба или сокола из перевеса сказано только примерно, что похищение из него всякой другой птицы также оплачивалось 3-гривенной продажей, и что в свою очередь тать, воровавший ястреба или сокола не из перевеса, подлежал продаже 60 кун. Не из перевеса могли красть только домашних или ручных птиц, а из перевеса только диких птиц" (с. 203—204).

Статья 38

Аще убьють татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то тои убит;[1] *аще ли до света держать,*[2] *то вести его на княжь двор; а оже ли*[3] *убьють,*[4] *а люди будуть*[5] *видели связан, то платити в немь.*

Переводы

Wenn man einen Dieb erschlägt auf seinem Hofe, entweder bei dem Gemache, oder bei dem Stalle, so ist derselbe erschlagen. Wenn man ihn bis zum Lichte hält, so führe man ihn an den Fürsten-Hof; aber wenn man ihn dann tödtet, und es sind Leute, die ihn gesehen haben werden, so bezahlt man für ihn (Ew.).

Если кто убьет вора на своем дворе, или у клети, или у хлева: то так тому и быть. Если он будет удержан до рассвета, то вести его на княжеский двор; если же он будет убит, и другие видели его связанным, то платить за него (Пл.).

Wenn man einen Dieb auf seinem [des Bestohlenen] Hof erschlägt, sei es im Gemach, sei es im Stall, so ist jener [zu Recht] erschlagen. Wenn man ihn dagegen festhält bis zum Tagesanbruch, so führt man ihn zum Fürstenhof. Wenn man ihn aber so [gefesselt] erschlägt und Leute haben ihn gefesselt gesehen, so zahlt man für ihn (G.).

Если убьют вора на своем дворе или у клети, или у хлева, то за это не отвечают как за убийство, если же вора держали до рассвета, то привести его на княжеский двор на суд. Но если вора убьют, а люди видели его связанным, то надо платить за него (К.).

---

[1] *Арх. доб.* и есть.

[2] *Арх.* аще пакы держать его до света.

[3] *Арх. вместо* а оже ли — сице ли.

[4] *Арх. доб.* его.

[5] *Арх.* будуть *нет.*

Комментарии

Исследователи (Ланге, Н. Дювернуа, Сергеевич, Владимирский-Буданов, Калачов) прежде всего отмечали, ограничение этой статьею самосуда, самоуправства, выраженного более резко в праве мести.

Ланге: „За татьбу, не дозволялось мести, потому что связанного татя следовало вести на княж двор... Впрочем, в виде необходимой обороны своей собственности, когда вора нельзя было поймать, дозволялось убивать его, но только «на своем дворе у клети или у хлева», т. е. единственно в пределах своего жилища и на самой татьбе, однакож не иначе как ночью, потому что тать, которого до света держали, представлялся на княж двор, следовательно не подлежал самосуду" (с. 108).

Н. Дювернуа указывал на стеснение автономии общины и „вместе, конечно, власти суда". „Везде границы самосуда определяются возможно тесным образом. Убить на месте преступления можно только ночного татя. Если его додержат до света, то вести его на княж двор. Община (люди) является уже в качестве свидетеля событий" (с. 69—70).

Дьяконов отмечал близость по содержанию ст. 38 со ст. 21 Кр. Пр.: „Ст. 21 Кр. Пр. разрешает убийство вора на месте преступления, но излагает это правило казуистично, применительно к вору-огнищанину; ст. 38 Кр. Пр. говорит вообще об убийстве татя, захваченного на месте преступления, и ставит некоторые ограничения этого права. При наличности ст. 38, ст. 21-я оказывается совершенно излишней, если рассматривать Русскую Правду, как законодательный сборник; частный же составитель мог записать и частное судебное решение, и общее правило" (Очерки, с. 53).

Указанная Дьяконовым несовместимость ст. 21 и 38 в одном законодательном сборнике замечена и Владимирским-Будановым (см. выше, ст. 21, с. 155).

Сергеевич в словах: „Татя вести на княж двор",—видел одно из указаний на то, что „в период Русской Правды в суде принимают участие князь и его чиновники" (Лекции, с. 570).

Владимирский-Буданов: „Вор, связанный и не защищающийся (бегущий), не может быть убит безнаказанно. Только необходимая оборона собственности извиняет убийство. Эта же статья свидетельствует о судебной власти князя" (Хр., I, прим. 16). В другом же месте он пояснял: „Место суда «княж двор» — не резиденция только князя, но и те дворы, где сидели в провинциях княжие чиновники" (Обзор, с. 631).

Иное содержание вкладывает в понятие „княжа двора" ст. 38 Кр. Пр. Греков. Он исходит из установленного им пояснения, что в Правде Ярославичей изображена не вотчина вообще, а именно княжеская вотчина. „Центром этой вотчины является «княж двор» (ст. 38 Кр. Пр.),

где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные постройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и др." (Киевск. Русь, с. 88).

Приселков, сопоставляя ст. 38 Кр. Пр. с извлечением из „Правды Роськой" в Олеговом договоре 911 г., предполагал, что ст. 38 относится к „законодательству Ярослава Мудрого", а не Ярославичей (см. комментарии к „Заголовку Правды Ярославичей", с. 130) (с. 248).

„Клеть"

„Клеть = кладовая" — пояснял Болтин. „И поныне, во крестьянстве, называется клетью то строение, где они кладут свои пожитки и всякие припасы; но скот в клетях держать обычая ныне нет" (с. 43).

Карамзин вносил в это пояснение некоторое дополнение: „Клетью называлась прежде всякая горница, а не только кладовая" (II, с. 34, прим. 78).

Статья 39

Оже сено крадуть, то 9 кун; а в дровех 9 кун.

Переводы

Und wer Heu entwendet, der 9 Marder, und für Holz 9 Marder (Ew.).
Если кто украдет сена, то платит 9 кун; за дрова то же (Пл.).
Aber wer Heu stiehlt, dann 9 Kuna. Aber für Holz 9 Kuna (G.).
Если украдут сено, то платить 9 кун, за дрова также 9 кун (К.).

Комментарии

Согласно общепринятому мнению, означенные в этой статье взыскания в 9 кун являются частным вознаграждением потерпевшему. Развивая свою аргументацию, приведенную выше в комментарии к ст. 34, Голубовский поэтому предлагал соединить ст. 39 со ст. 40, хотя и говорящей о совершенно другом казусе, но в которой оговорена „продажа" в 60 резан. „Является вопрос, — писал он, — относится ли эта самая продажа [по ст. 40] и к предыдущей статье [т. е. к 39] или нет. Ведь неопытный читатель может подумать, что за покражу сена и дров продажи не полагается. Следовательно необходимо было соединить и эти две статьи в одну" (с. 68).

Статья 40

Аже украдуть овъцу, или козу, или свинью, а их будеть 10 одину овьцу украле, да положать по 60 резан продажи; а хто изимал, тому 10 резан.

Переводы

Aber wer ein Schaf entwendet, oder eine Ziege, oder ein Schwein und es haben ihrer 10 ein Schaf entwendet, so zu setzen zu 60 Rjesan Busse. Aber wer ergriff, diesem 10 Rjesan (Ew.).

За покражу овцы, козы или свиньи, если бы даже десятеро украли одну овцу, платить пени 60 резаней. Поймавшему вора 10 резаней (Пл.).

Wenn man aber ein Schaf stiehlt oder eine Ziege oder ein Schwein, und es waren ihrer zehn, die das eine Schaf stahlen, so zahlen sie je 60 Rězana Strafe, aber wer [das Gestohlene] ergriff, dem (gebühren) 10 Rězana (G.).

Если украдут овцу, козу или свинью и при том было 10 воров, то хотя бы они одну овцу украли, пусть каждый уплатит по 60 резан штрафа (К.).

Комментарии

Грыцько: „Ст. 40-я Правды Изяславовой определяет пеню за кражу мелкого скота, но при назначении пени имеет в виду не одного вора, а 10. .. Сколько платить за кражу овцы, если вор будет один, статья вовсе не говорит. Очевидно, что статья эта есть не что иное, как частное решение, данное по случаю кражи, в которой было 10 воров“ (с. 112). — См. комментарии к ст. 31 Кр. Пр.

Смысл заключительной фразы рассматриваемой статьи: — „а хто изымал, тому 10 резан“ — толкуется различно.

Ланге писал: „тот, кто изымал татя, был емец. Но под ним не следует разуметь частное лицо, поймавшее вора, потому что: 1) один

человек (обращаясь к приведенной нами статье) не в состоянии был безусловно поймать 10 воров; 2) вора мог поймать и сам обиженный воровством, и за это не для чего было давать ему особой платы. Емцы или мечники, без сомнения, были лица, состоявшие при посадниках для имания, т. е. для представления их к суду, но не одних только татей, а вообще обвиняемых в каких бы ни было преступлениях..." (с. 74).

Н. Дювернуа подчеркивал: „Во всей Изяславовой Правде только раз мы видим ясное указание на содействие власти истцу (кто изымал — тому 10 резан)" (с. 76).

Владимирский-Буданов колебался: „Преследование преступления убийства возлагается на вервь (целую общину); преследование преступления татьбы возлагается не на одного только потерпевшего от преступления; общественная власть поощряет обещанием награды всякого стороннего к поимке преступника. Впрочем, может быть, «емець» означает уже специального полицейского чиновника: см. ст. 41" (Хр., I, прим. 18).

Рожков: „Но нигде, ни в других источниках, ни в других статьях Русской Правды — краткой и пространной, — мы не встречаемся с княжеским чиновником, носившим название «емца»; характерно, кроме того, что вместо слова «емец» в той же статье раньше употреблено другое выражение: «хто изымал»; на этих основаниях мы полагаем, что «емец» был не княжеский чиновник, а любой человек, взявший на себя добровольно обязанность участвовать в поимке преступника и действительно его поймавший. Припомним, что и в Пространной Правде говорится о платеже частным лицам «за переем» беглого раба (ст. 113)" (Очерки, с. 211).

Гетц подкреплял точку зрения Рожкова еще указанием на то, что размеры вознаграждения тому, „кто изымал" вора по ст. 40 Кр. Пр. и „кто переимал" холопа по ст. 113 Пр. Пр., соотносительно совпадают: это $^1/_6$ суммы, подлежащей уплате виновным. Все это говорит за то, что тот, „кто изымал" является по ст. 40 Кр. Пр. „добровольным помощником, частным лицом, а не судейским или полицейским чиновником" (II, с. 139—140).

В издании Р. Пр. Калачова последняя фраза 40 статьи: „а хто изимал, тому 10 резан" отделяется от этой последней статьи и толкуется как самостоятельная норма, начинающая собою следующую, ст. 41, трактующую вообще о вознаграждении представителям власти за содействие судопроизводству.

Однако еще Ланге, не соглашаясь с таким разделением текста, отмечал: „Слова... «а хто изимал, тому 10 резан», выражают отношение к чему-то прежде сказанному и поэтому эти слова, как не имеющие

самостоятельного смысла, следует отделить от того постановления, к которому они присовокуплены в издании Правды г. Калачова, и присоединить к предшествовавшей им статье" (с. 74).

Гетц, поддерживая деление, принятое Ланге и Сергеевичем, отмечал, что в ст. 40, присоединяя к ней рассматриваемую спорную фразу, идет счет на „резаны", тогда как в последующем тексте, т. е. в самостоятельной статье 41, — на гривны и „куны", что свидетельствует о разновременности этих постановлений и неправильности их объединения (II, с. 140). Сравнивая ст. 40 Кр. Пр. со ст. 31 Кр. Пр. и со ст. 42 Пр. Пр., Гетц приходил к заключению, что в ст. 40 речь идет о краже животных с поля, тогда как ст. 31 имеет в виду кражу из закрытого помещения (II, с. 135).

Статьи 41—42

41. А от гривни[1] мечнику куна, а в десятину[2] 15 кун, а князю 3 гривны; а от 12 гривну емьцю 70 кун, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен.

42. А се поклон[3] вирный: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, тъже овен любо полот, или две ногате; а в среду резану въже сыры,[4] в пятницу тако же; а хлеба по кольку могуть ясти,[5] и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот,[6] колько могут зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици; а переде гривна или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан; тъ всех кун 15 кун на неделю; а борошна колько могуть изъясти; до недели же виру сберуть вирници. То ти урок Ярославль.

Переводы

41. Aber von der Grivna dem Schwertträger einen Marder, und zum Neunten 15 Marder, und dem Fürsten 3 Grivnen. Und von 12 Grivnen dem Ergreifer 70 Marder, und zum Zehnten 2 Grivnen, und dem Fürsten 10 Grivnen (Ew.).

41. Меченосцу из гривны куна; для девятины 15 кун; князю 3 гривны. Из 12 гривен поимщику 70 кун; для десятины 2 гривны, князю 10 гривен (Пл.).

41. Aber von der Grivna dem Schwertträger 1 Kuna und als Zehnten 15 Kuna. Und dem Fürsten 3 Grivna. Aber von 12 Grivna dem Aufgreifer 70 Kuna. Und als Zehnten 2 Grivna. Und dem Fürsten 10 Grivna (G.).

---

1 *В рукописи:* гриние.

2 *В слове десятину буква „с" другими почерком и чернилами переправлена на „в". Арх.* девятину.

3 *Арх.* покон.

4 *Арх.* въже сыры *нет.*

5 *Арх.* изъясти.

6 *Арх. вместо* сути им на рот — сыпати им на конь.

41. А кто привел вора, получает 10 резан. При штрафе в 3 гривны сверх того мечнику платить 15 кун, за десятину — 15 кун, а князю — 3 гривны. При штрафе в 12 гривен, тот, кто привел виновного, получает с него 70 кун, а в десятину платить 2 гривны, а князю 10 гривен (К.).

42. Und 'dieses sind die wehrmännischen Ehrengeschenke (поклон): der Wehrmann empfäng' 7 Eimer Malz auf die Woche, desgleichen einen Hammel, oder eine Speckseite, oder zwei Nogaten; am Mittwochen einen Rjesan nebst drei Käsen, und am Freitage desgleichen, aber so viel Brot, als er essen mag, und Hirse, und der Hühner zu zweien auf den Tag. Der Pferde sind 4 aufzustellen, und ihnen vor das Maul zu schütten, so viel sie auffressen können. Und dem Wehrmann 60 Grivnen und 10 Rjesan und 12 Eichhörnchen; aber zum voraus (переде) eine Grivna; oder es sind Fische nöthig in den Fasten, so nehme er für die Fische 7 Rjesan, so in allen Mardern 15 Marder die auf Woche, aber Pferdefutter (борошна) so viel sie fressen können. Bis zum Sonntage erhebt das Wehrgeld der Wehrmann. Das sind die Gefälle Jaroslav's (Ew.).

42. Вирные приносы постановляются следующие: вирнику получать 7 ведер солоду на неделю; сверх сего дается ему баран, или полоть ветчины, иль две резани; в середу одна резань, да три сыра, в пятницу тоже; хлеба давать вдоволь, тоже и круп; кур по две на день; лошадей ставить четверку и корму давать им столько, сколько могут съесть. Вирнику 60 гривен, 10 резаней и 12 векшей; да предварительно платить одну гривну. Если же постом потребуется для него рыбы, то брать ему за рыбу 7 резаней. Таким образом всех кун должно итти на него 15 в неделю, а корму для лошадей столько, сколько могут съесть. Виру сбирать вирникам до воскресенья. Это пошлины, постановленные Ярославом (Пл.).

42. Und das ist die Abgabe für den Virnik. Der Virnik erhält: 7 Eimer Malz für die Woche, ferner einen Hammel oder ein Schwein oder 2 Nogata; aber am Mittwoch 1 Rězana und am Freitag ebenso. Und Brot, soviel man essen kann, und Hirsenkorn. Und je 2 Hühner für den Tag. Pferde stellt man 4 und streut ihnen für das Pferd auf, soviel sie fressen können. Aber dem Virnik 60 Grivna und 10 Rězana und 12 Věverica. Aber im voraus 1 Grivna. Oder man braucht zur Fastenzeit Fische, dann erhält er für die Fische 7 Rězana. Aller Kuna sind das 15 Kuna für die Woche. Und Lebensmittell, soviel sie essen können, solange die Virnik das Wergeld sammeln. Das ist die Abgabe Jaroslavs (G.).

42. А вот устав для сбора вир: вирнику взять на неделю 7 ведер солоду, кроме того, барана или полтуши мяса, или деньгами 2 ногаты, а в среду резану и три сыра, в пятницу столько же; хлеба и пшена сколько смогут съесть, а в скоромные дни давать по 2 курицы на день. Пусть поставит 4 коней, и давать им корма сколько смогут съесть. А вирнику взять 16 гривен, 10 резан и 12 вевериц (мелких денежных единиц), и при въезде в округ гривну. Во время поста дать ему рыбу или 7 резан. Все это составит 15 кун в неделю, а хлеба давать сколько смогут съесть, пока вирники соберут виры. Таков устав Ярослава (К.).

Комментарии

Богдановский в ст. 42 видел указание на то, что князь является участником в вире, и пояснял это рассуждением: „Такое участие понятно: убийца не всегда добровольно захочет платить следующую по закону виру семье или родственникам убитого; во многих случаях необходима власть принудительная. Такою властью и является князь или уполномоченный от него чиновник-вирник, который понуждает убийцу или ту общину (вервь), к которой он принадлежал, в случае если она не укажет на него или не выдаст его, платить вирное. За такое содействие князь, конечно, имел полное право выделять из всего количества виры известную долю для себя (но какую — этого из Правды детей Ярослава определить нельзя или по крайней мере трудно). Эта-то доля, идущая из виры в пользу князя, есть зародыш тех пеней, как штрафов, которыми сверх вознаграждения частного общественная власть начинает облагать преступников, и чем далее развивается в своей силе и значении эта власть, тем все более и более выступает на первый план плата, идущая князю и получающая характер карательный, характер наказания, на место прежнего частного вознаграждения“ (с. 28).

Владимирский-Буданов указывал на то, что ст. 42 совершенно испорчена переписчиками, и более правильные цифры пошлин рекомендовал искать в ст. 9 Пр. Пр. (Хр., I, прим. 22).

Разбор вопроса о сборе вир и другими исследователями производился в связи с разбором текста статей 9 и 10 Пр. Пр.

„Покон вирный“ (ст. 42) и „Урок мостников“ (ст. 43) рядом исследователей выделяются из общего текста Кр. Пр. как самостоятельная составная ее часть.

Н. Дювернуа, сторонник признания Русской Правды сборником неофициального происхождения для нужд суда, первый делал это в отношении ст. 42: „Из всех статей Ярославовой Правды всего ближе по содержанию подходит к понятию устава — определение сбора вирнику, которое находим в 42 ст. Акад. списка“ (с. 63).

Ланге, раскрывая содержание статьи 42, исчислял размер натурального корма, получаемого вирником и в мясоед и в пост, и переводил его в цифры: „Если же оценить весь тот корм, который, за исключением солода, хлеба и пшена, получал вирник в скоромные дни, то ему приходилось бы более чем 15 кун в неделю“. А дальше, путем тех же исчислений, приходил к выводу об очень больших цифрах этого корма. Ланге отмечал выражение в Правде „до недели же виру зберуть вирници“. „Такое выражение, повидимому, дает основание думать, что вирник обязан был в течение одной недели взыскать виру и что следовательно он мог только в продолжение этого времени пользоваться

кормлением. Но это невероятно, потому что вообще виры по тогдашнему времени составляли суммы весьма значительные. Мы думаем, что означенное выражение искажено, именно вместо *донеле же виру зберут вирници* написано *до недели же*. Такая догадка кажется нам тем более справедливой, что слово *донеле*, т. е. *доколе*, употребляется в Правде и что виру именно дозволялось взыскивать даже несколько лет. Так, в Троицком списке говорится: «которая ли вервь начнет платити дикую виру колико лет»" (с. 83—84).

Сергеевич писал о корме: „Корм, т. е. поставка пищевого довольствия, является одним из древнейших видов повинностей. О нем говорит уже Русская Правда в ее древнейшей редакции. Она определяет корм чиновнику (вирнику), ездившему по волостям для суда, и его лошадям. Русская Правда уже переводит корм на деньги". „Судебные чиновники времен Ярослава Мудрого с каждой взыскиваемой ими виры получали в свою пользу 20%. Если вира платилась не самим виновным, а населением, и сбор в пользу вирника падал на население, он превращался тогда в тягло" (Др., III, с. 166 и 175). — У Ланге мы читали об ограничении времени сбора виры в волости сроком в одну неделю и соображения его по этому вопросу. Сергеевич в своем издании Русской Правды по Археографическому списку прочитал формулу, заинтересовавшую Ланге, именно так, как ожидал Ланге: „А борошна колко могут иясти (изъясти), дондели же виру зберут вирници" (Р. Пр., с. 7). — Это чтение вошло в литературу (Пресняков, Максимейко и др.).

Пресняков подходил к материалу Р. Пр. с вопросом об отношениях князя и княжих слуг к жизни общины. „Сбор судебных доходов в пользу князя легко представить себе на суде княжом, самого ли князя или княжого мужа. Но как осуществлялся он в сельских общинах в суде местном?.. Источники говорят нам не о разъезде судей для суда, а только о разъезде княжих вирников для сбора вир. Правда Ярославичей устанавливает, сколько корму себе и слугам своим может брать у населения вирник в неделю, пока соберут виру, и сколько коней имеет право кормить. Эту таксу она называет «уроком Ярославлим». Как виры собирает вирник, так продажи — емец (ст. 42 Кр. Пр.)". Обращаясь к толкованию этих статей Грушевским, утверждавшим, что „князь оставлял общинным судам полную свободу, и только от времени до времени посылал своих агентов собирать виры и продажи, которые должны итти в княжую казну с виновных", Пресняков указывал, что если в отношении содержания грамот XII в. (новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. и смоленского князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии 1150 г.) „такое понимание дела вполне соответствует, то в толковании Русской Правды остается трудность. Тут доход вирника определен в виде процента не с какой-либо общей оброч-

ной суммы, а с каждой виры; так и доход емца — процентом с каждой 12-гривенной продажи. Предположить же, что сбор вир вирником совпадал с судебной сессией мешают слова: «а борошна колко могут изъясти, дондели же виру соберуть вирници» и отсутствие корма для судьи. Или сам вирник был председателем судебной сходки, играя при ней только роль блюстителя княжого дохода?“. Подводя итог по вопросу о княжих доходах, извлекавшихся князем из волости, Пресняков заключал: „Так и вирник ездит собирать виры. При разъездах князя и его людей они получали корм от населения и подарки — «полюдье даровное», «ссадную гривну», прикладную. Сборщики княжих доходов получали известный процент в свою пользу. Вирник с 40 гривен — 8, с 80 гривен — 16“ (Лекции, с. 205—206).

Максимейко: „Русская Правда не только определяет в цифрах меру продовольствия вирников, но и ограничивает деятельность их по сбору вир пределами одной недели: «до недели же виро зберуть вирници». В Археографическом списке вместо «до недели же» стоит слово «дондели же». Благодаря этому, второе ограничение, касающееся срока, отпало, и, таким образом, сбор вир мог затянуться на неопределенное время, ложась тяжелым бременем на местное население“ (Опыт, с. 211).

Юшков подходит к материалу Р. Пр. с вопросом об экономической базе складывающегося класса феодалов в Киевском государстве. Его интересуют формы вознаграждения феодалов за службу. „До нас не дошли прямые данные для выяснения, какие доходы получали древние русские кормленщики и каким образом было организовано получение этих доходов, но зато имеется ряд косвенных. В Правде Русской перечисляются доходы различного рода низших судебных и административных должностных лиц — вирников, мечников и т. д.... Наиболее ярким типом доходов являются доходы, получавшиеся по Русской Правде вирником...“ „Нам думается, — продолжает Юшков, — что должностные лица получали как деньгами, так и натурой — хлебом, пшеном, мясом, рыбой, фуражом для своих коней...“ (Очерки, с. 155).

Мысль, что „Покон вирный“ (ст. 42) является самостоятельным „уставом“ в дальнейшем четко развита Стратоновым. „Ближайшее знакомство с памятником [Кр. Пр.], — писал Стратонов, — убеждает в том, что в нем не две части, а три или четыре... Третья часть — «Покон вирный» или «Урок Ярославль», четвертая — устав «О мостех»“. По мнению Стратонова, это „вполне самостоятельная часть“ Краткой Правды: „В ней затронут совершенно отдельный вопрос о корме, который местное население обязано давать «вирнику». Кроме того, мы имеем совершенно ясное указание, что это — акт законодательства Ярослава [заключительные слова — „То ти урок Ярославль“],

а помещен он вслед за правдой Ярославичей. Следовательно, довольно древняя традиция смотрела на «урок Ярославль» приблизительно так же, как предполагаем и мы“. То, что сводчик, составитель Правды, поместил отдельно „Урок Ярославль“ (ст. 42) от Ярославовой Правды (1—18 ст.), включив в середину Правду Ярославичей, показывает ясное признание им этих актов за „совершенно отличные друг от друга и что сводчик приписывал эти акты деятельности разных лиц. Поэтому мне кажется правдоподобнее то предположение, что «Правда Ярослава» и «Устав Ярослава» [„Урок Ярославль“] были известны нашему компилятору отдельно“. Стратонов обращался к содержанию статьи, чтобы определить особое (как мы увидим ниже) место ее, как важного законодательного акта. Стратоновым рисуется картина судебно-финансовой поездки вирника в сопровождении слуг, на четырех лошадях по подведомственным ему „вирям“. „Такая поездка «вирника» — по оценке Стратонова — служит отзвуком княжеского полюдья... Как князья отправляясь на «полюдье», творили в это время «суд и расправу», а главным образом собирали «дань», так и их доверенные, во время своих поездок, занимались тем же самым... Нет никакого сомнения и в том, что такой доверенный князя... старался собирать дань «во всю», разоряя местное население. В этом отношении «Урок Ярославль» делал крупный шаг вперед: он точно определял размер «корма»“. Все эти события Стратонов приурочивал к Новгородской земле ко времени Ярослава. „Итак «Урок Ярославль» это первый опыт в определении финансовых отношений между местным населением (новгородским) и княжескими «мужами». Поэтому вполне соответствующим сути дела являлся тот комментарий, который дан к этой грамоте летописцем, вложившим в уста Ярослава следующую фразу: «По сей грамоте дань дадите»“. „Княжеские доходы с Новгорода шли через «посадника» и для населения важнее была другая сторона отношений: условия сбора посадниками и вирниками дани с местного населения... Для населения гораздо важнее, чтобы определены были сборы с него, чем финансовые отношения между «посадником» и киевским князем. Возникает однако вопрос о том, почему же здесь определяется только один род отношений — «кормы». На это можно ответить, что этот вид дани допускал возможность больших злоупотреблений со стороны должностных лиц князя, чем всякий другой... Поэтому Ярослав «людям написа грамоту рек: «по сей грамоте дадите дань. А се покон вирный...». Нет никакого сомнения, что мы здесь имеем дело не только с подлинным текстом Ярославовой грамоты, но и с комментарием, составленным летописцем... «Покон вирный» есть та дань, которую население обязано было давать княжеской администрации и которую оно давало и до настоящей грамоты“ (с. 7, 25, 26, 28—32).

Заключительные слова ст. 42: „то ти урок Ярославль“ исследователями принимались как свидетельство о принадлежности этого, вошедшего тем или иным путем в состав Правды, постановления Ярославу Владимировичу (Н. Дювернуа, с. 71; Дьяконов, Очерки, с. 55; Беляев, Лекции, с. 187, Сергеевич, Лекции, с. 61; Пресняков, Лекции, I, с. 204—205).

Такое мнение, логически вполне оправданное прямым свидетельством документа, встречает возражения со стороны Тихомирова, который вместе со Стратоновым признает „Покон вирный“ и „Урок мостников“ за самостоятельные части Правды Русской. „Покон вирный знает следующие термины, отсутствующие в Древнейшей Правде и Правде Ярославичей: *вирник*, *емец*, *веверица*, *урок*. Слово «вирник» отсутствует как в Древнейшей Правде, так и в Правде Ярославичей, но в Правде Ярославичей имеется ссылка на «вирное»... Покон вирный знает ногату и резану, как денежные единицы, подобно Правде Ярославичей, тогда как Древнейшая Правда упоминает лишь о гривнах. Особый характер Покона вирного подчеркивается самим памятником, отметившим начало («А се покон вирный») и конец («то ти урок Ярославль») вставки“. Началом третьей и последней части Кр. Пр. (1-я Правда Ярослава с 1 по 18 ст., а 2-я Правда Ярославичей), представляющих собой „два памятника, которые условно могут быть названы Поконом вирным и Уроком мостников“, — по мнению Тихомирова, — „можно считать слова: «а от гривне мечнику куна»... Слова «а хто изымал, тому 10 резан» являются продолжением предыдущего текста, в котором упоминается о 60 резанах продажи и пойманных ворах“. Эта третья часть (в т. I настоящего издания ст. 41, 42 и 43) „является особым памятником, отличающимся по своему содержанию от Правды Ярославичей и ее дополнения“. Тихомиров соглашается в этой части с мнением Стратонова. Но „вопрос о времени возникновения Покона вирного не представляется“ Тихомирову „столь ясным, как Стратонову и некоторым другим исследователям. Прямая ссылка на Ярослава вовсе не имеет столь абсолютного значения, какое ей придают... К тому же ссылка на Ярослава сделана в третьем лице, повидимому значительно позднее его княжения, когда авторство Ярослава присваивалось ряду памятников [Тихомиров имеет в виду церковные уставы]. Между тем содержание Покона вирного заставляет думать об его относительно позднем происхождении...“. Тихомиров указывает на заботу об обязательном соблюдении постов (заключение о „говении“) и постных дней. Между тем соблюдение постов даже в XII в. не было еще очень строгим и „странно читать регламентирование постов в памятнике, приписываемом Ярославу“. Тихомиров считает, что этот памятник возник в церковной среде и поэтому понятен такой характер его постановлений. „Действительно, в самой

терминологии Покона вирного, — пишет Тихомиров, — встречаются некоторые черты, характерные для церковных памятников“: таково употребление слов: „овен“, „говение“, „неделя“ (воскресенье), „или ся пригоди“' Тихомиров указывает для сравнения на „Вопрошание Кириково“, постановление архиепископа новгородского Илии. „Поражает... еще одна особенность Покона вирного. В нем устанавливается точная цифра сбора. взимаемая вирником: «60 гривен и 10 резан и 12 веверицы». К кому же может относиться столь точно установленный сбор? Во всяком случае не к самому Новгороду. Покон вирный не может иметь характер и общего постановления, так как денежный сбор определен в дробных цифрах (60 гривен, 10 резан, 12 вевериц). Повидимому, мы имеем дело с записью о каких-то сборах, которые производились с населения определенной конкретно известной территории. Эта территория была относительно не велика, так как с нее шел сбор в 60 гривен денег и относительно небольшие натуральные поборы — 7 ведер солоду, овца или полоть мяса и т. д... Происхождение Покона вирного становится более понятным при рассмотрении предшествующей ему статьи [ст. 41]... В ней устанавливаются сборы в пользу князя и его людей, а также отчисления в десятину“. „Десятина“ эта, по мнению Тихомирова, сбор в пользу церкви, но размер ее больше обычной десятой доли облагаемого сбора. „Повышенный размер десятин говорит о церковном происхождении этой статьи Краткой Правды. В установлении повышенной десятины была заинтересована церковь, а не князь... Поэтому и статью о десятине можно считать возникшей в церковных кругах... Покон вирный и статья о десятине первоначально могли представлять собой запись о сборах в пользу церкви, с какой-нибудь определенной территории“. В Поконе отразилось „обычное право, согласно которому вирники собирали пошлины и получали корм... По своему характеру Покон вирный примыкает к дополнительным статьям, приписанным к Правде Ярославичей. Он возник в церковных кругах и первоначально представлял собой устав для какой-то определенной церковной вотчины, а позже был приспособлен для гражданских нужд... Покон вирный является самой поздней частью Краткой Правды, памятником, вышедшим из-под пера редактора Правды...“ „К этой части Правды, — заключает свои высказывания о Поконе вирном Тихомиров, — вполне применимы слова Ключевского о том, что «Русская Правда, имевшая обязательное действие только в сфере церковной юрисдикции, — стала служить руководством и для княжеских судей»“ (Исслед., с. 47, 70—73).

Содержание ст. 42 коротко и в согласии с общепринятым мнением определялось Сергеевичем — она „определяет корм чиновнику („вирнику“), ездившему по волостям для суда, и его лошадям. Русская Правда уже переводит корм на деньги“ (Др., III, с. 166). Эти „вирные

сборы были установлены Ярославом и, вероятно, были записаны еще при его жизни; но статья эта могла попасть в Правду его сыновей только после его смерти" (Р. Пр., с. XIII).

Дьяконов видел здесь корм, „кормление"—как повинность населения, получившую в дальнейшем большое место в социально-экономической жизни Руси (с. 189—190).

Оценивая эту сторону содержания статьи, Греков пишет: „Перед нами обычная продовольственная норма для командируемого сборщика податей и штрафов... Хлеб — основная пища людей, а овес — лошадей, причем количество этих продуктов на едока нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов" (Киевск. Русь, с. 31).

„Десятина"

Ланге, читая в статье о пошлинах (ст. 40) с продаж емцу или мечнику, не допускал мысли, чтобы не получал пошлины и вирник. „Так как вирник пользовался 10% с вир, то, вероятно, 10 процентов назначались ему и с продаж, и потому мы думаем, что выражение «в десятину» в последней из выписанных нами статей Правды (ст. 41) именно означает определенную для вирника пошлину". Ланге разбирал текст ст. 41. Первое неясно написанное слово, по его мнению, является искажением слов: „от г̃ грн и л̃", т. е. от 3 гривен и 30. И ст. 41 следует читать так: „от 3 гривен и 30 кун — мечнику — куна, в десятину 30 кун, а князю 3 гривны; а от 12 гривен — емцу 70 кун, в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен". В этом чтении Ланге показывал и десятину, которая шла вирнику (с. 88—90).

Иначе толковал десятину Мрочек-Дроздовский: „О десятине явствует, что это именно церковная десятина, доля княжеской судной пени..." „В статье Правды, где упомянута десятина, речь идет о пенях частной и княжеской. Ясно, что десятина Правды выделяется именно из княжеской пени, т. е. в данном случае продажи..." (Исслед., вып. II, с. 32—33). „Церковная десятина выделялась из княжеских доходов [Мрочек-Дроздовский ссылается на уставн. грам. кн. Ростислава Мстиславича 1150 г.], следовательно, десятина в 2 гр. есть выдел из княжеской пени в 12 гр. и именно — *продажи* (виры такого размера не было)". Приводя цифровые исчисления, Мрочек-Дроздовский подсчитывал: „И в том, и в другом случае выдел из продажи равен одной шестой всей пени, а не $^1/_{10}$. Вот почему Правда и говорит о десятине — «за десятину», т. е. взамен десятины. Об обыкновенной, арифметической десятине в Правде не должно быть и речи: Правда не церковный устав". Возможное возражение — почему не говорится о десятине в других статьях

Краткой Правды и не говорится совсем о десятине в Пр. Пр.? — Мрочек-Дроздовский устранял замечанием: „О доходах (судей и чиновников) постановления в Краткой Правде начинаются со ст. 41. Здесь в числе сборов, доходов и продажа. С нее, как с дохода, определена и десятина“. „Одесятствование княжеских доходов в пользу церкви прекратилось, повидимому, не позже конца XIII в. — ни о каких платежах «за десятину» не упоминает и... Пространная Правда“. Встречается написание „в девятину“. Мрочек-Дроздовский (как и многие другие исследователи) считал, что появление „девятины“ рядом с „десятиной“ есть результат описки в рукописи (Чтения, кн. III, с. 1917, III, 53—55; Прилож. с. 34).

Об этой описке Тихомиров делает замечание: „Характерна ошибка, сделанная в статье о десятине, которая первоначально названа «девятиной». Слово «девятина» имело определенный технический смысл в церковных памятниках, обозначая поминовение по умершим в течение 9 дней“ (Исслед., с. 73).

„Мечник“ и „Емец“

Ланге: „В этой статье [ст. 41] при распределении кун сначала сказано: мечнику столько-то, в десятину столько-то и князю столько-то. Если в двух местах одной и той же статьи, из трех распределений кун в каждом месте, два назначения совершенно одинаковы, именно князю и в десятину, то необходимо должно заключить, что и при третьем назначении не допущено никакой особенности и что следовательно слово мечник вполне соответствует слову емец. Но в чем состояла должность мечника или емца?“ Ланге обращался к тексту ст. 40, где сказано: „а кто изымал тому 10 резан...“ „Открывается, что, тот, кто изымал татя, был «емец». Но под ним не следует разуметь частное лицо, поймавшее вора... 1) один человек не в состоянии был безусловно поймать 10 воров; 2) вора мог поймать и сам обиженный воровством, и за это не для чего было давать ему особой платы. Емцы или мечники, без сомнения, были лица, состоявшие при посадниках для имания, т. е. для представления их к суду, но не одних только татей, а вообще обвиняемых...“. „Емец, мечник, метальник или метельник и отрок суть названия тождественные и указывают на одну и ту же должность“. Посаднические мечники, без сомнения, были смерды. „В стольных же городах того или другого княжества творили суд сами князья при посредстве своих детских или отроков, которые также назывались мечниками“ (с. 74—75).

Мрочек-Дроздовский: „Мечник — кто поимал татя и кто, в том же тексте [ст. 41], назван емьцем. Емець — тот, кто задержал,

схватил, поймал преступника („хто изимал")... Мечник — судный служитель, и плата ему — судебная пошлина в нашем смысле этого слова... В Пространной Правде мечник выступает и как заместитель судьи. Мечник был старшим слугою среди всех других судных отроков... Мечник — судный слуга. Меч судьи, знак судной власти, дал название и судному мечнику, как оруженосцу судьи; если же мечник уполномачивается действовать за судью, то этот меч правды передается ему, как знак данного полномочия" (Чтения, 1917, кн. III, с. 126—127).

Сергеевич возражал против толкования слова мечник у Ланге и принял мнение Карамзина, что мечник то же что гридин, т. е. воин по ремеслу, который получает различные служебные поручения. „Встречаем на суде и мечников. Мечник, конечно, мог быть употреблен князем и во всякое другое дело" (Др., I, с. 390).

Приселков считал невозможным допустить, чтобы „один и тот же законодатель" назвал „одного и того же чиновника" „двумя названиями" (емец и мечник) и заключал, что мечник „относится к законодательству Ярослава", а емец — „к законодательству Ярославичей". Мечник — дружинный термин — действует в среде „мужей" Ярославовой Правды; емец действует в княжеских доменах, где административная терминология иная, чем „в княжеском дворце". Отсюда вывод, что при Ярославе „не было 12-гривенных штрафов" и все статьи с этим штрафом относятся ко времени Ярославичей (с. 249).

„Вирник"

Болтин: „Вирник — уголовный судья, каковые под названием губных старост были известны. Они на месте следствие и суд об убийстве производили, и виру, то есть пеню уголовную, раскладывали и правили".

Эверс писал о вирнике: „это был, по моему мнению, чиновник, на коего вообще возлагалось собирание общественных податей с какого-нибудь уезда или округа. Такая должность необходимо требовала объезда, и, следовательно, вирнику давала законное право на взимание означенных в тексте уроков или приносов" (с. 367).

Ланге: „Каждою вервию заведывал вирник или посадник, назначавшийся без сомнения из высших служилых людей". Тождество посадника с вирником аргументируется: „Значит, посадники заведывали взысканием вир и поэтому могли называться также и вирниками" (с. 72—73).

И. Беляев: „Виры составляли главный доход князя... По свидетельству Ярославова устава [Р. Пр.] виры собирались для князя самим обществом, и князь в известные сроки посылал своих вирников для получения их. Приезжавший в известное время вирник получал накопленную виру по числу преступлений" (Лекции, с. 187).

Владимирский-Буданов: „Князья весьма часто объезжали пригороды волости лично... С течением времени эти объезды получили исключительное значение сбора особых налогов в виде таксированных подарков князю, а также и прочих неокладных сборов (виры). Взамен себя для этой цели князья посылали вирников, которым, следовательно, принадлежала судебная власть не как главная, а случайная функция; главная цель посылки их — сбор вир; им предписано оставаться в известной волости не долее недели, чтобы не обременять жителей постоем. Этого нельзя было предписать судье. Мысль (Ланге) о тождестве вирника с посадником отнюдь не может быть принята“ (Обзор, с. 632).

Стратонов считал правдоподобным, что вирник, наряду со сбором штрафов, выполнял и функции судьи. Стратонов обращался к тексту ст. 20 Кр. Пр.: „Здесь несомненно, что слово «вира» (или «вирь») употреблено в смысле известной территориальной единицы... Если мы сблизим слово «вирник» со словом «вира» (или «вирь») в его последнем значении, то получим совершенно определенное значение: лица, разъезжающего по «вирям», как судебно-уголовным присудам“ (с. 27).

„Покон“, „поклон“

Болтин: „Принос, дар судье за решение дела, законом определенный, как после пошлина с дел судьям, вместо жалованья, была определена“.

Дубенский: „Покони — повинности, издержки, может быть сбор на съестные припасы, выдаваемые вирнику с отроком и метельником на содержание и подводу“ (с. 25).

Карский: „Покон — слово это в древнем, да отчасти и в современном языке употребляется в двояком значении — начало: испокон века, искони; затем в смысле обыкновения, обычая. В договоре Олега 912 г.: «мы же кляхомся... по закону и по покону языка нашего». Наши «покони вирьнии» относятся сюда же“ (с. 95).

Максимейко: „В Акад. сп... заглавие: «А се поклон вирный». Поклонами назывались натуральные и денежные поборы с населения в пользу княжеских чиновников... В Археогр. списке поклон заменяется поконом. Последний термин, перешедший и в распространенную редакцию Русской Правды, имел иное значение. Покон — это правило или закон. Думаю, что Акад. список... ближе стоит к тексту оригинала, чем Археографический, потому что о законодательном происхождении 42 ст. говорит ее заключение: «то ти урок Ярославль»; следовательно, заглавие имело в виду другую цель: оно указывало на предмет, служивший темой ее определений“ (Опыт, с. 211—212).

Статья 43

А се урок мостьников: аще помостивше мост, взяти от дела ногата, а от городници ногата; аще же будеть ветхаго моста подтвердити неколико доск, или 3, или 4, или 5, то тое же.

Переводы

Und dieses sind die Gefälle der Brückner: Wenn sie eine Brücke brücken, so nehmen sie von der Arbeit eine Nogata und von dem Pfahlwerk (от городници) eine Nogata. Wenn in eine alte Brücke neue Balken zu ziehen sind, entweder 3, oder 4, oder 5, dann dasselbe (Ew.).

Но для мостовщиков назначаются следующие пошлины: если они наведут мост, то брать им за работу по ногате, да со сваи столько же. Если нужно будет поправить несколько досок в обветшавшем мосте, 3 ли, или 4, или 5, то брать ту же плату (Пл.).

Aber das ist die Abgabe für die Brückenbauer: a) wenn sie eine Brücke (neu) bauen, erhalten sie für die Arbeit 1 Nogata und von Pfeiler [je] 1 Nogata; b) wenn es sich aber darum handelt, an einer alten Brücke einige Planken auszubessern, sei es 3, oder 4 oder 5, dann dasselbe (G.).

А такова плата мостникам: когда построят мост, то пусть возьмут по окончании своей работы ногату и от каждого устоя моста по ногате, столько же при починке ветхого моста, хотя бы несколькими досками, 3-мя, 4-мя или 5-ю (К.).

Комментарии

Исследователи, как правило, разбирали „Урок мостников" (ст. 43) Краткой Правды совместно с „Уроком мостнику" (ст. 97) и с „Уроком городнику" (ст. 96) Пространной Правды (см. комментарии к этим статьям).

Мрочек-Дроздовский ограничился кратким высказыванием о времени появления „Урока мостников": „Вероятно и урок мостников также принадлежит или Ярославу, или его сыновьям, ибо в Пространной Правде находятся и другие статьи одного с ним рода (напр., уроки

городнику), — однако эти статьи не помещены в Краткой Правде, очевидно как позднейшие, не существовавшие еще во время составления Краткой Правды". Но закончил сомнением: „Впрочем для вопроса о времени появления этого свода урок мостникам не может служить указанием: он легко мог быть позднейшею припиской" (Исслед., вып. II, с. XXXV).

Краткое замечание о статье делал Сергеевич: „Статья определяет плату мостовщикам. Юридический характер ее сомнителен. Едва ли она содержит в себе общее правило, т. е. таксу мостовых работ вообще. Не есть ли это обобщение одного определенного подряда на мостовые работы, сделанное составителем?" (Лекции, с. 80). Сергеевич видел в ней древнейшее известие о мостовщине — „повинности, состоящей в устройстве мостов через реки, деревянных настилок на улицах и дорог вообще" (Др., III, с 172).

Соболевский, сравнивая статьи Кр. Пр. и Пр. Пр., писал о ст. 43: „Краткая Правда говорит о малом мосте, для починки которого достаточно укрепить несколько досок — три, четыре или пять; между тем Пространная Правда имеет в виду большой мост и расценивает его починку по городням". Из этого сопоставления Соболевский делал вывод, что, очевидно, местные условия, где жил составитель Кр. Пр., не требовали упоминания о частях моста крупного. Подкреплением этого мнения служит пояснение к содержанию статьи 43: „Как видно из нее, одна и та же плата — ногата — за полную новую городницу и за малую починку, плата очень небольшая" (Две редакции, с. 21).

Стратонов, ограничивший свою работу изучением Кр. Пр., высказывался не только по содержанию нашей статьи, но и о ее возможных источниках. Он считал, что покон или урок „мостникам" стоит в самой тесной связи с „вирным поконом". Мостники, как и вирники, „исполняли свою обязанность также за определенное вознаграждение. Размеры существовавшего в Новгороде моста через Волхов и устройство деревянной мостовой на новгородских улицах создали специалистов этого дела. А общественная важность этих сооружений привела, повидимому, к тому, что организация мостовщиков стала в непосредственную зависимость от князя и посадника. Эта организация (возможно, артель) обязана была чинить мосты и мостовую, а население обязано было содержать ее путем известного вознаграждения — «корма» мостовщиков". Стратонов принимал объяснение Соболевским термина „городница", как одной части или звена большого моста. Такой большой мост, по мнению Стратонова, мог существовать только в Новгороде. К Новгороду и приурочивал Стратонов „Урок мостников", отмечая, что летописи новгородские уделяют большое внимание постройке мостов: „Невольно чувствуешь, каким огромным общественным делом являлось

«мостовое строительство» в жизни этого города". Об источнике он ставил вопрос так: „целиком ли эта грамота Ярославова включена в Правду?" И сознавался: „На этот вопрос трудно дать определенный ответ. Возможно, что из «устава мостником» летописец выбрал то, что соответствовало «покону вирному», т. е. определение вознаграждения мостников и опустил то, что касалось распределения мостовой повинности между отдельными улицами Новгорода" (см. комментарии к ст. 97 Пр. Пр.). „Здесь же следует оговориться, что эта часть нашего памятника дошла до нас в значительно испорченном виде. Можно предполагать, что более правильное представление о «уроке мостников» в целом мы можем составить по тексту пространной редакции Русской Правды" (с. 32).

Тихомиров, соглашаясь с мнением Соболевского и Стратонова о новгородском происхождении ст. 43, находит у них некоторые неточности. „Городница" не обязательно звено большого моста. „В Новгороде был не только «великий мост», но и более мелкие мосты местного значения... Раскопки в Новгороде доказали существование в нем деревянных мостовых... Урок мостников, несомненно, говорит не о «великом» мосте, а о мелких мостах, мостиках и мостовых. Стоимость замощения моста равна всего 1 ногате. Кроме того, берется по 1 ногате с городницы. Тут же указано, что за исправление 3—5 досок моста также платится ногата. Следовательно, за устройство городниц установлена такая же плата, как за исправление 3—5 досок. Ясно, что речь идет о городницах очень малого размера. Поэтому Урок мостников может быть сопоставлен с Уставом о мостах, который говорит о городских мостах местного значения..." (Исслед., с. 73—74).

„Мост"

Карамзин считал, что это мост в нынешнем значении (II, с. 41, прим. 106).

Дубенский дополнял Карамзина: „В древнем языке оно [слово мост] принималось и в значении мостовой, что видно из Устава Ярославова о мостах... мост здесь вместо — мостовая" (с. 125).

Мрочек-Дроздовский: „Мост — уличная мостовая и речной мост: «мост мостили новой при великом князе Иване Васильевиче, при архиепископе Феодосии через Волхов да и на Ильине улице мостили новым мостом улицу» (ПСРЛ, IV, с. 205)" (Чтения, 1917, кн. III, с. 129).

„Мостник"

Карамзин: „Мостник — строитель мостов" (II, с. 41, прим. 106).

Дубенский: „Можно думать, что то [мостник] был особый сановник, или коронный мастер, заведывавший тогда дорогами и мостами.

Отсюда понятен приказ Владимира I у летописца: теребити пути и мостить мосты" (с. 126).

Калачов: „Мостник — чиновник, ведающий устройством и починкою мостов" (с. 127).

Мрочек-Дроздовский: „Мостник — строитель мостов, как городник — городов (крепостей). Плата за работу и содержание мостникам определена законом: этим мостник Правды отличается от ремесленника-наймита. При мостнике находится отрок, помощник-слуга, как при вирнике или ином судье: этим мостник уравнивается со всяким княжим мужем, на которого князь наметнул службу по смышленности и навыку в порученном деле, в данном случае — службу мостового строения. Но бывали ли мостники непременно из княжих мужей сказать трудно..." (Чтения, 1917, кн. III, с. 129).

„Городня"

Болтин: „Городня — реж или клетка, на коих мост утверждается, — ибо и сруб [см. городня ст. 96 Пр. Пр.] и реж рубятся одинаким образом, с тем только различием, что первый гораздо плотнее, нежель последний" (с. 85).

Карамзин: „Городня — так назывались режи или срубы мостовые на воде" (II, с. 41, прим. 106).

Мрочек-Дроздовский: „Городня — устой речного моста: «померзшю озеру и ставшу три дни, и вздре уг ветр изломав вънесе все в Волхово и вздре 9 городень великаго моста и принесе к Питбе под святый Николу 8 городень в ноць, а 9 рознесе» (Новг. I под 1228 г.)" (Чтения, 1917, кн. III, с. 32).

ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА

Статья 1

Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь моужь или тиуна княжа; аще ли будеть русин,[1] *или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгои, ли словенин то 40 гривен положити за нь.*

Переводы

Ежели убиет боярин боярина, то имеет право мстить убийце убиенного брат, или сын, или отец, или племянник, то есть братнин или сестрин сын. А ежели некому будет мстить, то взыскать с убийцы 80 гривен. Ежели ж будет убит гридин или купец, или тиун, или ябетник, или мечник, русской ли то будет, изгой ли, славянин ли, то 40 гривен за голову платит убийца (Б.).

Jeżeli człowiek zabije człowieka, tedy brat za brata, lub syn za ojca, lub ojciec za syna, lub też bratanek, lub siestrzan, zemścić się mają prawo: a jeżeli nie będzie komu zemścić się na zabójcy, tedy za głowę naznacza się kary 80 grzywien, jeżeli zabity jest mężem lub ciwunem książęcym. A jeżeli jest rusin, lub hryden, lub kupiec, albo ciwun bojarski, albo jabetnik, albo miecznik, albo izgój, lub słowianin, tedy 40 grzywien naznacza się zań (R.).

Wenn der Mann einen Mann erschlägt, so räche der Bruder den Bruder, oder (der Sohn) den Vater, oder (der Vater) den Sohn, oder der Bruderssohn, oder der Schwestersohn. Wenn niemand da ist, welcher räche, so setze man 80 Grivnen für den Kopf, wenn es ein Fürsten-Mann, oder Fürsten-Scnuldheiss. Wenn es ein Russe ist, oder Grid, oder Kaufmann, oder bojarischer Schuldheiss, oder Schwerträger, oder Izgoi, oder Slave, dann setze man 40 Grivnen für ihn (Ew.).

Если муж убьет мужа, то мстить брату за брата, сыну за отца, отцу за сына, или племяннику как по брате, так и по сестре. Если же некому мстить, то с убийцы взыскать деньгами: за голову мужа или тиуна

---

[1] *МП* горожанин.

княжеского 80 гривен; за русского, гридня, купца, тиуна боярского мечника, изгоя и славянина 40 гривен (Пл.).

Если свободный человек убьет свободного, то мстит за убитого брат, или отец, или сын, или племянник от брата или от сестры. Если же некому будет мстить, то взыскивать за убитого 80 гривен, когда это будет княжой муж (боярин) или княжой тиун (прикащик). Если же убитый будет русин, или княжой воин (гридь), или купец, или боярский тиун (приказчик), или мечник, или церковный человек, или словенин, то взыскивать за убитого 40 гривен (Ст.).

Wenn ein Mann einen Mann erschlägt, so rächt der Bruder den Bruder, oder der Vater [den Sohn usw] oder der Sohn oder der Brudersssohn oder der Schwestersohn. Wenn aber niemand da ist, der ihn rächt, dann zahlt man für den Kopf 80 Grivna, wenn es ein Mann des Fürsten oder fürstlicher Tiun ist. Wenn es aber ein Russe ist, entweder ein Gridin oder ein Kaufmann oder Tiun eines Bojaren oder Schwertträger oder Izgoi oder Slave, so zahlt man 40 Grivna für ihn (G.).

Комментарии

Ланге полагал, что слова „братню сынови" здесь „ошибка" (вместо „сестрину сынови" Кр. Пр.), так как „братучадо" означает именно „племянника по брате" (с. 95).

Владимирский-Буданов указал на обобщение здесь ст. 19, 22 и 23 Кр. Пр. „для целого высшего класса дружины — мужей княжеских; низшая же дружина — отроки приравнены к общей массе населения (см. ст. 9) [А. 11]. Из людей, не принадлежащих к высшей дружине, ограждались двойной вирой тиуны княжеские, именно огнищный и конюший (см. ст. 11) [А, 12]" (Хр., I, прим. 3).

Пресняков указывал, что Пр. Правдой „пользоваться надо с большой осторожностью. Ее текст требует тщательной критики. Неудачный редакционный прием видим сразу вначале, сравнивая ее первые три статьи [т. е. А, 1] с первыми тремя древнейшей Р. Пр. [т. е. А, I, Кр. Пр.] и первыми четырьмя Р. Пр. Ярославичей [А, 19—23 Кр. Пр.] Внося из второй 80-гривенную виру за княжа мужа или тиуна княжа, она из первой сохраняет 40 гривен за гридя и мечника. Можно ли заключать отсюда, что мечник — не княжой муж? Или следует заключить иное: что нормы пространной Русской Правды получались иногда вследствие неудачного приема компиляции и могут легко ввести в заблуждение?". — Сохранение здесь мечника — „ошибочно" при исключении, против ст. 1 Кр. Пр., ябетника, замене этого последнего здесь тиуном боярским и появлении тиуна княжа (= ябетник) в ряду княжих мужей в Правде Ярославичей, „как 80-гривенной головы". Замена ябетника тиуном боярским — „такой же прием, как приписка «також е и за бояреск»

в статье «о княжи муже» [А, 11—14]“. „Один из вариантов к ст. 89 А, 66] (Карамз. сп., ст. 77) дает: «на боярска тиуна на дворского»“: тиун боярский — „та же фигура при боярине, как тиун огнищный при князе. Это лицо — praepositus, advocatus — во главе хозяйства крупного землевладельца феодальной Европы тоже иногда называлось amtmann. Быть может, в этом лишний предлог для замены ябетника древнейшей Р. Пр. именно тиуном боярским“. Здесь „ценный намек на усвоение черт княжого права и княжого быта средой бояр, крупных землевладельцев, в конце изучаемого нами периода“ (Лекции, I, с. 216, 224—225). — Замена в некоторых списках „русина“ „горожанином“ „отражает весьма древнюю традицию“, „имеющую свой корень в представлении о городе, как княжом и дружинном центре“ и отразившуюся в договорах с греками и у Константина Багрянородного (Княжое право, с. 261,прим.).

Щепкин объяснял замену слов Кр. Правды „братучаду, либо сестрину сынови“ словами „ли братню сынови“ — „изменением значения «братучад» под влиянием южно-славянского и греческого значений ἐξάδελφος и «братучед» из племянника в двоюродного брата. В сущности, это дети двух братьев, а таковые могли быть и кузенами друг другу и племянниками для одного из братьев; отсюда двоякое значение ἐξάδελφος. В русских памятниках «братучад» и «братучада» раньше — племянник и племянница (Ипат. лет., 1251 братучада = двоюродная племянница), но затем под влиянием переводной канонической литературы (А. Павлов, 50-я глава Кормч. кн., 1887 г., дает пример из перевода соборн. свитка патр. Сисинния от 997 г.) эти слова, как сербск. братучед и братучеда, приобретают значение кузена и кузины“ (с. 99 прим.).

Соболевский, ссылаясь на ст. 2 Пр. Пр. („а ино все“ и т. д.), считал, что ст. 1 именно Пр. Пр. „принадлежит Ярославу“ — вместе с 80-гривенной вирой за княжого мужа. По его мнению, двойная вира за голову княжа мужа „была узаконена еще до съезда Ярославичей“, что видно из ст. 23 Кр. Пр. о старом конюхе: в ней это было распространением уже узаконенной двойной виры на „старого конюха, скорее княжого холопа, чем свободного служителя“. Но если двойная вира указана еще при Ярославе, то „следовательно ст. 1 Пр. Правдою приводится вполне, а в Кр. Правде она сокращена“: „из нее выпущена интересующая нас подробность“, и она „говорит только об обыкновенных, т. сказать, людях и об обыкновенной вире за голову“. Сопоставляя ст. 2 Кр. Пр. со ст. 29 Пр. Пр. и ст. 1 Кр. Пр. со ст. 1 Пр. Пр., Соболевский приходил к „догадке“: „первые статьи Кр. Пр. — сокращение статей Пр. Пр., сделанное в таком городе или пригороде, где не было ни княжих мужей [ст. 1 Кр. Пр.], ни княжого двора [ст. 2 Кр. Пр. сравн. ст. 29 Пр. Пр.]“ (Две редакции, с. 19).

Появление в Пушк. и Арх. списках термина „горожанин“ вместо „русин“, Тихомиров „предположительно“ объясняет тем, что „редактор протографа“ этих списков „жил в эпоху, когда понятия «русин» и «словенин» стали однозначащими“, почему и „заменил его более обобщающим понятием «горожанин», противоположным «словенину», старому обозначению жителей Новгородской земли“ — следовательно „протограф этих списков возник в Новгороде“ (а „может быть, составитель протографа... производил слово «русин» от названия города Русы“) (Исслед., с. 165).

Статья 2

По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячько, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша.

Переводы

По кончине Ярославли, сынове его, Изяслав, Святослав и Всеволод обще со своими бояры, Коснячкою, Перенегом и Никифором, отрешили смертную казнь за преступления уголовные, и вместо того уставили деньгами убийце себя выкупати; прочее ж все оставили нерушимо, как при отце их было узаконено (Б.).

Po Jarosławie zaś zebrawszy się synowie jego Yzjasław, Swiatosław, Wsewołod i mężowie ich: Kośniaczko, Perenieg, Nicyfor, Kijanin, Czudyn, Mikuła, i karę śmierci za popełnienie zabójstwa zamienili na karę pieniężną, a wszystko inne jako Jarosław sądził, tak i synowie jego ustanowili (R.)

Nach Jaroslav nun vereinigten sich seine Söhne, Isjaslav, Swjatoslav, Wsewolod und ihre Männer, Kosnjatschko, Perenjeg, Nikifor, und beseitigten die Tödtung für den Kopf, um sie mit Mardern abkaufen zu lassen; aber alles Andere, wie es Jaroslav gerichtet hat, so setzten es auch seine Söhne fest (Ew.).

По кончине Ярослава, соединились дети его: Изяслав, Святослав, Всеволод и их мужи: Коснячко, Перенег и Никифор, и отменили мщение смертью за убийство и постановили, вместо того, откупаться кунами, а прочее все оставили в том виде, как узаконено было при Ярославе (Пл.).

Но после Ярослава собрались сыновья его, Изяслав, Святослав и Всеволод, с боярами своими Коснячком, Перенегом и Никифором и отменили кровную месть за убийство, установив выкуп деньгами; во всем же прочем как судил Ярослав, так решили судить и сыновья его (Ст.).

Nach Jaroslav vereinigten sich aber seine Söhne Izjaslav, Svjatoslav, Vsevolod und ihre Mannen, Kosnjačko, Pereněg, Nikifor und schafften das Erschlagen für den Mord ab, aber (bestimmten) dass man sich mit Geld

loskaufe. Aber alles andere verordneten auch seine Söhne so, wie Jaroslav gerichtet hatte (G.).

Комментарии

Болтин: „Дети Ярослава, отреша смертную казнь... узаконили вместо оныя взыскивать денежную пеню весьма тяжкую, в таком намерении, что ежели заслуживший смертную казнь не будет в состоянии заплатить, то тягчайшему и самой смерти наказанию подвергался, ибо... должники, которые с правежа найдутся не в силах... заплатить, осуждалися в рабство до искупа... повод богатому человеку убить другого... не страшась наказания".

Выражение „а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша", по мнению Диева, относится не ко всей Р. Пр., а только к постановлению о „двояком" взыскании вир, т. е. 80 гривен за княжого мужа и тивуна княжого и 40 гривен за „чиновников второстепенных", и к запрещению „истцу свободного состояния умерщвлять холопа, если последний причинит первому побои... Только в сих двух статьях [А, 2 и А, 65 Пр. Пр.] написано, что дети Ярослава отменили постановление отца..." Диев относил эту отмену к 1068—1072 гг., ссылаясь на существование мести в летописном известии 1068 г. и съезд Ярославичей 1072 г. в Вышгороде (Русск. ист. сб., с. 61, 63).

По поводу слов „но кунами ся выкупати" Иванишев писал: „Эти куны составляют главную плату за убийство в древнем русском праве, между тем как вира относится только к одному частному случаю" („когда после убитого не останется родственников, которые имели бы право мстить"). Р. Пр. „противополагает эти куны вире и называет их головничеством" (с. 95, 94).

Попов полагал, что в ст. 2 „выражается основной характер всей новой эпохи законодательства: месть уничтожена совершенно, денежное вознаграждение сделалось общим наказанием. Новые пени называются вира и продажа", „заступая место прежних головничества и за обиду". „Каким образом частное возмездие перешло в наказание государственное и пени, получаемые князем, совершенно уничтожили частное вознаграждение?". „Дети Ярослава уничтожили месть, а «ино все яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»". „Но рядом с прежнею системою денежного вознаграждения начала развиваться другая, где различалось 2 рода плат: князю и частным лицам... Во времена сыновей Ярослава действуют 2 системы денежного вознаграждения: одна как остаток от Ярослава и потому мало-помалу уничтожается, другая новая система виры и продажи" (Р. Пр., с. 43—47).

Дубенский толковал „убиение" как „мщение, месть за смерть смертью, или казнь смертную" (с. 20).

„Слова «а ино все», — по мнению Погодина, — относятся отнюдь не ко всей следующей Правде, а только к предыдущим постановлениям о 80 и 40 гривнах за голову“ (Исслед., III, с. 373).

Калачов, вопреки Погодину, понимал эти слова в том смысле, что „вообще судебные решения Ярослава, за исключением отмены кровного мщения, были признаны его сыновьями за общие правила или примеры и для будущих случаев, и потому в их Правде, представляющей... в своем составе такой же сборник, как и Правда Ярославова, виден в главных чертах тот же порядок судопроизводства с дальнейшим только развитием его в применении к частным случаям...“. „Здесь, может быть, скрывается любопытное указание на то, что судебные решения князей записывались для памяти; иначе как могли знать или принимать для себя в руководство Изяслав с своими братьями судебные решения Ярослава?“. По существу реформы Ярославичей Калачов держался взгляда, что они „уставили, что убийца не должен подлежать мщению, а выкупается деньгами“ (с. 54, 55, 152).

Депп отметил, что „эта окончательная отмена частной мести“ „следует слишком скоро за преданием Ярославом письму вышеупомянутого постановления“ [об ограничении мести за убийство в ст. 1], а „эта скорая последовательность доказывает, что ограничение частной мести — преданное письму Ярославом — существовало на деле уже давно до него...“ (с. 20).

Ланге слова „паки“ и „по Ярославе“ понял как указание на „вторичный съезд“ Ярославичей, состоявшийся „по смерти Ярослава“. На нем они „дозволили только один способ [мести] — требование от убийцы определенных законом денежных выкупов, т. е. головничества. Кроме того... вира платилась уже совместно с головничеством [А, 5]... Такое изменение в законе было необходимым последствием отмены мести за означенное преступление...“. Ланге ссылался на старый Литовский Статут (Временник Моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 18, 1854, с. 56 и 65), по которому головничество выплачивалось „кровным убитого“ (с. 6, 110, 140).

Н. Дювернуа подвергал сомнению, чтобы „при детях Ярослава месть перестала быть правомерным средством, а «ино все» оставалось так же, как было при их отце“, принимая во внимание, что эти слова „произносит близкий по времени человек, который наблюдал только внешнюю сторону явлений“ (с. 75).

Хлебников принял мысль о двух съездах, указав и на годы, когда Ярославичи „сходились“ (1055, 1057 и 1067), и воспользовался замечаниями Дювернуа (см. выше „Заголовок Правды Ярославичей“) о различии количества мужей в Кр. Пр. и Пр. Пр. для подкрепления этой мысли. Но поставив вопрос: „что явилось прежде, отмена ли кровной мести [А, 2

Пр. Пр.] или другие статьи закона сыновей“ [ст. 19 сл. Кр. Пр.], и решив его в пользу отмены кровной мести, когда „все прочее“ они оставили, как „уставил Ярослав“, Хлебников приходил в недоумение: „почему эта статья не была тогда внесена в новое, более обширное, законодательство сыновей — я не знаю“ (с. 294).

Владимирский-Буданов относил эту статью „к одному только съезду сыновей Ярослава, на котором узаконена только одна отмена мести, потому что Ярославичи весьма многое судили не так, как отец их“ (Хр., I, прим. 7).

Сергеевич из слова „паки“ заключает, что составитель Пр. Пр. „имел перед собою список первой фамилии [т. е. Кр. Пр.]“, „выписывал из него“. „Так как ст. 2 говорит, что за исключением убиения за голову, замененного кунами, во всем остальном сыновья Ярослава судили согласно правилам отца, то в последующих статьях мы должны были бы ожидать изложения правил суда Ярослава. А в действительности как раз наоборот. Следующая статья естьповторение 20 ст. Кр. Пр., представляющей нововведение сыновей Ярослава... Статья 2-я ни по форме, ни по содержанию не есть заголовок следующих за ней статей и не стоит с ними в связи“. Наконец, из ст. 2 „ясно видим, что текст сообщаемого принадлежит не самому законодателю, а частному лицу, сообщающему о законе то, что ему известно“. По существу содержания — „смысл этой статьи не так бесспорен, как обыкновенно думают“: „нововведение сыновей Ярослава может состоять только в том, что они окончательно воспретили месть, с которою давно уже конкурировал выкуп. Но и это сомнительно. Под убиением за голову можно понимать и не месть, а смертную казнь, введенную под влиянием византийского законодательства... Владимир [Лавр., 996 г.] на основании этого [епископов] совета ввел казнь. Нововведение это удержалось, однако, недолго [„возвращение Владимира к устроенью отню и дедню, т. е. к вирам“]... Такое же нововведение могло быть сделано и позднее, при Ярославе; сыновья Ярослава могли найти его неудобным и отменить. С этой точки зрения статья получает совершенно удовлетворительный смысл. Она сообщает сведения о порядке княжеского суда... сыновья Ярослава судят так же, как судил их отец, за одним исключением, состоящим в том, что они отложили убиение за голову (т. е. казнь) и стали присуждать выкуп... Из слов текста: «а ино все, якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» следует, что в первой части предложения речь идет также о практике суда Ярослава: убиение за голову и есть практика этого суда, а не частная месть. Эту практику князья решили заменить выкупом“. „Отмена убиения за голову произошла никак не позднее первых 10 лет после Ярослава, т. е. не позднее 1064 г. [ср. выше „Заголовок Правды Ярославичей“]. А в 1071 г. Ян Вышатичь, муж кн. Свя-

тослава, участвовавшего в отмене убиения, выдал ярославских волхвов на месть белозерцам: те их повесили. Слова Яна: «мстите своих» показывают, что частная месть еще существует и не только в сознании белозерцев, но и в его собственном. Если муж Святослава взывает к частной мести, трудно думать, что кн. Святослав отменил ее". Отмену мести Ярославичами Сергеевич считал „сомнительной еще и потому, что: в Зап. Европе месть, как право, существовала в XV и даже в XVI в." (Лекции, с. 63, 90, 91).

Грушевский поддержал Сергеевича: „Пр. Пр. позволяет мстить за удар" и [ст. 26] „ничем не ограничивает результатов этого удара мечом, хотя бы от такого удара приключилась смерть; где же логика: за убийство нельзя убить, а за удар можно?" (III, с. 362, прим.).

Владимирский-Буданов, видя здесь отмену мести, возражал, что „применение мести на Белоозере, записанное в летописи под 1071 г., не может служить подтверждением той мысли, будто Ярославичи отменили не месть, а смертную казнь, установленную Владимиром; случай на Белоозере только записан под 1071 г." (Обзор, с. 336).

Рожков слова „ино все" понимал так, что „надо было попрежнему положити за голову в пользу князя. Таким образом, платеж в пользу князя существовал еще до отмены мести". Рожков возражал против ссылки на слова „паки", как на указание двух съездов Ярославичей: „пришлось бы допустить в обоих случаях одинаковый состав думы князей: и в заглавии Кр. Пр. и в тексте 2 ст. Пр. Пр. одинаково упоминаются «мужи» Ярославичей Коснячко, Перенег, Никифор" (Очерки, с. 87, 88, 122).

П. Беляев выражение „ино все" относит к „нормам о вире... нормам, перешедшим из [предполагаемой Беляевым] Ярославовой Уставной грамоты 1016 г. Это значит, что постановления Ярославовой Уставной грамоты о вире рецепируются в отдаленных... владениях этих князей [Ярославичей]" (Ж.М.Ю., 1899, №10, с. 103, 113).

Ключевский: „Статья эта есть добавка, точнее, поправка к первой статье о кровной мести", это „протокол княжеского съезда или историческое изложение закона словами кодификатора"; „сыновья Ярослава отменили месть и узаконили виру" (I, с. 250, 279).

Пресняков, считая „основным отличием древнейшей Р. Пр. [ст. 1—18] то, что она не знает вир и продаж", и принимая, что „обращение вир в казнь, т. е. в уголовный штраф в пользу князя, относится ко временам Владимира", — затруднялся „это отличие... поставить на счет Ярославичам, установившим виры и продажи", „по двум соображениям: 1) Правда Ярославичей уже трактует уголовные штрафы, как существующие и не содержит никаких указаний на то, что устанавливает их вновь; 2) тот крупный успех княжеской власти, каким надо признать

введение уголовной ответственности перед княжой казной, должен быть отнесен ко времени установления и организации княжеско-дружинного строя в Киевщине, т. е. ко временам Владимира и Ярослава, и едва ли исторически мыслим при Ярославичах, когда началось ослабление княжой власти и подъем значения веча". Что касается двух съездов Ярославичей, то „сомнительно, чтобы слово «паки» указывало... что составителю Пр. Пр. был известен предыдущий съезд: он ясно говорит о съезде «по Ярославе», причем одно только изменение и указывает в «суде Ярославлем»—«а ино все и т. д.». Да и слово «паки» не означает обязательно «вновь», «опять». Тут оно связывает ст. 2 с предыдущей, как добавление к ней, и может быть переведено: «кроме того», «в свою очередь». Ср. «пакиль» в ст. 3 Пр. Пр." (Лекции, I, с. 215—217; Княжое право, с. 263, прим.).

Дьяконов считал, что „введение Ярославичами выкупов было восстановлением старого обычая" (Очерки, с. 56).

Барац возражал против гипотезы Сергеевича о введении смертной казни Ярославом, так как она была „стародавним институтом древнерусского права, не отмененным и Владимиром Святым" (с. 203 сл.).

Гетц, хотя и относил замену мести вирами ко времени Владимира и считал этот порядок существующим при Ярославе, склонен, однако, видеть в ст. 2 Пр. Пр. реальный факт: „мог состояться съезд Ярославичей, на котором вынесено было решение об отмене кровавой мести и введении штрафов. Только это было не первое постановление против кровавой мести. Реформа Владимира с соединенной с ней деятельностью Ярослава несомненно вступала в борьбу с старым обычным правом кровавой мести не один раз, как можно наблюдать и в правовом развитии других стран. Поэтому сыновья Ярослава собрались, чтобы еще раз [паки] настоятельно посодействовать упразднению кровавой мести и введению государственных штрафов". Выражение „а ино все и т. д."— „само собою разумеется не исключает, что Ярославичи продолжали развивать дальше дело их отца и деда" (ср., например, ст. 23 Кр. Пр.; Гетц I, с. 216—217).—Рассказ Лавр. лет. под 1071 г. о Яне Вышатиче Гетц оценивал как показатель этой борьбы двух правовых воззрений. Во всяком случае, подтверждение этому „ино все и т. д." Гетц находил в том, что ст. 42 Кр. Пр. внесена в Пр. Пр. в виде ст. 9 и 10 (III, с. 23—24; I, с. 220).

Владимирский-Буданов дал такую схему постепенной отмены мести: „Ни малейшей нет вероятности, чтобы древней Правдой, возникшей в VIII в., довольствовались... несколько веков, и только дети Ярослава почему-то приступили к ее дополнению ... Законодательная деятельность Ярославичей была предварена ... деятельностью Ярослава (ст. 2 Пр. Пр.)... Сыновья, отменив месть, все остальное удержали так,

как установил их отец. Владимир, восстановив виры, оставил в прежней неопределенности право мести. Ярослав, точно определяя это право, установил, кто за что может мстить и как мстить (ст. 1 Кр. Пр.). Сыновья его совсем отменили месть" [см. ст. 65 Пр. Пр. и 17 Кр. Пр.]. Ст. 2 Пр. Пр. показывает, что „Ярослав допускал, присуждал месть за преступления, как это действительно и стоит в 1-й Правде, т. е. Правде Ярослава. Очевидно, что содержание 2-й Правды как раз соответствует эпохе Ярославичей и совершенно противоречит историческим данным о эпохе Ярослава (отмена мести за побои и раны, запрещение самосуда в ст. 33 Кр. Пр., запрещение самоуправства над вором в ст. 38 Кр. Пр.)". Слово „пакы" Владимирский-Буданов переводил здесь: „потом" (К.У.И., 1911, № 3, с. 19; 1912, № 10, с. 13).

Максимейко считал „отмену мести" Ярославичами „легендой". Прежде всего ст. 2 Пр. Пр. „говорит об отмене «убиения за голову», а не мести... Месть — это родовое понятие... убиение же могло быть только одним из частных проявлений мести. Следовательно отменить убиение за голову не значит отменить месть". Но и в этих пределах ст. 2 Пр. Пр. „повидимому есть лишь предположение и догадка ее автора, а не действительный исторический факт. Пользуясь Краткой Правдой... он заметил, что в 1-й части ее, приписанной им Ярославу, за убийство следует или месть родственников или денежный выкуп; между тем, во 2-й части... говорится только о штрафах. В то же самое время он обратил внимание на заглавие 2-й Правды... Эти наблюдения привели его к мысли, что месть за убийство, которую конкретно он понимал в смысле убиения, была отменена на съезде сыновей Ярослава. Догадку эту... автор Пр. Пр. внес в свой текст... Очевидно она должна была служить переходной ступенью от одних постановлений к другим и объяснить недоумевающему читателю, почему дальнейшие статьи об убийстве... разнятся от предыдущих". Таково возникновение „легенды об отмене мести при Ярославичах", которой „противоречили исторические факты, показывающие, что месть существовала и при сыновьях Ярослава". „Если бы месть была отменена Ярославичами, то мы бы наверно нашли этот закон в сборнике, содержащем их уставы. Это был акт величайшей важности, который имел больше прав на запись и внимание, чем постановления о краже гуся, курицы и т. п.". Возрожденное Гетцем толкование слова „паки", как указания повторности, Максимейко отвергал: „слово «паки» часто употребляется в других памятниках с тою целью, чтобы оттенить противоположность двух случаев" [договор 911 г.: „аще украдет русин что либо у крестьянина, и пакы крестьянин у русина"; Пр. Пр. ст. 44—45: „оже будет лице, лице поиметь... паки ли лиця не будет... то платити..."]. „В данном случае «паки» относится не к одному только слову «совокупишася», но опре-

деляет все установление Ярославичей в смысле отличия от той практики, которой следовал их отец". Поэтому, „мысль о 2-м съезде Ярославичей весьма сомнительна". Но и „денежные выкупы за убийство едва ли могли быть нововведением Ярославичей": взыскание вир уже во время Владимира „являлось устроением отним и дедним". Наконец, „сомнительно", чтобы автор Пр. Пр. „достоверно знал, из какого источника взята 1 ст. Кр. Пр., тем более, что эта статья приписана [этим автором] Ярославу не в оригинальном своем виде, а в переделке", и „Ярославу приписано то, что ему не принадлежало [80-гривенная вира за княжа мужа ст. 1 Пр. Пр.]" (Опыт, с. 54—55 и 81—83).

Щепкин считал, что „исторический прием изложения действующего права в Пр. Пр. заимствован у Кр. Пр., где ст. 19 указывает на то, что мщение или убийство за голову не применяется более даже при убийстве «в обиду» огнищанина, а значит тем более, если убит простой муж". В противном случае „пришлось бы допустить мало правдоподобную перспективу, что будто бы одно время при братьях Ярославичах допускалось еще мщение за просто свободного и низшего княжа мужа, тогда как за высших — огнищанина и тиуна — убиение было уже отменено [ср. „Заголовок Правды Ярославичей"]". Однако „вряд ли это добавление [«отложиша убиение... ся выкупати»] составитель Пр. Пр. самостоятельно отвлекал лишь от 19 ст. Кр. Пр.; правдоподобнее, что выкуп кунами от убиения за голову имеет в виду головничество ст. 5 Пр. Пр. и идет окольными путями из первоисточника, общего как для 2 ст. Пр. Пр., так и для заголовка в Кр. Пр." (с. 96, 97).

Стратонов возразил Максимейко, что автор Пр. Пр. сам же и „соединил воедино" ст. 1 Кр. Пр. со ст. 19, 20 и 22 Кр. Пр., т. е. из последних статей не сделал того вывода (об отмене мести), о котором говорил Максимейко. Сам Стратонов допускал мысль о втором совещании Ярославичей („паки" и „по Ярославе"), „на котором действительно была запрещена месть" (ср. выше „Заголовок Правды Ярославичей" (с. 404).

Греков отметил, что „до сих пор эту статью обычно относили только к людям свободным", и сопоставил ее со ст. 65, которая „явно ссылается" на такое же распоряжение Ярославичей о холопах: „если ст. 2 действительно к холопу не имеет никакого отношения" — „тогда необходимо допустить другое распоряжение тех же детей Ярослава о холопах" (Феод. отн., с. 86).

Романов, подчеркивая „методологическую грубость" аргументации Гетца в пользу более раннего происхождения ст. 2 Пр. Пр., чем „Заголовок Правды Ярославичей", поддерживает возражения Преснякова и Владимирского Буданова и развивает положение Преснякова, что в ст. 2 Пр. Пр. налицо пропуск Чюдина „ради параллелизма: 3 князя — 3 мужа", — ука-

занием, как произошел этот пропуск: „из 6 слов в заголовке Пр. Яр. («Коснячко Перенег Микифор Кыянин Чюдин Микула») автор ст. 2 Пр. Пр. **механически** отсек 3 последние слова, сохранив 3 первые, полагая, что они обозначают трех живых людей, а не $1^1/_2$ имени. Недаром исследователи легко выяснили по литературным памятникам Коснячка, Микифора Кыянина, Чюдина Микулу, но потерпели неудачу с Перенегом: весьма вероятно, что в заголовке Пр. Яр. говорится тоже о 3, а не о 4 лицах (все трое с прозвищами: Коснячко был Перенегом, Микифор был Кыянином, а Микула был Чюдином)". Принимая пояснение Ланге, что теперь вира должна уплачиваться „совместно с головничеством" (а не альтернативно), Романов считает, что „только в обязательности совместной уплаты виры и головничества и было отличие нового порядка от того, как судил Ярослав", чему подтверждение видит в том, что „именно в Пр. Пр., в отличие от Др. Пр. (ст. 1—18 Кр. Пр.), господствует двойная окала вознаграждений по всем разновидностям правонарушений: князю и частному лицу", тем более, что именно „такое понимание приписываемой Ярославичам реформы обнаружил сам автор Пр. Пр. в ст. 65 о холопе, ударившем свободного мужа: Ярославичи не коснулись здесь 12-гривенной платы за укрывательство холопа господином (это и есть то «ино», которое Ярославичи «уставиша», «яко же Ярослав судил»), а «уставиша на куны» только в вопросе об удовлетворении частного лица «за сором», предложив или денежный выкуп или телесное наказание". На предположение Грекова, что, судя по ст. 65, должно было быть аналогичное статье 2 Пр. Пр. постановление Ярославичей о холопах, Романов возражает, что „в ст. 65 имеем скорее лишь (распространительное по отношению к ст. 2) толкование составителя Пр. Пр., как и сама ст. 2 Пр. Пр. является скорее толкованием им же того, что он имел в ст. ст. 1 и 19—23 Кр. Пр." (Уч. пос., с. 55—57). — Подтверждение тому, что это толкование в какой-то мере отразило ситуацию, имевшую место при составлении Пр. Яр., Романов видит в рассказе Лавр. лет. под 1071 г. о Яне на Белоозере. Рассказ этот (ср. выше комментарии к ст. 33 Кр. Пр.) отражает борьбу течений внутри господствующего класса по основным вопросам внутренней политики феодального государства в XI в. и потому так часто привлекается комментаторами Р. Пр. (см., например, выше Сергеевича и Владимирского-Буданова), что слишком уже пригнан — и литературно и по существу — к двум вопросам: о муке смерда (ст. 33 Кр. Пр.) и об отмене мести (ст. 2 Пр. Пр.). Ян стоял в оппозиции к новшествам политического курса, взятого „уными" княжими советниками, и рассказ под 1071 г. показывал, в какое безвыходное положение ставили эти новшества княжого слугу на далекой периферии, если строго держаться этих новшеств. Для него вопрос о судьбе волхвов-убийц ставился на-

двое (как и для них самих): „если пущю вас, зло мне будет от бога [христианского], если погублю, мзда ми будет“ (не сказано — от князя, значит от того же бога). Вопроса (вышедшего на первый план в княжом законодательстве эпохи) о вирах и головничестве в пользу потерпевших от волхвов Ян и не поднимал. Он обратился к старому обычаю, тоже и тогда же поставленному под удар в киевском центре, — к мести и заключил свой рассказ наставительной сентенцией, что волхвы „отместье приимша от бога по правде“. Т. е. по правде божией, а не по „Правде, уставленной Русской земли“, против которой полемизировал Ян в своем рассказе, имея в виду ее 33 статью. [*Б. Р.*].

Статья 3

О убийстве. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника[1] *не ищють,*[2] *то виревную*[3] *платити, в чьеи же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен.*

Переводы

Ежели кто убьет вельможу в поединочном бою, и убийцу сыскать будет не можно, то пеню за убийство, а именно 80 гривен, взыскать с жителей той волости, в дачах которые тело поднято будет; а ежели убит будет людин, то взыскать 40 гривен (Б.).

Jeżeli kto ścża książęcego zabije w pojedynku, a zabójca nie będzie znalezionym, tedy wira ma być zapłacona przez włomę, w której głowa polęże, to jest 80 grzywien; a jeżeli zabitym będzie ludyn, to 40 grzywien. (R.).

Wenn jemand einen Fürsten-Mann erschlägt im gewaltsame Anfalle, aber man findet den Kopfschläger nicht, so zahlen das Wehrgeld, in welchem Wehrbezirke der Kopf liegt, dann 80 Grivnen; hinwiederum ist es einer von den (gemeinen) Leuten, dann 40 Grivnen (Ew.).

Если кто убьет княжеского мужа, сделав насильственное на него нападение, и если убийца не будет отыскан, то платит за него виру — 80 гривен та округа, где совершилось убийство; если же убитый будет людин, то есть, свободный человек, то 40 гривен (Пл.).

Если кто убьет княжого мужа в драке, и убийцы не ищут, то виру — 80 гривен — платит та община, в округе которой поднят убитый. Если же будет убит простой человек, то община платит 40 гривен (Ст.).

Wenn jemand einen Fürstenmann im Ueberfall erschlägt, und man [die Gemeinde] sucht den Mörder nicht, so zahlt die Gemeinde das Wergeld, in welcher der Kopf [des Erschlagenen] liegt, und zwar 80 Grivna. (Ist der Erschlagene) dagegen ein gemeiner Mann, dann 40 Grivna (G.).

---

[1] *МП* Боевника.

[2] *РМ* изищуть.

[3] *С* вирьвную, *М* вирное.

Комментарии

Карамзин дает пересказ всей группы статей (3—6) „об убийстве" и (7) „оже станет без вины на разбои": „[А, 3] Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве и скроется, то вервь или округа, где совершилось убийство, платит за него пеню, [А, 4] но в разные сроки и в несколько лет, для облегчения жителей. [А, 19] За найденное мертвое тело человека неизвестного вервь не ответствует. [А, 5] Когда же убийца не скроется, то с округи или с волости взыскать половину виры, а другую с самого убийцы. [А, 7] Ежели убийство сделается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает его на поток — или в руки государю — с женою, с детьми и с имением" (II, с. 27—28).

Полевой дает тоже пересказ всей группы статей: „[А, 3] Если кто будет убит в общей драке, убийца убежит, вервь заступится за головника, и преследовать его не будет, то [А, 4] должна платить дикую виру, т. е. двойную виру, в срок на несколько лет, ибо платит ее без головника. [А, 5] Но если убийца не убежит, то половину платит убийца, половину вервь и в сей половине виновный платит свою часть. [А, 6] Но кто убил кого в частной ссоре, или на пиру, то платит сам за себя, без участия верви. [А, 7] Если вервь за убийцу не заступится и сам он платить виры не может, то отдается князю на поток и разграбление с женой и детьми" (II, с. 158—159).

Попов резюмирует „смысл" этой группы статей: „если кто убьет другого вследствие ссоры, то виру платит вервь; если же без всякой ссоры, то он осуждается на поток и разграбление" (Р. Пр., с. 57).

Барац считал, что начальные статьи (1—8) „при частых переписках Правды" „перемешались и перепутались как между собою, так и с другими статьями", и сам строил из отдельных элементов новые статьи (см., например, ниже, реконструкцию ст. 3) (с. 207).

Щепкин восстанавливает порядок и смысл ст. 3—8 в таком пересказе — переводе: „[А, 3] Если убит княж муж в разбое, то вервь, где лежит голова, если она не изыщет убийцы, платит 80 гр., а за простого человека 40 гр. виры («вирное, вирную, виревную, вервьную»). [А, 4] Вервь без убийцы уплачивает такую виру (веру) несколько лет. [А, 7] Если разбойник в верви налицо, то люди за него не платят, а выдают самого с женою и детьми на поток и разграбление, т. е. не община громит его имущество и изгоняет самого с семьей, а князю на произвол отдается личность и собственность преступника. [А, 6] Если же кто убил не преднамеренно, в схватке или ссоре на пиру явно, то [А, 5] он сам уплачивает головничество за убитого, а [А, 8] если не участвует в круговой поруке верви по диким вирам, то и виру

за свое убийство без помощи людей. Если же [А, 5] случайный убийца обычно вкладывался в дикую виру и прикладывал к уплате ее вервью, то теперь люди верви помогают ему уплатить виру, выплачивая сообща, всей дружиной, дикую виру в 40 гр., из которых убийца вносит тогда лишь причитающуюся на него долю" (с. 95).

Богдановский связывал ст. 3 по содержанию со ст. 7 Пр. Пр., а по происхождению со ст. 20 Кр. Пр.: „обязанности эти [т. е. верви — платить] и здесь имеют место в случае убийства кого-либо в разбои, т. е. тайно без всякого вызова со стороны убитого — и только тогда, когда сама община не захочет выдать убийцу князю на поток и разграбление. Если же она это сделает, то освобождается от обязанности платить что-нибудь, ибо — «за разбойника люди не платят» [ст. 7]" (с. 31).

Ланге отметил, что „закон" ст. 20 Кр. Пр. „в уставе Изяслава [Пр. Пр.] получил более общее выражение, так что относится уже не к одним огнищанам, а к людям всех сословий". „В основании, почему с верви взыскивалась вира при неотыскании убийц... лежало предположение, что вервь скрывает преступника или не радит об отыскании его, потому что в XIV и XV вв. [АЭ, I, №№ 13, 123], если убийца выдавался правительству, городà и сёла, в которых совершено преступление, освобождались вовсе от платежа пени: «а доищутся душегубца, и они его дадут наместником или их тиуном, а крестьянам в том продажи нет»". Иногда верви было даже выгодно скрывать преступников (например, в случае с тремя смердами соубийцами, за которых пришлось бы заплатить 3 виры) (с. 113, 114).

Н. Дювернуа видел в ст. 3 „обобщение" „отдельных казусов", предусмотренных статьями 19 и 20 Правды Ярославичей (с. 85).

Хлебников, тоже сопоставляя ст. 20 Кр. Пр. со ст. 3 Пр. Пр. приходил к предположению, что Кр. Пр. „установила вирную плату лишь тогда, когда был убит огнищанин; а уже в позднейшее время, м. б. при Всеволоде или Владимире Мономахе, это постановление было распространено и на всех свободных людей" (с. 297).

Владимирский-Буданов: „Обязанность платить виру за совершившего предумышленное убийство тогда только возлагается на вервь (территориальную общину), когда эта последняя не старается отыскать или не хочет выдать убийцу. При убийстве же неумышленном вервь всегда помогает преступнику в уплате виры. В этом и состоит разница в возмездии за убийство умышленное и неумышленное и вместе доказательство того, что сознание о таком различии не было чуждо Русск. Правде уже при детях Ярослава" (см. Кр. Пр., ст. 19, 20) (Хр., I, прим. 9).

Соболевский полагал, что эта статья „говорит о разбое-драке [см. его объяснение слова „разбой"] и имеет в виду неумышленное убий-

ство, которого члены верви легко могли не допустить, прекратив драку; она налагает виру на вервь за бездействие ее членов во время драки" (Юр. вестн., с. 620). — См. ниже, с. 260.

Максимейко отрицал за общиной „обязанность ловить и выдавать судьям преступников". Ст. 3 говорит об „обязанности искать, а не отыскать преступника: «а головника не ищут...». Члены общины отвечали только в том случае, если они отказывались искать преступника... Если же они искали и не находили, то и ответственности не подлежали [ср. ст. 77]". „Совсем иное в московском праве... [«а не найдут душегубца», «а не доищутся душегубца» и т. п.]". Напротив, „полное сходство в этом отношении между Р. Пр. и лит.-рус. правом. По Лит. Статуту община, отказавшаяся... искать убийцу или не пожелавшая отклонить от себя подозрение посредством очистительной присяги, платила головщину (2-я ред., XI разд., 31 арт.)". (Р. Пр., с. 388—389). В другой раз (Мним. архаизмы, с. 137—138) Максимейко вернулся к этой статье, чтобы указать, что „она вовсе не задавалась целью решить вопрос о том, за кого платилось 80 гр. а за кого 40 гр. Этот вопрос точно и ясно уже был разрешен в ст. 1. Теперь на очереди стояла другая задача — определить условия ответственности верви... применительно к содержанию 1 ст... Повторять перечень названных в 1 ст. лиц не было надобности. Составитель Р. Пр. подвел их в 3 статье под одно общее понятие «людина»... Вот почему нельзя... пользоваться 3 статьей при решении вопроса о различии общественных классов по Р. Пр."; „свободное население древней России далеко не представляло однообразной массы. Оно распадалось на значительное количество разрядов", „которые пользовались неодинаковой охраной уголовного права".

Гетц считал ответственной за преследование преступника ту общину, в границах которой лежит убитый, „общину места преступления", что „отягчает положение общины, когда преступник происходит из другой общины и пришел в эту общину только для совершения убийства". „Но в случае убийства без свидетелей, в противоположность убийству при свидетелях в ссоре на пиру по ст. 6, судья нуждался в твердой мерке, по которой он мог бы назначить штраф за преступление. В этом неблагоприятном для общины случае, по ст. 4, она получает рассрочку на несколько лет" (III, с. 40).

Барац давал такую реконструкцию ст. 3 из заголовка ст. 7 и элементов ст. 3: „(Оже станет без вины на разбои), а головника не ищут (изыщуть), то вервьную платити (40 гривен), в чьей же верви голова лежить". (Ср. Уст. гр. 1506 г.: „А учинится у них душегубство, а не доищутся душегубца, ино наместником за голову 4 рубли, а заплатити виру всеми рыболовлими дворы"). При этом „станет" = „учинится", „разбой" = „душегубство", „вервьная" — это „общинная, людская вира,

которая уплачивалась... всеми дворы". Дикая вира — это „дикое выражение", „обязанное своим происхождением только грубой смешной описке" (с. 208).

Максимейко считал вариант (14 списков) „а головника не изыщут" „изменением оригинала", ссылаясь на ст. 69, по которой вервь должна была „искати" татя, а не найти его (Интерполяции, с. 5).

Рассматривая ст. 3—10 Пр. Пр. как целое, Романов обращает внимание на то, что „из 9 статей Кр. Пр. (19—27) об убийстве княжих людей и ст. 42 о поконе вирном, выросло здесь уложение об убийстве вообще и о практике вир. В частности, ст. ст. 3—8, очевидно, развиты из ст. ст. 19—20 Кр. Пр., но под другим углом зрения — не сугубой защиты огнищанина, а ответственности верви за нарушение мира на ее территории (ст. ст. 3—6 — когда и как вервь платит, ст. ст. 7—8— когда и почему вервь не платит)". В ст. 3 „ответственность верви сравнительно со ст. 20 Кр. Пр. расширена: вира — не дружинная привилегия. Вервь всюду платит за «княжа мужа» (отпал «огнищанин») и за свободного человека, «людина» (отпали изгой и словенин)" (Уч. пос., с. 57).

„Разбой"

Болтин: „под словом разбой разумели... поединок. Если бы слово разбой принималось тогда в нынешнем смысле, то слова «без всякие свады» [ст. 7] были бы праздны смысла, ибо разбойник не тех только, стоя на дороге, разбивает и грабит, с коими имел он ссору или вражду... В статье 3-ьей, вследствие о разбое продолжающейся речи, сказано: «но оже будет убил или в сваде или на пиру явлено»; ясно, что говорится не о разбое ж, ибо в пиру... происшедшая ссора и драка не может названа быть разбоем... Итак... нет, кажется, сумнения, что говорится в оных статьях не о разбоях, а о... поединочных боях, посредством... коих каждой свободный человек имел право мстить другому за... обиду".

Раковецкий также считал, что под словом „разбой" следует понимать только „поединок" (II, с. 133, прим. 37).

Эверс: „Разбой в большей части славянских наречий, равно как и в Правде XIII ст., есть выражение для смертоубийства" (с. 255).

Попов: „Слово разбой принять в теперешнем смысле его невозможно... [оно] должно значить убийство... Но убийство может быть двоякое — или как месть... за которое полагается дикая вира, или без всякой обиды со стороны убитого — за что поток и разграбление; потому в отношении к дикой вире слово разбой означает месть — самоуправство... Статьи о разбоях... идут вслед за уничтожением мести, составляют с ним одно целое и принадлежат сыновьям Ярослава...

Если так будем рассматривать эти статьи, то слово разбой очевидно значит месть... Мести должна предшествовать обида, ссора; месть может быть совершена в пиру..." (Р. Пр., с. 58—59).

Калачов: „Разбой, т. е смертоубийство, не основанное на вражде или сваде" (с. 176).

Лешков: „Разбой во времена Правды означал всякое умышленное убийство", „тайное убийство" (Р. народ, с. 100—101).

Владимирский-Буданов „в разбои" переводил „умышленно" (Хр., I, прим. 8).

Соболевский указывал два значения слова „разбой": 1) „Как то седела дружина у пиру пиюче, друг друга заразил до смерти; и как то тый бой удеялся, тогды он, убоявся живота, утекл к тебе, княже; немцы же, уведавше, аже к тебе утекл разбойник, молилися тебе: выдай нам разбойника... Мир докончан межи земле: аже друг друга убиет до смерти, а имуть того человека, кто разбой учинил, тому дати вина по его делу" (Русско-лив. акты, Грамота рижан к витебскому кн. Михаилу ок. 1300 г.). „Это место показывает, что одно значение слова разбой в древне-русском языке было: бой, драка, и что убийство «в разбое» могло быть неумышленным, случайным убийством". 2) „Взяли у нас товар под Невою разбойники" (грамота Новгорода к немцам 1373 г.) — разбой, разбойник в значении „тожественном с современным" (Юр. вестн., с. 620).

Мрочек-Дроздовский, разделяя мнение об эволюции понятия разбоя от разбоя со свадою к разбою без свады, привел иллюстрации: для древнейшего понятия разбоя — перевод в Синайском Патерике греч. слова φόνος (убийство) словом „разбой"—„сотворих разбои детищу" (Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, XX, с. 105—106), „где переводчик очевидно имел в виду именно древнее понятие разбоя", и цитату из Русско-лив. актов, одновременно приведенную Соболевским (см. выше); для позднейшего — летописный текст 1284 г.: „два бесерменина идоста ис свободы в другую свободу, а Руси с нима более 30 человек. Слышав же Липовечьскый кн. Святослав, здумав с своею дружиною... достерегся на пути, разбой створи: сами 2 братаника бесерменина та утекла, а Руси избил 25 и 2 бесерменина", „откуда видно, что под разбоем разумеется избиение, разгром... для разбоя делается нападение внезапное, из засады"; упрек же кн. Олега Рыльского, брата Святослава: „чему еси затерял правду, взложил еси имя розбойничье на мене и на себе?.. а веси норов татарский, да в нас и в Руси лихо разбой учинити" — Мрочек-Дроздовский понимал как „дополнительный признак разбоя" и определял разбой как „преступный и стало быть... преследуемый законом разгром кого-либо, для чего обыкновенно производится внезапное нападение" (Прилож., с. 144 сл.).

Сергеевич разъяснял не понятие разбоя, а выражение „стать на разбой“ (см. ст. 7).

Гетц „разбой“ переводил: „преднамеренное убийство с умыслом“, не Tötung, а Mord — в противоположность убийству в ссоре на пиру, „преднамеренному убийству без умысла“ (vorsätzliche nicht mit Ueberlegung ausgeführte Tötung). О первом говорит ст. 20 Кр. Пр., о втором — ст. 19 („убийство в обиду“) Кр. Пр. Здесь отсутствует примечание „явлено“ ст. 6, но оно подразумевается. Последующие статьи 4—6 и 8, дополнительные к ст. 3, имеют дело с случаем, противопоставленным случаю ст. 3, „простого убийства“, и относятся, следовательно, только к людину (III, с. 35, 37).

„Вервь“

Болтин: „Волость, погост, т. е. некоторое число деревень одного прихода или присуда...“

Рейц: „Обязанность округа («вервь», «верея») платить часть виры происходила: 1) от обязанности иметь надзор за сохранением порядка, 2) от постепенного образования таковых округов (общин) из родственников, кои селились в одном месте“ (с. 182).

Полевой: „Вервь означала сотню (Warf, Hundari)... сотня не значила прежде 100, также как слово сорок (Галлам. Европа в ср. века, II, с. 19), но была числом условным и неопределенным. Вервь подчинялась высшему разряду, тысячам, herrads — Höfdingar“ (II, с. 80).

Иванишев: „Приняв во внимание, как легко из чужих законодательств термины могут быть заимствованы для обозначения уже существующего в народе понятия, я нисколько не сомневаюсь, что ручательство округа за убийство, выраженное в ст. 3 Р. Пр., не заимствовано из германского законодательства“ (с. 105).

Дубенский слово „вервьную“ („вíревную“) производил от „слова вервь, у́же — веревка: „ужя нападоша ми в державных моих. Пс. 15.6“. Это — „окружная пеня или гривна, т. е. которую должны были платить жители всей волости сбором“ (с. 21).

Мацейовский: „Вервь означает норманскую warph, concilium populi commune (по Адаму Бременскому, изд. Pertz, т. IX, 377)“ (I, § 546, с. 549).

Калачов определял вервь как „соединение жителей известного округа в одну общину для платежа виры“. „Жители верви могут также обязываться между собою договором платить виру общими силами...“ (с. 126 и 185).

Соловьев в сущности уклонился от ответа на вопрос о происхождении верви (см. ниже, с. 276): „Установление дикой виры встре-

чаем мы и в других новорожденных обществах, в которых правительственный организм еще не зрел; при таком состоянии общества полицейские обязанности обыкновенно поручаются отдельным округам, которые и отвечают за всякий беспорядок, в них случившийся“ (I, с. 232).

Однако Кавелин „признавая справедливость факта“, возражал, „что причина его лежит глубже, именно в первоначальном значении миров. Миры представляли в древности общественные единицы, замкнутые в себе, которые сообща владели, сообща отвечали за себя перед другими, сообща платили. В их внутренний быт никто не входил, они судились и управлялись сами собою“ (I, с. 501—502) (см. ниже, „дикая вира“, с. 277).

Учение об общине-верви наиболее развитый вид приняло у Лешкова. В эпоху Р. Пр. „верховная власть успела подчинить общину своему суду и своему управлению“, „права общины уже частью перенесены на князя, а ей остались одни обязанности. Напротив... до прихода князей община без сомнения получала виру и продажу во всех тех случаях, в которых при князьях она платила им эту виру и продажу“. При этом Лешков указывал, что „Правда заключает довольно данных для уразумения самой верви“: „до 15 статей [а не 3!] можно найти в Р. Пр., говорящих о верви положительно или отрицательно“. Это — „союз физических лиц“ „в форме их соединения в юридическую личность“. Выражения: людем не надобе, — людье не платят — людье помогают, „своим повторением доказывают, что союз был и част и общ“. „Распоряжения о дикой вире не позволяют сомневаться в существовании особого союза между жителями, по которому они составляют взаимную круговую поруку и который технически называется в Пр. вервию“. „К деятельности верви должно отнести все, что говорится о людях и мире“. „Люди, мир и вервь суть различные выражения для одного и того же понятия... Вервь никогда не оставалась в покое, но отвечала за всякое убийство, тайное и явное“. „При тайном убийстве, когда виновный был налицо, она принуждала его к уплате, а при несостоятельности выдавала на поток князю; когда же убийца скрывался... принимала на себя уплату виры... При явном же... вервь принуждала виновного к уплате или помогала ему заплатить вирное“. „Вервь не оставалась в покое и при совершившейся татбе... так что... по Р. Пр. уголовный процесс без участия верви был невозможен... Присоединим к этому необходимость послухов для всякой юридической сделки... свидетелей при всяком преследовании татя... заявление всякой потери перед миром и торгом... и согласимся, что дело верви не ограничивалось ни случаем дикой виры, ни одним судом о преступлениях; союз верви... обнимал собою все вопросы права“. При этом „закон не говорит, что дикая вира уплачивается только там, где есть вервь.., он предполагает союз верви

повсюдным и необходимым". „В статье [5] говорится только о праве вложиться или не вложиться в дикую виру, в уплату виры, а не о праве принадлежности к верви... Внося вклад... в дикую виру или не внося его, члены все-таки находятся в союзе... Союз верви существовал до случая дикой виры... действовал постоянно, непрерывно, по всей земле, необходимо". Правда „призывает к ответу одну ту вервь, в пределах которой ляжет голова убитого или с землею которой связана собственность, подвергшаяся нарушению... Следовательно вервь сама должна быть... связана с землею... На это намекает и название верви, заимствованное от орудия земельной меры [АЮ, № 23, 1571 г.: «тое земли на три доли, достанется 23 веревки», «на 10 вервей сеять шесть пудов жита»]... Итак вервь была союзом лиц, связанных по земле, союзом вещным, какою-то географическою общиной". Указывая на „весьма высокие" размеры вир и „весьма частые" случаи дикой виры, Лешков считал „необходимым предполагать в верви значительную массу населения, которая удобно могла вынести на своей шее такую общественную повинность"; „должны были находиться в верви такие лица, которые необходимо участвовали в платеже виры... Самый сбор дикой виры... не мог быть совершен одним вирником... и... был... даже предоставлен самой верви, которая именно потому обязана была содержать вирников до полного сбора, что сама производила сбор вирного". „Итак, вервь была... община... территориальная, с собственным управлением. Оттого-то она противополагалась селу, торгу и городу, что была их больше, что обнимала их собой... Древняя вервь была почти то же, что впоследствии погост". Предположительно Лешков „допускал" размеры верви „например, верст 20 в длину и столько же в ширину... или даже до 40 в длину и до 30—35 в ширину, что составит от 1200 до 1300 кв. верст". „Во внутреннем составе верви" „владельческие, отдельные поземельные участки были совершенно равны... каждый занимал, сколько было нужно для прокормления себя и своих...", участки же „раздавались по жеребью". „Итак, каждая вервь состояла из... суммы таких ровных единиц, как участки, жеребьи, дымы и дворы..." (Р. народ, с. 97—142).

Богдановский не считал вервь „договорной общиной": „она могла быть и родовой и разнородной, как впоследствии село, волость, жители которых принимали на себя также ответственность в известных случаях за охранение общего спокойствия и также платили между прочим и виру, когда не хотели или не могли доставить в руки князя разбойника, убийцу. Вервь платила не только виру, но и продажу в случае если не сыщет татя, да кроме того вообще помогала для собственного интереса каждому из своих членов нести тяжесть уплаты суммы князю или истцу" (с. 31, примеч.).

Ланге: „Наша вервь не имела никаких прав, а несла одни только обязанности: ее заставляли платить виры и продажи и давать кормление вирникам или посадникам“ (с. 266).

Калачов позднее склонился к тому, что „слово вервь в Р. Пр. означает не только искусственную гражданскую общину, которая составлялась для платежа пени в случае преступлений ее членов общими их силами, но главным образом и отдельные родовые общины, в которых члены были связаны кровными узами и общим имуществом [„аще девка детяти добудет и проч., обличив ю, поняти в дом церковный, а чим ю род окупит“, церк. Устав Ярослава]“. „У нас верви, в значении искусственных общин, возникли под влиянием варяго-руссов. По этой причине только князья, как виновники этого учреждения и блюстители общего спокойствия, и должны были из виры... получать себе некоторую часть; прочие же члены верви конечно не получали такой доли, ибо... сами участвовали в платеже виновным следовавшей с него пени, что вместе с тем и служило достаточной гарантией относительно их надзора друг за другом“ (Дополнение, с. 20 сл.).

Чебышев-Дмитриев: с одной стороны, „вервь не была родовой общиной“, почему „в распоряжениях Р. Пр. относительно уголовного права мы не находим ни малейших следов родового быта“. „Круговая порука была краеугольным камнем всякого права в общине: она связывала члена союза с миром“; „помощь верви своему члену в уплате виры обусловливалась вкладом с его стороны“; с другой стороны, „вервь, на которой лежит яркий отпечаток прежнего тесного, почти кровного, изолированного, автократического и автономического союза“, „вервь... представляет собой... коренной составной элемент тогдашнего общества... является почти тем, чем у германцев был род“ и верви было „запрещено мстить за своих членов“. Но „воспоминания прежнего быта, прежней разрозненности союзов... так живы... что за вервью признано право поступать как ей заблагорассудится (в случае невыдачи преступника)“. „Как прежде члены верви вкладывались своими физическими силами для защиты и помощи своему сочлену против мстителей, так теперь они вкладываются в дикую виру... когда они не хотят выдать виновного княжескому суду... Этот суд общины... господствовал в полной силе в период Р. Пр. и впоследствии превратился в повальный обыск“ (с. 15, 43, 17, 47—49).

О. Миллер, едва ли не первый для объяснения слова „вервь“, обратился к юго-славянским аналогиям: в слове „вервь“ могло „первоначально“ заключаться и указание на родственную связь; и теперь у сербов врьвник = родственник (с. 136).

Леонтович, детальнее проводя сравнение русской верви с юго-славянской, первый выступил решительным сторонником не территори-

ального характера верви, потому что в Полицком Статуте нашел „довольно полные указания на самую сущность верви... в значении общины... семейной — учреждения, однородного с задругой югозападных славян“, между тем как в Р. Пр. „о верви говорится только мимоходом, как об учреждении, коренившемся в обычаях“. По Полицкому Статуту „вервная дружина... является с характером семьи и общины. Вервь состоит из братьев, живет на племенщине без раздела или распадается на участки (дио). Племенщина имеет значение общего семейного имущества братьев, состоящих в союзе верви. Вервь слагается далее из диоников одного села. В числе их братья близкие и дальние отличаются от вервных. Из первых составляется семья в строгом смысле, — члены семьи носят общее название челяди. Дионики или братья вервные — прежде всего главы, соседи, составляют из себя вервную дружину. Дружина живет на вервной племенщине одним или несколькими дворами (подворницами)... Полицкий Статут различает три главных формы верви, по различию обладания племенщиною. Братья вервные могут жить на общей племенщине, владея ею сообща, без раздела по хозяевам и дворам, подобно семье в строгом смысле. Но вервная дружина, как целое село... может разделить между собою землю... на отдельные жеребьи, оставаясь при общем пользовании гаями и испашами — может разделить и леса, при общем владении пастбищем. Вервная дружина составляет одно нераздельное целое (заедин), с характером автономическим: вервь по своим внутренним делам пользуется правом собственного суда и расправы. Наконец, принадлежность к верви не была повинностью [sic], обязательною для всех диоников одного села. Отдельные лица могут жить на своих «особитых» участках, не входя в состав верви... Возникнув по договору соседей и близких, вервь могла таким же образом разрушиться — посредством выхода вервных братьев из общего обладания племенщиной. С разделением верви на «дионици особита» прекращалось юридическое значение союза верви... Полицкий устав допускает выдел братьев ближних и дальних, «синови од оци или ини ближики, ким се подоба раздилити» (ст. 29)... При этом... старое огнище предоставляется «млаему» — младшему члену верви“. Хотя Полицкий Статут „мало [вовсе не!] раскрывает судебное значение верви, преимущественно развитое Р. Правдой“ — тем не менее „общий строй Полицкой верви не оставляет никакого сомнения в тождественности ее с подобным же учреждением Правды“. Зато „задруга“, „играя по делам уголовным роль верви Правды“, „вместе с тем вполне сходна с вервью Полицы по своим внутренним отношениям и устройству. Поэтому едва ли можно сомневаться в тождественности этих институтов с вервью Правды. Это один и тот же институт древне-славянского права, известный в старое время всем славянам, хотя под разными наименованиями и фор-

мами“. Более того, Леонтовичу казалось („кажется“), „что задруга [юго-славянская] и дружина [Р. Пр.] первоначально имели одинаковое значение... Из Р. Правды видно, что дружиною назывался также союз лиц, принадлежавших к верви“. „Корень задруги нужно искать в доисторическое время — в общеплеменной жизни славян. Там же очевидно коренится и вервь Правды и Полицкого Статута... На первых порах, после выделения семей и разложения родового быта с его чистокровными патриархальными отношениями и порядками, в понятие задруги мог входить только союз семьи в строгом смысле слова. Условия жизни должны были повести к расширению старой, чистосемейной задруги, подчинить ее влиянию новых элементов — общинных. В эту пору история и застает славянские верви и задруги. Это не простые семьи; в них преобладает прежде всего общинный характер отношений. Верви и задруги представляют собственно переходную ступень к чисто-общинным формам жизни. Приняв в себя элементы, чуждые семье, коренясь отчасти в отношениях договорных, задруга отодвинула на второй план связи кровные, патриархальные“. Так понимал Леонтович („в смысле задруг и вервей“) „роды Нестора“: „кождо жил с своею задругой или лучше, в своей верви, на своих местах“. Во всяком случае вервь „не занесена к нам варяжскою дружиною“ (Ж.М.Н.Пр., 1867, апр., с. 8—11, 12, 18).

И. Беляев: „Вся Русская земля, в отношении к платежу вир по уголовным делам, разделялась на общины, назыв. вервями. Каждая такая община принималась законом, как юридическое лицо, и, когда это требовалось законом, платила сообща дикую виру. Верви составлялись по свободному согласию членов и нисколько не обусловливались ни родством, ни местом жительства. Членом верви признавался только тот, кто ежегодно вносил определенную сумму“, и члены верви „были связаны круговой порукой“. „Вирное устройство было исконным на Руси... Так в договоре Олега сказано, что нанесший кому-либо личное оскорбление, если не в состоянии был заплатить виру, должен поклясться в том, что ему некому помочь“ (Лекции, с. 163, 273).

Ведров не принял мнения Леонтовича о верви как семейной общине (такого „своеволия“, как „отказ члена от исполнения... обязательства платить дикую виру“ „не мог дозволить себе ни один из его [рода] членов“; „Правда видимо предполагает в верви довольно значительное число членов“) и искал иных аналогий верви, чем Полицкая вервь, которая „полицейского характера не имела“. Такова „древняя англо-саксонская «maegburh»“, которая является союзом, где все члены, соединенные между собою кровными узами, обязаны такою порукою по отношению друг к другу, что преступление одного бросало тень и должно было быть искупаемо всеми“. Таковы „gegyldan, т. е. члены одной гильдии“, где „в случае совершения какого-нибудь тяжкого преступления одним

из gegyldan, он платил $^1/_3$ всей пени, из остальной же суммы одна половина уплачивалась родственниками преступника, а другая его gegyldan". „Наравне с maegburh, члены которой связаны родственными узами, существует и получает преимущественное значение fridborh, hylden (соответствующие tithings и hundred), соединение членов которой (gegyldan) является вполне случайным. У франков... это учреждение носит название centena... Centenae были учреждены с целью чисто полицейскою...". „Преследование вора, возложенное на сотню", имеет „значительное сходство с нашим сводом... В случае совершения... воровства обязывалась centena немедленно уплатить истцу стоимость покраденного (capitale) и затем centenarius с помощью и других членов centenae обязан преследовать вора по следу; если след приводил к границам другой centenae, то эта последняя обязывалась или выдать вора или немедленно уплатить capitale и очистить себя клятвою, что не скрывает намеренно вора". Ведров и полагал, что вервь, как учреждение, „обязательное и повсеместно существующее" („произвольного выхода из верви мы не можем допустить по самой сущности иных обязанностей" верви), имевшее „известные границы" („в чьей же верви голова лежит"), исполнявшее „полицейские обязанности",—„заменяла западные fridborh и centenae; по отношению же к той помощи, которую иногда оказывала вервь преступнику, играла она аналогичную роль с семьей на Западе" и „является как бы обществом взаимного страхования" (с. 93—106).

Энгельс: „Только около десяти лет тому назад было доказано существование таких [как „задруга"] больших семейных общин и в России; теперь все признают, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они упоминаются в древнейшем русском своде законов, в «Правде» Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как в далматских законах; их можно также найти в польских и чешских исторических источниках" (с. 42).—Ср. с. 128: „Чем дольше жил род в своем селе... тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины".

Владимирский-Буданов высказался против задружного характера верви: „ходить по семье, хотя бы и большой («по верви искать татя») и разыскивать вора—явление странное, особенно при общем пользовании, как в задруге. Для отбывания круговой ответственности, члены могут вкладываться и не вкладываться в вервь. Каждый член платит «из дружины свою часть». Как это возможно при общности недвижимых и движимых имуществ в семейной общине?.. Быть может, первоначальное значение слова «вервь» взято из кровных форм общества (сербск. връвник = родственник), но не только в общинном и волостном,

но и в государственном быте множество терминов сохранилось от семейного и родового быта (князь, староста и т. д.)“ (Рец. на Блюменфельда). — „Вместо термина погост, та же единица провинциального деления как в южных, так и в северных землях называется вервию (корень слова общий индо-европейский — Warf)“. „Вира взыскивалась... иногда с общины — верви... Происхождение круговой поруки изъясняют иногда из полицейско-финансовых целей государства, т. е. из стремления князей получать доход от преступлений во всяком случае и вместе с тем заставить общины предупреждать преступления. Но оба эти соображения могли явиться и явились впоследствии при развитии госуд. власти; первоначальная же круговая порука не есть искусственное государственное учреждение, а возникает повсюду как из имущественной и личной солидарности родовых и территориальных общин, так еще более из права общин налагать на преступников наказания. Право общин не только преследовать преступления, но и карать за них в древнейшее время не подлежит сомнению, на основании соображений с последующими явлениями русского права, напр., копными судами в зап. России, которые служат лишь остатком древних более полных прав общин. Но что это право общин не было безусловным (независимым от государства), доказательством служит именно дикая вира, а равно и некоторые фактические указания... (Ян требует от белозерцев поймать и выдать ему волхвов, производивших смуту). Вообще с ослаблением значения частного лица (с уничтожением мести) возвышается значение общины в сфере уголовного права“ (Обзор, с. 79 и 337).

Сергеевич называл вервь „общиной“, поскольку все члены ее обязаны были платить, „когда виновный в убийстве на разбое не был отыскан“, и притом членов ее считал крестьянами [„а крестьяном (верви) в том виры нет“, Уставная грамота Устюжны Железнопольской, АЭ, III, № 37]. Но на первый план Сергеевич выдвигал значение верви, как „как бы страхового общества для лиц, совершивших преступление не предумышленно. С этой целью члены верви могли вкладываться «в дикую виру», т. е. чужую (делать складчину). Если кто-либо из вкладчиков совершал преступление на пиру или в сваде, остальные помогали ему заплатить штраф из этой складочной суммы. С этой точки зрения члены верви являются добровольным страховым обществом, в которое... только кто желает, тот и вступает“ (Лекции, с. 388—389).

Максимейко, возражая Сергеевичу, ставил вопрос: „если вервь была обыкновенным страховым обществом, то что мешало разложить на ее членов не только риск уплаты виры, но и риск уплаты головничества?“ — и отвечал: „едва ли можно решительно утверждать, что «вложиться в дикую виру» значит дать свою часть в складочный капитал, из которого выплачивают уголовные штрафы за убийства“. „Вклад в дикую

вину и виру я более склонен считать договором об установлении общей вины в случае совершения убийства... Договор имел своей целью интересы общественной безопасности... Участники его не имели в виду облегчать участь убийц... Такое отправление общественной заботливости было бы крайне странным, как будто не существовало других потребностей жизни, более достойных внимания и удовлетворения... Таким образом основание общинной ответственности... было уголовное, а не гражданско-правовое..." (Мним. архаизмы, с. 148—149).

Ясинский ставил вопрос: „была ли вервь той простой общиной, какой являлась община сельская (т. е. союз дворов, объединенных интересами соседства, общностью имущественного права и самоуправления), или той сложной, которая в древности во многих местах России называлась погостом, которой обыкновенно присваивают наименование волости и под которой, следовательно, разумеется совокупность простых общин, союз сел и деревень?" — и ответа искал в западно-русских актах XVI в. Там „ответственность за убийство падает не на какие-либо сложные или крупные территориальные единицы вроде волостей, а лишь на сельскую общину, на землях которой найден труп и в пределах которой скрывается преступник". В 1579 г. на земле села Жасковичей „был найден крестьянином того же села труп мальчика-пастушка из соседнего имения; урядник последнего предъявил обвинение ко «всему селу Жасковскому» и потребовал, чтобы была собрана на месте убийства копа для разыскания убийцы... Обвинение было мотивировано так: «я той шкоды... ни от кого быть не разумею и не маю, только от всего села Жасковского, иж дей в том именю... яко труп того детинки, так и козы знайдены» (Арх. Юго-зап. России, ч. VIII, т. 4, № 297)". — „Ответственность села имела место в тех же случаях, в ка их по Р. Пр. отвечала за умышленное убийство вервь, в которой голова лежит"; „нет никакого резона отождествлять древне-русскую вервь с крупным территориальным союзом вроде волости... вервь была... простой территориальной общиной, вполне однородной с... селом в нашем смысле". Таково же и гонение следа: „след гонится «от земли до земли» или от двора до двора... Если след не хотели или не могли отвести, если не хотели отыскать и выдать преступника, если уничтожили след и т. д. — наступала ответственность или всей общины, называемой в наших актах селом, а в Р. Пр. вервью, или... отдельных лиц... являвшихся владельцами «домов», «земель» или «дворов», которые фигурируют в зап.-русских актах в той же роли, в какой в Р. Пр. упоминаемые ею «село» и «товар»". По поводу словопроизводства „верви" от общего индо-европейского корня Warf или hwarf = округ, волость, Ясинский отмечал, что „новейшие германисты" (Brunner, Schröder) понимают под этим словом не округ, а народное собрание, вече (mallus, ding) (К.У.И., 1906, № 3, с. 10).

Пресняков: „В Киевской Руси в эпоху Русск. Правды единицей общественного строя, объединявшей группы задруг-дворищ, поселков в более крупный союз, была вервь. Это слово встречается только в Р. Пр., а в других памятниках отсутствует; это обстоятельство само по себе наводит на предположение, что слово «вервь» уже в XI—XII вв. стало вымирать. Позднейшие эпохи вовсе его не знают, а для соответствующего явления употребляют иные термины: в Зап. Руси — копа, на севере — погост, волость. Этимологически слово вервь указывает на кровную, родственную связь [linea, lignage]... Такой смысл имеет слово вервь в южно- и западно-славянских языках, рядом с «ужа» («ужики», «ближики» — родственники). «Врвные братья» у хорватов (Полицкий Статут) — члены кровно-родственной группы, которая связана и экономически, делят земельные угодья по врви — линиям родства по отцу. У западных и южных славян мы можем наблюдать довольно ясные следы родственных союзов, более широких, чем «задружна куча»: «братства» у сербов и хорватов (вероятно, и у болгар), которые территориально охватывали несколько сел и владели общими земельными угодьями (лес, пастбища) и состояли из нескольких задруг-куч с их «баштинами», т. е. вотчинами (наследственными участками). Для эпохи Р. Пр. у нас нет оснований предполагать на Руси кровной связи между членами верви: они называются не братьями, а просто: людие. Вервь Р. Пр. уже территориальный, соседский, а не кровный союз. Это наблюдение в связи с одиноким положением слова «вервь» в Р. Пр. среди других текстов побудило Ключевского (в неизданном курсе «Терминология русской истории») предположить, что «название верви для городского или сельского общества взято не из русского языка, а перенесено с славянского юга». Если и не принять такого предположения, все-таки приходится признать, что родовое, кровное значение «верви» не подтверждается русской бытовой действительностью. Едва ли когда удастся решить с полной определенностью вопрос о том, в какой мере термин вервь свидетельствует о былом существовании у восточных славян кровных союзов более обширных, чем «семейная община» (задруга). Остается, по аналогии с другими славянскими племенами, весьма вероятным, что такие союзы были в эпоху «общерусскую» на восточно-славянской прародине. Но в таком случае переселенческое движение, процесс расселения их частью разрушил, частью переродил в территориальные, соседские союзы. По типу русская вервь, какой мы ее знаем, ближе к чешскому и польскому ополю, иначе — соседству (vicinitas), да и в Сербии видим рядом с братствами «околины», т. е. и у западных и южных славян, как видно и по самой терминологии, выступают на заре их истории организации территориального характера — соседские общины. Значение и, так сказать, социальная функция этих соседских общин, по существу,

та же, что братства. Это — части племени, занявшие под хозяйство своих дворищ определенную, хотя, конечно, и не строго ограниченную, территорию, или, наоборот (в зависимости от того или иного хода колонизации), объединившие в соседский союз разрозненные дворища отдельных задруг. Эти отдельные хозяйства устраивались враздробь, захватывая под эксплоатацию участки поля и леса путем запашки, закоса, зарубок на деревьях, и так создавали свои заимки из «села»-дворища, со всем, что к нему потягло, а потягло — то, куда топор и соха ходили... Призвание соседской общины — прежде всего, некоторая регулировка этих [„междухозяйственных“] отношений, улаживание и предупреждение возможных раздоров и столкновений, которые неизбежно возникали при ограниченности количества более удобных и легких для эксплоатации участков. Потребность в установлении мирных соседских отношений определяла значение соседской общины. Она вырабатывала в практике соседских отношений основы обычного права для разрешения возникавших споров, постепенно вводила вольный захват в некоторые рамки раздела угодий, хотя бы на данный хозяйственный сезон, по взаимному мирскому соглашению соседей. Значение соседской общины крепнет при надобности защиты занятой «волости» от более дальних соседей, сгруппированных в другую соседскую, волостную общину. Она выступает союзом взаимной защиты, охраны внутреннего и внешнего мира. Из таких основных древнейших черт соседской общины вырастают в историческое время при дальнейшей эволюции народного обычного права такие явления, как право соседей — волостных людей — контролировать иммиграцию, т. е. появление новых поселенцев на территории волости, право соседской общины на выморочные участки вымершего дворища или даже право ограничивать соседей в распоряжении их своими участками, напр., отчуждать их на сторону. В параллель этим чертам позднейшего волостного быта идут другие: ответственность верви (по Р. Пр.) за преступления, совершенные ее членами или хотя бы на ее территории, ее обязанность искоренять в своей среде «лихих людей»... По аналогии с другими славянскими племенами, естественно представлять дело так, что у соседских общин были издревле свои старосты, может быть, выборные, а может быть, в древности и «природные», т. е. пользовавшиеся особым авторитетом члены определенных семей-дворищ... В наших источниках этот быт [„народный“] выступает уже очень сложным явлением, продуктом долгой и сложной культурной эволюции, «первые» стадии которой лежат далеко за пределами исторического изучения. Семейная община-дворище и соседская община-вервь рисуются двумя древнейшими, какие можем себе представить с некоторым основанием, ячейками восточно-славянского племенного быта“. Во всяком случае: „в новых условиях, по расселении, конечно, немыслима идиллия «однодворной» жизни вне соседских сноще-

ний и связей, которые, к тому же, подсказывались и традициями прошлой племенной жизни. Общеславянские, даже «общеарийские» черты общин — не только семейных (задруг), но и соседских (вервей) или родовых (братств) не позволяют говорить о таком начале ab ovo процесса образования элементарнейших общественных союзов у каждого славянского племени порознь". В эпоху Р. Пр. „княжая община" („огнищан-домочадцев, гридей, княжих мужей и слуг двора княжого, отроков") „стояла обособленно в общине городской (народной) и столкновения между ними были столкновениями двух замкнутых и обособленных миров: весь строй древней жизни вел к тому, что каждая общинная единица, семья-дворище, группа родичей (род) и соседская община (вервь) были своего рода союзами взаимопомощи, взаимной защиты. Они защищали жизнь и имущество своего сочлена, мстя за его убийство кровавой местью, но и защищая его, если он сам совершит насилие, против мести чужаков. Лишь постепенно вырабатывалась замена кровной мести и иного самоуправства соглашениями о замене ее денежной (имущественной) уплатой, покупкой мира (с обрядом примирения — покоры). Такую же отдельную организацию в ряду других представлял собой и княжой двор, с тем отличием, что все его дела касались князя. Поэтому месть за убитого кем-либо княжого человека превращалась в акт карающей княжеской власти а попытка мести княжому человеку наталкивалась на причастность к такому вопросу князя, как покровителя своих людей, и потому должна была выродиться в жалобу князю на дружинника-насильника. Тогда князь выступает в другой роли установителя «наряда», общего мира, охраны общественного мира и порядка. Как верховный посредник в столкновении, он определяет вознаграждение потерпевшему и кару виновному" (Лекции, с. 55 сл., 64, 132, 164—165). „Только при таком определении характера древней общины понятны... некоторые черты древнего права. Прежде всего судьба выморочного участка. Заимка отдельного дворища при исчезновении владевшей «селом» семьи не становится ничьей, так как входит в состав общинной территории. И недаром славянский перевод византийской Эклоги — текст о выморочном имуществе, который в оригинале говорит о том, что при отсутствии наследников имущество идет в казну, передал так: «аще ли ни жены будеть умершему, и тогда все имение его или апостольская церковь или царское сокровище или людской сонм да приимет». Такое наследование в выморочных имуществах знало и франкское право и право византийское (особого типа) [Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, II, с. 71]. Западное, германское право выработало и др. ограничения личных прав в пользу соседской общины, как контроль ее над правом отчуждения и над иммиграцией... У нас сходные черты развиваются или, точнее, делаются заметными в источниках только позднее. Другая характерная черта верви — ее судебно-административные обязанности и связанная

с ними ответственность. Она особенно ярко выступает в т. наз. гонении следа и уплате виры" (Лекции, I, с. 165).

Павлов-Сильванский „в статьях, относящихся к верви", видел „несомненное указание на древность... общинного устройства... XV века". „В какой мере вообще вервь близка к волости или погосту, об этом можно говорить только предположительно, но что вервь одной стороной своего строя, единственно нам известной, близка к волости, это несомненно. Это круговая ответственность волости-общины за убийство, совершенное на ее территории [см. ниже, с. 279]". „Ясные указания грамот, ведущие к 1200 году. Известия Начальной Летописи о сотских и старостах. Сотни, сотские, тысяцкие одинаковые с германскими, из одного арийского источника. Добрые люди — представители общины на суде, эти близкие родственники германских вещателей права. Наконец, круговая порука за преступления, связывавшая вервь одинаково с позднейшей волостью и с древней германской общиной" — „в целом эти элементы должны были составлять учреждение, очень близкое к позднейшей волости — погосту... Вервью и стом в это время [в X в. и раньше] на юге называлось как раз то, что в Новгороде называлось погостом". Павлов-Сильванский не принял объяснения слова вервь, данного Собестьянским (вервь, в переносном смысле, род, как латинское linea и франц. la ligne, означают не только веревку, но и связь родства; „Круговая порука у славян", 1888, с. 115—116), и предложил „другое объяснение, почему община-округ получила свое название от верви-веревки. В Англии, в некоторых местах, судебный округ (от древней судебной общины) называется «rape», а в Голландии reep, словом одного корня с rêp, râp, что значит веревка (Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, I. 2-е изд., с. 197). Это объясняют тем, что места древних судебных сходов (ding, mallus) торжественно при открытии заседания ограждались протянутой на кольях веревкой; отсюда у северных германских племен места собраний назывались «священные узы» (Vébönd). Может быть, вервью называлось собственно место схода, ограждавшееся веревкой, а с него название перешло на общину и ее земли, подобно северному названию погост, которое также означало собственно центральный пункт погостской территории, место мирских сходов" (с. 99 сл.).

Барац обращал внимание на то, что слово „вервь" — перевод еврейского chewel, означающего: 1) веревку, шнур (Иис. Нав., 2, 15; Эсф., 1, 6); 2) группу, сонм (I Царств, 10, 5); 3) жребий, удел (Пс. 104/105, 11); 4) межевую вервь (Зах., 2, 5; по объяснению Талмуда, вервь, как единица меры протяжения, была двоякая: одна содержала 4, а другая 50 локтей) и 5) полосу, область, по переводу Лютера — Gegend (Второзак., 3, 13, 14). Что в Р. Пр. слово „вервь" употреблено именно в последнем смысле (а не в смысле села, как у Ясинского) — „доказывается сравнением

ст. 3, 4 и 5 Пр. Пр... с древнейшим писанным памятником польского права": „Blibet aber eyn gemordet man uf dem veld adir uf der strose legende, unde weis man nicht, wer in geslogen hot" —„слово в слово, как в... 1-м стихе гл. XXI Второзакония,— то созывается судьею или же владельцем округа вся опола (dy gegenote, ср. указ. Лютеров перевод евр. слова chewel-Gegend)" и они возлагают на нее „пеню, во избежание которой опола (волость, союз близлежащих общин) может указать на одну из входящих в состав ее сельских общин (dorf), как на такую, к которой принадлежит виновный. Последняя в свою очередь может указать на род (Geslecht), а род на отдельное лицо (eyn man)" (с. 211).

Юшков понимает вервь как „большую семью". В доказательство своего мнения он указывает на то, что размеры верви были не велики, вервь была незначительным коллективом, и потому власть вынуждена была давать ей рассрочку в выплате виры. О том же, как думает автор, говорит и быстрое исчезновение термина „вервь" (Очерки, с. 10—12).

Греков настаивает на понимании верви в смысле сельской общины и, возражая Юшкову, указывает на то, что обязанность верви разыскивать преступника по территории верви противоречит пониманию верви как большой семьи. О верви как общине говорит и институт дикой виры. Исчез этот термин потому, как разъясняет Пресняков, что первоначально относился к родственному объединению, для обозначения сельской общины этот термин уже не подходил. Вервь соответствует по своему содержанию польской общине, обозначаемой в Польской Правде термином Gegenote (Киевск. Русь, с. 60—62).

Статья 4

Которая ли вервь начнеть платити дикую виру, колико лет заплатить[1] ту виру, зане же без головника им платити.

Переводы

И которая волость начнет платити такую пеню, то разложить платеж ее на несколько лет, ибо без участия убийцы платить они ее будут (Б.).

Która zaś włość zacznie płacić dziką wirę, tedy płacić ją będzie przez lat kilka, albowiem sami bez zabójcy płacą (R.).

Welcher Wehrbezirk aber anfängt, das wilde Wehrgeld zu bezahlen, da mögen sie einige Jahre dieses Wehrgeld bezahlen, weil sie ohne den Kopfschläger zu bezahlen haben (Ew.).

И если какая округа начнет таким образом платить дикую виру, то платеж сей, поелику он делается без участия убийцы, может быть рассрочен на несколько лет (Пл.).

Если какая община начнет платить дикую (повальную) виру, когда нет налицо убийцы, то пусть уплатит ее во сколько лет может (Ст.).

Wenn eine Gemeinde aber das wilde Wehrgeld bezahlt, so zahlt sie es im Verlauf einiger Jahre, weil sie ohne den Mörder es zahlen muss (G.).

Комментарии

Ланге: „Если какой-либо верви приходилось платить дикую виру, то та должна была в продолжение нескольких лет уплатить ту самую по количеству виру [занеже = нюже], какую положено было вносить при необнаружении преступника" (с. 120).

Соболевский: „Если которая-нибудь вервь начнет платить дикую виру, (все равно) во сколько бы лет они (члены верви) не уплатили

[1] *С, НС, РЛ, М* заплатять.

эту виру, (только им должно платить ее), так как, при отсутствии преступника, на них лежит обязанность ее платить“ (Юр. вестн., с. 619).

„Дикая вира“

Болтин: „Слово дикой в первобытности своей... означало... неопределенное, неизвестное, понятию несовместимое... Дикая вира.. цена за голову убитого неизвестным убийцей...“

Полевой: „Всего более давала средства защиты покоренным народам вира, платимая от целых вервей или селений, и особенно дикая или платимая в сроки. Здесь ясно стремление варяжских князей ограничить силу своих спутников“ (I, с. 80).

Эверс: „Дикий, ἄγριος, agrestis, толкует Лексикон треязычный... Следовательно, дикая вира будет пеня за убийство, совершившееся в глухом необитаемом месте, и никем в частности незаслуженная“ (с. 418).

Диев: „Название виры дикой здесь, кажется, произошло не от славянского слова дивий или дикий, но от греч. δίκω, которое по Шревеллиеву лексикону значит iacio, deiicio, бросаю, кидаю, наваливаю, что весьма согласно с пенею за найденное лежащим или брошенным тело“ (Р. ист. сб., с. 40).

Попов: „Дикая вира употребляется только в убийстве, совершенном вследствие ссоры“. „Вервь платит дикую виру и в том случае, когда не отыщут преступника, и когда отыщут; разница только во времени и разделении плат“ (Р. Пр., с. 58; ср. выше с. 256).

Дубенский: „Дикую виру... т. е. чужую, или за чужого, за чужую вину... Замечательно, что в отрывке из рукописной библии XIII в. читается слово вира там, где теперь в печатном окуп“ (с. 22).

Мацейовский: „Дикой называлась [вира] потому, что действительно была несправедливой. Разве могло мириться со справедливостью то, что община должна была платить за своего члена, если он сам не имел чем платить?“ (III, § 120, с. 130).

Калачов просто: „Вира, платимая вервью, называется дикой“ (с. 185).

Соловьев: „Если... убийца скроется, то правительство через это лишается виры; для предотвращения такого лишения... вира платилась целым округом, вервью, где совершено убийство; такая вира называлась общею или дикою... Это установление дикой виры встречаем мы и в других новорожденных обществах... Под дикою вирою разумелось также общее поручительство, по которому все или некоторые жители верви обязывались... помогать ему [убийце] в платеже виры“. „[Дикая вира] бесспорно явилась вместе с определением о вирах“. „Обычай

дикой виры в виде сотоварищества для вспоможения убийце... должен был особенно усилиться после Ярослава, когда месть была окончательно заменена вирами“ (I, с. 232).

По мнению Кавелина, „дикая вира не была собственно установлением или законодательною мерою, но образовалась сама собою, из внутреннего быта и характера миров“. „Первоначальная дикая вира взыскивалась в таком только случае, когда убит огнищанин разбоем и убийца его не будет сыскан [ст. 20 Кр. Пр.]. Впоследствии положение это расширилось, как видно из пространных списков: дикую виру стали взимать не за одно убийство разбоем огнищан, но вообще за всякое такое убийство кого бы то ни было... В этих списках назначение величины дикой виры за княжа мужа отнесено к концу статьи [ст. 3] и затем прибавлено, что за людина должно взыскивать по 40 гривен: приставка ясна... Не знаем, позднее или в то же время дикую виру стали, кажется, платить за все убийства без различия, притом хотя бы убийца находился в округе или в миру и был известен. Очень трудно объяснить, как это сделалось, тем более, что в списках, из которых это видно, прямо сказано, что за разбойников не платят виры, но выдают их на поток и разграбление; отмена ли мести за убийство уравняла разные его виды между собою установлением денежного окупа за все без различия, или мирам предоставлялось право заплатить виру за убийство или выдать разбойника — как бы то ни было, но, на основании Р. Пр., несомненно, что бывали случаи, когда округ платил виру даже если преступник был налицо, и даже когда он убил кого-нибудь не разбоем, но явно в ссоре или на пиру“. То обстоятельство, что „округ освобождался от обязанности платить виру, когда убитый был совершенно неизвестен“, „странное с первого взгляда, может быть объяснено только историческим происхождением вир. Вначале они были выкупом за убийство, заменою мести. Поэтому не было положено виры за неизвестного человека, т. к. за него некому было мстить, а, следовательно, и не от кого было откупаться“ (I, с. 501—503).

Ланге объяснял: „Слово дикий во многих случаях означало такой предмет, который находится на свободе... напр., дикая утка, дикие поля; следовательно, применяясь к вире, эпитет дикая показывает, что эта плата по своему происхождению в отдаленной древности была добровольной, свободной складчиной пени целой общиной за того или другого из ее членов, вследствие желания выручить его из беды, а также в видах собственной пользы каждого жителя верви, на случай если бы он совершил убийство. Но во времена Правды дикая вира делалась уже некоторым образом обязательной для верви, по крайней мере, по долгу взаимности относительно тех членов, которые сами прежде помогали ей во взносе пеней за убийц: «того же деля им помогати головнику, любо си дикую

виру». Однако ж и в этом случае свобода не была совершенно стеснена, потому что кто не хотел платить за другого виры, тот мог отказаться от платежа, но тогда уже лишался помощи общины, если сам делался убийцей [ст. 8]. Так как добровольная складчина за кого-нибудь и не могла бы существовать, если бы преступник не был обнаружен, то отсюда происходит, что название дикой виры отнесено в Правде только к той общинной пене за убийство, которая взыскивалась при обнаружении преступника [ст. 4, 5, 8]; вира же, платившаяся вервию, когда преступник не был открыт, не называлась дикой [ст. 3], потому что она была безусловно обязательной для всех членов той общины, где найден труп убитого". „Дикую виру постановлялось взыскивать не с той верви, где отыскан труп убитого человека, но с той, к которой принадлежал преступник, разумеется, если эта последняя не совпадала с первой". „Кроме 80-ти и 40-гривенных вир, за убийство в сваде назначалась иногда и полувира, которая также могла быть дикой" (с. 111 и 121). — См. ниже ст. 88 Пр. Пр.

И. Беляев: „Дикою вирою называлась: a) пеня за убийство, совершенное во время разбоя или когда нет налицо убийцы или же когда община не хочет выдать его; b) пеня за убийство, учиненное в ссоре; c) вира за убийство, учиненное на пиру явно, а не скрытно. Отличительный характер дикой виры был тот, что ее платил не сам убийца, а целая община, вервь, к которой принадлежал убийца, и притом община платила эту виру не вдруг, а погодно" (Лекции, с. 242).

Владимирский-Буданов: „Дикою вирою... называется всякая общинная вира, которая уплачивается: а) тогда, когда преступник не отыскан (предполагается нежелание общины его выдать); б) когда преступник, находящийся налицо, совершил неумышленное убийство. Круговая ответственность, по нашему праву, простирается, кажется, только на преступление смертоубийства, тогда как по сербскому и чешскому на все уголовные деяния" (Хр., I, прим. 10).

Сергеевич „дикой", „т. е. чужой", вирой считал ту, в которую „вкладывались" члены верви с целью взаимного страхования на случай совершения преступления „не предумышленного", „на пиру или в сваде" (Лекции, с. 389).

Пресняков видел в дикой вире „пример" „кары верви за бездействие" или „возможное укрывательство": „за мертвое тело, найденное на общинной земле, платит община за то, что не отыскала головника, убийцу". Думать, что платеж дикой виры „возникает путем договорного соглашения" — „противоречит категорическому требованию статьи о дикой вире за огнищанина. Вервь освобождается от помощи преступнику, если убийца не вложился при случае в платеж дикой виры... а помогает, если он прикладывался к ним вирою...". „Корень всех этих

правил, формулированных в Р. Пр. по поводу требований князя при случае убийства княжих людей, лежит в праве и обязанности верви искать и отыскать убийцу, и либо выдать его, либо выкупить его своей помощью в уплате виры, либо платить за неисполнение своей судебно-административной функции... Княжая власть имеет дело не с убийцей, а с вервью, которая его ищет, за него платит (если убит княжой муж), его выдает. Важно при этом отметить, что древнейшая редакция Р. Пр. [ст. 1—18] ничего не знает еще о вирах, поступающих к князю, а только плату за голову 40 гр. одинаково за гридя, дружинника, вообще за княжих мужей и за любого людина, «аще не будет кто мстя»". (Лекции, I, с. 202 и 166—167).

Павлов-Сильванский тоже отмечал, что „уплата дикой виры была обязанностью верви" и что ст. 8 „в такой общей форме" „совершенно не вяжется с остальными... Как же отдельные члены могли не вкладываться в ее уплату? Надо полагать, эта статья относится только к тем случаям, когда вервь, зная убийцу, своего члена, все-таки соглашалась платить за него дикую виру, по чувству товарищества, ввиду того, что убийство совершено им неумышленно: «в сваде или в пиру явлено». В таких случаях некоторые могли не признать неумышленности убийства, не признать его доказанным (если они не были на драке, которою заключился пир) и на этом основании требовать выдачи преступника, отказываясь от уплаты за него виры по раскладке. Таким-то лицам составитель Пр. Пр. и грозит... Из этого следует, что единственной твердой нормой была уплата дикой виры за убийство, совершенное неизвестным лицом. Уплата же дикой виры за неумышленное убийство не составляла твердой нормы обычного права". Аналогии „круговой поруки, этой дикой виры" Павлов-Сильванский указывал в польском и германском праве: 1) „если убитый найден будет лежащим в поле или на дороге, — гласит эта запись [польского обычного права XIII в.] — и неизвестно, кто его убил, тогда господин зовет к себе ополе и налагает на него вину за убитого, и если ополе не может указать на кого-либо, как на виновника убийства, тогда оно должно заплатить за убитого... Если же ополе скажет на какую-либо деревню, что в ней было совершено убийство, а деревня скажет, что она невиновна, тогда она должна очистить себя поединком или же уплатить за убитого"; 2) „in praedictis villis caput non solvent eo more, quo Poloni solvere consueverunt, nec condempnabatur in capite interfecti vel occisi, quod fuerit inventum in terminis eorum" (грамота 1221 г.); 3) „о ней [круговой поруке] ясно говорит Салическая Правда. Ответственность за убийство, совершенное на земле селения (villa), падает на жителей этого селения. Их призывает прежде всего судья, они делают насыпь в 5 футов вышиною и в присутствии судьи кладут мертвое тело на насыпь, с обязательством оставить его на месте.

Их зовет судья к ответу за это убийство на ближайшем судебном собрании (de homicidium istud vos admallo). Ответственность их, однако, меньше той, которая падала на наших вервников и волощан. Сельчане у франков должны были только очистить себя от подозрения присягою на суде, и в таком случае они не платили никакого взыскания. «Если же они дадут клятву и очистят себя присягой, то никакой виры с них не взыскивается». Si vero jurant... et se per sacramentum idoniaverint, nulla eis compositio requiretur" (с. 101—103).

Барац слова „любо си дикую виру" считал порчей выражения „людскую виру", толкуя ее как общинную виру (люди = члены верви) (с. 207 сл.). — См. выше, с. 258.

Гетц в рассрочке дикой виры видел указание на то, что при наличии головника „бо́льшую часть" виры уплачивает головник; а в подтверждение цитирует Schröder'a, Rechtsgeschichte, с. 82: „из вергельда преступник должен сам внести бо́льшую часть, обычно две трети, эта часть обозначалась в некоторых родах, как «наследственный выкуп» и передавалась узкой семье убитого, тогда как остаток («Magsühne» или «Vettersühne»), за который отвечал род преступника, поступал боковым родственникам убитого". Рассрочка вытекает из того, что община может быть „совершенно невиновна в преступлении, если преступник из чужой общины остается неузнанным и непойманным". Что касается термина „дикая вира", то Гетц вопрос о его происхождении решал „совсем простым образом", а именно: так как ст. 4—6 и 8 (см. выше, с. 261) „обращают внимание" „только" на случай убийства людина и имеют дело с 40-гривенной вирой за людина, то и следует считать правильным вариант „людскую виру" = виру, уплачиваемую за людина. „А это точно то самое слово, которое мы встречаем в англо-саксонском leodgeld от leod, древне-верхне-нем. liut, т. е. populus, в древне-норв. mangiald, Mannbusse. Так через описку, которые, к сожалению, столь многочисленны в списках Р. Пр., возникло странное «дикая вира»". — Раз так, то и трудность толкования выражения „любо си дикую виру" (см. ниже с. 285) отпадает: „«любо» образует со своим изувеченным слогом «люд» мост между «людскую» и «дикую виру»". Встречающуюся в Новг. I, с. 191, 1209 г., „виру дикую" Гетц объяснял, как позднейшее „бессмысленное" употребление ранее возникшего по ошибке переписчика слова. Таким образом, дикую виру Гетц считал вирою вообще, и этой последней в Пр. Пр. приписывал обязательность уплаты в любом случае всей общиной. И круговую ответственность по уплате всякой виры считает заимствованием из германского права, сам же указывая и 2 существенных „отклонения" русского права от германского в этом отношении: 1) из германского вознаграждения родственникам вира „обратилась" в России в княжеский штраф, и 2) при уплате ее на место германского

„родня преступника“ встала „славянская община, вервь“ — [отклонения слишком существенные, чтобы оставалась возможность говорить о заимствовании, — *Б. Р.*] (III, с. 39, 43, 48).

Филиппов возражал Гетцу: „прилагательное людской происходит от чисто-славянского слова люд, которое находит себе аналогию в индоевропейских языках“ (Schrader. Die Indogermanen, с. 113); заимствование слова „люд“ из германского отрицается и Berneker'ом (Slavisches ethimologisches Wörterbuch, I B., Heidelberg, 1908—1913): „Die Entlehnung von *l'ud* aus dem Germanischen verbietet baltische *l'audis*“. „Кроме того, мы не видим никакой ошибки в замене одного прилагательного другим, так как дикий не означает ничего иного, как общий, относящийся ко всем людям (в данном случае — живущим в одной верви). Дикая вира, как общинная (или общая) вира есть также людская вира, которая уплачивается всеми свободными людьми (людиями) данной общины... Переписчик только заменил один термин другим, более понятным“. Что касается круговой поруки, то она „принадлежит к такого рода юридическим институтам, которые на известных ступенях развития человечества встречаются едва ли не у всех народов, а потому вовсе не нуждается в каких-либо специально германских право-воззрениях“ (Юр. вестн., 1914, VI, с. 212).

Романов по поводу рассрочки уплаты виры на несколько („колико“) лет, „в случае неотыскания убийцы или если убийца был из чужой верви“, отмечает, что именно „на этом пути вира превращалась в раскладочный сбор“ (Уч. пос., с. 57).

Статья 5

Будеть ли головник их в верви, то зань[1] к ним прикладываеть, того же деля им помагати головнику, любо си дикую виру; но сплати[2] им вообчи 40 гривен, а головничьство самому головнику; а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть.

Переводы

Если же убийца после сыщется в их волости, то как он участие имел равное с прочими в платеже пени за неизвестного убийцу, так и им помогать ему в платеже пени за убийство, им учиненное; или волости заплатить 40 гривен токмо, а другие 40 гривен заплатить убийце (Б.).

A jeżeli zabójca będzie w ich włości, tedy ponieważ do niego przykładać się muszą, dla tej więc przyczyny winien im pomagać do zapłacenia tej dzikiej wiry. Zapłacić więc mają wspólnie 40 grzywien; a główszczyzny sam zabójca grzywien 40 ma zapłacić razem z drużyną w przypadającej na nią części (R.).

Wenn nun der Kopfschläger in ihrem Wehrbezirke ist, dann, weil er zu ihnen mit beiträgt, müssen sie ihm, dem Kopfschläger, in der Sache helfen, oder auch sie (bezahlen) ein ländlisches Wehrgeld. Sie bezahlen überhaupt 40 Grivnen; aber das Kopfgeld der Kopfschläger selbst, und 40 Grivnen bezahlt er auf seinen Theil mit seiner Genossenschaft (Ew.).

Если же убийца находится сам в оной округе, то, поелику он равномерно участвует в платеже пени, и она взаимно должна помогать ему, или же платить дикую виру, то есть заплатить, с своей стороны, общими силами 40 гривен, а другие сорок гривен пени на свою часть платить самому убийце вместе с своею дружиною (Пл.).

Если же убийца из той же общины и находится налицо, то община или помогает ему, так как и он приплачивал за других по общественной раскладке, или же платит дикую (повальную) виру в 40 гривен, сообща,

---

1 *С, НС, РА, М, РМ, АП* зане.

2 *С, НС, МП, АП* сплатити.

а вознаграждение потерпевшим платит сам убийца, внося в виру только свою долю по раскладке (Ст.).

Ist aber der Mörder in ihrer Gemeinde, so helfen sie deswegen dem Mörder, weil er zu ihnen seinen Teil beiträgt; oder [nämlich (?)] das wilde Wergeld. Aber sie zahlen insgesamt 40 Grivna, das Kopfgeld dagegen (zahlt) der Mörder selbst. Aber zu den 40 Grivna zahlt er [der Mörder] aus der Gemeinde seine Teil (G.).

Комментарии

Болтин: „Головничество... вира тож".

Рейц: „Виновный... кажется, платил половину виры и... головничество ... "(с. 182).

Диев: „Кажется, головничество, по выражениям 2 [А, 5] ст. Правды, значило денежный взнос, взимаемый с головника, когда, несмотря на скрывательство его волостью (вервью), правительство отыскивало его, между тем как дикая вира с волости взыскивалась своим чередом за скрывательство. Даже вервь по сему закону должна была за скрытие человека помогать ему в головничестве, если на платеж у него недоставало денег" (Р. ист. сб., с. 42).

Иванишев: „Месть и обязанность платить головщину падала на одного только преступника, не касаясь его родственников". „Р. Пр., определяя так подробно количество виры, принадлежавшей князю, когда не было родственников убитого, оставляет без всякого внимания количество платы за голову, которое должны были получать родственники убитого" (с. 104 и 97).

Попов: „Дикую виру платит вервь вместе с преступником, 80 гривен, разделяя так: 40 гривен платит вервь, а 40 сам преступник, и эта последняя названа головничеством. Итак это денежное вознаграждение, платимое самим преступником, точно также, как плата за голову [в ст. 1-й]" (Р. Пр., с. 41).

Дубенский, считая головничество „синонимом слову вира", слова „им воопчи" понял как указание, что речь идет о полувире в 40 гр., т. е. о вире в 80 гривен, и относил статью к убийству княжа мужа (с. 23).

Кавелин: „Статья Р. Пр. подробно определяет, в какой мере участвует в уплате дикой виры сам преступник. Однако такая раскладка виры на округ или мир тоже не была, повидимому, общим правилом, потому что в другой статье Р. Пр. [ст. 8] прямо сказано, что кто не участвует в уплате дикой виры, за того и люди не платят, а он платит сам. Чем определялись эти исключения: добровольно самим мирянином, жителем верви, или тем, что он принадлежал к особливому

от остальных ее жителей званию и не был в общине — трудно сказать, по недостатку данных" (I, с. 503).

Богдановский: „Если, впрочем, сам убийца находится в верви, в общине, то и он участвует в платеже виры — именно половины ее, 40 гривен при 80-гривенной, и 20 гривен при 40-гривенной: «а в 40 гр ему платити из дружины свою часть»" (с. 31).

Ланге: „При открытии же убийцы, только потому что (зане) он к ним, членам верви, прежде прикладывал, т. е. участвовал в складчине, того ради (того же деля) и им следует помогать убийце, иначе сказать, платить дикую виру (любо си дикую виру); но совместно им, вложившимся в виру, 40 гривен, а головничество самому головнику, и из 40 гривен убийце свою часть". Ланге не сомневался, что „если известный и изобличенный уже преступник скрывался или умирал... то родственники его обязаны были... выплатить как головничество, так и виру вполне или в части" (с. 120 и 139).

Владимирский-Буданов дал такой перевод: „Но если преступник находится в верви, то вервь должна помогать преступнику, или тоже платить дикую виру, потому что (преступник) прикладывается к верви (состоит с ней в круговой поруке); но общая уплата простирается только на (виру) 40 гривен, а не на головничество (вознаграждение родственникам убитого), которое уплачивает один убийца; что же касается (виры) 40 гривен, то преступник платит столько, сколько приходится на его часть (по расчету числа членов товарищества)" (Хр., I, прим. 10). „Дружиною называется товарищество, основанное на договоре, напр., общество обязавшееся круговой порукою по уплате виры". „Высота головничества не определяется законом; только при изувечении назначается определенное вознаграждение, именно в половину против уголовного штрафа (10 грив.; ст. 27)" (Обзор, с. 28 и 337).

Соболевский переводил: „Если преступник будет в верви, (в случае), если он участвует (в платеже вервию вир), вследствие этого (последнего обстоятельства, должно) им или помогать преступнику, или (при нежелании помогать) взять на себя дикую виру (т. е. внести всю сумму без участия в ней преступника, как бы при его отсутствии, в виде не простой, а дикой виры). Но уплатить им (должно) всем вместе (членам верви и преступнику) 40 гривен, а вознаграждение родных убитого — дело самого преступника. А для составления 40 гривен (должно) ему внести, как (одному) из товарищества (как члену товарищества), (только) свою часть" (Юр. вестн., с. 619).

Павлов-Сильванский считал текст ст. 4 и 5 „совершенно искаженным и непонятным" и приписывал это не только „позднейшим переписчикам", а и „составителю Пр. Пр.", „который плохо понимал памятники, написанные за 2 и $1^1/_2$ столетия назад, и жестоко искажал

их своими комментариями", так что „запутался в своих стараниях, сохраняя текст древних статей, объяснить их вставками и добавлениями на основании порядка значительно более позднего времени". Недоумения свои Павлов-Сильванский выразил вопросительными знаками при словах: „зань", „колико", „того же деля" и „любо" (с. 101, прим.).

Барац находил, что толкование (у Владимирского-Буданова) фразы „любо си дикую виру" = или вервь должна тоже платить дикую виру — „не соответствует ни буквальному смыслу сказанной фразы, ни общему смыслу статей 4—6, трактующих исключительно об условиях, при которых вервь помогает преступнику в уплате виры, а не вместе с тем об альтернативной обязанности общины также (?) уплатить дикую виру, почему-то названную дикой. Таковая обязанность ни в каком случае не лежала на общине, если преступник находился налицо". Барац перекраивал текст ст. 5 и 6, а) соединяя ст. 8 со ст. 5 и 6, б) переставляя фразы и в) исключая слова „а в сороце гривен", которые переносил в начало ст. 9, ради параллелизма структуры абзацев о 40-гривенной и 80-гривенной вире, и получал такой текст: „будет ли головник их в верви [оже будет убил в сваде или в пиру явлено], то зане к ним прикладывает [вар.: еже ся прикладывает вирою], того же деля им помогати головнику и платити вопчи [из дружины]... головничество. Но [оже кто не вложится в дикую (по нек. сп.: людьскую) вину (испр. виру), тому людие не помогают, но сам платит] [вар.: то самому головнику заплатити... своею частию]". Выходило, что при наличии совершившего неумышленное убийство община „уплачивает за него виру, иначе назыв. головничеством", но лишь при участии его в общей кассе на предмет взаимопомощи при уплате виры. В противном случае он должен уплатить „всю виру (или что то же, головничество) своею частью", — „т. е. из своего собственного имущества, понимая здесь слово «часть», как в ст. 4 договора Олега, в смысле евр. chelek — удела, достояния, собственности" (с. 212 сл.). — Ср. выше, Дубенский.

Гетц усомнился в „правильности текста" только в одном пункте: „любо си дикую виру", дословно — „или дикую виру". При таком переводе получается, что дикая вира — иного рода вира, чем та, которую по ст. 5 совместно вносят убийца и община, что противоречит ст. 8. Сообразно с этой последней можно бы ждать, что вместо „любо" = „или" следовало бы читать „а именно" = nämlich (ср.: Срезн., III, с. 343: любо си = если даже). Однако см. выше, ст. 4. — Выражение „из дружины" Гетц считал возможным объяснить и так, что „части виры делятся поровну между всеми членами общины, в том числе и преступником" (ср. ст. 4). Понятие „дружины" в Р. Пр. дало повод Гетцу и здесь искать „прямого заимствования древне-русского постановления из германского права", — потому только, что в германских Правдах „круг тех,

кто обязан помогать преступнику в уплате вергельда", часто называется „друзьями" (Freunde): „это обозначение перешло из германского права в древне-русское право вместе с словом [разрядка моя, — *Б. Р.*] дружина [družina], подобно тому как вергельд стал вирою, потому что «Wergeld» невозможно было перевести собственно славянским словом так, как это было возможно с družina, от drug = друг, именно для германского Freund" (III, с. 29 и 45). — [Значит, слово „дружина" и не „перешло" в русское право! — *Б. Р.*].

Щепкин, дав перевод всей группы ст. 3—8 (см. выше, ст. 3), высказал предположение, что головничество не было равно 40 гривнам, „так как ему противополагается именно участие в уплате их, «в сороце гривен»" (с. 95).

Романов предлагает такой комментарий: в отличие от ст. 3 — „это второй случай разбойного убийства: в верви нет скрывшихся, все налицо, но вервь не могла отвести следа на территорию чужой верви, значит — убийца тут. Если он член верви (т. е. платит дикую виру по мирской разверстке), вервь обязана либо полностью заплатить виру (ст. 4), либо помочь ему в платеже: но вира должна быть уплачена княжому вирнику без отговорок. На случай возможных споров о размерах помощи ответственность делится: а) вира уплачивается по раскладке всеми, включая убийцу, б) от головничества вервь освобождается, его платит убийца; такой способ уплаты и есть помощь, а не дикая вира" (Уч. пос., с. 57).

Тихомиров отмечает систематическую замену термина „вира" термином „вина" в Пушк. и Арх. сп., и видит в этом „указание на то, что протограф Пушкинского и Археографического изводов возник в Новгороде" (Исслед., с. 165).

Статья 6

Но оже будеть убил или в сваде или в пиру явлено, то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають[1] *вирою.*

Переводы

Также ежели убийство учинится в ссоре или в пьянстве при людях, то платить убийце пеню с помощью ж ему в платеже от волости, как выше сказано (Б.).

Lecz jeżeli zabije jawnie albo w kłótni, albo w pijaństwie, tedy ma zapłacić razem z włością, która do wiry przykładać się winna (R.).

Und wenn er jemand erschlug im Streit, oder öffentlich bei einem Gelage, so bezahlt er ebenfals jetzt dem Wehrbezirke gemäss (по вервю ныне), weil er mit zugerechnet ward bei dem Wehrgelde (Ew.).

Если кто убьет человека в ссоре, или в пьянстве явно, то убийца платит пеню также с помощью от округи (Пл.).

Но за убийцу, вкладывавшего в вирные платежи общины за других община платит по раскладке только тогда, когда он совершил убийство в ссоре или на пиру явлено (Ст.).

Hat aber (der Mörder den anderen) im Streit oder beim Gelage öffentlich erschlagen, so zahlt er gleichfalls mit der Gemeinde gemeinsam, weil er zu dem Wergeld seinen Teil beiträgt (G.).

Комментарии

Болтин переводил „по вервиныне“ = „обще с волостью, по расположению на всю волость“.

Дубенский, имея в виду чтение „повервиины“, считал его прилагательным к подразумеваемому здесь „куны или деньги“, т. е. „сбор со всей волости“, сопоставляя его с „земским разметом“ ст. 72 Судебника Ивана IV и „разрубом“ Двинской грамоты (с. 24).

---

[1] *С, НС, РА, М, РМ, МП* прикладываеть.

Лешков отмечал, что „не потому участвовали люди в платеже по вервиныне, что были... свидетелями убийства, а по особенной связи с головником“, с которым „были связаны особым союзом. Этот союз в Правде называется вервиныней... призывается к ответу в случае явного убийства“ (Р. народ, с. 101).

„Иже ся прикладывает вирою“ Дубенский переводил: „что ему причитается по раскладке виры“, считая, что иже=как (с. 24).

Богдановский: „Но кажется, что община должна была участвовать в платеже не в одном только случае тайного убийства... [а] и в случае явного убийства, когда оно совершено «в сваде или в пиру явлено» — что можно заключить из слов: «то тако ему платить по вервинне, иже ся прикладывают вирою»“ (с. 31).

Ланге: „[свою часть] — какая причиталась на его долю по раскладке — следовало платить только в том случае [но оже=аже], если убийство произведено в сваде или явно на пиру. Изъясненным способом (то тако) надлежало преступнику платить совместно с жителями той верви, к которой он сам принадлежал по взносу виры“. „Различение убийств в сваде и на разбои без свады было весьма важно по отношению к платежу дикой виры... Она взыскивалась только за убийство в сваде“ (с. 118—120).

Владимирский-Буданов переводил: „Но на таких условиях, т. е. с помощью верви, к которой он прикладывается вирою, он платит только в таком случае, если совершил убийство в ссоре или на пиру открыто“ (неумышленное убийство; в противном же случае см. ст. 7) (Хр., I., прим. 10).

Сергеевич отмечал, что „анализ Правды очень груб. В основу различия [„деяний по участию в них злой воли“] она кладет чисто внешние признаки: совершение убийства в разбое и на пиру или в ссоре... Но в разбое могло иметь место неосторожное убийство, а на пиру — умышленное. Р. Пр. этого не различает“. Но „признаки обыкновенного убийства по русскому и германскому праву весьма между собой близки. По германскому праву это убийство, совершенное в гневе и притом явно (Wilda, с. 705). По Р. Пр. обыкновенным убийством можно считать убийство «в сваде», т. е. ... тоже в гневе. Ему приравнивается убийство в пиру, т. е. под влиянием застольного возбуждения“ (Лекции, с. 350, 408).

Максимейко объяснял слово „явлено“: „нельзя помешать преступлению, втайне задуманному... Но возможны предупредительные меры против преступлений, совершенных в ссоре или вследствие опьянения... Вот почему члены верви... отвечали только тогда, если убийство произошло в сваде или на пиру. Однако, пир и свада могли происходить... уединенно... некому было остановить драку, некому было следить

за пьющими... При таких обстоятельствах... не было основания привлекать членов верви к платежу виры... В таком смысле надо понимать... «явлено»" (Мним. архаизмы, с. 149).

Павлов-Сильванский, сопоставляя ст. 6 со ст. 7, видел в них „очень древнюю норму права, по которой вира за душегубство рассматривалась не как кара, а как выкуп за убийство" (ср. выше, с. 278—279, Павлов-Сильванский и Пресняков) (с. 101, прим.).

Гетц предпочитал чтение Синод. сп.: „прикладывает", потому что предшествующие статьи говорят уже дважды о том, что преступник вносит свою часть в общую виру; отсюда же и „тако ему платити по вервиныне", т. е. „он платит точно так же", как в предшествующих статьях, т. е. „вместе с общиной". То же и в ст. 8, тесно связанной со ст. 6. Ст. 6 происходит из ст. 19 Кр. Пр., где „убийство в обиду" есть „убийство в ссоре на пиру". Гетц особо останавливался на выражении „из дружины свою часть" — см. ст. 5 (III, с. 31 и 35).

Романов, считая текст ст. 6 испорченным и не поддающимся точному переводу, предлагает сравнить его со ст. 19 Кр. Пр., где убийство „в обиду" было противопоставлено „разбою", как изъятое из ответственности верви. Ст. 6 сохраняет это противопоставление (ст. 3 и 5): „отсюда, вероятно, здесь «но» и «явлено»: убийца и не скрывается, убийство совершилось на глазах у людей или в ссоре или в пьяной драке. А ответственность верви та же, (что в ст. 5), тогда как раньше в тексте ст. 19 Кр. Пр. было: «людем не надобе» (отсюда «ныне»); если убийца член верви и притом исправный плательщик вервьной дикой виры, вервь не освобождается от ответственности в размерах, очерченных в ст. 5" (Уч. пос., с. 57—58).

Тихомиров тоже обращает внимание на слово „ныне", как принадлежащее протографу Пр. Пр. и указывающее „на новый порядок" в уплате виры, но толкует этот „новый порядок" иначе: новость тут заключалась в том, что „ныне" „должны платить вместе с вервью те, кто прикладывают вирою". Следовательно, „собирание дикой виры на купцах", тянувших к купеческому „сту", а не в смердий „погост", „было нарушением обычая, так как ныне следовало ее брать только с тех, кто относится («прикладываеть») к верви". Поскольку собирание „по купцем виры дикой" в рассказе Новг. I лет. под 1209 г. было поставлено в вину Мирошкиничам, сопоставление этого рассказа со ст. 6 служит Тихомирову для определения даты составления Пр. Пр. (Исслед., с. 228).

Статья 7

Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли стал на разбои без всякоя свады, то за разбойника люди не платять, но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление.

Переводы

Ежели же кто без всякой причины нападет на кого и убьет, за такового убийцу волостные обыватели не платят, но выдадут его, с женою и с детьми, для определения в ссылку или заточение, а дом его да отдается на разграбление (Б.).

Jeżeli kto stanie do pojedynku bez wszelkiej zwady, to za zabójcę ludzie nie płacą, lecz wydadzą i jego samego, i z żoną i z dziećmi w niewolę a majątek na zabranie (R.).

Stand man ohne allen Streit zum Anfalle auf; so zahlen für den Anfallen die Leute nicht, sondern geben ihn ganz mit Weib und Kindern zur Verbannung und zur Beraubung (Ew.).

Если кто убьет человека без всякой ссоры, то волостные обыватели не платят за убийцу, но выдают его вместе с женою и детьми на заточение и разграбление (Пл.).

Кто же убил во время грабежа без всякой ссоры, то за разбойника община не платит виры, но выдает его князю всего с женою и с детьми: пусть князь самого с семьей сошлет (поточит), а имение его конфискует (Ст.).

Hat er aber den Mord ohne jeden Streit begangen, dann zahlen die Leute für den Mörder nicht, sondern sie liefern ihn ganz aus mit Weib und Kindern zur Verbannung und Güterkonfiskation (G.).

Комментарии

Раковецкий: „[истец] согласно права возмездия должен был прежде всего высказать свои упреки обидчику и выслушать его оправдания, а затем, если при помощи посредников согласие не могло быть достигнуто

вызвать его на поединок. Кажется, поэтому того, кто прибегает к поединку без предшествующей «свады», т. е. „zwodu“ [попытки примирения], спора, посредничества других, данная статья обрекает на конфискацию имущества и холопство, освобождая вервь от дикой виры“. Раковецкий возражал против перевода Болтиным слова „поток“ словом „заточение, ссылка“, сомневаясь, чтобы „в те времена могли быть такие места, куда государь мог ссылать преступников в заключение“, и понимал „поток“ как обращение в неволю. Термин этот происхождения норманского, подобно терминам „вира“ „вервь“, „тиун“ и др. (II, с. 47 и 133—134, прим. 39).

Карамзин рассуждал о потоке и разграблении: „человек, лишенный таким образом вольности, делался рабом, холопом, и князь мог продать его как товар... Не думаю, чтобы народ мог действительно разграбить его имение: гораздо вероятнее, что оно также шло в казну“ (II, прим. 72).

Эверс: „Поток, слово, которое означает заточение, изгнание, отлучение от общества (вероятно, посредством продажи в рабство в чужую землю), также заключение в темницу, и, следовательно, не содержит в себе понятия смертной казни...“. „Разграбление, неоспоримо, означает здесь опись имения в казну [Confiscation]“. „De jure Norvegico homicidium a se commissum celans puniebatur et exilio, et confiscatione bonorum (Stiernhöök, De jure Sveonum et Gothorum vetusto, c. 348)“ (с. 256 и 418—419; нем. изд. с. 337).

Рейц: „Ссылка была единственным наказанием... Было ли это настоящее разрушение и разграбление, или происходил при сем [как в Новгороде] какой-нибудь дележ? Последнее вероятнее...“ (с. 188—189).

Соловьев: „разбойника... отдавали вместе с женою и детьми князю на поток (изгнание), дом его отдавался на разграбление“ (I, с. 233).

Ланге: „Существительное поток одного корня с глаголом поточити, который соответствует слову сослать“ [Мстислав в 1129 г. „поточи князи полотские Царюгороду“ (Лавр.); Александр Невский „немец и чудь, исковав, поточи в Новгород“ (ПСРЛ, IV, с. 179)]. „Итак слово поток означало ссылку, может быть, даже с заключением“ (с. 125).

Сухов: поток „в древний период“ — „что впоследствии обозначалось термином «выбити из волости вон»“; „по призвании князей“—„изгнание... превратилось собственно в выдачу князю преступника для ссылки его. Разграбление же... было лишение преступника части или всего имущества, которое, за удовлетворением истца, или забиралось князем или делилось самим обществом“ (Юр. вестн., 1873, декабрь, с. 8).

Владимирский-Буданов: „Поток — баннитство (лишение покровительства законов), всегда соединяемое с конфискацией; поток в друг. списках погнание (ср. дог. Смол. с нем. 1229 г., ст. 11). Это

уголовное взыскание заменяет собою виру, которую по ст. 19 Кр. Пр. платил прежде один убийца (без помощи общины)" (Хр. I, прим. 12).— „Совершенно подобным образом различаются оба понятия [убийства непредумышленного, в сваде, и предумышленного, в разбое без свады] в Полицком Статуте (XVII, 55—56): где случится мертвая кровь, то 140 либр, т. е. когда кто убьет другого в ссоре; а если убьет способом ассасинским (разбойничьим), из засады или по какой корысти, или, убивши, ограбит, то следует vražda". „Поток и разграбление... составляют одно наказание, а не два вида наказаний". Они „не только заменили виру за предумышленное убийство, но и распространены на конокрадство и поджог, а практика распространяла это наказание и на политические преступления (Новг. I, 1209 г.)... Первоначально поток и разграбление имели неопределенное значение: с лишенным прав и его семьею можно было сделать, что угодно, напр., в Новгороде в 1209 г. «Мирошкин двор и Дмитров зажгоша, а животы их поимаша, и села их распродаша и челядь»; в 1230 г там же «заутра убиша Смена Борисовица, и дом его весь разграбиша, и села, и жену его яша». Разграбленное имущество иногда делили «по всему городу по 3 гривны»; в княжествах оно поступало князю. При тесной солидарности имущественных и личных прав семьи, естественно страдала жена и дети, причем, однако, могло следовать и предположение о их соучастии в преступлении мужа и отца и, по крайней мере, о пользовании плодами его (ср. Судебн. Казим., ст. 1 и 5) Из этой неопределенной сущности потока развились уже в эпоху Р. Пр. все виды уголовных кар": „наказания, обращенные на свободу", как „изгнание и ссылка", „заключение", „заточение", „обращение в рабство"; „наказания, обращенные на здоровье, болезненные и членовредительные", и „смертная казнь" (Обзор, с. 327, 338—339).

Сергеевич видел здесь „след влияния греко-римской системы" и обратил внимание на славянский перевод византийских сборников светского законодательства: „там, где в оригинале говорится о конфискации и ссылке... «publicatis bonis relegantur», в русском переводе стоит: «разграблены бывше, да изженутся»". Поток и разграбление „есть новый вид наказания, возникший под влиянием Византии". [Позднее: „АЭ, III, № 36, Судная грамота Устюжны-Железопольской, врем. Мих. Федоровича: «а кто взыщет... разбоя... ино ищее иск заплатити из ответчиковых животов, а что за тем останется животов, и то отписати на государя»; или: «и тех ябедников бити кнутом, а животов их не грабити», т. е. не конфисковать"]. „Здесь можно предполагать влияние духовенства, которое еще Владимиру советовало казнить разбойников. По Псковской Судной грамоте «разбой, наход, грабеж» караются продажей, но высшей, чем кража" (Лекции, с. 339, 395, 421).

Максимейко не находил „в тексте Р. Пр. данных на то, что она под потоком разумеет именно эти виды наказания [изгнание и ссылку]". Ст. 7 говорит о „людях" „в специальном значении членов верви... Выдача разбойника на поток обозначает удаление его из верви... Выход преступника из состава верви был... естественным последствием разграбления или конфискации" (Мним. архаизмы, с. 151).

Ключевский видел здесь „конфискацию всего имущества преступника и продажу его самого в рабство за границу со всем семейством"; это „след" „законодательной работы духовенства" (I, с. 269).

„Разбойник"

Болтин: „Разбойник, нападший на кого без всякие причины, нагло, как злодею прилично".

Карамзин: „В Кормчей книге (Градского Закона, грань 39) сказано «нарочитии разбойницы на местех, на них же разбой творяху, повешени да будут, да видения ради убоятся начинающии таковая, и да будет утешение сродником убиенных от них». Следственно именем разбойников означены убийцы" (II, прим. 72).

Сергеевич: „Это люди, которые живут разбоем"; понятие же „стать на разбой" — „более широкое, чем понятие убийства... можно заниматься разбоем, т. е. насильственным отнятием чужого имущества и без убийства... В XV в. высшая мера наказания, смертная казнь, постигала у нас не одних только убийц, но всех ведомых (лихих людей) разбойников и татей и тех, кто у себя разбойников держит и кто в эти притоны приезжает и продает там разбойную и татебную рухлядь, словом, всех, занимающихся разбоем, как ремеслом... Это самое значит и выражение Р. Правды «стать на розбое». Она подвергает потоку и разграблению не одних убийц, но и разбойников и воров и пристанодержателей... т. е. тоже лихих людей" (Лекции, с. 351, 409 — 410).

Владимирский-Буданов переводил: „Кто совершил убийство безо всякой ссоры (без «вины», как сказано в заглавии ст., т. е. без вызова со стороны убитого), за такого разбойника вервь не платит, но выдает его всего (с имуществом), с женою и детьми на поток и конфискацию". „Это уголовное взыскание заменяет собою виру, которую по ст. 19 Кр. Пр. платил прежде один убийца (без помощи общины)" (Хр., I, прим. 12).

Соболевский полагал, что здесь имеются в виду „разбойники-грабители, делающие нападения без ссоры и вообще без «вины», без причины, вне наблюдения членов верви, с целью грабежа. Естественно, этот разбой вел за собою со стороны верви иную ответственность и

делал обязательным наказание преступника в лице его самого и его близких" (Юр. вестн., с. 620).

Гетц находил, что ст. 7 разрывает связь ст. 6 и ст. 8, и считал ее добавлением позднейшего переписчика. Повод ко включению ее именно сюда „совершенно очевиден": „ст. 6 говорит об убийстве без свады, к этому позднейший переписчик-редактор (Benutzer) Пр. Пр. прибавляет случай, когда убийство происходит именно без всякой свады". Последнее верно передано в заголовке: „без вины". „Большая разница" между „то за разбойника люди не платят" статьи 7 и „а людем не надобе" статьи 19 Кр. Пр.—Гетц оспаривал обычное мнение (Сергеевич. Лекции, с. 409; Владимирский-Буданов. Хр., I, прим. 12, 4 и 8) о связи „убийства в обиду" и „разбоя без всякой свады", связи ст. 19 Кр. Пр. и ст. 7 Пр. Пр.; по ст. 19 „людям не нужно платить", по ст. 7 „они не могут платить, им запрещено вступаться за аукгора"; по ст. 19 „убийство в обиду наказуется денежно", по ст. 7 за „разбой без свады" уплата денег недостаточна и полагается поток и разграбление с женой и детьми. „Таким образом по ст. 19 ауктор должен, и только он один, заплатить 80 гривен, по ст. 7 он не может платить, он не может покончить дело деньгами, как при простом убийстве [Mord], предусмотренном в ст. 3 Пр. Пр.". „Нельзя также рассматривать ст. 7 как дополнение к ст. 3 Пр. Пр., как будто в 3 ст. убийца не находится в общине, между тем как ст. 7 исходит из его наличия там", ибо „по ст. 3 оно оплачивается вирой, а по ст. 7 назначается изгнание". Правильность этого взгляда Гетц подкреплял „параллельным постановлением" в декрете Хильдеберта 596 г.: „De homicidiis vero ita iussimus observare, ut quicunque ausu temerario alium sine causa occiderit, vitae periculum feriatur; nam non de pretio redemptionis se redimat aut componat. Forsitan convenit, ut ad solutionem quisque discendat, nullus de parentibus aut amicis ei quicquam adiuvet; nisi qui praesumpserit ei aliquid iuvare, suum werigeldum omnino componat, quia iustum est ut qui novit occidere, discat morire". По поводу этого запрета Brunner (с. 47) замечает: „закон относится только к преднамеренному убийству, которое совершено не во исполнение права мести, к «дерзкому» убийству. Относительно убийства, которое совершено не ausu temerario и не sine causa, по декрету Хильдеберта ничто не должно меняться в существующем праве. Раз дерзкое убийство дошло до суда, выкуп просто исключается. Приговор суда в этом случае не может гласить об уплате вергельда, а должен гласить о смертной казни, которая не может быть заменена деньгами. Не исключен выкуп, состоявшийся без судебного вмешательства. Но для того, чтобы затруднить соглашение о внесудебном выкупе, родственникам запрещено, под страхом взыскания собственного вергельда, помогать в уплате выкупных денег". Гетц видел здесь те же „моменты": „убий-

ство без свады, без причины, особо тяжкое наказание, а не обычный денежный штраф, запрещение родственникам содействовать уплате выкупа". Таким образом, „Пр. Пр. знает в ст. ст 3—8 три вида убийства: убийство в ссоре на пиру (ст. 6), убийство, совершенное с умыслом (ст. 3) и убийство, особо тяжкое, не вызваннное никакой виной убитого (ст. 7)" (III, с. 33, 50 сл.).

„С женою и с детми"

Диев: „В сем случае законодатель взирал на жену и детей разбойника, как на виновников злодейства, коим без сомнения было не безызвестно ремесло отца и мужа, и кои по своему молчанию наравне с ним пользовались законопреступными плодами разбоя" (Русск. ист. сб., с. 59).

Богдановский объяснял распространение потока на жену и детей тем, что в первичных обществах каждый член семьи считался составной единицей целого. „А потому-то и разделяет он во всех случаях судьбу своего семьевладыки... Таково положение жены и детей в неразвитом юридическом быту..." (с. 50).

Ланге поэтому считал, что „следование в ссылку жен за мужьями и детей за отцом должно считать не осуждением для них, а необходимым последствием неразрывности брачного союза и семейной жизни" (с. 126).

Сухов, обратив внимание на то, что „из всех этих случаев [присуждения потока ст. 83, 35 и 7 Пр. Пр.] только при одном говорится о наказании... жены и детей", и сопоставляя со ст. 121 („а жене и детем не надобе") и с договорами с греками, полагал, что Р. Пр. „наказывала и в этом [ст. 7] случае только виновных семейных". „И месть... падала только на самого преступника, а за небытием его совершенно прекращалась". С другой стороны, Сухов видел здесь „влияние византийско-канонического права", боровшегося за „нерасторжимость брачного союза" (Юр. вестн., 1873, декабрь, с. 35—38).

Барац сопоставлял статью 7 со ст. 4 Олегова договора и ст. 58 Монголо-Калмыцкого устава (изд. Ф. И. Леонтовича) по немецкому тексту Палласа: „Wenn einer nuchtern zum Mörder wird, dem nehmet sein Weib, Wehr, Waffen, und Alle Habe". Разница в том, что по ст. 59, 60, 62 этого устава жена и имущество выдаются родственникам убитого (с. 214 и 93).

Гетц сопоставлял: 1) „in quacunque re culpabiles erunt vel rei teutonici, nihil damni vel verecundiae patiantur eorum pueri et uxores" (Jireček. Svod Zákonův Slovanských. Praha, 1880, с. 485, § 19); 2) „quicunque nobilis vel rusticus occiderit aliquem, CC denarios solvat curiae et alias recedat et quaerat gratiam, et uxor sua in pace sedeat et indempnis" (там же, с. 490, § 17, Statuta ducis Ottonis, 1229—1237);

3) „об изгнании человека с женой и детьми, правда не за убийство, сообщает Ипат., 1145 г.: «той же зиме Владислав, Лядьский князь, ем мужа своего Петрика и слепи, а языка ему уреза и дом его розграби токмо, с женою и с детьми выгна из земли своея, и иде в Русь»“ (III, 51, прим.).

Романов видит здесь „третий случай разбойного убийства.[1] По смежности он отличен от ст. 6: «без свады». По тожеству термина («разбой») он отличен от ст. 3: человек «стал на разбой», сделал себе из разбоя профессию, и вервь сама ищет от него избавиться, выдает его и ничего не платит. Виру и головничество заменяет полная конфискация; от разбойника и его семьи в верви не остается и следа (только так и раскрывается здесь понятие «поток» = изгнание, ибо дальнейшая судьба разбойника вервь не интересует)“ (Уч. пос., с. 58).

Пичета, сравнивая Литовский Статут 1529 г. с Р. Пр., обращает внимание на то, что „третьим источником холопства Статут 1529 г. считает выдачу истцу лица, приговоренного к смертной казни, исключая «злодейства», [т. е. и разбоя? — *Б. Р.*]. Если истец пощадит выданного ему преступника и не убьет его, то он становится холопом... [как и] «дети их, которые ся будут потом родити». Этот источник рабства также известен Р. Правде, согласно которой за убийство «безо всякия свады» преступник выдается вместе с женою и детьми «на поток и разграбление»“ (ст. 7) (с. 51).

---

[1] Первый — ст. 3, второй — ст. 5.

Статья 8

Аже кто не вложиться в дикую виру,[1] *тому людье не помогають, но сам платить.*

Переводы

Если кто не возьмет участия в платеже пени за неизвестного убийцу, тому и другие не помогают, но платит один (Б.).

Jeżeli kto nie włoży się w dziką wirę, temu ludzie nie pomagają lecz sam płaci (R.).

Wenn jemand nicht einlegt zum wilden Wehrgelde, so helfen ihm die Leute nicht, sondern er bezahlt selbst (Ew.).

Если кто не примет участия в платеже дикой виры, тому и не помогают, но платит сам один (Пл.).

Если кто не вкладывался в платеж дикой виры за других, тому и община не помогает в уплате виры за него самого, и он сам ее платит (Ст.).

Wenn jemand nicht beiträgt zum wilden Wergeld, dem helfen die Leute nicht [in der Aufbringung des Wergelds], sondern er zahlt (es) selbst (G.).

Комментарии

Раковецкий, исходя из своего толкования предыдущей статьи считал, что „тот, кто убьет своего обидчика, не прибегнув к посредничеству и не выполнив требуемых для поединка формальностей, сам должен платить дикую виру" (II, с. 47).

Чебышев-Дмитриев не сомневался, что „и вклад в дикую виру и вступление в союз были необходимостью [вопреки Беляеву, „О круговой поруке"]": „не вкладывался в дикую виру только тот, кто не мог быть членом союза (раб, иностранец) или кто, выйдя из союза, не успел еще вступить в другой — и вероятно только этих лиц разумеет Р. Пр. [в этой статье]" (с. 45).

[1] *НС* в люди кою виру. *СМIII* в людцкую виру. *МП*, *К* в дикую вину и виру.

Владимирский-Буданов видел здесь „доказательство того, что круговая порука не установлена князьями с целями полицейскими и фискальными“ (Хр., I, прим. 13).

Гетц толковал, что за исключением указанного в ст. 8 случая уклонения члена общины от платежа дикой виры, „община отвечает всегда, одна ли или вместе с ауктором. Она всегда участвует в платеже виры, идет ли дело об убийстве предумышленном (Mord) или случайном (Totschlag), известен ли ауктор и налицо ли он или неизвестен и отсутствует“. Это расширение ответственности общины сравнительно со ст. 20 Кр. Пр., по которой община отвечает только за предумышленное убийство (Mord), на всякое убийство Гетц объяснял „более сильным проникновением германских правовых воззрений“ за истекший между Кр. Пр. и Пр. Пр. отрезок времени (III, с. 40, 50).

Греков видит здесь „симптом разложения старой верви“: „члены верви перестали быть равными в своих правах“, „среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли платить все взносы, связанные с участием в дикой вире“ (Киевск. Русь, с. 60; Феод. отн., с. 31).

Романов в отмене общинной круговой поруки по платежу именно дикой виры видит (как и Греков) „признак расслоения старой верви“ — с выделением (во реки Грекову) как „сильных людей“, не желающих платить, так и „меньших“, идущих к разорению (Уч. пос., с. 58).

Статьи 9—10

9. А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, же[1] *овен любо полоть, любо 2 ногате; а в середу куна же*[2] *сыр, а в пятницю тако же; а кур по двою ему на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороху 7 уборков, а соли 8 голважень; то то вирнику со отрокомь; а кони 4, конем на рот сути овес; вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная, а метелнику 12 векшии, а съсадная гривна.*

10. [О вирах].[3] *Аже будеть вира во 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.*

Переводы

9. Приносы, или пошлины вирные, при великом князе Ярославе положены были следующие. Вирнику и с его служителем получати на содержание свое на каждую неделю: солоду по 7-ми ведер, пшена по 7-ми уборков, гороху по стольку ж, хлебов по 7-ми, соли по 7-ми голважень, и по одному барану или полтю ветчины, или деньгами за барана по две ногаты; да ежедневно, в скоромные дни по 2 курицы, а в постные или в сырные по одной резане на день. Сверьх того получает вирник на четырех лошадей овса, сколько оне съесть могут. Ему ж (в принос за суд уголовный) 8 гривен, и 10 кун перекладных; а метальнику 12 векош (Б.).

9. A to pokłony „pokony“ wirne były za czasów w. księcia Jarosława: wirnik ma wziąć 7 wiader słodu na tydzień i barana albo połeć, lub dwie nogaty, a w środę rezanę „kunę“ lub ser, a w piątek toż samo, a kur dla niego po dwie na dzień, a chlebów 7 na tydzień, a pszona 7 uborków, a grochu tyleż, a soli 7 gąsek: to to należy się wirnikowi z otrokiem: a dla koni czterech dawać owsa co zjedzą. Dla wirnika 8 grzywieni 10 kun przekładnego, a metalnikowi 12 wiewiorek, i zsadnego (za przyjazd) grzywnę. (R.).

---

1 *НС* тъже.

2 *С, МП* оже.

3 в *Т* счищено.

9. Aber diess waren die Ehrengeschenke zur Zeit Jaroslav's: der Wehrmann empfängt 7 Eimer Malz auf die Woche, desgleichen einen Hammel, oder eine Speckseite, oder zwei Nogaten, aber am Mittwochen einen Marder desgleichen Käse, und am Freitage dasselbe; aber der Hühner zu zweien auf den Tag, der Brode 7 auf die Woche, der Hafers 7 Uboroken, Erbsen 7 Uborokeu, Salz 7 Golwashen. Diess dem Wehrmanne nebst dem Diener; aber 4 Pferde, den Pferden vor das Maul zu schütten Hafer. Dem Wehrmanne 8 Grivnen, aber 10 Marder Reisekosten, aber dem Gehülfen 2 Eichhörnchen, aber eine Gericht — Grivna (Ew.).

9. Следующие вирные пошлины установлены были при Ярославе: вирнику получать 7 ведер солоду на неделю, одного барана, или полоть ветчины, или вместо того, деньгами 2 ногаты; в постные, или в сырные дни по одной куне, а в скоромные по 2 курицы на день: также 7 хлебов на неделю, 7 убороков пшена, 7 убороков гороху и 7 голважен соли. Это должно ити вирнику с отроком; да кроме того четыре лошади, которым давать овса вдоволь. Ему же 8 гривен, и 10 кун перекладных; а метельнику 12 векш, да судная гривна (Пл.).

9. А вот пошлины вирные, какие были при Ярославе. Сборщику виры брать 7 ведер солоду на неделю, сверх того барана или полоть мяса, либо деньгами 2 ногаты (5 кун), в середу — куну, да кроме того — сыр; то же в пятницу, а (в скоромные дни) по 2 курицы на день; а хлебов на неделю семь, да 7 мер пшена, столько же гороху, 7 головок соли; все это идет сборщику виры с помощником. Лошадей при них — четыре; им давать овса сколько съедят. Сверх того сборщику виры — 8 гривен да 10 кун перекладного; а метельнику [приставу] — 12 векош, да гривну ссадного (Ст.).

9. Und das waren die Abgaben für den Virnik unter Jaroslav: der Virnik erhält 7 Eimer Malz für die Woche, ferner 1 Hammel oder 1 Schwein, oder 2 Nogata; aber am Mittwoch 1 Kuna oder Käse, aber am Freitag ebenso. Aber je 2 Hühner für den Tag (gebühren) ihm. Aber 7 Brote für die Woche und Hirsenkorn 7 Uborok und Erbsen 7 Uborok und Salz 7 Golvažnja. Das (gebührt) dem Virnik mit dem Gehilfen. Aber Pferde 4, den Pferden streut man vor das Maul Hafer. Dem Virnik 8 Grivna und 10 Kuna [Reise-] Zuschuss, aber dem Metelnik 12 Věkša und 1 Grivna im voraus (G.).

10. Ежели платеж за убийство состоять будет в 80-и гривнах, то вирнику (за суд и взыскание пени) получить 16 гривен, и 10 кун и 12 векош, а сверьх того перекладная гривна, и за голову три гривны (Б.).

10. Jeżeli będzie wira wynosząca 80 grzywien, to wirnikowi należy 16 grzywien i 10 kun i 12 wiewiorek, a przykladnego grzywna, a za głowę 3 grzywny (R.).

10. Wenn das Wehrgeld 80 Grivnen ist, so nehme der Wehrmann 16 Grivnen und 10 Marder und 12 Eichhörnchen, aber zum voraus eine Gerichts-Grivna, und für den Kopf 3 Grivnen (Ew.).

10. Если вира будет в 80 гривен, то вирнику брать 16 гривен, 10 кун и 12 векш: да предварительно судную гривну; за убийство 3 гривны (Пл.).

10. Если вира будет в 80 гривен, то сборщику виры 16 гривен и 10 кун [перекладного] да 12 векош [приставу], а наперед ссадного — гривна, да за голову [мертвое тело] — 3 куны (Ст.).

10. Wenn das Wehrgeld 80 Grivna beträgt, dann dem Virnik 16 Grivna und 10 kuna und 12 Vĕkša, aber im voraus 1 Grivna, aber für den Kopf 3 Grivna (G.).

Комментарии

Несомненная близость этих статей Пр. Пр. к ст. 42 Кр. Пр. побуждала исследователей толковать их совместно (Карамзин, II, прим. 104, с. 40; И. Беляев, Лекции, с. 187), или рассматривать статьи Пр. Пр., как лучше сохранившееся изложение ст. 42 Кр. Пр., или, наконец, ставить вопрос о развитии и усложнении социальных отношений, отраженных в законодательстве.

Карамзин пересказывал: „Вирнику с отроком шло на неделю 7 ведер солоду, пшена 7 уборков (бураков, небольших мер), гороху тоже, хлебов 7, соли 7 голважен или ступок, баран или полоть ветчины, или деньгами две ногаты, в скоромный день 2 курицы, а в постный — деньгами куна. Он имел четырех лошадей и брал на них овса, сколько они могли съесть. Из двойной виры, то есть осьмидесяти гривен давали ему 16 гривен, 10 кун и 12 векшей, также гривну ссадную — или прикладную, перекладную — да за голову 3 гривны“ (II, прим. 104, с. 40).

Дубенский пояснял отдельные выражения и термины: „Покони — повинности, издержки, может быть сбор на съестные припасы, выдаваемые вирнику (судье) с отроком (детским) и метельником (тогдашним писарем) на содержание, и на подводу; «а в среду куна» — в постные дни содержание обходилось гораздо дешевле... «Оже сыр» в Шлецеровском списке [Кр. Пр.]: «или ся пригоди в говение рыбами, то взяти за рыбы 7 резан» — сыр, поэтому, здесь значит — в сырную неделю, или в дни масляницы... «Приклада на я» [Дубенский пользовался Пушкинским сп.] — так разделяю... «Приклада на я» — значит прибавки к ним, т. е. к 8 гривнам, может быть на подводу... В Шлецеровском списке [Кр. Пр.], повидимому, подъездное то же, что приклад, или переклад. Ссадная гривна — повидимому, то же, что прикладная, т. е. перекладная, давалась и метельнику на подводу от места до места. У Шлецера прибавлено любопытное обстоятельство: «а борошна (брашна, кушанья) колько могуть изъясти: до недели же виру зберут вирници. То ти Урок Ярославль». Т. е. виру по закону велено было доправить, или собрать в неделю...“. К ст. 10 дано пояснение: „80 гривен, или двойная вира (дважды по сороку), то судье выдавали 16 гривен и сверх того

за голову 3 гривны: следовательно, в предыдущей статье говорено было о вире за голову простолюдина свободного звания (людина) — в 40 гривен, и судье положено по этой 8 гривен“ (с. 25—27).

Богдановский в ст. 9 и 10 Пр. Пр. усматривал ясное разделение виры на части, „из которых одна — истцам, а другая — князю...“ „Так из 40-гривенной виры в пользу князя и его чиновников идет, вероятно, одна четвертая часть, что можно вывести из следующей статьи: «вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная, а мечнику 12 векшей, а ссадная гривна». Остальные за тем три части, т. е. 30 гривен идут в пользу истца... При 80-гривенной вире отношение частей то же самое: $^1/_4$ князю и его чиновникам («то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векшей, а переди ссадная гривна, а за голову 3 гривны»), а три четверти, т. е. 60 гривен истцу“ (с. 32).

Ланге сравнивал ст. 9 и 10 Пр. Пр. со ст. 42 Кр. Пр., относимой им к Ярославу: „При Изяславе кормление вирнику оставлено то же самое, только сказано, что давалось ему совместно с отроком. Притом определено количество хлеба и пшена, именно по 7 уборков на неделю, кроме того прибавлено к недельной даче 7 уборков гороху и 7 головажень соли... От каждого дела об убийстве, за которое закон определял виру, как вирник, так и емец получали известную пошлину с ответчиков и истцов. Если по делу о лишении кого-либо жизни был ответчик, сам ли убийца или община, то к вире, взыскивавшейся с того или с другой, по уставу Изяслава, присовокуплялась следующая пошлина: «вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная, а метельнику 12 векши, а ссадная гривна; аже будет вира в 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векши, а переди ссадная гривна, а за голову 3 гривны»“. „Из этого видно, что вирнику, без сомнения, при 40-гривенной вире, давалось 8 гривен, т. е. 10 [sic] процентов с 40 гривен и 10 кун перекладных, т. е. добавочных [Ланге принимал толкование Дубенского „приклада на я“, см. выше], а емцу или метельнику 12 векошь, да кроме того ссадная гривна; при 80-гривенной вире вирник получал 16 гривен, т. е. 10 [sic] процентов с 80 гривен и 10 кун добавочных, 12 же векошь и ссадная гривна, попрежнему, разумеется, назначались метельнику, которому сверх того давалась также и головная пошлина, 3 гривны. Притом, мы думаем, что выражение: «а за голову 3 гривны», вообще относится ко всему, выписанному нами постановлению Правды, и что следовательно метельник получал пошлину не только при 80-ти, но и при 40-ка гривенной вире“. „Заголовок статьи: «А се... покони вирнии были при Ярославе» — свидетельствует, что как во время Ярослава, так и при Изяславе и Мономахе, взыскивались одни и те ж нами означенные пошлины“ (с. 84—86).

И. Беляев обращал внимание на то, что „Устав Ярослава о вирных уроках“ (ст. 42 Кр. Пр. и ст. 9—10 Пр. Пр.) приписывается Ярославу „во всех списках“. Из Устава этого „видно, что виры составляли главный доход князя, что засвидетельствовано и летописями. По свидетельству Ярославова устава виры собирались для князя самим обществом и князь в известные сроки посылал своих вирников для получения их... Общество взыскивало (виру) с виновного и вело счет преступлениям... Другой счет вел, вероятно, княжеский посадник. Приезжавший в известное время вирник получал накопленную виру по числу преступлений. Сборы вирных пошлин и расчеты вирника производились быстро, ибо они оканчивались не более, как в неделю“. „Это определение корма вирника показывает, что вирник был довольно значительным лицом у князя...“. „При вирнике был официальный служитель, называемый переда“ [ср.: „а переде гривна“ ст. 42 Кр. Пр.] (Лекции, с. 187, 234—235).

Сергеевич отмечал, что Пр. Пр. приводит в ст. 9 и 10 установления князя Ярослава о вирах, „но не как действующее право, а как прежде действовавшее. Их перечислению [вир Ярославовых] она предпосылает такое замечание: «А се покони вирнии были при Ярославе»“ (Лекции, с. 61).

На этой же мысли настаивал и Мрочек-Дроздовский: „Покон вирный изменен впоследствии сравнительно с Ярославовым... Так, напр., в Ярославовом поконе хлеба и пшена велено выдавать вирнику с его свитою, сколько потребуется, а о других подобных выдачах, как то о горохе, соли нет и помину... (ст. 42 «... хлеба по кольку могут ясти и пшена...»); напротив, в последующем поконе определено 7 хлебов, 7 уборков пшена и прибавлено 7 уборков гороху и 7 головажень соли; да и, кроме того, содержание покона в распространенной Правде вообще отличается от содержания «урока Ярославля», послужившего основанием этой позднейшей редакции. В этом легко убедиться путем простого сравнения... Это покон позднейший, не бывший при Ярославе“. „Что же касается упоминания имени Ярослава, то... это — указание на первого законодавца, постановления которого послужили основою последующим законам однопредметным, но эти постановления„ разумеется, не могли не измениться с ходом времени“ (Исслед., вып. I, с. 121—122).

Владимирский-Буданов сравнивал ст. 9 Пр. Пр. со ст. 42 Кр. Пр.: „Хотя обе статьи излагают один и тот же закон Ярослава, но представляют некоторые отмены; денежные пошлины в пользу вирника таковы: от виры обыкновенной (в 40 гр.) ему следовало 8 гр., от виры двойной — 16 гривен... Кроме вирника от каждой (и обыкновенной, и двойной) виры метальник получал по 12 векошь... В ст. 42 Кр. Пр.

место о денежных пошлинах вирнику испорчено переписчиками (вместо 16-ти стоит 60 гривен, не указаны пошлины с обыкновенной виры)" (Хр., I, прим. 14).

Тихомиров развивает то же сопоставление: „Текст краткой редакции сохранил более первоначальные черты. Выражение краткой редакции «коне 4 поставити и сути им на рот, колько могуть зобати», потеряло в Пространной Правде конец и стало малопонятным — «а кони 4, конем на рот сути овес». Перед нами явная переработка старого текста. Далее составитель Пространной Правды нашел в Краткой ссылку на Ярослава — «то ти урок Ярославль». Это позволило ему прямо написать «а се покони вирнии были при Ярославе». В этих словах можно видеть указание на позднейшее происхождение Пространной Правды, составленной из разных источников. Составитель Пространной Правды иногда повторяет нормы Краткой. Так норма «и 10 резан и 12 веверици» Краткой Правды заменена в Пространной словами: «а 10 кун перекладная, а метельнику 12 векши», хотя первоначально 10 кун не могли равняться 10 резанам... Наряду с этим статья о вирных поконах в Краткой и Пространной Правде, помимо дословного сходства, имеет ряд отличий, которые зависели от внесения авторами Пространной Правды ряда поправок в более древние нормы. Составитель Пространной Правды, оставляя некоторые нормы Краткой, имел в виду определенную действительность. В частности он вкладывал в понятие «вирника» и сбора вирных поконов совсем иное значение, чем то, какое ему придавалось в Краткой Правде [см. комментарии к ст. 42 Кр. Пр., мнение Тихомирова]. Этим объясняется та поразительная разница, какая наблюдается в величине денежных сборов вирника, собиравшего по Краткой Правде 60, а по Пространной всего 8 гривен. Поконы вирные Краткой Правды фиксировали стоимость повинностей, собираемых с какой-то определенной территории, поконы вирные Пространной Правды говорили о вирнике-судье, являясь дополнением к статьям об убийстве. Поэтому в них, наравне с вирниками, появляется метельник... Так как составитель Пространной Правды в одном случае имел в тексте (в статье «о убийстве») виру в 40 гривен, а в другом виру в 80 гривен, то им была приписана дополнительная фраза — «аже будеть вира во 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кун и 12 векши, а переди ссадная гривна, а за голову 3 гривны» (ст. 10). Цифра в 16 гривен получилась из простого удвоения цифры в 8 гривен, указанной выше" (Исслед., с. 199—200).

„Метальник", „метельник", „мятельник"

Болтин: „Метельник был товарищ или помощник вирников, и должность его была та же самая, которую после дьяки отправляли... Письма тогда и для судопроизводства не употребляли, потому что редкий судья или метальник и грамоте знал, пергамен, служивший вместо бумаги, был очень дорог, поэтому вместо записок в приеме денег употребляли бирки... Бирка — палочка в перст толщиной, на которой зарубками отмечали прием и выдачу денег. Метальник принимал виру и о приеме денег делал пометки на бирке. Вероятно, что название его произошло от слова мéта".

Эверс: „Если бы можно было произвести слово сие от греческого μεταλλάω — исследовать, разыскивать, то здесь надлежало бы разуметь то лицо, которое в позднейших законах именуется «сыщик»" (с. 419).

Мацейовский: „Метельник — товарищ вирника. Носил, вероятно, с собой мешок, в который и бросал куны, собиравшиеся вирником за виру. Потому и назывался метельником (от старосл. метати, ср. древнепольское miecę — бросаю). Впоследствии место обоих, и вирника и метельника, занял децкий" (III, § 187, с. 212).

Ланге: „Метальник, метельник, мечник — происходит от глагола метать, как бы в значении метать к суду, представлять, а следовательно мечник одно и то же, что метальник, метельник, и то же самое, что отрок, который также посылался для увязания беглого холопа" (с. 75).

Соболевский: „Мятельник, а не метельник от слова мятль, мятель — верхнее одеяние, употреблявшееся и простыми людьми и князьями. Мятельник первоначально значило: имеющий в своем заведывании княжеские мятли, княжеский гардеробщик" (Две редакции, с. 21).

„Перекладная"

Болтин: „Плата за труд, который он имел, переезжая из деревни в деревню, перекладываться с воза на воз".

Карамзин: „Перекладная гривна, которую получал вирник за то, что, объезжая волость, он перекладывался с воза на воз" (II, прим. 104, с. 40).

Мрочек-Дроздовский: „Перекладная — пошлина, платимая чиновнику по окончании им дела и при отъезде его из данной общины" (Исслед., вып. II, с. 229).

„Ссадная гривна"

Дубенский: „Повидимому, то же что прикладная, т. е. перекладная, давалась и метельнику на подводу от места до места" (с. 26).

Эверс: „Ссадная от польского sad, богемского saud — тяжба, суд. Почему, вероятно, ссадная или судная гривна означает здесь пошлину, взимавшуюся с каждого судебного дела“ (с. 419).

Мрочек-Дроздовский: „Ссадное, перидиссадная (или просто переда) — пошлина, даваемая чиновнику при въезде его в общину — за сход с коня; позднее въезжее или въезжий корм“ (Исслед., вып. II, с. 272).

Статья 11

О княжи муже. Аже в княжи отроци, или в конюсе, или в поваре, то 40 гривен.

Переводы

За убийство княжа служителя, конюха или повара 40 гривен (Б.).

Za zabicie książęcego otroka, lub stajennego, lub kucharza 40 grzywien (R.).

Wenn bei einem fürstlichen Diener, entweder bei einem Stallmeister oder Koch, dann 40 Grivnen (Ew.).

За убийство княжеского служителя, конюха или повара полагается 40 гривен (Пл.).

За убийство княжого слуги, конюха или повара брать 40 гривен (Ст.).

Wenn bei einem fürstlichen Diener, entweder bei einem Stallknecht oder bei einem Koch, dann 40 Grivna (G.).

Комментарии

Дубенский отметил, что в ст. 11—13 „определена голова почетных людей несвободного состояния", и сопоставлял с духовной кн. Мих. Андр. Верейского XV в.: „а что моих людей приказных, тиунов и посельских и ключников — те все мои люди на свободу" (с. 27).

Ланге отрицал за цифрами вознаграждения в ст. 11—17 характер вир. В данном случае „княжие отроки, конюхи и повары... считались княжими мужами [заголовок о княжи мужи], и если 40-гривенную плату за них признать вирою, то... мы станем в противоречие со... ст. 3 Пр. Пр.". Ланге пытался подвести под понятие головничества все платы по ст. 11—17 — догадкою, что последние слова ст. 10 „а за голову 3 гривны" служили „началом последующим [11—17] статьям...": „на каком бы основании при 80-гривенной вире [в ст. 10]

взыскивалась бы особая пошлина «за голову», когда при 40-гривенной вире [в ст. 9] об ней вовсе не упоминается?". Ланге видел здесь искажение „подлинника", в котором предполагал: „а за голову *ти* гривны": „в рукописи буква *и* в слове *ти* могла стереться, и переписчик принял *т* за *г* [= 3]" (с. 137, 138). — См. ниже, ст. 16.

Пресняков предполагал здесь у составителя Пр. Пр. „недошедший источник, быть может — более поздний список Правды Ярославичей", так как Кр. Пр. не говорила об отроке, конюхе и поваре (Княжое право, с. 256, прим.).

Гетц считал последнее „возможным", но указывал, что „в своей систематизирующей работе именно автор Пр. Пр. прибавлял к старому материалу новый, который он сам собрал из практики" (III, с. 67).

Романов, сравнивая ст. 11 Пр. Пр. со ст. 19—21 Кр. Пр., так объясняет ее происхождение: „автор Пр. Пр., повидимому, понимал дело так, что Ярославичам принадлежали [в ст. 19—21] только наслоения... о подъездном и тивунище, а самое уложение об огнищанине [ст. 19—21] — это еще установление Ярослава (не 1036 ли года?). По крайней мере, 80-гривенную виру с княжим мужем и тиуном он отнес именно к Ярославу, включив ее в ст. 1 Пр. Пр., а остальное содержание ст. ст. 19—21 Кр. Пр. использовал и развил в другом плане в ст. ст. 3—8. За всем тем перед автором Пр. Пр. оставались еще некоторые дворовые элементы, которые явно уже не подходили под 80-гривенную виру по своему весу в разросшемся и дифференцировавшемся составе княжого двора. Отсюда и вира за них здесь — 40 гривен" (Уч. пос., с. 58).

Статья 12

А за тивун за огнищныи и за конюшии, то 80 гривен.

Переводы

А за тиуна огнищанского или за тиуна конюшего 80 гривен (Б.).

A za ciwuna ogniszczańskiego i za koniuszego 80 grzywien (R.).

Aber bei einem Schuldheiss des Hausherrn, und für einen der Stutereien 80 Grivnen (Ew.).

За тиуна огнищан и тиуна конюшего 80 гривен (Пл.).

За княжого приказчика или конюшего — 80 гривен (Ст.).

Aber für einen Ogniščanin-Tiun und für einen Stahlmeister-Tiun 80 Grivna (G.).

Комментарии

Болтин: „Те из них [огнищан], кои не были в состоянии купить рабов или нанимать работников... поневоле входили в службу" и „были подобны нынешним однодворцам". „Для управления или паче для суда и расправы их определялся от князя особый чиновник [тиун огнищный]".

Попов, толкуя (вслед за Каченовским и Морошкиным) „огнищанина" как „свободного, имеющего свой дом", оказался в затруднении решить, „что же значит название [тиун] огнищный? Судью над огнищанами, т. е. свободными домовладельцами; но нигде не видно, чтобы были разные судьи по сословиям. Вероятно, это слово означает тиуна огнищанина, т. е. этот тиун сам был свободным, огнищанином" (Р. Пр., с. 96).

Мацейовский, рассматривая огнищанина, как горожанина, владельца именно городского дома, понимал под тиуном огнищным тиуна, поставленного над огнищанами, и полагал, что последний „принадлежал к княжеской дружине первого разряда [высшей], тиун же поставленный над ратаями стоял ниже дружины второго разряда" (II, § 102, с. 130, прим. 1).

Лешков подсчитывал: 80 гривен = 5 фунтов сер. = 23 кобылицы = 40 коров = 80 стогов = 400 баранов = 1000 руб. на „нынешние [1858 г.] деньги" (Р. народ, с. 184).

Богдановский, отмечая, что „в Позднейшей Правде мы замечаем дальнейшее развитие всех понятий или большее уяснение их", и здесь видел „яснейшее и точнейшее определение, кто должен считаться княжим мужем, за кого должна платиться в случае убийства двойная вира": „тивун огнищный (в прежней Правде огнищанин) и конюший (там конюх старый)... остались привилегированными лицами" (с. 30—31).

Ланге: „Считая 80 гривен за тиуна огнищного вирою, следовало бы признать статью, в которой она определена, излишним повторением [статьи 3]" (с. 137).

Сергеевич тиуна огнищного считал тиуном „домовым княжеским", „а потому он и назван впереди других". „Огнище... могло употребляться для обозначения целого дома". Что это не „судья огнищан", видно из того, что „то место Правды, в котором находится это выражение, перечисляет не судей, а слуг княжеского двора", и „нет ни малейшего основания допустить, что для огнищан существовал особый судья, который судил только их" (Др., I, с. 388).

Владимирский-Буданов отметил, что название тиуна вместо огнищного „дворским" встречается уже во второй половине XII в.: „он заведывал двором (отроками) и домашним хозяйством князя" (Обзор, с. 77).

Ключевский считал 80 гривен „головничеством" (= „двойной вире") (I, с. 295).

Дьяконов считал эту статью обобщением ст. 22 Кр. Пр. (Очерки, с. 56).

Пресняков мимоходом назвал тиуна огнищного „стоящим во главе дворовой челяди" (Княжое право, с. 233).

Статья 13

А в сельском тиуне княже или в ратаинемь, то 12 гривен.

Переводы

За сельского ж или земледельческого тиуна княжеского 12 гривен (Б).

Zaś za ciwuna wiejskiego czyli to książęcego czyli ratajskiego grzywien 12 (R.).

Aber bei einem ländlichen Fürsten-Schuldheiss, oder bei einem über die Krieger 12 G.ivnen (Ew.).

За княжеского тиуна в селе или земледельческого 12 гривен (Пл.).

За княжеского прикащика сельского или земледельческого 12 гривен (Ст.).

Aber bei einem fürstlichen Dorf-Tiun oder bei einem Bauern-Tiun, dann 12 Grivna (G.).

Комментарии

Полевой ратайного переводил „ратный“ (II, с. 156).

Дубенский считал ратайного тиуна — „старостой над земледельцами“ (с. 27, прим. 100).

Лешков подсчитывал: 12 гривен = 4 кобылицы = 6 коров = 12 жеребцов трехлетних = 40 овец = 160 руб. сер. „на теперешние [1858 г.] деньги“ (Р. народ, с. 184).

Ланге считал тиуна ратайного тиуном „военным“ (с. 66—81).

Мрочек-Дроздовский пересмотрел вопрос и собрал материал, указывающий, что ратай — земледелец: „ныне ратаи слова, словесные уньца к духовному ярму приводяще и крестьное рало в мысленных браздах погружающе, и бразду покаяния почертающе, семя духовное всыпающе...“ (Пам. росс. слов. XII в., с. 22). — Слово о полку Игореве, говоря о частых усобицах, противополагает им: „тогда по Русской

земли ретко ратаев кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче" (Р. достоп., III, с. 80—82). — Слово митр. Даниила: „в начале же всего потребни суть ратаеве — от их бо трудов есть хлеб" (Чтения, 1881, кн. II, прил. XXII, с. 69—72) (Исслед., вып. II, с. 253 сл.).

Владимирский-Буданов: „Здесь тиун есть староста Кр. Пр. ст. 24" (Хр., I, прим. 17).

Гетц отметил, что понятные в ст. 24 Кр. Пр. „старосты" (один княжой, другой крестьянский) здесь оба обратились в тиунов, „княжеских управителей", которым в ст. 14 противопоставлен „боярский персонал" (III, с. 69).

Статья 14

А за рядовича 5 гривен. — Тако же и за бояреск.

Переводы

А за служителя или раба простого 5 гривен: то ж и за боярского (Б.).

A za prostego człowieka 5 grzy: tož samo i za bojarskiego (R.).

Aber für einen Gemeinen 5 Grivnen und ebenso für einen bojarischen (Ew.).

Но за простого служителя 5 гривен; то же и за боярского (Пл.).

За княжого слугу по договору — 5 гривен, столько же и за боярского приказчика (Ст.).

Aber für einen Diener 5 Grivna. Ebenso auch für den eines Bojaren (G.).[1]

Комментарии

Полевой, объясняя значение плат в 12 гривен и 5 гривен [ст. 13—16], писал: „Ни из чего не выходит, чтобы сии малые виры были уроки господам за убиение рабов и рабынь и чтобы статьи об оных только к рабам относились". Говоря об „убитом руссе, чухне, слозенине" (статьи 1-й), Полевой дал пересказ ст. 13, 14, 16: „если же он был сельский тиун, княжий или ратный или ремесленник, 12 гривен" (II, с. 156, прим.).

Попов, наоборот, считал эти суммы в этих статьях „уроками" (Р. Пр., с. 79).

Богдановский: „Урок этот, как и прежде [см. Кр. Пр. ст. 24 и 26] определяется большей или меньшей годностью и полезностью несвободных в хозяйстве господина [в том числе и смерда ст. 15]" (с. 32).

[1] Приписка: „ebenso... Bojaren" выделена Гетцем, вслед за Сергеевичем, в отдельную статью.

Ланге, поддерживая мысль, что суммы ст. 13—16 являются головничеством, а не вирою, обращал внимание на Литовский Статут, „в котором во многих случаях с замечательной ясностью отразились постановления Правды“: там „головщина путных людей, тивунов, приставов..., а также ремесных людей: кухаря, возницы и проч. 12 рублей грошей, головщина тяглого мужика 10 коп грошей, а паробка невольного 5 коп грошей. Из этого видно, что при исчислении головничества как в Правде, так и в Статуте встречаются почти одни и те же лица и даже одни и те же числа“ (с. 138).

Владимирский-Буданов считал как сельского тиуна и рядовича, „так и классы, указанные в след. статьях [15—17]“ „классами людей несвободных или полусвободных; вира за всех свободных (40 гр.) указана в ст. 1. Смерд (в ст. 16) принимается в специальном тесном значении прикрепленного к земле. Все люди этих классов не могли быть объектами преступления (ср. ст. 89)“ (Хр., I, прим. 17).

Дебольский считал, что здесь „речь идет не об убытках, а о вире“, потому, что „эти статьи (11—17) помещены сейчас же после статьи, указывающей на вознаграждение вирнику“, а также потому, что „они перемешаны со статьями о вире за убийство ремесленника и смерда. За ними непосредственно следует опять статья о поклепной вире“ (с. 55).

Гетц считал, что эти суммы „соединяют в себе момент частного вознаграждения и штрафа“, поскольку идут князю, как „собственнику“ (III, с. 183).

Максимейко считал все платы ст. 11—17 вирами (см. ст. 19—27 Кр. Пр.) (Опыт, с. 151 сл.)

„Тако же и за бояреск“

Рейц относил „тако же и за бояреск“ только к рядовичам: „следовательно были и боярские рядовичи“ (с. 152).

Соловьев: „Те же самые виры брались за тиунов, холопей и рядовичей боярских“ (I, с. 221).

Владимирский-Буданов относил „тако же и за бояреск“ к ст. 13—14: „в Пр. Ярославичей определялись штрафы только за людей, принадлежащих князю, здесь и за боярских“ (Хр., I, прим. 17). В прибавке „тако же и за бояреск“ Владимирский-Буданов видел след „отождествления боярства с землевладением“: здесь „упоминается о сельском населении только княжеском и боярском“ (Обзор, с. 32).

Дьяконов, возражая против выделения Сергеевичем в его издании Р. Пр. приписки „тако же и за бояреск“ в особую 14 ст., предпочитал калачовское деление, где приписка отнесена к ст. 11 [А, 13 и 14]: в этом чтении приписка „относится или только к рядовичу, или в край-

нем случае еще к сельскому или ратайному тиуну... что, повидимому, ближе к действительности". Ибо — „можно ли [как у Сергеевича] тиунов и отроков княжих приравнивать к боярским?" (Очерки, с. 48—49).

Пресняков считал „самой любопытной чертой Пр. Правды — что в ней мы впервые встречаем термин бояре. Пр. Пр. намеренно вводит этот термин в текст своих источников, вставляя «тако же и за бояреск» после статьи «о княжи муже», дважды упоминая тиуна боярского (в ст. 1 и 66)" (Лекции, I, с. 223). — „Весьма важное указание на то, что к концу... [XII в.] боярство добивается значительной эмансипации от княжой власти", Пресняков видел, кроме того, в ст. 91 (см. ниже, с. 631). — „Точный смысл" вставки „тако же и за бояреск" „остается не вполне ясным, т. к. статья 13 [по Сергеевичу; А, 11—14] говорит о плате 40 гр. за княжого отрока, конюха или повара, 80 гривен за огнищного и конюшего тиунов, 12-ти за сельского и ратайного тиунов и 5-ти за рядовича. В сущности приписка... имела в виду, скорее всего, только последние две цифры и должна быть отнесена к тексту статей А, 13 и 14, который можно рассматривать и как отдельную статью: ведь ст. 1 Пр. Пр. не приравнивает боярского тиуна к княжому". А „тиун боярский в ст. 77 Карамзинского списка [А, 66] определен, как тиун *дворский* (в отличие от сельского, ратайного): перед нами та же фигура в боярском быту, что тиун огнищный при княжом дворе" (Княжое право, с. 273).

Гетц считал „тако же и за бояреск" „пометой на полях" позднейшего переписчика, даже „первого кописта готовой Пр. Пр.": „автор Пр. Пр. так точно обозначает все новое, что́ он дает в ст. 11—17, что перечисляет и ремесленника, и ремесленницу в ст. 15, отличает рабу от холопа в ст. 16" — и является вопрос, „почему бы он выразился в ст. 14 столь суммарно и не сказал, к каким классам ст. 11—13 относится" эта приписка? „Как пометка на полях эта краткая формулировка понятна, как отдельная статья — нет" (III, с. 72).

Рубинштейн относит эту „пометку на полях" — „ко всей группе статей, являющих одно целое [А, 11—14]", и извлекает отсюда указание на „боярских смердов", которых, вместе с Юшковым, видит и в Лавр. лет. под 1103 г., в рассказе о Долобском съезде (с. 61).

Максимейко объяснял возникновение этой приписки желанием переписчика заполнить лакуну, получившуюся из редакции ст. 16 Пр. Пр. (см. ниже), и относил ее только к „боярским холопам" (Про смердів, с. 7).

Греков: „Совершенно ясный смысл этой приписки должен быть распространен и на смежные статьи, трактующие о других деталях княжеской вотчины" (Феод. отнош., с. 134).

Романов, возражая Грекову и Рубинштейну против распространения действия приписки к ст. 14 на все домениальное уложение (ст. 11—17), указывает, что „единственное число: «бояреск» — едва ли случайно и склоняет отнести это слово к одному рядовичу (ср. множ. число „боярьстии холопи“ в ст. 46 Пр. Пр.)“ (Уч. пос., с. 59).

Статья 15

О ремественице и о ремественице. А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривен.

Переводы

За раба и рабу, имеющих ремесло, взыскивать пени 12 гривен за голову (Б.).

A za rzemieślnika i rzemieślniczkę 12 grzyw: (R.).

Aber für einen Handwerker und Handwerkerin 12 Grivnen (Ew.).

За убийство ремесленника и ремесленницы взыскивать пени 12 гривен (Пл.).

За ремесленника и ремесленницу брать 12 гривен (Ст.).

Aber für einen Handwerksmann und eine Handwerkerfrau 12 Grivna (G.).

Комментарии

Иванишев: „Смерд и холоп стоят 5 гривен, но если они знают какое-нибудь ремесло, то 12 гривен". „Германские законодательства, при определении платы за голову несвободного, обращают внимание на пользу, которую мог бы принести убитый своему господину; то же самое находим в Р. Правде" (с. 93).

Мрочек-Дроздовский считал, что здесь речь идет о ремесленниках-холопах, а не о ремесленниках вообще: „неужто занятие ремеслом так унижало древне-русского человека, что даже голова его оплачивалась меньшею пеней? Очевидно, нет" (Исслед., вып. II, с. 281).

Максимейко полагал, что видеть здесь холопов, а не свободных людей „было бы правильно только в том случае, если бы в самой жизни ремеслами занимались только холопы. Но... кожевник Ян Усмошвец был свободным гражданином... Плотничество было так распространено в Новгородской области, что киевляне называли в насмешку всех новгородцев, находившихся в войске, не воинами, а плотниками и т. д." (Мним. архаизмы, с. 130—131).

Пресняков, напротив, „судя по цифре 12 гривен", считал, что здесь „речь идет не о свободном человеке"; появление же этой статьи в группе статей, имеющих в виду „специальную защиту княжих мужей", склонен был отнести за счет того, что Правда Ярославичей — источник Пр. Пр., из которого она взяла эту группу „как бы мимоходом" и „готовой" — была „более полной, чем та, что до нас дошла" (Лекции, I, с. 217).

Гетц видел здесь „ремесленника и его жену" и считал их холопами, потому что здесь они стоят в ряду несвободных и полусвободных людей. Повышенная и разнообразная оценка рабов применялась и в Византии (Prochiron, ed. Zachariae, Heidelberg, 1837, с. 196, тит. XXXIV, 11) (III, с. 73, 74).

Романов, возражая Максимейко, приводит слова, вложенные летописцем в уста ростовцев (в отношении владимирцев): „те бо суть холопи наши каменосечцы и древоделы и орачи" (ПСРЛ IX, с. 25) — отражающие „распространенный тогда взгляд и на городских ремесленников" (Уч. пос., с. 59).

Приселков, сопоставляя ст. 12—17 Пр. Пр. со ст. 22—27 Кр. Пр., предполагал, что пропуск ремесленника и ремесленницы в Кр. Пр. объясняется дефектностью того текста Кр. Пр., который „переписывал и подновлял Кусов" (предполагаемый составитель Новг. лет.) (с. 247).

Статья 16

А за смердии холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен.

Переводы

За голову земледельца и холопа 5 гривен, а за рабу 6 гривен (Б.).

A za chłopa do smerdy należącego grzywien 5, a za niewolnicę grzywien 6 (R.).

Aber für einen gemeinen Mann und Knecht 5 Grivnen und für eine Magd 6 Grivnen (Ew.).

За простого человека и холопа 5 гривен; за рабу 6 гривен (Пл.).

За смерда и за холопа — 5 гривен, за рабу — 6 гривен (Ст.).

Aber für einen Bauernsklaven 5 Grivna und für eine Magd 6 Grivna (G.)

Комментарии

Болтин: „Понеже женщина по естеству есть слабейшего сложения, нежели мужчина... и для того весьма правосудно положена за убийство женщины вящшая пеня".

Карамзин пересказывал: „за простого холопа боярского и людского 5 гривен, за робу 6 гривен". В ст. 46 под „чернчьими" холопами Карамзин разумел „смердьих холопов", т. е. холопов „простых людей", которых „называли холопами черни" (II, прим. 72).

Каченовский, наоборот, полагал, что „смерды, как рабы, не могли владеть холопами", и возражал: „а слова чернчий, чернец всякому известны" (Вестн. Евр., 1829, VII—VIII, с. 285).

Полевой считал ст. 16 „повторением" ст. 13 и 14, и принимал чтение „за смерд и холоп" (II, с. 156).

Мацейовский повышение суммы, взимаемой за убийство женщины, до 6 гривен, считал специфической славянской чертой (III, § 5, с. 3).

Лешков по поводу ст. 16 заметил, что „в целом составе Руск. Правды не находим мы ни одного предмета владения, ни одной вещи,

которые были бы оценены так высоко, в 5 и 6 гривен". Ведь, 5 гривен = 5 стогов сена = 5 жеребцов 3-хлетних = 10 свиней = 25 баранов = „на наши [1858 г.] деньги 66 р. серебром" (Р. народ., с. 155 и 184).

Ланге (ср. выше, ст. 10 Пр. Пр.), исходя из того, что „вирою собственно назывались 40 гривен", доказывал, что указанные в ст. 13—17 платы „нельзя считать вирами": „если признавать, например, 5 гривен за холопа вирою, то нельзя будет объяснить, на каком основании Мономах, сказав, что в холопе и робе виры нетуть [ст. 89], вслед за тем назначил за убийство их плату в 12 гривен. Если же 12 гривен не составляли виры, то тем менее могли быть ею и 5 гривен... Если господин, лишаясь холопа и рабы через побег, получал вознаграждение 5 или 6 гривен с передержателей их [ст. 112 и 113], то неужели при убийстве холопа 5 гривен назначались не владельцу, а князю?" (с. 136).

Владимирский-Буданов смерда этой статьи принимал „в специальном, тесном значении прикрепленного к земле" (Хр., I, прим. 17).

Сергеевич опирался на чтение Троицкого списка: „а за смердии холоп 5 гривен", и сообразно с этим читал и ст. 26 Кр. Пр.: „а в смердьи холопе 5 гривен" [см. выше]. „Очень натурально, что составителя Правды интересовал вопрос, одною ли мерою мерил князь свои убытки [за рядовича] и чужие. Вот почему княжого коня и холопа противополагает он смердьему" (ср. ниже, Юшков) (Др., I, с. 185).

Максимейко считал, что редакция „за смердеи холоп" есть результат описки: „союз *и* по небрежности переписчика был соединен с предшествующим словом... Было бы невероятно, чтобы составитель Р. Пр. пропустил смердов... случаи убийства смердов... встречались в судебной практике гораздо чаще, чем исключительные случаи убийства ябедника, повара, мечника и др.". „Уравнения платы за голову смерда и холопа не служат доказательством, что те и другие лишены свободы. Р. Правда за убийство боярского тиуна, должность которого часто исполнялась холопами, назначает такой же штраф, как и за убийство купца. Но отсюда не следует, что купцы не свободны" (Мним. архаизмы, с. 135—136).

Ключевский считал 5 гривен за смерда „головничеством" (I, с. 295).

Пресняков считал 5 гривен за смерда — „уроком", „не исключающим обычного взыскания 40 гривен за свободного, как и (согласно ст. 89) 12-ти гривен продажи за убитого без вины холопа". Но „заключение отсюда, что смерд — рабочая сила княжого хозяйства и, стало быть, сидит на княжой земле... несколько поспешно, и так сказать, упреждает историческую эволюцию. Хозяйственную связь смердов с княжим двором осторожнее представлять себе основанной не на поземельных отношениях, а на системе повинностей, которыми они тянули к княжому хозяйству, и которая была источником и исходным пунктом поздней-

шего окняжения их земли" (Лекции, I, с. 192; Княжое право, с. 293).

Дьяконов склонялся к чтению „смердий холоп" потому же, что и Сергеевич: „выше речь идет о вознаграждении за истребление княжих холопов" [ст. 13]. — „Почему княжий холоп сравнивается с смердьим холопом, тогда как типичным рабовладельцем является боярин, можно объяснить лишь тем же, чем объясняется сравнение княжого коня с смердьим и княжей борти с бортью смерда. Здесь термин «смердий» имеет более широкое значение, обнимая все свободное население, которое, по положению, стоит, конечно, ниже князя" (Очерки, с. 101).

Гетц, считавший холопа смердьим и в Кр. Пр., находит в Пр. Пр. новый аргумент в пользу такого понимания в прибавке „а за робу 6 гривен". „Сопоставление рабов мужеска и женска пола гораздо естественнее, чем, как в Карам. сп. — крестьянина, холопа и рабы". Раба явилась здесь потому, что „урок" за нее был иной — 6 гривен (III, с. 75—76).

Юшков возражал против ссылки Сергеевича на Троицкий список: „из всех списков, изданных Калачовым, только 8 содержат это или близкое к нему чтение (напр., а за смердей, а за смердней, а смердей, а за смердьи). В прочих списках (свыше 50) статья излагается так же, как и в Акад. и в Карамзинском. Далее: 4 списка из 8 и в том числе Тр. сп. имеют особое надписание (оглавление) статьи:«О смерде и холопе», где указывается с полной определенностью, что первоначально в тексте самой статьи говорилось не о смердьем холопе, а о смерде и холопе" (Уч. зап. Сарат. ун., 1923, с. 21).

Максимейко поправил Юшкова: чтение, необходимое Сергеевичу, из 38 списков Пр. Пр. находится не в 4 и не в 8, а в 28 списках; в 9 списках этой фразы совсем нет и только в одном Карамз. сп. находим: „а за смерд и холоп 5 гривен"; заголовка в Тр. сп. нет, а есть он только в 4 списках Карамз. типа. Т. обр. вопрос о толковании статьи остается в том же положении, как и до работы Юшкова. Но выбор текста не может быть делом вкуса или арифметического расчета. Принимая текст Кр. Пр., Максимейко строил свою аргументацию применительно к ее ст. 26 (см. выше), где автор Кр. Пр. руководился исключительно экономической точкой зрения. Наоборот, у автора Пр. Пр. „было свое мерило для уравнительной оценки людей" — это „формально-юридический критерий, на основе которого нельзя было поставить на одну доску смердов и холопов", критерий, выраженный в ст. 45 и 46 (свобода и уплата продажи, несвобода и неуплата продажи), ст. 66 о свидетельстве и др. Противопоставление смердов холопам, прошедшее „красной линией" через всю Пр. Пр., делало для ее автора „неприемлемым" уравнение их в ст. 26 Кр. Пр., и он изменил „редакцию" статьи „так, чтобы не очень отойти от оригинального текста", посредством

„небольшой и малозаметной корректуры, именно союз *и* присоединен к предыдущему слову смерд". А затем составитель спохватился: оказывалось, „что Р. Пр. предусматривает убийство только княжих и смердьих холопов, как будто других рабовладельцев в тогдашнем обществе и не существовало", и образовавшуюся лакуну он заполнил прибавкой „короткого постановления про боярского холопа: «тако же и за боярескь»". Но так как такое „вознесение" смердов „в ранг рабовладельцев" противоречило „бытовой действительности", в которой имя смерд значило „мужик или хам" (Лавр., под 1096 г.), то последующие переписчики — одни вовсе выкинули статью о смерде (9 списков во главе с Чудовским II); другие (списки Карамзинского типа) постепенно возобновили „первоначальный текст статьи", именно Воскр., Толст. V, Болтинск. дали статье заголовок „о смерде и холопе", а Карамзинский перенес „новое чтение" и в самый текст (Про смердів, с. 3 сл.).

Романов возражает Дьяконову: „Для времени Мономаха такое словоупотребление [смерды — все свободное население] плохо вяжется с „«худым смердом» его Поучения и четко-земледельческим характером термина в современном летописном языке (Лавр., под 1103 г.)" — и чтение „смердий холоп" считает „давно укоренившейся опиской" (Уч. пос., с. 59).

См. мнение Любимова и Грекова о ст. 26 Кр. Пр.

Статья 17

А за кормилця 12, тако же и за кормилицю, хотя си буди холоп, хотя си роба.

Переводы

За дядьку или воспитателя, также и за мамку или кормилицу 12 гривен, хотя б они и из рабьего были состояния (Б.).

A za piastuna grzywien 12, toż samo i za piastunkę (mamkę) chociażby ci byli niewolnikami lub chłopami (R.).

Und für einen Kinderwärter 12 Grivnen und für eine Amme, ob sie gleich Knecht oder Magd sind (Ew.).

За дядьку и кормилицу, хотя бы они были и рабского состояния 12 гривен (Пл.).

За дядьку так же, как и за кормилицу, — 12 гривен, будут ли они холопы или свободные (Ст.).

Aber für einen Pfleger 12 Grivna, ebenso auch für eine Amme, wenn es ein Sklave und eine (leibeigene) Magd ist (G.).

Комментарии

Чичерин переводил: „даже если они холопы", и заключал, „что княжеские и боярские тиуны, также княжеские конюхи, отроки, старосты, за убийство которых полагались разные виры и платы, не принадлежали к числу холопов" (с. 151).

Мацейовский видел в этой статье отражение характерной с его точки зрения черты русского народа — считать членом семьи того, кто, выполняя любые услуги, долго живет в ней, независимо от его социального происхождения (I, § 274, с. 281).

Ланге полагал, что кормильцами и кормилицами, „кроме холопов, могли быть и смерды" (с. 64).

Владимирский-Буданов переводил: „хотя си будет..." — „если будет холоп или раба" (подразумевается: если же свободные люди, то за них вира) (Хр., I, прим. 18).

21*

Максимейко решительно поправлял: „редакция статьи отличается такой простотой и ясностью, что в смысле ее не может быть сомнений: за воспитателя и кормилицу платится 12 гр., хотя бы они были рабами, т. е. 12 гр. платится не только за свободных, состоящих на этой службе, что само собою разумеется, но и за холопов, что потребовало специальной оговорки“. Ст. 17 „дополняет“ статью 16 (Мним. архаизмы, с. 139).

Статья 18

О поклепнеи вире. Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послухов 7, то ти выведуть виру; паки ли варяг или кто ин тогда.[1]

Переводы

Ежель на кого донос будет в убийстве, и доноситель представит семь человек во свидетельство, таковый донос принимать за достоверный; илижь доноситель будет варяг, или другой какой иностранец, то более двоих свидетелей от таковаго не требовать (Б.).[2]

Jeżeli będzie na kogo poklepna wira, tedy gdy będzie 7 świadków, to ci dowiodą wiry i dana im będzie wiara; a jeżeli jest powodem warag, albo kto inny, to dwóch stawi świadków (R.).

Если кого будут обвинять в убийстве, не имея прямых улик, тот должен представить семь свидетелей, чтобы отвести от себя обвинение; если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно двух свидетелей (Ст.).

Wenn gegen jemand Wergeld [wegen Tötung] verhängt werden soll bzw. Klage ohne Beweis nur auf Verdacht hin erhoben wird, und wenn 7 Eideshelfer [für den Angeklagten] da sind, so beseitigen die (die Verhängung) des Wergelds. Ist es [der Angeklagte] dagegen ein Varjager oder ein anderer, dann 2 (Eideshelfer) (G.).

Комментарии

Поклепная вира,—пояснял Болтин,—„пеня за убийство, возложенная ко взысканию по доносу чьему". В двух послухах для варяга и колбяга Болтин видел „снисхождение законодавца в пользу иностранных, повсюду являемое". Также в ст. 31 он обнаруживал, что „в случае ежели на иностранца будет в чем жалоба или донос, а он станет запираться, то предписует истцу полное число свидетелей [т. е. семь,

[1] *МП, К* или ин кто, то два.

[2] В изданиях Ewers'а и Ив. Платонова настоящая статья выпущена, а потому и переводов ее у названных авторов не имеется.

по Болтину] против его представить, а против русского ответчика двух довольным быть полагает".

Эверс указал значение слова поклеп в смысле судебной жалобы в польском языке. „На русском языке слова поклеп, поклепный, клепати, исклепати, не выражают прямо понятия жалобы судебной, которое заключается здесь в слове поклеп; но в Польше, а особенно в Волыни и Галиции слово klepać чаще употребляется в смысле: жаловаться, судом искать" (Раковецкий, II, с. 155) (с. 420).

Карамзин, как и Болтин, обращая особое внимание на сокращение числа свидетелей для иностранцев, заключал, что „древние наши законы особенно покровительствовали иноземцам" (II, с. 34—35).

Попов подчеркивал, что следствие начинал и производил сам истец (Р. Пр., с. 102).

„Процесс по уголовным делам открывается, — отмечал Калачов, — иском или поклепом" (с. 204).

Фогель в поклепе видел ложное обвинение и под поклепной вирой понимал пеню за клевету, за ложный донос (с. 135, 137).

По Мстиславскому „процесс начинается обвинением — поклепом", и „самое название процесса — поклепная вира — как нельзя более соответствует этому классическому эпитету его — «обвинительный»". Обвинительный процесс, по мнению Мстиславского, является обще-славянским институтом (Р. бес., 1858, кн. 3, с. 113—128).

Демченко видел в поклепе „иски, которые не могут быть доказаны обыкновенным путем удостоверения"; „уже самое название «поклепная вира» должно исключать требование от истца свидетелей для ее удостоверения. Следовательно, требование это должно относиться к ответчику". Свидетели не удостоверяли иск об убийстве, а, напротив, опровергали его, что выражено в следующей статье Правды о „свержении виры". Отсюда особое положение свидетелей этого вида — они являются помощниками, Eideshelfer, juratores германского права, очистниками, известными в законодательстве западных славян (с. 17).

Ланге оспаривал мнение, что поклеп означает лживое обвинение, а поклепная вира — пеню за клевету, за ложный донос (см. Фогель). Поклеп, по мнению Ланге, значит просто обвинение, не основанное на поличном. „В Уложении царя Алексея Михайловича для обозначения обвинения ложного всегда употребляли выражение: «поклепав напрасно»". Ланге предложил такой перевод ст. 18: „если кто взводил на кого-либо обвинение, что он убийца и подлежат вире, то, в случае представления обвиняемым в свое оправдание 7 послухов, вира не взыскивалась, варягу же или другому какому-либо чужеземцу дозволялось очищать себя от подобного обвинения только двумя послухами" (с. 248—251).

Сергеевич: „Поклепным иском назывался такой иск, в доказательство которого обвинитель не мог привести свидетеля" или „когда у обвинителя были доказательства, но недостаточные, например, свидетель холоп, а не свободный человек". Поклепная вира не знает „свидетелей факта", упоминаемые в Р. Пр. послухи — „свидетели доброй славы" (Лекции, с. 581 — 584).

Владимирский-Буданов определял поклепную виру как „обвинение в преступлении смертоубийства человека, не схваченного на месте преступления". „Это начало настоящего процесса по делам уголовным, — в отличие от расправы с преступником, который схвачен с «поличным». Процесс (начинающийся поклепом) имеет характер состязания сторон пред судьею. Общественная власть должна только уравновесить силы состязающихся и орудия борьбы. Отсюда необходимость определить точно число свидетелей и порядок представления других доказательств (за отсутствием послухов). Если обвинитель представил 7 послухов (для иностранца достаточно 2-х, ср. А, 10), то обвинение считается доказанным; сила (а следовательно, по древнему праву и внутренняя достоверность) на стороне обвинения, или наоборот. Послухов должны представлять как обвинитель, так и обвиняемый (слов «то ти имоуть веру» в других списках Правды нет, и они могут быть выпущены без нарушения смысла). Это не очевидцы, или вообще знающие что-либо о факте преступления (иначе, как потребовать, чтобы их непременно было 7?), а помощники ответчика (или истца), подтверждающие его добрую славу — соприсяжники. При равенстве свидетелей и их словесной борьбы, следуют состязания другого рода: присяга, ордалии" (Хр., I, прим. 19—20).

Мрочек-Дроздовский полагал, что „клепати", на языке Правды, означает „и уголовное обвинение, и гражданский иск, но ни в том, ни в другом значении [с поклепом] не соединяется непременно представление о лжи и ложном иске или лжесвидетельстве" (Чтения, 1917, кн. III, с. 101).

Рожков: „Поклеп применялся только в делах об убийстве и татьбе или имущественных преступлениях". Поклеп — это „обвинение по подозрению" в тех случаях, когда „основанием служило не отыскание поличного и не свидетельство очевидца, а показание холопа или свободных людей, знавших лишь об обстоятельствах, наводивших на подозрение" (Очерки, с. 206 — 208).

Гетц при разборе ст. 18 останавливался на переводе слов: „поклепная вира", „вывести" и „послухи". Для поклепной виры, собственно для поклепа, он предлагал слово Verdachtsklage. Слово „вывести" Гетц противопоставлял слову „довести", первое значит освободить (befreien), второе уличить (überführen). Перевод слова „послух" Гетц ставил в связь с разрешением задачи, кто эти семеро или двое послухов, — свидетели или

соприсяжники (Eideshelfer), выступают они на стороне истца или ответчика. Послухи, по мнению Гетца, в данном случае свидетели доброй славы, подобно Eideshelfer, consacramentales, conjuratores германского права и помочника, очистники, поротники — славянского права. Гетц отмечал разногласия в русской историографии по вопросу о том, на какой стороне выступают послухи, и присоединился к тем, кто видит послухов на стороне обвиняемого, причем, в согласии с этим, он признавал обвиняемым и варяга (III, с. 85).

Статья 19

А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведають, ни знають его.

Переводы

А за найденное на чьей земле мертвое тело неизвестного человека, котораго никто не опознает, пени за убийство не взыскивать (Б.).[1]

A na kościach i po trupie wira nie ma być płaconą, gdy imienia jego nie znają i nie wiedzą go (R.).

А община не платит виры тогда, когда найдут одни кости или труп человека, про которого никто не знает, кто он и как его звали (Ст.).

Aber für Knochen und für einen Leichnam bezahlt die Gemeinde nicht, wenn sie den Namen [des Toten] nicht weiss und ihn nicht kennt (G.).

Комментарии

Болтин начало статьи прочитал „а на костех" и истолковал: „На костех — на месте, где убит человек, где тело убитого поднято".

Дубенский читал „а в костех" и пояснял: „а за труп, в коем изгладились признаки ..." Статья получает толкование: „вервь не должна платить за труп и за мертвеца, когда нельзя узнать их или не ведают, кто они" (с. 28).

Каченовский, считая статью неясной, предлагал начало читать „о гостех" вместо „по костех" и пояснял статью: „иностранца всякий может убить безнаказанно" (Уч. зап., 1835, сент., с. 147—149).

Чебышев-Дмитриев отметил, что сфера уголовного права определялась исключительно границами своей земли и что вообще безродный и никому неизвестный человек не пользовался защитою (с. 55—62).

---

[1] В изданиях Ewers'а и Ив. Платонова настоящая статья выпущена, а потому и переводов у названных авторов не имеется.

Владимирский-Буданов возражал: „Статья эта имеет иной смысл — община не обязана платить виры за скелет или труп человека, неизвестно от чего погибшего“ (Обзор, с. 326).

Опровержению мнения, подобного высказанному Чебышевым-Дмитриевым, уделил внимание и Ведров: „Эту статью можно легко объяснить другим образом. Смерть может произойти весьма часто и не от злого умысла, случайно, например, от какой-либо внезапной болезни, от нападения хищных животных, или, наконец, вследствие самоубийства. В том случае, если находились только кости, по которым нельзя было узнать мертвого, легче всего было предположить случайность, как, например, нападение диких зверей. Понятно, что в этом случае было бы несправедливо заставлять отвечать вервь, как за совершенное убийство; личность погибшего должна быть хорошо известна, он мог быть членом той самой верви, где кости находились, но так как не было преступления, естественно, не могло быть и платежа виры. В случае же нахождения мертвого тела весьма важно было знать имя убитого; при совершенной неразвитости следственной части, о которой, естественно, не могло быть и речи в то время, трудно было определить случай убийства; только если личность убитого была известна, можно было каким бы то ни было способом разузнать и повод его смерти: признание личности убитого могло легче и свергнуть поклеп в том случае, если указывался мнимый виновный, легче было наконец отыскать и действительного преступника, если он существовал. Вот по каким побуждениям требовала Правда более точного определения личности убитого для существования полной ответственности верви. Статья эта нисколько не имеет в виду определить, что убийство может быть наказуемо только в том случае, если убитый туземец — член какого-либо союза; она желает только оградить вервь от того произвола, который позволяли себе весьма часто, судя по заявлениям памятников, княжеские чиновники, заведывавшие сбором вир. Статья эта старается только ограничить ответственность верви случаями действительного совершения преступления, и обеспечить ее от притязаний чиновников, имеющих прямую выгоду из взыскания наибольшего количества пени, в тех случаях, когда совершение преступления было сомнительно“ (с. 81—82).

Сергеевич: „Статья не совсем ясная. По общему правилу вервь платит, если преступник есть, но не выдан. Здесь же о преступнике речи нет: освобождение от платежа условливается неизвестностью убитого“. „Позднейшие уставные грамоты уясняют нам смысл неясной статьи. Она и в них встречается, но в более ясной редакции. В уставной грамоте Устюжны Железопольской, данной царем Иваном и переписанной на Михаила Федоровича, читаем: «А сыщут у них на посаде убитого мертвого человека, или водою приплывет, а не познает его никто и исца

ему и душегубца нет, и крестьяном (верви) в том виры нет и продажи нет»“ (Лекции, с. 389).

И. Беляев, приведя текст статьи, сразу заключал: „Это ясно показывает, что в XII веке уголовное дело тогда разбиралось, когда были истцы по этому делу, т. е. процесс был чисто обвинительный“ (Лекции, с. 243).

Ланге ставил вопрос, не является ли затруднением определение размера виры, положенной за убитого, и рассуждал: „При Ярославе и Изяславе взыскания за убийства были только двух родов: 80-гривенная вира и 40-гривенная; первая платилась за княжих людей, вторая за людинов“. Знать свою, особенно судьи, конечно, узнают, а если убитым оказался бы княжой муж другого княжества, то едва ли бы вне пределов княжества платили за них двойную виру. Таким образом, если находили труп убитого и не знали, кто он, то во всяком случае могли предполагать, что убит кто-либо из людинов и поэтому размер виры определить было бы не трудно. „По всем таким соображениям, нам кажется, что закон: «а по костех и по мертвеци не платити верви, еже имене не ведают», относятся единственно к тем случаям, когда убийца не был обнаружен, т. е. к платежу общинной (в тесном смысле), а не дикой виры“ (с. 123).

Статья 20

Аже свержеть виру. А иже свержеть виру, то гривна кун сметная отроку; а кто и клепал, а тому дати другую гривну; а от виры помечнаго 9.[1]

Переводы

Кто от стороны ответчика, доказательства доносчикова, или свидетелей его, законными доводами испровергнет, и ответчика от платежа пени за убийство освободит, таковый да получит в возмездие от ответчика гривну и от доносчика гривну ж, да от волости той, в которой жительство имеет ответчик, за помощь учиненную им в оправдании товарища их от ложного доноса, 9 кун (Б.).

Gdy oskarżony zrzuci wirę, to dla otroka zapłaci grzywnę kun odkupnego, a skarżący drugą grzywnę, a od włości od wiry pomocnego 9 kun (R.).

Wenn man das Wehrgeld abwälzt, dann eine zusammengelegte Marder-Grivna dem Diener; aber wer klagte, der muss die zweite Grivna geben, und vom Wehrbezirke zur Hülfe 9 Marder (Ew.).

Если кто оправдает себя в убийстве и чрез то устранит от себя платеж пени, тот платит отроку за труды по производившемуся делу гривну кун, да обвинитель другую с помощию от своей округи, которая обязана в сем случае поставить от себя 9 кун (Пл.).

Если кто отведет от себя обвинение в убийстве, тот платит сметную гривну помощнику сборщика виры [отроку], обвинитель платит другую гривну, да 9 кун помочного [помечного] за обвинение в убийстве (Ст.).

Wenn er aber (die Verhängung) des Wergelds abwälzt, dann dem Gehilfen 1 Grivna Kun Abwälzungsgebühr. Aber auch wer geklagt hat auch der gibt eine zweite Grivna. Und vom Wergeld 9 Kuna Hilfgebühr (G.).

---

[1] *М* помочного 9 кун.

Комментарии

По Болтину „сметная“ — „плата в награждение за способ, изысканный к освобождению неповинного от казни, от пени“; „помощное“ — „плата за поданную помощь сущему в напасти, которую наносил лживый доноситель на невинного“.

Дубенский полагал, что „сметная“ платится разбиравшему дело отроку. „Слово сметная, вероятно, происходит от одного корня со словом метельник, метальник (счетчик, казначей); сметная гривна — плата за порешение дела в пользу ответчика. Повидимому, в старину говорили: прикладывать, метать — класть на счет, сметать — складывать со счету“. Отметив, что сметная гривна платится отроку и истцом, и ответчиком, Дубенский ставил вопрос, кому же округа должна дать в пособие помечное — обоим или одному. И отвечал — „вероятно в пользу того, кто был невинно оклеветан“ (с. 28).

Мстиславский, находил, что два противоположные, типические вида судебной пошлины — сметная гривна, платимая ответчиком при свержении виры, и помечное, платимое ответчиком от виры, соответствуют двум особым противоположным органам судебной власти: мечник получает свое помечное от виры, а отрок получает свою сметную гривну при свержении виры. По мнению Мстиславского отрок, состоящий при суде и „получающий от истца и ответчика дань, имевшую в основании своем гривну кун, был по этому внутреннему содержанию дани своей, составлявшей отличительную принадлежность детских князя, не иной кто, как один из этих детских“ (Р. бес., 1858, III, с. 118, 122, 123).

Ланге предложил такое чтение ст. 20: „Кто свергал с себя виру, т. е. оправдывался от возведенного на него обвинения, тот должен был заплатить гривну сметную посадничьему отроку, представлявшему обвиняемого к суду; кроме того, и истец платил со своей стороны такую же гривну отроку, а посаднику или вирнику помочного 9 кун“ (с. 251).

Стефановский отметил, что Мстиславский имел в виду только те списки Р. Пр., в которых читается: „а от виры помечного 9 кун“. Но в большинстве списков вместо „помечного“ стоит „помочного“ или „помощного“. Стефановский находил, что и это чтение может дать рассматриваемой статье тот же смысл, какой придал ей Мстиславский, именно: в случае обвинения в преступлении с головника взыскивается, кроме положенной виры, 9 кун в пользу того, кто поможет истцу или судьям обвинить ответчика, как нарушителя законов, охраняющих правовой порядок. В таком случае лицо, принявшее на себя, в интересах закона и охраны правового порядка, роль обвинителя и получившее,

в случае успеха, 9 кун, действительно является охранителем прав целой общины и образом живого стража „закона", каким был, по мнению Мстиславского, мечник (Ж.М.Н.Пр., 1873, ч. 166, с. 22, 23).

Владимирский-Буданов: „Странность того обстоятельства, что и оправданный и обвинитель, которого поклеп не оправдался, оба платят одинаковые судебные издержки, объясняется состязательным характером процесса: общественная власть, свидетель борьбы двух равных сторон, должна получить вознаграждение за труд с обоих". Владимирский-Буданов полагал, что „помочное" (чешск. pomocne) платилось оправдавшимся подсудимым, и не согласился с Мстиславским ни в его толковании „помечного", ни в его взгляде на отрока (Хр., I, прим. 22 и 23).

Рожков принял чтение „пôмочное", „тем более", что с „помочным" мы встречаемся и в Литовской Руси (Очерки, с. 236).

Гетц привел для пояснения слова „помочное" выдержку из статутов герц. Оттона 1229—1237 гг.: „item si quis citatus fuerit et obtinuerit jus suum in judicio, neque vrez neque pohonne, sed solummodo denarios duos persolvet, quod pomocné vulgariter appelatur" (Jireček. Svod Zákonův Slovanských. Praze, 1880, с. 490, § 24). В ст. 20 три вида судопроизводственных пошлин, из которых два первые одного порядка. Обвиняемый и обвинитель платят гривну кун помощнику судьи (an den Gehilfen des Richters) за принесение присяги. Подозреваемый, которому освобождение от виры досталось благодаря помощи его соприсяжника, уплачивает ему за помощь 9 кун подможной пошлины (Hilfgebühr) (III, с. 98—99).

Статьи 21—22

21. Искавше ли послуха, не налезуть, а истьця начнеть головою клепати, то ти им правду железо.[1]

22. Тако же и во всех тяжах, в татбе и в поклепе; оже не будеть лиця, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мне,[2] *то на воду, оли то до дву гривен; аже мене, то роте ему ити по свое куны.*

Переводы

21. Если ж доноситель свидетелей не представит, а будет настоять в том, что донос его справедлив, такому дозволить утвердить донос свой испытанием железа (Б.).

21. Gdy skarżący szuka świadków, a ich nie znajdzie, a oskarżonego o zabójstwo obwiniać będzie, tedy ma być osądzony na dowód przez żelazo (R.).

21. Haben sie den Zeugen gesucht, und finden ihn nicht, und der Kläger hebt an, auf den Kopf zu klagen, so gebe man ihm zum Recht das Eisen (Ew.).

21. Если тяжущиеся, искавши свидетеля, не найдут его нигде, а между тем истец обвиняет в убийстве, то дело должно решиться испытанием железа (Пл.).

21. Если ответчик станет искать свидетелей и не найдет, а истец поддерживает обвинение в убийстве, тогда решать их дело посредством испытания железом (Ст.).

21. Hat er [der Angeklagte] aber Eideshelfer gesucht und findet er sie nicht, der Kläger aber klagt auf Mord, so gibt man ihm [dem Beklagten] zur Entscheidung das Eisen (G.).

22. Так же поступать и во всяких тяжбах, татьбах и доносах, когда свидетельством разобрать дела будет не можно, и дозволять

---

1 *РМ* то дати им правду железо.

2 *МП* мене,

в утверждение своего доноса подвергать себя испытанию железа, если иск до полугривны золота простирается. Ежели ж иск будет не более, как в двух гривнах серебра, то отдавать на испытание водою; если ж и двух гривен меньше, то отдавать истцу на присягу; и на иск роста не полагать (Б.).

22. Także i we wszystkich innych sprawach, i o kradzież i we wszelkiém oskarżeniu, gdy nie będzie lica, musi być osądzony poniewolnie na dowód przez żelazo, w przedmiocie wynoszącym do pół grzywny złota. A gdy mniej jak pół grzywny złota, lub też gdy dochodzi do dwóch grzywien srebra, ma być osądzony na próbę przez wodę; a jeżeli mniej tedy ma iść do przysięgi, a od przysądzonych takim sposobem pieniędzy, procentu nie masz (R.).

22. So auch in allen Streitsachen, auch bei einem Diebstahl, auch bei einer (öffentlichen) Anklage, wenn nicht ein Augenschein vorhanden seyn wird, so gebe man ihm aus Noth das Eisen bis zur halben Grivna Goldes. Wenn es weniger ist, dann auf das Wasser, und zwar bis zu zwei Grivnen; wenn weniger, so gehe er zum Eide für seine Marder (Ew.).

22. Таким же образом вершить и всякие тяжбы в воровстве и поклепе, при недостатке других очевидных доказательств, если только иск простирается до полугривны золота, а ежели менее, то испытывать водою; в двух же гривнах и менее достаточно привести к присяге (Пл.).

22. Точно также и во всех делах о воровстве по подозрению, когда нет поличного, принуждать к испытанию железом, если иск не менее полугривны золота: если же он меньше, то до двух гривен подвергать испытанию водой, а при еще меньшей сумме должно принести присягу за свои деньги (Ст.).

22. Ebenso in allen Streitsachen [nämlich] bei Diebstahl, und [zwar] bei Klage [auf Diebstahl] ohne Beweis nur auf Verdacht hin, wenn das [Klage-] Objekt nicht vorhanden ist, gibt man ihm zur Entscheidung das Eisen (auch) gegen seinen Willen bis zu einer halben Grivna Gold. Ist es aber weniger, dann (gehe er) zur Wasserprobe, und zwar das bis zu 2 Grivna. Ist es (noch) weniger, dann gehe er zum Eid für sein Geld (G.).

Комментарии

Эверс указывал на широкое применение в судебной практике испытания железом: „Правда железо, без сомнения, означает, испытание железом, известное под именем суда небесного". Он находил это „обыкновение" у древних скандинавов „и между всеми прочими грубыми народами, и притом совершенно различными по происхождению, так что нельзя полагать, чтобы руссы заимствовали от того или другого народа". В первый раз Эверс находит его в Софокловой Антигоне, ст. 264, где страж в доказательство своей невинности говорит царю Креону:

Готовы разженно взять мы железо,
Пройти сквозь огонь и клясться богами,
Что мы невиновны, и даже не знаем,
Кто предпринял и кто сие сделал (с. 419—420),

Д у б е н с к и й для слова „истец" устанавливал значение обвинитель, проситель, если поставлен именительный падеж, и ответчик, если стоит винительный падеж. Множественное число в выражении „дати им железо" объясняется отнесением этих слов и к истцу, и к ответчику, ибо оба могли быть правы и виноваты (с. 30, прим. 113, 114).

П о г о д и н считал, что институт испытания железом перешел к нам из Скандинавии, и ссылался на „древние шведские законы": „Все сомнительные дела должны быть решены железом и судом божиим. Кого огонь не сожжет, тот невиновен; кого сожжет, тот преступник" (Иссл., т. III, с. 381).

М а ц е й о в с к и й объяснял, что оба (истец и ответчик) назывались „истцами" потому, что оба добивались „иста", т. е. существа дела (istoty rzeczy) (III, § 203, с. 227).

Л а н г е полагал, что послухов разыскивает ответчик и ему же дается и испытание железом. „Если ... истец, — переводил Ланге, — клепал на кого головою, а обвиняемые, искавши, не отыскивали послухов, то давалось ответчикам в правду железо" (с. 281).

Рассматривая взаимное отношение различных способов доказательства, Н. Д ю в е р н у а приходил к такому пониманию особенностей нашей русской системы: „На первом плане стоят свидетели, а за недостатком их, или как дополнительное средство, идут формальные доказательства. Для формальных средств указана известная последовательность, от более сильных испытаний до менее сильных. В делах большей ценности — железо, меньшей — вода, наконец, последнее место принадлежит присяге. Закон в немногих случаях определяет абсолютным образом силу того или другого доказательства, оставляя суду свободу оценки их в каждом данном случае. Вопрос о судах божиих много раз у нас подвергался обсуждению в той мере, в какой он разъяснен немецкой наукой. По отношению собственно к русскому праву, все разъяснения суда божия не могут далеко уйти от простого показания 3-х статей Русской Правды, в которых говорится об испытании железом и водой" (А, 21, 22, 85, 86) (с. 191—192).

С е р г е е в и ч полагал, что „показание свидетеля не имело", по Русской Правде, „безусловной силы, и обвиняемый мог его отвергнуть; в таком случае, он должен был доказать свою правоту испытанием водою или раскаленным железом. Это испытание было для него обязательно и в том случае, когда против него показывал холоп" (Лекции, с. 581).

В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в находил, что за неимением свидетелей по обвинению в смертоубийстве прямо назначается высший суд божий — железо, минуя низшие: роту (присягу) и воду (Хр., I, прим. 25).

Гетц считал правильным чтение Кар. сп. „налезет“ вместо множественного числа Тр. сп. Единственное число совпадает с единственным числом статьи о свержении виры — „свержет виру“. Разобрав разногласия комментаторов относительно термина „истец“, Гетц приходил к заключению, что „истец“ в Р. Пр. всегда употребляется в смысле жалобщика (Kläger) и только в одном случае (ст. 65) „истец“ соответствует термину „ответчик“ (III, с. 99—102).

Статья 23

Аже кто ударить мечемь, не вынез его, или рукоятию, то 12 гривен продажи за обиду.

Переводы

Кто кого ударит мечем, не выняв его из ножен, или рукоятию мечною, с такового взыскать 12 гривен пени за обиду (Б.).

Gdy kto kogo uderzy mieczem nie dobywszy go z pochiew, lub też rękoiścią, to 12 grzywien przedaży za krzywdę (R.).

Wenn jemand mit dem Schwerte schlägt, ohne es herausgezogen zu haben, oder mit dem Griffe, so 12 Crivnen für das Unrecht (Ew.).

Если кто кого ударит необнаженным мечем или его рукояткою, тот платит 12 гривен пени за обиду (Пл.).

Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью меча, то платит 12 гривен продажи (штрафа в пользу князя) за обиду (Ст.).

Wenn jemand mit dem Schwert schlägt, ohne es [aus der Scheide] herausgezogen zu haben, oder mit dem Griff, dann 12 Grivna Strafe für das Unrecht (G.).

Комментарии

Богдановский: „Слово «продажа»... не значит, что эта плата должна поступать к князю, ибо тут прибавлено «за обиду»" (с. 34).

Мацейовский под „продажей" понимал выкуп за преступление, денежный штраф. Употребляя, начиная с данной статьи, этот термин вместо норманской „виры", Р. Пр., по его словам, „хочет, очевидно, сказать, что если кто-нибудь заслужил наказание, то этим самым он запродает себя суду, и если не будет иметь чем заплатить, то разделит судьбу банкрота-должника" (III, § 106, с. 115—116).

Сухов отметил, что ст. 23—31 „расположены по систематическому порядку. Первоначально идут статьи, полагавшие наказанием

22*

12 гр. продажу за преступления, совершенные без всякой свады [23—27], потом идут наказания 3 гр. продажею преступлений, совершенных в сваде [28—31]". „Аналогичное узаконение с статьями Р. Пр. представляет законодательство Черногории, в котором при нанесении ран различаются точно также два случая: совершено ли преступление в ссоре или без ссоры; в последнем случае полагается двойная пеня. Такое же различение... замечается и в древне-сербском праве" (§ 87 и 88 Законника Душана. См.: А. Попов. Путешествие в Черногорию, с. 146 и 284) (Юр. вестн., 1873, дек., с. 23—24).

Сергеевич сопоставлял ст. 23 со ст. 30 Пр. Пр.: „по датскому праву за удар взыскивается вдвое против раны. У лангобардов пощечина оплачивается вдвое дороже, чем рана. Тоже и у нас. За удар мечом, но не смертельный (надо предполагать здесь кровавую рану) Р. Пр. назначает 3 гр. продажи; а за удар мечом не обнаженным... полагается 12 гр. продажи". „Но практика Р. Пр. была непостоянна. Ст. 29 назначает одинаковый штраф в 3 гр. за кровавую и синюю рану; а ст. 31 назначает 3 гр. за удар по лицу и за удар жердью. Также колебалась и смоленская практика. Рижская редакция Мстиславова договора за кровавую рану назначает полторы гривны серебра (3), за удар батогом вдвое менее; готландская — приравнивает синюю рану кровавой и за каждую назначает полторы гривны серебра. Удар в ухо или по лицу в обеих редакциях наказывается вдвое легче кровавой раны. Двинская грамота совпадает с рижской редакцией, оценивая кровавую рану дороже синей" (Лекции, с. 415—416).

Владимирский-Буданов полагал вообще, что „штраф «за обиду» платится не в пользу потерпевшего, а в пользу общественной власти", ссылаясь на замену „за обиду" Кр. Пр. [ст. 11] термином „продажа" в Пр. Пр. [ст. 32]: „даже такая личная обида, как позорный удар необнаженным мечом или рукоятью его, влечет за собою общественный штраф, а не личный выкуп: «12 гривен продажи за обиду»" (Обзор, с. 321).

Ключевский сопоставлял ст. 23 и ст. 30, и объяснял это „разногласие статей" сложным „составом Правды" — „косвенное указание на время, когда они были редактированы" (I, с. 279).

Гетц отметил, что словосочетание „продажа за обиду" появляется в этой статье впервые и означает „прогресс Пр. Пр. в отношении к Пр. Ярославичей, где оба обозначения, хотя и выражают государственный штраф, однако употребляются всегда отдельно одно от другого". Здесь частное вознаграждение ст. 4 Кр. Пр., 12 гр., превратилось в штраф (III, с. 109).

Статья 24

Аже ли вынев мечь, а не утнеть, то гривна кун.

Переводы

Если ж кто обнажит меч, а не ударит, с таковаго взять гривну кунами (Б.).

A gdy wyjmie miecz, a nie uderzy, to grzywna kun (R.).

Wenn er das Schwert entblösst, aber nicht trifft, dann eine Marder-Grivna (Ew.).

Если же обнажит меч, но впрочем не ударит, то гривну кун (Пл.).

Если же обнажит меч, а не поранит, то платит гривну кун (Ст.).

Wenn er das Schwert herauszieht, aber nicht (damit) schlägt, dann 1 Grivna-Kun (G.).

Комментарии

Владимирский-Буданов, видя здесь „покушение“ и сопоставляя со ст. 30, выражается так: „покушение наказывается в три раза слабее оконченного действия“; иными словами, гривну считает продажей, как и 3 гривны ст. 30, хотя там термина „продажа“ и нет (Обзор, с. 324).

См. комментарии к ст. 9 Кр. Пр.

Статья 25

Аже кто кого ударить батогомь, любо чашею, любо рогом, любо тылеснию, то 12 гривен.

Переводы

Кто ударит кого палкою, чашею, рогом, или пястью, с такового 12 же гривен пени (Б.).

Jeżeli kto uderzy batogiem, albo czaszą, albo rogiem, albo pięścią, to 12 grzywien (R.).

Wenn einer den anderen schlägt mit dem Stocke, oder mit der Schaale, oder mit dem Horn, oder mit dem Klingen-Rücken, so 12 Grivnen (Ew.).

Если кто кого ударит тростью, или чашею, или рогом, или тупой стороной меча, то платит 12 гривен (Пл.).

Если кто кого ударит палкой, или чашей, или рогом, или тупой стороной меча, то платит 12 гривен (Ст.).

Wenn jemand einen schlägt mit einer Peitsche, oder Schale, oder mit einem [Trink-] Horn oder mit der flachen Klinge, dann 12 Grivna (G.).

Комментарии

Владимирский-Буданов сопоставлял ст. 25 со ст. 20—21 Закона общины Вепринской: „кто ударит (друга) дланью (ладонью), тот платит марок 5. А кто ударит пястью (кулаком) или камнем, платит марку 1", — и видел здесь „новое доказательство" мысли „о свойствах древнего славянского уголовного права (обращения внимания на внутренние мотивы преступного действия)" (Ж.М.Н.Пр., 1881, март, с. 102).

Ключевский сопоставлял ст. 25 со ст. 31 и указывал, что удар жердью в ст. 31 — „не менее обидный для чести", „в Кр. Пр. и назначена одинаковая пеня за обе обиды". „Видимое разногласие статей объясняется [сложным] составом Правды" (I, с. 279).

Барац не понимал, „почему удары рогом, чашею, а в особенности... жердью [ст. 3 Кр. Пр.] признаются... исключительно оскорблением чести, а не актами, направленными на причинение телесного повреждения", и вообще оспаривал „резкие" отличия общеславянского права от прав других неславянских народов. Подозревая, что Владимирский-Буданов неверно прочитал слово „kamikom" в копии с истлевшей рукописи Вепринского закона и что там стояло „коленом", Барац сопоставлял ст. 25: 1) с Талмудом в редакции II века н. э.: „кто ударит другого ногой, платит 5 сел (= сикл), коленом — 3 сел, сжатым кулаком — 13 сел, ладонью одну селу; за удар по лицу 50 сел; за удар (по лицу) тылом ручной кисти (m'achure jado, ср. тылесницею Р. Пр.) — 100 сел"; 2) с Монгольско-Калмыцким уставом, ст. 98—100: „ежели кто отдерет на шапке кисть или выдерет с головы его косу и за то с того человека взять 5 скотин, а за выдрание бороды и уса — лошадь и барана, а буде кто знатному человеку в лицо плюнет или земли бросит, или лошадь, на которой он будеть сидеть, по голове ударит плетью, или его с лошади за полу потянет, и за то с такого человека взять одну лошадь". Это „сходство" Барац считал возможным объяснить только „прямым заимствованием", „ибо чем, как не заимствованием, обусловливается хотя бы, например, одинаковое различение как в русском, так и в еврейском праве, удара ладонью от удара, нанесенного тыльною стороной ручной кисти — тылесницею?"

Статья 26

Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нетуть.

Переводы

А ежели ударенный, не стерпя обиды, посечет обидчика мечем, того в вину ему не ставить (Б.).

A gdy uderzony nie ścierpi tego i uderzy mieczem, to jest nie w tem winien (R.).

Duldet es der nicht, und haut ihn dagegen mit dem Schwerte, so ist ihm deshalb keine Schuld (Ew.).

А ежели ударенный, не стерпев обиды, сам ударит обидчика, то того в вину ему не ставить (Пл.).

Если же обиженный, не стерпев, в отместку, сам ударит мечом, то того в вину ему не ставить (Ст.).

Wenn (der Geschlagene) es diesem (Angreifer) gegenüber nicht duldet und mit dem Schwert schlägt, so erwächst ihm daraus keine Schuld (G.).

Комментарии

Рейц: „Что месть не была запрещена, то видно из слов: «не терпя ли противо тому»" (с. 184).

Сухов подчеркивал слова „не терпя ли противу тому", как указывающие на то, что „виновный только тогда платил 12 гривен, когда обиженный не вступал с ним в драку, когда между ними не было свады, т. е. когда нападение было не вызванным, но умышленным или даже злонамеренным" (Юр. вестн., 1873, декабрь, с. 23).

Владимирский-Буданов считал эту статью добавлением к ст. 3 Кр. Пр.: „состояние сильного возбуждения делает преступление невменяемым; такое же психологическое значение имеет и дозволение личной расправы в ст. 3 Кр. Пр. Здесь нельзя видеть состояние необходимой обороны, т. к. деятель не отражает угрожающее нападение, а карает совершенное уже" (Хр., I, прим. 28).

Сергеевич видел здесь „не оборону, а месть", как и в ст. 3 Кр. Пр.: „Удар мечом не оборона от удара чашею, а месть за обиду"; но „если обиженный перенесет оскорбление действием в момент его нанесения, то после нельзя уже отмстить за него ударом меча". Это месть — „досудебная": „обиженный нанеся удар мечом, сам приходил в суд или вызывался противником и должен был доказать, что удар нанесен в отмщение. Судья, убедившись в этом, оправдывал его: «вины в том нетуть»; но, конечно, [он] не получает и 12 гривен". Это — „вторая стадия в истории мести", и „Р. Пр. сохранила указания только на досудебную месть". Сравнивая эту статью с договором 911 г. с греками, где за удар назначено 5 литр серебра „по закону русскому", Сергеевич указывал, что „русское обычное право перешло в договор не целиком, а весьма урезанное" (Лекции, с. 376—378, 642).

Максимейко возражал: „если статья и говорит о досудебной мести, то не в виде общего правила, а в виде исключения... это обнаруживается в самой формулировке ее"; оговорка „то вины ему в том нет" „была бы лишней, если бы досудебная месть составляла нормальное явление" (Р. Пр., с. 387). Статья „отрицательно указывает, в чем состоял нормальный порядок: он исключал самоуправство" (Мним. архаизмы, с. 150).

Ключевский: „Здесь прежде всего закон дает понять, что оказывает усиленное внимание к чести людей, постоянно имеющих при себе наготове меч, т. е. военно-служилого класса, так что это внимание является не правом всех, а привилегией лишь некоторых. Потом эти тонкие различения оскорблений по их нравственному действию едва ли не внесены в Правду позднее, так как другая статья ее [ст. 31] назначает за удар жердью и по лицу (рукой) простую, не четверную пеню" (I, с. 293).

Гетц возражал Сергеевичу, что 12 гривен — это продажа, которая независимо ни от чего уплачивается, и в случае ответного удара, в „государственную кассу" (III, с. 115).

Статья 27

Аче ли утнеть руку и отпадеть рука или усохнеть, или нога, или око, или не утнеть[1]*, то полувирье 20 гривен, а тому за век 10 гривен.*

Переводы

Если ж кто посечет кому руку или ногу, и рука или нога отпадет или усохнет, или выколет глаз, с такового взыскать пени в казну в полы против пени за убийство положенные, то есть 20 гривен, а за увечье раненому 10 гривен (Б.).

A gdy kto komu utnie rękę, a ręka odpadnie lub uschnie, lub też gdy nogę albo oko wybije, to pół wiry, 20 grzywien, a pokrzywdzonemu za ranę 10 grzywien (R.).

Wenn man jemand die Hand trifft, und die Hand fällt ab, oder vertrocknet, oder den Fuss, oder schlägt das Auge aus, dann das halbe Wehrgeld, 20 Grivnen und ihm für die Verstümmelung 9 Grivnen (Ew.).

Если кто ударит кого по руке или по ноге, и нога или рука от того отпадет или усохнет, или выколет глаз: то с такового взыскать в казну в половину противу пени за убийство, т. е. 20 гривен, да в пользу раненого за увечье десять гривен (Пл.).

Если кто ранит руку, так что рука отпадет или усохнет, или также ногу, глаз или нос, за то платит полувирье — 20 гривен, а раненому за увечье — 10 гривен (Ст.).

Wenn er aber die Hand schlägt, und sie fällt ab oder vertrocknet, oder er schlägt den Fuss oder das Auge, oder die Nase, dann das halbe Wergeld 20 Grivna und diesem [Geschlagenen] für die Verstümmelung 10 Grivna (G.).

Комментарии

Дубенский: „Утнеть руку" объяснял: „утнути — оттнути, потяти — отрубить, от тяти, тети, тинати, тнути — бить" (с. 66).

Ланге отмечал, что при Изяславе и Мономахе частное вознаграждение назначалось уже в виде „определенной платы" (10 гривен) (с. 160).

---

[1] *МП, К* или нога, или око, или нос утнеть.

Ведров сравнивал: „в этом случае пропорциональность совершенно обратная, чем в Салическом законе, где только $1/3$ полного взыскания составляет пеню, а $2/3$ частное вознаграждение" (с. 109).

Владимирский-Буданов: „Здесь родственная месть отменяется (ср. Кр. Пр., ст. 5) и значение искалечения понижается; прежде оно равнялось убийству, теперь считается полуубийством. Здесь же новое доказательство, что вира есть уголовный штраф в пользу общественной власти. «За век» — за увечье" (Хр., I, прим. 29). — Ср.: Обзор, с. 327 и 328: „3-я Правда [ср. Кр. Пр., ст. 5]... не выводит увечья из разряда преступлений против жизни". „Понятие увечья [в Пр. Пр. в отличие от Кр. Пр.] распостранено на лишение глаза и носа; тогда уже не существовало оснований причислять это преступление к убийству".

Мрочек-Дроздовский: „Выражение «за век»... соответствует... выражению: «а летцю мзда»" (Исслед., вып. II, с. 141).

Сергеевич отмечал, что „отнятие члена по всем правам считается самым тяжким преступлением. Так и у нас... Также полвиры назначают за эти повреждения и норвежские законы; но в них находим и дальнейший вывод из этого общего правила: за отнятие двух ног платится полная вира... Наша практика, однако, не была однообразна. Мстиславов договор, как и Р. Пр., назначает полвиры за око, руку и ногу. Но судя по выражению: «за око 5 гр. серебра» и т. д., надо думать, что эта плата идет пострадавшему, а не князю. По Р. Пр. полвиры идут князю, а пострадавший получает только половину против князя. Мстиславов договор ничего не говорит о плате князю" (Лекции, с. 415).

Максимейко обратил внимание на то, что тот же взгляд: „полжизни" — „полвиры" — встречается и в литовско-русском праве; суд рассматривал жалобу берестейской мещанки и вынес такую резолюцию: так как „она рукою не владнеть, присудили есмо той мещанце за полневесты водлуг того, иж вечне на руку хрома" (Литовск. Метрика) (Р. Пр., с. 384).

Ключевский отметил, что „за порчу глаза и носа эта Эклога [переработанная по Прохирону, X в.] назначает в пользу потерпевшего пеню в 30 сикл (восточная монета); в Правде за то же положено пени и вознаграждения потерпевшему 30 гривен". „Та же тенденция Пространной редакции устранить частную расправу" сказалась в замене, против ст. 6 Кр. Пр., „мести детей пеней" (I, с. 271 и 284).

Гетц сопоставлял ст. 27 со ст. 6 Смоленско-рижского договора 1229 г.: „послу и попу, что учинять, за двое оузяти, два платежя", но вопрос о применении и в этом случае двойной виры, когда пострадавшим является княжой человек, оставлял открытым. Понижая, сравнительно с Древнейшей Правдой, оценку увечья вдвое против убийства, Пр. Пр. „входит в соприкосновение" (berührt sich) с германским народным

правом, согласно которому „при потере руки, ноги и глаза и точно так же, хотя и не всегда, носа и ушей надлежало платить половину вергельда“ (Wilda. Strafrecht, с. 761). Между тем Пр. Пр. назначает тот же штраф в полвиры за увечье или паралич члена; этим она разнится от германских Правд. А именно, „если один из главных членов не отделен от тела, но стал совершенно не пригоден к употреблению вследствие ранения, то, на основании положения, во многих народных правах частью высказанного определенно, частью только применительно, надлежало платить половину штрафа, платимого за отторжение члена“ (Wilda, с. 771). Гетц полагал, что, если Древнейшая Правда (с ее 40-гривенной вирой) „не знала еще германских Правд“, то относительно ст. 27 Пр. Пр. с ее полувирьем „можно принять, что это изменение последовало под влиянием германского права“; и возражал Ключевскому по поводу влияния здесь византийского права: „30 сиклей шли изувеченному, 30 гривен были на 2/3 штрафом и только на 1/3 вознаграждением потерпевшему“, здесь „случайное совпадение в цифре 30“. Из того, что частное вознаграждение в этом случае назначено вдвое меньшее, чем государственный штраф, Гетц считал возможным заключить, что и при убийстве головничество было вдвое меньше виры. Выражение „за век“, вопреки Мрочек-Дроздовскому, Гетц считал соответствующим „за обиду“ Кр. Пр., ссылаясь на выражение „а тому за век“, т. е. не летцю, а изувеченному (III, с. 118 и I, с. 101).

Максимейко разъяснял бессмыслицу „утнеть“ — „не утнеть“ сравнением со ст. 5—6 Кр. Пр., где „установлена одна и та же ответственность за увечье, целиком ли отнята нога или так повреждена, что, оставшись цела, начнет хромать“. „Автор“ Пр. Пр. „хотел, м. б., выразить ту же мысль“, но средактировал ее в такой форме, что по существу у него получилось два случая, один другой исключающие. Переписчикам пришлось исправлять эту редакционную погрешность, но не на основании источника статьи, а самостоятельно, откуда ряд вариантов, кончая карамзинским: „нос утнеть“, — из судебной практики (Интерполяции, с. 9).

Романов высказывает предположение: „Бессмыслица «утнет» — «не утнеть», может быть, отразила то обстоятельство, что ст. 5 и 6 Кр. Пр. были у автора Пр. Пр. точно в том дефектном виде, в каком они до нас дошли в Ак. сп. Впрочем, списки Пушк. группы, вместо «не утнеть», дают, «нос утнеть», но решить, какое из этих чтений древнейшее, — трудно. По аналогии со ст. 27, вероятно, следует заключить, что и головничество при полной вире взималось в той же пропорции“ (Уч. пос., с. 60).

Статья 28

Аже перст утнеть кии любо, 3 гривны продаже, а самому гривна кун.

Переводы

Ежели ж перст отрубит, то пени в казну 3 гривны, а раненому гривна (Б.).

A jeżeli który człowiek palec utnie, to 3 grzywny przedaży, a pokrzywdzonemu grzywna kun (R.).

Wenn man jemand einen Finger abhaut, dann 3 Grivnen Busse und ihm selber eine Marder-Grivna (Ew.).

Ежели кто отрубит у кого какой-нибудь палец, то пеню в казну 3 гривны, а раненому гривна (Пл.)

Если кто отрубит у кого палец, платит 3 гривны продажи (штрафа в пользу князя), а раненому — гривну кун (Ст.).

Wenn er irgendeinen Finger schlägt, 3 Grivna Strafe, aber (dem Geschlagenen) selbst 1 Grivna-Kun (G.).

Комментарии

Владимирский-Буданов: „Здесь видно уголовное значение продажи" (Хр., I, прим. 30).

Гетц отметил, что упоминанием одного, безразлично какого, пальца, Пр. Пр. отличается от германских Правд, точно специфицирующих штраф за разные пальцы. В Пр. Пр. древнее понятие „за обиду" ст. 7 Кр. Пр. „раскалывается" надвое: 1) продажу и 2) частное вознаграждение „самому" (III, с. 123; I, с. 75).

Статья 29

А придеть кровав мужь. Аже придеть кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны, аще ли не будеть на немь знамения, то привести ему видок слово противу слова; кто будеть почал, тому плати[1] 60 кун; аче же и кровав придеть, или будеть сам почал, а вылезуть послуси, то то ему за платежь, оже и били.

Переводы

Ежели кто придет в судебное место с прошением на кого в битье его, и покажет на себе кровавые язвы или синие пятна, ударениями причиненные, таковой не имеет нужды представлять свидетелей, и получает во удовлетворение свое 3 гривны от причинившего ему язву. Ежели ж на нем не явится знаков ударения, то должен представить свидетелей слово противу слова, и кто, по свидетельскому показанию, начал драку, с того и взыскать 60 кун. Если ж и кровавые знаки на ком будут, но по свидетельским показаниям окажется, что он сам драку начал, то вместо удовлетворения, которого он искал, да вменятся ему те язвы, кои он получил (Б.).

Gdy pokrwawiony lub siny człowiek przyjdzie do sądu, to nie potrzeba mu szukać świadka, lecz ma mu być zapłacono 3 grzywny; a gdy nie będzie na nim znaków, to ma przyprowadzić świadków, słowo przeciw słowu: a kto byl początkiem, ten ma zapłacić 60 kun; a jezeli i pokrwawiony przyjdzie, a okaże się że sam zaczął, a wystąpią na to świadki, to to jemu jest zaplata, że go wybili (R.).

Wenn ein blutiger Mann an den Hof kommt, oder ein blauer, so hat er keinen Augenzeugen zu suchen, sondern ihm sind 3 Grivnen Busse zu bezahlen; aber wenn keine Merkmaale an ihm sind, so bringe er Augenzeugen; Wort gegen Wort, und wer angefangen haben wird, der bezahle 60 Marder. Wenn aber einer blutig kommt, aber hat selbst angefangen und es treten Zeugen auf, so ist ihm das für die Zahlung (Ew.).

---

[1] *С, НС, РА, М, РМ, МП, А II* платити.

Если кто придет на княжеский двор в крови, или в синих пятнах, то таковой не имеет нужды представлять свидетелей, но и без того получает в удовлетворение свое 3 гривны. Если же на нем не будет знаков, то должен представить очевидцев драки для точного объяснения дела, и тот, кто окажется начинщиком драки, должен заплатить 60 кун. Если же истец и явится на суд окровавлен, но свидетели покажут, что он сам начал драку, то ему нет удовлетворения (Пл.).[1]

Если на [княжеский] двор придет человек в крови или с синяками, то ему нет нужды ставить очевидцев, и виновный платит ему 3 гривны продажи; если же на истце не будет знаков, то он должен представить очевидцев, которые бы подтвердили его показание слово в слово; тогда зачинщику драки платить 60 кун истцу. Если же истец придет в крови, а явятся свидетели, которые покажут, что он сам начал драку, то сосчитать ему то за платеж, как с зачинщика, хотя его и побили (Ст.).

Wenn ein blutiger Mann zum (Fürsten-)Hof kommt, und ein blau (geschlagener), so braucht er keinen Zeugen zu suchen, aber er [der Schuldige] zahlt 3 Crivna Strafe. Wenn aber an ihm kein Zeichen [der Misshandlung zu sehen] ist, so soll er einen Zeugen beibringen, Wort gegen Wort. Aber wer angefangen hat, der zahlt 60 Kuna. Wenn er aber blutig kommt, wofern er selbst angefangen hat, und Zeugen treten auf, so ist ihm das anstatt der (Straf-)Zahlung [anzurechnen], dass sie ihn schlugen (G.).

Комментарии

Попов: „В некоторых статьях Правды слово свидетель [видок] поставлено в единственном числе; можно ли из этого заключить, что мог быть один свидетель? Разделение свидетелей совпадает с разделением всех родов преступлений на убийство и обиду, а это разделение обнимает все преступления; поэтому, вероятно, кроме этих чисел [2 в ст. 31 и 7 в ст. 18] свидетелей других быть не могло" (Р. Пр., с. 107).

Мацейовский подчеркивал, что только Р. Пр. различает „видока" и „послуха", в то время как другие славянские законодательные сборники знают один общий термин — „свидетель" (III, § 217, с. 243).

Богдановский: „что плата здесь идет в пользу обиженного видно из конца этой статьи: «а вылезут послуси, то тó ему за платеж, оже и били»" (с. 34).

Ланге видел здесь „нанесение побоев в сваде"; обе продажи, 3 гривны и 60 кун, „упадали всегда только на того, кто будет почал", а „взыскивали продажу с того, кто будет почал, только тогда, если сам он получал меньшие побои, а причинял более тяжкие [„то то ему пла-

[1] Погодин вместо „то ему нет удовлетворения", дал: „то это вменяется ему в платеж, хотя его и били".

теж, оже и били" — если получал бо́льшие]. „Кто не сам начинал драку... получал... без сомнения гривну на лечение" [ст. 30] (с. 157 и 160).

Сухов, разделяя точку зрения Ланге на различение Правдой деяний „в сваде" и „без свады", иллюстрировал ее для данной статьи статьей 45 гл. 45 печатной Кормчей: „О ударившем в бою ближнего своего: аще сваритася два мужа и ударит един другого каменем или плетью и не умреть, но ляжет на одре и аще встав и походит о жезле, без вины его ударивый есть, точию за празньство его и целбу (на излечение) да вдасть". Сухов считал вероятным, что „на узаконения Р. Пр. о преступлениях, совершенных в сваде и без свады, более или менее влияли положения Кормчей" (Юр. вестн., 1873, дек., с. 22—23).

Владимирский-Буданов пояснял: „преступником считается не всегда тот, кто действительно нанес побои жалующемуся, а тот, кто начал драку, т. е. может быть сам тот, кому нанесены побои, и должен платить продажу, и не получает никакого частного вознаграждения («то ему за платеж, оже и били»)" (Хр., I, прим. 31). Что продажа здесь идет не самому обиженному, а судебной власти, Владимирский-Буданов видел в следующей ст. 30.

И. Беляев подчеркивал два новшества в ст. 29 против ст. 2 Кр. Пр.: „свидетели должны говорить «слово противу слова» с обвинителем" и „кто начал драку, тот обязан платить сверх 3 гривен обиженному, 60 кун и еще 3 гривны продажи в казну княжескую. Это узаконение вошло в Правду XII в. прямо из Судного закона, в который оно вошло из Юстинианова кодекса" (Лекции, с. 244).

Рожков полагал, что самый „текст ст. 29 ясно свидетельствует, что 3 гривны продажи платит тот, кто нанес побои, а таким мог быть и не зачинщик; конец статьи показывает, что зачинщик, окровавленный и в синяках, не платил за то, что начал драку; а этот платеж за начинание драки только-что указан: «кто будет почал, плати 60 кун»; и место, где поставлено это прибавление о зачинщике окровавленном или в синяках, и тот факт, что 3 гривны продажи платились не всегда зачинщиком, убеждают нас, что и тот, кто «кровав придет» и «будет сам почал», освобождался от платежа не 3-х гривен, а 60 кун; три же гривны в этом случае платились, но не им, а тем, кто нанес ему побои до синяков и крови. Другими словами: при побоях без внешних знаков Р. Пр. обращала исключительное внимание на субъективный психический момент, на то, кто начал драку, так как в этом случае трудно, даже невозможно было оценить материальные ее последствия; при побоях же с внешними знаками — синяками и кровью — различались два момента, даже два преступления: нанесение побоев с знаками на теле, наказываемое трехгривенной продажей, и начинание драки,

караемое продажею в 60 кун; последняя продажа не взыскивалась, если зачинщиком был тот, кто был потом избит до синяков и крови“ (Очерки, с. 150).

Ключевский, сопоставляя ст. 29 Пр. Пр. со ст. 2 Кр. Пр., отмечал в первой влияние „церковного суда“: ст. 29, „воспроизводя этот юридический случай, устраняет всякий намек на личную расправу по приговору суда. Доказавший свою обиду знаками или свидетелем, получал по суду денежное вознаграждение; если же на суде оказывалось, что он был зачинщиком драки, ему не присуждалось вознаграждения, хотя бы он был изранен: ответчику не вменялось нанесение ран, как дело необходимой обороны“. „Так церковный суд в первое время [Кр. Пр., ст. 2] делал значительные уступки местному юридическому обычаю, но потом, постепенно укрепляясь, стал решительнее проводить в свою практику усвоенные им юридические начала“ (I, с. 284).

Гетц, трактуя ст. 29 как процессуальную, предложил свое деление ее на две части, соответственно „двум процессуальным моментам“: 1) доказательство, что произошло увечье, будь то знаками на теле пострадавшего, будь свидетельскими показаниями, и 2) установление и соответственно наказание истинного зачинщика спора, того, кто первый ударил. Вместо троечастного деления Сергеевича, по признаку „оже“ „аче“, Гетц кончал 1-ю часть словами: „противу слова“ и начинал 2-ю часть словами: „а кто будет почал“. Автор Пр. Пр. построил 1-ю часть применительно к „нормальному случаю простого увечья“ и потому говорит о продаже в 3 гривны, но статья 29 применима и к прочим случаям увечья. Дело суда — установить факт увечья, тем самым дана и наказуемость поступка, а затем уже свидетельскими показаниями устанавливаются признаки, по которым следует то или иное наказание (3, 12, 1 гривны). Второй вопрос возникает во 2-й части, и здесь установлено — кто начал, платит 60 кун (=1 гривна штрафа и 10 кун, т. е. 20% судебных пошлин, как в ст. 43); если же он сам пострадал и есть на то свидетели, то „это ему за платеж, что его побили“. Вместо „или“ Гетц принимал чтение „али“ — „если, поскольку сам начал спор“. Итак: „устанавливается, кто начал, и устанавливается, кто в процессе ссоры изувечен; за оба случая, за начинание драки и за причинение увечья платится штраф за каждое в отдельности: за первое 60 кун, за второе 3 гривны. Во 2-й части тоже два случая при одном и том же субъекте и одном и том же штрафе в 60 кун: в одном этот штраф взимается, в другом не взимается“. Под „платежом“ и надо разуметь 60 кун, а не 3 гривны и не вознаграждение потерпевшему: „подобное изменение в понятии платежа представляется совершенно невероятным и не основанным на тексте“ (III, с. 122 сл.).

Статья 30

Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира.

Переводы

Кто кого поранит мечом, но несмертельно, с такового взыскать в казну пени 3 гривны, а уязвленному, на излечение раны, гривну; а ежели уязвленный от раны умрет, то полная вира взыскивается (Б.).

Gdy uderzy mieczem, a na śmierć nie zabije, to 3 grzywny przedaży, a dla pokrzywdzonego grzywna za ranę lub też leczebne, a jeżeli śmiertelnie rani, to wira (R.).

Wenn jemand mit dem Schwerte schlägt, aber nicht zu Tode haut, so 3 Grivnen, und demselben ein Grivna für die Wunde, wenn sie heilbar ist; aber haut er zu Tode, dann das Wehrgeld (Ew.).

Если кто поранит кого мечом, но не смертельно, то с такового взыскать 3 гривны пени в казну, да в пользу раненого и на леченье гривну; если же убьет до смерти, то полная вира взыскивается (Пл.).

Если кто ударит кого мечом, но не убьет до смерти, платит 3 гривны, а раненому — гривну за рану, да еще, что следует на леченье; если же убьет до смерти, то платит виру (Ст.).

Wenn er mit dem Schwert schlägt, aber nicht zum Tode schlägt, dann 3 Grivna, aber (dem Verwundeten) selbst 1 Grivna, ferner für die Wunde Kurkosten. Schlägt er aber zum Tode, dann Wergeld (G.).

Комментарии

Богдановский: „Кроме 3 гривен, обидчик должен здесь заплатить обиженному еще гривну за рану, «же лечебное»" (с. 34).

Ланге напоминал, что вира платилась только за убийство в сваде — „и в начале статьи следует разуметь то же самое". Частное вознаграждение при Изяславе и Мономахе назначалось уже в виде „определенной платы [гривна за рану]" (с. 157, 160).

Владимирский-Буданов полагал, что вира здесь — дикая (Хр., I, прим. 34).

Рожков возражал Ланге: „с одной стороны — о вире здесь упомянуто просто как о самом распространенном, типическом во времена Пр. Пр. способе наказания за убийство, с другой — как же наказывался не влекущий за собою смерти удар мечом, если он был нанесен без свады, и Правда проводила разграничительную черту между этими видами преступлений против здоровья, принимая во внимание степень умысла? Очевидно, Ланге ошибается: в увечьях и преступлениях против здоровья не различалась степень умысла, не обращалось внимание на то, в сваде или без свады нанесены они“ (Очерки, с. 151—152).

Пресняков отметил, „насколько Пр. Пр. игнорирует головщину“: „потнеть ли на смерть, а вира“ — без прибавления „и головщина“. „Это особенно странно при множестве указаний на вознаграждение потерпевших“ (Княжое право, с. 266, прим.).

Гетц объяснял: „Главное для автора Пр. Пр. в том, что сообразно с результатом увечье может быть наказано, совсем как убийство“; „детали“, вроде того какая, двойная или ординарная здесь вира, или уплачивается ли головничество — его не интересовали. „В этом причина того, что наряду с подчеркиванием орудия ранения в ст. 23—26, наряду с выдвижением известных членов тела в ст. 27 и 28, наряду с процессуальными моментами ст. 29 — в ст. 30 трактуется изувечение ударом меча, распадающееся на 2 случая по его последствиям; что в известной мере наряду с прежними специальными случаями изувечения — здесь выставлен общий принцип оценки изувечения“ (III, с. 135).

Статья 31

Аче попъхнеть мужь мужа любо к собе ли от собе, любо по лицю ударить, ли жердью ударить, и видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варяг или колбяг, то полная видока вывести; и идета на роту.

Переводы

Кто кого толкнет рукою, или палкою или жердью ударит, и два видока то засвидетельствуют, то взыскать с такового 3 гривны пени; если ж учинивший сие будет варяг или колбяг, то полное число свидетелей истец представить должен, или отдать ему присягу (Б.).

Jeżeli popchnie jeden drugiego do siebie, albo od siebie, lub po twarzy uderzy, lub kijem albo żerdzią uderzy, a będzie na to dwóch świadków, to 3 grzywny przedaży; a gdy będzie o to oskarżony warag albo kołbiak, to zupełną liczbę świadków przeciwko niemu stawić należy, którzy zaprysiądz mają (R.).

Oder wenn der Mann den Mann stösst, entweder zu sich, oder von sich, oder wenn er ihn öffentlich schlägt, oder mit einer Gerte schlägt, und 2 Augen haben es gesehen, dann 3 Grivnen Busse. Wenn es ein Warjager oder Kolbjag wäre, so ist es genug, einen Augenzeugen zu stellen, und er geht zum Eide (Ew.).

Если кто кого пихнет к себе, или от себя, или заушит, или ударит жердью, и если то засвидетельствуют два очевидца, то взыскать с такового 3 гривны пени. Если же учинивший сие будет варяг или колбяг, то истец должен вывести полное число свидетелей, или отдать ему присягу (Пл.).

Если кто толкнет другого от себя или рванет его к себе, или по лицу ударит, или жердью, а двое очевидцев то покажут, — платит 3 гривны продажи; если же обвиняемый будет варяг или колбяг, то должно вывести полное число очевидцев, которые и должны принести присягу (Ст.).

Wenn ein Mann einen Mann stösst, entweder zu sich hin oder von sich weg, oder in das Gesicht schlägt, oder mit einer Stange schlägt und man bringt 2 Zeugen bei, dann 3 Grivna Strafe. Wenn es ein Varjager oder Kolbjag ist, so bringt man die volle Zahl Zeugen bei, und sie [Varjager oder Kolbjag] gehen zum Eid (G.).

Комментарии

Ланге объяснял 3-гривенную продажу, назначенную здесь за „безвредные удары“, как и в ст. 30 — за „побои до крови и синяков“, — предположением, что речь шла в обоих случаях о „нанесении побоев без всякой свады, на разбое“. Такие же побои без всякой свады Ланге видел и в ст. 23, 25, 67, 68. Текст статьи Ланге читал: „аже будет варяг или колбяг, *иде* полная видока вывести, идета на роту“ = „если были истцами варяги или колбяги, то там, где по общему правилу следовало бы вывести им полное число свидетелей, они подтверждали справедливость своего иска присягою“ (с. 158 и 254).

Сухов различал ст. 30 и 31: в 30-й речь о побоях в сваде, но со „знамением“; в 31-й — о побоях без свады, но и без знамения. Здесь не 12 гривен продажи, а „уменьшение“ до 3 гривен — „потому что побои были нанесены без знамения, не оставили следов после себя, тогда как 12 гр. продажа назначалась за побои без всякой свады, оставившие по себе следы, что ясно выражено в статьях Р. Пр. «о бороде» и «о зубе» [ст. 67 и 68]“ (Юр. вестн., 1873, декабрь, с. 25—26).

Сергеевич сравнивал ст. 31 с договором 1189 г.: „оже упьхнеть, 3 гривны старые“. Это „оскорбление действием“ известно и германцам (Лекции, с. 416—417).

Владимирский-Буданов причислял „иностранцев“ („варяги“ = западные европейцы; „колбяги“ = „восточные инородцы“) к „лицам с ограниченной правоспособностью“, отмечая, однако ж, что „в процессуальной защите их прав они даже имеют некоторые преимущества перед гражданами [по ст. 31 Пр. Пр.]“, а „договоры с греками и с немцами устанавливают полную уголовную равноправность между гражданами и иностранцами: «если убьют купчину немца в Новегороде, то за голову 10 гривен», что равняется 40 грив. Р. Пр. (догов. 1195 г. ст. 2)“ (Обзор, с. 325). — „Удар жердью по ст. 3 Кр. Пр. считается тяжкой обидой (12 гр.); здесь он причислен к обыкновенным побоям“ (Хр., I, прим. 35).

Ключевский тоже отмечал, что удар жердью не менее обиден для чести, чем удар батогом в ст. 25; „видимое разногласие статей объясняется составом Правды“: „Пр. Пр. состоит не из двух разновременных частей, а гораздо сложнее“ (I, 279).

Гетц, сличая ст. 31 Пр. Пр. со ст. 3 и 10 Кр. Пр., останавливался на „жерди“ и „пясти“ ст. 3 Кр. Пр., не попавших в ст. 25 Пр. Пр., и на „жерди“ и „по лицю“ ст. 31 Пр. Пр., явившихся тут не из ст. 10 Кр. Пр., — и из двух чтений: „по лицю“ (Тр. и Синод.) и „палицею“ (Кар.), предпочитал первое, считая „палицею“ ненужным повторением „жердью“, а „по лицю“ — тожественным по существу с „пястью“. Вопреки Владимир-

скому-Буданову и Ключевскому, Гетц не склонен был видеть в таком разнесении материала ст. 3 Кр. Пр. автором Пр. Пр. переоценку им попавших в ст. 31 Пр. Пр. ударов „по лицю" и „жердью" с 12 на 3 гривны как „легких" увечий: автор Пр. Пр. „просто здесь воспроизвел забытое им раньше". Новгородский договор 1195 г. („аже упхнет, любо мятель раздрьть, 3 гривны старые") воспроизводит еще ст. 10 Кр. Пр.; Смоленско-рижский договор 1229 г. „оценивает удар по уху [„по уху оударите, 3 четверти серебра"] не в 12 гр., как ст. 3 Кр. Пр. [удар кулаком], а в 3 гривны, как ст. 31 Пр. Пр. [удар по лицу]". „Так сказать в промежутке между ст. 3 Кр. Пр. и ст. 31 Пр. Пр. стоит ст. 4 Смоленско-рижского договора 1229 г.: «кто биет друга деревом, а будет синь, любо кровав, полуторы гривны серебра платити ему», т. е. 6 гривен кун, вдвое меньше ст. 3 Кр. Пр. и вдвое больше ст. 31 Пр. Пр.". В варяге и колбяге Гетц видел ауктора (Täter) потому, что 1) в обоих случаях подлежащим является ауктор и 2) для иностранцев надо принять облегчение процессуальных действий, как по ст. 18 Пр. Пр. Свидетелей ставит обиженный против ауктора: против русского — двух, против иностранца — „полное число" свидетелей. Склоняясь к толкованию Ланге, Гетц передал „полная видока" — „обычное число свидетелей" (т. е. двух, но не семерых), которое для иностранцев заменено ротой. Толкование, которое „совершенно совпадает" со ст. 10 Кр. Пр. (III, с. 137 сл.).

Максимейко объяснял вариант списка Царск. III, как „отражение московского права XVII в.": „во что и обложат" — это „характерная особенность московского уголовного законодательства". „Жребий" — взят из московской практики XVI в. „Крещения не имея" — показывает, что текст сложился тогда, „когда не имели уже ясного и точного представления о том, кто такие были варяги и колбяги, считали их за некрещеных людей, т. е. за поганых" (Интерполяции, с. 30).

„Полная видока"

Болтин: „Полное число свидетелей состояло из 7 человек".

Ланге, напротив, считал что „полная видока" — это 2, „а не 7" (с. 254).

Владимирский-Буданов: „Против варяга и колбяга (иностранцев вообще) недостаточно было 2-х свидетелей; требуется полное число их (вероятно 7), тогда как сам иностранец доказывает иск или очищает себя без свидетелей одной присягой ... (ср. Пск. Суд. гр., ст. 105)" (Хр., I, прим. 36).

Мейчик считал это чтение „сомнительным": требование 7 свидетелей „было бы отягчением положения иноземцев, что не гармонирует с духом Р. Пр. обеих редакций [ст. 10 Кр. Пр., ст. 18 Пр. Пр.]". Мейчик предлагал чтение „волная видока": „вольный видок, подобно вольной

роте, должно означать свидетеля, которого обвинитель волен представить, но не обязан... Варягу и колбягу вольно вывести видоков или (вместо них) он идет на роту". Соответственно в Синод. сп. слова „*и идета* на роту" надо читать „ли идета и т. д.", а двойственное число обусловлено здесь „тем, что варяг или колбяг вызывают двойственную форму глагола итти" (Ж.М.Н.Пр., 1915, ноябрь, с. 148).

Статья 32

О челяди. А челядин скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и[1] *третии день, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи.*

Переводы

У кого бежит раб, и о побеге его от господина будет объявлено на торгу, а у кого он кроется, тот через 3 дни его не объявит, и после то сыщется; в таком случае господину раб возвращается, а с того, кто его держал, взыскать пени в казну 3 гривны (Б.).

Jeżeli sie skryje niewolnik, a obwołano to będzie na targu, a za trzy dni nie odprowadzą go, a poznają go na trzeci dzień, to swego niewołnika odebrać, a ten który go zatrzymal, 3 grzywny przedaży ma zapłacić (R.).

Wenn ein Sklave entweicht, und man lässt solches auf dem Markte ausrufen, und er wird in drei Tagen nicht herausgegeben, und man erkennt ihn am dritten Tage, so nimmt man seinen Sklaven, und der hat 3 Grivnen Busse zu bezahlen (Ew.).

Если раб убежит и о побеге его будет провозглашено на торгу, а тот, у кого он кроется, не выведет его чрез 3 дни после того, и наконец это обнаружится, то господину в сем случае взять своего раба, а с того, кто держал его, взыскать 3 гривны пени (Пл.).

Если скроется холоп, и господин заявит о нем на торгу, и до третьего дня никто не приведет холопа, а господин на третий день опознает его, то может прямо взять своего холопа, а кто укрывал его, тот должен платить 3 гривны продажи (Ст.).

Aber ein Knecht verbirgt sich, und man macht ihn bekannt auf dem Marktplatz, aber während 3 Tagen bringt man ihn nicht bei, aber es erkennt ihn [sein Herr] am dritten Tag, so nimmt er seinen Knecht, aber er [der ihn verheimlicht hatte] zahlt 3 Grivna Strafe (G.).

---

[1] *Добавлено М* в, *МП* на.

Комментарии

Болтин останавливался только на закличе: „Закличет на торгу, — на площади, где народ собирается, кличь прокличет, объявит, обнародует с наблюдением законного порядка, яко ныне таковые объявления во всенародное известие, с барабанным боем чинятся, дабы после нельзя было сказать, что не знал или не слыхал“.

Эверс пояснял: „Основным началом узаконений относительно имуществ во всех древних законодательствах служит следующая истина: каждый должен довольствоваться тем, что имеет, и каждый может весьма хорошо знать, что принадлежит ему как собственность. Владение чужим имуществом и неправедное присвоение оного есть одно и то же“ (с. 324—325).

Ланге отмечал, что „частное постановление о передержательстве челядина варягом или колбягом получило надлежащее обобщение в уставе Изяслава. В Мономаховом уставе означенный закон Изяслава, определивший только пеню в пользу князя за передержательство, дополнен постановлениями о количестве вознаграждения владельца тем лицом, кто укрывал беглого холопа или способствовал его побегу (ст. 112, 113, 115)“. Ожидая возражения относительно значения трехгривенного платежа, Ланге считал необходимым установить, относится ли в фразе: „а оному платити 3 гривны продажи“ — слово „оному“ к господину холопа или передержателю, и доказывал, что „местоимение оному всегда относилось не к тому лицу, о котором пред употреблением его сказано, а к тому, о котором говорилось прежде. Следовательно, в разбираемом выражении под оным разумеется виновный“ (с. 172, 174, 175).

Первым действием истца, по мнению Н. Дювернуа, должна быть явка или заповедь. Такая заповедь, которая производится посредством объявления на торгу о пропавшем, посредством „заклича“, считается необходимой, хотя нельзя сказать, какие последствия влечет за собой опущение явки. Дювернуа также указал, что „первоначальный порядок явки выработался в тесном кругу общины, ибо срок восстановления владения 3-хдневный“ (с. 172, 173).

Отличительный характер процесса Стефановский видит в том, что уголовное и гражданское судопроизводство, вообще говоря, подчинено одному и тому же порядку, обвинительному, или вернее, состязательному. „Сторона потерпевшая или истец сам отыскивал ответчика и сам производил исследование (если нужно), которое, смотря по жалобам, заключалось: 1) в опросе обвиняемого, 2) своде, 3) следовании по следам, 4) опросе свидетелей, 5) испытании железом и водой и 6) роте ответчика. Если истец по окончании исследования не находил ответчика виновным,

то не имел нужды прибегать к суду; в противном случае он звал ответчика пред судей“ (Ж.М.Н.Пр., 1873 г., ч. 166, с. 34).

Пихно полагал, что „в период Русской Правды не существовало особых лиц для производства взыскания: это делал сам истец. Он сам берет спорную вещь... сам ведет должника на торг... Общины были не велики, отношения просты и всем известны, дело производилось гласно на миру, — а потому все видели, на чьей стороне правда; нарушитель права не осмеливался сопротивляться взысканию, потому что против него стала бы вся община... Если истец не мог сам справиться, то он обращался за содействием к частным лицам, которые за это приобретали право на известное вознаграждение. Иногда приходилось прибегать к княжеской власти... Если взыскатель оказывался бессильным и не мог рассчитывать на поддержку частных лиц, то он обращался к княжескому тиуну и брал у него детского“. „Взыскание, производившееся вначале без всякого вмешательства княжеской власти, требует все более и более ее участия“ (с. 7, 8).

По мнению Владимирского-Буданова — „закличь, заповедь на торгу есть первая вступительная часть процесса по искам вещным“ (Хр., I, прим. 37).

Рожков отмечал, что в Кр. Пр. нет ни слова о „закличке“. По Пр. Пр. „заповедывали или закликали на торгу в двух случаях: во-первых, если «челядин скрыется», во-вторых, «аче кто конь погубить, или оружие или порт». При этом в обоих этих случаях не упоминается о своде, а истец, узнав своего челядина в «третий день» после заклички на торгу, или узнав своего коня, оружие или одежду «после», «в своем городе», берет ему принадлежащее, а тот, у кого оно найдено, платит 3 гривны продажи“. Было бы ошибочно признать на основании разобранных статей, что при потере вещи или холопа был заклич на торгу, но свода не было. На основании ст. 35 Рожков утверждал, что свод был возможен, хотя иногда его не было: „свода не бывало только тогда, когда, пойманный с краденым или потерянным... признавал себя первым незаконным владельцем спорной вещи“. Рожков указывал на различие в сроках для скрывшегося холопа и потерянной вещи и понимал это различие в том смысле, что ссылка на добросовестное приобретение холопа не допускалась до истечения трех дней после заклича, в этом случае при возвращении холопа законному владельцу „не платилась и продажа“ (Очерки, с. 215—216).

Пресняков сопоставлял ст. 32 Пр. Пр. со ст. 11 Кр. Пр.: „перед нами обобщение статьи, указывавшей на определенный и притом для XII в. уже устаревший случай бегства челядина к иноземцу, варягу или колбягу. Обобщение, быть может, только книжное, а не запись нормы, обобщившейся в обычае“, — и отмечал сохранение здесь „более

архаического челядина", не вытесненного здесь „холопом" (Лекции, I, с. 222).

Гетц — поставленный еще Эверсом (нем. изд., с. 272) вопрос о различии челядина и холопа решал здесь в смысле полного тожества того и другого. Новостью ст. 32 против ст. 11 Кр. Пр. Гетц считал заклич на торгу и сопоставлял ст. 32 со ст. 34 Псковской Судной грамоты о явке старостам или „околным соседам", в случае если у кого „учинится татба". Считая „варяга и колбяга" Кр. Пр. попавшими в ст. 11 по ошибке из ст. 10, отсутствие их здесь Гетц толковал не как обобщение, а как признак того, что автор Пр. Пр. пользовался более древним источником (III, с. 148 сл.).

Статья 33

Аже кто всядеть на чюжь конь. Аже кто всядеть на чюжь конь не прашав, то 3 гривны.[1]

Переводы

Кто поедет на чужой лошади, не спрося дозволения у хозяина, с таковаго взять гривну пени (Б.).

Jeżeli kto wsiądzie na cudzego konia bez wiedzy właściciela, to jedna „3" grzywna przedaży (R.).

Wenn jemand sich auf ein fremdes Pferd setzt ohne gebeten zu haben, dann 3 Grivnen (Ew.).

Если кто сядет на чужую лошадь без спросу хозяина, то с таковаго взять 3 гривны (Пл.).

Если кто сядет на чужого коня без спросу, платить 3 гривны (Ст.).

Wenn jemand sich auf ein fremdes Pferd setzt ohne (es) erbeten zu haben, dann 3 Grivna (G.).

Комментарии

Ланге заметил: „В Карамзинском списке и в списках одной с ним редакции эти 3 гривны названы «продажею». Мы не признаем здесь ошибки и думаем, что действительно за самовольное пользование чужим конем платилась продажа князю, потому что частное вознаграждение не могло быть в таком количестве: самая дорогая лошадь, исключая княжеской, стоила во время Правды 2 гривны; следовательно не было основания в удовлетворение обиженного взыскивать 3 гривны за одно только кратковременное пользование конем. Очевидно, что 3-хгривенная плата была пеней за самый поступок" (с. 171—172).

См. комментарии к ст. 12 Кр. Пр.

---

[1] *РМ вместо* 3 гривны — гривна.

Статья 34

Аче кто конь погубить, или оружье, или порт, а заповесть на торгу, а после познаеть в своемь городе, свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

Переводы

Кто потеряет лошадь, оружие или платье, и о том на торгу обнародует, а после потерянную вещь свою опознает у городского жителя; то, вещь опознанную у него взяв, возвратить хозяину, и сверх того взыскать с него три гривны за обиду (Б.).

Jeżeli komu koń zginie, lub oręż, lub odzienie, i zapowie na targu, a potem pozna w swojem mieście, tedy licem swoje ma odebrać, a za szkodę ma jemu być zapłacono 3 grzywny (R.).

Wenn jemand ein Pferd verloren geht, oder eine Waffe, oder eine Kleidung, und er macht es auf dem Markte bekannt, und nachher erkennt er das Seinige in der Stadt, so nimmt er das Seinige in Wesenheit (лицем) und für das Unrecht sind ihm 3 Grivnen zu bezahlen (Ew.).

Ежели кто потеряет лошадь, оружие или платье и о том обнародует на торгу, а после опознает потерянную вещь у кого-нибудь из своих сограждан, то потерявший имеет право взять ее у него лицем, и сверх того взыскать с него 3 гривны за обиду (Пл.).

Если у кого пропадет конь, оружие или одежда, и он заявит о том на торгу, а после опознает пропавшее у кого-нибудь в своей же городской общине [в своем же миру], то прямо брать свою вещь, а тому платить ему (т. е. хозяину пропавшей вещи) за укрывательство 3 гривны (Ст.).

Wenn jemand ein Pferd einbüsst oder eine Waffe oder ein Kleid und macht es bekannt auf dem Marktplatz, aber danach erkennt er es in seiner Stadt, so nimmt er das ihm gehörende Objekt, aber für das Unrecht bezahlt er [der Schuldige] 3 Grivna (G.).

Комментарии

Карамзин в вольном пересказе ст. 34 совершенно отрицал право на самоуправные действия потерпевшего. „Утратив одежду, оружие,

хозяин должен заявить на торгу; опознав вещь у горожанина, идет с ним на свод, то есть спрашивает, где он взял ее. И переходя таким образом от человека к человеку, отыскивает действительного вора, который платит за вину 3 гривны; а вещь остается в руках хозяина" (II, с. 31—32 и прим. 87).

Морошкин, определяя термин „мир" как вся „земля" и все на ней находящееся, понимал выражение „познает в своем миру", как ограничение защиты против чужеродцев — пределами области, верви и губы, против однородцев — межой своей деревни, а против соседей пределами своей усадьбы. Самовольная защита не должна переходить за межу владения, ибо за ней начинается чужой мир, и еще менее в пределы земли самого нарушителя: ибо это значило бы нарушить мир владельца, т. е. учинить важное преступление. За межою обиженный владелец может преследовать бегущего вора или раба; но, поймавши его в чужом миру, не должен самовольно отнимать своего, а — пойманного раба должен вести к местному начальнику, тиуну или волостелю. Здесь открывается суд, т. е. разбирательство прав собственности, а не владения. Похититель удерживает вещь в своем владении, но должен присягнуть со своими родичами (conjuratores), что та вещь у него своя, доморощенная; если же вещь приобретена по передаче, то владелец должен поставить поручника (Gewerman, auctor rei, местник) (с. 37).

Ланге полагал, что „по делам об утайке найденного закон дозволял владельцу, потерявшему коня, оружие, одежду, или что-либо другое, объявить о том на торгу. Если после объявления владелец опознавал у кого-нибудь потерянную им собственность в своем городе, то мог взять ее, а задержанный с нею подвергался 3-гривенной продаже". Объявление на торгу „не исключало ни свода, ни других судебных доказательств", оно „делалось собственно для того, чтобы нашедший вещь знал, кому она принадлежит, и при добросовестности мог бы возвратить ее по принадлежности" (с. 241—243).

Н. Дювернуа приходил к выводу, что „заповедь на торгу имела значение публикации для предупреждения приобретения погибших вещей от несобственника". После оповещения о пропаже на торгу „невозможно приобрести чужую вещь в собственность", а без нее оно „могло быть сделано добросовестно и со всеми благоприятными последствиями такого приобретения для приобретателя" (Пособие, с. 52)

Владимирский-Буданов находил, что по Р. Пр. при совершении правонарушений дееспособными лицами, „в каждом отдельном случае требуется присутствие сознания неправоты действия". До объявления на торгу, которое „должно сделаться известным по всему городу (или миру, как в друг. сп.) в продолжение трех дней", „стороннее лицо, нашедшее вещь, или принявшее беглеца, если не знает о потере

или бегстве, может добросовестно владеть вещью". После объявления он „должен возвратить вещь хозяину ее; в противном случае из добросовестного владельца он превращается в преступника". Заклич является „первою вступительною частью процесса по искам вещным" (Обзор, с. 9; Хр., I, прим. 37).

Гетц, сравнивая ст. 34 Пр. Пр. со ст. 13 Кр. Пр., отмечал особенности позднейшей редакции. Ст. 34 вносит, как и предшествующая ст. 32, ряд моментов, уточняющих разные стадии процесса: „заповесть на торгу", „взять свое лицем", а также изменяет самый текст статьи (вместо: „аще поимет кто... а познает" — позднейшая редакция ставит: „аче кто конь погубит... а заповесть... а после познает"). Все эти изменения, по мнению Гетца, вносят больше единства и ясности. Замена „мира" городом дала основание Гетцу отметить здесь отражение изменения в процессе хозяйственного развития „России". Город, укрепленный торговый пункт, с купеческим населением приходит на смену сельской общине. Заключительная часть статьи останавливала внимание Гетца на сохранении частного вознаграждения за обиду, вместо публичной кары — штрафа (III, с. 156—158).

Статья 35

Аже кто познаеть свое, что будеть погубил или украдено у него что и, или конь, или порт, или скотина, то не рци и: се мое, но поиди на свод, кде есть взял; сведитеся, кто будеть виноват, на того татба снидеть, тогда он свое возметь, а что погибло будеть с нимь, то же ему начнеть платити; аще будеть коневыи тать, выдати князю на поток; паки ли будеть клетныи тать, то 3 гривны платити ему.

Переводы

Ежели кто опознает у кого свою вещь потерянную или пропавшую то не должен сказать ему, что та вещь моя, но спросить, от кого он ее получил, и на кого покажет, с тем его свести; и ежели сей отвода от себя не зделает, то есть не возможет показать, от кого он ту вещь получил, то и долженствует признан быти за татя, с которого, сверьх вещи опознанной, взыскать и все то, что с тою вещию пропало, и отдать хозяину. Коневый тать да предастся в волю князя, для отослания в заточение; а с татя клетного взыскати пени три гривны (Б.).

Jeżeli kto pozna rzecz swoją, która była zginęła, lub też która była u niego skradziona, czyli to konia czyli odzienie, czyli bydlę, to nie mów jemu to moje, lecz idź na zwód, gdzie to wziąłeś: zwiedźcie się kto będzie winien, na tego kradzież spadnie, na ten czas on (właściciel) weźmie swoje, a jeżeli co innego z tą rzeczą razem zginęło, tedy ten na kogo się kradzież okaże, zapłacić mu winien. Gdy kto konia ukradnie, to wydać go księciu w niewolę, a kto kleć okradnie, to 3 grzywny zapłacić ma za to. (K).

Wenn jemand das Seinige erkennt, das ihm verloren, oder das bei ihm entwendet ist, entweder Pferd oder Kleidung, oder Vieh, so sage er nicht: das ist das Meinige, sondern gehe auf die Umfrage: wo ist es genommen? Sie werde hinabgeführt, derjenige für schuldig erkannt, an welchem der Diebstahl haftet. Dann nimmt er das Seinige, aber was dabei mit verloren seyn wird, das muss man ihm zu bezahlen anheben. Wenn es ein Pferdedieb ist, so liefere man ihn dem Fürsten zur Verbannung aus; hinwiederum wenn es ein Dieb des Gemaches ist, so hat er 3 Grivnen zu bezahlen (Ew.).

Ежели кто опознает у кого потерянную им, или украденную у него вещь, напр., одежду, лошадь или другую какую скотину: то не имеет права сказать ему: „это вещь моя“, но должен спросить его: „у кого

он взял ее“ и на кого покажет, с тем свести его: на ком воровство остановится, тот и должен быть признан виновным. После сего, отыскавший берет свою собственность и вместе получает вознаграждение за все то, что пропало с нею. Если кто уличится в краже лошади, тот должен быть выдан князю головою; клетный вор платит 3 гривны в казну (Пл.).

Если кто, без явки на торгу, отыщет что-либо у него пропавшее или украденное, — коня, одежду или скотину, — то нельзя сказать „это мое“, а надо заявить ответчику — „иди на очную ставку, объяви, у кого взял, с тем и стань с очей на очи“. Кто не оправдается, на того и падет ответственность за воровство; тогда истец возьмет свое, а виноватый ему платит и за то, что тот потерпел вследствие пропажи. Если это будет конокрад, выдать его князю: пусть князь сошлет [поточит; другие переводят: продаст в рабство на чужбину]. За воровство же чего-либо из клети платить вору 3 гривны продажи (штрафа в пользу князя) (Ст.).

Wenn jemand sein Eigentum erkennt, das er eingebüsst hat, oder das bei ihm gestohlen wurde, entweder Pferd oder Kleid oder Vieh, dann sage ihm [dem gegenwärtigen Besitzer] nicht: „Das ist mein“, sondern [sage zu ihm so]: „Gehe mit zur Ermittlung, wo du es genommen hast“. Die Ermittlung wird angestellt; wer (schliesslich) schuldig ist, auf den geht der Diebstahl aus. Dann nimmt er [der Eigentümer] das Seine, aber was dabei verloren gegangen ist, das muss er [der schliesslich Schuldige] ihm zahlen. Wenn (es) ein Pferdedieb ist, übergibt man ihn dem Fürsten zur Verbannung. Wenn es dagegen ein Hausdieb ist, so zahlt er 3 Grivna (G.).

Комментарии

Раковецкий понимал под термином „свод“ очную ставку перед судом людей, имеющих сведения о деле. В этом смысле термин этот употребляется и в чешском праве. В народном польском языке сохранилось выражение „czynić zwody“, т. е. сводить людей с глазу на глаз, ссорить их между собой (II, 138, прим. 49).

Калачов признавал, что вопрос о возвращении вещи или раба нормально разрешается ст. 34, но когда хозяин пропавшей вещи или челядина не объявит о том предварительно на торгу, он должен для возвращения вещи отыскать действительного или предполагаемого законом вора. Чтобы установить иск, хозяин, найдя в чужих руках пропавшую у него вещь или челядина, обращается к их незаконному владельцу и зовет его на свод. Этот свод состоит в том, что ответчик, по требованию истца, приводит его к третьему лицу, от кого сам получил предмет иска; тогда последний становится в свою очередь ответчиком, которого истец опять зовет на свод, и это продолжается так долго, пока не отыщется действительный или предполагаемый вор, т. е. тот, кто не будет в состоянии указать истцу, от кого именно он приобрел предмет кражи. Отыскав такого ответчика, истец берет свое, и сверх того

вор обязан заплатить ему за то, что пропало у него вместе с краденой вещью (с. 212).

Станиславски не согласился с Калачовым. „Калачов думает, что свод... тогда только был употребляем, когда хозяин пропавшей вещи не объявил на торгу о своей пропаже, если же он это сделал, то мог взять ее у кого хотел без всяких судебных форм. — Какой же хозяин после того не позаботился бы о том, чтобы, кликнув клич на торгу, иметь право отнять свою вещь у каждого, как скоро познает ее". Станиславский возражал и Эверсу: „но часто ли могло случаться, чтобы тот, у кого находима была чужая вещь, соглашался без дальних околичностей отдать ее и не старался напротив доказать, что она приобретена им законным образом" (с. 197).

Соловьев излагал ход процесса по своду, принимая точку зрения Калачова. „Если же обокраденный не оповестит о своей пропаже на торгу, и увидит ее у кого-нибудь другого, то не может сказать ему: «это мое», но обязан вести его на свод, чтобы тот указал, где взял вещь. Свод в одном городе продолжался до конца, если же переходил черту города, то останавливался на третьем ответчике, который должен был платить истцу деньгами, а сам брал вещь и отыскивал снова похитителя; при отыскивании раба свод шел во всяком случае только до третьего ответчика, который отдавал истцу своего раба вместо украденного, а сам отыскивал настоящего вора. Свода из своего города в чужую землю не было: но ответчик мог только представить свидетелей или мытника (сборщика торговых податей), при которых купил вещь, после чего истец брал свою вещь, не получая никакого вознаграждения за то, что вместе с нею пропало, а ответчик терял деньги. — То же самое происходило, когда ответчик, хотя и мог посредством двух свободных свидетелей или мытника доказать, что он действительно купил вещь или раба, но не знает, у кого именно; по отыскании же своего продавца, он мог взять с него свои деньги и последний обязан был удовлетворить первого истца за то, что у него пропало с краденным" (I, с. 235—236).

Ланге излагал все движение процессуальных действий по своду. „Если кто усматривал украденную вещь у другого лица то, не говоря ему: «се мое», имел право требовать, чтобы задержанный с воровскою вещью указал, каким образом она им приобретена. Задержанный человек мог при этом: 1) прямо сознаться в воровстве, 2) сказать, что он опознанную у него вещь приобрел от такого-то именно лица, 3) отвечать, что он нашел ее или купил у неизвестного ему человека, или что она ему подброшена. В первом случае, т. е. при сознании, не было нужды истцу производить дальнейшее исследование, и виновный, по предъявлении судье, прямо подвергался наказанию. Во втором случае производился

свод (см. ст. 36), а в последних случаях свод делался невозможным, и потому требовалось показание свидетелей. Задержанный с краденым должен был представить двух свидетелей свободного состояния или мытника, перед которыми он купил (ст. 37). Если эти лица подтверждали справедливость ссылки ответчика показанием под присягой, то истец брал себе поличное, а тот, у кого оно найдено, не считался виновным [ст. 37]" (с. 230).

Только при краже, утверждал Сергеевич, „иск был абсолютный". „Хозяин украденной вещи мог требовать возвращения ее, хотя бы она находилась и у добросовестного владельца". Из статей о своде следует, что опознавший свою украденную вещь может требовать возвращения ее от каждого владельца и от того, кто купил ее на торгу (Лекции, с. 512).

Владимирский-Буданов полагал, что запрещение изъятия вещи собственником из чужого владения имело в виду три случая: а) когда не сделано заклички на торгу; б) когда вещь найдена до истечения законных 3 дней; в) когда вещь найдена после заклички и по истечении трех дней, но не в своем граде (или миру). Под тем, что погибло с пропавшим предметом, Владимирский-Буданов разумел вещи, снесенные бежавшим холопом, сбрую на пропавшем коне, вещи, находящиеся при одежде или в ней, а может быть и вещи, украденные вместе с найденною. В западнорусском законодательстве Владимирский-Буданов находил поток уцелевшим до XVII в. Он именуется там: „pogonia" (латинское искажение слова „погнание") и „выволанье" из земли. Здесь хотя и не упоминается о „разграблении", но оно подразумевается как необходимое последствие потока (Хр., I, прим. 46).

Курдиновский дал обзор мнений ученых о своде, объединив их в несколько групп: 1) свод был порядком производства по делам о восстановлении нарушенного права собственности — rei vindicatio (Эверс, Морошкин, Калачов, Н. Дювернуа, Станиславский, Владимирский-Буданов, Иречек, Неволин); 2) свод был лишь начальной стадией процесса (Владимирский-Буданов); 3) свод — частное производство по собиранию доказательств в виндикационном процессе (Пахман, Ланге, Сергеевич, Рейц, Палюмбецкий, Новакович); 4) свод — особый порядок производства по делам о татьбе (Леонтович). — У нас в старину словом „свод", по мнению Курдиновского, обозначались различные юридические явления. Свод был средством защиты в руках человека, обвиняемого в краже или присвоении чужой вещи, а равно в грабеже и убийстве. В этом смысле слово „свод" равнозначуще слову „отвод" и есть не что иное, как сведение с себя подозрения в совершении преступления на третье лицо. Ведение „свода" в целях защиты было правом лица обвиняемого, ответчика. Для потерпевшего (истца) свод был способом отыскания

„конечного татя“, т. е. того, кто должен был возместить убытки, причиненные неправомерным приобретением его имущества. Ведение свода в этом случае было правом лица потерпевшего и имело свои естественные границы. Когда виновный был налицо — свод не мог быть проводим; нет места для свода, когда неизвестен покупщик; свод оборвется, если свидетелями будет подтверждена покупка на рынке. Свод был повинностью для некоторых лиц. Ведение свода имело место во всех случаях, когда хозяин „познает свое, что будет погубил или украдено что у него“. Ведение свода до конца возлагалось, с одной стороны, на хозяина вещи, если „лицем“ не был „челядин“ и свод вращался „в одном граде“, с другой стороны — на хозяина вещи и на третьего, если свод шел „по землям“ или если „лицем“ был „челядин“. Свод не есть „очная ставка“, свод не был и вещным иском, но, как право защиты в руках обвиняемого, свод был „образом доказывания“ (по выражению Рейца). Свод Правды, по мнению Курдиновского, был начальной стадией процесса. Путем свода отыскивали того, кто должен был подлежать суду уголовному, понести наказание и возместить убытки, причиненные преступлением. Курдиновский, пользуясь аналогией современного права, видел в своде предварительное следствие, которое во времена Р. Пр. велось без участия органов правительственной или общественной власти. Свод не был средством защиты права собственности и косвенно средством защиты владения (с. 209—219).

Рожков понимал „свод“ как следствие, производимое самим истцом. „Свод“ производился самим истцом; истец говорил: „пойди на свод, где еси взял“; сам истец также „закликал на торгу“ о пропаже принадлежавшей ему вещи или холопа, сам и „познавал“ найденную у другого свою вещь: из его заявления о потере не вытекала необходимость деятельного и самостоятельного производства следствия властями; Р. Пр. допускает случай, „аже кто своего холопа сам досочиться“ (ст. 114). Существующие власти только содействовали истцу в некоторых случаях: так, например, посадник должен был помогать при поимке беглого холопа, давая истцу отрока (История, I, с. 216).

Гетц в своем издании текста Р. Пр. сохранил деление на статьи Сергеевича, но не согласился с ним в отношении разделения ст. 35 на три (41, 42, 43). Все эти три статьи тесно связаны между собой. Ст. 42 и 43 говорят о наказании за кражу тех объектов, которые перечислены в ст. 41, поэтому невозможно отделять заключительную часть статьи от основной, как это сделал Сергеевич. Рассматривая постановление о краже лошади, Гетц считал, что оно имеет в виду не кражу лошади, а конокрада: не „der Dieb eines Pferdes“, а „ein Pferdedieb“ (III, с. 161—164).

Кочин отмечает „строгое соответствие ст. 31—34 Пр. Пр. со ст. 10—13 Кр. Пр. и по содержанию и по порядку изложения“ и предлагает „догадку“, что „и ст. 35 Пр. Пр. должна соответствовать ст. ст. 14 и 15 Кр Пр.“. „Можно догадываться, что составитель Пр. Пр. отбросил конец ст. 14 Кр. Пр. о поручнике, потому что или: 1) не желал санкционировать поручительство, или 2) (что более вероятно) эта часть ст. 14 Кр. Пр. является позднейшей припиской, отсутствовавшей и в том списке, каким пользовался составитель Пр. Пр.“. Что касается конца ст. 35 о коневом и клетном татях, то Кочин возражает против выделения его в отдельную статью (как делали Калачов и Сергеевич), ссылаясь на „цельность содержания всей излагаемой в этой статье нормы“ и на отсутствие отдельного заголовка („о татбе“) перед фразой о коневом и клетном татях (Уч. пос., с. 61—62).

Статья 36

О своде. Аже будеть во одиномь городе, то ити истьцю до конця того свода; будеть ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода; а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицемь ити до конця своду, а истьцю ждати прока; а где снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю.

Переводы

Ежели тот, у кого опознана будет украденная вещь, показывать будет, что получил ее от другова живущего в том же городе, а сей показывать будет так же на другова и в том же городе живущего, то истцу идьти с полишным до конца свода, то есть до того человека, которой не в состоянии уже будет ни на кого показать. Ежелиж ссылка пойдет на жителей уездных, в таком случае истцу идьти только до третьего человека и взяв с сего третьяго за вещь свою, чего она стоит, деньги, оставить ея у него; а сему третьему, с тем полишным, идьти до конца свода. Между тем истцу ожидать окончания дела, и кто признан будет, по непринесению в вещи оправдания, татем, с того все взыскать, как за покраденное, так и за татьбу указную пеню (Б.).

Jeżeli zwód będzie w jednem mieście, to iściec ma iść do końca tego zwodu, a jeżeli zwód będzie po ziemiach, tedy ma iść tylko do trzeciego zwodu, a to co będzie licem znalezione, ten który jest w trzecim zwodzie pieniędzmi za lice zapłaci, a z licem ma iść do końca zwodu, a iściec reszty czekać powinien, a na kogo w ostatnim zwodzie okaże się kradzież, ten wszystko zapłaci i przedaż poniesie (R.).

Und wenn es in einer Stadt ist, so gehet der Kläger bis zu Ende ihrer Umfrage; ist die Umfrage auf dem Lande, so geht er bis zur dritten Umfrage, und wo die Wesenheit seyn wird, da zahlt ihm der Dritte, bezahlt Marder für die Wesenheit. Aber mit der Wesenheit geht er bis zu Ende der Umfrage, und der Kläger erwartet das Uebrige, und wo es endlich haftet, der muss Alles bezahlen und die Busse (Ew.).

Ежели тот, у кого будет опознана украденная вещь, станет показывать, что он получил ее от одного из сограждан своих, и сей будет также показывать на другого, в том же городе живущего человека:

то истцу итти с поличным до конца свода, то есть, до действительного вора, который уже не в состоянии будет показывать ни на кого другого. Но ежели ссылка пойдет на жителей уездных, то истцу взять за украденное деньги с третьяго ответчика, который, между тем, идет с поличным далее, пока наконец не отыщется истинный вор, которому и платить всю пеню (Пл.).

Если при последовательных ссылках на очную ставку ответчиками будут являться члены одной с истцом городской общины, истец ведет дело сам до последней ссылки. Если же будут ссылаться на членов какой-либо вне-городской общины, то истец ведет дело только до третьей ссылки, — и третий ответчик, заплатив истцу деньги за его вещь, с этой вещью ведет дело до последней ссылки. А истец ждет конца дела, — и когда дойдет до последнего ответчика, он все платит: и убытки истца, и убытки 3-го ответчика, и продажу князю (Ст.).

Wenn es in einer Stadt (allein) ist [dass eine Ermittlung angestellt wird], dann geht der Kläger bis zum Ende dieser Ermittlung. Geschieht die Ermittlung auf dem Land, so geht er (nur) zur dritten Ermittlung, aber wo das Klageobjekt ist, da muss dieser Dritte mit Geld für das Objekt zahlen. Aber mit dem Objekt geht man bis zum [schliesslichen] Ende der Ermittlung. Aber der Kläger wartet das weitere [Ende der Ermittlung] ab. Und wo es auf einen Letzten ausgeht, da muss der alles bezahlen und (dazu) die Strafe (G.).

Комментарии

Выражение „до конца свода“ Болтин пояснял: „до того человека, которой, по показанию на него, найдется не в состоянии оправдать себя, т. е. показать, от кого он ту вещь получил. «До третьяго свода», — до третьяго человека. Первый есть тот, у кого вещь украденная опознана будет, вторый есть тот, на кого первый покажет, что он ту вещь от него получил, а третий есть тот, на кого вторый ссылаться будет в получении от него вещи“.

„До третьего — то от истца переходит свод к третьему лицу“, пояснял Дубенский; (он сдает свод, иск, третьему лицу, вероятно тому самому, которое сослалось на лицо, находившееся в уезде, или в другой волости); „и это 3-е лице, заплативши истцу за поличное, чего оно стоит, идет с ним до конца своду. Между тем истец должен ждать решения делу“ (с. 71).

По мнению Калачова, „отыскание вора посредством свода представляет некоторые различия, с одной стороны, по различию предметов воровства: движимой вещи или челядина, а с другой — по месту жительства ответчиков. Если все они живут в одном городе и предмет иска движимая вещь, то свод продолжается до конца, т. е. до отыскания действительного или предполагаемого вора; если, напротив, из ответчиков некоторые находятся за чертою города, то свод идет только

до третьего ответчика, который должен за вещь заплатить истцу деньгами, а сам берет вещь и посредством свода отыскивает вора, обязанного платить за все, равно как и продажу, после чего истец получает обратно свою вещь, а третий ответчик свои деньги“ (с. 212).

Ланге полагал, что „сводом называлась поверка ссылки одного лица на другое, следовательно, свод есть не что иное как очная ставка. Когда ссылки преемственно переходили на несколько лиц, в таком случае из свода образовывался последовательный ряд очных ставок“, и „если в каком-либо городе последняя ссылка его обывателя была на лицо, жившее вне черты городской, то свод переходил и за эту черту“. „Но так как он мог таким образом продолжаться весьма долгое время к обременению истца, то позволялось последнему за чертою своего местожительства итти только до 3-го свода, т. е. до третьей очной ставки, и потом у 3-го, за означенною чертой приобретателя украденной вещи, вручив ему поличное, взять по цене куны, а в случае похищения челядина, — его собственного холопа, оставив своего, о котором шло дело, и затем возвратиться домой. После того, тот, у кого оставалось поличное или похищенный челядин, должен был итти с ними до конца свода сам, и когда обнаруживалась через то его невинность, то истец возвращал ему его куны или челядина, а брал своего челядина или вещи, открытый же тать платил татьбу и продажу“ (с. 233).

Чебышев-Дмитриев из анализа ст. 36 и 39 приходил к заключению, что в период Р. Пр. были, вероятно, не только отдельные общины, но и союзы общин. Свод допускался, и то с ограничениями, только из одной союзной общины в другую по своей земле (с. 45—46).

Сухов считал, что с уничтожением междуобщинной мести ограничение самоуправства в отношении вещных прав состояло в том, что тогда только собственник отнимал свою вещь у похитителя, когда он находил ее в своей общине, „в своем миру“. По другим общинам самоуправство члена, не принадлежавшего к ним, не имело места. Как при личных правонарушениях, самоуправство дозволялось только при существовании известных доказательств, так и при вещных правонарушениях самоуправство не могло вовсе существовать без них (Юр. вестн., 1873, VII—VIII, с. 56—57).

Пихно находил, что „определить с точностью, что такое свод, в высшей степени трудно, потому что в этом оригинальном учреждении сливаются весьма многие элементы состязательного и исполнительного процесса. Первоначально «свод» упоминается в значении суда двенадцати мужей, представляющих собой судей и свидетелей, которым ведомо дело. В позднейших списках эти двенадцать мужей называются послухами, которые должны присягать за истца. На основании... статей [Пр. Пр.] свод представляется как особый порядок взыскания“, когда отыски-

вающий свою вещь проходит по всем добросовестным приобретателям, пока не дойдет до первого. „Вся эта процедура происходит без вмешательства суда и имеет конечным результатом восстановление прав собственника". „К своду поэтому прибегали во всех сомнительных случаях: он служил альфой и омегой производства взыскания по вещным искам". „Взыскание обращается не к имуществу должника, а непосредственно к его личности, побуждая его посредством различных репрессивных мер выполнить принятые им на себя обязательства" (с. 11—12).

Сергеевич считал возможным „свод" Р. Пр. подвести под понятие очной ставки — совершаемой несколько своеобразно. Сергеевич возражал тем, кто утверждал, что в древности доказательства имели безусловное значение, и привел ряд случаев, когда, несмотря на доказательства, представленные истцом, ответчик не признает себя виновным и прибегает „к божьему суду" (Лекции, с. 585—586).

По мнению Владимирского-Буданова, „свод состоит в отыскании истцом надлежащего ответчика, посредством заклички, свода в тесном смысле и присяги". Если истец найдет свою вещь по истечении 3 дней после заклички, то тот, у кого она найдена, признается ответчиком, который не только возвращает вещь, но и уплачивает уголовный штраф. Если же закличь не была еще сделана, или если собственник нашел вещь в руках другого до истечения узаконенных 3 дней после заклички, или, наконец, он нашел ее не в своем граде (или „миру"), то начинается свод. „Закон, оставляя вещь во владении купившего ее, обязывает его вместе с первоначальным хозяином итти к тому лицу, у кого первый приобрел ее". И так „свод продолжается дальше всеми заинтересованными лицами". Собственник идет до конца свода только в одном городе, но „если цепь заинтересованных переходит за пределы города в область, подчиненную городу, то истец идет только до третьего свода", и „тот, до кого дойдет 3-й свод в области, должен вручить истцу деньгами цену, равную вещи, а сам уже ведет свод далее" (Обзор, с. 639). Статьи о своде, по мнению Владимирского-Буданова, объясняют общественный быт древнейших, может быть, доисторических времен. Высшею формою общества был не мелкий союз (община), а город с его округом („землею") (Хр., I, прим. 48).

Рожков считал „особенно замечательным", „что свод в чужую землю, в область другого города, прямо не допускался: очевидно, такая продажа в чужую область признавалась невероятною вследствие крайней затруднительности и чрезвычайной редкости торговых сношений между отдельными городами и рынками" (Очерки, с. 216).

Статья 37

О татбе. Паки ли будеть что татебно купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати у кого купил, то ити по немь тем видоком на роту, а истьцю свое лице взяти; а что с нимь погибло, а того ему желети, а оному желети своих кун, зане не знаеть у кого купив; познаеть ли на долзе у кого то купил, то свое куны возметь, и сему платити, что у него будеть погибло, а князю продажю.

Переводы

Если ж кто купит краденое на торгу, коня, или платье, или скотину, и хозяин того сыщется, то должен он представить во свидетели двух человек свободных, или зборщика пошлины, что подлинно того коня или платье купил у незнаемого им человека; и когда свидетели присягу в том учинят, тогда истцу свое взять лицем, а что с тем пропало, того взять негде, так как и денег своих тому, кто краденое купил, понеже не знает того человека, у кого купил. Если ж по времени опознает он того человека, тогда с него взяти ему свои деньги, да с негож доправити, хозяину вещи, за все то, что с тою вещию у него пропало, и сверх того князю пеня (Б.).

Jeżeli kto kupi na targu rzecz skradzioną czyli to odzienie, czyli konia, czyli bydlę, to ma stawić dwóch wolnych ludzi albo mytnika jako nie wie u kogo tę rzecz kupił, na co stawieni świadkowie którzy byli na targu, zaprzysiądz mają, a iściec lice swoje weźmie, a co z niem zginęło, tego ma żałować, a on ma pieniędzy swoich żałować, albowiem nie wie u kogo kupił, a gdy za czasem pozna u kogo to kupił, to swoje pieniądze od niego odbierze, a tamten zapłaci mu to, co u niego zginęło i księciu przedaż zapłaci (R.).

Hinwiederum wenn jemand etwas Gestohlenes auf dem Markte gekauft hat, entweder Pferd, oder Kleidung, oder Vieh, der führe zwei freie Männer her, oder den Zöllner. Wenn es sich begiebt, dass er nicht weiss, bei wem er kaufte, so sollen die, welche auf dem Markte Augenzeugen waren, zum Eide gehen, und der Kläger nimmt das Seinige in Wesenheit.

Aber was damit verloren ging, dessen muss er entbehren, und jener seiner Marder, weil er nicht weiss, bei wem er kaufte. Erkennt er aber nach einiger Zeit, bei wem er kaufte, so nimmt er seine Marder, und dieser bezahlt, was dabei mit verloren ging, und dem Fürsten die Busse (Ew.).

Если кто купит что-нибудь краденое, одежду ли то или лошадь, или другую какую-нибудь скотину, и настоящий хозяин того сыщется, то покупщик должен представить двух свидетелей, людей свободных или сборщика пошлин, которые бы клятвенно подтвердили, что он купил у неизвестного ему человека; когда же свидетели учинят в том присягу, то истцу взять свое лицем, а что с тем пропало, того взять негде, равно и купцу не на ком взыскивать цены купленной им вещи; ибо не знает, у кого купил. Если же впоследствии времени опознает он того человека, который продал ему краденую вещь, то взять ему с него свои деньги, а хозяину вещи доправить с него за все то, что вместе с тою вещию пропало у него, и кроме того князю пеню (Пл.).

Кто купит на рынке что-нибудь краденое: коня, одежду или скотину, тот должен представить в качестве свидетелей двух свободных людей или торговых пошлин сборщика (мытника); если при этом окажется, что он не знает, у кого купил вещь, тем свидетелям итти за него к присяге, а истцу взять свою вещь и с пропавшим при вещи проститься, ответчику же проститься с заплаченными за нее деньгами, потому что он не знает, у кого купил вещь. После разузнает ли, у кого купил, взыщет свои деньги с этого продавца, который заплатит и хозяину вещи за пропавшее при ней, и князю продажу (штраф) (Ст.).

Wenn dagegen einer etwas Gestohlenes gekauft hat auf dem Marktplatz, entweder Pferd oder Kleid oder Vieh, so bringt er zwei freie Männer oder den Zolleinnehmer bei. Wenn er nicht weiss, bei wem er (es) gekauft hat, so gehen mit ihm diese Zeugen [seines Kaufes] auf den Markt zum Eid, und der Kläger nimmt sein Klageobjekt, aber was damit verloren ging, das muss er beklagen, aber er [der Käufer] muss sein Geld beklagen, weil er nicht weiss, bei wem er [das Klageobjekt] gekauft hat. Erkennt er aber schliesslich, bei wem er das gekauft hat, so nimmt er sein Geld [von dem erkannten Verkäufer], und dieser [letztere] muss bezahlen, was mit ihm [dem Klageobjekt] verloren gegangen ist, und dem Fürsten die Strafe (G.).

Комментарии

Ланге полагал, что при постановке точки с запятой после „мытника" (так и в т. I наст. изд.) получится „несообразность", так как „для чего покупщику вменялось бы в обязанность представлять свидетелей, если он указал продавца, а не итти с ним на свод, и для чего свидетели присягали только в одном случае, а не в другом?" Поэтому Ланге предлагал изменить пунктуацию ст. 37 и дал такой для нее „перевод": „Если кто покупал что-нибудь татебное на торгу, напр., коня, порт или скотину, то в том случае, когда он, по опознании кем-нибудь этой покупки, говорил, что не знает от кого приобрел краденый предмет,

должен был, для подтверждения справедливости своих слов о покупке, выставить двух свидетелей из свободного состояния или мытника: и если после того выставленные свидетели шли по нем, т. е. по ответчике, на роту, иначе подтверждали справедливость его показаний присягой, то истец брал себе только опознанную им украденную у него вещь, а что у него еще через татьбу погибло, о том мог только сожалеть, потому что взыскивать остального было не с кого; покупщик же краденого также мог оставаться при одном сожалении о потере своих кун, потому что не знал, у кого купил опознанную у него вещь. Но если, хотя бы спустя долгое время, покупщик узнавал, кто ему продал татебное, то взыскивал с него свои куны, и кроме того этот последний продавец обязывался заплатить обиженному воровством и за то, что у него еще было украдено совместно с полученною уже им вещию, а князю продажу“ (с. 230—232).

Владимирский-Буданов указывал, что „свод может продолжаться только тогда, когда каждый владелец, на которого указывает предыдущий, сознается, что он действительно продал вещь; но, конечно, всякому выгодно отречься, сказать, что он никогда не продавал такой вещи; в таком случае спор решается простым свидетельством двух мужей свободного состояния или мытника. Но если владелец не в состоянии указать, у кого он купил вещь, однако утверждает, что купил (а не украл), то вопрос о факте покупки решается ротою (присягою) таких же свидетелей. Тогда свод прекращается; иск теряет уголовный характер; настоящий собственник берет свою вещь, но не может требовать того, что с нею пропало; а неосторожный покупщик лишается денег за нее заплоченных. Но впоследствии, хотя бы и долго спустя («на долзе»), если встретит человека, у которого купил краденую вещь, то взыскивает с него свои деньги; настоящий же собственник получает деньги за добавочные вещи, а князь продажу“ (Хр. I, прим. 51).

Гетц сопоставлял ст. 37: 1) с Литовским Статутом, XVII—XIX, expurgatio eius penes quem res furtiva offenditur; 2) с Псковской Судной грамотой, ст. 46 („а который человек у человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а того ж есми не знаю у кого купил; ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился; а не поставит его, а сам не украл, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался“); 3) с Судебником Ивана III, ст. 46 („О торговцех. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо, и поимаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, а целованиа ему нет“) (III, с. 172—173).

Статья 38

Аже познаеть кто челядь. Аще познаеть кто челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода; пояти же челядина в челядин место, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзе рчи[1]*: у кого есмь купил, но по языку ити до конця; а где будеть конечнии тать, то опять воротять*[2] *челядина, а свои поиметь, и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше*[3].

Переводы

Ежели кто опознает у кого своего раба украденного, то взяв его вести по словесным судам, и дожидаться до третьяго токмо свода; и ежели на третьем своде дело не кончится, то взять ему от третьяго ответчика, вместо своего холопа, его собственного, а своего опознанного оставить у него, пока дойдет он до последнего свода. Нельзя ответчику сказать, что не знает у кого купил холопа, понеже холоп не бессловесный есть скот, имеет язык, следовательно по его показанию и доходить до последнего. И когда дойдет до того человека, которой его подговорил и свел, тогда перьвому господину взять своего холопа, а взятаго от третьяго ответчика возвратить; с приличеннаго ж в подговоре холопа доправить истцу протори и убытки, а на князя 12 гривен пени за кражу или за свод раба (Б.).

Jeżeli kto pozna swego niewolnika skradzionego, tedy ma pojąć go, i prowadzić go po konach, a to do trzeciego zwodu; a po trzecim zwodzie ma wziąć innego zamiast swego niewolnika, a onemu zostawić lice, który pójdzie do ostatniego zwodu, albowiem ów niewolnik nie jest bydlę, nie może powiedzieć, niewiem kto mnie kupił, lecz po języku należy iść do końca: a gdzie się okaże ostatni, który go ukradł, tedy właścicielowi oddać tego niewolnika, a swego odebrać, a ów który go ukradł lub uwiódł zapłaci wszelkie straty, i zapłaci księciu 12 grzywien przedaży za niewolnika, gdy ten skradzionym lub uwiedzionym jest (R.).

---

[1] *С, НС, РЛ, М добавлено* не веде, *МП* не видев.
[2] *С, А II* воротити, *МП* вороти.
[3] *МП добавлено* или уведше.

Wenn jemand seinen entwendeten Sklaven erkennt, und ihn ergreift, so führe er jenen bezirkweise (по конам) bis zur dritten Umfrage; dann nehme er einen Sklaven an des Sklaven Stelle, aber jenen überlässt er in Wesenheit, und geht bis zur letzten Umfrage. Da er aber kein Vieh ist, so kann er keinesweges sagen: ich weiss nicht bei wem ich gekauft bin, sondern nach der Aussage (по языку) gehe man bis zu Ende, und wo der endliche Dieb seyn wird, da gebe man den Sklaven wieder zurück, und nehme den seinigen. Und die Unkosten bezahlt jener, und dem Fürsten 12 Grivnen wegen des entwendeten Sklaven (Ew.).

Ежели кто опознает у кого украденного своего раба; то, взяв его, вести по округам на свод до третьего ответчика, который дает ему своего собственного раба, а опознанного берет себе и идет с ним до окончательного свода. Ответчик не может сказать: „не знаю, у кого купил", ибо раб не скот бессловесный; следовательно по языку его можно дойти до действительного вора. Когда же таким образом отыщется виновный, то господин берет сведенного холопа, а полученного им в залог от третьего ответчика возвращает. Виновный же платит хозяину все протори и убытки, да князю пени 12 гривен за кражу раба (Пл.).

Кто опознает своего украденного холопа и задержит его, тому вести этого холопа до третьей очной ставки покупщика с продавцом: у третьего ответчика взять его холопа, а ему дать украденного — пусть идет с ним до последней очной ставки, ибо холоп не скотина, про него нельзя сказать „не знаю, у кого купил", но по его указаниям должно итти до последнего ответчика, — и когда будет найден настоящий вор, краденого холопа возвратить его хозяину, третьему ответчику взять своего холопа, а убытки ему платит уличенный в краже. А князю платить 12 гривен продажи (штрафа) за покражу холопа (Ст.).

Wenn jemand seinen ihm gestohlenen Knecht erkennt und ergreift ihn, so führt er ihn bezirksweise bis zur dritten Ermittlung. Dann nimmt er [beim dritten Besitzer] einen [anderen] Knecht an Stelle des [ersten] Knechtes, aber jenem [bei dem er den Knecht genommen hat] gibt er das Klageobjekt [nämlich seinen gestohlenen Knecht]. Und dieser geht bis zur schliesslichen Ermittlung. Aber das [der Knecht] ist ja kein Vieh, es ist [dem Besitzer] unmöglich, zu sagen: „Ich weiss nicht, bei wem ich (ihn) gekauft habe"; sondern auf Grund der Aussage [des Knechts] geht man bis zum Ende [der Ermittlung]. Aber wo schliesslich der Dieb ist, da gibt man den [einstweilen genommenen] Knecht zurück, der [der Eigentümer] nimmt den seinen, und jener [schliessliche Dieb] muss die Kosten zahlen, aber dem Fürsten 12 Grivna Strafe für einen Knecht, der gestohlen oder entführt ist (G.).

Комментарии

Болтин, приняв в свое издание вариант „вести по конам" (вместо „вести и по кунам"), понимал „кон" как „словесный суд". Происхождение „конов — словесных судов" Болтин вел от новгородской судной практики, считая, что в каждом из пяти новгородских концов „учреждены

были особые суды, под названием конов, кои состояли из нескольких человек стариков, избираемых ежегодно из числа жителей того конца по большинству голосов". „Вести по конам, говоря об опознанном рабе, значит то, когда истец приведет ответчика в кон того конца, в котором он живет, и ответчик пред коновными судьями покажет, что он опознанного у него раба купил у жителя другого конца, то надлежало истцу с ответчиком идьти в кон того конца и просить о призыве к суду, на кого ответчик показывает. Таким образом, из кона в кон проходя с поличным, доходили до последнего свода, и сыскивали татя".

Вести по конам, по мнению Карамзина, значит вести по означению или показаниям: кон есть начало, предел (II, с. 32, прим. 88).

Дубенский для выражения „по кунам" предложил два толкования: „1) по ценам, за что кто у кого купил, ежели по кунам не описка; 2) но ежели прочтем — по конам (как в Соф. и Болт.), тогда понимать надобно: по концам (в Судебнике: по жеребьям, по вытям), по местам, на которые указывал челядин украденный (сведенный) от слова: кон — предел, черта, откуда слово: закон" (с. 73—74).

Ланге не делал различия в своде при краже вещей и челядина и не допускал, что в первом случае истец шел до 3-го свода за чертою своего города, и во втором до 3-го свода в своем месте жительства. Если в Правде говорится: „аще познает кто челядин свой украден, а поимет и, то оному вести и поконом [Ланге так соединял «по конам»] до 3-го свода", то „самое выражение поконом означает именно ссылку на этот самый закон", который содержится в ст. 38 с. 234).

Сергеевич полагал, что свод о челядине ведет не сам истец, а тот, у кого найден челядин. По грамматическому толкованию Сергеевича, „оному" относится не к истцу, а к тому, у кого найден челядин (Др., I, с. 102).

По мнению Владимирского-Буданова, при иске о челядине, „истец должен итти до 3-го свода во всяком случае, т. е. даже и тогда, когда свод вращается в одном городе. Это потому, что при этом нет особенной надобности в присутствии хозяина; челядин сам может указывать, какими путями он переходил от одного владельца к другому. Третий приобретатель челядина должен выдать истцу своего раба, а сам получает украденного челядина и ведет свод дальше" (Обзор, с. 259). — Сличая ст. 14, 15, 16 Кр. Пр. со ст. 35, 36, 37 и 38 Пр. Пр., Владимирский-Буданов приходил к выводу, что в них определяется частное вознаграждение (в случае истребления чужой собственности — раба), а в ст. 38 — уголовный штраф князю за кражу или похищение тех же вещей; та же самая продажа полагается и за истребление их по ст. 89 Пр. Пр. (Хр., I, прим. 55).

Рожков, возражая Болтину и Ланге, принимал чтение Тр. сп.: „по кунам". „Смысл статьи при таком чтении совершенно ясен. Если кто-нибудь узнает своего украденного холопа и возьмет его, то ему вести его по деньгам, т. е. по лицам, последовательно продававшим его, до третьего свода" (Очерки, с. 219).

П. Беляев в ст. 38 так же, как и в ст. 14 и 16 Кр. Пр. и ст. 35 Пр. Пр. видел „формулы, произносимые истцом при совершении процессуальных действий по отысканию своих пропавших вещей. Из произнесения истцом формулы возникает обязанность при отыскивании пропавшего раба дать равноценное обеспечение в третьем своде" (Право и процесс, с. 10).

Статья 39

О своде же. А и своего города в чюжю землю свода нетуть, но тако же вывести ему послухи любо мытника, перед кимь же купивше, то истьцю лице взяти, а прока ему желети, что с ним погибло, а оному своих кун желети.

Переводы

Ежели кто показывать будет, что купил опознанную у него другим вещь у человека чужия области, в таком случае свода нет; а велеть ему представить свидетелей, или зборщика пошлин, при коих он ту вещь купил; и когда сии покажут по его речам, то истцу взять вещь свою лицем, а что с тою вещию у него украдено, то пропало; равным образом и у ответчика деньги, кои он за ту вещь заплатил, пропали ж до тех пор, пока сыщет продавшего ему ту вещь (Б.).

A ze swego miasta do cudzej ziemi nie masz zwodu, lecz także ma stawić świadków albo mytnika przy których kupił, tedy iściec weźmie lice, a reszty co z licem zginęło, ma żałować, a ów ma żałować pieniędzy swoich dopókąd nie wynajdzie (R.).

Aber aus jemandes Stadt in fremdes Land ist keine Umfrage, sondern man muss Zeugen aufführen, oder den Zöllner, vor welchem er gekauft hat. Dann nimmt der Kläger die Wesenheit, aber des übrigen muss er entbehren, was damit verloren ging, und jener muss seiner Marder entbehren (Ew.).

Но из своего города в чужую область свода не допускается; в таком случае ответчик обязан представить свидетелей или сборщика пошлин, в присутствии коих купил он опознанную у него вещь. Когда свидетели подтвердят истину слов его, то истцу взять вещь лицем, а прочего, что с нею пропало, взыскивать права не имеет; равно и покупщик невозвратно лишается денег, заплаченных им за взятую у него вещь (Пл.).

А из округа одной городской общины с обывателем другого очной ставки быть не может, но ответчик должен представить свидетелей, либо торговых пошлин сборщика (мытника), при которых он купил краденую вещь; тогда истец берет свою вещь, а со всем прочим, что потерял, должен проститься, ответчику же приходится терять заплаченные за вещь деньги (Ст.).

Aber aus der eigenen Stadt in ein fremdes Land gibt es keine Ermittlung; aber er [der Beklagte] muss auch Zeugen beibringen oder den Zolleinnehmer, vor welchem er gekauft hat. Dann nimmt der Kläger das Klageobjekt, aber das Weitere muss er beklagen, was damit verloren ging, aber er [der Beklagte] muss sein Geld beklagen bis er findet [den, von dem er es gekauft hat] (G.).

Комментарии

По мнению Дубенского, статья эта является дополнением к ст. 38 о челядине: „при уводе коня, скотины, при краже пожитков свод по землям позволен был законом; но при производстве дела о беглом холопе свод по другим ведомствам (в чужу землю) запрещался; дело решалось в своем городе, ежели представляли свидетелей". Дубенский предлагал и другое толкование — „не должно ли понимать и так, что свод по землям уничтожался тогда только, когда ответчик представлял свидетелей или сборщика пошлин, и доказывал, что он купил челядина, а не сманил" (с. 75).

Ланге выражение „в чужу землю" понимал как „в другое посадничество" (с. 235—236).

Сергеевич в „чужой земле" видел „чужое княжение" (Др., I, с. 103).

Дьяконов: „Свод, как способ отыскивания вещи, применяется только в пределах своей земли и прекращается на границе чужой, где действуют другие власти и, может быть, другие правила" (Очерки, с. 73).

Владимирский-Буданов: „Свод прекращается на границах своей земли, т. е. земли, принадлежащей городу" (Хр., I, прим. 48).

По определению Преснякова „народное право — право отдельных земель. Земли — союзы местных общин. Назначение обычного права — охрана мира в недрах общественного союза. Право вырастает из уклада местной жизни и развивается путем непосредственного применения в практике народных судов того, что считается нормой и формулируется на каждый данный случай. Отсюда — свода в чужую землю нет" (Княжое право, с. 116).

Гетц дал свое объяснение разночтению Кар. сп., который после слова „желети" ставит: „дондеже налезет". Гетц считал эти слова специальным добавлением писца карамзинской рукописи и не допускал, чтобы эти слова стояли в древнейшем тексте (III, с. 181).

Статья 40

О татбе. Аже убиють кого у клети или у которое татбы, то убиють во пса место; аже ли и додержать света, то вести на княжь двор; оже ли убиють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в том[1] *12 гривен.*

Переводы

Татя убитаго при самом воровстве считать вместо пса; поиманнаго ж вести к суду, а самому с ним не управляться. Ежели ж кто поиманнаго уже татя убиет, и будут свидетели, что видели его связана, с таковаго взыскать пени 12 гривен (Б.).

Jeżeli kogo zabiją w kleci, albo przy jakiejkolwiek kradzieży, to zabiją go jako psa, a jeżeli dotrzymają go do świtu, to zaprowadzić go na dwór książęcy: zaś gdy go zabiją, a będą ludzie tacy, którzy go widzieli już związanego, to zapłacić za to 12 grzywien (R.).

Wenn man jemand im Gemache erschlägt, oder bei irgend einem Diebstahle, so erschlägt man ihn an Hundes Statt. Wenn man ihn bis zum Lichte hält, so führe man ihn an den Fürsten-Hof; aber wenn man ihn dann tödtet, und es sind Leute, die ihn gebunden gesehen haben werden, so bezahlt man für ihn 12 Grivnen (Ew.).

Если кто убьет татя на воровстве; то убиение его не вменяется ни во что; но если он продержан будет до света, то вести его на княжеский двор; если же он будет убит и другие видели его связанным, то в сем случае платить за убийство его 12 гривен (Пл.).

О татьбе. Если вора убьют у клети или во время какого воровства, за это его не судить как бы за убийство пса; если же вора додержат живым до рассвета, то надо отвести его на княжеский двор. Если же вора убьют, а сторонние люди видели его связанным, то платить за то 12 гривен продажи (Ст.).

---

[1] *МП* в немь.

Vom Diebstahl. Wenn man jemanden im Gemach oder bei irgend einem Diebstahl erschlägt, so erschlägt man ihn wie einen Hund. Wenn man ihn dagegen festhält bis zum Tagesanbruch, so führt man ihn zum Fürstenhof. Wenn man ihn aber erschlägt und Leute haben ihn schon gefesselt gesehen, so zahlt man fur ihn 12 Grivna (G.).

Комментарии

Ведров считал, что в статье отражается „возможность частого самоуправства при татьбе и дается решение для таких случаев: «Аже убиють кого у клети, или у которое татьбы, то убиють во пса место». Следовательно вора застигнутого (in flagrante delicto) на месте преступления, могли тут же убить. Но уже Правда выставляет некоторое ограничение подобного самосуда над вором. Вор мог быть убит безнаказанно немедленно после того, как был схвачен; если же по словам Правды «додержать до света», то должны вести вора на «княжь двор». Если же убивали вора после того, как люди видели его связанным, то взыскивалась за то пеня в 12 гривен". „Нам кажется, что эта пеня является продажей и не может быть отнесена к тем взысканиям за убийство, о которых мы говорили. Убийство вора не наказуемо, и не составляет преступления; в деле же убийства связанного вора заключается нарушение привилегии княжеской юрисдикции, которое и наказывается высшею продажею в пользу князя" (с. 88—89).

Ланге: „Это собственно закон Ярослава (ср. ст. 38 Кр. Пр.), только с определением количества платы за убийство". „Правда, чтобы обозначить совершенную безнаказанность убийства, употребляет выражение: «убиют во пса место». Это выражение не сочинено законодателем, а взято вероятно с народного говора и потому весьма важно. Им определяется понятие современного Правде общества о том, что только пса можно убить безнаказанно" (с. 124 и 133).

Владимирский-Буданов: „Здесь плата за самоуправное убиение вора, без требования необходимой обороны, определена в 12 гривен. Это не вира, которая платилась за убиение свободного человека (вира — 80, 40, 20 грив.); это — продажа, именно высшая степень ее, взыскивавшаяся за убиение холопа (ст. 89 Пр. Пр.) и в некоторых других случаях. Но убитый вор мог быть человеком свободного состояния: почему не взыскивалась вира? Очевидно, что человек, схваченный на краже, терял достоинство свободного человека" (Хр., I, прим. 59).

Ключевского ст. 40 интересовала, как пример, позволяющий, по его мнению, установить один из важных источников Правды Русской. „В извлечении из Моисеевых законов читаем статью о ночном воровстве. Эта статья, заимствованная из книги Исход, в нашей печатной

Библии читается так: «аще в подкопании обрящется тать и язвен умрет, несть ему убийство: аще же взыдет солнце над ним, повинен есть, умрет за него». Смысл этой статьи таков: если ночью захватят татя на месте преступления и убьют, не считать этого за убийство; если же его убьют по восходе солнца, то убийца виновен, должен сам подвергнуться смертной казни". „Вы чувствуете, внутреннюю связь этой статьи с приведенным местом Моисеева закона, но видите также, как Моисеево постановление обрусело в Правде, приноровлено к местному обществу и приняло своеобразные туземные формы выражения" (I, с. 253—254).

Сергеевич: „Пространные списки повторяют статьи краткого, но прибавляют, сколько надо платить за убийство связанного вора... В этом дополненном виде статьи об убийстве вора подходят уже под понятие необходимой обороны. Изменение это произошло под влиянием византийского права. Градские законы (XXXIX, 4) дозволяют «в нощи крадущего убить, если нельзя было без беды пощадить его»... Выражение Русской Правды: «аще ли до света держать», указывает на влияние Моисеевых законов, по которым дозволялось убить вора, но только ночью: «аще взыдеть солнце на нь, повинен есть (убивший вора) умерети за него». Но в русскую практику Моисеев закон перешел не целиком. Убийство вора, с которым совладали и которого додержали до утра наказуемо, но слабее, чем обыкновенное убийство: оно оплачивается 12 гривнами" (Лекции, с. 407).

П. Беляев указывал на захват татя на месте преступления и связывание его, как на свидетельство материалистичности и конкретности, характерных для раннего неразвитого права. Мы имеем здесь „дело с правовым формализмом в собственном смысле слова". „Так связывание вора и задержание до света прекращало для потерпевшего право убить вора и налагало на него обязанность вести его, т. е. захваченного вора, на «княж двор»" (Право и процесс, с. 3—5, 9).

Статьи 41—42

41. Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит[1].

42. О татбе же. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун.

Переводы

41. С татя украдшаго скот из хлева, или клети, взыскать три гривны и тридцать кун; а ежели при татьбе был не один, но многие, то со всякаго, сколько их было, взыскать по стольку ж, как об одном сказано (Б.).

41. Jeżeli kto ukradnie bydlę w chlewie, albo kleć okradnie, tedy jeżeli będzie jeden, to zapłaci 3 grzywny i 30 kun, a jeżeli będzie wielu ich kradło, to wszyscy po 3 grzywny i 30 kun zapłacić mają (R.).

41. Wenn einer Vieh entwendet aus dem Stalle, oder dem Gemache, so, wenn er einzeln ist, zahlt er 3 Grivnen und 30 Marder; sind ihrer mehrere, so bezahlen sie alle zu 3 Grivnen und 30 Mardern (Ew.).

41. Если кто крадет скот из хлева, или в клети, и будет один, то платит он 3 гривны и 30 кун; если же воров будет много, то взыскать со всякого по 3 гривны и 30 кун (Пл.).

41. Если кто крадет скот из хлева или что-либо из клети, с того вора, буде он один крал, взыскивать продажи 3 гривны и 30 кун. Если же крало вместе несколько воров, с каждого взыскать по 3 гривны и 30 кун (Ст.).

41. Wenn jemand Vieh stiehlt im Stall oder das Gemach [bestiehlt], wofern es (nur) einer ist, so zahlt er 3 Grivna und 30 Kuna; sind es ihrer aber viele, so zahlen alle je 3 Grivna und 30 Kuna (G.).

42. Кто покрадет скот с поля, яко то овец, коз или свиней, с такового взыскать 60 кун; а ежели при краже той было несколько человек, то с каждого взыскать по тому ж (Б.).

---

[1] *МП* платити.

42. Gdy kto ukradnie bydlę w polu, albo owcę, albo kozy, albo świnie, to 60 kun, a jeżeli będzie wielu ich kradło, to wszyscy po 60 kun (R.).

42. Wenn jemand Vieh auf dem Felde, entweder Schafe, oder Ziegen, oder Schweine entwendet, 60 Marder; sind ihrer mehrere, so alle zu 60 Mardern (Ew.).

42. Если кто украдет скот с поля, овец ли, или коз, или свиней, тот платит 60 кун; если же при краже было много, то с каждого взыскать по 60 же кун (Пл.).

42. Если скот, овцы ли, козы ли, или свиньи были украдены на поле, платить 60 кун продажи (штрафа в пользу князя); ежели воров было много, с каждого взыскать по 60 кун (Ст.).

42. Wenn jemand Vieh stiehlt auf dem (freien) Feld, entweder Schafe oder Ziegen oder Schweine, 60 Kuna; sind es ihrer aber viele, dann alle je 60 Kuna (G.).

Комментарии

Карамзин объяснял причину более тяжкого наказания в ст. 41: „первое считалось важнейшим преступлением, ибо вор нарушал тогда спокойствие хозяина“ (II, с. 29—30).

Ведров: „Кража из закрытого помещения, следовательно, по большей части случаев кража со взломом, считается особенно преступной и наказывается пеней в 3 гривны 30 кун“ (с. 123).

Владимирский-Буданов видел здесь различение „кражи собственности охраняемой от кражи собственности не охраняемой. Крадущий из хлева должен преодолеть больше препятствий, чем крадущий на поле, и потому первый обнаруживает большую напряженность злой воли, чем второй; на этом основывается различение воровства со взломом и без взлома в нынешнем законодательстве. По этой же причине клетный тать (ворующий изнутри дома) подвергался 3-хгривенной продаже, равно и крадущий гумно или хлеб из ямы“ (Хр., I, прим. 63).

Грыцько сравнивал ст. 41 и 42 Пр. Пр. со ст. 31 и 40 Кр. Пр.: „Обе эти статьи являются в Правде XIII в. уже в более обработанном виде. Вместо чисел определенных, 10 и 18, поставлено неопределенно: много. В статье, соответствующей 40-й кратк. сп. [ст. 42 Пр. Пр.] сначала определена пеня, которую следует платить вору, если он будет один“ (с. 112).

Филиппов видел здесь обобщение „отдельного случая, давшего повод к судебному решению“ (10 человек воров, укравших козу в ст. 40 Кр. Пр.) (Учебник, с. 113—114).

Ведров подчеркивал: „таким образом Правда не проводит ни малейшего различия между совершением преступления одним лицом, или шайкою“ (с. 123).

Рожков заключал, что при „сообщничестве или соучастии, нет и мысли о большей наказуемости главного виновника“ (Очерки, с. 165).

Основываясь, между прочим, на ст. ст. 41 и 42 Пр. Пр., Н. Дювернуа подчеркивал наличие в судебной деятельности князя не только специфического, фискального, интереса власти, но и защиты ею публичного интереса: „Если б власть смотрела только на доходную сторону дела, как думают некоторые из наших юристов, — тогда на что нужно было бы различать кражу, сделанную из клети, от кражи, сделанной в поле, и брать за одну больше продажи, за другую меньше“ (с. 91—92).

Гетц отметил, что одинаковый размер „продажи“, взыскиваемой как с одного вора, так, равно, и с каждого из многих соучастников кражи, свидетельствует о том, что кража рассматривалась не как частный вред, касающийся исключительно лишь потерпевшего, но как публично-правовое уголовное деяние (III, с. 195).

Статья 43

Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун.

Переводы

Ежели покрадут жито из гумна или из ямы, то со всех татей, сколько их при том было, взыскать пени с каждого по 3 гривны и по 30 кун (Б.).

Gdy okradną gumno, albo żyto w jamie, to ile ich będzie kradło, to wszyscy po 3 grzywny i po 30 kun zapłacić mają. (R.).

Wenn jemand die Scheuer bestiehlt, oder das Getreide in der Grube, dann so viele ihrer bei dem Diebstahle waren, alle zu 3 Grivnen und zu 30 Mardern (Ew.).

Ежели украдут с гумна или из ямы жито: то со всякого, сколько воровало, взять по 3 гривны и по 30 кун (Пл.).

Если покрадут хлеб с гумна или из ямы, сколько бы ни было воров, взыскать с каждого по 3 гривны и 30 кун продажи (Ст.).

Wenn jemand eine Tenne bestiehlt oder Getreide in der Grube (stiehlt), so zahlen, so viele ihrer gestohlen haben, alle je 3 Grivna und 30 Kuna (G.).

Комментарии

Ведров заметил, что при краже жита с гумна или из ямы „продажа" назначается одинаковая с платимой при краже скота из закрытого помещения, потому что в этом случае жито тоже было закрыто или зарыто и для его похищения, вероятно, требовался взлом (с. 127).

Гетц отметил сходство ст. 43 со статьей церковного Устава Ярослава: „аще муж иметь красти конопли или лен и всякое жито, или жена, митрополиту 3 гривны" (III, с. 194).

Большинство исследователей объединяли ст. 43 со ст. 44 и рассматривали их вместе; см. ниже, ст. 44.

Статья 44

А у него же погибло, то оже будеть лице, лице поиметь, а за лето возьметь по полугривне.

Переводы

Украденное возвратить хозяину лицем, а за то, что тем покраденным тать пользовался, взять с него за лето по полугривне (Б.).

A ten kogo okradli, gdy będzie lice, to lice odbierze, a za lato weźmie pół grzywny (R.).

Aber bei wem es verloren gegangen ist, der nehme, was in Wesenheit vorhanden, in Wesenheit, und für das Jahr empfängt er zu einer halben Grivna (Ew.).

А тот, у кого было украдено, если украденное будет в наличности, должен взять оное лицем, за пользование же вора украденным взять с него за лето по полугривне (Пл.).

Если покраденное окажется налицо, то потерпевший возьмет свое да взыщет еще с каждого вора по полугривне за лето (Ст.).

Aber der, bei dem es verloren ging [gestohlen wurde], der nimmt das Klageobjekt, wenn es vorhanden ist, aber für das Jahr erhält er je eine halbe Grivna (G.).

Комментарии

Соединяя ст. 42, 43, 44 и 45 в одну, Болтин относил штраф „за лето" ко всем перечисленным в них кражам.

Попов объяснял: „Обиженный получает всегда вещь лицем, потому не постановлено особой цены за хлеб, он всегда может быть возвращен лицем, а постановлена плата за убытки, причиненные покражею, за лето по полугривне" (Р. Пр., с. 83).

По мнению Дубенского, выражение „а за лето" „вероятно относится ко времени, сколько вор пользовался вещью, им украденною: за

каждый год (лето) он обязан был выплатить хозяину по полугривне" (с. 77).

Станиславский под „летом" разумел время года: „хозяин покраденного хлеба, сверх того, что получал его обратно, имел еще право на вознаграждение со стороны вора за понесенный убыток вследствие того, что вор отнял у него возможность пользоваться этим хлебом в течение лета" (с. 190).

Ланге считал „полугривну" вознаграждением не потерпевшему, а вору: „В приведенной статье говорится, что, если у вора находилось поличное, то оно возвращалось обиженному; за тем как бы предполагается, что если поличного не было, и вор оказывался несостоятельным к вознаграждению убытков, то обращался в закупа, и в таком случае засчитывалось ему за год работы по полугривне, т. е. мы думаем, что выражение: «а за лето возмет по полугривне» есть только окончание, хотя и не выраженной, но явно подразумевавшейся мысли" (с. 182).

Ведров привлекал ст. 50 „о резе": „Из статьи 50-й видно, что в пору Правды было возможно отдавать мед «в настав» или жито «в присоп», т. е. как бы за проценты. На этом основании и постановляет статья 44-я, что при покраже жита истец может получить по полугривне за «лето», за все время пока вор держал краденое жито и, следовательно, извлекал из него выгоду" (с. 128, прим.).

Поддерживая разделение ст. 43 и 44, произведенное Сергеевичем в его издании Р. Пр., Гетц отмечал, что ст. 43 (так же как и предыдущие 41 и 42) рассматривает кражу с точки зрения взыскания „продажи", а ст. 44, напротив, говорит о частном вознаграждении потерпевшему. Возражая Ланге, Гетц указывал, что его толкование противоречит точному смыслу текста, так как в тексте рассматриваемой статьи говорится, что эти $^1/_2$ гривны взыскиваются именно при возвращенном „лице", случай же, когда „лица" нет, рассматривается в следующей статье. Что же касается мнений исследователей, усматривающих в этой $^1/_2$ гривне взыскание за убытки, причиненные хозяину украденной вещи, то Гетц не находил в этих мнениях объяснения точной фиксации срока „за лето", предусматриваемой Правдой. Впрочем, сам Гетц заявлял, что дать точное объяснение этого постановления Правды он пока не может (III, с. 193 и 197—199).

Своеобразное толкование дал Павлов: „Взыскание с вора за кражу снопов с гумна и жита из ямы (т. е. таких предметов, с которых тоже взимался когда-то десятинный сбор) особенной пени в пользу хозяина — «за лето», не есть ли видоизменение прежней судебной пошлины — десятины" (с. 24, прим. 2).

Статья 45

Паки ли лиця не будеть, а будеть был княжь конь, то платити за нь 3 гривны, а за инех по 2 гривны. А се уроци скоту. Аже за кобылу 7[1] *кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, за лоньщину пол гривны, за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, за овцю 5 кун, за боран ногата, а за жеребець, аже не вседано на нь*[2]*, гривна кун, за жеребя 6 ногат, а за коровие молоко 6 ногат; то ти уроци смердом, оже платять князю*[3] *продажю.*

Переводы

Ежели покраденной вещи в наличности не отыщется, то доправлять с татя, за коня княжого 3 гривны, а за коня частного человека 2 гривны, за кобылу 60 кун, за вола гривна, за корову 40 кун, за трехлетняго быка 30 кун, за лонщака полгривны, за теленка 5 кун, за свинью тож, за поросенка ногата, за овцу 5 кун, за ягненка ногата, за жеребца неезжалаго гривна кун, за жеребенка 6 ногат, за коровье молоко 3 [sic] ногаты. Се суть цены постановленные поселяном, по коим взыскивать с них пеню на князя (Б.).

A jeżeli lica nie będzie, a będzie skradziony koń książęcy, to 3 grzywny zapłacić zań, a za innych po 2 grzywny, a za kobyłę 60 kun, a za woła grzywnę, a za krowę 40 kun, a za trzeciaka 30 kun, a za łońszczaka pół grzywny, a za cielę 5 kun, a za świnię 5 kun, a za prosię nogatę, a za owcę 5 kun, a za barana nogatę a za zrzebca nieujeżdżanego grzywna kun, a za zrzebię „6" nogat, a za mleko krowie trzy „6" nogaty, to taka postanawia się cena dla smerdów, wedle której księciu płaçą przedaż (R.).

Hinwiederum ist die Wesenheit nicht da, und es war ein Fürsten-Pferd, so zahlt man dafür 3 Grivnen, und für andere zu 2 Grivnen. Für eine Stute 60 Marder, und für einen Ochsen eine Grivna, und für eine Kuh 40 Marder, und für einen Dreijährling 30 Marder, und für einen Jährling eine halbe Grivna, und für ein Kalb 5 Marder, und für ein Spanferkel eine Nogata, und für ein Schaf 5 Marder, und für ein Schwein 5 Marder, und

1 *С, НС, РЛ, М, МП, А II* 60.

2 *МП* оже будеть вседано на нь.

3 *МП, М* княжю.

für einen Hammel eine Nogata, und für einen Hengst, wenn er noch nicht bestiegen ist, dann eine Marder-Grivna, und für eine Hengstfüllen 6 Nogaten, und für eine Milchkuh 6 Nogaten. Das sind die Gebühren der Gemeinen, wann sie dem Fürsten Busse zahlen (Ew.).

Если украденной вещи в наличности не будет, и если это будет княжий конь, то доправлять с вора за покражу его 3 гривны, а за покражу простого коня 2 гривны. За покражу кобылы брать хозяину 60 кун, за быка гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка 5 кун, за свинью то же, за поросенка ногату, за овцу 5 кун, за барана ногату, за жеребца неезжалого гривну кун, за жеребенка 6 ногат, за коровье молоко 6 ногат. Сии цены постановляются для земледельцев, которые они должны платить в пеню на князя (Пл.).

Если же украденного налицо не будет, а украден был княжой конь, то платить за него три гривны, а за кражу смердьего коня две гривны. А вот урочная плата за покражу скота. Взыскивать надо: за кобылу 60 кун, за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетку (кобылу или корову) 30 кун, за двухлетку полгривны, за теленка 5 кун, за свинью 5 кун, за поросенка ногату, за овцу 5 кун, за барана ногату, за жеребца неезженного 1 гривну кун, за жеребенка 6 ногат, за коровье молоко 6 ногат. Вот урочные цены, которые взыскиваются в пользу потерпевших за украденный скот вместо поличного, когда воры будут простые свободные люди, которые платят князю продажу (Ст.).

Ist dagegen das Klageobjekt nicht (mehr) vorhanden, und war es ein fürstliches Pferd, so sind dafür 3 Grivna zu zahlen, aber für andere (Pferde) je 2 Grivna. Und das sind die Abgaben für das Vieh. Für eine Stute 7 (60) Kuna und für einen Stier 1 Grivna und für eine Kuh 40 Kuna und für ein dreijäriges 30 Kuna, für ein vorjähriges eine halbe Grivna, für ein Kalb 5 Kuna und für ein Schwein 5 Kuna und für ein Spanferkel 1 Nogata, für ein Schaf 5 Kuna, für einen Hammel 1 Nogata, und für einen Hengst, wenn man noch nicht auf ihm geritten ist, 1 Grivna-Kun, für ein Hengstfüllen 6 Nogata. Und für eine Milchkuh 6 Nogata. Das sind die Abgaben für Bauern [d. h. freie Leute], wenn sie dem Fürsten Strafe zahlen (G.),

Комментарии

Рейц: „При решении о краже было правилом, что украденная вещь возвращалась хозяину натурою; если же она погибла, то платилась цена ее, поставленная законом «паки ли лица не будет, а будет был княж конь, то платити за нь 3 гривны» и за сим следуют определенные законом цены вещей“ (с. 186).

Станиславский спрашивал: „Нельзя ли предположить, что это частное постановление о коне имело также значение общего правила и что в таковой же соразмерности надобно было платить и за другие у князя украденные вещи... Может быть требовалось при том, чтобы вещь носила на себе признаки, что она действительно принадлежал

князю; так, по крайней мере, надобно думать, судя по тому, что сказано в варианте статьи о коне: «а за княжь конь, иже той с пятном, 3 гривны»" (с. 190—191).

Ланге: „Выражение «аже крадет... то оже будет лице, лице поимет» (ст. 44) означает, что в случае воровства, если похищенное находилось у татя налицо, оно возвращалось хозяину". Вопрос, как поступали, когда поличного не отыскивалось, разрешается предшествующим: „паки ли лица не будет, то платити" (ст. 45) и „вслед за тем определена самая плата, сначала за коней, а потом в статье под названием: «а се уроци скоту» за других животных". Соображая цены за четвероногих животных в ст. 45, Ланге находил, что „ценность их определялась не по каким-либо достоинствам породы, а просто: 1) полом животного; 2) его возрастом и 3) иногда принадлежностью его тому или другому лицу. В первом отношении самки сначала ценились ниже или наравне с самцами, а впоследствии всегда выше их. Впрочем пол принимался во внимание при определении цены лошадей и крупного рогатого скота, но вовсе не был принят во внимание при оценке овец и коз. Отличали четыре возраста: 1) больший трехгодичного; 2) трехгодичный; 3) двухгодичный и 4) меньший последнего. Соответственно этим возрастам назначались и цены: животные, имевшие более трех лет, ценились дороже, чем трехлетние; трехлетние в свою очередь дороже двухлетних, и наконец последние стоили более животных меньшего возраста" (с. 216—217).

Этот же момент разницы в оценке стоимости животных отмечал и Владимирский-Буданов: „Ценности, указанные здесь (ст. 45), не всегда совпадают с ценностями, указанными в ст. [А] 1[1]—15[1] Кар. сп. Очевидно последние статьи позднейшего происхождения, но и прежние занесены в сборник без изменения: образец того, как вообще составлялась Русская Правда" (Хр., I, прим. 67).

Особое внимание исследователей привлек вопрос о согласовании постановлений ст. 45 и 35 о краже коня; в одном случае денежное взыскание, в другом — выдача князю на поток.

Болтин: „Татьба коневая и у древних германцев признавалась важнейшею не только других татеб, но даже и человекоубийства; ибо за кражу лошади предписана была у них смертная казнь, а за убийство человека денежная пеня".

Карамзин: „Прежде сказано [ст. 35], что коневый тать лишается достояния и вольности. Можно согласить и то, и другое [т. е. ст. 35 и 45]: имуществом вора удовлетворяли хозяина коня; прочее отдавали на разграбление, а вора князю" (II, прим. 78).

Попов: „Что значат слова коневый тать? [ст. 35]. Если вора, укравшего лошадь, то почему же в других местах Правды (ст. 45) за покражу лошади назначается денежная пеня? Можно предположить, что

одно постановление древнее другого, ибо денежную пеню за покражу лошади встречаем в Новгородской Правде и оттуда она перешла в Полную. Это предположение может быть приложено к 45 статье, которая составлена из 28-й Новгородской Правды. Но в прибавлениях Владимира Мономаха встречаем следующее постановление: «А кто пакощами конь зарежет... то продаже...» [ст. 84]. Почему же различные наказания? Вероятно, слова коневый тать не означают вора, укравшего лошадь, но того, который крадет на коне, стало быть разбойника в собственном смысле. Разбойник, различаемый от простого вора названием коневый тать, не только ворует, но и убивает-грабит и, разумеется, не за обиду, ему нанесенную; поэтому и должен быть осуждаем на поток и разграбление по общему правилу статьи 7-ой" (Р. Пр., с. 68—69).

Дубенский: „Коневый тать это отъявленный вор лошадиный" (с. 71).

Депп: „В наказании потоком и разграблением виден первый след наказания в нынешнем смысле этого слова. Государственная власть утвердилась уже до того, что, возымев намерение, могла объявить себя властью карательной". Противоречие в наказании за конокрадство Депп предположительно разрешал предположением о разновременности соответствующих статей: „Если и трудно разрешить видимое противоречие этой статьи [ст. 35] с выше выставленною [ст. 13 Кр. Пр.], то оно именно утверждает верность отнесения к концу времени Правд положений, содержащих в себе наказание потоком и разграблением" (с. 56—60).

Станиславский: „Из всех предметов движимого имущества конь, как животное, самое необходимое в домашнем быту и на войне, был предметом особой заботливости закона, и потому за кражу его виновный выдается князю головою или на поток". Станиславский, основываясь на том, что ст. 35 говорит только о „потоке", без упоминания о „разграблении", полагал, что здесь кара падает только лично на вора, а не на все его семейство, как, например, при зажигательстве (с. 186).

Богдановский развил мысль Попова: „Может быть даже еще теснее можно принять значение этого выражения — это похититель людей для продажи их в неволю, в рабство, ибо при переводе этого выражения из Псковск. Судн. грамоты в Судебник Ивана III-го вместо «коневая татьба» поставлена «головная». А известно, что такое по Судебнику головной тать. Принявши такое значение, мы легко себе объясним и причину такого раннего и строгого преследования подобного рода действий" (с. 30).

Ланге объяснял противоречия в наказаниях за конокрадство разновременностью соответствующих статей. „При Ярославе конокрадство не отличалось от других видов воровства (ст. ст. 13 и 31 Кр. Пр.); при сыновьях его коневая татьба считалась одною из самых важнейших;

коневый тать подвергался уже не взысканию продажи, а выдавался князю на *поток*, т. е. подвергался ссылке". Ланге утверждал, что в Пространной Правде за кражу коня во всех случаях полагался поток, а противоречащие этому утверждению статьи 37 и 45 признавал просто не точно средактированными (с. 198—200).

Леонтович объяснял это противоречие сравнением с нормами литовского права, в частности с Судебником 1468 г., „принявшим почти целиком систему Русской Правды". Судебник различает „татьбу бóльшую" от меньшей, разумея под первой татьбу „конскую" — кражу ценных заводских лошадей из конюшни. От нее отличается кража лошадей рабочих, стадных. За бóльшую татьбу назначается высшая мера наказания (выдача татя на произвол князя или истца, позже — виселица), тогда как за вторую — только денежная пеня (К.У.И., 1865, № 3, с. 1—2).

К этой же точке зрения примкнул и Ведров: „В быту преимущественно земледельческом, в каком находились славяне и франки салические, имел особенное значение домашний скот. Поэтому Правда обращает особое внимание на кражу домашнего скота. По Русской Правде кража лошадей бывает двух родов: «коневая татьба», как кража квалифицированная, и кража простая. Коневая татьба, караемая потоком, относится к наиболее важным преступлениям". „Предметом кражи в этом случае являются заводские лошади (жеребцы), которые имели особую цену". Кража простых лошадей подлежала тем же правилам, как и вообще кража скота (с. 123—125).

Владимирский-Буданов, различая простую кражу лошади от профессионального конокрадства, замечал: „О рецидиве при краже Русская Правда не упоминает, но может этим понятием изъясняется высокая уголовная кара за конокрадство в 3-ей Правде; именно коневый тать выдается князю на поток, тогда как клетный платит только 3 гривны (ст. 35); между тем ценность предметов, сохраняемых в клети, может во много превышать ценность одной лошади. Зарезавший коня злонамеренно (ст. 84), т. е. совершивший преступление, высшее татьбы, карается лишь 12-гривенною продажею. За простую кражу лошади полагается продажа, а не поток (ст. 31 Кр. Пр., ст. 37 Пр. Пр.). Остается думать, что под коневым татем статьи 35-й разумеется конокрад по ремеслу и рецидивист" (Обзор, с. 329—330).

Рожков возражал Леонтовичу: „Чрезвычайно сомнительно, чтобы в то время на Руси существовали правильно устроенные конские заводы. Вернее смотрит на дело Ланге, который утверждает, что поток и разграбление за кражу коня введены позднее, лишь при Изяславе. Это тем вероятнее, что в Краткой Правде не упоминается о потоке за конокрадство, а Пространная не говорит о продаже за это преступление. Мнение Владимирского-Буданова не может быть принято, ввиду необоснованности

его текстом изучаемого памятника, не усвоившего еще идею более суровой кары за рецидив“ (Очерки, с. 157).

Гетц считал, что слова „а се уроци скоту“ неправильно занесены переписчиком Правды в средину ст. 45 с полей оригинала, где они являлись лишь пометкой (III, с. 199—200).

Чтение Троицкого списка „аже за кобылу 7 кун“, вместо обычных 60 кун, объяснялось ошибкой переписчика, спутавшего славянские буквенные цифры „з“ (7) и „кси“ (60). Тихомиров подтвердил это объяснение палеографическим изучением списков Синодального и Троицкого: в первом начертание этих букв сходно („Историк-марксист“, 1938, кн. 5).

Выражение „а за коровье молоко 6 ногат“ Аристов понял в буквальном смысле, но недоумевал по поводу чрезмерной оценки: „коровье молоко (крынка или удой) оценено в 6 ногат, или в 2 р. 10 к. (здесь наверно ошибка!)“ (с. 299).

Н. Дювернуа отмечал, что „в позднейших редакциях [Р. Пр.] расчеты, сделанные для руководства суда в решениях, все более и более принимают в себя элементов, приближающих грубые оценочные цифры к действительному материальному вреду, который терпит лицо. В старой редакции за борть — грубая цифра 3 гривны, в новой определена и цена меду в разных случаях (ср. ст. 32 Кр. Пр. с 75 и 76 Пр. Пр.). В старой редакции показана цена скота, в новой оценивается и fructus (коровье молоко, ст. 45). В ст. 43—44 с вора требуют не только краденое жито, но еще за лето по полугривне. Все это признаки более совершенного приема расчетов“ (с. 201).

Толкование значения „коровьего молока“ как „fructus'а“ вызывало сомнение у Гетца: при большом числе разных видов животных, упоминаемых в ст. 45, это странным образом касалось бы лишь одного единственного вида (коровы). Гетц понимал под выражением „коровье молоко“ — дойную корову (Milchkuh), не разъясняя, впрочем, соотношения в одной и той же статье действительной цены: „а за корову 40 кун“ с предполагаемой им ценой дойной коровы — 6 ногат (II, с. 241).

Исходя из наличной оценки в 6 ногат, слишком низкой для дойной коровы и слишком высокой для одного ее удоя, Гейман предполагает, что здесь имеется в виду преступление тайного выдаивания пасущихся без присмотра коров. Уличенный в этом, хотя бы в одном случае, вор присуждается к сравнительно высокому денежному взысканию, так как естественно предполагать, что он занимается этим систематически. Вместе с тем такое, сравнительно значительное, взыскание могло служить предохранительной мерой от совершения этого рода воровства, вообще весьма трудно уловимого. *[В. Г.]*.

Леонтович сравнивал ст. 45 с Литовским Статутом:

По Русской Правде: конь, кобыла, вол, корова, третьяк, лоньщина, теля, яря, телица однолетняя, лонская, кобыла лонская, бык лонской и т. д.	По Литовскому Статуту: кони рабочие, кобылы рабочие, третьяк, жеребя лонское, теля лонское, сеголетнее, козел четвертак, третьяк, лонщина, сеголетнее и т. д. (К.У.И., 1865, № 3, с. 2).

Ведров отметил, что, в отличие от ст. 45, по Салическому закону, сверх „лица", хозяин получал еще денежное вознаграждение (с. 123—125).

К словам „то ти уроци смердом, оже платят князю продажю", Карамзин сделал следующее разъяснение: „Издатели Правды [т. е. Болтин] ошиблись, написав «се суть цены установленные, по коим взыскивать с поселян пеню на князя». Нет: здесь установлена цена в пользу хозяина украденных вещей, а не для казны, ибо вор платил оную единственно в том случае, когда не мог возвратить вещи лицем — «паки ли лица не будет»; а слова «оже платят князю» объясняются следующими «а оже будут холопи татие» [ст. 46]. Вот истинный смысл: «Сии цены установлены для виновных смердов, т. е. свободных простых людей, с которых обыкновенно взыскивается в казну пеня»" (II, прим. 78).

Под смердами Владимирский-Буданов разумел здесь вообще „лиц свободного состояния в противоположность холопам" (Хр., I, прим. 68).

Гетц — „свободных русских", „а не представителей земледельческого населения в узком смысле" (III, с. 202).

Максимейко, толкуя ст. 28 Кр. Пр. в том смысле, что речь в ней идет о животных, принадлежавших смердам-крестьянам (см. выше, ст. 28 Кр. Пр.), естественно и смердов ст. 45 Пр. Пр. считал крестьянами. „Мысль о том, что установленная такса цен касается только смердов, он [составитель] выразил не в начале перечня животных (как в ст. 28 Кр. Пр.), а в заключении его. Так надо было ему сделать в интересах системы и последовательности изложения, для того чтобы подготовить читателю переход к следующей статье об ответственности холопов. Иначе эта статья явилась бы совсем неожиданно и некстати после «урока о скоте». Раз обеспечение владельцев животных было перенесено под конец статьи, то уже не было надобности в начале ее указывать на принадлежность их смердам. Но вместе с тем, после оценки коня князя, необходимо было оттенить, что дальше речь идет не о княжеском коне. Для этой цели составитель Русской Правды воспользовался неудачным и крайне неопределенным выражением: «иной», вместо «смердий», как стояло в ст. 28 Кр. Пр." (Мним. архаизмы, с. 135). — Этим рассуждением Максимейко возражал тем исследователям (в частности Сергеевичу), которые считали, что замена слов „смердий" (конь,

ст. 28 Кр. Пр.) словом „иной" (ст. 45 Пр. Пр.) подтверждает правильность мнения, что термин „смердий" конь ст. 28 Кр. Пр. следует понимать в широком смысле, т. е. конь, принадлежащий всякому свободному человеку, а не только крестьянину, как толковал Максимейко.

Леонтович рассматривал ст. 45 как одну из самостоятельных составных частей Правды наряду с другими такими же княжескими „уставами" и „уроками": „Уставы (и «уроки») появились при первых же князьях Рюриковичах... Одни из таких «уставов» и «уроков» держались путем предания; уставы же, имевшие наиболее практическое значение, записывались в Правду. Напр., таков, по всему видно, «устав о мостех», приписываемый Ярославу... Такое же значение можно давать «покону вирному» или «уроку Ярославлю» [ст. 42 Кр. Пр.]... Такое же значение отдельных «уроков», появившихся первоначально в виде самостоятельных правил, могли иметь «уроки» мостников [ст. 43 Кр. Пр. и 97 Пр. Пр.], «уроки» смердом — о плате за лошадей и скот [ст. 45 Пр. Пр.]" (Стар. земск. обыч., с. 262 и прим.).

Лавров, противополагая ст. 45 ст. 46, считал, что здесь оже = если, т. е. „уроки" взыскиваются в указанном в статье размере со смердов-воров в том случае, если они платят князю продажу, т. е. являются свободными; если смерд не свободен, то, если он совершит кражу скота, суд в этом случае действует согласно ст. 46. Что касается принятого в настоящем издании деления на статьи, против которого возражает Юшков („Историк-марксист", 1941, № 2), то редакция в отношении понимания текста ст. 43—45 разделяет точку зрения Гетца, в полной мере оправдывающую принятое деление на статьи (ср.: Уч. пос., с. 63). [*Н. Л.*].

Толкование Лаврова принял Греков: „По правильному разъяснению Н. Ф. Лаврова «оже» = если. Стало быть, не все смерды платят князю продажу, т. е. отвечают за себя, а только свободные" (Киевск. Русь, с. 130).

Статья 46

Аже будуть холопи татье, суд княжь. Аже будуть холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо черничь, их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обиду.

Переводы

Ежели явятся в воровстве холопи княжие, или боярские, или монастырские, с таковых пени на князя не взыскивать, понеже они не суть свободни; но вместо того взимать с них, в пользу истца, вдвое против положенного (Б.).

Jeżeli popełnią kradzież chłopi książęcy, lub bojarscy, lub do smerdów należący, tedy książe przedażą ich karać nie będzie, albowiem nie są wolnymi, lecz właściciel ich w dwójnasób istcowi szkodę opłaci (R.).

Wenn Knechte Diebe sind, entweder fürstliche, oder bojarische, oder mönchische, so straft sie der Fürst nicht mit der Busse, weil sie unfreie sind, sondern das zwiefache zahlt man dem Kläger für das Unrecht (Ew.).

Если будут пойманы в воровстве холопы княжеские, боярские или монастырские, то князь не взимает с них пени, поелику они не свободные, но они должны платить истцу вдвое за обиду (Пл.).

Если же воры будут холопы княжеские, боярские или монастырские, которых князь не карает продажей, потому что они не свободные люди, то за холопью кражу платить двойные урочные цены в вознаграждение за убытки (Ст.).

Wenn die Diebe Sklaven sind, sei es vom Fürsten, oder von Bojaren oder von Bauern, so belegt sie der Fürst nicht mit Strafe, weil sie nicht freie (Männer) sind, dann zahlt [ihr Herr] dem Kläger das Doppelte für das Unrecht (G.).

Комментарии

Карамзин: „издатели думали, что сим последним именем [«черньчи»] означались монастырские холопи; но мы видели выше [см. комментарии к ст. 26 Кр. Пр. и ст. 16 Пр. Пр.], что холопи бывают обыкновенно или

княжеские, или боярские, или смерды, т. е. простых людей; их же без сомнения называли и черньчими, или холопами черни". Содержание статьи Карамзин излагал так: „Ежели обличатся в воровстве холопи княжеские, бояр или простых граждан, то с них не брать в казну пени (взыскиваемой единственно с людей свободных); но они должны платить истцу вдвое: например, взяв обратно свою украденную лошадь, истец требует еще за оную 2 гривны — разумеется с господина..." (II, с. 31 и 37, прим. 86).

Дубенский: „здесь черньци вероятнее — монастырские холопи или служки". „Князь не берет с них пеней, как с людей несвободного звания, неимеющих никакой собственности" (с. 78).

Ведров отмечал, что положение: „их же князь продажею не казнит, зане суть несвободни", — „прямо указывает на то, что вира и продажа составляли действительное наказание" (с. 118).

Богдановский заметил: „Здесь очевидно понятие о продаже сопоставлено только с понятием о татьбе; кроме того здесь же татьба отличена от других правонарушений, за которые, как за обиды, платится не князю, а ко истцю" — и пояснил: „раб, холоп в древнейшем русском праве признавался, как известно, вещью, а не лицом, не членом общества. А потому Русская Правда признает их даже неспособными к совершению преступления и не подвергает их господствовавшему в то время наказанию, уплате продажи. За них отвечает господин и притом только перед обиженным, которому он должен заплатить цену украденного вдвое: «но двоиче платить ко истцю за обиду»" (с. 37 и 135).

Ланге: „Что смерды действительно были люди свободные, это доказывается назначением с них продаж за преступления; тогда как с холопов продажи не взыскивались именно потому, что они были несвободные. И так все свободного состояния люди, платившие дань, назывались смердами, и потому ни бояре, ни огнищане, т. е. вообще княжи мужи, ни холопы и закупы, как неплатившие податей, не принадлежали к смердам" (с. 61).

Н. Дювернуа особое внимание обратил на слова: „их же [т. е. холопов] князь продажею не казнит, зане суть несвободни". „Всего менее можно думать, чтоб в официальном акте нужно было входить в объяснение мотивов, почему князь не казнит холопов продажей". По мнению Дювернуа, это один из фактов, наиболее противоречащих предположению об официальном происхождении сборников — Правд (с. 151—152).

П. Беляев: „Штрафное назначение имеет и постановление о том, что в случае преступления холопов продажа не имеет места, а вместо этого: «двоиче платити ко истцю за обиду», ибо это постановление имеет в виду не только вознаградить потерпевшего, но и наказать виновного двойным платежом за ущерб (ср. договор Олега с греками, ст. 6

и 7, договор Игоря, ст. 6). Штрафное же назначение носят, вероятно, как головщины в случае убийства (А, 3—5 Пр. Пр.), так и те денежные платы, которые идут в пользу потерпевшего за обиду, так как термином «обида» повидимому обозначалось всякое правонарушение (ст. 46 и др.), всякое нарушение публичных и гражданских прав“ (Право и процесс, с. 16—17).

Владимирский-Буданов: „Преступником может быть только лицо, обладающее свободною волею и сознанием. Злодеяния, совершаемые холопами, не считаются преступлениями, и не влекут на деятеля уголовных взысканий“ (Обзор, с. 321). — „Вместо продажи в пользу князя увеличивается вознаграждение в пользу истца“. „Без сомнения платить обязан хозяин холопа“ (Хр., I, прим. 69 и 70).

Дьяконов: „Холоп... не мог быть субъектом правонарушения. Эта мысль выражена совершенно отчетливо, хотя благодаря свойственной Русской Правде казуистичности и не в общей форме, а применительно лишь к краже...“ (Очерки, с. 111).

Юшков: „Обычно комментаторы этой статьи указывают, что установление этой нормы было вызвано стремлением подчеркнуть, что холоп не является субъектом преступления и кража, совершенная холопом, не считается деянием уголовным, и потому вместо продажи в пользу князя увеличивается вознаграждение в пользу истца. Но почему эта статья была помещена? Неужели не было до сих пор известно, что холоп не может быть субъектом преступления? Наконец, почему статья говорит не о холопах вообще, а о холопах, принадлежавших феодальной группе: князьям, боярам, церкви? Ведь можно было бы просто упомянуть о холопах, не указывая кому они принадлежат... Русская Правда содержит... только те статьи, которые изменяют сложившиеся нормы. Она не является сборником правовых деклараций. Была, конечно, какая-то необходимость эту норму установить именно в данный момент. Нам думается, появление этой нормы можно объяснить только тем, что до этого установилась практика взимать продажу с холопов, как и со смердов. Эта практика теперь отвергается, но не полностью, а только по отношению холопов, принадлежавших феодалам — князю, боярам и церкви. Холопы же других групп населения — купцов, ремесленников, своеземцев и т. д. должны были платить, подобно смердам, продажу. Следовательно, этой нормой устанавливалась особая привилегия феодальных групп, так как при двойном вознаграждении за похищенное (двойной урок) платилось меньше, нежели за урок и продажу. В частности урок за коня был равен гривне, а продажа двум гривнам и даже трем (за похищение княжéского коня). Таким образом, установление данной нормы может быть объяснено только сближением юридического положения холопов с юридическим положением смердов“ (Очерки, с. 63—64).

Тихомиров считает, что в числе основных источников Пространной Правды были Краткая Правда и Сокращенная Правда (ее протограф). В изменениях, какие введены новым законодательным сборником, видна забота о слугах князя и людях боярских. „Пространная Правда особо отмечает холопов княжеских, боярских и чернеческих. Если протограф Сокращенной Правды знает только княжеских холопов, то Пространная Правда добавляет к ним холопов боярских и чернеческих, причем отмечается, что князь лишен права их наказывать («продажею не казнить»), так как они несвободны“ (Исслед., с. 204).

Яковлев подозревает: „внутренняя связь [холопа] со своим господином-хозяином такова, что в сообществе с ним он совершает уголовные преступления, предпринимая разбои-грабежи и воровство“ (А, 46 и 121) (с. 19).

Статья 47

Оже кто скота[1] *взищеть. Аще кто взищеть кун на друзе, а он ся начнеть запирати, то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а он возметь свое куны; зане же не дал ему кун за много лет, то платити ему за обиду 3 гривны.*

Переводы

Ежели кто требовать будет с другого своих денег, а сей во взятье оных будет запираться, то истец представить должен свидетелей, при коих давал он деньги, и когда свидетели в том присягнут, тогда получает он с должника свои деньги, и сверьх того за то, что он его долго волочил, три гривны (Б.).

Jeżeli kto na drugim poszukuje pieniędzy, a on zacznie się wypierać, to jeżeli postawi przeciwko niemu świadków, to ci pójdą do przysięgi, a on weźmie pieniądze swoje. Jeżeli zaś nie oddawał mu za wiele lat, to zapłaci za krzywdę 3 grzywny (R.).

Wenn jemand Vieh fordert von dem Anderen, und der hebt an, es zu läugnen, er dann aber Zeugen darüber aufführt, so gehen diese zum Eide, und er nimmt seine Marder. Dafür dass er sie in mehreren Jahren nicht gegeben hat, bezahlt er für das Unrecht 3 Grivnen (Ew.).

Если кто будет требовать с другого денег, и сей начнет запираться, то истец должен представить свидетелей, при коих он давал деньги, и когда свидетели в том присягнут, то он берет с должника свои деньги, да сверх того 3 гривны за обиду, причиненную ему долговременною проволочкою (Пл.).

Если заимодавец потребует уплаты долга, а должник начнет отпираться, то заимодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он получит свои деньги. Если должник не отдавал ему много лет, то платить ему еще 3 гривны в вознаграждение за убытки (Ст.).

Wenn jemand Geld von einem andern einfordert, dieser aber leugnet, und wenn er [der Gläubiger] Zeugen gegen ihn beibringt, so gehen diese

[1] *Слово* скота *в Т подчищено и другим почерком и чернилами исправлено на* кун.

zum Eide, aber er [der Gläubiger] erhält sein Geld. Weil er [der Schuldner] ihm das Geld wärend vieler Jahre nicht (zurück) gab, so zahlt er [ihm, dem Gläubiger] für das Unrecht 3 Grivna (G.).

Комментарии

Карамзин: „Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение. Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается" (II, с. 33).

Дубенский остановился на выражении „пойдуть на роту". „Ежели это тоже, что в Шлецеровском списке Правды: «ити ему на извод пред дванадесять человека», то эта подробность весьма важная: ею можно бы пояснить, как в старину присягали у нас в судах по делам тяжебным, если бы новгородский подлинник Шлецеровской Правды заслуживал доверия" (с. 78—79, прим. 114).

По мнению Кранихфельда, в Р. Пр. „для несомненности договора требовалось заключение его хоть на словах, но при двух свидетелях (послухах или видоках) — свободных мужах. В случае запирательства должника о получении у своего заимодавца денег, последний должен был вывести противу должника послухов, присяга которых за заимодавца решала дело в его пользу. Заимодатель получал не только свои деньги, но еще особое вознаграждение (три гривны за обиду), ежели уплата, от запирательства должника, замедлилась на несколько лет" (с. 223).

По мнению Неволина, заем совершается без всякого письменного акта, но, по общему правилу, в присутствии свидетелей. Впрочем, свидетели не требуются в случае займа не свыше трех гривен, а также в случае займов между купцами. Запиравшийся во взыскиваемых с него деньгах, если был уличен в своем долгу посредством свидетелей, должен был заплатить истцу за обиду три гривны (V, с. 124, 125).

По мнению Ланге, частный случай ст. 15 Кр. Пр. здесь „приводится к более общему выражению". Здесь уже вообще говорится „об отрицательстве от своего долга, все равно относилось ли оно к части или к целой должной сумме" (тогда как, по Ланге, ст. 15 говорила только о „прочем", т. е. об „остатке" долга). „Уличенный свидетелями в несправедливом показании только тогда подвергался еще особой пене, если не отдавал кредитору кун за много лет — в противном же случае неотдача долгов не составляла преступления и не подлежала продаже". Ланге думал, что выражение: „не дал ему кун" „относится к кредитору, а выражение «платити ему за обиду» указывает на должника", и что самая плата была продажей и поступала в пользу князя.

Вероятно такой же пене подлежали и не отдававшие почему-либо в продолжение многих лет поклажи (ст. 49) или кун, данных купцом купцу в куплю или в гостьбу (ст. 48)“ (с. 178—179).

Н. Дювернуа считал, что по Р. Пр. „сделка заемная поставлена в строгие условия относительно ее совершения. Есть послухи — есть сделка, нет послухов — нет сделки“. Заявления со стороны ответчика, что он заплатил долг, Р. Пр. не предусматривает. „Доказав посредством послухов совершение займа, истец тем самым доказывал и то, что уплаты не произведено; ибо уплату надо было произвести перед теми же послухами“ (с. 185—186).

„Договор займа, по мнению Владимирского-Буданова, совершается перед послухами, которые теперь заменяют собою формальные акты последующих времен. Но их роль судей в случае спора (приданная им по ст. 15 Кр. Пр.) сменяется ролью простых свидетелей, которые подтверждают существование сделки и ее неисполнение присягою пред общественной властью. Следовательно, не только совершение, но и прекращение сделки (удовлетворение по обязательству) должно совершаться пред послухами и именно теми же самыми“ (Хр., I, прим. 71).

Рожков считал, что „послухи свободные“ должны были „подкреплять клятвой факт существования договора займа, при заключении которого они присутствовали“. Рожков не соглашался с Загоровским, что послухов мог заменить мытник (Очерк займа, с. 33) и что число послухов было 2 (там же, с. 11) и полагал, что вопрос „о количестве послухов при займе во времена Пространной Правды остается открытым: возможно, что их было попрежнему 12“, а „если заем был не свыше 3 гривен кун, то послухов могло и не быть“ (Очерки, с. 192).

Гетц не согласился с Рожковым, который в 3 гривнах видел государственный штраф, вызываемый проявлением злой воли должника, выразившейся в намеренном невыполнении обязательства по договору. Гетц полагал, что в ст. 47 не говорится о несостоятельности, не говорится о тех связанных с торговым оборотом отношениях, которые могли бы привести к несостоятельности, что в данном случае налицо просто отказ от долга (III, с. 217—218).

Струмилин передает „смысл“ ст. 47: „Если истец уличит запирающегося ответчика в долгу, выведя против него послухов, то возьмет свои куны, в противном же случае, если он не сможет этого сделать — «занеже не дал ему кун» за много лет, — то обязан уплатить ему сам за обиду 3 гривны“. Выражение „за много лет“, указывает, по мнению Струмилина, „вероятно, на момент заключения оспариваемого договора (в прошлое время, несколько лет тому назад)“ (с. 28).

Статья 48

Аже кто купець купцю дасть куны в куплю или в гостьбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнеть запирати.

Переводы

Если купец отдаст свои деньги другому купцу с тем, чтоб он употребил их в торг внутренний или заморской, и последний в получении денег будет запираться, в таком случае нет нужды требовать от перьвого, чтоб он представил свидетелей, но должен он сам в том присягнуть (Б.).

Jeżeli który kupiec kupcowi da pieniędzy na kupno lub na handel, to kupiec za pomocą świadków pieniędzy nie ma odbierać, świadki jemu nie są potrzebni, lecz sam ma iść do przysięgi, jeżeli dłużnik zacznie się zapierać (R.).

Wenn ein Kaufmann aber dem Kaufmanne Marder giebt zur Kaufmannschaft oder zum auswärtigen Handel, so nimmt der Kaufmann das Geld nicht vor Zeugen: Zeugen sind ihm nicht nöthig, sondern er geht selbst zum Eide, wenn er anhebt, sie zu läugnen (Ew.).

Если купец поверит свои деньги для употребления их во внутреннюю ли то, или заграничную торговлю, и должник начнет запираться: то в таком случае истцу нет нужды представлять свидетелей, но сам ответчик должен присягнуть (Пл.).

Если купец купцу даст деньги в оборот из барыша или на торговлю, то должнику нечего получать деньги при свидетелях; присутствие свидетелей здесь не требуется, но заимодавец пусть сам идет к присяге, если должник станет запираться (Ст.).

Wenn ein Kaufmann einem [anderen] Kaufmann Geld gibt zur Kaufmannschaft oder zum Handel, so nimmt der Kaufmann das Geld nicht vor Zeugen, Zeugen sind ihm nicht nötig. Aber wenn er leugnet [das Geld bekommen zu haben], so muss er selbst zum Eid gehen (G.).

Комментарии

Слово „купля" Болтин понимал как торг мелочной, в розницу. Гостьба, по его мнению, торговля оптовая или валовая, включая также торговлю заморскую, так как заморские купцы покупают и продают товары „обтом, а не в розницу и по мелочам, как в лавках торгаши или лавочники".

Карамзин находил, что в этой статье „законодатель хотел изъявить особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и вере". Карамзин вносил также поправки в толкование Болтиным „гостьбы". По Карамзину „гостями назывались купцы иногородние, или которые в чужих землях торговали" (II, с. 33 и прим. 94).

Каченовский отметил, что купцов, гостей мы находим и в своих древних памятниках XIII в. и в ганзейских документах: купец—торговец просто (mercator, copman); гость — заезжий (hospes, gast) и отбывший в чужую землю, тоже для торговли. Каченовский упрекал Карамзина в том, что тот „усматривает в законодателе какое-то несбыточное желание изъявить особенную доверенность к людям торговым" и ссылался на ст. 47, где „уже постановлено, чтобы заимодатель доказывал право свое присягою свидетелей". Каченовский видел между ст. 47 и 48 „явное противоречие, каких много в Русской Правде" и которое он приписывал вине бессмысленных писцов. Каченовский, со своей скептической точки зрения, полагал, что невозможность займа по Русской Правде очевидна: „всякий волен ссужать деньгами без свидетелей; но кто был бы уверен в безопасности своей, когда б одна лишь присяга истца почиталась достаточным доводом". Для сопоставления он приводил грамоту архиепископа Рейнгольда, где при займе „согражданину для торговых оборотов" обязательны „надежные свидетели", и ссылался на договоры Смоленска с Ригою, проект договора с Новгородом и на практику ганзейских городов (Уч. зап., 1835, сент., с. 362—366).

Диев отметил: „В старину на Руси называли гостем: 1. иностранцев, производивших морскую торговлю — Новг. лет., «приимаше плесковичи гость немецкий, поморский и заморский»; 2. иноземцев, производивших сухопутную торговлю; 3. русских, торговавших за морем; по городам русским; подорожных, всякого рода торговцев" (Ж.М.Н.Пр., 1839, май, с. 63—70).

Мацейовский противопоставлял ст. 48 статье Вислицкого Статута (ст. 15 статута третьего), которая, напротив, требует присутствия свидетелей (III, § 219, с. 247).

По мнению Владимирского-Буданова, облегчение формы сделок для людей торгового звания „вызвано необходимостью облегчить быстроту обращения ценностей в торговле" (Хр., I, прим. 72).

Рожков полагал, что в ст. 48 „речь идет не о займе, а о зародыше так называемых коммандитных товариществ или товариществ на вере, достигших значительной степени развития впоследствии в Великом Новгороде“. Это подтверждается, во-первых, выражением „в куплю или в гостьбу“; во-вторых, сопоставлением со ст. 52, где в качестве условия, когда не нужно свидетелей, указана только сумма 3 гривны, „о займе же между купцами для торговых целей не сказано ни слова“; и, наконец, сопоставлением со ст. 49, где „именно присяга ответчика вполне соответствует такой же роте ответчика при поклаже, а это наводит на мысль, что и сущность договоров, — вытекающие из которых тяжбы разрешаются одинаково, — также одинакова: как и в договоре поклажи, в коммандитном товариществе в основу положено доверие к известному лицу, к его добросовестности, так что свидетели совершенно неуместны и излишни“ (Очерки, с. 192—193).

Пресняков в постановлениях ст. 48 указывал пример „специальной княжой защиты“ „лиц, не входящих в состав обычно-правовых народных союзов, напр., иноземцев и иностранцев, приезжих купцов и т. п.“ (Княжое право, с. 219, прим. 1).

Довнар-Запольский различал „заем, совершаемый для частных целей“, и „заем для торговых целей, когда куны брались в куплю или в гостьбу“. „Лишь при прочно развитом торговом обороте“ возможно, что, „если купец дает другому купцу куны для торговых целей, то при такой сделке в послухах нет надобности“; они устранены, так как „торговые сделки держатся втайне и зиждутся на доверии“. Довнар-Запольский, подобно Рожкову, видел в договоре ст. 48 коммандитное товарищество, товарищество на вере. Довнар-Запольский полагал, что Рожков „не прав“, видя эти товарищества только в Новгороде, и „с уверенностью“ утверждал, что „торговые товарищества преобладали сравнительно с единичными торговыми предприятиями“ (Ист. р. нар. хоз., с. 203—205, 213—214).

Гетц полагал, что в ст. 48 излагается комиссионная сделка, когда комитент дает своему комиссионеру торговое поручение. Два слова, выражающие торговую деятельность комиссионера — „в куплю“ и „гостьбу“ — Гетц переводил словами Kaufmannschaft и Handel, первое — внутренняя мелкая торговля, второе — торговля за пределами своего города, крупная торговля. Те же термины для перевода этих слов Гетц находил у Эверса и то же значение этих терминов у Болтина. Гетц не согласился с мнением Рожкова и видел в ст. 48 не торговое товарищество, а простое торговое поручение (III, с. 220—225).

Статья 49

О поклажаи. Аже кто поклажаи кладеть у кого любо, то ту послуха не [туть; но оже][1] *начнеть болшим клепати, тому ити роте у кого то лежал товар: [а только]*[1] *еси у мене положил, зан[е же]*[1] *ему в бологодел*[2] *и хоронил товар того.*

Переводы

Кто отдаст кому под сохранение свои пожитки, а тот, кто взял, будет в приеме их запираться, или отдавать меньше нежели принял; в таком случае не нужны свидетели, но отдать на присягу тому, у кого пожитки лежали, ибо хозяин оных пожитков имел полную и непринужденную волю поверить ему в них (Б.).

Kto u kogo położy jakikolwiek pokład, to tutaj świadka nie masz, u kogo ten towar leży. A gdy ten, który złożył, będzie rościć pretensję, iż więcej złozył, niżeli się znajduje, to ten u kogo leżało, ma iść do przysięgi, jako tylko tyle u mnie położyłeś, albowiem jemu dobrze czynił, przyjął i chronił towar jego (R.).

Wenn jemand eine Niederlage bei einem legt, so ist darüber kein Zeuge, sondern wenn er anhebt, mehr vorzugeben, so gehe der zum Eide, bei wem die Waare liegt: nur so viel hast du bei mir niedergelegt, weil er ihm wohlthat und dessen Waare aufbewahrte (Ew.).

Ежели кто отдаст кому-нибудь под сохранение свои пожитки, то в свидетелях нет нужды. Но если хозяин начнет большего требовать, то принявший вещи на сохранение должен утвердить клятвою, что именно столько, а не более дано ему под сохранение, ибо, кто берет под сохранение, тот благодетельствует, и хранит имение другого (Пл.).

Если кто передает кому-нибудь свое имущество на хранение, свидетель при этом не нужен; а если хозяин начнет искать больше, чем сколько отдал, то принявший на сохранение должен итти к присяге, говоря: „ты мне столько и отдавал, не более"; ведь ответчик добро делал хозяину, что хранил его имущество (Ст.).

---

[1] *Слова в скобках в Т стерлись, восстановлены по другим спискам Син.-Тр. группы.*

[2] *МП* зане же еси бологодеял ему.

Wenn jemand etwas bei irgendeinem in Aufbewahrung gibt, so ist da kein Zeuge (nötig). Klagt aber [der Hinterleger] auf mehr, so geht der zum Eid, bei dem diese Ware hinterlegt war [und schwört.]: „Nur so viel hast du bei mir hinterlegt", weil er es ihm zugute tat und [d. h.: dass] er dessen Ware aufbewahrte (G.).

Комментарии

Карамзин пересказывал: „Если гражданин отдаст свои пожитки на сохранение другому, то в свидетелях нет нужды. Кто будет запираться в принятии вещей, должен утвердить клятвою, что не брал их. Тогда он прав: ибо имение поверяют единственно таким людям, коих честь известна; и кто берет его на сохранение, тот оказывает услугу" (II, с. 34).

Неволин отмечал, что „договор поклажи по Русской Правде совершается словесно и даже не требуется, чтобы при заключении его присутствовали свидетели; если бы отдавший свои вещи на сохранение стал требовать большего, то хранивший имел право очистить себя присягою". Те же начала приняты в Псковской Судной грамоте (ст. 14, 19) (V, с. 175—176).

Грыцько находил, что в жалобах, приносимых на нарушение некоторых сделок полюбовных, основанных на взаимном доверии истца и ответчика, на какую бы сумму иск ни распространялся, „рота" служила совершенным доказательством и решала дело — но предоставлялась не истцу, а ответчику (с. 137).

Сергеевич различал присягу „дополнительную и очистительную"; Р. Пр., по его мнению, знает ту и другую. Первая предоставляется истцу, обыкновенно при отсутствии других доказательств и в небольших исках; вторая ответчику, также при отсутствии доказательств и если ответчик внушает доверие, как в ст. 49. Отказ от присяги всегда вел к обвинению (Лекции, стр. 577—578).

По мнению Владимирского-Буданова, „Русская Правда, усматривая в поклаже более нравственную услугу, чем обязательство («благо ему деял и хранил», ст. 49), освобождает договор поклажи от формальности заключения его при послухах; в случае, если отдавший вещи на сохранение начнет клепать (обвинять) приемщика в утайке части их, то приемщик очищается личною присягою; без сомнения то же нужно разуметь и в том случае, если ответчик совершенно будет отрицать существование договора" (Обзор, с. 624).

Рожков отметил, что „договор поклажи требовал для заключения участия в качестве контрагентов свободных лиц: он ведь предполагает у обеих сторон имущественные права, которыми лица несвободные не обладали". Предмет поклажи, по мнению Рожкова, только движимость — „товар"; сделки заключались в устной форме, так как дока-

зательством служит присяга ответчика, а не какие-нибудь документы. Особенностью поклажи Рожков считал отсутствие послухов при заключении договора: хранение имущества рассматривалось как благодеяние, и сохранивший заслуживал поэтому особого доверия. Рожков находил, что все сказанное о поклаже вполне применимо и к договору товарищества на вере (ст. 48 Р. Пр.) (Очерки, с. 195—196).

По мнению Гетца, в ст. 49 говорится о торговой сделке (kaufmannisches Gescheft), под которой разумеется не всякая дача на хранение вещей, а только передача купцом принадлежащего ему товара на сохранение другому купцу (II, с. 227—230).

Статья 50

О резе. Аже кто даеть куны в рез, или настав в мед,[1] *или жито во просоп,*[2] *то послухи ему ставити, како ся будеть рядил, тако ж ему имати.*

Переводы

Кто деньги отдает в рост, или мед и жито с уговором некоторой наддачи, то в случае спора с должником, должен заимодавец представить свидетелей, и как те покажут, какой у заимодавца с должником была договор, так и решение учинить (Б.).

Jeżeli kto da pieniądze na lichwę, albo miód na naddatek, albo żyto na przyspę, tedy ma stawić świadków; jako się z nim ugodził, tak imać powinien (R.).

Wenn jemand Marder auf Zinsen giebt, oder Honig auf Zugabe, oder Getreide auf Uebermass, so stellt er Zeugen, wie er diess mit ihm ausgemacht; so empfange er (Ew.).

Если кто отдаст деньги в рост, или мед и жито с уговором некоторой наддачи; тому в случае спора представить свидетелей, и согласно их показанию, какая была между ими ряда, взять все с заимобрателя (Пл.).

Кто отдает деньги в рост, или мед в настав, или хлеб в присып, тому надлежит представить свидетелей; и как он при них договорился, так ему и брать рост (Ст.).

Wenn jemand Geld auf Zins gibt oder Honig auf Zugabe oder Getreide auf Zuschüttung, so stellt er Zeugen. Wie er vereinbart hat, so nimmt er es (G.).

Комментарии

Болтин определял „настав“: „наддача, прибавка к сущему, вместо роста“. „Ныне отдают пчелы на выстав, что значит следующее: когда

[1] *С* настав на мед.

[2] *РА, МП* жито в присоп.

содержатель пчельный, занят будучи иным промыслом, не имеет время сам за пчелами ходить, отдаст их своему соседу, с тем чтоб он ульи его выставил в свой пчельник, и имел бы за пчелами смотрение как за своими, а за труд получил бы от меда, который из ульев выймется, и от роев, кои в лето отроятся, часть по учиненному между ними договору, и называется сие «отдать» или «взять пчелы на выстав»; следственно нынешнее речение «выстав» от древнего «настав» имеет разницу, понеже под первым подразумевается мзда за труд тому, кто за чужими пчелами смотрит, а под последним лихва, которую получает дающий мед в заим другому. Присоп, — иначе наспа, рост на жито. И ныне многие раздают жита поселянам, на семена, с уговором, чтоб отдавать под гребло, то-есть в ровень с краями кадки, а принимать от них, по окончании жатвы, с верхом, сиречь до тех бы пор меру насыпать, пока жито чрез края сыпаться будет, и сей верьх приемлется за рост".

Загоскин в словах „како ся будет рядил, тако же ему имати" предполагал остаток древней юридической формулы (Уч. зап. Каз. Ун., 1877, XI, с. 257).

Владимирский-Буданов название „рез" объяснял как „прирезку, прибавление к металлической монете или шкурам ценных зверей"; „присоп" он производил от „присыпать, надбавлять". Относительно выражения „настав в мед" Владимирский-Буданов ставил вопрос: «не следует ли читать: мед в наставы?". Владимирский-Буданов полагал, что „заем, при котором выговорены проценты, всегда совершается формальным порядком — пред послухами. Впрочем заем ниже 3 кун и прироcте может быть совершен без послухов" (Хр., I, прим. 76 и 77).

Статья 51

О месячнемь резе. А месячныи рез, оже за мало,[1] *то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть,* а *месячныи рез погренути.*

Переводы

Месячные росты брать позволяется только на малое число дней, а ежели кто взяв у кого деньги, из платежа месячных ростов, на краткое время, продержит их до другого года, с таковаго взыскать третные росты, а месячные уничтожить (Б.).

Jeżeli postąpiony procent miesięczny należy za mało dni, to wziętym być może, a jeżeli pożyczone pieniądze pozostaną u dłużnika do roku, tedy zapłaci tylko procenta czteromiesięczne, a miesięczne procenta odrzucić (R.).

Und monatlichen Zins, wenn es auf wenige (nämlich Tage), so nehme man ihn; gehen aber die Marder fort bis in dasselbe Jahr, so gebe man ihm die Marder auf ein Drittheil (des Jahres), und die monatlichen Zinsen erlöschen (Ew.).

Месячные росты позволяется единственно брать за малое время. Если же заем растянется на целый год, то заимодавец берет уже третные росты, а месячные уничтожаются (Пл.).

Месячный рост при краткосрочном займе брать заимодавцу по уговору; если же долг не будет уплачен в течение целого года, то считать рост с него на два третий (50%), а месячный рост отвергнуть (Ст.).

Aber den monatlichen Zins nimmt er [der Darleiher], wenn es für wenig [Tage] ist. Läuft aber das Geld bis zu diesem [Ende des] Jahr[es] fort, so gibt man ihm [dem Entleiher] das Geld für ein Drittel, aber den monatlichen Zins tilgt man (G.).

Комментарии

Болтин: „Росты в старину были разные (яко и ныне, с малого денег количества и на краткое время заемлемого более берут лихоимцы ростов, нежель с большого количества и на долгое время заемле-

[1] *А II добавлено днии.*

мого), и по различию сроков и количеству займа и называлися различно; взимаемые с займа на краткое время, сиречь на несколько дней, назывался месячными резами, понеже за таковые росты на срок более месяца и более трех гривен давать было запрещено; взимаемые с займа на срок двух, трех или четырех месяцев называлися третными резами, потому что не далее трети года за таковые росты дозволял закон давать деньги в займ; третьи росты назывались летними, понеже взималися с отдаваемых денег на год или более... Не можно в точности означить количества месячных и третных ростов, но, по соглашению настоящие статьи с первою и второю главою закона Владимирова [А, 53], можно с довольною вероятностью заключить, что месячные росты не менее были как от 20 и до 30 со ста на месяц, третные от 50 и до 60 со ста в четыре месяца, а летние не меньше ж 50 со ста в год, как точно в главе II-й закона Владимирова означено. И для того, к защищению заимщиков от притеснения жадных лихоимцев, сею статьею предписано, чтоб, ежели кто, заняв деньги на несколько дней, не в состоянии найдется заплатить несколько месяцев или год, с таковoго не взыскивать месячных ростов, но третные, ибо ежели месячные росты, то есть по 20 на сто в месяц, взять за год, то придет 240 на сто, а третных токмо 150. В том же намерении предписано в 1-й главе закона Владимирова [А, 53] и о третных ростах, чтоб ежели кто, заняв денег на четыре месяца, с уговором платежа третных ростов, продержит деньги год, то не более бы с таковoго третных ростов брать как за две токмо трети года; а ежель кто за целый год третные росты заплатит, таковый освобождался от платежа истинных, то есть взятых им от заимодавца денег, ибо взяв заимодавец троекратно третные росты, полагая по 50 со ста, получит и истинные свои деньги сполна и ростов на них по 50 на сто, то есть не менее того количества, которое за годовые росты брать было позволено".

Карамзин отмечал, что „месячные росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже третные, а не месячные", но не знал, „в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени"; однако, предполагал, что „последние были гораздо тягостнее, и что законодатель хотел облегчить судьбу должников", — позволяя брать 10 кун с гривны в год, „то есть, сорок на сто". Карамзин напоминал, что „в странах, подобно древней России, богатых только грубыми естественными произведениями, а не монетою, — в странах, где первобытная дикость нравов уже смягчается навыками гражданскими; где новая внутренняя и внешняя торговля знакомит людей с выгодами роскоши, — деньги имеют высокую цену, и лихоимство пользуется их редкостью" (II, с. 34).

Неволин устанавливал, что „назначение роста при денежном займе подлежит следующим ограничениям: месячный рост позволяется

брать только в случае займа на короткое время. Если же заем продолжается на целый год, то заимодавец может требовать только третного роста, с уничтожением месячного" (V, с. 123).

Калачов: „Проценты разделяются на месячные и третные. Первые дозволяется брать, когда срок займа ограничивается только несколькими днями; в противном случае должник имеет право платить проценты не иначе, как за треть года. В займах годовых не воспрещается брать по десяти кун на гривну" (с. 138).

Загоровский указывал, что „Правда различает рез месячный, третной и годичный". „Первое ограничение роста было направлено на месячные проценты". Месячный рост можно было брать за ссуду денег только на короткое время и, „так как уже существовал и третный рост, то, по всей вероятности, дольше четырех месяцев брать месячные проценты нельзя было". „Равно считался противозаконным, как это ясно видно из слов статьи, месячный рез в том случае, если заем заключен был на год или на более короткое время, но удовлетворение по займу приходилось требовать за целый год" (Очерк займа, с. 42).

Владимирский-Буданов отмечал, что „в эпоху Русской Правды высота дозволенных процентов была чрезвычайно велика" и что „рост различался: месячный, третной и годичный, первый самый высокий, последний — наименьший." В ст. 51 „выражено первое ограничение величины процентов, предпринятое общественною властью; именно месячный рост допускается только при краткосрочных займах; если же заем делается на год или договор не исполнен целый год, то должник уплачивает уже не месячные, а третные проценты" (Обзор, с. 622; Хр., I, прим. 78).

Рожков не согласился с Калачовым в том, что месячные проценты дозволяется брать, когда срок займа ограничивается несколькими днями. Рожков отметил, что Синодальный и Троицкий списки ничего не говорят о займе на несколько дней, текст же Карамзинской редакции тут искажен, и принимал перевод Эверса (Платонова): „месячные росты позволяется брать единственно за малое время" — „т. е. если заем продолжается менее года" (Очерки, с. 194).

Довнар-Запольский видел причину „ошибочного понимания" этой статьи в „предположении, что здесь определен размер процентов"; по Довнар-Запольскому „она посвящена такому случаю, когда заимодавец в срок денег не уплатил, и определяет последствия неплатежа". Для него „оже за мало, то имати ему" „означает: если должник просрочил несколько — мало — дней, то заимодавец обязан без пени принять капитал и условленные проценты"; если же „должник просрочил целый следующий месяц, в таком случае он платит известного рода пеню, состоящую в том, что теперь расчет уже ведется не по месячному

резу, т. е. процент взимается не за два месяца («а месячный рез погренути», т. е. счет процентов за месяц уничтожается), но платит сразу третной процент. Если третной рез был и ниже месячного, то во всяком случае, он очевидно превосходит тот процент с капитала, который должник мог бы заплатить по счету месячного реза за два месяца. В этой приплате и заключалась та пеня, которую платил неисправный должник". Выражение „до того же года" Довнар-Запольский поэтому понимал в смысле „до того же срока", ссылаясь на тексты словаря Срезневского, ибо „наше слово г о д и в Русской Правде и в Летописи всегда выражается словом л е т о". „Наибольшее затруднение" для Довнар-Запольского представляло выражение „куны в треть", „куны треть". В согласии с общим пониманием статьи он не видел здесь „уплаты в качестве процентов третьей части кун, т. е. 33%", а полагал, что, как и в других местах Р. Пр., здесь „опущено обычное и всем известное определение", и предлагал читать „в треть лета" (Ист. р. нар. хоз., с. 202—203).

Статья 52

Послухов ли не будеть, а будеть кун 3 гривны, то ити ему про свое куны роте; будеть ли боле кун, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставил послухов.

Переводы

Ежели заим будет не свыше трех гривен, и заимодавец свидетелей не представит, то отдать ему на присягу (как предписано 26-ю статьею) [А,48]; а ежели заим будет более трех гривен, то деньги его пропали, в случае когда должник будет запираться, понеже без свидетелей давать денег не должно (Б.).

A jeżeli nie będzie świadków, a będą pieniądze wynosić 3 grzywny, to właściciel po swoje pieniądze ma iść do przysięgi. A jeżeli pieniędzy będzie więcej, to jemu tak powiedz, pomyliłeś się, albowiem świadków nie postawiłeś. (R.).

Sind keine Zeugen, aber der Marder 3 Grivnen, so gehe er wegen seiner Marder zum Eide; sind der Marder mehr, so sage man zu ihm also: du hast dich versehen, da du keine Zeugen gestellt hast (Ew.).

Ежели заем будет не выше трех гривен, и заимодавец свидетелей не представит, то в таком случае отдать ему на присягу; если же будет простираться свыше сей суммы, то сказать заимодавцу: „пропали твои деньги; зачем давал без свидетелей" (Пл.).

Если не будет свидетелей, а долг не превышает трех гривен кун, то заимодавец должен итти к присяге в своих деньгах; если долг больше трех гривен кун, то сказать заимодавцу: „сам виноват, если не ставил свидетелей, давая деньги" (Ст.).

Sind keine Zeugen vorhanden und beträgt das [geliehene] Geld 3 Grivna, so geht er [der Darleiher] für sein Geld zum Eid. Ist es mehr Geld, so sage ihm [dem Darleiher] so: „Du hast gefehlt, dass du keine Zeugen gestellt hast" (G.).

Комментарии

Болтин: „Весьма благоразумно положено в сей статье отдавать деньги на присягу заимодавца, в случае ежели заимщик во взятье будет запираться, и свидетелей, при коих он брал деньги, не случится, ибо заимщик, по случаю крайние скудости и несостояния к платежу, могл бы и ложно присягнуть, ежели бы позволено было отдать на его присягу. По равномерной же благоразумия осторожности, и заимодавцу отдавать на присягу предписано только в небольшом займе, а имянно не свыше трех гривен состоящем, а в превышающем того количестве не велено допущать его до присяги, дабы соблазнясь великою ценою прибытка не учинил ложныя присяги".

По мнению Ключевского, заимодавец, давший взаймы более 3 гривен без свидетелей, терял право иска. Судья обязан был объяснить истцу отказ в иске резолюцией, смысл которой, придерживаясь ее драматической формы, можно передать так: „ну, брат, извини, сам виноват, что так раздобрился, поверил в долг столько денег без свидетелей" (I, с. 276).

Статья 53

Володимер Всеволодичь по Святополце созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора Киевьского тысячьского, Прокопью Белогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третьего реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто, паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти. — Аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати.

Переводы

По смерти отца своего Святополка,[1] созвал Владимир дружину свою на Берестове, Ратибора тысяцкого киевского, и других, и согласно постановили взимать третной рост только до третьего платежа, сиречь кто возмет с должника своего два раза третной рост, тому более роста не требовать, а взять токмо свои деньги; если ж заимодавец возмет с заимщика третной рост в третий раз, таковому истинных своих денег уже не взыскивать (Б.).

A to ustanowił wielki książe Władymir Wsewołodowicz Monomach.

Po śmierci Swiętopełka zezwał drużynę swoję na Berestowo, Ratybora tysiącznika Kijowskiego, Prokopija tysiącznika Perejasławskiego, Nażyra, Mirosława, Iwanka Czudynowicza, męża Olga, i ustanowili do trzeciego procentu, a gdy kto weźmie pieniądze na procent czteromiesięczny, a zapłaci dwa razy procenta, to tylko ma oddać sam kapitał, a jeżeli zapłaci trzy razy procenta, tedy i kapitału nie odda.— Kto bierze po 10 kun na rok od grzywny, to tego nie odrzucać (R.).

Aber dieses verordnete Wolodimir Wsewolodowitsch, da er nach Swjatopolk sein Gefolge in Berestov versammelt hatte, Ratibor, den Tausender von Kiev, Prokopij, den Tausender von Bjelogorod, Stanislav, den Tausender von Perejaslavl, Nashir Miroslav, Iwanka Tschudinowitsch, einen Mann Oleg's, und verordnete die Zinsen auf ein Drittheil (des Jahres), wenn jemand Marder auf Zinsen nimmt. Wenn jemand zwei Zinsen empfangen hat, so nehme er den Hauptstuhl (истое); hinwiederum empfängt er die Zinsen, so nehme

[1] Явная ошибка: Владимир был сын Всеволода [*Б. А.*].

er den Hauptstuhl nicht. Nimmt jemand zu 10 Marder im Jahre von der Grivna, so soll man es ihm nicht absprechen (Ew.).

По смерти Святополка — Михаила, Владимир Всеволодович собрал в Берестовском дворце дружину свою: тысячских: Ратибора киевского, Прокопия белогородского и Станислава переяславского; Нажира, Мирослава и боярина Олегова, Иоанна Чудиновича, и, посоветовавшись с ними, определил брать третный рост только до третьего платежа, т. е. кто возмет с своего должника третный рост, тому более никакого роста не требовать, а взять только свой капитал; если ж заимодавец возмет три раза третные росты, то он лишается своего капитала. Если кто берет по 10 кун с гривны на год, то таковых ростов взимать не воспрещается (Пл.).

По смерти Святополка Владимир Всеволодович созвал в селе Берестове свою дружину — тысяцких Ратибора киевского, Прокопья белгородского, Станислава переяславского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича боярина Олегова (князя черниговского Олега Святославича), — и на съезде постановили: кто занял деньги с условием платить рост на два третий, с того брать такой рост только два года, и после того искать лишь капитала; а кто брал такой рост три года, тому не искать и самого капитала. Кто берет по 10 кун роста с гривны в год (т. е. 4 %)[1], то при таком росте иск самого капитала ни в каком случае не отменяется (Ст.).

Verordnung des Volodiměr Vsevolodič.

a) Volodiměr Vsevolodič berief nach Svjatopolk seine Gefolgschaft in Berestovo zusammen: Ratibor den Kiever Tausendmann, Prokop den Bělogoroder Tausendmann, Stanislav den Perejaslavler Tausendmann, Nažir, Miroslav, Ivanko Čjudinovič, den Mann Olegs, und sie verordneten bezüglich des dritten Zinses, wenn (jemand) auf ein Drittel [des Kapitals] Geld (zu leihen) nimmt.

b) Wenn jemand zwei (mal) Zinsen nimmt, so soll er dann das Kapital nehmen, nimmt er dagegen drei (mal) Zinsen, so darf er das Kapital nicht (mehr) nehmen.

c) Wenn jemand je 10 Kuna von einer Grivna für das Jahr nimmt, so soll man das nicht verbieten (G.).

Комментарии

Кранихфельд полагал, что Владимиром Мономахом узаконено было: брать третного росту с должника не более двух раз. Заимодавец, взявший рез в третий раз, не мог требовать истого или капитала своего с должника. Терпимая законом мера роста была пятьдесят со ста в год (с. 224).

По мнению Неволина, Владимир Мономах постановил, что „заимодавец, который возьмет три раза третной рост, уже не может требовать своего капитала". Рост по десяти кун с гривны на год,

[1] Явная опечатка: 10 кун (при счете 50 кун в гривне) = 20 %; (при счете 25 кун в гривне) = 40 % [*Б. А.*]

Неволин, принимая здесь гривну, вслед за Карамзиным, равною 25 кунам, считал ростом 40 % в год и полагал, что Р. Пр. его „признает ростом терпимым". Неволин также заметил, что Р. Пр. прямо не запрещает высшего роста и что в частных случаях предоставлялось усмотрению судьи признать или отвергнуть рост, превышающий 40 % в год. „Еще менее Русская Правда или другой какой-либо известный закон определяли количество месячных или третных ростов. Может быть, они определялись обычаем. Но столько же могло здесь зависеть от условия сторон" (V, с. 123).

Загоровский, „не желая гадать", отказывался от определения „величины третного роста по Правде", но „лишение капитала, назначенное по статье тому, кто взял три третных реза", и затем достаточно высокий годичный рост заставляют думать, что „третные проценты были высоты не малой" (Очерк займа, с. 43).

Владимирский-Буданов, считая (по Прозоровскому) гривну равною здесь уже 50 кунам, исчислял проценты этой статьи в 20 % и, вопреки Неволину, полагал, что „выше 10 кун с гривны брать не позволялось". „Одну из причин огромной высоты роста находят в общественном состоянии тогдашней России, при котором не всякий рискнул бы отдать свои деньги в долг, предвидя полную вероятность не получить их совсем". „Непомерная высота роста принудила общественную власть позаботиться о сокращении ее законодательным путем. Быть может еще до Владимира Мономаха был ограничен месячный рост (Р. Пр., Кар., 48), [А, 51]; а именно постановлено брать месячные росты только при займах на короткие сроки («за мало дни»); если же заем продолжается до года, то месячные резы заменяются третными. Затем Владимир Мономах... постановил ограничение и третных процентов, а именно: заимодавец, два раза получивший третной процент, может требовать возвращения капитала («истое»); если же возьмет в третий раз, то лишается права требовать капитал; очевидно, что третные проценты превышали цену самого капитала" (Обзор, с. 623).

Ключевский: „Капитал чрезвычайно дорог: при краткосрочном займе размер месячного роста не ограничивается законом; годовой процент определен одной статьей Правды «в треть», на два третий, т. е. в 50 %. Только Владимир Мономах, став великим князем, ограничил продолжительность взимания годового роста в половину капитала: такой рост можно было брать только два года, и после того кредитор мог искать на должнике только капитала, т. е. долг становился далее беспроцентным, кто брал такой рост на третий год, терял право искать и самый капитал. Впрочем при долголетнем займе и Мономах допустил годовой рост в 40 %. Но едва ли эти ограничительные постановления исполнялись" (I, с. 302)

Пресняков находил, что законодательство Мономаха „имело целью ввести в определенные рамки обострявшуюся социальную борьбу, и, поскольку оно ограничивает эксплоатацию меньшей братии, должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда“ (Княжое право, с. 248).

Довнар-Запольский считал эту статью не заменою ст. 51, а законом „дополнительным к предшествующему“, на „непосредственную связь“ с которым указывает уже „весьма любопытное надписание: «а се уставил». Мономах в совещании с мужами «уставили до третьего раза, оже емлеть в треть куны», т. е. они издали закон, предвидевший такой случай, когда должник не мог в срок уплатить долга и заимодавец воспользуется своим правом взимать в качестве штрафа третной рез более одного раза“. Для Довнар-Запольского это — „непосредственное продолжение закона о месячном резе, развитие этого закона и ограничение заимодавца, не приступившего своевременно ко взысканию капитала и %% с имущества или лица должника в целях получения третного реза“. Довнар-Запольский считал, что, согласно постановлению Мономаха, „заимодавец, давший капитал, на условиях месячного реза, мог только два раза воспользоваться оплошностью неоплатного должника, т. е. дважды, на основании предшествующей статьи, получить третные резы. Если же заимодавец возьмет трижды третной рез, то он лишается права взыскивать капитал («паки ли возьмет три резы, то иста ему не взяти»); лишение права взыскивать капитал было той пеней, которую нес заимодавец“ (Ист. р. нар. хоз., с. 201).

Гетц находил постановление о процентах темным и не считал возможным выяснить его без привлечения новых источников. Все же он высказал догадку: не были ли постановления ст. 51 и 53 искажены ошибкой писца? И предложил вместо „в треть“ читать „в лето“. При таком допущении Гетц так читал ст. 51: „заидут ли ся куны до того же года, то дадят ему куны в лето, а месячный рез погренути“. И дал перевод ст. 53: „они установили третные проценты для тех, кто берет деньги на год“ (III, с. 251).

Статья 54

Аже который купець истопиться. Аже который купець, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться любо рать возметь ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платить, зане же пагуба от бо.а есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить,[1] *то како любо тем, чии то товар,*[2] *ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля.*

Переводы

А который купец поедет торговать, взяв чужой товар или деньги, и случится ему в пути несчастие, товар его или потонет, или згорит, или неприятелем отнят будет, таковому никакого насилия не делать, и в рабство его не продавать, но дать время на исправление, разложа платеж должных им денег погодно, понеже не виноват он в пагубе товара своего. Но если он утратит вверенной ему товар по своему безумию, то есть или пропьет или промотает, или по небрежению испортит, таковаго отдать в полную волю его заимодавцов, и как они похотят, так пусть с ним и поступят, то есть или отсрочат ему в платеже, или продадут ево в рабство (Б.).

Jeżeli który kupiec idąc gdziekolwiek z cudzemi pieniądzmi one utopi, albo nieprzyjaciel zabierze, albo ogień, tedy go do oddania onych nie przymuszać, ani go przedać, lecz jako zacznie od roku płacić, to dopóty ma płacić, aż się wypłaci, albowiem nieszczęście od boga jest, a on nie winien jest. Lecz jeżeli zapije się lub ogra się bezrozumnie, i cudzy towar potraci i zepsuje, to jak się podoba tym czyje te pieniądze, czekają li jemu, swoja im wola, przedadzą li go, swoja im wola (R.).

Und welcher Kaufmann irgend wohin geht mit fremden Mardern, und leidet Schiffbruch, oder dıs Kriegsvolk nimmt, oder das Feuer, so soll man ihm keine Gewalt anthun, ihn nicht verkaufen, sondern er fange an,

---

[1] *МП* испроторить, *АП* потравить.

[2] *С* чье то куны, *М, МП* чьи куны.

jährlich zu bezahlen. So zahle er, weil das Unglück von Gott, und nicht Schuld ist. Wenn er sich betrinkt, oder in Sinnlosigkeit verschwendet, oder fremde Ware verdirbt, so ist in Belieben dessen, welchem die Marder sind, sich mit ihm zu gedulden, oder ihn zu verkaufen nach seinem Willen (Ew.).

Если какой-нибудь купец, взяв чужие товары или деньги, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару или будет ограблен неприятелем, то веритель не в праве сделать ему какое-нибудь насилие, или продать его в рабство, но должен позволить ему рассрочку платежа погодно; ибо он невиновен в несчастной утрате товара: власть божия. Но если купец вверенный ему товар или пропьет или промотает или испортит от небрежения, то он отдается в полную волю верителей: хотят ждут, хотят продадут в рабство, их воля (Пл.).

Если купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо позволить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от бога, а он не виноват в нем. Если ж купец вверенный ему товар или пропьет, или проиграет, или испортит по глупости, то доверители поступают с ним, как им угодно: хотят — ждут, хотят — продадут в рабство, на то их воля (Ст.).

Wenn ein Kaufmann, der mit fremden Geld irgendwo (hin) geht, Schiffbruch leidet, oder das feindliche Heer oder Feuer nimmt es, dann soll man ihn nicht bedrängen, ihn auch nicht verkaufen. Aber wie er jährlich bezahlen (können) wird, so soll er bezahlen (dürfen), denn der Verlust ist von Gott, aber er ist nicht schuld. Versäuft er aber oder verputzt er und verdirbt er in Unverstand die fremde Ware, so (geschehe mit ihm) wie es dem beliebt, dessen die Ware ist: wollen sie mit ihm Geduld haben, so steht es in ihrem Belieben, wollen sie ihn verkaufen, so steht es (auch) in ihrem Belieben (G.).

Комментарии

Болтин: „Не насилить — не делать насилия во взыскании, не бить на правеже, как обыкновенно при взыскании долгов с должниками было поступано". „Разделение платежа", по мнению Болтина, оставлялось „на рассуждение судей, кои по мере долговых денег, и способов, кои должник к заплате имеет, располагали сроки платежа, и предписывали количество денег, кои он, в назначенные сроки, уплачивать был должен, вдабы не отяготить жребия, по несчастному случаю, в долги впадшего". „Пробиется" Болтин понимал, как „расточит, проиграет свое имение, бьючись об заклад".

Карамзин толковал так: „Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не ответствует ни головою, ни вольностию, и может разложить платеж в сроки: ибо власть божия и несчастие не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар или промотает его, или испортит

от небрежения, то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж, или продадут должника в неволю“ (II, с. 33).

Дубенский перечислял виды насильственных действий, от которых избавлялся несчастный бонкрот: 1) не продавать его, 2) не водить на правеж, 3) не выдавать истцу головою до искупа (Судебник, ст. 89). Правеж, уничтоженный Петром I, состоял в том, что пристав водил должника босого к дверям судной избы, и в часы заседания сек его прутом по голой ноге до тех пор, пока судьи начинали разъезжаться (с. 83—84).

Станиславский, отметив два вида несостоятельности, предусмотренные ст. 54, указывал, что в этих правилах не упоминается вовсе о ложной несостоятельности или о злостном банкротстве: по его мнению, — „это преступление не было известно безхитростным людям того времени“ (с. 213).

Соловьев пояснял слово „пробьется“: „вероятно, если истеряет имущество на виры или платежи за побои“ (I, с. 55).

Ланге полагал, что только тот подлежал ответственности за растрату товара, „кто в безумии чюж товар испроторит“; таким же безумием сочтена страсть к пьянству. „Но вся ответственность такого человека состояла только в вознаграждении обиженных, продаже же он не подвергался, вероятно, потому, что Правда не видела здесь еще собственно преступления, т. е. злонамеренного умысла на растрату чужого товара. Если же кто, объявив о растрате чьего-либо имущества, скрывал его у себя или продавал в свою пользу, тот, без сомнения, при обнаружении его преступления, наказывался как тать“. Относительно наличия в Правде двух рядом стоящих слов: „пропиеться или пробиеться“ Ланге замечал: „В некоторых списках стоит только первое слово, а последнего нет, и мы думаем, что это правильнее, потому что оно по отношению к рассматриваемой нами статье, едва ли имеет какой-либо смысл. Помещение в ней слова «пробиеться» можно объяснить следующим образом: первоначальный переписчик текста Правды, по ошибке, часто случающейся, мог написать слово «пропиеться» два раза сряду; последующие переписчики, не догадываясь об ошибке, могли даже усиливаться прочесть последнее слово иначе, нежели первое, и вследствие того, а может быть и просто по неясности рукописи, образовалось слово «пробиеться», которого, вероятно, не было в подлиннике Правды“ (с. 188).

По мнению Загоровского, Правда проводит „строгое различие“ между разными видами несостоятельности, „полагая то более, то менее строгий способ ответственности за долг, смотря по тому, где сколько видно злонамеренности“. К злостным банкротам „применялась самая крайняя мера — продажа в рабство“. „Затем следуют впавшие в неоплатность, хотя и по своей вине (расточители), но без употребления

обмана или подлога, т. е. простые банкроты; их тоже Правда дозволяет продавать, но... допускает для них снисхождение: возможность отсрочки, по соглашению кредиторов... Наконец, полное покровительство закона оказывалось несчастным банкротам, несостоятельность которых есть не их вина, а пагуба от бога. Против них запрещалось абсолютно всякое насилие, а самый долг разрешено было платить «от лета»". Загоровский не считал возможным определить — „какая была эта рассрочка, делалась ли она на неопределенное время и по неопределенной сумме, или же существовала для таких случаев определенная норма". Загоровский полагал, что ст. 54 не ограничена случаями торговой несостоятельности — под эту статью, по его мнению, подходят любые должники (Очерк займа, с. 61—63).

Сергеевич утверждал, что случай, предусмотренный ст. 54 Р. Пр., есть не что иное, как гражданская несостоятельность по стечению несчастных обстоятельств. В этом случае заимодавец может обратить должника в рабство, а должник удовольствоваться уплатою долга с рассрочкой (Лекции, с. 358). „Неоплатным должником может оказаться всякое лицо, на которое падает взыскание в силу причиненных его действиями (обидами) убытков", и Сергеевич думал, что, лица, виновные в убытках, не пользовались льготами, предоставленными несчастным несостоятельным: они подлежали во всяком случае продаже в рабство" (Др., I, с. 142).

Владимирский-Буданов различал в Р. Пр. „три рода несостоятельности: 1) несостоятельность, происшедшая не по вине должника, из случайных причин (пожара, кораблекрушения, истребления имущества неприятелями); в таком случае наступает обязательная рассрочка долга; 2) несостоятельность, возникшая по вине должника (пьянства, расточительности); при этом предоставляется выбору кредитора — или отсрочить уплату долга, или же продать должника в рабство, и 3) несостоятельность мнимая (злостное банкротство), когда должник преследуется и наказывается как вор — уголовным порядком". „При конкурсе нескольких кредиторов несостоятельный, по Русской Правде, может быть продан с публичного торга (ст. А, 55: «вести его на торг и продать»). То же можно разуметь и при отсутствии конкурса (ст. А, 54 говорит о несостоятельном вообще: «ждут ли ему, продадут ли его — своя им воля»). Впрочем, нужно думать, что продажа в холопство при одном кредиторе наступала лишь тогда, когда несостоятельность была безнадежна вполне; если же долг мог быть отработан, то несостоятельный был выдаваем кредитору для отработки долга" (Обзор, с. 407).

П. Беляев усматривал аналогию к ст. 54 в тех случаях, которые в римском праве характеризуются, как vis major (ср. Dig., XIII, 6, 1, 18, pr. latronum hostiumne incursus, naufragium, incendium etc.), так что

невольно напрашивается предположение о влиянии римского права через византийское (Право и процесс, с. 22—23).

Удинцев утверждал, что „законного долгового рабства не знает ни один из древнейших сводов", не известна идея долгового рабства и Р. Правде — для краткой редакции это безусловно, Пространная Правда может возбудить сомнения своими ст. 54 и 55 и статьями о закупах. Удинцев рассматривал статьи, в которых находят признаки долгового рабства, и приходил прежде всего к выводу, что, если в этих статьях говорится о рабстве, то возникает оно не из заемного обязательства, а обусловлено „наличностью особых обстоятельств — конкурса, злостного или неосторожного поведения должника, свойства купца, участия иноземца". Далее, в ст. 54 и 55 „мы имеем не заем, как обычно полагают, а покупку в кредит", сходную со средневековою commenda. Наконец, Удинцев полагал, что термин „продажа" (собственно — „продадять"), при сопоставлении со ст. 14 договора 945 г. с греками („продан будеть, яко да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти") и со ст. 5 Двинской Уставной грамоты, обозначает продажу имущества должника, „понудительное денежное взыскание" (с. 133—142).

Гетц в ст. 54 видел комиссионную сделку между торговыми людьми, причем комиссионер — крупный купец, ведущий иногороднюю и даже заморскую торговлю. Льгота, получаемая комиссионером, есть результат разрешения судом нескольких случаев, когда комиссионер не мог выполнить своих обязательств, а не частное соглашение между комитентом и комиссионером. Общее правило, на которое опираются частные случаи, предусматриваемые ст. 54, по мнению Гетца, приближается к постановлению § 384 Германского торгового свода законов (Deutschen Handelsgesetzbuch) — комиссионер обязан при выполнении комиссионной операции проявить ту заботливость, которая обычна для собственных торговых операций (III, с. 352—356).

Струмилин останавливается на вопросе о продаже в рабство должника за неуплату долга. Вслед за Удинцевым он отказывается считать, что „продажа должника на торгу есть продажа его в рабство". Струмилин ссылается на ст. 14 договора с греками: „аще ли есть неимовит, да како можеть втолько же продан будеть, яко да и порты, в них же ходять, да и то с него сняти, а опроце да на роту ходить по своей вере, яко не имея ничего же, ти тако пущен будеть", — „речь в этой статье идет только о продаже всего имущества неимовитого ответчика, не исключая одежды, а не о продаже его самого в рабство, хотя выражение «продан будеть» относится к лицу ответчика совершенно аналогично выражениям статьи 54 и 55 Пространной Правды". „Точно в таком же значении" выражения „продати", „продажа" употреблены, по Струмилину, и в ст. 5 Двинской Уставной грамоты 1397 г., в ст. 10, 35,

43 Судебника 1497 г. и в губной Белозерской грамоте 1539 г. „Имея в виду такое словоупотребление, — заключает Струмилин, — едва ли возможно сомневаться, что и Русская Правда в ст. 68 и 69 [А, 54 и 55] употребляет оборот продати должника не в ином значении". Косвенное подтверждение Струмилин находит для своих взглядов в ст. 110 Р. Пр., где долгового рабства нет среди „обычных путей обращения свободного человека в рабство", а также в церковном Уставе Всеволода, где среди изгоев имеется и купец, который „одолжает" (с. 59—62).

Греков, примыкая к мнению Струмилина, указывает на то, что суммы, полученной от продажи купца, если бы он продавался лично, нехватило бы на погашение частей долга, предусмотренных Р. Пр., а также и на то, что обанкротившийся купец превращался — согласно уставу кн. Всеволода 1125—1136 г. — не в раба, а в изгоя (Киевск. Русь, с. 107).

Юшков полагает, что разорившийся купец превращается по Р. Пр. в холопа (Очерки, с. 64).

Статья 55

О долзе. Аже кто многим должен будеть, а пришед гость из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати гости кун, а первии далжебити начнуть ему запинати,[1] *не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому.*

Переводы

Ежели гость, приехавший из инаго города или из чужей земли, отдаст свой товар в долг такому купцу, которой многим должен, не ведая того, и после станет того своего товара требовать от него назад, а купец найдется не в состоянии ни товара ему возвратить, ни денег за товар заплатить, тем паче что перьвые его заимодавцы будут ему в платеже гостю денег препятствовать; в таком случае, все имение должниково и самого его вывести на торг и продать, а из вырученных денег заплатить прежде за товар чужестранному гостю, а оставшие отдать на раздел прочим его заимодавцам; также ежели и казне будет он должен, то прежде взыскать долг казенный. Если ж в числе заимодавцев случится быть такому, которой много уже ростов за свои деньги от должника своего получил, тому в разделе имения его участия с прочими не давать (Б.).

Jeżeli kto wielu jest dłużnym, a przyjdzie gość z cudzego miasta, albo cudzoziemiec, a nie wiedząc o tem powierzy mu swój towar, a on gościowi nie będzie oddawać pieniędzy, a pierwsi wierzyciele zaczną mu tamować oddanie pieniędzy, tedy onego dłużnika wyprowadzić na targ i sprzedać go, i oddać pierwiej gościowi pieniądze, a domowym co się zostanie tem się podzielą, a jeżeli będą pieniądze książęce, pierwiej wziąć one, a reszta do działu, a kto wiele procentów brał, ten pieniędzy nie ma brać (R.).

Wenn jemand mehreren schuldig ist, und es kommt ein Gast aus einer anderen Stadt, oder ein Ausländer, und diess nicht wissend lässt ihm Waaren ab, und jener unterfängt sich, dem Gaste die Marder nicht

---

[1] *МП вместо* начнуть ему запинати — начнуть ему не дати, запинаюче куны.

zu geben, und die ersten Gläubiger unterfangen sich, ihn zu hindern, damit er ihm die Marder nicht gebe, so führe man ihn auf den Markt und verkaufe ihn, und gebe die ersten Marder dem Gaste heraus, und theilen die Einheimischen unter sich, was an Mardern übrig bleibt. Hinwiederum sind es Fürsten-Marder, so nehme man die Fürsten-Marder zuvor; und das Uebrige nach Theilung. Wenn jemand viel Zinsen erhielt, so erhält er nichts (Ew.).

Если кто многим должен, а купец, приехавший из другого города, или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар свой, и он окажется после не в состоянии заплатить сему верителю за товар, по причине требований со стороны первых заимодавцев; в таком случае вести должника на торг и продать и удовлетворить наперед требованиям гостя, а остальное разделить между прочими заимодавцами. Также, если он должен будет в казну, то очистить наперед казенные требования, а потом уже и требования других верителей: но если кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег (Пл.).

Если кто будет многим должен, а купец, приехавший из другого города или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар, — а тот будет не в состоянии и с ним расплатиться за товар, да и первые заимодавцы также станут требовать уплаты долгов, не давая взаймы для уплаты гостю, в таком случае вести должника на торг и продать, причем наперед выплатить долг пришельца, а остаток поделить между своими местными заимодавцами. Также, если будут за ним в долгу княжие деньги, то взыскать наперед их, а остальное в раздел. Но если кто взял уже много роста, тому лишиться своего капитала (Ст.).

Wenn jemand vielen (Gläubigern) schuldig ist, und es kommt ein Kaufmann aus einer andern Stadt, oder ein Fremder und ohne Kenntnis [der Schulden dieses Betreffenden] überlässt er ihm Ware, aber [der Schuldner] gibt dem Kaufmann das Geld nicht zurück, und die ersten Gläubiger hindern ihn [den Schuldner] ihm [dem Kaufmann] das Geld zurückzugeben, so führt man ihn auf den Marktplatz, verkauft ihn und gibt zuerst dem [fremden] Kaufmann sein Geld, aber seine Hausgenossen [die Mitbürger, die Einheimischen] teilen sich in das Geld, das übrig bleibt. Handelt es sich dagegen um Geld vom Fürsten, so nimmt man das fürstliche Geld zuerst, und das übrige (kommt) zur Verteilung. Wenn einer viel (mal) Zinsen genommen hatte, der soll nichts erhalten (G.).

Комментарии

Карамзин дал такое изложение ст. 55: „Если кто многим должен, а купец иностранный не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением, и первыми вырученными деньгами удовольствовать иностранца или казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами; но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег“ (II, с. 33).

Каченовский, приведя ряд случаев, свидетельствующих, по его мнению, „о неуважении к гостям в древней Руси“, продолжал о Русской

Правде: „По смыслу ст. 55, несостоятельный должник продается, и ценою его удовлетворяется сперва гость, а потом уже домашние заимодавцы, по скольку кому достанется; сумма, принадлежащая князю, тоже взыскивается прежде“. Этот противоречащий его рассуждениям о гостях смысл ст. 55 является для него еще одним доводом против достоверности Р. Пр. (Уч. зап., 1835, сент., с. 366).

Станиславский в привилегиях, предоставляемых гостям, видел проявление „чувства похвальной гордости в соединении с правилами гостеприимства и желание показать чужеземцам, что они ни в коем случае не должны бояться за целость своего имущества“. Несостоятельные должники, по мнению Станиславского, продаются на торгу в рабство (с. 213).

Чичерин отмечал, что „то же самое правило постановлено и в договоре Новгорода с готландцами в начале XIII в.: несостоятельный должник отдается в рабство иностранцу со всем семейством; гость может увести его с собою из Новгорода, если никто не согласится выкупить его на торгу, заплатив за него долг. Это самая жестокая форма уплаты; должник рассматривается как вещь, которой цена должна удовлетворить заимодавца“ (с. 147).

Загоровский указывал, что Правде уже известны привилегированные требования: при конкурсе куны князя, иногороднего гостя и „чужеземца“ взыскиваются прежде кун домашних кредиторов. За покрытием привилегированных долгов, остаток распределяется между кредиторами, не пользовавшимися специальными правами. „Каково было это распределение — только pro rata, или же наблюдалось сверх того и старшинство по времени, — положительно неизвестно“. Загоровский думал, что имел силу первый порядок. Устраняются от дележа только те, которые уже много имали реза. Загоровский полагал, что по Р. Пр. за долг заемщика прежде всего отвечает „лице его“. Эти личные меры взысканий состояли в том, что несостоятельный должник поступал в распоряжение кредитора, который мог употреблять против должника разного рода физические насилия и даже продать его. Несмотря на отсутствие прямых указаний в Правде, Загоровский считал насилие необходимым элементом воздействия. Он даже предполагал существование в древней Руси долговых тюрем. При жизни должника, по мнению Загоровского, семья не несла ответственности за долги ее члена, после смерти должника наследники должны были удовлетворить кредитора. Уплатой долга обязательство прекращалось (Очерк займа, с. 48—49).

Владимирский-Буданов отметил, что „гость из иного города сравнен здесь с чужеземцем: очевидно, что город с его округом (в котором могли быть и другие города — пригороды) считается пределом действия как уголовного права (ст. 35), так и гражданского. Следовательно,

город и его округ составляют государство в юридическом смысле". Конкурс начинается в том случае, „если прежние кредиторы — своеземцы, сограждане должника, начнут препятствовать чужеземцу взыскивать свой долг", — тогда полагается „вести должника на торг и продать его; из вырученных денег уплатить прежде долг гостя, а потом остатки поделить между домашними (той же земли) кредиторами. Но долг князю взыскивается прежде всего; кредитор, бравший большие проценты, не пользуется долею имущества, вырученного от продажи несостоятельного должника" (Хр., I, прим. 96).

Ключевский: „при конкурсе предпочтение отдается гостям, кредиторам иногородным и иноземным, или казне, если за несостоятельным купцом окажутся «княжи куны»: они получают деньги из конкурсной массы полным рублем, и остаток делится между «домашними» кредиторами" (I, с. 301).

Пресняков видел в ст. 10 Кр. Пр. и 48 и 55 Пр. Пр. проявление уставной деятельности князей, создающей „определение прав лиц, не входящих в состав обычно-правовых народных союзов, иноземцев и иностранных, приезжих купцов и т. п., беря их под особую княжую защиту, либо создавая особые условия, облегчающие применение к ним общих норм права" (Княжое право, с. 219, прим. 1).

Удинцев находил, что древнее русское право не знало продажи в рабство за долги. Всегда, когда говорится о продаже, разумеется продажа имущества (с. 133—142).

По Гетцу несостоятельность должника приводит к установлению конкурса, на котором в первую очередь удовлетворяется претензия гостя. По мнению Гетца, неплатежеспособный должник выводится кредиторами на рынок и продается, вырученная сумма поступает в конкурсную массу. В подтверждение того, что неплатежеспособный должник продается, Гетц ссылался на известия Масуди и других мусульманских авторов, которые говорят, что в случае банкротства купца, ведущего торговые операции с иностранцем, для удовлетворения претензии последнего продается жена должника, его дети, домашние (за детьми) и он сам (II, с. 343; III, с. 256—263).

Мрочек-Дроздовский под гостем ст. 55 понимал иногороднего или чужеземного купца, а также местного купца, занимающегося отъезжим торгом (Чтения, 1917, кн. III, с. 37).

Закупы

Комментарии[1]

Болтин: „Закупный человек есть то, что после разумели под названием кабального холопа, сиречь по кабале или записи служащего... [закупные люди] тем только разнствовали от полных и докладных (как по Судебнику и Уложению они называются), сиречь крепостных холопей, что таковых ни продать, ни в приданые отдать, ниже по духовной в наследие детям своим оставить было не можно, понеже они или по протечении урочного времени, которое они служить обязались, или по смерти господина, возвращали свою прежнюю свободу... Называть мы будем закупня... наймитом, как... в статье 5 [А, 61] сие слово вместо закупень поставлено, следственно то и другое имело тогда одинакое значение".

Карамзин: „Слуга шел в неволю временную: он ими [деньгами] как бы сковывал себя" (II, прим. 92).

Рейц: „Служба по условию была вроде неволи, хотя неполной. Нанятый работник («закуп», купленный) [der Gemietete Knecht] обязывался нести известную службу по условию... Законы ничего не говорят о прекращении обязанности служить по найму... Не заключалось ли таковое условие на всю жизнь? Позднее мы видим нечто подобное, службу кабальную". „Правда XIII ст.... упоминает о людях, купленных для обрабатывания земли (ролейный закуп)" (с. 194, 196, 145).

Мацейовский, исходя из ст. 13 („в сельском тивуне в княжи или в ратайнем") и терминов „закуп", „наймит" ст. 61, различал ратаев, сидевших на княжеской земле, и закупов — на частной, понимая под последними — сговоренных на время, купленных наемников (II, § 106, с. 133).

Калачов: „К договору найма (locatio, conductio) относятся статьи о закупе. Под именем закупа или наймита разумеется свободный человек, поступивший за определенную плату в услужение или для работы

---

[1] К ст. 56—64 („Уставу о закупах") в целом. Постатейные комментарии см. 482 сл.

к другому свободному же человеку. Особенность этого договора по Р. Пр. заключается в том, что обыкновенно плата выдается закупу его хозяином или господином вперед в виде займа, который наймит выплачивает своей работой или службой. Но для того, чтобы хозяин не употреблял во зло своего права на закупа, а с другой стороны для того, чтобы сам не терпел убытка от нерадения или вины со стороны последнего, они связаны как в отношениях между собою, так и к посторонним лицам некоторыми определенными обязанностями [„со стороны хозяина" и „со стороны закупа"]" (с. 141).

Соловьев: „Закупнем или наймитом назывался работник, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую, как видно, он получал вперед...". „Наймит получал полную свободу без обязанности выплатить господину взятое вперед", „если бы господин вздумал продать наймита как обель..." (I, с. 229).

Мейер: „На основании дошедших до нас памятников можно думать, что древнейший залог — залог самого себя: о нем упоминается уже в Правде детей Ярославовых, в которой, по моему мнению, под закупом должно понимать заложившегося человека, службою рассчитывающегося с верителем... Соображение всех мест Правды и др. актов, касающихся закупа, заставляет ограничить временное холопство закупа одним источником — залогом. Из ст. 73 Правды [А, 59—62] видно, что закуп — должник господина, которому служит, но нигде не сказано, что бывают и закупы — не должники. Действительно, закуп противополагается обелу, но из этого не следует, что всякий временный холоп есть закуп, а следует только, что закуп не вполне свободный человек. В ст. 73 [А, 61] закуп назван наймитом, но это ничего не доказывает против значения заложника, ибо тут же предполагается, что наймит должен своему хозяину... Закуп может быть назван наймитом потому, что он следующею ему за службу платою очищает лежащий на нем и обеспеченный его лицом долг. В позднейших актах имя закупа заменяется названием: «закладчик», но еще в челобитной торговых людей, представленной Алексею Михайловичу в 1646 г. по поводу причиненных им иноземцами притеснений, упоминается о «закупнях», русских людях, которых иноземцам держать не велено, и полагаю, что закупень означает здесь закладчика [АЭ, IV, 13; СГГр и Д., III, 49). Закуп относится также к землям с несомненным значением залога" [АЮ, 13, 1508 г.: „ми тех земель не осваивати, ни продати, ни менити, ни в закуп не дати"; 417, духовная 1518 г.: „земли своей ни продать, ни променить, ни в закупи не поставити, ни в приданные не дати, ни по душе не дать"; впрочем, в примечании 23, с. 52, Мейер цитирует ДАИ, II, № 56, где, по его мнению, „закуп отличается от залога": «и та ныне вотчина... и ни у кого в закупе и в закладе нет»]. Самоотчуждение, приписываемое закупу определениями Правды,

проявляется и в позднейших свидетельствах источников о закладнях закладниках, закладчиках [Новг. догов., СГГр. и Д., l, 1, 3, 6, 8, 10; АЭ, I, 91]". „Купцы и смерды, поступавшие в число их [закладников], обеспечивая собою займы, подчинялись власти верителей и подлежали их распоряжениям". „Условие о непринимании закладников, помещавшееся в договорах и духовных грамотах князей, сменилось запрещением для тяглых людей вступать в закладники: оно еще яснее показывает, что заклад самого себя есть самоотчуждение... Источники не содержат никаких свидетельств об оставлении звания закладчика вследствие выкупа. Можно даже предположить с некоторою вероятностью, что закладывались по займам безденежным для приобретения... покровительства сильного человека" (с. 7—9).

Неволин: „В Правде говорится о найме для постоянных служб и работ... Наемник в Р. Пр. называется наймитом, преимущественно же закупом. Уже это название показывает, что существо договора личного найма по Р. Пр. состояло в том, что свободный человек запродавал себя другому во временное холопство, что, следовательно, наемная плата, вся или часть ее, выдавалась закупу хозяином вперед в виде займа, который закуп выплачивал своей работой или службою. Договор заключался, без сомнения, словесно, но, может быть, в присутствии свидетелей. Обязанности закупа... вообще исполнять то, для чего он нанялся... Обязанности господина... исправно платить или зачитать в уплату долга следующую ему плату". „Залог назывался закупом [ДАИ, II, 136, 1639 г.], почему в особенности и человек, взявший в заем деньги у другого под залог своей свободы, назывался в древние времена закупом... имение закупное означало имение, взятое в залог (Лит. Ст., р. 2, ст. 2)" (V, с. 189; III, с. 339, прим. 124).

Лешков: „Ближайший к состоянию рабов класс русского населения составляли закупы, которых два рода насчитывает Р. Правда, упоминающая отдельно: 1) о закупе-наймите, закупном человеке, вероятно, слуге домашнем, и 2) о закупе ролейном, предполагается, работавшем в поле. Впрочем в том и другом положении закуп, по закону, находится к господину только в отношении наемника, не более... Можно сказать, что отношения между господами и их закупами основаны в Р. Пр. на начале найма, на договоре взаимном и равном [примеч.: „то же значение имели закупы по старому Лит. Статуту, см. разд. XI, ст. 7, 8"]... Чем же отличался закуп от свободного работника и почему составлял он отдельный род и класс населения? Тем, что он — закуп, наперед забрал деньги и заживал их работою; тогда как вольнонаемный получал плату после заслуги и работы" (Временник, с. 32—33; Р. народ, с. 155—156).

Чичерин: „Рядом с рабством является в Р. Пр. другое зависимое состояние: это состояние закупа. Закупом назывался человек, который за долг отдавался в работу до уплаты... Он называется также наймитом, и действительно это был род личного найма, но с присоединением к этому заемного обязательства (купы). Поэтому такое состояние скорее можно назвать личным закладом, на что указывает и слово: закуп, тождественное с закладом. Впоследствии самое это слово исчезает, и вместо него является название закладня, которое в свою очередь превращается, наконец, в название кабального холопа. Впрочем, и договор найма близко подходил к этому, ибо наемный работник часто получал от хозяина ссуду, которую обязан был возвратить, когда отходил от него. В то время ничего не могло быть естественнее, как такой личный заклад... трудно было найти другое обеспечение для заимодавца... Зависимость была только временная, и он должен был сохранить возможность освободиться от нее уплатою долга... Законные ограничения были слишком недостаточны для обеспечения его свободы. Ими не определялось ни время, которое он должен употребить на господскую работу, ни цена трудов его, ни проценты долга... Бегством он [закуп] как бы разрушал заемное обязательство, и через то заклад поступал в полную собственность заимодавца. Переход в рабство был следственно чрезвычайно легок, ибо закупничество составляло нечто среднее между свободою и холопством" (с. 154—156).

Ланге: „Закупы... свободные люди, бывшие во временном рабстве... были двух разрядов: 1) нанимавшиеся в услуги к князьям, боярам и монастырям для отработки занятых у них денег и вещей; 2) проданные тем же лицам и установлениям на торгу за долги [ст. 55]. Нельзя думать, чтобы должник, свободный человек, продавался прямо в холопство, но без сомнения в закупы, тем более, что в Правде постановления о закупах следуют за статьею о продаже за долги... Так как закупы были только во временном рабстве, то оно оканчивалось как скоро они, находясь в услугах, своим трудом пополняли лежавший на них долг. Впрочем, Правда не указывает на основания, по которым производилась оценка труда... Разумеется, она определялась вообще существовавшей в то время платой за работу". Зато в Литовском Статуте (на близость которого к Р. Пр. Ланге не раз указывал) „сказано, что закупу, получавшему присевок для прожитка, зачитывалось за год работы 12 грошей, а неполучавшему — полкопы грошей (т. е. 30 грошей)" (с. 62—63 и 181).

И. Беляев: „Русская Правда, признавая всех черных людей за один класс общества, без различия — сидели ли они на своих или на общинных землях или на землях частных владельцев, естественно, должна была обратить особенное внимание на последних, чтобы землевладельцы

не присвоили их себе и не исключили из членов общества, не лишили их личности... Р. Пр. посвятила им под именем закупов шесть статей [А, 56—64]... В Р. Пр. закупы ролейные, пахатные, т. е. те, которые впоследствии получили название крестьян, не ясно отличены от закупов неролейных, называвшихся после кабальными холопами, и, кажется, в самой жизни русского общества, в XII в., еще не было строгого различия между сими двумя разрядами закупов, ибо ролейные и неролейные закупы получали от господ деньги, за которые обязывались работать на господина, и даже назывались просто наймитами и, кажется, отличались от простых наемных работников только тем, что брали деньги наперед, как бы взаймы, тогда как наемные работники получали плату по окончании работы. Тем не менее, хотя еще не строгое, но уже существовало различие между закупом ролейным и неролейным, иначе не было бы различия и в названиях. Русская Правда представляет только в зародыше, впоследствии далеко разошедшиеся два разряда закупов — крестьян и кабальных людей, т. е. свободных членов русского общества, по собственной воле шедших в работу к другим членам общества, и тем самым вступавших в разряд полусвободных людей. Главное различие между ролейным закупом [и неролейным? — *Б. Р.*]... кажется состояло в том, что ролейные закупы садились на чужой земле и обрабатывали ее частью на господина, частью на себя; закупы же неролейные работали при доме господина, находились при личных услугах, как должники, получившие наперед деньги под залог личной свободы. В этом, по крайней мере впоследствии, состояло главное различие сих двух разрядов закупства". „Ролейные закупы или крестьяне, живущие на чужих землях, являлись первоначально чем-то вроде наймитов... но как плата, получавшаяся ими за наем, состояла в пользовании участками господской земли, на которых они, при помощи землевладельца, могли иметь хозяйство, — то мало-помалу, при характере наймитов, ролейные закупы получили свои особые черты, которые резко отличали их от простых наемных работников или батраков... Во время же Р. Правды это отличие было неясно, и ролейные закупы близко подходили к наймитам... даже не было определено сроков, когда ролейные закупы могли оставлять своего владельца и переходить к другим" (Кр. на Руси, с. 11, 12, 20).

Н. Дювернуа: „Русск. Правда знакомит нас с... правом залога... лишь в специальном виде закупничества... Мы отдаем предпочтение конструкции этого института у Неволина и Чичерина перед той, которую предлагал... Калачов. Одного понятия locatio conductio мало для того, чтобы определить закупничество. Это не просто наем, а сверх того и заем, обеспеченный свободой должника. Это институт, возникший под непосредственным влиянием народного обычая. В Псковской Судной

грамоте мы найдем нечто соответствующее закупу ролейному в тамошних изорниках. Там будет видна и особая форма разбирательства между господином и изорником: господин ищет своей покруты в заклич, перед людьми, договор совершается публично, мера платы определяется общей мерой заработной платы в известном месте. Если в вольном Пскове долго держались эти первоначальные формы установления и разбора сделок между господином и изорником, то еще более основания думать, что они были таковыми в рассматриваемую эпоху [Р. Пр.]. Сильный шаг вперед, который делает Псковская пошлина в определении юридических отношений изорника к господину, заключается... в том, что средством обеспечения требований служит не свобода изорника, а его имущество. Итак, закладное право Р. Правды видно едва в своих первых проблесках". „Ролейный закуп сидел на земле частного собственника; его отношения к землевладельцу были в настоящем смысле отношениями лица к лицу, основанными на частном праве, не определенными ничем, кроме личного интереса. Что же это было? Это была полусвобода, с которой один шаг низводил в рабство... Вот что значило сидеть на земле частного землевладельца. Если на западе довольно было подышать один год чужим воздухом, чтобы стать крепостным того землевладельца, который считал воздух своим (Luft macht eigen), то у нас, хотя и не было изобилия юридических миазмов, — однако, тоже достаточно сделать лишний шаг за околицу, чтобы оттуда воротиться холопом, достаточно совершить воровство... Закуп оттого только, что он закуп, не может пойти в свидетели всюду, куда пойдет свободный. Такова сила частного права!" (с. 113, 128—129).

Хлебников для объяснения закупничества выдвигал положение, что „XII век был тем веком, когда страсть к заселению пустых пространств и вообще к распространению земледельческой культуры была общей"; проявление этой „страсти" Хлебников иллюстрировал „заботливостью дружины об успехах жатвы" (Лавр., под 1103 г.), указывающей на то, „как стали ценить земледелие те лица, которые еще недавно думали только о походах и битвах", хотя, „конечно, переход массы народа в колонистов на землю бояр начался ранее времен Владимира [Мономаха]": „опустошительные набеги половцев, а также бесконечные усобицы собственных князей не могли не повлечь за собою страшного обеднения большинства населения, которое, не будучи в состоянии завести собственное хозяйство, поневоле стремилось на земли богатых людей", а те „стремились превратить их в настоящих рабов". „В это время Владимир [Мономах], по настоятельному требованию озлобленных киевлян... взял на себя кормило правления", и „самым серьезным делом" его „было — определить отношения землевладельцев к тем свободным людям, которые, не имея имущества, занимали деньги под обеспечение

собственной особы. Самое слово закуп, употребляемое в отношении к этим людям, указывает, что они были уже полупроданы. Трудность закона заключалась в том, чтобы... обе стороны, т. е. землевладелец и закуп были по возможности удовлетворены". В результате — „закон... восставал всею силою своею против злоупотребления землевладельцем [продажа в рабство] в отношении несчастного, но свободного человека", но и „не возвышался до того, чтобы не допускать никаких патриархальных [„бьет про дело"] отношений между закупом и хозяином". — Особняком и мимоходом у Хлебникова, однако, была брошена мысль, что лица, „которые через закупничество переходят в крепость, влекут за собою и земли", и он был „склонен думать, что самое количество свободных земель, как и свободных людей в эту эпоху постоянно уменьшалось" (с. 239—243 и 281). — Ср. ниже: Рубинштейн и Романов.

Ведров: „Положение смерда по Правде хуже, нежели даже положение ролейного закупа... Судя по статьям о закупе... в случае убийства его, вероятно, действовало правило: «якоже в свободнем платеж». Закуп — это „земледелец, не обладающий собственным участком и нанимающийся работать за известную плату на землях частных землевладельцев. Часть платы при этом выдавалась на руки закупу вперед, и закуп находился вследствие этого в известной зависимости от своего господина и как бы состоял его должником... Закон старается оградить личность закупа от личных оскорблений [А, 62]. Это постановление ставит, по крайней мере de jure, закупа выше смерда, которого могли бить по «княжу слову» сколько угодно без всякой ответственности" (с. 67 сл.).

Владимирский-Буданов: „Обильным источником холопства служил первоначально договор займа, который впрочем вел к нему не прямо, а косвенными путями и особенно своим неисполнением. Заем в древнее время обыкновенно обеспечивался личным закладом (т. е. закладом личности должника кредитору). Таким образом и устанавливалось временное холопство, именуемое в земский период закупничеством, а в Московском государстве — служилою кабалою. Закупничество продолжалось до отработки долга с процентами или до уплаты его, а служилая кабала — до смерти или холопа или его господина... Права господина на закупа или служилого холопа отличались от прав на полного холопа; они состояли в праве владения и в праве пользования им наравне с полным, но без права распоряжения, имеющего место в полном рабстве" (Обзор, с. 406 — 407). — „Закуп — человек, взявший в долг деньги и отрабатывающий их личным трудом, или нанявший имущество — участок земли и взявший деньги на обзаведение: след. закупничество не есть только личный заклад (должника кредитору), а есть результат соединения договора займа с договором личного найма и найма имущества" (Хр., I, прим. 97). — „Наем движимого имущества, по Р. Пр., не вызвал

никаких законодательных определений. Но из условий найма недвижимых вещей возникали сложные отношения закупничества ролейного или крестьянской аренды участка земли, с чем обыкновенно соединялась отдача в пользование крестьянину разных движимых вещей (коня, плуга, бороны). Благодаря последнему обстоятельству, ролейное закупничество соединялось с наймом в личное услужение [А, 57—62] и вело к временному ограничению личной свободы". — „Прикрепление [смердов] могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрепление есть ролейное закупничество... которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу..." (Обзор с. 626 и 35).

Ключевский: „Церковное землевладельческое хозяйство строилось на двух основаниях, одинаково непривычных для светских землевладельцев: на условной зависимости рабочих от землевладельца по уговору, соединенной с обязательной работой зависимого лица на владельца, но не переходившей в холопство, и на замене наемной платы и дворового содержания работника усадебным и полевым наделом [Яковлев. Пам. русск. лит., с. 137—139]. Благодаря такому хозяйственному порядку, из бывших холопов и других рабочих, переходивших в ведомство церкви, образовался новый класс в составе сельского земледельческого населения — класс временно или бессрочно обязанных оброчников на частной владельческой земле с земельными наделами... Ни право, ни нравственное учение церкви не позволяли ее учреждениям становиться к своим чернорабочим слугам в отношение господ к холопам... Для светских землевладельцев не существовало юридической необходимости, которой были связаны церковные; но они разделяли хозяйственные расчеты, которые побуждали церковных землевладельцев заводить новый порядок эксплоатации своих вотчин. Впрочем, переход к новому хозяйственному порядку в вотчинах светских владельцев, повидимому, начался не прямо переводом сельского дворового холопа на особый участок, а раздачей участков свободным поселенцам-крестьянам на условиях зависимости, близкой к холопству. Р. Пр., хорошо знавшая таких крестьян, еще ничего не говорит о холопах, наделенных земельными участками... Р. Пр., не зная или игнорируя пахотных холопов, обращает заботливое внимание на владельческих крестьян... под двояким названием наймитов и ролейных закупов... Рабовладельческое право оставило на закупе резкие следы попытки превратить его в холопа... Но Р. Пр. заметно становится на сторону закупа и старается защитить его свободу от рабовладельческих посягательств: согласно с византийским законодательством и, может быть, под его влиянием, она запрещала продавать и закладывать закупа и признавала за ним право собственности на свою отарицу... притом, закуп всегда мог... уйти от хозяина, расплатившись с ним. В удельное время, и именно в верхне-волжской Руси, закуп

сделал новое юридическое приобретение: даже за уход с владельческой земли без уплаты ссуды крестьянин не обращался в холопство. Очевидно, состояние закупа стало возможно только после перемен, введенных духовенством в русское рабовладельческое право и выделивших из полного холопства закладничество, как особый вид условной зависимости" (Опыты, I, «Подушная подать», с. 372—375: ср. с 393: закон 1624 г. „наглядно обозначает юридическое расстояние, на какое задворный холоп обогнал своих юридических и экономических предков, холопов и закупов времен Р. Правды"). — „Можно возбуждать вопрос о точности, с какою Правда воспроизводила юридические отношения... но, держась прямого смысла ее статей, нельзя доказать ни того, что она различала холопство полное и неполное, ни того, что долговая зависимость закупа разрывала его непосредственные отношения к государству. Можно сказать и больше того: сохранившиеся памятники позволяют с некоторой точностью определить, когда завязалось на Руси и как развивалось кабальное холопство. В актах удельного времени... до конца XV в. нет и намека на этот институт... В Судебнике 1497 г. нет и намека на кабальное холопство: он знает только холопство полное... Напротив, с 1526 г. редкая духовная не упоминает рядом с полными людьми и о кабальных людях... [В духовной 1472 г., АЮ, № 410, упоминается] „о некоем Войдане, который находился в зависимости особого рода от Белеутова [завещателя]: этот Войдан с семьей, пишет завещатель, «отслужат свой урок моей жене и моим детям 10 лет да пойдут прочь, рубль заслужат, а рубль дадут моей жене и моим детям, а не отслужат своего урока, ино дадут оба рубля». Сколько можно понять это распоряжение, Войдан занял у Белеутова 2 рубля, уговорившись за 1 рубль служить урочные лета хозяину и, в случае его смерти, его наследникам, а по истечении срока отойти на волю, заплатив другой рубль. Это, очевидно... временная и условная зависимость, основанная на долговом обязательстве; завещание не дает права даже считать ее холопством. По своей юридической физиономии Войдан — закуп Р. Правды. В удельное время такие закупы назывались закладнями или закладниками" (Опыты, I, «Происхождение крепостного права», с. 225—228). — „Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающие... Холоп-земледелец, страдник... служил проводником этой идеи от хозяина на землю... Так возникла древне-русская боярская вотчина... Вследствие того, что в XI и XII вв. раба стали сажать на землю, он поднялся в цене... Рабовладельческие понятия и привычки древне-русских землевладельцев стали потом переноситься и на отношения последних к вольным рабочим, крестьянам [ролейным закупам]... Под влиянием такого взгляда в старинных памятниках юридического характера наймит вопреки закону прямо зовется челядином... [имеется в виду, повидимому, „Правосудие Митрополичье"; ср. ниже:

Аргунов, Греков]. Строгость, с какою древнерусский закон преследовал ролейного закупа за побег... свидетельствует... и о нужде землевладельцев в рабочих руках, и о стремлении наемных рабочих, закупов, выйти из своего тяжелого юридического положения..." (I, с. 337—338).

Сергеевич: „Недожившее до наших дней и не совсем понятное нам слово «закуп» объяснено в Р. Пр. совершенно понятным выражением «наймит»... Закуп, следовательно, есть наемный человек, наемный работник. Но почему он называется закупом и что значит это слово? В старину слово купить означало и наем. А потому, кто хотел сказать, что он не нанял, а приобрел вещь в собственность, тот не ограничивался выражением «я купил», а прибавлял «купил в прок», «в дернь», «в век» и пр. Крестьяне Лужского уезда и теперь нанятые луга называют купленными, а глагол «покупать, куплять» употребляют в значении найма. Также кубанские казаки говорят: «купил землю на три года», и «на вечно землю купить нельзя». Под куплей они тоже разумеют — наем, сдачу земли в аренду. Закуп и закупный человек [Кар. сп., А, 56] обозначает следовательно наемного человека в противоположность собственному, обельному холопу". Приведенная Неволиным для доказательства, что слово закуп означает залог или заклад, цитата: „и та ныне вотчина очищена вся... и ни у кого не в закупе, и в закладе нет" (ДАИ, II, с. 136), вызвавшая сомнение еще у Мейера, обращена была Сергеевичем против теории закупничества-закладничества: „здесь слово закуп противопоставлено закладу и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тот же заклад". „Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед; то же делалось и в старину... Закупа Р. Пр. нет основания приравнивать к кабальному холопу. Кабальный холоп служил за проценты с занятого капитала; закуп же служит за наемную плату и погашает свой долг, если берет плату вперед, работой [А, 57]... Кто получил плату (цену) вперед, тот не делается рабом, а должен или отходить свое время или возвратить милость [А, 111]. Условие, в силу которого выданная цена погашается [в ст. 111] годовой работой, показывает, что здесь речь идет не о займе, так как не всякий же заем может погашаться годовой работой, а о вперед данной плате наймиту, которая соответствует ценности годовой работы, а потому и погашается ею... [Закупы] это бедные люди, которые ни плуга, ни бороны не имеют. Весь рабочий припас получают они от нанимателя, живут в его дворе, пасут его скот и исполняют всякие его поручения... Такие наемники, если берутся для пашенных работ, носят наименование ролейных закупов... Закуп есть тот же смерд, но бедный, не имеющий возможности жить своим хозяйством, а потому и поступающий в качестве наемника в чужой двор. Он не самостоятельный хозяин, а слуга другого человека. Это уже переходное состояние к обельному холопству. Таких свободных слуг в старину звали добро-

вольными холопами... При этих условиях, конечно, и сложилась известная и нам поговорка: «нанялся — продался»... Слово закуп действительно выходит из употребления, но личный наем остается и доживает до наших дней. О наймитах говорит Псковская Судная грамота и в выражениях, которые дают возможность несколько сблизить их с наймитами Р. Правды. Грамота называет их «дворными», и во времена Р. Пр. они живут во дворе нанимателя; срок найма тоже годовой (ст. 40)... Договор личного найма известен и московским памятникам. Об нем говорит Уложение [XX, 104, 105, 116, 44, 45]... Уложение ничего не говорит о праве нанимателя наказывать работника"; Сергеевич указывал, однако, что в „своеобразной жилой записи" 1688 г. (АЮБ, № 127, XV) нанимающийся предоставляет господину „смирять себя по его хозяйскому рассмотрению". „Надо полагать, что это право «смирять» было весьма обыкновенным правом нанимателя по отношению к наймиту и стоит в преемственной связи с допускаемым Р. Правдой наказанием закупа «за дело»" (Др., I, с. 191, 192, 193, 195, 199—201).

Дебольский, развивая высказанное Сергеевичем положение о „доживании до наших дней" личного найма эпохи закупничества, писал: „С современной юридической точки зрения, понятно, нет ничего общего между холопством и личным наймом. Но история показывает иное, и отражение былого правовоззрения до сих пор замечается на нашей действительности, входит даже в наши кодексы и гласит устами юристов, вряд ли подозревающих, что они являются глашатаями переживающего юридического явления — отожествления рабства и личного найма. По недавно упраздненному прусскому Landrecht'у [R. II, tit. 5, ст. 185, „равно как по действующим Остзейским законам, III, ст. 4200, 4203 и 4025"] наниматель имел право подвергать прислугу телесному наказанию. По новому германскому Уложению [Bürg. Ges. Buch, ст. 615—630] нарушение договора личного найма, без уважительных причин, невозможно, и убытки не оцениваются денежным эквивалентом, а влекут полицейское исполнение. По действующему русскому праву лица, находящиеся в личном услужении, не могут быть присяжными заседателями, ограничены в праве быть свидетелями [Учр. суд. уст., ст. 86; Уст. гражд. суд., ст. 417, п. 1]... Но особенно поразителен, по своей близости к постановлениям Р. Правды о «закупах», новый закон о найме на фабричные работы, вполне обращающий договор личного найма во временное холопство [Собр. узак. и распор. 1901 г., ст. 1247]. Думаем, что и основания новых законодательных памятников не иные чем в древней Руси ... одним из главнейших факторов в деле ограничений правовой личности наемного работника служило экономическое положение... В эпоху Р. Правды, когда еще сильны были союзные связи, можно полагать, что в личное услужение не шли люди, обладающие этими

связями... Эти лица были такими же изгоями в правовой жизни, как и те 4 вида, которые перечислялись Всеволодом в известной грамоте... Ввиду сказанного мы не можем удивляться, что древность наша придавала договору личного найма некоторые черты рабства". При определении юридической природы закупничества Дебольский принял выставленную Сергеевичем концепцию личного найма и высказался против раздвоения вопроса, находимого им у Владимирского-Буданова: „[1] был ли обыкновенный закуп неполным (позднее добровольным) холопом или нет, и [2] был ли ролейный закуп крестьянином, жившим на владельческой земле". „Одно противоречит другому. Или закуп — работник, наймит, неполный (по выражению Владимирского-Буданова) холоп, или он арендатор... Если бы ролейные закупы действительно были арендаторами, то наши памятники, как летописи, жития святых и т. п., упоминали бы о них, т. к. они неоднократно говорят о земледельцах. Но там мы имеем в этом значении лишь известные наименования: смерд, изорник, позднее крестьянин. Закуп нам известен из одной лишь Русск. Правды. Следовательно, это явление... было вряд ли очень распространено, а в земледельческой стране вряд ли бы памятники молчали о земледельцах... Крестьяне, даже в позднее время, после их прикрепления, не знали тех ограничений, какие касались закупов" (с. 84 сл.).

Владимирский-Буданов ответил Сергеевичу и Дебольскому указанием на то, что „слово «закуп» дожило до довольно поздних времен в западно-русском языке": в 1539 г. в Гродненском суде истец жаловался на Понарчица и его жену, „что они запродали зятя своего и жену его в рубле грошей пану Внучку, который продержал запроданного 1 год и выпустил ему «выпусту» из занятого рубля 20 грошей; а потом пан перевел того закупа «жиду» [истцу] за 70 грошей, у истца он служил 1 год и получил «выпусту» 26 грошей; затем ушел прочь и остальных 54 грошей не возвратил. Судья присудил уплатить истцу 54 гр." (факт приведен был у Владимирского-Буданова в „Очерках по истории зап.-русск. права", II, с. 30—31). „Это не наемный слуга, ибо здесь не сроком работы определяется сумма денег, а суммою денег — срок работы (перезалог закупа, запрещенный Р. Правдой, здесь допускается)". „О ролейном закупничестве Русск. Правда говорит, как об особом виде закупничества. Ролейный закуп получает от господина ссуду (иначе он не был бы закупом), орудия обработки земли... он должен возвратить (или отслужить) хозяину за ссуду и подмогу. Но он не дворовый слуга, барщина не превращает крестьянина в дворового слугу" (Обзор, с. 36, прим.).

Не принял юридической концепции закупничества Сергеевича и Рожков. Допуская „даже", что термин наймит не переводный (μισθωτός), а оригинальный, Рожков самое большее считал возможным сделать из этого только тот вывод, что „в Киевский период русской

истории наем сливался иногда с другими гражданскими сделками, плохо от них различался". Второй аргумент Сергеевича (значение слова „купить") Рожков считал „совершенно не выдерживающим критики: в той же Р. Правде слово «купить» употребляется всегда в обычном смысле, в том же, как и теперь, а вовсе не в значении «нанять»... Наконец, в-третьих, купа — вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупом, что подтверждается и словом «прикуп», означающим, м. пр., то, что человек «срезит», т. е. прибыль от роста, от дачи в долг" [А, 99] (Обзор, с. 58).

Возражения Владимирского-Буданова развил и обставил документально **Ясинский**, руководствуясь „мыслью о бесплодности всякой новой попытки пересмотреть вопрос о закупничестве, опираясь исключительно на соответственные статьи Р. Пр., т. е. на [„крайне скудный"] материал, который сам по себе, как показал опыт, не разрешает, а лишь обусловливает коренные разногласия... и принуждает... прибегать ко всякого рода гипотезам и гадательным толкованиям". Отметив лишь „недоумение" по поводу того, „почему во всех... статьях Р. Правды, посвященных непосредственно закупам... слово закуп заменяется словом наймит лишь один только раз [А, 61], точно случайно" (а „в 14 списках Р. Пр... такой замены нет, и вместо наймит стоит закуп"), Ясинский отводил ссылку Сергеевича на значение „купить — нанять" и собрал преимущественно литовско-русский материал XVI в., разъясняющий не только „слово закуп", но и юридическое существо сделки на землю и людей, скрывавшейся за этим понятием. Но и для восточно-русского словоупотребления Ясинскому принадлежит восстановление полностью цитаты завещания 1518 г. (АЮ, № 417), приведенной у Мейера в укороченном виде: „земли своей ни продать, ни променить, ни в закупи не поставити, ни в приданые не дать, ни по душе не дати, **ни в наймы не дати**...". В аналогичных документах, не сохранивших подчеркнутых слов и приведенных Павловым-Сильванским (Ж.М.Н.Пр., 1895, янв.), Сергеевич не находил противопоказания, „почему это выражение [„в закуп дати"] не может означать права отдавать в наймы?": цитата в воспроизведении Ясинского снимала этот вопрос начисто. Однако „не восточная или московская Русь наиболее сохранила и развила древне-русские правовые нормы", а „западная или литовская", и „западно-русские юридич. акты и памятники законодательства свидетельствуют, что в XV—XVI вв. институт закупничества еще сохранился в Литовско-Русском государстве... обнимавшем... ту именно территорию, где сложилась и самая Р. Правда", и „уясняют сущность этого института". Акты Литовской Метрики, изд. Ф. И. Леонтовичем (№№ 222, 595, 666) и Акты Виленской комиссии (т. XVII, №№ 35, 90, 113, 294, 13, 987; т. XXII, № 634) в применении к земле позволили Ясинскому установить, что: 1) „глагол

«закупить» вполне тождествен с выражением «взять в заставу», т. е. в залог“, 2) „существительное «закуп» ... вполне соответствует «заставе», т. е. залогу, закладу“ и 3) „выражения «быть в пенязех», «держать в пенязех» означали то же, что и выражения «быть в закупе», «меть в закупех», «меть в заставе», т. е. быть, держать или иметь в залоге“. То же относительно земель и в Литовском Статуте 1529 г. (разд. XI, арт. 6; разд. X, арт. 8, 9, 11; разд. II, 3; разд. V, 6, 11; разд. X, 2, 5). Та же терминология применялась и к людям. Литовский Статут 1529 г. (разд. XI, арт. 6): „теж уставуем, естли бы который жид або татарин которого колве стану хрестьянина купил або закупил [лат. перев. „emerit aut pignori acceperit“, купил или взял в залог]: ... приказуем воеводам ... абы того ся доведывали и каждого хрестьянина ... з неволи вызволяли. А то тым обычаем: естлибы купил на вечность ... по семи летех мает на волю пущон быти. А естли бы жид або татарин (кого) закупил в пенезях [лат. перев.: „si vero fuerit impignoratus Christianus“, заложившийся человек], тогды уставуем таковым выпуску на каждый год ... полкопы грошей (и) до тых часов мает ему (тот) закуп служити, поки с тое сумы выробится ...“. Там же, разд. XI, арт. 8: „О выпускании пенезей закупным людем. Теж уставуем, естлибы хто закупа [вар. в закупы] закупил мужика або жонку, а с ним не вмовил, што мает (ему) присевати або пенезей выпустити, тогды мает также с пенезей отручоно быти (мужику) 15 грошей на лето, а жонце 10 грошей“. Или Литовск. Статут 1588 г., XII разд., арт. 11: „а закупным людем тым же обычаем з сумы пенежное выпуск быти мает, то есть тым волным, которые бы ся сами в чом запродали“. Собранные Ясинским данные из актов XVI в. дают троякого рода примеры закупничества: 1) самопродажи в закупы, 2) запродажи в закупы контрагентом подвластных своих (детей и слуг разного рода), 3) закупничества, в этом смысле неопределимого по документу происхождения, — причем в основе всех этих разновидностей лежал момент займа. Так: 1) муж жене в 1506 г. завещал „вечно и непорушно“ „всю челядь свою невольную купленую“, „а што в него заставлены были люди и земли ... то ей же отписал тым обычаем: естли кто ближних всхочет тое к своей руце мети, тот мает тые пенязи ей отдати, в чем мужу ее были тые люди и земли ... заставлены“, — что в королевской жалованной грамоте, подтвердившей завещание, было формулировано следующим образом: „а што ся тычет закупных людей и земель ... за то она мает пенязи взяти, если хто ближних всхотят тые пенязи отложити, а ... челядь невольную ... мает держати она вечно“ (Акты, изд. Леонтовичем, № 768); 2) на жалобу 1528 г.: „заставил есми ему дочку свою в копе грошей, ино я ему пенязей от 5 год даю, а он пенязей не берет, а дочки моей мне не ворочает“, — ответчик заявил: „продал он [истец] мне девку тую за неволную, а так я девку тую в неволю

продал обель, ак обель купил“ (Лит. Метр., кн. Судн. д., № 6, л. 26); 3) в 1537 г. истец „запродал был... ему [ответчику] дочку свою у 20 грошах“, и ответчик признал: „правда есть, иж тая... дочка его была у мене у закупех у 20 грошах“ (там же, № 9, л. 20 об.); 4) в 1539 г. некая „жонка“ Акулина жаловалась на витебского мещанина Васка Куровижа: „есми зостала виновата копою грошей ему и не мела есми чим платити и я в той копе грошей дала есми ему сынка своего... жебы ему служил за тую копу грошей до 25 лет, або до тых часов, поколя тую копу грошей ему заплатим; ино я тепер тую копу грошей за тое дитя свое ему отдаю, нижли он ее брати, а сына моего отпустити не хочет“, — ответчик же признал, что истица „тую детинку малого 5-ти лет... в той копе грошей... заставила до тых часов, поколя бы мне тыи пенези были заплачоны и прокорм, а еслиб тых пенезей мне не заплатила, тогда тая детинка мне служити (до) полтретьядцать год и за тую копу грошей и за прокорм“, между тем мальчик пробыл у ответчика 7 лет, и „службы жадное с него не было, только есми кормили яко детину малого, ино она копу грошей мне отдает, а прокорму платити не хочет (суд присудил заплатить ответчику 20 грошей за прокорм, в противном случае — „тот детина ещо 2 годы... за прокорм мает служити“ истцу); 5) в 1539 г. истец „заставил“ ответчику „двое челяди своей у полчетверты [3½] копы грошей и вжо есть тому лет 15“ и не знал, „в которую причину тая челядь моя так долго ему служит, а выробиться у него не может“, ответчик же объяснил, что „тая челядь первей ув Олтуха [третьего лица] была, потом он тую челядь мне обель вечно продал, а не запродал“ (Акты Виленск. ком., XVII, № 80); 6) в 1539 г. истец жаловался на господарского крестьянина: „позычил [занял] он у мене... 70 грошей, а потом у меня... 10 грошей позычил и в тых пенезех почал ми был сам служити, а потом ми сына своего в тых пенезех подал“, истец затем послал этого сына „з животиною“ и другим товаром „до Немец“, а тот по дороге „утек“; ответчик признал свой долг 80 грошей, но заявил, что истец „сына моего не мел до Прус посылати, только мел у него в дому служити и животину паствити“ (там же, № 311); 7) в 1540 г. одна мещанка жаловалась, что „Грин запродался мне, поспол за мужом моим, в 40 грошах, иж мел ми служити от Вербное недели прошлое сего року аж до того ж року до Вербное недели, а выпусту ему 24 гроши“, и „пошол прочь без ведома, року не дослуживши...“ (там же, № 376); 8) в 1540 г. истец жаловался „на закупа своего Андрейца и на сына его Юрца, штож дей они в мене в закупе у двух копах грошей, и, не заслуживши дей мне тых пенезей, отишли... прочь“; истцу дан был „виж“ для находки „того закупня“ „из сыном его“ (там же, № 564); 9) в 1540 г. истец жаловался на господарскую крестьянку, что „матка ее... заставила была ее [ему] у 80 грошей, ино

дей она не оддавши и не заслуживши мне тех пенезей... втикла", но ответчица объяснила „иж дей як я в него в заставе не была" (оказалась ошибка относительно личности ответчицы; там же, №877).—Из подобного рода документов Ясинский заключал, что человек „отдавший себя самого в заклад своему кредитору или отданный ему с тою же целью другим, имеющим на то соответствующую власть(... родительскую... господина), впредь до погашения долга своего работою (или в некоторых случаях впредь до возвращения его наличными деньгами)" —„и есть закуп или закупень, закупный человек (термин, известный и Р. Правде), заставный человек или... что одно и то же, человек в пенязех". Различие же между „закупами" и „наймитами" устанавливается текстом акта мены имениями, 1524 г. (Лит. Метр., кн. Записей, №12, л. 184—185), где говорится о праве землевладельца вывести из имения „челядь невольную и закупов и наймитов"—„значит закупы не рабы, но в то же время и не наймиты" (Акты Южн. и Зап. Рос., I, №94, витебская устава 1531 г.: „а который человек у пенезех, тот как ся с паном своим умовит", а „хто наймита наймет, и задаток даст, тот наймит мает до року стоять"). „Этот обычай [давать задаток]... является... одним из отличительных признаков личного найма от закупничества" (ср. ниже, с. 478 и 525, о „задатке" наймита в „Правосудии Митрополичьем"—у Юшкова и Грекова).—Предвидя „возражение, что весьма рискованно из позднейшего значения того или иного термина объяснять его первоначальную природу", Ясинский указывал, что „самозалог" не может быть продуктом XV—XVI вв., что эта „архаическая форма залога" сохранилась „как пережиток от более древней эпохи", „когда не возникала даже и тень сознания (замечаемого уже в Литовском Статуте) противоестественности такого порядка вещей": „отпали некоторые суровые черты, свойственные древне-русскому закупничеству (напр., возможность обращения «закупа» в «обеля»), но дальше этого... не пошла эволюция данного института" (Закупы, с. 430—465).

Грушевский считал „весьма правдоподобным, что большая часть их [постановлений Р. Пр., ст. 56—62], как и ограничения процентов, изданы были в результате социальной революции 1113 г., ибо в преобладающем большинстве сводов Р. Правды они идут сейчас за законами о проценте", и всю характеристику закупничества строил с той точки зрения, что эти постановления знакомят нас с „злоупотреблениями, какие творились с закупами". „Это были люди, отрабатывавшие занятые или иным способом должные деньги, либо нанимавшиеся на работу, обычно бравшие плату вперед. Это был заклад человека самим собою или третьим лицом в обеспечение денег, которые он отрабатывал своей работой, и в таком значении заклада термин «закуп» сохранился в позднейшем праве вел. кн. Литовского; в древнейшее время значение этого

термина могло быть шире, означая всякого рода экономическую зависимость. Закуп жил или во дворе своего господина, или на своем собственном хозяйстве [ср. выше, Хлебников, ниже — Рубинштейн]. Он мог себе достать для своего хозяйства землю от своего господина, мог иметь и свою собственную землю". „Закуп несомненно был свободным человеком"; однако „в отношении к закупу хозяин называется «господином», как и в отношении к холопу". „Очевидно, богатые люди имели обычай неоплатных должников, — которые брали у них деньги или хлеб на прожитье и не могли вернуть, — без дальнейшей церемонии просто обращать в холопов [А, 111]. Закон постановил, что в холопы мог быть продан неоплатный должник только по конкурсу, должник же, который отрабатывал свою ссуду работой, не перестает быть свободным человеком (т. е. закупом)". „Бояре пользовались всяким уходом закупа с работы, всяким нарушением срока для того, чтобы в наказание за это объявить закупа своим холопом" [ср. ниже, Павлов-Сильванский). „Практиковалось господами штрафование закупа за разные шкоды в хозяйстве... Ясное дело, что при старательном использовании такой практики обязательство, долг закупа имели все шансы не только не уменьшаться со временем, а еще возрастать, и фактически он стал вечным слугою". „Если хозяева позволяли себе такие серьезные злоупотребления, как продажа закупа в холопство, то еще меньше стеснялись они в менее крупных злоупотреблениях: они, напр., уменьшали закупу плату денежную [т. е. купу] или забирали его имущество или землю [т. е. отарицу]... Правительство, хоть и ограничивает господские права, но делает это очень осторожно. Напр., за такое страшное преступление, как продажа закупа в неволю, господин, если бы это открылось, теряет только те деньги, что ему должен был закуп. А это изумительное [„чудесне"] ограничение, что господин может бить закупа только «про дело»! Какое широкое поле господскому произволу открывает это выражение «про дело» и как неограниченно это право бить закупа: очевидно по малейшему поводу господин мог бить закупа сколько влезет, на основании закона". „За свои злоупотребления господин рисковал определенной, не очень, очевидно, большой суммой денег, закуп — своей свободой... А при том... каково было проданному в холопство, заложенному или иным способом обиженному закупу добраться из господского села до княжого судьи... такого же господина закупов и холопов, как и ответчик... Мы можем с уверенностью сказать, что так умеренно щедро посвященные доле закупов постановления Р. Пр. не очень улучшили эту долю и не спасли их от холопства, куда путем закупничества должна была попадать масса и безземельных свободных и смердов-хозяев вместе с своими землями". Давая эту яркую социально-политическую характеристику закупничества, собственно к выступавшей в историогра-

фии вопроса на первый план юридической контроверзе Грушевский отнесся безразлично: „нет причины делать из этого [юридических квалификаций закупничества, как найма и займа, обеспеченного личностью должника] дилеммы: Кар. 65 [„а жонка с дчерью, тем страда на 12 лет и т. д.“] показывает, что практиковалась отработка денежных сумм физической работой; то же самое вытекает и из Кар. 122 [А, 111], где говорится об отработке денег в бо́льшие сроки [«оже не доходят год»=«не пробудет в работе всего срока»]. С другой стороны... плата при найме давалась вперед, так что обе формы закупничества сходились очень близко“. Про позднейшее употребление термина в праве в. кн. Литовского (у Владимирского-Буданова и Ясинского) Грушевский высказался категорически: „разумеется нельзя, на том основании, что в собранном документальном материале XVI в. термин означал заклад (застав), выводить, что и закупничество XI—XII вв. было только закладом и больше ничем“ (II, с. 119; III, с. 319, 323, 546).

Лаппо-Данилевский тоже не счел спор о юридической природе закупничества решенным исследованием Ясинского: „если считать возможным приравнивать закупа Р. Пр. к закупу позднейших зап.-русск. актов, то легко заключить, что в основе древнего закупничества также лежал договор займа... но такого заключения еще нельзя сделать с полной достоверностью“. „Вероятным“ Лаппо-Данилевский считал, что закуп „в течение известного срока отрабатывал взятые им деньги на земле своего господина“. Лаппо-Данилевский первый обратил внимание, что среди 14 списков Р. Пр., где вместо „наймит“ стоит „закуп“, есть списки и ранние, XV в.; ссылался на русский перевод Григория Богослова, XVI слова с толк. Никиты Ираклийского по сп. XIV в. (Горский и Невоструев. Оп., II, 2, 86): „закуп Еорий, преже убо продав свой закон, наймит бысть“; с другой стороны, Лаппо-Данилевский указал на 1) „наймитов, стражут на готовых конех, а в кунах“ XIV в. (АЭ, I, № 3), как на „работников, взявших плату вперед“, 2) на „порядную в сельские наймиты“ 1600 г., по которой „наемная плата выдается“ тоже „вперед“ „на завод“. Существенно для Лаппо-Данилевского в положении закупа было то, что оно характеризовало „довольно шаткое“ положение смердов, что статьи Р. Пр., охраняющие интересы закупа, едва ли „способны были устранить слагавшуюся практику житейских отношений“ и предотвратить „смещение дворовых закупов с ролейными“ (с. 9—10).

Специально о конструкции и материале Ясинского высказался Голубовский. „И юго-западная, и северо-восточная Русь являются, в одинаковой степени наследницами тех правовых норм, которые выработались в земский период их жизни. Дальнейшее развитие юридических отношений... продолжалось... под давлением внешних обстоятельств и с привнесением в жизнь новых, чуждых правовых элементов. По мне-

нию Голубовского, „в литовский период положение закупов значительно изменилось: из свободных людей, связанных с другим лицом лишь временной личной сделкой, они переходят в разряд полусвободных людей: о штрафе за обиду передачи личности закупа в распоряжение третьего лица нет уже упоминания“: наоборот, в актах, приведенных Ясинским, есть „прямые указания, что ... возможна была и передача закупа“. „Дают другому свою «челядь» для отрабатывания долга... Эта impignoratio челядина-раба основывалась на том, что он есть полная собственность, вещь своего господина“. Но дают в другие руки и закупов: между тем ст. 60 Р. Пр. предусматривает именно тот случай, когда господин „вздумал отдать своего закупа в работу другому лицу“ [«Паки ли приимет на нем кун и т. д.»]. „Закон... подтверждает, что закуп есть человек свободный, личностью которого никто распоряжаться не может“. „Несомненно закупничество XVI в. происходит из закупничества древне-русского... но они не тождественны“. По существу древне-русского закупничества Голубовский отказывался „считать простой случайностью сопоставление или приравнение закупа к наймиту... в лучших списках, Троицком и Карамзинском... В положении закупа и наймита существовали такие точки соприкосновения, которые почти отождествляли их“. С другой стороны, дефектность некоторых статей о закупах (например, ст. 58, где отсутствует начало) и наслоение вариантов (особенно в ст. 59, где в частности „вражда“ вовсе не позднейшая вставка, а „очень древний“ термин обычного права южных славян) наводят Голубовского на предположение, „что дошедшие до нас в Р. Пр. статьи о закупничестве представляют из себя мозаику из обрывков законоположений... о закупах ролейных и наймитах“. Голубовский и указал на необходимость и возможность, вопреки Ясинскому, „подвинуть вперед вопрос о закупах“ — „привлечением новых материалов, в частности законодательных памятников древних славянских народов“ (с. 4—48).

Для Дьяконова „существенным признаком социального и юридического положения закупа является то, что у него есть господин“; „нужда вынуждала пристраиваться к чужому хозяйству в качестве работника“, но „работает на господина он, конечно, не даром, а за плату («цену» или «копу»)“. А „ученый спор“ — о „юридической природе обязательств, в какие вступал закуп к господину“, в котором „исследователи, считающие закупа наймитом, прибавляют, что закуп получал наемную плату вперед и своею работой погашал долг“ — „имеет важное значение для выяснения древних форм залога, а также для решения вопроса о преемственной связи между древними закупами и московскими кабальными холопами, а не для разъяснения юридического положения закупов“. Во всяком случае, данные, собранные Ясинским (по мнению Владимирского-Буданова, Обзор, с. 36, прим., сделавшие „дальнейший спор о заку-

пах“ не имеющим „никакого научного интереса“), по мнению Дьяконова, „вовсе не имеют того решающего значения в споре... как думает автор. Он не доказал, что закупы литовского права совершенно сходны по положению с закупами Р. Правды“, „тождество терминов не доказывает еще тождества отношений“ (Очерки, с. 108—110).

Удинцев привел ряд соображений, заставивших его „исключить закупничество из отношений по займу“ и признать, что оно „не есть договорное долговое рабство“. Так как „важнейшим доводом в пользу теории закупничества — самозаклада“ считалось „значение термина закуп в памятниках и актах Литовского государства“, Удинцев поставил вопрос: „всегда ли“ слово „закупил“ употребляется в значении „заставил“, и привел примеры неустойчивости этой терминологии („у кого будет та моя пожня в закупе или в закладе и в иных каверзах, ино мне Первысше своими деньгами та пожня выкупать“). Неубедительно и указание Ясинского на перевод в Литовском Статуте „закупить“ = impignorare: в 5 местах Статута „закупить“ переводится obligare (разд. II, арт. 3; разд. V, арт. II; разд. X, арт. 2, 8, 9), понятие заставы в 3-х случаях передается obligare, но в пяти случаях impignorare (разд. I, арт. 16; разд. V, арт. 6; разд. X, арт. 5, 79), слово „запродал“ раз переводится через obligare, раз через impignorare (разд. I, арт. 3; разд. X, арт. 8). Таким образом „термины закупы и закупил не всегда обозначают одно и то же, и принадлежащее им в актах и памятниках XVI в. значение не тожественно с тем, что имеем в Р. Правде, и уж во всяком случае не покрывается понятием самозаклада“. Удинцев, поэтому, сам пересмотрел источники Литовского права, чтобы ответить на вопрос, что „представляют из себя закупные люди XVI в. по сравнению с закупами Р. Правды“. В разд. X Литовского Статута идет речь о именье должном и заставном, а также о людях (арт. 11 и 12) заставных (т. е. „закладных“). В разд. XI говорится о путных людях и бортниках, крестьянах-слугах (арт. 1), ремесных людях (арт. 2), о тивунах и ключниках (арт. 3), о тяглых людях (арт. 4 и 5), о закупах (арт. 6) и невольниках (арт. 6 сл.). Т. е. в разд. XI „идет перечисление различных видов зависимых людей, в том числе и закупных, но с исключением закладных... и тем более самозакладчиков, о которых Лит. Статут не говорит совсем. Практика XVI—XVII вв. как в Москве, так и на Литве развила отдачу в заклад людей, зависимых от лица, отдающего в заклад“. „Лиц, отданных в заклад, Лит. Статут 1529 г. и обозначил в арт. 11 и 12 разд. X под именем людей заставных“. „Как объяснить, что практика, а за ней и исследователи смешали закладных или заставных людей (арт. 11 и 12, разд. X) с закупами или закупными людьми (арт. 6, разд. XI)?“. „Практика не в состоянии была разобраться в многообразных зависимых состояниях... исследователи же... приняли консерватизм слов в актах XVI в. за консерва-

тизм идей, принадлежавших будто бы XIII-му веку или даже первобытному праву". „Закуп (арт. 6, разд. X) погашает долг путем ежегодных выпустов и служит, «пока с тое сумы выробится». А человек заставленный... служит «аж до того часу, покуль бы ему (кредитору) тые пенязи заплатили» — предполагается, заемщики, а не сам заставленный". „Между двумя отношениями несомненное сходство заключается в службе, которую несет как закуп, так и заставный человек. Но бесспорно, что во всех случаях, где идет речь о людях заставных (закладных), служба считается за рост. Напротив того, она всегда зачитывается в капитал, если говорится о закупах". „Но возможно ли, чтобы для отработки заемной суммы, всегда даваемой и по литовским актам на определенный срок, была установлена одна и та же мера годичной отработки — уплаты? Думаю, что нет. И, ввиду отсутствия лишь одного элемента займа — возврата взятого, нельзя видеть в закупничестве договор займа и самозаклад, как обеспечение заемного обязательства". При всем отличии литовского закупничества XVI в. от древне-русского XIII в., заключал Удинцев, „указанный отрицательный момент является для того и другого обязательным". Так как теория закупничества-самозаклада выросла из теории закупничества-займа, Удинцев останавливался и на калачовской теории найма с выдачей платы вперед в виде займа: „едва ли возможно приписывать юристам XIII в. такую комбинацию, как личный наем, осложняемый займом наемной платы... Или юристы времен Р. Правды не в состоянии были усвоить идеи уплаты эквивалента вперед; но такое предположение опровергается ст. 105 Тр. сп. [А,111]. Или же надо думать, что для них недоступна была мысль о займе, как обязательстве возвратить взятое; но противное они доказали ст. 43 Тр. сп. [А, 47]". В статье же 56 и сл. „нет ни одного слова об уплате или взыскании по займу, которое должно было бы выступать в виду отработки долга" (с. 150—168).

Пресняков, как и Дьяконов, тоже придавая „мало значения" разногласиям по вопросу о „содержании договора и характере обязательств" господина и закупа „для определения юридического положения закупов и социальной функции закупничества", указал, все же, на то, что наименование закупа наймитом — „единственное основание" „определения закупа, как наемного работника" — может быть понято „и без признания его наемным рабочим", „так как в так наз. «Вопросах Кирика» (РИБ, VI, с. 24—25), памятнике XII в., читаем: «а наим деля, рекше лихвы»... и ниже: «поучай простеца: не достоить ти имати наим», а если не могут удержаться, «то рци им: будите милосерди, возьмете легко, аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возми или 4»". Рассматривая закупничество как показатель развития боярского сельского хозяйства, „переросшего условия ведения его исключительно трудом челяди", и объясняя возникновение закупничества „отсутствием в руках боярства тех средств, какими распо-

лагали князь и церковь для увеличения числа рабочих рук", Пресняков полагал, что статьи о закупах „естественно выделяются в своего рода «Устав о закупах»". „Самый факт его [закупничества] существования и его регулировки в праве" „нельзя не признать показательным. . для оценки размеров этого явления в XII в.": „боярское землевладение, подобно княжескому и церковному, строит внутри древнерусских земель-княжений новый склад экономических и социально-правовых отношений, выходящих за пределы общего уклада народного быта. Вступив в этот круг отношений, закуп Р. Правды не вполне выбывает из области действия общего права. Но, во-первых, сама необходимость поддержать его связь с этим правом особыми статьями уставного характера показывает, какой она стала хрупкой, а во-вторых, те же статьи свидетельствуют о значительном умалении его гражданской полноправности. С другой стороны, закуп попадает под дисциплинарную власть господина... и под его властную опеку, подобно челяди и домочадцам, перед третьими лицами... Словом, положение закупа—столь знакомое средневековому быту, двойственное и внутренне-противоречивое положение людей полусвободных. В строгом смысле, это положение временное, хотя и не срочное... Если ст. 143 [А, 111] отнести к закупу [как то делает Сергеевич], то и она указывает на отработку «милости» и может быть признана свидетельством о разновидности закупничества, действительно близкого к найму: закупничества на срок (не непременно годичный, т. к. слово год имело более общее значение), каким, конечно, не всякое закупничество было. Что касается погашения долга закупом, то... процентов по «кунам», лежащим на закупе, Сергеевич, видимо, не предполагает. Но против такого мнения говорят: 1) указанное значение слова наим = лихва, 2) обращение закупа в обельные холопы за побег от господина... правило (ст. 71) [А, 56], резко отделяющее статьи о закупе от ст. 143 [А, 111] и понятное только при задолженности закупа; долг же нет основания считать беспроцентным". В этом пункте, вопреки Дьяконову, Пресняков считал „нелишенными значения" „черты закупничества по памятникам западно-русского права, собранные Ясинским": „тут видим закупа... либо отрабатывающим долг, погашая его путем ежегодных «выпустов» определенной суммы, либо работающим без «выпустов» впредь до погашения долга путем уплаты его сполна". Вопрос о том, „какая из этих двух практик существовала в эпоху Р. Правды, не соперничали ли обе, как и позднее", Пресняков гипотетически решал, исходя из мысли, что „отношения закупничества разделяли судьбу вообще долгового права, т. е. развивались по пути постепенного смягчения, а не наоборот". Таким образом, закупничество, в построении Преснякова, в связи с тенденцией „роботить" в даче, по хлебе, по придатце (ст. 111), „даже при соглашении о сроке" и в связи с „неизбежной сла-

бостью средств для проведения в жизнь мероприятий «Устава о закупах» к защите их прав“ — стоит лишь в начале „борьбы несоизмеримых сил, приведшей позднее разными путями к постепенному закабалению сельского населения на боярскую работу“, и пока зависимость закупа от боярина-землевладельца еще не „закрыла“ его от княжой власти и не разрушила еще его „подсудности общему суду“ (Княжое право, с. 298—302).

Павлов-Сильванский первоначально, в 90-х годах, работая над закладничеством-патронатом и отрывая закладничество от понятия самозалога должника, приветствовал „блестящий анализ отношений закупничества“, данный Сергеевичем в 1890 г. (Ж.М.Н.Пр., 1895, январь; Сочинения, I, с. 320). Позднее (Феодализм в удельной Руси, с. 225—228) он назвал закупов „позднейшими серебрениками и кабальными холопами“, „бесхозяйными батраками должниками“, считал, что „только долговые отношения закупа допускают возможность перепродажи господами закупа и продажи его в обельные холопы (как неоплатного должника)“, дал свое объяснение, почему закуп в ст. 61 назван наймитом: „должник, служащий в доме господина, конечно, в то время обширной домашней власти господина, приравнивался к холопу“ — и в ст. 61 видел „столкновение старого права с новым“, „очень редкий в древних памятниках случай замены одного термина другим“ ради пояснения и „оправдания“ „нового права, охраняющего интересы слабейшего закупа“ [„закупу, как наймиту, свобода во всех кунах“; новое право „приравнивает закупа наймиту, тогда как старое право приравнивало его к рабу“; „Правда, говоря о несвободных, называет их просто холопами, но, говоря о закупах, она систематически противопоставляет их не просто холопам, но обельным холопам“]. Павлов-Сильванский расходился с Пресняковым в оценке роли закупов „в именьях князей и бояр“ („князей“ — хотя сам же отметил, что „особое маленькое уложение“ о закупах „говорит не специально о княжеских закупах, но вообще о закупах разной господы“) и полагал, что „господские земли обрабатывались главным образом [как и княжеские] не закупленными людьми... а так же, как и в позднейшее время, смердами крестьянами“ (с. 225—228).

Покровский: „Р. Пр. знает уже особый разряд крестьян, очень смущавший всегда наших историков-юристов; это т. наз. закупы“. „Модернизируя отношения XIII в., некоторые исследователи желали бы видеть в закупе простого наемного работника. Несомненно, он и был таким в том смысле, что работал в чужом хозяйстве или, по крайней мере, на чужое хозяйство, за известное вознаграждение. Но... это был... наемный работник особого рода — нанимавшийся со своим инвентарем; другими словами, это был крестьянин, вынужденный обстоятельствами работать на барской пашне... Закуп потому так и назывался, что брал у барина «купу», т. е. ссуду, частью, м. б., деньгами, но главным обра-

зом в форме того же инвентаря: плуга, бороны и т. п. Другими словами, это был крестьянин задолжавший... у него оставалось и какое-то собственное хозяйство... закуп мог «погубить» ссуженную ему хозяином скотину «орудия своя дея» — на какой-то своей собственной работе. Вероятно, стало быть, что у него в некоторых случаях, по крайней мере, оставался еще и свой земельный участок... В Псковской Судной грамоте мы находим уже детально разработанное законодательство о таких задолжавших крестьянах [„изорники“, „исполовники“, „как в северных черносошных волостях XVII в.“]. У всех этих зависимых людей разного наименования все еще было и свое собственное имущество, с которого в иных случаях хозяин и правил свой долг, свою «покруту». Но они уже настолько были близки к крепостным, что их иск к барину не принимался во внимание, тогда как Р. Правда такие иски еще допускала...“. „Что капитал работал не только в городе, а и широко вокруг него, об этом мы можем судить по развитию среди сельского населения закупничества“ (Русск. история, с. 44 и 88).

Гетц подчеркнул, что одно уже расположение статей о закупах „непосредственно“ за статьями о долговых отношениях (А, 47—55; ср. выше, Ланге, с. 442) показывает, что закупничество — не отношение по найму, а отношение по займу. Но это местоположение показывает и то, что закупничество — является не „добровольно-договорным“ (vertragsmässig-freiwilliges), а „недобровольным“ (unfreiwilliges), должник становится закупом „лишь тогда, когда он не в состоянии вернуть ссуду, а кредитор настаивает на удовлетворении своих притязаний“. До того, в ст. 55, речь была о продаже несостоятельного должника; ст. 56 сл. имеют дело с „долговым холопством“ (Schuldknechtschaft). „Продажа за долги (Schuldverkauf) имела место при собственно купеческих долгах“, когда сумма долга была велика; наоборот, „Schuldknechtschaft мы имеем право рассматривать, как ultima ratio кредитора в случаях более мелких долгов, сделанных частными лицами“ (не в торговле, а в „частной жизни“). Статьи 56 сл. являются, таким образом, „логическим продолжением статей о продаже за долги“. „Личность должника отдается в заклад не при самом получении ссуды, а лишь когда должник добровольно или по принуждению признает свою неспособность вернуть ссуду. Следовательно, закуп есть Schuldknecht, закупничество — Schuldknechtschaft. Что Schuldknechtschaft вообще вступает в силу и когда оно наступает, не столь точно описано и специально оговорено в Р. Пр., как то было с продажей за долги в ст. 68 [А, 55]. Schuldknechtschaft в ст. 71 [А, 55] молчаливо предполагается уже существующим“. Гетц цитировал здесь Lex Baiuvariorum (II, 1): „si vero non habet, ipse se in servitio deprimat et per singulos menses vel annos, quantum lucrare quieverit, persolvat cui deliquit, donec debitum universum restituat [если (должник) не имеет (чем заплатить),

сам ввергает себя в рабство и выплачивает, кому повинен, помесячно или погодно, сколько сможет заработать, пока не выплатит весь долг]", — и указывал, что в Р. Пр. при ст. 56—62 „недостает вводной статьи общего содержания" в этом же роде. Таким образом, указание Яковкина (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 112, прим.), что Гетц „повторил тут воззрения Ланге" (ср. выше, с. 442) есть плод недоразумения: Ланге не ограничивал закупничество одним эвентуальным обращением должника в закупа, а, поскольку приписывал возникновение его и продаже за долги (по ст. 55), не противопоставлял крупных должников-купцов мелким. Гетц потому и не ссылался в этом пункте на Ланге, что пришел к изложенной конструкции лишь в поисках западно-европейских аналогий русских институтов, хотя в данном случае и „не пошел по этому пути дальше констатирования отдельных, мало выясняющих сущность отношений, аналогий" (Яковкин, с. 113) в сфере норвежского Schuldknechtschaft'a, оставив в стороне „долговое холопство, возникшее как из невозможности уплатить штраф (für Unvermögen zur Busszahlung), так и из договора (vertragsmässig)" (в германском праве вообще), и обратившись к „древне-норвежским источникам" (в передаче из вторых рук: Maurer. Die Schuldknechtschaft nach altnordischen Rechte. Sitzungsberichte der philosopisch-philologischen und historischen Klasse der K. b. Akademie der Wissenschaften zu München, IV, 1 Jahrg., 1874; Amira. Nordgermanisches Obligationrecht, I, с. 125 сл.; и II, 1, с. 154 сл.) — источникам, которые „не высказываются о том, что кредитор мог прибегать просто к задержанию за долг (Schuldhaft) также и при всех других долговых отношениях, когда он другим путем не мог получить платежа, что весьма мыслимо в случаях, предусмотренных Р. Правдой" (III, с. 266 сл.).

Яковкин исходит, подобно Ясинскому, из оценки литературы о закупничестве как „конкурса на остроумие", в котором „вместо планомерного изучения института [закупничества] нам все время предлагались одни лишь произвольные гипотезы и гадательные толкования посвященных закупам статей Правды". Ясинский первый и один „отказался участвовать в таком конкурсе", и обратился к дополнительному материалу, поставив изучение закупничества „на научную почву", хотя „сама по себе попытка" Ясинского „вряд ли может быть признана удавшеюся": „за тожественностью терминов Ясинский усмотрел тожество правоотношений" и „целиком перенес литовское закупничество в древнюю Русь", признав, что „мы имеем здесь дело с явлениями вполне аналогичными между собою". Между тем „само литовское закупничество пережило весьма интересную эволюцию, под влиянием которой... изменилась самая природа этого института" — на смену первоначальному „удовлетворению кредитора передачей ему объекта залога с сохранением за должником права выкупа", в XVI в. (в частности, в Лит. Ст. 1529 г.)

пришел „не без борьбы“ „новый принцип выкупа заложенного человека путем зачета стоимости его труда“, с „постепенным расширением прав закупа“ (эволюция, указанная, впрочем, уже Пресняковым, см. выше, с. 459). Признавая „генетическую связь“ между древне-русским и литовским закупничеством, Яковкин полагал, однако, возможным „установить ее лишь тогда, когда будет выяснена вне зависимости от каких бы то ни было аналогий с литовским правом сущность древне-русского закупничества“. Эту сущность Яковкин устанавливает путем сравнения норвежского Schuldknechtschaft'а (как и Гетц, через вторые руки Maurer'a и Amir'ы) с закупничеством, — и речь идет у него уже не об аналогии, а о „тожестве“ этих двух институтов, являвших собою „самозаклад должника“ („в той ранней форме, когда обязательственное требование кредитора тонуло в квази-вещном праве его на личность заложившегося“). Это „полное соответствие постановлений Правды о закупах с нормами норвежского права“ устанавливается Яковкиным по 4 пунктам: 1) закуп — свободный, но „живы“ „старые воззрения на заложившегося должника, как на раба“; 2) закуп „подлежит юрисдикции господина“; 3) закупу выделялся peculium; 4) закуп мог освободиться „только уплатой“ „суммы долга“, имея право отлучки для этого, а за самовольное бегство обращался в холопа), — из которых было бы историографической новостью — твердо установить освобождение закупа „только уплатой суммы долга“; но именно в этом пункте у Amir'ы и Maurer'a сам Яковкин находит расхождение мнений, а для ряда других темных мест Р. Пр. в норвежском праве ему не удалось найти ни аналогий, ни разъяснений (в частности, для ролейного закупничества). Такие результаты сравнения норвежского и русского институтов при том условии, что, по мнению Яковкина, „понятие закупничества сложилось только в обстановке древнерусской жизни“ (так как „слов «закуп» и «закупничество» в памятниках южно- и западно-славянской письменности вообще, кажется, не встречается“), привели его к необходимости искать объяснения такому тожеству в „попытках“ варягов-скандинавов „привить подвластному населению свои правовые привычки“, что, по его мнению, „должно было отразиться... и на юридической терминологии нашей древности“: „следы такого чужеземного влияния“ „запечатлелись именно в закупничестве“, и „норвежский термин kaup“ представлялся Яковкину „занесенным в Правду в виде «купы»“ ст. ст. 57 и 59, оказавшейся и корнем глагола „закупить“ (см. ниже, с. 498-499 и, в частности, указание по этому вопросу, сделанное еще Сабининым: Ж.М.Н.Пр., 1837, окт., с. 49). — В критической части исследования Яковкина необходимо отметить: 1) выдвинутое им и обоснованное сравнительно-историческим (греческим, римским и германским) материалом, понятие „семьи“ и „дома“, как сложного союза кровных и челяди под властью домовладыки, которой eo ipso

подчинялся всякий человек, „служивший“ в „чужой семье“ или „доме“ — будь то свободный наемник или закуп, труд которых „хозяйственной жизнью эпохи и широким развитием рабства“ должен был быть ограничен „применением его почти исключительно“ в „домашнем обиходе“: „только так“ можно „объяснить себе факт зависимости русского закупа“ (наемного рабочего или должника, безразлично); 2) документальное обоснование многозначности древнего слова наймит (=подрядчик=арендатор=должник, работающий на кредитора), и особенно сопоставление „наим, рекше лихва“ „Вопросов Кирика“ с архаическим словоупотреблением прошения татарина XVII в. царю Михаилу Федоровичу: „взял к себе работать закладного моего человека... а у меня... тот человек был в закладе в 13 рублех... и [имя рек] наемного моего человека без меня неведомо где дел ...“ (Акты историч., собр. Мельниковым, I, 1859, с. 26); 3) возражения против „теории о закупе, как крестьянине-съемщике“, „не считавшейся с тем фактом, что крестьянские отношения Московской эпохи представляют результат целого ряда сил, вовсе неизвестных Киевскому периоду“; „в Москве вся почти масса сельского населения сидела в качестве арендаторов на чужих землях“, „во всех [же] известиях о частном землевладении XII в. земельная собственность является с одним отличительным признаком — она населялась и эксплоатировалась рабами... Для князя, дружинников, епископских кафедр, монастырей земля была лишь средством поддержания жизни в условиях, соответствующих положению данного лица. Все эти лица хозяйствовали для того, чтобы расходовать, чтобы, напр., защищать страну, поддерживать бедных или, наконец, просто для того, чтобы устроить себе и близким приятную жизнь. При таких условиях земля сама по себе не могла занять надлежащего места в обороте того времени, и аренда, как частноправовое отношение, не могла там получить надлежащего развития. Собственнику не имело смысла отдавать свои села в аренду и получать за это в виде дохода лишь часть труда арендатора, когда он мог заселить земли челядью и пользоваться безраздельно плодами их рук... При наличности terra libera на чужую землю мог сесть только маломощный съемщик, а с ним землевладельцу было бы не меньше хлопот, чем с холопом, потому что для него также нужно было запасаться и инвентарем и, м. б., даже деньгами для ссуды... Между тем возможность получения от него вместо дохода одних лишь огорчений при тогдашнем состоянии опекающей власти была для собственника совершенно не устранена. С этой точки зрения нам становится вполне понятным постановление ст. 146 III [A, 110] Правды, по которой источником холопства было, между прочим, тиунство и принятие ключа. В ней ясно звучит опасение правящих групп вверять свое хозяйственное благополучие свободному человеку. Холоп надежнее, чем вольный, — вот принцип,

которым руководился древне-русский хозяин... Недаром же еп. Серапион упрекал богатых за то, что они «свободные сироты порабощают и продают». Очевидно, что экономически сильные стремились тогда не к консолидации земельной собственности с целью извлечения дохода из нее путем аренды (хотя бы и осложненной барщиной), а к полному присвоению личности бедняка. Для этого... в тогдашнем обществе... юридические основания... возникали не из отношений по земле, а из личной задолженности, увеличивавшейся под влиянием страшного кризиса, который переживала в XII в. Южная Русь" (Ж.М.Н.Пр., 1913, апрель и май).

Конструкция Яковкина, в части, касавшейся происхождения закупничества, была принята Покровским. „Норманнов... варягов привлекли и к русским славянам прежде всего меха... Но очень скоро... они открыли здесь товар, гораздо более ценный и прибыльный: рабов... Варяжский челядин [в Кр. Пр.] оказывается имуществом, охраняемым особенно тщательно... Обрусевший норманн оставался работорговцем. Интересы невольничьего торга определяли политику создателей «Киевской державы»... Первичной формой добывания челяди был просто захват... ополониться челядью было заветной мыслью всякого князя и его дружины — спор из-за «столов» только прикрывал экспедиции за живым товаром... Но рядом с прямым захватом постепенно выработались более мирные способы порабощения. Из Р. Пр. мы узнаем о систематических попытках обращать в рабство наемных слуг, «вдачей» [см. ниже, Яковкина о ст. 111]. Еще большее значение имело долговое холопство, закупничество — причем интересно, что самый юридический институт в этом случае пришел к нам из Скандинавии. «Закуп» Р. Правды — точная копия долгового раба скандинавских Правд. Княжеские усобицы и тут подготовили почву: разоряя земледельческое население, они все чаще и чаще заставляли последнее прибегать к займам у крупных собственников, которыми были те же обрусевшие варяги. Так норманское нашествие с чрезвычайной быстротой создало на Руси рабовладельческую культуру... систематически подрывавшую основы всякой культуры, уничтожая ее создателя, славянского крестьянина". — „Древнерусское крупное землевладение опиралось на рабовладение... Конкуренция холопьего труда доканчивала то, что было начато войною и грабежом: разорившийся крестьянин мог себе найти работу, только соглашаясь стать на один уровень с холопом. Хозяин бил его наравне со своими холопами, а иногда и продавал вместе с ними, причем постановления Р. Правды, запрещавшие продавать закупа, едва ли имели больше значения, чем всякие другие бумажные гарантии прав «трудящихся масс»... Князья попросту не отличали смердов от своих холопов: а «холопов наших и смердов выдайте»... Так путем экспроприации

крестьянства создавалось в древней Руси крупное землевладение... Современное земледелие немыслимо было без рабочего скота, а его было мало, и всего меньше его было у крестьянской массы. На этом и держалась экономическая зависимость этой массы от помещиков... Закуп был задолжавшим крестьянином... ссуда, которую получал закуп, состояла в сельско-хозяйственном инвентаре, — плуге, бороне и лошади [ср. ниже „свойского коня“ у Яковкина, с. 495]... И это явление провожает нас через всю «древнюю Русь» до XVII в.“ (Очерк истории русской культуры, I, с. 41—42, 45—46).

Филиппов, изложив обе теории закупничества (найма и займа), не видел „возможности решить вполне категорически, которая из [них]... может быть признана вполне приемлемой“ — по „недостаточной определенности сведений наших первоисточников“. „Сравнительное же изучение вопроса об образовании в древних обществах состояния, подобного состоянию наших закупов (т. наз. liti, aldiones и т. п.), показывает, как нам кажется, что происхождение их было весьма сложно и едва ли его можно приурочить к одной какой-либо форме договора“. По поводу же статьи Яковкина, Филиппов заметил, что „следовало бы... обратиться к другим leges barbarorum, потому что аналогии имеются не в одном только скандинавском праве и объясняются... сходством экономических условий, создавших институт закупов, этих «полурабов», как у нас, так и в Скандинавии; влияние же ее права на наше требует особых изысканий, которых автором не делается“ (Учебник, с. 219 сл.).

Любавский еще в 90-х годах, руководствуясь западно-русским материалом, склонявшийся к тому, что „скорее можно согласиться с мнением Сергеевича, считающего закупа наймитом“, но и прибавлявший, что „наймитом его считать вполне нельзя, потому что наймит не за долг работал, а за жалованье... и не был так связан с господином, как закуп“ (Областное деление, с. 393—395), в 1915 г. категорически высказался, что под влиянием роста частновладельческого „сельского хозяйства“ „землевладельцы стали пользоваться для него наемным трудом. Некоторые наймиты запродавали свой труд, т. е. брали вперед наемную плату, купу, становившуюся таким образом их долгом, который они погашали своею работою“ (Лекции, с. 119).

Мрочек-Дроздовский, державшийся теории найма еще в 1885 г. (Исслед., вып. 2, с. 164), не отказался от нее и в 1917 г. (Чтения, 1917, кн. III, с. 80—88): „Закуп — наймит, запродавшийся (закабалившийся) в работу... Такому наймиту плата выдается вперед (милость, см. «в даче») для отработки в течение договорного срока — года... Закупничество — кабальный личный наем... Закупы — кабальные работники: кабала обеспечивала нанимателя, давая верный заработок наймиту, и — другого вида личного найма Правда не знает,

Кабальные пахари, в отличие от других закупов, не-пахарей, называются ролейными: так они называются в Правде, когда речь идет об их особой, ролейной, ответственности перед хозяевами — в других статьях памятника говорится о закупах вообще, и ролейных, и неролейных. Неролейные закупы, конечно, суть кабальные дворные батраки, особого наименования дворным батракам в Правде нет. Все закупы — в одинаковой зависимости от хозяев... Разживаясь постепенно, увеличивая по силе свою, запашку, наниматель нуждался сначала лишь в пахаре, который мог, если понадобится, нести и дворную службу: первые кабальные батраки, будучи ролейными, были и дворными; особое дворное батрачество признак сравнительно развитого, более сложного, домоводства; это — явление последующее, и создалось оно, несомненно, по образу старейшего, ролейного закупничества — с необходимою разностью в условиях сделки: на пашню шли безземельные или малоземельные хлеборобы — за хлеб на посев и придаток; на дворную службу шла отгулявшая от земли вольница — за куны..."

В советской историографии институт закупничества привлек к себе пристальное внимание и подвергся, в порядке пересмотра добытых дореволюционным его изучением выводов, специальному исследованию в работах Максимейко, Рубинштейна, Аргунова, Полосина, Грекова, Юшкова и Романова.

Максимейко не примкнул к тому направлению дореволюционной историографии, которое считало имманентное изучение текста „Устава" или „Уложения" о закупах исчерпавшим себя и видело выход в сравнительно-историческом изучении закупничества, — и счел такое мнение „ошибочным": „спорность и сомнительность отдельных положений" и „разнообразие мнений" о закупах обусловливается, по его мнению, отсутствием „критического отношения к тексту Р. Правды". Максимейко и предпринял попытку „показать", „что при соблюдении этого требования возможно также и дальнейшее движение вперед в смысле новых научных достижений даже в том случае, если мы будем оставаться в рамках Р. Правды, обращаясь к сравнениям лишь для иллюстрации выводов, полученных из этого основного источника". Считая порядок расположения постановлений о закупах в Правде „не случайным" (сначала об ответственности закупа, затем об ответственности хозяина, затем об ответственности господина и закупа перед третьими лицами за преступления, совершенные закупом: ср. выше, Калачов, с. 439), Максимейко рассматривал их детально в этом самом порядке (см. ниже, ст. 56—62), критически изучая варианты текста и пытаясь объяснить их возникновение у переписчиков-комментаторов первоначального текста памятника. На пути такого

изучения текста Максимейко за „отсутствием источников“ отказался от рассмотрения „социальной стороны“ закупничества („какие общественные классы... выделяли из своей среды закупов и под влиянием каких экономических условий; что заставляло нуждающихся людей итти в закупы, когда была возможность поступать в наймы“ и т. п.) и сосредоточился на „юридической“ и „бытовой“ стороне этого „явления“. В пользу того, что „закуп был должником, а не наймитом“, говорят два обстоятельства: 1) соседство статей о закупах со статьями о займах (ср. выше, Ланге, с. 442, Гетц, с. 462), 2) освобождение закупа, проданного в холопы, „не от работы, а от денежного обязательства“. „В Р. Пр. мы не найдем даже намека на то, что долг закупа погашался его работой. Напротив, имеются... косвенные указания на то, что зависимость закупа прекращалась только уплатой долга“ (ср. выше, Яковкин): а именно, ст. 56 о „временной отлучке его для займа денег“, „как нормальном и обычном явлении“, по ст. 57 и 58 — „для расплаты с хозяином“. Что закуп „погашал своей работой не капитал, а проценты“, Максимейко ставил в связь с порядком удовлетворения хозяина, когда его требование встречалось с притязанием лица, обворованного закупом (в первую очередь удовлетворялся потерпевший от кражи, и только остаток суммы от продажи закупа, „если что оставалось“, шел хозяину), и с „тенденцией и духом конкурсного производства, по ст. 55, при несостоятельности должника“ („аже кто много резы имал, не имати тому“). „Автор Р. Пр.“ назвал раз закупа „наймитом“ потому, что „в бытовом отношении фигура закупа во многом напоминает наймита“. „Закупы жили во дворе хозяина на его кормах. Они не имели того, что необходимо для отдельного и самостоятельного хозяйства — ни лошадей, ни скота, ни плуга, ни бороны. Отарица закупа... предоставлялась ему [закупу] лишь в пользование на время состояния его в закупничестве. Она заключала в себе предметы, необходимые для его содержания или ховы, т. е. одежду, обувь, съестные припасы и т. п. Иногда отарицей могла быть и земля, которой наделялся закуп, чтобы он сам себе добывал из нее пропитание. Т. обр. у закупа, кроме господских работ, могло быть и «свое дело». Но это обстоятельство не делало его крестьянином в социально-экономическом значении этого слова. Земельная отарица закупа обрабатывалась хозяйским инвентарем. Она не имела ничего общего ни с крестьянской собственностью, ни с крестьянской арендой, а служила лишь своеобразным способом обеспечить закупу его продовольствие, вместо того, чтобы кормить его на господской кухне, выдавать месячину, и т. п.“. В Литовско-Русском государстве „нередко таким же способом обеспечивалось продовольствие и наймитов, и холопов“ (Закупы, с. 27 сл.).

Рубинштейн приступил к пересмотру вопроса о закупничестве в плане „изучения древней сеньории, как основной организации феодаль-

ного, точнее сеньориального, по удачному выражению Флакка, строя", — относя процесс сеньориализации к концу XI—XII ст., — и видит причину невырешенности в историографии вопроса о закупничестве в „неправильном подходе исследователей к проблеме, в недостатке усвоенного ими метода": „они давали анализ термина, ища объяснения его в современных [им] юридических понятиях", упуская из виду, что в „начальной стадии общественной жизни" мы имеем дело со „сложными явлениями, заключающими в себе элементы разных правоотношений в нерасчлененном виде" (примерами такой „нерасчлененности понятий", выражающейся в „неоднозначности" терминов, могут служить русск. наем, римск. nexum, норвежск. kaupa). Помимо того, исследователи (Владимирский-Буданов, Ясинский) в поисках позднейшего материала презюмировали тожество институтов разных эпох. Этому „формальному" методу автор противопоставляет „социологический" и изучает закупничество с его „социально-экономической" стороны, в рамках „социально-экономических" отношений. Обращаясь к Р. Пр., Рубинштейн не находит там закупа как „бесхозяйственного батрака-должника" (по Павлову-Сильванскому). В ст. 57 и 58 „как нормальное явление" выступает отлучка закупа для „собственного дела" и „использование закупом господской скотины «орудия своя дея»", т. е. „в своем хозяйстве для обработки своего земельного надела", которой он занимается „наряду с исполнением известных работ на господина". Автор не находит там и „дворового" закупа: „закуп отвечает за скотину только пока она на поле; с момента, как она на господском дворе, закуп за нее больше не отвечает". Значит, закуп этот живет не во дворе господина, а на стороне. Он имеет и свое имущество — отарицу — „которое требует специальной защиты от всяких покушений со стороны господина" (ст. 59). Он имеет и своего коня. „Если закуп имеет свой дом, свое имущество, свой сельско-хозяйственный инвентарь, свое хозяйство, то, очевидно, он первоначально вел его на своей земле; до вступления в закупничество он должен был иметь и собственный земельный участок... Человек вступал в закупы при наличности всего этого имущества" (ср. выше, Хлебников, с. 444). Так „падает теория закупничества, как найма батрака". „Точно так же с имущественным положением закупа трудно сочетать и теорию займа-заклада, личный заклад для отработки ссуды не имеет достаточного основания. По этим мотивам неприемлема и теория Гетца, по которой закупом становится несостоятельный должник. Помимо этого, объяснение Гетца противоречит статьям 55 и 56, по которым несостоятельный должник продается, т. е. обращается в холопа. Отпадает, наконец, и теория найма имущества, ибо мы пришли к выводу, что закуп приходит к господину с своею землей и с своим хозяйством". „Для понимания закупничества [как правоотношения] мы должны подойти

к нему с мыслями того времени, исходя из социальных и экономических отношений той поры. Тождественный с ним, подобный ему институт мы можем искать только в условиях тождественных социально-экономических отношений". Это — западноевропейский „прекариат". „Лицо, имеющее свой участок, свое хозяйство, становится в зависимость от другого лица, более сильного экономически и политически; оно отдает ему свою землю и хозяйство с тем, чтобы получить их от него обратно уже как «милость» или «благодеяние» (precarium и beneficium употребляется в данном случае источниками одинаково). От этого положение самого прекариста делается положением человека полусвободного, стоящего на пороге рабства. Это символизируется выплатой известного capaticum'a господину. Это процесс охолопливания [„схолопувания"] мелких землевладельцев, известный западной историографии под названием сеньориализации". Рубинштейн считает неприемлемым объяснение Яковкиным зависимости закупа „автократическим строем древней семьи". В эпоху Пр. Пр., XI—XII вв., „родовой строй" отходит в прошлое. „2-я редакция [Правды, по Сергеевичу], падающая на X — нач. XI ст., проходит под знаком окняжения земли; конец XI и XII ст. характеризуются ее обоярением. Это процесс роста крупного землевладения, сопровождающийся сеньориализацией земли и охолопливанием населения... Возникновение русского прекариата, закупничества, коренится в этом процессе..." „Отношения прекарного держания — отношения пожизненные; ликвидация их не наблюдается". Р. Правде „известны только случаи исключительного порядка, главным образом, обращающие закупов в холопов". Для решения вопроса о ликвидации закупничества Рубинштейн считает необходимым отнести ст. 111 (о вдаче) к закупу, ссылаясь на „близость" терминов: вдач = „человек, который вдался" („вступил в зависимость от другого") = закуп = закладень, — и толкуя „милость", возвращаемую закупом при „уходе от господина до конца года", как перевод precarium, как „землю" и „хозяйство", а право вернуть „милость" ограничивая годовым сроком (с. 49—55).

Одновременно с Максимейко и Рубинштейном с „пересмотром построений закупничества" выступил Аргунов. В первой работе (1927 г.) Аргунов, наряду с обстоятельной критикой конструкции закупничества, как самозаклада по образу и подобию долгового рабства в Норвегии, остановился и на самостоятельном пересмотре отдельных темных понятий и словосочетаний в тексте Р. Пр., как то: купы, отарицы, вражды, „свойского" коня, ролейного закупа, „идет ли искать кун" и т. п. (см. ниже, с. 472, 485, 495, 501, 511, 514). Обосновывая понимание „купы" как „натуральной дани господину от закупа", выводя отсюда наличие у закупа „собственного хозяйства", отвергая понимание отарицы, как рабского peculium'a, и толкуя ее как „собственность" закупа, наподобие

славянской „собины“, выдвигая „вражду“ как термин, пришедший из югославянских памятников в смысле „виры за убийство“ и „штрафа за преступления“, и как, следовательно, „источник доходов закупа“, переводя „свойского коня“, как „свойского его (т. е. господина)“, собственного коня, — Аргунов приходил к установлению „двух типов отношений закупа к господину“: ролейный закуп, который пашет на господской пашне, господским же инвентарем, и купы господину не дает, противопоставляется тому закупу, от которого („от него же“) господин получает оброк („купу емлет“); но „стоило господскому ратаю при некотором накоплении отарицы перейти к работе своим инвентарем с обязательством делить натуральные сельско-хозяйственные доходы с господином“ — „и тогда менялось его положение по ответственности за господский инвентарь“, „полученный им в ссуду от господина“. Такое деление закупов — это то же, „что деление зависимых людей на «больших» и «пешеходцев» (уст. грам. Киприана 1391 г.), на «третников» и «наймитов, кто страждет на готовых конех, а в кунах» (жал. гр. Калиты 1328—1340 г.), на «отроков сь коньми» и тех «кои соуть без коней» сербского хризовула 1322 г.“ (Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, Киев, 1888, с. 35). В противоположность Рубинштейну, Аргунов возражал против отнесения ст. 111 к закупам, как назначенной „пояснить статьи о холопстве“, но находил в ней косвенный аргумент против теории самозаклада: именно „она показывает, что понятие выкупа и отработки долга составителям Пр. Пр. вообще было известно“, и „если бы выход из закупничества был связан с выкупом или отработкой долга... то конечно Р. Пр. обмолвилась бы об этом“. „Искание“ кун Аргунов сближал с постановлением Законника Душана о запрещении господам „удерживать своих людей от посещения рынков“. Наконец, из ст. 61 о продаже закупа Аргунов не видел возможности извлечь вывод, что закуп освобождается („во всех кунах“) от долга, в котором он заложил себя, и, следовательно, от закупничества, и думал, что закуп возвращается из холопства в закупничество с освобождением от „недоимок и долгов“ и возвращением „прежней свободы во всех своих кунах, утраченной при продаже в холопы“; иначе Р. Пр. выразилась бы также „просто и ясно, как... договор Новгорода с Готландом 1229 г.“ про рабу: „паки ли соромотит, себе свободна“. Отдельные намеки и ссылки на славянские аналогии, имеющиеся в этой первой работе Аргунова, не давали еще представления о значении этих аналогий в конструкции института закупничества, и развернуты были во второй работе, где автор дал свою конструкцию института уже не в критическом плане. Пока же автору надлежало прежде всего оторвать русское закупничество от норвежского „долгового рабства“, тождество которых никем еще не было проверено (и опровергнуто) после появления работы

Яковкина. Сопоставление русского и норвежского институтов проделано Аргуновым на основании тех же Maurer'а и Amir'ы, но значительно детальнее, чем то было сделано его предшественником. 1) Норвежский закон Гулатинга (XIII в.) говорит определенно о должнике (skuldarmann, отдаться в долговую кабалу gefask i skuld, взять в кабалу — taka i skuld). „Слово skuld — долг — на каждом шагу в тексте закона". „Именно должник и притом несостоятельный попадает в Schuldknechtschaft, и самый институт рассматривается, как мера взыскания долга", „er steht und fällt mit der Schuldforderung, zu deren Gunsten sie entstanden ist" (Maurer). Р. Пр. „не содержит указаний, что закупничество имеет в виду должника...", „только однажды он назван наймитом". 2) Закон Гулатинга подробно излагает процедуру установления долгового рабства, как в экзекуторном порядке, так и по договору. Р. Пр. об этом ничего не говорит. 3) При договорном установлении и прекращении долгового рабства в Норвегии „видную, иногда решающую роль играют представители рода", „им предлагается выкупить закабаляемого". Р. Пр. „ничего не говорит об участии родственников в судьбе закупа". 4) Закон Гулатинга „нормирует сумму долга... это средняя цена несвободного". Р. Пр. не содержит никаких указаний на размеры долга. 5) Закон Гулатинга определенно указывает, что „состояние долгового рабства временное, срочное, прекращаемое погашением долга. Для поисков необходимой для выкупа суммы кредитор должен предоставить закабаленному полумесячный отпуск. Выкупа в срок кредитор мог требовать под страхом кровавой репрессии". Р. Пр. „ни словом не обмолвилась ни о сроке закупничества, ни о праве выхода". 6) Кредитор имел право принуждать Schuldknecht'а к работе побоями. Р. Пр. за битье без вины возлагала на него штраф. 7) Долговой раб в Норвегии мог иметь свое имущество, и кредитор должен был предоставить ему „orka, род рабского пекулия". У закупа тоже есть „такое особное имущество", „едва ли похожее на рабское peculium". 8) Закон Гулатинга разрешает кредитору передачу другому права на должника в сумме долга. Р. Пр. запрещает это категорически. 9) Продажа в рабство запрещена там и тут. 10) Бегство обращает „долгового раба" и закупа в раба одинаково. 11) „В случае отказа родственников выкупить Schuldknecht'а или заставить его работать, кредитор получал над ним право кровавых истязаний и право жизни и смерти". Р. Пр. не предоставляет этого права господину. То, что есть между русским и норвежским институтами общего, не характерно, по мнению Аргунова, „именно для института самозаклада". Ни древнего наемника, ни прикрепленного крестьянина, ни закладника и т. п. господин не мог продать в рабство, все они подсудны господину, „все рискуют своею правоспособностью" в случае бегства. „По таким общим чертам многих древних

институтов нельзя восстановить ни одного из них“. Таково же и право на особое от господина имущество: „ведь и раб мог иметь свое peculium“. Существеннее такие различия, как право передачи долгового раба третьему лицу в Норвегии, право закупа жаловаться суду в древней Руси, как характер права отлучки: в Норвегии — „для получения средств выкупа“, которого господин мог требовать „в известный срок“ и прибегать к праву жизни и смерти, и в древней Руси — „для жалоб на господина суду князя“. Возражая Яковкину по установленным им четырем пунктам тожества двух институтов, Аргунов указывал: 1) что „свобода“ у закупа и Schuldknecht'a „варьируется в каких-то трудно измеряемых сочетаниях“; „закуп мог судиться с своим господином, но не имел права выкупа; Schuldknecht не имел права судиться со своим господином, хотя обладал не только правом, но и обязанностью выкупа“; „притом эта весьма относительная и условная свобода нисколько не характерна“ ни для того, ни для другого института; 2) что объем и характер юрисдикции господина там и тут „существенно различны“. Там „увечить и даже убить“, „резать должника сверху или снизу“; здесь, у закупа право „обжаловать и проявления самой юрисдикции господина“; 3) что „выделение“ peculium'a „для закупа установить нельзя“, „по отношению же к Schuldknecht'y оно прямо отрицается“, поскольку в его особное имущество входили вознаграждение за причиненный ему третьими лицами вред, вира за его убитых родственников и наследство; 4) что об освобождении норвежца и русского „только уплатой суммы долга“ говорить нельзя, поскольку о закупе это не доказано. В заключение Аргунов остановился и на некоторых более общих соображениях, препятствующих отожествлению закупничества и Schuldknechtschaft'a. 1) Норвежский институт „более архаичен, чем закупничество“: такова „жестокость мер, применяемых к несостоятельному должнику“ (в кодексе Магнуса втор. пол. XIII в. „введена норма о соглашении несчастного должника с кредитором, как и в Р. Правде“). Р. Правда моложе книги Гулатинга Роль родственников в Норвегии в судьбе должника — „несомненно переживание родового быта“. В древней Руси „родственники уже не появляются на сцене... зато явственно дает себя знать рука государственной власти. Это как будто другая уже эпоха“. 2) В норвежской Schuldknechtschaft — „быт оголенных отношений должника и кредитора“ „что делать, если должник не хочет работать? Что предпринять, если должник не может выкупиться? Как заставить его принести выкуп“. В „бытовой обстановке закупничества... все полно отзвуками труда на пашне, на скотном дворе. Это строй отношений по обработке земли, обстановка частновладельческого села. Самая «собина» закупа носит сельско-хозяйственный термин отарицы. В этой обстановке заметны расчеты на длительность установленного порядка, требуемую самой

сущностью земледелия и скотоводства... В то время как на древненорвежском институте лежит печать какой-то чрезвычайности и боевой напряженности... — в обыденной обстановке господского села... трудно обходиться одними чрезвычайными мерами и приходится как-то заинтересовать закупа. Конечно, и здесь отношения между господином и закупом носят следы борьбы. Но здесь... уложеньице о закупах как будто пишет расчетливый и вдумчивый хозяин, уже сознавший малую продуктивность холопьего труда... и мечтающий о таком своем работнике, который, будучи достаточно холопом, в то же время способен взять на себя ответственность и за свою работу и за хозяйское добро... Институт Schuldknechtschaft'a... непреклонен, не знает компромиссов... Напротив, закупничество Р. Пр. полно компромиссов... отражает собою переходное время, какой-то перелом и раздвоение в отношениях к зависимому человеку". 3) „По соседству со статьями о закупах, в Р. Пр... 13 статей, затрагивающих важнейшие интересы кредиторов и должников", причем банкрот обращается в „обельное холопство". „Какой же был интерес помещать дальше целый ряд статей о закупах, если они тождественны с банкротами древне-норвежского права": „о судьбе несостоятельного должника все сказано Р. Пр. ранее". „Странно было бы грозить тому же банкроту за бегство обельным холопством, когда он и без того уже обельный холоп". Относя „все уложеньице о закупах" к несостоятельным должникам, „сам Яковкин... роль торгового капитала в эту эпоху преувеличивает еще в большей степени, чем Гетц". — Приступив к положительной части своей работы, уже после предпринятых Грековым исследований „о генезисе феодализма в России" (Ист. сб. АН СССР, № 1), Аргунов применил сравнительно-исторический прием для реконструкции закупничества „в аспекте начальной стадии феодализации др. Руси". За аналогиями он обратился к явлениям чешским, сербским, польским и поморским, становясь на путь „тех из ученых 1860-х гг. [Леонтович], которые не только находили внутреннее сродство между Р. Пр. и древне-славянскими уставами, но и видели в некоторых из них как бы дальнейшее развитие институтов Р. Пр.". Подводя итог славянским аналогиям терминологического характера, Аргунов, однако, сам признавал, „что эти термины славянского права кажутся с первого взгляда мало похожими на закупов Р. Пр.", но приписывает это „просто" „застарелой привычке исследователей подводить толкование закупничества под голые юридические фигуры займа, залога, найма, оторванные от социальной среды эпохи". Но так как „в конце концов решающая роль должна принадлежать не терминологии, а результатам сравнения фактических общественных отношений, обнимаемых институтом у разных народов", то Аргунов обратился к сербским меропхам, „колонам сербского права" эпохи Стефана Душана

и, сравнив их (по 13 пунктам) с закупами Р. Пр., констатировал полное совпадение в вопросах: о бегстве и обращении в рабство, о разрешении отлучек (у сербов „на царский торг“), о праве жалоб, об ответственности господина за убытки и вред, нанесенные закупу, о запрещении продажи в рабство (у сербов — христиан неверным), о подсудности господину (у сербов — за исключением убийства, кражи, разбоя, приема беглых), об особном имуществе и хозяйстве, о „сроках выхода“ и условиях „выхода“ (умолчание в обоих случаях), об „обязательстве давать господину «копу» и исполнять работу на его хозяйстве“ (в Сербии „платежи и повинности меропха подробно регламентированы“) — и расхождение в вопросах: о „воспрещении передачи прав на закупа“ (отсутствующем у сербов), о наследственном пользовании землей (отсутствующем у русских), о запрещении „прогонять меропха с земли“ (отсутствующем у русских) и о праве русского закупа выступать по тяжбам с третьими лицами (отсутствующем у меропха). Аргунову представлялось, что это есть „полное совпадение“ „положений закупа Р. Пр. и меропха эпохи Душана“, и потому, ссылаясь на терминологические аналогии, он считает „несомненным, что закуп владел землей не на срок, а на наследственном праве“: „это был, так сказать, наследственный наем или наследственный откуп“, закуп — это „colonus cujusdam generis“, как называет меропха сербский исследователь (Даничич. Рјечник из кньижевних старин српских. Биоград, 1863—64, II, с. 103—105). Внутреннюю противоречивость русских и сербских „постановлений“ о закупах и меропхах Аргунов объяснял „общими историческими условиями др. Сербии и Руси“. Законник Душана „издан в эпоху чрезвычайных смут“; задачей Законника было, с одной стороны, удовлетворить требования властелей, поддерживавших власть царя, с другой, как-нибудь обеспечить доходность имений и удержать крестьян, разбегавшихся от насилий господ...“. „Нечто подобное предшествовало изданию устава о процентах, о холопстве и закупах в др. Руси [ср. выше, Грушевский, Пресняков]. Статьи о закупе имеют целью, прежде всего, обеспечить интересы землевладельцев удержанием крестьян на их землях... Давая им одной рукой кое-какие льготы, другой рукой устав вводит жестокие кары за самовольное оставление сеньории“. Аргунов не ограничился формулированием изложенной положительной концепции закупничества, и свою критику на этот раз направил на теорию не самозаклада (с которой он посчитался в первой работе), а найма, поскольку она обнаружила свою „живучесть“ и принята была Карским еще в 1930 г. [с. 101: „Закуп — это работник, нанимающийся за известную плату на определенный срок, закабаливающий себя на определенное время, наймит. Плату эту он, повидимому, получал вперед, в виде займа, который он должен был обработать. Значит он на время зака-

баливал себя за определенную «купу» — плату, цену, на известных условиях". Карский сослался при этом и на первую работу Аргунова, где сам же Аргунов (с. 29) выразился, что „закупничество... могло быть... институтом архаического наемничества..."]. Исходя из того, что в Р. Пр. „слово «закуп» встречается 10 раз, а «наймит» 1 раз", Аргунов выставил предположение (см. выше, с. 446, Ключевский), что „переписчик допустил какую-то ошибку, стараясь сказать одновременно и о закупе и о наймите, как разных юридических положениях". И в подтверждение привел (имевшиеся в виду еще Ключевским) статьи о наймите в Правосудии Митрополичьем: 1) „А се стоит в суде челядин-наймит, не похочет быти а осподарь, несть ему вины, но дати ему вдвое задаток"; 2) „А побежит от осподаря, выдать его осподарю в полницу"; 3) „Ащель убиет осподар челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога"; 4) „А закупного, ли наймита, то есть душегубство дати, ли в прирочнем человеце сутяжай есть, а послух нет" — где в двух первых статьях „отчетливо различаются наймит от закупного" и о закупе не упоминается, а в четвертой наймит от закупа отделен „разделительной частицей ли, указывающей не на тождество этих понятий, а на их различие" (там же „аще кто кому пострижет браду, ли главу", „а холопа своего, ли татя с поличным изнимав...", „а кто собаку убьет, ли кошку...") (Уч. зап., с. 1—38; Изв. с. 777—798).

Греков, если не считать принятия им одно время толкования „купы" как оброка (Проблема, с. 45—46), от чего впоследствии он отказался (Феод. отн., с. 120), не принял ни теории „прекариата" Рубинштейна, ни теории „наследственного найма или откупа" Аргунова, ни пересмотренной теории займа и дворного закупничества Максимейко, и дал свою социальную конструкцию закупничества и характеристику закупа как „разновидности рядовичей, через договор вступавших в зависимость крепостнического характера и становившихся частью зависимого населения вотчины рядом с рабом, в составе «челяди»". Греков приступил к изучению закупа с того, к чему подошел и с чем не справился Аргунов. С теорией закупничества как найма Греков посчитался, выяснив на пути, намеченном еще Пресняковым, понятие наймита, как „понимали его современники Р. Пр., а не так, как понимаем его мы". Прибавив к тексту (Вопросов Кирика) о „наиме, рекше лихва" указание на текст Поучения новгородского епископа Ильи: „А и еще слышно и другие попы наим емлюще, еже священническому чину отинудь отречено", Греков считает сближение двух понятий (наима = лихвы и наима = найма) в одном термине „само по себе знаменательным" и понимание „наима" в Р. Пр., именно как процентов, „весьма возможным". „Закуп, названный наймитом",

следовательно, так и мог быть назван, не вызывая двух разнородных юридических ассоциаций: „это человек, не просто продавший свою рабочую силу, но при помощи «долга», через особого рода «ряд»... попавший в особого вида личную зависимость“. Греков, однако, в противовес Яковкину (на которого ставит здесь ссылку), отказывается „делать большое ударение и на понятие долга“: „договор займа совершенно ясно обрисован в Р. Пр., но задолжавший человек еще не есть закуп. Закуп — зависимый человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости“. Греков считает последнюю „одной из обычных категорий феодальной зависимости населения, в какой находятся непосредственные производители в средние века вообще“. Этот „долг“ в данном случае играл ту же роль, что и при заключении договора о деревенской служилой кабале в Московском государстве, был условием покупки рабочей силы в уродливой форме феодальной кабалы и, может быть, и здесь как безусловно в Москве, часто шел не кабальному человеку, а его господину, от которого он переходил под такую же власть к другому. Это та самая кабала, о которой писал в свое время Ленин: „И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — совершенно также, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!“ (Лен. сб., IV, с. 237). Для выяснения понятия „наймит“ в применении его к закупническому „ряду“ Греков привлекает несколько текстов, свидетельствующих о живучести его в его архаическом смысле в юридической терминологии древности: таковы „наймиты, кто стражет на готовых конех, а в кунах“ XIV в. (см. выше, Лаппо-Данилевский, с. 456), где „готовые кони“ — „аналогия с конем, на котором пашет хозяйскую пашню закуп“, а „куны“ — „те самые деньги, при посредстве коих закуп становился в особую зависимость от своего господина“; таков текст Правосудия Митрополичья, используемый здесь, вопреки Аргунову, для уяснения тожества терминов „закуп“ и „наймит“, посредством устранения вставляемой Аргуновым запятой между „закупного“ и „ли наймита“ (в последней статье) с обращением „закупного“ в прилагательное к наличному „наймита“, а не к предполагаемому Аргуновым „человека“, — текст, напрашивающийся на „сравнение“ со ст. 56 в Кар. ред. („аже закупный бежит...“), ст. 89 Р. Пр. и статьей Двинской Уставной грамоты об огрешившемся „осподаре“, который, если „ударить своего холопа... и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлють“. „В Правосудии Митрополичьем челядин-наимит или (частица «ли» вполне соответствует здесь первому «ли»: «Аще ли убиет и т. д.») закупный стоит на суде по делу о желании разорвать свои закупнические отношения с господином. Он имеет на это право, но должен в этом случае вернуть своему господину задаток в двойном размере“. „Задаток — это тоже не совсем то,

что мы привыкли считать задатком. Наши древние памятники часто употребляют термины «задати», «задатися», в смысле отдаться, принять подданство, поступить под чью-либо власть... Задаток — это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние. Это и не совсем то же, что мы сейчас называем ссудой". „Одно из важнейших условий, порождавших закупничество и др. формы феодальной зависимости" — „массовое разорение смердов". Греков подчеркивает „следы революционного происхождения законодательства о закупах": „закупу гарантировано право суда со своим господином... довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа", „бросается в глаза декларативность, рассчитанная на политический эффект", таких статей, как о безнаказанном битье закупа „только про дело, но отнюдь не без вины". „В этих гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г." (ср. выше, Грушевский, 454). Анализ отдельных статей Р. Пр. (см. ниже) приводит Грекова к такой формулировке закупничества как формы феодальной зависимости: „зависимость закупа срочная", „закуп может выполнять самую разнообразную работу во дворе господина", „ролейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина" и „именно ролейному закупу [в Р. Пр.] отведено больше всего места", закуп „вне барского двора и барского хозяйства не мыслится", „закуп, постоянно работающий во дворе своего господина рядом с холопом, входит в состав барской челяди", „в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном от господина" — „перед нами один из видов отработочной ренты" (Феод. отн., с. 113—123; Киевск. Русь, с. 117—123).

Полосин ищет аналогий в материале, касающемся выкупа пленных, и приходит к заключению о „родстве закупов с «искупным лицом» договоров с греками и «окупным» полоняником актов Московского государства": „война эпохи Пр. Пр. порождала те же отношения и следствия, что война X или XVII в.". „Первейшей и главнейшей «causarum obligationis» закупа был выкуп из плена, с точки зрения «causa obligandi» — краткосрочный целевой заем, соединенный с самозакладом должника". „Единство корня («куп») при различии префиксов «ис», «за», «о»... подтверждает сходство явлений". Полосин обращает внимание на то, что Синод. сп. Пр. Пр. содержит постановления, касающиеся лишь личных прав закупа, и является наиболее древней редакцией, тогда как Тр. сп. содержит новые термины („ролейный", „наймит", „ролейный закуп") и ряд постановлений, определяющих права и обязательства закупа, и представляет наиболее позднюю редакцию. Статьи о закупах и самый термин „закуп-наймит" находят себе

аналогию в юго-славянских (болгарских) компиляциях греко-римского права, вошедших в „Закон судный людем". Такова статья в „Главизнах Леона царя премудрого и Константина о совещании обручения и о брацех и о иных различных винах" (Кормчая, ст. 50): „О свободных плененых от врагоискуплении. Иже от враг свободного искупая пленена и в своем поставляя его дому, аще может уреченную цену между има исполнити да отпущен будет свободен. Аще ли не может, да имать его за наимника, дондеже исполнится еже уречено бысть, заповедая яве яко от послух должному на коеждо лето за мзду купленному промышляти" — „черты сходства" здесь с Пр. Пр., по мнению Полосина, „очевидны". „Уподобление (не отождествление) «купленного» «наемнику» (= «мезднику») и противопоставление «цены» «мзде» несомненны". Но болгарский закон рассматривает обязательства, возникшие из окупа, как краткосрочные и не упоминает о „ролье", „скоте", „плуге и бороне". „Первичные закупы Русск. Пр. — это окупные полоняники", и эта масса пополнялась лицами, попадавшими в личную зависимость вследствие долга и по сходству своего социального положения получавшими наименование закупов (с. 187—203).

Юшков перечисляет, „когда и при каких условиях появляется долговое обязательство, которое может лежать в основе закупничества": „1) при найме, 2) при получении вперед заработной платы, 3) при отдаче отцом своего сына в кабалу за долг, 4) как условие отпуска на волю полного холопа, 5) при неуплате ранее сделанного долга, когда кредитор имеет право продать должника в полное холопство". „Однако... основным и типическим источником этого института... был заем и в меньшей степени наем. Однако и с точки зрения права и с точки зрения житейской практики невозможно различить, после того как закупничество уже оформилось, с кем мы имеем дело, — с рабочим или должником. Ведь закупничество ведет к одним и тем же последствиям — к одинаковой зависимости и одинаковой эксплоатации". „Закуп был наймитом, только не в смысле тождества его с закупом, — здесь о найме может итти речь не как о сущности закупнических отношений, а как о поводе для установления закупничества". „Долговые обязательства сами по себе закупничества не вызывают... долговое обязательство превращается в купу при определенных формальных моментах. Оно должно было быть оформлено, вероятно, путем объявления властям, при послухах, или фиксироваться в письменных документах" (Очерки, с. 72 сл.).

Романов подчеркивает цельность устава о закупах (ст. 56—64), который „ставит закупа, закупного человека, на тонкой грани между свободою и рабством. Соединение здесь, в порядке кодификации, статей собственно о закупах с некоторыми статьями о холопах объяснимо именно бытовой близостью, какую создавало для тех и других сожитель-

ство в боярщине — соединение, уточнявшее эту грань" (Уч. пос., с. 65—66). Задача здесь была не только в том, чтобы бытовое порабощение закупа отменить в законе и сформулировать его закабаление, но и в том, чтобы уловить при этом общие черты довольно разнообразных в жизни положений. Отсюда чрезвычайные чисто языковые трудности, которые и преодолевались позднейшими переписчиками статей о закупах, каждым на свой манер, плодя у них описки и бессмыслицы. Какова бы ни была практика этого устава, нельзя себе представить, чтобы он остался только декларативным документом. Нерушимым оставалось в этой практике, что закупничество — это сделка, ряд, договор, в основе которого лежала „купа" или „цена", которую закуп должен был и имел право вернуть, чтобы вернуть себе полную свободу. Другой вопрос, что на деле это означало лишь возможность для него переменить господина, выкупиться у первого на „куны", разысканные на стороне у второго, и сам закуп оставался все в том же круге работного ярма. Но оно было переменным, и это-то и не устраивало господина, стремившегося обеспечить себя вечным работником. Немыслимо, поэтому, чтобы господа не попытались открыть борьбу против этого устава (свидетельством и результатом которой явилась ст. 111). [*Б. Р.*].

Статья 56

Аже закуп бежить. Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искат кун, а явлено ходить, или[1] *ко князю или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не роботять его, но дати ему правду.*

Переводы

Ежели кабальный холоп, сиречь служащий по кабале, бежит от своего хозяина, то учинить его полным или крепостным холопом господину его; а ежель он отлучится не в намерении бежать, но по законной нужде, яко или для взыскания денег с должника своего, или, явясь к князю или к судьям, просить будет на своего господина в обиде, за то не подвергать его рабству, но дати ему суд (Б.).

Jeżeli zakupny człowiek uciecze od gospodarza, to się staje niewolnikiem, jeżeli zaś idzie poszukiwać pieniędzy, a jawnie chodzi, i albo do księcia, albo do sędziów ucieka się, z powodu że go gospodarz pokrzywdził, to za to w niewolę nie ma być obróconym, lecz oddać jemu sprawiedliwość (R.).

Wenn ein Erkaufter vom Herrn entweicht, so ist er ein Leibeigener. Geht er, um Marder zu suchen, und geht öffentlich, oder entläuft zum Fürsten, oder zu den Richter, wegen einer Beleidigung seines Herrn, so soll man ihn deshalb nicht versklaven, sondern ihm Recht geben (Ew.).

Если на время закабаленный человек уйдет от своего господина, то он через то делается полным крепостным холопом. Если же он отлучался для взыскания долга, или открыто ходил к князю или судьям для прошения на своего господина в обиде, то не обращать его в рабство, но дать ему расправу (Пл.).

Если закуп убежит от своего господина, то становится через то полным холопом. Если же он отлучился явно или бежал к князю или к судьям, не стерпя обиды своего господина, то не обращать его в рабство, но дать ему суд (Ст.).

---

1 *К* или *нет.*

Wenn ein Schuldknecht [zakup] von seiner Herrschaft entläuft, dann (wird er) ein [voller] Sklave. Geht er aber, um Geld zu borgen, und geht er öffentlich, oder eilt er zum Fürsten oder zu den Richtern um einer Kränkung durch seinen Herrn willen, so darf man ihn deshalb nicht zum Sklaven machen, sondern muss ihm Gericht gewähren (G.).

Комментарии

Соловьев: „Если наймит бежал от господина до срока, то становился за это ему полным (обельным) холопом" (I, с. 229).

И. Беляев: „Закупы могли отходить от своего господина, выплативши занятые деньги, или сделавши с ним расчет в обязательствах, какие были между ними и хозяином" (Кр. на Руси, с. 12).

Ключевский: „В Р. Пр. можно найти косвенное указание на действие этого общего закона [что „всякий неисправный должник, даже тот, которого «беззаконные наклады», т. е. лихвенные проценты, лишали возможности расплатиться с заимодавцем, мог быть продан в рабство"; слово Кирилла, Прибавл. к твор. св. отцов, ч. 17, с. 45: „вижу бо многи бьюща дружину свою из беззаконных накладов, дондеже продадятся поганым"]; по крайней мере, можно считать его последствием то постановление, по которому закуп, наемный работник-должник, пытавшийся бежать от своего хозяина-заимодавца, не расквитавшись с ним, обращался в его полного холопа, закон признавал его неоплатным должником" (Опыты, 1, 341—342).

Сергеевич: „Из нее [ст. 56] надо заключить, что наниматели пользовались всяким случаем, чтобы обратить наймита в обельного холопа". „Можно думать, однако, что эта практика [что „работник, уходивший до срока, терял свою свободу"] или не была повсеместной, или в XIII в. стала уже выходить из употребления" (ср. ст. 111). Начало ст. 56 и статья 111, по мнению Сергеевича, „могут быть, однако, и совершенно соглашены. Ст. 56 карает холопством тайное бегство... ст. 111 говорит о явном его уходе, причем он обязывается уплатить не отработанные деньги" (Др., I, с. 194, 197).

Дьяконов: „Итак, у закупа право иска на господина, и в этом существенное его отличие от холопа" (Очерки, с. 108).

Пресняков: „Обращение закупа в обельные холопы за побег... правило, резко отделяющее статьи о закупе от ст. 111 [о вдаче] и понятное только при задолженности закупа: долг же этот нет основания считать беспроцентным" (Княжое право, с. 302, прим.).

Павлов-Сильванский: „За бегство закупу грозит обельное холопство, и не только за бегство, но даже за самовольную отлучку из дома, которую так легко было признать за попытку бежать" (с. 226).

Гетц: „Точно так же древне-норвежское право определяет, что Schuldknecht, тайно оставляющий службу (Dienst) и переступающий границы земли (Volksland, считается беглецом и обращается в раба". Ср. „древне-норвежское постановление, что, если Schuldknecht хочет законно покончить с долговым рабством уплатой долга, он может требовать от кредитора $^1/_2$ месячного отпуска, чтобы достать необходимые средства" (III, с. 270 и 272).

Мрочек-Дроздовский: „Уйдет ли закуп искать кун явно или тайно (убежит от своего хозяина) — последствия одни и те же. При одинаковых последствиях закупу нет нужды бежать, если никто не мешает ему уйти явно; помешать же может только хозяин, не отпускающий закупа-истца к судьям (к князю или иным местным судьям) и тем причиняющий ему обиду: закон и ставит такой вынужденный побег в связь с обидою от хозяина". „В Синод. сп. настоящая статья стоит особняком и раньше особого свода о закупничестве — в Тр. I она присоединена к этому своду... значит раньше эти статьи были сведены в порядке повременном, в том, в котором велись отдельные записи, вошедшие в общий свод Правды" (Чтения, 1917, кн. III, с. 81).

Греков сопоставляет ст. 56 Пр. Пр. со ст. 27 Правосудия Митрополичья: „А се стоит в суде челядин наймит, не похочет быти а осподарь, несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу". „Здесь нет абсолютно ничего нового против того, что говорит Р. Пр. в ст. 56": это „закуп" стоит „перед судом по вопросу о расторжении своих отношений с господином"; двойной задаток — это „мера к удержанию закупа-наймита в зависимости от господина", это — „удвоенная сумма, взятая закупом-наймитом у господина в момент заключения договора", „всего вероятнее, это и есть купа" (Феод. отн., с. 89; Киевск. Русь, с. 118—119).

„Искать кун"

Ланге: „Аже закуп идет искать кун" — „означает только, что он мог итти жаловаться на исключение ему господином за работу из долга не такого количества кун, сколько следовало" (с. 181).

Лешков: „Если закуп ходит явлено, ища своих кун или платы на господине и управы на него перед князем и судьею, то..." (Р. народ, с. 155).

Хлебников переводил: „но если он [закуп] откровенно пойдет к князю или к судьям жаловаться на обиды своего господина, или искать перед судом своего имущества, тогда...". „Статья эта прямо объявляет, что смотрит на закупа, как на свободного человека не подсудного господину, вступившего с ним в договор... только в случае тайного

бегства или явного отказа от договора, без уплаты долга, закуп наказывался рабством, как несостоятельный должник..." (с. 242).

Владимирский-Буданов: „то делается полным холопом; но если открыто идет к князю с целью предъявить иск в своих деньгах (на своего хозяина) или к судьям жаловаться на обиду от хозяина, то за это не обращается в рабство; жалоба его должна быть рассмотрена. Следовательно закуп не лишен прав ни на личную свободу, ни на владение имуществом, ни на ведение исков. Личный наем тогда только делается источником полного холопства, если совершен без условия, без договора" (Хр., I, прим. 98).

Максимейко отметил, что списки Карамзинского типа (которые предпочел Владимирский-Буданов) пропустили союз „или" перед словом „князю" и сделали статью „неузнаваемой": 1) „выпало представление о закупе, как о лице, ищущем на стороне денег для расплаты с хозяином", 2) неуплата закупу денег выделена от обид господина, точно она — не обида, 3) почему денежная претензия подсудна только князю, а иск об обидах — судьям, 4) к судьям можно было „бежать", а к князю только „явлено ходить" (Закупы, с. 29).

Сергеевич: „Искать кун — занять денег" (Др., I, с. 194).

Дебольский: „Он [закуп] может открыто итти требовать своих денег судом от господина и тогда суд должен разобрать дело". „Мы не видим здесь никакого намека на заем... [Закуп] может и не брать платы вперед. И тогда хозяин обязан их ему платить, в противном случае закуп имеет право искать их по суду" (с. 91).

Гетц: закуп, „как и свободный, имеет право заключать договоры с другим господином, как и со своим, чтобы расторгнуть свои закупнические отношения" (III, с. 273).

Яковкин понял так, что Правда „разрешает" закупу „ходить по волости", очевидно, без согласия господина, „искать кун". „Здесь резко разграничивается, с одной стороны, хождение за кунами, а с другой — обращение к власти". „Очевидно для того, чтобы возвратить господину... купу и выкупить т. обр. себе свободу" (Ж. М. Н. Пр., 1913, апрель, с. 240, 241, прим.).

Мрочек-Дроздовский: „Хозяин не отпускает закупа искать кун: значит, этот иск ему нежелателен; с др. стороны — такой нежелательный хозяину иск закупа возникает, очевидно, из закупнических отношений, вне которых закуп свободен, и помимо которых хозяин не мог иметь никакого повода домогаться порабощения истца; следовательно, это — иск закупа на хозяине закупных денег, или договорной платы" (Чтения, 1917, III, с. 81—82).

Аргунов для аналогии цитировал ст. 122 Призренского списка Законника Душана (XV в.), „которою господам запрещается удерживать

своих людей от посещения рынков“: „Да несть вольнь властелинь, ни маль, ни великь, никто любо, задрьжати и зароучити свое люди или ине трьговце да не градоу на трьгове цареве, да греде всакь свободно“ (Зигель. Законник Душана, с. 68) (Уч. зап., с. 20).

Греков: „Правосудие Митрополичье вполне подтверждает эту правовую реальность для закупа уйти от своего господина: «а се стоит на суде челядин-наймит (это и есть «закупный») не похочет быти у господаря». Закон ясно говорит: «несть ему вины», но с него в этом случае господин имеет право взыскать «вдвое задаток». Вот для чего закупу необходимо «искать кун»“ (Феод. отн., с. 118).

Романов возражает: 1) Аргунову: „Пр. Пр. знает слово торг, однако же здесь о торге речи нет; да и глагол «искать» слишком далек по прямому смыслу от предлагаемого Аргуновым переносного толкования (ср. „пустити холопа в торг“, „пригостити“, „купити“, „продати“)“; 2) Мрочек-Дроздовскому, толкование которого „затруднено“ „разграничением... с одной стороны, хождения за кунами, а с другой — обращения к власти“, разграничением, которое 3) Владимирский-Буданов пытался устранить, приняв чтение Кар. сп. (без «или» перед «к князю»); однако „все остальные списки сохраняют это «или», делая неоспоримой случайность пропуска в Кар. сп.“ (Уч. пос., с. 66—67).

„Явлено ходить“

Сергеевич: „т. е. не убежал тайком, а явно пошел; это выражение опять показывает, что закуп живет во дворе нанимателя“ (Др., I, с. 194).

Ясинский дал справку: в „Актах Виленск. ком.“ (XVII, № 80) издано судебное дело по жалобе истцов на своих „мужиков непохожих“, „купленых“, что они „тых часов ночным обычаем от нас прочь пошли из статками своими“; ответчики утверждали, что они „люди господарские похожие, а не... жадные их невольницы“. Истцы, однако, объяснили, что их отец „закупил матку тых людей и 3-х дочек ее, сестр тых людей у 2 копах грошей... которые у нас уже выробилися; а тых двух [бежавших] [первый господин] продал их отцу нашему за 2 копе грошей не за паробков, але за койминцев, иж мели не у дворе у нас мешкати, але у домех своих под нами, якожь и мешкали служачи нам тым обычаем“. Суд постановил, чтобы ответчики истцам „служили и под ними у домех своих мешкали сами из статками своими по-старому; а естли бы ся им кривда в чом видела и они ся нехай з ними правом обходят, а украдком от них не отходят“ (Закупы, с. 454).

Павлов-Сильванский: „«Идет ли искать кун, а явлено ходить» относится также к специальному случаю самовольной отлучки с формаль-

ным заявлением господину (явлено ходит), что закуп идет искать кун чтобы выкупиться" (с. 226, прим.).

Максимейко видел здесь не просто „открытый образ действий", а „предварительное уведомление хозяина", притом не просто „явочный порядок", а получение от хозяина „отпуска", причем „предполагалось, что хозяин не будет препятствовать временной его отлучке" (для „расплаты" с хозяином же) (Закупы, с. 29).

Романов ищет разъяснения термина „явлено" с помощью текста, приведенного Ясинским („нехай з ними [хозяевами] правом обходят, а украдком от них не отходят"): „этот формальный момент, даже если бы налицо было разрешение (по Максимейко) или только осведомленность (по Павлову-Сильванскому) господина, не исключал в повседневном быту последующего вчинения хозяйского иска о якобы бегстве закупа, с целью обращения его в холопство. Весьма возможно, что именно ввиду такой практики господ Устав о закупах под «явлено» разумел формальное заявление о цели отлучки не господину, а представителю княжой администрации (ср. роль посадника в ст. 114), что и делало до известной степени реальным для закупа на суде (ср. «дати ему правду») установить легальность отлучки". „Если, по аналогии со ст. 114, господин «досочится» его (закупа) сам «в чьем-либо городе», то посадник не должен давать отрока для «увязания» закупа, так как случай ст. 56 отличался бы от случая ст. 114 тем, что посадник уже «ведает» об этом обстоятельстве после сделанной закупом заявки" (Уч. пос., с. 67—68).

Юшков почти так же: „Мы предполагаем, что закуп должен в каждом отдельном случае заявлять о своем уходе или перед послухами или перед местными властями" (Очерки, с. 81).

Грекову „все же кажется, что здесь идет речь о том случае когда закуп по соглашению [разрядка моя, — *Б. Р.*] со своим господином отправляется раздобывать деньги, в данный момент необходимые закупу для выхода из закупнического состояния" (Киевск. Русь, с. 116).

„Бежить обиды деля"

Сергеевич: „Здесь употреблено выражение бежит, т. к. от обид господина, напр. побоев, действительно надо было бежать" (Др., I, с. 199).

„Закупный человек"

Максимейко объяснял появление термина „закупный" и „закупный человек" в Кар. сп. и остальных пяти списках того же разряда тем, что „в той местности и в ту эпоху, к которым принадлежат назв. списки,

слово закуп употреблялось не в смысле запродавшегося бедняка, а в ином значении" (закупень Псковск. Судной гр. = торговец; то же в московских грамотах XVI—XVII вв. = иностранные купцы; закуп = заклад: „земли... ни променити, ни в закупи не поставити"). Переписчики и „сочли нужным пояснить... что под закупом Р. Пр. следует разуметь закупленного человека, а не скупщика или закладную сделку" (Закупы, с. 28).

„Госпóда"

Соболевский: „Это — совр. русское господá. Старый русский язык употреблял это слово как собирательное женского рода и склонял его в ед. числе" („на господу вадити", в догов. Новг. с тверским кн. 1270 г.; „кланяемся вам, господе своей, обороните нас", Новг. I лет. под 1342 и 1398 г.) (Ж.М.Н.Пр., 1886, апрель, с. 376).

Мрочек-Дроздовский предложил три значения: 1) власть; 2) жилище, домашний семейный очаг госпóды — домовладыки: домой = в госпóду; 3) дом — в смысле домового хозяйства. „Для домочадца, слуги, раба обязательно находиться при господском дворе-доме, и этот дом-двор для него есть госпóда, в состав которой он входит, для него быть в госпóде = быть у господина-господаря" (Чтения, 1917, III, с. 35).

Максимейко возразил Соболевскому, что тут же хозяин закупа назван не господою, а господином, и предложил (ср. Морчек-Дроздовский) придать госпóде „значение, которое она имеет в украинском яз., т. е.... двора или усадьбы". Замену „госпóды" „господином" в Кар. сп. Максимейко объяснял только тем, что переписчики „сошлись с ак. Соболевским", а не „местом и эпохой", к которой относятся эти списки (см. выше „закупный человек") (Закупы, с. 28).

Статья 57

О закупе же. Аже у господина ролеиныи закуп, а погубить вои скии[1] *конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу*[2] *емлеть, то то погубивше платити; аже ли господин его отслеть на свое орудье,*[3] *а пошбнеть без него, то того ему не платити.*

Переводы

Ежели чей пахотный наймит утратит собственный конь, в том он никому ни отвечает; а ежели он потеряет что из данного ему от его господина, который его содержит, яко плуг и борону, за то должен он господину своему заплатить. Если же господин пошлет его куда за своим делом, и пропажа учинится без него, в таком случае неповинен он платить господину за пропавшее (Б.).

Jeżeli będzie u gospodarza rolny zakupień, a zgubi swego „wojskowego" konia, to nie ma płacić; lecz, jeżeli jemu dał gospodarz pług i bronę od którego on kopę „kowę" bierze, tedy gdy to pogubi, winien zapłacić. A gdy jego gospodarz poszle go za swoim interesem, a co w czasie jego niebytności zginie, tego nie ma płacić gospodarzowi (R.).

Wenn jemand ein zum Landbau Erkaufter ist, und das ihm zugeeignete Pferd geht zu Grunde, so bezahlt er es nicht. Wenn ihm der Herr Pflug und Egge gab, und von ihm den Schober nimmt, so muss er das zu Grunde gegangene bezahlen. Wenn ihn aber der Herr auf sein Arbeit schickt, und er verliert etwas ohne ihn, so bezahlt er diess nicht (Ew.).

Если у господина будет наемный земледелец, и потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответствовать, а ежели утратит плуг и борону, данные ему господином, от которого он получает плату, то он должен за сию потерю заплатить господину. Если же сии вещи пропали в его отсутствие, когда он послан был за господским делом, то в сем случае наемник не обязан платить (Пл.).

---

[1] *А II* воиньскыи, *К* своискы.

[2] *С* кову, *НС, РЛ, МП, К* копу (*но РМ* купу).

[3] *МП* на ино орудье (*но А II* на свое).

Если у господина живет земледельческий закуп, а погубит своего военного коня, то ему за то не обязан платить. Но если господин, от которого он получает ссуду, даст ему плуг и борону, то за пропажу их он должен заплатить; но он не платит за хозяйскую вещь, им взятую, если она пропадет без него, когда господин пошлет его на свою работу (Ст.).

Wenn ein Herr einen Acker-Schuldknecht hat und dieser verdirbt sein Pferd, so muss er [der Acker-Schuldknecht] (es) nicht zahlen. Wenn ihm aber der Herr, von dem er die Nahrung bekommt, Pflug und Egge gab, so muss er das, was er verdorben hat, bezahlen. Wenn aber der Herr ihn zu seiner Arbeit entsendet, und es geht (etwas) ohne ihn zugrunde, so braucht er das nicht zu bezahlen (G.).

Комментарии

Полевой, назвав ст. 57 „темной", дал ее пересказ совместно со ст. 58, повидимому, основным и объединяющим предметом всего житейского казуса считая утрату коня (ср. ниже, Греков, с. 492): „если закуп утратит своего коня в поле, господин ему ничего не платит; но за коня, соху и борону хозяйскую, если потерялись в поле, и конь не был введен во двор и конюшню хозяйские, закуп обязан платить, кроме того, если он отлучился от них, будучи послан на другую работу хозяином. Если же конь был введен в хлев, и орудия земледельческие положены на место, закуп не отвечает" (II, с. 179).

Ланге: „Это значит: «...если господин давал ролейному закупу плуг и борону, т. е. такие вещи, которые по роду его занятий были ему необходимы для очистки купой своего долга (от них же купу емлет), то за растрату их закуп обязывался удовлетворить хозяина, но продаже не подвергался... Закуп не отвечал, когда господин отсылал его на другую свою работу...". „Постановления Правды, налагавшие на закупа обязанность платить господину за растрату его собственности (ст. 53, 54) [А, 57, 58], не должно понимать так, что закупу тотчас нужно было удовлетворить господина наличными деньгами, которых у него, как у несостоятельного должника, не могло быть, но что он обязывался только отработать свой долг. В Старом Лит. Статуте... сказано, что закупу, получавшему присевок для прожитка, засчитывалось за год работы 12 грошей, а не получавшему присевка — полкопы грошей (т. е. 30 грошей)" (с. 181—189).

Владимирский-Буданов: „Если закуп земледельческий, т. е. получивший участок земли и взявший подмогу (капитал на обзаведение), потеряет свойского (по др. спискам войского, по Ланге верхового) коня, то не платит за это; но если истеряет имущество (плуг и борону), данное ему хозяином (на его ответственность), от которого он получает

«копу», то за это закуп платит; впрочем, если имущество пропало без него, когда хозяин послал его за своим делом, то не платит". „Сухов находит в этой статье постановление о наказании за преступную неосторожность. Но здесь нет речи ни о преступлении, ни о наказании, а только о гражданском взыскании имущества, утерянного без всякого участия злой воли того, кому оно было вверено" (Хр., I, прим. 99).

Мацейовский: „Закуп приходил или со своим инвентарем, или получал его вместе с необходимыми для обработки земли (рольи) орудиями, именно плугом и бороной, от хозяина, и отвечал за него или собственными деньгами (кунами), или купой, копой или отарицей" (II, § 107, с. 133—134).

Сергеевич: „Закуп имеет свою собственность и сам отвечает за убытки, причиненные его действиями нанимателю" (Др., I, с. 192).

Пресняков: „Неясно, всегда ли он — «ролейный» закуп. Пашет он, по крайней мере, иногда на своем коне (ср. смердьего коня II редакции) [А, 28 Кр. Пр.], но иногда («еже») получает борону и плуг..." (Лекции, I, с. 196).

Павлов-Сильванский: „[Закупы] работают с господскими конями и за всякое повреждение хозяйского инвентаря подлежат денежным взысканиям" (с. 227).

Яковкин: „Если закуп терял выданные ему плуг и борону, то при получении с него выкупа (когда „купу емлеть") [ср. выше, Пресняков], господин имел право требовать уплаты стоимости орудий" (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 111).

Мрочек-Дроздовский: „При отсылке и отлучке конь, плуг, борона остаются на поле, значит дело, по которому закуп отослан или сам отлучился, не требует ни рабочего коня, ни земледельческих орудий — это дело не-ролейное, и Пушк. вариант правильно определяет его «ино орудие»" (Чтения, 1917, кн. III, с. 83, прим. 93).

Максимейко: „Заключительная часть... статьи, начинающаяся словами — «оже ли господин отслеть его на свое орудие» и т. д., показывает, что предшествующий текст ее предусматривал тот случай, когда плуг и борона давались закупу не в качестве необходимой принадлежности его работы на господском поле, а в качестве ссуды, необходимой ему для обработки своей собственной нивы; в последующем же тексте говорится о том, что закуп... мог быть оторван от этой работы и послан на хозяйское дело". Имея в виду Пушк. вариант: „ино орудие", вместо „свое", Максимейко объяснял его тем, что переписчик усомнился в существовании у закупа „обособленного хозяйства", и „выходит, след., что... [в обоих случаях] закуп работал... на хозяина; только работа его имела неодинаковый характер" (Закупы, с. 33).

Рубинштейн: „[ст. 57] предусматривает освобождение закупа от ответственности за утрату господских вещей «аще ли господин его отошлет на свое орудие» — за своею справою. Значит, основная часть статьи предусматривает, как нормальное явление, отлучку закупа по собственному делу. Еще более определенно высказывается в этом отношении ст. 58, говорящая об использовании закупом господской скотины «орудия своя дея»“ (с. 51).

Аргунов считал, что в ст. 57 — „два различных казуса“. „Не случайность и не произвол переписчика“, что фраза „от него же купу емлеть“ не вставлена „в начале тирады“ и „не сказано: «аже у господина ролейный закуп, от него же купу емлет» — ибо „ролейный закуп купы или копы господину не дает: он пашет на господской пашне господским же инвентарем, в то время как закуп [вообще] может работать и... на своей пашне, отдавая господину копу. В первой части тирады (ст. 73 по Сергеевичу) логическое ударение должно быть на словах «у господина ролейный закуп», во второй части (ст. 74 по Сергеевичу) на фразе «от него же купу емлеть». „У господина ролейный закуп, не отвечающий за утрату господской лошади — дворный ратай, не имеющий собственного инвентаря... он пашет ролью господскую, т. е. не для себя... Повидимому, господин... стремится взыскать с закупа-ратая за утраченного коня во что бы то ни стало. Вот Р. Пр. и воспрещает делать такого ролейного закупа ответственным за утрату господского коня на работе в пользу господина, пока... не доказана... вина со стороны закупа. Условия этой виновности перечислены [в ст. 58]“. Указанное деление Аргунов считает „относительным и условным“ и допускает переход ролейного закупа на „работу своим инвентарем“, с „накоплением отарицы“. Да и „дифференциация ответственности закупа в зависимости от его хозяйственного положения и системы эксплоатации господской земли, на которой он сидел, была... лишь частностью и не нарушала единства всего института закупничества Р. Пр.“ (Уч. зап., с. 17—19).

Греков дает толкование ст. 57 и 58 в их совокупности, причем слова: „но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то ему погубивщу, платити“ — выделяет, как „пояснительную вставку“, подчеркивающую, что плуг и борону господин закупу „дал“ и закуп „держит их у себя дома, на своем участке“, „поэтому здесь не может быть никаких случаев: хозяин дал и требует, чтобы закуп ему вернул данную вещь или ее стоимость“. „Это «дал», ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупу не давал, конь все время находился в господском хлеве или забое...“ Обе статьи говорят о ролейном закупе и о господском коне, „с которым закуп не расстается в своей работе“, и предусматривают 5 случаев: „1) господский конь погиб... когда закуп работал им на своего господина

[на барщине]; 2) [конь]... погиб в отсутствие закупа, посланного хозяином на другое дело; 3) коня украли из закрытого помещения, куда его загнал закуп...; 4) коня украли по небрежности закупа (он не загнал его...); 5) хозяйский конь погиб... когда закуп работал им на себя". В первых трех случаях закуп за коня не отвечает, а в двух последних отвечает и платит „стоимость коня" (Киевск. Русь, с. 117).

„Ролейный закуп"

Чичерин: „[ролейный закуп] вероятно сидел на земле своего хозяина" (с. 155).

И. Беляев: „Ролейные закупы... кажется садились на господской земле всегда при господской ссуде... в ролейные закупы поступали только такие бедняки, которые не имели ни своих орудий земледелия, ни рабочего скота, ни хлеба на прокорм и семена и все это получали от господина, на земле которого садились..."; „...жили своим мелким хозяйством и, кроме работ на господина, работали на себя господским же рабочим скотом и орудиями на господской земле" (Кр. на Руси, с. 13).

Ланге: „Ролейными закупами назывались те, которые обрабатывали господскую ролью, т. е. землю, и вместе с тем получали и себе участок земли на присевок для прожитка, а не ролейными те, кои, не занимаясь вообще земледелием, а находясь при господине, не получали такого присевка... и первым засчитывалось за год работы в счет должной суммы менее, а последним более" (с. 182).

Максимейко: „Аналогией им могут служить т. наз. крестьяне-месячники, известные крепостной России" (Закупы, с. 30).

Аргунов — о ролейных закупах см. выше, с. 472.

Юшков считает возможным так „уяснить форму и характер эксплоатации закупов. Закуп живет во дворе господина. Ролейный закуп, — а этот вид закупов был, несомненно, основным и наиболее типическим, — получает коня, плуг и борону от господина. Конечно, закуп может работать только на господской пашне. Поскольку закуп только в некоторых случаях мог отлучаться с господского двора, можно думать, что он находился на полном хозяйском иждивении — кормился и жил вместе с дворовой челядью" (Очерки, с. 80—81).

Романов, примыкая к гипотезе Хлебникова, поддержанной и Рубинштейном, о том, что „лица, которые через закупничество переходят в крепость, влекут за собою и земли" (Хлебников, с. 281), обращает внимание на то, что „плуг и борона здесь работают на ролье закупа": „когда господин отсылает закупа на хозяйскую работу («свое орудье»), инвентарь остается на месте без призора закупа: закуп идет на барщину, которая отбывается им в стороне от его рольи, на барском поле"

(Уч. пос., с. 70). — Ролейный закуп живет вне господского двора и работает на себя (ст. 57). Обычно он работает на себя своим инвентарем и, кроме того, отбывает барщину, „орудье"; но „еже (т. е. если) дал ему господин плуг и борону", то господин взимает („емлеть") с него оброк, „копу" (натурой), за пользование этим мертвым инвентарем (см. ниже, с. 502) и, кроме того, „отсылает" его „на свое орудье" (т. е. на барщину). Такой закуп назван в ст. 57 „ролейным"; но тут же подчеркнуто, что не всякий закуп — ролейный („аже", т. е. если „у господина ролейный закуп", то к нему и применяется ст. 57). *[Б. Р.]*.

„Воиский своискы"

Ланге: „верховая[1] лошадь, то в таком случае закуп не отвечал, потому что постоянный, тщательный надзор за означенной лошадью не согласовался с родом его занятий..." (с. 189).

Чичерин: „У него [закупа] была своя собственная лошадь; он работал и на себя, хотя обязан был также работать на господина" (с. 155).

Хлебников: „Сомнительно, что разумелось под словом «войский конь»? Но так как закуп был полусамостоятельный крестьянин своего хозяина, боярина-дружинника, то весьма вероятно, что в числе других предметов, ему поручалось стеречь дорогих коней, которых их господин употреблял во время походов; за потерю этих коней земледелец не должен отвечать, т. к. это не входит в круг его прямых обязанностей" (с. 243).

Сергеевич: „Допустим, хотя это и трудно, что «войский» значит «воинский» (трудность же такого допущения состоит в малой вероятности, чтобы в XIII в. у нас обособились уже кавалерийские лошади от упряжных); остается непонятным, почему закуп, погубив своим небрежением такого коня, не платил убытков. Объяснение г. Ланге... представляется искусственным. Остается второе предположение... «свойский», т. е. свой конь, принадлежащий закупу (свойский — значит еще домашний в противоположность дикому, так и теперь в Литве. Но вред, причиненный хозяйскому коню, должен вести к вознаграждению убытка)... Допустим, что... были и такие [закупы], которые подряжались на сельские работы на своих лошадях... Что закуп не платил, погубив свою лошадь... об этом нечего было и упоминать в статье, имеющей предметом убытки нанимателя. Но от пагубы лошади, на которой наймит подрядился работать, мог возникнуть убыток нанимателя... Освобождался ли он от вознаграждения за такой убыток? Это очень трудно допустить. Т. обр. и при этом втором предположении рассматриваемое правило остается не вполне ясным" (Др., I, с. 193).

[1] Разрядка ниже до с. 497 всюду моя, — *Б. Р.*

Ясинский: „В Лит. Метр., кн. Судн. дел, № 1, л. 9 имеется запись о разбирательстве по делу о «заставе» ответчиком (боярином Якубом Самодуровичем) «человека своего» истцу «в 30 золотых без золотого», с тем, что до отдачи этих денег Якуб «дал бы человеку тому во всем впокой, ни в чем бы его не рушал, под виною господарскою под 30 рубли грошей, а што клячу в того человека пограбил бы, ино што тая кляча гинула 6 недель, а службы не было, и мы (казали) навязати на клячу полкопы грошей...»" (Закупы, с. 451).

Пресняков: „Следует, повидимому, признать, что иногда закуп пашет на своей лошади, т. к. ... варианты «войский» и «воинский» не дают понятного смысла" (Княжое право, с. 299).

Павлов-Сильванский: „В Р. Пр. свой всегда означается тем же словом свой, а не свойский... Но слово свойский по Далю значит домашний. Этот смысл слова сюда вполне подходит. Статья предусматривает наиболее обычный в житейской практике случай: конь пал, а господин взыскивает с закупа. Более редкого случая, что конь пал по небрежению закупа, Правда не предусматривает" (с. 227, прим.).

Яковкин приводит выдержку из текста Студийского Устава XII в. (Горский и Невоструев. Описание славянск. рукоп. Моск. синод. библ., Отд. III, ч. 1, с. 239—263): „преподобного отца нашего исповедника Федора запрещении едино се есть, еже и свойскую одежю худу имети должно". „Свойской одеждой здесь названо платье, переданное в распоряжение и пользование монаха, составлявшее, так сказать., его peculium... В состав отарицы... входил и конь, и если таковой погибал, то закупу не нужно было платить за него господину" (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 117).

Максимейко подчеркивал, что в „свойского" обратили „войского" коня только списки Карамзинского типа, и потому считал это „позднейшим искажением текста". „Переписчик заменил войского коня свойским, м. б., потому, что, подобно современным комментаторам Р. Пр. [Сергеевич и др.], сомневался, чтобы в тот период у богатых бояр рядом с рабочими клячами имелись уже военные лошади, а, м. б., потому, что не понимал, почему ролейный закуп не должен был отвечать за пропажу воинского коня" (Закупы, с. 31).

Рубинштейн принимает вариант „свойский" и объясняет, что „освобождение от ответственности может и должно иметь место при наличии полной имущественной обособленности («відокремленості») господского хозяйства и собственного хозяйства закупа", потому что „утрата работником своего коня, без сомнения, наносит материальный вред господину" (с. 52).

Аргунов читал „свойский" (свой — свойский, всякий — всяческий, такой — таковский) и пытался „обосновать" фразу, брошенную Павловым-

Сильванским о закупах, что они „работают с господскими конями". „Да, свойский — это его, господина, собственный конь". Пропуск. местоимения „его" — это „лаконичность древнего памятника": „надо было бы сказать... «свойский его конь»" (Уч. Зап., с. 14—15).

Греков: „Свойский" = свой, в данном случае господский (Киевск. Русь, 3-е изд., с. 122).

Полосин принимает чтение „свойский конь": „конь являлся собственностью закупа, который как ратный человек в прошлом приходил из полона с лошадью и, становясь закупом, сохранял на нее право" (с. 197—199).

Юшков решительно признает „первоначальным" чтение „войский", сохраненное Тр., Синод., Пушк. списками и всеми производными от них „без всяких отступлений"; список же Карамзинский, где говорится о „свойском" коне — поздний: для переписчика здесь „казалось неясным, почему закуп не отвечает за потерю войского коня". Чтение „свойский" „ведет к целому ряду неустранимых неясностей": 1) „зачем нужно было упоминать, что закуп не платит господину за своего коня? какое дело господину, что закуп потерял свое имущество?"; 2) „почему в статье не говорится о потере господского коня, а говорится о потере плуга и бороны?". И Юшков предлагает такой перевод ст. 57: „если у господина будет ролейный закуп и он погубит военного коня, то ему не нужно за него платить; но если господин, у которого закуп берет купу, дал ему плуг и борону и он погубит коня, данного для пашни, то ему нужно платить. Если же господин отошлет закупа по своим, господским, делам, и конь, находящийся на пашне, погибнет в его отсутствие, то закуп не должен за него платить". Вводя здесь, от себя, второго коня, Юшков устраняет ту странность, что „законодательство специально посвятило целую статью плугу и бороне, которые в этот период были самодельными... не имеющими особой ценности", и устраняет отмеченное второе „недоумение". Войский же конь — это „не кавалерийский конь, а такой, с которым закупу приходилось иметь дело на войне", так как закупы „должны были входить в состав ополчения господина, составлять его свиту, причем многие из них были на конях, конечно, господских... Во время военных действий конь, находившийся в распоряжении закупа, мог быть убит или вообще потерян. И вот за этого коня закуп... не отвечал". Итак, „закуп коня не имеет и... не может иметь, иначе он не был бы закупом. Конь был слишком ценным имуществом, и при его наличии не было смысла итти в закупы... был больший смысл продать коня, нежели итти в полную кабалу" (Очерки, с. 76—80).

Романов, исходя из положения, что смерд (или кто-либо другой) шел в закупы со своим конем, считает, что вариант „свойский" не вызывает недоумений, вариант же „войский" вызывает, поскольку

„войский“ = военный, воинский. Возражая Юшкову относительно участия закупа в свите господина на войне, Романов указывает, что закупы — те же смерды, а смерды известны в походах „пешцами“, лошади же смердьи мобилизовались на поход (ср. Лавр., под 1103 г.) едва ли в качестве лошадей кавалерийских, верховых. Из трех известных нам разновидностей коней на походе: коней „поводных“ (верховых, Ипат. лет., под 1152 г. и 1185 г.), „сумных“ (вьючных, Ипат., под 1208 г.) и „товарных“ (обозных, Ипат., под 1152 г.), т. е. упряжных — смердьи, вероятно, преимущественно набирались в обоз. Помимо этих соображений против варианта „войский“, в пользу варианта „свойский“ говорит еще и то соображение, что центр тяжести в ст. 57 и 58 лежит в общем вопросе о живом и мертвом инвентаре и его сохранности. В качестве примера употребления термина „свойский“ Романов напомнил (Уч. пос., с. 69) текст северно-русской грамоты: „а двор достался Семену Григорьевский, вынести Семену из свойского двора хоромы свои все опроче двои изб“ (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. XIII, кн. 2, с. 146) и обращает внимание на термин „мойский“ в смысле „мой“, в великорусском языке XVI в.: „а поместье, сказал, за ним... в Клинском уезде... а жена де моя и ныне жива, а поместье у нее мойскова государь не отнял...“ (Сб. РИО, т. 129. с. 196) [*Б. Р.*].

Греков „первоначальным“ термином признает „войский“. Но „первоначальное значение слова «войско» у славян было — люди, объединенные либо родством (куча, жупа), либо хозяйственными интересами. Отсюда и «войский» первоначально обозначало «домашний», «принадлежащий данному хозяйству», «свой». Термин этот по мере устарения был заменен совершенно равнозначащим «свойский», на юге нашей страны и на Украине до сих пор употребляющимся в значении «домашний, принадлежащий данному хозяйству». Вероятно, на севере, где этот термин не был знаком, переписчики, не понимая смысла слов «войский» и «свойский», произвольно изменили его на термин «воинский», чем несомненно исказили первоначальный их смысл“. „Ролейный закуп... запрягает... господского коня, стережет господских коней...“ (Киевск. Русь, с. 119 и 121).

„Купа“, „копа“, „кова“

Болтин: „Копа денежная плата, жалованье. Сие слово осталось в употреблении в малороссийском наречии... так называется там числительная монета, из 50 копеек состоящая, каковой в сущности нет и не бывало, и означая вещи цену говорят обыкновенно копа, две копы, полкопы и пр.“.

Карамзин: „Истинное слово подлинника есть кова... от глагола ковать... Так могли называться деньги, за которые слуга

шел в неволю временную: он ими как бы оковывал себя" (II, прим. 92).

Раковецкий: „В Малой Польше, особенно в современном воеводстве Плоцком, имеются крестьяне, называемые «kopczarzami», потому что они получают с поля kopczyznę, т. е. определенное оговоренное количество зерна, быть может, слово «копа» означает то же, что kopczyzna" (II, с. 132—133, прим. 36).

Давая перевод этой статьи, Рейц вовсе опускал слова „от него же купу емлет": „но если у него соха и борона господские, то он отвечает за их сохранность..." (с. 194).

Дубенский сослался на статью Сабинина (Ж.М.Н.Пр., 1837, окт., с. 49). „сравн. скандинавское kaupi, at caupa — emo, mercor" — и в то же время сам считал „возможным пояснить" копу „глаголом копить, собирать, потому что в известные сроки (ежегодно) по долям накоплялась со временем полная сумма, за которую закуп кабалил себя и, выслужа которую, он делался свободным" (см. ст. 59) (с. 88).

Мацейовский: „Под купой Вислицкий Статут (ст. 38) понимал определенное количество снопов или вымолоченного из них зерна, которое, видимо, полагалось наемнику за работу на основе договора" (II, § 107, с. 134).

Ланге: „Под купой разумелась та сумма, которая всем вообще закупам... засчитывалась за год службы у господина, т. е. купа была не что иное, как ежегодный выкуп долга работой...". „На самое количество купы, кажется, указывает ст. 39 (А, 43—44): «аже крадет гумно... а за лето возьмет по полугривне»... Предполагается, что если поличного не было и вор оказывался несостоятельным к вознаграждению убытков, то обращался в закупа, и в таком случае засчитывалось ему за год работы по полугривне... Выходит, что закупу за год работы засчитывалось... 25 кун" (с. 182).

Хлебников: „Купа объясняется... [словами], что земледелец емлет купу от плуга и бороны, а потому купа, конечно, означает жатву" (с. 244).

Соболевский: „Странное слово купа или копа не имеет почти ничего сходного по звукам со словом ков и не может быть с ним смешано". „Наиболее вероятен" вариант: „уведеть кову или отарицу", „где значение слова кова объясняется сопоставлением его со словом отарица" (см. ниже, с. 513). „Глагол уведеть показывает, что кова означало что-то подобное отарице... В словацком языке существует слово chova = корм". Соболевский переводил: „сельский закуп, получающий плуг и борону от того господина, от которого получает средства к пропитанию..." (Ж.М.Н.Пр., 1886, апр., с. 380).

Сергеевич: „Но еже дал ему [закупу] господин плуг и борону, от него же купу (вар. копоу, денежная плата, груда, куча, копить, купить,

купец) емлеть, то то погубивши платити". Это место статьи надо понимать в том смысле, что „наемные рабочие" „получают заработную плату вперед" (Др., I, с. 191).

Дебольский: „Скорее можно подразумевать здесь периодическую плату, в виду формы «емлеть»" (с. 92).

Рожков: „Купа вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупом, что подтверждается и словом прикуп, означающим, м. пр., то, что человек «срезит», т. е. прибыль от роста, от дачи в долг" (Обзор, с. 58).

Яковкин, возражая Дебольскому, заметил, что если даже допустить, что „форма «емлеть» здесь, действительно, как будто говорит о повторяемости действия... само по себе констатирование этого ровно ничего не дает. Важно знать, что именно мог получать закуп". „Весь контекст ст. 57 и 59 с очевидностью убеждает, что под купой (копой) составитель Правды разумел что-то совершенно иное", а не „славянское «купа» или «коуп» (по-сербски: хрпа, по-чешски и польски: купа), соответствующее немецкому «Haufen»... Здесь мы как раз встречаемся с занесенным в Правду норвежским термином «kaup» [ср. выше, Дубенский с. 498]. «Kaup» означало в устах норвежца всякий двусторонний договор". „Kaupa" употреблялось в тех случаях (Amira, II, с. 283, 287, 679, 285) „wo man sich, oder einen andren in einen bestimmten Zustand versetzt, oder aus demselben entfernt... wo auch wir sagen, dass man sich oder einen andren ein- oder los- oder auskauft". — Яковкин отсюда заключает, что „этому соответствовали глаголы: закупить, выкупить(ся)". „Норвежская практика... употребляла выражение «kaup» не только для обозначения понятия договора, но также и того объекта, относительно которого заключался этот договор, вследствие чего kaup называли и отчуждаемую вещь, и то вознаграждение, которое приобретатель выплачивал отчуждавшей стороне". Яковкин отсюда выводит: „господин закупал закупа, и та плата, которую он платил за него, называлась купой". „Понятно, почему во многих списках Пр. слово «купа» заменено в ст. 59 словом «цена». То и другое имеют в общем один и тот же смысл... Но купа, однако, не была ценою в современном значении; уплачивая ее, господин не приобретал права собственности на закупа". „Мы можем определить купу, как денежное выражение долга, связывающего закупа". Ср. ст. 107 Псковск. Судн. гр.: „А кто коли заклад положит в пенезех что любо, а по том времяне имет пенязи отдавати, а своего заклада просит, и он запрется его закладу, а молвит так: тебе есми пенязи не давал, а у тебе есми заклада не взял; ино той суд как зблюдению, на три воли тому человеку, на ком сочат... или ему закладную цену ценою положити у креста" (Ж.М.Н.Пр., 1913, апр., с. 259—260; май, с. 109—110).

32*

Мрочек-Дроздовский полагал, что „в древнем подлиннике было: копа“; „вражда = ков (злоба, злой умысел)“; „кова вместо копа: можно думать, что эта ошибка (*в* вместо *п*) повела и к другой — кова заменена враждою [Син. сп.]. Слово кова, повидимому, вовсе не употреблялось в др.-русск. яз. (см.: Срезневский, Материалы)“. „Если бы в подлиннике было: купа, то не могло бы и быть первой ошибки — вм. купу нельзя прочесть кову. О чтении: копа — купа заметим след.: слово купа — не позже XII в., — в Златоструе этого времени по описанию Срезневского читаем: «свьнувше (свьнувшю) же свещеваем о купе (о купле) и на торг течем», — купа = купля; купля ж = скоп, скопление (от копити) — отсюда: купля и копа = скопление, приобретение, как и плата за приобретение, — оба признака купли-продажи, из которых каждый мог употребляться в речи как часть вместо целого — оба чтения (копа и купа) одинаково правильны. При добровольном закабалении копа-купа, несомненно, есть та ценность, за которую вольный человек идет в кабалу“ (Чтения, 1917, кн. III, с. 84, прим. 94).

Максимейко подчеркивал, что в древнейшем Син. сп. и только в нем вместо „купы-копы“ стоит „кова“. „«Кова» предшествовала купе и копе“: не только потому, что „она находится в древн. Син. сп.“, но и потому, что „купа и копа более доступны пониманию, чем кова“, это „результат толкования... загадочного оригинала“. Максимейко не согласился с Соболевским, что „хова“ — это только „средства пропитания“. „Хова обозначала понятие содержания вообще“ (Лит. Ст. 3 ред., V разд., арт. 22: „а самых мают ховати до смерти их даючы им одежу и живность пристойную...“). „Ховой мог служить и земельный надел“: „теж писара местского мають у себе у месте своем ховати и тому писару мають они межы себе волоку дати, с чого бы он мял живность собе мети“ (Акты Лит.-Русск. гос., изд. Довнар-Запольским, с. 191). „В Лит.-Рус. государстве... холопам выдавалась месячина в определенном размере; но если они получали от господина т. наз. бонду [см. ниже, с. 513, Ключевский] и полевые участки в пользование, т. е. имели... свои прироби и присевки, то размер их месячины уменьшался“. „В 1540 г.... рассматривалась жалоба... «штож дей был есьми у него в наймех и робил ему от десяти лет и он дей им по тыи прошлыи лета присевок давал, а теперь дей на сее лето бочки жита присеяти не хочет»; а ответчик объяснил: «на сее дей лето прошлое от сих мест не хочу ему присевку дати, бо дей не хочу его в себе мети и ховати»“. „О присевках закупов говорит Лит. Статут (1 ред., XI, 7)... В 1540г... Гринець... находился в заставе у Гродненского войта у 4 копах грошей, «а выпусту тому Гринцу... на кождый год по 10 грошей с тых пенязей, а присевку по бочце жита, пана войтово насенье и поле и ку тому по севни гредчины» (Акты Виленск. ком., XVII, № 272)“. „Таковы разно-

образные виды ховы, известные лит.-рус. памятникам". Р. Правда, „упоминая мимоходом... о хове, имела в виду... наделение закупа землей, продукты которой шли на его содержание. Вот почему это упоминание поставлено в связь с тем обстоятельством, что господин давал закупу плуг и борону... Они были необходимы для обработки земли, составлявшей его хову. Только в этих пределах и могло иметь место собственное хозяйство закупа" („свое орудие") (Закупы, с. 31—33).

Аргунов считал купу или копу „славянским словом" „для выражения меры разного рода ценностей", „натуральной данью господину от закупа, его натуральной повинностью", предполагая здесь „издольщину" и вспоминая, что земские статистические исследования 70-х годов XIX в. констатировали для Черниговской, Полтавской и Киевской губ., как „самый распространенный тип эксплоатации частновладельческих земель", — „скопщину", от слов „копа", „копица", „копьяк", „полукопка", „употреблявшихся при этом для определения разных мер, которыми измерялся урожай". „Скопщиной на Украине называлась система раздачи землевладельцами крестьянам земли в обработку из-за того или иного количества «коп», иногда с прибавкой разных отработков и приношений". Подкреплял свое толкование купы Аргунов: 1) ссылкой на многократный смысл глагольной формы „емлет", которая встречается в Р. Пр. для определения „нормы, обычного взимания" („оже емлеть в треть куны", „аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну", „аже обинити и, то емлеть на нем свое", „то ти железный урок, кто си в чем емлеть"); 2) указанием на то, что в главном („дал господин плуг и борону") и придаточном („от него же купу емлеть") предложениях должно быть одно подлежащее, если в придаточном оно отсутствует („если господин дал плуг и борону ему, закупу, от которого берет купу"); 3) подбором русских, польских, сербских, литовско-русских примеров словообразований с корнем куп и коп, ввиду того, что в Р. Пр. встречаются и купа, и копа [слав. корень „куп, переходящий в коп и обратно" „дает слова... для обозначения соединения, собрания": купно, скупщина, совокупность; „по Ярославе паки совокупившеся...", „совокупи Ярослав вои многи", „начаша скоп сбирати от мужа по 4 куны" (Новг. 4-я, 1017 г.), „и тако Ростислав скупя силу свою" (Ипат., под 1148 г.), „и снемшемся обема полкома на скупь" (Лавр., под 946 г.); польск. „копа" — мера хлеба в 50—60 снопов, чешск. capete; лит.-русск. „копный суд", „копа грошей", „копа ржи", „копа соли", „копа гусей"; сербск. „куп" = купля, уплата при покупке: „да им не узме нища без купа", „иже убо купь створив о цене"; русск. окуп в летописях, также откуп; в сербск. откуп = выкуп: „залоге куде се обретаю, да се откупую" (Законник Душана); в летописи откупити = отплатить: „а нама ся тобе нечим откупити сему, толико главою своею" (Ипат., под 1151 г.) и т. п.] (Уч. зап., с. 2—8).

Греков видит „ряд преимуществ“ в понимании купы, как „суммы, которую закуп получал от своего господина в момент заключения с ним договора“. К „предпочтительности“ такого понимания купы склоняет и „коренное родство терминов «закуп» и «купа»“ (Феод. отн., с. 120).— Ср. „Киевск. Русь“, где, ссылаясь на указание проф. Винокура, Греков принимает перевод: „господин... от которого взял купу“, так как „глаголы несовершенного вида“ „очень часто обозначают действие, которое имеет значение какого-либо постоянного отношения“, например, „он у него снимает комнату“ в значении — „снял однажды и затем пользуется вытекающим отсюда правом“ (с. 120).

Романов возражает Аргунову, у которого „купу емлеть“ не закуп, а господин, и фигурируют уже два закупа: один — ролейный, который купы, оброка, господину не дает, и другой — не ролейный, который дает: „формально трудно связывать слова «еже дал ему» с отдаленным «от него же купу емлеть»“; невозможно и различение здесь двух закупов „потому что местоимение «ему» может замещать здесь именно только предшествующего «ролейного закупа»“. „Ближе к пониманию текста“ подходил Ланге — ценой замены слов „от него же“ словами „от них же“ (т. е. от плуга и бороны). Преимущество толкования Ланге Романов видит в том, что, если бы здесь речь шла о плательщике („от него же“), мы имели бы „на нем же“ (ср. „имати на нем“), здесь же имеется в виду „предмет обложения“ (ср. „имати от плуга“). У Ланге оставалось необъясненным превращение предполагаемого „от них же“ в наличное „от него же“: „но возможно, что первоначальное двойственное «от *нею* же» обратилось, при последующей переписке, в «от *него* же». Если это так, тогда и купа-копа в ст. 57 — это не заемная сумма, не ссуда, а натуральный или денежный сбор... за пользование мертвым инвентарем“ (Уч. пос., с. 69—70).

Статья 58

О закупе же. Аже из хлева[1] выведуть, то закупу того не платити; но же[2] погубить на поли и в двор не вженеть и не затворить, кде ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити.

Переводы

Ежели выведут скотину из хлева или из загороды, за то наймит не платит; а ежели скотина пропадет на поле, или когда господин его прикажет ему вогнать ее на двор, а он того не учинит, или за собственным делом отлучится, за такую скотину должен наймит заплатити (Б.).

A gdy z chlewa lub z zagrody wyprowadzą, to zakupień tego gospodarzowi nie ma płacić, lecz gdy pogubi w polu, albo do domu nie przypędzi i nie zamknie gdzie jemu gospodarz jego każe, lub też robiąc swoje interesa co pogubi, to to zapłacić winien (R.).

Wenn es aus dem Stalle weggeführt wird, so bezahlt es der Erkaufte nicht; doch geht es zu Grunde auf dem Felde, oder treibt er es nicht auf den Hof, oder schliesst es nicht ein, wo der Herr befiehlt, oder es geht ihm zu Grunde bei seiner eigenen Arbeit, so bezahlt er es (Ew.).

Наемник не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет ее в поле или не загонит на двор, или не затворит в хлеве, вопреки приказанию своего господина, или утратит ее за своим делом, то наемник подлежит ответственности (Пл.).

Закупу не платить за скотину, уведенную из хлева; но если он потеряет ее в поле, или не загонит во двор, или не затворит в хлеве, где ему велит господин, или же утратит ее за своим делом, то закупу во всех этих случаях утраты платить (Ст.).

Wenn man [Diebe] aus dem Stall [Vieh] wegführt, so braucht der Schuldknecht das nicht zu bezahlen. Aber wenn [illegible] auf dem Feld verdirbt, indem er es [das Vieh] nicht in den Ho[illegible]d schliesst es nicht ein, wo ihm der Herr gebietet, oder verdirbt es, [illegible]rend er seine Arbeit verrichtet, dann muss er es bezahlen (G.).

---

[1] *МП* из забоя, *К* из хлева из забоя.

[2] *С*, *МП* оже.

Комментарии

Ланге: „Но если скот пропадал на поле при пастьбе или не был загнан во двор и заперт там, где было приказано, или если пропажа скота случилась потому, что закуп занимался своей работой, то во всех таких случаях он должен был вознаградить убытки владельца". Под „своей работой" („орудие свое дея") Ланге понимал занятие „ремеслами" „в собственную пользу" (с. 189 и 64).

Владимирский-Буданов полагал, что речь здесь идет не только о скоте, как в начале статьи („из хлева"), и конец переводил: „или если потеряется имущество, когда он уйдет по собственным делам, то платит" (Хр., I, прим. 100).

Сергеевич: „Статья 54 [А, 58] упоминает о «деле закупа»... Под делом закупа можно понимать все то, к чему он был обязан, как работник... И конечно платил убытки, если был виноват в небрежности" (Др., I, 194).

Голубовский предполагал „существование приблизительно хотя бы такого начала статьи: «Аже дасть господин закупу вол или конь, а из хлева выведут...»". Иначе непонятно: „Что выведут? Плуг и борону?" (с. 48).

Дьяконов: „Он [закуп] может заниматься каким-то своим делом в отличие от хозяйского («орудия своя дея» в противоположность тому, когда «господин отошлеть его на свое орудие»)" (Очерки, с. 109).

Павлов-Сильванский: „[Закупы] пасут и загоняют в хлев господский скот" (с. 227).

Гетц поддерживал мнение Сергеевича („орудия своя дея" — хозяйская работа) указанием на то, что и по ст. 57 закуп должен платить за мертвый инвентарь, им погубленный (III, с. 277).

Максимейко, как и в других случаях, опорочивал редакцию статьи в Кар. списке, который механически соединяет „из хлева" Тр. сп. и „из забоя" Пушк. сп.: „оже из хлева из забоя". Поэтому неприемлемо „несомненное искажение оригинала" в замене слов: „на поли *и* в двор..." — словами: „на поли *или* в двор...", откуда следовало бы, что закуп отвечал за пропажу скота в поле „во всяком случае", тогда как союз „и" „обозначал не альтернативное сопоставление двух возможностей, а совокупность двух условий, взаимно дополнявших одно другое", и, следовательно, „не всякая пропажа скота в поле влекла за собою ответственность закупа; ответственность его ограничивалась тем случаем, когда скот оставался в поле, между тем как закуп должен был загнать его во двор... значит он отвечал за свою небрежность". „Если предшествующая статья давала лишь косвенное указание на то, что у закупа могло быть собственное дело, то здесь дается прямое и определенное

засвидетельствование такой возможности: «или орудия своя дея»..." (Закупы, с. 34—35).

Понимание фразы „орудия своя дея" Рубинштейном см. выше, с. 492. „Использование этого скота [«рабочей скотины»] «орудия своя дея» означает использование его в своем хозяйстве для обработки своего земельного участка". „Тут не может быть речи о наймите-пастухе". „Закуп отвечает за скотину только пока она на поле. С момента, когда скотина на господском дворе, закуп больше не отвечает... Закуп не живет во дворе господина... Т. обр. отпадает всякое основание для разделения закупов на ролейных и дворовых" (с. 51).

По мнению Романова, „здесь главное — хозяйский конь. Этот конь стоит в хозяйском хлеве или загоне на запоре и на ответственности третьих лиц, закуп же пользуется им на хозяйском поле, подчиняясь строгому регламенту. Этот закуп ролейным не назван: это — рабочая сила барского хозяйства" (Уч. пос., с 70). — Сравнительно с положением закупа в ст. 57, бывает и иное положение, иной закуп. О нем говорит ст. 58 и, чтобы не было сомнений, прибавляет в заголовке: „о закупе же". Этот второй вид закупа — сельскохозяйственный рабочий на господском дворе; работает он на господском поле, на господской скотине, которую ежедневно с работы приводит на господский двор и там затворяет, „где ему господин велит". Но на этой же скотине работает он и для себя („орудия своя дея"). [*Б. Р.*].

Статья 59

Аже господин переобидить закупа, а увидить купу[1] *его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун.*[2]

Переводы

Если господин, в намерении обидеть своего наймита, выдумает несправедливый на нем иск, и, якобы в уплату оного, удержит у него договорную денежную плату, или отсыпной хлеб, которой он на пищу свою получал; а по суду то сыщется, то удержанное господином наймиту все возвратить и сверх того взыскать с него за обиду его 60 кун (Б.).

Jeżeli gospodarz pokrzywdzi zakupnia, poweźmie złość na niego, zatrzyma jego zapłatę i zabierze jego kopę lub ordynarję, tedy wszystko to ma jemu wrócić, a za krzywdę ma zapłacić 60 „7“ kun (R.).

Wenn der Herr den Erkaufter beleidigt, irgend eine ungerechte Forderung an ihm vollzieht, oder eine Misshandlung, so ersetzt er es ihm und für das Unrecht 7 Marder (Ew.).

Если господин обидит наемного слугу; откроет против него какое-нибудь несправедливое требование, и, под предлогом удовлетворения оному, не выдаст ему полного жалования: то господин должен возвратить ему удержанную цену; да кроме сего заплатить ему за обиду 7 кун пени (Пл.).

Если господин обидит закупа, отнимет у закупа данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это он обязан возвратить закупу, а за обиду заплатить 60 кун (Ст.).

Wenn der Herr den Schuldknecht schädigt, indem er ihm seine Verpflegung oder sein Vieh wegnimmt, so muss er ihm das alles wieder zurückgeben und für das Unrecht 60 Kuna zahlen (G.).

---

[1] *С* уведить вражду, *НС* уведить копу, *РЛ* уведить купу, *М*, *РМ* увередить цену, *МП* въведеть копу.

[2] *К* Аже господин приобдиить закупа, уведеть вражду его и увередить цену, а введеть в купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду ему платити 60 кун.

Комментарии

Полевой перевел: „кто обидит закупа в его участке или жалованьи, тот должен возвратить ему излишне насчитанное или взятое и за обиду ему дать 7 кун“ (II, с. 179).

Богдановский: „60 кун платит господин, если в расчете обидел своего закупа в первый раз“ (с. 35).

Ланге считал ст. 59—60 (объединяя их, как и Калачов, в одну) „едва ли не самой искаженной“. „Нельзя не заметить, что оно [постановление] распадается на 2 части [А, 59 и 60], из коих во 2-й говорится о повторении того преступления, за которое назначалось 60 кун продажи в первой части [ст. 59]... «Паки ли», означающее во всех др. статьях Правды «ежели же», в настоящем случае принимается в смысле снова ли, так как оно совмещено здесь с выражением «опять воротити»... последнее показывает повторение того же действия, которое и прежде было допущёно господином по отношению к закупу...“. „Преступление... состояло в том, что господин засчитывал закупу меньше кун, чем положено было засчитывать ему за год работы, и т. обр. захватывал чужое, т. е. «принимал куны»... Глаголы увидить, уведеть, введеть без сомнения искажены... преступление выясняется... только глаголом увередить в смысле повредить, изменить... Относительно же слова «цена» следует заметить, что оно нигде не употребляется в Правде и, вероятно, в ее текст вставлено было позже, в виде объяснения к слову купа... Ст. 55 [А, 59—62] следует читать по Троицк. списку, только «увидить» должно заменить глаголом увередить...“. „Т. обр. ст. 55 [А, 59—60] мы понимаем так: если господин обижал закупа, т. е. изменял во вред ему купу, иначе сказать, засчитывал ему в ежегодный выкуп меньшую, чем следовало, сумму, а также отнимал отарицу, т. е. поземельный участок, не увеличивая с тем вместе купы... то господин должен был все воротить, т. е. засчитать закупу, что неправильно было от него отнято, а сверх того заплатить князю продажи 60 кун; за повторение же того же самого преступления, кроме удовлетворения закупа, господин обязывался заплатить продажу князю в большем уже количестве, именно 3 гривны...“ (с. 179 и сл.).

Чичерин: „Неправильно удержанные или отнятые у закупа деньги хозяин должен был возвратить, да кроме того заплатить за обиду“ (с. 155).

Любавский, возражая вообще против „искусственной разбивки“ „статей“ Р. Пр., (но и не поясняя, что надо разуметь под естественной „разбивкой“ или под „статьями“ — сплошной текст между двумя заголовками или что другое), предложил совершенно оригинальное толкование ст. 59. Ст. 73 калачовской нумерации, разбитую в настоящем издании на

4 статьи (А, 59—62), он толковал, однако, не целиком, оставляя в стороне ст. 62 и связывал текст ст. 59—61 со ст. 57 и 58, как „непосредственное их продолжение“ (ср. ниже, Хлебников, с. 509). Ст. 57 и 58 устанавливают, „что в подлежащих случаях закуп должен заплатить“ за „имущественный ущерб“ своему господину. „73 статья [на самом деле не А, 59—62, а А, 59—61] говорит о злоупотреблениях, которые могут быть допущены господином при взыскании с закупа стоимости «погубленной» им вещи“ (ср. ниже Дубенский), и Любавский предложил следующий перевод ст. 59—61: „[59] если господин обидит закупа, даст волю враждебному чувству (уведет вражду), вздует (увередит) цену (погубленной вещи) и введет эту цену в купу (т. е. увеличит ею полученную вперед закупом плату), или же наложит на собственное имущество закупа [отарицу = πεκούλιον, РИБ, VI, ст. 208, прим. 8], то все ему воротить, а за беззаконие платить ему 60 кун; [ст. 60] а если возьмет за него деньги, то опять вернуть ему деньги, которые за него взял, а за беззаконие платить 3 гривны штрафа; [ст. 61] а если господин (производя такое неправильное взыскание) продаст закупа в рабство (обель), то наймит свободен от платежа всех денег (а следовательно, и лично), а господину платить за беззаконие 12 гривен штрафа“. Преимущество „такого понимания этой статьи“ Любавский видит и в том, что при нем „легко объясняется и градация устанавливаемых в ней уголовных штрафов. Наименьшим злом для закупа при недобросовестных взысканиях хозяина было увеличение «купы», а следовательно и продление его закупничества и отнятие у него части имущества; бо́льшим злом была уже передача его в закупы другому лицу и удлинение таким путем срока закупничества, и, наконец, самым тяжким нарушением прав закупа была продажа его в рабство в силу недобросовестного имущественного взыскания“ (Сб. статей, посв. Савелову, с. 320—3.3).

„Уведеть купу“ („копу“, „вражду“, „кову“)

Дубенский: „Введет копу, т. е. внесет в счет (копу) цену, которой не стоила вещь, у него пропавшая“ (с. 88). — Ср. „копа“, с. 498.

И. Беляев: „Ежели господин приобидит закупа, не отдаст столько уродившегося хлеба, сколько следовало по условию, или убавит долю земли, следующую на хозяйство закупа, то все это должен возвратить...“. „Списки Р. Пр. XV и XVI ст. прямо переводят древнее выражение «уведет копу» другим выражением «увередит цену» (убавит цену)“. „Следовательно... ролейные закупы жили на двух главных условиях: они или получали плату хлебом, т. е. условленную часть урожая, как впоследствии исполовники, или господин давал закупу

долю земли для собственного хозяйства закупа с тем, чтобы он другую долю земли обрабатывал на господина“ (Кр. на Руси с. 13).

Хлебников переводил ст. 59 и ст. 60 вместе (см. выше, Любавский): „1) если господин, обидев закупа и узнав, что он питает к нему вражду (т. е. стремится отомстить за свою обиду, по идеям века), сам, уменьшив денежное вознаграждение, заменит его увеличенным требованием жатвы или части скота, то обязан возвратить лишнюю часть жатвы и заплатить за обиду 60 кун; 2) если господин возьмет бо́льшее (чем по условию) денежное вознаграждение, то обязан возвратить лишнее и заплатить за обиду 3 гривны“. „Обе эти статьи, очевидно, предполагают существование обычая, устанавливавшего общую сумму денежного вознаграждения, а также обычную часть жатвы... не более половины, как утверждает Устав Ярослава о земских делех, и не менее четверти, как взималось в Новгороде в эпоху, благоприятную для крестьян... Не нужно забывать, что еще недавно закуп считал себя свободным человеком, который мстил за обиду, что еще не могло сложиться в обществе рабского благоговения к воле господ“ (с. 244—245).

Владимирский-Буданов переводил: „Если господин будет обижать закупа по вражде: понизит цену, или уменьшит его долю копен (полевых произведений) или скота, то господин должен все воротить и уплатить (уголовного штрафа) 60 кун“. „Отсюда видно, что ролейный закуп или «наймит» получал в свое пользование или участок земли или долю произведений, отрабатывая за то на земле господина полевыми работами, или во дворе домашнею службою. Понизить цену значит: уменьшить зачет работы. Впрочем, м. б., здесь рассматриваются вместе и дворовые наймиты, служившие за деньги [А, 111], и ролейные закупы, получавшие известную долю полевых произведений“ (Хр., I, прим. 101).

Сергеевич: „Закуп... получает наемную плату. Она называется то «купой, копой» [ст. 57], то «ценой» [ст. 111]. Господин может недоплатить этой купы или цены. Это, надо думать, и разумеет статья, говоря: «увидить (т. е. уверeдит) купу его». Совершенно понятен, поэтому, вариант: «уверeдит цену»“ (Др., I, с. 195).

Дебольский переводил: „«Если господин обидит закупа, начнет с ним вражду, уменьшит наемную цену, ложно увеличив сделанный закупом долг или данный ему peculium, то этот убыток должен быть возвращен закупу и кроме того... штраф за обиду в 60 кун». А «введеть в копу» и может быть понимаемо, как введет в сумму, взятую вперед“ (с. 92—93).

Ключевский мимоходом указал на юго-славянский термин „вражда в смысле пени за убийство или вообще судебного взыскания“ (I, с. 257).

Голубовский: „Термин «вражда» очень древний и потому видеть здесь позднейшую вставку переписчика нет никакой возможности. Он

сохранился в обычном праве южных славян и обозначает виру за убийство. Переписчики Троицкого и Пушкинского списков уже не понимали этого термина, выбросили его. В том древнейшем оригинале, от которого пошли все списки, выражение «уведеть вражду», по нашему мнению, существовало и имеет, как нам кажется, raison d'être. Переписчики, выбросившие непонятное для них «вражду», соединили слова «введеть» («уведеть, увидить») и «копу», и получилось бессмысленное „уведеть копу", вместо ясного «увередит копу». Но... термин «цену» Синодального и Карамзинского списка был ли сначала просто глоссой к термину «копу», а потом введен в текст, или в оригинале рядом существовали «цену» и «копу»? Есть... некоторое основание предположить именно последнее" (с. 47).

Яковкин: „Вместо «увидить» следует принять... «увередит» [ср. выше, Голубовский, с. 509], т. е. изменит ко вреду закупа... Имеется также иной вполне корректный вариант: «а введеть в купу его или в отарицу». Если заменить «или» союзом «и», то можно думать, что тут предусматривался тот случай, когда господин причислял к выкупной сумме стоимость peculium'a" (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 111).

Мрочек-Дроздовский: „Уведение купы — не отказ и не задержка в уплате, а отнятие, насилием или обманом, выданной купы: последствие уведения — иск не о даче невыданного, а о возврате отнятого". — „Слово вередити в др.-русск. яз. = бесчестить" (Чтения, 1917, кн. III, с. 84, прим. 94).

Максимейко устанавливал следующую „эволюцию текста": 1) Синод. „уведить вражду"; 2) 4 списка во главе с Тр. „увидить купу"; 3) 15 списков во главе с Чудовск. 2 „увередит цену"; 4) Пушк. и Погод. „введеть копу"; 5) Кар. тип, объединивший все разночтения, „уведеть вражду и увередить цену, а введеть в купу", — и полагал, что „ни один из этих текстов не может быть отнесен к оригиналу". Купа и копа в ст. 57 (см. выше, с. 500) были уже раз „внесены переписчиками" „взамен непонятной ковы Синод. сп. = ховы", „очевидно, и здесь купа и копа... заменили собой первоначальное слово кову или хову". Тогда „понятно, как могла возникнуть своеобразная редакция Синод. сп. «увередить вражду»": „очевидно составитель ее полагал, что кова это то же самое, что ков или ковы" и „заменил ее [по Далю = „коварное намерение, вредный замысел"] враждой" [но в ст. 57 Синод. сп. не заменил „кову" „враждой"; с другой стороны ср. выше, Голубовский, с. 456]. Итак, „в оригинальном тексте... была хова", „действие" же „выражалось словом уведеть": „оно обозначало вообще похищение или отнятие... предметов независимо от того, были ли они одушевленными или неодушевленными". В ст. 64 слово „уведеть" применяется к похищению коня и товара „В соединении с ховой термин уведеть обозначал лишение закупа его

содержания". „Исчезла хова" — и „уведеть" „подверглось искажению", так как „трудно было сочетать его" с „враждой", „купой" и „копой" (Закупы, с. 39—40).

Аргунов, помимо купы, обратил внимание на то обстоятельство, что в числе „обид" закупу в Кар. и Синод. сп. встречается „вражда", но, вопреки Владимирскому-Буданову, находил невозможным („грамматически") понять „уведить вражду" „в смысле начинать или затеять вражду" — потому что здесь „перечисляются случаи возможного убытка, наносимого закупу господином". Обратившись к юго-славянским памятникам, Аргунов привел примеры: 1) „вражде девичь разбой и коазская вражда да си вьзима црква на свои си люджь, и ти вражди да ся не вьзимаять на селехь" (Труды Слав. ком. Слав. общ., М., 1911, с. 18, 125, 130); 2) „в Винодольском законе 1280 г. вражда упоминается в качестве виры за убийство („да кнез возьме вражбу")... вражда платилась и за поджог, а в случае несостоятельности «плати се вражба за всако оно пожганье» виновнику грозила смерть (Закон Винодольский, СПб., 1878, ст. XXV)"; 3) Книга Статутов Дубровника: „Consuetudo extitit inter omnes reges et homines Sclavoniae ac Regni totius ac omnes ejus comites et homines Racussii, quod si civis racusinus occideret Sclavum vel Sclavus Racusinum, solvant pro poena urasda nuncupata ippos 500" 4) сербский король Урош отказался казнить смертью за смерть и сказал, что „он будет tenere antiquam consuetudinem vrasdae" (Споменци србски 1395—1423, Белград, 1858, прил.); 5) ст. 132 Законника Душана: „аще ли тужда врата обиет и внидеть вьнутрь или расхитит, да му се руки отсекуть и да платит вражду реченну" (Флоринский, цит. соч., прил с. 48). — Аргунов предполагал, „что эта славянская «вражда» попала и в некот. списки Р. Пр. именно в значении штрафа за преступления". Именно „закуп мог получать «вражду» за некоторые преступления совершенные и по отношению к нему самому, и по отношению к его, родным [ср. выше, Ведров, с. 445]. Ведь даже господин в случае неправильного битья закупа расплачивался за него, как за свободного". „Другое дело, доходила ли эта «вражда» до закупа целиком и не было ли у господина стремления присвоить себе ее частью или всю". В Норвегии, например, Schuldknecht „судебное вознаграждение получал не целиком, а лишь за вычетом цены за преступление против лучшего раба, цену же эту получал господин". „При таком толковании «вражды» Р. Правды мы можем говорить определеннее, как об источнике доходов закупа, о судебных штрафах", и следовательно в Кар. сп. перечисляются „три статьи имущества закупа — судебные штрафы, копа или цена и отарица" (Уч. зап., с. 11—14).

Греков видит здесь две „обиды", какие может причинить закупу господин: „1) изменить в свою пользу сумму, данную им закупу в момент

заключения договора“ и „2) изменить, конечно, в свою пользу размеры участка земли, отведенного закупу (отарица), м. б. отобрать отарицу“ (Киевск. Русь, 120).

Юшков, возражая Аргунову, указывает на ст. 59, как на такую, „в которой купа не может быть понимаема, как натуральная дань, как издольщина, взимавшаяся господином от закупа“, „так как ясно, что господин не будет вредить своей же дани“ (Очерки, с. 70).

Романов не видит„никаких оснований сужать действие ст. 59 одною категорией ролейных закупов и видеть в «купе» ст. 59 «копу» (поплужный сбор) ст. 57 (Рогожский список проводит это различение: в ст. 57 — «копа», в ст. 59 — «купа»). «Купа» ст. 59 языковым образом связана со словом закуп и, надо думать, лежит в основе самой закупнической сделки — договора“ (Уч. пос., с. 72).

„Отарица“

Болтин: „месячина... Наймиты... жили также, как и дворовые люди ныне, в господском доме, следственно и они также или застольное ели или месячину получали“.

Карамзин: „плата, получаемая наемными земледельцами от хозяина или господина... Крестьяне Минской губ. называют ныне отарицею оброк господский. Сообщено от З. Ходаковского“ (II, прим. 92).

Дубенский: „Слово отарица доселе сохранилось... у великоруссов в слове: торица — подль, высевки, тощее зерно... достояние людей, питающихся от трапезы богатых“ (с. 88).

Мацейовский: „Отарица означала, может быть, то самое, что сейчас «отерки» возле Перемышля на Червонной Руси“. „Наемник договаривался с хозяином, что тот разрешит вымолачивать снопы не целиком, предоставляя ему «дотереть» их до конца, или «вытереть» остаток зерна из колосьев“ в свою пользу (II, § 107, с. 134).

Хлебников: „Отарицей в Белоруссии называлось пользование плодом с участка, данного хозяином; в Великороссии так называют жатвенный хлеб; в Минской губ. это слово употребляется в значении господского оброка (Зап. и. Акад. Наук, II, с. 102). Но слово отара имеет и общее значение скота, приплода (Сл. Даля), в каком, я полагаю, оно и употреблено здесь“ (с. 244).

Ланге: „Отарицей называлась земля, отдававшаяся вероятно большей части закупов на присевок“ (примеч.: „под отарицей вообще понимают скот, но предполагать, что закуп владел скотом, было бы несовместно с понятием о закупе, как о несостоятельном должнике... Нельзя ли производить [отарицу] от глагола орать?... Оратица, т. е. участок поля для орания“) (с. 182).

Соболевский: „Отара — стадо мелкого скота, овец... Небольшое стадо овец (отарица). Глагол уведеть показывает, что кова означало что-то подобное отарице“ (Ж.М.Н.Пр., 1885, апр., с. 380).

Ключевский: „Русские рабовладельцы, подобно римским, исстари доверяли часть своего имущества в распоряжение или пользование своим холопам: это отарица Р. Правды, пекулий римского права, бонда польского. Такое доверенное имущество давало холопу возможность вести свое особое хозяйство и вступать в обязательства с посторонними лицами“ (Опыты, I, с. 363).

Сергеевич: „В одном памятнике [РИБ, VI, стб. 208, прим. 8] peculium переведено словом «отарица». Уведить отарицу, думаем, значит отобрать у закупа собственное его имущество“ (Др., I, 195).

Пресняков напоминал „первоначальное значение слова peculium (от pecus), а также его смысл в старших западных средневековых текстах, где peculium означает только движимое имущество, прежде всего скот; «это то имущество, которое серв или крепостной приобретает для себя и затем сохраняет в своем обладании с определенно-выраженного или молчаливого согласия своего господина», Vormoor. Sociale Gliederung im Frankenreich, с. 45. Этот peculium-отарицу естественно сопоставить с имуществом, приобретенным на службе господина вестготским дружинником — буцелларием или сагионом“ (Княжое право, с. 300, прим. и с. 222).

Яковкин: „[Ст. 59] не дает никаких указаний относительно того, что входило в состав такого peculium'а и как далеко шло отделение этой имущественной массы от остального имущества кредитора“. В Норвегии „в состав peculium'а входило вознаграждение, получаемое Schuldknecht'ом за причиняемый ему лично вред, вира за его убитых родственников и наконец поступающее ему наследство. Из этого имущества Knecht выплачивал взыскиваемые с него штрафы, а также выкуп господину (Amira, с. 159)“ (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 116).

Мрочек-Дроздовский: „Закуп, как человек свободный, конечно, мог иметь свое добро; без сомнения, главной частью — если не единственным предметом — этого добра-собственности была купа, данная ему хозяином-домовладыкою как домочадцу: вот черта, сближающая нашу отарицу с пекулием, но как кабальная зависимость отличается от холопства, так и отарица отличается от пекулия. Правда отличает отарицу и от купы, и конечно отличает не по происхождению: и купа и отарица даются закупу хозяином, иначе у отарицы не было бы и указанной близости к пекулию. Отличие купы от отарицы возможно, следов., лишь по предмету хозяйской дачи... [Ст. 111] указывает на хлеб и придаток, как на предметы хозяйской дачи закупу... Придаток — денежная дачах; дача же хлебная, несомненно, соответствует тому, что в крестьянских

порядных московского времени называется хлебом семенным и еменным, т. е. хлебом для посева и прокорма до нови. Если же у закупа был свой посев, то был и участок земли, данный ему хозяином для этого посева. В северных говорах употребляется слово таранить — вести борозду-межу плугом — простейший способ межевания: не есть ли отарица — отáранный-отаренный закупу участок хозяйской земли или — иносказательно — сбор, урожай с этого участка, доход закупа?" (Чтения, 1917, кн. III, с. 85).

Максимейко, принимая отарицу = peculium, в связи со своим толкованием ковы (см. выше, с. 500), признавал, что „и хова, и отарица обозначали одно и то же понятие, рассматриваемое лишь с разных сторон": „поскольку то или другое имущество служило целям содержания закупа, оно называлось ховой; поскольку же оно выделялось из общей имущественной массы господина и отдавалось в обособленное пользование закупа, его называли отарицей" [потому союз „или" между ховой и отарицей в ст. 59? — *Б. Р.*]. „Незначительный размер штрафа (60 кун)... надо объяснять не столько малоценностью предметов, составлявших хову или отарицу, сколько тем обстоятельством, что это имущество не было собственностью закупа, а находилось лишь в его пользовании" (Закупы, с. 40).

Рубинштейн считает отарицу „имуществом закупа", но не peculium'ом. „Peculium римского права — это имущество, данное домовладыкою для пользования сыну или рабу, причем юридически это выделенное peculium остается все же частью господского имущества. Наоборот, имущество смерда ст. 59-ая отчетливо выделяет, как личную собственность закупа, требующую специальной защиты от всяческих покушений со стороны господина". „Если стоять на другой точке зрения, то освобождение закупа от ответственности при утрате бороны, сохи, коня или других вещей из этой отарицы окажется совершенно непонятным" (с. 52).

Аргунов тоже не находил возможным „основывать серьезные построения" „на древнем, но не очень точном переводе peculium = отарица". „Peculii id non est, cujus servus seorsim a domino rationem habuerit, sed quod dominus ipse separaverit summa servi rationem discernens" (Dig., XV, I, 4): „как доказать, что отарицу господин «выделил» закупу из своего имущества и притом сохранил на нее право собственности?". Что „отарица была собственностью закупа", Аргунов искал подкрепить не только защитой, какую оказывает ей ст. 59, но и аналогией норвежского Schuldknechtschaft'а, где „orka" — „Sondergut, т. е. «собина» Schuldknecht'а, которая составлялась из особых его доходов, а не выделялась ему кредитором и которой должник распоряжался в целях своего выкупа". Грамота суздальского еп. Дионисия 1382 г., где встречается отарица, запрещает частное имущество монахов („глаголемая отарица") (РИБ,

VI, № 24). „Эти отарицы или собины были широко распространены в монастырском быту“: таков печерский монах Арефа, „много богатство имый в своей кельи и никогда же ни единая векши дав убогому, ни хлеба“ (Патерик, изд. Арх. ком., с. 186); „собин им (монахам) не държати“ (условие вкладчика, АЮ, 110—VI); новг. игумен Василий покупал земельные имения „себе одерень и своим детем“ (ib., 71—XXIV); „или который брат имет без архимандрича слова и благословления и без братинского веданья имет торговати или села строити собе или собину“ (АЭ, I, 381) и т. п. „Если закуп Р. Пр. не был холопом, то его отарица должна быть сближаема с «собиной»...“. „Osobina [в сербской задруге] nyni jest vlastni majetek toho neb onoho clena v zadruze; osobina nepripada zadruzného majetku“ (Иречек, Prove, с. 228). (Уч. зап., с. 8—11).

Карский сопоставлял с литовск. „ataras“ = борозда и белорусск. „атарица“ = „частица земли, засеянная работником или работницей в свою пользу, по условию с хозяином“ („атарицу сваю жнець“) (с. 131).

Романов отметил, что толкование Карского „делает понятной борьбу вокруг отарицы как борьбу за обезземеление ролейного закупа, отразившуюся в ст. 59“ (Уч. пос., стр. 72). — И это независимо от того, о каком закупе идет речь — ролейном или не ролейном. В первом случае отарица — это участок, с которым порядился закуп к господину и на котором оперирует закуп со своим или данным ему инвентарем в ст. 57. Во втором — это участок, выделенный господином закупу „на присевок“. В ст. 57 место действия — ролья закупа, господское „орудье“ производится на стороне; в ст. 58 действие происходит во дворе или на поле господина, а на стороне этот закуп делает „свое орудие“. [*Б. Р.*].

Статья 60

Паки ли приметь на немь кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи.

Переводы

А ежели господин возьмет у него насильственно деньги, то также и деньги наймиту возвратити, а за насилие взыскать в казну пени 3 гривны (Б.).

A jeżeli weźmie od zakupnia pieniądze te które od niego wziął, nazad zwrócić powinien, a za krzywdę zapłacić ma 3 grzywny przedaży (R.).

Hinwiederum wenn er für ihn Marder eingenommen hat, so ersetzt er ihm die Marder, die er nahm, und für das Unrecht bezahlt er 3 Grivnen Busse (Ew.).

Равным образом, когда господин возьмет и станет удерживать деньги наемника, то взятые деньги возвратить, да за обиду заплатить ему 3 гривны пени (Пл.).

Если господин отдаст своего наймита в заработок другому хозяину за взятую у последнего вперед плату, эту плату он также должен отдать назад, а за обиду заплатить 3 гривны продажи (Ст.).

Nimmt dagegen (der Herr) auf ihn Geld auf, so muss er das Geld wiedergeben, das er empfangen hat, und für das Unrecht 3 Grivna Strafe zahlen (G.).

Комментарии

Мейер: „В ст. 73 [А, 60] закуп назван наймитом, но это ничего не доказывает против значения заложника, ибо тут же предполагается, что наймит должен своему хозяину, т. к. определяется случай, когда прекращается обязательство заслужить долг“ (с. 8).

Полевой: „Если закуп отдал наемщику свой долг, а тот его отпускать не станет, то, возвратив по суду, платит продажи 3 гривны“ (II, с. 179).

Дубенский: Примет на нем кун = „надбавит сумму, за которую обязался служить наемник" (с. 88).

Калачов: „[господин] не должен делать обиды закупу, напр., отнимать у него отданные ему деньги" (с. 141).

Ланге — см. выше, с. 507.

Богдановский: „За присвоение платы, следуемой закупу, во 2-й раз, господин должен заплатить ему за обиду, кроме следуемой по найму платы" (с. 35).

Хлебников: „Если господин возьмет большее (чем по условию) денежное вознаграждение, то обязан возвратить лишнее и заплатить за обиду 3 гривны" (ср. выше, с. 509) (с. 245).

Владимирский-Буданов переводил: „Если хозяин отдаст закупа в заклад за деньги (взятые у другого хозяином), то с господина взыскиваются взятые деньги и 3 гр. уголовной продажи" (Хр., I, прим. 102 и 104). „Если закуп был перезаложен его господином другому, то сделка считалась недействительной, но закупничество продолжалось" (Обзор, с. 407).

Сергеевич: „Принять на закупе кун — может значить занять денег и в обеспечение долга отдать закупа кредитору" (Др., I, с. 195).

Дебольский: „Слова «примет ли на нем кун» мы не имеем оснований объяснять залогом закупа... Вернее... объяснить это место как насильственный захват имущества" (с. 93).

Яковкин: „Правда говорит здесь о повторном получении господином денег [ср. выше, с. 507, Ланге]... Если принять, что здесь идет речь о деньгах, полученных господином с залогопринимателя, то остается непонятным, когда господин успел получить на закупе первые куны; ведь при заключении с ним договора он не получал, а наоборот сам платил ему деньги... Правда предвидит здесь случай двукратного получения господином с закупа выкупной суммы, предписывая господину возвратить вторично полученное, она, кроме того, карает его еще 3-мя гривнами продажи" (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 118).

Мрочек-Дроздовский: „Взять деньги на чем = получить деньги за что — цену вещи. В купчих XV—XVI вв. дать-взять на чем (деньги) означало купить-продать что-либо... Таким образом взять деньги на закупе (за закупа) значит продать закупа в холопство, и следовательно оба... постановления [А, 60 и 61] говорят об этой продаже, различается лишь два действия самой сделки: получение денег за продаваемого закупа (запродажа с получением цены) и самая продажа, как законченная сделка, т. е. передача проданного закупа покупщику ... Здесь различается покушение, уже законченное, от законченного проступка... Обман в том, что продавец выдал своего закупа за своего холопа",

„Самая запродажа, как можно думать, держалась втайне от закупа; иначе трудно было бы обмануть добросовестного покупщика. Если же закуп еще ничего не потерпел, то и вознаграждать его было не за что“ (Чтения, 1917, кн. III, с. 86).

По мнению Максимейко, ст. 60 „предусматривает тот случай, когда господин при окончательном расчете, пользуясь своей властью, возьмет с закупа больше, чем следует с него, т. е. свыше того, что дано было закупу взаймы или что причитается с него в уплату за причиненные им убытки и т. п.“. 1) „«Приимет на нем кун» может означать получение денег... непосредственно с самого закупа“ („взыщет кун на друзе“ ст. 47, „емлеть на нем свое“ и т. п.). 2) Слово приять или принять „в смысле взятия лишка, добавки“: а) „а што будет прилучено [земли] после небощика пана Евня, а любо што мы придали, а любо што небощик пан Нац принял сам собою, то не даем“ (Докум. Моск. арх. Мин. юст., I, с. 17); б) „штож дей он напил в мене на пиве 3 гроши, а потом дей... он в мене к тым 3 первым грошем 2 гроши принял на бочку ячменю“ (Акты Виленск. ком., XVII, № 500). 3) „Воротити куны“ — „конечно, закупу, а не какому-то мнимому залогопринимателю“, потому что ст. 59—62 имеют „в виду лишь внутренние отношения между господином и закупом, вовсе не касаясь третьих лиц“ и даже „игнорируют их“: например, ст. 61 „не обнаруживает никакой заботливости об интересах покупателя, совершенно умалчивая о том, возвращались ли ему уплаченные деньги“ (по покупке закупа). 4) Дополнением: „что будет приял“—„подчеркивается та мысль, что господин обязан был возвратить не все взятые им деньги, а только... то, что он взял сверх должного“ (Закупы, с. 38—39).

Аргунов возражал против понимания „пакиль“ = опять, снова. „«Паки ли» встречается во многих местах Р. Пр... и нигде не говорит о повторении“ („и паки ли господин не хотети начнеть платити зань“, „паки ль людин, то 40 гривен“, „паки ли варяг или кто ин“, „паки ли будет клетный тать“, „паки ль без ряду умрет“ и т. д.). И слово „опять“ (воротити куны) „в древних актах понимается буквально... «вспять», «обратно», «назад»: «а где будет конечный тать, то опять воротять челядина» (ст. 38), «а тому свое серебро взяти опять взад» (Пушк.) и т. п.“ (Уч. зап., с. 21).

Греков видит здесь „попытку эксплоатировать закупа путем отдачи его в наймы“ (Феод. отн., с. 120).

Юшков видит здесь „вторичное погашение долгового обязательства“ (Очерки, с. 72).

Романов видит „преимущество толкования Максимейко в том, что оно улавливает тожественную в обеих статьях (59 и 60) заостренность глагола «воротити» в сторону восстановления имущественного права

закупа, а не расторжения незаконной сделки двух господ (ср., напр., «лишитися ему» в ст. 116)“ (Уч. пос., с. 73). — Что в ст. 60 господин штрафуется за это продажей уже в 3 гривны, показывает масштаб „обиды“: речь тут идет о суммах бóльших, чем в ст. 59, но меньших чем 3 гривны, так как продажа всегда выше „урока“. [*Б. Р.*].

Статья 61

Продасть ли господин закупа обель, то наимиту[1] *свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже.*

Переводы

Ежели кто продаст кабального своего холопа за полного или крепостного, тому холопу дати свобода от платежа всех денег (за кои он обязался служить своему господину), а с господина взыскать в казну 12 гривен (Б.).

Jeżeli gospodarz zaprzeda zakupnia w niewolę, to zakupień wolnym jest od zwrócenia pieniędzy za które się zaprzedał, a gospodarz za krzywdę zapłaci 12 grzyw: przedaży (R.).

Veräussert der Herr den Erkauften als völlig Leibeigenen, so ist der Gemietete frei von allen Mardern, und der Herr zahlt für das Unrecht 12 Grivnen Busse (Ew.).

Ежели господин продает вольного слугу за холопа, то слуга очищает весь свой долг, за который он закабалил себя, а продавец вносит в казну 12 гривен пени (Пл.).

Если же он совсем продаст его, как своего полного холопа, то наймит свободен от всех долгов, а господин платит за обиду 12 гривен продажи (Ст.).

Verkauft aber der Herr einen Schuldknecht als Sklaven, so erhält der Mietarbeiter Freiheit von allem Geld und der Herr muss für das Unrecht 12 Grivna Strafe zahlen (G.).

Комментарии

В Лит. метр., кн. Судн. дел, № 6, л. 26 записано разбирательство дела по жалобе истца: „заставил есми ему [ответчику] дочку свою в копе грошей, ино я ему пенязей от 5 год даю, а он пенязей не берет, а дочки моее мне не ворочает“, — на что ответчик объяснил: „продал он [истец] мне девку тую за неволную, так я девку тую в неволю продал обель, як обель купил“ (Ясинский, Закупы, с. 451).

[1] *РМ* закупу.

„Свобода во всех кунах"

Болтин: „Освобождение от платежа тех денег, за кои холоп себя закабалил в рабство... В Уложении [гл. XX, ст. 6] сходно с сим написано: «А будет кто кому кабального холопа или рабу в приданые даст, или в духовную или рядную или в даную напишет, и таким кабальным холопам и рабам давати воля»".

Рейц: „[наймит] не обязан платить вперед полученного за работу жалованья" (с. 195).

Калачов: „наймит получает полную свободу" (с. 141).

Соловьев: „наймит получал полную свободу без обязанности выплатить господину взятое вперед" (I, 229).

Ланге: „Что закуп был должником, это видно из ст. 55 [А, 61]: «продаст ли... то ему свобода во всех кунах», т. е. освобождение от всех лежавших на нем долгов" (с. 181).

Чичерин: „[хозяин]... лишался отданных закупу денег" (с. 155).

Лешков: „Закуп, проданный господином, через то самое освобождается от всякой от него зависимости" (с. 156).

И. Беляев: „[господин] терял право на те деньги, по которым закуп вступил к нему в закупы, и, сверх того, должен был заплатить закупу за обиду 12 гривен" (Кр. на Руси, с. 11—12). — Ср. Богдановского, который считал, что 12 гривен идут закупу „за обиду" (с. 34).

Владимирский-Буданов: „Если же хозяин продаст закупа в полное холопство, то наймит или закуп освобождается (и от холопства и от закупничества), а хозяин платит высшую уголовную продажу — 12 гр." (Хр., I, прим. 103).

Сергеевич: „Если господин продаст наймита в рабство (выдав его обманом за своего холопа), то проданный получает «свободу во всех кунах», т. е. освобождается от обязанности уплатить или отработать взятую вперед плату" (Др., I, с. 191).

Дьяконов: „Р. Пр... точно указывает, что закуп должник своего господина" (Очерки, с. 110).

Гетц подчеркивал, что хотя по норвежскому праву продажа Schuldknecht'a, как раба, тоже запрещена — однако господин мог продать его тогда, когда господин требовал обратно свои деньги, а Schuldknecht не выкупался своими родственниками, и притом за цену, не превышающую долга (III, с. 282, прим.).

Аргунов не видел здесь „отношения по самозакладу должника". Статья грозит господину штрафом в 12 гривен и „последствиями для господина невыгодными": „продавая закупа другому, господин учитывал, конечно, задолженность закупа, с прекращением же обельного холопства проданного закупа, эта задолженность его уже не восстановлялась... даже

с возвращением проданного закупа к прежнему состоянию закупничества". „Лишением права требования... по... недоимкам и долгам [по инвентарю, хлебу] Р. Пр. и грозила господину...". „Освобождение от задолженности может и не означать полного прекращения зависимости закупа от господина, если такая зависимость образовалась по земле". Тем более, что и „выражение «свобода во всех кунах» грамматически не совсем ясно" (Уч. зап., с. 23).

„Наимит"

Болтин: „Сие слово вместо закупень поставлено, следственно то и другое имело тогда одинаковое значение".

Ключевский: „Довольно трудно решить, имело ли первое название [наймит] какую-либо историческую связь с однозначным византийским термином μισθωτός, означавшим в средние века вольного крестьянина на владельческой земле. Нет ничего невероятного в том, что «наймит» Р. Правды есть буквальный перевод этого греческого термина: в Правде немало слов подобного происхождения. По крайней мере, русское слово [наймит] неточно выражает юридическое положение русского крестьянина на владельческой земле, как его изображает сама Правда. Это был не простой наемный рабочий, что значил наймит во времена Поликарпа [XIII в.], как и обоих Судебников: за свою работу он получал земельный участок и земледельческие орудия... кроме того, при поселении он брал у владельца ссуду, чтобы обзавестись своим хозяйством. Поэтому второе название, заимствованное прямо из народного языка, шло к нему гораздо более: ролейный закуп — пахатный закладень, съемщик земли со ссудой, уплату которой он обеспечивал личным закладом, обязательной работой на владельца-кредитора. Позднее слово закуп означало самый заклад: отдать в «закуп» значило заложить" (Опыты, I, с. 372—375).

Сергеевич заключал: „закуп, следовательно, есть наемный человек, наемный работник", и строил на этом термине теорию закупничества — найма (Др., I, с. 189). — См. выше, с. 449.

Дьяконов: „Русск. Пр., называя закупа наймитом, в том же месте точно указывает, что закуп должник своего господина («наймиту свобода во всех кунах»)" (Очерки, с. 110).

Пресняков: „Конечно, выражение это [наймит] вполне понятное, и не трудно указать тексты XIII и XIV вв. где его смысл — тот же, что и в нашей речи. Но этим вопрос о его значении не исчерпывается...". „Отожествление найма с лихвой [см. выше, с. 460—461; „Вопр. Кирика", РИБ, IV, с. 24—25] делает понятным наименование закупа наймитом и без признания его наемным рабочим" (Княжое право, с. 299).

Павлов-Сильванский считал замену здесь „закупа“ „наймитом“ противопоставлением с „пояснительным значением“: „закупу, как наймиту [так же, как и наймиту] свобода в кунах“. „Этим оправдывается новое право, охраняющее интересы слабейшего закупа; оно приравнивает закупа к наймиту, тогда как старое право приравнивало его к рабу“ (с. 226, прим.).

Гетц, принимая объяснение Преснякова, отметил, что „наймит“ не заменен „закупом“ ни в Тр., ни в Синод., ни в Кар. списках (III, с. 283).

Яковкин считает, что „наймит“ здесь („в Тр. и подобных ему списках“), вместо „закупа“, — „позднейший чисто случайный вариант“. „Нередко... одно понятие древнего права соответствует нескольким юридическим понятиям современности... Источники норвежского права пользуются термином «kõp» для обозначения договоров купли - продажи, аренды, найма услуг, транспортирования, товарищества, залога, вообще — всякого двухстороннего договора“. Сомнительно, чтобы и „слово «наймит» сохранило до настоящего времени то именно значение, в каком употребил его творец Правды“. В русских памятниках слово „наймит“ появляется не ранее XIII в. Яковкин указывает 3 значения термина: 1) „чаще всего“ — „лицо, обязавшееся исполнить за вознаграждение определенную работу“, „подрядчик“ [Печерский Патерик, с. 214: „наймиты же извозници воздвигоша тяжю на блаженного, просяще провоза (в др. ред. — найма), глаголюще тако: невемы, коею кознею сему дереву велел еси на горе быти“; Новг. I, 1128: „и наяша наймиты возити мертвеци из города“; ПСРЛ, IV, с. 209: „наяли псковичи наймиты на новый мост... а даху им найма от того 70 руб., а наймитов числом 40 чел.“; также ст. 21, 39, 119 Псковск. Судн. гр.; Судебник о наймитах для поединка]; 2) арендатор [пандекты Никона Черногорца, Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, XII, № 1, с. 258: „Приде в слух святому собору яко иже в клиросе суще неции, скверно приобретения ради чюжих притяжании и скотьских бывают наимници и вещи мирскыя в дело приемлют... Повеле убо святый великий собор ни единому прочее ни епископу, ни клирику, ни мниху притяжати скот ли вещь сбирати собе в мирских пребывающих, точию аще где по закону зоветь любовному ли епископ града повелить церковных ради печалии ли сиротам и вдовицам беспромысльно есть“; в греч. переводе „бывают наимници“ — „γίνονται μισθωτοί“, лат. = conductores fiant; АЭ, I, № 229, с. 363: монастырь „сек“ дрова „монастырскими людьми и наймиты“]; 3) наемный человек = закладный человек [Акты Мельникова, I, с. 26; см. выше, с. 464—466], „обеспечивший своей личностью долг“, где „отжившее“ мировоззрение объединило общим термином и личный наем и самозаклад (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 252, 254—256).

Максимейко не принял толкования „наймита", данного Пресняковым и Яковкиным, потому, что: 1) „о наймитах неоднократно говорят... летописи, Псковск. Судн. гр. и др., но в них отсутствуют какие-либо указания на связь личного найма с долговыми отношениями", и 2) из „Вопросов Кирика" „можно лишь заключить, что в древности взимание процентов называлось не только лихвой, но и наймом... Наимать означает брать добавку на деньги, отданные взаймы; напрасно искать в этом слове каких-то указаний на самозаклад и работу должника". Максимейко и ставил вопрос: „прав ли был автор Р. Пр., назвав закупа наймитом?" „С юридической точки зрения" — „едва ли можно признать удачной терминологию автора". „Даже" сама ст. 61 „не допускает такого переименования закупа в наймита", потому что закуп „освобождался от возвращения взятых им денег, а не от продолжения своей службы. Какой же это наймит? Ведь, из договора личного найма... возникает обязанность заработать полученную плату, и лишь в случае... если наймит самовольно прекращал свою работу, обязательство его из личного превращается в имущественное. Это не теория, а положительная юридическая норма, известная и Р. Правде... [В ст. 111] сказано, что поступивший в услужение... только в случае досрочного оставления работы должен возвратить хозяину «милость», т. е. взятую у него плату". Автор Р. Пр. смешал закупов с наймитами потому, по мнению Максимейко, что „те и другие одинаково работали на своего хозяина, жили в его дворе, получали от него свое содержание". Пример такого смешения понятий „по признаку только внешнего сходства" Максимейко указывал и в более поздних памятниках Западной Руси и Украины. Литовский Статут, 3 ред., IX, 27: „уставуем, иж в бояр и в людей простых княжеских, панских и земяньских нихто земли закуповати, а ни на лето ку паханью наймовати не мает без воли пана его". „Значит залог земли ясно и определенно отличался от аренды". А в актах заложенная земля „иногда называлась нанятой"; например, в 1539 г. в Гродненском земском суде истец жаловался: „нанял есми в него в сиж год две нивки попару на жито посеяти за 6 грошей", а ответчик „поведил: правда есть, иж я ему тые две нивки попару в 6 грошох заставил" (Акты Виленск. ком., XVII, № 38—39). Даже „ученые юристы" в Литовском Статуте выразились: „так же и самого чужого человека, жоны и детей его не маеть нихто закуповати и наймовати, без воли пана его або врядника, под утраченьем найма" (Закупы, с. 36).

Полосин полагает, что в ст. 61 закуп лишь уподобляется наймиту, и предлагает чтение: „продасть ли господин закупа обель, то (ему — закупу) якоже наймиту свобода во всех кунах" (с. 199). — Ср. с. 523, Павлов-Сильванский.

Аргунов о наймите — см. выше, с. 477.

Юшков, публикуя полностью текст Правосудия Митрополичья и датируя его, предположительно, второй половиной XIII в. — первой четвертью XIV в., его статьями о челядине-наймите (см. выше, с. 477, Аргунов) объясняет имеющееся в ст. 61 Пр. Пр. упоминание наймита „вместо слова закуп“: „наймиты, получавшие двойной задаток, в случае самовольного ухода от своего хозяина, превращались, как и закупы, в полных холопов“. А смысл статьи 29 Правосудия Митрополичья „а закупного ли наймита [убьет господарь], то есть душегубство“ видел в различении закупов и наймитов, как „двух различных институтов“ (ЛЗАК, XXV, с. 115 сл.).

Греков, относя „закупного“, как прилагательное, к „наймиту“, видит в ст. 29 Правосудия Митрополичья одну категорию — „закупного наймита“ — и отводит толкование Юшковым и ст. 27 Правосудия, по которой наймит якобы получает „двойной задаток“ при заключении договора. „Разве была какая-нибудь узаконенная норма задатка вообще, который удваивался для наймита, поступавшего в зависимость к господарю?“: „это — удвоенная сумма, взятая закупом-наймитом у господина в момент заключения договора. Всего вероятнее, это и есть купа. Ее удвоение и есть мера к удержанию закупа-наймита в зависимости от господина“ (Феод. отн., с. 90, прим.).

Юшков игнорировал это возражение Грекова и продолжает настаивать на „различии между закупом и наймитом“: 1) „наймит — свободный человек, который легко может расторгнуть договор путем уплаты двойного задатка; если же задатка он не получил, то может без дальнейших разговоров уйти от хозяина“; 2) „зависимость закупов“ определялась получением не задатка, а купы. „Было бы странно толковать“ Правосудие Митрополичье, „исходя из предположения, что слово «наймита» является определением или объяснением слова «закупного». Институт закупничества и найма был всем известен, и пояснять, кто такие закупы, не было никакого смысла“ (Очерки, с. 71).

Романов, по поводу контраверзы между Грековым и Аргуновым—Юшковым, заметил: „остается несомненным, что сама Пр. Пр. (ст. 61) считает оба термина (закуп и наймит) тождественными. Столь же несомненно, что Правосудие Метрополичье... оперирует ли оно двумя (Греков) или тремя (Юшков, Аргунов) терминами, имеет в виду все же только две пары юридических положений: 1) челядин-наймит в суде легально отказывается от работы, а если бежит, то (как и закуп Р. Пр.) обращается «в полницу» (т. е. в челядина полного), и 2) убийство челядина полного остается безнаказанным, в противоположность убийству челядина не полного (будь то, по Грекову, «закупный наймит», или по Аргунову и Юшкову, «закупный и наймит», которые юридически отожествляются точно так же, как отожествлены они в ст. 61)“ (Уч. пос., с. 73).

Статья 62

Аже господин бьеть закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платежь, тако же и в закупе.

Переводы

Ежели господин побьет наймита за дело, того в вину ему не ставить, а ежель он будет бить его безрассудно или в пьянстве без вины, то дать управа наймиту равная, яко и свободному (Б.).

Jeżeli gospodarz pobije zakupnia za występek, to bez winy jest, pobije li z nierozsądku pijany niewinnie, to jako za wolnego, tak i za zakupnia karę zapłaci (R.).

Wenn der Herr den Erkauften für eine Tat schlägt, so ist das ohne Schuld; schlägt er ihn aber unvernünftig, trunken, ohne Schuld, so wird wie für einen Freien, so auch für den Erkauften bezahlt (Ew.).

Если господин бьет слугу за дело, то в сем вины нет; если же бьет его в пьянстве и без всякой вины, то платит ему, как свободному (Пл.).

Если господин бьет закупа за дело, он за то не отвечает; если же он бьет его пьяный, сам не зная за что, без вины, то должен платить за обиду закупа, как платят за оскорбление свободного (Ст.).

Wenn der Herr den Schuldknecht schlägt für seine Arbeit, so ist er ohne Schuld. Schlägt er ihn aber, nicht vorsätzlich, im Trunk, und ohne Ursache, so tritt auch bei einem Schuldknecht die gleiche (Straf-) Zahlung ein, wie bei einem Freien (G.).

Комментарии

Сергеевич: „Наниматель имел право наказывать их за дурное исполнение своих обязанностей по собственному усмотрению, без суда" (Др., I, 196).

Дебольский: „Телесное наказание свободного наемного человека... допускалось и в XIX в. прусским Landrecht'ом" (II, tit. 5, ст. 185) (с. 93).

Дьяконов: „закуп вознаграждается так же, как и свободный. В последнем случае закуп приравнивается свободному, но из этого приравнивания явствует, что он не свободный человек“ (Очерки, с. 108).

Пресняков: „В плате за побои [закуп] равен свободному (стало быть — и в вире)“ (Княжое право, с. 299).

Гетц: „Что господин может побуждать своего Schuldknecht'а к работе побоями, установлено и в норвежском праве“ (III, с. 284).

Яковкин: „Ст. 71 Gulatingsbok допускала еще большее, ибо разрешала господину вывести нерадивого Knecht'а на тинг и убить его, если только родственники последнего отказывались его выкупить“ (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 114).

Юшков подчеркивает, что здесь „решение вопроса о виновности закупа предоставляется самому господину. Хотя имеется продолжение этой нормы: «бьет ли несмысля... в закупе», но совершенно ясно, что на практике это последнее правило оставалось мертвой буквой“ (Очерки, с. 83).

Романов отметил, что этой статьей в уставе о закупах завершается „попытка установить специфику закупничества в отличие (в пользу закупа) от холопства; далее уточняется аналогия этих двух состояний (уже в пользу господина)“ (Уч. пос., с. 74).

Статья 63

О холопе. Аже холоп обелныи выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

Переводы

Ежели крепостной чей холоп украдет коня, то платит за него господин его 2 гривны (Б.).

Jeżeli chłop obelny wyprowadzi czyjegokolwiek konia, tedy gospodarż zapłaci za niego 2 grzy: (R.).

Wenn ein leibeigener Knecht irgend jemandes Pferd entführt, so bezahlt man für ihn zwei Grivnen (Ew.).

Ежели чей крепостной холоп уведет лошадь, то платит за то 2 гривны (Пл.).

Если полный холоп уведет чью-нибудь лошадь, то (господину) платить за то 2 гривны (Ст.).

Wenn ein voller Sklave jemandes Pferd wegführt, so zahlt man dafür 2 Grivna (G.).

Комментарии

Владимирский-Буданов: „Выше (в ст. 43) [А, 46] было постановлено двойное вознаграждение истцу, здесь обыкновенное (конь всякий, кроме княжеского, стоит 2 гривны по ст. 41 [А, 45] Кар.). Этою статьею очевидно отменяется 43 ст. [А, 46] в пользу рабовладельцев, которым, конечно, было нелегко платить вдвойне за чужую вину“ (Хр., I, прим. 105).

Сергеевич: „написать подряд все статьи о закупах, перенеся на другое, более приличное место, статью о холопе, которая попала в середину статей о закупах и нарушила их цельность, это было выше его [переписчика Карамзинского списка] средств“ (Лекции, с. 78—79).

Гетц полагал, что эта статья „не на месте“ и является „позднейшим дополнением“, возникшим по связи с упоминаниями о холопе

в ст. 61 и 64. Переписчик Пр. Пр., когда этой статьи там еще не было, нашел в тексте указание на то, что закуп за кражу коня становился холопом. Господин должен платить за украденную лошадь, но сколько, не сказано. Позднейший переписчик Пр. Пр. „пометил слова ст. 63 на полях, и следующий переписчик поставил их не на то место" — перед ст. 64, вместо того, чтобы поставить их после одного из абзацев 64 ст. Что касается суммы вознаграждения (2 гривны вместо 4), то Гетц сопоставлял это со ст. 120 и 121, где нет речи о двойном вознаграждении (III, с. 286).

Романов возражает (ср. его комментарий к ст. 62): „ст. 63 совершенно на месте: она устанавливает безоговорочную ответственность господина за холопа-вора (как и ст. ст. 120 и 121), с целью противопоставить ей специфику аналогичной ответственности за закупа, ограниченной на этот раз в пользу господина. Поэтому едва ли ст. 63 имела в виду... отменить двойную ответственность холоповладельца по ст. 46" (Уч. пос., с. 74).

Статья 64

О закупе. Аже закуп выведеть[1] что, то господин в немь;[2] но оже где и налезуть, то преди заплатить господин его конь или что будеть ино взял, ему холоп обелныи; и паки ли господин не хотети начнеть платити за нь, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за вол, или за товар, что будеть чюжего взял, а прок ему самому взяти собе.

Переводы

Если ж наймит украдет что-либо и уйдет, то господин его неповинен за него платити; а ежели его поймают, то оставити на волю его господина, похощет ли он за украденное им заплатить, то отдать того наймита ему в холопство, а ежели не похочет он за него платить, то дозволить ему продать его, с тем чтоб из взятых за него денег прежде заплатил он за покраденное им, а достальные бы себе взял (Б.).

Jeżeli zakupień wyprowadzi co, to gospodarz w tym (odpowiada za to) a gdy go gdzie złapią, to gospodarz jego zapłaci naprzód za konia, albo za co innego co zakupień wział, a tak zakupień stanie się jego niewolnikiem; jeżeli zaś gospodarz jego nie zechce zapłacić za niego, tedy przeda go i odda pierwiej za konia, lub za woła, lub za towar, co ów zakupień cudzego wziął, a resztę co pozbędzie, to weźmie sobie (R.).

Von Erkauften: wenn er etwas entwendet, so ist der Herr in ihm; doch wenn man ihn ergreift, so bezahlt sein Herr zuvor das Pferd, oder was er sonst nahm, und er ist ein leibeigener Knecht. Hinwiederum will der Herr nicht für ihn bezahlen, so verkaufe er ihn, und entrichte zuvor für das Pferd, oder für den Ochsen, oder für die Waare, welche er Fremden genommen hat, und das Übrige nehme er für sich selbst (Ew.).

Если наемник украдет что-нибудь, то господин не ответствует; но если он будет пойман, то господину отдается на волю, хочет ли он заплатить известную сумму за учиненную слугою его покражу, напр., лошади или какого-нибудь другого предмета, и в таком случае наемник

---

[1] *С* уведеть

[2] *С* то господин в томь, *МП* то господину в том не платити.

делается полным его холопом; если же господин не захочет платить за него, то должен продать и из вырученных денег заплатить за покраденное им, лошадь ли то будет, или бык, или товар или другое что им унесенное, а что останется за уплатою, то взять себе (Пл.).

Если закуп украдет что-нибудь на стороне, то господин отвечает за него. Но он может, когда отыщут вора, заплатить за лошадь или другое что, им украденное, и закупа взять себе в полное холопство, а может и продать его, если не хочет за него платить, и тогда он должен наперед заплатить за то, что взял наймит чужого, будет ли то лошадь, вол или какая-нибудь вещь. А что останется за уплатою, то взять себе (Ст.).

Wenn ein Schuldknecht etwas wegführt, so ist sein Herr in ihm. Wenn man ihn aber irgendwo trifft, dann zahlt zuvor sein Herr das Pferd oder was er [der Schuldknecht] sonst etwa genommen hat, (der Schuldknecht aber) wird sein voller Sklave. Wenn dagegen sein Herr nicht für ihn zahlen will und verkauft ihn, so ersetzt er zuerst das Pferd oder den Stier oder die Ware, die er [der Schuldknecht] von einem Fremden genommen hat, und das übrige (Geld) nimmt er sich selbst (G.).

Комментарии

Калачов: „Если закуп похитит... что-либо чужое, то господин обязан за него заплатить..." (с. 141).

Соловьев: „За преступления наймита перед правительством отвечал господин, причем закупень становился ему обельным холопом" (I, с. 229).

Ланге: „За закупов, в случае произведения ими кражи, вознаграждал обиженного господин без платежа продажи князю, и закуп за воровство коня не выдавался по общему закону на поток... Само собою разумеется то же самое происходило, если закуп становился убийцею, т. е. он не подвергался ни продаже, ни потоку, а господин его обязан был заплатить обиженным одно простое головничество; виновный же закуп, как и при воровстве, становился обельным холопом...". „Право закупа на собственность выражалось только в том, что работа его господину была не даровая... а засчитывалась закупу постепенно за его долг; наличной же собственности, за исключением м. б. самой ничтожной, закуп не имел. Это доказывается тем, что за него, в случае совершения им преступления, платил его господин (ст. 57) [А, 64]" (с. 134 и 181).

Мацейовский: „Если (закуп) не имел чем платить, т. е. если всего его имущества нехватало на удовлетворение его долга, хозяин продавал его в неволю и, полученной суммой уплатив долг, остаток ее удерживал себе. Ни в каком другом случае ни продавать его, потому что продажа была бы недействительна, ни обижать его под

страхом наказания за это, хозяин не мог. Иначе закуп мог принести на него жалобу в княжеский суд“ (II, § 107, с. 134).

И. Беляев: „Господин имел полное право уличенного в воровстве закупа или продать или обратить в свои полные рабы, и ни закон, ни общество не вступались в эти дела“ (Кр. на Руси, с. 20).

Хлебников: „По законам этого времени, свободный человек, совершивший воровство, должен был заплатить огромную пеню в 12 гривен и возвратить вещь. Конечно, закуп-должник тогда не мог иметь такого капитала... На господина закон возлагал косвенным образом обязанность смотреть за закупом, т. к. его собственные потери он ставит на второй план“ (с. 245).

Владимирский-Буданов считал правильным вариант Пушк. сп.: „в том не платить“ — „по требованию смысла: если закуп украдет что-либо (и скроется), то господин не отвечает; но если его где найдут, то хозяин обязан заплатить за коня или за другое что украденное им, а закуп превращается в его полного холопа. Если же господин не хочет иметь его своим холопом, то может продать его и из вырученных денег прежде всего уплатить за покражу, а остальные взять себе... Разница в возмездии за преступление, совершенное закупом, от возмездия за преступление, совершенное свободным человеком (поток, продажа), определяется особым положением закупа — правами на него его хозяина“ (Хр., I, прим. 106).

Сергеевич принимал вариант „то господин в нем“ и переводил: „т. е. господин может поступить с ним, как заблагорассудит“ (Др., I, с. 197).

Дебольский полагал, что „статья эта не запрещает и третьего случая, и вероятно самого обычного, именно, что хозяин совершенно отступается от закупа и взыскание поступает на личность закупа“ (с. 97).

В вопросе об ответственности господина за закупа в данном случае Гетц склонялся к толкованию Сергеевича, а не Владимирского-Буданова потому, что слова „но оже и где налезут“ говорят за то, что господин отвечает: „потому-то, если бежавшего находят, ему и приписывается право распорядиться закупом, что он до того (vorher) должен был заплатить за похищение лошади, быка или товара“. Ординарное, а не двойное вознаграждение выплачивал господин потому, что речь шла о бежавшем рабе, а не о том, который украл и оставался у своего господина, и за воровство которого поэтому должно было выплачиваться двойное вознаграждение (III, с. 288).

Яковкин пытается разрешить противоречие вариантов Тр. сп.: „господин в нем“ и Пушк.: „в том не платити“. Первый относится к „той эпохе, когда закуп, отдаваясь в долг, становился холопом кредитора“, и тогда „при краже, совершенной закупом, господин как и при холопьей татьбе, должен был бы «двоиче платити истцу за обиду».

Но когда создавались ст. 56, 61, 62... закуп перестал быть собственностью кредитора... и поэтому должен был лично отвечать за содеянное. Эта новая идея личной ответственности нашла себе выражение в Пушк. списке... В результате получилась известная двойственность: с одной стороны, не решались «казнить» закупа продажей, а с другой — перестали считать господина ответственным за действие закупа... Только Правда заранее уже учитывает его неспособность возместить причиненный вред и предлагает поэтому господину или самому заплатить... или продать его [закупа]" (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 115).

Мрочек-Дроздовский: „Настоящая статья распадается на 2 части... В первой части говорится, что за закупа-вора отвечает хозяин": „быти в чем (в ком) — отвечать за что (за кого) (Срезневский, I, с. 325)". „Во второй — что после поимки закуп-вор порабощается... Последствие по первой части безусловно и наступает до поимки беглеца, независимо от нее... Эта безусловная ответственность есть не что иное, как казенная пеня (продажа) за проступок полусвободного домочадца, и до поимки беглеца уплата продажи — чистый убыток господина-домовладыки. Этот убыток возмещается после поимки..." (Чтения, 1917, кн. III, с. 87—88).

Максимейко и здесь держался Синод. сп.: „оже уведеть что, то господин в том...", т. е. „автор Р. Пр. только поставил общий вопрос об ответственности за кражу, совершенную закупом, но не дал на него никакого ответа: оборвав фразу, он перешел далее к рассмотрению частного случая" — такого, когда закуп украл, скрылся и был найден, а украденного не оказалось налицо. Сознание „недостаточности и незаконченности своих определений" „побудило его [автора Р. Пр.] пополнить замеченные пробелы аналогичными постановлениями" о холопе (ст. 63 и 65), „вырвав их из своей [их? — *Б. Р.*] естественной среды" и „поместив рядом со статьей о закупе" (ст. 64). „Такую уклончивость" автора Р. Пр. Максимейко считал „вполне естественной", ибо общий „вопрос", поставленный автором в начале, — „сложный". Вариант Пушк. сп. „в том не платити" „есть произвольная догадка переписчика, т. к. поставленный вопрос не допускает единого универсального и всеобъемлющего решения, а кроме того он настолько сложен, что ответ на него не может быть исчерпан в одном слове". Между тем „в остальных списках" (кроме Синод., Пушк., Царского) стоит: „то господин в нем". Эти переписчики „надеялись" „придать постановлению... законченный вид". Не соглашаясь с Сергеевичем (см. выше, с. 532), Максимейко полагал, что „в нем" = „за него", „подобно тому как выражение «в том» значит «за то»": ср. „вины в том ему нет", „платити в том 12 гривен", „а в сене и в дровех 9 кун", „а в холопе и в робе виры нетуть", „аже в княжи отроци" и т. п. (Закупы, с. 41—42).

Юшков принимает чтение Сергеевича и дает такой перевод: „если закуп уведет что-либо (поскольку в предшествующей статье говорится о краже холопом коня, то, вероятно, и здесь имеется в виду главным образом конь), то господин имеет право поступить с закупом, как ему заблагорассудится (очевидно, превратить его в полного холопа, увеличить размеры купы и т. д.). Но если закуп будет уличен в краже коня или других вещей у третьих лиц, то господину предоставляется выбор: или заплатить за кражу коня потерпевшему и превратить закупа в полного холопа или же продать закупа и из вырученной суммы уплатить потерпевшему; если же получался остаток, то господин мог взять его себе". Чтение Пушк. сп. („в том не платить") „имеется только в одном списке" и является „позднейшей прибавкой". Принимая это чтение, „получим две противоречивых нормы: господин не платит за закупа, и господин все-таки платит за него. Владимирский-Буданов, чтобы выйти из затруднения, от себя прибавляет: если закуп украдет (и скроется), только тогда господин не отвечает. Но в тексте не говорится об этом. В статье противополагаются два случая: кража закупа у господина и кража закупа у третьих лиц («оже где и налезут»), а не кража с последующим задержанием вора" (Очерки, с. 82—83).

Романов возражает: 1) Яковкину, конструкция которого „обязывает предполагать существование устава о закупах до-Мономахова времени, отразившегося во всех списках Пр. Пр., кроме двух списков Пушк. группы, которые в прочих статьях о закупах не содержат никаких следов «новой эпохи»"; 2) Мрочек-Дроздовскому: следуя толкованию последнего, „пришлось бы видеть здесь единственный (и маловероятный) случай пропуска в тексте Правды прямого упоминания о княжом штрафе, между тем как оно было бы вдвойне необходимо здесь ввиду нарочито проводимой аналогии с холопом, где именно продажа-то и не имеет места (ср. упоминание продажи в ст. 120, где оно по ходу основной мысли даже и не нужно). Скорее можно думать, что в отличие от холопа (ср. ст. 120), «урок» за закупа вносился господином только в случае поимки его и именно на том юридическом основании, что только с момента поимки eo ipso закуп становился холопом" (Уч. пос., с. 74—75).

Статья 65

А се аже холоп ударить. А се аже холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затемь аче и кде налезеть удареныи тъ своего истьця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором.

Переводы

Ежели раб ударит свободного человека, и убежит в дом своего господина, а господин его не выдаст, то взыскать с него в пользу ударенного рабом его 12 гривен. Если ж ударенный поимает того раба и приведет к суду, таковою, по закону князя Ярослава Володимеровича, предписано было смертью казнить, но понеже сыновья его, смертную казнь отрешив, узаконили брать денежную пеню, и для того вкинуть холопа того в тюрьму, или свободя телесно наказать, или взыскать гривну кун за бесчестье (Б.).

Jéżeli chłop uderzy wolnego człowieka i uciecze do domu, a gospodarz nie wyda go, to zapłaci 12 grzywien: zaś jeżeli uderzony pojmie tego chłopa, który go uderzył, to wielki książe Jarosław Włodymirowicz ustanowił był zabić go, lecz synowie jego ustanowili karę pieniężną, lub też więzienie, lub karę cielesną, lub też na zapłacenie grzywny kun za hańbę (R.).

Wenn ein Knecht einen freien Mann schlägt und entflieht in die Wohnung, und der Herr gibt ihn nicht heraus, so bezahlt der Herr 12 Grivnen für ihn. Aber wenn nach diesem irgendwo der Geschlagene seinen Angreifer trifft, welcher ihn schlug, so verordnete Jaroslav, dass er getödtet würde; jedoch seine Söhne verordneten nach ihm auf Marder, oder auch den Entfesselten zu prügeln, oder eine Marder-Grivna für den Schimpf zu nehmen (Ew.).

Если холоп ударит свободного человека, и скроется в дому, а господин не выдаст его, то платить за него господину 12 гривен. Но если

после сего ударенный наткнется где-нибудь на своего обидчика, который ударил его, то Ярослав определил было убивать его, но дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право бить, развязав, виновного холопа, или взять за бесчестие гривну кун (Пл.).

А вот, если холоп ударит свободного человека и скроется в дому, а господин не выдаст его, то платить за него господину 12 гривен. А если после того получивший от холопа удар встретит где-нибудь холопа, который ударил его, то Ярослав определил было убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти его, определили на выбор: либо, раздев, высечь виновного холопа, либо взять за бесчестье гривну кун (Ст.).

Und das, wenn ein Sklave einen freien Mann schlägt und flieht in das Haus, aber der Herr gibt ihn nicht heraus, dann zahlt der Herr für ihn 12 Grivna. Aber danach, wenn dieser Geschlagene seinen Gegner, der ihn schlug, irgendwo trifft, so hatte Jaroslav verordnet, ihn [den Sklaven] zu erschlagen, aber seine Söhne haben nach dem Vater Geld (strafe) bestimmt: entweder bindet man ihn los und schlägt ihn, oder man nimmt eine Grivna-Kun für die (angetane) Schmach (G.).

Комментарии

Лешков полагал, что „в глазах... Р. Правды... рабы не были вещью“ и что „здесь уже хоть частью уравнивается раб с свободным, который также платит за нанесение побоев куны“: Ярославичи постановили, что „раба не убивать, а, связавши, побить или, продавши, ценою, кунами удовлетворить обиженного“ (Р. народ, с. 154).

Чичерин понимал смягчение Ярославичами закона отца так: „они предоставили на выбор обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кун за посрамление“. „Личная обида, нанесенная свободному человеку“ — „было одно только преступление, которое имело последствия и для самого холопа“ (с. 150).

Ланге видел в словах: „то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны“ — „только ссылку на прежние постановления, именно на частный закон Ярослава о холопе, нанесшем удар свободному мужу, и на общий закон Изяслава об отмене кровавой мести“: „за этими постановлениями следует подразумевать слова, стоящие в начале устава [Мономаха]... именно: а потому «Володимер Всеволодович по Святополце созва дружину свою на Берестовем... уставили любо бити и розвязавше, любо взяти гривна кун за сором»“. „Закон Ярослава о холопе был действующим до самого Берестовского съезда и оставался без согласования с общим законом Изяслава. Мономах, заметив эту несообразность, признал необходимым такое согласование, и основание к нему выразил противопоставлением в ссылке двух разнородных прежних постановлений, а затем составил свой новый закон, применяясь к сделанной Изяславом отмене кровавой мести“. При Изяславе „сообразно с отменой им убийства по праву самосуда

и выражение «да бьют его» [в ст. 17 Кр. Пр.] следовало принимать, уже только в смысле побить... Мономах счел необходимым разъяснить в каком значении следует принимать слово «бьют»" — и „ясно показал, что... слова «бить розвязавше» не дают никому права бить до смерти" (с. 16, 165, 166).

Н. Дювернуа обращал внимание на то, что в этой статье отразился взгляд „близкого по времени человека, которому видны только яркие внешние события": „мы знаем, что не Ярослав «был уставил» месть и убийство раба за оскорбление свободного, что правомерное свое основание и то, и другое имело в обычае, и Ярослав не мог ничего другого уставить, не мог судить иначе. Теперь эта месть и это убийство теряет свое правомерное основание. Князья судят иначе, и вот их современник объясняет нам, что Ярослав уставил убивать, дети уставили откупаться" (с. 74).

Сухов ставил вопрос: „был ли предоставлен на волю обиженного рабом выбор наказания оскорбителю, или этот выбор наказания зависел от хозяина раба?". Из слов: „а господин его не выдасть, то платити" — „ясно видно, что хозяин раба мог не выдать его... или наоборот" (Юр. вестн., 1873, дек., с. 43).

Ведров указывал, что в Салической Правде „за все преступления рабов („de furtis servorum vel infracturis", V, cap. 13; „de servo, qui de furto fuerit interpellatus", V, cap. 42 и т. п.) установляется в большинстве случаев, кроме телесного наказания раба, известная ответственность его хозяина, прекращающаяся иногда выдачей самого раба. Эта выдача положительно требуется законом в случае, если раб убивал свободного (V, cap. 37)" (с. 73).

Владимирский-Буданов понимал 12 гривен как „уголовный штраф за укрывательство виновного холопа (хозяин делается участником в деянии своего холопа, или, правильнее, совершает особое преступление — укрывательство, за которое и подвергается уголовному наказанию). Эта плата не есть ни возмездие обиженному или выкуп раба, ни уголовный штраф за личное оскорбление. Оскорбление, нанесенное холопом, не есть преступление, т. к. виновник его не обладает правоспособностью (см. ст. 46). Возмездие за него предоставляется самому обиженному, а именно во времена Ярослава обиженный мог убить холопа, но сыновья Ярослава, отменившие вообще кровавую месть, запретили бить до смерти и холопа-оскорбителя, а постановили, что оскорбленный может или связать холопа (и держать в заключении) или, выпустивши из заключения, побить его или взять гривну кун за срам" (Хр., I, пр. 107; ср. также: Обзор, с. 321).

Сергеевич видел здесь указание на частный характер Пр. Пр.: „здесь... знающий человек соединил новое и старое право". По суще-

ству содержания статьи, Сергеевич считал, что „установить месть рабу... Ярослав, любитель книжного просвещения и человек, проникнутый христианскими идеями, не мог; да в этом и надобности не было, ибо месть обидчику существовала и до него... Предписать месть нельзя, ее надо носить в сердце... Ярослав мог узаконить смертную казнь рабу по приговору суда: это будет смягчение права мести обидчику. Сыновья Ярослава пошли дальше и ввели телесное наказание раба, вместо казни, и тоже, конечно, по приговору суда. Но они едва ли были в этом новаторами" [телесные наказания назначаются в церковном уставе Ярослава] (Лекции, с. 92 и 393). — „Дом господина есть место убежища для раба Там нельзя его взять даже для представления к суду. Это единственное... указание на неприкосновенность жилища в нашей глубокой древности. То же начало известно германскому праву. Но там оно сохранилось очень долго. Еще от начала XVII в. есть свидетельство, что преступник, скрывшийся в своем доме, не мог быть схвачен и приведен в суд. Суд сам приходил к его дому, и он отвечал на вопросы суда из окна, и то, если хотел (Frauenstädt. Blutrache und Todtschlagsühne. 1881, с. 63)". В ст. 65 нет речи об убийстве раба, нет речи и об „укрывательстве": „если укрывательство есть преступление, то почему же дом господина считается неприкосновенным и схватить раба можно только вне дома?... Бесспорно раб может быть безнаказанно убит за вину, это допускает ст. 89. Также считаем бесспорным, что обиженный не всегда убивал раба и между прочим потому, что раб иногда успевал скрыться в доме господина, а врываться силою в чужое жилище нельзя было. Что приходилось в этом случае делать обиженному? Караулить раба, пока он не попадет к нему в руки. Господин, если не желал потерять раба, входил с обиженным в соглашение и платил вознаграждение. Тем дело и кончалось, конечно. Этот порядок вещей и выражен в начале статьи, которую надо заключать словами: «12 гривен». Эти 12 гривен составляют плату за вину раба, это выкуп раба... «платити зань», т. е. за раба. А затем идет новое правило, устав Ярослава, предоставляющий обиженному право требовать смертной казни раба в том случае, конечно, когда между ним и господином не последовало мировой сделки... Нововведение Ярослава удержалось в нашей практике недолго, оно было отменено его сыновьями... [Они] установили применять к рабам публичное телесное наказание [см. „розвязавше", ниже, с. 540], а не частное, не месть". — Итак: „обиженный ударом раба, если не приходил к соглашению с господином его о способе удовлетворения за удар, мог потом, схватив раба вне дома его господина, представить его в суд и требовать казни" (Др., I, с. 112—115).

Рожков отмечал, что „уже самое право обиженного убить или бить холопа-обидчика и возможность выдачи его господином потерпевшему,

указывают, что практиковались личные наказания холопов и эта практика санкционировалась законом... Уже заметен зародыш признания личности холопа... самою княжеской властью в холопе признавалась свободная воля, дурные проявления которой подлежали известной уголовной каре; мы говорим, уголовной, потому что убить или бить холопа — значило применять к нему личную месть, а месть... имела несомненное значение общественного наказания" (Очерки, с. 130).

П. Беляев видел здесь указание на ту „уставную грамоту", из которой в Р. Пр. „перешла" „норма об убиении раба", и которая послужила „моделью" позднейших уставных грамот XIV—XVI вв. (Ж.М.Ю., 1899, № 10, с. 103).

Грушевский, высказывая предположение, что при Ярославе была „попытка" ввести смертную казнь, ссылался на эту статью (и на ст. 2 Пр. Пр.) (III, с. 366).

Ключевский считал эту статью одним из „двух препятствий" к тому, чтобы „принять Кр. Пр. за выборку из Пространной": „статья Кр. Пр. [А, 17] считалась выражением устава самого Ярослава" (I, с. 278).

Барац, сличая ст. 65 со ст. 17 Кр. Пр., приходил к предположению, что слова: „И вел. кн. Ярослав... уставиша на куны" попали в ст. 65 по бессознательной ошибке писца, взявшего их из „выноски", „относящейся к статье о душегубстве" на поле Кр. Пр. „вблизи" ст. 17. Устраняя эту вставку, Барац, в согласии с Сергеевичем, понимал ст. 65 так, что „если [сам потерпевший] поймает где-либо своего оскорбителя", то вправе представить его в суд, „который и подвергает его телесному наказанию (да бьют его, как выражено в ст. 17 Кр. Пр. или «бити его развязавше», как сказано в ст. 65 Пр. Пр.)". Лишними против ст. 17 остаются слова: „или взяти гривна кун за сором". Это — „окончание совсем отдельной статьи", стоявшей в „первоначальном подлиннике" и озаглавленной („наверно"): „а се оже холопа ударят", и гласившей: „аже кто холопа ударить, то взяти (ему) гривна кун за сором". Обычное толкование „никуда не годится", потому, 1) что это слишком незначительная пеня за оскорбление действием свободного мужа, и потому, 2) что у холопа и „никакого имущества нет". Свою конъектуру Барац поддерживал ссылкой на ст. Смоленской Правды рижской редакции: „Аже кто холопа ударить, гривна кун" (см. Русск. достоп., II, с. 250) (с. 201 сл.).

Гетц считал указание ст. 65, что Ярослав первоначально установил для раба смертную казнь, „ошибкой автора Пр. Пр.", который смешал ст. 17 Кр. Пр. со ст. 2 Пр. Пр. Он знал из ст. 2 Пр. Пр., что Ярославичи заменили древний обычай кровавой мести денежным выкупом, и это он перенес на „бити" ст. 17 Кр. Пр., которое он ошибочно понял, как „убити", и приписал древнейшее постановление самому Ярославу. Отсюда и неясность текста, указанная Сергеевичем: сначала утвержде-

ние, что Ярославичи ввели денежное вознаграждение, а дальше — что они предоставили выбор между этим последним и телесным наказанием. Оба вознаграждения идут обиженному: 1) 1 гривну Гетц сопоставлял с 1 гривной ст. 68, 28, 78, однако цель ее приходилось ему видеть здесь в том, чтобы, несмотря на уже совершившуюся уплату вознаграждения [12 гр.?], пойманного раба не наказывали еще раз; 2) 12 гривен — с 12 гривнами в ст. 25, 23, 67, и однако же ему приходилось признать, что в ст. 25 имеем альтернативу „выкупа" (Busse) или контр-удара, а здесь — и „выкуп" и телесное наказание после поимки. „Гривна кун", по мнению Гетца, не есть 1 гривна, а означает просто деньги вообще. Естественно, у самого же Гетца возникал вопрос, „не следует ли рассматривать 12 гр. ст. 65, как и в ст. 17 Кр. Пр., как частное вознаграждение, а не как штраф?" — вопрос, на который ему приходилось ответить: „вторая часть статьи 65 говорит за частное вознаграждение". Это у Гетца единственный случай, когда Busse Древнейшей Правды не переходит в продажу в Пр. Пр. (III, с. 293 сл. и I, с. 107, 108, 111 и 215).

Максимейко отрицал достоверность показания составителя Пр. Пр. о разрешении убийства холопа при Ярославе (см. выше, с. 114, Максимейко) (Опыт, с. 84).

Романов обращает внимание на то, что „в казусе, предусмотренном в ст. 17 Кр. Пр., с заметным ударением на бытовое явление укрывательства холопа рабовладельцем, в ст. 65 практически на первом плане выступала теперь вторая возможность, когда господин (холопа или закупа) не прибегал к праву убежища и приходилось защищать рабочую силу его от немедленной расправы в случае возникшего столкновения со свободным. Эта защита и выражена в новом постановлении: на место расправы, легко переходившей в битье до смерти, — телесное наказание («розвязавше» ...) или, вместо наказания — значительно пониженное против прежнего вознаграждение" (Уч. пос., с. 75).

„Вязати"

Болтин: „В тюрьму вкинуть. От того происходит вязень, т. е. колодник, в темнице содержимый".

„Розвязавше"

Болтин: „Освободя из заключения, из-под стражи".

Дубенский: „Бити розвязавше — бить привязавши к чему" (с. 90).

Сухов: „За обиженным осталось право... поймать раба и, чтобы он не ушел, связать и держать до получения выкупа, или же побить его" (Юр. вестн., 1873, дек., с. 42).

И. Беляев: „Обиженный имеет право или бить холопа, но несвязанного, или взять гривну кун за бесчестье“ (Лекции, с. 253).

Сергеевич: „«Розвязавше» указывает на некоторый определенный порядок наказания“: „а безумного аще и кнутом бьеши, развязав на санех, не отъимеши безумия его“ (Русск. бес., 1856, II, 13, Слово Даниила Заточника). „Подлежащего телесному наказанию привязывали, следовательно, к саням. Это и значит «бить розвязавше»“ (Др. I, с. 114).

Рожков: „Или бить его раздевши или взять за бесчестье гривну кун“ (Очерки, с. 152; так же: Максимейко. Мним. архаизмы, с. 160).

Максимейко указал, что „розвязати“ по Далю значит не только развязать или освободить, а и растянуть, и привел примеры: 1) результат осмотра Луцким судом трупа убитой челядинки в 1583 г. был записан так: „голова острыжона и на плечах и по бокам раны, знати свечами паленые, и с оных ран скура висит; на ногах и на руках знати што бы повязано: а то раны на плечах и на бокох, што ее кат мучил, свечами пик; а то знаки на руках и на ногах, коли ее кат на дробине розвезавши тягнул“ (Арх. Юго-Зап. России, ч. 8, т. III, с. 413; 2) по жалобе кн. Михаила Масальского на кн. Федора Масальского за истязание его крестьянина Лукаша, позовник показал: „того ж дня, казавшы выйти з светлицы с тым подданым на подворье, и прыготовавшы дубцов и ушаток воды, сам его милость кн. Федор и з волею малжонки своее, казавшы того Лукаша на ловце поврозами розвезать, другим затым поданым своим полываючы водою дубцы бити и мордовати велел перед собою самым“ (Акты Вил. арх. ком., I, с. 258). В этом значении „растягивания“ употреблено было это слово и в Р. Пр. Но переписчики поняли его в смысле „освобождения“, это и заставило их изменить текст, на основе представления о холопе, „когда он был связанный“: отсюда вместо „взяти“ явилось „вязати“ (Крестининский и Чуодвский II списки) (Интерполяции, с. 11).

Статья 66

О послушьстве. А послушьства на холопа не складають, но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна,[1] *а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити*[2] *на закупа.*

Переводы

Рабов во свидетели не принимать, но ежели не случится свободного, то по нужде взять боярского тиуна дворского, сиречь домом управляющего; а в малом иске, по необходимости, позволяется сослаться во свидетельстве на наемного служителя (Б.).

A świadectwa na chłopa nie wkladaj, lecz jeżeli nie będzie wolnego, to w potrzebie na bojarskiego lub na dworskiego ciwuna, a na innych nie wkładać. A w małej sprawie w potrzebie włożyć świadectwo na zakupnia (R.).

Aber Zeugniss lege man einem Knechte nicht auf; doch wenn kein Freier da ist, dann zur Not stelle man einen bojarischen Schuldheiss als Zeugen und auf andere lege man es nicht. Und in einer geringen Streitsache stelle man zur Not als Zeugen einen Erkauften (Ew.).

Раба в свидетели не призывать; но если не случится свободного гражданина, то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более. Но в малом иске дозволено сослаться и на закабаленного слугу (Пл.).[3]

На свидетельство холопа (при судоговорении) ссылаться нельзя; но если не случится свободного (человека), то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более. А в малом иске и по нужде можно сослаться на закупа (Ст.).

Aber Zeugniss legt man einem Sklaven nicht auf; wenn kein Freier da ist, dann legt man im Notfall (das Zeugniss) einem Bojaren-Tiun auf, aber anderen [Unfreien] legt man es nicht auf. Aber bei einer geringfügigen Streitsache, legt man im Notfall (auch) einem Schuldknecht (das Zeugniss) auf (G.).

---

1 *МП добавлено* на дворьского.

2 *С, МП* сложити.

3 Погодин, вместо „закабаленного слугу“, перевел: „на наемника“.

Комментарии

Владимирский-Буданов полагал, что „в мале тяже“ „конечно относится и к свидетельству дворского тиуна“ (Хр., I, прим. 108). Отсюда заключение, что „тиуны вообще не пользовались полною правоспособностью“ (Обзор, с. 77).

Максимейко возражал, что ст. 66 „вовсе не доказывает, что все боярские тиуны были холопами. Смысл ее таков: холоп не может быть свидетелем; но в крайности можно допустить к свидетельским показаниям такого холопа, который служит дворским тиуном. Условие крайности не относится к боярским тиунам. Если это были свободные люди, то они могли выступать в качестве свидетелей без всяких ограничений“ (Мним. архаизмы, с. 141).

Ключевский указал на „краткое постановление“ в Эклоге и Прохироне: „раб не послушествует“ — „мысль Эклоги развита в Правде применительно к составу русского общества, выразилась в чисто русской форме“ (I, с. 254).

Яковкин: „С бытовой точки зрения закупы еще сливались с верхами холопства... В Норвегии... из виры за Schuldknecht'а господин получал сумму, не превышающую той, какую он получил бы за своего Oberknecht'а“ (Ж.М.Н.Пр., 1913, май, с. 114).

Пресняков придавал здесь значение варианту „на боярска тиуна на дворского“, разъясняющему 40-гривенную виру за него в ст. 1 (Лекции, I, с. 225).

Гетц сопоставлял прибавку „такоже и за бояреск“ (ст. 14), которую он относил к ст. 11—14, с тем, что в ст. 66 речь идет об одном боярском тиуне и нет речи о княжеском, и объяснял, что это молчаливо подразумевалось. Прибавку о послушестве закупа Гетц предположительно относил за счет переписчика, которого подтолкнули сделать ее здесь предшествующие статьи о закупах. Потому и оговорку о „малой тяже, по нуже“ Гетц не считал текстуально обязательным относить и к тиуну боярскому, как то делал Владимирский-Буданов (III, с. 297 сл.).

Романов сравнивает ст. 66 со ст. 85, где „подтвержден тот же принцип, но разъяснен он там только на примере холопа. Это говорит в пользу того, что ст. 66 органически входит в устав о закупах“ (Уч. пос., с. 75).

Статья 67

О бороде. А кто порветь бороду, а въньметь[1] *знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже.*

Переводы

Кто у кого вырвет бороду, так что видно будет вырванное место, при людех, кои происшедшее засвидетельствуют, с таковаго взять пени 12 гривен; а ежель истец свидетелей не представит, в таком случае единому истцову доносу не верить, и с ответчика пени не взыскивать (Б.).

A kto komu porwie brodę tak, że będzie znamie, a będą na to ludzie, to 12 grzyw: przedaży, a gdy niema na to ludzi, tylko jest proste oskarżenie, to niema przedaży (R.).

Und wer jemand den Bart zerrauft, und es bleiben Merkmaale sichtbar, und Leute bekräftigen es, dann 12 Grivnen Busse; aber ohne Leute und in der Anschuldigung, dann keine Busse (Ew.).

Если кто вырвет у кого клок бороды, так что вырванное место будет приметно, и если свидетели то подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен пени; но если очевидцев нет, которые бы утвердили истину жалобы, то пени с ответчика не взыскивать (Пл.).

Если кто вырвет у кого клок бороды, и знак останется, и очевидцы то подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен штрафа (в пользу князя), но если очевидцев нет, а по одному подозрению, то штрафа с ответчика не взыскивать (Ст.).

Wenn jemand (einem anderen) den Bart ausreisst und er trägt Zeichen (davon), aber Leute treten (als Zeugen) auf, dann 12 Grivna Strafe. Wenn aber ohne Leute, nämlich bei Klage ohne Beweiss, nur auf Verdacht hin, dann keine Strafe (G.).

Комментарии

Мацейовский отмечал, что только сербское и русское право знают этот вид телесного оскорбления, ставя его на первое место среди других (III, § 152, с. 165).

[1] *С, МП* выиметь.

Богдановский: „что пеня... поступает к обиженному, это ясно из общего смысла подобных статей и из той же статьи самого позднейшего списка Правды (Оболенского), которая, повторяя это положение, не прибавляет слова «князю», что делается всякий раз, как скоро «вина» (поздн. замена слова продажа) должна поступать действительно князю" (с. 34).

Н. Дювернуа, напротив, задавался вопросом, „отчего при вырванной бороде... говорится только о продаже?", и считал, что „никак нельзя допустить, чтобы дело ограничивалось одной продажей" (с. 89).

Сухов объяснял 12-гривенную продажу в ст. 67 и 68 тем, что в обоих случаях речь шла о „побоях" без свады и притом оставивших следы (Юр. вестн., 1873, дек., с. 26).

Владимирский-Буданов считал „более естественным читать эту статью так: если у кого будет вырвана борода и обиженный или представит вещественные улики, или свидетелей, то оскорбитель платит 12 гр. продажи" (Хр., I, прим. 109).

И. Беляев видел в ст. 67 хотя и „явное повторение" ст. 8 Кр. Пр., но отмечал „совершенно новый взгляд на делопроизводство": требуются свидетели „даже тогда, когда будет признак, что вырван клок бороды" (Лекции, с. 253).

Леонтович в „людях" видел представителей общины (Земский обычай, с. 237).

Гетц возражал против чтения Владимирского-Буданова, ввиду ясного смысла второй части статьи: „продажа не назначается, когда налицо нет свидетелей", „одних знаков недостаточно для наказания". Отсутствие указания на частное вознаграждение (в противоположность ст. 68) объясняется происхождением ст. 67 из ст. 8 Кр. Пр., где о нем речи нет: частное вознаграждение ст. 8 превратилось здесь в продажу. „Расширение" в Пр. Пр. идет и здесь за счет формального права. Но почему в Пр. Пр. бывшая ст. 8 оторвалась от группы статей о телесных повреждениях? „Может быть, требование свидетелей явилось" здесь „потому, что ст. 66 уже говорила о свидетелях? [а не наоборот? — *Б. Р.*]". С другой стороны, куда делось постановление об усе ст. 8? „Остается возможным, что обе статьи (8 Кр. и 67 Пр.) возникли независимо одна от другой". [Ср. церковный Устав Ярослава (Голубинский, I, с. 635, ст. 32: „аще пострижет кто кому главу или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнит") и Псковск. Судн. гр., ст. 117 („а кто у кого бороду вырветь, а послух опослушествует, ино ему крест целовати и битися на поли, а послух изможет, ино за бороду присудити 2 рубля и за бой, а послуху быти одному")] (III, с. 300 и сл.).

Романов, возражая Владимирскому-Буданову против замены союзов „а“ словом „или“, указывает на то, что „предъявление крови во рту или клока бороды не решает еще вопроса, что лицо, против которого воздвигается «поклеп» пострадавшим, и есть именно тот, кто причинил оскорбление. Последнее и удостоверяют свидетели“ (Уч. пос., с. 75).

Статья 68

О зубе. Аже выбьють зуб, а кровь видять у него во рте, а людье вылезуть, то 12 гривен продаже, а за зуб гривна.

Переводы

Кто у кого выбьет зуб, и кровь видна будет во рте, и свидетели показание его утвердят, с такового взыскать пени в казну 12 гривен, а тому, у кого зуб выбит, гривна (Б.).

Gdy ząb wybiją, a krew u niego zobaczą w gębie, a będą na to ludzie to 12 grzywien przedaży, a za ząb grzywna (R.).

Wenn man jemand einen Zahn ausschlägt, und man sieht davon das Blut im Munde, und Leute bekräftigen es, dann 12 Grivnen Busse, und für den Zahn eine Grivna (Ew.).

Если кто у кого выбьет зуб, так, что кровь будет видна во рту, и если это будет подтверждено очевидцами, то взыскать с обидчика в казну 12 гривен пени, да обиженному за зуб гривну (Пл.).

Если кто у кого выбьет зуб, так что кровь будет видна во рту, а очевидцы подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен штрафа (в пользу князя) да за выбитый зуб пострадавшему гривну (Ст.).

Wenn man (einem) einen Zahn ausschlägt und man sieht bei ihm das Blut im Mund, und Leute treten auf, dann 12 Grivna Strafe und für den Zahn 1 Grivna (G.).

Комментарии

Ланге пояснил, что здесь разумеется то обстоятельство, „когда во время жалобы уже не было у обиженного крови во рту, а ее видели прежде посторонние лица“ (с. 253).

Владимирский-Буданов полагал, что „союзы *а...а* следует перевести *или... или...*“ (Хр., I, прим. 110). — „Сюда же [к оскорблениям чести] относится и выбитие зуба, очевидно, совершенное ударом по лицу“ (Обзор, с. 328).

Ведров сравнивал: „По Салическому закону за выбитый зуб назначается значительно меньшая пеня в 15 солидов. Правда в этом случае имеет в виду также оскорбительные действия“ (с. 112).

Сергеевич сравнивал с Мстиславовым договором: „за зуб он назначает 3 гр. серебра и то же пострадавшему; Р. Пр. назначает потерявшему зуб 1 гривну, а князю 12, которые равны 3-м Мстиславова договора (по ст. 1 этого договора на 1 гривну серебра идет 4 гривны кунами). Это служит новым подтверждением... мысли, что в пространных редакциях Р. Пр. размер княжеских вир и продаж соответствует частным вознаграждениям более древних памятников“ (Лекции, с. 415 прим.).

Ключевский: „За выбитие зуба в Эклоге 12 золотых (номисма), в Правде 12 гр. кун“; „если это сходство — не случайное совпадение, то у составителей Р. Пр. можно подозревать довольно разнообразные и даже неожиданные источники“ (I, с. 271). — Ср. с. 347, Ключевский.

Гетц указал на ту же оценку зуба (3 гр. серебра = 12 гривен кун) в Смоленском договоре 1229 г., что исключает мысль о заимствовании ст. 68 из Эклоги даже в отношении цифры штрафа (III, с. 303).

Статья 69—70[1]

69. Аже украдеть кто бобр,[2] то 12 гривен.[3]

70. Аже будеть росечеча земля или[4] знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати[5] татя ли платити продажю.

Переводы

69. Кто украдет бобра, (разумея из гнезда его), с того взыскать 12 гривен пени (Б.).

69. A kto ukradnie bobra, 12 grzywien przedaży (R.).

69. Wenn jemand einen Bienenstamm stiehlt, dann 12 Grivnen Busse (Ew.).

69. Кто украдет борть, с того взыскать 12 гривен (Пл.).

69. Если украдет кто бобра, то взыскивать 12 гривен (Ст.).

69. Wenn jemand einen Biber stiehlt, dann 12 Grivna (G.).

70. А искати татя таким образом, в которой волости учинится сия покража, и знаки явные похищения окажутся, яко то земля будет разрыта, или сеть, которою бобр поиман, на месте останется, то и велеть той волости жителям татя сыскивать, а ежели не сыщут, то взыскать с них сказанную пеню (Б.).

70. A gdy będzie rozkopana ziemia, albo znak na ziemi że bobra łowiono, lub też sieć, tedy po włości szukać złodzieja, lub też włość przedaż zapłaci (R.).

70. Wenn die Erde zerhackt, oder auf der Erde Merkmaale vom Fange, oder ein Netz, so erforscht der Wehrbezirk den Dieb unter sich, oder bezahlt die Busse (Ew.).

---

1 Признавая тесную связь между ст. 69 и 70, редакция настоящего издания Правды Русской решилась, тем не менее, разделить эти статьи как оттеняющие разные юридические моменты. Ст. 69 констатирует самый факт кражи бобра и устанавливает соответствующий штраф — продажу. Ст. 70 рассматривает самостоятельный судопроизводственный момент, а именно условия ответственности верви.

2 *С* борть.

3 *С, А II добавлено* продаже,

4 *С добавлено* на земли.

5 *С, М II добавлено* в собе.

70. Если земля будет разрыта, или на земле будут оставлены признаки ловли, или сети: то округа обязана искать у себя вора, или платить пеню (Пл.).

70. Если земля будет разрыта, или останутся признаки ловли, или сети, то общине или сыскать у себя вора, или платить штраф (продажу) (Ст.).

70. Wenn die Erde zertreten ist, oder ein Anzeichen (von etwas) mit dem [der Biber] gefangen wurde, oder ein Netz (vorhanden ist), dann sucht die Gemeinde den Dieb oder zahlt Strafe (G.).

Комментарии

Болтин заметил: „Сей закон предметом имеет истребление вовсе бобрового завода, когда кто из племенных бобров — самку или самца — убьет, разоря их гнездо или нору, и для того и пеня столь великая положена, понеже убиением единого из племенных истребляется вся стая".

Рейц полагал, что здесь имеется в виду кража „ручного" бобра (с. 186).

Дубенский пояснял: „Племенные бобры были особенною ветвию государственных доходов, а может быть и собственностью князя" (с. 92).

Станиславский обосновывал, что в данной статье речь идет о краже бобра из правильно организованного промыслово-охотничьего бобрового хозяйства, ссылками на польские источники XIII в. Здесь „речь идет об охоте или ловле в чужих дачах". Величина пени „может служить доказательством, что этот вид неправильного пользования произведениями чужой земли почитаем был одним из самых важных противозаконных действий, какие могли быть направлены противу чужой собственности вообще. Слова «искати татя» (статьи 70-й) показывают, что деяние это считалось воровством" (с. 176, 182, 188).

Ведров, ссылаясь на законы салических франков, предполагал, что ст. 69 имеет в виду не только кражу пойманного в чужую ловушку бобра, но и успешную охоту за бобром в таком месте, где, по охотничьим обычаям, бобр считался принадлежностью одного охотника (немецкое Wilddiebstahl) (с. 127).

Отмечая, что величина продажи за покражу бобра равна продаже за убийство холопа (см. ст. 89), Владимирский-Буданов заключал: „ловля пушных зверей составляла главный источник богатства наравне с пчеловодством даже в XV и XVI веках" (Хр., I, прим. 112).

Мрочек-Дроздовский, указывая на встречающиеся в некоторых списках Правды разночтения, заменяющие в данной статье слово „бобр" словом „борть", доказывал неправильность чтения „борть" сравнением

с непосредственно следующим за ним текстом: „аже будет росечена земля“ (Чтения, 1917, кн. III, с. 8).

Пахман: „В исках о покраже бобра, если на месте кражи остались знаки, а именно, если найдено на земле орудие ловли или сети,— «знамение, им же ловлено, или сеть», — то эти признаки суть достаточные доказательства, и на основании их, если бы даже не было ответчика налицо или он был неизвестен, округа (вервь) обязана разыскать в своей среде вора или заплатить пеню“ (с. 40).

Ту же мысль развивал Стефановский: „Всякая тяжба начиналась, в большинстве случаев, не иначе, как по желанию истца; тот, кто хотел получить удовлетворение, должен был жаловаться; когда не было жалующегося, не было и суда: процесс начинался поклепом или иском, Истцу необходимо должно быть известно лицо, на которое он простирает свой иск, даже и в делах по воровству. Исключение допускалось только в делах о смертоубийстве, покраже бобра и некоторых других, в которых, для установления иска (и возникновения уголовного судопроизводства), достаточно было одного факта преступления, хотя бы преступник был вовсе неизвестен... община обязывалась, независимо от воли частных лиц, отыскивать преступника и производить исследование преступления“ (с. 32—36).

Ланге писал: „Вервь подвергалась ответственности по делам о воровстве лишь в одном случае, именно при похищении неизвестно кем чьего-либо бобра... впрочем, тогда только, когда обнаруживались явные признаки воровства... В противоположность личной, общинная продажа взыскивалась не отдельно с каждого из жителей села или верви, но выплачивалась ими сообща, по раскладке, т. е. за одно необнаруженное воровство платилась и одна продажа целым селом или вервию. Это доказывается выражением, употребленным в Р. Пр. при назначении общинных продаж: «то тем платити татьбу и продажю» (ст. 77). Очевидно, что здесь для многих лиц установлен платеж одной только пени. Замечательно, что, если взыскание по делам о краже падало на все село, то оно платило продажу и татьбу, тогда как вервь вносила одну только продажу, без платежа татьбы. На чем основывалось такое различие? Нам кажется, это происходило от того, что жители селения, не отведшие от себя следов воровства, вероятно, почитались явными его укрывателями, чего нельзя было сказать об обитателях целой верви, заключавшей в себе несколько сел, тем более, что при покраже бобра принимался во внимание самый факт преступления, а не направление следов в ту или другую сторону, и вервь, хотя тоже подозреваемая в укрывательстве, собственно подвергалась продаже за неотыскание татя. Притом нельзя упустить из вида, что и в делах об убийстве вервь вносила также одну только виру, головничество же падало на самого

головника, если он был известен. Вообще в тех случаях, когда взыскание обращалось на целую вервь, она платила лишь пени в пользу князя и вовсе освобождалась от вознаграждения частных лиц“ (с. 214—215).

Грыцько, по аналогии с термином „дикая вира“, предложил для данного случая термин „дикая продажа“ (с. 45).

И. Беляев: „Следовательно, вирный порядок по Мономахову уставу перенесен был от преступлений против жизни на преступления против собственности“ (Лекции, с. 253).

Владимирский-Буданов: „Так производится иск о татьбе, при которой невозможен свод, т. е. когда украдена вещь, хозяин которой не может признать ее своею, хотя бы и встретил ее; таковы все предметы охоты: бобр и пр., — таковы же предметы пчеловодства: мед, выбранный из борти. В таком случае, вместо свода, средством розыскания является след. Вервь, к которой привел след, платит продажу не за воровство, а за неотыскание вора или укрывательство его; поэтому она не платит «татьбы», т. е. частного вознаграждения. Это тоже, что по делам об убийстве дикая вира, когда преступник не отыскан; но совершенно не то, что та общинная вира, которую платит вервь, когда преступник налицо — при неумышленном убийстве (см. ст. 6)“ (Хр., I, прим. 111).

Леонтович полемизировал с Ланге и Владимирским-Буде‑ановым. „Ошибочно понимая «знамение» в смысле знака или следа шкоды, Ланге полагал, что расследование виновного производится в данном случае путем «гонения следа», — толкование едва ли правильное. «Искать по верви» именно означало расследование виновного путем «свода» членов верви, собиравшихся по закличу истца на соседскую сходку и обязанных или выдать виновного, или платить продажу и «татьбу», т. е. общественную пеню и убытки потерпевшего. Буданов, по нашему мнению, неверно утверждает, что при «следе» община платит только продажу, а не татьбу — частную пеню: в состав как дикой виры, так и «общинной» продажи, несомненно входили общественная пеня и частные убытки, как это несомненно доказывается всеми древними памятниками славянского права“ (Земский обычай, с. 244, прим. 1).

Собестьянский возражал Владимирскому-Буданову: „Слова «аже будет рассечена земля» Владимирский-Буданов без всякого основания объясняет «если будет след, т. е. земля рассечена копытами лошадей, ногами людей или колесами повозки». Ловля бобров производится самым разнообразным образом... чаще всего их ловят в силки, устраиваемые различными способами. Бобров заманивают в них свежими сучьями. Зимою взламывают часть льда подле их хижин, покрывают пролом толстою сетью, затем ломают шалаши и убивают бобров. Конечно, если бобр находится в простой земляной норе, то можно поймать его, разрушив нору. В ст. 70 именно и перечислены подробно

все эти способы ловли бобров: «оже будеть россечена земля, или знамение, им же ловлено, или сеть», и статья эта имеет в виду лишь один случай татьбы — похищение бобра. Вервь отвечает здесь не потому, что к ней привели следы (для нас непонятно, каким образом остатки орудий ловли, напр., сеть, могли привести к какой-нибудь верви), а что в ее пределах украден бобр и самый факт преступления доказан тем, что разрушена нора, устроены силки или оставлена на льду сеть. В древности бобры считались собственностью князя. В средневековой Польше сельское население обязано было стеречь бобров; в противном случае подвергалось тяжелым наказаниям. Вервь в Русской Правде привлекается к ответственности, если в ее пределах охотился кто на бобров, на том основании, что этим нарушалось право князя. Вот почему вервь и уплачивает только штраф князю (продажу). Она освобождалась от платежа лишь в таком случае, если ей удавалось разыскать виновного" (с. 124—125).

Максимейко — полемизируя с теми исследователями, которые считают, что вервь несла по ст. 70 ответственность за неотыскание вора, в частности с положением Владимирского-Буданова: „вервь обязана найти среди себя вора; в противном случае платит продажу", — подчеркивал, что вервь отвечала лишь в случае нежелания искать вора, а вовсе не обязана была непременно его отыскать. „В статье прямо сказано: или искать татя или платить. Значит, платили тогда, когда отказывались искать. Надо держаться буквального смысла статьи, тем более, что она во всех списках редактирована одинаково, а потому даже искажения и ошибки переписчиков не могут быть приведены в пользу иного ее понимания" (Мним. архаизмы, с. 147).

Мрочек-Дроздовский так обосновывал связь между статьями 69-й и 70-й: „В этом тексте [т. е. в тексте ст. 70] говорится о тайной ловле, об отыскании и последствии отказа верви от розысков ловца-татя: речь неполная, — не указано предмета хищнической ловли; полный смысл этот текст получает только в связи с предыдущим, — как вторая часть цельного закона о краже бобра. В гонах, или охотничьих бобровых участках, бобры живут в прибрежных норах с выходами на сушу и на воду: таким образом, бобра в гону можно словить или прямо из норы, раскопав землю, или какой-нибудь ловушкою, поставленною у сухопутного выхода из норы, или же с воды сетью. — „Росечена земля (росечи = разрыть) или на земли знамение им же ловлено (= знак от ловушки на земле)". „Чтения «на земли» нет в большинстве списков, но это чтение вполне согласно с существом дела: знак от ловушки только и может быть на земле, т. е. у сухопутного выхода из норы" (Чтения, 1917, кн. III, с. 8).

Статья 71

Аже кто борть разнаменаеть. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен.

Переводы

Кто в бортном ухожье (разумея быти оное общаго владения), зделанные на бортях знаки стешет и свои наложит, с таковаго 12 гривен пени (Б.).

Jeżeli kto zniszczy znaki (graniczne) na barciu, to 12 grzywien przedaży (R.).

Wenn man eienen Bienenstamm umzeichnet, dann 12 Grivnen (Ew.).

Кто стешет бортные знаки, срубит бортную грань или дуб, или межевой столб, или запашет межу полевую, или перегородит дворовую с того взять в казну 12 гривен пени (Пл.).

Если кто уничтожит бортные знаки, то платит 12 гривен (Ст.).

Wenn jemand einen Bienenstockwald umzeichnet, dann 12 Grivna (G.).

Комментарии

Дубенский: „Борть — выдолбленное дерево, в котором водились дикие пчелы; хозяин ставил на нем свои знаки. Знаменуеть (и раззнаменуеть) — положит свои новые знаки, изгладив прежние“ (с. 92).

Ланге: „Раззнаменовать борть значило стесать топором с нее знамя, т. е. признак, определяющий право чужого владения, и выделать на дереве свое, или вообще другое знамя“ (с. 192).

Встречающееся в некоторых списках написание (в заголовках этой статьи) „разломит“ вместо „раззнаменует“ Владимирский-Буданов считал ошибочным и заключал: „На бортных деревьях каждый собственник клал свои знаки... Преступление, наказуемое по этой статье, равно по ст. 72 и 73, есть истребление признаков частной собственности, с целью присвоения ее или незаконного пользования ею“ (Хр., I, прим. 113

Гетц заметил, что слово „борть“ означает как единичное бортное дерево, т. е. дерево с ульем в нем, так и часть леса с такими деревьями, составлявшими лесные пчеловодческие участки (очевидно то, что Болтин перевел словом „бортный ухожай“). Сравнивая величину продажи по ст. 71 и 75, Гетц приходил к заключению, что в ст. 71 имеется в виду не единичное бортное дерево, а именно целый пчеловодческий участок (III, с. 307).

Статья 72

Аже межю перетнеть бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномь перегородить межю, то 12 гривен продажи.

Переводы

Кто столп гранный, на меже бортного ухожья, посечет, или межу пашенную распашет, или с дворовой межи тын на другое место переставит, с таковаго 12 гривен пени (Б.).

Jeżeli miedzę bartną przetnie, albo rolną rozorze, albo li też dworną miedzę płotem przegrodzi, to 12 grzywien przedaży (R.).

Wenn jemand den Grenzpfahl eines Bezirks umhaut, oder eines Ackers zerstört, oder einen Hofzaun versetzt, dann 12 Grivnen Busse Ew.).[1]

Если кто срубит бортную межу или распашет межу полевую, или перегородит дворовую, то платит 12 гривен штрафа (Ст.).

Wenn jemand die Grenze eines Bienenstockwaldes umhaut oder die eines Ackers umackert oder den Grenzzaun eines Hofes versetzt, dann 12 Grivna Strafe (G.).

Комментарии

Объединяя ст. 71, 72 и 73, Карамзин дал следующий перевод: „Кто стешет бортные знаки, или запашет межу полевую, или перегородит дворную, или срубит бортную грань, или дуб гранный, или межевой столп, с того взять в казну 12 гривен,“ и добавлял: „Следственно всякое сельское владение имело свои пределы, утвержденные гражданским правительством, и знаки их были священны для народа“ (II, с. 30).

Станиславский, рассматривая ст. 72 Пр. Пр. как дальнейшее развитие ст. 34 Кр. Пр., писал: „По величине «продажи» со всей вероятностью заключить можно, что порча и истребление межевых знаков

[1] Перевод Ив. Платонова см. в ст. 71.

считались наряду с важнейшими и опаснейшими противозаконными действиями и что законодательная власть имела в виду предохранить от них общество, установляя за них высокие пени. Хотя из межевых статей нельзя заключить совершенно положительно, что в них речь идет о злоумышленной порче и истреблении межевых знаков, напротив, скорее можно было бы думать, что здесь обращено было внимание не на умысел, а на самый факт; однако ж с большою вероятностью предположить можно, что действительно только злоумышленное истребление и порча межей подвергались определенному взысканию, упущение же указания на этот предмет в самом законе надобно, конечно, отнести на счет весьма понятной и извинительной неопытности в деле редакции законов. Первоначальная редакция законов всегда бывает весьма несовершенна и представляет потом обширное поприще для различного их толкования. В первой из них, кратчайшей, говорится о перепахании или изрублении межи вообще [ст. 34 Кр. Пр.]; во второй, обширнейшей, ясно уже различается межа ролейная от бортной и дворной. Очевидно, что такая определенность могла быть только произведением опыта, доказавшего недостаточность первоначальной редакции этой статьи. Постановления Русской Правды о межах имели влияние на образование понятий о том же предмете в Литве (некот. статьи Литовского Статута). Еще более сходства с постановлением в законах чешского короля Владислава. Из сего последнего сближения можно вывести предположение, что понятия различных славянских народов о неприкосновенности межевых знаков, а вместе и поземельной собственности вообще, могли быть весьма сходны между собою“ (с. 174—175).

Мацейовский, рассматривая ст. 72 и 73, толковал их как меры защиты норманской частной собственности от покушений общины (I, § 269, с. 277; III, § 146, с. 158).

Леонтович отметил сходство ст. 71, 72 и 73 Пр. Пр. со ст. 12 Статута 1420—1423 гг. о нарушении границ, знамен и со ст. 12 Белзского привилея 1501 г. о переорании межи, границ: „Литовские статуты говорят о всех случаях, указанных в Русской Правде, в статьях о скажении границ и меж, сожжении, порубке межевых знаков, назначая также однообразную плату — 12 рублей хозяину и «толкож господарской вины»“ (К.У.И., 1865, № 2, с. 12; № 3, с. 7).

На сходство ст. 72 со ст. 4 Двинской Уставной грамоты указал еще Пахман: „а друг у друга межу переорет, или перекосит на одином поле, вины баран...“ (с. 41).

Ланге: „В статьях о нарушении межей упоминается о межах бортной, ролейной и дворной, а это указывает на столько же соответствующих им родов поземельной собственности, и приводит к убеждению, что если земля под двором составляла частную семейную собствен-

ность, то такое же частное владенье могли составлять и бортные ухожья и пахотные поля, а потому едва ли не ошибаются те, которые признают у нас во времена Правды существование только общинной, а не частной поземельной собственности" (с. 196).

Сергеевич отметил: „О частном вознаграждении Русская Правда не упоминает. Наоборот, в некоторых северных германских законодательствах переместивший межу отдавался иногда в волю собственника земли, и частный интерес устранял таким образом публичный. Русская Правда, конечно, не договаривает" (Лекции, с. 422).

Греков, отмечая „разнообразие и выразительность терминов": „перетнуть", „разорать", „перетынить", подчеркивает „наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам и разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после штрафа за убийство" (Киевск. Русь, с. 47—48).

Статья 73

Аже дуб подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривен продаже.

Переводы

Кто дуб гранный срубит, или межевой столп повалит, с такового 12 гривен пени (Б.).

Jeżeli kto dąb mający znaki zetnie, lub też dąb graniczny podetnie, to 12 grzywien przedaży (R.).

Wenn jemand eine Maal-Eiche umhaut, oder eine Grenz-Eiche niederhaut, dann 12 Grivnen Busse (Ew.).[1]

Если кто срубит дуб с знаменем или межевой, то платит 12 гривен штрафа (продажи) (Ст.).

Wenn jemand eine gezeichnete oder Grenzeiche umhaut, dann 12 Grivna Strafe (G.).

Комментарии

Дубенский: „Потнет знаменный дуб = срубит клейменый (межевой?) дуб" (с. 92).

Ланге считал, что под „знаменным" дубом, отличаемым здесь от дуба „межного", „нельзя разуметь какой-либо межевой признак, это бортное дерево... знаменная борть" (с. 192—193).

Владимирский-Буданов считал, что дуб знаменный — это „дуб, обозначенный клеймом (т. е. тоже борть, которая могла быть как в сосне, липе, так и в дубе). Дуб межный — дерево, обозначающее границу лугов" (Хр., I, прим. 115).

При таком понимании у Кочина „возникает вопрос, чем, по существу, будет отличаться действие, указанное в ст. 71 Пр. Пр., от подот-

[1] Перевод Ив. Платонова см. в ст. 71.

нутия дуба знаменного“ — между тем, „возможно иное понимание: у дубов межных и других деревьев часто бывает достаточно внешнего вида, чтобы выполнять роль межевого признака; в таком случае дуб знаменный, являясь таким же межевым признаком, будет отличаться от них лишь наличием «знамени» владельца, а вся статья будет говорить об одном: уничтожении межевых признаков, отмечающих границы земельного владения или бортного ухожая“ (Уч. пос., с. 76).

Статья 74

А се наклади. А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отрокомь на дву коню, сути же на рот овес, а мясо дати овен любо полоть, а инемь кормомь, что има черево возметь, писцю 10 кун, перекладнаго 5 кун, на мех[1] *две ногате.*

Переводы

Накладных брать с платежа 12 гривен. Судье 2 гривны и 20 кун, а ехати ему с отроком на двух лошадях, коим давать овса, сколько они съедят; в пищу судье, с находящимися при нем, баран или полоть ветчины, а прочих харчей сколько они съесть могут. Писцу 10 кун, перекладного 5 кун, да за мех 2 ногаты (Б.).

A to nakład 12 grzywien. Dla otroka 2 grzywny i 20 kun, który ma jechać z cłekiem parą kónmi, a koniom dawać owsa ile zjedzą, a mięsa dać barana albo połeć, a innych pokarmów ile im brzuch weźmie, a pisarzowi 10 kun, przekładnego 5 kun, a za worek 2 nogaty (R.).

Aber diess sind die Zuschüsse der 12 Grivnen: dem Diener zwei Grivnen und 20 Marder, und derselbe fährt nebst dem Diener mit zwei Pferden, denen Hafer vor das Maul zu schütten; an Fleisch zu geben einen Hammel, oder eine Speckseite, und von anderer Nahrung so viel ihr Leib zu sich zu nehmen vermag. Dem Schreiber 10 Marder, Reisekosten 5 Marder, und für Pelzwerk zwei Nogaten (Ew.).

Следующие наклады или прибавки постановляются к 12 гривнам: отроку брать 2 гривны и 20 кун; судье с отроком ехать на двух лошадях, и брать на них овса, сколько оне могут съесть; в пищу себе получать из мясного: барана или полоть ветчины, и из других харчей, сколько двое съедят. Писцу давать 10 кун, перекладного 5 кун, за мех 2 ногаты (Пл.).

Размеры дополнительных при взыскании штрафа (продажи) расходов. А вот накладные расходы, которые полагаются при 12-гривенном штрафе в пользу князя: отроку брать 2 гривны и 20 кун, судье с отроком ехать на двух лошадях; на последних овса сколько могут съесть, а самим в пищу брать барана или полоть мяса, а из других кормов, сколько двое съедят; писцу давать 10 кун; перекладного 5 кун, да за мех 2 ногаты (Ст.).

[1] *С, МП* за мех

Und das sind die Zugaben von 12 Grivna; dem Gehilfen 2 Grivna und 20 Kuna, und er selbst reist mit dem Gehilfen auf 2 Pferden. Man streut (ihnen) aber vor das Maul Hafer. Aber (an) Fleisch gibt man Hammel oder Schwein und an sonstiger Nahrung, was ihnen der Leib aufnimmt. Dem Schreiber 10 Kuna, [Reise-] Zuschuss 5 Kuna, fur Pelzwerk 2 Nogata (G.).

Комментарии

Болтин: „Наклад — накладная плата, сверх положенного, так как ныне берется в казну при платеже подушных денег с каждого платежного рубля по 2 копейки накладных". Слово „отроку" — результат описки переписчика, „который вместо судьи написал отрока, отнюдь некстати; ибо здесь идет речь о судье, который для исследования преступления на месте и взыскания указанной пени с виноватого нарочно посылался...".

В. Строев в своем издании Р. Пр. ставил двоеточие после слов „А се неклади", предполагая, что далее пропущено слово „вирнику", т. е. следует читать: „А се наклади: вирнику 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун" (с. 123, прим. 2).

Карамзин передал начало ст. 74 Пр. Пр.: „о накладах" (или прибавках к 12 гривнам продажи, взыскиваемых в казну за различные вины): „отроку [судье] 2 гривны и 20 кун, а самому ехати с отроком (т. е. с помощником или писарем) на дву коню..." (II, прим. 104, с. 40).

Дубенский пояснял термин „наклади": „Правда Ярославова разделена законодателем на 3 отдела видами пошлин в казну и платы за труд, которую получали люди, разбиравшие дело при уголовных следствиях... [1-я часть — законы уголовные]; в следующих статьях... [законодатель] полагает взимать с нарушителей прав: продажу (платеж)в казну, наклади (натурою и деньгами) судье и писцу за хлопоты и уроки... В остальных статьях определен третий вид платы, называемой уроками...". Дубенский рассуждал: „А самому ехати с отроком — кому? Отроку, т. е. судье, как перевел Болтин, с кем? — с отроком, т. е. опять с судьею; тогда надобно предположить, что и в первом месте „отрок" — судья, а во втором значит — помощник ему или детский? Но не лучше ли понимать, что самому здесь значит — истцу?" (с. 93).

Богдановский: „От всех этих пеней [ст. ст. 9, 10 и 74], идущих истцам, князь и его чиновники, как и от виры, получают известную долю"; по ст. 74 Пр. Пр. „приблизительно 3 гривны, за вычетом которых истцу остается 9 гривен — тоже отношение, какое мы видели при разделе виры, т. е. $^3/_4$ из всей суммы достается частному лицу, а $^1/_4$ князю и его чиновникам". „В этой статье мы имеем указание и на самый образ взимания пени или продажи: истец (по окончании, вероятно суда по его делу) просил себе от князя или его наместника (в иных случаях посадника)

отрока, с которым и ехал... и при содействии которого взыскивал с виновного должную сумму. И здесь, как при взыскании виры, платеж падал на всю общину, если она не могла представить самого плательщика или последний не в силах был выплатить сам“ (с. 36).

Ланге: „При Владимире Мономахе [т. е. согласно 2-й половине Пространной Правды] кормление вирнику с отроком было то же, что и при Изяславе; но в случае разъездов для исполнения разных поручений отрок получал еще особое кормление, без сомнения с жителей того места, где находился, именно: овна или полоть и иной корм, сколько черево возьмет. Сверх того отроку поставлялись при проезде две лошади с проводником, и отпускался на двух лошадей фураж. Отроку, а также без сомнения и вирнику, давался проводник или ямщик; это, по нашему мнению, видно из следующего места Правды: «Отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на 2 коню»... Отрок ехал с отроком. Очевидно, последнее слово употреблено в значении проводника, ямщика. Употребление в таком смысле слова отрок весьма схоже с тем, какое и ныне делают из слова малый, относя его к слуге“ (с. 84).

И. Беляев: „[Устав Владимира Мономаха] ограничивается лишь вирными пошлинами и не сходен ни с Ярославовым уставом о вирных уроках, ни с Правдою сыновей Ярослава“. Впрочем, в уставах этих, по мнению И. Беляева, „и здесь и там пошлины вирника и его служителей являются не в виде сбора со всех вирных дел общины в продолжение какого-либо определенного срока, а в виде прибавки, или процента на каждую виру отдельно, почему в законе и называются накладами“. Беляев так передавал содержание ст. 74: „Вирных накладов следует от виры: вирнику 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати с отроком на дву кони, сути же на рот овса, а мясо дати овен, любо полоть, а иным кормом, что има черево возмет, писцу 10 кун, перекладного 5 кун, а за мех две ногаты“. Беляев отметил важное нововведение в судопроизводстве — введение письменности, „тогда как прежде метельник делал только метки на бирке — сколько взято судных пошлин...“ (Лекции, с. 254).

Мрочек-Дроздовский: „следовало бы объяснить значение наклада: есть ли это сбор со всех 12-гривенных продаж, которых в Правде, немало, или же это плата отроку за какое-нибудь особое дело, в котором труда ему было несколько побольше, чем при простом сборе пеней? Таким делом могло быть восстановление испорченных межей, на что указывает и сама связь статьи «А се наклади» с предшествующими [ср. ст. 69—73 Пр. Пр.]... Если в этом признать наклад вообще на 12-гривенную продажу, то нельзя избежать вопроса: а отчего же нет накладов на продажи другого количества: на 3 гривны, на 60 кун, на 30 кун?.. От решения этого вопроса различно освещается и самое основан емой платы отроку. Кроме того, весьма смело

сравнивать вирника с отроком (см. выше): значение того и другого, получаемые ими доходы, — все было различно. Вирник, судья, получал, кроме известного наклада, значительный побор натурой, а это, как и самое дело, не могло не иметь влияния на размер наклада" (Исслед., вып. 1, с. 124—125).

Владимирский-Буданов сопоставлял ст. 74 со ст. 41 Кр. Пр. и ст. 9 Пр. Пр.: „Как собирать виру ездил вирник с отроком и писцом, так собирать продажу ездил емец или мечник с отроком и писцом. Очевидно, что здесь следует читать вм. «отроку» — мечнику с отроком (ср. ст. 9 Пр. Пр.): Как от виры — вирник получал 5-ю часть ее (8 и 16 гр.), так от продажи в 12 гривен мечник получает 5-ю часть (при 50-кунной гривне 2 гр. и 20 кун). «Самому», т. е. мечнику и его отроку, полагается ехать только на 2 конях (чтобы не обременять жителей)" (Хр., I, прим. 116).

Карский делал такое пояснение слову „наклад": „Наклад — собственно рост, лихва. «Отверзися кун даяти в лихву, рекше в наклад», — читаем в Паисиевском сборнике. Но имеет оно и другие значения: надбавка, расход, издержки. Применительно к теперешним пониманиям можно употребить: урочное положение, суточное довольствие" (с. 101—102).

Тихомиров указывает на непосредственную связь ст. 74 Пр. Пр. с поконом вирным [ст. 42 Кр. Пр. и ст. 9 Пр. Пр.]. „Она имеет в некоторых местах явное дословное сходство с поконом вирным («сути же на рот овса, а мяса дати овень, любо полоть»), но в то же время уменьшает все нормы покона вирного, определяя стоимость поборов в 12 гривен" (Исслед., с. 214—215).

„Мех"

Болтин: „За мех — вероподобно кажется за мешок или за кису, в которой подъячий письменные дела возил".

Карамзин — мех, в котором писец возил свои документы (II, с. 40).

Дубенский: „«За мех» — за кожу, за пергамент, на чем писали? Болтин толкует за мешок, за кису, в которой подьячий возил письменные дела; но неужели он не брал за материал, на котором писал, метил?" (с. 94—95).

И. Беляев: мех — пергамент или кожа, на которой писались дела (Лекции, с. 203).

Ключевский: „«На мех 2 ногате»: это значит, что 5 металлических кун могут быть заменяемы двумя меховыми ногатами" (I, с. 263).

Статья 75

А се о борти. Аже борть подътнеть, то 3 гривны продаже, а за дерево пол гривны.

Переводы

Кто борть свалит, с того 3 гривны пени в казну, а за дерево хозяину полъгривны (Б.).

Gdy kto barć podetnie, to 3 grzy: przedaży, a za drzewo półgrzywny (R.).

Wenn man einen Bienenstamm niederhaut, dann 3 Grivnen Busse, und für den Baum eine halbe Grivna (Ew.).

Кто срубит борть, платит 3 гривны пени в казну, за дерево хозяину полгривны (Пл.).

Если срубят борть, платить 3 гривны штрафа, а за дерево хозяину полгривны (Ст.).

Wenn man einen Bienenstockbaum umhaut, dann 3 Grivna Strafe, und für den Baum eine halbe Grivna (G.).

Комментарии

Карамзин объединил ст. 75 со ст. 76 и дал им следующий перевод: „За борть ссеченную виновный дает 3 гривны пени в казну, за дерево полгривны, за выдранье пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженного улья 10 кун, за лаженный 5 кун“ (II, с. 30).

Полевой, сравнивая ст. 75 со ст. 71, обратил внимание на противоречие ст. 75 „с законом, коим тот, кто украдет, раззнаменает, перетнет борть или замеченное дерево, платит 12 гривен“, однако, не дал своего разъяснения этого противоречия (с. 163—164).

На этом противоречии остановился и Ланге: „Без сомнения в статье о порубке борти с 3-хгривенной пеней разумеется не знаменная борть, т. е. такая, которая была уже окончательно устроена и в кото-

рой находились уже пчелы, а просто дерево, годное к борти, или в коем выделка ее уже началась или окончена, но пчел не было. Посечение, порубка знаменной борти предусматривается статьей 73 о дубе знаменном или межном, следовательно под знаменным дубом нельзя разуметь какой-либо межевой признак, это бортное дерево ... В обоих случаях порубки за самое срубленное дерево виновный платил еще хозяину полгривны, т. е. 25 кун" (с. 192—193).

Владимирский-Буданов дал иное объяснение этому противоречию: „За подлом борти — продажа только 3 гривны, а за уничтожение бортного знака — 12 гривен. Такая несоразмерность во взыскании объясняется (при соображении с ст. 73) тем, что здесь (в ст. 75) разумеется неумышленное или неосторожное уничтожение борти, а в ст. 73 и 71 — злонамеренное. В Статуте Литовском 3-м (по изд. 1744 г., разд. X, арт. 13): «если кто чужое дерево бортное, со пчелами, сосну или дуб или иное дерево бортное повредит: подрубит корень в земле, или опалит огнем, или иным образом повредит неумышленно, то должен платить за каждое дерево по 2 копы грошей»" (Хр., I, прим. 117).

Но еще Станиславский видел в ст. 75 именно умышленное деяние и переводил: „Умышленно подрубивший, пожегший или ободравший бортное дерево платит 3 гривны пени, да хозяину за самое дерево полгривны вознаграждения" (с. 210).

Владимирский-Буданов предпочитал вариант Кар. сп. — 3 гривны вместо обычных ½ гривны, указывая, что „в Русской Правде принята не рыночная цена вещи, а назначенная законною таксой, и, сверх того, известная сумма в пользу общественной власти (продажа), иногда совершенно равная частному вознаграждению (см. ст. 75 по Кар. сп.). Несомненно, что продажа и урок явились в Русской Правде из первоначального двойного вознаграждения" (Обзор, с. 319).

Гетц, признавая для Р. Пр. обычным соотношение 3 гривны „продажи" и 1 гривна частного вознаграждения, считал вариант Кар. сп. ошибочным (III, с. 315).

Обращая внимание на то, что составитель Пр. Пр., использовав для ст. 75 статью 32 Кр. Пр., выпустил упоминание о поджоге борти, ограничившись одной порубкой, Мрочек-Дроздовский писал: „Эта разница, думаю, объясняется тем, что случаи порубки борти составляют, так сказать, общее правило, а случаи поджога — исключение; здесь судебный приговор по частному случаю обобщается в правило, образцом для которого послужили более частные судебные решения" (Исслед., вып. 2, с. XXIV).

Статья 76

Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи; а за мед, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кун; будеть ли олек, то 5 кун.

Переводы

Кто пчелы чужие выдерет, с того 3 гривны пени в казну, а хозяину, ежели мед из улья был еще не выниман, то 10 кун, а ежели был уже вынят, то 5 кун (Б.).

Jeżeli kto wydrze pszczoły, 3 grzywny przedaży, a za miód jeżeli pszczoły niepodbierane, to 10 kun, a jeżeli będzie ul, to 5 kun (R.).

Wenn jemand Bienen ausnimmt, dann 3 Grivnen Busse, und für den Honig, wenn die Bienen nicht entfremdet sind, 10 Marder. Ist es ein Bienenkorb, dann 10 Marder (Ew.).

За выдрание пчел 3 гривны, а хозяину, буде мед еще не был вынут, 10 кун, буде же уже вынут, 5 кун (Пл.).

Если выдерут пчел, то три гривны штрафа, а хозяину, буде мед еще не был вынут — 10 кун, буде же вынут 5 кун (Ст.).

Wenn man die Bienen herausnimmt, dann 3 Grivna Strafe, und für den Honig — wenn der Honig noch nicht ausgenommen ist — 10 Kuna. Ist es aber leerer Bienenstock, dann 5 Kuna (G.).

Комментарии

Болтин объяснял: „Пчелы не лажены = не выниманы. Олек — слово неизвестное, и токмо по смыслу речи полагается вместо улья, из которого соты уже подрезаны".

Диев дал такой перевод: „Ежели кто украдет соты, в коих находились пчелы уже живыми, но еще не слетели (пчелы не лажены), то похититель платит за них 10 кун, а если в сотах пчелы еще не вывелись (был олек), то платит 5 кун". Диев при этом указывал, что термин „олек" еще в его время был употребителен в таком смысле у пчеловодов Костромской губ. (Ж.М.Н.Пр., 1839, май, с. 5).

Дубенский пояснял: „Пчелы не лажены — ежели борть будет с сотами, мед не вынут, не подрезан. Олек — улей без меда, пустой (термин, употреб. в Шуйском уезде). Пчелы выдерет — вынет (задушит)“ (с. 95).

Ланге сравнивал с Литовским Статутом: „За похищение у кого-либо пчел взыскивалось с татя продажи в пользу князя 3 гривны сверх того, виновный обязывался заплатить хозяину пчел, если с ними был похищен мед, 10 кун, а если меда не было — 5 кун. Такой смысл разобранной нами статьи подтверждается и постановлением старого Литовского Статута, в котором сказано: «а кто кому выдерет пчелы нелажоные, чинячи шкоду, тогды повинен по полукопю грошей, а за лажоные — по 15 грошей» (Временник, 1854, кн. 18, с. 82 и 83)“ (с. 207).

Леонтович отмечал особенную близость ст. 76 со ст. 34 Вислицкого Статута „о злодействе пчел“ и со ст. 13 и 14 Белзского привилея 1501 г. „о дереве бортном, пчолах, на знаменованном дубе“ (К.У.И., 1865, № 2, с. 11—12).

Ведров полагал, что в ст. 76, так же как и в ст. 69, речь идет о нарушении прав на охотничьи угодья (Wilddiebstahl). При этом „продажа“ всегда равнялась 3 гривнам, частное же вознаграждение находилось в зависимости от количества покраденного меда: „частное вознаграждение пчеловода согласовалось с тем обстоятельством, был ли улей без меду (т. е. вынимал ли истец незадолго до покражи мед, будет ли «олек») или нет; в первом случае, когда вор не мог воспользоваться большим количеством меда, он платил истцу 5 кун, в противном случае 10 кун“ (с. 127).

Рожков принял толкование термина „олек“ у Диева и резюмировал: „При похищении пчел частное вознаграждение равнялось 10 кунам «если пчелы не лажены», т. е. если мед был похищен вместе с пчелами, если же пчел не было, то частное вознаграждение составляли только 5 кун“ (Очерки, с. 160).

Владимирский-Буданов: „За выдранье пчел продажи 3 гривны, частное же вознаграждение не одинаково, смотря по тому, был ли подрезан мед, или еще нет“ (Хр., I, прим. 118).

Статья 77

Не будеть ли татя, то по следу женуть; аже не будеть следа[1] *ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едуть*[2] *на след или отобьються, то темь платити татбу и продажю; а след гнати с чюжими людми а с послухи; аже погубять след на гостиньце на велице, а села не будеть, или на пусте, кде же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.*

Переводы

Ежели не застанут татя при татьбе, то идьти по нем следом, взяв с собою посторонних людей; и если след доведет к селу или к хутору, и живущие в том селе или хуторе следу от себя не отведут, и на след идьти воспротивятся, то с них и пеню за покраденное взыскать. А ежели след кончится, или при постоялом дворе, при коем никакого жилья не будет, или на пустом месте, где не будет ни селения, ни живущих, в таком случае и взыскивать, как пени, так и за покраденное, не с кого (Б.).

Nie będzie li złodzieja, to należy go śledzić, nie będzie li śladu albo do wsi, albo do taboru, a śladu od siebie nie odsoczą, i nie idą ani jadą na ślad, lub też sprzeciwią się, to ci zapłacą i kradzież i przedaż: a ślad należy pędzić z cudzymi ludźmi i ze świadkami, a gdy pogubią ślad na wielkim gościncu, a wsi nie będzie, lub na pustkowiu, gdzie nie masz ani wsi, ani ludzi, tedy niema być płacona ani przedaż, ani kradzież (R.).

Ist der Dieb nicht da, so folgt man der Spur, und führt sie zu einem Dorfe, oder einer Waare, und sie weisen die Spur nicht von sich ab, gehen nicht auf die Spur, oder schlagen von sich, so bezahlen sie den Diebstahl und die Busse. Und der Spur muss man mit fremden Leuten und Zeugen nachsetzen. Wenn sich die Spur bei einem grossen Gasthause verliert, und ein Dorf ist nicht vorhanden, oder in einer Einöde, wo weder Dorf noch Leute, so bezahlt man weder Busse noch Diebstahl (Ew.).

Если тать скроется, должно искать его по следу. Ежели след приведет к селу, или к какому-либо имению, и если жители или хозяева не отведут от себя следа, не пойдут на след и станут отбиваться; то

---

1 *РЛ, МП* аже будеть след.

2 *МП* идуть.

платить им за покраденное с пенею. А следить надлежит с чужими людьми и свидетелями. Но буде след кончится у гостинницы, при коей не будет никакого селения, или на пустом, незастроенном и безлюдном месте, то не платить ни пени, ни цены украденного (Пл.).

Если вор скроется, должно искать его по следу. Если след приведет к селу или к какой-нибудь торговой стоянке, и если жители или хозяева не отведут от себя следа, или не пойдут на след, или станут отбиваться, то платить им за покраденное вместе с продажею за воровство. А след продолжают вести с чужими людьми и свидетелями. Если след приведет на большую торговую дорогу, или на пустырь, где нет ни села, ни людей, то не платить ни продажи, ни цены украденного (Ст.).

Wenn der Dieb nicht da (ertappt) ist, dann folgt man der Spur. Ist eine Spur vorhanden, entweder zu einem Dorfe oder zu einer Einkehrstation und sie [die Gemeinde] suchen die Spur nicht von sich weg, und gehen nicht auf (die Verfolgung der) Spur oder weigern sich, so zahlen sie den Diebstahl-(ersatz) und die Strafe, aber die Spur verfolgt man mit fremden Leuten und mit Zeugen. Wenn man die Spur auf einer Hauptstrasse verliert, und ein Dorf ist nicht da, oder an einem öden Ort, wo weder Dorf noch Leute sind, dann zahlt man weder Strafe noch Diebstahl-(ersatz) (G.).

Комментарии

Болтин: „Товар,—хутор, т. е. двор в некотором отдалении от жилья, построенный единственно для содержания скота, дабы ближе было выгонять его на паству. Мы потому заключаем, что скотный двор товаром в старину назывался, что и поныне в Малороссии рогатый скот называют товаром“. Выбрав для своего издания вариант „на гостиннице“, Болтин толковал „гостинницу“ как „постоялый двор на пути, где в ту и в другую сторону жилья нет, в котором проезжающие все нужное для себя и для коней доставали, и покой и безопасность себе находили“.

Раковецкий возражал против понимания слова „гостинница“ как „постоялый двор“, и отожествлял его с польским gościniec, что значит „главный тракт, большая дорога“ (II, с. 144, прим. 71).

„Гостинница“ во многих славянских наречиях, заметил Эверс, „не значит только постоялый двор, но также и большая дорога“. См. Слов. Linde, II, с. 758 под словом Gość (с. 422, прим. 27).

Дубенский останавливался на значении слова „товар“. У сербов товар (у кроатов и карниольцев: tovor)—груз, багаж. В таком значении Дубенский находил это слово у летописца: „чернии же клобуци пустиша коне к товарам их“—т. е. в стан, в обоз их. Это слово, вытесненное впоследствии другим, известным теперь почти всем славянам, словом: табор, по мнению Дубенского—здесь не у места, в каком бы значении его ни приняли. Он принимал вариант Пушк.сп.—„вар“;

это — „подлинное выражение, и по смыслу статьи значит то же, что варь или варя, — место, где варили мед“ (Карамзин, I, пр. 476 и V, пр. 115). „Не отсоцять от себя следу“ Дубенский переводил „не отведут следа от своего жилья“. У летописцев „осочивше“ — в смысле „заставши“ (Карамзин, III, пр. 335); „сочити, насочити, досочитися, просок“ Дубенский знал в значении: пытать, разведывать, доискиваться, допытываться, наговорить на кого. В Костромской летописи (Русск. врем. XVII века, см.: Карамзин, III, с. 357): „Батый охабися лестию ... Некий от вельмож рязанских завистию насочи Батыю на князя Феодора, яко имеет княгиню от царского рода“. В Новгородской летописи (Карамзин, III, пр. 365): „князь же Юрьи посла Дорожа в просокы“. В других списках это же самое выражено так: „пытати татар, т. е. для разведывания“. „Погубят след на гостинце на велице“ — Дубенский переводил: „след потеряют на столбовой дороге“. „Поныне, во всей Красной России, както в Волынии и Галиции, большую дорогу называют гостинцем (сообщено Снегиревым); этим объясняется подлинное значение слова гостка или костка“ (с. 95 и 96).

Законы, по мнению Неволина, „повелевали, чтобы преследование вора по горячим следам было производимо не иначе, как с чужими людьми, и чтобы выемка поличного из дома была делаема с приставом и посторонними людьми. Равным образом законы запрещали истцу самовластно отбирать у других недвижимое имущество, на которое он присвоил себе право. Это запрещение является в древнейшие времена и с полною силою действует доныне“ (V, с. 111).

Попов отмечал что „отыскивание вещи по следу производится самим истцом, но с свидетелями и понятыми. Узнавши вещь, преследуют виновного, если вещь не в своем миру — истец преследует самую вещь Но это преследование могло быть только тогда, когда оставались следы преступления; если же следов не было, то иск погашался сам собою“ (Р. Пр., с. 103).

Станиславский находил, что „гнать по следу было древнейшим, коренным обычаем у славян вообще и что обычай этот нашел для себя выражение в их законодательстве“. Так, Станиславский находил в статуте Вислицком Казимира Великого постановление, что „ежели бы украдены были лошади, волы, скот и другие вещи, в доме или другом каком месте, а потерпевший убыток нашел бы след своей пропажи, то, собрав добрых людей, окольных соседей, имеет он, по древнему обычаю, гнать след“. В Литовский Статут, по наблюдению Станиславского, статья Р. Пр. вошла „можно сказать, целиком“, с „некоторыми позднейшими добавлениями“ (с. 206—207).

Мацейовский сопоставлял эту статью с соответствующим постановлением моравского права, согласно которому община не отвечает

за вора, если след исчезает за деревней. По его мнению, устанавливая, что община не отвечает также и тогда, когда след не ведет к ней, Русская Правда „выразилась обстоятельнее" (III, § 113, с. 122).

По толкованию Ланге, „когда поличного в виду не было, но оставались следы от воровства", то „обиженные воровством имели право идти по ним, взяв с собою чужих людей, в качестве свидетелей, т. е. понятых". „Когда следы исчезали на большой дороге (на гостинце на велице) или на непроезжем безлюдном месте (на пусте) дело должно было прекратиться". Если же след направлялся „к селу или товару (стану, обозу)", то „истцы с понятыми звали к себе поселян или становщиков, чтобы они, продолжая путь вместе, имели возможность отвести от себя («отсочить») след". „Если следы прекращались у самого села или стана, или посреди того или другого, то все жители селения, обитатели стана или хозяева обоза — подвергались платежу татьбы и продажи". Если поселяне или становщики не ехали на зов, то признавались виновными. Предположение свое, что для ведения следа вызывались поселяне или становщики, Ланге подтверждал ссылкой на грамоту XV в. нижегородского вел. кн. Даниила Борисовича Благовещенскому монастырю: „а у кого учинится какова гибель и кто пригонит какой след на монастырские земли, а государь тое земли обрез у кого возмет, да следом ведет, а не сведут следу с своее земли, и гибельщик у него обыщет двор и поля; а кого позовут на след, а он на след не поедет или обрез не возмет, и тому та гибель платить" (АЭ, I, № 18, 21) (с. 236—238).

„Здесь село или товар, по мнению Владимирского-Буданова, платят за преступление татьбы (а не за укрывательство вора). Но это не общинная продажа, потому что село и товар не общины; селом, по древнейшим памятникам, называется усадьба, хутор; товаром — становище погонщиков скота, купеческий караван (или военный лагерь, что к настоящей статье не относится). Владелец усадьбы, или хозяин товара, не отведшие следов, суть уличенные воры и платят татьбу и продажу. Если след потеряется на большой дороге, или вообще на месте безлюдном, то взыскания не следует с той верви (общины), где потерян след" (Хр., I, прим. 119).

Гетц отмечал судебно-процессуальный характер новшеств ст. 77 — представлены два возможных случая преследования вора по следу. Гетц предлагал для установления общих черт обратиться к Литовскому Статуту и словарю Горбачевского, где встречаются выражения „гонить след" (с. 143), „погоненые следом" (с. 265). Пользуясь указанием Ланге (с. 162), Гетц ссылался на законы Стефана Душана (в издании Зигеля, с. 55, § 92, и изд. Новаковича, с. 72 и 201, § 92). Из последнего Гетц приводил цитату: „О поличном (скот, конь или что другое).

Если кто признает поличное у какого человека, а будет то в лесу или пустоши, да поведет его в первое село и заручит селу и позовет (на суд), дабы представили его судьям, то, к чему приговорит суд, да (все) платит то село". Гетц считал несомненной ошибкой писца „аже не будет следа" Троицкого списка и читал согласно Кар. сп. „оже будет след к селу или товару". Слово „село" Гетц переводил словом „Dorf" и не соглашался с Владимирским-Будановым, противопоставлявшим село, усадьбу и хутор общине. По мнению Гетца, под селом ст. 77 разумеется община — село, то же, что в Пр. Пр. встречается под названием верви. Подтверждение своего взгляда Гетц находил у Сергеевича (Др., III, с. 75; Лекции, с. 240) и в летописном материале, где город противопоставляется селу (III, с. 316—321).

Статья 78

О смерде. Аже смерд мучить смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, то 12 гривен продаже, а за муку гривна.

Переводы

Ежели кто земледельцу истязание учинит, без повеления княжого, с такового 3 гривны пени, и гривна кун за истязание. За истязание ж огнищанина 12 гривен пени, и гривна кун огнищанину (Б.).

Jeżeli smerd męczy smerdę bez książęcego słowa, to 3 grzy: przedaży, a za mękę grzywna kun: a jeżeli ogniszczanina męczy, to 12 grzywien przedaży, a za mękę grzywna kun (R.).

Wenn ein Gemeiner einen Gemeinen peinigt ohne Fürsten-Wort, dann 3 Grivnen Busse und für den Schmerz eine Marder-Grivna. Wenn man einen Hausherrn peinigt, dann 12 Grivnen Busse und für den Schmerz eine Grivna (Ew.).

Если простолюдин чинит истязание простолюдину без княжеского повеления, то 3 гривны пени в казну, да гривна битому за муку. За истязание огнищанина 12 гривен пени, и гривна кун самому битому (Пл.).

Если смерд бьет смерда без княжеского повеления, то платит 3 гривны штрафа, а за истязание гривну кун. Если кто побьет княжого мужа [огнищанина], то платит 12 гривен штрафа, а гривну самому битому (Ст.).

Wenn ein Bauer[1] einen Bauern peinigt ohne des Fürsten Geheiss, dann 3 Grivna Strafe und für die Peinigung 1 Grivna-Kun. Wenn man einen Ogniščanin peinigt, dann 12 Grivna Strafe und für die Peinigung 1 Grivna (G.).

Комментарии

Дубенский: „Мучит — накажет“; „название черного народа: смерд здесь противополагается слову «огнищанин»; так назывались все зажиточные люди“ (с. 96).

Мацейовский, отмечая наличие термина „огнищанин“ только в русском праве, понимал под ним горожанина, владельца городского

[1] Das heisst freier Mann.

дома (от „огнище“ — дом). „Огнищане очевидно наравне со смердами были подвластны князю, который отдав их в ведение особых тиунов“, оценил их в четыре раза дороже, чем смердов (II, § 102, с. 129—130).

Ланге под мукой разумел испытание железом (ст. 87): „испытание это производилось самим обиженным, потому что в Правде предписывается истцу имать на железо“ (ст. 85). Выражение „без княжа слова“ не означает „непосредственного позволения князя“, его мог дать именем князя и посадник (ст. 114). Значит, „умучить без княжа слова“ — самовольное испытание железом и водою без „законного разрешения“ (с. 162, 163).

Владимирский-Буданов: „Здесь муку нужно понимать... в смысле всякого самоуправного суда (арест, наказание) (ср. ст. о муке дворянина)“ (Хр., I, прим. 120).

И. Беляев отмечал, что 12 гривен, „по Правде сыновей Ярослава назначенные в платеж за обиду, обращены в пеню или продажу, а обиженному назначено особенное вознаграждение...“ (Лекции, с. 256).

Владимирский-Буданов отмечал, что „при отсутствии корпоративности класс бояр не мог пользоваться какими-либо привилегиями“: „частное вознаграждение потерпевшему за муку совершенно одинаково как для смердов, так и для бояр, именно 1 гривна“ (Обзор, с. 32).

Гетц сопоставлял „гривну за муку“ ст. 78 с „гривной за зуб“ ст. 68 и считал возможным рассматривать 1 гривну, как „нормальную сумму частного вознаграждения при телесных повреждениях“ (ст. 27 не в счет, поскольку и речь там не о продаже, а о полувирье). Под смердом здесь Гетц разумел „свободного человека вообще“ в противоположность дружиннику-огнищанину, — „а не сельского жителя, земледельца в тесном смысле“ (III, с. 323—324).

Максимейко объяснил появление здесь смерда, как совершающего преступление, тем, что составителю Пр. Пр. „казалось невероятным, чтобы никто, в том числе и лица, занимавшие высокое общественное или служебное положение, не могли предать смерда наказанию или взять его на муку без позволения князя“; составитель прибавил слово „смерд“ в начале статьи, и таким образом „оборона от самоуправства сводилась только к тем случаям, когда его учиняли лица того же класса, к которому принадлежал и потерпевший“. Так как тиуны и мечники „на практике“ и были „мучителями“ смердов, то автор Пр. Пр. исключил их из текста. „Остался один огнищанин. Что с ним делать?“. Поставить вместо него „княжа мужа“, как в ряде других случаев, значило сделать его „мучеником в смердовых руках“, что „противоречило повседневной практике“. Поэтому автор „рассчитывал, может быть, на то, что слово [огнищанин], необычайное и малознакомое в Киевской Руси, немного смягчит и затушует расхождение правовой нормы с фактическими житейскими отношениями“. Гривну кун Максимейко не считал взятой из практики,

в которой частное вознаграждение не могло быть одинаковым во всех случаях избиения, ранения и увечья (Про смердів, с. 16).

Романов сравнивает ст. 78 со ст. 33 Кр. Пр., которая стала в ст. 78 „предметом переработки с иной политической направленностью. Место ст. 78 в Пр. Пр. определилось признаком 3-гривенной продажи (ср. ст. ст. 75 и 76); ее личный состав сужен: отпали мечник и тиуниц, а термин «огнищанин» не заменен «княжим мужем», как во всех других случаях в Пр. Пр... Появление в Пр. Пр. обязательного частного вознаграждения, наряду с продажей, повлекло за собой и здесь назначение частного вознаграждения — одной гривны за муку (ср. ст. 85, 68, 65, 30 и 28), равного для обеих общественных групп. Что эта гривна назначена и смерду, столь же политически показательно, как и то, что безличное «умучат» ст. 33 Кр. Пр., обратилось здесь в «смерд мучит смерда». Этот смерд еще сохраняет свободу (ср. «оже платят князю продажю» в ст. 45, которая имеет в виду, что были и смерды, ушедшие из-под княжеской юрисдикции и потерявшие свободу), и потому ему — та же гривна. Но отсюда же подчеркивание смерда как мучащего, чем устранялось всякое недоразумение на тот же случай, если феодал (боярин, напр.) мучил своего смерда: здесь та же тенденция, что и в оговорке ст. 14 Пр. Пр.: «такоже и за бояреск», только в скрытом виде; смерд здесь дифференцировался. Уточнилось и понятие «княжого слова»: здесь это не обязательно личный суд князя, куда приходилось жаловаться раньше на мучителей-феодалов, потому что за муку карается смерд и только смерд. Можно не сомневаться... что смерд не имелся здесь в виду у редактора Пр. Пр. в качестве мучителя огнищанина“ (Уч. пос., с. 77—78).

Статья 79

Аже лодью украдеть, то 60 кун продаже, а лодию лицемь воротити; а морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, за челн 20 кун, а за стругъ гривна.

Переводы

Кто лодью украдет, с того взять пени за воровство 60 кун, а лодью возвратить хозяину. Ежели ж не будет лодьи в наличности, то взыскать с татя деньгами, за мореходную лодью 3 гривны, за лодью набойную 2 гривны, за струг гривна, а за челн 8 кун (Б.)

Kto łódź ukradnie, to 60 „7" kun przedaży, a łódź licem powrócić, a jeżeli nie będzie licem, to za łódź morską 3 grzywny, a za łódź nabójną 2 grzywny, a za strug grzywna, a za czołno 8 kun (R.).

Wenn iemand ein Schiff stiehlt, dann 6 Marder Busse und das Schiff in Wesenheit erstattet; aber für ein Seeschiff 3 Grivnen und für ein Korbschiff 2 Grivnen, und für eine Barke 8 Marder, und für einen Kahn eine Grivna (Ew.).

Если кто украдет ладию, то 6 кун пени, предполагая, что она будет возвращена хозяину лицем; если же ладии нет в наличности, то пени полагается: за морскую ладию 3 гривны, за набойную 2, за челн 8 кун, за струг гривна (Пл.)

Если кто украдет ладью, то 60 кун штрафа, а ладью вернуть лицом; за морскую ладью —3 гривны, за набойную —2 гривны, за челн —20 кун, а за струг — гривна (Ст.).

Wenn man ein Boot stiehlt, dann 60 Kuna Strafe und das Boot selbst zurückgeben. Ist des Objekt nicht (mehr) da, dann für ein Seeschiff 3 Grivna und für ein Schiff mit hohem Bord 2 Grivna und für eine Barke 1 Grivna und für einen Kahn 8 Kuna (G.).

Комментарии

Болтин предполагал: „Набойною ладьею, с довольною вероятностью, можно счесть судно с палубою и с мачтою, каковые по большим рекам с товарами и с разными кладьми плавают".

Круг думал, что „набойная лодья“ означает лодку, обитую кожей (с. 82).

Дубенский пояснял: лодьи „морская — килевая, мореходная; набойная — с набойными бортами, судно с палубой; струг — без палубы“ (с. 97).

Ведров: „В Салическом же законе, кроме ценности лодки, закон имеет в виду и обстоятельства самого дела, так что за кражу лодки «de intro clavem», т. е. со взломом, назначалась высшая пеня в 35 солидов; если же лодка была при том тщательно убрана, повешена и заперта на ключ, взыскание доходило до 45 солидов“ (с. 129, прим.).

Мрочек-Дроздовский: „Лодья — общее название всех судов, речных и морских (кораблей). Лодьями (в ст. 79) названы лишь суда наиболее ценные: морская лодья-корабль и набойная лодья — очевидно речная с высокими (набитыми — надстроенными) бортами. Суда меньшей стоимости — с видовыми именами: струг, челн. Отношение этих видов речных судов к набойной лодье: струг вдвое, а челн в $2^1/_2$ раза дешевле набойной... Челн по цене выше лодьи Ярославичей (ст. 35 Кр. Пр.), повидимому последняя есть первобытная, легкая душегубка... Перед нами, в двух разновременных статьях Правды [т. е. ст. 35 Кр. Пр. и ст. 79 Пр. Пр.], показание о развитии речного судостроительства в древней Руси — от первобытной однодеревки до насада-набойной лодьи — включительно“. Обращая внимание на разницу встречающихся в рассматриваемой статье цифр по отдельным спискам Правды, Мрочек-Дроздовский объяснял их ошибками переписчиков вследствие начертательного сходства этих цифр в буквенном их обозначении; так, сходны 60 и 7 (греческое „кси“ и славянское „з“), а равно 20 и 8 („к“ и „и“) (Чтения, 1917, кн. III, с. 122).

Сравнивая размер „продаж“, полагающихся за кражу лодьи по ст. 35 Кр. Пр. — 60 резан и по ст. 79 Пр. Пр. — 60 кун, Ключевский объяснял это вздорожанием серебра. В XI в. одна гривна = 25 кун = 50 резан, в конце XII — начале XIII в. одна гривна = 50 кун. „Так можно объяснить, почему в пенях, выраженных в краткой редакции Русской Правды резанами, пространная редакция всюду заменяет резаны кунами, не изменяя самой цифры пени: за украденную лодью в первой редакции пени 60 резан, во второй 60 кун и т. п.“ (I, с. 265).

Статья 80

О перевесех. Аже кто подотнеть вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь[1] гривна кун.

Переводы

Кто срубит столп перевесный, или веревку перерубит, за то три гривны пени, а хозяину за столп и за веревку гривна кун (Б.).

Jeżeli kto komu porąbie sieć przewieśną, albo żerdź w przewiesi, to 3 grzywny przedaży, a gospodarzowi za żerdź i za sieć grzywna kun (R.).

Wenn jemand einen Strick um ein Gehege durchhaut, dann 3 Grivnen Busse, und für den Strick eine Marder-Grivna (Ew.).

Если кто перерубит веревку в перевесе, то 3 гривны пени в казну, да за веревку птицелову гривну (Пл.).

Если кто перерубит веревку в перевесе, то платит 3 гривны штрафа, да за веревку хозяину — гривну кун (Ст.).

Wenn jemand einen Pfosten niederhaut oder den Strick in einem (Fang-) Netz umhaut, dann 3 Grivna Strafe, aber [dem Horrn] für den Pfosten und für den Strick 1 Grivna-Kun[2] (G.).

Комментарии

Болтин пояснял: „Верея — так называется столб воротный, и косяк дверной, но здесь означает столб у перевеса, который состоит из двух столбов с перекладиною сверху, наподобие ворот или релей“.

Карамзин переводил: „Кто срубит шест под сетию птицелова, или отрежет ее веревки, платит 3 гривны в казну, а птицелову гривну...“ (II, с. 31).

Рейц толковал слово „перевес“ как перевесье-перелесье, т. е. отдельные рощи, принадлежавшие особым владельцам с исключительным правом пользоваться ими (с. 211).

Оригинальны перевод и толкование этой статьи у Станиславского: „Ежели кто изрубит дверь (верею) в перевесе (т. е. птичьем дворе),

---

[1] *МП* верею.

[2] Гетц сравнивал с Литовским Статутом, с. 335, VII: Et si quis etiam alterius aucupia dicta perewiesz destruxerit vel rethae ex eis sustulerit: solvet duodecim siclos, c. 338, X.

или перережет веревку (на которой держится покрывающая ограду перевесная сеть), то должен заплатить 3 гривны продажи, а хозяину за дверь и за веревку гривну кун". „Перевес — ограда, в которой хранились домашние, а может быть и пойманные дикие птицы под сетью. Иногда также этим словом означаемо было место, где содержались охотничьи собаки, ястребы и т. д." (с. 209).

Мацейовский, понимая под перевесом ограду, в которой содержались употреблявшиеся для охоты соколы и ястребы, а также и домашние птицы, объяснял высокие штрафы за порчу перевеса в ст. 80 и за кражу птицы в ст. 81, наблюдаемые и в чешском праве, тем высоким значением, какое имела охота на Руси и у чехов, по сравнению с Польшей (III, § 146, с. 158).

Ланге: „Из перевеса могли красть только диких птиц. Под перевесом разумелась просека, прорубавшаяся в лесах или рощах, поперек которой развешивалась сеть таким образом, что охотник из тайника мог поднимать ее на рогатины веревками и задергивать посредством особого шнура или тетивы. Дикие гуси и утки и другие птицы десятками могли попадать в перевесы и запутывались в сети. Этот способ ловли еще и теперь в употреблении за Уральским хребтом, и в Оренбургской губернии именно называется перевесом". Высокое частное вознаграждение за „ничтожные предметы", т. е. за порубку шеста (верея) в перевесе и перерезанную в нем веревку (вервь), Ланге объяснял тем, что „повреждение их могло помешать значительному улову птиц и, следовательно, вести к немаловажным убыткам" (с. 194 и 204).

Гейман отмечает, что в „Актах юридических" под № 48, на с. 94, напечатан документ, имеющий по своему содержанию отношение к рассматриваемой статье Р. Пр., под заголовком: „1604 апреля 15. Явка крестьян Трофима Назарова и Андрея Савина, о посечении неизвестно кем сосны, употребляемой для привешения поводня при ловле уток". „Лета 7112, бьют челом и явку являют Трофим Назаров сын да Андрей Савин сын десятцкому Федоту Андриеву сыну, да соцкому... и всем людям добрым Тавренские волости, в том: деялось нынешнего 112 году, на великоденной неделе, съсекли, господине, у нас не ведаем кто сосну с кольцом переветную, поводень на нее мы вешали на утки, на Тавренге на реке, в перевесье, под большим наволоком, за рекою; и нам стало не на на что поводня вешать, угодье опустошили. И ты, господине десяцкой Федот-Андреев, сыщи земским обыском про то воровство, кто у нас угодье опустошил, сосну поводную ссек; а мы тебе много челом бием; а убыткам нашим перек будет в челобитной поставлен; а мы тобе и всему миру много челом бием". [*В. Г.*].

Статья 81

Аже кто украдеть в чьемь перевесе ястряб или сокол,[1] то продаже 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кун, а за куря 9 кун, а за утовь 30, а за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун, а за жеравль 30 кун.

Переводы

Кто украдет во чьем перевесе охотничью собаку или ловчего ястреба или сокола, с того 3 гривны пени, а хозяину гривна. За татьбу голубя 9 кун, за куропатку тож, за утку 30 кун, за лебедя тож, за гуся тож, за журавля тож (Б.).

Jeżeli kto w czyjej przewiesi ukradnie psa, lub jastrzębia, lub sokoła, to 3 grzy: przedaży, a właścicielowi grzywna, a za gołębia 9 kun, a za kura 9 kun, a za kaczora 30 kun, a za łabędzia 30 kun, a za gąsiora 30 kun, a za żurawia 30 kun (R.).

Wenn jemand in eines Gehege einen Hund stiehlt, oder einen Habicht, oder einen Falken, dann 3 Grivnen Busse und dem Herrn eine Grivna; aber für eine Taube 9 Marder, und für ein Huhn 9 Marder, und für eine Ente 30 Marder, und für eine Gans 30 Marder, und für einen Schwan 30 Marder, und für einen Kranich 30 Marder (Ew.).

Кто украдет в чьем-нибудь перевесе собаку, сокола или ястреба платит пени 3 гривны, да хозяину гривну; за голубя 9 кун, за куропатку то же, за утку, гуся, лебедя и журавля 30 кун (Пл.).

Если кто украдет в чьем-нибудь перевесе ястреба или сокола, платит штрафа 3 гривны, а хозяину — гривну, за голубя — 9 кун, за курицу — 9 кун, за утку, гуся, лебедя и журавля — по 30 кун (Ст.).

Wenn jemand in einem (Fang-) Netz einen Hund oder Habicht oder Falken stiehlt, dann 3 Grivna Strafe und dem Eigentümer 1 Grivna, aber für eine Taube 9 Kuna und für ein Huhn 9 Kuna und für eine Ente 30 Kuna und für eine Gans 30 Kuna und für einen Schwan 30 Kuna und für einen Kranich 30 Kuna (G.).

---

[1] *МП* Аще кто украдеть чии пес, или ястреб, или сокол.

Комментарии

Болтин объяснял: „Пес“ = „охотничья собака“; „ястреб“ = „ловчий ястреб“; „куря“ — „куропатка“, „ибо идет здесь речь о диких птицах, а не о домашних“. Из чрезвычайной величины штрафов, явно несоразмерной с ценностью украденного „с вероятностью заключить можно, что законоположник, при издании такого закона в виду своем имел, во-первых, чтоб страхом тяжкие пени злонамерение к обиде ближнего обуздать, а во-вторых, чтоб умножить свои доходы, ибо доход великих князей состоял... в пошлине с дел приказных всякого рода; и для того везде, по исковым делам, положено было более гораздо пени в казну, нежель во удовлетворение истца, как и здесь за кражу ястреба в казну пени 3 гривны, а хозяину 1 гривна“.

Раковецкий переводил „куря“ = петух (польское „kur“), мотивируя тем, что в статье идет речь не о диких птицах, а о домашних, как голубь, утка, гусь, даже лебедь и журавль, которые тоже могли стать ручными, т. е. домашними. Петух был всегда особо почитаемой птицей, так как предсказывал время (II, с. 142—143, прим. 73).

Карамзин: „Сею чрезмерною пенею законодатель захотел обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле“ (II, с. 31).

Полевой: „Сокол и ученый ястреб ценился чрезмерно дорого, следственно, он составлял важную принадлежность знатных. Соколиная охота была страсть, роскошь знатных скандинавов, германцев, франков. Отнятие сокола за долг считалось бесчестьем должника, у дворянина даже запрещалось отнимать его; цены соколов были безмерные; бывали даже сильные сражения за соколов... Голубиная охота осталась и до ныне страстью русских простолюдинов; потому и за голубей, вероятно ученых, была цена огромная, и доныне есть голуби, продаваемые весьма большою ценою. Странная охота сия состоит в том, что заставляют голубей летать разными образами; это называется «гонять голубей» (II, с. 165).

Рейц, при его своеобразном толковании слова „перевес“ (см. выше, с. 579), переводил: „Кто украдет сокола или ястреба в чьем-либо округе, платит 3 гривны“ (с. 186).

Ланге: „В некоторых списках Правды говорится о продаже за похищение собак. Имея в виду выражение: аже убьют кого у которой татьбы, то убьют во пса место (ст. 40 Пр. Пр.), нам представляется странным, на каком бы основании назначалась продажа князю за воровство пса, и еще 3-гривенная, когда, очевидно, убивший собаку не подлежал никакой ответственности перед князем. Мы положительно отвергаем возможность подобной продажи, и подробное рассмотрение относящихся к этому предмету постановлений Правды еще более нас в том убеждает.

В Академическом списке сказано: «а оже украдут чюж пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны» (ст. 37 Кр. Пр.); в Троицком же списке эта статья изложена так: «аже кто украдет в чьем перевесе ястреб или сокол, то продажи 3 гривны, а господину гривна» (ст. 81 Пр. Пр.); напротив в Карамзинском списке говорится: «аще кто украдет в чьем перевесе чий пес, или ястреб, или сокол, то 3 гривны продажи, а господину гривна» (ст. 81). Из соображения всего этого мы думаем, что из слова «перевес», написанного вероятно под титлами, образовалось в Академическом списке, по ошибке переписчика, слово «пес», которого потому-то и не встречается в Троицком списке и ему подобных, а поставлено, как и следует, слово «перевес»; но зато в списке Карамзинском мы находим то и другое слово, и таким образом вышла очевидная нелепость: на каком-бы основании в перевесе, назначавшемся для ловли птиц, мог очутиться пес. И так, по нашему мнению, никакой продажи за воровство собак не существовало". По аналогии с своим толкованием объединенных статей 36 и 37 Кр. Пр. (см. выше, с. 214—215), Ланге и ст. 81, приписываемую им законодательству Мономаха, толковал так же: „В случае кражи ястреба, сокола, журавля, лебедя, гуся, утки, голубя и курицы (куропатки) из перевеса или из клети тать подвергался платежу 3-гривенной продажи; если же те же самые птицы похищались не из перевеса и не из клети, то с виновных взыскивалось продажи только 60 кун или резан. Хотя об этой последней продаже относительно птиц и не упоминается в уставе Мономаха, но без сомнения и при нем Ярославов об ней закон [ст. 36 Кр. Пр.] оставался действующим" (с. 201—202 и 205—206).

Рожков возражал Ланге: „Не можем согласиться, что размеры продажи зависели от того, из перевеса или не из перевеса похищены птицы; текст источника нас на это не уполномачивает" (Очерки, с. 160).

Сергеевич отметил: „Любопытна 81-я статья, она повторяет 37-ю ст. кратких списков, но при этом «3 гривны за обиду» превращает в «3 гривны продажи», пострадавшему же назначает гривну: «а господину гривна». Княжеский суд, повидимому, определял взыскания довольно произвольно. Недаром же летописец жалуется на то, что княжеские судьи разоряют народ продажами" (Лекции, с. 419, прим.).

Кочин находит объяснение Ланге недостаточным „уже потому, что при письме с титлом слово «перевес» не могло превратиться в схожее «пес», к тому же слово это через титло обычно не пишется. Более веским аргументом является содержание статьи в чтении Тр. сп. Но списки Пушк. группы лучше отображают связь ст. 81 Пр. Пр. со ст. 37 и 36 Кр. Пр." (Уч. пос., с. 78).

Статья 82

А в сене и в дровех 9 кун, а господину колико будеть воз украдено, то имати ему за воз по 2 ногате.

Переводы

За покражу сена и дров 9 кун пени, а хозяину за каждый воз, сколько будет украдено, по 2 ногаты (Б.).

A za siano i za drwa 9 kun, a właściciel, wiele wozów będzie miał skradzonych, to za każdy wóz ma wziąć po 2 nogaty (R.).

Und für Heu und Holz 9 Marder, und der Herr, so viel Fuhren gestohlen sind, nehme für die Fuhre 2 Nogaten (Ew.).

За покражу сена и дров 9 кун в казну, а хозяину за каждый украденный воз по две ногаты (Пл.).

За покражу сена или дров — 9 кун штрафа, а хозяину за каждый украденный воз по 2 ногаты (Ст.).

Aber bei Heu und Holz 9 Kuna, aber der Eigentümer erhält, soviel Fuhren gestohlen wurden, für die Fuhre 2 Nogata (G.).

Комментарии

Станиславский объяснял: „В статье о сене и дровах речь идет также (как и в ст. 69 о краже бобра) о неправильном пользовании угодьями чужой земли, именно сеном в чужих лугах, дровами в чужом лесу; но и то и другое считалось также, как видно из слов «колико будет воз украдено», воровством. Нельзя, однако, не заметить, что неправильное пользование упомянутыми произведениями чужой земли считалось, как видно, гораздо меньшим преступлением нежели охота в чужих угодьях, а потому и постановления на счет пени гораздо ниже. Охота в чужих дачах лишала хозяина земли значительных выгод, которых он мог ожидать от ловли пушных зверей и в особенности бобров (известно, что звериная и рыбная ловля составляла в то время одну из важнейших отраслей народной промышленности в России), между

тем как сена и дров, при обширности лугов (и лесов) в тогдашнее время, было более нежели вдоволь, а потому владелец не терпел большого убытка, ежели кто из его соседей накосил в лугах его воз травы или вывез из леса воз дров. Вероятно, что и иск о покраже сена и дров не принадлежал к разряду таких, в которых, при неизвестности виновного, округа обязана была отыскать его или платить пеню; по крайней мере, из слов сюда относящейся статьи нельзя вывести другого заключения" (с. 177—178).

Ведров отметил, что в статьях о краже зерна, сена, дров и т. п., встречающихся как „в Салических законах, так и в Р. Пр., ясно видно стремление обоих законодательств обеспечить земледелие". „Закон Салический прямо упоминает о краже дров из леса и сена с лугов. Судя по этому, мы полагаем, что и Правда имеет в виду те же случаи похищения сена и дров из незакрытого помещения, следовательно, кражу без взлома" (с. 127).

Вопрос о том, являются ли 9 кун „продажей" или частным вознаграждением потерпевшему, — вызвал дискуссию.

Ланге писал: „Повидимому, под 9 кунами следует разуметь продажу, так как тотчас за назначением их говорится: а господину имати, т. е. определяется частное вознаграждение. Однако ж, несмотря на это, мы не имеем права 9 кун считать продажею, потому, что в Правде они нигде так не названы, тогда как 12 гривен, 3 гривны и 60 кун положительно называются продажами. Притом неестественно думать, чтобы единственно за кражу дров и сена назначалась особая продажа, отличная от всех прочих. Кроме того, выражение: «а в сене и дровех 9 кун» поставлено вслед за исчислением частных вознаграждений за украденных ястребов, соколов, голубей, кур, гусей, лебедей и журавлей (ст. 81), и по нашему мнению служит только продолжением этих исчислений. Какая же продажа взыскивалась за похищение дров и сена? Правда об ней собственно не говорит; но так как за всякую без исключения татьбу платилась продажа, то такое молчание без сомнения допущено потому, что после определения в этом отношении общих по возможности начал, говорить о том было бы излишне. Поэтому мы думаем, что на общем основании за кражу дров или сена из клети или других каких-либо строений взыскивалось 3 гривны и 30 резан, а за похищение означенных предметов из поля или из леса платилось 60 кун". Назначение двух частных вознаграждений, 9 кун и 2 ногаты, Ланге объяснял так: „Первое из них, 9 кун, назначалось за похищение в небольшом количестве, а второе в том случае, если разом было украдено несколько возов сена и дров. Похищение незначительного количества этих предметов могло, даже при бдительности хозяина, остаться незамеченным и совершаться с меньшей трудностью, чем кража в большом количестве,

а потому закон, чтобы уничтожить самое побуждение к такой татьбе, которую усмотреть и уследить было затруднительно, определил, по нашему мнению, вознаграждение владельцу, бо́льшее стоимости украденного предмета; за похищение же нескольких возов сена и дров, что и отвратить было легче, и обнаружить, если оно случалось, удобнее, назначил удовлетворение хозяину по обыкновенной торговой цене, именно по две ногаты или 5 кун за воз. Стог сена стоил гривну, следовательно в нем считалось 10 возов" (ст. 16* Оболенско-Карамз. вида Пр. Пр., с. 354 т. I наст. изд.) (с. 211 и 219).

Владимирский-Буданов считал объяснение Ланге „искусственным": „если бы дело шло о пресечении мелкого, мало заметного воровства, закон возвысил бы уголовную продажу, а не частное вознаграждение". „Так как, в самом деле, продажа в 9 кун нигде в других местах Русской Правды не встречается, то, отстраняя искусственное объяснение Ланге, нужно признать, что здесь ошибочно стоит вместо 60 кун — 9 кун" (Хр., I, прим. 123).

Рожков по тому же поводу заметил: „О продаже за сено и дрова текст источника не дает прямых указаний... Вероятнее всего за кражу сена и дров платилось всегда 60 кун продажи; мы можем сказать это еще с большей уверенностью, если предположим, что в 81 статье подразумевается та же 60-кунная продажа, которая значится за кражу птиц по Краткой Правде" (ст. 39) (Очерки, с. 160—161).

Сергеевич писал: „Значение этих 9 кун не ясно. Из противоположения «а господину» можно бы заключить, что они означают продажу. Но такой продажи не было. Те же 9 кун встречаются и во второй Правде [А, 39 Кр. Пр.], откуда они, конечно, и взяты. Там они имеют значение частного вознаграждения. Потому нельзя предполагать здесь описки в числе кун; это какая-то путаница составителя" (Русск. Пр., прим. к ст. 107 III редакции).

Статья 83

О гумне. Аже зажгуть гумно, то на поток, на грабежь дом его, переди пагубу исплативщю, а в проце князю поточити и; тако же аже кто двор зажьжеть.

Переводы

Зажигателя гумна или дома послать в заточение, а дом его отдать на разграбление, заплатя прежде за убыток тому, чей дом или гумно им сожжено; а посылка в заточение зависит от воли князя (Б.).

Jeżeli kto zapali gumno, tedy skazanym będzie na niewolę, a dom jego na zabranie, zapłaciwszy pierwiej szkodę, a resztę książe zabierze, toż samo gdy kto dom zapali (R.).

Wenn jemand eine Scheuer anzündet, dann ihn in die Verbannung, und sein Haus zur Plünderung, nachdem zuvor der Schaden bezahlt ist. Ueber des Uebrige verfügt der Fürst. Eben so wenn jemand einen Hof anzündet (Ew.).

Зажигатель гумна выдается головою князю со всем имением, из коего наперед вознаграждается убыток хозяина, а остальным располагает по своей воле князь. Также поступать и с зажигателем двора (Пл.).

Если кто подожжет гумно, то выдается головою князю со всем имением, из коего наперед вознаграждается убыток хозяина, остальным располагает по своей воле князь, так же поступать и с тем, кто двор подожжет (Ст.).

Wenn jemand eine Tenne verbrennt, dann wird er verbannt und sein Vermögen konfisziert; zuerst bezahlt er den Verlust, aber im übrigen verbannt ihn der Fürst (oder: aber das übrige konfisziert der Fürst). Ebenso, wenn jemand einen Hof verbrennt (G.).

Комментарии

Дубенский переводил слова: „переде“ — сперва; „а в проце“ — потом (с. 98).

Попов: „Наказание потоком и разграблением за грабеж и поджог встречаем только с Владимира Мономаха.[1] Из этого видно, что количество преступлений этого рода мало-помалу увеличивалось. Но хотя эти преступления и получили государственный характер, но самое наказание еще не достигло степени государственного, ибо не получило определенности. И князь, и народ наказывали по произволу" (Р. Пр. с. 69).

Говоря о наказании потоком и разграблением за зажигательство, Ланге считал „само собою разумеющимся", что наказание потоком и разграблением „назначалось только за умышленные поджоги; произведение же пожара случайно или по неосторожности не могло влечь за собою подобных последствий. Это видно из того: 1) что Правда извиняла купца, у которого чужие товары «огнь возмет», и такую пагубу называла пагубой от бога (ст. 54), следовательно делала различие между пожарами; 2) что в Правде говорится только о зажигательстве чужого гумна или двора, а не своего собственного, а это приводит к убеждению о разумении ею единственно умышленных поджогов, потому что в противном случае ей бы следовало упомянуть в означенном нами постановлении и о том, когда кто по своей неосторожности сожигал собственное гумно или двор. За неосторожное произведение в чьем-либо жилище пожара, виновный, без сомнения, обязан был удовлетворить обиженного, но ни продаже князю, ни потоку не подвергался" (с. 195).

Богдановский, изучая вопрос о постепенном развитии понятия наказания, высказал между прочим ту мысль, что „при переходе от частной мести к денежной расплате, к денежным пеням, не все преступления, не все действия, противные частному или общественному интересу, могли быть оплачиваемы известной суммой. Одни из них потому, что представляли слишком большую опасность для всех и всякого, так что общество, или вернее община, по чувству самосохранения, должна была употреблять все меры для устранения опасности, а для этого старалась или уничтожить беспокойного человека или по крайней мере изгнать его из своих пределов. Другие — потому, что возбуждали по той или другой причине чувство гнева, мести... в целой народной общине... а вследствие этого и подвергались различным вредным последствиям для личности провинившегося...". К такого рода преступлениям общеопасного характера Богдановский и относил поджог гумна и двора (с. 55).

Беседкин возражал: Р. Пр. „при квалификации поджога имеет главным образом в виду не общеопасность деяния в техническом смысле слова, а особое хозяйственное значение, особую ценность объектов этого преступления и проистекающее отсюда гибельное влияние его

---

[1] Это утверждение Попова не согласуется в отношении грабежа с текстом Правды — см. ст. 7 Пр. Пр. [*В. Г.*].

на благосостояние каждого члена общины в отдельности, а чрез то и на благосостояние самой общины как целого. По крайней мере, по отношению к коневой татьбе и поджогу гумна справедливость этого положения, на мой взгляд, не подлежит никакому сомнению. Она выясняется из следующих соображений. Для народа земледельческого, каким был русский народ в эпоху Правды, такие предметы хозяйственного обихода, как гумно, конь, являются крайне необходимыми и незаменимыми. Гибель их влечет за собою для члена земледельческой общины потерю всего благосостояния, полную нищету... С этой точки зрения представляется вполне понятным, почему Р. Пр. между прочим так жестоко карает за коневую татьбу и — что еще важнее для нас — уравнивает по наказуемости это необщеопасное по существу деяние с несомненно общеопасным преступлением поджога" (с. 68—70).

Есипов обращал внимание на то, что „одновременно с этою неопределенною карою поджога существовало вполне определенное наказание его в виде сожжения зажигателя; именно в Уставе Ярослава о земских делах существовало правило, что «аще кто в гумно или стоги вверже̂ть огонь, мщая вражду, огнем сожжен будет»".[1] „Времена Русской Правды отличались господством частного начала. Преступное деяние считалось частным вредом, посягательством на права частных лиц. Поджог имел также характер простого вреда, простого повреждения имущества. Правда, преступление это влекло весьма суровые последствия, поток и разграбление; но это было не уголовное наказание в собственном смысле, а особый вид частной самосправы, субъектом которой мог быть или сам потерпевший, или же народ и князь... В римском праве 12-ти таблиц поджог имел равным образом характер простого вреда, простого повреждения имущества; сожжение поджигателей было равным образом не уголовное наказание, а простой талион, имевший в виду главным образом удовлетворение потерпевшего. Древнее германское право (Lex Alamannorum) также смотрело на поджог как на вред, и имело также в виду лишь удовлетворение потерпевшего; поджог влек лишь обязанность уплатить композицию и восстановить разрушение. То же было и в древнем французском праве (Lex Salica) и в древнем английском праве (Lex Angliorum). Таким образом, подобно всем другим законам, принадлежавшим к системе древнейшего права, Русская Правда обращала главное внимание на начало частное, на начало

[1] Есипов повторил здесь ошибку Максимовича, издавшего в 1803 г. под таким заглавием, в своем „Указателе российских законов" (т. I, с. 5—9) часть (с оборванным началом) византийского „Земледельческого устава", приняв его за продолжение церковного Устава Ярослава. В „Земледельческом уставе" цитированный Есиповым текст составляет ст. 61 по изданию Павлова. См.: А. Павлов. Книги Законные. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, т. XXXVIII, № 3, СПб., 1885, с. 56. [*В. Г.*].

частного вреда и удовлетворение потерпевшего. Поджог был простым повреждением имущества. Поток был удовлетворением потерпевшего" (с. 21—22).

Владимирский-Буданов: „Поджог по Русской Правде не есть истребление огнем каких бы то не было вещей; поджог борти, например, есть преступление особого порядка, наказываемое лишь 3-хгривенною продажею (ст. 32 Кр. Пр.); поджог в собственном смысле есть истребление огнем зданий, караемое потоком и разграблением; такое тесное и правильное понятие не встречается в других славянских законодательствах; по чешскому праву, за поджог леса — сожжение (Зак. Душана). Под зданиями Русская Правда разумеет двор и гумно, т. е. как здания, назначаемые для жилища человека, так и для хранения продуктов" (Обзор, с. 330).

Сергеевич сопоставлял: „Более близко к нашему праву норвежское, по которому поджигатель лишается мира и теряет все свое имущество". „По германскому же праву поджог рассматривается как особенно важное преступление только в тех случаях, когда он представлял опасность для жизни, например, поджог ночью дома, в котором спали люди. Такой поджог по последствиям приравнивался тайному убийству, а виновник назывался Mordbrenner. Поджог же без этих отягчающих обстоятельств рассматривался только как противозаконное повреждение собственности" (Wilda, с. 940) (Лекции, с. 423).

Чебышев-Дмитриев подчеркивал: „Если в понятии преступного действия на первом плане являлось общественное его значение, то в наказании частное удовлетворение обиженного брало перевес даже над публичным взысканием: «Аже кто зажжеть гумно... а переди пагубу исплатить, а в прочи князю поточити и»" (с. 90).

Иначе — Стефановский: „Правда знает, что преступление представляет две стороны: причиняя моральный вред всему обществу, оно подвергает виновного публичной уголовной ответственности; с другой стороны, оно нарушает (большею частию) материальный интерес частного лица и потому подвергает виновного, кроме уголовной, — частной, гражданской ответственности, состоящей в обязанности вознаграждения материального ущерба, причиненного преступлением. Эти интересы — публичный и частный — не смешиваются в Правде. По смыслу ее постановлений, обиженный до тех пор не считал себя удовлетворенным, пока с нарушителя не была взята продажа, т. е. пока он не был наказан или, говоря словами Русской Правды, «казнен продажею», которая имела смысл как для князя, так и для обиженного; иск обиженного не сталкивался с продажей, как два конкурирующих требования, как два частных дела. Правда говорит: «зажгут гумно — переди пагубу исплатить, а впроце князю поточити». Отсюда очевидно, что и наказа-

ния, существовавшие в эпоху Русской Правды, были направлены не исключительно к вознаграждению материального вреда, но и к охранению правового порядка; наряду с вирами и продажами, Правда говорит и о таких общественных казнях, каковы поток (изгнание из общества) и разграбление, а летописи прибавляют к ним и смертную казнь" (с. 16—17).

И. Беляев полагал, что статья эта заимствована из Закона Судного, но „переделана на русские нравы, ибо здесь за поджог назначался поток и разграбление, а по Судному Закону — обезглавление" (Лекции, с. 255).[1]

---

[1] В Законе Судном соответствующий текст читается так: „О палении. Иже за каку либо вражду или за разграбление (разграбления ради) огнем зажигают храмы (домы), аще в граде есть, или вне града, или в веси, или села, или хлевы, или гумно, или ино что, волею токмо: иже зажигаеть мечем усекается" (Русск. достоп., ч. II, М., 1843, с. 157) [*В. Г.*].

Статья 84

А кто покощами конь порежеть или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урок платити.

Переводы

Кто умышленно, по злобе, заколет чью лошадь или другую скотину, за то взыскать пени 12 гривен, а хозяину лошади или скотины гривна, да цену, чего та лошадь или скотина стоила (Б.).

A kto przez złość konia lub bydlę zabije, to 12 grzywien przedaży, a za szkodę właścicielowi grzywnę: także i cena ma być zapłacona (R.).

Wenn jemand aus Schadenfreude ein Pferd niederstösst, oder Vieh, dann 12 Grivnen Busse, und für den Schaden bezahlt er eine Grivna Gebühr (Ew.).

Если кто по злобе зарежет чужого коня или другую скотину, тот платит в казну 12 гривен пени, да хозяину за причиненный ущерб гривну (Пл.).

Если кто по злобе зарежет чужого коня или другую скотину, тот платит 12 гривен штрафа, а хозяину за причиненный ущерб урочную цену (Ст.).

Aber wer böswillig ein Pferd niedersticht oder ein Vieh, 12 Grivna Strafe und (für) den Verlust (ist) dem Eigentümer Abgabe zu zahlen (G.).

Комментарии

Болтин объяснял: „Вред, причиненный ближнему не в желании приобресть корысть, и не в намерении причинить лично вред, но токмо по злобе сердца и наклонности природной к злодейству, строжае наказуется нежели самое преступление того же рода, в котором не является злобы сердца“.

Полевой: „Кажется, что речь идет о порче скота, столь известной у нас доныне в простонародье и приписываемой колдовству“ (II, с. 163).

Станиславский писал: „Закон ясно отличает злонамеренное («пакостное») истребление и порчу имущества от неумышленного. Глав-

ное различие состоит в том, что умышленное деяние подвергает виновного не только уплате хозяину, потерпевшему убыток, цены истребленных или испорченных вещей, но еще виновный должен заплатить тому же хозяину гривну или полгривны (смотря по различию предметов) за нанесенную ему обиду и кроме того продажу князю; между тем как испортивший неумышленно чужие вещи обязан только заплатить хозяину их то, чего они ему самому стоили. Таким образом, злостно зарезавший (а может быть, и порезавший только) чужую скотину платит князю 12 гривен, а хозяину гривну пагубы, да сверх того цену зарезанной скотины. За злостное посечение перевеси или перевесной веревки виновный платит 3 гривны пени и гривну хозяину за нанесенный убыток (ст. 80). Умышленно подрубивший, пожогший или ободравший бортное дерево платит 3 гривны пени, да хозяину за самое дерево полгривны вознаграждения (ст. 75)" (с. 210).

Ланге, отмечая, что „за умерщвление или изувечение коня платилось 12 гривен продажи, тогда как за конокрадство назначался поток", объяснял это тем, что конокрадство являлось „господствующим преступлением" и более строгое наказание за него назначалось „в виде меры искоренения". В словах: „а за пагубу господину гривна урок платити" — „прибавление слова гривна" „составляет очевидную ошибку переписчика, потому что лошадь во времена Правды стоила 3 и 2 гривны (ст. 45); следовательно нельзя было выплачивать обиженному урок, меньший этой суммы" (с. 194).

И. Беляев полагал, что статья эта заимствована из Закона Судного, в котором говорится, что уморивший каким-либо образом чужую скотину должен заплатить хозяину ее двойную цену и сверх того подвергается телесному наказанию. Телесное наказание заменено в Русской Правде пенею в 12 гривен (Лекции, с. 255).

Сергеевич сопоставлял: „Еще с большей строгостью относится к деяниям этого рода исландское право. Оно угрожает виновному лишением мира с воспрещением выкупа" (Лекции, с. 422).

Статья 85

Ты тяже все судять послухи свободными; будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець, иил иметь и, а река тако: по сего речи емлю тя, но яз емлю тя, а не холоп, и емети и на железо; аже обинити и, то емлеть на немь свое; не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи речи ял и.

Переводы

Все вышеписанные тяжбы разбирать и решить по свидетельствам свободных людей, а ежели случится свидетель холоп, то не велеть ему к суду представляться. Однако ж позволяется истцу, ежели он захочет перенять на себя холопье показание, и не яко по холопьим речам, но яко по собственным своим, требовать от ответчика, чтоб он оправдался, в показуемом на него, испытанием железа; и ежели ответчик чрез испытание железа явится виновен, то истец получает с него свой иск, а ежели явится невинен, то лишается своего иска, и сверх того платит ответчику за претерпение испытания гривну, понеже по холопьему показанию вызвал его на испытание (Б.).

A te wszystkie sprawy sądzą ze świadkami wolnymi; jeżeli świadkiem będzie chłop, to chłop u sądu nie ma stawać. Lecz gdy zechce isciec i weźmie chłopa na świadka, a rzeknie tak: ja przeciw tobie staję, a nie chłop, tedy oskarżony ma odbyć próbę przez żelazo. Gdy więc przez taką próbę utwierdzi swą skargę, tedy uzyska to o co skarżył, przeciwni zaś zapłaci grzywnę za mękę, albowiem jął się świadectwa chłopskiego (R.).

Alle diese Streitsachen richtet man nach freien Zeugen. Ist der Zeugen einer ein Knecht, so bringe man den Knecht nicht zum Rechte vor. Doch wenn es der Kläger will oder ihn nimmt und also spricht: „auf diese Rede nehme ich dich“, und nicht der Knecht, und nimmt es auf das Eisen, und wenn er ihn sachfällig macht, so nimmt er von ihm das Seinige; macht er ihn nicht sachfällig, so bezahlt er ihm eine Grivna für den Schmerz, weil er auf eines Knechtes Rede ihn nahm (Ew.).

Все изложенные доселе тяжбы разбираются и решаются по свидетельствам свободных людей. Если же случится быть свидетелем холопу, то он не может быть представлен к суду. Но истец, если хочет, может воспользоваться свидетельством раба и, сказав ответчику: „я требую тебя к суду по поводу свидетельства сего раба, впрочем от своего собственного лица, а не единственно по речам холопьим“, может требовать от ответчика, чтобы оправдался испытанием железа. Если последний окажется виновным, то платит иск; если же явится невиновным, то истец дает ему за муку гривну (поелику вызвал его на испытание по поводу холопьих речей) (Пл.).

Все изложенные доселе тяжбы разбираются по свидетельствам свободных людей. Если же случится быть свидетелем холопу, то он не может выступить на суде. Но истец, если хочет, может воспользоваться свидетельством раба, сказав ответчику: „зову тебя в суд со слов холопа, но от своего собственного лица, а не от холопского“, может требовать от ответчика, чтоб оправдался испытанием железа. Если последний окажется виновным, то истец берет на нем свой иск; если же явится невиновным, то истцу платить за муку гривну, так как вызвал его на испытание железом по холопьим речам (Ст.).

Diese Streitsachen entscheidet man alle mit freien (Männern als) Zeugen. Ist aber der Zeuge ein Sklave, so darf der Sklave nicht zum Gericht gehen. Aber wenn der Kläger will oder ihn [den Beklagten, nämlich auf die Eisenprobe] nimmt, so spricht er so: „auf Grund von dessen [des Sklaven] Aussage nehme ich dich, aber ich nehme dich und nicht der Sklave“. Und (dann) ninmmt er ihn auf das Eisen. Wenn er [der Kläger] ihn als schuldig erweist, dann nimmt [der Kläger] von ihm das Seine; erweist er ihn nicht als Schuldig, dann zahlt er ihm 1 Grivna für die Peinigung, weil er auf eine Sklavenaussage hin ihn [zur Eisenprobe] nahm (G.).

Комментарии

Станиславский видел в словах: „по сего (холопа) речи емлю тя, но аз емлю тя, а не холоп“ вид юридической формулы (solemnia verba), которую „может быть, действительно... обязан был произносить истец с требуемою в таких случаях торжественностью“. Наличие этой формулы приводило Станиславского „к заключению, что холоп, как человек несвободный, принадлежавший вполне своему господину, не мог быть никогда истцом, тем более, что если бы иск его оказался несправедливым, то не было бы возможности взыскать с него что-нибудь, как с человека, не имевшего собственности. Свободный же человек, основывая требования свои на показании холопа и произнося: «аз емлю тя, а не холоп», показывал тем самым, что он готов, в случае потери иска, отвечать и казне, и несправедливо обвиняемому ответчику“ (с. 181—182).

Ланге указывал, что не по всякому поклепу начиналось дело — „истец имел право «имать кого-нибудь на железо» по речам свободных

людей и даже холопа, если они изъявляли на обвиняемого подозрение, возникшее или вследствие прохождения ответчика в ночное время в том месте, где совершено преступление, или по какому-либо другому случаю". Сторонних людей (на показания которых опирается истец), по мнению Ланге, „не следует принимать за таких свидетелей, которые бы прямо уличили кого в воровстве. Тут разумелись свидетели, удостоверявшие только о каком-либо обстоятельстве, наводившем на то или иное лицо одно лишь подозрение. В весьма редких случаях мог обвиняемый представить таких свидетелей, которые бы прямо и положительно опровергли поклеп". Ланге думал, что „обвиняемые по поклепу обязаны были представить свидетелей, которые бы удостоверяли только о честном и добром их (обвиняемых) поведении. Это подтверждается и старым Литовским Статутом, где также требуется, чтобы обвиненный очистил себя от подозрения показанием свидетелей о доброй его славе" (Временник, кн. 18, с. 101) (с. 239—240).

Владимирский-Буданов полагал, что „холоп, хотя и может быть послухом, подтверждающим факт преступления или обстоятельства, наводящие подозрение, но не может быть очистником, принимающим присягу (на правду вылазити — присягать, см. Пск. Судн гр.). Его показание имеет силу не как судебное доказательство, решающее процесс, а как обстоятельство, дающее возможность начать процесс, который и решается средствами, указанными для поклепных процессов в ст. 18". Владимирский-Буданов отмечал, что в ст. 85 упоминается только одно железо, но он не сомневался, что „нужно подразумевать и здесь роту и воду" (Хр., I, прим. 126).

Романов полагает, что „ты тяже" относится ко всем предшествующим статьям, начиная со ст. 75, т. е. к казусам, главным образом, из сельской жизни, и видит в этом указание на то, что практически без свидетеля-холопа обойтись в них — трудно было законодателю и помыслить [*Б. Р.*]

Статья 86

А железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, а полгривны детьскому; то ти железный урок, кто си в чемь емлеть.

Переводы

Пошлины железной 40 кун, мечнику 5 кун и детескому полгривны (Б.).

A żelaznego zapłaci 40 kun, a miecznikowi 5 kun, a pół grzywny dzieckiemu. To te są żelazne opłaty kto o co próbę odbędzie (R.).

Und wegen des Eisens zahlt er 40 Marder, und dem Schwertträger 5 Marder, und eine halbe Grivna dem Geheimschreiber. Das sind die Gebühren des Eisens, wenn man jemand darauf nimmt (Ew.).

Пошлины железной 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку полгривны; это называется железною пошлиною, взимаемою по случаю таких вызовов на испытание железом (Пл.).

Пошлины при испытании железом платить 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку — полгривны: то — урочная высота пошлины, взимаемой при вызовах на испытание железом (Ст.).

Aber an Eisengeld zahlt man 40 Kuna und dem Schwertträger 5 Kuna und eine halbe Grivna dem Schreiber. Das ist die Abgage bei Eisenprobe, wer jemand auf sie nimmt (G.).

Комментарии

Болтин: „Мечник — страж, которой при понесшем испытание железа должен был оставаться до тех пор, пока рука его будет развязана“; „детьский, а в других местах детеск, есть пристав, которой при совершении испытания находился, и наблюдал, чтоб законные постановления в точности были выполнены. Детеские отправляли разные должности, при князе или боярине были они яко адьютанты или ординарцы для посылок, а при судебных местах, как в сей статье упоминаемый, яко пристав, или исполнитель судейского приговора“.

По Дубенскому, железное — „пошлина в казну за испытание правды раскаленным железом“, которое происходило в присутствии детского и мечника; первый получал 12½ кун, а второй 5 (с. 99).

Владимирский-Буданов отмечал, что „обвинитель, подвергший обвиняемого испытанию железом, платит 40 кун“, и спрашивал: „кому? по Ланге вирнику; но по делам о татьбе вирник нигде не упоминается; правильнее — князю... Детский — отрок получает гораздо больше мечника потому, конечно, что на нем лежал труд подготовления испытания и наблюдения за ним. Мечник, по словарю А. Х. Востокова, судебный пристав. Но представленный там же пример указывает в нем и публичного обвинителя: «Ли мечник клеветив, ли судия по мьзде судя, ли резоимець, гнустны богу таковых приносы» (Измарагд 1509 г.)“ (Хр., I, прим. 127).

Мрочек-Дроздовский полагал, что так как от правильности испытания железом „зависела и правда приговора“, то при испытании был „необходим судейский надзор: можно думать, что и в этом случае заместителем судьи был мечник; самое испытание, вероятно, поручалось детскому“. Помощниками судьи были отроки, и „должно думать, мечник был старшим слугою среди всех других судных отроков“. Детскому назначена пошлина здесь выше, чем мечнику в качестве платы за труд: „судная пошлина определялась количеством и качеством последнего — независимо от должностного положения и служилого почета того, кому этот труд поручался“ (Чтения, 1917, кн. III, с. 127).

Статья 87

Аже имет на железо по свободных людии речи, любо ли запа на нь будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образом аже не ожьжется, та про муки не платити ему, но одино железное, кто и будеть ял.

Переводы

А ежели истец вызовет ответчика на испытание железом по показанию свободных людей, и ответчик по испытании явится прав, то за претерпение испытания истец ничего ему не платит, а только пошлину железную в казну (Б.).

A jeżeli odbędzie próbę przez żelazo przy świadectwie ludzi wolnych, czyli że jest podejrzanym o występek, czyli że go widziano niespodzianie w nocy przechodzącego, lub też jakim innym sposobem, tedy jeśli się nie sparzy, to mu za mękę niema być płacono, lecz tylko zapłaci samo żelazne ten, kto po nim próby wymagał (R.).

Aber wenn jemand einen auf das Eisen nimmt nach der Rede freier Leute, es sei ein Gerücht auf ihn, oder ein nächtliches Ereigniss, oder auf irgend eine Art, wenn er sich nicht verbrennt, so bezahlt er ihm nichts für den Schmerz, sondern allein für das Eisen der, welcher ihn darauf nahm (Ew.).

Если же истец вызовет кого на железо по показанию свободных людей, основывающемуся на одном подозрении как, например, на том, что видели обвиняемого проходящим ночью, или на другом каком-нибудь сомнительном действии, то ответчик, оправдав себя невреждением от железа, не берет ничего с истца за муку, который платит только железное в казну (Пл.).

Если же истец вызовет кого на испытание железом либо по показанию свободных людей, либо по подозрению, либо потому, что видели обвиняемого проходящим ночью, либо еще на каком-нибудь основании, то ответчик, если не обожжется, не получает ничего с истца за муку, но истец платит только одну железную пошлину (Ст.).

Wenn [der Kläger den Beklagten] zur Eisenprobe nimmt auf die Aussage freier Leute hin, sei es dass ein Verdacht auf ihm ruht, sei es

nächtliches Umhergehen [am Tatort von ihm ausgesagt wird], oder wenn er sich nicht verbrennt (bei der Probe), so braucht er (ihm) für die Peinigung nicht zu zahlen; nur das Eisengeld zahlt der, der ihn (zur Eisenprobe) genommen hat (G.).

Комментарии

По мнению Болтина, слова „запа" и „прохожение нощное" „относятся к обрядам и обстоятельствам, кои наблюдалися при испытании железом, и означают что ни есть касательное до подозрения в нарушении их, или в произведении какого подлога, яко или в предохранении руки своея от обжоги, или в уничтожении знаков обжоги, к чему многие средства были изобретены"; поэтому подозреваемому в „подлоге" „и за претерпение испытания не положено платы от истца".

По мнению Карамзина, „«запа» есть чаяние, подозрение. Говорят: внезапу, нечаянно". Здесь случай, „ежели свободные люди не могли совершенно уличить подсудимого", но имели „одно подозрение, сказывая, что они видели сего человека, идущего ночью" близ места преступления (II, прим. 99).

Дубенский оспаривал мнение Карамзина: „Зачем законодателю ниже говорить о подозрении, что видели, как ответчик шел ночью и проч., когда выше сказано, что истец звал его к суду по своему иску (тяжбе), засвидетельствованному сторонними людьми (по людии реци)?". Дубенский противопоставлял ст. 85, где испытание производится по извету холопа и истец платит ответчику за муку, статье 87, когда истец, по свидетельству свободного лица, заставит ответчика взять железо, и ни в каком случае „не обязан был платить истец гривну своему ответчику". „Главная тема законодателя, не плати за муку ответчику, ежели истец заставил его взять каленое железо по свидетельству свободных людей, и тут вычислены три случая: останется ли на руке подсудимого, или ответчика, знак от обожжения, — (запона), или, по прошествии ночи, не окажется следа от железа (прохожение нощное или совсем не ожжется" (с. 100—101).

Владимирский-Буданов замечал, что „запа" — „слово долго остававшееся необъяснимым; проф. Станиславский читал: «запанан будет» и переводил: схвачен на месте преступления (от малоросс. «запыныти»); но тогда и не было бы поклепного процесса. А. Попов (с. 113) и Дубенский (с. 100) производили слово «запа» от палить (запал) и переводили: ожог; Тобин, производя от sapo, считал его предохранительным средством от ожога. Но филологам уже давно известен подлинный смысл этого слова. Одновременно (в 1858 г.) в словаре Востокова и в «Описании семи рукописей и. Публ. Библиот.» П. А. Лавровского слово «зап»

истолковано так: «мнение, подозрение»; «пив без запа, внезапу возопи»... (Житие Александ. Макед.). См. Чтения, 1858, кн. IV и Словарь Востокова под словом: «зап.»". — „Прохожение ночное" Владимирский-Буданов передал фразой: „если видели обвиняемого проходящим ночью около места, где совершено преступление" (Хр., I, прим. 128 и 129).

Мрочек-Дроздовский дал свое толкование „запы". „Запа, как и речь свободных людей, в случае оправдания ответчика железом, не обязывает обвинителя платить за муку. Из этого постановления видно, чта запа не поклеп: иначе она не была бы отличена от речи свободных при одинаковости последствия для обвинителя; запа, конечно, и не послушество, ибо при послушестве не было железа. Запу толкуют, между прочим, как мнение и подозрение. Несомнено, то же значение запы и в Правде: это мнение обвинителя о виновности ответчика; — такое мнение, высказанное, и, разумеется, обоснованное пред судом, и есть не что иное, как предъявленное суду подозрение. Закон Правды признает всякий повод к подозрению, но — повидимому — чаще всего как на такой повод, ссылались на то, что видели обвиняемого ночью — там, где совершено преступление: тайное дело чаще всего — дело темной ночи, и этот повод, не исключая других, признавался наиболее веским для суда железа" (Чтения, 1917, кн. III, с. 89—90).

Статья 88

О жене. Аже кто убиеть жену, то тем же судомь судити, яко же и мужа; аже будеть виноват,[1] *то полвиры 20 гривен.*

Переводы

Убийца жены тем же судом да судится, яко и убийца мужа, но ежели муж, за важную вину жену наказуя, до смерти ее убьет, то взыскать с него полвиры, то есть 20 гривен (Б.).

Gdy kto zabije kobietę, to tym sądem ma być sądzony, jak za zabicie mężczyzny, a gdy się okaże być winnym, to pół wiry, 20 grzywien (R.).

Wenn jemand eine Frau erschlägt, so wird er nach eben dem Gerichte gerichtet, als wenn einen Mann. Wenn sie schuldig ist, das halbe Wehrgeld (Ew.).

Кто убьет жену, тот подлежит суду наравне с мужеубийцею; но если она в самом деле была виновата, то взыскать с убийцы полвиры, то есть, 20 гривен (Пл.).[2]

Если кто убьет свободную женщину, то подлежит такому же суду, как и убийца свободного мужчины, но если убитая была виновата, то взыскать с убийцы полвиры, то есть 20 гривен (Ст.).

Wenn jemand seine Frau erschlägt, so richtet man (ihn) nach demselben Gesetz, wie (wenn er) einen Mann (erschlägt.) Wenn sie schuld ist, dann das halbe Wergeld, 20 Grivna (G.).

Комментарии

Карамзин: „Супруга была собственностью мужа, который ни в коем случае не ответствовал правосудию за свои поступки в отношении к ней. Законодатель говорит о женщине: изобличенный убийца ее платил вдвое менее, нежели убийца мужчины“ (II, прим. 67).

Раковецкий считал, что данная статья имеет в виду просто мужчину и женщину, а не мужа и жену, обосновывая свое мнение тем,

---

[1] *МП* виновата.

[2] Погодин дал свой перевод: „за убийство жены тот же суд, что и за убийство мужа; с виноватого взыскать полвиры, то есть 20 гривен“.

что в то время дела между супругами подлежали судам духовным (II, с. 145—146, прим. 76).

Рейц оговорку „оже будет виновата“ относил „к жене, которую муж убивал при домашнем наказании, ибо в противном случае не видно, почему за убиение жены платилась половинная вира, когда за робу и ремесленницу платили не менее, как за мужчин“ (с. 181).

Полевой: „За женщину рабу вносится 6 гр., и вообще половина платы за всякую женщину свободного состояния против той платы, какую за мужчину того же состояния платить определено“ (II, с. 157).

Считая также, что речь идет не о жене, а о „женщине свободного состояния“, Дубенский находил, что „статья эта не у места и, вероятно, прибавлена впоследствии при больших успехах гражданственности“ (с. 102).

Неволин доказывал, что речь здесь идет о женщине, не о жене, ссылкой на соседство ст. 89 о холопе и рабе, где говорится о плате за чужого холопа; следовательно и ст. 88 говорит о посторонней женщине (III, с. 78, прим. 185).

Ланге: „Выражение «тем же судом судити якоже и мужа» означает, что виновный в убийстве женщины подлежал таким же наказаниям и на тех же основаниях, как за убийство мужчины. Следовательно, тут также различали, умерщвлена ли женщина на разбое без всякой свады или убита в сваде. В первом случае назначалось личное наказание, а во втором — 80 и 40-гривенные виры. Если так, то слова: «аже будет виноват, то полвиры» должно считать отдельною мыслью, не имеющей никакого отношения к словам ей предшествующим... Назначение полвиры показывало бы, что за убийство женщин был совершенно другой суд, чем за лишение жизни мужчин... [ст. 88] особый дополнительный закон относительно убийства кого-либо в сваде. До Мономаха не различали, кто был зачинщиком свады... Мономах же... когда убитый в сваде был сам виноват, т. е. сам начал сваду, определил взыскивать с убийцы только полувиру...“ (с. 121).

Н. Дювернуа назвал эту статью „lex erratica или fugativa“ и считал, что „она приписана позже, ибо она не внесена в число убийственных дел“, между тем, как „составитель“ Пр. Пр. „соединяет из обеих частей старой Правды все положения, касающиеся убийства“ (с. 85).

Хлебников указал, что речь здесь идет о женщине вообще, потому что „убийство мужем жены судила церковь, как и все семейные отношения“. „До этого“ „муж получал просто урок, так как жена была его рабой“ (с. 301).

Владимирский-Буданов считал, что эта статья „стоит в связи с предыдущими, касающимися судопроизводства“ („тем же судом судити“) (Хр., I, пр. 132).

И. Беляев видел здесь снижение виры за убийство женщины; „головщина же за убийство ее оставалась прежняя“ (Лекции, с. 256).

Ковалевский: „Осетины знают также о понижении его [штрафа за убийство] на половину, каждый раз когда объектом его является женщина“ (II, с. 134).

Сергеевич принимал чтение „виновата“ и толковал: „если кто убьет женщину, то виновный подлежит тому же суду (т. е. тому же наказанию), как если бы он убил мужчину: но если женщина сама была виновата, виновный платил только полвиры“. „Под виной женщины надо разуметь такое ее действие, которым она вызвала гнев мужчины и последовавшее затем убийство. О подобной вине говорит и статья о побоях [ст. 29 Пр. Пр.]. Точно также и убийца в сваде мог, конечно, доказывать, что убитый вызвал его на драку. Если это подтверждалось, надо думать, он тоже платил полвиры, как и за убийство женщины... Отрывочный и случайный состав Р. Пр. достаточно объясняет ее неполноту и недосказанность“ (Лекции, с. 413—414).

Владимирский-Буданов отказывался видеть здесь „женщину“, вызвавшую „нападение собственной виной“: „но за убийство в «сваде» (вызванное ссорою) та же Правда назначает виру 40 гр. [А, 6], и вообще было бы непонятно, почему понижение наказания допущено только тогда, когда речь зашла о женщине, а не вообще, когда убийство вызвано жертвою. Остается думать, что здесь речь идет о жене, как супруге, и убиении ее мужем за преступление [вар. виновата] против семейных прав. Аналогия варварских немецких законов не дает никаких руководящих указаний, ибо по одним из них за убийство женщины полагается кара вдвое более тяжкая, чем за убийство мужчины, по другим — равная, по третьим — вдвое меньшая. Важнее для нас аналогия других славянских законодательств и позднейшего русского права, по которым убийство женщины и мужчины оценивается одинаково“ (Обзор, с. 327).

Максимейко считал, что ст. 88 тесно связана со ст. 89 „Аналогия“ их в том, что „жена“ была под властью „мужа“ так, как „холоп под властью пана“. Затем, „если под убийцей холопа разумели не пана его, а лицо постороннее, то та же ситуация относится и к убийце «жены», ибо, ставя убийство «жены» рядом с убийством «мужа», Р. Пр. очевидно допускала, что то и другое совершал человек посторонний, не принадлежащий к семье“. Затем в обоих случаях „имелось в виду убийство без вины со стороны потерпевшего, ибо «виноватый» в убийстве «жены» — означает то же самое, что и тот, кто совершил его без вины пострадавшей“. Хотя оба случая похожи, однако „юридические следствия их означаются неодинаково“. „Очевидно, что автор Р. Пр. ставил рядом две аналогичные статьи, имея в виду пояснить одну из них

с помощью другой посредством сравнения. Причем статья о холопе, думается, имела самостоятельное и самодовлеющее значение, почему он и исчерпывал свою тему целиком и всесторонне, обозначая не только уголовную ответственность за преступление, но касаясь также и частного вознаграждения; наоборот, статья о «жене» имела вспомогательную и служебную роль, была привлечена сюда только ради холопа, и потому автор не исчерпывал до конца своей темы, а давал только то, что было нужно, чтобы пояснить основную мысль, а именно, указав на уголовный штраф за убийство, он ничегошеньки не сказал про головничество". „С первого взгляда" в ст. 88 внутреннее противоречие: сначала говорится, что виновного судят, как за убийство „мужа", т. е. он платит виру, а потом оказывается, что он выплачивает только полувирье-„очевидно, что слова — «то тем же судом и т. д.» — относились не к штрафу, а к чему-то иному". Или они означали просто „принцип, которым должен руководиться суд, оценивая преступление": это понятно, если сопоставить эти слова с тем местом ст. 89, где сказано, что за убийство холопа или рабы виры не полагается, в чем и был „основной момент, требовавший пояснения через сравнение". Тогда ст. 88 „сводится к такому правилу": „кто убьет чью-нибудь жену, то судить его по тому же праву, как и за убийство мужа и, если обнаружится, что он виноват, то платить ему полувирье". Но текст статьи допускает и иное толкование. Поскольку тут не сказано, „чью жену", то „под «женою» можно разуметь всякую женщину, а под мужем каждого свободного человека". При таком понимании статьи, „едва ли может идти речь об аналогии между женою и холопом". Пушк. сп. понял дело так [„виновата"], что за убийство жены платили штраф „такой же величины" как за убийство мужа. Максимейко не считал это чтение „единственно правильным чтением", потому что „виновность жены могла не только понижать наказание убийцы, но и вовсе освобождать его от кары, потому что по Р. Пр. тот, кто убил, вынужденный обороняться или в состоянии аффекта, вызванного действиями потерпевшего, целиком освобождался от ответственности" (Пр. Пр., ст. 26 и 40). Толкование Владимирского-Буданова — нарушение супружеской верности — допускает, что убийцей жены был муж: „но этому допущению противоречит текст статьи, где «муж» наравне с «женою» фигурирует в положении убитого" (Интерполяции, с. 7).

Р о м а н о в видит в „жене" ст. 88 ту самую „венчальную" жену, защите которой уделено столько внимания церковным законодательством и литературой XI—XII вв. (ср.: Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, I, с. 538, 541, 518; В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в, Хр., I, стр. 110; РИБ, VI, с. 30).

Статья 89

А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть без вины убиен, то за холоп урок платити или за робу, а князю 12 гривен продаже.

Переводы

А за холопа и за рабу смертоубийственные пени не взыскивать; но ежели без вины убит будет холоп или раба, то взыскать цену за голову, и князю пени 12 гривен (Б.).

A za chłopa i za niewolnicę wiry nie masz; lecz jeżeli będą niewinnie zabici, to za chłopa i za niewolnicę zapłacić oznaczoną cenę, a księciu przedaży 12 grzywien (R.).

Aber für einen Knecht und eine Sklavin kein Wehrgeld; jedoch wenn sie ohne Schuld erschlagen sind, so zahlt man die Gebühr für den Knecht und für die Sklavin, und dem Fürsten 12 Grivnen Busse (Ew.).

За раба и рабыню виры не полагается; но кто убил их безвинно, должен заплатить господину как за раба, так и за рабу урок или цену убитого, да князю 12 гривен пени (Пл.).

За убийство холопа и рабы виры не уплачивается. Но если кто убьет безвинно, должен заплатить господину за холопа или рабу урочную цену, а князю — 12 гривен штрафа (продажи) (Ст.).

Aber bei einem Sklaven und einer (leibeigenen) Magd gibt es keina Wergeld, aber wenn er ohne Schuld erchlagen ist, so zahlt man für den Sklaven oder für die Magd Abgabe und dem Fürsten 12 Grivn Strafe (G.).

Комментарии

Болтин полагал, что здесь — случай убийства господином „своих рабов". „Из сея статьи видно, что господин... мог, не относясь к суду или начальству земскому, предать их смерти. Ежели ж случался после донос на господина, в безвинном раба на смерть осуждении, и он свидетелями оправдаться не мог, то и положено взыскать с такова 12 гривен пени в казну, да цену узаконенную за голову, как в Ярославовом

законе предписано, за голову раба 5, а за голову рабы 6 гривен... Вероятно, что отдавалась она судьям, дабы тем их к строгости правосудия побудить; а может быть и доносителю, в награждение за правый донос, часть из нее отделялася".

По мнению Карамзина, речь идет о чужом холопе: „За раба нет виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так наз. урок, или цену убитого... и сверх того в казну 12 гривен продажи, дани или пени" (II, прим. 67).

Полевой видел здесь отмену прежних постановлений ст. 15 и 16 Пр. Пр. (II, с. 157).

Чичерин сопоставлял эту статью со ст. 84 о лошади: „есть только пени за уничтожение чужой собственности, так же как за убиение лошади". „Поэтому, как скотину хозяин властен был убить... точно также и над рабом имел он полное право жизни и смерти", как и по Двинской грамоте 1397 г. (с. 151—152).

Богдановский давал статье расширительное толкование: „относительно убийства несвободных лиц или таких, которые временно стали как бы несвободными по зависимому своему положению от других (рядовичи княжеские и боярские и смерды), выставлено общее правило, уже и прежде действовавшее на практике: «а в холопе и в робе виры нетуть»". Считая, что и в Пр. Пр. „вознаграждение лиц пострадавших" носит „господствующий характер" (во всех случаях, кроме убийства), Богдановский отмечал здесь 12-гривенную продажу в пользу князя' как „успех" в развитии права, причем предполагал, „что закон этот принадлежит гораздо позднейшему времени и составлен под влиянием церкви, которая взяла под свою защиту жизнь холопа и робы, как христиан", так как плата князю здесь противоречит взгляду Богдановского на продажи, как вознаграждение обиженному (с. 32 и 38).

Ланге, напротив, утверждал, что „вира взыскивалась за убийство холопов до самого Владимира Мономаха... Если за кражу холопа князь получал 12 гр. продажи [А, 38],.., то само собою разумеется и за убийство... должна была назначаться продажа или вира — иначе составителям Правды следовало бы отказать даже в простом здравом смысле... За умерщвление холопа назначалась до Владимира Мономаха не продажа, а именно вира, потому что при Ярославе и Изяславе она взыскивалась за лишение жизни тиуна боярского (ябетника), тиун же боярский мог быть и холопом... Об отмене за убийство холопов виры и назначении вместо нее продажи положительно упоминается в постановлениях Мономаха: «виры нетуть», да не будет впредь, а не в том значении, как до сих пор принимают, будто бы для холопов виры вовсе и не существовало [ср. ст. 48 «не надобе», ст. 49 «несть»]... Следов. и постановление Мономаха... не составляет общего какого-то рассу-

ждения о холопах, примененного и к предшествующим временам, но представляет закон, получивший начало от Мономаха и отменявший прежний порядок вещей". Но закон этот „отменял только виру". Значит, „статья о разбое [А, 7] сохраняла свою силу и при умерщвлении холопов". В ст. 89 говорится „о взыскании продажи и урока... что бывало, если преступник находился налицо". Значит, закон Мономаха „не отменял действия прежнего постановления о взыскании виры с общины, если преступник, умерщлявший холопа, оставался неизвестным". Вопрос, „падала ли при убийстве холопа в сваде продажа на общину, подобно вире, или всегда была личной пеней?" — Ланге решал в пользу первого предположения: „иначе убийца холопа, оставленный собственным средствам, был бы наказан строже, нежели убийца свободного человека, а при несостоятельности подвергся бы даже продаже в закупы, чего допустить невозможно" (см. продажу, уплачиваемую общиной в ст. 77 Пр. Пр.). „Урок" — это 5 гривен. Действие этой статьи Ланге распространял и на закупа: „при умерщвлении закупа головничество получали не родственники его, а владелец, потому что закуп мог остаться должным и вообще смерть его могла причинить убытки его господину" (с. 57—58, 129, 131 и 141).

Чебышев-Димитриев усматривал здесь исконное начало: „вира платилась только за члена известного союза" (с. 63).

Ведров указал, что Салическая Правда „не делает ни малейшего различия между воровством или убийством рабы и установляет в обоих этих случаях одинаковое взыскание с виновных в пользу хозяина раба". Вопреки Ланге, Ведров объяснял появление этой статьи в Пр. Пр. тем, что „церковь стремилась постоянно возвысить личность раба и очень может быть, что ко времени Владимира Мономаха успела настолько, что уже мог явиться вопрос о том, не взыскивать ли за убийство раба пени, одинаковой как за убийство свободного... Эта статья как бы должна разъяснить недоумение суда, если бы оно возникло по делу об убийстве раба, и подтвердить древний обычный взгляд на рабство... Ст. 89 желает только предохранить хозяина раба от злонамеренного причинения ему имущественного ущерба убийством раба..." (с. 73—75).

Загоскин считал слова: „а в холопе и в робе виры нетуть" — „остатком древних юридических формул" обычного права (Метод и средства, с. 27).

Владимирский-Буданов: „Убийство холопа не есть преступление убийства, а истребление чужой собственности. Ср. Кар., 98 [А, 84]" (Хр., I, пр. 133).

Сергеевич отметил исключение из этой нормы — боярского тиуна за убийство которого в ст. 1 положена „вира в 40 гр." (Лекции, с. 408).

и указал на древность нормы: „этот порядок, надо думать, современен первому возникновению судов“ (Др., I, с. 116).

П. Беляев сравнивал ст. 89 со ст. 11 Двинской Уставной грамоты: „а кто господарь огрешится, ударит своего холопа или раба и случится смерть, в том наместницы не судят, ни вины не емлют“ (Ж.М.Ю., 1899, с. 83).

Барац и здесь исправлял текст, вставляя: „а в холопе и в робе (оже будет виноват или по др. сп. виновата) виры нет и т. д.“, отмечая в примечании, что „фразу эту“ он „перенес сюда из предыдущей 88 ст., где она только затрудняет смысл“ (с. 219).

Романов видит в ст. 89 презумпцию, что убить холопа можно безнаказанно; только столкновения на этой почве между интересами свободных мужей выдвигали необходимость искать выхода в оговорке о неуважительной причине, как об исключении из правила [*Б. Р.*].

Тихомиров сопоставляет с „правилом с именем Максима“ (Чтения, 1912, кн. III, с. 54): „аще кто челядина убьет, то акы разбойник приимет епитемью“, и видит здесь один из признаков нецерковного происхождения Пр. Пр. (Исслед., с. 217).

Статья 90

Аже умреть смерд.[1] *Аже смерд умреть,*[2] *то задницю князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужемь, то не даяти части им.*

Переводы

Ежели земледелец умрет бездетен, то все имение его взять на князя; а ежели останутся после его дочери в девках, то выделить на них часть; замужним же не давать ничего (Б.).

Jeżeli smerd umrze bez dzieci, to statek „spadek" jego księciu, a jeżeli zostawi córki w domu, to dać część na nich, a gdy już będą powydawane zamąż, tedy żadnej im nie dać części (R.).

Wenn ein Gemeiner ohne Kinder stirbt, dann die Hinterlassenschaft dem Fürsten. Wenn Töchter bei ihm im Hause sind, so gebe man ihnen einen Theil; aber wenn sie verheirathet sind, so gebe man ihnen keinen Theil (Ew.).

Когда простолюдин умрет бездетен, то имение его поступает к князю; буде остались дочери незамужние, то выделить на них некоторую часть; если же будут замужем, то не имеют ни малейшей доли в наследстве (Пл.).

Если смерд умрет бездетным, то наследует князь; если остаются в доме замужние дочери, то выделить на них некоторую часть; если же будут замужем, то не давать им части (Ст.).

Wenn ein Bauer stirbt ohne Kinder, dann (gehört) die Erbschaft dem Fürsten. Wenn Töchter in seinem Hause sind, so gibt man einen Teil an sie; sind sie (dagegen) verheiratet, so gibt man ihnen keinen Teil (G.)

Комментарии

Карамзин пояснял: „Вероятно, что князь был наследником только одних смердов, или простых, не военных граждан" (II, прим. 102).

---

[1] *С* О задници, *МП* О смердах.

[2] *МП добавлено* безажю, *А II*, *К добавлено* без детии.

Рейц слово „без дети“ перевел — „не оставя сыновей“ (с. 216).

Куницын, имея в виду ст. 90 и 91, писал: „Здесь на самых первых строках изложения этих правил законного распределения наследства, представляется вниманию нашему различие прав наследства и по различию состояний и по различию пола. По состоянию Правда различает простолюдинов (смердов) от бояр и дружины, а между теми и другими различает дочерей и сыновей. После смерда наследниками могут быть только сыновья, если не будет сыновей, имущество его поступает к князю, хотя бы после умершего остались и дочери“. „Закон имеет в виду продлить существование дома умершего в лицах, могущих быть его преемниками. В этом отношении из лиц, состоящих в доме владельца под ним как главою, одни принадлежат к дому как временные его члены, — это жена и дочери“. Отсюда объясняется неравенство сестер с братьями и ограниченные права жены в наследстве. „Судьба дочерей — принадлежать к чужому дому“ (с. 67, 73—74, 78).

Рождественский заключал: „Из детей получали наследство только сыновья“ и объяснял: „Через замужество дочери переходят в другой род и потому они, отделяясь от общего дома, лишались права наследства“. На вопрос: почему имущество после смерти смерда шло князю? — Рождественский отвечал: „Оставшееся после бездетного (без сыновей) смерда имущество считалось безхозяйным и поступало князю“ (с. 33).

Губе отмечал: „Хотя правило отнесено здесь только к людям низкого происхождения, но кажется, что сначала действие его было всеобщее“. „Наследуют одни сыновья. Дочери, вступая в брак, переходят в другое семейство и тем самым теряют право наследства...“; „основным началом древнего наследственного права в России было семейное единство. Только тот мог наследовать, кто состоял в одном семействе с умершим“ (с. 67—69).

Мацейовский: „Наследства назывались то дедицтвом (задницей), то статком, с той важной разницей, что первые после смерти владельца прямо переходили его детям, статок же, напротив, если не было сыновей, шел князю. Князь, как феодальный государь русской земли, отказался от наследства после бояр и дружины, т. е. статок их превратил в задницу; после смердов же или свободных, занимавшихся обработкой земли, не отказался“ (I, § 270, с. 277—288).

Калачов: „Наследство различается по сословию умирающего на задницу смердов, и задницу боярскую“ (с. 165).

Соловьев: „Имущество простого человека, смерда, шло к князю, потому что князь Рюрикович заменил для смерда прежнего родоначальника“. Статьи Р. Пр., по мнению Соловьева, отражают „положение, знаменующее переход от родовых отношений к родственным“ (I, с. 237).

Неволин предполагал, что в предшествующее время право князя на наследство применялось не только к смердам, но и к княжеским дружинникам. „Понятно, как легко могло образоваться для князя право наследования в имении сих лиц. Те и другие, по образу своей жизни, большею частью были чужды родственным связям, а княжеские дружинники сверх того находились в непосредственном отношении к князю, и все достояние их могло считаться приобретенным службою князю“ (V, с. 343).

И. Беляев: „Смерд владел землей на общинных правах, т. е. с обязанностью нести и известные общественные повинности. Поэтому естественно, что право наследования в классе смердов ограничивалось только одними сыновьями, потому что только сыновья смерда могли по смерти его заступить его место, т. е. сделаться членами общины, способными отбывать общественные повинности и исполнять различные обязательства по отношению к общине“. „У народа, занимавшегося по преимуществу земледелием, земля их составляла главную собственность. А так как поземельное владение у них было двоякое: общинное и частное, то это и послужило причиною различия в наследовании у смердов и у бояр“ (Лекции, с. 259). — „Главным основанием закона о наследовании казны после смерда, не оставившего сыновей, служил общинный быт славян; славянская община, как явно противоположная роду, отрицала все родовые отношения, она по закону (юридически) не признавала сих отношений между своими членами, членом общины была семья, а не род... При таковом отрицании рода, при таковом ограничении родственных юридических отношений одной только семьей естественно, что после общинника, не оставившего сыновей, наследство делалось выморочным и как выморочное должно было возвратиться в ту общину, членом которой был умерший: а поелику с призванием князей сами общины сделались членами государства, то с идеею государства право наследования после бездетного общинника перешло на представителя государства — князя“ (О наследстве, с. 28—29).

Никольский: „Из существа приведенных постановлений [ст. 90—91] видно, что лица, к которым они относятся, находились в особенном, исключительном положении к князю, ибо только по отношению к последнему и различаются права их наследников... Оба эти постановления, противополагаясь друг другу, следуют в Правде непосредственно одно за другим и видимым образом не находятся ни в какой связи с обыкновенным порядком наследования... Если князь отбирал у бессыновно умерших смердов имущество, то, следовательно, он имел на это какое-нибудь право, точно так, как смерды обязаны были подчиняться этому праву — отдавать свое имущество. По существу и прямому смыслу постановления о заднице

смердей, мы необходимо должны признать, что смерды были люди обязанные князю, следовательно, непосредственно от него зависимые". Смерды — это „особый класс, который, будучи лично свободен, обязан был обрабатывать землю на князя". „Они были как бы наймиты, закупы княжеские, работавшие на князя из хлеба и, следовательно, обязанные отдать ему все свои силы за полученную от него землю, хлеб, жизнь, содержание и за защиту, которою пользовались, как люди бесприютные, беззащитные". Аналогию смердам Никольский видел в сербских прониях, силезских smardones и польских кметах. Последние находились почти в таком же отношении к своим панам, как и наши смерды к князьям, „даже по вопросу наследования" (Вислицкий статут: „Abusiva consuetudine noscitur esse observatum, quod, cum aliqui kmetones de hac vita absque prole decedunt, ipsorum omnia bona mobilia et immobilia, nomine Puścina eorundem, consueverint occupari. Unde nos eandem abusivam consuetudinem reprobantes, statuimus: quod de bonis eorundem decedentium, si tantum reperiatur in ejisdem, calix pro marca cum dimidia dandus ecclesiae parochiali comparetur, reliqua vero bona ad proximiores consanguineos, vel affines, cessante quolibet impedimento, devolvantur"). „Если польские паны могли присвоить себе право наследовать после бездетноумерших своих клиентов, то на имущество подобных им людей князья наши, по понятиям того времени, могли смотреть и действительно смотрели, как на свою собственность, а потому и присвояли его себе после бессыновне умершего смерда" (с. 356—361).

Н. Дювернуа не видел „никакой возможности конструировать отношение князя к смердьему наследству на начале княжеского вотчинного права" и „надобности предполагать завоевание причиной образования подобных отношений". „Гораздо вернее будет сказать, что князь является представителем общественного интереса, когда, при отсутствии сыновей у смерда, берет его наследство и устраивает его дочь, что в классе низшем слабее развилось и менее выразилось начало собственности личной или семейной, что на смерда легла общественная тяжесть в эпоху едва сложившихся семейных отношений и, таким образом, для него надолго в истории удержались те сужающие личность формы быта, которые имеют важное значение при слабом сознании государством его задач, когда лицу непрерывно угрожает опасность рабства по уговору, по сделке, по займу и прочее". Община же „потеряла долю своей автономии, уступила в известной мере ведение общественных интересов князю, стала ответственной перед ним в этих делах: вместе с этим и каждый член вольного союза, с своей личностью («никто не может умучить смерда без княжа слова») и с своим имуществом, стал в непосредственное отношение к князю, как органу общественной власти" (с. 125—126).

Цитович выступил с возражением против взгляда, что наследство смерда „становится выморочным и достается князю, как только нет сыновей, все равно будут дочери или нет“. „При таком толковании «сыновья», «мужчины» не прочитано в статье, а вычитано из-под строк, как нечто нужное: в статье такого слова нет, дети же verbum generale“. „В самом деле... статья говорит: «задница князю, когда нет детей, если между детьми незамужние дочери — дать на них часть: замужем они — не давать им ничего, т. е. не давать тем, которые стали замужем при жизни отца». Но кто должен дать часть незамужним дочерям и кто имеет право не давать ничего дочерям замужним, этого статья прямо не выразила. Иначе, понимая так, будто положение дочерей по отношению к наследству отца их определено в нашей статье лишь на тот случай, когда наследство достается князю, как выморочное, мы получим тот вывод, что положение незамужних дочерей совершенно не обеспечено, когда выморочность не наступает, когда у них есть братья; и, наоборот, последние совершенно не обеспечены против претензий замужних сестер. Гораздо проще будет, если мы скажем, что наследство становится выморочным, достается князю, как скоро нет детей вообще, т. е. и сыновей, и дочерей. Значит, a contrario оно не становится выморочным, если после умершего остались дети, т. е. одни ли сыновья, сыновья и дочери, или же только одни дочери... Несомненно то, что нахождение детей, живших в одном доме, хозяйстве с умершим, мешало наследству стать выморочным и достаться князю; помеха такая нисколько не зависит от разницы в поле детей“. „Ст. 90 лишь определяет взаимное отношение дочерей и сыновей по вопросу об участии тех и других в оставшемся после отца наследстве, и решает этот вопрос прежде всего полным устранением замужних дочерей, коль скоро есть сыновья, возлагая на последних известную обязанность в пользу незамужних сестер. Об отношении же князя к дочерям не может быть и речи, если выморочность наступает тогда, когда нет детей вообще“. „Ничего не будет невероятного допустить, что ст. 90 в том виде, в каком она дошла до нас в известных нам списках, представляется геминациею, слитою из двух статей, причем они обе, или, по крайней мере, одна из них потерпела от такого слияния, в полноте и большей точности своего выражения... Ст. 90 может быть развернута в целую серию догм и далеко не так однородна по своему содержанию, как это может показаться с первого взгляда. Эти догмы следующие: 1) Наследники — дети вообще, но с предпочтением мужчин перед женщинами в порядке допущения к наследству. 2) Из женщин за незамужними сестрами при братьях признано право на часть“. Это „догмы общего наследования, примененного к имуществу, остающемуся после смерти смердов“. Но сверх того, ст. 90 „выражает собою еще две такие догмы, которые ex professo

только и высказаны в ней как догмы общего наследования“: во-первых — „она формально устраняет замужних дочерей от всякого участия в имуществе их отца“; во-вторых — „она формально определяет, при каких условиях и обстоятельствах наступает выморочность имущества“ (без детей в буквальном смысле). Почему же при изложении этих общих норм понадобилось начинать со смерда, своеобразность положения которого несомненна? „Слово смерд, употребленное в Русской Правде, обозначает здесь какой-то специальный класс людей, а не всю массу свободного небоярского населения...“ „Очевидно, что звание смерда действительно невысокое, презренное и по тому самому должно быть признано исключительным, обнимающим, сравнительно, незначительный круг лиц“: „1) положение смерда — положение зависимости, подобное положению холопа, оно презренное, низкое; закон имеет в виду отношения смерда к князю не как отношения подданного к верховной власти, а как лица, подчиненного своему хозяину ... 2) Имущества смерда и князя представляют какую-то слитость, или, по крайней мере, на некоторые вещи князя ложится такой характер, как будто они находятся в обладании смерда“. „У смерда часто и даже постоянно накоплялось новое имущество уже после того как он поселился на земле князя. Как бы то ни было, отдельное имущество смерда существовало, и если насчет его могли возникнуть недоразумения на случай смерти смерда, то лишь потому, что нередко трудно было разобрать, где имущество князя, хозяйственный инвентарь, и где имущество смерда. Отсюда, после смерти смерда, претензии не столько самого князя, сколько от имени его, претензии различных лиц, заведывавших княжеским хозяйством, на всю движимость, какая только оказалась на том дворе, который был занят прежде умершим смердом. Подобные претензии так возможны, случались так часто, что судебное разбирательство их повторялось неоднократно, пока наконец не выработалась догма, содержание которой в том, что имущество возможно и у смерда, что, оставаясь после смерти его, оно составляет его задницу; на такой случай судьба его должна определиться по общему закону, т. е. оно достается детям, и только при отсутствии детей, опять-таки в силу того же общего закона, становится выморочным и достается князю, как имущество, остающееся и после всякого другого лица“. Таким образом, статья 90, по мнению Цитовича, имея целью указать на подчинение наследования смердов общему закону, впервые сформулировала этот общий закон, до этого уже живший в обычае. „Высказанная [в ст. 90] догма наследования дочерей, повторенная прямо и в ст. 91, стала общерусскою юридическою догмой“. Господствующее мнение делает необходимым „признать по Русской Правде, по крайней мере, три порядка наследования — два специальных для бояр и смердов, и третий общий, который предназначен неизвестно для кого, если мы согласимся

с И. Беляевым, что в то время в России все люди были или смерды-общинники, или бояре и дружина, т. е. вотчинники". „К какому же наследованию — к наследованию ли после вотчинников [по терминологии Беляева, — *Г. К.*] или после общинников отнести ст. 92—95, в редакции которых нет уже и помину о каких-нибудь сословных различиях? Отнести их одинаково к тому и другому наследованию не приходится, потому что при том понимании ст. 90, какого держится общепринятое мнение, этому решительно помешает ст. 95. Общепринятое мнение... с роковою необходимостью ведет к заключению, что для сыновей смерда, относительно их незамужних сестер, решительно не существует той обязанности, которая установлена в их пользу ст. 95; на основании ст. 90, специальной будто бы по своему содержанию, нечто подобное высказанной обязанности существует только для князя...". „Для нас по крайней мере, смерд и наследование после него невольно напоминает псковского изорника с его наследованием. Отсюда легко предположить, что и на землях богатых людей в эпоху Русской Правды тоже были смерды, ничем не отличающиеся от смердов княжеских" (с. 34—53).

Владимирский-Буданов соглашался с Цитовичем: „Здесь вся сущность наследства по закону (правильнее: по обычаю), т. е. сфера наследственного права — только семья в тесном смысле (одни ближайшие нисходящие), а относительно смердов — в теснейшем смысле (одни нисходящие мужск. пола)", — однако же решительно возражал Цитовичу, что „без детей" это значит без сыновей и дочерей. „Исключение дочерей от наследства не только при братьях (ст. 95), но и без них есть общее явление всех древнейших славянских прав: допущение их к наследованию совершилось в первый раз в боярском классе" (Хр., I, прим. 135). Ср., однако, Обзор, с. 491: „Порядок наследования, изображенный в ст. 91, есть порядок общий, а не специальный, именно статья эта надписывается (в Кар. списке): «о боярском наследстве и о людском», т. е. о наследстве «людей» — термин, под которым разумеются все свободные граждане".

Сергеевич разбил ст. 90 на две самостоятельные части и принял, как более правильное, чтение Пушк. сп.: „Аще смерд умрет безажю, то князю задница". „Безажю, беззадница, безатщина — обозначает отсутствие наследников, по нашему — выморочное имущество... Значит, первая часть ст. 90 постановляет, что выморочное имущество смердов идет князю". „Источник ее — византийское право. В Эклоге, по перечислении всех законных наследников и в том числе жены, читаем: «Si defuncti ne uxor quidem extat tunc universum ejus patrimonium, veluti cujus nullus extat heres, fisco infertur»". Придавая слову „смерд" „широкий смысл всего населения", Сергеевич полагал, что при ином понимании слова „смерд" получилось бы

„искусственное и ничем не объяснимое ограничение смысла статьи — только выморочное имущество крестьян идет князю. А куда же идет выморочное имущество бояр, купцов и других людей?“ „Церковный устав Ярослава указывает на одно ограничение этого общего правила: безатщина церковных людей идет епископу, ввиду зависимости этих людей от церкви“. Вторая часть статьи 90 — „это особая ст. и нет ни малейшего повода сливать ее с предшествующей. Смысл ее такой: дочери получают часть в наследстве. Это византийское начало, которое духовенство должно было проводить и, как видим, действительно проводило“. „Исключение замужних дочерей от участия в наследстве есть также право Эклоги, которой неизвестно dotis collatio и которая не дает повода допустить, чтобы наделенные приданым и выданные замуж дочери участвовали в наследстве с невыданными: они удерживают за собой данное уже им приданое и только (Zachariae, 112, 173)“. При таком объяснении Р. Пр. будет содержать в себе два прямо противоречивых между собой постановления о наследственном праве дочерей: по одному дочери получают части в наследстве, по другому — нет. Сергеевич не отрицал этого противоречия и пояснял: „Но Русская Правда не свод законов... а частный сборник постановлений и правил, действовавших в разные времена и в разных судах“ (Лекции, с. 544—546).

Дьяконов: „В ст. о наследстве после смерда сказано: если смерд умрет бездетным, то наследство идет князю, т. е. указаны условия наступления выморочности имущества, а вовсе не говорится о том, что смерд умрет без сыновей. Правило — «оже не будет сынов, а дчери возмут» — является общим и не исключает смердов. У князя существует право на выморочное имущество вообще, но из этого правила изъемлется наследство после дружинников боярских“ (Очерки, с. 100).

Павлов-Сильванский считал более древним чтение Троицкого и Синодального списков и слова „Аже смерд умрет, то задница князю“ передавал: „после смерти смерда имущество его переходит к князю только тогда, когда оно является выморочным. Но даже и такое понимание этой статьи явно указывает на особое приниженное положение смерда и, конечно, смерда княжеского, частновладельческого“. „Статья эта не может касаться всех смердов — крестьян. При слабости княжеской власти в то время, при громадном значении самоуправляющихся общин, никак нельзя допустить, чтобы выморочные имущества всех смердов сельчан-вервников поступали в обладание князя“ (с. 225). И еще определеннее: „Древнейшая Русская Правда говорит, что после смерти господского смерда имущество его переходит к господину: «аже смерд умрет, то задница князю». Это правило мертвой руки, mainmorte“ (Феод. в др. Руси, с. 59).

Изгоев считал ст. 90 „примененной исключительно к крестьянам-смердам ... Вся суть статьи не в записывании обычаев смердьих, а в правиле, что выморочное имущество, несмотря на существование дочерей, достается князю. Записана же эта статья для укрепления не смердьего [см. Цитович], а княжеского права" (с. 1857).

Рязановский рассуждал: „Если под детьми в ст. 90 подразумевать, как сыновей, так и дочерей, то, очевидно, те и другие должны призываться к наследованию в равных долях. В таком случае незачем было дальше специально оговаривать права незамужних дочерей; при братьях они получают равную с ними долю, без братьев все имущество. Между тем Русская Правда назначает дочерям без братьев не все имущество отца, а лишь известные «части». Значит, дочери не являлись такими же наследницами, как сыновья; следовательно, допущенное предположение о равенстве тех и других неверно... Кроме того, при противоположном толковании ст. 90 слишком резкой является разница в наследовании дочерей: в одном случае они наследуют наравне с братьями, в другом при братьях совершенно не наследуют. Разница эта представляется необъяснимой при слабой дифференциации общественных классов этой эпохи" (с. 4—5).

Пресняков, возражая Сергеевичу, останавливался на толковании терминов „безадщина" и „часть". „Толкование Сергеевича насилует текст. 93 статья ясно говорит о жене, что она не участница в наследстве мужа: «а задница ей мужня не надобе», но предоставляет ей иные права: «на ню часть дати, а что на ню мужь возложить тому же есть госпожа». Часть взятая у детей, и полученное от мужа — стоят отдельно от «задници мужней», не входя в ее состав. Тоже надо сказать и о дочерней части". Мнение это Пресняков подкреплял указанием на ст. 92, где слово „часть" употребляется в том же значении: „наследство идет «всем детям, а на самого часть дати по души». Часть не доля законных наследников, а выдел из имущества известных средств для специальной цели: наделения вдовы, дочери или вклада на помин души. Размер ее не определен в Русской Правде": «како си могуть» ст. 95 равносильно этому понятию «часть даяти на не» [ст. 90], «на ню часть дати» [ст. 93]". „Часть" дочери или матери вдовы есть „доля движимого имущества, выделяемая им из общей массы наследства, переходящего либо к князю, как выморочное, либо к сыновьям наследникам". „Такое толкование делает неизбежным признание имущества смерда выморочным при отсутствии у него сына. Этому не противоречат даже те списки, которые говорят: «аще смерд умреть без дети», так как продолжают: «аще будут дщери»... «Без дети» явилось толкованием древнейшего устарелого чтения «безажю»" (Княжое право, с. 280—281).

Максимейко держался чтения списков Синодально-Троицкой группы, основываясь прежде всего на большей древности Синодального и Троицкого списков; „если помрет смерд (во всех случаях, если и дети будут), имущество его идет князю; а у бояр и дружинников (если последние будут сами иметь соответствующее соглашение, то в случае их смерти), имущество князю не идет, а переходит сыновьям, если же их не будет, то дочерям“. Максимейко находил, что добавление слова „без детей“ чрезвычайно затрудняет истолкование текста. „В самом деле, если у смердов «задница» переходит князю, только когда не будет детей, а в противном случае наследство получают дети, то в чем состоит отмена такого порядка в наследовании у бояр, где дети считаются за ближайших наследников. Чтобы выйти из этого сложного положения, нынешние комментаторы предполагают, что выражение «без детей» следует понимать равносильно «без сыновей»... Максимейко, принимая чтение Синод. сп., готов признать, „что согласно Р. Пр. дети умершего смерда наследства после него не получали, а имущество его переходило князю“, поскольку „аналогичные явления обнаруживаются и в позднейшее время в истории права, как московского, так западно-русского и украинского“. „Но переписывавшие Р. Пр., особенно в позднейшее время... неосведомленные о своеобразных особенностях древности... представляли себе дело по тем явлениям, которые господствовали и окружали их в обществе. Исходя из этих явлений, они и представляли, что наследование детей — исконное право, свойственное всем людям“. И вот „некоторые из переписывавших совсем выкинули рассматриваемую статью, а некоторые внесли в текст Р. Пр. вышеуказанную вставку «без детей» (списки Карамзинского типа)“. По мнению Максимейко, в Пушк. сп. текст утрачивает свое внутреннее единство и цельность: „в начале говорится, что имущество смердов за отсутствием наследников переходит князю, потом устанавливается обязанность выдавать незамужней дочери часть из отцовского имущества: это правило не увязано с предыдущими положениями, потому что выморочное имущество (безадщина) списка Пушкинского, подразумевает положение, когда нет никого из возможных наследников, в том числе и дочерей...“. „Ясно, в Пр. Р. речь идет о смердах, что заняли земли князя: наследства же частновладельческих смердов она не касается. Но можно допустить, что в отношении остальных землевладелец играл такую же роль, как в отношении первых князь. По крайней мере, что касается церковных людей, среди которых находятся, среди других, изгои, прощеники, «задушные» люди и др., то нам известно, что «безатщина» их шла епископу“ (Про смердів, с. 10—14).

Юшков считает совершенно необоснованным предпочтение, отдаваемое Пушк. списку, вариант которого „безажю“ не воспроизводится больше ни в каком другом. И „даже, показав, что чтение «безажю»

отражает первоначальный текст, нельзя утверждать, как это делает Сергеевич, что первая половина ст. 90 есть особая статья и что нет ни малейшего повода сливать ее со второй половиной статьи: напротив, повод дается, как уже отмеченным параллелизмом статей [90 и 91], так в особенности словами «у него», т. е. у смерда, о котором говорится в первой половине статьи". Против этого решительно говорит и получающееся при понимании Сергеевича противоречие норм двух почти рядом стоящих статей: „по одной статье (90) дочери получают часть в наследстве, по другой — нет (ст. 95)". „Трудно допустить, чтобы даже в частном сборнике рядом помещались статьи, содержащие нормы, взаимно исключающие друг друга" (Очерки, с. 111—112).

Греков также видит в ст. 90 специальную норму смердьего права и на вопрос: „О каком смерде здесь говорится? Если это смерд независимый непосредственно от феодала, свободный член сельской общины, тогда непонятно, как князь может осуществить свое право наследования. Если же это смерд княжеский, крепостной, тогда статья делается понятной, но является вопрос, можно ли это правило распространить и на не-княжеских смердов, зависимых от других феодалов?" — отвечает указанием на Устав кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, „где говорится обо всех «домовых» людях, и церковных и монастырских, куда совершенно естественно включить и смердов. «Безатщина» этих людей, т. е. их имущество, при отсутствии прямых, надо думать, мужских наследников «епископу идет». Для лучшего решения вопроса Греков считает необходимым привлечь материал аналогичных законодательных норм Польской Правды и Вислицкого статута. В Польской Правде, записанной в XIII в., Греков указывает на ст. XXII, которая по его мнению, „совершенно определенно говорит о том, что князь как князь, тут [в ст. 90] совершенно не при чем, что это правило касается всякой феодальной вотчины этого периода". Там мы читаем: „Если умрет крестьянин (конечно, крепостной. — *Б. Г.*), не имея сына, господин берет его имущество, но должен дать жене ее подушки... покрывала и из имущества мужа корову... или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать". В Вислицком статуте, в редакции специально для галицко-русского населения приспособленной, „мы имеем как раз и статью, соответствующую статье Правды Русской о смердьей заднице. Она в... [этой] приспособленной редакции озаглавлена так: «О пустовщине сельской, а любо местьской» и имеет следующее содержание: «Коли ж который люд, а любо кметь (смерд) умрет без детей, тогды пан его увязуется в пустовщину. Про то мы ныне укладаем тот обычай: с того имения, будет ли, абы келих учинен был за полторы гривны к церкви, где прибегал (имеется в виду «приход», приходская церковь, — *Б. Г.*); остаток и то ближним и приятелем штобы дано»". „Вислицкий статут был, повиди-

мому, одновременно приспособлен и для русского населения Галицкой земли, вошедшей в состав Польши, и в этой приспособленной редакции, он, конечно, ценен для историка Киевского государства". В этом смысле Греков отмечает, что „целый ряд терминов" Вислицкого статута и Польской Правды „буквально соответствует" Правде Русской: «свада», «копа», «уражен», «раны кровавая и синьевзя» и много других: среди них, что для нас в данном случае особенно ценно, имеется и термин «смерд», тождественный термину «кмет» других вариантов того же статута". Приведенную выше статью Греков поясняет так: „Господа лишаются права наследовать после зависимых от них людей, умерших без мужского потомства. Отменяется старый обычай, признанный сейчас противоречащим справедливости и нелепым. Очевидно, произошло нечто такое, что заставило считать нелепостью этот старый обычай, известный одинаково и русской, и польской Правдам". Итак, „едва ли есть основания сомневаться в том, что в XI—XII вв. и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, наследовал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей. Едва ли также и судьба русского крестьянина чем-либо существенным отличалась от судьбы украинского или белорусского в период господства феодальных отношений в России, Польше и Литве. Не случайно Вислицкий статут одновременно для Польши и Украины (Галицкая земля) делает основную ставку на оброчную деревню, отменяя в то же время закон о мертвой руке как польской, так и русской Правд" (Киевск. Русь, с. 135—136).

„Задница", „статок"

Болтин: „статок — имение, пожитки".

Раковецкий: „слово «статок», польск. statek, означает всякое имущество, каким кто-либо может владеть, откуда dostatek, nedostatek; слово «задница» означает наследство, имущество, оставшееся после умершего" (II, с. 146, прим. 77).

Дубенский переводил: „задница" — наследство, имение после умершего (с. 120).

Рейц: „Выражения «задница» и «статок» оба означают все то, что остается из движимого имения, ибо двор упоминается особо". „Земля, как общее достояние рода, не подлежала еще праву наследственному..." (с. 215—217).

Турчинович напоминал: „В белорусских губерниях и до настоящего времени [40—50-ые гг. XIX в.] еще употребляются народом товар и статок, преимущественно последнее, и означают большее или меньшее стадо домашнего рогатого скота" (с. 26—27).

Неволин не согласился с мнением, что в понятии „задница", „сстаток" подразумевалось только движимое имущество и совершенно исключалась земля. „Между предметами наследства поименованы дом, двор, товар [движимое имущество вообще], челядь, скот, но не поименованы земли. Из этого поименования предметов наследства и по соображениям с Судебниками Иванов III и IV, в которых для означения недвижимого имущества к слову «статок» присоединяется еще земля, выводим, что в Русской Правде названия, означающие наследство вообще, относятся только к имуществам движимым, не касаясь земель. Отсюда выводили далее, что Р. Пр. постановляет только законы о наследстве в движимых имуществах, не касаясь земель. Это объясняли себе тем, что земли находились тогда еще в общем владении родов и по смерти одного лица не переходили к другим лицам по правилам о наследстве. Но если не именно слово «сстаток», то по крайней мере совершенно равнозначительное с ним и составляющее только другую форму его слово «станки», в Актах юридических относится не только к дворам, но также к варницам и землям деревенским. Само название дома, употребленное в Р. Пр. для означения предметов наследства, сообразно употреблению этого слова в славянском языке, может означать вообще наследство. Таким образом нет причины полагать, что постановления Р. Пр. относятся только к наследству в вещах движимых" (V, с. 337—338).

Мацейовский: „Существовавшее со времен норманского господства на Руси правило, что князь является владельцем всей земли, породило другое, что он — наследник того имения, владелец которого, «отодвигая свое право на зад», или назад [польское „w tyl"], не сумел доказать, что князь еще при предках его отказался от своего права на выморочное имение, и позволил его отцу взять наследство после своего отца и деда. Отсюда возникла эта, известная исключительно только Русской Правде задница". Ссылаясь на Гримма, Мацейовский выводил „задницу" от старослав. „зад, задний" (III, § 269, стр. 315, прим. 2). В толковании Мацейовского „наследство обнимало [только] движимость и дом, что касается земли, то она как у всех славян в начале... составляла общую собственность и давалась только в пользование, после смерти пользователя, становясь пустой и возвращаясь к тому, кто ее дал, будь то князь или община" (I, § 270, с. 277).

Ланге возражал Рейцу: „довольно указать на то, что Правда говорит о переходе по наследству двора, т. е. избы с дворною землею, чтобы обнаружить всю неосновательность этого мнения". „Если понимать слово «задница» в смысле вообще наследства, то этот последний закон [ст. 99] при предыдущем [1-я половина ст. 90] представляется вовсе ненужным, потому что выражение «кто ближний будет» обнимает собою и отчима, и всякого другого родственника, следовательно не было надобности

составлять особое постановление о принятии задницы отчимом. Русская Правда вообще не терпит пустоты, и если находится в ней закон об отдаче отчиму «задницы» вслед за постановлением о передаче отчиму или другому какому-либо родственнику «дома», то это потому, что слова «задница» и «дом» заключали в себе разные понятия". „Итак... слово «задница» не должно понимать в смысле вообще наследства. Это слово употреблялось только для определения всякого рода недвижимого имущества". „Если же двор (т. е. изба с дворною землею), принадлежавшая умершему владельцу, составлял только часть его задницы, потому что отдавался постоянно только меньшему сыну [ст. 100], то очевидно, что другая ее часть могла заключаться ни в чем другом, как только в земле ролейной или в бортном ухожьи. Таким образом, под задницею, по нашему мнению, разумели: 1) избу с дворною землею, т. е. двор; 2) ролейную землю; 3) бортные ухожья. Для обозначения движимой собственности Правда употребляет общее выражение «дом», в смысле всей домашней движимости" (с. 271—274).

По мнению Никольского, имущества, „которые и были предметом частной собственности в это время... преимущественно состояли из движимости, статка, остатка, задницы. Впрочем, появились уже некоторые недвижимости, а именно постройки: дом, двор, хоромы, которые переходят по наследству от отца к сыновьям. Земля, как видно, еще не входила в состав частных имуществ, ибо даже позднейшая Русская Правда не содержит в себе никаких постановлений о приобретении или отчуждении земли. Она различает только земли по способу обладания ими на занятые и пустопорожние". Взгляд этот связан с общими воззрениями Никольского на развитие социального строя в древней Руси: „Когда патриархальная община, в период времени от призвания князей до Русской Правды, обратилась наконец в гражданскую общину, а родовое начало сменилось в домашней жизни семейным, то и земля, которую некогда запахал первобытный род,— «живяху... на своих местех» — превратилась в общинную землю, на которой жил и славянский народ времен Правды" (с. 331).

Так же почти и Н. Дювернуа: „Отчего у смерда его земля, хотя бы он, и его отец, и его дед сидели на этой земле, не будет его отчиной? Оттого, что между его землевладением и его рождением от отца нет связи, нет отношения причинности. Он владеет как член общины, а не как член семьи". „Как выражает древний язык понятие наследства? — Это по Русской Правде и по летописи [Ипат., под 1146 г.] — статок, задница, Hinterlassenschaft". Справившись с чешско-немецким словарем, мы находим, что слово статок значит Gut, имение, а не Vermögen, имущество. Vermögen — имущество — составляет понятие отвлеченное. В имуществе мы разумеем не одни вещи, а совокупность всех прав лица, которые ставят его в прямое

отношение к внешним благам, — все равно, что бы это ни было, долги, требования: они также составляют актив, или пассив моего имущества. Вовсе не то означает задница, статок, Gut". „Она [Р. Пр.] просто называет наследство статком и ничем ближе не определяет этого понятия. Все ее положения направлены только к тому, чтоб оставшиеся вещи были разделены, как следует, между женой и детьми, т. е. в кругу оставшихся после умершего лиц. В ней мы не найдем ни слова о долгах и требованиях наследодателя, о различии движимых и недвижимых вещей в наследстве". Дювернуа цитировал смоленские договоры с Ригою (1229 г.): „аже латинин [немец] даст княжю холопу в заем, или иному добру человеку, а умрет не заплатив, а кто емлет его остаток, тому платити немчину. Такова правда взяти русину в Ризе и на Гочком березе", и (1230 г.): „или немечьскый гость дасть холопу княжю или боярскому, а кто его задницу возмет, то у того немчичю товар взяти", и заключал „что в понятии «статка» или «задницы» сами собой вовсе не заключаются долги и требования наследодателя, что статок именно означает вещи, имение, которое осталось после умершего — ничего более" (с. 134, 141—145).

Цитович сопоставлял „задницу", „статок", как равнозначные наследству, с терминами „дом" и „двор", привлекая ст. 95, 92 и 108. „Дом и задница одно и то же, т. е. наследство. И, во-первых, в той же самой 92 ст. слово «дом» через несколько слов заменяется словом «все», т. е. все, какое только останется имущество, все наследство — положим, что оно в ту пору могло состоять только из наличности. Оба слова «дом» и «задница» выражают только различные стороны одного и того же понятия — имущества умершего, имущества, как целого, как universitas Это имущество, эта целость, со стороны своей принадлежности покойному при его жизни, называется «домом»; оно называется, напр., так, когда говорится о разделе, который предпринимается, или, по крайней мере, регулируется наследодателем при своей жизни. Но то же самое имущество, со стороны своей судьбы во время перехода от одного лица к другому или к другим, со стороны возможности достаться другим через посредство наследования, представляется как нечто оставленное, покинутое позади себя умершим, и потому называется задницей, остатком, статком (Hinterlassenschaft). Вот почему терминология изменяется, вместо дома говорится о заднице, как только речь заходит о разделе того же самого имущества, которое перед этим названо домом" (ст. 95 и 99) (с. 56—57).

Пресняков заметил: „В старших текстах статок — имущество движимое: «и двор зажгоша, и статок его весь поимаша» (читаем в Ипат. лет. под 1190 г.). Еще в судебнике 1497 г. полное наследство описывается, как «статок весь и земли»" (Лекции, I, с. 188).

„Часть“

Болтин: „не предписано коликую часть на дочерей давать, а потому думать надобно, что была в сем особая статья, или в Ярославовых или во Владимировых законах, но утрачена“.

Неволин считал, что „часть“ эта необходима для того, чтобы дочери умершего смерда могли выйти замуж (III, с. 110).

Владимирский-Буданов: „дочери же получают только приданое“ (Хр., I, прим. 134).

Пресняков — см. выше, с. 618.

Статья 91

О задниџе боярьстеи и о дружьнеи.[1] *Аже в боярех любо в дружине,*[2] *то за князя задниця не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть.*

Переводы

Имение бояр и сущих в дружине их на князя не вземлется; и ежели не останется по них сынов, то дочери имение их получают (Б.).

A po bojarach i po bojarskiej drużynie statek „spadek" na księcia nie idzie, lecz jeżeli nie będzie synów, to córki wezmą (R.).

Aber bei den Bojaren, oder dem Gefolge geht die Hinterlassenschaft nicht zum Fürsten, sondern wenn keine Söhne sind, so nehmen selbige die Töchter (Ew.).

Но имение после бояр или дружины не может поступать на князя; если они не оставили после себя сыновей, то дочери имение их получают (Пл.).

Если умрет кто из бояр или дружинников, то князь не наследует, а получают наследство дочери, если сыновей не останется (Ст.).

Wenn von den Bojaren oder von der Bojaren-Gefolgschaft [jemand stirbt], dann geht die Erbschaft nicht auf den Fürsten über. Aber wenn keine Söhne da sind, so bekommen die Töchter [die Erbschaft] (G.).

Комментарии

Рейц считал „вероятным", что раньше („до середины XI столетия") „князь получал наследство после своего воина и смерда (т. е. может быть только живших на его земле), умерших бездетными. Позднее являются следы права князей на сие наследство, и это может быть произошло из того правила, что все приобретенное в княжеской службе как

[1] *МП* О безадници, *К,А П* О боярстеи задници и о людьстеи.

[2] *МП* Аще в боярстеи дружини.

бы само собою обращалось в собственность князя при недостатке близких родственников". А во время Пр. Пр. князь „уже не наследовал после бояр и дворян, умерших без сыновей: дочери получали их имение". „Князья отказывались от наследования после бездетно умершего боярина или воина" (с. 68, 112, 214).

Карамзин пояснял: „Здесь мы видим законное важное преимущество чиновников воинских". О варианте Пушк. сп. „Аще в боярстеи дружине" Карамзин заметил: „вероятно, что князь был наследником только одних смердов, или простых, не военных граждан" (II, прим. 67).

Рождественский: „Права дочерей боярских в рассуждении наследования не равны были правам сыновей. Дочери не участвовали вместе с сыном в наследстве после отца: когда не было сыновей, наследовали и дочери... Это постановление составляет исключение из общего правила, ибо таковое наследование существовало только в благородных фамилиях" (с. 34).

Для Губе право наследования боярских дочерей являлось исключением из общего правила, гласившего: „кто отделяется от семейства, тот теряет право свое на семейное имущество". „Но лица, соединившие в руках своих богатство и власть, довольно рано позаботились об увеличении числа своих наследников. Они не хотели, чтобы за неимением сыновей собственность их доставалась князю" (с. 68).

Попов дополнял: „Если рассматривать оба постановления [ст. 90 и 91] отдельно друг от друга, то наследство получает два различных характера, в отношении к сословиям. Если же последнее [ст. 91] принять за постановление частное в отношении к наследству дочерей бояр и членов дружины, в таком случае оно будет простым видоизменением общих правил о наследстве, основанном на одном семейном начале. В этой статье вовсе не упоминается о родственниках и это заставляет принять последнее толкование и дополнить эту статью следующим образом: «если же не будет и дочерей, то имущество бояр и членов дружины следует князю». Дочери по общим родовым началам никогда не наследовали, но получали только право пользоваться имуществом и получать приданое, выходя замуж. Теперь законодательство дает им новое право наследовать имущество, если не будет братьев" (Об опеке, с. 107—108).

Неволин предположительно считал, что до постановления Р. Пр. и к княжеским дружинникам применялось такое же правило, как и в отношении смердов, т. е. при отсутствии сыновей после смерти боярина и дружинника имущество шло князю (V, с. 343).

И. Беляев, отмечая различие между правом наследования бояр и смердов, как они выражены в ст. 91 и 90, указал на аналогичные явления „у всех славян: чехов, сербов, поляков и др.", и объяснил так

причины этого явления на Руси: „Смерд владел землею на общинных началах... Напротив, бояре были полными владельцами своих земель, поэтому им могли наследовать и дочери, и имение боярина только тогда считается выморочным, когда после него не оставалось ни сыновей, ни дочерей..." (Лекции, с. 259).

Соловьев: „Дружинник был вольный слуга князя: первоначальную дружину составляли пришельцы варяги, которые могли оставаться в службе князя сколько хотели... Вольный дружинник, вступая в службу князю, никак не мог согласиться, чтобы добытое им имущество на службе по его смерти отнималось у его дочерей и переходило к обществу, к которому он мог иметь только временное отношение... Мы назвали этот обычай, относительно боярского наследства, древним, отнесли его к описываемому периоду именно потому, что он предполагает особность дружинника, как пришельца, могущего быть только временным слугою княжеским. Это же отношение особенно было сильно в начале нашей истории" (I, с. 238).

Никольский: „Постановление Правды об отречении князя от наследства после бессыновне умерших бояр и дружинников имеет такое же значение, как и постановление Вислицкого статута о наследстве кметов, равно и постановления сербского царя Душана о наследстве у властелей". По законнику Стефана Душана „первоначально все имущество не только после простого дружинника, но даже боярина, властелина принадлежало князю, который распоряжался им, как своею собственностью, даже тогда, когда у умершего оставался сын". „Законник Душана, свидетельствуя о том, что первоначально князь наследовал, т. е. отбирал у членов своей дружины все оставшееся после них имущество, признает уже не только за сыном, но при недостатке его и за дочерью право на то имущество, которое не имело ближайшего отношения к службе, а именно: движимое имущество, за исключением боевых коней и оружия, он предоставляет не только сыну дружинника властеля, но и дочери его, если бы он не оставил сыновей". „Нет сомнения, что и постановление Правды о наследстве бояр и дружинников имеет такой же смысл и значение и также относится к тому времени, когда поместья или еще не давались или, если давались, то не обращались еще в вотчины. Оно буква в букву соответствует...постановлению Душана. «Аже в болярех или же болярьстеи дружине, говорит Правда, то за князя задница не идет», — «и да моу царь не оузьме» постановляет Законник; «аже не будеть сынов, а дщери возмуть», продолжает Правда; «ако ли не има сына, а има дьщьрь, да има дьщи оузети» повторяет Законник". Итак, „у бессыновне умерших смердов князь отбирал все имущество, выделяя из него дочери известную часть, по своему усмотрению; между тем как из имущества

бессыновне умершего дружинника он сперва брал себе известную часть, а именно: коней и оружие, а впоследствии отказался и от этой части. Это сравнительно раннее отречение князя от наследства после дружинника есть, без сомнения, привилегия военного сословия, которая у нас обусловилась, быть может, и особенным варяжским воззрением на женщину" (с. 364—368).

В боярах и боярской дружине Цитович видел „класс лиц, непосредственно связанный с князем отношением личной службы... В буквальном смысле этого слова, — люди, жившие при князе, т. е. на его дворе, огнище, отчасти на его содержании, то и дело получавшие подарки от князя, кормления, отправлявшиеся для сбора дани и т. п. Так что имущество их или часть смешивалось с княжеским, или же носило на себе следы княжеской милости; предоставлялось от князя иногда с таким объемом прав, который не всегда был ясен сам по себе, ясен настолько, чтобы сгладить с него окончательно характер княжеского имущества, или же удержать такой характер несомненно. Словом, как ни различно было во всем отношение бояр и смердов к князю, но, с одной стороны, положение тех и других было сходно, — и смерды и дружина одинаково были непосредственно близки к князю, были с ним связаны: так что подобная связь иногда, и вероятно нередко, подавала повод к недоразумениям насчет того, как быть с имуществом служилого человека, умершего на княжеской службе, может быть, в его дворе. В разрешение этих недоразумений и выработалась догма, которой общий порядок наследования применен и к наследованию и после дружинников: специального наследования и здесь никакого не установлено". Цитович обращал внимание на особую конкретность статьи: „мы и здесь [как в ст. 90] вправе предположить, что в эту статью, как судебное решение, по известной уже нам причине, занесена обстановка конкретного случая". Смысл статьи: „Хоть бы умерший состоял и в боярах, или в боярской дружине, все равно, задница за князя не идет; если только остались дети, и при том не будет сыновей, возьмут и дочери. И те, и другие одинаково дети". „При таком чтении, наследование дочерей, при неимении сыновей, представляется не привилегиею боярского сословия и дружины, а таким же общим правилом, как и наследование дочерей после смерда". Статьи 90 и 91 „прежде всего сходны в том, что и та и другая определяют условия, — первая, когда выморочность наступает, вторая — когда та же выморочность не наступает, т. е. они в сущности определяют одно и то же, — когда не наступает выморочность, только что первая определяет условия ненаступления отрицательно, вторая положительно". „Догма выморочности и условия, когда наступает выморочность определена в ст. 90: догма наследования дочерей, при неимении сыновей, выражена в ст. 91. Эти две догмы... догмы

общего наследования, одинакового для всех, только и высказаны в упомянутых статьях: в других статьях мы их не найдем; зато найдем там выраженными другие нормы" (с. 41—55).

Владимирский-Буданов считал, что в ст. 90 и 91 определяется общий порядок наследования по закону, различаемый, с одной стороны, для смердов (ст. 90) и, с другой — для бояр, боярской дружины и людей. „В первом случае наследство переходит «детям» в собственном смысле, т. е. мужского пола; если же их нет, а есть дочери, то эти последние, не получая наследства, получают лишь выдел приданого. В остальных классах общества за неимением сыновей наследуют и дочери". „Сама Русская Правда ясно указывает, что порядок наследования, изображенный в 91 ст., есть порядок общий, а не специальный; именно статья эта надписывается (в Кар. списке): «О боярском наследстве и о людском», т. е. о наследстве «людей» — термин, под которым разумеются все свободные граждане. Таким образом, несомненно, что Р. Пр. допускает наследование только детей, но исключает от наследования дочерей в сословии смердов". „Исключение дочерей от наследства при сыновьях есть общий принцип славянского и германского права", но мотивировка, или причина этого явления у нас иная: „эта причина есть первобытная семейная основа права наследства. Семью продолжают сыновья, а не дочери. Выйдя замуж, дочь основывает другую семью" (Обзор, с. 489—495).

Сергеевич предпочитал Пушкинский список. „Единственное возможное чтение... того самого списка [Пушкинского], в котором и 90 ст. сохранилась в наиболее удовлетворительной редакции. Чтение: «А в боярех либо в дружине (т. е. княжеской) за князя задница не идет», совершенно не имеет смысла, так как, при отсутствии наследников, и после бояр и дружинников выморочное имущество, конечно, шло князю. Первое же чтение [Пушкинского списка], по которому выморочное имущество боярских дружинников не шло князю, очень вероятно. Бояре имели свою дружину и, надо думать, им шла безатщина их дружинников, подобно тому, как епископу шла безатщина церковных людей. Статья свидетельствует о существовании исключения из права князя наследовать в выморочном имуществе". Вторую часть статьи: „Но оже не будет сынов, ино дщери возьмут", Сергеевич считал самостоятельной нормой, ни в какой связи не состоящей с первой частью. Аргументацию, основывающуюся на наличии союза „но", Сергеевич считал совершенно недостаточною для связи этих разных частей. „Это русское народное начало, по которому дочери наследуют, если нет сыновей" (Лекции, с. 546—547). — Слова: „Аще в боярстей дружине, то за князя задница не идеть" (по Пушк. сп.) указывают, что предшествующая (ст. 90) говорит о праве наследования князя в выморочных имуществах;

ст. 91 „делает из этого правила исключение для боярских дружин: выморочное имущество боярских дружинников не идет князю. Подобно тому, как выморочное имущество церковных людей (безадщина) шло не князю, а епископу, так и выморочное имущество боярских дружинников шло содержавшим их боярам“ (Др., I, с. 335—336).

Владимирскому-Буданову возразил Рожков: „прибавление в заглавии 91 ст. Карамзинского списка «и о людсте» — позднейшего происхождения и указывает к тому же на содержание не 91-й, а 92 статьи, так как и она помещена под этим же заглавием; содержание же 91 статьи Карамзинского списка ничем не отличается от содержания ей соответствующих в списках Синодальном и Троицком: везде тут речь идет только о боярах и дружине“ (Очерки, с. 180). — „Очевидно, дочери боярина, даже при отсутствии сыновей, наследовали именно по той же причине, что в боярском классе личность в отношении своих имущественных прав успела уже выделиться из семейного союза, по крайней мере до некоторой степени и притом в XII веке“ (История, I, с. 180—181).

Большое внимание уделял статье 91 Пресняков: „Сама отрицательная форма статьи о боярском и дружинном наследстве вызывает представление, что перед нами отмена порядка, прежде бывшего обычным: наследство дружинника шло князю при отсутствии сыновей. Перед нами смягчение прежней нормы в пользу дочерей-наследниц“. „В обеих [90 и 91] статьях перед нами особый порядок наследования, в котором обеспечены в известных случаях права князя, уже отодвигаемые в эпоху III редакции Русской Правды XII в. на задний план в вопросе о наследовании бояр и дружины, но еще сохранившие силу относительно наследства княжих смердов... У сербов бояре служилые назывались властели или властелины. И в Законнике Стефана Душана, царя сербского, читаем: «Каде умре властелинь, конь добр и оружие да се да цароу, а свита велика бисерьна и злати и помас да оузьме сын его, и да му царь не оузьме». И тут мы видим уступку в пользу бояр-дружинников. И далее: «а коли не има сына, но има дщерь, да има дьщи узети или продати или отдати свободно»“ (Лекции, I, с. 188—189). — Аргументации Сергеевича Пресняков противопоставлял два утверждения: „1) что оценка варианта: «аще в боярстей дружине» должна быть поставлена в связь с другими примерами, где Пр. Пр. вставляет свои замечания о боярских людях взамен или в дополнение к первоначальным чтениям статей Кр. Пр. (1 и 14 Пр. Пр.), и 2) что связь между 1-й и 2-й частями ст. 91 неустранима. Первое соображение заставляет признать вставку слова «боярстей» в тех списках, где оно есть, а не пропуск его в остальных. Второе, помимо того, что чтение слов «оже не будет сынов, а дчери, возмут», как отдельной статьи, а не окончания предыдущей — не дает ответа на вопрос, о чьих сынах идет речь и что «возмут»

дчери, вытекает из параллелизма статей 90 и 91" (Княжое право, с. 270—271). — Разночтения: „Иже в боярех или же в боярстей дружине, то за князя задница не идет" (Кар. сп.) или „Аще в боярьстей дружини, то за князя задница не идеть..." (Пушк. сп.) Пресняков считал позднейшими наслоениями, свидетельствующими, что „право боярское укрепилось; центр внимания переносится на вопрос о наследстве зависимых от бояр людей, которых власть бояр-вотчинников начинает закрывать от княжой власти" (Лекции, I, с. 224).

Статья 92

Аже кто умирая разделить дом свои детем,[1] *на том же стояти; паки ли без ряду умреть, то всем*[2] *детем, а на самого часть дати души.*

Переводы

Ежели кто, умирая, разделит имение детям своим, то так тому и быть непременно; а если умрет, не учинив раздела, то всем детям дать по равной части, и такую ж по душе покойного в церковь (Б.).

Jeżeli kto umierając rozdzieli dom dzieciom swoim, to wedle tego działu ma zostać, jeżeli zaś bez rozrządzenia umrze, to wszystkim dzieciom i na samego dać część za duszę (R.).

Wenn jemand sterbend das Haus unter seine Kinder vertheilt, so bleibt es dabei. Hinwiederum stirbt er ohne Bestimmung, dann allen Kindern, und für ihn selbst gebe man einen Theil der Seele (Ew.).

Если кто, умирая, разделит имение свое, то воля его остается непременною; если же умрет без завещания, в таком случае отдать все детям, с исключением части на помин души (Пл.).

Если кто, умирая, разделит дом свой между детьми, то последние обязаны последовать воле умершего. А умрет кто, не уговорившись с детьми, то получают наследство все они, выделив только часть на помин души (Ст.).

Wenn jemand bei seinem Tode sein Vermögen unter seine Kinder verteilt, so soll man dabei stehen bleiben. Stirbt er dagegen ohne testamentarische Verfügung, so gehört [die Erbschaft] allen Kindern, aber für ihn selbst gibt man einen Teil zu seiner Seelen (ruhe) (G.).

---

[1] *С* свои детем *нет*, *М доб.* своим.

[2] *С* все.

Рождественский заключал: „Итак церковь имела по закону право наследства в некоторой части имущества частных лиц“ (с. 35).

Лакиер выразился осторожнее: „Оставить после себя поминок монастырю или церкви считалось как бы обязанностью в древней Руси“. „Правило это перешло к нам из узаконений Константиновых, в которых постановлено: «первое да впишет веры своея образ, еже душу избавити, аще же и бедно избавити ю, преже житием честным не устроивше, ни руки простерши ко убогим, ни свобожьши кого»“ (Русск. достоп. ч. 2, с. 197) (с. 97).

Куницын обращал внимание на „молчание ст. 92 о других родственниках“, значит „Правда не признает никаких других наследников, кроме детей“ (с. 69).

Попов уже четко и решительно ставил ряд проблем, послуживших в дальнейшем предметом обсуждения в связи с истолкованием ст. 92. „Во-первых, мы видим, что воля умершего, выраженная в виде завещания, признается главным началом, устанавливающим способ наследования; во-вторых, что завещание не определяет наследников, но только разделяет имущество на части уже определенным наследникам, согласно с природою семейного начала, действующею в наследстве... Юридическая сторона заключается в делении наследства“. Судя по второй половине статьи, „наследство по закону представляется, как дополнительное, только в тех случаях, когда нет завещания... По смерти отца, все дети заступают его место, и потому деление наследства принадлежит всем детям по общему согласию. В этом случае согласие детей становится вместо воли умершего“. „Ряд означает распоряжение, происходя от слова рядить. Кроме того слово ряд значит договор... В Польше рада значит совет. Это название указывает на влияние членов семейства на волю завещателя, вероятно, он делил имущество, посоветовавшись с членами семейства“ (Об опеке, с. 110—111).

Неволин подкреплял мысль, что родственники по боковой линии исключаются из наследства, ссылкой на ст. 7 Пр. Пр. и договоры с Новгородом: „В договорах Новгорода с великим князем Михайлом Ярославичем было постановлено, что купивший землю в новгородских владениях, по отобрании ее у него в пользу Новгорода, ищет своих денег на продавце или его детях: если ни продавца, ни детей его не отыщется, то покупщик получает свои деньги от Новгорода. Почему ответственность здесь не возложена и на боковых родственников продавца, которые ему наследовали, если бы они по законам того времени могли быть его наследниками. Итак, должно думать, что они исключались от наследства“. Выделение по душе „может быть, находится

в связи с древнейшим обычаем, подмеченным у руссов ибн Фадланом [о выделении даров божествам]. Но сила утвердившегося христианства сама по себе достаточна была произвесть это постановление и оно действовало, как увидим, до поздних времен" (V, с. 339—341).

И. Беляев обратил внимание на противоречие ст. 92 („завещатель мог по своей воле разделить имение между сыновьями, не стесняясь никакими требованиями") с Законом Судным, „по которому завещатель должен был делить свое имение всем детям поровну", и полное согласие ее „с характером русских законов о наследстве, выраженных в договоре Олега с Греками" (Лекции, с. 260).

Никольский определял „ряд" в ст. 92: „Эта неограниченная воля отца, этот ряд, который давал он на смертном одре своим детям, не есть завещание, если только под именем последнего не разуметь той бумаги, на которой духовник, по форме византийского завещания, записывал слова умирающего, или самых слов, в которых последний выражал предсмертные желания. И в том, и в другом случае, т. е. записывались слова умирающего или нет, изъявление воли отца было ни более ни менее, как нравственное действие души, благословение, как говорили наши предки, освящение тех прав, которые дети по рождению своему имели. Поэтому и ряд, который давал умирающий отец своим детям, есть не что иное, как назначение участков, которыми должны были владеть дети после его смерти. Это даже не раздел, ибо дети и после этого ряда могли остаться и, обыкновенно, оставались в общем сожительстве". „Само собою разумеется, что пока родственники не делились, а оставались жить в общем хозяйстве, до тех пор не могло открыться и наследство; ибо понятие общности совершенно исключает наследство, которое есть не иное что, как родственный, основанный на законах крови, раздел семейного имущества, по смерти известного лица". При всем том, „Русская Правда, устранив притязания старших родичей, вводит по отношению к отцу семейства римское правило: «pater familias uti legassit, ita jus esto»". На вопрос: „К кому же шло наследство, если умерший не оставлял по себе нисходящих?" — Никольский отвечал: „Без всякого сомнения, к его ближайшим боковым родственникам, т. е. братьям, а если их не было, то к сестрам". „Устранение боковых родственников... не было и быть не могло общим законом, ибо во 1-х противоречило естественным законам человеческой природы, следовательно, во 2-х было невозможно по своему исполнению, в 3-х не имело в целом народном быте никаких ни разумных, ни кровных, родственных, ни, наконец, общественных оснований". „Молчание Русской Правды о наследовании боковых родственников, само по себе, отнюдь не может служить доказательством исключения их из наследства; ибо Правда не

имела еще нужды излагать подробный порядок наследования“ (с. 262 340—342, 369, 371).

Цитович дал такое определение „дома“: „Дом — общее обозначение совокупности всех имущественных средств, служащих к удовлетворению нужд известного числа лиц, связанных как одно целое, как семья“. „Наше слово дом, как и латинское domus, употребляется не только в смысле здания, в котором живут люди, но точно также в смысле имущественной стороны семьи. В таком случае семья и дом необходимо предполагают друг друга“. В целом ст. 92 исходит из мысли: „наследники — дети во всяком случае и необходимо, все равно, будет ли ряд, или нет. Закон предполагает, и другого предположения не допускает, что ряд умершего нисколько не уклоняется от того порядка, какой следует сам собою как юридическая необходимость, не терпящая никакой сделки с субъективным произволом... Ряд, рассматриваемый как выражение предсмертной воли, может относиться только к детям. Итак, ст. 92 выражает собою юридическую необходимость, приложенную к наследованию; догма, выраженная в ней, состоит прежде всего в том, что наследники — дети, кроме детей никто и ни под каким предлогом“. „Под детьми Русская Правда разумеет не только одних нисходящих первой степени, но и степеней дальнейших“ (с. 80—90, 59, 70).

Владимирский-Буданов объяснял: „по русскому праву, имущество принадлежит не лицу, а семье и состоит только в управлении главы семьи. Ряд касается только раздела между готовыми наследниками по закону... Таким образом наследство по закону и наследство по завещанию — в сущности тождественны: сила обычая так крепка, что воля завещателя всегда совпадает с требованием закона“ (Хр., I, прим. 136).

Сергеевич, напоминая о широко распространенном понимании ст. 92 в смысле ограничения завещательных прав отца, возражал: „Против такого понимания надо заметить, что в списке Синодальной Кормчей XIII в. эта статья читается иначе: «Аже кто умирая разделить дом, на том же стояти; паки ли без ряду умрет, то все детям, а на самого часть дати по души». По этой редакции необходимых наследников нет: о разделе дома говорится вообще, без обозначения лиц, между которыми раздел должен произойти. Можно думать, что умирающий мог отказать что-либо и не детям. Это предположение подтверждается и второю частью статьи, в которой сказано: «без ряду умрет, то все детям», т. е. в завещании может быть оставлено и не все детям. Тот же вывод надо сделать и на основании Троицкого списка, в котором вместо «все детям», сказано: «всем детям»; значит, отец мог оставить и не всем, а кого-либо мог исключить. Из 92 ст., следовательно, нельзя выводить обязанности отца разделить свое имущество только между детьми

и непременно между всеми детьми". В строгом соответствии с таким пониманием ряда, Сергеевич расценивал и слова: „на том же стояти". В этом выражении „слышится освящение последней воли умирающего, признание её кем-то подлежащей к исполнению. Значит, она не всегда исполнялась. Это понятно. Последняя воля не всегда могла нравиться детям умершего... С подчинением наследственных дел духовенству и с распространением обычая приглашать священника для христианского напутствования умирающего, последняя воля должна была найти в представителях духовенства официальных защитников. Его влиянию и надо приписывать эту прибавку «на том же стояти»... Старая практика, выразившаяся в ст. 92, признает народный обычай, предсмертный ряд об имуществе, и старается придать ему крепость" (Лекции, с. 537, 538, 540, 541).

Руднев: „Ряд есть тот же обычай, только высказанный, а не подразумеваемый, и в эпоху, когда уже существует обычное наследование, существует и «ряд». «Рядом» передается наследственная масса «дом»". „Русская Правда говорит, что отец делит этот дом между наследниками". В чем же состоит этот дележ? „Под разделом дома подразумевается распределение наследственной массы таким образом, как то требуется в обычном праве, санкционированном личным сознательным хотением отца". „Ряд в том приблизительно виде, каким он открывается из Р. Правды, существовал за много времени до нее, и об этом можно узнать именно из ст. 13 договора Олега 911 года" („аще кто умреть, не урядив своего именья... аще ли створить обряжение, таковый возметь уряженое его, кому будеть писал наследити именье..."). Руднев обращал внимание на слово „писал" „кому будеть писал наследити, тот и берет уряженое его" и расценивал это как указание на письменный ряд, а отсюда: „обряженье может быть совершено письменно". Следовательно: „в X веке уже существовало духовное завещание приблизительно как ряд Русской Правды; это завещание могло совершаться словесно и письменно". „От XIII века сохранился один документ, в котором отпечатлелся «ряд» Русской Правды со всеми его особенностями. Это «рукописанье» новгородца Климента" (с. 35—46 и 75).

По мнению Сторожева, Р. Пр. сама указывает на возможность бокового наследования в ст. 90 и 91. „В первом случае (ст. 90), если нет сыновей, то наследником является князь, во втором (ст. 91) — князь не может быть наследником вовсе. Значит, если нет ни сыновей, ни дочерей, то наследуют боковые родственники". Такой логический вывод подкрепляется: 1) указанием о кровной мести в ст. 1 Р. Пр.: „представление родовой организации уже никак не исключает прав наследования родичей"; 2) статьей 13 договора Олега; 3) словами цер-

ковных уставов: „братья или дети тяжутся о заднице“ [„братья, т. е. боковые родственники“]; 4) упоминанием в Ипат. лет. под 1287 г. о завещании Волынским князем Владимиром Васильевичем городов своему брату Мстиславу, и 5) духовной Новгородца Климента (Ук. книга, с. 196—197).

Владимирский-Буданов возражал Сторожеву, что: 1) „Русская Правда не умалчивает о наследстве боковых, а прямо отрицает его, говоря, что, если у смерда нет сыновей, а у бояр и боярской дружины — и дочерей, то наследство идет князю“; 2) „договор (Олега) говорит не о лицах, имеющих право наследовать, а о лицах, которым можно выдать наследство в Византии или переслать в Россию“. Владимирский-Буданов возражал и Сергеевичу, что „Синодальный сп. просто здесь делает пропуск, однако и в нем контекст речи не оставляет сомнения: «паки ли без ряду умреть, то все детем»; вот те лица, между которыми производится раздел“. Возражал Владимирский-Буданов и Рудневу, что в рукописании Климента „воля завещателя, не имеющего ни брата, ни сына, не предопределяется с такой неизбежностью, как в ряде: обычай мог поставить на место сына монастырь, но такой же обычай, о котором свидетельствует Русская Правда, ставил в положение наследника князя“ (Обзор, с. 492, 487, 488).

П. Беляев обратил внимание на то, что в ст. 92 и 103, распоряжения, обозначаемые термином «ряд», являлись не актами mortis causa, а актами inter vivos: „во всех этих текстах ни слова о какой-либо обусловленности сделки смертью ее распорядителя, о какой-либо зависимости ее от изменчивой воли завещателя“ (Ж.М.Ю., 1901, VI, с. 144).

Изгоев признавал, что ст. 92 в чтении Кар. сп. („разделит дом свой детем своим“ и „паки ли без ряду умрет, то всем детем“) оправдывает заключение большинства исследователей, „что ряд — не настоящее завещание, а лишь распределение имущества между детьми“. Но „тут обычай, несомненно существовавший в крестьянской среде и вызванный там экономическими условиями, исследователями был без нужды обобщен и перенесен на все классы общества [и в том числе и на те], относительно которых можно было считать за доказанное, что они обладали полной свободой завещания“. Между тем, в Синод. сп. эта статья читается совершенно иначе: „Аще кто умирая разделит дом, на том же стояти, паки ли без ряду умреть, то все детем...“. Изгоев заключал: „Тут не сказано, между кем разделит, т. е. предоставлена завещателю полная свобода распоряжения; следовательно, перед нами не обычное крестьянское право, а право, знающее свободу завещаний. Но если кто умирает без ряду, то дети получают все имущество, за исключением известной части, идущей в пользу церкви... Прибавка о безрядных сделана церковью, главным образом для тех слоев населения, среди которых

«ряды», «обряжения», «рукописания» были не в ходу, т. е. опять-таки для крестьянско-земледельческого населения, хотя это правило действовало, несомненно, и в применении к высшим классам" (с. 186).

Максимейко, отдавая предпочтение Синодальному списку, толковал ст. 92 так: „Наследодатель не был ограничен каким-либо определенным кругом наследников; выбор их зависел только от его воли: как разделит он перед смертью имущество, так и быть по тому. Если же умерший не оставлял завещания, то все его имущество как наследство переходило детям". В остальных списках мы имеем тексты, исправленные позднейшими интерполяциями, в которых „решающую роль" сыграла статья Р. Пр., „определяющая наследование после матери" (ст. 103) (Интерполяции, с. 18).

Статья 93

Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати;[1] *а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа, а задниця еи мужня не надобе.*

Переводы

Ежели жена останется после мужа во вдовстве, то дати ей часть из имения, детям ее следующего, а что дал ей муж при жизни своей, то остается при ней сверьх того; имением же мужним ей не владети (Б.).

Jeżeli żona zostanie po mężu, tedy dać na nią część, a od swoich dzieci ma wziąść część, a co mąż na nią ułożył, to tego jest panią, a spadek jej męża dla niej nie potrzebny (R.).

Wenn eine Frau nach dem Manne sitzen bleibt, so nehme man von ihren Kindern einen Theil, und was der Mann ihr aufgesetzt, darüber ist sie Herrin; aber die Hinterlassenschaft des Mannes ist ihr nicht vonnöthen (Ew.).

Если жена захочет остаться вдовою по смерти мужа, то взять ей часть из наследства, поступающего к ея детям; но что дал ей муж при жизни, то остается неотъемлемо в ее владении; на имение, оставшееся после мужа, вообще она не имеет никакого права (Пл.).

Если жена по смерти мужа не идет замуж, то на нее выделить часть, а что ей муж определил при жизни, тем она, кроме того, владеет. А до мужнина наследства жене нет дела (Ст.).

Wenn eine Frau nach dem (Tode des) Mannes (als Witwe) sitzt, so gibt man ihr einen Teil — aber von ihren Kindern nimmt man einen Teil und was der Mann für sie bestimmt hat, darüber ist sie Herrin, aber die Erbschaft des Mannes hat sie nicht nötig (G.).

Комментарии

Болтин: „«Сядет по мужи» — не похочет итти замуж, но во вдовстве останется... «А что на ню муж возложил» — что муж ей подарил, укрепил, в вено дал“.

[1] *С вместо* то на ню часть дати — то у своих детеи взяти часть.

Рейц: „Муж назначал известное обеспечение жене («что на ню муж возложит»), которым она пользовалась только по смерти мужа“. Пример — брак Ростислава Рюриковича с дочерью Всеволода III Юрьевича, когда свекром молодой невестке были даны „многы дары и город Брягин“ (с. 201—202).

Куницын отмечал, что „жена, состоя в доме, как лицо, мужу подчиненное, как его помощница, даже как товарищ и подруга, не делается однако же по праву сообщницею ему в его имуществе. Если же таким образом, в обыкновенном, правомерном отношении, нет законных прав жены на имущество мужа в продолжение союза супружеского, тем менее может быть их по его прекращении со смертью мужа. Вот почему закон Русской Правды не признает жены и наследницею мужа. Но... он предоставляет на волю мужа по собственному распоряжению оказать жене столько щедрости из своего имущества, сколько он заблагорассудит. В Русской Правде мы не видим никакого ограничения части имущества, какую муж может назначить жене: видим только, что тем, что даст ей муж, она владеет, как госпожа“. „Наконец, независимо от сего, и если бы муж не назначил никакой части жене из своего имущества, Правда назначает ей известную часть из переходящего к детям ее наследства мужа. Часть эта поступает ко вдове в совершенно свободную и независящую от детей собственность и вполне удерживает характер своего назначения — служить к доставлению ей спокойного и безбедного существования“ (с. 82—84).

По мнению Рождественского, имение жены составлялось из приданого и из подарков, полученных ею от своего мужа. „Сие имущество оставалось у жены и по смерти мужа, а потому она могла располагать оным по своему произволу“. Кроме того: „жена, оставшаяся после мужа вдовою, получает часть из имения, детям ее следующего, а что дал ей муж при жизни своей, то остается в полной ее собственности, кроме сей доли“ (с. 35—37).

Мацейовский: „Когда со временем допущены были к наследству и женщины, тогда славянка-вдова под видом вена, а дочь под видом приданого, могла наследовать. Это общее для обоих зерцал [швабского и саксонского] и славянских статутов правило, в правах русском и венгерском подверглось расширению. Оба установили, что то, что муж жене положил (под подушку? в ее комору?) или то, с чем отец дочь из дому выпустил, все это вместе с принадлежащей ей частью наследства должно составлять собственное ее имение“ (III, § 36, с. 41).

Соловьев: „Жена, если остается жить с детьми, имеет право на часть наследства; но когда муж назначил или дал ей особый участок из своего имущества, то она уже не наследует вместе с детьми“ (I, с. 238).

Калачов: „Жена, если остается жить с детьми, имеет право на часть наследства; но когда муж назначил или дал ей особенный выдел из своего имущества, то она не наследует вместе с детьми“ (с. 167).

И. Беляев считал, что, следуя Номоканону, Р. Пр. определяет часть жены как равную долям сыновей. Но „по Номоканону жена получала долю из мужнина имения только на прожитие, по Русской же Правде она получала такую долю в полную собственность...“ (Лекции, с. 260).

У Неволина находим мнение, что жена — собственница имущества не только после смерти мужа, но и вообще может иметь собственное отдельное имущество (III, с. 92—93).

Этот взгляд принял и Дебольский: „правило церковного устава кн. Владимира о решении спора по поводу движимого имущества между мужем и женою уже предполагало возможность такого спора“ (с. 17).

Никольский появление ст. 93 склонен был приписывать влиянию византийского права (см. комментарии к ст. 102). „На постановлениях Русской Правды о вдове-матери, мы и видим борьбу исконных славянских начал с требованиями христианства и византийскими понятиями... По Прохирону бедная жена получала из мужнего наследства такую же часть, какую получал каждый из детей; но часть эта давалась ей в полную собственность только в таком случае, если у нее не было детей, при детях же она имела право только пользоваться этой частью... Но и эта часть выделялась ей только в таком случае, когда она ничего не получила от мужа при его жизни и если оставалась во вдовстве. Отсюда ясно, что часть, получаемая женою по смерти мужа, имела значение прожитка, содержания, которое поэтому и состояло в полном ее распоряжении“ (с. 354—355).

По мнению Сергеевича, в ст. 93 предусматривается случай, когда вдова-мать по доброй воле живет отдельно от детей, т. е. случай аналогичный со ст. 102. По смерти мужа жена получает часть наследства: „Далее сказано: она госпожа того, что на нее муж возложил. Это hypobolum... В некоторых списках [в списках Карамзинской группы и в Синодальном], после слов «на ню часть дати», написано: «а у своих детей взять часть». Это любопытное указание на столкновение русских начал с византийскими. По русским началам наследуют только сыновья. Византийское право дает жене равную часть с детьми. Русскому сознанию эта часть представляется вынутой из детского наследства, а потому Правда и прибавляет: взять эту часть у своих детей. Это же русское воззрение проглядывает и в последней фразе: «А задниця ей мужня не надобе» (Лекции, с. 555).

Владимирский-Буданов полагал, „что наш памятник точно различает понятие наследства от выдач или выделов, которые могут

быть сделаны по смерти лица из его имущества кому-либо, и от других прав, которые могут лишь казаться правами наследования...“. Часть, выделяемая вдове, „может быть ей назначена ее мужем в завещании («а что на нее муж возложил, тому она госпожа»), может быть и выделена при разделе детей... Такой выдел есть то же, что называлось впоследствии на прожиток...“. При этом „ аще жена сядет по мужи“, т. е. если останется вдовою, „то дать ей часть; очевидно разумеется, что если жена не останется вдовою, то и части не получает... Приданое, принесенное женою и состоявшее в распоряжении мужа, возвращается ей, по смерти мужа [по ст. 93], но это, очевидно, не имеет никакого отношения к праву наследства“ (Обзор, с. 496—497).

По мнению Ключевского, „в составе имущества вдовы точно различены вдовья часть, выделенная ей из наследства детей на прожиток до смерти или вторичного замужества, и то, что ей дал муж в полную собственность и что даже выражено в формуле, напоминающей римский термин полной собственности (dominium): «а что на ню муж возложит, тому же есть госпожа» (I, с. 273).

Пергамент обратил внимание на то, что „из случаев переживания одним супругом другого Русская Правда рассматривает только тот, когда жена переживет мужа. Случай же, когда муж переживет жену, Правдой не рассматривается, так как предполагается, что муж с самого начала брака и до конца своей жизни является правителем дома и управителем брачного имущества, оставаясь таковым вплоть до своей смерти, хотя бы жена и умерла ранее его. Но если вдовец вступал в новый брак, он уже не имел полной власти над имуществом первой жены: ему принадлежало только право управления этим имуществом, а по смерти его оно поступало к детям от первой жены“. „Русская Правда на случай, если жена переживет мужа и останутся дети от первого брака с нею, постановляет, что жена берет прежде всего свое приданое (этого, впрочем, в Правде прямо не говорится, но это с необходимостью вытекает из того, что в том имуществе, которое идет детям от первой жены, упоминается приданое этой последней), затем propter nuptias donatio, а остальным мужниным имуществом делится с детьми, причем следуемую ей часть берет у своих детей“ (с. 14 и 15).

Синайский сопоставлял ст. 93 с законом Хаммураби, § 172: „Если муж не дал жене никакой части, то ей должны выдать сполна ее часть и из владения дома мужа своего она получает часть... Если ее сыновья ссорились с нею, дабы выгнать ее из дома, то судьи, расследовав дело, возлагали вину на сыновей. Жена не обязана покинуть дом (своего) мужа. Если же жена решила покинуть (дом мужа), то она должна оставить данную ей мужем часть своим сыновьям. Свою же внесенную часть она может взять

и может выйти замуж за того человека, за которого она пожелает" (с. 76). — Ср. Р. Пр., ст. 93, 102 и 101.

Максимейко отметил, что „слова «то у своих детей взяти часть» являются особенностью, присущей только Синод. сп. Другие списки выражаются иначе: «то дати ей часть», или «то на ню часть дати» и т. д. Безусловно, в новой редакции мысль автора стала менее ясна и определенна, так что Сергеевич усмотрел в ней намек на прямое наследование вдовы вместе с детьми" (Интерполяции, с. 19—20).

Романов допускает и такое толкование, что эта „часть" выделяется независимо от того, был ли здесь „ряд" или нет, ибо далее следует: „а что на ню муж возложит, тому же есть госпожа". „Возложить" на нее он мог и задолго еще при жизни. Указание на это можно видеть в ст. 94 (см. ниже). [*Б. Р.*]

Статья 94

Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матере своея; любо си на женоу будеть възложил, обаче матери своеи возмуть.

Переводы

Ежели ж случатся дети от первыя покойного жены, те да возмут имение своея матери, или чем муж ее наградил; и кроме их никто в имении оном участие да не имеет (Б.).

Będą li dzieci, to ci co z pierwszej żony weźmą to co jest ich matki, chociaż by to na drugą żonę mąż włożył, wszakże weźmą oni to, co po ich matce (R.).

Sind Kinder einer ersten Frau da, so nehmen die Kinder das der Mutter Gehörige, oder was der Frau aufgesetzt war. Beide nehmen das der Mutter Gehörige (Ew.).

Дети первой жены наследуют ее имение, или вено назначенное отцем для их матери (Пл.).

Если остаются дети от первой жены, то они особо получают часть, которая ей следовала бы по смерти, и то, что последний определил ей при жизни (Ст.).

Sind Kinder vorhanden, nämlich von der ersten Frau, so erhalten die Kinder das ihrer Mutter (Gehörige), oder hatte dieser [Mann] seiner Frau etwas bestimmt, so erhalten sie das ihrer Mutter (Gehörige) (G.).

Комментарии

„В Русской Правде [ст. 94],— пояснял Неволин,— предполагается возможность существования отдельного имущества у детей. По Русской Правде отец, у которого были бы дети от первой жены, не имеет права назначить своей второй жене что-либо из имущества их матери; дети его от первой жены должны получить имущество своей матери, хотя бы он отказал что-нибудь из этого имущества своей второй жене. Здесь

принимается, что муж удерживает в своем владении имущество, оставшееся по смерти его жены, но в то же время постановляется, что это имущество принадлежит в собственность детям его от покойной жены и он не в праве отказать от этого имения что-либо второй своей жене. Правило постановляется здесь безусловно, не обращая внимания на то, отделены ли дети от отца, или еще не отделены. И так неотделенным от отца детям могло принадлежать имущество на праве собственности". „Изложенное нами постановление Русской Правды [ст. 94 Пр. Пр.] о праве детей от первого брака на имущество их матери и об отношении отца к такому их имуществу, не только по своему содержанию, но и по способу выражения совершенно сходно с постановлением Эклоги, по которому отцу принадлежало право пользоваться приданым имуществом своей жены, оставившей от брака с ним детей, хотя права собственности на такое имущество принадлежали детям, почему, без сомнения, и заимствовано оттуда" (III, с. 346).

И. Беляев делал оговорку: „только по Эклоге отец, вступивший во второй брак, не должен был отказывать второй жене более того, что получали от него дети от первой его жены; по Русской же Правде он в этом отношении ничем не был ограничиваем" (Лекции, с. 262).

Никольский, цитируя Кормчую: „Аще ли чаде будут от вторые жены, и ключится ему умрети, лет есть и первым чадом и вторым своего наследити отца, тако же и матере", — оговаривался: „Конечно, постановления Русской Правды о наследовании сводных детей могут быть выведены и из туземных начал, а именно из того основного положения Правды, что если отцу наследуют дети, то они наследуют только своему отцу, а не отчиму, отцу своих единоутробных братьев... Тем не менее столь близкое сходство, почти тождество постановлений Кормчей и Русской Правды о наследовании сводных детей указывает на то, что постановления эти получили у нас силу закона, по крайней мере по отношению к матери, не без сильного влияния византийского права" (с. 352—354).

Сергеевич ст. 94 сравнивал с Эклогой. В ст. 94 „предусматривается случай смерти человека, бывшего во втором браке и имевшего детей от первого. Только после его смерти дети от первого брака получают наследство матери; они получают и то, что отец дал при своей жизни из имущества их матери своей второй жене. При жизни отца, следовательно, несмотря на его второй брак, все имущество умершей оставалось в его управлении". „Так и по Эклоге при несовершеннолетних, только из статьи Русской Правды не видно, совершеннолетние были эти дети или нет" (Лекции, с. 553—554).

Владимирский-Буданов пользовался статьей 94 для решения вопроса об имущественных правах жены и наследовании супругов друг после друга. „Предположение, что муж потому не наследует после жены,

что жена не имеет никаких имущественных прав по отношению к мужу, прямо опровергается текстом Русской Правды. Русская Правда предвидит, что могут остаться дети от двух жен, и постановляет, что каждый из детей наследует в имуществе своей матери. Относительно 2-й жены, оставшейся вдовою, можно еще подумать, что здесь идет речь об имуществе, выделенном ей мужем «на прожиток»; но относительно 1-й, умершей раньше смерти мужа, такое предположение невозможно. Ясно, что здесь речь идет о собственных имуществах жены, принесенных ею в виде приданого, или приобретенных во время брака. Имущественные права жены, подчиненные правам мужа при существовании брака, выделяются и специализируются при прекращении брака смертию того или иного супруга" (Обзор, с. 498).

О. Ланге, сравнивая договор Олега: „если убийца убежит и если он домовит, то часть, принадлежащую ему по закону, возьмет ближний убитого, а жена убийцы возьмет то, что ей принадлежит по закону" — со ст. 94, заключал: „Следовательно, настоящая статья разрешает вопрос в духе старинных русских законов, так как в сущности, одинакова с такой же статьей Олегова договора. В обоих памятниках говорится об отдельной имущественной части, принадлежащей жене по праву собственности" (с. 5).

Синайский сравнивал со ст. 94 § 162 Закона Хаммураби: „§ 162. Если кто-либо женился, а жена родила ему детей и умерла, то ее отец не может [себе] требовать ее внесенной части. Эта часть (širiktu) принадлежит ее детям" (с. 77).

В ст. 94 Рязановский видел косвенное указание на то, „что муж после смерти жены остается главою семьи, владеет и распоряжается имуществом, оставшимся после умершей, пожизненно". Из слов: „будут ли дети, то что первой жены, то то возмут дети матере своея", следует, что „до смерти отца имущество их матери — первой жены находилось в его управлении" (с. 7).

Романов предлагает перевести: то то [= то, чему есть госпожа] возмут... любо си на жену [= вторую жену, мачеху] будет возложил...", т. е., если то, что было возложено на покойную, потом вдовец переложил на вторую жену, то достается оно после смерти вдовца детям первой жены, причем, разумеется, вторая жена по ст. 93, получает только свою „часть", раз ничего на нее не было „возложено" особо [*Б. Р.*]

Статья 95

Аже будеть сестра в дому, то тои задниця не имати, но отдадять ю за мужь братия, како си могуть.

Переводы

А ежели останется сестра в дому, то части ей в имении отеческом не давати, но, при выдаче ее в замужество, должны братья наградить ее, по своей возможности (Б.).

A gdy będzie siostra w domu, to tej spadek nie potrzebny, lecz oddadzą ją bracia za mąż, jako będą mogli (R.).

Wenn eine Schwester im Hause ist, so hat sie die Hinterlassenschaft nicht vonnöthen, sondern die Brüder statten sie dem Manne aus, wie sie können (Ew.).

Если останется сестра в дому, то она не имеет доли в наследстве; но она получает приданое от своих братьев, по возможности, при поступлении в замужество (Пл.).

Если остается в доме незамужняя дочь при братьях, то до отцова наследства ей дела нет, но братья обязаны ее выдать замуж сообразно с их достатком (Ст.).

Ist eine Schwester im Haus, so erhält die keine Erbschaft, sondern die Brüder verheiraten sie, wie sie können (G.).

Комментарии

Рейц объяснял: „Приданое... давали не только родители, но и братья и вообще те ближайшие родственники, под непосредственным покровительством коих невеста жила и выходила замуж, смотря по их состоянию. По сему сестра исключалась из наследования“ (с. 201—202).

Неволин так объяснял предпочтение сыновей перед дочерьми: оно „проистекало главным образом из того значения, какое мужчины

имели в древнее время в сохранении своего рода, поддерживалось их воинским и вообще деятельным характером, охранялось государством, которого потребности таким образом лучше были обеспечены, и во времена бурные служило к существенной пользе самих лиц женского пола, удаляя их от среды непостоянного круговращения. Но исключивший женщину от наследства должен был доставить ей содержание до выхода ее замуж и по своим силам выдать ее замуж“ (V, с. 342).

И. Беляев отметил, что ст. 95 „очевидно составлена на основании русских, или общеславянских обычаев. В Судном Законе подобной статьи нет, напротив, она находится во всех славянских законодательствах, по которым сестра не допускалась к участию в наследстве“ (Лекции, с. 260—261).

Никольский сравнивал: „Подобное же постановление находим в Мазовецком статуте: Licet ex antiqua consuetudine istius terrae sorores germanae non haereditant in bonis paternis, et quibusquis aliis sortibus, respectu fratrum suorum germanorum, puerorumque ipsorum, sed semper sunt apud eos in dote, alias na posagu, nihi omeinus [nihilominus?] quamdiu eas maritis non tradiderint, debent servari et provideri per fratres germanos, et eorum pueros, secundum conditionem ipsarum in domo et bonis paternis, nec eas inde valebunt eiicere (Jus Polonicum, ed. Bandtkje, Warsaviae, 1831, p. 409), т. е. по древнему обычаю этой страны сестры не наследуют ни в отцовском имени, ни в каком другом, из уважения к братьям и их детям, но всегда получают от братьев приданое, иначе они остаются na posagi. Это же начало относительно наследования сестер заключается и в древнебогемском праве“. „Такое предпочтение мужеского пола женскому и совершенное устранение от наследства женского пола есть необходимое следствие тех понятий, которые унаследованы нашею семьею из родового быта. Женщина, как назначенная самою природою для выхода в чужой род, не может иметь и прав на семейное имущество, из которого ей давали кое-что в приданое, «како си могут», т. е. сколько могут, сколько хотят. Количество, величина этого приданого не определялись ни обычаем, ни законом“ (с. 344).

Цитович отметил: „Конечно, в содержание обязанности выдать замуж входила обязанность воспитать и содержать сестру, т. е., попросту, вспоить и вскормить ее до выхода в замужество“. Отстаивая согласованность и полное единство норм, высказанных в ст. 90 и 91 и в ст. 92 и 95, Цитович формулировал вывод: „Положение женщины в семье, в которой она родилась, определяется так: не ей продолжать семью; после смерти главы семьи продолжать ее будут мужчины, и при них женщине, если она еще не выделена, не выдана замуж, задница не надобе; ей нужно одно — снабдить ее имущественными средствами при

поступлении в чужую семью. О чем и позаботится отец, не будет его — братья. Но женщина лишь уступает мужчине, а не устраняется безусловно". Ст. 95 дополняет ст. 92 (с. 105—106, 108).

Сергеевич указывал на сходство ст. 95 с бургундским правом, которое „допускает дочерей к наследованию, только если нет сыновей", и на противоречие ее со ст. 92, 93, 94, 103 и 104, которые говорят о наследовании детей без различия пола (Лекции, с. 542).

Владимирский-Буданов отмечал отличие мотивов, предусматриваемых Русской Правдой, от тех, какие высказываются в германских законах. Согласно последним различие прав проводится в зависимости от имущества — движимое оно или недвижимое: „недвижимое имущество обременено служебными обязанностями по отношению к государственной власти, обязанности эти женщина выполнять не может...". Но в Р. Пр. такого мотива нет: „имущество, о котором она говорит вообще в своих статьях о наследстве, есть двор, статок, добыток (движимость). Здесь должна присутствовать другая причина, более общего характера: эта причина есть первобытная семейная основа права наследства" (Обзор, с. 495).

Статья 96

А се закладаюче город.[1] *А се уроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за корм, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 лукон овса на 4 кони; имати же ему, донеле город срубять, а солоду одину дадять 10 лукон.*

Переводы

Мастеру, который город укрепляет, дать в подарок, при закладке стены куна, а при окончании ногата. На корм и на питье, на мясо и на рыбу по 7 кун на неделю; сверх того по 7 хлебов, по 7 мерок пшена, и по 7 четвериков овса на четыре лошади; что и получать ему еженедельно, пока город срубит; а солоду единожды дать ему 10 четвериков (Б.).

A to zapłata dla horodniczego: zakładając horodnie, ma wziąć jedną kunę, a gdy ukończy nogatę, a za żywność i za napój, i za mięso, i za rybę 7 kun na tydzień, 7 chlebów, 7 uborków pszona, 7 łukien owsa na cztery konie: a to pobierać ma aż pokąd gród nie będzie zbudowany, a słodu jedynie ma być jemu dano 10 łukien (R.).

Und diess sind die Baumeister-Gebühren: Bei Grundlegung nimmt er einen Marder, und bei Beendigung eine Nogata, und für den Unterhalt, und für den Trank, und für Fleisch und für Fische 7 Marder auf die Woche, 7 Brode, 7 Uboroken Weitzen, 7 Körbe Hafer auf 4 Pferde. Er nimmt es, so lange er die Burg baut, aber Malz giebt man ihm allein 10 Körbe (Ew.).

Следующие пошлины определяются для строителя города: при основании стены брать куну, да по окончании ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кун в неделю, 7 хлебов, 7 убороков пшена, 7 четвериков овса на 4 лошади; что и получать ему, пока не будет город срублен; солоду давать ему на все время 10 четвериков (Пл.).

А вот пошлины при закладке городских стен. Вот урочные пошлины в пользу строителя города: при закладке стены брать куну, а по окон-

[1] *МП* Уроци городнии.

чании ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 четвериков овса на 4 лошади, — что и получать городнику, пока не будет город срублен. Солоду давать ему на все время 10 четвериков (Ст.).

Und das, wenn man eine Stadtbefestigung anlegt. Und das sind die Abgaben für den Stadtbaumeister. Wenn er die Umwallung anlegt, erhält er 1 Kuna, wenn er sie beendet, 1 Nogata. Aber für Nahrung und Trank und für Fleisch und Fische 7 Kuna für die Woche, 7 Brote, 7 Uborok Hirsenkorn, 7 Lukno Hafer für 4 Pferde. Er soll (das) aber nehmen, solange sie die Umwallung zimmern. Und Malz allein gibt man 10 Lukno (G.).

Комментарии

Карамзин статью 96 понимал как определение жалования городнику — строителю городских стен (II, с. 41, прим. 106).

Дубенский так передал содержание статьи: „Строитель городских стен (инженер, розмысл? городник), под надзором которого шли работы, при закладке каждой городни (клетки сруба), из коих состоял заборол или деревянная городская ограда — получал куну за труд, и ногату по окончании“ (с. 124).

Калачов: „Значение названия город в этом случае не определено в тексте; но очевидно, что лицо, заведующее срубкой города — городник есть чиновник, нарочно к этому определенный правительством“ (с. 127).

Ланге считал, что статья устанавливает плату и корм, выдаваемые общиной городникам-плотникам, которые рубят город, строят крепостцу (с. 78).

Сергеевич полагал, что речь в статье идет об одной из древнейших повинностей — „городовом деле“. Местные жители строят городские укрепления. Они исполняют эту обязанность „под надзором и руководством особого чиновника, городника, который за свой труд получает плату за каждую городню, и корм себе и лошадям, число которых не должно быть более четырех. Это ограничение сделано в интересах местных жителей...“. Отдельные городни воздвигаются местным населением, оплачивающим корм и труд городника (Др., III, с. 171). Сергеевич сомневался, чтобы ст. 96 принадлежала к составу Правды (Лекции, с. 69).

Дьяконов: „Надо думать, самую повинность постройки или починки отбывало население: «донеле же город срубять»“ (Очерки, с. 202).

Тихомиров ставит вопрос об источнике статьи и решает его сопоставлением статей о поконах вирных и об уроках городникам и мостникам, как по Краткой, так и по Пространной Правде. Он сопоставляет поборы, установленные статьями Краткой и Пространной Правд, и делает вывод: „Трудно сомневаться в сходстве постановлений

о вирнике и городнике. Переделка покона вирного, основа которого была заимствована из Краткой Правды, была сделана тем же автором, который писал уставы для городников" (Исслед., с. 214).

„Городник"

Болтин: „Городник — мастер городовой, то есть стен городовых".

Калачов: „Городник — чиновник, ведающий срубкой города...". (с. 127).

Ланге: Городники — „были не что иное, как плотники, которым выдавались, без сомнения, общиной, где производилась работа, определенная законом плата и корм донеле город срубят, т. е. построят крепостцу" (с. 78).

Мрочек-Дроздовский: „Городник — мастер-строитель городов-крепостей (плотничным или каменным делом)... Городники, по Русской Правде, получали за работу с местного населения плату по городням и понедельные кормы: донеле (донележе) город срубят" (Чтения, 1917, кн. III, с. 31).

„Городня"

Болтин: „Городня — сруб, из каковых обыкновенно в старину стены города составлялись".

Владимирский-Буданов: „Городня — часть стены" (Хр., I, прим. 139).

Мрочек-Дроздовский: „Городня — часть, звено крепостной стены, города: «Сгорело стены от Клязьмы и розметали 170 городень да 4 стрельницы...» (Царств. кн., с. 73)" (Чтения, 1917, кн. III, с. 31).

„Вологa"

Болтин: „Волога — питье, напиток, пойло".

Дубенский: „За корм и за вологу — поговорка: на еду и питье. Волога от славянского слова влага" (с. 124).

„Лукно"

Болтин: „Лукно — лукошко, кадка... Применяется к нынешней даче овса лошадям, можно утвердительно сказать, что лукно яко мера, не более в себе содержала двух четвериков, а не менее одного".

Статья 97

О мостницех. А се мостнику урощи: помостивше мост, взяти от 10 локот по ногате; аже починить моста ветхаго, то колико городне починить, то взяти ему по куне от городне; а мостнику самому ехати со отрокомь на дву коню, 4 лукна овса на неделю, а есть, что можеть.

Переводы

Мастеру мостовому давать, за построение моста, от 10 лакот по ногате. За починку ж старого моста, за всякой реж, сколько их починит, по куне. Сверх того выдавать ему овса, на двух коней по 4 четверика на неделю, а для пищи ему с работником, хлеба и харчей, сколько они съесть могут (Б.).

A to mostowniczemu zapłata: gdy most pomości, weźmie za robotę od 10 łokci po nogacie. A gdy poprawi i mostu starego, to od każdego przęsła ile ich naprawi, weźmie po kunie jednej od przęsła, a mostowniczy ma jeździć parą końmi z otrokiem i pobierać owsa po 4 łukna na tydzień, i jeść co może (R.).

Und diess sind die Brückner-Gebühren: Wer eine Brücke brückt, nimmt von je 10 Ellen eine Nogata. Wenn er eine alte Brücke ausbessert, so nimmt er einen Marder vom Pfahl. Und der Brückner selbst fährt mit zwei Pferden nebst einem Diener, nimmt 4 Körbe Hafer auf die Woche, und zu essen, so viel können (Ew.).

Следующие пошлины назначаются для строителя моста: по построении нового моста, брать с 10 локтей по ногате. Если ж будет починен только старый мост, то, сколько режей будет починено, брать со всякого по куне. Сверх того давать ему с помощником две лошади, на коих брать им по 4 четверика овса на неделю; на пищу себе, сколько съесть могут (Пл.).

Пошлины для строителей мостов. А вот урочные пошлины в пользу строителей моста: по построении нового моста брать с 10 локтей по ногате. Если ж будет починен только старый мост, то сколько режей будет починено, брать со всякого по куне. Строителю моста с помощ-

ником приехать на работу на двух лошадях, на коих брать им по 4 четверика овса на неделю, а на пищу им, сколько съесть могут (Ст.).

Von den Brückenbauern. Und das sind die Abgaben fur den Brückenbauer. a) Wenn er eine Brücke (neu) baut, erhält er je 1 Nogata von 10 Lokot. b) Wenn er eine alte Brücke ausbessert, dann erhält er je 1 Kuna von der Planke, soviel er Planken ausbessert. c) Aber der Brückenbauer selbst reist mit seinem Gehilfen auf 2 Pferden, 4 Lukno Hafer fur die Woche. d) Und zu essen, was er kann (G.).

Комментарии

При оценке содержания этой статьи ее как правило связывают со ст. 43 Краткой Правды и не только потому, что и та и другая говорят об одной повинности, о мостовщине, но и потому, что в них предполагается одна и та же обстановка (Карамзин, II, прим. 106, с. 41; Калачов, с. 127—129; Ланге, с. 78; Сергеевич, Лекции, с. 89; Дьяконов, Очерки, с. 202).

Сергеевич: „Мостовая повинность времен Русской Правды отправлялась под надзором особого чиновника, мостника, который получал вознаграждение от местных жителей и корм себе и двум коням. Ездить он должен был в сопровождении одного отрока...". „Два коня и один отрок — это все меры для ограждения населения от излишних поборов" (Др., III, с. 173—174).

Попытку определить характер связи ст. 97 со ст. 43 Кр. Пр. и другими статьями (см. комментарии к ст. 43 Кр. Пр.) можно проследить у Стратонова. Он готов был не только установить связь ст. 97 Пр. Пр. со ст. 43 Кр. Пр., но в качестве возможного источника для этих статей привлекал Устав Ярослава о мостех, встречающийся в некоторых списках Пр. Пр. (в конце списков) и отдельно.

Сергеевич отвергал вероятность такой связи или преемственности. „В списках третьей ветви [Пространной Правды] есть еще статья, озаглавленная: «О городских мостех осменныки поплата». Она представляет раскладку повинности мостить Новгород и есть собственно полицейское мероприятие, возникшее, вероятно, по соглашению отдельных улиц и концов Новгорода. Эту статью, конечно, нельзя относить к содержанию Правды. В некоторых памятниках эта статья встречается в виде отдельного устава совершенно вне связи с Правдой" (Лекции, с. 90).

Статья 98

А се о заднице. Аже будуть робьи дети у мужа, то задници им не имати, но свобода им с матерью.

Переводы

Дети, прижитые с рабою, не имеют участия в наследии отеческом, но получают свободу и с матерью (Б.).

Jeżeli kto będzie miał dzieci z niewolnicą, to spadku brać nie mają lecz wolni są razem z matką (R.).

Wenn Kinder von einer Sklavin bei einem Manne sind, so erhalten sie nichts von der Hinterlassenschaft, jedoch mit der Mutter die Freiheit (Ew.).

Дети, прижитые с рабою, не имеют участия в наследии, но получают свободу и с материю (Пл.).

Если, по смерти отца, остаются дети, прижитые с рабой, то они права наследования не имеют, а получают свободу вместе с матерью (Ст.).

Wenn ein Mann Kinder von der (leibeigenen) Magd hat, so erhalten sie keine Erbschaft, aber sie bekommen die Freiheit mit der Mutter (G.).

Комментарии

Рейц видел в ст. 98 указание на то, что теперь „начали различать законных детей от незаконных. В Правде XIII ст. [Пр. Пр.] раба с рожденными от нее детьми получала свободу, но они не наследовали: прибавление сие показывает, что их не почитали лишенными сего права, но хотели некоторого изменения в оном“ (с. 64).

Соловьев сопроводил ст. 98 замечанием: „Полное признание незаконности их [детей] не допустило бы устав обратить на них внимание“. „Очень важно было бы знать время появления этого устава. Вероятно, духовенство с самого начала старалось полагать различие между законными и незаконными детьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различие во времена Ярослава. Любопытно, что устав обращает

внимание на детей от рабы, признает их, хотя несовершенно; хотя лишает их наследства, однако, дает им свободу вместе с матерью...“ (I, с. 238).

В отрицательной формулировке ст. 98 („не имати“) Неволин видел „знак, что прежде они [дети] наследовали своему отцу, или по крайней мере делали притязания на его наследство наравне с детьми законнорожденными“ (III, с. 307). „Во времена язычества, действительно, не было полагаемо строгого различия между детьми, рожденными в законном браке, и детьми, рожденными вне брака, и последние пользовались, по крайней мере отчасти, правами детей законнорожденных. Это должно было прекратиться с утверждением христианства, и Русская Правда выражает то начало, что одни только законные дети призываются самым законом [к наследованию] в имении своего отца...“ (V, с. 342).

И. Беляев усматривал в ст. 98 уступку духу „старинных русских юридических обычаев“ в том, что дети, „прижитые с рабою, хотя и не пользовались наравне с законорожденными детьми правами наследования имущества отца, но за то получали, как наследство, от свободного отца свободу вместе с матерью. Очевидно и это исключение незаконнорожденных основано было частично на том порядке, существовавшем в русском обществе, что честь и значение человека определялись честью и значением его матери“ (Лекции, с. 261; О наследстве, с. 34—35).

Никольский: „Подобное же постановление мы видели и у германцев: это сходство в наследовании детей, рожденных от рабы, заставляет предполагать, что понятия о рабстве окончательно сложились у нас или, по крайней мере, юридически определились, под влиянием чуждых идей. Рабство у наших предков не имело первоначально строгого юридического характера: рабы считались домочадцами... С пришествием к нам чуждой воинственной народности, положение раба, конечно, должно было ухудшиться. Варяги, без сомнения, принесли к нам понятие о рабе, как военнопленном. Отсюда уже не велик был переход к строгим римским определениям раба, как вещи. Поэтому, если мы замечаем на постановлениях Правды о рабстве строгий юридический тип, то необходимо должны видеть в нем влияние византийского права и понятий. Вот основание, по которому мы думаем, что и постановление Правды о наследовании детей от рабы не чуждо римских понятий, смягченных впрочем христианским милосердием: рожденный от рабы получал свободу вместе с матерью“ (с. 351—352).

Леонтович пояснил: „Правда не отрицает собственно наложничества, как дозволенной старым обычаем формы брачного союза с наложницами свободными и рабами; в Правде лишь ограничивается правоспособность (по наследованию в имуществе отца) детей «рабынь», прижитых от несвободной наложницы“. А дальше он подчеркнул: „Что касается

детей от наложниц свободных, то ни Русская Правда, ни позднейшие памятники, ни слова не говорят о их правовом положении, которое в старое время ничем существенно не отличалось от положения детей, прижитых в законном браке" (Ж.М.Ю, 1900, № 7, с. 39, 40 и 46).

Сергеевич оценил ст. 98 как „опыт применения новых начал к русской жизни". „Но и христианские князья не только приравнивали незаконных детей к законным, но даже давали им преимущества. Святополк-Михаил посадил во Владимире сына Мстислава, «иже бе ему от наложнице» (Лавр., 1097 г.), а Ярослав Владимирович, галицкий князь, все свое княжение отдал незаконному сыну Олегу Настасьичу, а законному Владимиру дал всего один город Перемышль (Ипат., 1187 г.). Эти дохристианские народные обычаи до наших дней сохранились кое-где в Архангельской губернии, где незаконные дети имеют равную долю в наследовании с законными" (Лекции, с. 498).

Дебольский видел в ст. 98 свидетельство о том, что законодательство и церковь выступают в роли защитников прав рабыни, наподобие права устава вел. кн. Всеволода, по которому „освобожденные вместе с матерью «робичичи» (дети рабы) получают коня, доспехи и покрут, т. е. первоначальное обзаведение" (с. 57).

Грушевский в ст. 98 находил указание на „широкое распространение на Руси конкубината господ с рабынями" (III, с. 386).

Загоровский не соглашался признать „бесправия незаконнорожденных по нашему древнему праву" и ссылался на грамоту новгородского князя Всеволода новгородскому владыке или Софийскому собору (около 1135 г.), по которой „даже дети от прелюбодеяния получали определенную часть наследста из движимости («прелюбодейная часть в животе»), причем размер этой части находится в зависимости от оставшейся движимости: «из велика живота» давалась «урочная часть», а из мала—работническая часть: конь, да доспех и покрут [обзаведение]" (Ж.М.Ю., 1898, V, с. 6—7).

Статья 99

Аже будуть в дому дети мали, а не джи ся[1] *будуть сами собою печаловати, а мати им поидеть за мужь, то кто им ближии будеть, тому же дати на руце и с добыткомь и с домомь, донеле же возмогуть; а товар дати перед людми; а что срезить товаромь темь ли пригостить, то то ему собе, а истыи товар воротить им, а прикуп ему собе, зане кормил и печаловался ими; яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь; что ли будеть ростерял, то то все ему платити детем тем; аче же и отчим приметь дети с задницею, то тако же есть ряд.*

Переводы

Естьли останутся по смерти чьей дети малы, и не в состоянии сами о себе пещися, а мать их пойдет замуж, то отдать их под опеку ближайшему из их сродников с домом и с имением их, переписав оное при свидетелях, покамест возмужают. И что опекун, управляя их имением, старанием своим присовокупит, отдавая ли деньги в рост и хлеб в наспы, или употребив деньги в торг, то все присовокупленное им взять ему себе за труд и попечение, кои он имел, воспитывая своих питомцев, а им возвратить их истое, то есть что принял. Приплод же от рабов и от скота должен опекун отдать питомцем своим лицем; а ежель он что из принятого им имения их растеряет, то все с него взыскать. Ежели и вотчим возьмет детей на свое воспитание, то в возвращении имения их поступать по вышеписанному ж (Б.).

Jeśli pozostaną po mężu w domu dzieci małe nie mogące sami sobą się zarządzić, a matka ich pójdzie za mąż, tedy kto im będzie bliższy, temu ich oddać na ręce i z dobytkiem i z domem, aż pokąd do lat nie przyjdą. A towar dać przed dobrymi ludźmi, a co na tym towarze zarobi, albo przygości, to to dla niego, a isty towar ma im powrócic, a przykup dla niego, albowiem on żywił ich i opiekował się niemi. A gdy będzie płód od czeladzi, albo od bydła, to to wszystko ma oddać licem, co odebrał, a coby z tego utracił, to wszystko ma zapłacić tym dzieciom, A chociaż i ojczym przyjmie te dzieci ze spadkiem, to i na to jest urządzenie, jako to urządził (R.).

---

[1] *МП вместо* а не джися — а не почнуть.

Wenn im Hause kleine Kinder sind, und sie nicht fähig sind, für sich selbst zu sorgen, und ihre Mutter verheirathet sich, so gebe man sie dem, der ihr Nächster ist, auf die Hand mit Habe und Hause, bis sie mündig sind. Aber ihre Waare gebe man vor Leuten, und was diese Waare zinset, oder im Handel gewinnt, das gehört ihm selbst; aber die eigentliche Waare erstattet er ihnen, und der Zukauf gehört ihm dafür, dass er sie ernährte und versorgte. Wenn von Sklaven ein Anwuchs, oder von Vieh, so nehme man diess in Wesenheit, so wie er es wird empfangen haben; oder was verloren geht, das alles bezahlt er den Kindern. Wenn die Kinder ein Vater zu sich nimmt mit der Hinterlassenschaft, so ist die Einrichtung eben so (Ew.).

Если останутся в дому дети малолетные, которые не в состоянии еще пещись о себе, а мать выдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближайшему родственнику вместе с имуществом и домом; и что опекун присовокупит к имению, отдавая его в рост или пуская в торговые обороты, то возмет себе за труд и попечение, употребленные им на питомцев, но самый капитал должен им возвратить; приплод же от рабов и от скота остается в пользу детей, которые получают его лицем от опекуна. Если опекун утратит что-нибудь из принятого им имения, то он обязан за все то заплатить детям. Если и отчим возьмет детей вместе с имуществом под свою опеку, то при возвращении имения поступать на тех же основаниях (Пл.).

Если остаются в доме малолетние дети, которые еще не в состоянии заботиться о себе сами, а мать их пойдет замуж, то ближайший родственник берет их вместе с имением под опеку до совершеннолетия. А товар отдавать в присутствии посторонних людей, и что тем товаром наживет, продавая или отдавая в рост, то опекун берет себе, а самый товар полностью возвращает опекаемым; прибыль он потому берет себе, что кормил и заботился о них. Приплод от челяди и скота сдает весь в наличности детям, также в случае утраты чего-либо за все им платит. Если же примет детей вместе с наследством отчим, то условия опеки те же (Ст.).

Wenn im Hause kleine Kinder sind und nicht selbst für sich sorgen können, aber ihre Mutter verheiratet sich, so vertraut man sie dem [als Vormund] an, der ihnen am nächsten steht mit dem Vermögen und dem Haus, bis sie [selbst für sich zu sorgen] vermögen. Aber das Vermögen gibt man [dem Vormund] vor den Leuten. Aber was er [der Vormund] dazugewinnt mit diesem Vermögen, oder was er dazuerhandelt, das gehört ihm selbst, und das Kapital gibt er ihnen zurück, aber der Gewinn gehört ihm selbst, weil er sie ernährte und für sie sorgte. Wenn vom Gesinde oder vom Vieh Zuwachs ist [in der Zeit der Vormundschaft], so erhält (der Vormund) alle diese Objekte. Was er aber vergeudet hat, dass muss er alles diesen Kindern bezahlen. Wenn aber der Stiefvater die Kinder mit der Erbschaft aufnimmt, so gilt die gleiche Bestimmung (G.).

Комментарии

Рейц: „Вероятно, вдова выходила замуж только с согласия родственников, ибо она должна была пещись о детях. Тогда родственники

полагали на совете, как отчим должен держать детей и имение; ибо, кажется, мать и отчим имели преимущественное право опеки; если же они не хотели, то ближайший родственник принимал опеку, вероятно, родственник с отцовской стороны, как живший в ближайшем соседстве". Рейц затруднился объяснить: «А от челяди плод или от скота, то все поимати лицем, что поимал будет или истерял, то... платити детем тем». „Значит ли это: пусть наследник получит то, что опекун получил, т. е. то количество имения, или: пусть наследник получит натурою («лицем») все наличное имение, т. е. не принимая в расчет ни убыли, ни приращения, кроме убыли от управлявшего опекуна, который обязан ее вознаградить, — это остается нерешенным. Приращение в рабах и скоте, м. б., составляло исключение и не подлежало опеке с правом пользонаслаждения" (с. 207—208).

Попов отмечал „появление нового вида опеки в смысле отдельного и самостоятельного устава, который и развивается в эпоху Русской Правды". В развитии этого нового вида опеки Попов выделял три этапа: „Первая эпоха Правды представляет нам развитие семейного начала, вторая гражданского и только в третью эпоху является опека... В третью эпоху Правды... элемент семейный показывается: а) в общей мысли о степенях родства при назначении опекунов... b) в свойствах опекунских отношений к детям, чисто нравственных; c) в самом названии опеки. В древности символическое выражение отдать на руки означало опеку. Так Рюрик отдает на руце Олегу малолетнего Игоря... Это выражение принадлежит к древнейшей эпохе: в Русской Правде мы встречаем новое название, которое впоследствии сделалось единственным для опеки. Все личные обязанности опекуна выражаются словом печаловатися... слово печаль выражает более нежели простую заботу вследствие внешней обязанности, с ним соединяется понятие о нравственном участии.... Присутствие гражданского элемента замечали в следующих свойствах опеки: а) опекуном мог быть чужой, при родовом устройстве только одни родственники могли быть опекунами; в) опекун принимал на себя известные юридические обязанности...".— Из слов: „Аже будуть в дому дети мали... а мати их поидеть замужь..." Попов делал вывод, что „по смерти отца естественной опекуншею признавалась мать, если она не выйдет замуж". „Если мать выйдет замуж, то опекуном должен быть ближайший родственник". Но „кто именно «им ближеи будет», ... зависит от того, относится ли слово «ближеи»... к умершему отцу или к малолетним детям. Если к отцу, то бесспорно опекуном должен быть старший их дядя; если же к малолетним, то мог быть старший из них брат... Здесь сказано ясно — им ближей, т. е. детям". Но опекуном может быть и отчим, как „представитель матери", притом „по свободной воле" (Об опеке, с. 97 — 100).

Станиславский предполагал, что вотчим „мог быть опекуном малолетних пасынков и падчериц своих не иначе как по особому договору (ряду), заключаемому между ним и добрыми людьми, при котором отдаваемо было имущество малолетних, или между ним и родственниками. Условия договора зависели от взаимного соглашения («якэ же ся изрядил»), но, конечно, основанием его служило то правило, что вверяемое опекуну имущество малолетних должно быть возвращено им в целости по достижении совершеннолетия, в противном случае надо было заплатить все убытки“ (с. 218).

„Настоящее узаконение, — писал И. Беляев, — очевидно составлено в дополнение Судного Закона, в котором говорится только об опеке и наследстве по завещанию, т. е. когда сам покойник назначил опекуна и разделил имение; об опеке же по закону в нем нет и помину. Таким образом, настоящий отдел Русской Правды служил дополнением этого пробела. Законы об опеке, составленные в дополнение Судного закона, чисто русского происхождения и заимствованы из исконных русских обычаев, а не из византийских узаконений, потому что: во 1-х, опека над малолетними назначается по Русской Правде только в таком случае, когда мать их выходила опять замуж; по римским же законам и над самой матерью назначалась опека; во 2-х, по настоящим узаконениям опекун пользовался, как вознаграждением за опеку, доходами с имения малолетних; напротив в Судном законе нет и помину о вознаграждении опекуну за его хлопоты по опеке“. „Но, с другой стороны, новые законы об опеке, помещенные в Русской Правде, представляют и заимствования из Судного закона. Они требуют, чтобы имение малолетних отдавалось опекуну при свидетелях. То же самое требование мы находим и в Судном законе, где сказано: «Тому поручити имение устроити при послухи» (Лекции, с. 209—210).

Отвечая на вопрос, поставленный Рейцем, о том, что значат слова: „Аже от челяди плод... то ему все платити детем тем“, Неволин писал: „Смысл Русской Правды нам кажется ясным и не подлежащим сомнению: приплод, который получит опекун от челяди и скота, он должен выдать питомцу, а за утраченный приплод сделать вознаграждение. Иначе законодателю не было бы надобности делать особое постановление о приплоде, и притом с явной противоположностью, что было уже постановлено о товаре“. Неволин обращал внимание на разницу между русским правом и византийским, выступающую в постановлениях об опеке: „По законам греко-римским отец не более имел права по отношению к имуществу малолетних детей своих, как и по отношению к имуществу совершеннолетних. Как по Русской Правде даже опекун имел право обращать в свою пользу выгоды и плоды от имущества малолетних, кроме приплода от рабов и животных, то, конечно,

это самое правило применялось и к тому случаю, когда в руках отца находилось имущество малолетних его детей, какого бы рода оно не было" (III, с. 403 и 347).

Владимирский-Буданов заключал: „Мать, остающаяся с детьми, отнюдь не есть опекунша: понятия опеки и материнской власти взаимно исключают друг друга". „Ни о какой ответственности матери закон не говорит, если она остается при семье главою ее". „По общему же правилу, опекуном назначается (как при смерти матери, так и при выходе ее в замужество) ближний, т. е. родственник". Владимирский-Буданов, имея в виду конец статьи, особо подчеркивал, что вотчим не может стать на место отца, опекуном он может быть, и статья „настаивает, что вотчим не может переделывать распоряжений отца, если этот последний оставил ряд, и, само собою разумеется, не может сам сделать произвольного ряда. Опека устанавливается общественною властью... Полагать надо, что здесь разумеется власть общинная, ближайшая к семейной; но в классах общества, ближе стоящих к князю, может подразумеваться и власть княжеская. Однако установление опеки может быть сделано и умершим отцом, может входить в содержание «ряда». В подкрепление последней мысли Владимирский-Буданов ссылается на случай назначения умирающим отцом опекуна из числа сторонних лиц — не родственников, описанный в Патерике Печерском (Обзор, с. 479—481).

Сергеевич находил в ст. 99 „несомненный след влияния византийского права... Наша практика руководствовалась и Эклогой, и Прохироном, и еще нечто прибавила к ним от себя". „Если по смерти отца осталась в живых мать, то никакого опекуна не нужно", и что „об опекуне поднимается речь только в том случае, если мать «поидеть замуж»" — „это все по Эклоге". По Эклоге же — и конец ст. 99: „«Аще же и отчим прииметь дети с задницею, то тако же есть ряд», „т. е. отчим должен уплатить пасынкам все, что растеряет из их наследства. По Эклоге вотчим не может быть опекуном. Но она предусматривает тот случай, когда мать вступит во второй брак, не спросивши опекуна, и возлагает ответственность на имущество отчима за все убытки, которые могут потерпеть пасынки во время второго брака их матери. Эту самовольную опеку вотчима и имеет в виду 99 статья... Выражение «дати на руци» напоминает несколько язык Прохирона, в котором читаем: «и немому дается приставник» или «воеводы вся (omnes municipales magistratus) приставники дают» и т. д. Поэтому в ст. 99 можно видеть указание на участие в установлении опеки органов власти (tutela dativa), что соответствует и Градским законам и Эклоге, по которой жена, в таком случае, должна испросить опекуна". Вместе с тем в Русской Правде, „по которой tutela dativa возлагается непременно на родственников, можно видеть след народных обычаев, по которым, если отец, не назначит опекуна, опека принад-

лежала ближайшим родственникам (tutela legitima)". Сергеевич высказывал догадку, что опека, как браки и наследственные дела, была поручена духовенству. „Через его посредство византийские начала и перешли в нашу практику, и из практики в Русскую Правду". „Но наши источники не дают повода допустить, чтобы опека, в некоторых случаях, определенных Эклогой, принадлежала непосредственно духовным учреждениям" (Лекции, с. 504—506).

Изгоев указывал, что упоминание в числе наследуемого имущества товара и челяди не оставляет сомнения в том, „что статья эта не может относится к простому крестьянству". В то же время он находил, что следующая (100) статья является записью из „крестьянского обычного права, не всегда уж пригодного для тех классов, для которых Правда предназначалась и которыми она была создана" (с. 1861).

Синайский не согласился с Сергеевичем в толковании слов: „Аче же и отчим приимет дети с задницею, то тако же есть ряд",— как означающих, что „отчим должен уплатить пасынкам все, что растеряет из их наследства". Синайский полагал, что „слова о ряде должны быть отнесены ко всему порядку учреждения опеки родственников, т. е. 1) вотчиму даются дети с добытком и домом и товаром перед людьми, 2) он может себе «срезить» и пригостить тем товаром и т. д. В этом же случае мы будем иметь уже не самовольную опеку вотчима, а опеку, установленную самой Русской Правдой...". Такое понимание роли вотчима как опекуна, при этом и не одинокое, приводило Синайского к признанию чрезвычайной близости норм Пр. Русской с законами Хаммураби, § 177: „Если жена, у которой нет больше мужа, а дети ее еще малы, вознамерится выйти замуж без [ведома] судьи. Если она пойдет замуж то судья должен исследовать имущество ее прежнего мужа, дать в управление дом прежнего мужа более позднему мужу и (самой) жене (и) заставить их дать документы, что они будут беречь дом, воспитывать малых (детей) и не продавать домашнего добра (добытка). Покупатель, который купит добро сыновей вдовы, теряет свои деньги, имущество [же] возвращается его собственнику" (с. 77—78).

Пичета в ст. 99 (в словах: „от челяди плод или от скота") подметил „косвенное подтверждение" „наследственности холопства", о которой нигде в другом месте „кодификатор даже не счел нужным упомянуть", — „настолько очевидна" она была для „совеременников" (с. 50).

Статья 100

А двор без дела отень всяк[1] *меньшему сынови.*

Переводы

А двор отеческий отдать, без раздела, меньшему сыну (Б.).

A dom ojcowski bez działu zawsze dla młodszego syna należy (R.).

Aber der väterliche Hof ohne Theilung durchaus dem jüngsten Sohne (Ew.).

Но двор отеческий всегда поступает к меньшему сыну (Пл.).

Но двор отцовский, оставшийся без хозяина, всегда поступает к младшему сыну (Ст.).

Aber der väterliche Hof (gehört) ohne Teilung ganz dem jüngsten Sohn (G.).

Комментарии

Рейц объяснял: „Младший сын получал отцовский двор, ибо ему более всех других нужна была помощь; прочие съезжали со двора и селились в новых жилищах" (с. 217).

Постановление ст. 100 Турчинович расценивал как „учреждение или, правильнее, утверждение минората [привилегия младшего сына перед старшими, — *Г. К.*], вероятно, бывшего в нравах славянских". Содержание статьи подразумевает, что „братья не живут, или впредь не предполагают жить вместе" (с. 30).

И. Беляев отмечал, что статья фиксирует старый коренной обычай, „который сохранился не только в Русской Правде, но и в летописях" (Лавр., под 992 г. о Яне Усмошвеце). „Обычай отдавать отцовский дом меньшему сыну в нашем простонародье удерживается еще доселе...". „Право меньшего сына на дом отца, одинаково допускаемое Русскою Правдою и в наследстве после боярина и в наследстве после смерда,

[1] *С* всяко, *МП* всякому.

служит самым ясным отрицанием родовых начал в древнем русском обществе; по родовым началам дом отца непременно доставался старшему сыну, первенцу, как полному представителю покойного“ (О наследстве, с. 33—34).

Неволин добавлял: „В некоторых местах России, по обычаю, и до сих пор младшему сыну при разделе остается дом отцовский. То же наблюдается у черногорцев“ (V, с. 343).

Никольский сравнивал: „При дележе родительского достояния, коренное различие первоначального домашнего быта славян и германцев ярко выходит наружу. Во-первых, у славян наследуют все сыновья без различия способных и не способных носить оружие, ибо славянская семья, как мы уже заметили выше, не боевая, а мирная, земледельческая. Во-вторых, в противоположность германскому племени, у славян оказывается видимое если не предпочтение, то снисхождение меньшему сыну, а не старшему. Так, младший сын, как более слабый и часто невозрастный, следовательно более других нуждающийся в помощи родных, получал отцовский двор. Обычай этот сохранился у черногорцев с полной силою даже до настоящего времени. Старшие братья выселялись и строили себе жилища общими силами, как это видно из сербской задруги и обычаев, сохранившихся до сего времени у нашего простого народа. Далее из разделов у богемцев мы видели, что младшему же сыну предоставлялось и первенство в выборе части, на которые старший брат разделял отцовское достояние“ (с. 346).

Цитович обратил внимание на категоричность ст. 100: „двор «всяко» меньшему сыну, все равно был ряд или нет“. Это — существенное ограничение воли завещателя: „Нечего сказать, сильна эта воля, этот ряд, который даже не может определить судьбу одной из составных частей наследства ... иначе, как указано в самом законе“ (с. 69—70).

Владимирский-Буданов сравнил ст. 100 со ст. 45 Законника Каствы: „45 ст. Законника Каствы говорит: «Если умрет кмет и оставит сыновей, то его сеножать должна достаться самому младшему сыну... Если же не будет ни одного сына, а останется вдова, то может удержать такую сеножать, пока удерживает свое честное вдовство»“ (Ж.М.Н. Пр., 1881, март, с. 112—113).

Сергеевич отметил, что „в народных обычаях поморских уездов оно [постановление ст. 100] сохранилось до наших дней. На зимнем [северном] берегу дом идет младшему сыну, а конь старшему; в Архангельской губернии [в 80-х гг. XIX в.] младший получает только «складно бревно», т. е. нижний этаж“. „Статья Р. Пр. доселе сохранилась в народной пословице: «Меньшему сыну отцовский двор, старшему новоселье». «Меньший сын на корню сидит»“ (Лекции, с. 543).

К южно-славянской аналогии обращался и Пресняков: „Правило ст. 100 хорошо освещается южно-славянским обычным правом по которому, если раздел производится при жизни родителей, родной дом достается, обыкновенно, младшему сыну, при котором старики и доживают свой век“ (Княжое право, с. 17).

Максимейко обратил внимание на разночтения в разных списках Пр. Пр. Слово „всяко“ (в Синод. сп.) „показывает, что младшему сыну во всех случаях выделяется в наследство отцовский двор, что он был обязательным наследником этого имущества... А затем эта мысль резко искажается в большинстве списков, включая сюда Троицкий, Крестининский, Пушкинский, Карамзинский и др.; вместо слова «всяко» в них стоят выражения: всяк, всякой, всякому и т. п., что придало статье совершенно иной смысл“ (Интерполяции, с. 21—22).

Статья 101

О жене, аже вороческя седети. Аже жена вороческя седети, по мужи, а растеряеть добыток и поидеть за мужь, то платити еи[1] *все детем.*

Переводы

Ежели жена, по смерти своего мужа, обещается во вдовстве сидети а, расточив имение, пойдет замуж, то за все то, что она из имения детей своих расточила, с нее взыскать и возвратить им (Б.).

Gdy żona pozostanie w majątku męża, a roztraci dobytek i pójdzie za mąż, to wszystko ma dzieciom zapłacić (R.).

Wenn eine Frau gelobt, nach dem Manne sitzen zu bleiben, aber die Habe vergeudet und sich verheirathet, so bezahlt sie den Kindern Alles (Ew.).

Если жена, обрекшись сидеть во вдовстве по смерти мужа, проживет имение и вступит в брачный союз, то обязана возвратить детям все прожитое (Пл.).

Если жена, обещавшись сидеть во вдовстве по смерти мужа, проживет имение и пойдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое (Ст.).

Wenn eine Frau verspricht, nach (dem Tode ihres) Mannes sitzen zu bleiben, aber das Vermögen vergeudet und sich (wieder) verheiratet, so muss sie alles den Kindern bezahlen (G.).

Комментарии

Чаще всего ст. 101 объединяется в одну со ст. 102 (Болтин, Калачов, Владимирский-Буданов) и обе рассматриваются как постановления, предполагающие одну и ту же обстановку (Беляев, Неволин, Никольский, Пергамент), при этом особое внимание уделяется материалу ст. 102 как менее ясному и вызывающему некоторые недоумения и разногласия (см. комментарии к ст. 102).

[1] *All* ему.

Сергеевич полагал, что эти две статьи „говорят о совершенно разных предметах". „Смысл 101 ст. следующий: жена обязалась сидеть во вдовстве по смерти мужа, поэтому никакого раздела имущества не произошло, а все имущество поступило в управление вдовы... Ст. 102-я говорит о совершенно другом: в ней речь идет о подчинении, в котором должны находиться дети по отношению к матери-вдове. Такое подчинение имеет место в том случае, когда мать по смерти мужа остается во вдовстве. Эта последняя статья предполагает продолжающееся вдовство, а не выход вдовы замуж, о чем сказано в ст. 101..." (Лекции, с. 554).

Попов сопоставлял начальные слова двух статей — 93-й: „Аже жена сядеть по мужи" и 101-й: „Аже жена ворчеться седети по мужи". „После первого из этих выражений [т. е. в ст. 93] говорится, что жена получает часть имущества, оставленную мужем, и владеет им особо. После второго [т. е. в ст. 101] говорится, если жена растратит имущество и пойдет замуж, то обязуется уплатить все детям. Из первого видно, что жена берет назначенную ей часть имущества по смерти мужа и не управляет остальным, из второго наоборот. Это видимое противоречие разрешается тем, что в первом случае говорится о взрослых детях, во втором о малолетних, которые должны со всем их имуществом поступать под опеку матери". „При семейном устройстве мать, как последняя старшая в семье, управляет имуществом по праву старшинства, а не по праву опеки, потому и не должна отвечать детям за свое управление... Жена отдает отчет только тогда, когда вступает во второе замужество" (Об опеке, с. 99—104).

Цитович обращал особое внимание на слова: „Аже ворчется". „Иное дело, если мать-вдова дала обет не выходить замуж и не сдержала своего обета; в таком разе выход в замужество прекращает ее авторитет, хотя бы она и не желала выходить со двора своего первого мужа. Как наказание за нарушение такого обета, закон возлагает на нее ответственность за те растраты, которые сделаны ею во время пребывания в доме своего первого мужа. Статья говорит прямо: «аже ворчется», выставляя такой обет как особенность, которая видоизменяет положение матери по отношению к детям. В этом нельзя не видеть влияния византийского права, которое неблагоприятно смотрело на повторение браков" (с. 116).

Владимирский-Буданов возражал: „Никакая жена при смерти мужа не может заявлять, что она вскоре пойдет во второй брак. Обеты вдовства не произносятся ни перед какой общественной властью. Мать, идущая во 2-й брак и, следовательно, разрушающая связь с прежнею семьей, должна оставить ей все то имущество, которое оставил отец; может быть, второй муж ее должен за нее вознаградить растрату,

причиненную ею". При этом Владимирский-Буданов указал на то, что вместо „ею" в ряде списков стоит „ему" (Кар. сп., списки Археограф. вида) (Хр., I, прим. 147).

Иного мнения был Сергеевич. Выражение: „оборчется сидеть по муже..." значит даст обет (обещается) остаться во вдовстве. „Это выражение наводит на мысль, что у нас по смерти мужа вдова, может быть, делала формальное заявление о желании остаться во вдовстве". „Смысл статьи следующий: жена обязалась сидеть во вдовстве по смерти мужа, поэтому никакого раздела имущества не произошло, а все имущество поступало в ее управление. Но вдова дурно им управляла, да кроме того не сдержала обязательства быть во вдовстве, а вступила в новый брак. Она должна в этом случае вознаградить все убытки, причиненные детям. Дальнейшее следствие то, что совместное хозяйство детей и матери прекращается и дети получают опекуна, как об этом сказано в ст. 99. Это все по Эклоге" (Лекции, с. 554).

Пергамент находил, что в статьях Р. Пр. проводится определенная мысль, что при наличии детей все оставшееся имущество остается в руках пережившего супруга. „Дети не могут требовать выдела материнского или отцовского имущества. Если же переживший супруг вступает во второй брак, то дети свободны и получают (при совершеннолетии) от отца res maternae и от матери res paternae. Именно о начале таких юридических отношений по отцовскому имуществу и говорит ст. 101, обязывающая мать отдать отцовское имущество детям, а потерянное возвратить" (с. 17).

Рожков обращал внимание на затруднения ряда исследователей, возникающие при сопоставлении содержания данной статьи с тем, что высказано о наследовании вдовы-матери в ст. 93 („Задниця ей мужня не надобе"). „Разрешение всех противоречий и недоразумений возможно лишь при том предположении, что первая статья о наследовании вдовы [93 ст.] относится к тому случаю, когда останутся совершеннолетние дети, а вторая — [101 ст.], когда дети несовершеннолетние В первом случае вдова не имеет никаких прав на наследство, ни прав собственности, ни прав управления: «задниця ей мужня не надобе»... Во втором случае — при несовершеннолетии детей — вдова оставалась домовладелицей, управляла семейным имуществом и отвечала за дурное ведение хозяйства только при выходе замуж во второй раз" (Очерки, с. 183).

Статья 102

Не хотети ли начнуть дети еи ни на дворе, а она начнеть всяко хотети и седети, то творити[1] *всяко волю, а детем не дати воли; но что еи дал мужь, с тем же ей седети или, свою часть вземше, седети же.*

Переводы

А ежели она, оставаясь во вдовстве, захочет в одном доме с детьми жити, а дети ее того не похотят, то учинити непременно по ее воле, а отнюдь не по воле детей; и что ей дал муж, или что следует ей получить на свою часть, тем она, живучи с детьми, и владеет (Б.).

Jeśli by zaś dzieci nie chcieli jej cierpieć w domu, a ona wszelako chciała by z niemi pozostać, tedy wypełnić jej wolę, a dzieciom nie dać woli. Lecz to co jej dał mąż, z tem ma pozostać u dzieci, lub też wziąwszy część swoją z niemi pozostać (R.).

Wenn ihre Kinder sie nicht auf dem Hofe wollen, aber jene will allerdings da sitzen, so thue man allerdings ihren Willen, und den Kindern gebe man den Willen nicht. Doch mit dem, was der Mann ihr gab, muss sie bei ihnen sitzen, oder ihren Theil genommen habend sitzen (Ew.).

Если же она, оставаясь вдовою, захочет жить в одном доме с своими детьми, а дети не захотят того; то в сем случае удовлетворять воле матери, а не детей, и что дал ей муж, или что следовало получить ей на свою часть из имущества, оставшегося после мужа, то составляет ее достояние (Пл.).

Если же она оставаясь вдовою захочет жить в одном доме с своими детьми, а дети не захотят того, то в подобном случае творить волю матери, а не детей, и что дал ей муж и что следовало получить ей на свою часть из имущества, оставшегося после мужа, то составляет ее достояние (Ст.).

Wenn ihre Kinder sie nicht mehr auf dem Hofe wollen, aber sie will trotzdem sitzen bleiben, so tut man jedenfalls ihren Willen und lässt

[1] *С, МП добавлено* еи.

nicht den Kindern ihren Willen. Aber was ihr der Mann gab, mit dem muss sie sitzen bleiben, oder sie nimmt ihren Teil und bleibt mit dem sitzen (G.).

Комментарии

Помимо прямого вопроса о взаимоотношениях вдовы-матери с детьми и ее положении в семье, поставленного статьею, ряд исследователей обращал внимание на имеющиеся в конце статьи косвенные указания об имуществе вдовы: отсюда — высказывания по вопросу об имущественных правах жены, в основном уже разрешавшемуся по ст. 93 (см. комментарии к ст. 93).

Куницын: „Принимая во внимание привязанность жены к дому мужа и некоторое право ее на пребывание в оном, основанное на оказанных ею о нем попечениях, уважая в ней права матери детей своих и предполагая в ней особенную готовность соблюсти достояние детей, Русская Правда предоставляет вдове-матери по смерти мужа остаться в доме его вместе с детьми своими, хотя бы они того и не хотели, с обязательством сохранить его в целости для детей“ (с. 83).

Неволин разъяснял: „Мать, которая навсегда осталась во вдовстве, и по достижении детьми совершеннолетия имела право жить в доме покойного своего мужа, а их отца, и с тем вместе, кажется, управлять общим хозяйством. Но обыкновенно, кажется, с достижением сыновьями совершеннолетия и выходом дочерей в замужество управление матери отцовским имением прекращалось; она брала себе только часть, назначенную ей умершим мужем, или следовавшую ей по самому закону, и оставалась жить во дворе мужнем. Дети должны были не только оставить за нею эту часть и дозволить ей жить во дворе отцовском, но и оказывать ей всякое повиновение“. „Сии постановления Правды Русской [т. е. и 101 ст.], равно как и те, которыми было определено отношение отца к имуществу детей, совершенно сходны с такими же постановлениями Эклоги и также должны быть из ней заимствованы“ (III, с. 350—351).

И. Беляев: „Дети, хотя бы были уже совершеннолетними, не могут удалить мать из отцовского дома даже тогда, когда она примет к себе в дом второго мужа; она только в таком случае должна рассчитаться с детьми, ежели будет замечена, что во время своего управления расточала имение покойного, и по расчете могла по своей воле оставаться в мужнином доме с тем имением, которое отписал на нее муж, или которое она получала по закону из мужнина наследства“ (О наследстве, с. 42).— Расходился Беляев с Неволиным и по вопросу об источнике этой статьи. Она „чисто русского происхождения и заим-

ствована из исконных русских обычаев, а не из византийских узаконений, потому что, во-1-х, опека над малолетними детьми назначается по Русской Правде только в таком случае, когда мать их выходила замуж; по римским же законам и над самой матерью назначалась опека... Во-2-х, по настоящим узакониям опекун пользовался, как вознаграждением за опеку, доходами с имений малолетних; напротив в Судном Законе нет и помину о вознаграждении опекуну за его хлопоты по опеке. Но, с другой стороны, новые законы об опеке, помещенные в Русской Правде, представляют и заимствования из Судного Закона. Они требуют, чтобы имение малолетних отдавалось опекуну при свидетелях. То же самое находим в Судном Законе, где сказано: «тому поручити имение устроити при послухи» (Лекции, с. 263—264).

Никольский останавливался на конкретной обстановке и мотивах, вызвавших появление ст. 102. „Кто хоть немного знаком с настоящим бытом нашего простого народа, тот знает каково положение вдовы-матери вместе с детьми ее. Обидам, притеснениям нет конца. Чтобы облегчить эту горькую участь вдовы-матери, очевидно, был необходим закон, который бы гарантировал ее право; иначе при семейных ссорах и воспалении родственных чувств, ее могли прогнать со двора, на что прямо и указывает Правда, говоря: «не хотети ли ей дети начнуть на дворе». Никольский сравнивал ст. 101 и 102 с Эклогой: „Если муж, имея детей, умрет прежде своей жены, то жена, мать детей, удерживает в своей власти как все свое приданое, так и все имущество мужа, несет все заботы и управление по дому, для чего и делает публичное (гласное) описание, т. е. инвентарий всего оставшегося после мужа имения, внося в него свое приданое и все то, что имеет, кроме приданого. Это последнее, т. е. имущество, которое принесено ею в дом мужа, сверх приданого, она должна заявить. Дети же не только не могут противиться матери или требовать от нее отчих остатков, но напротив должны оказывать ей всякую честь и послушание,[1] по заповеди божией. Без сомнения, что и мать должна воспитывать детей, пристраивать в замужество и давать им приданое, по своему усмотрению".[2] „Если же случится ей (т. е. вдове, имеющей детей) в другой раз выйти замуж, то дети должны отпустить ее и принять от нее все отцовское имущество

[1] „...non habentibus ejus liberis, in quo resistant, vel paternam ab ea substantiam reposcant, sed potius e contrario nullum non honorem et obedientiam" („яко не могущим ее чадам противитися ей или взыскати у нее отни остатки: противно убо всю честь и послушати" — так переводит наша Кормчая). Jus graecoromanum, apud beunclavium, t. II, p. 102, delectus legum, tit. XII, § 6. — Ср.: Кормчая, гл. 49, зачат. 4.

[2] Перевод с латинского текста, приведенного в сноске, с указанием на тот же источник.

без исключения: только одно приданое, принесенное ею их отцу, равно как и брачный дар, который он назначил ей в обеспечение приданого, они должны предоставить ей"[1] (с. 318).

Н. Дювернуа: „В ст. 102 мы видим, что настоящий выдел производится в том случае, когда, выходя за другого мужа, мать хочет оставаться в доме детей от первого брака. Только с этого времени в семейную сферу вторгается чужой элемент, и Правда предусматривает возможность, что дети начнут «не хотети ее на дворе». С этих пор у матери с детьми начинаются настоящие денежные счеты, и если она «растеряла добыток и пойдет замуж», то Правда требует, чтобы дети были вознаграждены за все убытки» (с. 325—326).

Цитович, в связи со ст. 102 сделал ряд выводов, касающихся положения матери, как возможной главы семьи. „Авторитет для всех подчиненных членов семьи — парный; умирает мужеский представитель его, остается представитель женского пола... У матери в таком случае оказывается полный неограниченный большесемейный авторитет; семья не разложится, если это не угодно будет матери; она станет содерживать в целости дом мужа своего, т. е. и прежний персонал семьи, и прежнюю совокупность имущественных отношений, связанных воедино своею принадлежностью этой семье, главой которой прежде был мужчина, а теперь является женщина". Ст. 102 показывает, что „от воли матери зависит удержать от разложения прежнюю семью, связывая ее воедино под своим авторитетом, который в этом случае не возникает вновь, не является откуда-то, как deus ex machina, а только разрешился от тяготевшего над ним прежде ограничения. Ее положение нисколько не изменится и от того, если она выйдет замуж, но только не сходя со двора, не выходя из дому своего прежнего мужа". „Юридическое значение положения вдовы и ее права по отношению к семье и к семейному имуществу определяются тем, что она — представитель семейного авторитета и, следовательно, на время жизни своей оказывается в таком же положении, как и отец... положение ее [вдовы-матери] во всех случаях определяется 101—102 ст. ст." (с. 109—112).

Руднев: „Мать, оставаясь после мужа в качестве полной хозяйки дома, пользуется вообще широкими правами: она может отказать детям в разделе — «детям не дати воли... но что ей дал муж с тем же ей и сидети с детьми», т. е. мать может оставаться в общем с детьми владении до тех пор, пока ей это будет угодно" (с. 23.).

[1] „Jam si contingerit ad aliud matrimonium transire, facultatem liberi ejius habeant, eam dimittendi, et omnia paterna bona sua, nullis dificientibus, recipiendi: modo solam dotem ab ipsa patri eorum allatum, una cum donatione, quam in eam dotis augenda, saussa contulit, matri praestet". Ibidem, § 7 (Кормчая, там же).

Сергеевич считал, что ст. 102 предполагает продолжающееся вдовство, а не выход вдовы замуж, как предшествующая ст. 101. В свою очередь и ст. 102 он делил на две самостоятельные статьи; конец статьи (по Сергеевичу ст. 133) соответствует ст. 93; „и в том, и в другом случае речь идет о наследственных правах жены по смерти мужа". Эта вторая часть статьи (по Сергеевичу ст. 133) „говорит о том. что жена удерживает то, что ей дал муж, и свою часть. То, что ей дал муж, это, конечно, hypobolum Эклоги; своя часть — это та часть наследства, которую жена получила, когда прекратила совместную жизнь с детьми по своей доброй воле и по достижении ими совершеннолетия. Эта статья, следовательно, опять обращается к тому случаю, когда совместная жизнь вдовы и детей прекращается, но по какому поводу, не говорит. Судя же по тому, что здесь упоминается о части наследства, составитель, надо думать, имел в виду прекращение совместной жизни не по причине брака вдовы, а по ее доброй воле..." (Лекции, с. 555).

Пергамент рассматривал ст. 102 вместе со ст. 93 и толковал: „что дал ей муж" и „что на ню мужь возложил" как „propter nuptias donatio", а „свою часть жены" как приданое (dos). (с. 16).

Товстолес, предполагавший точно такую же обстановку действия нашей статьи, обращал внимание на то, что из-за отсутствия распоряжения отца матери предоставлено право владеть нераздельно с детьми имуществом своего умершего мужа; в этом положении статьи он видел „доказательство того, что наследование по закону является наиболее частою (если не исключительною) формою общей собственности" (с. 120).

Руднев ставил вопрос: „Если мать до самой смерти не поделится с детьми, между тем с помощью детей увеличит наследственный «дом», имеет ли право мать-вдова хозяйка сделать новый ряд?" и отвечал: „Надо думать, что ей позволяется сделать ряд о новой части наследства, и ряд ее будет совершенно равносилен тому, который мог бы быть сделан ее мужем. Подобное решение вполне согласуется с неразрушимостью древне-русской семьи, когда мать (по смыслу ст. 102) намерена искусственно поддерживать ее целость" (ср. АИ, I, с. 255) „Совершенно иное положение имеется в виду в словах «или свою часть вземше седети же»... Когда же вдова, с распадением фамилии, берет свою часть и «вземше сидит» отдельно от детей... то наступают другие последствия" (с. 23).

Рожков особое внимание обращал на вопрос — какую именно обстановку следует предполагать при истолковании ст. 102? „Тут речь идет не о матери, желающей остаться домовладелицей при малолетстве детей; тогда не говорилось бы, что она должна сидеть с своею частью или с тем, что дал ей муж: мать-домовладелица управляла всем имением. Остаются две возможности: или здесь мать, вышедшая

во второй раз замуж, может остаться со своей долей наследства на дворе первого мужа, хотя бы дети от первого брака и были против этого, или, при вдовстве матери и по достижении детьми совершеннолетия, мать теряла свои права управления семейным имуществом и сохраняла только право жить на дворе покойного мужа. Здесь, вернее всего имеется в виду первая возможность, как видно по началу той же статьи, [т. е. по ст. 101], но мы думаем, что и второе было обычным явлением в те времена" (Очерки, с. 184).

Синайский цитировал законы Хаммураби: „§ 171... Жене (по смерти мужа) надлежит взять свою часть (širiktu) и то, что дал и записал муж (nudunu), обитать в доме мужа как долго она проживет, пользоваться, а не продавать; то, что она оставляет подле себя, принадлежит ее сыновьям" (с. 76).

Статья 103

А матерня часть не надобе детем, но кому мати дасть, тому же взяти, дасть ли всем, а вси розделять; без языка ли умреть, то у кого будеть на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти.

Переводы

Детям же в часть матернюю не вступаться, но как она захочет одному ли из них или всем на раздел отдати, так тому и быть; ежели ж умрет она не зделав завещания, то у котораго сына жила она в доме, и кто ее содержал, тому и имением ее наследовати (Б.).

A matczyna część dzieciom nie potrzebna, lecz komu zechce, temu da, jeśli da wszystkim, to wszyscy się rozdzielą; bez języka li umrze, tedy w czyjim domu była, i gdzie umarła, i kto ją karmił, to ten weźmie (R.).

Und der mütterliche Theil ist den Kindern nicht vonnöthen, sondern wem die Mutter ihn giebt, der nimmt ihn; giebt sie ihn allen, so theilen sie alle, stirbt sie ohne Rede, so nimmt ihn der, bei welchem sie auf dem Hofe war, und welcher sie ernährte (Ew.).

На достояние матери дети не могут иметь никакого притязания; но кому его назначит, тому и взять; назначит всем, — то и разделить между всеми; если ж умрет без языка, то, у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние (Пл.).

На часть матери дети не могут иметь никакого притязания; но кому ее назначит, тому и взять; назначит всем — то и разделить между всеми; если же умрет без языка, то у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние (Ст.).

Aber der mütterliche Teil ist den Kindern nicht nötig, sondern, wem es die Mutter gibt, der erhält es. Gibt sie es aber allen, so teilen (es) alle. Stirbt sie dagegen ohne Willenserklärung, so erhält der (ihren Nachlass), bei dem sie auf dem Hofe war, und der sie ernährte (G.).

Комментарии

Рейц так формулировал смысл статьи: „Наследование в материнском имении не подлежит законному ограничению: мать могла отдать его кому хотела“. „Если она умерла без завещания, то имение брали сын

или дочь, у кого в доме она жила и получала пропитание". „Материнское имение, первоначально только движимое, не принадлежало к наследству. Она отдавала его кому хотела, или получал его тот, у кого она умирала". „Кажется, — муж собственно не имел никакого права над имением жены. Что было ей дано в приданое, то, как движимое имущество, большею частью потреблялось во время брака, но тем не менее было ее собственностью, посему она и могла располагать своим имуществом, как то предоставляла ей Правда, и отдать его кому хотела..." (с. 220 и 204).

Рождественский подчеркивал ограничение: „Матерня часть детям не надобе, но кому хощет, тому дает" — „только не чужим, а детям". „Сие постановление находится в тесной связи с господствовавшими тогда понятиями. Жена только при жизни своего мужа имела семейство, которое составляли муж и его дети, жившие вместе. По смерти мужа семейство расторгается. Сыновья отделяются и начинают составлять новые семейства, то же бывает и с дочерьми, вышедшими замуж. Только мать остается без семейства. Потому никто не имеет права на ее наследство. Эта мысль служила основанием сему постановлению" (с. 36—37).

Попов отмечал: „наследство по смерти матери имеет особый характер". Воля жены — матери в отношении распоряжения имуществом гораздо менее ограничена, нежели воля отца. Она может завещать имение всем детям (и тогда они делят его между собою «даст ли всем, то все разделять») или кому-либо одному. Притом может отдать не только сыну, но даже дочери «кто ю кормить». И этот последний случай законодательство признает за главный, и потому если она умрет без завещания, то ее имущество наследует тот, у кого она жила в доме и кто ее кормил". Вслед за этим вывод: „В этом случае имущество почти не теряет характер семейной собственности и делается личным" (Об опеке, с. 109—110).

Мацейовский полагал, что „после раздела имущества на вдовье и детское вещи шли тем же, что и при жизни отца, порядком, т. е. осиротевшая семья, живя вместе с матерью, управляла имением совместно. Но связь порывалась, если мать или не хотела, или не могла жить дальше с детьми. Этот случай и имеет в виду Русская Правда. Согласно ей, дети (разумеется, несовершеннолетние) могли отказаться от совместной жизни с матерью, но в таком случае они от нее, а не она от них, должны были уйти. Поскольку таким образом семейные узы порывались, постольку и имение после смерти матери принадлежало не им (детям), но тем, кому она его завещала. Если она умирала без завещания, то брал имение тот, кто опекал ее, брошенную детьми" (III, § 37, с. 42).

И. Беляев видел в ст. 103 „полное отрицание того порядка, который был узаконен относительно наследования детьми после отца" (Лекции, с. 261—262).

Цитович, имея в виду такое же сравнение с правами распоряжения отца, указывал, что „именно в отношении наследования после матери, устанавливаемый Р. Пр. порядок наследования носит условный характер". Этот порядок определяется лишь „на тот случай, если мать умрет «без языка»". „Самая предсмертная воля матери носит совсем иной характер, характер субъективного произвола. Воля эта не называется рядом, как воля отца: в своих предсмертных распоряжениях мать может выйти за пределы тех ограничений, которые поставлены для воли отца юридическою необходимостью в виде семейного начала" (с. 166).

Алексеев отмечал: „Вдова после мужа имела, с одной стороны, отдельное имущество, полученное от мужа в собственность («а матерня часть детем не надобе»), а с другой имущество, данное ей на прожиток. Вторым вдова пользовалась пожизненно до вступления в брак. Первым жена могла располагать по своему произволу и даже тогда, когда выходила замуж". Алексеев подчеркивал полную свободу распоряжения этим имуществом. „Доля эта была совершенно отчуждена из родового имения ее мужа, так что не возвращалась в род мужа, поступала к тому из детей, у кого вдова жила в последнее время и умерла, все равно был ли это сын, или дочь, от первого брака или от второго. Такой порядок наследования жены после мужа указывает на то, какими большими правами пользовалась жена относительно той части имущества, которую она наследовала, и, вместе с тем, свидетельствует о важном значении в русском обществе женщины вдовы" (с. 45).

По мнению Владимирского-Буданова, „разница в порядке наследования матери и отца" основывается „на том, что мать остается главою и продолжательницею власти в семье лишь тогда, когда семья остается неразделенною. Но если раздел последовал, и вдова получила свой законный выдел, то она уже не принадлежит ни к какой из новых семей. Она может примкнуть по собственной воле и выбору к какому-либо из детских семейств, к которому в данном случае и приурочивается принесенное ею имущество" (Обзор, с. 495—496). — „Наследство после отца есть продолжение общесемейного права на имущества; наследство после матери есть «остаток» — оставшиеся вещи (Nachlass); мать со своею частью имущества не составляет семьи, ее часть примыкает к имуществу той семьи, куда примкнула она сама" (Хр., I, прим. 149).

Руднев: „Русская Правда прямо заявляет: «Матерня часть детем не надобе», т. е. детям нет до нее дела... Вследствие этого, если мать-вдова передает кому-либо свою часть, то приобревший ее будет

пользоваться полными правами собственника... Ни отказ на случай смерти по ст. 103, ни такой же отказ по ст. 106 не имеют характера наследства в том виде, в каком оно переходит по «ряду» отца". Руднев обращал внимание на то, что распоряжение матери и в самом документе не названо „рядом", и приходил к выводу, что „здесь налицо все главные признаки дарения на случай смерти" (с. 17).

Сергеевич называл ст. 103 „чисто народной" (Лекции, с. 453).

То же подчеркнул и Багалей: „постановления Русской Правды отличаются от западно-европейских и их римских первоисточников значительною властью, предоставленной вдове" (I, с. 194).

Синайский сравнивал ст. 103 с законами Хаммураби: „§ 150. Если муж дал своей жене поле, лес, дом, движимость и оставил ей документы за печатью, тогда ее дети по смерти ее мужа, ничего не могут (от нее) потребовать. Мать может, на случай своей смерти, дать тому сыну, которому она пожелает, и не дать другому (сыну)" (с. 77).

Статья 104

Аже будуть двою мужю дети, а одиное матери, то онем своего отця задниця, а онем своего.

Переводы

Ежели случатся двух отцов а единыя матери дети, то те и другие получают имение отца своего (Б.).

Jeżeli będą dzieci dwóch ojców, a jednej matki, to tym należy majątek swego ojca, a onym swojego ojca (R.).

Wenn zweier Männer Kinder da sind, aber einer Mutter, dann ihnen das Seinige (Ew.).

Если будут дети разных отцев, но одной матери, то каждый сын берет отцовское (Пл.).

Если будут дети разных отцов, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, то наследуют одни одного, другие другого отца имущество (Ст.).

Wenn Kinder von zwei Männern da sind, aber von einer Mutter, so erhalten die einen die Erbschaft ihres Vaters, die anderen die des ihren (G.).

Комментарии

Неволин: „Постановления Русской Правды [ст. 104 и 94], по которым из сведенных детей каждый наследовал в имении своих родителей, имели своим основанием раздельность имуществ супругов", которая „была коренным началом русского, также как и греко-римского законодательства" (V, с. 344 и III, с. 92).

Алексеев добавлял: „Эта раздельность, отсутствие всякого слияния, есть отличительная черта древнего русского права" (с. 12—13).

„Это узаконение, — писал И. Беляев, — кажется заимствовано в основных своих чертах из Эклоги Льва Философа, но оно отличается от статьи Льва Философа тем, что по последней вотчим, при-

нимая имение детей своей жены от первого ее мужа, обязан бы обеспечить его собственным имением“ (Лекции, с. 262).

Владимирский-Буданов сопоставлял ст. 104 со ст. 99: „В семье сводной — две семьи, и они не должны смешиваться; если один глава распоряжается и имуществом своей семьи, и имуществом своих пасынков (ср. ст. 99), то по смерти его обе семьи и оба имущества, искусственно соединенные, вновь разделяются“ (Хр., I, прим. 150).

Статья 105

Будеть ли потерял своего иночима что, а онех отця, а умреть, то възворотить брату,[1] на не же и людье вылезуть, что будеть отець его истерял иночимля; а что ему своего отця, то держить.

Переводы

Естьли ж последний матери их муж часть имения пасынка своего утратит, и сам умрет, то сыну его возвратити брату своему единоматернему траченное отцом его имение, сколько онаго явится утрачено по показанию свидетелей, при коих он принимал имение пасынка своего (Б.).

Jeśli by zaś ojczym, utraciwszy co swoich pasierbówa onych ojca, umarł, tedy to brat powrócić ma, a to wedle świadectwa ludzi, co ojciec jego pasierbom utracił, a resztę to co z majątku ojca jego pozostanie, to zatrzyma (R.).

Verlor einer etwas seines Stiefsohnes oder dessen Vaters und stirbt, so erstatten die Brüder, nachdem es die Leute bekräftigen, was der Vater seinem Stiefsohne verlor; aber was seines eigenen Vaters ist, das behält er (Ew.).

Если второй муж растратил имение своего пасынка, поступившее к нему от родного отца, и умер, то дети сего расточителя должны возвратить оное единоутробному брату, согласно с показанием свидетелей; он должен непременно получить отцовское имение (Пл.).

Если второй муж растратит что-либо из имущества первого, отца своих пасынков, и умрет, то его сын должен вознаградить своих единоутробных братьев за растрату, сделанную его отцом, сколько ее покажут свидетели; а что затем у него останется из отцовского наследства, тем он владеет (Ст.).

Verliert [ein Stiefvater als Vormund] etwas von seinem Stiefsohn und ihrem Vater und stirbt, so erstattet der [erbende] Bruder, wenn gegen ihn Leute auftreten, was sein Vater dem Stiefsohn verlor. Aber was ihm von seinem Vater gehört, das behält er (G.).

---

[1] *С* возворотять братья.

Комментарии

Болтин: „иночим — пасынок, иночимль — пасынку принадлежащий".

По Дубенскому „иночим — первый муж по отношению ко второму" (с. 130).

Срезневский: „иночим, иночимль — отчим, принадлежащий отчиму" (I, с. 1107).

Карский объяснял: „Слово это состоит из «инъ + отъчим». Ввиду того, что здесь имеются в виду дети двух отцов, то у каждой группы, естественно, окажется свой отчим, который по отношению к другой группе будет «иночим»" (с. 102).

Попов: „Отсюда видно: a) что малолетние имели право иска на опекуна; b) что этот иск доказывался свидетелями, потому что опекун при свидетелях принимал имение малолетних; c) что этот иск был вещным и потому не прекращался со смертью опекуна, но переходил на его детей" (Об опеке, с. 103).

Еще Рейц заметил: „Все имели обязанность вознаграждать то, что проживали из детского имения. Таковая обязанность отчима по точным словам закона переходила даже на его наследников, ибо дети были в праве получать имение сполна по показанию свидетелей" (с. 208).

Неволин: „Из... завещаний, а еще более из различных законодательных памятников видно, что вместе с имуществом и правами к принявшему наследство переходили и обязанности: 1) платить долги умершего, 2) выполнять обязательства по договорам и 3) вообще ответствовать в исках по имуществу" (V, с. 462).

И. Беляев обратил внимание в данной статье на активную роль общины в охране прав малолетних наследников. „Община строго следит за семействами, как за своими членами, наблюдает, чтобы один член общины не терпел убытка от другого члена; община дорожит благосостоянием семейств и сама вступается в чисто семейные дела, свидетельствует имение, оставшееся малолетним после отца и является удостоверителем при разделе" (О наследстве, с. 40).

Н. Дювернуа, полагая, что „статок значит Gut — имение, а не Vermögen — имущество", ставил вопрос — а нет ли в древнем русском праве указаний на обязательства, которые продолжают существовать и после смерти сторон, как переходящие на наследника? „Только в одном месте, говоря о вотчиме-опекуне, который истратил имение своих пасынков и умер (вопрос близкий, но не тождественный с нашим), Правда требует, чтоб дети отвечали за действие своего отца". И добавлял: „Не совсем ясно, идет ли тут речь о вознаграждении за убытки или о возвращении присвоенных вотчимом вещей. Последнее вероятнее,

ибо подлежащая статья [ст. 104—105] говорит о разделе остатка" (с. 139—140).

Определеннее высказывался Сергеевич: „Вместе с имуществом умершего на наследника переходила и ответственность по его обязательствам. По ст. 105 на детей от второго мужа (одной и той же матери) вместе с задницей отца их переходит обязанность уплатить детям первого мужа все то, что отец их утратил из имущества их отца. В договоре Мстислава Смоленского (1229 г.) начало это выражено в виде общего правила: «Аже латинянин дасть княжю холопу в заем, или иному добру человеку, а умреть не заплатив, а кто емлеть его остаток [по другой редакции — задница], тому платити немчину» (Лекции, с. 560).

Руднев, также сравнивая ст. 105 со статьей 12 Смоленского договора, признал, что „в то время как немецкое право обращает взыскание только на наследника движимостей, наследника же недвижимой собственности не привлекает к ответственности, — русское право разумеет наследника вообще". „Такой смысл статьи Смоленского договора является в ярком свете при сравнении ее с постановлением Пр. Р., данным по частному случаю, но имеющим капитальный общий интерес. Именно ст. 105 говорит: когда после смерти отца остались дети, и второй муж его вдовы пожелает распоряжаться и имуществом пасынков, и имуществом своей семьи, но при этом «растеряет» часть имущества пасынков, то обязательство вознаградить их потери переходит на наследников вотчима, в данном случае на его детей: «будет ли что потерял своего иночима, а онех отца, а умрет... то взворотити брату... что будет растерял отец его иночимля». Значит и для Русской Правды **переход прав на наследника** не одних вещных, но и **обязательственных прав** — совершенно сходно со ст. 12 договора 1229 г. — вовсе не составляет такой уж новости как полагают" (Руднев имел в виду мнение Н. Дювернуа). „Итак, в понятии задницы заключается глубокая мысль об универсальном наследовании всей совокупности имущественных прав умирающего. Вместе с тем «рядом» передается дом или, что все равно, задница. Следовательно, **ряд Русской Правды прежде всего есть акт универсального наследования...**" (с. 14—15).

Струмилин толкует расширительно: „Сын отчима-опекуна, растратившего что-либо из имущества опекаемых пасынков, вместе с достоянием своего отца наследует и его обязательства в отношении этих пасынков. Приведенная статья [ст. 105] имеет в виду частный случай, в котором, кстати сказать, речь идет о наследовании обязательства из деликта (растраты), а не из договора. Тем не менее едва ли есть основание сомневаться, что совершенно также подлежали наследованию и договорные обязательства" (с. 54).

Статья 106

А матери, которыи сын добр, перваго ли[1] другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будуть лиси, а дчери может дати, кто ю кормить.

Переводы

Касательно материна имения, которой сын будет более к ней почтителен, перваго ли мужа, или втораго, тому она волю имеет оное отдать; а ежель и вси сыновья будут к ней непочтительны, то может отдать имение свое дочери, которая ее содержит (Б.).

A co się tyczy matki, tedy który syn był dla niej dobrym, czyli t zspierwszego czyli z drugiego męża, to temu da swój majątek, jeśli z a wszyscy synowie będą lichymi, to może dać córce, która ją karmi (R.).

Und die Mutter gebe das Ihrige demjenigen Sohn, welcher gut gegen sie war. Wenn alle Söhne böse sind, so kann sie es auch der Tochter geben, welche sie ernährte (Ew.).

Что касается до матери в сем случае, то она отдает имение тому сыну, который был добрее, не разбирая того, с которым мужем прижит ею; если сыновья все были злы, то она в праве отдать имение и дочери, которая ее содержит (Пл.).

Что касается до матери в этом случае, то она отдает свое имение тому сыну, который был добрее, не разбирая того, с которым мужем прижит ею; а если сыновья все были злы, то она вправе отдать имение и дочери, которая ее содержит (Ст.).

Aber die Mutter gibt dem Sohn das Ihre, der gut (gegen sie) war, sei er von dem ersten oder von dem zweiten Mann. Sind alle ihre Söhne böse, so kann sie (das Ihre) auch der Tochter geben, die sie ernährte (G.).

---

[1] *НС, МП добавлено* мужа.

Комментарии

Неволин сделал такое замечание к заключительным словам статьи: они „показывают, что право наследования было в этом случае как бы возмездием и наградою за сыновнюю или дочернюю попечительность о матери“ (V, с. 344).

Владимирский-Буданов полагал, что ст. 106 „есть как бы повторение ст. 103, но может быть здесь речь идет не о вдовьей части из обще-семейного имущества, а о собственном имуществе вдовы (которое она принесла в виде приданого)“ (Хр., I, прим, 151). „Мысль о том, что мать может примкнуть со своим имуществом к постороннему (при непочтительности всех детей), отнюдь не вытекает из текста Русской Правды. Согласно церковным уставам надо думать, что в таком случае вдова находит приют в церкви“ (Обзор, с. 496).

Цитович пояснял: „Сначала мать должна испробовать житье у сыновей, и только тогда, когда все они окажутся лихими, может перейти к дочери“ (с. 166).

Сергеевич делал вывод, „что если и дочь, подобно сыновьям, была не хороша, то мать могла и ее устранить и передать свое имущество дальнейшему родственнику, а, наконец, и постороннему лицу. Относительно матери право устранить всех сыновей — несомненно“. „Но неужели отец имел меньше прав, чем мать? ...Надо думать, что и отец мог устранить всех детей от наследства“. В подкрепление своей догадки он обращался к Псковской Судной грамоте: „Аже сын отца или матерь не скормит до смерти, а пойдет из дому, часть ему не взять“. „Если сын, произвольно оставивший родителей, устранялся от наследства в силу закона, то неужели отец был обязан в завещании наделять такого сына? Эта практика сохранилась до наших дней в обычаях крестьян Архангельской губернии. В случае оскорбительных поступков детей родители могут лишить их наследства; между покорными детьми они распределяют наследство по усмотрению“ (Лекции, с. 538).

Статья 107

А се уроци судебнии. А се уроци судебнии: от виры 9 кун, а метелнику[1] *9 векошь, а от бортное земли 30 кун,*[2] *а о[т]*[3] *инех о[т]*[3] *всех тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метелнику 6 векошь.*

Переводы

Пошлину с судов брать по нижеписанному: от уголовного суда судье 9 кун, а дьяку 9 векош. От тяжбы в бортной или пашенной земле судье 30 кун, дьяку 12 векош. От дачи свободы рабу, судье 9 кун, а дьяку 9 векош. От всех прочиих тяжеб брать пошлины с того, кого оправят, судье по 4 куны, а дьяку по 6 векош (Б.).

A to uroki sądowe: od wiry 9 kun, a metalnikowi 9 wiewiorek; a od ziemi bartnej kun 30, a metalnikowi 12 wiewiorek, a od rolnej ziemi tyleż, a od uwolnienia niewolnika 9 kun, a metalnikowi 9 wiewiorek), a od wszystkich innych spraw komu pomogą (kto wygrywa, po 4 kuny, a metalnikowi po 6 wiewiorek (R.).

Und dies sind die Gerichts-Gebühren: vom Wehrgelde 9 Marder, und dem Gehüfen (метельнику) 9 Eichhörnchen, und vom Bienenstamm-Lande 30 Marder, und von allen anderen Rechtsstreitigkeiten die, welche helfen, zu 4 Mardern und dem Gehülfen 6 Eichhörnchen (Ew.).

Следующие пошлины определяются с судов: из виры судье 9 кун помощнику 9 векш; с бортной земли 30 кун, а во всех прочих тяжбах с того, кого оправдают, судье брать по 4 куны, а помощнику 6 векш (Пл.).

А вот урочные пошлины судебные. А вот обычные пошлины судебные: от присуждения к платежу виры судье — 9 кун, помощнику (метельнику) — 9 векош; с дела о бортной земле 30 кун, а во всех прочих тяжбах с того кому присудят, судье брать по 4 куны, а помощнику (метельнику) — по 6 векош (Ст.).

---

[1] *С* мятельнику.

[2] *А II, К доб.* а метелнику 12 векши, а от ролеиной земли тако же, а освободивше челядин 9 кун, а метелнику 9 векошь.

[3] *в Т описка:* о.

Und das sind die Gerichtsabgaben. Vom Wergeld 9 Kuna, und dem Schwertträger 9 Věkša und vom Bienenland 30 Kuna, aber von allen anderen Streitsachen (zahlt der) dem sie [die Entscheidungen der Richter] helfen, je 4 Kuna und dem Schwertträger 6 Věkša (G.).

Комментарии

Болтин: „Судебные уроци — пошлины с судов, положенная плата судье за решение дела". „Помогуть": „сиречь кого по суду оправят".

Калачов: „На обвиненном по суду, кроме удовлетворения истца и пени в пользу князя, лежит также обязанность заплатить судебные пошлины, которые по Русской Правде состоят в определенном денежном вознаграждении лиц, принимавших участие в судопроизводстве" (с. 224).

Ланге пояснял начало статьи: „Хотя здесь и не говорится, кому давались 9 кун; но не может быть сомнения, что вирнику, так как в Правде за платой вирнику всегда стоит плата метальнику или емцу. И так с истца по делам об убийстве вирник получал помочного 9 кун, а емец 9 векошь". Кроме пошлины с продаж, с плативших их ответчиков, вирник и емец получали с истцов по тем же делам помочного: первый по 4 куны, а второй — по 6 векошь. „В Правде сказано: «А от иных от всех тяж, кому помогуть, по 4 куны, а метальнику по 6 векошь» [т. I наст. изд., с. 451; Тр. IV сп.]. Слова: всех иных противопоставлены здесь особым тяжам, упоминаемым в уставе Мономаха [ст. 107 Тр. IV], и этих последних было немного; следовательно, к числу всех иных тяж должно относить все дела, по которым взыскивались продажи... Особые тяжи [в соответствии с Тр. IV сп., текстом которого пользовался Ланге] были следующие: 1) иск челядина о свободе; 2) иск о земле бортной и 3) иск о земле ролейной. Так как пошлины с этих исков помещены в число помочных, то без сомнения они взыскивались с истцов. С иска челядина о свободе вирник получал 9 кун, а метальник 9 векошь, с исков же о землях бортной и ролейной — вирник по 30 кун, а метальник — по 12 векошь" (с. 86 и 90—91).

Н. Дювернуа конкретизировал выражение „кому помогут". Спорную вещь собственник берет сам у ответчика. „Вся деятельность власти в этом отношении выражалась лишь содействием, которое Русская Правда называет помощью" (с. 202).

И. Беляев: „Из этой статьи Русской Правды видно, что судебные пошлины платила та сторона, которая выиграла дело,—«кому помогут» сказано в статье]. А на вопрос — как исчислялся этот платеж: с каждого ли тяжебного дела только по 4 куны или как иначе, — Беляев отвечал: „кажется

правильно“ будет допустить, что здесь закон говорит о процентах с тяжебной гривны...“ (Лекции, с. 151).

Сергеевич: „Первое определение судебных пошлин встречается в Русской Правде... Если дело о земле, то взимается 30 кун, а метельнику 12 векш, а со всех других дел кому помогут, по 4 куны“. Особенностью Р. Пр. является, по мнению Сергеевича, то, что „пошлины взимались с дела, несмотря на его цену“ (Лекции, с. 330 и 331).

Владимирский-Буданов к словам: „От виры 9 кун“ — дал пояснение: „Разумеется, не вирнику, ибо в ст. 9 Пр. Пр. вирнику полагались 8 гр.; здесь разумеются судебные пошлины“. К словам „а метальнику 9 векошь“ — „по ст. 9 Пр. Пр. полагается метальнику 12 векошь. Очевидно, что это постановление о судебных уроках не имеет ничего общего с уставом о вирных уроках“ (Хр., I, прим. 153 и 154).

Статья 108

О заднице. Аже братья ростяжються перед княземь о задницю, которыи детьскии идеть их делит, то тому взяти гривна кун.

Переводы

Ежели братья будут тягаться между собою о наследии пред князем, то которой детеск послан будет для раздела их, тому взять с них за труд свой гривна кун (Б.).

Jeżeli bracia pozywać się będą przed księciem o sukcessję, to który dziecki będzie ich dzielić, ten ma wziąć grzywnę kun (R.).

Wenn Brüder sich streiten vor dem Fürsten über die Hinterlassenschaft, so nimmt der Geheimschreiber, welcher sie zu theilen geht, eine Marder-Grivna deshalb (Ew.).

Если братья станут между собою тягаться о наследии пред князем то дьяк, посланный для их раздела, получает гривну кун, за труд (Пл. .

Если братья станут между собою тягаться о наследстве пред князем, то детский, посланный для их раздела, получает гривну кун (Ст.).

Wenn Brüder vor dem Fürsten über die Erbschaft streiten, dann erhält der Schreiber 1 Grivna-Kun, der hingeht, die Teilung vorzunehmen (G.)

Комментарии

Попов и в этой статье искал указаний — семейная или личная собственность выступает перед нами в Р. Пр.? „Детский посылается князем вследствие спора, стало быть до спора деление наследства принадлежит самим детям“. Оно „предоставлено свободной воле и не обусловливается ни естественным элементом семейства, ни государством: 1-й имеет только нравственное влияние на волю завещателя, 2-е восполняет недостаток этой воли“ (Об опеке, с. 111).

Неволин так разрешал противоречие, в каком находится ст. 108, указывающая на подсудность князю дел о наследстве, с действовавшими

у нас в этой области грекоримскими законами и свидетельством церковного Устава князя Владимира о подсудности духовенству дел о наследстве: „До тех пор, пока устав, предоставлявший дела о наследстве духовному суду, не получил полной практической силы, раздел наследства между наследниками мог быть, конечно, производим столько же светским начальством, сколько и духовным" (V, с. 470—471).

Никольский отметил, что „у богемцев раздел производился пред судом, с соблюдением формальностей и т. д.; то же было и у древних поляков, так было, наконец, и у нас..." (с. 330).

Н. Дювернуа подчеркнул, что „обращение к детскому в Русской Правде вовсе не предписывается, а предоставляется только, ибо статья о детском, которая имеется лишь в позднейших редакциях, есть, собственно, определение урока детскому на случай его призыва, для раздела", и что „ни уставы, ни Правда в этом месте не дают нам средств заключить, в чем именно власть духовная исключала деятельность светской власти в этих делах, ибо понятие суда и деятельность судьи в X и XI вв. очень отличались от современных". „Мы думаем, здесь тоже нужны послухи и между ними должен быть поп" (с. 35, 36, 107).

Владимирский-Буданов, в противоположность Неволину, считал, что противоречие между церковным уставом, указывающим на подсудность семейных и наследственных дел суду церковному, и постановлением нашей статьи „можно объяснить или тем, что статья Р. Пр. явилась в отмену постановления устава, или тем, что предоставляется произволу тяжущихся обращаться к церковному или княжескому суду" (Хр., I, прим. 152).

Касаясь именно этой условности и предоставляемого тяжущимся выбора судьи, Голубинский писал: „Толковать образ выражения «Аже ростяжутся» так, что тяжущимся предоставляется обращаться к суду князя, если они не хотят итти на суд епископа, натянуто и неосновательно. По характеру нашего суда... у нас не могло быть того, чтобы тяжущимся было предоставлено по произволу обращаться к тому или другому суду. Словом «аже», которое в данном случае действительно сообщает речи некоторую неопределенность, начинается в Правде чуть не каждый параграф или каждая статья." „Но относительно тяжеб о наследстве мы имеем положительное свидетельство, что при Ярославе они подлежали суду князя" (т. I, 1-я половина, с. 345, прим. 1-е).

Сергеевич считал, что дела о наследстве ведались духовным судом. „Но нельзя думать, что церковный суд ведал эти дела исключительно. В Русской Правде есть статьи, сохранившие русские народные обычаи. Они попали в Правду из практики светских судов". „Здесь конкуренция судов. В древнее время подсудность княжеских и епископских

судов едва ли могла быть строго разграничена. Разграничение могло еще иметь место в чисто церковных делах да еще в церковных людях. Но трудно допустить, чтобы какой-нибудь князь отказался рассмотреть спор о наследстве по неподсудности ему дел этого рода. Наши предки едва ли были в состоянии оценить пользу такой юридической тонкости" (Лекции, с. 73—74).

Пресняков: „противоречие между Русской Правдой и уставами относительно споров о наследстве, в сущности, мнимое. Русская Правда не говорит о подсудности спора о наследстве князю, а лишь о том, что «аще братья ростяжються перед князем о задницю, который детьский идет их делить, то тому взяти гривна кун»; тут по существу дела не подсудность, а обращение к третейской роли княжого чиновника при спорах о семейном разделе. Уставы Владимиров и зависящий от него Всеволодов относят спор братьев или детей о наследстве к судам, которые даются «церквам, всем епискупиям на Русской земле», с оговоркой, что «князем и боярам и судьям в те суды не вступатися». Тут, наряду с попыткой духовенства монополизировать в свою пользу известную функцию, можно видеть, ввиду того что речь идет о споре, решаемом в порядке третейского разбирательства, конкуренцию двух тенденций. Но как бы то ни было и последний пример, и весь характер истории текста уставов [церковных] заставляет видеть в них скорее выражение стремлений и притязаний духовенства, чем кодификацию норм действовавшего права" (Лекции, I, с. 117—118).

Статья 109

Уроци ротнии. А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьное земли 30 кун бес трии кун, тако же и от ролеиное земли; а от свободы 9 кун.

Переводы

Следуют пошлины с дел, кои присягою решились. От уголовнаго суда 30 кун, от тяжбы в бортной земле 27 кун, от увольнения раба 9 кун. (Б.).

A to uroki rotne: od głowy 30 kun, a od bartnej ziemi 30 kun bez 3 kun, także i od rolnej ziemi, a od uwolnienia niewolnika 9 kun (R.).

Und diess sind Eid-Gebühren: vom Kopfe 30 Marder, und vom Bienenstamm-Lande 30 Marder weniger drei Marder; eben so viel vom Ackerlande, und von der Freiheit 9 Marder (Ew.).

Следующие пошлины определяются с дел, присягою решаемых: от уголовного суда 30 кун, с тяжбы в бортной и пахатной земле 27 кун; по делам вольноотпущенных 9 кун (Пл.).

А вот урочные пошлины за принесение на суде присяги. А вот обычные пошлины с дел, присягою решаемых: от дел по обвинению в убийстве — 30 кун; с тяжбы в бортной и пахотной земле — 27 кун; от дел об освобождении из холопства — 9 кун (Ст.).

Eidesabgaben. Und das sind die Eidesabgaben: vom Kopf 30 Kuna und vom Bienenland 30 Kuna weniger 3 Kuna, ebenso vom Ackerland und von Befreiung 9 Kuna (G.).

Комментарии

Болтин: „От свободы — от дачи рабу свободы".

По Ланге, „уроци ротнии" — это пошлина от привода к присяге. „От головы 30 кун" — „эти уроци, кажется, соответствовали нашей позднейшей пошлине у целованья. Без сомнения, их платил тот, по чьему требованию свидетели присягали, и платил

с головы, т. е. с числа лиц, приведенных к присяге. По соображениям количества железной пошлины с количеством ротной, можно полагать, что последнюю получал вирник" (с. 91—92).

И. Беляев: „Ротные уроки взимались на князя при приводе к присяге или роте, т. е. когда кто очищал свою тяжбу присягою..." (Лекции, с. 152).

Мрочек-Дроздовский: „Ротнии (уроки) — пошлины при покупке и продаже имуществ... Обыкновенно считают ротные уроки судебными пошлинами с дел, решаемых присягою... но содержание статьи: «А се уроци ротнии», в особенности по сравнению этой статьи с постановлением о судебных уроках, показывает, что здесь речь идет не о суде, а о сделках" (Исслед., вып. 2, с. 259).

Владимирский-Буданов „На основании этой статьи полагают, что ротою могли решаться и дела об убийстве. Быть может, под «головою» здесь разумеется обращение в рабство" (Хр., I, прим. 155).

Устав о холопах[1]

Комментарии

Еще Н. Дювернуа выдвинул мысль о том, что „статья о холопстве [ст. 110—121] очевидно, сперва была выработана отдельно от Правды и потом присоединена к ней. О холопах прежде было говорено несколько раз, то по отношению к вопросу о доказательствах, то об цене их, то, наконец, об убийстве" (с. 84).

Ключевский указывая, что в ст. 110 „отмечены только три источника обельного, полного холопства", между тем как „из других статей той же Правды видим, что неволя возникала и из других источников" (разбоя, конокрадства и торговой несостоятельности), — признавал ст. 110—121 „особым отделом, одним из позднейших, внесенных в Правду, частичным[2] уложением о холопстве, составленным без соображения[2] с целым, в состав которого оно попало" (I, с. 287).

Грушевский полагал, что общие условия хозяйственной, общественной и политической жизни Киевской Руси вели к увеличению числа рабов. Несмотря на то, что количество пленных уменьшалось, по его мнению, росли экономические причины, благоприятствующие развитию рабства: большое количество постановлений Р. Пр. об этом говорит слишком ясно (III, с. 328).

Пресняков отметил связь устава о холопах с уставом о закупах: ст. 63, 65, 66 и 110—121 „можно назвать, пожалуй, уставом о холопах, так как тут целый свод статей, притом объединенных термином «холоп» в отличие от более архаического «челядина» статей 38 и 47 [А, 32 и 38]. При этом то обстоятельство, что статьи 83, 87—89 [А, 63, 65, 66] попали в ряд статей о закупе, и, с другой стороны, положение статьи 143 [А, 111], которую следует отнести к закупу, хотя он в ней и не назван, среди статей о холопстве указывает, повидимому, на связь между двумя уставами — о полусвободных и несвободных

[1] Ст. 110—121 в целом. Постатейный комментарий см. ниже, с. 700—743.
[2] Разрядка моя, — *Б. Р.*

боярских людях". „Характерно", что статью 110 „сводчик, повидимому, добросовестно понял... как перечень видов обельного холопства, не заметив, что тут отмечены не основные источники холопства (плен, рождение от холопа, продажа в холопы за преступление, за несостоятельность и т. п.), а случаи наиболее спорные: фиктивная продажа, женитьба на рабе, личное услужение, и разрешены с презумпцией в пользу порабощения. Статьи о беглом холопе и о холопе преступнике (144—155, 57, 83, 87—88) [А, 112—121, 46, 63, 65] тщательно защищают интересы холоповладельца, предоставляя ему в последнем случае выбор между выкупом холопа и утратой его". Устав о холопах, с этими его тенденциями, Пресняков выдвигал как симптом роста боярского землевладения, получившего в Пр. Правде отражение наряду с „нуждами торгового быта и долгового права". Пр. Правда „создавала новое право, закреплявшее создавшиеся социально-экономические отношения, формулируя и упорядочивая их", и здесь „наряду с купцами... стоит княжеская и боярская среда, как представительница капитала". „Уставы Мономаха [о резах и закупах] были актом самозащиты социальных верхов от народного раздражения. И недаром рядом и в связи с ними стоит устав о холопах" (Лекции, I, с. 222—223, 227).

Греков полагает, что устав о холопах „составлен с явной тенденцией притупить жало рабства". Свое мнение Греков основывает на том, „что Русская Правда, указывая на три источника обельного холопства, тут же рекомендует, каким способом можно уберечься от опасности попасть в категорию рабов: если при продаже раба не было послухов или продаваемый не видел, что за него платили деньги, — он не холоп; при вступлении в брак с рабыней или при поступлении на работу к хозяину стоит заключить договор, и угроза холопства аннулирована". О том же говорит и ст. 111, предупреждающая хозяина, приобретающего рабочую силу при помощи ссуды хлебом или деньгами, что „вдач" не холоп (Киевск. Русь, с. 106 и 121—122).

Юшков считает, что устав о холопах „свидетельствует об изменившемся положении холопов в XII в. в смысле увеличения их хозяйственной самостоятельности и расширения их публичных и гражданских прав" в связи с превращением холопов в феодально-эксплоатируемых сервов (Очерки, с. 64).

Романов, признавая тесную связь уставов о холопах и о закупах, не думает, однако, чтобы ст. 110—121 „получили письменную формулировку одновременно со ст. ст. 56—66 и 53—55 и даже вообще при Мономахе: 1) словарный состав ст. 111 (в частности, отсутствие в ней терминов «закуп» и «наймит»...) скорее указывает на иную руку, чем та, которая формулировала ст. ст. 56 и сл.; 2) если бы ст. ст. 63, 65 и 66 действительно были текстуально связаны со ст. ст. 110—121, то трудно

объяснить одинокое положение ст. 89 и столь крайнее отдаление в тексте Пр. Пр. ст. ст. 110—121 от ст. ст. 56—66; 3) статьям 63, 65, 66 и 89 нет возможности указать подходящее место среди ст. ст. 110—121, тогда как место, занимаемое ими в действительности, находит себе объяснение в логической спайке их с соседними статьями. Но и независимо от этих текстологических соображений, устав о холопах (ст. ст. 110—121) не просто имеет дело с иной общественной группой эксплоатируемой массы, а отражает иной, может быть и близкий к уставу о закупах, момент феодализации на почве разложения свободной сельской общины и разорения городских низов в середине и 2-й половине XII в. и борьбу, возникшую вокруг этого устава. В ст. 110 и 111 законодатель поставил себе целью в четких формулах определить условия, при каких входящий в состав феодального двора признавался обельным холопом и при каких безусловно сохранял свою свободу“ (Уч. пос., с. 86). — Романов считает немыслимым, чтобы господа не попытались открыть борьбу против устава о закупах посредством самых разнообразных мелких маневров, и один из этих маневров вскрывает анализом ст. 110 и 111 Устава о холопах. Этот анализ, вопреки Ключевскому, ведет к заключению, что устав о холопах хорошо „соображен“ с уставом о закупах. Историческая связь здесь заключается в том, что устав о холопах был ответом законодательства на реакцию, вызванную в господской среде уставом о закупах. Составитель устава о закупах выяснял понятие закупа путем сопоставления и противопоставления его холопу. Составитель же устава о холопах воздержался от упоминания имени закупа даже тогда, когда ему понадобилось противопоставить холопу, тоже для выяснения этого понятия, какую-нибудь общественную категорию, которая была бы холопу близка, но обладала бы свободой (ст. 111). Умолчание здесь о закупе можно считать преднамеренным именно потому, что составитель устава о холопах „соображал“ свой текст с текстом устава о закупах и свое законодательное действие — с новым для него общественным явлением. В ст. 111 он хотел защитить от неволи новую категорию работных, которую он только описал, потому что и назвать ее не умел. На эту категорию, очевидно, устремилась теперь поработительная политика господ. Устав о холопах в этом пункте направлял свое острие в поработительные маневры этих господ. Это не значит, что устав о холопах покушается на самый институт обельного холопства. Устав исходит из мысли о праве всякого свободного вступить в обельное холопство. Устав только требует удостоверения добровольности этого акта. [*Б. Р.*].

Яковлев, подобно Преснякову, видит связь между уставами о закупах и холопах. Устав о закупах Яковлев называет „жалким опытом законодательства княжеской власти в пользу социальных низов“, на что

реагировали социальные верхи: „на робкие и несмелые статьи о закупах и вдаче верхи рабовладельческого общества ответили крупным и необычайно пространным для Правды и для своей эпохи холопьим кодексом, систематически выраженным в целых 14 статьях, составленных несомненно по цельному и обдуманному плану, и этот холопий кодекс Правды дополняет и иллюстрирует общую картину закрепостительных тенденций княжеско-боярско-дружинного хозяйства“ (Холопство, 21).

Статья 110

О холопьстве. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дасть перед самем холопомь; а второе холопьство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомь, токако ся будеть рядил, на том же стоить; а се третьее холопьство: тивуньство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду; с рядомь ли, то како ся будеть рядил, на том же стоить.

Переводы

Холопство полное есть трех родов. Первое, кто купит холопа, хотя б за полгривны, но при свидетелях, и деньги отдаст при самом холопе. Второе холопство, кто женится на рабе без договора; а ежель с договором, то как был договор, так тому и быть. Третие холопство, ежели кто пойдет в прикащики или в ключники к кому без договора; а ежель с договором пойдет, то так быть, как был договор (Б.).

A chłopstwo obelne jest trojakie. Gdy kto kupi choćby i za pół grzywny, a świadków postawi, a nogatę da przed samym chłopem, a nie bez niego. A drugie chłopstwo jest, gdy pojmie niewolnicę bez poprzednij umowy, p͘ojmie li za poprzednią umową, to jako się umówił, na tem stoi. A trzecie chłopstwo jest ciwunstwo bez poprzedniej umowy, lub gdy bez umowy klucz do siebie przywiąże, jeżeli zaś z umową, to jako się umówił, na tem stoi (R.).

Die leibeigene Knechtschaft ist dreifach: wenn jemand sie kauft, obgleich um eine halbe Grivna, Zeugen dazu aufführt, und vor dem Knechte selbst die Nogata giebt; und eine andere Knechtschaft ist, wenn jemand eine Magd nimmt ohne Bestimmung; nimmt er sie mit Bestimmung, wie es dann bestimmt ist, so bleibt es; die dritte Knechtschaft ist der Schuldheissen Amt ohne Bestimmung, oder wenn jemand sich die Schlüssel anbindet ohne Bestimmung; oder mit Bestimmung, dann wie es bestimmt ist, bleibt es (Ew.).

Холопство полное есть трех родов: первое, когда кто купит человека, хотя бы и за полгривны, поставит свидетелей и отдаст деньги при самом холопе; второе, когда кто женится на рабе без всякого условия; если же сделано будет при сем условие, то он остается на тех правах,

как было условлено; третие, когда кто без условия же пойдет в слуги или в ключники; если же было учинено условие, то как условливался, так при том и оставаться (Пл.).

Холопство полное—трех родов: первое, когда кто купит человека, хотя бы и за полгривны, и поставит свидетелей, а отдаст ногату при самом холопе. А второе холопство, когда кто женится на рабе без всякого условия; а если женится с условием, то он остается на тех правах, как было условлено. А вот третье холопство, когда кто без условия же пойдет в тиуны или в ключники; если же было заключено условие, то остается на тех правах, как было условлено (Ст.).

Die volle Sklaverei ist eine dreifache. Wenn jemand sie kauft, sei es auch nur um eine halbe Grivna, und Zeugen stellt und eine Nogata vor dem Sklaven selbst übergibt. Die zweite (Art der) Sklaverei ist: man nimmt eine Magd zur Frau ohne Vereinbarung; nimmt man (sie) aber unter einer Vereinbarung, dann bleibt es bestehen, wie es vereinbart ist. Und das ist die dritte (Art der) Sklaverei: (man übernimmt) das Amt eines Tiun ohne Vereinbarung, oder man bindet sich den Schlüssel an ohne Vereinbarung; (tut man es) aber unter einer Vereinbarung, dann bleibt es bestehen, wie es vereinbart ist (G.).

Комментарии

Болтин сопоставлял ст. 110 с выражениями Судебника Ивана Грозного: „холоп по ключу по сельскому с докладною... а по городскому ключу не холоп... а по сельскому ключу без докладные не холоп": „здесь [в Р. Пр.] смысл и значение сего слова [ключ] гораздо яснее видны нежель из Судебника... а потому без всякого сумнения можем сказать, что говорится здесь о ключнике сельском или дворовом, которой в руках имел все запасы сельские и домовые, и в приходе и расходе оных давал хозяину отчет. Ключник, яко чиновный человек, отличался от прочих рабов ношением при поясе ключа, яко знака, свидетельствующего его должность и доверенность".

Дубенский выражение „а ногату даст перед самим холопом" переводил: „заплатит пошлину мытнику в присутствии самого холопа и представит свидетеля" (с. 132).

Чичерин не принял этого толкования Дубенского. „В Р. Пр. рабство является, как вполне развитое учреждение. Здесь исчисляются три источника холопства обельного, т. е. полного: 1) купля перед свидетелями, причем покупщик должен был дать продавцу по крайней мере ногату (мелкую монету) в присутствии холопа, а не без него. Вероятно, это было установлено для большей крепости договора, который совершался без формального акта; в случае спора о принадлежности холопа или о его свободе, дело могло быть решено его показанием или присягою... (2 Женитьба на рабе без ряда... Впоследствии всегда существовало

правило: по рабе холоп, а по холопе раба... Оно имело основанием то, что свободный человек связывал себя с лицом, составлявшим собственность другого, вследствие чего и сам он становился собственностью. Личная зависимость делала человека крепостным, как видно из следующего источника обельного холопства. Это 3) принятие должности тиуна или ключника без ряда... Здесь опять личная зависимость делает человека холопом, если он особенным условием не выговорил себе право свободы" (с. 145—146).

Лешков исходил из общей мысли, что „Русская Правда, как закон общинности, является отрицанием несвободы во всех статьях, касающихся рабов и холопов", и подчеркивал, что Р. Пр. „допускает и узаконяет только три источника обельного или полного холопства". Отсюда и своеобразие в понимании трех частей ст. 110. 1) „Вот сколько ограничений для купли и продажи холопа, или для акта, где естественно воля продаваемого есть дело второстепенное... В этом первом разряде рабов заключаются старинные, природные холопы, равно как и те, которые вновь приобретаются пленом и войною и вообще все, попадающие в рабство против воли". 2) „Предполагается, как и действительно было, что раба, вступающая в брак с лицом свободным, сама получает свободу и что господин ее теряет через то все свои права на нее... А посему кто женится на чужой рабе без ряду, тот похищает чужую собственность, и как бы в наказание сам лишается свободы. Напротив, если такой брак совершается с ведома господина рабы, при условиях взаимных и при ряде, то како ся будет рядил, на том же стоит". 3) „По аналогии Р. Пр. признает также рабом того из свободных, кто... как бы явно согласится сам вступить в рабство...". „И только! Р. Пр. при этом именно говорит, что обельное холопство только трое, т. е. трояко, и других источников рабства не допускает" (Р. народ, с. 151—152).—Ср. ниже, с. 705, Греков.

Н. Дювернуа отметил, что „в способах возникновения холопства — никаких признаков письменности"; Р. Пр. „не называет холопов грамотными, как после они назывались" (с. 51).

Хлебников считал ст. 110 показателем того, что „вследствие экономических причин рабство делается до того всеобщим фактом, что... человек спокойно и даже охотно идет в рабы, чтобы обеспечить себе пропитание", „что всякое жительство в чужом доме было уже доказательством рабства" и всякий живущий „должен был представить доказательства, что жил по свободному ряду" (с. 254, 323).

Ведров находил в Салической Правде „аналогическое постановление о том, если свободный женился на чужой рабыне" („si quis Francus alienam ancillam sibi publice junxerit, ipse cum ea in servitio permaneat", V, cap. 27, § III) (с. 73).

Загоскин считал слова „како ся будет рядил, на том же стоит" — „остатком древних юридических формул" обычного права (Метод и средства, с. 27).

Ключевский полагал, что „Русская Правда знает только два гражданских источника холопства: продажу и безусловное вступление в личное услужение (по тиунству и по ключу «без ряду»). Два другие способа обращения в холопство, отмеченные Правдой, собственно нельзя считать особыми источниками: продажа в рабство несостоятельного по своей вине должника по воле кредиторов была только осложненным видом первого из указанных гражданских источников, а брачный союз с холопом или рабой без уговора, обеспечивающего свободу лица, вступающего в такой брак, был осложненным видом добровольной отдачи себя в безусловное личное услужение". „Перечисляя источники холопства, Правда прямо говорит, что они установляют холопство обельное, т. е. полное; но личная зависимость, не устанавливающая холопства обельного, в ней не признается и холопством. Таким образом... Правда не знала холопства неполного, условного, на которое было обращено преимущественное внимание позднейшего законодательства; Правда не знала холопства по заемному обязательству, которое было первоначальным и коренным основанием позднейшего кабального, т. е. неполного холопства" (Опыты, с. 225).

Владимирский-Буданов обобщал: „звание тиуна и ключника (вообще домашнего слуги) тогда только не сообщает холопства, когда ограждено особым договором" (Хр., I, прим. 158). — „Однако из других мест Р. Правды видно, что такие договоры заключались редко, так что тиуны вообще считались людьми несвободными (Кар., ст. 77) [А, 66]" „Из производных источников холопства самым важным является купля-продажа рабов (а не самопродажа, которая принадлежит к первоначальным источникам). Сделка купли-продажи, по Р. Пр., считается состоявшейся, хотя бы покупщиком был дан незначительный задаток, но в присутствии самого продаваемого раба. Этим выражается как бы необходимость согласия раба на его продажу, чем отличаются права на рабов от вещного права". „В древнейшее время брак с несвободным лицом влек для свободного потерю свободы. Но в Р. Пр. это правило быдо существенно ограничено" (Обзор, с. 404—406, 410).

Сергеевич: „всякий свободный мог невозбранно распоряжаться своею личностью, и, если находил это для себя выгодным, мог продать себя в рабство. Эту, конечно, куплю-продажу разумеет Р. Правда в ст. 102 (Тр.) [А, 110]. Древность заботилась только о том, чтобы факт добровольной продажи себя был точно удостоверен. Р. Пр. требует для этого, чтобы продажа происходила в присутствии свидетелей и княжеского чиновника, которому должна быть внесена

пошлина с продажи. Пошлина эта должна быть уплачена в присутствии самого продающегося в рабство". Цитируя начало ст. 110, Сергеевич прибавлял: „статья не говорит о чиновнике, но он необходимо предполагается уплатой ногаты. Это мытник". „Позднее... при совершении акта продажи в письменной форме, требуется, как и встарину, присутствие свидетелей, чиновника и взнос пошлины". „В эпоху Р. Правды акт продажи в рабство совершался, кажется, перед таможенным чиновником, перед «мытником». На это наводят статьи 32 и 35 Тр. сп. [А, 37 и 39], из которых видно, что мытник присутствовал при совершении всяких продаж". О ст. 110 в целом Сергеевич отметил, что в „составителе последнего отдела Р. Пр." сказался „наш первый юрист-систематик. Он различил два вида холопства, обельное и неполное и в статьях 102—104 [А, 110] делает попытку перечислить виды обельного холопства по способам его установления. Он заметил три таких вида: 1) кто себя продаст, 2) кто женится на рабе без ряда и 3) кто привяжет ключ без ряду. Это уже значительная победа обобщающей мысли над юридическим материалом. Но наш первый юрист-систематик просмотрел, что есть и другие виды обельного холопства" (плен, бегство закупа, рождение от несвободных и несостоятельность) (Др., I, с. 139—142 и 146—147).

Рожков выдвинул здесь формальный момент — „специальные условия признания законности договора при продаже холопа или свободного человека в холопство... 1) чтобы человек был продан в холопство минимум за 1/2 гривны (вероятно, кун), 2) чтобы по крайней мере ногата была дана перед самим холопом. Такие формальности и обращение к послухам при спорах, возникших из купли-продажи, убеждают в том, что этот договор... не сопровождался никаким письменным актом" (Очерки, с. 190).

Довнар-Запольский по второму пункту ст. 110 (о женитьбе без ряду) указал, что „договор мог касаться как личной свободы вступающего в брак, так и свободы детей от этого брака: «како ся будет рядил, на том же и стоит». Из практики последующего времени известно, что в таких договорах определялась иногда часть детей, делающихся свободными, и часть детей, остающихся у господина в рабстве". Третье же условие (о ключе) „показывает, насколько человек должен быть осторожен; простая служба у другого без особого ряда могла лишить человека свободы". В процедуре „добровольной продажи себя в холопство", „совершавшейся всегда перед княжеским чиновником-мытником" [ср. выше Сергеевич], Довнар-Запольский подчеркнул особый момент: раб „должен видеть хотя мелкую монету, уплачиваемую его новым хозяином за него" (Холопы, с. 410).

Дьяконов отметил, что здесь перечислены все „три вида" возникновения холопства по доброй воле поступающих [„их всего три вида"]",

и не упомянут ни один из тех 4-х, „когда холопство возникало помимо воли лица“ (Очерки, с. 112—113).

Гетц подчеркнул, что ст. 110 и 111 вместе взятые, „обсуждают возникновение холопства как с положительной, так и с отрицательной стороны“ — „какие обстоятельства ведут к порабощению человека и какие не могут вести к тому“. Для второго вида холопства — аналогия „франкской эпохи“ (Schröder, Rechtsgeschichte, s. 316): „подобный брак имел следствием для свободной стороны переход в несвободное состояние, если ему... не обеспечивалась свобода через договор (epistola conculcatoria)“ (III, с. 420 сл.).

П. Беляев подчеркнул: „то обстоятельство, что Р. Пр. особенно отмечает... способы установления холопства: самопродажу, тиунство, ключ, показывает, что в бытовом отношении эти способы имели наибольшее значение. А это показывает, что главный контингент, из которого образовалось старое холопство, был дан людьми, желавшими возмездно или безвозмездно предоставить в распоряжение другого лица свою рабочую силу“ (Юр. вестн., с. 123).

Греков считает тоже „очень характерным“ (ср. выше, Пресняков), что Пр. Пр. в этой статье „среди источников рабства плена не называет“ и „определенно и решительно“ „заявляет, что «холопство обельное трое»“, т. е. имеется в виду только три источника рабства“ (ср. выше, Лешков, с. 702). „Стало быть, пленный, как пленный, — еще не раб, но он уже челядин, который может стать рабом после продажи“. Формулировка ст. 110 служит Грекову одним из оснований для конструирования особого понятия челяди, в отличие от обельного холопства (см. выше, с. 92, ст. 11 Кр. Пр.). При этом „очень часто оговорки, сделанные автором [Пр. Пр.] во втором и третьем случаях из здесь обозначенных, на практике часто осуществлялись, минуя холопство: люди поступали часто на службу, или женились на рабынях, для чего заключали соответствующие договоры и в холопов не превращались“ (Феод. отн., с. 99, 103).

Превращение свободного человека в холопа, по ст. 110, „без формального принуждения“, по мнению Юшкова, „свидетельствует о том, что холопы уже в этот период стали, главным образом, рабочей силой феодальной сеньории: повидимому, экспорт рабов почти прекратился“ (Очерки, с. 64).

Романов возражает как тем, кто «мимоходом» упрекает составителя устава в том, что он в ст. 110 „просмотрел, что есть другие виды обельного холопства“, так и тем, кто видит здесь новое ограничение источников холопства („только трое“): 1) устав не имел основания интересоваться тем, что закуп обращался в обельного (потому что это ясно изложено было уже в ст. 56 и 64), что пленник попадал в полное

обладание пленившего (это разумелось само собою) и т. д.; 2) при ограничительном толковании пришлось бы допустить, что ст. 110 молчаливо отменила ст. 56 и 64, недавно (если даже не одновременно со введением в действие Устава о холопах) узаконившие два источника обельного холопства для закупа (бегство и воровство). Устав о холопах преследовал определенную политическую цель — признать на будущее законным лишь такой переход свободных в обельное холопство, в котором не было бы элемента принуждения со стороны господ. [*Б. Р.*].

Пичета: „по всей вероятности, кодификаторы раннего русского феодального права не сочли необходимым отметить [в ст. 110] плен как источник рабства, так как право на обращение пленных в рабов установилось обычаем и не нуждалось в юридической нормировке“ (с. 51). — Ср. выше, Романов, с. 705.

Статья 111

А в даче[1] *не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатъце; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть.*

Переводы

По денежной плате за службу, не холоп, ни по хлебе, сиречь кто кормит кого, не раба; ниже по прибавочной плате, сверх договора. И ежель кто из таковых, не дослужа года, захочет прочь отойти, возвратя полученное жалованье, того в вину ему не ставить (Б.).

Kto datek bierze, to nie jest chłopem, także ani za naddatek, ani za dawanie chleba w niewolę nie ma być obracanym, lecz jeżeli nie dosłuży do roku, tedy ma wrócić wzięte zasługi, a w ten czas gdy odchodzi, to nie winien jest (R.).

Des Geschenkes wegen wird man nicht Knecht, noch wegen Brodes versklavt, noch wegen Aussteuer, sondern wenn er das Jahr nicht aushält, so erstattet er das Gnadengeschenk; geht er davon, so ist das keine Schuld (Ew.).

Ни дача заработной платы, ни содержание, ни снабжение домашним обиходом не делают никого холопом; и ежели кто из таковых наемников, не дослужив года, захочет отойти прочь, то ему не возбраняется; только должен он в таком случае возвратить господину не заработанные деньги (Пл.).

А срочный работник не холоп, и не должно обращать в холопство ни за прокорм, ни за приданое. Если работник не дослужит до срока, он обязан вознаградить хозяина за то, чем тот одолжил его; если же он дослужит до срока, то ничего не платит (Ст.).

Aber für [geschuldetes] Geld wird man nicht Sklave, auch versklavt man keinen wegen Brot, noch wegen Zugabe; aber wenn er [der Schuldknecht]

[1] *В Т позднее исправлено на:* А в дачь. — *С* [В] даче, *НС* А в даче, *МПА* вда цену, *К* А вдачь.

die (Arbeits-) Zeit nicht durchmacht, so gibt er die Schuld zurück, hält er dagegen (seine Zeit) aus, so ist er nicht schuldig (G.).

Комментарии

Рейц предполагал: „Кажется, дело идет о том отношении, когда он нанимался рабом и получал особое вспомоществование и когда кто, может быть, от крайней нужды получал вперед некоторое количество хлеба; если он не возвращал его в течение года, то обращался в рабство... Простой народ в деревнях через это мог часто подвергаться неволе" (с. 194).

Полевой: „Кто взялся работать у другого из жалованья, участка или хлеба, тот не раб, но закуп или работник" (II, с. 178).

Дубенский пересказывал: „а дал кому плату за службу, то это не холопство" (с. 132—133).

Лешкову представлялось „очевидным, что Правда говорит о половнике и его праве перехода" (Р. народ, с. 188).

Ланге: „В состояние закупа... обращался несостоятельный должник или добровольно или вследствие продажи на торгу... «А в даче не холоп», т е., в случае какой-либо ссуды, получивший и не возвративший ее не обращался в холопа, а должен был заживать года (доходить года), иначе становился закупом" (с. 180 и 181).

Чичерин: „Каждое зависимое отношение могло быть источником рабства: плен, женитьба, заем, наем, преступление, добровольное подданство — все могло свободного человека сделать рабом". „Человек, получивший ссуду (дачу) или хлеб или придаток (?), через это не делался холопом, но сохранял право возвратить данное (милость) и отойти от хозяина". „Но самая необходимость такого ограничения показывает, до какой степени каждое лицо старалось установить полное свое господство над всем окружающим" (с. 148—149).

Хлебников видел здесь „особенный род договора найма... за хлеб". „Договор найма был в высшей степени слабо развит и почти не существовал, т. к. всякий хозяин... за бесценок мог купить себе раба". „Законодатель счел возможным уничтожить рабство в корне за прокормление во время голода и обязательство прокармливаемых ограничил только годовой работой... За полную ссуду хлеба или за ссуду части хлеба (недостававшей), или вообще за прокормление нельзя порабощать, а получивший ссуду обязан или проработать на кредитора год, или возвратить ссуду; но он не во всякое время может отойти от кредитора" (с. 255).

Владимирский-Буданов переводил: „но за ссуду денег или хлеба или за придаток (процент?) не обращают в рабство; должник отра-

батывает долг в известный срок; если он не дослужит срока, то должен возвратить данное ему из милости; если же отслужит, то долгу на нем нет", — и заключал, что здесь речь идет о „дворовых наймитах, служивших за деньги", которые „может быть, рассматриваются" и в ст. 59 „вместе" с ролейными закупами, получившими „известную долю полевых произведений". Во всяком случае, „здесь указывается источник одного рода закупничества; этой статьей смягчается строгость долговых взысканий ст. 68 и 69 Кар. [А, 54—55]... К рабству ведет лишь такая несостоятельность, при которой невозможна отработка долга" (Хр., I, прим. 160 и 101). — „Если неясную 122 (Кар.) [А, 111] ст. Р. Пр.... перевести: «выданный головой для отработки (выдачь) — не холоп, равно как и работающие за прокормление (во время голода) и за проценты», — то в этой статье мы получим категорическое отрицание холопства несостоятельного должника, отрабатывающего свой долг. В этом убеждает определение в Р. Пр. таксы для отработки долга в продолжение известного срока («года»); именно годичная работа жонки с дочерью оценивается ею в 1 гривну (ст. 65 Кар.) [А, ст. 16*]. Конечно при такой таксе значительный долг не мог быть отработан во всю жизнь должника, и, переходя на детей должника, приближал его к состоянию полного холопства" (Обзор, с. 407—408).

Загоскин считал слова: „вдачь не холоп и ни по хлебе робят, ни по придатце" — „остатком древних юридических формул" обычного права (Метод и средства, с. 27).

„Вступление свободного человека в услужение за один прокорм или за прокорм с придатком, платой, выдаваемой вперед в виде ссуды" Ключевский считал „источником срочной зависимости", а самую статью 111 „следом" „широко развившихся впоследствии сделок о срочной или бессрочной зависимости, обусловленной личным закладом и образовавшей в удельное время состояние закладней, а в XVII в. жилое холопство". „В числе русских прибавлений к Закону Судному есть две статьи, из которых одна согласно с Р. Пр. говорит, что свободный человек, в голодное время отдавшийся в работу за прокорм, не должен считаться холопом и может всегда уйти от хозяина, заплатив ему 3 гривны, а другая применяет то же условие ко вдачу особого рода — к дитяти проданного несостоятельного должника, которое отдано заимодавцами на воспитание (ПСРЛ, VI, 81 и 82)" (Опыты, I, с. 355; ср. Курс, I, с. 276).

Сергеевич пользовался ст. 111 для обоснования понятия закупа как наемного рабочего: „Статья 105 Троиц. сп. [А, 111] не упоминает о закупе, но конечно говорит о последствиях нарушения договора найма услуг со стороны работника. Перед... [этой] статьей в Правде помещены три статьи, в которых указаны способы установления рабства,

В этой... наоборот, указаны случаи, которые не должны вести к рабству. Эти случаи имеют в виду рабочих, нанимаемых на определенный, годовой, срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате) или деньгами (вда цену). Кто получил плату (цену) вперед, тот не делается рабом, а должен или отходить свое время или возвратить милость". „Но и редакция Тр. списка «а в дачь не холоп» допускает совершенно удовлетворительное объяснение. Слово «дача» и теперь употребляется в великорусском языке в смысле жалованья, содержания, пайка (Даль)". Вариант: „а в даче" Сергеевич переводил: „за паек". „Долг закупа погашается работой, а не обеспечивается ею до уплаты. Это, конечно, не заем, а плата вперед; поэтому, долг этот и назван «милостью»" (Др., I, с. 191—192 и 198).

Удинцев видел в ст. 111 сделку займа: „По месту, занимаемому статьей, уже можно заключать, что она предусматривает отношение, близкое к личному найму, и потому потребовавшему особого указания, что это похожее на личный наем отношение рабства не создает... Получивший дачу (паек) хлебом или в придачу деньги (ссуду) не делается холопом, хотя он и обещает отрабатывать взятое. Если такой человек не дослужит года, то он обязан возвратить все, что ему дано было из милости. Если он проработает целый год, то к возврату взятого не обязан и уходом прекращает существовавшие прекарные отношения" (с. 139).

Пресняков: „Если ст. 143 [А, 111]... отнести к закупу, то и она указывает на отработку «милости» и может быть признана свидетельством о разновидности закупничества, действительно близкого к найму: закупничества на срок (не непременно годичный, т. к. слово год имело более общее значение)..." (Княжое право, с. 301, прим.).

Решительно против этого был Павлов-Сильванский: статью 111 „нет оснований применять к закупам, потому что сама Правда этого не делает" (с. 226).

Яковкин полагает, что „древность совершенно свободно могла называть наемника вдавшимся человеком или... вдачем", потому, что „в древности было особенно трудно, м. б. даже прямо невозможно, квалифицировать договор личного найма иначе, как предоставление работником на известный срок работодателю своей личности... С точки зрения, напр., средневекового немецкого права, рабочий «vermietet nicht sein Arbeit» (sondern) «er vermietet sich selber»... «Ein freier Mann — говорит Amira — gibt sich selbst zur Miete — seljask a leigo» (Amira, II, с. 782, 741)". — Придаток (у южных славян придавек), по мнению Голубовского,[1] „есть черта общеславянского права, зародив-

[1] Голубовский, К.У.И., 1906, № 2, с. 10.

шаяся... еще... в эпоху, когда должна была господствовать мена". Придатком стороны уравнивали обмениваемые ценности. „Но с течением времени эта уравнивающая прибавка... стала фигурировать в сделках также и в качестве эквивалента... доплата превратилась в плату... Народное правосознание всегда стремилось облечь вновь возникавшие отношения в старые формы и ради этого создало искусственное разделение уплачиваемой за вещь цены на 2 части, из коих одну называло по-прежнему придатком (на севере пополнком)... Была впрочем сравнительно небольшая группа сделок, где придаток этот мог надолго еще сохранить свое реальное значение и к этой группе мы причисляем также сделку личного найма... Примитивное воззрение всегда и всюду ставило возникновение обязательственного отношения в зависимость от формы [„передачи одною из договаривающихся сторон... другой... известной ценности"]". „Практика могла усмотреть в такой передаче некоторую аналогию с прежними порядками и назвать эту передаваемую нанимателем ценность также придатком". Придаток ст. 111 Яковкин считает, поэтому, „той частью жалованья, которую работник получал от нанимателя при заключении договора". Такова передача „злата" в рассказе Патерика Печерского (с. 8), церковным писцам из Царьграда, „створившим ряд" и „злато взявшим от руку ею" (Феодосия и Антония) в присутствии свидетелей („перед купцами"). Помимо денег Яковкин допускает еще передачу „при поступлении на службу" нанимающемуся одежды. Например, (Акты Виленск. археогр. ком., XVII, с. 375) в Литве „наймитке" был дан „задаток 6 грошей", „да остатку мел есми [наниматель] ей дати 7 грошей, то есть всего найму 13 грошей, а она за тыи пенези мела мне служити целый год... жена моя дала ей носить 3 сорочки" и т. д., а та „не служивши мне 5 недель от мене прочь без видома моего пошла, а тых речей [вещей] мне не подавала". „В Германии в средние века слуга ежегодно получал рубашку или какую-нибудь другую одежду и несколько шиллингов денег (Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, IV Aufl., I, с. 494). В Швеции одежда (сапоги, рукавицы) входила даже в таксу, установленную для расчетов с работниками (Amira, I, с. 643)". Для древней Руси Яковкин приводит рассказ Печерского Патерика (с. 5—6) о том, как богоматерь призвала мастеров для постройки церкви: „та рече к нам, хощу церковь возградити себе в Руси в Киеве, велю же вам да возмета злата собе на 3 лета... Мы же рехом, почто, госпоже, на 3 лета злата даеши намь, сама прикажи о нас, что есть нам на пищу потребнаа, сама же веси, чим нас дарствовати... Царица же рече, вы же возмите до избытка вашего злата... Взяхом злата и выше потребы". „Уж если церковные мастера... люди зажиточные, могли... соглашаться на то, чтобы получать от нанимателя во время работы «на пищу вся потребная», то спрашивается, что же оставалось делать бездомному вдачу,

который решался... «вдаться» ему [нанимателю], т. е. войти в его семейную организацию и стать в положение близкое к холопству?" Здесь мастера „удивлялись лишь преждевременной фиксации их будущего вознаграждения... Они полагаются... всецело на милость работодателя... С такой формой найма мы встречаемся в германском средневековом праве: «swe uppe gnade gedenet heuet, die mut den euren Gnaden manen» (Sachsenspiegel, I, 22, § 2). Глосса к этому постановлению гласила: «Subieciens se gratie vel misericordie vel voluntati adversarii per hoc non renuntiat juri suo... Et huiusmodi gratia vel voluntas reduci debet ad arbitrium boni viri». „Основываясь на Патерике, можно думать, что составитель Р. Пр. имел в виду именно такой порядок расчета с наемником и назвал поэтому «милостью» все то, что вдач получил от хозяина во время службы. При таком понимании мы находим в ст. 122 [А, 111] точное разграничение между 1) деньгами, полученными вдачем при заключении договора — придатком, 2) содержанием, выдаваемым хозяином работнику — хлебом, 3) вещами, полученными последним во время исполнения договора — милостью... Правда имела в сущности в виду лишить господина права иска относительно первой и второй из намеченных категорий. Но... в своей формулировке она устраняла не самый иск, а тот практический его результат, который с неизбежностью следовал бы для всегда несостоятельного вдача. Напротив того... вещи, переданные вдачу во время службы, поступали в его собственность не сразу после их передачи, а лишь по окончании срока договора. Если же он уходил ранее этого срока, то должен был возвратить все полученное им от господина...". — Яковкин не видит „никаких оснований" для „отожествления" вдача с закупом (Ж.М.Н.Пр., 1913, апр., с. 260—268).

По мнению Мрочек-Дроздовского, здесь „речь идет, несомненно, о закупах: здесь — все признаки закупничества (выдача незаслуженного под условием заслужить эту выдачу и отработка выдачи в течение года)". „Здесь слово дача употреблено в значении милости, т. е. выдачи незаслуженного, незаработанного, но не даром, а под условием работы в течение года: это — личный наем с выдачей наемной платы (хлебом, деньгами) в зажив... Свободный не обращается в рабство... ни за какую дачу, — ни за хлебную, ни за денежную (придаток; Срезневский, II, с. 1398): за это он должен лишь отслужить год (как наймит: ср. дохаживать, доходить и отхаживать, отходить срочную работу, службу — у Даля, I, с. 500; II, с. 791) или вернуть неотработанное... если же отслужит год, то освобождается от обязательства" (Чтения, 1917, кн. III, с. 22 и 88).

Наоборот, по мнению Максимейко, „данная статья не имеет никакого отношения к закупам". „Уже одно то обстоятельство", что „она

помещена... в непосредственной связи с постановлением, определяющим участь тех, кто поступил в тиуны или в ключники без договора", „позволяет предполагать, что в ней речь идет о найме в услужение". Закупы работали „бессрочно", здесь — „срочные отношения, ограниченные одним годом". „Закуп, уходивший от господина, в некоторых случаях рисковал своей свободой, а здесь самовольное оставление работы до истечения срока во всех случаях сопровождается лишь обязательством возвратить взятую плату". „Закупа связывали с хозяином куны. О них только и говорится в тексте... Здесь же нет даже намека на деньги. Связь между хозяином и работником... создавали дача, хлеб, придаток и милость". Дача — „заработная плата, все равно в чем бы она ни выражалась"; в Москве „поместный надел" назывался „дачей", „но могли быть и денежные дачи"; в Литве — данина, которой могли быть, по Лит. Метр., „земли, деньги, зерновой хлеб, мед, сукна, одежда и т. п.", иногда даток (1566 г. татары „з датку паном своим служат" — Лит. Метр., кн. публ. дел, с. 828, 833 и др.). „От этого корня образовались... задаток и придаток". „Придаток" — „добавка к основной заработной плате. Работа за хлеб или за прокорм тоже... один из видов личного найма" [„штож отчичи тых земель позапродавалися в пенезех некоторым людям, а иные не в пенезех разошлися в покормы"; Любавский. Обл. деление и местное управл. Литовско-русского государства, с. 394]. „Слово «милость» обозначало заработную плату точно также, как и аналогичный термин жалованье" (Уложение 1649 г.). — „В даче не холоп" значит: „за дачу не делаются холопом... Загадочный «вдачь», сочиненный переписчиком и не известный другим памятникам, причинил много хлопот... комментаторам Р. Пр....". Вариант: „вда цену не холоп", принятый Сергеевичем, Максимейко считал тоже „очевидной" порчей текста: „никто не мог сомневаться в том, что давший наемную плату не делался холопом" (Закупы, с. 43—45).

На термине „вдачь", как и на всей ст. 111, основал свою конструкцию закупничества Рубинштейн. „Вдачь — людина «що вдалася», т. б. яка вступила в залежнисть вид другого". „Это положение закупа-вдача в чистом виде". Хлеб — „очевидно посевной материал". Придаток — инвентарь (плуг, борона), „который может быть" придан „закупу". То и другое „не имеет характера ссуды" [„позики"]. „Выдача закупу" того и другого „вытекает из самого отношения закупничества, по которому закуп передает хозяину... свою землю и хозяйство, за что получает право на известные услуги [„послуги"], принимая на себя одновременно известные повинности". Вторую половину ст. 111 Рубинштейн переводит: „если не доработает года (т. е. закуп захочет уйти от хозяина еще до конца года), то он должен вернуть [„повернути"] хозяину свой

земельный участок [милость = precarium] и тогда уходит свободно [„без вины"]". Милость является „точным переводом" слова „precarium". Сущность положения такова: „закуп може піти але повинен залишити тоді панові свою землю, свое господарство, що він його тримаэ зараз вже, яко «милость». Але и це право обмежено річним терміном, що після його закуп, очевидно, це право втрачаэ" (с. 54).

Аргунов полагал, что ст. 111 к закупам отношения не имеет (см. выше, с. 472; Уч. Зап., с. 19). Аналогию же прекариата, намеченную Рубинштейном, Аргунов отвел как потому, что она мало объяснила бы положение закупа в эпоху Р. Пр., „т. к. институт прекариата в истории менял свое содержание", так и потому, что „основание" к этой аналогии найдено Рубинштейном в статье, к закупам не относящейся. Самый термин „милость" „известен древне-сербскому феодальному праву... отнюдь не в смысле прекарного владения". В Законнике Ст. Душана „милость", „милостива книга" — это грамота на пользование землей или льготами, а „милостники" — это царские „воеводы, властели" (Изв., с. 777 след.).

Греков, отмечая, что „самый термин «вдач» не может считатсья точно установленным, так как в ряде редакций... имеем разночтение «в даче», — допускает все же „законность самого термина" и сущность статьи понимает так, что „долг, взятый хлебом или деньгами, не превращает должника в раба" и „подлежит либо возврату, либо отработке в определенный срок". „Придаток" Греков вслед за Владимирским-Будановым склоняется понимать как процент. „Дача" „есть не столько просто способ непосредственного привлечения рабочей силы... сколько это привлечение есть следствие, вытекающее из невозможности для должника погасить долг... Конечно, вдач близок закупу". „Это тоже одна из разновидностей рядовича" (Феод. отн., с. 122).

Романов считает термин „вдач" — мнимым и возникшим „из позднейшей переделки «е» на «ь» в Троицк. сп. и ряде чтений в позднейших списках, где, вместо «е», написано «ь»". Развивая положение Максимейко, Романов указывает на то, что „закупа, если он не бежит и не украл на стороне, запрещено было «роботить» и в частности продавать «обель» — помимо ст. 111 и до нее. Ситуация же, изображенная в ст. 111, как раз открывала возможность широкой спекуляции рабочей силой в форме нерегистрированной продажи (ср. ст. 110) попавшихся на описанную работу людей... Ст. 110 (навстречу статье 111) противопоставила этому бытовому явлению требование формальностей, удостоверяющих добрую волю продаваемого, и объявляла впредь недействительными все неоформленные сделки этого рода" (Уч. пос., стр. 87—88). — Этого

„милостыника", когда он хотел уйти, не отпускали до истечения „года". Иногда не отпускали его и по истечении „года". „Работили" — не значит непременно, что его превращали в обельные холопы. Сопоставляя церковные представления о нищих, в обиходе мирян („страньна и нища... не презри и да не снидут со двора твоего тощи, но даждь им по силе"), и в обиходе церковника („нищих на свою работу без любви не нуди", РИБ, VI, с. 123 сл.), можно объяснить решительное выступление ст. 111 в защиту „милостыников" от мирского порабощения тем, что защищал здесь законодатель серьезные материальные интересы церкви. Отсюда необычная для Правды терминология ст. 111. „Даждь им по силе" — из церковного поучения — это „дача". Или из Псалтыри (в Мономаховом поучении): „не видех праведника оставлена, ни семени его просяща хлеба; весь день милует и в заем дает праведный — и племя его благословлено будет". „Милует" — творит милостыню, милость. Это здесь ясно отличено от займа (и ясно отмежовывает ситуацию ст. 111 от закупнической сделки; ср. выше, с. 698). Или у Мономаха же: „убогиих не забывайте, но... по силе кормите, и придавайте сироте...": „придавайте" — это придаток. [*Б. Р.*].

Статья 112

Аже холоп бежить, а заповесть господин, аже слышав кто или зная и ведая, оже есть холоп, а дасть ему хлеба или укажеть ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен.

Переводы

Ежели холоп бежит, и господин о побеге его явку зделает, а кто слыша о том или ведая, что тот холоп беглой, даст ему хлеба на дорогу, или куда бежать наставление зделает, с такового взыскать за холопа 5, а за рабу 6 гривен (Б.).

Jeżeli chłop ucіecze, a pan go obwieści, a kto słysząc lub znając lub wiedząc że jest chłopem, da jemu chleba lub jemu drogę pokaże, to zapłaci za chłopa 5 grzywien, a za niewolnicę 6 grzywien (R.).

Wenn ein Knecht entweicht, und der Herr macht es kund, wenn dann jemand, der es gehört hat, oder weiss, oder erfährt, dass es ein Knecht ist, ihm Brod giebt, oder den Weg zeigt, so bezahlt er für den Knecht 5 Grivnen, und für eine Magd 6 Grivnen (Ew.).

Ежели холоп бежит, и господин о побеге его заявит, и если кто слышав сию явку, или зная, что холоп беглый, даст ему хлеба или укажет дорогу, тот платит господину за холопа 5 гривен, а за рабу 6 (Пл.).

Если холоп бежит, и господин о побеге его заявит, и если кто, слышав явку или зная, что холоп — беглый даст ему хлеба или укажет дорогу, то платит господину за холопа 5 гривен, а за рабу — 6 гривен (Ст.).

Wenn ein Sklave entläuft und sein Herr macht es bekannt, wenn jemand das gehört hat oder kennt und weiss, dass es ein Sklave ist, und gibt ihm Brot oder zeigt ihm den Weg, so zahlt er für den Sklaven 5 Grivna und für eine (leibeigene) Magd 6 Grivna-Kun (G.).

Комментарии

Болтин выражение „повести деет“ разъяснял: „Явку сделает нескольким человекам из соседей своих, что принял в услужение к себе свободного человека, и на каких именно условиях, дабы, в случае какого-либо спора или жалобы, мог сослаться на оных людей и, по показанию их перед судом, оправдаться“.

Дубенский выражение „а заповесть господин“ понимал как: „подаст явку о побеге“, а самую явку — как закличь („аже слышав кто“ = „слышал, как кличь кликали на торгу“) (с. 132).

Чичерин обращал внимание на то, что здесь цена „установлена та же, что и при убийстве — ясное доказательство того, что здесь главное внимание обращено было на лишение собственности“ (с. 153).

Ланге отметил, что ст. 11 Кр. Пр., „обобщенная“ в ст. 32. Пр. Пр., „дополнена“ в ст. 112—115: „обличенный в передержательстве платил князю за свой поступок 3 гривны продажи и затем, если беглый холоп был налицо и возвращался хозяину, виновный не обязывался в пользу хозяина ни к какому дальнейшему вознаграждению. Но если укрывавший или державший у себя чужого холопа не мог возвратить его владельцу, потому что холоп уходил (и идет от него) или если кто способствовал побегу челядина... то допустивший это должен был, сверх платежа продажи князю, вознаградить господина за потерю холопа 5 гр. и за потерю рабы 6 гр.“ (с. 173).

Сухов обратил внимание на выражение „ведая“ и „не ведая“ в ст. 112, 115, 118 и 121, как на знак того, что „Р. Пр. наказывает только сознательно совершившееся преступление“, „ясно разграничивая умышленность от неумышленности“ (Юр. вестн., 1873, дек., с. 14—15).

Владимирский-Буданов отмечал, что „содействующий побегу холопа, с знанием, что он холоп, платит хозяину полную цену его (ср. Кар., 13) [А, 16], но кроме того без сомнения и княжую продажу (ср. Кар., 27, 34 и 35) [А, 32, 38]“ (Хр., I, прим. 161). — „При совершении правонарушений ... требуется присутствие сознания неправоты действия... Здесь хотя разумеется не уголовный штраф, а частное вознаграждение, но обязательство платить его возникает из деликта́“ (Обзор, с. 322).

Сергеевич, принимая формулировку Тр. сп. („а заповесть господин“), пересказывал: „Кто облегчит бегство холопа, укроет его или даст хлеба, тот платит господину полную цену его“ (Др., I, с. 103).

Романов полагает, что здесь налицо простой акт человечности, акт бескорыстный, который потому и не трактуется как преступление [*Б. Р.*].

Статья 113

Аже кто переимет чюжь холоп и дасть весть господину его, то имати ему перееем гривна; не ублюдеть ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будеть роба, то 5 гривен, а шестая на перееем отходить.

Переводы

Кто изловит чьего беглого холопа или рабу, и возвратит к господину, тому взяти перейма гривна кун; а ежель поймав упустит, то должно было взыскать с него, по силе последния статьи, за раба 5, а за рабу 6 гривен, но, за вычетом переемные гривны, взыскать с него за раба 4, а за рабу 5 гривен (Б.).

Kto zatrzyma chłopa cudzego lub niewolnicę, a uwiadomi o tem jego pana, to weźmie za to przejmu grzywnę a jeśli nie dopilnuje go, to zapłaci 4 grzywny, a 5-ta grzywna dla niego za przejem; a jeżeli będzie niewolnica, to zapłaci 5 grzywien, a 6ta grzywna na przejem odchodzi (R.).

Wenn jemand einen fremden Knecht auffängt und giebt seinem Herrn Nachricht, so empfängt er eine Marder-Grivna Auffangelohn. Verwahrt er ihn nicht, so zahlt er 4 Grivnen, und die fünfte ist sein Auffangelohn; ist es eine Magd, dann 5 Grivnen, und die sechste geht als Auffangelohn davon (Ew.).

Если кто переймет чужого холопа, и даст о том знать господину, то взять ему за перееем гривну кун. Если же, поймав беглеца, не устережет его, то платит господину за холопа 4 гривны, а за рабу 5 гривен; в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглого (Пл.).

Если кто переймет чужого холопа и даст о том знать господину, то взять ему за перееем гривну кун. Если же, поймав беглеца, не устережет его, то платит господину за холопа 4 гривны, а за рабу — 5 гривен; в первом случае пятая, а во втором — шестая уступается ему за то, что он поймал беглого (Ст.).

Wenn jemand einen fremden Sklaven ergreift und gibt dessen Herrn Nachricht, so erhält er 1 Grivna Greiflohn. Gibt er nicht acht auf ihn, so

zahlt er 4 Grivna und die fünfte ist sein Greiflohn; ist es eine Magd, so (zahlt er) 5 Grivna, und die sechste geht für den Greiflohn (G.).

Комментарии

Владимирский-Буданов: „При этом княжая продажа, по всей вероятности, не взыскивалась, так как здесь нет преступления" (Хр., I, прим. 162).

Романов предполагает, что ст. 113 имеет в виду профессионала — переимщика, работа которого фиксируется введением переемной таксы — в 1 гривну — и подразумевает профессиональную бдительность, стимулируемую у переимщика угрозой расходов за небрежное отношение к делу [*Б. Р.*].

Статья 114

Аже кто своего холопа сам досочиться в чьемь любо городе, а будеть посадник не ведал его, то, поведавше ему, пояти же ему отрок от него, и шедше увязати и, и дати ему вязебную 10 кун, а переима нетуть; аче упустить[1] и гоня, а собе ему пагуба, а платить в то никто же, тем же и переима нетуть.

Переводы

А кто проведает, что холоп его живет в чьем городе или доме, а наместник того города о том не ведает, то должно объявить ему о том, и испрося у него людей, идти с ними для выемки беглеца; и тем людям заплатить за поимку его 10 кун. Если ж при поимке раб уйдет, того в вину тем людям не ставить, но токмо за переем положенной платы они лишаются (Б.).

A kto sam wyśledzi swego chłopa w czyjemkolwiek mieście albo domu, a namiestnik „posadnik" nie będzie wiedział o nim, to opowiedziawszy mu, wziąć u niego otroków i pójść związać chłopa i dać wiążebnego 10 kun, a przejmu tutaj niema. A jeżeli goniąc chłopa, upuści go, to sam na tem szkoduje, a nikt za to nie płaci, dla tego i prejmu nie masz (R.).

Wenn jemand selbst seinen Knecht ausfindig macht in irgend einer fremden Familie, aber dem Statthalter ist das nicht wissentlich, so benachrichtige er ihn, nehme bei ihm einen Diener, und gehe hin, ihn zu binden, und gebe 10 Marder Binderlohn. Wenn er ihn entlässt, indem er ihn verfolgt, so ist ihm selbst der Schaden, und niemand zahlt dafür, auch keinen Auffangelohn (Ew.).

Если кто сам дознается, что холоп его находится в известном городе, а между тем посадник не знает о том, то, донесши о том посаднику, он имеет право вытребовать у него отрока, дабы вместе с ним связать беглеца; за каковое содействие и дает ему 10 кун, но за переем не платит ничего. Но если преследователь упустит раба, то жаловаться на себя самого; почему, как ему никто не платит за упущение беглеца, так и он никому не дает за переем его (Пл.).

---

[1] *РМ* устрелить

Если кто сам дознается, что холоп его находится в каком-либо городе, а между тем посадник не знает о том, то, донесши посаднику, он имеет право взять у него отрока, дабы вместе с ним связать беглеца, за что и дает ему 10 кун, но за переем не платит ничего. Но если преследователь упустит раба, то пусть жалуется на себя самого, почему как ему никто не платит за упущение беглеца, так и он никому не дает за переем его (Ст.).

Wenn jemand seinen Sklaven selbst in irgend einer Stadt ermittelt und der Posadnik weiss das nicht, so teilt er es ihm mit, nimmt bei ihm einen Gehilfen, geht, fesselt (seinen Sklaven) und gibt ihm [dem Gehilfen] 10 Kuna Fesselgebühr, aber keinen Greiflohn. Wenn er [der Herr] ihn beim Heimtreiben entwischen lässt, so ist das sein Verlust, dafür zählt niemand, dabei gibt es auch keinen Greiflohn (G.).

Комментарии

Н. Дювернуа выражение „в чьем-либо городе“ понимал как указание на „чужой город“, где в отличие от „своего мира“ истцу „требуется помощь власти“ (с. 173).

Владимирский-Буданов „досочится“ переводил: „доищется“; „увязати“ — „схватить“; „аще упустить и гоня и т. д.“ = „если потеряет из виду беглеца, преследуя его сам, не давая знать посаднику; но это только в том случае, если посадник не знал, что у него в городе скрывается беглый холоп; в противном случае посадник должен вознаградить хозяина холопа“; „тем же и переима нет“ = „когда отрок посадника будет ловить холопа по требованию истца, то не получает переема“ (Хр., I, прим. 163, 165, 167, 168).

Грушевский толковал так, что „власти обязаны были дать своих отроков для арестования беглеца, если он [господин] напал на его след, при этом, если обнаруживалось, что власть знала про этого беглеца, она должна, очевидно, отвечать перед господином“ (III, с. 329).

Пресняков обращение к посаднику, взятие отрока и „увязку“ с его помощью холопа считал чертой „позднейшего порядка“, в защите заинтересованным своего права (Лекции, I, с. 199).

Гетц не принял толкования Владимирского-Буданова, что „посадник должен вознаградить хозяина“, если „он знал, что у него в городе скрывается беглый холоп“. Статьи 113 и 114 „параллельные постановления“, и их надо толковать совместно. „В обеих идет речь сначала о том, что беглец схватывается — раз частным лицом, другой раз собственником с помощью властей. На втором месте в ст. III 145 [A, 113] упоминается возможность, что уже пойманный раб вторично бежит по небрежности поимщика, и указывается вытекающая отсюда для поимщика ответственность. Следовательно, этот случай надо принять также

и для ст. III 147 [А, 114], т. е. что собственник упускает уже связанного раба на обратном пути, «гоня», слово, недостающее в Синод. сп., но правильно уясняющее ситуацию. Это уже всецело его дело, убыток падает на него одного, поэтому никто ничего ему и не платит. Сами по себе слова «аче упустит и, гоня», если глагол гонити понимать, как persequi, допускают перевод: «если господин дает убежать рабу при преследовании», как то понимал Эверс: «если он его упустит, преследуя его». Но тогда ст. III 146, 147 [А, 114] была бы построена не параллельно к ст. III 145 [А, 113], поэтому свое объяснение я считаю более правильным. Заключительные слова ст. III 147 [А, 114]: «тем же и переима нетуть» можно тогда понять так, что те, кто вновь схватят вторично сбежавшего раба, не получают переима. Во всяком случае они не обязаны схватить его в том смысле, как то предполагается в ст. III 145 [А, 113]" (III, с. 432—433).

Максимейко не согласился с толкованием „и гоня" у Гетца: „дело в том, что пойманный холоп мог снова бежать не только на обратном пути [«повертаючись»], но и в другой раз и при других обстоятельствах, напр., тогда еще, когда [„перебував у мисти"] был в городе. Кроме того, могли возвращаться домой не только пешком, но и на лошадях, а холопа не только гнать, а и везти! Как бы то ни было, а переписчики видели в добавочных словах «и гоня» указание на преследование бежавшего холопа, т. е. придали им то самое значение, какое они имеют в другой статье Р. Пр. при гонении следа (Тр. 70) [А, 77], ибо только таким пониманием термина можно пояснить позднейшие изменения текста, о которых я буду говорить дальше. Благодаря этой прибавке, вторая часть статьи имела характер самостоятельного постановления, связанного с предыдущим текстом и имеющего в виду особливый случай, когда хозяин, преследуя бежавшего холопа, выпустит его; в этом случае он нес расходы сам, никто ему их не возмещал, как и сам он никому не платил переима. Совершенно естественно, что новая редакция постановления должна была вызвать недоразумения. Во-первых, когда холоп бежал и его преследуют, то, значит, он уже вышел из фактического обладания хозяина; во время гонения и преследования можно было упустить его из поля зрения, а не выпустить из своих рук. Во-вторых, не было никакой нужды объявлять всем известную истину, что бегство холопа есть утрата, утрата одного лишь хозяина, за которую никто другой не отвечает. Чтобы обойти эти недоразумения, списки Пушк. и Погод. выкинули из текста сомнительное место, т. е. слова «аче упустить и гоня»; тогда статья имеет такой вид: «аже кто сам своего холопа досоцится, в чьем-любо городе, а будеть посадник не ведал его, — поведавше ему, поняти иже у него отрок, и шедше увязати и, и дати ему вязебную гривну, а не платить в то никтоже, темже

и переима нетуть». 15 списков, в том числе Крест., Чуд. II, Авр., разрешили свои сомнения другим способом. Они вместо «упустить» написали «устрелить»... Эта интерполяция придала постановлению определенную практическую цельность... что, застреливши, хозяин... сделал вред только себе самому... Но вопрос о том, насколько эта правовая норма, созданная переписчиками, соответствовала судебной практике — остается неясным“ (Интерполяции, с. 16).

Романов отмечает, что ст. 114 подразумевает, что господин действует в одиночестве и не может сам справиться с выслеженной жертвой; это — не крупный боярин, за которого легко мог действовать хотя бы дворский его тиун. Устав имеет в виду более широкую среду мелких холоповладельцев. Слова „тем же и переима нетуть“ объясняют, почему отрок, „увязав“ беглеца, дальше уже не отвечает и в чем отличие его функций от функций переимщика ст. 113-й. [*Б. Р.*].

Статья 115

Аже кто не ведая чюжь холоп усрячеть и, или повесть деєть, любо держить и у собе, а идеть от него, то ити ему роте, яко не ведал есмь, оже есть холоп, а платежа в том нетуть.

Переводы

Если кто, не ведая, беглого человека встретит, или у себя держати его будет, объявя о нем, и после тот беглец от него отойдет, то, ежели присягнет он в том, что не ведая держал, от всякого взыскания есть свободен (Б.).

Gdy kto nie wiedząc, cudzego chłopa przyjmie do roboty lub zatrzyma go u siebie, i nie skrycie lecz jawnie to czyni, a odejdzie od niego, to ma iść do przysięgi jako niewiedziałem że jest chłopem, a zapłaty za to nie ma (R.).

Wenn jemand, ohne ihn zu kennen, einem fremden Knechte begegnet, oder ihm Nachricht giebt, oder ihn bei sich behält, und der geht von ihm weg, so geht er zum Eide, wie er nicht gewusst habe, jener sei Knecht, und dann bezahlt er nichts (Ew.).

Если кто по неведению встретит[1] чужого холопа, подаст ему весть, или станет держать его у себя и беглец сойдет от него; то, буде он присягнет, что по неведению поступал таким образом с беглецом, освобождается от всякого взыскания (Пл.).

Если кто по неведению встретит чужого холопа, подаст ему весть или станет держать его у себя, а беглец сойдет от него, то должен присягнуть, что по неведению поступал таким образом с беглецом, а платежа в том нет (Ст.).

Wenn jemand, ohne es zu wissen, einem fremden Sklaven begegnet und ihm entweder Mitteilung [etwa über den Weg] macht oder ihn bei sich behält und der Sklave geht von ihm weg [der Herr des Sklaven erfährt das aber später], so muss er zum Eid gehen, dass er nicht gewusst habe, dass es ein Sklave war, aber zu zahlen hat er dabei nichts (G.).

---

[1] Дубенский „усрящет“ перевел „укроет“ (с. 135).

Комментарии

Раковецкий, сопоставляя „усрящет" с имеющимися в других славянских языках словами, как народное польское treptać, чешское trapčiti (?), украинское „стрипати" в значении работать, добиваться чего-нибудь систематическим трудом, привлекая еще русское „стряпчий", высказывал предположение, что „усрячет, усрящет" употреблены здесь вместо правильного „устряпчет", т. е. примет на работу (II, 147, прим. 89).

Владимирский-Буданов предлагал читать: „и ни повести деет", т. е. „не даст знать господину холопа" (ср. ст. 113). „Очевидно, что здесь разумеется передержательство беглого не в своем граде, не в своем миру (ср. Кар. 27, 34 и 123) [А, 32, 38 и 112]. Здесь допускается одна личная присяга (не требуется ни послухов, ни испытания железом — ср. Кар. 33 и 17) [А, 37, 21] ответчика, без сомнения потому, что челядин — не скот (Кар. 34) [А, 38], может сам сказать, за кого он выдал себя" (Хр., I, прим. 170).

Гетц подкреплял соображение о том, что передержательство имеет место „не в своем граде", тем, что и предыдущая статья говорит о преследовании раба в чужом городе. Чтение же „и ни повести деет" отвергал потому, что оно не соответствует „всему содержанию" ст. 115, где речь идет о неумышленной, а потому ненаказуемой поддержке беглеца. Тогда слова ст. 115 „и или повесть деет" будут соответствовать словам, употребленным в ст. 112, при сознательно оказанной помощи беглецу, „или укажет путь", подобно тому, как второй вид подачи помощи ст. 112: „а даст ему хлеба" — выражен в ст. 115 словами: „любо держит и у себе". „И здесь опять мы имеем параллельное построение постановлений" (III, с. 434).

Романов обращает внимание на специфическую связанность ст. 112—115, в которых „имеем четыре варианта оборота дела с бежавшим холопом с точки зрения интересов господина: 1) полное возмещение с пособника холопу; 2) расход в 1 гривну за поимку или возмещение, в случае вторичного бегства, полной суммы за вычетом платы за переим; 3) хлопоты по розысканию беглеца и пошлина за арест его с получением холопа в натуре, а при вторичном бегстве из рук господина — вторичная процедура розысков с самого начала; 4) никакого возмещения в случае добросовестного неведения [по ст. 115] третьего лица о холопстве человека, которому он указывает путь („повесть деет", по аналогии со ст. 112) или дает у себя временный приют" (Уч. пос., с. 88).

Статья 116

Аче же холоп где куны вложить,[1] *а он будеть не ведая вдал, то господину выкупати али лишитися его; ведая ли будеть дал, а кун ему лишитися.*

Переводы

Ежели холоп обманом испросит у кого деньги, а заимодавец не ведал, что он холоп, то господин того холопа должен или заплатить за него, или отступиться от него; а ежели заимодавец, ведая что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег (Б.).

Jeżeli gdzie chłop wyłudzi pieniądze, a da mu kto nie wiedząc że jest chłopem, to pan wykupić go winien, lub też postradać go, a jeżeli wiedząc że jest chłopem dal mu pieniądze, to pieniądze swoje ma postradać (R.).

Wenn ein Knecht irgendwo Marder erschleicht, und man gab sie, ohne ihn zu kennen, so kaufe der Herr ihn los, oder entsage ihm. Gab sie jemand ihn kennend, der hat seinen Mardern entsagt (Ew.).

Если холоп обманом испросит у кого деньги под именем вольного человека, то господин его должен или заплатить или отступиться от него; но если веритель, зная что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег (Пл.).

Если холоп обманом возьмет у кого деньги в кредит под именем вольного человека, то господин его должен или заплатить, или отказаться от права собственности на него; но если веритель, зная, что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег (Ст.).

Wenn ein Sklave irgendwo Geld erschwindelt, aber der Betreffende gibt es, ohne zu wissen [dass das ein Sklave ist], so muss ihn sein Herr loskaufen oder verlieren. Hat der Betreffende aber gewusst [dass es ein Sklave ist], als er das Geld gab, so verliert er sein Geld (G.).

Комментарии

Карамзин объяснил: „если кто обманом, под именем вольного человека, испросит у кого деньги“ (II, с. 34).

---

[1] *МП* вылжеть.

Чичерин ставил эту статью в связь с тем, что „холоп считался не лицом, а вещью, частной собственностью хозяина". „Впрочем" в договоре Мстислава Давидовича с Ригой „допускается долг, сделанный холопом княжеским"; „но в Р. Пр. об этом исключении нет ни слова" (с. 149).

Владимирский-Буданов сопоставлял эту статью о том, что „холоп не может входить в обязательства по договорам (заключать заем — «вылыгать куны», выдавая себя за свободного)" — со ст. 12 договора Смоленска с немцами 1229 г.: „аже латинин дасть княжу холопу в заем или иному доброму человеку, а [холоп] умрете не заплатив, а кто емлеть его остаток, тому платити немчину". „Ст. 12 договора 1229 г. предоставляет холопу гражданскую правоспособность наравне с «добрым человеком»: право собственности, право входить в обязательства и право наследования. Это совершенно противоречит, повидимому, как Р. Правде (Кар. 127, 128, 130) [А, 116, 117 и 120], так и вообще духу древнего права. Но это доказывает только, что институт рабства, определенный в Р. Правде столь суровыми чертами, в жизни был не таков. Составитель Р. Правды подчинился в этом случае понятиям византийского права" (Хр., I, прим 171; там же, ст. 12 договора с немцами, прим. 19).

Сергеевич не видел возможности „примирить" ст. 116 и 121, по которым у господина „выбор — или выкупить раба или выдать его" — со ст. 120, 119 и 46, по которым господин должен платить. „Надо думать, что практика была разная. Р. Правда не Свод Законов, а и в нем есть противоречия, тем более в Правде, куда заносились обычаи и практика, часто спорная". Наоборот, в ст. 12 Смоленского договора 1229 г. Сергеевич не видел противоречия со ст. 116 и 121 Р. Пр. Не зная, „какие порядки повлияли на ст. 12: русские или немецкие", Сергеевич указывал, что ст. 12 лишь „предполагает у рабов собственность, а не узаконяет собственности рабов. Это большая разница. Статья собственно не вводит ничего нового, а отправляется от существующего: есть рабы, которые имеют собственность, а потому они и вступают в сделки от своего имени и передают имение своим наследникам". Из ст. 116 Р. Пр. видно, что „у кредитора, который заведомо вступил в сделку с рабом, нет иска против господина; но отсюда, конечно, не следует, что за рабом признается право не платить долга. Если он имел свое имущество, то, конечно, должен был платить свои долги. Этой возможностью получить долг с раба и обусловливается случай, предусматриваемый статьею: некто заведомо вступил в сделку с рабом как рабом, а не представителем своего господина. В Р. Пр. нет никаких запрещений для раба иметь собственность и вступать в сделки, не нарушая прав господина. Что не запрещалось никакими указами, то могло происходить по простому

допущению со стороны господ. Думаем, что порядок вещей, предполагаемый Смоленским договором, исконный; это наша старина" (Др., I, с. 108 и 122—123).

По мнению Дебольского, в ст. 12 Смоленского договора именно предполагается, „если не поручение... то «попущение» господина". Он видел здесь даже такое действие раба „в гражданском обороте с ведома и согласия господина", когда „согласие господина дано post factum". Здесь налицо „в случае заключения по ошибке сделки с рабом, признание этой сделки: раб не освобождается от ответственности (непосредственной, или, если господин захочет, посредственной через сего последнего), но является, очевидно, лицом дееспособным. Положение, что, если контрагент раба вошел с ним в гражданскую сделку, ведая, что, он раб, то лишается своих кун, имеет своей целью... не ограничение дееспособности раба (всегда, повторяем, производной, путем попущения господина), но ограждение интересов господина, поставленного в необходимость против своей воли (без попущения) отвечать за раба или лишаться сего последнего" (с. 69—71).

Владимирский-Буданов не согласился ни с Сергеевичем, ни с Дебольским. „Ввиду точного выражения закона", „несомненно следует именно этот вывод" [что „за рабом признается право не платить долги"]; „иначе в постановлении Р. Пр. было бы сказано: искать не с господина, а с самого холопа. Сверх того, предполагая противное, не было бы никакого основания обратить иск на господина в том случае, когда кредитор не знал о рабском состоянии контрагента. Здесь нет предположения о поручении холопу сделки со стороны господина, ибо об этом есть другая — следующая статья" (А, 117). „Различие «попущения» от «поручения» (господином рабу) есть простое недоразумение: «попущение» («пустить в торг») должно чем-нибудь обнаружиться (поручением), иначе не будет оснований для полного удовлетворения иска господина. Это особенно ясно при сличении 127 [А, 116] ст. Р. Пр. с 128-ю [А, 117]; в первой никакого «согласия господина post factum» на сделку раба нет, а есть — обязанность господина или удовлетворить контрагента, или выдать раба; тут, очевидно, «попущения» не предполагается, тогда как в ст. 128 [А, 117], где попущение налицо (по нашему — поручение), хозяин не может отделаться выдачею раба, а должен полностью удовлетворить по обязательству раба, как собственному (ибо кредит хозяина и субстрат сделки может далеко превышать ценность раба). Во всех случаях иск обращается к хозяину, а не рабу, и выдача раба не означает выступление раба ответственным лицом, а уплату кредитору со стороны хозяина личностью раба... Точно формулированный закон Р. Пр. противоречил бытовым явлениям; такое обстоятельство не есть какая-либо невозможная странность; оно встречается нередко, особенно,

если закон формулирует какую-либо норму при помощи чужого (в данном случае — византийского) права" (Обзор, с. 412 прим.).

Довнар-Запольский ставил при этом вопрос: „как поступить с таким рабом, который даст на себя обязательство, превышающее его стоимость, или вообще причинит ущерб выше ее? Очевидно, конечно, господину предоставлялось или мириться с этим, или убить раба" (с. 414).

Грушевский свидетельство Смоленского договора 1229 г. об имущественном положении холопов считал отражением „не исключительного явления" потому, что и Р. Пр. „допускает, что могут быть такие люди, что входят в денежные операции с холопом, хотя и зная, что он холоп", а устав Всеволода „говорит про холопов, выкупающихся из холопства — значит, сами, своими деньгами" (III, с. 327).

Романов отмечает, что ст. 116 стремится примирить и защитить интересы холоповладельца, купца и ростовщика — от пробивающегося на рынок холопа. Ограничивается (прежде безусловная) ответственность холоповладельца за мошенничество его холопа: если ростовщик „ведая будет вдал", то „кун ему лишитися". Ограничивается сумма необеспеченного кредита, взыскание которой гарантирует закон ростовщику — 5 гривен, в возмещение которой ростовщику передается холоп, если господин его отказывается платить вылганное. Ставится препятствие торговым операциям на свой страх и риск холопу — конкуренту свободного купца-профессионала. За всем казусом статьи 116 вырисовывается, однако, еще один случай, когда „холопья речь" неизбежно должна была играть роль свидетельского показания на суде — при решении вопроса, „ведая" или „не ведая" дал деньги взаймы ростовщик. [*Б. Р.*].

Статья 117

Аже пустить холопа в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитися его.[1]

Переводы

Ежели кто дозволит своему холопу торговать, а холоп тот одолжает, то платит за него господин его, и отступиться от него неволен (Б.).

Gdy kto dozwoli chłopowi handel prowadzić, a on się odłuży, to pan wykupić go winien, a pozbyć się jego nie może (R.).

Wenn jemand den Knecht zum Handel entlässt, und derselbe wird schuldig, so kauft der Herr ihn los, aber er entsagt ihm nicht (Ew.).

Если кто дозволит своему холопу торговать и холоп тот одолжает, то господин обязан платить за него долги, но не властен от него отступиться (Пл.).

Если кто дозволит своему холопу торговать, и холоп тот одолжает, то господин обязан платить за него долги, но не властен от него отступиться (Ст.).

Wenn jemand seinen Sklaven zu Handelsgeschäften entsendet, aber er (der Sklave) macht Schulden, so muss ihn der Herr loskaufen und darf ihn nicht verlieren [auf ihn verzichten, ihn dem Gläubiger überlassen wollen] (G.).

Комментарии

Чичерин слова „пустит в торг" передавал дословно: „хозяин же платит долги холопа, которого он отпустил торговать" (с. 149).

Ключевский ставил эту статью в связь с „заметными успехами", какие сделало „разложение первобытного русского холопства уже в XII и XIII вв.": „Смоленский договор с немцами 1229 г. знал таких княжеских и боярских холопов, которых можно причислить к добрым людям, пользовавшимся известным почетом в обществе", и „назначает пеню

---

[1] *МП* а лишитися его не льзи.

за удар, нанесенный холопу". „Русские рабовладельцы, подобно римским, исстари доверяли часть своего имущества в распоряжение или пользование своим холопам: это — отарица Р. Пр., пекулий римского права, бонда польского. Такое доверенное имущество давало холопу возможность... вступать в обязательства с посторонними лицами", и „эти обязательства холопов признавались юридическими сделками; только ответчиками по ним были не сами холопы, а их господа. Еще в X в. арабские писатели заметили, что русские купцы имели обычай поручать своим рабам ведение торговых дел. Р. Пр. подтверждает это известие..." (именно: „если холоп с согласия или по поручению своего господина будет торговать..."). Из ст. 12 договора 1229 г. Ключевский заключал, что „по крайней мере имущество привилегированных холопов переходило по наследству одинаковым порядком с имуществом свободных людей" (Опыты, I, с. 363—364).

Владимирский-Буданов „пустит в торг" переводил „поручает холопу торговлю от своего [господина] лица"; „господин уже не может отделаться [как по ст. 116] одною выдачей холопа, потому что торговый кредит господина может много превышать цену самого холопа; притом же сделки, заключаемые холопом, в таком случае будут уже сделками самого господина, по которым он и должен удовлетворить вполне" (Хр., I, прим. 172).

Сергеевич трактовал ст. 117 как один из показателей исстаринности „допущения" господами собственности у холопов (см. выше, с. 727, ст. 116), в связи с различиями в „положении рабов в домах своих господ", по их „различной годности". „Особым доверием своих господ" пользовались тиуны и ключники. „Все домашнее хозяйство было делом рабов. Ключники, повара, конюхи — это все рабы. Рабам же поручают господа и совершение от своего имени всяких сделок, договоров купли-продажи и т. п.". Приводя тут же данные о собственности тиунов (термин ключник „с течением времени вытесняет" термин тиун, „тивун и ключник в конце XV в. одно и то же"), Сергеевич цитировал духовную кн. Владимира Андреевича Серпуховского: „а что будут мои ключники... а покупили деревни за моим ключем... а деревни детям моим, в чьем будут уделе". „И так старые холопы не совсем то, что мы привыкли понимать под безгласной собственностью, под вещью. Но, конечно, не все холопы пользовались одинаким положением"; „не всякий раб имел свое имущество, но у тех, у которых оно было, оно принадлежало им попущением их господ. В силу того же попущения рабы распоряжались этим имуществом: деньги давали взаймы, недвижимости дарили и пр." (Др., I, с. 124—131).

Дебольский предполагал здесь дачу господином рабу peculium'a, что и делало раба „дееспособным участником гражданского оборота" (с. 67).

Юшков подчеркивает, что ст. 117 свидетельствует „о росте правоспособности холопов“ (Очерки, с. 66).

Романов отмечает, что в этом случае, в противоположность ст. 116, сами интересы холоповладельца не терпели бы ограничения в сфере кредита, поэтому, если такой холоп запутается в кредитных операциях, совершаемых от имени владельца, то последнему нельзя отделаться выдачей холопа, поскольку господский долг превышает рыночную цену этого холопа [*Б. Р.*].

Статья 118

Аже кто кренеть чюжь холоп не ведая, то первому господину холоп поняти, а оному куны имати, роте ходивше, яко не ведая есмь купил ...[1]

Переводы

Кто купит чужого холопа (разумея продажу самого себя в холопство), не ведая, что он прежде другому себя уже закабалил, то первый господин берет обратно своего холопа, а последний получает свои деньги, ежели присягнет, что не ведал о первом его обязательстве; а ежели откроется, что он ведая купил, то лишается своих денег, кои он холопу дал (Б.).

Gdy kto kupi cudzego chłopa, nie wiedząc że jest chłopem, to pierwszy pan ma chłopa odebrać, a on ma odebrać pieniądze wykonawszy przysięgę jako go kupił nie wiedząc (R.).

Wenn jemand nicht wissentlich einen fremden Knecht kauft, so nehme der erste Herr den Knecht, und jener empfange die Marder, nachdem er zum Eide gegangen, wie er gekauft unwissentlich, wer derselbe sei... dem Herrn auch die Waare, und er entsagt ihm nicht (Ew.).[2]

Если кто возьмет чужого холопа в кабалу, не зная между тем, что он прежде уже закабалил себя другому, то первый господин берет своего холопа обратно, а последний, буде присягнет, что купил его по неведению, получает свои деньги; если же откроется, что купил его заведомо, то лишается своих денег, данных им холопу (Пл.).

Если кто купит чужого холопа, не зная того, — настоящему господину взять своего холопа, а покупщику возвратить деньги под присягой, что он купил холопа по незнанию. Если же окажется, что он купил заведомо чужого холопа, то теряет свои деньги (Ст.).

Wenn jemand einen fremden Sklaven, ohne es zu wissen, kauft, so nimmt der erste Herr (des Sklaven) den Sklaven, aber er [der Käufer] erhält sein Geld, nachdem er zum Eid gegangen ist, dass er (den Sklaven), ohne es zu wissen, gekauft hat (G.).

---

1 *МП далее следует:* ведая ли будеть купил, то кун ему лиху быти.

2 Эверс переводил по Синод.-Троицк. группе и присоединил дефектный текст ст. 119 к ст. 118 [*Б. Р.*].

Комментарии

Карамзин: „крьнет“ — „т. е. купит.“ „В некоторых списках договора Игорева в 944 г. слово крьнет также употреблено вместо купит“ (II, прим. 90).

Дубенский переводил „а оному куны имати“ — „доправить деньги свои на господине раба...“ (с. 132).

Погодин, пользуясь в основном переводом Ив. Платонова, не видел здесь самопродажи холопа, и устранил слова „в кабалу“, „между тем... другому“ и „данных холопу“, — дав такой перевод: „Если кто возьмет (?) чужого холопа не зная, то первый господин берет своего холопа [и т. д.]... то лишается своих денег“ (Др. русск. ист., II, с. 757).

Владимирский-Буданов полагал, что „оному куны имати“ — „без сомнения, не с господина холопа, а с того, у кого он купил. Это только разъяснение к ст. 34 Кар. [А, 38]. Присутствие самого холопа при купле-продаже его, требуемое ст. 119 [А, 110], облегчает розыск его и решение того, следует ли вознаграждение покупщику“ (Хр., I, прим. 173). — Ср., однако, „Обзор“ (с. 620), где Владимирский-Буданов склонялся к мысли, что здесь речь идет о самопродаже холопа: „если человек продает свою свободу, которая ему не принадлежит (холоп), то договор разрушается при двояком виде последствий: если покупщик знал, что он раб, то лишается своих денег, а если не знал, то деньги ему возвращаются (Р. Пр., Кар., 129) [А, 118]“.

Мрочек-Дроздовский объяснял слово „кренуть“ = «купить» сопоставлениями: 1) „входяще Русь в град, да не имеют волости купить паволок лише на 50 золотник, и от тех паволок аще кто крьнеть, да показывает цареву мужу“ (Игор. дог., Лавр., с. 48); 2) „аже немчич крьнет (кринеть) гривну золота“ [рижская редакция Мстиславова договора] = „коупить латинеский гривну золота“ [в готландской редакции, Русск.-Лив. акты, № I, 434—435] (Исслед., вып. 2, с. 189).

Гетц возбудил вопрос — продажа или самопродажа раба имеется в виду в ст. 118, и решал его в пользу самопродажи. „Связность постановлений всей нашей группы [ст. 116—121, где речь идет об ответственности господина за холопа] была бы нарушена, если бы мы захотели видеть в ст. 151 [А, 118] покупку холопа у третьего лица. Холоп и есть тот самый, кто хочет войти в правовую сделку, как то было в предыдущих статьях. Подобно тому, как он в ст. 149 [А, 116] добывает деньги обманным образом, так он хочет этого достигнуть по ст. 151 [А, 118] посредством самопродажи... Покупатель... получает обратно покупную цену, следовательно, от холопа, которому он ее дал“ (III, с. 440).

Рожков приписывал здесь некоторую долю ответственности и господину бежавшего холопа: „в случае покупки, по неведению, бежавшего от своего господина к другому или уведенного другим холопа, первому

господину (т. е. действительному хозяину холопа) идет холоп, а лицо, купившее холопа по неведению, получает деньги, разумеется от действительного хозяина холопа“. Кроме того, „здесь перед нами выступает то любопытное явление, что покупка краденого, даже заведомо-краденого никогда не считалась в Р. Пр. уголовным преступлением“ (Очерки, с. 197).

Романов предлагает следующее соображение в пользу того, что здесь речь идет о самопродаже и что „куны имати“ второму господину надлежало с первоначального господина: если бы здесь подразумевался третий господин, продавший холопа второму, отсюда 1) вытекала бы необходимость (по ст. 38) свода (а ст. 118 ограничивает процедуру только „ротой“ второго), и 2) будь тут третий, у которого второй купил холопа „ведая“, убыток пал бы на обоих — между тем ст. 118 возлагает его целиком на одного второго („кун ему лиху быти“) [*Б. Р.*].

Статья 119

...господину же и товар, а не лишатися е.[1]

Переводы

Ежели холоп, будучи в бегах, приобрящет себе имение, то как долг за холопа, по силе статьи 8-ыя [А, 117], платит господин, так и все приобретенное им ему ж принадлежит, как и он сам (Б.).[2]

... pański zatem i towár, a postradać go nie ma (R.).

Ежели холоп, будучи в бегах, приобретет себе имение, то как долг за холопа оплачивает господин, так и приобретение, сделанное им, принадлежит господину вместе с лицем раба (Пл.).

Если холоп, будучи в бегах, приобретет себе имение, то как долг за холопа оплачивает господин, так и приобретение, сделанное им принадлежит господину вместе с лицом раба (Ст.).

Wenn ein entlaufener Sklave Ware sich verschafft, so gehören dem Herrn der Sklave und die Schulden, dem Herrn gehört auch die Ware (G.).

Комментарии

Чичерин: „Собственности у холопа нет: все, что беглый холоп приобрел, все то, вместе с его лицом, поступает к владельцу" (с. 149).

Владимирский-Буданов (имея в виду текст Карамзинского вида) слова „господину холоп и долги" понимал не как обоснование положения: „господину же и товар", а как предписание, равносильное этому положению,— „господин беглого холопа может выдать его креди-

---

[1] *С, НС, РЛ, М* его; *МП* Аже холоп бегая будеть добудеть товара, то господину [*К* же и холоп и] долг, господину же и товар, а не лишитися его.

[2] Эверс переводил по Синод.-Троицк. группе и присоединил дефектный текст ст. 119 к ст. 118; см. ст. 118.

тору, если долги, им сделанные, превышают цену холопа. См. Кар., 127 [А, 116]“ (Хр., I, прим. 174).

Сергеевич (читая по Тр. сп.) считал, что „прибавка Тр. сп.“ („а не лишатися его“) „особенно подчеркивает обязанность господина отвечать за раба: он должен платить и не может лишиться раба, т. е. выдать его потерпевшему“ — и эту „прибавку“, имевшуюся в 47 из 50 списков у Калачова, считал „правильной“ и даже более — „вызванной желанием господ выдачей виновного раба освободиться от дальнейшего взыскания и соответственной тому практикой. Поэтому статья и входит в полемику и говорит: этого нельзя“. Отсюда непримиримость ст. 116 и 121 со ст. 46, 119 и 120. „На господина раба переходят как все приобретения раба, так и его потери“. Раб здесь „не совершил преступления, он не украл, а добыл нечто, вступив в сделку“ (Др., I, с. 107—108).

Рожков ставил вопрос — „всегда ли“ „за долги беглого холопа отвечал господин его?“. В ст. 119 „указано важное условие такой ответственности господина: если холоп в бегах приобретет какую-нибудь собственность. Но если беглый холоп наделал долгов и ничего не приобрел, как в таком случае должен был поступать господин? Надо думать, что тогда применялось постановление, изложенное в ст. 110 Тр. сп. [А, 116], относившееся, повидимому, и к беглому и к не-беглому холопу“ (Очерки, с. 190—191).

Гетц не признавал прибавку Тр. и Синод. сп. „а не лишатися его“ первоначальным текстом. „Указание Сергеевича, что эта прибавка находится в 47 из 50 сличенных Калачовым списках и недостает только в 3-х, мало говорит при тех ошибках, которые мы уже наблюдали в рукописях. Эта прибавка не принадлежит к заключительной ст. 152 [А, 119], точно так же как родственная ей статья 153 [А, 120] не имеет ее ни в одном из списков. На самом деле это — прибавка, перенесенная из ст. 150 [А, 118] в конец ст. 152 [А, 119]. И можно выставить предположение, почему эта прибавка была сделана в ст. 152. А именно в ст. 152 [А, 119] речь идет о товарах и долгах; о торговле товаром и о долгах, отсюда происшедших, речь была уже в ст. 150 [А, 117], потому переписчик, может быть, и перенес нашу прибавку из 150 [А, 117] в 152 [А, 119] ст. И подобно тому, как соответствующие слова в ст. 150 [А, 117] и 149 [А, 116] в различных списках то правильно, то ошибочно начинаются с «али» и «а не», точно также эта прибавка могла иметь и подходящую к казусу ст. 152 [А, 119] форму: «или (али) он может его лишиться» (III, с. 441).

Максимейко принимал чтение Синод. сп., где ст. 119 соединена со ст. 118. „Смысл статьи такой: «бежавшего холопа, проданного кем-нибудь третьему лицу, отбирают от покупателя и возвращают его первоначальному господину; ему возвращается и то имущество, какое унес

с собою бежавший холоп». Однако, переписчикам казалось, что последняя фраза статьи «господину же и товар и т. д.» не имеет отношения к предыдущему тексту, ибо там не говорится про товар. Отсюда у них возникла догадка, что это отрывок другой статьи, начало которой утрачено... Надо было только показать, откуда взялся товар, от утраты которого защищали господина. Для этого сохранившийся текст был дополнен пояснением, что этот товар добыл холоп во время бегства. Потом, чтобы придать своему творению больше убедительности, переписчики сочли нужным пояснить читателю, почему имущество, добытое холопом, шло в собственность господину. Для этого они сослались на другую статью Р. Пр., по которой долги холопа падали на его господина [А, 116]: раз так, то и примыслы холопские подлежали той же участи. Следствием такой кодификационной работы явилась такая статья, какая имеется в сп. Пушк., Погод. и Авр., а также и в списках Карамзинского типа. ...Правда, в этой статье [А, 119] не все гладко и логично, есть непоследовательности, а именно: резолютивная часть ее не вполне сходится с повествовательной. В самом деле, выражение «а не лишитись его» было уместно в древнем контексте, ибо там говорилось про имущество, принадлежащее господину, но унесенное беглым холопом и оставшееся у третьего лица, которое его продало; в новой же редакции это выражение не совсем подходит, ибо утратить можно лишь то, что имеешь, а здесь речь идет об имуществе, которое добыл холоп бегая и которое не пошло во владение к господину. Но такая неувязка в тексте именно и подтверждает мысль об искусственном и позднейшем происхождении этой статьи, о надуманном и приставном характере ее первой части" (Интерполяции, с. 26).

Романов подчеркивает, что в этой статье „логическое ударение приходится ставить на «добудеть товара», а «господину долг» рассматривать скорее как обоснование права собственности его и на товар; слова же «не лишитися его» — относить к товару" (Уч. пос., с. 89). — Ст. 119 надлежит рассматривать в связи со ст. 118, поскольку между двумя господами ст. 118 легко мог возникать на практике не только вопрос о способе восстановления холопа в первобытное состояние (т. е. с уплатой второму господину или без нее), но и вопрос о товаре, добытом холопом [*Б. Р.*].

Статья 120

Аже кто бежа, а поиметь суседне что или товар, то господину платити за нь урок, что будеть взял.

Переводы

Ежели холоп бежав снесет с собою что-либо из принадлежащего соседу, то господин его за все то заплатить должен, по цене обыкновенной (Б.).

Jeżeli kto ucіеcze, a weźmie co u sąsiada, lub też towar, tedy pan zapłaci za niego cenę tego co wziął (R.).

Wenn er entweicht und des Nachbars Waare mitnimmt, so muss der Herr die Gebühr für das, was er nahm, bezahlen (Ew.).

Ежели холоп, бежав, снесет с собою что-либо из принадлежащего соседу, то господин обязан заплатить за снесенное им по надлежащей цене (Пл.).

Если холоп, бежав, унесет с собою что-либо из принадлежащего соседу или товар, то господин обязан заплатить за унесенное им по урочной цене (Ст.).

Wenn ein (Sklave) entläuft und nimmt etwas dem Nachbarn Gehöriges oder Ware, so muss der Herr für ihn Abgabe zahlen (für das), was er genommen hat (G.).

Комментарии

Что здесь „урок" платился не в двойном размере, Станиславский объяснил тем, что „хозяин беглого раба не имел уже возможности присматривать за его действиями" (с. 193).

Греков впервые обратил внимание на то, что в ст. 112—121 местоимение „кто" ни разу не обозначает холопа: „стало быть, и в ст. 120 «кто» — не холоп. Однако у него есть господин. Под этим «кто» может вполне скрываться и зависимый смерд" (Феод. отн., с. 142).

Романов, видя здесь обязанность господина платить „урок", независимо от того, найден бежавший или нет, затрудняется согласиться с Грековым ввиду того, что по ст. 64 господин отвечает за закупа только, если его „где налезут" [*Б. Р.*].

Статья 121

Аже холоп крадеть коголюбо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимь будеть крал, а жене и детем не надобе; но оже будуть с нимь крали и хоронили, то всех выдати, паки ли а выкупаеть господин; аже будуть свободнии с нимь крали или хоронили, то князю в продаже.

Переводы

Ежели по суду или сыску окажется, что холоп чей обокрал кого, то господин повинен или иск за него заплатить, или выдать его головою, и с теми кои с ним крали или краденое хоронили, кроме жен их и детей; а ежели окажется, что были участниками в покраже и в держании у себя покраденных пожитков свободные люди, с таковых указная пеня взяти на князя (Б.).

Jeżeli chłop kogokolwiek okradnie, to pan ma go wykupić, lub wydać go z tymi, z którymi kradł: a żony i dzieci nietrzeba: ale jeżeli z nim kradli i chowali, to wszystkich wydać, lub też pan wykupić ich ma, a jeżeli z nim ludzie wolni kradli i chowali, to ci księciu przedaż zapłacą (R.).

Wenn ein Knecht irgend etwas stiehlt, so kauft der Herr ihn los, oder giebt ihn heraus mit wem er stahl; aber Weib und Kinder sind nicht nöthig. Wenn sie aber mit ihm stahlen, oder verwahrten, so gieb man alle heraus, oder der Herr kauft sie wiederum los. Wenn Freie mit ihm stahlen, oder verwahrten, dann dem Fürsten Busse (Ew.).

Ежели холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его головою, вместе с другими участниками воровства,[1] бывшими при сем деле, или хоронившими краденое, кроме их жен и детей. Если же откроется, что принимали участие в покраже свободные люди, то с таковых взять узаконенную пеню в казну (Пл.).

Если холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его головою вместе с другими участниками воровства, бывшими при самом деле или хоронившими краденое, кроме

[1] Погодин дальше иначе: „или хоронившими краденое, кроме их жен и детей. Если (с холопом) крали и хоронили свободные люди, то с таковых, при выкупе господином, взять пеню для князя.

их жен и детей. Если же откроется что принимали участие в покраже свободные люди, то таковые платят князю штраф (продажу) (Ст.).

Wenn ein Sklave einem etwas stiehlt, so muss sein Herr ihn loskaufen oder ihn [dem Bestohlenen] ausliefern und die, mit denen (der Sklave) gestohlen hat, aber Weib und Kinder [des Sklaven] (auszuliefern) ist nicht nötig. Haben sie [Weib und Kinder] aber mit ihm gestohlen und (das Gestohlene) verhehlt, dann muss man sie alle ausliefern. Oder umgekehrt, der Herr kauft sie alle los. Haben freie Leute mit ihm gestohlen, oder (das Gestohlene) versteckt, dann dem Fürsten zur Strafe (G.).

Комментарии

Ланге указал, что „при Мономахе, кажется, окончательно исчез самосуд в отношении холопов... и отменено двойное вознаграждение [по ст. 46]". Причину отмены Ланге объяснял так: „при действии ст. 46... господин скрывшегося татя, выплачивая обиженному двойную цену украденного и лишаясь самого холопа, нес более убытков, нежели тот, от кого холоп-тать не делал побега... Каждый из рабовладельцев мог считать закон Изяслава для себя стеснительным, потому что уплачивал не одно только вознаграждение за татьбу, сделанную его холопом, а двойное, имевшее вид несправедливой пени за чужую вину... Владимиру Мономаху предстояло... согласить по возможности разнородные интересы владельцев холопов, уличенных в татьбе, и лиц, обиженных ею". Против ст. 121 „господин холопа-татя не мог сделать никакого возражения, потому что ему предоставлялось действовать, соображаясь с своею выгодою... С другой стороны, и потерпевший убытки от татьбы ничего не мог сказать против такого закона, потому что не имел основания отрицать у того или другого господина права отрекаться от владения своим холопом...". Эту статью Ланге относил и к убийце-холопу, как и ст. 46 (с. 134, 141, 220—221).

Чичерин обратил внимание на то, что „господин волен, однако же, вместо уплаты, выдать его [холопа] истцу с женою и детьми, если они участвовали в покраже или утайке украденной вещи, или без них, если они ни в чем невиновны" (с. 149—150).

Сухов ст. 121 приводил в доказательство того, что „мера наказания по Р. Правде" основывалась „на субъективной связи всех соучастников": здесь Р. Пр. „уравнивает по наказанию не только соучастников преступления с главным виновником, но и укрывателей". „Аналогию с таким взглядом Р. Пр." Сухов видел „в древних обычаях запорожских казаков, у которых было правилом, что «если вор крал да приносил кому-нибудь из казачества для сохранения украденное или, кто ведая купит оные воровские пожитки, то и оному чинится таможде, как над сущим вором» (Чтения, 1847, № 6, IV, с. 26)". Допускал Сухов

здесь и „влияние византийско-кононического права на узаконения Р. Пр. об участии и прикосновенности“: „повелевый кому убити некоего, яко убийца осуждается“ (Закон Градскый, Правосл. собеседн., 1860 г., № 6 и 7, 39 грань); „съведый некоего согрешение и скрывая равно тому запрещение прииметь“ (71 правило Кормчей); „дающия детогубныя зелья, яко да уморят младенцы сущия во чреве и дающии и вземлющии волею убивают и яко убийца суд приемлют; также хотящии“ (XXI гл. Кормчей) (Юр. вестн., 1873, дек., с. 28—31).

Владимирский-Буданов считал эту статью „только добавлением к предыдущей, сделанным для того только, чтобы показать, как следует поступать, если в преступлении холопа были участники. По ст. 131 [А, 120] господин должен вознаградить потерпевшего от преступления, уплатив урок (т. е. цену украденного, см. Кар. 98, 102) [А, 84, 89]; из ст. 127 [А, 116] и 132 [А, 121] видно, что господин мог, взамен уплаты урока, выдать самого холопа. Но если в воровстве участвовало несколько холопов одного и того же господина, то этот последний, находя уплату урока для себя невыгодной, не мог отделаться выдачею одного главного вора, но должен был выдать и пособников и участников его. Жена и дети холопа вора обыкновенно не выдаются, но если и они участвовали в краже, то выдаются. Люди свободного состояния, участвовавшие в татьбе, совершенной холопом, и укрыватели (см. ст. 29 Ак. сп. [А, 31 Кр. Пр.]) отвечают уголовным порядком“ (Хр., I, прим. 176). — Ст. 120 и 121 „взяты из Эклоги: «тативого роба господин аще хочет имети его раба, безтщетно да сотворит украденному; не хотяй же имети раба того, да отдаст совершенно господину, пострадавшему окрадение» (Печатная Кормчая, гл. 49, зач. 16)“ (Обзор, с. 97).

Сергеевич извлек из этой статьи „скорее“ подтверждение „общего правила об ответственности жены и детей за деяния мужа и отца, чем доказательство их безответственности“: она имеет в виду холопов, а не свободных, и „выдача с мужем невинной жены и детей увеличила бы только убытки господина, не виновного в преступлении раба“ (Лекции, с. 466).

Наоборот, Максимейко приводил ст. 121 в доказательство того, что и у свободных, если у жены и детей была отдельная собственность, то „вероятно она конфисковалась лишь в том случае, когда было доказано их соучастие в преступлении“ (Мним. архаизмы, с. 153).

Ключевский сопоставлял эту ст. 121 со статьей Закона Судного Людем, „взятой из Эклоги или Прохирона“, „о рабе, совершившем кражу на стороне, не у своего господина: если господин такого раба-вора захочет удержать его за собою, обязан вознаградить потерпевшего, в противном случае должен отдать его в полное владение потерпевшему. В нашей Правде есть статья [А, 121], по которой господин

холопа, обокравшего кого-либо, должен выкупить вора, платить все причиненные им убытки и пени, или же выдать его потерпевшему; но в нашей статье к этому прибавлено постановление, как поступить с семьей холопа-вора и со свободными людьми, участвовавшими в краже". Сопоставляя ст. 121 со ст. 46 и 63, Ключевский не видел здесь последовательной отмены „каждой следующей статьей" „предыдущей": „ближе подходит к характеру памятника предположение, что эти статьи принадлежат к разновременным его частям и формулируют сходные, но не тожественные случаи, различие которых не выражено ясно редакцией статей" (I, с. 255 и 281).

Гетц полагал, что ст. 120 говорит о бежавшем холопе, тогда как ст. 121 — о находящемся у своего господина или по крайней мере о пойманном холопе-воре, и потому не соглашался с Владимирским-Будановым, что здесь мы имеем лишь пояснение к ст. 120. В ст. 121 „нет слова «бежавший» и из альтернативы для господина — либо выкупить холопа либо выдать его — вытекает, что холоп находится у своего господина. Вопрос об ответственности господина трактуется здесь точно так же, как в ст. 149 [А, 116]...": „то господину выкупати и либо выдати". Не соглашался Гетц и с Ключевским: „нет повода думать о заимствовании этой статьи из чужого права. Постановления о рабах и ответственности за них господина мы находим решительно во всяком праве... это международное правовое явление" (III, с. 443—446).

Романов, сопоставляя ст. 121 со ст. 110, приходит к предположению, не связано ли проникновение в статью 121 идеи неответственности холопьих жены и детей за отца и мужа с новым бытовым фактом — широким притоком на господскую территорию через брак с рабой новых холопов, отмеченным статьей 110 Пр. Пр. [*Б. Р.*].

УКАЗАТЕЛИ

Библиографический указатель[1]

Аксаков К. С. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1861.

Алексеев К. Об отношениях супругов по имуществу в древней России и Польше. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1868, кн. II.

Аргунов П. А. К пересмотру построений закупничества Русской Правды. Уч. зап. Сарат. унив., т. VI, вып. 4, 1927.

Аргунов П. А. О закупах Русской Правды. Изв. Акад. Наук, Отд. обществ. наук, Л., 1934.

Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.

Багалей Д. И. Русская история, т. I. М., 1914.

Баран Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910.

Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. Изд. 4-е, М., 1903.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. Изд. 2-е, М., 1888.

Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам. М., 1858.

Беляев П. И. Источники древне-русских законодательных памятников. Ж.М.Ю., 1899, № 10; 1900, № 11.

Беляев П. И. Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды. Сб. правоведения и обществ. знаний, т. V, СПб., 1895.

Беляев П. И. Первичные формы завещательного распоряжения. Ж.М.Ю., 1901, № 6.

Беляев П. И. Холопство и долговые отношения в древне-русском праве. Юридический вестник, 1915, кн. IX (I).

Беседкин П. Исторический очерк преступления поджога по римскому, германскому и русскому праву. Временник Демидовского лицея, 1885, кн. 37.

Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история, т. I. СПб., 1872.

Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.

Болтин И. Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1792.

Буслаев Ф. И. Дополнения и прибавления ко 2-му тому Сказаний русского народа, собранных И. Сахаровым. Архив ист.-юрид. свед., кн. 1, отд. IV, М., 1850.

Буслаев Ф. И. Новые свидетельства об изгойстве и изгоях. Архив ист.-юрид. свед., кн. 2, половина 2, отд. VI, М. 1854.

Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.

Ведров С. В. О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1876, кн. I; отдельно, М., 1877.

[1] Звездочкой отмечены те названия, которые при цитировании данного автора в комментариях, опущены (см. выше „От Редакции“, стр. 9.)

Владимирский-Буданов М. Ф. Неизданные законы юго-западных славян. Ж.М.Н.Пр., 1881, март.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 5-е, Киев, 1907.

Владимирский-Буданов М. Ф. Рецензия: Блюменфельд. О формах землевладения. Университетские известия, Киев, 1885.

Владимирский-Буданов М. Ф. Рецензия: Das Russische Recht, д-ра Л. Гетца, т. II. Университетские известия, Киев, 1911, № 3; 1912, № 10.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Изд. 5-е, Киев, 1899.

Власьев Н. С. О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860.

Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Stuttgart, 1912—1913.

Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I. М., 1880.

Голубовский П. В. Критико-библиографический обзор трудов по древнему периоду русской истории. Университетские известия, Киев, 1907, август.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1944.

Греков Б. Д. Проблема генезиса феодализма в России. Истор. сб. Акад. Наук СССР, № 1, Л., 1934.

Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1936.

*Грушевский М. С. Історія Україні-Руси, тт. II и III, Львов, 1905.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891.

Грыцько И. Участие общины в суде по Русской Правде. Архив ист. и практ. сведений, 1860—1861, кн. 5.

Губе И. История древнего наследственного права у славян. Сб. исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Изд. Д. В., т. I, М., 1845.

Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903.

Демченко В. Г. Историческое исследование о показаниях свидетелей, как доказательства по судебным делам по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859.

Депп Ф. О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. СПб., 1849.

Диев И. Изъяснение некоторых выражений Правды Русской. Ж.М.Н.Пр., 1839, май.

Диев И. О вирах у россиян X и XI ст. Русский исторический сборник под ред. М. Погодина, т. I, кн. 2, М., 1837.

Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911.

Довнар-Запольский М. В. Холопы. Книга для чтения по русской истории под ред. Довнар-Запольского, т. I, М., 1904.

Дубенский Д. Об Ярославовой Правде XI в. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1846, кн. II.

*Дубенский Д. Памятники древнего русского права по харатейному списку; с примечаниями Дубенского. Русск. достопамятности, ч. II, М., 1843.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 3-е, СПб., 1910.

Дьяконов М. А. Рецензия на I том книги Гетца „Das Russische Recht." Изв. Отд. русского языка и словесности Акад. Наук, 1911, т. XVI, кн. 1.

Дювернуа А. Кого назвало древнерусское законодательство Колбягом. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1884, кн. I.

*Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869.

Дювернуа Н. Пособие к лекциям по гражданскому праву, вып. 1. СПб., 1899.

Есипов В. Повреждение имущества огнем по русскому праву. СПб., 1892.

Загоровский А. И. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. Киев, 1875.

Загоровский А. И. О незаконорожденных по иностранным гражданским кодексам и русскому гражданскому праву. Ж.М.Ю., 1898, № 5.

Загоскин Н. Метод и средства изучения древней истории русского права в связи с древнейшим развитием прав других народов славянского племени. Уч. записки Казанского университета, 1877, т. XI.

Загоскин Н. Метод и средства сравнительного изучения древнейшего права славян вообще и русских в особенности. Казань, 1872.

Иванишев Д. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою. Киев, 1840.

Изгоев А. Наследование по древнерусскому праву в связи с экономическим строем. Научные извест., 1899, № 10.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений, т. I. СПб., 1907.

Калайдович К. Ф. О почтении русских к бороде и волосам своим. Вестник Европы, 1810, № 7.

Калачов Н. В. Дополнение к рассуждению г. Деппа [1840] „О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича". Архив ист.-юрид. свед., кн. 3, отд. IV, М., 1861.

Калачов Н. В. О значении изгоев и состояния изгойства в древней Руси. Архив ист.-юрид. свед., кн. 1, М., 1850.

Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. 1, Изд. 2-е, СПб., 1880.

Карамзин Н. М. История государства Российского, тт. I—II. Изд. 5-е, Эйнерлинга, СПб., 1842.

Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.

Каченовский М. Т. Из рассуждения о Русской Правде. Уч. зап. Моск. унив., 1835, сент., отд. III.

Каченовский М. Т. Изыскания о Русской Правде. Вестник Европы, 1829, XIII.

Ключевский В. О. Боярская Дума древней Руси. Изд. 4-е, 1909.

*Ключевский В. О. Курс русской истории, т. I. Изд. 2-е, М., 1906.

Ключевский В. О. Опыты и исследования. М., 1912.

Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон, т. II. М., 1886.

Кочин Г. Е. [комментарии: Правда Русская. Учебное пособие. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1940].

Кранихфельд А. Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. СПб., 1843.

Krug Ph. Zur Münzkunde Russlands. St.-Petersburg, 1805.

Куницын А. О правах наследства лиц женского пола. Речь в Харьковск. унив., 3 44.

Курдиновский. Что такое свод нашего древнего права. Юрид. изв., 1913, № 8.

Лакиер А. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848.

Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Арх. историч. и практич. сведений, относящихся до России, кн. 1, 2, 3, 5, 6, СПб., 1859—1860.

Ланге О. О правах собственности супругов по древне-русскому праву. СПб., 1886.

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. Сб. „Крестьянский строй", I, СПб., 1905.

Ленин В. И., Сочинения, тт. III и XVII.

Ленинский сборник, т. IV. М., 1925.

Леонтович Ф. И. К вопросу о происхождении семьи вообще и о ее организации по древнему русскому праву. Ж. М. Ю., 1900, № 7.

Леонтович Ф. И. О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругою юго-западных славян. Ж.М.Н.Пр., 1867, апрель.

Леонтович Ф. И. Русская Правда и Литовский статут. Университетские известия, Киев, 1865.

Леонтович Ф. И. Старый земский обычай. Тр. VI Археол. съезда в Одессе, 1889.

Лешков В. О Русской Правде в отношении к благоустройству. Временник Общ. ист. и древн. росс., кн. XX, М., 1854.

Лешков В. Русский народ и государство. М., 1858.

Линниченко И. А. Черты из истории сословий в юго-западной Руси XIV—XV вв. М., 1894.

Любавский М. К. К толкованию ст. 73 Русской Правды по Карамзинскому списку. Сб. статей, посв. Л. М. Савелову, М., 1915.

Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1913.

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени I-го Литовского статута. М., 1892.

Любимов В. П. Смерд и холоп. Исторические записки АН СССР, т. 10, М., 1941.

Максимейко Н. А. Закупы Русской Правды. Наукові записки науково-дослидчої катедри історії українськоі культури, № 6, Харків, 1927.

Максимейко Н. А. Інтерполяції в тексті поширеної Руськоі Правди. Праці Комісії для виучування історії західньо-руського та українського права, вып. VI, Київ, 1929.

Максимейко Н. А. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды. Вестник права, 1905, март, апрель.

Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I. Харьков, 1914.

Максимейко Н. А. Про смердів Руськоі Правди. Праці Комісії для виучування історії західньо-руського та українського права, вып. II, Киев, 1927.

Максимейко Н. А. Русская Правда и литовско-русское право. Сб. статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев, 1904.

Maciejowski W. A. Historja prawodawstw Słowiańskich, tt. 1—6, wyd. 2. Warszawa, 1856—1865.

Мейер Д. Древнее русское право залога. Юрид. сб., изд. Д. Мейера, Казань, 1855.

Мейчик Д. М. Русская Правда XI века. Юридический вестник, 1915, кн. XII (IV).

Мейчик Д. М. Русско-византийские договоры. Ж.М.Н.Пр., 1915, июнь, октябрь, ноябрь; 1916, март, ноябрь; 1917, май.

Микутский С. Новые свидетельства об изгойстве и изгоях. Архив ист.-юрид. свед., кн. 2, половина 2, отд. VI, М., 1854.

Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1866.

Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства. СПб., 1848.

Морошкин Ф. Л. О владении по началам русского законодательства. М., 1837.

Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде, вып. I. Уч. зап. Моск. унив., Отд. юрид., М., 1881.

Мрочек-Дроздовский П. Исследование о Русской Правде, вып. II. Уч. зап. Моск. унив., Отд. юрид., М., 1885.

Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Приложения ко 2-му выпуску. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1886, кн. I.

Мрочек-Дроздовский П. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. Чтения Общ. ист. и древн. росс. 1917, кн. III.

Мрочек-Дроздовский П. Новое издание Русской Правды. Уч. зап. Моск. унив., Юр. факульт., вып. 26, М., 1907.

Мрочек-Дроздовский П. О древнерусских ябетниках. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1884, кн. I, отд. IV.

Мстиславский В. В. Огнищанин и княжь муж или следы быта древних славянских князей в Русской Правде. Чтения Общ. ист. и древн. росс., 1860, кн. I.

Мстиславский В. В. О поклепной вире или понятие об обвинительном процессе по Русской Правде. Русская беседа, 1858, кн. 3; перепеч.: Юрид. журн., 1861, № 5.

Неволин К. А. Полное собрание сочинений, тт. III, IV, V. СПб., 1857.

Нейман. См.: Ewers. Vorzeit.

Никольский В. О началах наследования по древнему русскому праву. М., 1859.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

Павлов А. „Книги законные“, содержащие в себе в др.-русск. переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1885, т. 38.

Павлов-Сильванский Н. П. Люди кабальные и докладные. Ж.М.Н.Пр., 1895, январь.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

*Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

Пахман С. П. О судебных доказательствах по древнему русскому праву преимущественно гражданскому в историческом их развитии. М., 1851.

Пергамент О. К вопросу об имущественных отношениях супругов по древнему русскому праву. Ж. М. Н. Пр., 1894, № 11.

Пихно Д. И. Исторический очерк мер гражданского взыскания по русскому праву. Киев, 1874.

Пичета В. И. Институт холопства в великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. Исторические записки АН СССР, т. 20, М., 1946.

Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига, тт. I и III. М., 1871—1872.

Погодин М. П. Исследования, заметки и лекции о русской истории, т. III. М., 1846.

*Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Изд. 4-е, М., 1921.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Изд. 6-е. Л., 1924.

Полевой Н. История русского народа, тт. I и II. М., 1829—1830.

Полосин И. И. Закуп и вдач. Уч. зап. Инст. истории РАНИОН, т. V, М., 1929.

Попов А. Об опеке и наследстве во время Русской Правды. Сб. историч. и статистич. сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных. Изд. Д. В[алуева], т. I, М., 1845.

Попов А. Русская Правда в отношении к уголовному праву. М., 1841.

Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938.

Пресняков А. Е. Рецензия на книгу Гетца „Das Russische Recht", вып. I—II. Ж. М. Н. Пр., 1912, ноябрь.

Приселков М. Д. Задачи и пути дальнейшего изучения „Русской Правды". Исторические записки АН СССР, т. 16, М., 1945.

Rakowiecki J. Prawda Ruska czyli prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olega y Ygora, tt. I—II. Warszawa, 1820—1822.

Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836.

Рождественский Н. Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839.

Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. I. Изд. 2-е, М., 1905.

Рожков Н. А. Очерки юридического быта по Русской Правде. Исторические и социологические очерки. Сб. статей, ч. II, М., 1906.

Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. I. Изд. „Книга", Пгр.—М.

Розенкампф Г. А. Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829.

Романов Б. А. Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде). Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, т. XIII, кн. 3, СПб., 1908.

Романов Б. А. [комментарии: Правда Русская. Учебное пособие. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1940].

Рубинштейн Н. До історії соціяльних відносин у Київській Русі XI—XII ст. Наукові зап. Наук.-дослід. катедри іст. україн. культури, № 6, 1927.

Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1894.

Рязановский А. О посмертном преемстве супругов по русскому праву. Н.-Новг., 1914.

Сабинин С. О происхождении наименований боярин и болярин. Ж.М.Н.Пр., 1837, т. XVI, ч. 2.

Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М., 1908.

Сенковский. Примечания к Эймундовой саге. Библиотека для чтения, т. 3, СПб., 1834.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е, СПб., 1903.

Сергеевич В. И. Русская Правда в четырех редакциях. Изд. 2-е, СПб., 1911.

Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1902; т. III. Изд. 2-е, СПб., 1911.

Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.

Собестьянский И. Круговая порука у славян по древним памятникам их. Прага, 1886.

Соболевский А. И. Две редакции Русской Правды. Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой, М., 1916.

Соболевский А. И. К вопросу о круговой ответственности в древней Руси. Юридический вестник, т. VIII, 1886.

Соболевский А. И. Материалы и заметки по древне-русской литературе. Пгр., 1917.

Соболевский А. И. Рецензия на книгу Барсова: Очерк русской исторической географии. Ж.М.Н.Пр., 1885, апрель.

Соболевский А. И. Язык Русской Правды. Исследование о Р. Правде П. Мрочек-Дроздовского, вып. II. Ж.М.Н.Пр., 1886, апрель.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. I. М., 1851.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893; т. II, 1902; т. III, 1903.

Станиславский А. Исследование о начале имущественных отношений в древнейших памятниках русского права. Юридический сборник Мейера, 1855.

Стефановский К. И. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права. Ж.М.Н.Пр., 1873, март.

Сторожев В. Н. Киевская Русь. Сб. статей. Изд. 2-е, М., 1910.

Сторожев В. Н. Указная книга поместного приказа. М., 1889.

Стратонов И. А. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском унив., т. XXX, вып. 4, Казань, 1920.

Строев В. Софийский временник, ч. I. М., 1920.

Strube de Piermont. Discours sur l'origine et les changements des loix russiennes. St.-P., 1756.

Струмилин С. Г. Договор займа в древнерусском праве. М., 1929.

Сухов А. А. Обычно-народные и княжеские наказания по древне-русскому уголовному праву. Юридический вестник, 1873, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Татищев В. Н. Русская Правда; предъизвещение и примечания В. Н. Татищева. Продолжение Древней российской вивлиофики, т. I, СПб., 1786.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941.

Тихомиров М. Н. Русская Правда. Историк-марксист, 1938, № 5.

*Тобин. Взгляд на основные начала русского уголовного законодательства с древнейших времен до Уложения о наказаниях 1845 г. Ж.М.Н.Пр., 1847, июнь.

Tobien E. S. Die Prawda russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands. St.-Petersburg, 1844.

Товстолес Н. Общая собственность по русскому гражданскому праву. Ж.М.Ю., 1900, октябрь.

Турчинович С. Общественный быт славян в древности. О собственности и наследстве в древней Руси. СПб., 1853.

Удинциев В. История займа. Киев, 1908.

*Филиппов А. Н. Из иностранных отзывов о Русской Правде и ее комментаторах. Уч. зап. Инст. истории РАНИОН, т. II, М., 1927.

Филиппов А. Н. Начальные стадии процесса виндикации движимости по Leges Barbarorum. Сб. статей по истории права, посв. М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев, 1904.

Филиппов А. Н. Русская Правда в исследовании немецкого ученого. (Рецензия на книгу Гетца). Юридический вестник, 1914, кн. VI (II).

Филиппов А. Н. Учебник истории русского права. Изд. 5-е, Юрьев, 1914.

Флоринский Т. Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888.

Фогель. О поклепной вире. Опыт восстановления и объяснения текста Русской Правды. Уч. зап. Казанск. унив., 1848, кн. 2.

Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871.

Хомяков А. С. Сравнение русских слов с санскритскими. Изв. Акад. Наук по Отд. яз. и словесн., т. IV, вып. 3, 1855.

Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870.

Чебышев-Дмитриев А. П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.

Черноусов Е. К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. Византийское обозрение, изд. Ист.-фил. фак. Юрьевск. унив., т. II, вып. 2, 1916.

Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Щепкин Е. Н. Варяжская вира. Одесса, 1915.

*Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право. СПб., 1835.

*Ewers. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. 1826.

Ewers. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands. Dorpat, 1830.

Энгельман А. Е. Дополнение к некоторым статьям 1-й половины 2-й книги Архива. Архив ист.-юрид. свед., кн. 3, отд. IV, 1861.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, т. XVI, ч. I.

Юшков С. В. К вопросу о происхождении русского государства. Уч. зап. Моск. юрид. инст. НКЮ СССР, вып. II, М., 1940.

Юшков С. В. К вопросу о смердах. Уч. зап. Сарат. Гос. унив., т. I, вып. 4, 1923.

*Юшков С. В. Об академическом издании „Правды Русской". Историк-марксист, 1941, № 2.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939.

Юшков С. В. Правосудье митрополичье. Лет. зан. Арх. комиссии, т. XXXV.

Юшков С. В Феодальные отношения в Киевской Руси. Уч. зап. Сарат. Гос. унив., вып. IV, 1924.

Яковкин И. И. О закупах Русской Правды. Ж.М.Н.Пр., 1913, апрель, май.

Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943.

Яковлев В. А. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872.

Ясинский М. Н. Закупы Русской Правды и памятников западно-русского права. Сб. статей по истории права, посв. М. Ф. Владимирскому-Буданову, Киев, 1904.

Ясинский М. Н. Село и вервь Русской Правды. Университетские известия, Киев, 1906, № 3.

Предметно-терминологический указатель[1]

[1] Цифры, набранные курсивом, обозначают номера статей Правды; цифры, набранные прямым шрифтом, — страницы; в круглые скобки заключены слова, находящиеся в сочетании с основным термином. Иностранные термины выделены в отдельный алфавит.

Именной указатель[1]

[1] Цифры, набранные курсивом, обозначают номера статей Правды; цифры, набранные прямым шрифтом, — страницы. Имена авторов выделены в отдельный алфавит.

Географический указатель[1]

[1] Цифры, набранные курсивом, обозначают номера статей Правды; цифры, набранные прямым шрифтом, — страницы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТАТИЩЕВСКИЕ СПИСКИ ПРАВДЫ

Как указано в статье В. П. Любимова (см. Правда Русская, т. I, стр. 18), из кратких списков Правды Русской XVIII в. здесь издаются три списка (Татищевский I, Татищевский II и Татищевский III), которые непосредственно связаны с работой над Правдой Русской В. Н. Татищева.

ТАТИЩЕВСКИЙ I СПИСОК

Татищевский I список Правды Русской является копией Академического списка, отредактированной В. Н. Татищевым.[1] Он помещен в рукописи Новгородской первой летописи, которая находилась в Прусской Государственной библиотеке в Берлине в собрании Меермана, где она значилась под № 1987, и здесь печатается по фотографическому снимку. В литературе рукопись упоминается как рукопись Филиппса — по имени владельца, от которого она перешла в Прусскую Королевскую библиотеку.[2]

Список сделан в 1738 г., о чем свидетельствует приписка в конце рукописи: „Сіѧ книга списывана 1738 году с древнѧго лѣтописца Сенатскои Архівы, в которомъ подписано тако: в лѣто 6952 написана книга сіѧ на почитаніѧ православным христіаномъ; в переписываніи же хотя прилѣжное смотреніе оупотреблено, обаче ѿт ветхости и многіе буквы не видимы, а инде повреждено, особливо первой листъ, и длѧ того ѿт погрѣшности не безопасно“.

Писец, снимавший копию, отнесся к работе очень тщательно. Рукопись писана полууставом, видимо с соблюдением особенностей оригинала (буквы ꙗ, є, оу, ѡ, ꙋ, ѧ).

Рукопись озаглавлена: „Временникъ еже нарѣчается лѣтописаніе рꙋскихъ кнѧзей и землѧ Рꙋскаѧ и какѡ избра богъ странꙋ нашꙋ на послѣднеє времѧ и грады почаша бывати по мѣстомъ“.

---

[1] Г. Л. Гейерманс. Татищевские списки Русской Правды. Проблемы источниковедения, сб. третий, М.—Л. 1940, с. 171.

[2] Там же, с. 168.

Текст Правды Русской записан под 1016 г., после известия об отпуске Ярославом новгородцев домой и дарованіи им Правды.

Текст Правды написан в сплошную строку. С новой строки выделено только заглавие второй части списка Правды: „Правда оуставлена Рускои земли". Против этой строки на полях тем же почерком приписано: „зри".

К рукописи приложено письмо В. Н. Татищева к неизвестному лицу от 12 октября 1749 г., в котором он сообщает, что посылает „для отданія препочтенному королевскому собранію копію с новгородского попа Іоанна".

Правда Русскаѧ

[А, 1] Оубіетъ мѹжъ мѹжа, то мститъ братъ братѹ, или сынови отца, любо отцу сына, оли братѹчадѹ, || любо сестринѹ сынови; оже не бѹдетъ кто мстѧ, то 40 гривенъ за головѹ; оже бѹдетъ рѹсинъ, любо гриденъ, любо кѹпчина, любо ꙗбетникъ, любо мечникъ, оже изгои бѹдетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь. [А, 2] Оли бѹдетъ кровавъ оли синь надраженъ, то не искати ємѹ видока человекѹ томѹ; оже не бѹдетъ на немъ знаменіѧ никоторогѡ же, то ли пріидетъ видокъ; оже ли не можетъ, тѹ тому конецъ; ожели себе не можетъ мстити, то взѧти емѹ за обидѹ 3 гривны, а лѣтцѹ мзда. [А, 3] Оже ли кто когѡ оударитъ батогомъ, любо жерьдью, любо пѧстью, оли чашею, оли рогомъ, оли тылеснію, то 12 гривенъ; ижь сего не постигнѹтъ то платити ємѹ, то тѹ конецъ. [А,4] Оже оутнетъ мечемъ, а не вынемъ єго, любо рѹкоꙗтью, то 12 гривенъ за обидѹ. [А, 5] Оже ли оутнетъ рѹкѹ и ѡтпадетъ рѹка, любо оусохнетъ, то 40 гривенъ. [А, 6] Оже бѹдетъ нога цѣла, или начнетъ хромати, тогда чада смирѧть. [А, 7] Оже ли перстъ оутнетъ которыи любо, 3 гривны за обидѹ. [А, 8] А во ѹсѣ 12 гривенъ. А в бородѣ 12 гривенъ. [А, 9] Оже ли кто вынезъ мечь, а не тнетъ, то тои гривнѹ положитъ. [А, 10] Оже ли ринетъ мѹжъ мѹжа, любо ѡт себе, любо к себѣ, 3 гривны, а видока два выведетъ; оли бѹдетъ варѧгъ, оли колбѧгъ, то на ротѹ. [А, 11] Оже ли челѧдинъ скрыетсѧ любо оу варѧга, любо оу кольбѧга, а его за три дни не выведѹтъ, а познаютъ и в третіи день, то изымати ємѹ свои челѧдинъ, а 3 гривны за обидѹ. [А, 12] Оже кто поѣдетъ на чюжем конѣ, не прошавъ єго, то положити 3 гривны. [А, 13] Оже поиметъ кто чюжь конь, любо ѡружіе, любо портъ, а познаетъ в своемъ мирѹ, то взѧти єму свое, а 3 гривны за обидѹ. [А, 14] Оже кто познаетъ, не ємлетъ єго, || то не рцы єму: мое, но рцы єму тако: поиде на сводъ, гдѣ єси взѧлъ; оли не поидетъ, то порѹчника за пѧть дніи. [А, 15] Ѩже гдѣ взыщетъ на дрѹзѣ прочъ, а онъ сѧ запирати почнетъ, то ити ємѹ на зводъ предъ 12 человека; да оже бѹде обида не вдалъ бѹдетъ достоино ємѹ свои скотъ, а за обидѹ 3 гривны. [А, 16] Оже кто челѧдинъ поѧти хощетъ

познавъ свои, то ко оному вести, оу кого то бꙋдетъ купилъ, а тои сѧ ведетъ ко дрꙋгомꙋ, дажь доидетъ до третьего, то рцы третьемꙋ: вдаи ты мнѣ свои челѧдинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ. [A, 17] Ожь холоп оударитъ свободна мꙋжа, а бѣжитъ в хоромы, а господин начнетъ не давати єго, то холопа поѧти, да платитъ господинъ за нь 12 гривны; а за тым гдѣ єго налѣзꙋтъ оудареныи тои мꙋжъ, да бьютъ єго. [A, 18] А ижь изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ, а начнет хотѣти єго держати оу себе, то пріѧти скота оу негѡ; а ижь єсть изломилъ, аже ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ємꙋ заплатити, колико далъ бꙋдетъ на немъ.

Правда оуставлена Рꙋскои земли, єгда сѧ совокꙋпилъ Изѧславъ, Всеволода, Святославъ, Коснѧчко, Перенѣгъ, Никифоръ Кіѧнинъ, Чюдинъ Микꙋла. [A, 19] Ижь оубьютъ огнищанина во обидꙋ, то платить за нь 80 гривенъ оубіицы, а людем не надобѣ, а в подѣздномъ кнѧжи 80 гривенъ. [A, 20] А ижь оубьютъ огнищанина в разбои, оли оубіица не ищꙋтъ, то вѣрное платитъ, в неи же вѣрнои голова начнетъ лежати. [A, 21] Аже оубьютъ огнищанина оу клѣти, оли оу конѧ, оли оу говѧда, оли оу коровье татьбы, то оубити в пса мѣсто; а то же поконъ и тивꙋницꙋ. [A, 22] А в кнѧжи тивꙋнѣ 80 гривенъ. [A, 23] А конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, ꙗко оуставилъ || Изѧславъ в своемъ конюсѣ, єго же оубили Дорогобꙋжцы. [A, 24] А в селскомъ старостѣ кнѧжи и в ратаинѣмъ 12 гривенъ. [A, 25] А в рѧдовницѣ кнѧжѣ 5 гривенъ. [A, 26] А в смердѣ и в охотѣ 5 гривенъ. [A, 27] Ижь раба кормилица любо кормилицынъ, 12. [A, 28] А за кнѧжь конь, ижь тои с пѧтномъ, 3 гривны, а за смердѣи 2 гривны, за кобылꙋ 60 рѣзанъ, а за волъ гривнꙋ, а за коровꙋ 40 рѣзанъ, а третьѧкъ 15 кꙋнъ, а за лонщинꙋ полъ гривны, а за телѧ 5 рѣзанъ, за ꙗрѧ ногата, за боранъ ногата. [A, 29] А оже оуведетъ чюж холопъ любо рабꙋ, платити єму за обидꙋ 12 гривенъ. [A; 30] Ижели же пріидетъ кровавъ мꙋжъ любо сінь, то не искати ємꙋ послꙋха. [A, 31] А ижь крадетъ любо конь, любо волы, оли клѣть, да аще бꙋдетъ єдинъ кралъ, то 3 гривне и тридесѧть рѣзанъ платить ємꙋ; оли их бꙋдетъ 18, то по 3 гривны и по 30 рѣзанъ платити мꙋжеви. [A, 32] А в кнѧже бортѣ 3 гривны, любо пожгꙋтъ любо изодрꙋтъ. [A, 33] Оли смердъ оумꙋчатъ, а без кнѧжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанинѣ, и в тивꙋницѣ, и в мечницы 12 гривенъ. [A, 34] А ижь межꙋ переоретъ любо перетесъ, то за ѡбидꙋ 12 гривенъ. [A, 35] А оже лодью оукрадетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. [A, 36] А в голꙋби и в кꙋрѧти 9 кꙋнъ, а в ꙋткѣ, и в гꙋсѣ, и в жеравлѣ, и в лѣбѣди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. [A, 37] А єжь оукрадутъ чюжъ песъ, любо ꙗстребъ, любо соколъ, то за ѡбидꙋ 3 гривны. [A, 38] Оже оубьютъ татѧ на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, оли оу хлѣба, то тои оубитъ; оже ли до свѣта держатъ, то вести єго на кнѧжь дворъ; а оже ли оубьютъ, а люди бꙋдꙋт видѣли свѧзанъ, то платити в немъ. [A, 39] А єже сѣно крадꙋтъ, то 9 кꙋнъ;

и в дровехъ 9 кѹнъ. [А, 40] А еже оукрадѹтъ овцѹ, или козѹ, или свинью, а ихъ бѹдетъ 10 однѹ овцѹ оукрали, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи; а кто изымалъ, || томѹ 10 рѣзанъ. [А, 41] А ѡт гридне мечникѹ куна, а в девѧтинѹ 15 кѹнъ, а кнѧзю 3 гривны; а ѡт 12 гривнѹ емцѹ 70 кѹнъ, а в десѧтинѹ 2 гривны, а кнѧзю 10 гривенъ. [А, 42] А се поклонъ вирныи: вирникѹ взѧти 7 вѣдеръ солодѹ на недѣлю, тоже овенъ, любо полотъ, оли двѣ ногатои; а в среду рѣзань, в три же сыры, в пѧтницѹ же тако же; а хлѣба по колкѹ могѹтъ ѩсти и пшена; а кѹръ по двое на день; конѣ 4 поставити и сѹти имъ на ротъ, колько могѹтъ зобати; а вирникѹ 60 гривенъ 10 рѣзанъ и 12 вѣверицы, а передѣ гривна; или сѧ пригоди в говѣніе рыбами, то взѧти за рыбы 7 рѣзанъ; то всѣхъ кѹнъ 15 на недѣлю, а брашна колько могѹтъ изъясти; до недѣли жи вирѹ зберѹтъ вирницы; то ти оурокъ ѩрославль. [А, 43] А се оурокъ мостниковъ: ижь помостивше мостъ, взѧти ѡт дѣла ногата, а ѡт городницы ногата; оже же бѹдетъ вѣтхаго моста потвердити нѣколико доскъ или 3, или 4, или 5, то тое же.

ТАТИЩЕВСКИЙ II СПИСОК

Татищевский II список Правды Русской[1] находится в рукописном сборнике XVIII в., хранящемся в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР, № 16. 14. 9.

Рукопись в папочном переплете, на 89 листах.

Состав сборника: 1) список Краткой Правды Русской (лл. 1—10); 2) Судебник 1550 г. (лл. 11—61 об.); 3) „указы дополнительные Судебнику" (лл. 62—89 об.). Ко многим статьям Судебника имеются подстрочные примечания; некоторые из них писаны или исправлены рукою Татищева.

Тексту Правды Русской предшествует заголовок: „Право или закон, данныи новгородцамъ от великого князя Ярослава Владимировича въ 1017 году. Выписано древней из Новгородской гисторіи: Великому Нову граду по сеи грамоте ходити, яко же писахъ вамъ, тако же и держите".

Текст Правды разделен на 34 статьи, пронумерованных славянскими цифрами.

Правда Русская (кроме ст. 18—20 и 22—34) написана в два столбца: левый, содержащий собственно текст Правды Русской, озаглавлен „По ветхому нарѣчію"; правый имеет заголовок „Новоприложенное" и содержит перевод Татищева соответствующих статей на современный ему язык. После каждой статьи идут примечания как ко всей статье в целом, так и раскрывающие значение отдельных слов. В тексте

[1] В статье Г. Л. Гейерманса „Татищевские списки Русской Правды" этот список назван Татищевским I, а Татищевский III — Татищевским II.

Правды встречаются заключенные в скобки пояснения, сделанные Татищевым, и помещаемые нами в круглых скобках.

Текст, перевод и примечания писаны одним и тем же писарским почерком. В некоторых примечаниях имеются поправки, сделанные рукою Татищева. Кроме того, в тексте и на полях имеется множество карандашных пометок и исправлений, сделанных почерком XIX в.

Правда Русская

1 [А, 1]. Убъетъ мужъ мужа, мститъ братъ брату, или сынови отца, любо отцу сына, или братучаду, любо сестрину сынови.

2. Оже не будет кто мстя, то 40 гривенъ за голову; аче будетъ || русинъ, любо гридень, любо купчина, любо ябетникъ, любо изгои, любо словянинъ, положи за нь 40 гривенъ.

3 [А, 2]. Оже будетъ кровавъ, любо синь надраженъ, то не искати ему видока человеку тому, аче не будетъ на немъ || знамени никотораго же, то ли придет видокъ; аче не можетъ, то тому конецъ.

4. Оже ли не можетъ собе мстити, то взяти 20 гривенъ, а летцу мзда.

5 [А, 3]. Оже ударитъ ботогомъ, или жердію, любо пястію, любо ча||шею; или рогомъ, или тилеснію, то 12 гривенъ; оже ли сего не постигнутъ то платити ему, то ту конецъ.

6 [А, 4]. Аче утнетъ мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривенъ за обиду.

7 [А, 5]. Оже утнетъ руку и отпадетъ рука, любо || усохънетъ, то 40 гривенъ; [А, 6]. аче будетъ нога цела или начнет хромати, тогда чада смирятъ.

8 [А, 7]. Оже перстъ утнет которои любо, 3 гривны за обиду, [А, 8] а въ усе 12 грив[ен], а в бороде 12 гривенъ. ||

9 [А, 9]. Оже кто вынет мечь, а не тнетъ, то тои гривну положитъ.

10 [А, 10]. Оже ли ринетъ муж мужа любо от собе, любо к собе, 3 гривны, а видока два выведет; и будет варягъ или колбяхъ, то на роту. ||

11 [А, 11]. Оже ли челядин скрыется любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведутъ, а познаютъ и в третіи день, то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривны за обиду.

12 [А, 12]. Оже кто поедетъ на чюжемъ коне, не спрошавъ его, то положи 3 гривны. ||

13 [А, 13]. Оже возметъ кто чужъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ в своемъ в миру, то взяти ему свое, а 3 гривны за обиду; [А, 14] оже узнавъ да не емлетъ его, то не рцы ему: мое, но рцы ему тако: поиди на сводъ, где си взялъ; оли не поидетъ, то порутчика за 5 днеи.

14 [А, 15]. Аче где взысчет кто на друзе прокъ, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на сводъ пред 12 человека, да оче будетъ достоино|| ему свои скотъ, а за обиду 3 гривны.

15 [А, 16]. Аче кто челядина пояти хосчетъ, познавъ свои, то ко оному вести, у кого то будет купилъ, а тои ся ведетъ ко другому; аже доидет до третiяго, то рцы третiему: вдаи ты мнѣ твои челядинъ, а ты исчи твоего скота при видоце.||

16 [А, 17]. Оже холопъ ударитъ свободна мужа, а бежитъ в хоромы, а господинъ начнетъ не давати его, то холопа пояти, да платитъ господинъ его 12 гривенъ; а за тымъ его налезетъ удареныи тои мужъ, да бьет его.||

17 [А, 18]. Оже изломитъ копiе, любо считъ, любо портъ, а начнетъ хотети его держати у собе, ино прiяти скота у него, оже есть изломилъ; оже ли начнетъ приметати, то скотомъ ему платити, колко далъ будетъ на немъ.||

Правда уставлена Руской земли, егда си совокупи Изаславъ, Всеволода, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Никифоръ Кiанинъ, Чудинъ Микула.

18 [А, 19]. Оже убъютъ огнисчанина въ обиду, то заплатить за нь 80 гривен убиицы, а людемъ не надобе; а в подъездномъ княжем 80 гривенъ.||

19 [А, 20]. А ижъ убъютъ огнисчанина в разбои или убиица не сысчутъ, то верное платить, в неи же вернои голова начнет лежати.

20 [А, 21]. Оже убъютъ огнисчанина у клети, али у коня, али у говяда, али у коровьеи татбы, то убити в пса место; а то же поконь и тиуницу.||

21 [А, 22]. В тiуне 80 гривенъ; [А, 23] конюхъ старшiи 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ в своем конюхе, его же убили Дорогобужцы; [А, 24] а в селском старосте княжiи и в ратанемъ 12 гривенъ; [А, 25] в редовнице княжiи 5 гривенъ; [А, 26] а в смерде i в охоте 5 гривенъ.||

22 [А, 27]. Оже раба кормилица, любо кормилицынъ, 12 гр[ивен].

23 [А, 28]. За княжъ конь, оже тои с пятном, 3 гривны, за смердь конь 2 гривны, за кобылу 60 резань, а за волъ гривна, а за корову 40 резань, а за третьякъ 15 кунь, а за лончину полгривны, а за теля 5 резань, а за яря ногата, а боранъ ногата.||

24 [А, 29]. Оже уведетъ чужъ холопъ, любо рабу, платити ему за обиду 12 гривенъ.

25 [А, 31]. Оже крадетъ любо конь, любо волъ, али клеть, да аче будетъ единъ кралъ, то гривну и 30 резань (за обиду); оли будетъ их болiи, то по тои же гривне и 30 резань (с каждаго) платити мужеви.

26 [А, 32]. В княжiи борти 3 гривны любо пожгутъ, любо выдерутъ; а в смерди 2 гривны.

27 [А, 33]. Оже смердь умучатъ без княжа слова, за обиду 3 гривны, а въ огнисчанине и в тiуне и в мечнице 12 гривен.

28 [А, 34]. Оже ли межу переоретъ любо перетесь, то за обиду 12 гривенъ.||

29 [А, 35]. Оже лодію украдетъ, то за лодію заплатити 30 резань, а продажи 60 резань, [А, 36] а в голюби и в куряти 9 кун, а въ утке и въ гусе и в жеровле и в лебяди 30 резань, а продажи 60 резань.

30 [А, 37]. Оже украдетъ чужъ песъ, любо ястреб, любо соколъ, то за обиду 3 гривны.

31 [А, 38]. Оже убъютъ татя на свои дворъ любо у клети, любо у жита, то тои убитъ; оже ли держатъ до света, то вести на княжъ дворъ; оже ли убъютъ, а люди видели связанъ (жива поимана), то плати в немъ.

32 [А, 39]. Оже сено крадутъ, то 9 кунь, а в дровехъ 9 кунь; [А, 40] а оже украдутъ овцу, или козу, или свинью, а ихъ (воровъ) будетъ 1 или 18|| одну овцу украли, да положатъ по 60 резань продажи, а кто изымалъ (татя), тому 10 резань; [А, 41] а от гридне мечнику куна, а в десятину 15 кунь, а князю 3 гривны, а от 12 гривен емцу 70 кунь, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ.

33 [А, 42]. А се поклонъ вирныи: вирнику взяти 7 ведръ солода на неделю, тоже овенъ, любо полоть или 2 ноготи, в среду резань, во вторникъ сыра, в пятницу так же (какъ в среду), а хлеба по колку могутъ ясти и пшена, куръ по двое на день, кони 4 поставити и сути имъ на ротъ колко могутъ зобати; а тожъ вирнику 20 гривенъ и 10 резань и 12 виверицы, а переде гривна; али ся пригодитъ в говеніе даяти рыбами, то взяти за рыбы 7 резань; то всехъ кунь 15 на неделю, а брашна колко могутъ изъясти; донели же виру зберут||вирницы; то ти урокъ Ярославль.

34 [А, 43]. А се урокъ мостников: оже помостивше мостъ, взя от дела ногата, а от городницы ногата; а оже будетъ ветхаго моста подтвердити неколко доскъ или 3, или 4, или 5, то тое же взяти.

ТАТИЩЕВСКИЙ III СПИСОК

Татищевский III список Правды Русской находится в рукописном сборнике XVIII в. Сборник хранится в Ленинградском отделении Института истории Академии Наук СССР, № 434. Рукопись на 75 листах, в папочном переплете.

Состав сборника: 1) „Предизвѣщение“ (лл. 2—5); 2) Правда Русская (лл. 5 об. — 10); 3) Судебник 1550 г. (лл. 11—69 об.); 4) „указы Судебнику въ дополненіе“ (лл. 69 об. — 74 об.).

Сборник озаглавлен: „Собрание законовъ древнихъ рускихъ для ползы всехъ любомудрыхъ собранные и неколико изтолкованные тайнымъ совѣтникомъ Василиемъ Татисчевымъ 1738 года“.

Правда Русская озаглавлена: „Правда Руская, т. е. законъ рускіи для суда данныи новогородцамъ от Ярослава 1017 году".

Текст Правды разделен на 35 пронумерованных статей и писан в два столбца (кроме статей 19 и 34). В левом помещен собственно текст Правды, в правом — перевод Татищева на современный ему язык. После каждой статьи идут примечания. Перевод и примечания отличны от списка Татищевского II.

Текст и примечания писаны одним писарским почерком.

Источником Татищевского III списка, кроме Новгородской первой летописи, служила также Ростовская летопись, как это явствует из Предизвещения: „Здѣ представляется, во-первых, древнíи законъ, ó которомъ хотя преподобныи Несторъ, историкъ рускіи, сказуетъ, что Ярославъ I далъ законъ Новогородцомъ, попъ новогородскіи Иоанъ жившеи во время Ярослава II-го і сына его Александра I-го и Невского проимянованного, точно онои в своеи исторіи положилъ и Аврамíи Ростовскíи, хотя нечто съ разностію, вь его лѣтопись внесъ..."

Разночтения Ростовского списка, приведенные Татищевым, см. ниже, в примечаниях к ст. 16, 25, 32 и 34.

Правда Русская

1 [А, 1]. Убиетъ мужъ мужа, то мститъ братъ брата, или сынови отца, любо отцу сына, оли брата чаду, любо [се]стрину сынови.

2. Оже не будетъ кто мстя, то 40 гривенъ за голову; аче будетъ русинъ, любо гридень, любо купчина, любо ябетникъ, любо ізгои, любо славянин, положи за нь 40 гривен.

3 [А, 2]. Оже будетъ кровавъ, оли синь надраженъ, то не искати ему видока человеку тому; оже не будетъ на немъ знамения никоего же, то ли пріидетъ видокъ; оже не можетъ, то ту тому конецъ. ||

4. Оже ли не можетъ собе мстити, то взяти ему за обиду 20 грив[ен], а летцю мзда.

5 [А, 3]. Оже кто кого ударитъ батогомъ, оли жердію, любо пястию, любо чашею, любо рогомъ, оли тилеснию, то 12 грив[ен]; оже ли сего не постигнетъ то плати ему, то ту конецъ.

6 [А, 4]. Оже утнетъ мечемъ, не вынемъ его, або рукоятию, то взяти 12 грив[ен] за обиду.

7 [А,5]. Оже утнетъ руку и отпадетъ рука, любо усохнетъ, то 40 грив[ен]; [А, 6] оже нога будетъ цела оли начнетъ хромати, тогды чада смирять.

8 [А, 7]. Оже перстъ утнетъ которыи любо, 3 грив[ны] за обиду, [А, 8] а в усе 12 грив[ен], а в бороде 12 грив[ен]. ||

9 [А, 9]. Оже вынетъ мечь, а не тнетъ, то тои положи грив[ну].

10 [А, 10]. Оже ли ринетъ мужъ мужа любо от себе, любо к собе, 3 гр[ивны], а видока два ведет; и буде варягъ оли колбагъ, то на роту.

11 [А, 11]. Оже ли челядинъ скроется у варяга или колбяга, а его за три дни не выведетъ, а познаютъ в третіи день, то изымати ему свои челядинъ, а 3 гр[ивны] за обиду.

12 [А, 12]. Оже кто поедетъ на чуже кони, не прошав его, положи за нь 3 гривны. ||

13 [А, 13]. Озмет кто чужъ конь, любо оружие, любо портъ, а познаетъ в своемъ миру, іно взятіи ему свое, а 3 гривны за обиду; [А, 14] оже познав кто да не емлетъ его, то не рцы ему: мое, но рцы ему тако: поиди на сводъ, где си взялъ; оли не покажетъ, то поручника за пять дни.

14 [А, 15]. Аче взысчетъ кто на друзе прю, а онъ ся запирати начнетъ, то ити ему на сводъ пред 12 человека, да оче будетъ обида не вдалъ достоино свои скотъ, а за обиду 3 гривны.

15 [А, 16]. Аче кто челядина пояти хочетъ, познавъ свои, то къ ому вести, у кого будетъ купилъ, а тои ся ведетъ ко другому; оже доидетъ до третиаго, то рцы третиему: вдаи мне мои челядинъ, а ты исчи твои скотъ при видоце. ||

16 [А, 17]. Ожъ холопъ ударитъ свободна мужа, а бежитъ в хоромы, а господин начнетъ не давати, то холопа пояти[1] да платитъ господинъ его 12 грив[ен], а за тымъ где его налезетъ ударенными тои мужъ, да биетъ его.

17 [А, 18]. Ожъ ізломитъ копие, любо считъ, любо портъ, а начнетъ хотети его держати у собе, ино приати скота у него, ижъ есть ізломилъ; оже онъ начнетъ примати, то скотомъ ему платити, колико далъ на емъ.

Правда уставлѣнная Рускои земли, егда си совокупи Ізяслава, Святослава і Всеволода, Коснячка, Печенега, Никифора Киевлянина да Чудина Никулу Новогородца. ||

18 [А, 19]. Оже убиутъ огнисчанина въ обиду, то заплатить за нь 80 грив[ен] убіицы, а людемъ не надобе, а в под[ъ]ездом княжи 80 грив[ен].

19 [А, 20]. А ижъ убиютъ огнисчанина в разбои или убицы не сыщутъ, то платить верное, в неи же вернои голова начнетъ лѣжати.

20 [А, 21]. Оже убьютъ огнисчанина у клѣти, оли у кони, оли у говяда, оли у коровъ си татбы, то убить в пса место; а то же поконъ и тиуницу.

21 [А, 22]. В тіуне княжіи 80 гривен; [А, 23] конюхъ старшіи над стады 80 грив[ен], какъ уставилъ Ізяславъ в своемъ конюсе, его же убиша

---

[1] *Примечание Татищева:* В манускрыпте Иоаннове „пояти", а в Ростовском „не яти".

Дорогобужцы; [А, 24] а в селском старосте княжіи и в ратанемъ 12 грив[ен], [А, 25] а в рядовнице 5 грив[ен], [А, 26] а в смерде и в охоте 5 грив[ен].

22 [А, 27]. Оже раба кормилица оли кормилицынъ, 12 гривенъ. ||

23 [А, 28]. За княжъ конь, оже тои с пятномъ, 3 гр[ивны], за смердь 2 гр[ивны], за кобылу 60 резань, за волъ гривна, за корову 40 резань, за третьякъ 15 кунъ, а за лончину полъгривны, а за теля 5 резань, а за яря ногата, а баранъ ногата.

24 [А, 29]. Оже уведетъ чужъ холопъ або рабу, платити ему за обиду 12 грив[ен].

25 [А, 31]. Оже крадетъ любо конь, любо волъ, оли клѣть, да аче будетъ единъ кралъ, то гривну и 30 резань за обиду; оли будетъ их 18, то по тои же гривне и по 30 резанъ платити мужеви.[1]

26 [А, 32]. В княжи борти 3 гривны любо пожгутъ, любо изодрутъ, а в смерди 2 гривны. ||

27 [А, 33]. Оже смердь умучатъ без княжа слова, 3 гривны за обиду, а въ огневъчанине, и в тиуне, і в мечнице 12 гривенъ.

28 [А, 34]. Оже межу переоретъ або перетесъ, то за обиду 12 гривенъ.

29 [А, 35]. Оже лодию украдет, то за лодию платити 30 резанъ, а продажи 60 резанъ, [А, 36] а в голуби и в куряти 9 кунъ, а в утке, и гусе, и жоравли, и лебяди 30 резан, а продажи 60 резанъ.

30 [А, 37]. Оже украдетъ чужъ песъ, любо ястребъ, любо соколъ, за обиду 3 гривны.

31 [А, 38]. Убиетъ татя на свои дворъ любо у клети, любо у житъ, то тои убитъ; оже ли держитъ до свѣта, то вести на княж дворъ; оже ли убиютъ, а люди видели связанъ, то плати в немъ.

32[2] Оже убиенъ тать, а подымутъ ноги во дворе, ино убитъ; оли подымутъ ноги за вороты, толи платити в нем. ||

33 [А, 39]. Оже сено крадутъ, то 9 кунъ, а в дровехъ 9 кунъ; [А, 40] а оже украдутъ овцу, або козу, оли свинию, а ихъ будетъ 10 одну овцу украли, да положатъ по 60 резань продажи; [А, 41] а в гридне мечнику куна, а в десятину 15 кунъ, а князю 3 гривне; а кто будетъ поималъ, тому 10 резанъ; от 12 гривенъ емцу 70 кунъ, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривенъ.

[А, 42] А се поконъ вирныи.

34. Вирнику взяти 7 ведръ солода в неделю, таже овенъ, або полоть, оли 2 ногате, среду резанъ, во вторникъ, четвергъ і суботу сыра, в пят-

---

[1] *Примечание Татищева:* В Ростовском положено с каждого по 3 гривны и 30 резань.

[2] *Примечание Татищева:* Сие в Ростовском токмо находится.

ницу то ж (что в среду), а хлеба по колику могутъ ясти і пшена, а куръ по двое на день, кони поставити 4 и сути овса імъ на ротъ, колико могут зобати; а тожъ вирнику 8 гривенъ і 10 резань и 12 виверицы, а переди гривна; оли ся пригодитъ в говение (в постъ место мяса давать) рыбы, то взяти за рыбы 7 резань; то всех кунъ в седмицу 15, а брашна колико могутъ іъъясти; донеле же виру соберутъ вирницы; то ти урокъ Ярославль.[1] ||

[А, 43] А се урокъ мостовником.

35. Оже помостиуше мостъ, взяти от дѣла ногата, а од городницы ногата; а оже будетъ ветхаго моста подтвердити неколико досокъ 3, оли 4, оли 5, то тое же взяти.

---

[1] *Примечание Татищева*: Сиа статия так темна, что числа денег поденных не мог с седмичными срòднить. Мню, нечто проронено или списывателями повреждено и в двух манускрыптах весма разно.

В. П. ЛЮБИМОВ

О ЛАПТЕВСКОМ СПИСКЕ ПРАВДЫ РУССКОЙ

В числе неразысканных списков Правды Русской Калачов называет список Лаптевский из кормчей, принадлежавшей И. П. Лаптеву (известному по первой в русской литературе работе о бумажных водяных знаках).[1] Список этот не стал известен и после Калачова, но указание Калачова привлекало особое внимание исследователей ввиду того, что, по его словам, этот список есть „совершенно подходящий" к древнейшему, Синодальному списку, который, как известно, отличается от всех других списков некоторыми особенностями, и в том числе особым порядком статей во второй половине списка. Калачов так говорит об этом списке Правды: „Список Лаптевский XV-го века, по свидетельству Розенкампфа совершенно подходящий к означенному Синодальному, мне вовсе неизвестен".[2]

Но ссылка Калачова на Розенкампфа не верна. Розенкампф ничего не говорит о списке Правды, а говорит о списке Кормчей книги в целом следующее: „Список, принадлежащий купцу И. П. Лаптеву XV же века, который по порядку глав совершенно сходен с московским харатейным"[3] („московским харатейным списком" кормчей Розенкампф называл Новгородскую Синодальную кормчую XIII в., хранящуюся ныне в Гос. Историческом музее в Москве, Синод. собр., № 132).

С Новгородской Синодальной кормчей сходны кормчая Рогожского собрания, рукоп. № 256 (хранящаяся в Гос. Библиотеке СССР им. Ленина) и кормчие, заключающие списки Правды Новгородско-Софийского вида (за исключением кормчих Киево-Печерской и Годунов-

---

[1] Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков вологодского купца Ивана Лаптева. СПб., 1824.

[2] Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, М., 1846, с. 59.

[3] Розенкампф. Обозрение Кормчей книги в историческом виде, второе тиснение, СПб., 1839, с. 7.

ской). При этом как Синодальная кормчая, так и Рогожская и кормчие Новгородско-Софийского вида имеют некоторые свои пропуски в тексте, а в Рогожской кормчей и в кормчих Новгородско-Софийского вида есть и некоторые лишние статьи по сравнении с кормчей Синодальной.[1]

Что же касается порядка глав, то в кормчих Синодальной, Рогожской № 256, а также и в более древних кормчих Новгородско-Софийского вида (Новгородско-Софийская, Румянцевская, Вязниковская, Ярославская, Прилуцкая) нумерация глав имеется лишь в пределах 70 глав. Остальные главы не занумерованы. В Синодальной и Рогожской кормчих занумерованы в тексте 70 глав (но в Синодальной позднее написания рукописи). При том как в той, так и в другой кормчих, и в этих пределах встречаются пропуски некоторых номеров глав (в Рогожской кормчей некоторые пропущенные номера дописаны в новое время). Однако там, где эти номера есть, они написаны правильно, т. е. одинаковые главы занумерованы одинаковыми номерами. Подобные факты пропуска номеров глав встречаются и в других кормчих. Таким образом, говоря о порядке глав, приходится говорить не о следовании всех номеров глав, а прежде всего о порядке следования текста.

В кормчих Новгородско-Софийского вида порядок расположения последних двадцати статей или глав иной, чем в кормчих Синодальной и Рогожской. Кроме того, в двух кормчих Новгородско-Софийского вида, Новгородско-Софийской и Румянцевской, перенесена в конец одна глава из середины кормчей, а именно глава 23-я, заключающая Избрание из законов Моисеевых и Закон судный людем, вследствие чего изменяется нумерация глав на 1 (№ 23 вместо № 24, № 24 вместо № 25 и т. д.).

Только одна кормчая Рогожская имеет тот же порядок глав, как и Синодальная, вплоть до конца основной части этой кормчей, кончая статьей — Чин погребения братии, к каковой статье, однако, приписана еще краткая статья о многоженстве, но так, что она незаметно сливается с предыдущим текстом, начинаясь в строку с ним, даже без киноварной буквы (лл. 652—654 об.). Далее страница до конца (приблизительно одна треть страницы) остается незаписанной; и затем на лл. 655—730 написаны как бы в виде прибавления: статья об армянских ересях, так называемое Написание о правой вере (не полностью), толкование божественной службы, Правда Русская, собрание грамот митрополитов Фотия и Киприана и одна грамота новгородского архиепископа Евфимия.

---

[1] Вполне подходящей по порядку глав к Новгородской Синодальной кормчей является Варсонофьевская кормчая XIV в., хранящаяся в Гос. Историческом музее в Москве (Чудовского собр., № 4), но по сравнении Синодальной кормчей в ней недостает нескольких глав (в середине и в конце кормчей), в том числе нет и Правды Русской. Лаптеву она не принадлежала и Розенкампфу известна не была.

За исключением Правды Русской, все это такие статьи, каких нет ни в Синодальной кормчей, ни в большинстве кормчих Новгородско-Софийского вида.[1]

Но прибавление разных статей в конце есть явление нередкое в кормчих. Такие добавочные статьи характеризуют индивидуально часто только ту или иную отдельную кормчую. При сравнении же ряда кормчих между собою приходится иметь в виду тот состав, который есть до этих прибавлений. Поэтому про кормчую Рогожскую можно сказать, что порядок глав в ней является совершенно подходящим к Синодальной, за исключением только Правды Русской, которая занимает разные места: в Синодальной кормчей она находится после „Речи жидовского языка" (словарь еврейских и некоторых других слов), составляя последнюю статью в Синодальной кормчей (если не считать позднее написанных церковных уставов князей Владимира и Святослава); в Рогожской же кормчей Правды Русской в основной части нет, написана она в прибавлении (лл. 676—687 об.), а „Речи жидовского языка" совсем нет.

Порядка следования глав в Рогожской кормчей не нарушают и две вставки в середине кормчей. Одна вставка находится среди занумерованных глав и заключает несколько статей (Слово о вселенских соборах — без заголовка, так называемый церковный устав Владимира, вставленный в середину этого Слова, и др., лл. 195 об. — 286 об.). Но все это не занумеровано особой главой, а приписано к 14-й главе (заключающей правила Карфагенского собора); и следующая глава (правила 6-го вселенского собора) занумерована главой 15-й, как и в кормчей Синодальной. Другая вставка (так называемое Правило св. отец об обидящих церкви) находится среди незанумерованных глав (на лл. 593—594) тоже без заголовка и еще менее заметна.

Некоторые листы Рогожской кормчей утрачены; и из-за этого в одном месте пропадают три номера глав — утрачены конец главы 49-й, целиком главы 50-я и 51-я и начало главы 52-й. Но следующая глава (Вопросы Иоанна мниха) занумерована главой 53-й (см. л. 480 об.), как и в Синодальной кормчей.

Таким образом, Рогожская кормчая подходит к той Лаптевской кормчей, о которой говорит Розенкампф.

Подходит она и по датировке. Розенкампф отнес Лаптевскую кормчую к XV в. И Рогожская кормчая по почерку может быть отнесена

---

[1] Толкование божественной службы есть уже перед тем в основной части Рогожской кормчей, как имеется оно в Синодальной и других кормчих; в прибавлении в Рогожской кормчей эта статья написана вторично в иной редакции.

к концу XV — началу XVI в., как ее и датировал Н. К. Никольский.[1] Не противоречит такая датировка и бумажному знаку рукописи. Бумажный знак в ней очень редкий — маленькая розетка или цветок о пяти лепестках, увенчанный короной, — подходит, хотя и не совсем, к №№ 2882 и 2883 у Лихачева, из недатированной рукописи Никоновской летописи Оболенского, — эти знаки относятся, по мнению Лихачева, к 20—40-м годам XVI в.[2] (у Брикэ такого знака нет). Но знак бумаги Рогожской кормчей более правильной формы, что при редкости знака дает основание отнести его ко времени не позднее 20-х годов XVI в. или ранее, может быть и к концу XV в. Как бы то ни было, датировка такой рукописи XV веком при Лаптеве и Розенкампфе была вполне возможна.

Записи о принадлежности этой кормчей И. П. Лаптеву в ней не находим. Однако по сравнению ее еще с двумя кормчими, заведомо принадлежавшими И. П. Лаптеву, выясняется, что и настоящая кормчая принадлежала ему же.

В кормчей этой на полях имеются многочисленные заметки, написанные карандашом самим Лаптевым. Что это почерк Лаптева, видно из сравнения этой кормчей с кормчей XV в. Рязанского разряда, принадлежавшей Лаптеву и впоследствии приобретенной А. С. Уваровым, в составе собрания которого она и хранится в Гос. Историческом музее в Москве (Уваров, № 555/205). В этой последней кормчей имеются на оборотной стороне передней крышки переплета две собственноручных записи Лаптева 1826 и 1827 гг., следующие одна за другой, причем вторая написана более мелким почерком за недостатком места: „В тетрате 9-и на листу 7-м видимо, что сеи списокъ учиненъ съ болгарскаго в Кіевѣ Кирилу митрополиту присланаго 1270 Зонары или кормчия. Поклеимамъ[3] набумаге заключително писанъ сей пятнацетаго столетія, принадлежитъ вологодскому купцу Ивану Лаптеву. Купленъ в книжнои лавке в Сантопетербурхе на Опраксине дворе у Левонтья Купреянова. 1826 года. (Далее идет следующая запись Лаптева, написанная более мелко, — *В.Л.*). Утраченыя наконце 3 листа дописаны С. Петербуским купцомъ Лаптевым 1827 г. с пергаментнаго писанаго 1284 г. с киевъскаго для Рязани, онnои ныне принадлежитъ графу Ф. А. Толстому".[4]

---

[1] Николай Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, с. 136. Рукопись наша означена тут под одним из старых номеров ее: „Рогожск. № 23".

[2] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, часть первая, с. 329—330; часть вторая, с. 339.

[3] Лаптев и в своем „Опыте" называет бумажные знаки „клеймами".

[4] Сохраняю здесь орфографию записей. Что касается дописанных в этой кормчей листов (лл. 270, 273), то в действительности они написаны не почерком Лаптева, а другим, писарским почерком, т. е., очевидно, написаны по поручению Лаптева (может быть, с черновика переписанных им с подлинника листов).

Другая кормчая принадлежала сначала Розенкампфу, а после его смерти была приобретена в 1832 г. И. П. Лаптевым через посредника Энгеля, о чем имеется запись Энгеля на последнем листе кормчей. Это кормчая 1534 г. Спасо-Прилуцкого монастыря (в которой помещается список Правды, названный нами Прилуцким), вошедшая также в Рогожское собрание и хранящаяся ныне в Гос. Библиотеке СССР им. Ленина (Рогожск. № 257).[1] В Прилуцкой кормчей мы находим на полях тоже много заметок Лаптева карандашом. При сравнении записей в Уваровской-Лаптевской кормчей и карандашных заметок в кормчих Рогожской № 256 и в Прилуцкой выясняется, что они написаны одним почерком, т. е. почерком Лаптева (только в записях Уваровской кормчей почерк является старательным, а в заметках в двух последних кормчих часто небрежным). При этом сходится и орфография: написание „е" вместо „ѣ", пропуск нередко „ъ" в предлоге „в", слитное написание выражения „наконце" и др. Заметки в кормчих Рогожской № 256 и в Прилуцкой написаны большею частью обычным черным карандашом, а частью буро-красным карандашом, одинаковым в обеих кормчих. Некоторые же заметки одинаковы в той и в другой кормчих и по содержанию. Так, в обеих кормчих против имени князя Дмитрия Александровича (в Летописце патриарха Никифора) написано красным карандашом „при семъ князе пергаментная кормчая написана, с которой сей список" (Рогожская кормчая, л. 616; Прилуцкая, л. 618).

Самое содержание заметок показывает косвенно на их принадлежность Лаптеву. Большая часть из них представляет сравнение этих кормчих с разными кормчими из собраний Румянцева и Толстого, которые в 30-х годах XIX в. находились в Петербурге, а Лаптев, бывший сначала вологодским купцом, уже с 1827 г., как видно из приведенной записи, был петербургским купцом.[2] Сходство записей (и даже одинаковый карандаш) дают основание отнести заметки Лаптева в обеих кормчих приблизительно к одному и тому же времени. Всего больше сравнений имеется с Румянцевской кормчей XV в., которая значится в описании Востокова под № 231, но которую Лаптев цитирует под № 4, данным ей Розенкампфом, под номерами которого Лаптев цитирует и некоторые другие кормчие Румянцева (№№ 2, 6), что естественно, так как описание Востокова вышло только в 1842 г.[3] Из кормчих

---

[1] См. том I наст. изд., с. 140.

[2] Румянцевский музей, как известно, до 60-х годов XIX в. находился в Петербурге. Собрание же рукописей Толстого, находившееся сначала в Москве, было перевезено в Петербург и передано в Публичную библиотеку в 1830 г. См.: Николай Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 141.

[3] Александр Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

Толстого Лаптевым цитируются, главным образом, кормчие №№ 243, 318, 132, т. е. кормчие Кирилловского разряда (которые содержат списки Правды Толстовские I, II, III), но в некоторых местах он сравнивает и с кормчими других разрядов того же собрания — с Рязанской кормчей 1284 г., с кормчей № 169. Сравнивая, Лаптев пишет: „№ 4 сходн." или „Сіе изложеніе сходно", или „сія статья написана в главе (такой-то)" и т. п. В некоторых случаях он выписывает на полях из других кормчих недостающие места или делает пространные замечания. Что же касается Румянцевской кормчей № 4 (231), то на полях Рогожской кормчей № 256 Лаптев, кроме того, проводит сравнение номеров глав; в ряде мест указываются им номера глав и других кормчих.

Иной характер носит сравнение его с кормчей Новгородской Синодальной (в которой находится Синодальный список Правды). Не производя сравнения с ней по содержанию, Лаптев указывает на полях Рогожской кормчей лишь номера глав Синодальной кормчей так: „пергамент. 13 столетія патріарш. синодальн. библіотеке в Москве. а҃" (т. е. глава I), а потом сокращенно „П. 13 века. в҃", „П 13 сто. г҃" и т. д. Получается полное совпадение этих номеров с номерами глав Рогожской кормчей, кончая главой 70-й.

Далее же, как мы уже сказали, ни в Синодальной ни в Рогожской кормчих главы не занумерованы, а у Лаптева такой же счет глав продолжается почти до конца кормчей, причем после № 70 следует сразу № 73: „П. 13 сто. о҃г" (т. е. глава 73), „П. 13 сто. о҃д" и т. д. Таким образом, все номера глав после № 70 означают не то, что эти номера написаны в кормчей Синодальной, а показывают только соответствие текстов, причем Лаптев два номера (71, 72) почему-то пропустил.[1]

И то же мы видим и в Прилуцкой кормчей: в ней Лаптев также нумерует незанумерованные главы, причем тоже после № 70 пишет сразу № 73.

Отсутствие сравнения с Синодальной кормчей по содержанию легко объясняется тем, что работать по ней, если Лаптев и мог, то только при поездках в Москву, где она находилась. В Прилуцкой кормчей мы находим, правда, такую его заметку: „сіе изложеніе и в пергаментной сходно" (л. 48 об.), но эта заметка написана как раз против оглавления, имеющегося в этой кормчей и перечисляющего 70 глав сходно с Синодальной. Итак, и отсюда видно, что относительно Синодальной кормчей наблюдения Лаптева ограничивались разделением на главы.

---

[1] Столь внимательное сличение Лаптевым порядка глав этой кормчей с порядком глав Новгородской Синодальной кормчей наводит на мысль, что этими заметками его и воспользовался Розенкампф при своем заключении о „совершенном сходстве" порядка глав этих кормчих, ибо из труда Розенкампфа не видно, чтобы он сам подробно изучал указанную кормчую Лаптева.

В некоторых же местах Лаптев производит сравнение также с одной кормчей, означаемой им „нифотовой“ или „нифантовой“ (без указания №). Это он ссылается, очевидно, на рукопись, принадлежавшую ему самому, а именно на список так называемой Нифонтовской кормчей, о принадлежности которого Лаптеву говорит Розенкампф как в первом, так и втором изданиях „Обозрения Кормчей книги“ (1-е изд., с. 13; 2-е изд., с. 9).[1]

В целом видно, что Лаптев изучал, и притом очень внимательно, главным образом содержание кормчей Кирилловского разряда, чем, может быть, и объясняется, что в своей кормчей Рязанского разряда (Уваровской) он заметок не делает. С другой стороны, надо иметь в виду, что не только Прилуцкая кормчая, но и кормчая Рогожская № 256 приобретены Лаптевым позднее кормчей Рязанского разряда, что видно из того, что в первом издании труда Розенкампфа о кормчей книге (1829 г.) нет еще указания об этой кормчей. Из кормчих Лаптева в 1-м издании упоминаются только три: кормчая Рязанского разряда, Нифонтовская и сводная Макарьевская.[2] Ни одна из них не подходит к Рогожской кормчей № 256. О списке же кормчей XV в., „по порядку глав совершенно сходном с московским харатейным“, упомянуто только во втором, посмертном, издании — 1839 г.[3]

Возможно, что в рассматриваемой кормчей была и запись о принадлежности ее И. П. Лаптеву. Из числа вплетенных при переплете листов вырезан один лист спереди и вырван один лист сзади. На них и могла быть запись. Кроме того, надо заметить, что переплет правлен, причем нашит новый корешок, и на обороте передней крышки переплета наклеена новая бумага, не подходящая к вплетенным листам бумаги (может быть, запись была на прежней бумаге).

Теперь же на последнем листе самой рукописи (л. 730 об.) имеется запись: „Пожертвована сія книга въ Московское Стар. Рогожское кладбищѣ, отъ Ефрема Максимыча Сакалова“. Запись сделана рукой библиотекаря Рогожского кладбища, которым также написано на обороте передней крышки переплета: „Изъ книгохранилища Старовѣрческаго Рогожскаго кладбища, числом“, далее печатная наклейка: „По алѳав. кат. Р. К. 1873 г.“ и ниже написано „№ 129“.

Таким образом, рукопись поступила в библиотеку Рогожского кладбища не позднее 1873 г. В дальнейшем она имела, как это видно по про-

---

[1] Помимо ссылок на рукописи, Лаптев ссылается также в своих заметках на печатную кормчую, на „Историю“ Карамзина, на „Памятники российской словесности XII в.“ Калайдовича (М., 1821) и пр.

[2] Розенкампф. Обозрение Кормчей книги. 1-е изд., с. 12—14.

[3] Розенкампф. Обозрение Кормчей книги. Второе тиснение, с. 7—10.

ставленным номерам на этой же оборотной крышке переплета, а равно и на внутренней стороне задней крышки, №№ 23 и 167;[1] в настоящее время значится под № 256 (по карточному каталогу Рогожского собр., составленному в Гос. Библиотеке СССР им. Ленина в 1929—1930 гг.).[2]

Итак, кормчую Лаптева, о которой говорит Розенкампф, следует считать найденной. Список Правды Русской, находящийся в этой кормчей, — это и есть тот Лаптевский список Правды, о котором упоминает Калачов, которого сам он, однако, не видел.

Но вопреки ожиданиям Калачова, этот список Правды не является „совершенно подходящим“ к Синодальному списку. Прежде всего, порядок статей в этом списке не тот, как в Синодальном, а такой, какой мы находим вообще во всех списках Пространной Правды. Что же касается самого содержания, то Лаптевский список Правды, относясь к первому звену списков Правды кормчих книг, имеет сходные чтения с остальными списками первого звена, т. е. как со списком Синодальным, так и со списками Новгородско-Софийского вида.[3] С тем и с другими его объединяют разные древние чтения. Но при установлении генеалогии списков бо́льшее значение имеют общие поновления, встречаемые в той или иной совокупности списков. А такие общие поновления в большом числе Лаптевский список Правды имеет не с Синодальным списком, а со списками Новгородско-Софийского вида. Поновления эти очень мелкие и детальные, и перечисление с анализом их следует отнести к специальной работе по истории текста.

Вместе с тем как Лаптевская кормчая в целом, так и список Правды, находящийся в ней, несмотря на сравнительно позднее написание кормчей, сохранили много ценных черт древности, имеющих значение не только для историка, но и для филолога (например, сохранилась древнейшая форма перфекта „не вѣдѣ“, — ст. 38, — каковая форма встречена еще лишь в Синодальном списке и в списках Мясниковского вида). Все это в целом делает Лаптевский список одним из самых ценных списков Правды Русской (почему он и был напечатан в I томе наст. изд., с. 168).

---

[1] Под № 23 эта кормчая, как мы уже говорили выше, указана у Никольского (Материалы для повременного словаря русских писателей, с. 136).

[2] В Прилуцкой кормчей мы находим №№ 194, 24, 168, и по нумерации Ленинской библиотеки № 257. Хотя последние три нумерации ставят эти две рукописи рядом (№№ 23 и 24, 167 и 168, 256 и 257), но первый № 194 отстоит далеко от первого номера другой кормчей (№ 129), номер написан не на печатной наклейке (1873 г.), и вообще печатной наклейки нет. Поэтому нет достаточных данных к заключению об одновременном поступлении их в библиотеку Рогожского кладбища. Да, как известно, собрание Лаптева после его смерти вообще было разрознено, и его рукописи оказались в разных хранилищах.

[3] В. П. Любимов. Списки Правды Русской. (В томе I наст. изд., с. 44).

В. П. ЛЮБИМОВ

НОВЫЕ СПИСКИ ПРАВДЫ РУССКОЙ

Уже после напечатания I тома академического издания Правды Русской были обнаружены еще два списка Правды, ранее неизвестные. Оба списка найдены мною в собрании Петра Николаевича Никифорова, хранящемся в Государственной Библиотеке СССР им. Ленина, куда оно поступило в годы революции.[1] Оба списка относятся к Ферапонтовскому виду пространных списков Правды и названы мною: Никифоровский II (шифр — Н II) и Никифоровский III (шифр — Н III). Из них на Никифоровском II списке Правды, как и на кормчей, заключающей этот список, следует остановиться подробнее, так как он дает материал для разъяснения происхождения сокращенной редакции Правды Русской (списки Толстовский IV и Оболенского I).

НИКИФОРОВСКИЙ II СПИСОК

Никифоровский II список Правды находится в кормчей, принадлежащей Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (собрание П. Н. Никифорова, № 23) — рукопись в лист, на 416 листах. Написана полууставом. Заголовки написаны киноварью, причем, однако, в некоторых из них первые буквы написаны чернилами. В частности, так написаны и некоторые заголовки в тексте Правды. Начальные буквы в тексте после заголовков написаны киноварью и по размеру больше обычных строчных букв. Встречаются в тексте и буквы, написанные чер-

[1] Собрание П. Н. Никифорова является почти неизвестным. Указанием на это собрание и на место его нахождения я обязан Николаю Викторовичу Степанову. Собрание это не следует смешивать с собранием Николая Порфирьевича Никифорова (отца П. Н. Никифорова), кормчая со списком Правды из какового считалась утерянной, но была обнаружена мною при подготовке тома I настоящего издания среди отдельных поступлений в Гос. Библиотеку СССР им. Ленина (см. том I наст. изд., сс. 16, 244, — большая же часть собрания Н. П. Никифорова хранится в Государственном Историческом музее в Москве, как собрание Востряковой — дочери Н. П. Никифорова).

нилами, но тоже бóльшего размера. Такое написание чернильных букв в некоторых случаях имеет лишь графическое значение (например, буква „С" прописная в начале некоторых слов, охватывающая сверху и снизу начало слова, или буква „К" прописная, когда она приходится первой в строке). Но нередко увеличение размера букв служит явно целям разделения в этих местах текста на части или статьи, что в частности имеет место и в тексте Правды Русской в этой кормчей, на чем мы и остановимся ниже.

По почерку и по бумажным знакам рукопись относится к третьей четверти XVI в. (бумажные знаки: рука под короной, см. у Лихачева № 3355—1564 г.). Переплет — доски в коже.

Правда Русская написана на лл. 381—387 об. и входит в состав 94-й главы этой кормчей.

1. Состав Никифоровской II кормчей

Никифоровская II кормчая представляет соединение частей кормчих двух видов — Ферапонтовского и Новгородско-Софийского (той древнейшей ветви этого последнего вида, к которой относятся кормчие Новгородско-Софийская и Румянцевская I).[1] Никифоровская II кормчая заключала 102 главы, как это видно из оглавления, имеющегося в ней в начале, но в том виде, как она дошла до нас, в ней недостает последних листов, и текст прерывается в середине главы 100-й.[2]

Заглавия эта кормчая впереди не имеет, начинаясь прямо с оглавления: „ИЗЛОЖЕНІЕ СУЩАГ(О) В КНИГАХ СИХ СОЧТАН(Ь)Ѧ свѧщенных правил..." и т. д. (лл. 2—4). А за оглавлением, ранее глав, перечисленных в нем, следуют сперва два заглавия кормчей и 6 статей, не занумерованных, как главы, и не показанных в оглавлении. А именно написано заглавие: „КНИГЫ ГЛАГОЛЕМЫꙖ КОРМЧИꙖ РЕКЕ ПРАВИЛО законоу" и затем статья об установлении патриаршества у болгар и сербов (лл. 5—7 об.). Потом так же, как вообще в кормчих Новгородско-Софийского вида, идет второе заглавие „СИꙖ КНИГА НАРИЦАЕМАꙖ ГРЕЧЕСКЫМ ꙖЗЫКОМЪ ноанъ сказаемыѧ нашим ѧзыком законꙋ правило". („ноанъ" вместо „номоканонъ",

[1] Том I наст. изд., с. 137.

[2] По оглавлению, однако, — это глава 101-я, что произошло потому, что глава 11-я кормчей (содержащая правила 3-го вселенского собора) показана как две главы (11 и 12), вследствие чего номера глав по оглавлению, начиная с этого места, на один больше, чем в тексте кормчей. В этом можно видеть влияние кормчей Новгородско-Софийского вида другой, более поздней ветви, к которой принадлежат 17 кормчих (древнейшая из них Вязниковская), так как в этих кормчих глава 11-я разделена на две главы. Если так, то составитель Никифоровской II кормчей пользовался тремя кормчими (а может быть, даже четырьмя—см. ниже).

так же, как написано в кормчих Новгородско-Софийской и Румянцевской I). После этого следуют: Слово о семи вселенских соборах (лл. 7 об. 13), другое Слово — о вселенских и поместных соборах (лл. 13 об.—16), статья о поющих в церкви (лл. 16—17) и две статьи Дорофея епископа „Тѹровского“ (следует читать „Тирского“) о 12 апостолах и о 70 учениках (лл. 17—19 об.). Все это взято из кормчей Новгородско-Софийского вида (за исключением оглавления, которое составлено применительно к составу данной кормчей).

Затем до конца кормчей идут все главы, перечисленные в оглав лении.

Сначала следуют главы 2—64-я, взятые из кормчей Ферапонтовского вида (лл. 20—282).[1] Они идут по порядку, как в Ферапонтовском виде, и под теми же номерами.

Дальнейшие главы 65—93-я взяты из кормчей Новгородско-Софийского вида (впрочем, кое-что, может быть, и здесь заимствовано из кормчей Ферапонтовского вида). Составитель берет тут материал уже не сплошь, а на выборку, пропуская ряд глав. А именно ввиду того, что как в Ферапонтовском, так и в Новгородско-Софийском видах кормчих большинство глав одного и того же содержания (с некоторыми лишь отличиями в тексте), но в ином порядке, — он пишет только те главы, каких не переписал перед тем из кормчей Ферапонтовского вида, а также те статьи, которых не было в Ферапонтовском виде.

Главой 65-й помечено „Поученіе епископле къ іереѡм Кирилово“ (л. 283) — русская статья (приписываемая владимирскому епископу Кириллу), к которой присоединено без заглавия, как и в Новгородско-Софийском виде, известное послание владимирского епископа к князю о судах церковных.[2] Можно думать, что из-за этого прибавления составитель и предпочел взять также и указанное поучение Кириллово не из кормчей Ферапонтовского вида (в которой послания владимирского епископа не было), а из кормчей Новгородско-Софийского вида. Последней главой, 93-й, в этом цикле глав из кормчей Новгородско-Софийского вида читаем статью „Чинъ како подобаетъ погребати братію по оуставѹ монастырѧ стѹдіискаго“ (лл. 378—380 об.).

А затем следует глава 94-я, которая озаглавлена „СОУД ꙖРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМЕРИЧѦ“ (л. 380 об.), но за этим заглавием идет не Правда Русская, как мы должны были бы ожидать, а текст так называемого церковного устава Владимира той редакции, как в кормчих Новгородско-

[1] Первая из этих глав занумерована как глава 2-я, очевидно, потому, что первой главой считается оглавление (фактически не занумерованное).

[2] Памятники древне-русского канонического права, ч. I (РИБ, VI) изд. 2-е, СПб., 1908, №№ 8 и 9, стлб. 111—118.

Софийского вида.[1] За этим же уставом написаны две последних статьи „о послусех“, имеющихся в кормчих Ферапонтовского вида (а также Розенкампфовского) перед текстом Правды, а именно „**Володимера кнѧзѧ с**ꙋ**д** ѡ **послушествѣ**“ и „**О моужи кровавѣ**“ (лл. 380 об.—381).[2] Вслед затем написан и текст Правды тоже из кормчей Ферапонтовского вида (лл. 381—387 об.), входящий, таким образом, тут в одну главу с церковным уставом Владимира и двумя названными статьями — „о послушестве“ и „о мужи кроваве“. В кормчих Новгородско-Софийского вида указанный церковный устав не имеет заглавия, начинаясь лишь киноварной буквой: „Се ѧзъ кнѧѕь Володимеръ...“ (Новгородско-Софийская кормчая, л. 398, так же и в других кормчих этого вида). Составитель Никифоровской II нашел подходящим все это поместить под одним заглавием, относившимся к памятнику не Владимира, а Ярослава (но в который, как мы знаем, входил также и устав с именем Владимира Мономаха о резах). Это ему не мешает далее повторить еще раз заглавие „**Соуд Ꙗрославль Володимеричѧ**“ перед самой Правдой (написав его здесь только уже строчными, хотя и киноварными, буквами).

Следующие две главы, 95-я и 96-я, дают по порядку те же самые статьи, какие имеются после Правды в Ферапонтовском виде (а также Розенкампфовском): „**Слово Сирахово. на немилостивыѧ цари и кнѧ(зи). иже неправдою судѧтъ**“ и др., кончаясь посланием Константинопольского патриарха Германа о запрещении поставлять рабов в церковный чин и о неприкосновенности церковных имуществ и судов. Этим оканчивается использование кормчей Ферапонтовского вида.

После того составитель Никифоровской II кормчей возвращается к кормчей Новгородско-Софийского вида, из каковой и выписывает ряд статей, которые и в Новгородско-Софийском виде находятся в конце: Епифаниево сказание о пророцех, „Рѣчь жидовскаго ѧзыка“ (словарь еврейских и других слов), Фотиев номоканон, на середине которого и обрывается наша рукопись, за утерей в ней последних листов.

В оглавлении же указаны еще две статьи „Іѡанна Дамаскина ѡ македоньских мѣсѧцех“ и „Великаго книжника Антіохіискаго. ѡ каландѣх. і о нонѣх і ѡ д ꙋсѣх“. Не видя этих текстов здесь, за утратой конца рукописи, нельзя с точностью сказать, откуда были эти статьи, но из имеющихся у нас кормчих обе данные статьи вместе и в таком именно порядке нам известны из кормчих Синодальной I и Рогожской I (Лаптев-

[1] То же, ч. II, вып. первый, Пгр., 1920, № I, Устав св. Владимира, с. 35—36 (группа Ж, №№ 4 и 3).

[2] В кормчих Розенкампфовского и Ферапонтовского видов между этими статьями находится правило 4-го вселенского (Халкидонского) собора о клевете на епископа. Составитель Никифоровской II кормчей опустил это правило, как выкинул из глав „о послусех“ и все вообще предшествующие статьи византийского происхождения.

ской).[1] Отсюда можно с наибольшей вероятностью заключить, что составитель Никифоровской II кормчей, кроме кормчих Ферапонтовского и Новгородско-Софийского видов, пользовался еще одной кормчей.[2]

Такова Никифоровская II кормчая, своеобразная по своему составу и расположению материала. Но самый текст в ней остается тот же, что и текст соответствующих глав кормчих, коими пользовался составитель этой кормчей, за исключением невольных изменений и искажений, что свойственно всем писцам древности.

2. Текст Правды по Никифоровскому II списку

То же надо сказать и о списке Правды Русской Никифоровской II кормчей. Текст ее сам по себе не дает каких-либо новых чтений; наблюдаются тоже лишь некоторые невольные изменения, не изменяющие, однако, смысла, и кое-какие искажения (см. ниже сводку вариантов). Но в отношении состава и расположения материала есть ряд черт, заслуживающих внимания.

1) Как мы уже видели, Правда Русская помещена в одной главе (94-й) вместе с предшествующим ей так называемым церковным уставом князя Владимира и двумя русскими же статьями из глав „о послусех", идущими из Правды — „о послушестве" и о „мужи кроваве", причем устав Владимира взят из кормчей Новгородско-Софийского вида, а две статьи „о послусех" и сама Правда из кормчей Ферапонтовского вида.

2) Поместив в эту 94-ю главу кормчей перед Правдой статью „о мужи кроваве", составитель уже не пишет в тексте самой Правды соответствующей статьи „о мужи кроваве" (по изданию это ст. 29—31, но по киноварному делению подлинных списков Правды это одна статья, как одна статья о том же и перед Правдой). В самой Правде мы у него находим только следующее: „О моужи кровавѣ. А прiдет кровавъ моужь на дворъ или синь. Писал назади" (л. 382). Таким образом, составитель счел достаточным здесь лишь сослаться на то, что им уже написана соответствующая статья выше, в конце статей перед текстом Правды, или, как он выражается, „назади" их.

3) Переставлены некоторые статьи. А именно написаны подряд все статьи, касающиеся наследственного и тесно связанного с ним опекунского права (А, 90—100, 108, 101—106). После же того составитель пишет

---

[1] И. И. Срезневский. Обозрение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897 (Сборник Отдел. русск. яз. и словесн. Академии Наук, т. 65, СПб., 1899, с. 109); Лаптевская (Рогожская) кормчая (лл. 594—608 об.) в кормчих же Новгородско-Софийской (лл. 450—452 об.) и Ферапонтовской (лл. 1000 об.—1001) имеется только первая из этих статей.

[2] Если так, то составителем данной кормчей использовано четыре кормчие.

тоже к одному месту статьи об уроках городнику и мостнику, пропущенные им перед тем (А, 96, 97) и за ними статьи о судебных и о ротных уроках (А, 107 и 109). Так составилась два отдела однородных статей — один по наследственному и опекунскому праву, другой об уроках в пользу разных княжеских должностных лиц.

4) Составитель стремится и с чисто внешней, графической, стороны представить материал более цельно, чем он был дан до того.[1] Это достигается тем, что составитель устраняет ряд тождественных друг другу заголовков и при выбрасывании их начинает текст, следующий с того места, где был тот или иной исключенный заголовок, уже не с киноварной буквы, а с обычной строчной чернильной буквы.

а) Из двух тождественных заголовков „ѡ татьбѣ“ (перед ст. 40 и 42) второй из них выпущен, и благодаря этому образовалась одна большая статья под общим заголовком: „ѡ татьбѣ. Аже ѹбиеть кого ѹ клѣти лі оу которыѧ татбы...“, в каковой статье и объединен ряд казусов, касающихся разных случаев краж, а равно и сопутствующих совершению краж фактов, как убийство вора на месте преступления и проч. (ст. 40—45, до перечня уроков за украденный скот).

б) Выкинуты два заголовка в отделе о закупах (к ст. 57 и 58). Получилась одна большая статья с общим заголовком „ѡ **закоупѣ**“ (ст. 56—62).

в) В отделе о наследовании и опекунском праве, в котором, как мы уже видели, статьи о наследстве и опеке собраны к одному месту, выпущены также два заголовка (к ст. 98 и 108). Образовались три статьи: „**О задницѣ**“ (ст. 90—о наследовании среди смердов), „**О задницѣ боꙗрьствѣ**“ (ст. 91—95, 98—100, 108), третья статья „**Аже въречетьсѧ жена сѣдѣти**“ (ст. 101—106), касающаяся, главным образом опекунского права.

г) Выкинут заголовок „А се ѹрѡцы ротніи“ (к ст. 109), и эти постановления объединились в одной статье „ѡ **сѹдебных оуроцехъ**“ (ст. 106 и 109, следующие тут, как мы уже указали, подряд).

Всем этим соединениям сопутствует написание, в местах пропусков заголовков, начальных букв чернилами и в малом размере.

5) Разделение на части в тексте Правды (как и в некоторых других памятниках) означается в ряде случаев не киноварными заголовками, но только написанием киноварью начальных букв. В Ферапонтовском списке Правды таких случаев шесть (ст. 3, 46, 64, 66, 74, 97). Составитель Никифоровской II кормчей два из этих делений устранил: а) „аже лі боудѹт холѡпи татіе, то соуд кнѧжь...“ (ст. 46); б) „аже закоупъ чтѡ

---

[1] В сводке вариантов (см. ниже) графические отличия не отмечаются, а указываются лишь в настоящем описании рукописи, как то принято было и в I томе наст. изд.

оуведетъ...“ (ст. 64). Написание в том и другом случаях „аже“ не с киноварной, а с малой чернильной буквы объединило каждую из этих статей с предыдущими (ст. 45 и ст. 63), подходящими по предметам, коих они касаются.

б) В некоторых же случаях составитель Никифоровской II кормчей, наоборот, сам выделяет статьи, означая это, однако, не заголовками и не киноварными начальными буквами, а просто написанием начальных букв бо́льшего размера, чем обычные строчные буквы, но чернилами. Так выделены следующие статьи:

а) „Пакы ли будет клетныи тат(ь), то 3 гривны платити емоу“ (ст. 35).

б) „Аще ли кто коупець кꙋпцю дасть коуны в коуплю...“ (ст. 48).

в) „Пакы ли боудꙋт кнѧжи коуны...“ (ст. 55).

г) „А кто порвет бородоу...“ (ст. 67).

д) „Аже лодію оукрадет...“ (ст. 79).

е) „Тако жде аще кто и двор заж'жет, или кто пакости дѣѧ, конь порѣжет...“ (конец ст. 83 и 84).

ж) „А в холоѿпѣ и в робѣ, вѣры нѣтоу...“ (ст. 89).

з) „Аще ли кто не вѣдаѧ чюжь холопъ срѧщет...“ (ст. 115).

Во всех этих восьми местах начальные буквы „П“, „А“ и проч., хотя и написаны чернилами, но по размеру равняются начальным киноварным буквам; выделение статей тут является разумным (как отделение статьи о клетном тате, отделение статьи специально о долгах между купцами по торговле и т. д.).[1]

При значительной, как видим, работе составителя по систематизации, мы, однако, не встречаем в этом тексте Правды ни одного нового заголовка, ни одной даже новой киноварной буквы и ни одного изменения заголовка. В свете этих наблюдений не так уже удивительно, что и до текста Правды, составитель, желая написать заглавие перед предшествующим тексту Правды церковным уставом Владимира, до того не имевшим (в Новгородско-Софийском виде) заглавия, даже и тут не придумал за-

---

[1] Из указанных мест только в четырех встречаются подобные выделения статей (заголовками или киноварными начальными буквами) в некоторых группах и видах списков Правды (означенные п. п. б), г), д), з) — ст. 48, 67, 79, 115). А именно в отношении всех четырех мест это есть в Карамзинской группе (древнейший дошедший до нас список Карамзинской группы — Троицкий IV, написанный без киновари, ставит большие чернильные буквы). В отношении же двух статей (п. п. б), д), — ст. ст. 48, 79) выделение имеет место и в Пушкинской группе, а в отношении одного из этих случаев (п. б — ст. 48) также в древнейшем, дошедшем до нас, Синодальном списке Правды (писец которого тоже был систематиком, чем и объясняется особый порядок статей этого списка). Но как в отношении этих четырех случаев, так и в отношении остальных четырех работа составителя Никифоровской II кормчей должна быть признана самостоятельной.

главия от себя, а взял его от Правды Русской, которую он помещал ниже.

От такого составителя мы, конечно, не должны ждать и изменений содержания текстов. Таких изменений действительно и нет, кроме обычных для всякого невольных погрешностей. Строго говоря, единственное изменение смысла дает лишь замена, в перечислении разных категорий населения, названия „тивоун боѧрескъ" в статье 1 названием „тивоун кнѧжь", т. е. тем названием, что имеется в той же статье перед тем („тивȣна кнѧжа"). Да характерно еще в отделе о закупничестве написание „от него же кȣноу емлет" (ст. 57) где словом „кȣноу" заменено древнее „копоу".

Имея в виду такое отношение составителя к тексту, приходится тем более обратить внимание и на случайные изменения, какие мы находим в настоящем списке, — например, написание „прикладнаѧ" вместо „перекладнаѧ" (ст. 9), „без рѧднȣ" вместо „без рѧдоу" (ст. 92) и т. п., на чем остановимся ниже, когда будем говорить о связи сокращенной Правды с Никифоровским II списком.

НИКИФОРОВСКИЙ III СПИСОК

Никифоровский III список Правды находится в кормчей, принадлежащей Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (собр. П. Н. Никифорова, № 19) — рукопись в лист, на 861 листах. Написана скорописью первой половины XVII в. Бумажные знаки: кувшин с пятью розетками и полумесяцем сверху и с буквами на кувшине в два ряда — $\frac{F}{RO}$, подходит к знаку из рукописи 1626 г. у Тромонина (у которого, однако, буквы означены только в нижнем ряду — D R, а в верхнем вертикальная черта); возможно, что Тромонин не разобрал букв вследствие неясности, смешав „O" с „D", и смотрел с обратной стороны листа, чем можно объяснить и иной порядок букв; у Лихачева, Каманина, Брикэ сходных знаков нет (но у Брикэ знаки только до XVII в.). Заголовки написаны киноварью, первые буквы в них — чернилами; — начальные буквы после заголовков киноварные. Переплет — доски в коже.

Правда Русская написана на лл. 744—754, составляет главу 110 кормчей; находится между теми же статьями, между какими она помещается вообще в кормчих Ферапонтовского вида (а также Розенкампфовского): тексту Правды предшествуют так называемые главы „о послусех" (по нумерации в кормчих все как одна гл. 109), представляющие собрание выписок из памятников византийского происхождения о свидетельских показаниях, с двумя русскими статьями на конце — о послушестве

и о мужи кроваве[1] (между которыми находится правило 4-го вселенского, Халкидонского, собора, касающееся клеветы на епископа); а после Правды поучение под заголовком „Слово Сирахово на немилостивыя цари и князи иже неправдою судят."

Кормчая эта представляет кормчую Ферапонтовского вида с добавлением ряда статей из кормчей Новгородско-Софийского вида Вязниковской ветви, того более позднего ответвления этой последней, к которому принадлежат кормчие Архивская I, Соловецкая III и др. Наряду с прибавлением статей, из той же кормчей заимствованы и некоторые чтения в главы, идущие от кормчей Ферапонтовского вида, в том числе и в Правду Русскую. Так, в Правде добавлены заголовки „ω оубіиствѣ", „ω накладѣхъ" (ст. 3, 73); в статье о краже лодьи добавлено „а за набоиноую 2 гривны" (ст. 79); в статье о краже птиц добавлено „за тщиноу", т. е. за убыток(ст. 81) и др. Эти особенности свойственны также кормчим Погодинской II, Погодинской III, Царского III, Хлудовской, Киево-Софийской III, Киево-Печерской и Годуновской (Успенской), с которыми наша кормчая и список Правды в ней и составляют, таким образом, одну ветвь.

С другой стороны, она имеет особые варианты, общие с кормчими Погодинской II и Погодинской III.[2]

Таким образом, Никифоровский III список восходит к тому списку, к которому восходит протограф Погодинских II и III списков; причем Никифоровский III представляет одно ответвление, а Погодинские II и III представляют другое ответвление той же ветви.

На последних листах рукописи (860 об. — 861 об.) написано деяние московского церковного собора 7080 (1572) г. об утверждении четвертого брака царя Ивана Васильевича (Грозного).

ВАРИАНТЫ ИЗ СПИСКОВ ПРАВДЫ РУССКОЙ НИКИФОРОВСКОГО II (Н II И НИКИФОРОВСКОГО III (Н III) В СРАВНЕНИИ СО СПИСКОМ ФЕРАПОНТОВСКИМ

Настоящая сводка служит дополнением к общей сводке вариантов к Ферапонтовскому списку, напечатанному в I томе настоящего издания на стр. 245—263. Номера вариантов указываются согласно с этой сводкой и с указанием номеров статей по изданию. Варианты, имеющиеся лишь в списках Никифоровском II и Никифоровском III, означаются звездочками; для удобства нахождения в тексте мест этих вариантов указываются соседние с ними слова текста.

---

[1] Том I наст. изд., с. 41, 231, 262—263.

[2] См. ниже, варианты Н III и том I наст. изд., с. 245—262 (варианты П II, П III).

К стр. 245 (ст. ст. 1—5):

1 ст. [1]НIII **Володимеровича.** [2]НII, НIII **Аще.** [X]НII *вместо* тивѫнь боѧрескъ — тивоун кнѧжь. [11]НIII словеникъ. [12]НIII 240, *но на полях тем же почерком написано* 40. *2 ст.:* [15]НII сѧ *нет.* [16]НII, НIII выкоупатисѧ. [20]НIII єго *нет.* [21]НIII *доб. заголовок* ѡ **убииствѣ.** *5 ст.:* [30]НII во ѡбщи.

К стр. 246 (ст. ст. 6—14):

6 ст.: [2]НII своеѧ *7 ст.:* [X]НII *вместо* всѧкоа — всѧкыѧ. *9 ст.;* [XX]НII *вместо* на ротъ соути — соути на ротъ. [20]НII прикладнаѧ. [24]НII съсадНаго. *10 ст.:* [25]НIII *вместо* ѡ **оуроцѣх** — ѡ **се** ѡ **вирах.** *11 ст.:* [29]НIII Аще

К стр. 247 (ст. ст. 15—28):

19 ст.: [12]НIII аже. *20 ст.:* [14]НII Аще. *22 ст.:* [21]НIII аже ли до гривны золота *нет* [X]НII *вместо* по своѣ коуны — по своеи коуны. 23 ст.: [XX]НII *вместо* 12 грївенъ продажѣ *было написано* 12 гривенъ за продажю, *но слово* за *зачеркнуто киноварью и в слове* продажю *букза* ю *переправлена в* и. *25 ст.:* [XXX]НII *вместо* тылѣснію — тылѣсю. *26 ст.:* [31]НII, НIII *вместо* протівѫ томѫ — томоу противоу. [XXXX]НII *вместо* нѣтоуть — нѣтȣ.

К стр. 248 (ст. ст. 29—35):

29—31 ст. ст.: [X]НII *вместо статьи 29—31 написано* ѡ **моужи кровавѣ.** Аще прідет кровавъ моужь на дворъ, или синь. писал назади. *33 ст.:* [36]НII Аще. [37]НIII *вместо* 3 грівны — гривна. *34 ст.:* [38]НIII Аже.

К стр. 249 (ст. ст. 35—38):

35 ст.: [3]НIII не рцы. [10]НIII и *нет. 37 ст.:* [18]НII что боудет. [20]НII, НIII ли. [X]НII, НIII *вместо* іли скотіноу — ли скотиноу. *38 ст.:* [26]НII Аще. [XX]НIII *вместо* поимет и — поимет е. [29]НII, НIII а тои.

К стр. 250 (ст. ст. 38—45):

40 ст.: [9]НII *вместо* Аже — А иже. [16]НIII держать. [18]НIII и *нет.* [X]НII *вместо* видели и свѧзана — видѣли свѧзана (*нет* и). *41 ст.:* [XX]НIII *вместо* крадет — украдет. 42 *ст.:* [XXX]НII *нет заголовка* ѡ татбѣ. *43 ст.:* [29]НIII *вместо* то колико — толико. *44 ст.:* [31]НII, НIII ꙑж(е). *45 ст.:* [34]НII, НIII ли *нет.* [XXXX]НIII *вместо* лица — лице.

К стр. 251 (ст. ст. 45—50):

45 ст.: [4]НIII *доб.* кун. [5]НIII *доб.* за молоко коровье 6 ногатъ. [7]НIII князю. *46 ст.:* [9]НIII Аще *но на полях против написано тем же почерком* Аже. [X]НII *вместо* къ ист҆цѫ — истьцоу (*нет* къ). *47 ст.:* [15]НIII кун. [XX]НII *вместо* на дроузѣ — на на дроузѣ. [18]НIII *доб.* коуны зане же. [19]НII въведоут; НIII введе. *48 ст.:* [XXX]НII *вместо* сѧ запирати — запиратисѧ. [VXXX]НII *вместо* нѣтоут(ь) — нѣтоу. [32]НII еси оу мене. [33]НIII благодѣꙑл. *50 ст.:* [37]НII дает коуны. [XXXXX]НII *вместо* в рѣзъ — в рѣзы.

К стр. 252 (ст. ст. 51—54):

53 ст.: ⁹НIII **Владимира.** ¹³НIII Всеволодовичь. ˣНIII *вместо* Берестовѣм — Бестовѣм. ¹⁵НII Прокопіа. ˣˣНIII Прокоп(ь)ѩ Бѣлогородцкаг(о) тысяцког(о) *в тексте пропущено, но почерком писца списка написано на полях.* ¹⁸НIII Нажара. ¹⁹НIII а иже. *54 ст.*; ˣˣˣНIII *вместо* рать — рато. ³²НII истортит. ³³НII имъ.

К стр. 253 (ст. ст. 55—58):

55 ст.: ³НIII приѣдет. ⁴НIII *вместо* иного города — Новагорода. ⁷НII длъжникы, *но на правом поле против тем же почерком написано* жби *(конец этой поправки обрезан при переплете)*; НIII должніи ти. ⁸НII начноут. ˣНIII *вместо* вести и на торг — вести ім на торгъ. *56 ст.*: ˣˣНII *между словами* про то *надписана над строкой другими чернилами буква* с. *57 ст.*: ²⁸НII *нет заголовка* ѡ закоупѣ. *58 ст.*: ³²НII *вместо* копѫ — коуноу; НIII купѹ 58 ст.: ²⁸НII *нет заголовка* О закупѣ. ⁴⁰НIII заплатитъ.

К стр. 254 (ст. ст. 59—65):

59 ст.: ⁸НIII ему платиті. *60 ст.*: ˣНII *вместо* пріалъ — взѧлъ, *но на левом поле против тем же почерком написано* лъ *(начало этой поправки обрезано при переплете). 61 ст.*: ¹³НIII за ѡбидѹ платити. *64 ст.*: ˣˣНII *вместо* оуведет' что — что оуведетъ. ²⁷НII что ино боудет взѧлъ. ²⁹НII его, *но над строкой надписано тем же почерком* мѹ. ³¹НIII и *нет. 65 ст.*: ³³НIII въ храмъ. ³⁹НII, НIII аще. ˣˣˣНIII *вместо* тъи — то. ˣˣˣˣНII по ѡтци *нет*, ˣˣˣˣˣНII *вместо* сором — собором̾ъ.

К стр. 255 (ст. ст. 66—76):

66 ст.: ¹НIII складають. ²НII *доб.* не *(над строкой тем же почерком). ˣНII вместо* сложіти — возложити. *67 ст.*: ˣˣНIII *вместо* порвет бородѫ — повернет бороду. ⁶НII возмет; НIII выиметъ. *69 ст.*: ¹⁵НIII *доб.* продажы. *70 ст.*: ¹⁸НIII в *нет. 71 ст.*: ²¹НII Аще. *72 ст.*: ²³НII Аще. ˣˣˣНIII *вместо* перетнет — переткнеть. *74 ст.*: ²⁹НIII *доб.* ѡ **накладии.** ³¹НIII. кун. *76 ст.*: ³⁷НII пчелы.

К стр. 256 (ст. ст. 76—82):

76 ст.: ⁶НII пчелы. ˣНIII *вместо* боудетъ — бѹт. *77 ст.*: ¹¹НIII бѹдеть. ¹²НII слѣдъ; НIII слѣдия. ¹⁷НIII ѩже. ¹⁸НIII слѣдъ яже погоубять. ²¹НIII: ни *нет. 79 ст.*: ²⁸НII *доб.* а; НIII *доб.* а за набоиную 2 гривны. *80 ст.*: ˣˣНIII *вместо* потнет — потъкнетъ. ³²НII перевѣснѹю. *81 ст.*: ³⁵НII Аще. ³⁶НIII крадетъ. ˣˣˣНIII *вместо* продажѣ 3 гривны — продажа 3 гривны. ³⁸НIII *доб.* за тщину.

К стр. 257 (ст. ст. 83—89):

83 ст.: ¹НII Аще. ⁷НIII кто и *нет.* 85 ст.: ˣНII *вместо* Ты ж(е) — Тѣ же. ²⁰⁻²¹НII *вместо* имаю тѧ — имаютсѧ. ²⁴НIII і *нет.* ˣˣНII *вместо* платіти ємоу грівна за моукѫ — плати емоу за моукѹ гривна. *86 ст.*:

[xxx]НII *вместо* желѣзного — жезного. *87 ст.*: [33]НIII *вместо* запа на нь — запа нъ. [36]НIII *доб.* то.

К стр. 258 (ст. ст. 89—97)

90 ст.: [9]НIII будетъ. *91 ст.*: [11]НII **О задницѣ боıаръствѣ.** [x]НII *вместо* за кнѧзѧ задница не идетъ — задница за кнѧзѧ не идет. [xx]НIII *вместо* ѡже не бѫдеть — ѡже се будетъ. *92 ст.*: [xxx]НII *вместо* пакы ли без рѧдоу ѹмрет — без рѧднѹ ли пакы оумрет. *93 ст.*: [17]НIII *доб.* же. *95 ст.*: [27]НIII задницы. *96 ст.*: [32]НIII ѡ ѹроцѣ. [40]НIII рыбѹ. [xxxx]НII *ст. ст. 96 и 97 написаны после ст. 106, а за ст. 97 написаны ст. 107 и ст. 109. 97 ст.*: [xxxxx]НII *вместо* моста ветхаго — ветхаго моста.

К стр. 259 (ст. ст. 97—103):

97 ст.: [1]НIII *вместо* мостникоу — мостнь. *98 ст.*: [x]НII *нет заголовка* О задницѣ ж(е). [7]НII *вместо* с матерію — смертію, *но на правом поле против тем же почерком написано* с ма *(конец этой поправки обрезан при переплете)*; НIII смертию. *99 ст.*: [xx]НII *вместо* в домѫ дѣти малы — дѣти малы в домѹ. [10]НIII джі *нет. 100 ст*: [27]НIII *доб.* ѿтечен. [xxx]НII *после ст. 100 написана ст. 108 без заголовка* А се о задници, *а затем ст. ст. 101—106. 101 ст.*: [34]НII *вместо* ти платіти — то плати. *102 ст.*: [xxxx]НII *после слов* хотѣти и сидѣти *было написано* Или свою час *и зачеркнуто киноварью.* [44]НIII и. [45]НIII дастъ *нет.* [46]НII же *нет.*

К стр. 260 (ст. ст. 103—111):

105 ст.: [13]НIII лихи. *106 ст.*: [x]НII *после ст. 106 написаны ст. ст. 96 и 97 (см. выше примеч.* [xxxx] *к стр. 258), затем ст. 107 и ст. 109 (без заголовка* а се ѹрѡци ротніи*) и потом ст. ст. 110—121 (ст. же 108 написана после ст. 100, см. прим.* [xxx] *к стр. 259). 107 ст.*: [xx]НII *вместо* оурѡцы соудебніи — соудебніи оуроцы. [xxx]НII метелникоу 9 вѣкошъ *нет.* [xxxx]НIII *вместо* инѣх — инѣ. *110 ст.*: [34]НII *вместо* поиметь ли — пoиме ли. [36]НIII *доб.* поиметь ли с рядомъ. [xxxxx]НII *вместо* како сѧ бѹдет рѧдилъ — како же боудетъ рѧдилъ. [39]НIII и *нет.* [xxxxxx]НIII *вместо* и стоит — стоите.

К стр. 261 (ст. ст. 111—118):

111 ст.: [1]НII хотѧт. [2]НIII тогда. *113 ст.*: [4]НII Аще. [13]НII повесть; НIII вѣсти. [x]НIII *вместо* не оублюдеть — не блюдетъ. [16]НII рабоу [17]НIII и. *114 ст.*: [20]НIII или. [23]НIII и. [25]НIII *доб.* его. [26]НII *доб.* его. [xx]НII *после слов* а не платит(ь) *доб.* емоу. *117 ст.*: [48]НII *доб.* ли. [49]НIII холоп пуститъ.

К стр. 262 (ст. ст. 118—121):

120 ст.: [6]НIII *вместо* бѣжа, а — бѣжаѧ. *121 ст.*: [16]НII, НIII ѩ. [19]НIII будетъ. [x]НII *вместо* свобѡдныѣ с ним — свободнынѣ с ким.

К той же 262 стр. (приложение — статьи о послушестве и о мужи кроваве):

[22]НIII Владимира. [30]НII, НIII кровавѣ. [31]НII, НIII кровавъ. [33]НII почалъ. [x]НII *вместо* аще же и кровавъ прiидет iли бѫдет сам почалъ — аще же и кровавъ боудетъ или самъ почалъ. [39]НIII и. [41]НIII *вместо* за платеж' — заплатити же. [xx]НII *вместо* Аще ж(е) оударитъ мечем — Аще оударит мечемъ.

К стр. 263 (конец статьи о мужи крове):
[4]НIII ли. [12]НIII и.

НИКИФОРОВСКИЙ II СПИСОК ПРАВДЫ РУССКОЙ И СОКРАЩЕННАЯ ПРАВДА

I

Если уже и раньше было ясно, что сокращенная Правда происходит от одного из списков Правды Ферапонтовского вида,[1] то с обнаружением Никифоровского II списка вопрос этот разрешается с полной очевидностью.

Кратко главные наблюдения тут сводятся к следующим.

1) Состав кормчих Толстовской IV и Оболенского, заключающих сокращенные списки Правды, тот же самый, что и состав кормчей Никифоровской II, с теми лишь отличиями, что в названных двух кормчих, с сокращенными списками Правды, в конце есть добавленные статьи, и кроме того, шесть незанумерованных статей, которые в Никифоровской II кормчей помещены в начале (и о которых мы говорили выше), — в кормчих с сокращенной Правдой перенесены в конец кормчих и занумерованы соответствующими порядковыми номерами.[2] При этом надо отметить, что Никифоровская II кормчая — это единственная известная теперь кормчая с таким составом.

2) Окружение текста сокращенной Правды то же, что и в Никифоровской II кормчей, с тем только отличием, что из двух статей, стоящих в Никифоровской II кормчей перед текстом Правды, одна — о послушестве — выпущена, а другая — о мужи кроваве — перенесена в текст Правды, в котором она заняла место в начале, непосредственно после 1-й статьи об убийстве, причем, как статья об убийстве, так и статья о мужи кроваве подверглись сокращениям, как и другие статьи Правды.

---

[1] В. П. Любимов. Списки Правды Русской, т. I наст. изд., с. 51; его же, Смерд и холоп. Исторические записки, № 10, 1941, с. 76.

[2] В Толст. IV два заглавия к кормчей, имеющиеся в конце кормчей Оболенск., и три статьи за ними (об установлении патриаршества у болгар и сербов и два Слова о соборах) выпущены. Ср. Никиф. II, лл. 5—19 об., Оболенск., лл. 498 об.—519, Толст. IV, лл. 431 об.—436.

3) Сравнение кормчих Толстовской IV и Оболенского с Никифоровской II наглядно объясняет нам и то, почему сокращенной Правде, предшествует текст так называемого церковного устава князя Владимира, совпадающий с текстом этого устава, помещающегося в этом же месте в Никифоровской II кормчей, с некоторыми лишь небольшими пропусками в кормчих с сокращенной Правдой.[1] Это же сравнение объясняет и происхождение тут неподходящего заглавия к уставу Владимира, которое, как и в кормчей Никифоровской II, представляет по своему содержанию заглавие не к этому уставу, а к тексту Правды. Различие здесь только в следующем. В Никифоровской II кормчей заглавие „Сꙋд ꙗрославль Володимерича" написано дважды — и перед уставом Владимира и перед текстом Правды. Составитель же кормчей с сокращенной Правдой сохранил это заглавие только в одном месте — перед уставом Владимира, прибавив к нему лишь слово „указъ"; получилось „Судъ Ярославль Володимерича указъ" (Толст. IV, л. 411, Обол., л. 450 об.). А перед текстом Правды это заглавие устранено, и там осталась только вторая часть обычного заглавия к Правде: „Правда Руская".

4) Из двух кормчих с сокращенной Правдой одна — кормчая Оболенского — сохраняет в точности и номера глав Никифоровской II. И Правда Русская здесь (вместе с так называемым церковным уставом Владимира) входит также в гл. 94-ю, как и в Никифоровской II. В Толстовской же IV эта глава занумерована как гл. 92-я, что произошло вследствие того, что в ней две главы из написанных выше, занумерованные в кормчих Никифоровской II и Оболенского, как главы 84-я и 85-я, вынесены в начало кормчей, где и написаны без нумерации. Такая частичная работа по пересоставлению кормчей Толстовской IV не помешала, однако, тому, что текст как Правды, так и других глав этой кормчей, остался более близким к Никифоровской II, чем текст кормчей Оболенского.[1]

5) Перенесение в текст сокращенной Правды предшествующей ему статьи о мужи кроваве было уже подготовлено работой составителя Никифоровской II кормчей (или предшествующей кормчей того же состава, если таковая была), который, во-первых, как указано выше, из всех статей „о послусех" сохранил только две статьи, из которых последней и была статья „о мужи кроваве", во-вторых, не написал в тексте Правды статью о мужи кроваве (по киноварному делению это одна статья, по условному делению в изданиях три статьи, 29—31, том I наст. изд.), а только сослался на помещение им соответствующей статьи „назади"

[1] В изд. Устава Владимира 1920 г. списки этого устава Толстовский IV и Оболенского только указаны (№№ 17 и 5), но не использованы (вариантов не приведено и не указаны пропуски) — см.: Памятники древне-русск. канонич. права, ч. II, вып. 1, РИБ, XXXVI, Пгр., 1920, с. 35.

статей, предшествующих Правде, выразив это так: „ѡ моужи кровавѣ. Аще прїдет кровавъ моужь на дворъ, или синь. писал назади“ (Никиф. II, л. 382). Он даже помог составителю кормчей с сокращенной Правдой заметить это, написав киноварью букву „п“ в слове „писал“ и букву „н“ в слове „назади“. Таким образом, в тексте Правды, по которому работал составитель сокращенной Правды, уже не было статьи о мужи кроваве. И ему оставалось или писать Правду без этой статьи или взять ее из того именно места, на которое и указано в Никифоровской II. Он избрал последнее, причем поместил статью близко к прежнему ее месту: в Никифоровской II кормчей статья о мужи кроваве помещалась непосредственно перед заглавием Правды; теперь же она заняла место близко после заглавия, а именно после 1-й статьи об убийстве. И в той и другой статьях (об убийстве и о мужи кроваве) составитель сделал сокращения.

6) Изложенная выше работа составителя Никифоровской II (или предшествующей) кормчей подготовила отчасти и облегчила составителю сокращенной Правды и работу вообще по сокращению и систематике текста. Так, помещение в Никифоровской II всего того, что есть в Правде о закупах, под одним заголовком „ѡ закоупѣ“, и перенесение к одному месту статей об уроках городнику, мостнику, о судебных и о ротных уроках (с пропуском и тут одного заголовка), — все это естественно облегчало составителю сокращенной Правды пропуск сразу этих отделов статей, совсем не подходивших к XVI—XVII вв. В то же время указанное вынесение в Никифоровском II сп. статей об уроках городнику и мостнику из ряда статей о наследстве (с выпуском также двух заголовков в статьях о наследстве) привело к тому, что уже в Никифоровском II все, что касалось порядка боярского наследования, объединилось под одним заголовком, составив, таким образом, одну статью (хотя некоторые из этих положений относились и к другим слоям населения); так это перешло и в сокращенную Правду, подвергшись только сокращениям.

7) Сокращенная Правда, происходя от Ферапонтовского вида, естественно имеет много чтений, находящихся во всех списках этого вида (а также и вида Розенкампфовского, поскольку Ферапонтовский вид является производным от Розенкампфовского),[1] в этом числе и чтения Никифоровского II, являющегося одним из списков Ферапонтовского вида. Вместе с тем мы в сокращенной Правде находим и особые чтения Никифоровского II сп., которые не присущи другим спискам Ферапонтовского вида. Вот эти чтения:

а) Вместо „видели и свѧзана“, как читается в Ферапонтовском сп. и других списках этого вида, в Никифоровском II и сокращенной Правде

---

[1] К сожалению, в Толстовской IV много тетрадей утеряно, и потому во многих случаях приходится ссылаться только на кормчую Оболенского.

(Толст. IV и Оболенск.) написано „видѣли свѧзана“, т. е. пропущено „и“ (означающее „его“ — ст. 40); б) вместо „коуны дает“ написано „дает коуны“, т. е. переставлены слова (ст. 50); в) вм. „длъжбити“ напис. „длъжникы“, в сокращ. Правде „должники“ (ст. 55); г) вм. „вънмет знаменіе“ напис. „возмет знаменіе“ (ст. 67); д) вм. „пакы ли без рѧдоу ѹмрет“ напис. „без рѧдну ли пакы оумрет“, т.-е. изменено одно слово и переставлены слова (ст. 92); е) пропущен заголовок „О задницѣ же“ и начальное „а“ в слове „аже“ написано чернилами и как малая буква „а“, вместо киноварного „А“ (ст. 98); ж) вм. „аже ли боудѹт в домѫ дѣти малы“ напис. „аже ли боудѹт дѣти малы в домѹ“ (перестановка слов — ст. 99).

Сюда же надо отнести написание в Никифоровском II и в сокращенной Правде „что будет татебно коупил“ вместо „бѫдет что татебно кѫпил“ (ст. 37), потому что, хотя чтение с такой же перестановкой встречается и еще в двух списках Ферапонтовского вида — Погодинском II и Погодинском III, но поскольку в этих последних нет других указанных чтений, ясно, что это случайное самостоятельное изменение Погодинских списков (составляющих одно ответвление, тогда как даже в Никиф. III, принадлежащем к той же ветви, но к другому ответвлению, перестановки нет).

Помимо того, нельзя не обратить внимания и на то, что и в Никифоровском II и сокращенной Правде написано „вѣру“, „вѣре“, „вѣры“ вм. „віру“, „вирѣ“, „віры“ Ферап. списка (ст. ст. 8, 18, 19, 89), также в сокращенной Правде „аще“ вм. „аже“ в тех статьях, в которых и в Никифоровском II „аще“ вм. „аже“; а там, где „аже“ в Никифоровском II, сохраняется „аже“ и в сокращенной Правде (ст. ст. 98, 99).

II

Таким образом, в кормчих Толстовской IV и Оболенского мы находим тот же текст, что и в Никифоровской II, но только с пропусками и некоторыми изменениями.

Покажем эту сократительную работу хотя бы на статье о мужи кроваве, которую составитель перенес в Правду из предшествующего ей текста. Привожу текст по Никифоровской II кормчей, поставив в прямые скобки места текста, выпущенные в сокращенной Правде:

„Ѡ моужи кровавѣ. Аще пріидет кровавъ моужь на дворъ, или синь. то видока емоу не искати. но платити емоу продажа, за бес‘честіе какѡвъ боудет. аще [ли] не будет на нем знаменіѧ. то привести емоу видокъ. слово противѹ слова. [а кто боудет почалъ томоу платити коуны въ что

---

[1] В. П. Любимов. Списки Правды Русской. Том I наст. изд., с. 50—51; его же. Смерд и холоп. Исторические записки, № 10, 1941, с. 75—76.

и ѡбложат. аще же и кровавъ боудетъ. или самъ почалъ. а вылезоут послѹси. то то емоу за платежь. ѡже и били]. Аще оударит мечемъ или ножем, а не [оутнет] на смерть. то кнѧзю вины 9 гривенъ. а исцѹ за раноу сѹдѧт. [а ѡже лѣчебное. потнет] ли на смерть. [то вѣра платити. аще] ли пехнет [моужь моужа. любо к себѣ любо(о) от себе. любо по лицѹ оударит.] или жердію оударит. а без знаменіа, а видокъ боудет. [бесчестіе емоу платити.] аже боудет болѧринъ [великих болѧръ, или мен'ших болѧръ.] или людинъ [горѡдскыи.] или [селѧнинъ.] то по его поути платит(и) бесчестіе. [а ѡже боудет] варѧгъ. [или колобѧгъ.] крещеніа не имѣѧ. [а боудет има бои] а видока не боудетъ. ити има ротѣ по своеи вѣрѣ. а любо] на жребіи. а виноватыи въ продажи въ что [и] ѡбложатъ" (Никиф. II, л. 380 об.—381, Толст. IV, лл. 412—413, Оболенск., л. 451 об., ст. ст. 29—31 Простр. Пр. по академ. изд. Правды).

Пропуск указанных (в прямых скобках) частей текста соединен с перестановками слов в двух местах и с изменением некоторых слов: а) вместо оставшихся после пропуска слов „ли на смерть. ли пехнет или жердію оударит. а без знаменіа" написано „аще ударит на смерть жердию или попехнет а знамения нѣтъ"; б) вместо также оставшихся слов „аже боудет болѧринъ или людинъ. или то по его пути платит(и) бесчестіе. варѧгъ крещеніа не имѣѧ" написано „аще будет бояринъ, или людинъ, или варягъ крещения не имѣя то по их пути платити безчестие"; в) далее вместо союза „а" написано „аще" и вместо „има" — „им".

Так упорядочен тут текст, что было необходимо, ибо пропуск ряда слов приводил к неувязкам в тексте; но, как видим, составитель от себя тут ничего не прибавил.

В этом же роде сокращения и в других местах в тексте Правды, и не только в Правде, но и в ряде других глав кормчих Толстовской IV и Оболенского, хотя и не во всех главах. Сокращения эти до сих пор исследователями не были замечены. Очень подходят сокращения, произведенные в Избрании из законов Моисеевых, особенно в отношении глав (или статей, как мы их назвали бы) этого Избрания, касающихся казусов прелюбодеяний, которые естественно должны были особо интересовать духовенство, по подсудности таких дел церковному суду.[1]

---

[1] Ср.: Никиф. II, лл. 400—404; Оболенск. лл. 459—463; Толст. IV, лл. 416 об.—417 (в Толст. IV сохранился только конец), см. особенно гл. гл. 31, 44 Избрания из законов Моисеевых (по Никиф. II и другим кормчим это гл. гл. 23, 26 Избрания — разница номеров объясняется тем, что составитель кормчей с сокращенной Правдой изменил в тексте Избрания расположение материала).

Но рука составителя данной кормчей (от коей идут Толстовская IV и Оболенского) затронула и другие части законов Моисеевых. Некоторому сокращению и изменению подверглась даже одна из „заповедей божиих“, а именно последняя — десятая заповедь. Приведем текст ее по Никифоровской II кормчей (сходный с другими кормчими), поставив и здесь в прямые скобки выпущенные места текста:

„Не похощеши жены ближнѧго своего. ни села его. ни раба его. ни [рабыни его. ни ослѧти его. ни всякомоу же] скотоу его. [і] елико ж(е) [соуть] ближнѧго твоего.“ (Никиф. II, л. 400 об., ср. Оболенск., л. 460 об.).

Выкинув указание на рабыню (под словом „раб“ можно было разуметь и рабыню) и на осла (ослов на Руси и не было), составитель изменил также согласование, написав „скота“ вместо „скотоу“, и в конце для обобщения прибавил: „ничего не похоти“.

Получилось следующее: „Не похощеши жены ближняго своего ни села его ни раба его ни скота его елико же от ближняго твоего, ничего не похоти“. (Оболенск., л. 460 об.).

Пропуски и изменения здесь прямо напоминают ту форму обобщения, какую мы находим в самом начале сокращенной Правды, где вместо перечисления разных категорий населения сказано: „любо разсꙋдити по муже смотря“ (ст. 1). К такой формулировке составителя должны были склонять и выражения статьи о мужи кроваве, которую он только что перед тем прочел перед текстом Правды: „платити емоу продажа, за бес́честіе какѡвъ боудет... платити коуны въ что и ѡбложат... по его поути платити бесчестіе...“.

А устранение из текста Правды всех имен и названия места (Берестово) можно сопоставить с устранением, напр., в кормчих Толстовской IV и Оболенского конкретных географических указаний. Так, в одной из глав по брачному праву (гл. о беззаконных браках), в которой речь идет о некоем Петре Вамвиле, пропущены слова о том, что этот Петр „от Елады сыи родомъ. чадо сыи о господѣ“, т. е. наш составитель считает излишним упоминать, что этот Петр происходил из Греции (Эллады), что было в Никифоровском II, как и в других кормчих. Также в Фотиевом номоканоне в этой кормчей среди ряда сокращений можно отметить в нескольких местах пропуск указания (имеющегося в Никифоровском II и других кормчих) на то, что 6-й вселенский собор был в Константинополе (ср.: Никиф. II, лл. 214 об.; 414 об.; Оболенск., лл. 245 об., 469 об.).

Все такого рода факты в своей совокупности приводят к заключению, что сокращение текста Правды Русской было делом самого составителя (или составителей) той кормчей, от коей и идут дошедшие до нас кормчие Толстовская IV и Оболенского. Кормчая эта была состав-

лена по кормчей Никифоровской II (или ближайшей к ней, предшествующей, либо последующей, если таковые были) и по некоторым другим материалам, использованным в конце кормчей.

Дополнительными статьями, взятыми из этих последних материалов, являются девять статей, посвященных в целом одной общей теме — о духовном просвещении светом веры Христовой, причем особенное внимание обращено на просвещение книжное.

Первые семь статей из них следующие: а) „Ѡ миноувшем и настоящем и не бывшем", — статья касается просвещения святым крещением; б) „Завѣтъ новъ" — отрывок из Сказания Кирилла Туровского о черноризстем чине; в) „Ѡт старчества о врачебницѣ душевнеи"; г) список книг истинных и ложных; д) сказание черноризца Храбра о составлении славянской азбуки; д) отрывок из Палеи о проповеди веры христовой; е) „От жития св. Стеѳана о грамотѣ пермстѣи" — извлечения из жития Стефана (составл. Епифанием Премудрым в нач. XV в.) — главным образом о составлении им азбуки для пермяков (Толст. IV, лл. 421 об. — 431; Оболенск., лл. 483—489 об.; в Толст. IV многие листы утеряны).[1]

Затем через несколько листов (за главами, перенесенными из начала Никифоровской II кормчей, о коих мы говорили выше) еще две статьи: ж) легенда о посещении Руси апостолом Андреем; з) проложное житие св. Владимира (Толст. IV, лл. 436 об. — 439; Оболен., лл. 519—521 об.).

III

Сокращенная Правда, как это уже давно отмечалось исследователями и особенно подробно разработано недавно Н. А. Максимейко, имеет ясные московские черты XVI—XVII вв.[2] На то же указывают и другие

---

[1] Это собрание статей производит впечатление сборника или части сборника. Три статьи своими заглавиями сходны со статьями Румянцевского сборника XVI в. № 359: „ѡт старчества" (отрывок), Палея (полностью) и „Слово свѧт(а)го Стефана епископа Пермьскаг(о), нако сложил азбꙋкꙋ пермскꙋю и крестил и просвѣтил", причем первая из них по содержанию, однако, не совпадает (может быть, из другой части того же произведения), зато последняя — Слово Стефана — дает часть такого же текста, что и в кормчих Толст. IV и Обол., но без сокращений (Н. Калачов. О значении Кормчей в системе древнего рус. права. М., 1850, с. 27, под № 11). Не послужил ли для обеих рукописей один и тот же источник (сборник)?

[2] Н. А. Максимейко. Московская редакция Русской Правды. Проблемы источниковедения, сборник третий, М—Л., 1940, с. 127—162; в этой же статье см. и сводку прежних мнений о сокращенной Правде (Ланге, Мрочек-Дроздовского, Сергеевича и др.), с. 127—132. Но Н. А. Максимейко, как и прежние исследователи, рассматривает вопрос о сокращенной Правде в отрыве от состава кормчих, в коих находятся сокращенные списки Правды, и потому не мог избежать известных увлечений, что свойственно и некоторым другим работам заслуженного автора.

статьи кормчих Толстовского IV и Оболенского. Так, например, в церковном уставе Владимира вместо „по прьвых царевъ оурѧженію" читаем „по первых цареи уложению", и т. п. К Московской Руси XVI—XVII вв. и следует отнести составление такой кормчей.[1]

Происхождение Ферапонтовского вида Кормчей относится к середине XVI в.[2] Никифоровская II кормчая датируется третьей четвертью XVI в. (всего вероятнее, судя по бумажным знакам, шестидесятыми годами XVI в.). Из кормчих с сокращенной Правдой Толстовская IV написана приблизительно в середине XVII в., а кормчая Оболенского во второй половине XVII в. Сравнение состава этих кормчих между собою и текста их, в том числе и текста Правды по обеим кормчим, показывает, что они не происходят одна от другой, а обе самостоятельно восходят к одному общему протографу, который, таким образом, мы должны отнести ко времени до середины XVII в.[3]

Все сказанное приводит к заключению, что кормчая с сокращенной Правдой была составлена в Москве или вообще в пределах Московской Руси во второй половине XVI в. (не ранее 60-х годов) или в первой половине XVII в., и что сокращенная Правда представляет сокращенный текст Никифоровского II списка Правды или списка, близкого к нему, со включением в него, также с сокращениями, особой статьи о мужи кроваве.

Изучение сокращенной Правды и дóлжно вести как в связи с ее окружением, т. е. в связи с историей тех кормчих, в коих мы ее находим (а отсюда значение Никифоровской II кормчей), так и в связи с другими памятниками права и письменности Московской Руси XVI—XVII вв.

---

[1] Особое место занимает мнение М. Н. Тихомирова о том, что сокращенная Правда происходит от особого древнего источника, а именно, что „источником Сокращенной Правды был какой-то памятник, появившийся раньше той редакции Краткой Правды, которая сохранилась до настоящего времени" (М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов, М.—Л., 1941, с. 192, 183—197 и др.; о том же см.: Русская Правда, вступит. статью и комментарий составил М. Н. Тихомиров, М., 1941, с. 24—26 и др.). На неосновательности концепции М. Н. Тихомирова я остановлюсь в подготовляемой мною общей работе по истории текста Правды Русской.

[2] В. П. Любимов. Списки Правды Русской. Том I наст. изд., с. 50—51; его же Смерд и холоп. Исторические записки, № 10, 1941, с. 75—76.

[3] Так, в кормчей Толст. IV есть особые добавленные в конце статьи, которых нет в кормчей Оболенского; списки Правды Толст. IV и Оболенского имеют поновления, разные в том и другом из них, и т. д. (см. варианты в I т. наст. изд., с. 269—272).

СХЕМА

СООТНОШЕНИЯ НИКИФОРОВСКОГО II СПИСКА ПРАВДЫ РУССКОЙ И СОКРАЩЕННОЙ ПРАВДЫ (И БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ ИХ)

Из Никифоровской II кормчей	Из Толстовской IV кормчей
(Л. 380). 94[1]	(Л. 411). Глава 92 (*по кормчей Оболенского* Глава 94)[1]
Сꙋд Ꙗрославль Володимерича. Се азъ кнѧѕь Володимеръ. поставих церковь свѧтыѧ богородица в Кіевѣ. и дах церкви тои десѧтинꙋ по всеи роускои земли	**Судъ Ярославль Володимерича указъ.** Се аз кнѧзь Володимер. поставих церковь святыя богородицы в Киевѣ, и дах церкви тои десятину по всеи рускоі земли. . . . . . .
(Л. 380 об.)... аже боудет иномоу человѣкꙋ с тем рѣчь. то ѡбщіи соуд; **Волод(и)мера кнѧѕѧ. сꙋд ѡ послꙋшествѣ.** На послꙋшьство на холопа не складають. . . по нꙋжи сложити на закꙋпа. **ѿ моужи кровавѣ.**	(Л. 412)... аж(е) будет иному человѣку с тѣми рѣчь то ѡбчіи сꙋдъ. **Правда руская.** Аще уб(ь)ет муж мужа. то мстити брату брата любо ѡтцꙋ любо сынꙋ. ѡже ли не будет кто его мстя то положити за голову 80 гривен, любо разсꙋдити по муже смотря. **ѡ мужи кроваве.**
Аще прідет кровавъ моужь на дворъ, или синь. то видока емоу не искати. но платити емоу продажа, за бес҃честіе какѡвъ боудетъ. аще ли не боудет на нем знаменіѧ. то привести емоу видокъ. слово противꙋ слова. а кто боудет почалъ томоу платити коуны въ что и ѡбложат. аще же и кровавъ боудетъ. или самъ почалъ. а вылезоут послꙋси. то то емоу за платежь. ѡже и били. Аще оударит мечемъ или ножем, а не оутнет на смерть. то кнѧзю вины 9 гривенъ. а исцꙋ за	Аще пріидет кровавъ муж на двор, или синь то видока ему не искати. но платити ему продажа, за бесчестие каков будет. аще не будет на нем знамения то привести ему видок, слово противу слова. Аще ж (е) ударит мечем или ножем, а не на смерть. то князю вины 9 гривен. а исцꙋ за рану сꙋдят. (Л. 412 об.) Аще ударит на смерть жердию или попехнет а знамения нѣтъ, а видок будет, аще будет болярин, или людинъ, или варягъ крещенія не имѣя то по их пути

[1] В этих трех кормчих — Никиф. II, Толст. IV и Оболенского — номера глав означены на полях рукописей, причем данная глава в Толст. IV числится не как 94-я, а как 92-я, вследствие того, что две главы в Толст. IV кормчей, занумерованные в кормчих Никиф. II и Оболен., как главы 84-я и 85-я, вынесены в ней в начало кормчей (где и написаны без нумерации); номера последующих глав уменьшены поэтому на 2 (в самом конце Толст. IV выпущена еще одна глава, и номера последующих двух ее глав стали меньше на 3).

раноу сꙋдѧт. а ѡже лѣчебное. потнет ли на смерть. то вѣра платити. аще ли пехнет моужь моужа. любо к себѣ люб(о) от себе. любо по лицꙋ оударит. или жердію оударит а без знаменіа а видокъ боудет. бесчестіе емоу платити. аже боудет болѧринъ великих болѧръ, или мен'ших болѧр. или людинъ горѡдскыи. или селѧнинъ. то по его поути платит(и) бесчестіе. а ѡже боудет варѧгъ. (Л. 381) или колобѧгъ. крещеніа не имѣѧ. а боудет има бои а видока не боудеть. ити има ротѣ по своеи вѣрѣ. а любо на жребіи. а виноватыи въ продажи въ что и обложатъ; **Соуд Ꙗрославль Володимеричѧ. правда роускаѧ.** Аще оубіеть мꙋжь моужа. то мстити братоу брата. любо ѡтцоу, любо сыноу. любо братоучадꙋ. любо братню сынови. ѡже ли не боудет кто его мьстѧ. то положити за головоу 80 гривенъ. аще боудеть роусинъ любо гридъ. любо коупець, любо изгои. любо словенинъ. то 240[1] гривенъ положити за нь.

(Лл. 381—382). *Статьи 2—28.*

(Л. 382). *Вместо ст. 29—31 написано;* ѡ **моужи кровавѣ.** Аще прідет кровавъ моужь на дворъ, или синь. Писал Назади

(Лл. 382—386). *Статьи 32—89.*

платити безчестие. Аще видока не будет. ити им на жребіи, а виноватыи в продаже во что обложат.

(Л. 412 об.). *Статьи 7—8, 18—19 с сокращениями (статей 2—6, 9—17, 20—28 нет).*

(Л. 412 об.)

Этой фразы нет — ср. выше текст после ст. 1-ой (лл. 412—412 об.)

(Лл. 412 об. — 414 об.) *Статьи 33, 35, 37, 39—41, 45—46, 49—50, 54—55, 67—71, 73, 75—77, 81—85, 88—89 с сокращениями (статей 32, 34, 36, 38, 42—44, 47—48, 51—53, 56—66, 72, 74, 78—80, 86—87 нет).*

[1] Так написано в списках Розенкампфовского и Ферапонтовского видов: 240 (вместо 40). Число это представляет, повидимому, 40, помноженное на 6, соответственно шести категориям населения, перечисленным здесь — гридъ, коупець и т. д. (не считая общего названия „роусинъ").

(Лл. 386—386 об.). *Статьи по наследственному и опекунскому праву, написанные к одному месту: 90—95, 98—100, 108, 101—106.*

(Лл. 386 об. — 387). *Статьи об уроках городнику и мостнику и о судебных и ротных уроках, написанные к одному месту: 96—97, 107, 109.*

(Лл. 387—387 об.). *Статьи 110—121 (о холопстве).*

(Лл. 414 об. — 415). *Статьи 91—95, 98—100 с сокращениями (статей 90, 108, 101—106 нет).*

Этих статей (96—97, 107, 109) нет.

(Лл. 415—415 об.). *Статьи 110—118, 120—121 с сокращениями (ст. 119 нет).*

Конец текста Правды (*из ст. 121*):

(Л. 387 об.)... аже ли боудѹт свободнынѣ с ким крали или хоронили, то кнѧсю в҆ продажи;

95.[1]

Слово Сирахово на немилостивыѧ цари и к҆нѧ.[2] иже неправдою соудѧтъ

Слышите цари и кнѧѕи. разоумѣите внoушите дръжащіи власть величающесѧ ѡ народех...

(Л. 415 об.)... аще ли с ним свободніи крали или хоронили, то тѣ князю в продажѹ.

Глава 93 (*по кормчей Оболенского* Глава 95)[1]

Сирах[3] рече на немилостивыя цари и княѕи и на неправедныи сѹдъ. Слышите цари и князи, и неправедніи судіи, разумѣите и внушите. держащеи власть величающеся ѿт народѣхъ...

---

[1] Номера глав Кормчей означены на полях рукописей (о причине уменьшения номеров глав в Толстовской IV на 2 см. выше прим. к началу данной схемы.

[2] *Так в рукописи не дописано* к҆нѧ.

[3] *Заглавие это в рукописи написано в строку за текстом Правды*... кнѧзю в продажѹ. Сірах рече... и т. д.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Корректор *Ю. Д. Левин*

РИСО АН СССР № 2611. М-05982. Подписано к печати 6/VIII 1947 г.
Формат бумаги 82×108. Печатн. л. 54. Уч.-изд. л. 74. Тираж 5000. Зак. № 953.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
801	14 сверху	Ἄγριος	Ἄγριος *4:* 276
802	2 снизу	Hypobolum *93:* 642; *1*	Hypobolum *93:* 6.2; *102:* 675
803	20 сверху	Schaldruecht	Schuldknecht
803	13 снизу	Oranbot	Oranbot *20:* 152
803	15 „	Seciti *1:* 46; см. wrumu	Sociti *1:* 46; см. сочити